

Леонид Смиловицкий (1955) - доктор исторических наук, научный сотрудник Центра диаспоры при Тель-Авивском университете (с 1995), занимается изучением истории евреев Белоруссии. Публикуется в Израиле, США, Великобритании, Германии, России и Белоруссии; автор книг “Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905 - 1953 гг.” (Минск, 1999), “Катастрофа евреев в Белоруссии” (Тель-Авив, 2000). Живет в Иерусалиме.

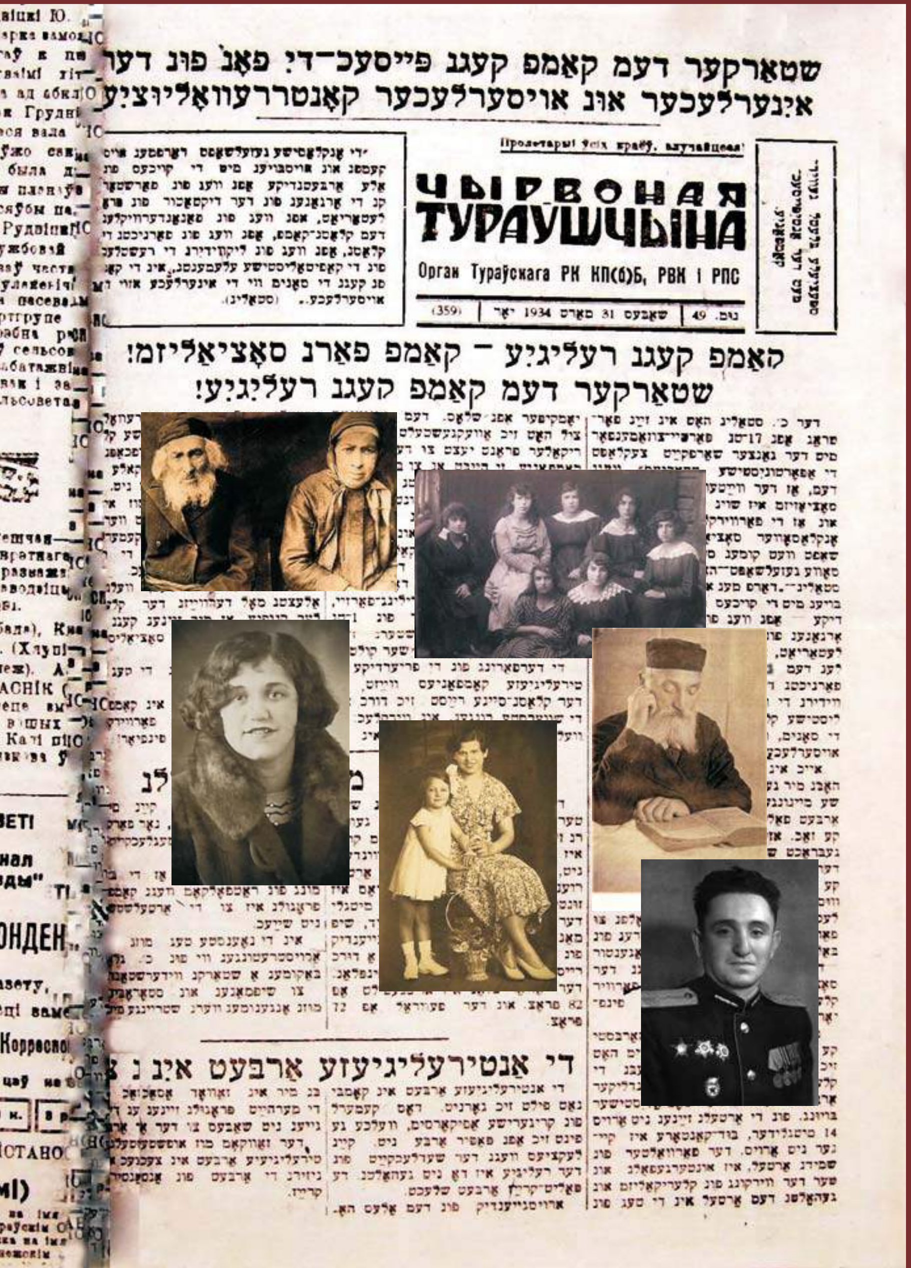

ЛЕОНИД СМИЛОВИЦКИЙ

ЕВРЕИ В ТУРОВЕ:
ИСТОРИЯ МЕСТЕЧКА МОЗЫРСКОГО ПОЛЕСЬЯ

ЛЕОНИД СМИЛОВИЦКИЙ

ЕВРЕИ В ТУРОВЕ:
ИСТОРИЯ МЕСТЕЧКА МОЗЫРСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Leonid Smilovitsky

Jews in Turov: History of a Shtetl in the Mozyr's Polesye Region

Jerusalem, 2008

Леонид Смиловицкий

Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья

Иерусалим, 2008

Леонид Смиловицкий
Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья.
Иерусалим, 2008. – 848 с.: ил.

Редактор и корректор
Лена Драгицкая

Верстка макета
Наталия Барская

Обложка и титульный лист
Леонид Юниверг

Обработка фотографий
Надежда Кутальчук

Типографский монтаж
Светлана Мойбер

Книга посвящена еврейской общине Турова, одного из древнейших городов Белоруссии на перекрестке путей между Россией, Украиной и Польшей. Подробно рассматриваются экономическая, национальная, культурная и духовная жизнь, вопросы образования, семьи и быта, здравоохранения; влияние трех русских революций, эмиграция, погромы, преследование сионистов и закрытие синагог; социальная ломка местечка, сталинские репрессии, трагедия общины в годы нацистской оккупации, послевоенное восстановление и угасание еврейской жизни.

Материалом для исследования послужили архивные документы, монографии, статистические сборники, периодическая печать, воспоминания жителей Турова и их потомков. Монография рассчитана на всех, кто интересуется историей российского и советского еврейства.

В оформлении обложки использованы фотографии жителей Турова, а для заставок начала глав – линогравюры С. Юдовина и М. Малкина по мотивам еврейского народного орнамента, а также рисунки М. Аксельрода «Местечко» и «Базар».

В оформлении форзаца книги использованы карты:
«Великое княжество Литовское» (Радзивилловская карта), Амстердам 1613 г. (масштаб 1: 7 000 00) «Гомельская область», 2008 г. (масштаб 1: 20 000 00)

Предложения, отклики и заказы на книги направлять по адресу:
smilov@zahav.net.il или по тел: 02-672-3682; +(972)-2-672-3682

ISBN 978-965-555-352-9

Printed in Tsur-Ot Press (Jerusalem)

Настоящая книга написана и издана при активной помощи и участии моих друзей, земляков и коллег.

This book was written and published thanks to the generous help of my friends, fellow-countrymen and colleagues.

Израиль

Абош, Мальвина; Кирьят-Гат
Альберсон, Эстер; Ашкелон
Букчин, Моня; Афула
Гальперин, Иосиф; Нес-Циона
Глозман, Соня; Иерусалим
Гоберман, Клара; Мигдаль hа-Эмек
Голин, Семен; Беэр-Шева
Гренадер, Борис; Йокнеам-Илит
Гумер, Иосиф; Ашкелон
Дроздинская, Клара; Ариэль
Зарецкий, Анатолий; Кирьят-Шмона
Заславская, Людмила; Ашдод
Кацин, Ави; кибуц Гват
Кундо, Захар; Лод
Левина, Тайба; Нетания
Марголин, Меир; Хайфа
Пильщик, Бэла; Беэр-Шева
Пильщик, Давид; Беэр-Шева
Рашап, Дора; Иерусалим
Розенфельд, Абрам; Тель-Авив
Свирский, Меир; Хайфа
Слободская, Геня; Ашкелон
Тульчинская, Нэлли; Нацрат-Илит
Фишман, Ошер; Ашдод
Чечик, Абрам; Иерусалим
Шифманы, Меир и Этя; Маалот
Шустерман, Зелик; Нетивот
Цыганок, Рита; Нацрат-Илит
Цыпин, Владимир; Явне
Эткин, Миша; Кирьят-Бялик

Беларусь

Дорн, Юрий; Минск
Дубинская Ася, Мозырь
Захарин, Борис; Гомель
Козел, Михаил; Туров
Литин, Александр; Могилев
Лясковский, Виктор; Минск
Райский, Владимир; Гомель
Флейтман, Арон; Туров
Шульман, Аркадий; Витебск

Россия

Нехамкин, Сергей; Москва
Шер, Анна; Москва

Германия

Рехтман, Янкель; Карлсруэ
Фодыманов, Иосиф; Берлин
Шифман, Моисей; Хайлигенхауз

Australia

Ulis, Josef; Sydney
Weis, Sara; Melbourne

UK

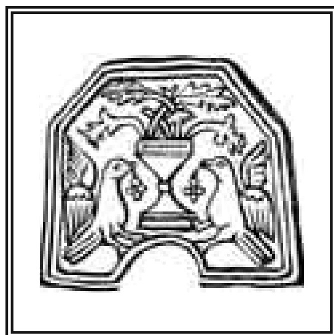
Pierce, Roberta; Essex
Spier, Howard; London

USA

Berense, Gloria; Flushing, NY
Chechik, Maria; New York, NY
Chechick, Vulf; Brooklyn, NY
Daks, Lawrence; Reston, VA
Duffy, Peter; New York, NY
Glassman, Penny; Ashland, MA
Gonikman, Yacov; Baltimore, MD
Harpaz, Rafael; Atlanta, GA
Kaplan, Rochelle; Salt Lake City, UT
Katz, Samantha; Evanston, IL
Mirkin, Lenny; Gaithersburg, MD
Lynn, Mosher; Raleigh, NC
Muliar, Lev; Denver, CO
Muravchik, Stanley; Wynnewood, PA
Poliakoff, Gary; Spartanburg, SC
Samovich, Igor; New York
Shafir, Zhanna; Chicago, IL
Simon, Andrea; New York, NY
Shifman, Boris; Chicago, Detroit
Shifman, Edvard; Morton Grove, IL
Shifman, Misha; Minneapolis, MN
Shifman, Zinovi; New York
Shliapintokh, Gennady; Deerfield, IL
Shusterman, Basia; Houston, TX
Smilovitsky, Alex & Sveta; San Francisco, CA
Smilovitsky, Genia; San Francisco, CA
Shvets, Ovsey; Norfolk, VA
Starobinsky, Bronia; Brooklyn, NY
Szumowski, Donald; Washington, D.C.
Weinstein, Sheryl; New York, NY
Zaretsky, Alexander & Nahum; Stoughton, MA

Оглавление

Table of Contents

От автора

Настоящее исследование подготовлено в рамках Центра по изучения еврейской диаспоры при Тель-Авивском университете (Goldstein-Goren Diaspora Research Center of Tel Aviv University) и поддержано Мемориальным фондом сохранения еврейской культуры, а также Американским объединенным распределительным комитетом Джойнта. Методологически оно выполнено в рамках региональной истории, уделяющей главное внимание жизни провинции и «маленькому человеку», с его заботами и трудностями, радостями и достижениями. Такой подход позволил автору сопоставить события прошлого на уровне местечка, уезда и губернии, района, округа и области в общегосударственном и национальном контекстах, показать, как политика центра воспринималась населением на местах и претворялась на практике.

Монография состоит из введения, четырех глав и заключения. Хронологические рамки исследования охватывают время с 1800 до 1960-х гг., в течение которого произошли становление, расцвет и угасание общины. Все события поданы в контексте общей истории Российской империи и пришедшего ей на смену Советского Союза, неотъемлемой частью которых была Белоруссия.

Общая композиция исследования построена по принципу сонета, где каждая глава имеет самостоятельные фабулу и сюжет, цепь событий в их логической причинно-временной последовательности, завязку, развитие действия, кульминацию и финал. Это дает возможность прочтения книги с любой ее части. Справочный аппарат к тексту монографии дается постранично, а не в конце главы, чтобы облегчить читателю обращение к первоисточнику. Используется буква «һэй» еврейского алфавита для передачи звука, отсутствующего в русском языке. Гортанный звук, средний между *г* и *х*, близкий по звучанию белорусскому *г*, графически выделяется

латинской буквой *H* или *h*. Переводы с идиш на русский язык любезно выполнил Борис Быховский.

В «Заключении» делаются обобщения и выводы, подводится итог пути, пройденного евреями совместно с белорусами, рассказывается о событиях последних десятилетий и сегодняшнем дне Турова, который должен возвратиться из исторического захолустья, чтобы стать национальным символом Беларуси. Список использованных источников и литературы, географический и именной указатели, словарь терминов и понятий помогут читателю лучше ориентироваться в теме исследования.

Материалом для книги послужили главным образом архивные документы, дополненные сведениями, почерпнутыми в научных и популярных изданиях, статистических сборниках, периодической печати, а также воспоминания бывших жителей Турова и их потомков, проживающих сегодня, в основном, за пределами Беларуси.

Большинство научных данных приводятся впервые. Основная их часть была выявлена в архивах, среди которых семь белорусских, семь российских, один украинский, четыре израильских и два американских. Уникальные сведения о противоборстве большевиков с сионистскими группами и левыми коммунистическими движениями, разгроме еврейской религиозной жизни, сталинских чистках и репрессиях в Турове и Мозырском округе почерпнуты в Центральном архиве КГБ Республики Беларусь в Минске и архиве управления КГБ по Гомельской области.

Особое внимание уделено изобразительному ряду. В книге представлена коллекция портретов, семейных фотографий, карт и копии редких документов (свыше 150), что дает наглядное представление об эволюции еврейской жизни на примере Турова начиная со второй половины XIX в.

Метод сравнительного анализа позволил объективно оценить достоверность документа, исторического примера или мемуаров. Порой необходимо было приглушить эмоциональный фон, чтобы сохранить беспристрастный подход к изложению событий. Апробация темы выполнена в ряде академических и популярных изданий Израиля, США, Белоруссии и России.

Ценную помощь и моральную поддержку в работе книгой мне оказали коллеги и единомышленники, которых я искренне благодарю. Это прежде всего профессор Матитъягу Минц, профессор Яаков Рои, доктор Симха Гольдин, докторанты Ирэна и Анатолий Канторовичи (Тель-Авивский университет), профессор Биньямин Пинкус (университет им. Бен-Гуриона в Негеве), профессор Мордехай Альтшулер, профессор Шауль Штампфер, доктор Михаил Бейзер, доктор Альберт Каганович (Еврейский университет в Иерусалиме), доктор Аарон Шнеер и Спартак Арбатов (Яд ва-Шем). Важные советы и предложения по изучению истории евреев Белоруссии сделали доктор Ховард Спиер (Department of Hebrew and Jewish Studies University College London), профессор Цви Гительман (Center for Judaic Studies at the University of Michigan-Ann Arbor, USA), Антоний Полонский (Department of Near Eastern and Judaic Studies of Brandeis University, USA), профессор Джеффри

Бэрдс (Northeastern University, USA), доктор Михаэль Гельб и доктор Мартин Дин (the Research Institute, United States Holocaust Museum), Абрам Торпусман (Краткая еврейская энциклопедия в Иерусалиме), Яков Басин (Union of Councils for Soviet Jews), профессор Алексей Литвин (Институт истории Национальной Академии наук Беларуси), профессор Эммануил Иоффе (Белорусский государственный педагогический университет), доктор Вячеслав Селеменев (директор НАРБ), Зинаида Курьян, Владимир Гимбут и Оксана Шатун (Мозырский государственный педагогический университет), Инна Соркина (Гродненский государственный университет), Дмитрий Толочко (Гомельский государственный университет).

В ходе подготовке книги я постоянно ощущал товарищескую поддержку выходцев из Турова и их потомков, живущих сегодня в разных странах мира. Слова глубокой признательности я выражаю Лене Драгицкой, улучшившей текст рукописи, а также Леониду Юнивергу и Надежде Кутальчук из Иерусалима, подготовившим фотографии и обложку книги.

Наконец, неизменная благодарность – моей жене Виктории, первому читателю и критику.

Введение

Турову свыше тысячи лет, из них последние три столетия его истории тесно связаны с евреями. В конце XVIII – начале XIX в. на начальном этапе формирования белорусской нации они стали неотъемлемой частью экономической и социальной жизни всего Северо-Западного края Российской империи. Наиболее ощутимо этот процесс происходил в Белорусском Полесье, которое, по мнению И.А. Эремича, было «почти Америкой, ожидавшей своего Колумба».[1]

Географическое положение и природа Полесья обусловили удивительное своеобразие края, остававшееся неизменным вплоть до начала XX столетия. Самым обширным, но наименее доступным уголком Полесья оставался Мозырский уезд Минской губернии – край девственных лесов, болот и рек, четыре пятых территории которого составляла труднопроходимая низменность, настоящее «царство болот».

Белорусы и евреи хорошо уживались друг с другом. Евреи занимались ремеслами, лесными промыслами, были арендаторами, рыболовами, коробейниками, торговыми посредниками и купцами, лекарями и адвокатами, корчмарями и возчиками и обслуживали всех, кто нуждался в их умениях. Белорусские города Пинск, Карлин, Столин превратились в колыбель еврейской учености, философии и науки.

Местечко (мястэчка – *белорус.*, miasteczko – *польск.*, miestelis – *лит.*, містечко – *укр.*, штетл – *идиш*) представляло собой исторически сложившуюся разновидность городского поселения, насчитывавшего не менее 500 жителей, основным занятием которых являлись торговля и ремесло, приносившие доход около 50 тыс. руб. в год. В Белоруссии насчитывалось 140 местечек, делившихся на три основные

[1] И.А. Эремич, «Очерки Белорусского Полесья», *Вестник Западной России*, Историко-литературный журнал, издаваемый Г. Говорским, Вильно 1867 г., Кн. VIII, т. III, с. 107.

категории: сельские, частновладельческие и городские, – на которые не распространялось магдебургское право.[2] Позднее некоторые из них получили статус города, а большинство превратились в деревни или села. В пределах местечка сосуществовали различные этносы (белорусы, евреи, поляки, татары и русские), языки (белорусский, идиш, польский, русский), религии (христианство, православие, католицизм, униатство, иудаизм и ислам) и успешно взаимодействовали несколько национальных культур.

Туров по праву считался вторым после Мозыря крупнейшим еврейским центром Мозырского Полесья и относился к Пинскому повету Брестского воеводства Речи Посполитой (*Rzeczpospolita Polska*). В 1765 г. в Турове проживало 316 евреев, а к 1847 г. – 1447 чел. После присоединения к России в 1793 г. он получил статус местечка Мозырского уезда и был включен в черту еврейской оседлости. В 1897 г. евреи Турова насчитывали 2252 чел., или 52,3% от общего населения местечка 4290 чел.[3]

Большинство жителей Турова, никогда не покидавшие его пределов, считали свое местечко чуть ли не центром Вселенной, а синагогу – мостом между прошлым и будущим. Евреи молились в трех синагогах, в дополнение к которым действовали более десяти миньянов и многочисленные хедеры.

Первая мировая война и революция 1917 г. стали для местечка настоящим потрясением. В течение короткого времени в Турове друг друга сменили немецкие оккупационные власти, Центральная рада гетмана Скоропадского, директория Петлюры, польские легионеры и большевики. В 1919–1921 гг. он оказался в приграничной полосе и подвергся погромам Булак-Балаховича и банд самозваных атаманов. В 1923 г. в Турове проживало 2207 евреев, или 35,5% от его общего населения, в 1926 г. – 2171 (40,3%), в 1931 г. – 1788 (35,3%), в 1939 г. – 1528 (28%).[4]

Автор поставил перед собой задачу на примере Турова создать собирательный образ еврейских поселений Мозырского Полесья. История местечек давно привлекала внимание исследователей. Включение белорусских губерний в состав империи поставило перед местной администрацией, хозяйственными, военными учреждениями (часто по фискальным соображениям) задачу изучения края: издавались статистические сборники, топографические описания. Они содержали данные о количестве местечек, составе их населения, повинностях и особенностях экономического развития. Значительно пополнили источниковедческую базу материалы, собранные офицерами Генерального штаба российской армии в середине XIX в., а также Военно-статистическое обозрение в 17 томах.[5]

Основное внимание в этой литературе уделялось губернским, уездным и заштат-

---

[2] Магдебургское право - см. Словарь терминов и понятий.

[3] Еврейская энциклопедия Брокгауза и Эфрона, СПб 1912 г., т. 15, с. 57.

[4] M. Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A social and demographic profile*, Jerusalem 1998, p. 220.

[5] Сведения, относящиеся к Минской губернии, содержатся в т. 9, ч. 4, СПб 1848 г.

ным городам, тогда как сведения о местечках встречались редко.[6] Роль местечек можно проследить по сборникам материалов по истории просвещения в России из архивов Министерства народного просвещения[7] и периодической печати, таких, как *Журнал Министерства внутренних дел*, *Журнал мануфактур и торговли*, *Журнал Министерства народного просвещения*, газет *Минские губернские ведомости*, *Виленский вестник*, *Русские ведомости*, памятные книжки Минской губернии, *Еврейская Старина* и др.

До революции 1917 г. первые аналитические публикации о местечках носили в основном описательный, этнографический и краеведческий характер,[8] в 20-е и 30-е годы прошлого века – прикладной и общественно-политический.[9] Затем возник значительный искусственный перерыв, связанный с изменением подходов в советском национальном строительстве. В 70-е годы стали невозможны публикации о евреях, за исключением критики сионизма, иудаизма и *Бунда*. Пропаганда времен «холодной войны» превратила всех евреев в некую монолитную массу, желанием которой якобы было спасение, ожидаемое с Запада. Трактовка статуса евреев как жертв советского режима распространилась и на историческое прошлое, в результате чего евреи царской России воспринимались как бесправные страдальцы. В свою очередь, это также привело к тому, что изучение местечка было приостановлено.

Полноценное исследование местечка как феномена Белоруссии стало возможным только после распада СССР.[10] Однако оно все еще остается «неподнятой целиной», ожидающей своего часа. К настоящему времени по теме еврейской

---

[6] *Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 г.*, СПб 1830 г.

[7] *Материалы для истории просвещения в России, извлеченные из архивов Министерства народного просвещения*, СПб 1893 г. (т. 1), 1897 г. (т. 2).

[8] С. Бершадский, *Литовские евреи: история их юридического и общественного положения в Литве от Витовта до Люблинской унии, 1388-1569 гг.*, СПб 1883 г.; М. Либаков, «Из быта белорусских евреев», *Русские ведомости*, 1865 г., № 151 и др.

[9] И.Г. Айзикс, «Санитарно-бытовое обслуживание еврейского местечка», *Вопросы биологии и патологии евреев*, Ленинград, 1930 г. Сб. 3. Вып. 2, с. 75-98; І. Гершэнбаум, *Шчадрын. Мястэчка ў рэканструкцыйным пэрыядзе*, Менск 1931 г.; А.К. Сержбутовский, *Отчет о поездке в Гомельскую губернию в 1926* г., Минск 1926 г.; В.П. Затонский, «Доклад Комиссии ЦКК ВКП(б) о проведении национальной работы в Белоруссии. Наблюдения и замечания из области национальной идеологии», *Неман*, 1992 г., № 9; Л. Зингер, *Еврейское население в СССР*, Москва-Ленинград 1932 г.

[10] Я.К. Анішчанка, *Генеральнае межаванне на Беларусі*, Мінск 1996 г., Его же, *Черта оседлости. Белорусская синагога в царствование Екатерины Второй*, Минск 1998 г.; Его же, *Евреи Белорусской губернии: исторический очерк и документы*, Минск 2002 г.; *История могилевского еврейства*. Документы и люди. Научно-популярные очерки и жизнеописания: В 2-х кн. Сост. А. Литин, Минск 2002-2006 гг.; В. Цыпин, *Евреи в Мстиславле*, Иерусалим 2006 г., А. Каганович, *Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии*, Иерусалим 2007 г.; О. Соболевская, В. Гончаров, *Евреи Гродненщины. Жизнь до Катастрофы*, Донецк 2005 г.

жизни белорусского местечка защищено две диссертации – одна в Беларуси[11] и одна в Израиле.[12]

Еврейское присутствие в Полесье рассматривалось главным образом в публикациях, посвященных Северо-Западному краю в целом или Минской губернии в частности.[13] О евреях Мозырского уезда и района писали крайне редко,[14] и только в последнее время появились исследования, связанные с трагедией Холокоста в годы советско-германской войны.

О Турове историки и публицисты главным образом предпочитали говорить в свете его богатого исторического прошлого, не упоминая о судьбе многочисленной еврейской общины (в лучшем случае, отводя ее на второй план) и ее взаимоотношениях с белорусами, русскими, украинцами и поляками.[15]

Политика военного коммунизма после окончания гражданской войны пагубно отразилась на демографии Турова. Потом были кратковременный НЭП, первые пятилетки и культурная революция. В предвоенное десятилетие еврейское насе-

---

[11] И. Соркина, *Роль местечек в социально-экономическом и культурном развитии Белоруссии в конце XVIII - первой половине XIX вв.*, Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Гродненский государственный университет им. Я. Купала, Гродно 1998 г.

[12] А. Зельцер, *Евреи Северо-Восточной Белоруссии между мировыми войнами, 1917-1941 гг.*, Ph.D. Thesis, Hebrew University of Jerusalem, 2003 г.

[13] Е. Карский, *Материалы для изучения северо-малорусских говоров, также переходных от белорусских к малорусским (Полесье*). Вып. 1, СПб 1888 г.; А.К. Киркор, «Долина Припяти», *Живописная Россия. Литовское и Белорусское Полесье*, СПб 1882 г.; *Полесье и полешуки*. Из путевых заметок. Народная библиотека В.Н. Маракуева. Изд. 4-е, Одесса 1897 г.; «Северо-Западный край. О его еврейском населении», *Эхо*, 1884 г., № 1259; «Очерки истории из быта евреев Северо-Западного края», *Минские губернские ведомости*, 1869 г., № 47; «Евреи Литовского и Белорусского Полесья», *Живописная Россия*, СПб 1901 г.; С. Каценеленбоген, «Евреи Минской губернии», *Русский еврей*, 1880 г., № 21; *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба*, Минская губерния. Сост. И. Зеленский, СПб 1861 г.

[14] П. Шпилевский, «Мозырщина», *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России*, издаваемый Николаем Колосовым. Кн. 3, СПб 1859 г.; Его же, *Путешествие по Полесью и Белорусскому краю (1853-1855 гг.*), Минск 2004 г.; *Бунд и сионизм*: Лекция тов. В. Кагана 10 ноября 1917 г., Мозырская сионистская организация, Мозырь 1917 г.; *Память*: *историко-документальная хроника Мозырского района*, Минск 1997 г.; А.Г. Бобр, *Мой Мозырь*, Минск 1996 г.; *Мазыр. Гісторыя і сучаснасць*: У трох тамах, Гомель 2005 г.

[15] *Туров и Туровщина*, «Минские губернские ведомости», 1877 г., № 4-9; *Туровщина*, «Друг народа», 1878 г., № 18; *Туров*, «Минская старина». Вып. 2, 1911 г.; М. Гаусман, *Исторический очерк местечка Туров, прежней столицы удельного Туровского княжества*, Минск 1877 г.; *Тураўшчына: мінулае, сучаснасць, будычыня*, Зборнік артыкулаў, Нацыянальная Акадэмія навук Беларусі. Вып. 1, Мінск 2000 г.; Л.Д. Поболь, *Древности Туровщины*, Минск 1969 г.; А.Ф. Вишневский, А.М. Литвин, *Туров*. Краткий исторический очерк, Минск 1980 г.; П.Ф. Лысенко, *Города Туровской земли*, Минск 1974 г.; Его же, *Туровская земля*, Минск 1999 г., Его же, *Сказание о Турове*, Минск 2006 г.

ление Турова почти не менялось. Люди, принявшие постулаты социализма, могли продвигаться по служебной лестнице на партийной, комсомольской, профсоюзной и административной работе.

Советская власть понимала решение еврейского вопроса только в рамках «революционного преобразования общества», с порога отвергая любые другие подходы. Она запретила синагоги, молельные дома и хедеры, а торговые и ремесленные заведения национализировала в пользу справедливого, с точки зрения большевиков, устройства мира. Недовольных подвергали общественному остракизму, увольняли с работы и даже арестовывали. Однако, несмотря на все испытания, до начала 40-х годов Туров сохранял все основные атрибуты еврейского местечка.

Дыхание советско-германской войны 1941–1944 гг. страшно опалило Туров, уничтожив почти все еврейское население. Катастрофа непоправимо изменила судьбу тех немногих еврейских семей, которым удалось эвакуироваться. Политика немецкого геноцида разрушила традиционную демографическую картину в республике: исчезли места компактного проживания евреев, усилились процессы миграции, ослаб интерес к идиш, возросло количество смешанных браков. С другой стороны, пережитая трагедия обострила национальное самосознание евреев.

После войны в Туров вернулись немногие евреи, большинство, утратив надежду возродить жизнь на пепелище, предпочли Житковичи, Мозырь, Лельчицы, Гомель, Минск или вовсе покинули БССР. В наши дни уже ничто не напоминает о былом еврейском присутствии, и этим Туров ничем не отличается от большинства местечек и городов Белоруссии, имевших богатые иудейские традиции. Вместе с тем годы совместного проживания евреев и белорусов наложили неизгладимую печать на историю и судьбу Турова. Память о том времени сохранилась не только в архивах и воспоминаниях современников, она жива в сознании потомков еврейской общины Турова, разъехавшихся в разные концы света, но сумевших сохранить в своем сердце чувство малой родины.

Настоящая книга расскажет читателю о появлении евреев в Турове, полнокровной жизни, светлых и печальных страницах, надеждах и разочарованиях его жителей. Это послужит сохранению коллективной народной памяти в рамках одной отдельно взятой общины Белоруссии, ставшей для евреев общим домом

Introduction

Turov is more than one thousand years old, and for the last three hundred years, Jews have been a big part of its history. The formation of the Belorussian nation at the end of the eighteenth century was connected to Jewish life, inseparable from the socio-economic structure of the northwestern part of the Russian Empire.

The peculiar features of the Polesye, an area of swamps and wetlands, left it virtually untouched until the beginning of the twentieth century. The Mozyr *uyezd* (historical district) of the Minsk *guberniya* (historical province) was the most vast but least accessible part of the Polesye. This was a country of virgin woods and rivers, with four-fifths of the territory impassable – a real “kingdom of bogs.”

The Belorussians and the Jews got along. The Jews were artisans, leaseholders, fishermen, prospectors in the timber industry, peddlers, trade middlemen and merchants, medical attendants, attorneys, innkeepers and carriers. The Belorussian cities of Pinsk, Karlin, and Stolin were cradles of Jewish scholarship, philosophy and science. Turov was the second largest Jewish center in the Mozyr Polesye, after Mozyr. Its Jewish community was attached to the Pinsk district of the Brest province of *Rzeczpospolita Polska*. Three hundred sixteen Jews lived in Turov in 1765, 1,447 in 1847, and 2,252 in 1897 representing 52.3% of the general population of 4,290 people. After its annexation by Russia in 1793, Turov attained the status of a shtetl of the Mozyr *uyezd*, and was included in the Pale of Settlement.

The majority of Turov’s inhabitants regarded their shtetl as the center of the universe, with three synagogues serving as bridges between the past and the future. There were more than ten minyans and numerous cheders in the region. World War I and the Revolution of 1917 shook Turov. Power repeatedly changed hands in a short period of time: the German occupation authorities were replaced by the Central Rada of Hetman Skoropadski, which replaced the Directorate of Petlura, which in turn replaced the Polish legionaries, who were ultimately replaced by the Bolsheviks. Turov, near the Polish-

Soviet border, was consequently subjected to Bulak-Balakhovich's pogroms and gangs of false atamans (Cossack chiefs). Two thousand two hundred-seven Jews lived in the shtetl in 1923, 35.5% of its general population; 2,171 (40.3%) in 1926; 1,788 (35.5%) in 1931 and 1,528 (28%) in 1939.

In writing this book, my goal was to use the Turov Jewish community to create a comprehensive image of a typical Jewish shtetl in the Mozyr Polesye. A shtetl (Belorussian – *мястэчка*, Polish – *miasteczko*, Lithuanian – *miestelis*, Ukranian – *містечко*, Yiddish – *shtetl*) was historically formed as an urban center, with a population of not less than 500 inhabitants, whose main occupations were trade and handicrafts with a per capita income of not less than 50,000 rubles per year. Only 140 Belorussian shtetlach met these conditions. These shtetlach were divided into three main categories: rural, private and urban, where the Magdeburg rights (laws regulating the degree of internal autonomy with cities and villages) were not applicable. The private towns were owned by rich magnate (noble) families. In most cases, they were villages but could also be small towns. Later, a few of these shtetlach attained city status; the majority became villages.

During its time, the shtetl was the ideal type of settlement because it combined all of the advantages of rural life with the achievements of urban civilization. Different religions (Christianity – Orthodox, Catholic, Uniate; Judaism, and Islam), ethnic groups (Belorussians, Jews, Poles, Tatars, and Russians), and languages (Belorussian, Yiddish, Polish, and Russian) coexisted. The most common and pronounced interaction was that between the Jewish and Christian customs.

The history of Jewish settlements in Belorussia has long interested researchers. The shtetlach greatly influenced the economic and cultural landscapes of Belorussia and the cities spread their influence to the rural areas. Inclusion of the Belorussian *guberniyas* in the Russian Empire made it difficult to control the local administrative, economic and military organizations – often for financial reasons. Collections of statistics and topographical descriptions of the area were published which contained data about the number of shtetlach, population description and economic development. The materials collected by the officers of the General Staff, and the seventeen-volume Military Statistical Review, enriched the available source materials about the shtetlach. Attention in these publications was primarily on the *guberniya*, *uyezd* and little towns, whereas data about the shtetlach was rare. One can study the shtetlach in collections of materials on the history of education in Russia from the archives of the Ministry of National Education, from such periodical journals as *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* (Journal of the Ministry of Internal Affairs), *Zhurnal manufactur i torgovli* (Journal of Manufacture and Trade), *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshchenia* (Journal of the Ministry of National Education); newspapers *Minskie gubernskie vedomosti* (Minsk Government Bulletin), *Vilenski vestnik* (Vilno Bulletin), *Russkie vedomosti* (Russian Bulletin); and memorial books of Minsk province, *Evreiskaya starina* (Jewish Olden Times).

Before the 1917 Revolution, the first analytical publications about the shtetlach were descriptive, including ethnographical and local lore. In the 1920s and 1930s, the analyses were of an applied, social and political nature. A considerable gap in these studies followed due to changes in Soviet national policy. In the 1970s, any publications

about Jews, except for criticism of Zionism, Judaism and the Bund, became impossible. Cold War propaganda turned the Jews into an undifferentiated mass whose only hope of salvation came from the West. Interpretation of the status of the Jews as victims of the Soviet regime extended to the historical past. As a result, the Jews of tsarist Russia were perceived as disenfranchised martyrs. This, in turn, brought the study of the Jewish shtetl to a halt. Full fledged research of the shtetl as a phenomenon of Jewish life in Belorussia became possible only after collapse of the USSR. There are now two theses on the topic of Jewish life in the Belorussian shtetl, one in Belorussia,[1] and one in Israel.[2]

Researchers examined the Jewish presence in Polesye in publications about the northwestern territory of the Russian Empire as a whole or the Minsk *guberniya* in particular. The Jews of the Mozyr *uyezd* and *raion* (district) were seldom written about. Only recently have studies appeared about the Holocaust during the Soviet-German War. Historians and polemicists preferred to speak about the rich historical past of Turov – omitting the fate of its large Jewish community or giving it scant attention. Instead, they discussed the interaction of the Jewish community with the Belorussians, Russians, Ukrainians and Poles. The end of the civil war after the Bolshevik Revolution significantly impacted Turov's demography due to the new regime's militant communism, the brief NEP (New Economic Policy) period, the first five-year plan, and the Cultural Revolution. In the prewar decade, Turov's Jewish population stabilized, with those who accepted communism moving up the Communist Party leader, Komsomol, trade unions or in administration.

The Soviet authorities saw a solution to the Jewish question in "societal revolutionary changes." Synagogues, lay-led congregations and cheders were forbidden, and trade and craftsman's enterprises were nationalized in favor of "a 'just' world system". Malcontents were subject to social ostracism, fired and arrested. Nevertheless, Turov maintained shtetl attributes until the 1940s. The Soviet-German War of 1941-45 scorched Turov, with more than eighty percent of victims being Jews. The Holocaust irrevocably changed the fate of those Jews who managed to escape. The German policy of genocide destroyed the traditional demographic pattern in Belorussia. Places of dense Jewish inhabitancy vanished, the migration process intensified, interest in the Yiddish language diminished, the rate of intermarriages increased. On the other hand, the Holocaust strengthened the remaining Jews' national self-awareness. Few Jews returned to post-war Turov. The majority went to Zhitkovichi, Mozyr, Lelchitsy, Gomel or Minsk, or left Belorussia completely. Nowadays, there is nothing to remind people of the past Jewish presence. Turov resembles many other Belorussian shtetlach and towns, which formerly were enriched by Hebrew traditions.

The Memorial Foundation for Jewish Culture and American Jewish Joint Distribution

---

[1] I. Sorkina, *The Shtetl's role in socio-economic and cultural development of Belorussia at the end XVIII-the first half of XIX Centuries*, Ph.D. Thesis, Y. Kupala's Grodno State University, Grodno 1998.

[2] A. Zeltser, *Jews of the North-Eastern Belorussia in between World Wars, 1917-1941*. Ph. D. Thesis, Hebrew University of Jerusalem, 2003.

Committee supported my work, which I conducted at the Goldstein-Goren Diaspora Research Center of Tel Aviv University, I examined, in national and ethnic contexts, historical events on the scale of the shtetl, *uyezd, guberniya*, *raion*, *oblast* (province) and *okrug* (a type of administrative division). This study, covering 1800 to the 1960s, consists of an introduction, four chapters and a conclusion, which also describes contemporary Turov.

I use the Yiddish letter «hey», which is absent in the Russian language. The guttural sound, intermediate between "g" and "h", and close to the Belorussian "g", is represented by the Latin letter "H" or "h". Boris Bykhovsky kindly translated from Yiddish to Russian.

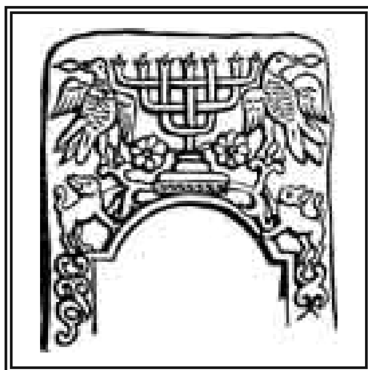
Most information is cited for the first time, the majority uncovered in various archives: seven Belorussian, seven Russian, one Ukrainian, four Israeli, and two American.

Special attention is given to graphic representation with portraits, family pictures, maps and rare documents. All are intended to give a vivid picture of the Jewish community, using Turov as an example. Some of the material previously appeared in various academic and popular editions in Israel, the US, Belorussia and Russia.

I would like to thank my colleagues and associates for their valuable assistance and moral support. Gratitude goes to Mattityahu Mintz, Yaacov Ro'i, Simha Goldin, Irena and Anatoly Cantorovich, all of Tel-Aviv University, Benjamin Pinkus (Ben-Gurion University of the Negev), Mordechai Altshuler, Shaul Stamfer, Michael Beizer, Albert Kaganovich (Hebrew University of Jerusalem) and Aaron Shneer and Spartak Arbatov of Yad Vashem. Important advice and suggestions for studying the Jewish history of Belorussia came from Howard Spier (Department of Hebrew and Jewish Studies, University College London), Zvi Gitelman (Center for Judaic Studies at the University of Michigan-Ann Arbor, US), Sir Martin Gilbert (CBE, DLitt, Honorary Fellow, Merton College, Oxford, England), Jeffrey Birds (Northeastern University, Boston, MA), Michael Gelb and Martin Dean (Research Institute, United States Holocaust Museum), Abram Torpusman (The Shorter Jewish Encyclopedia in Russian), Yacov Basin (Union of Councils for Soviet Jews), Aleksey Litvin (Institute of History of the National Academy of Belarus), Emmanuel Ioffe (Belorussian State Pedagogical University), Zinaida Kuryan, Vladimir Gimbut and Oksana Shatun (Mozyr State Pedagogical University), Inna Sorkina (Grodno State University) and Dmitry Tolochko (Gomel State University).

I also wish to thank those Turov natives and those whose ancestors hailed from Turov. I am grateful to Lena Dragitsky for improving manuscript, as well as to Leonid Yuniverg and Nadezhda Kutalchuk for preparing book-cover and photographs of the monograph. Last, I give my unwavering thanks to my wife Victoria, my first reader and critic.

Глава 1. Наши корни

Предания старины далекой

Туров овеян легендами. «Повесть временных лет» в 980 г. упоминает о нем как втором после Полоцка древнерусском городе на территории современной Белоруссии. Туров стоит на правом берегу реки Припять, между притоками Ствига и Случь, верховья которых близко подходят к Неману. Реки способствовали безопасности поселения, позволяли контролировать поток грузов и продвижение военных отрядов, обеспечивали связь с соседними и административными центрами. Через устье реки Случи можно было попасть в Полоцкое княжество. В Припять впадает река Горынь, по которой туровцы добирались в Волынское княжество. Древний путь «из варяг в греки» был связан с водными путями Руси: Припятско-Бужским, уходившим в Западную Европу, и Волжским, выводившим в Каспийское море. С юга возили: из Византии – вино, пряности, ювелирные и стеклянные изделия, дорогие ткани, иконы, книги; из Киева – хлеб, различные ремесленные и художественные изделия, серебро в монетах и т. д.; с Волыни – шиферные пряслица и др. С севера возили: из Скандинавии – некоторые виды оружия и изделия художественного ремесла, из Северной Руси – лес, мех, мед, воск, из Прибалтийских стран – янтарь. Во второй половине XI и XII вв. укрепились торговые связи Руси с Западной Европой, и путь «из варяг в греки» уступил место Припятско-Бужскому, Западно-Двинскому и др.[1]

Городище Турова включало *детинец*[2] и окольный город. Детинец (0,75 гектара)

---

[1] См.: М. Гаусман*, Исторический очерк местечка Туров, прежней столицы Туровского княжества*, Минск 1877 г., с. 6.

[2] *Детинец* - название внутреннего укрепления в русском средневековом городе вокруг княжеской резиденции; с XIV в. вместо него используется слово «кремль».

находился на Замковой горе и имел треугольную форму, крепостной ров был постоянно заполнен водой. В оборонительной системе удачно сочетались искусственные укрепления и естественные препятствия. С севера и запада городище прикрывала река Язда с болотистой и труднопроходимой долиной, а с востока – низкая пойма Припяти, которую прорезали реки Струмень и Домоуха. С юго-восточной стороны городище было защищено глубоким дугообразным рвом. Окольный город (1,5 га) имел форму четверти круга и возвышался на пять-шесть метров над прилегавшей местностью. Помимо детинца и окольного города в состав древнего Турова входил неукрепленный посад. Он примыкал к окольному городу с южной стороны, располагался за его внешними укреплениями, вниз по течению Струмени, притока Припяти, ограничиваясь с запада болотистой поймой реки Язды.[3]

В древности никакой горы, на которой расположен Туров, не существовало. Возвышение городища было образовано естественным ростом *культурного слоя*,[4] складывавшегося на протяжении многих веков. Это был ремесленный и торговый центр *дреговичей* – союза племен восточных славян,[5] его жители занимались прядением, ткачеством и кожевенным делом, высоко была развита обработка кости. В городе находился торг (рынок), где ремесленники предлагали свои изделия, а в обмен получали продукты сельского хозяйства и сырье из окрестных деревень.[6]

В X веке Туров поддерживал торговые связи с Киевом, Волынью, Прибалтикой, Северным Причерноморьем, Средней Азией и Ближним Востоком. С происхождением названия города – Тур, Туров, Тувер (в латинских документах – Туровия) – связано несколько легенд. Народное предание гласило о Тур-колодезе, в котором якобы крестился князь Тур, и Туровой горе. По другой гипотезе, название города восходило к животному *тур*, которое в древности «водилось здесь в изобилии» и служило предметом охоты для русских князей. По мнению П. Голубовского, название города стало производным от языческого божества *Тур*.[7] Имя Тур варяжского происхождения, но, поскольку ни один из 400 древнерусских городов, упоминавшихся в русских летописях, не был назван именем варяжского князя, академик А.А. Шахматов предположил, что летописное сообщение о князе Турове родило легенду, призванную объяснить происхождение названия города.[8]

---

3 П.Ф. Лысенко, *Сказание о Турове*, Минск 2006 г., с. 12, 16.

4 *Культурный слой* - остатки хозяйственной жизнедеятельности в местах проживания. Размеры и глубина его зависели от интенсивности жизни древнего города; влага помогала хорошо сохранить предметы органического и неорганического происхождения.

5 Граница расселения дреговичей проходила на востоке по Днепру, на севере - по линии Борисов-Логойск-Заславье-верховье Немана, на юге - по правому берегу Припяти и на западе - по Западному Бугу.

6 А.С. Грушевский, *Пинское Полесье. Исторические очерки*, ч. 1-2, Киев 1901-1903 гг., с. 23.

7 В.А. Жучкевич, *Краткий топонимический словарь Белоруссии*, Минск 1974 г., с. 380.

8 П.Ф. Лысенко, *Сказание о Турове,* с. 6.

Архитектурный облик

Внешний вид Турова изменялся в ходе тех исторических событий, которые выпадали на его долю. На рубеже XVII–XVIII вв. он относился к населенным пунктам городского типа, распланированным под прямым углом. Три ряда прямоугольных кварталов образовывали меридионально вытянутый район, по обе стороны которого сохранились участки с чертами древней вееровиетвистой схемы улиц. Его прямоугольная структура была лишена однообразия. В условиях местечка, волостного центра, были использованы приемы, обогатившие планировку. С юга на север кварталы домов создавали ритмичный ряд, вносивший определенную динамику в общую равнинную композицию. Два крайних южных квартала были самой большой ширины. Затем следовали четыре квартала квадратной формы (примерно 130х130 м), которые на севере сходились к центру местечка. К главной площади ширина кварталов постепенно уменьшалась. В первой шеренге домов – вдвое (до 64 м), затем, в окружении площади, до 36 м.[9]

Улицы Турова отличались по своей ширине. Главная магистраль проходила по одной из основных дуговых улиц древнего посада, делившей пополам район с прямоугольной планировкой, и достигала максимальной ширины – 22 м. Остальные улицы не превышали по ширине 12 м, а, приближаясь к торговым площадям, сужались до 8 м. Планировочная композиция общественного центра местечка была представлена двумя площадями, которые имели асимметричную многоугольную конфигурацию. Подобная сложная схема для малого поселения относительно редка. Обе площади были помещены в оправу нескольких улиц, которые сначала шли параллельно, а затем делали изгиб и подходили вплотную к реке. В их построении можно было проследить преемственность более ранней структуры. Главная площадь носила название Красная и занимала место древнерусского торговища, устроенного недалеко от укреплений окольного города. Вторая площадь была спроектирована на территории приречного торга Турова.[10]

Можно предположить, что в застройку существовавшей до реконструкции XIX века главной площади входил монастырь или приходская церковь с кладбищем, участок которого полностью или частично заняла новая площадь. По этому поводу существуют свидетельства начала прошлого века о том, что базарная площадь у Замковой горы находилась на месте заброшенного кладбища – «торгующие и покупающие» топтали остатки могильных плит «древних насельников» Турова.[11]

До 1917 г. Туров делился на четыре части. Первая называлась *казна*, жители

---

[9] Ю.В. Чантурия, *Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI - первой половины XIX в. Средневековое наследие. Ренессанс, барокко, классицизм*, Минск 2005 г., с. 224.

[10] *Русское градостроительное искусство: Древнерусское градостроительство X-XV веков*. Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого, Москва 1995 г., с. 52.

[11] Я. Нивич, «Туров Минской губернии», *Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества 1913 г.*, СПб, ст. Вильна: Тип. И. Завадского 1914 г. Кн. 4, с. 222.

которой считались казенными крестьянами, вторая – *восчата*, где располагался завод по производству восковых свечей. Восчата, в отличие от казны, имевшей прямые улицы, представляла собой сплошной лабиринт из неогороженных в основном дворов и переулков, приводящих в тупик. К третьей части относились усадьба помещика Нарейко и дворы *румасов* (бывшие дворовые крестьяне). Евреи жили в четвертой части местечка, которая называлась *мещане*. Почти все дома здесь были деревянные, теснились друг к другу и поэтому оказывались беззащитными перед опустошительными пожарами.

Центр просвещения

Туров считался одним из центров просвещения в западных землях. Туровская православная епархия была основана в конце X века. Развитию христианской культуры способствовала греческая царевна Варвара, жена Святополка Изяславича. При ее участии вблизи Турова был основан женский монастырь, на месте которого позднее возникла д. Черничи, в д. Сторожовцы существовал мужской монастырь. В XII веке в Турове возвели каменный храм наподобие Киевской, Полоцкой и Новгородской Софии.[12]

Древнейшим памятником книжной культуры Белоруссии стало Туровское Евангелие XI века, написанное на пергаменте. Наряду с церковными, возникали памятники светской литературы. Туровская летопись не сохранилась, но отрывки из нее были включены в Киевскую летопись. В Турове существовала литературная школа, ярким представителем которой стал писатель, проповедник, епископ, автор торжественных «слов», поучений, молитв Кирилл Туровский (около 1113 – после 1190 гг.), канонизированный русской православной церковью. Это был деятельный политик и авторитетный церковный администратор, названный современниками «русским Златоустом».[13]

Кирилл родился, учился и жил в Турове.[14] В 1159 г. он принял епископский сан и оказался в центре политической борьбы. Кирилл Туровский выступал за единство Руси, его произведения в течение многих столетий пользовались особой популярностью в землях восточных славян и вошли в золотой фонд древнерусской литературы. Речи, молитвы-исповеди, дидактические повести-притчи Кирилла Туровского приобрели широкую известность на Руси и переписывались вплоть до XIX века. Его произведения были строго кано-

[12] Храм разрушило землетрясение в мае 1230 г.

[13] И.П. Еремин, «Литературное наследие Кирилла Туровского», *Труды отдела древнерусской литературы*, Москва-Ленинград 1955 г., тт. XI-XIII, XV.

[14] По одной из версий, Кирилл Туровский являлся сыном киевского князя Святополка Изяславича, по другой - князя Ярослава Святополчича; настоящее имя неизвестно, принимая постриг, он назвал себя в честь Кирилла Александрийского.

низированными, но, имея традиционное содержание и библейскую тематику, увлекали радостью жизни и познания, любовью к родной природе. В «Притче о человеческой душе и теле» епископ Кирилл размышляет о взаимоотношениях церковной и светской власти, в «Слове в первую неделю по Великодню» – поет гимн природе, в «Притче о слепом и хромом» – призывает не нарушать нравственные законы и заповеди, верить в высокое предназначение человека. В трудах Кирилла Туровского содержится призыв к борьбе с любым злом и предательством, его пафос направлен на формирование в человеке чистых помыслов и благородных качеств.[15]

После разрушения Турова в середине XIII века татарами епископская кафедра была перенесена в Пинск, а епархия стала называться Турово-Пинская.[16]

Княжеские усобицы

Наибольшего расцвета Туров достиг после своего присоединения великим князем Владимиром[17] к Киевскому государству.[18] В состав Туровского княжества входили Городея, Слуцк, Берестье, Давид-Городок, Нобель, Копыль, Чарторыйск, Пинск, Мозырь, Клецк, Степань и Рогачев. О роли Турова свидетельствовали назначения на княжение сюда старших сыновей великого князя и его ближайших родственников. Сначала Туров достался пасынку князя Владимира Святославича – Святополку, а потом переходил от одного наследника к другому.[19]

В истории Туровского княжества выделяются четыре периода: *первый* – Туров как центр княжения дреговичей (988–1015), *второй* – столица Туровского княжества (1019–1113), *третий* – владение Мономашичей (1113–1158) и *четвертый* – период Изяславичей (1158 г. – начало XIV в.).[20]

Туровское княжество играло важную роль в общерусской политике. В 1155 г. великий киевский князь Юрий Долгорукий передал Туровский удел своему сыну Борису. Горожане стремились освободиться от опеки великих князей и произвола временных посадников. В 1157 г. Юрий Ярославич, внук великого киевского князя Святополка Изяславича (1097–1113), воспользовался замешательством, последовавшим за смертью Юрия Долгорукого, и сместил Бориса. Тогда в следующем году вели-

---

[15] М.И. Сухомлинов, *О сочинениях Кирилла Туровского*. Рукописи графа А.С. Уварова, СПб 1858 г., т. 2. Вып. 1, с. 9.

[16] *Историко-статистическое описание Минской епархии*, СПб 1864 г., с. 11.

[17] Владимир I Красное Солнышко (?-1015 гг.) - младший сын Святослава, великий князь киевский (980 г.), при нем древнерусское государство вступило в полосу расцвета, ввел в качестве государственной религии христианство (988 г.), канонизирован Русской православной церковью.

[18] *Полное собрание русских летописей,* Москва 1962 г., т. 1, с. 76.

[19] М.В. Довнар-Запольский, *История Белоруссии*, Минск 2003 г., с. 41.

[20] Его же. *Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия*, Киев 1891 г., с. 15.

кий киевский князь Изяслав собрал дружины полоцких, смоленских и луцких князей и пошел на Туров. Окрестности города были преданы опустошению, но десятинедельная осада результата не дала. Горожане хотели иметь постоянного князя, потому что каждый новый наследник приводил свою дружину, которая оттесняла туровскую знать от управления княжеством. Юрия Ярославича летописцы представляли как решительного и энергичного человека, умного дипломата и опытного полководца.

Туровские князья активно участвовали в борьбе за киевский престол и противостоянии половцам. Междоусобные войны подорвали экономический уклад единого Туровского княжества, оно пришло в упадок и распалось. У князя Юрия Ярославича было шесть сыновей, между которыми княжество было поделено. Туровом стали владеть Святополк, Иван и Глеб, Пинским княжеством – Ярослав и Ярополк, Дубровицким – Глеб. Еще раньше выделилось Клецкое княжество, которым с 1127 г. правил князь Вячеслав Ярославич; во второй половине XII века обособилось Слуцкое княжество.[21]

Набеги татар

Нашествие татаро-монголов не затронуло центральную и северную части Белоруссии. Исключением стало Туровское княжество, куда воины хана Батыя (Джучи, внука Чингисхана) пришли после захвата Киева. Согласно летописи, 6 декабря 1240 г. «татарове взяша Киев, разграбиша и монастыри вси и иконы и крсты честныя и взя оузрочыя церковнага, а люди от мала, и до велика все убиша мечем». Существует предположение, что именно в Киеве татары узнали о Турове, и Батый приказал своему *темнику*[22] Гаюку взять город.

Туровцы и уцелевшие воины из Киева встретили татар на реке Ствига. Однако силы были слишком неравные, и славянские полки потерпели поражение. Село на месте битвы носит название Озераны, что, по одной из версий, переводится как «осё [вот] раны» (от татар). Татары разрушили город и осквернили церкви. По одной из легенд, они умертвили не только взрослых жителей, но и детей, телами которых заполнили Тур-колодец. В результате вода в колодце якобы превратилась в молоко, которое сочилось из земли семь лет.

В Турове татары разрушили два самых древних монастыря в Белоруссии – женский святой Варвары и мужской святых Бориса и Глеба. Все монахи и священники погибли, включая владыку Василия. Семьи туровских бояр и князя пытались укрыться в каменном соборе на Замковой горе, но татары ворвались и туда, убив всех, кого настигли.

---

[21] П.Ф. Лысенко, *Туровская земля IX-XIII веков*, Минск 1999 г., с. 12.

[22] *Темник* - русское наименование воинского звания в Золотой Орде; командовал десятью тысячами воинов, состоял под непосредственным начальством хана.

Из сожженного Турова татары пошли к Давид-Городку, которым легко овладели. Большая часть сил во главе с Гаюком двинулась на запад. Соединившись с Батыем, они разграбили Бельск (300 км от Турова) и направились в Польшу. Другая часть татар облюбовала Давид-Городок, заключила союз с ятвагами, которые вместе с ними совершали набеги на другие города и крепости Полесья.[23]

Туров за свою историю еще несколько раз подвергался нападению татар, был сожжен и вновь отстроен. Наиболее опустошительными оказались набеги Менгли-Гирея в 1521 г.,[24] когда татары, пришедшие из Крыма, разграбили княжеский замок, дом православного владыки, а «все пожитки увезли в алчную орду».[25] Последний раз татары напали на Туров в 1534 г., и тогда они вновь разорили жителей «огнем и мечем» и сожгли княжеский замок – «последний памятник прежнего величия».[26]

Литовская экспансия

В середине XIV века Туров вошел в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ). Летопись Быховца сообщает, что, когда Мстислав, князь Луцкий и Пинский, начал борьбу с князем Скирмунтом, чтобы завладеть Черной Русью, Скирмунт обратился с просьбой о помощи к князю Живибунду, который послал войско под началом своего сына Куковойта. Союзники разбили наголову Мстислава, бежавшего в Луцк, а Скирмунт занял Пинск и Туров.[27]

Большая часть белорусских земель досталась великому князю Гедимину,[28] включая Пинское и Туровское княжества. Литовские князья заменили русские династии Рюриковичей и объединили своих подданных. Они восприняли наследие покоренных народов и поддались культурной и языковой ассимиляции. Многие белорусские княжества добровольно признали власть литовских дружин, которые защищали их от набегов татар. Новую державу князь Гедимин разделил между своими сыновьями. Пинск, Туров и большую часть Полесья получил Наримонт,

---

[23] Андрэй Котлярчук, «Татара-монгольскае нашэсце на Тураў», *Бельскі гостінэць*. Краязнауча культурны часопіс, Bielsk Podlaski, 2006, № 3(10), s. 13.

[24] А.К. Киркор, «Белорусское Полесье», очерк VIII, *Живописная Россия*. Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное воспроизведение издания 1882 г., Минск 1994 г., с. 380.

[25] П.М. Шпилевский, «Мозырщина», *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России,* издаваемый Николаем Колосовым. Кн. 3, СПб 1859 г., с. 42.

[26] М. Гаусман, *Исторический очерк местечка Турова, прежней столицы удельнаго Туровскаго княжества*, Минск 1877 г., с. 18.

[27] *Живописная Россия*. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Литовское и Белорусское Полесье. Репринт 1882 г., Минск 1994 г., с. 379.

[28] Гедимин (?-1341 гг.) - великий князь Литовский (с 1316), в союзе с Тверью выступил против Московского княжества.

наследство которого в 1348 г. распалось на пять княжеств – Пинское, Городейское, Слуцкое, Заславское и Кобринское.

Когда власть в Великом княжестве Литовском перешла в руки Владислава Ягайло,[29] то в 1385 г. в Крево он заключил унию с Польским государством. Это событие имело огромное значение для развития общественных и экономических отношений. Наследник Ягайло князь Витовт[30] укреплял централизованную власть за счет раздачи белорусских земель. Полесье поделили между магнатами Радзивиллом, Потоцким, Чарторыйским, Ходкевичем, Острожским, Сапегой, Скирмунтом, Пусловским и Плятором.

С 1430 г. Туров принадлежал великому князю Свидригайло, а с конца XV века – князьям Глинским. После того как Михаил Глинский перешел на службу к великому князю Московскому Василию III, Москва признала Туров достоянием короля Сигизмунда I.[31] С тех пор Туров утратил княжеский статус и превратился в местечко, перешедшее гетману Константину Острожскому (1508–1620 гг.), а затем – князьям Сапегам и Потоцким. С XV века административно Туров находился в составе Трокского, а с 1566 г. – Берестейского воеводства. Город имел главную часть и два предместья – Заятелье и Запесочье, насчитывал около 350 домов. Основное население было представлено ремесленниками и крестьянами. Натуральный оброк туровцы вносили зерном, медом, льном и пенькой. С расширением связи феодального хозяйства с рынком натуральные повинности заменили *чиншем* – денежным оброком. Ремесло постепенно превращалось в мелкотоварное производство. Турову угрожали с разных сторон – татарские ханы и русские воеводы, литовские магнаты и украинские казаки, стремившиеся сделать его своей военной добычей.

В составе Речи Посполитой

Наиболее благоприятными для Полесья оказались XV, XVI и начало XVII столетий. Театр военных действий Польского королевства находился далеко, и метрополия требовала только обеспечивать армию продовольствием. В Полесье интенсивно развивались города, которые имели королевские *привилеи*, проводились ярмарки, заключались выгодные контракты. Переломное значение имели реформы королевы

[29] Владислав Ягайло (1350-1434 гг.) - великий князь Литовский (1377-1392), король Польский (1386), основатель династии Ягеллонов, командовал объединенной польско-литовско-белорусской армией в битве под Грюнвальдом (1410).

[30] Витовт (1350-1430 гг.) - великий князь Литвы (1392), трижды вторгался в Московское княжество (1406-1408), один из организаторов разгрома немецких рыцарей в Грюнвальдской битве.

[31] Сигизмунд I Старый (Zygmunt I Stary, *польск.*; 1467-1548 гг.) - король Польский и великий князь Литовский, пятый сын Казимира IV Ягеллончика и Елизаветы Австрийской.

Боны.[32] Она перестроила систему налогов, ввела классификацию качества земли (плохая, хорошая и средняя), унифицировала повинности. Из Германии, Голландии и Италии на Полесье пригласили купцов, ремесленников и строителей (в основном, евреев). Быстро развивался лесной промысел, в 1551 г. шляхта получила право вывоза лесных изделий без пошлины, и деревообрабатывающая промышленность Полесья стала ведущей в королевстве. Строились дороги, была предпринята первая попытка мелиорации заболоченных земель. Евреи находились под королевской опекой, стабилизировали экономику, исправно платили налоги и вели традиционный образ жизни. Память о «доброй королеве» долго жила в народном сознании.

В результате Люблинской унии 1569 г. Туров вошел в состав Минского воеводства Речи Посполитой и был объявлен собственностью Короны. Непосредственным его сюзереном считался король, и жители вносили налоги в королевскую казну. В 1596 г. была провозглашена Брестская церковная уния, которая усилила католическую экспансию на Полесье. Сигизмунд III объявил противников унии мятежниками и грозил суровыми карами.[33] Православные братства в белорусских городах преследовались. В трудных условиях продолжали существовать Туровское братство и школа при монастыре.

Во второй половине XVII века Туров пришел в упадок. Король Ян III Собеский[34] в 1676 г. вынужден был освободить Туров, как и весь Мозырский повет, от налогов и большинства повинностей, включая такую обременительную, как *военный постой*.[35] Несмотря на это, Туров сумел вернуть утраченный экономический потенциал только через сто лет. Восстановление хозяйства опиралось не на рациональное ведение дел, а на увеличение налогов и повинностей населения. И только в середине XVIII века наемный труд стал применяться чаще, началось расслоение крестьянства. *Фольварк*[36] как основа экономической модели был упразднен, а земли розданы крестьянам и евреям-арендаторам на условии уплаты чинша.

---

[32] Бона Сфорца (Bona Sforza, *итал.* 1494-1557 гг.) - польская королева (1518-1556), дочь миланского герцога Иоганна Галеацца Сфорцы и Изабеллы Арагонской, жена Сигизмунда I, мать Сигизмунда-Августа, отличалась большой энергией, при жизни престарелого супруга фактически управляла страной.

[33] Сигизмунд III (Sigismund, *швед.*, Zygmunt, *польск.*; 1566-1632 гг.) - король Польский (1587-1632) и Шведский (1592-1599), внук Густава Вазы, сын шведского короля Юхана III и Екатерины Ягеллонки, дочери Сигизмунда I Старого.

[34] Ян III Собеский (1629-1696 гг.) - польский полководец, гетман (с 1666), король Польши (1674), на протяжении многих лет вел войну с Турцией, при нем Речь Посполитая в последний раз пережила взлет как европейская держава.

[35] *Военный постой* - содержание военного гарнизона, дислоцированного в данной местности, или проходящих воинских частей за счет местной администрации или жителей.

[36] *Фольварк* - хутор, мыза, в феодальной Польше помещичье хозяйство (folwark, *польск.* от Vorwerk, *нем.*), основанное на барщинном труде крестьян.

Постепенно, преодолевая консерватизм шляхты, в Мозырском повете заработали первые фабрики, ремесленные предприятия и мануфактуры. Доходы от сельского хозяйства оставались устойчивыми, товарно-денежные отношения окрепли, что привело к расширению внутреннего рынка и оживлению экономической жизни. В 1775 г. был введен в строй канал Огинского (52,8 км), который через реки Щара, Ясельда и Припять связал Неман с Днепром. Началось строительство Королевского канала (современный Днепро-Бугский, 196 км), соединившего Припять и Буг через Пину и Мухавец. Полесский лес и украинское зерно начали поступать водным путем в Гданьск и Кенигсберг.[37]

Антифеодальные войны

В конце XVI века Туров стал свидетелем антифеодальных выступлений. В 1595 г. Украину всколыхнуло крупное восстание Северина Наливайко, которое охватило часть Белоруссии. Продвигаясь вдоль Припяти, повстанцы заняли Туров, Давид-Городок, Лахву и Пинск, а к весне 1596 г. ушли на Волынь. Их преследовали войска польского гетмана Станислава Жолкевского, в июле 1597 г. казацкие старшины в надежде на амнистию выдали Наливайко королевским властям, и восстание было подавлено.[38]

В 1648 г. крестьянские волнения вновь перекинулись с территории Украины на Белоруссию. Богдан Хмельницкий сумел договориться с сильным врагом Речи Посполитой – крымским ханом, что изменило расклад сил в его пользу. Осенью 1648 г. несколько тысяч повстанцев из окрестностей Давид-Городка пришли в Туров, где были встречены с сочувствием. Из Турова они совершали набеги на Лахву, Мозырь и Речицу, нашли сторонников и овладели Пинском.[39]

Казаки Хмельницкого жестоко обращались с жителями захваченных городов. Особую ненависть они испытывали к католическим священникам, монахам и евреям, которых истребляли поголовно. Польский король двинул против казацко-крестьянских отрядов войско гетмана Януша Радзивилла. В начале января 1649 г. оно выступило из Бреста в направлении Пинск–Туров–Мозырь–Речица. Поляки рассчитывали ударом во фланг и тыл разгромить армию Хмельницкого. Соединившись под Нобелем с отрядом князя Мирского, они окружили Туров. Гарнизон вместе с жителями насчитывал три тысячи человек, часть из которых покинули город, а другие отказались сложить оружие. Туров был взят штурмом, а его защитники казнены. Королевские войска заняли почти всю территорию

[37] R. Horoszkiewicz, *Tradycji Ziemi Pinskiej*, Warszawa 1935, s. 41.

[38] Н.И. Костомаров, «Южная Русь в конце XVI в.», *Исторические монография и исследования*, СПб 1867 г., т. 3, с. 18.

[39] Рэгіна Гамзовіч, «1025 годдзе Турава і 1000-годзе Тураўскай епархіі», *Голас Радзімы*, 13 кастрычніка 2005 г., № 40-41, с. 6.

Полесья вдоль Припяти, Днепра и Друти. В места, где вспыхивал протест, посылались отряды шляхты «городы воевать и белорусцев жечь».[40]

В еврейском народном сознании события хмельнитчины запечатлелись как *гзерот тах* («господни кары», *иврит*). За 1648–1667 гг. на всей территории Речи Посполитой, охваченной восстаниями и войнами, погибло, умерло от эпидемий и голода не менее 50 тыс. евреев. Истребление около четверти еврейского населения страны, в которой была сосредоточена самая многочисленная и образованная община, оказало глубокое влияние на еврейский мир. В еврейском фольклоре, литературе и историографии образ Хмель-Злодей надолго утвердился как одна из самых одиозных и зловещих фигур.[41]

Девятнадцать лет непрерывных походов закончились *Андрусовским перемирием*.[42] Экономический кризис послевоенных лет сопровождался усилением крепостного права и ростом налогов. Крестьяне Белоруссии отбывали *барщину* (отработка на полях помещика), вносили *дзякло* (натуральный) и *чинш* (денежный) налоги, выполняли другие многочисленные повинности. Усиление эксплуатации приводило к обнищанию населения и обостряло классовую борьбу. Крестьяне жаловались гетману и королю, отказывались от уплаты налогов, бежали от своих хозяев или участвовали в вооруженном противостоянии: нападали на поместья шляхты, сопротивлялись войскам или поддерживали казаков и гайдамаков.

Гайдамаки

На юг Белоруссии и Туров заходили *гайдамаки* (гайдуки),[43] движение которых зародилось на Правобережной Украине. Они выступали не только против местной шляхты и католического духовенства, но и еврейского населения в принципе. Отряды гайдамаков состояли из беглых крепостных, укрывавшихся от помещиков в степях Приднепровья. К ним присоединялись городская беднота, обедневшая украинская

---

[40] Л.С. Абецедарский, *Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI-XVII вв.*, Минск 1978 г., с. 22.

[41] Идеологи украинского национального движения, ряд писателей и историков, включая Н. Гоголя, Н. Костомарова и Т. Шевченко, считали борьбу Б. Хмельницкого легитимной и справедливой. Только с обретением Украиной независимости (1991) отношения евреев и украинцев вступили в период нормализации.

[42] В 1667 г. подписано в д. Андрусово под Смоленском, по которому Левобережная Украина, Чернигов и Смоленск оставались за Россией, а Правобережная Украина и Белоруссия - за Польшей, заключен союз против Османской империи; украинская оппозиция рассматривала этот шаг как отказ от решений Переяславской рады 1654 г. и раздел Украины между двумя имперскими соседями.

[43] *Гайдамаки* - украинские крестьяне-повстанцы в XVIII в. (haydamak - букв. «угонщик скота», «грабитель», *турецк*.).

шляхта, низшее православное духовенство, бежавшие из России старообрядцы и даже отдельные выкресты-евреи.

Гайдамаки считали себя продолжателями дела Богдана Хмельницкого и, когда их действия наносили ущерб польской стороне, пользовались поддержкой русских властей и православной церкви. Они нападали на проезжих купцов и небольшие поселки, преследовали евреев-арендаторов, опустошали местечки, не имевшие защиты, грабили, насиловали, убивали. В годы подъема движения (1734, 1750, 1768) крупные отряды гайдамаков совершали набеги даже на хорошо укрепленные города, включая Пинск, Мозырь, Давид-Городок и Туров. Как правило, их появление влекло за собой множество жертв среди мирного населения. Злодеяния гайдамаков нашли отражение во многих произведениях еврейского фольклора (песни, плачи и т. п.), хрониках, респонсах и пинкасах.[44]

В сентябре 1736 г. по приказу короля на защиту Мозырского повета вдоль границы с Украиной были направлены татарские *хоругви*[45] Козетульского и Ахматовича. В феврале 1737 г. их дополнили частями легкой кавалерии ротмистра Барановского. Однако этих сил не хватало, и в 1738 г. сюда прибыл полковник Неслуховский.[46] В январе, апреле и июне 1739 г. гетман Великого княжества Литовского издал указы об усилении охраны юго-восточной части Полесья. Все хоругви были размещены вдоль реки Припять от Мозыря до Чернобыля и от Чернобыля до Брагина. Несмотря на это, движение гайдамаков продолжало сохранять свою силу, его поддерживала часть местных крестьян, недовольных крепостной зависимостью. Повстанцы разоряли местечки, господские и шляхетские усадьбы по всей долине Припяти, уничтожали «кабальные» документы, жгли костелы, униатские церкви и синагоги. Осенью 1750 г. Иван Подоляко и его *поплечники* («сподвижники», *белорус*.) днем скрывались в камышах, а по ночам поднимались на лодках вверх по течению Днепра и Припяти. Они грабили и убивали купцов, представителей местной администрации и всех поляков и евреев, которых встречали на своем пути.[47]

В марте 1751 г. делегация Мозырского повета жаловалась гетману Великого княжества Литовского на «постоянные наезды гайдамаков и бунты собственных подданных» и просила прислать дополнительные военные силы. Всего в Полесье была дислоцирована почти половина всей кавалерии ВКЛ. В 1764 г. Варшавский сейм принял

---

[44] Романтизированные представления о гайдамаках запечатлены в украинском фольклоре и литературе (Т. Шевченко, *Гайдамаки*, 1841 г.) как о борцах за национальную независимость; конные части «казацких войск» Петлюры, устроители массовых еврейских погромов (1918-1920), также называли себя гайдамаками.

[45] *Хоругвь* (chorągiew, *польск.)* - организационно-тактическая единица в рыцарском войске средневековой Польши и Литвы, состоявшая из 25-80 копий, в XVI-XVIII веках - подразделение в польско-литовской армии, соответствовавшее роте.

[46] А.П. Игнатенко, *Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией*, Минск 1974 г., с. 106.

[47] Там же, с. 133.

специальное решение об укреплении защиты Мозырского повета и Турова от отрядов гайдамаков. Крестьянские волнения здесь были подавлены только в 1771 г.[48]

«Яблоко раздора»

Полесье неоднократно становилось ареной военных столкновений Польского королевства и Российского государства. После казацкой смуты 1648–1649 гг. русский царь долго не решался начать военные действия, опасаясь вмешательства Австрии, Франции, Швеции и крымского хана. Новая война разразилась в мае 1654 г., когда на территорию Белоруссии вступило московское войско в 100 тыс. чел. Пограничные города и замки Великого княжества Литовского оказались неготовыми к вторжению. Ополчение Речи Посполитой, собранное для обороны, не превышало 10–12 тыс. чел.[49] К августу 1655 г. Полоцкое, Витебское, Мстиславльское воеводства, Оршанский, Стародубский, Речицкий и Мозырский поветы были оккупированы русскими полками.[50]

На Полесье царские войска поддержал отряд крестьян под руководством Григория Черного. Он действовал в окрестностях Турова, Давид-Городка, Столина и Пинска. Повстанцы громили панские и шляхетские имения, сжигали документы о крепостной зависимости, определявшие налоги и повинности. Осенью 1655 г. полки русского князя Д.А. Волконского появились под стенами Турова. Жители, предвидя кровопролитие, вышли навстречу с иконами и дали присягу на верность царю Алексею Михайловичу. Русские воеводы опустошили Мозырь и его окрестности. В декларации сейма Речи Посполитой 1659 г. было записано, что все Минское воеводство «уничтожено».[51]

Однако в конце концов весной 1662 г. царским войскам пришлось оставить Туров. Война с Россией привела Полесский край к катастрофическому положению. В Мозырском повете потери населения были ошеломляющими. Если до 1648 г. здесь проживало 36 тыс. 932 чел., то в 1667 г. – 14 тыс. 982 чел., или на 59,4% меньше.[52] Война стремительно ухудшила материальные условия жизни, изменила социальную структуру населения, языково-культурную и конфессиональную картину, стала одной из причин экономического кризиса белорусских земель и привела к общему упадку Речи Посполитой.

---

[48] А.Я. Барсук, С.А. Гайко, «У складе Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай», *Мазыр: гісторыя і сучаснасць*, Гомель 2005 г., т. 1, с. 35.

[49] Г. Сагановіч, Указ. соч., с. 275.

[50] А.Ф. Вишневский, А.М. Литвин, *Туров*, Минск 1980 г., с. 15.

[51] А.Я. Барсук, «Мазыршчына ў часы Рэчы Паспалітай», *Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы.* Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі 28-29 верасня 2006 г., Гомель 2006 г., с. 8-9.

[52] Г. Сагановіч, Указ. соч., с. 402.

Присоединение к России

Восстановить мирную жизнь на Полесье в конце XVIII века не позволил политический кризис в Речи Посполитой. В результате трех разделов Польши (1772, 1793, 1795), которые совершили Россия, Австрия и Пруссия, некогда могучая держава исчезла с карты Европы.

Белорусские земли были включены в состав Российской империи. В 1772 г. Россия заняла Полоцкое, Витебское и Мстиславльское воеводства. Запоздалые реформы не предотвратили распад польского государства. Конституция 3 мая 1791 г. должна была устранить принцип *либерум вето*,[53] обуздать шляхетскую анархию, смягчить социальное неравенство, ввести основы гражданского общества и установить прочную и дееспособную централизованную власть. Недовольная часть шляхты создала конфедерацию и запросила о помощи императрицу Екатерину Великую. Русские войска под командованием генерала М.Н. Кречетникова вошли на территорию Белоруссии и аннексировали Мозырский повет. Императорским указом от 8 декабря 1792 г. Мозырь и его округа отошли к Черниговской губернии. 13 апреля 1793 г. были основаны три новые губернии – Минская, Изяславская, Браславская, а Мозырский повет упразднили. Однако уже в 1795 г. он был восстановлен в составе Минского наместничества, а в 1796 г. – Минской губернии.[54]

Во время второго раздела 1793 г. вспыхнуло антирусское восстание во главе с Тадеушем Костюшко, уроженцем местечка Меречевщина на Полесье.[55] Костюшко был очень популярен в народной среде, в своем имении он отменил крепостное право, полагая, что только свободные люди могут чувствовать гражданскую ответственность.[56] Однако осенью повстанцы потерпели ряд сокрушительных поражений. Костюшко был разбит и попал в плен, Варшава взята приступом войсками Суворова, которые устроили кровавую расправу над ее защитниками.[57]

После третьего раздела в 1795 г. Польша как государство перестала существовать. Россия получила оставшиеся литовские, белорусские и украинские земли

---

[53] *Либерум вето* (Liberum veto - «свободное вето», *лат.*) - принцип парламентского устройства Речи Посполитой с XVII в., требовавший полного единогласия в решениях сейма; любой депутат мог остановить работу сейма вообще, выступив против; решение, принятое большинством против желания меньшинства, считалось нарушением принципа политического равенства.

[54] А.Я. Барсук, С.А. Гайко, Указ. соч., с. 38.

[55] Анджей Тадеуш Бонавентура Костюшко (Andrzej Tadeusz Bonawentura Kościuszko, *польск.*; 1746-1817 гг.) - польский и американский военный и политический деятель, участник Войны за независимость США, организатор польского восстания в 1794 г., национальный герой Польши, США.

[56] Костюшко двинулся на Варшаву, где уничтожил русский гарнизон; аналогичное восстание освободило Вильно, а летом 1794 г. повстанцы удачно выдержали осаду Варшавы русско-прусскими войсками.

[57] А.Ф. Петрушевский, *Генералиссимус князь Суворов*, СПб 1900 г., т. 3; 2-е изд., гл. 17 «Польская война: Прага; 1794 г.».

к востоку от Буга и линии Немиров–Гродно общей площадью 120 тыс. кв. км, где проживали 1 млн 200 тыс. чел.[58]

Туров был включен в состав Российской империи после второго раздела Речи Посполитой. В это время одна его часть принадлежала графу Соллогубу, а другая была отдана генералу Салагинову. Полесский край привлек внимание английских лесопромышленников, которые купили у Салагинова Туров с примыкающими к нему имениями, расположенными вдоль Припяти. Английская акционерная компания Питта и Форстера приобрела у Соллогуба лесные участки. Используя дешевый крепостной труд крестьян, они планировали провести массовую вырубку пойменных дубрав и сплавлять лес по Припяти, Днепру и Западному Бугу. Только вмешательство правительства Павла I положило конец трехлетнему произволу английских компаний. В 1800 г. договор был расторгнут, и Туров перешел к казне.[59]

Евреи Полесья, переживавшие чувство апатии после упадка и разделов Речи Посполитой, некоторое время надеялись на перемены, связанные с политикой Наполеона I Бонапарта. В 1807 г. Наполеон из польских земель, отнятых у Пруссии, образовал герцогство Варшавское, к которому в 1809 г. присоединил польские земли, завоеванные у Австрии. Конституция, составленная Наполеоном, провозглашала равенство всех граждан перед законом.[60] После поражения Наполеона в России в 1812 г. его сторонников постигли жестокие репрессии с конфискацией имущества и ссылкой на Кавказ.

Следующим крупным событием стало польское восстание в 1830 г.[61] Бои с русскими войсками затронули и Полесье. В Мозырском и Речицком уездах в сопротивлении приняли участие не менее двух тысяч человек, среди которых были и евреи. Поражение восстания вызвало новую волну репрессий – участники были сосланы в Сибирь и восточные губернии России, отданы в рекруты на 25 лет; принудительно вводилось изучение русского языка.

Смерть Николая I вызвала новый подъем освободительного движения, что в январе 1863 г. привело к восстанию. На Полесье его возглавил Ромуальд Траугут, владелец поместья Остров около Антополя. Правительство направило в Белоруссию и Литву карательный корпус М.Н. Муравьева, по прозвищу Вешатель. По его приказу усадьбы участников антиправительственного мятежа разрушались, а имущество конфисковывалось. В Белоруссии и Литве 128 чел. были казнены, 800 отправлены на каторгу, а 12,5 тыс. чел. выселены, в том числе 500 чел. в Сибирь. Военное положение в Минской губернии было отменено только в 1869 г.[62]

---

58 З. Шыбека, *Нарыс гісторыі Беларусі, 1795-2002 гг.*, Мінск 2003 г., с. 13.

59 А.К. Киркор, Указ. соч., с. 380.

60 В соответствии с указом Наполеона от 17 марта 1808 г., реализация этого права в отношении евреев была отложена на 10 лет.

61 Восстание 1830 г. (Powstanie listopadowe*, польск.*) на территории Царства Польского, Литвы, частично охватившее Белоруссию и Правобережную Украину, продолжалось до 21 октября 1831 г.

62 И.И. Ковкель, Э.С. Ярмусик, *История Беларуси с древнейших времен до нашего времени*, Минск 1998 г., с. 137.

Черта оседлости

После первого раздела Польши Екатерина Великая пообещала сохранить все свободы и права еврейских общин.[63] В результате второго и третьего разделов белорусским евреям разрешили постоянно проживать в Минской, Полоцкой (Витебской) и Могилевской губерниях, а после третьего – во вновь образованных Виленской и Гродненской.

Понятие «черта оседлости» появилось при Николае I (1796–1855), который сделал ее одним из главных инструментов российского правительства в отношении еврейского населения[64]. Власти старались не допустить евреев во внутренние губернии. Не последнюю роль в проведении подобной политики играли религиозные мотивы.[65]

В годы правления Александра II (1855–1881) евреям дали ограниченное право на жительство за пределами черты оседлости. Правительство заявило, что российское еврейство еще не избавились от «фанатизма и невежества», и поэтому отменять черту оседлости рано. Право повсеместного жительства получили купцы первой гильдии, лица, имевшие научную степень, некоторые категории ремесленников[66] и евреи, отслужившие в русской армии по рекрутским наборам.

Александр III (1881–1894) ввел «Временные правила» 3 мая 1882 г., согласно которым евреям запретили проживать в селах и деревнях. Существование черты оседлости порождало ряд злоупотреблений со стороны администрации при предоставлении евреям права на жительство в различных населенных пунктах империи.[67]

Николай II (1894–1917) продолжил выселение евреев, что крайне негативно отразилось на их экономическом положении, в 1897 г. около половины евреев черты оседлости не имели работы. Началась массовая эмиграция за границу,[68] еврейская молодежь приняла участие в революционном движении. Существование черты

---

[63] Екатерина II Великая (1729-1796 гг.) повелела, чтобы в официальных российских документах вместо слова «жид» писали «еврей».

[64] *Черта оседлости* (1791-1917) - граница на территории России, за пределами которой евреям запрещалось селиться и постоянно проживать (исключение составляли только купцы первой гильдии, врачи, юристы и представители свободных профессий), охватывала 15 губерний Царства Польского, Литвы, Белоруссии, Бессарабии, Курляндии и большей части Украины.

[65] Дж. Д. Клиер, *Россия собирает своих евреев*. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772-1825 гг., Москва-Иерусалим 2000 г., с. 15.

[66] Право на жительство получали только ремесленники, занятые «обработкой вещей, требующей известной степени знания или искусства».

[67] Ш. Эттингер, «Формирование основных принципов и тенденций политики русского правительства в отношении евреев после разделов Польши», *Россия и евреи.* Сборник статей, Иерусалим 1993 г., с. 155-158.

[68] В 1881-1914 гг. только в США из России эмигрировали 1 млн 557 тыс. чел.

оседлости подрывало международный авторитет России и вредило ее экономическим отношениям с другими странами. Накануне революции 1905–1907 гг. правительство разрешило евреям проживать в 101 населенном пункте черты оседлости, которые фактически стали местечками. К 1914 г. этот список был расширен до почти 300. В годы первой мировой войны из района прифронтовых действий сотни тысяч евреев были высланы в глубь страны. Города и местечки черты оседлости не могли вместить всех беженцев.[69]

Полная ликвидация черты оседлости в России произошла после Февральской революции. 20 марта 1917 г. Временное правительство отменило все «ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности». Первая мировая и гражданская войны, революция, отмена черты оседлости способствовали разрушению традиционного уклада жизни евреев и переселению их из местечек в крупные города и внутренние районы России.[70]

* * *

В тысячелетней истории Турова евреи являлись спутниками белорусов почти пять веков. Начав этот путь от первых купцов и путешественников, познакомившихся с Полесьем в XIII–XIV веках, они основали поселения, которые со временем стали местечками. С разрешения русских и литовских князей, а потом польских королей евреи остались на белорусской земле и умножали ее богатства.

Владыки Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, гетманы, магнаты и шляхта с большой выгодой использовали пребывание евреев, их финансовые способности, организаторский талант и предприимчивость, искусство ремесленников. Одновременно евреев можно было сделать виновниками всех бед в ходе крестьянских войн и антифеодальных выступлений, заканчивавшихся пролитием крови и дележом имущества. Польско-литовская элита сталкивала евреев с белорусами, подвергая тех и других нещадной эксплуатации. Христианская традиция (католики, униаты и православные) подогревала ненависть к иудаизму. Нередко церковь стремилась примирить враждующие стороны (поляков, белорусов и русских), обвиняя во всех земных грехах евреев.

Разделы Речи Посполитой привели к тому, что на подвластной России территории оказалось около одного миллиона евреев, или половина всего еврейского населения в мире. Тысячи евреев, успевших обосноваться на Полесье, были ре-

---

69 С. Гольдин, «Русское командование и евреи во время первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа», *Мировой кризис 1914-1920 годов и судьба восточно-европейского еврейства*. Сб. статей, Москва 2005 г., с. 29-31.

70 Р. Пайпс, *Русская революция*, ч. 1, Москва 1994 г., с. 327.

месленниками, арендаторами, торговыми посредниками и купцами, рыболовами, старателями лесных промыслов, извозчиками или батраками.

Быстрое развитие капиталистических отношений, начавшееся в Белоруссии после отмены крепостного права и событий 1863 г., выдвинуло евреев на передние позиции в крае. Будучи всегда лично свободными, они смогли быстро собрать первоначальный капитал и проявить экономическую активность. Все первые мануфактуры, паровые мельницы, переправы через реки, кирпичные и смолокуренные предприятия в Мозырском уезде и Турове в XIX веке принадлежали евреям. Это дало власти повод переложить на них ответственность за все пороки капиталистического уклада хозяйствования, сделать первопричиной страданий разорившихся крестьян и упадка деревни.

Бесправное положение еврейского населения и дискриминация по национальному признаку в России толкнули в революцию одних и привели к массовой эмиграции других. Первая мировая война и оккупация Полесья войсками кайзера Вильгельма II нарушили жизнь еврейского местечка. К началу советской эпохи евреи Турова оказались перед новой реальностью, вынуждавшей приспособиться к ней во что бы то ни стало.

Природа и люди

Современный облик Полесья сложился под влиянием ледника, который сравнял существовавшие в прежнюю эпоху возвышенности и впадины и создал новые. Он оставил после себя цепь невысоких холмов, которые разграничили Полесье с севера на юг, а между ними – широкую низину, с песчаными дюнами и пустошами на севере. С окрестных возвышенностей сюда стекали многочисленные реки, которые, замедляя свой бег, продолжали течение среди низких заболоченных берегов. Обширные геологические пласты глины задерживали воду.[1] Монотонность топей и равнин оживляли песчаные дюны, которые ветер переносил с места на место, постоянно меняя пейзаж.

Полесье простирается более чем на сто тысяч квадратных километров между двумя возвышенностями: Белорусской – с севера и Волынской – с юга. Восточная его граница проходит через Днепр и упирается в Десну, а западная пролегает по Бугу. Весь край пересекают реки и речушки, которые образовали сеть притоков Припяти – Стырь, Горынь, Уборть, Ясельда, Пина, Лань, Турия, Стоход и многие другие. Полесье резко выделяется в геологическом, гидрологическом, климатическом, этнографическом отношении. Низменность, раскинувшаяся в гигантской котловине, включала в себя Мозырский, Речицкий и Бобруйский уезды Минской губернии.

Название *Полесье* происходит от старославянского *лес*, что означало «низкорослый лес», «болотистый лесок», «берег, граница леса», «лесное логово зверя», «лесная местность среди болот». Кроме того, существует балтийская этимология, где слова *pala*, *paleos*, *pelese*, *pelyso* означают «болото» или «болотистый лес».[2]

Северная часть Полесья (Литовское) включает в себя Верхнее (Пинское)

---

[1] А. Смолич, *География Беларуси*, Минск 1919 г., с. 12.

[2] *Этнаграфія Беларусі*, Энцыклапедыя, Мінск 1989 г., с. 378.

и Нижнее (Мозырское). Местные жители делили Полесье на *глухое*, или *глубокое* (покрытое лесами), и *запалое* («впалое, запавшее», *белорус.*), где леса прерывались озерами и болотами. Возвышенная, небогатая лесами часть Полесья носила название *загородье*, или Сухое Полесье, тянувшееся клином от Бреста до Пинска. На север и юг от Сухого простиралось Полесье лесов и болот, или *полесские багны*.[3]

Леса

Мозырское Полесье представляло собой край бесконечных лесов, болот и рек. И.С. Тургенев, посетивший эти места в 1857 г., сравнил вид огромного, весь небосклон обнимающего бора с морем. По словам писателя, первобытная, нетронутая сила расстилалась широко и державно перед лицом зрителя: «Мне нет до тебя дела, – говорила природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть».[4]

Сосновые боры и березовые, осиновые и дубовые пущи перемежались кустами рябины, зарослями орешника и ольхи. Роскошный лесной ковер создавали папоротник, дереза, брусника, ежевика, черника и грибы. На месте вырубленных, сгоревших, поваленных ветром деревьев возникали поляны, зараставшие земляникой и полевыми цветами. Среди них можно было увидеть орхидеи и желтую азалию понтийскую. Леса прятали в чаще болота торфяники, покрытые мхом, клюквой и голубикой. Встречались исключительно песчаные участки, поросшие сосной и устланные толстым слоем иголок. Боры называли *шчырыми* («подлинными, нерукотворными», *белорус.*), они поднимались на сухих возвышенностях. В низменных местах земля становилась более мягкой, и бор постепенно сменялся *темным лесом* – олешником, который поднимался на небольших кочках среди воды. Там преобладали черная ольха, ясень, осина и береза, а в подлеске – верба, черемуха и смородина. Эти же виды кустарника были характерны и для лугов, которые занимали пространство вдоль рек и ручьев, болотистую и плодородную землю. Полесские ольховые пущи по своей плотности и недоступности мало уступали тропическим джунглям.[5]

Главное богатство края составляли леса и пущи. По мере удаления от Мозыря берега Припяти покрывали тенистый можжевельник и сосняк, постепенно сменяясь густым лесом, переходившим в глухие, заповедные чащи многолетних гигантских дубов. Туровские пущи отличались очень высокими липами, кленами и пихтами

---

3 *Slownik geograficzny Krolestwa Polskiego i innych krajow slowianskich*, Warszawa 1887, t. 8, s. 580.

4 А.С. Тургенев, «Поездка в Полесье», Рассказ. *Полн. собр. соч. в 12 томах*, СПб 1898 г., т. 5, с. 271.

5 K. Moszynski, *Polesie Wschodnie. Materialy etnograficzne z wschodniej czesci bylego powiatu mozyrskiego oraz powiatu rzeczyckiego*. Warszawa 1928, s. 6-8.

и напоминали Беловежскую пущу. Громады хвойного леса пестрели зелеными пятнами небольших березовых рощиц, нигде не светлели поля – только зубчатые верхушки деревьев и тонкий вечный туман висел вдали над ними.[6]

С окраины, ближе к лугу, росли березы, осины, липы, клены и дубы. Потом сплошной стеной надвигался густой ельник, далее краснели голые стволы сосен, а там опять тянулся смешанный лес, заросший снизу кустами орешника, черемухи, рябины и крупными сочными травами. Солнечные лучи ярко освещали верхушки деревьев и, рассыпаясь по ветвям, лишь кое-где достигали земли, побледневшими полосками и пятнами. Иногда деревья редели, расступаясь, впереди светлело, и могла показаться песчаная поляна, на которой поднималась жидкая рожь. Невидимый ручеек мирно болтал переливчатыми и гулкими звуками. Вдруг дорогу перегораживала недавно упавшая береза, местами просека была залита водой. По обеим сторонам расстилалось лесное болото, зеленое и темное, покрытое тростником и мелким ольшаником. Утки взлетали попарно, и странно было видеть этих водяных птиц, быстро мелькавших между соснами. Ветерок приносил тонкий и крепкий запах жженого дерева, белый дымок расползался вдали круглыми струйками по синему лесному воздуху: знать, мужичок промышлял уголь на стеклянный завод или фабрику. Дальше становилось глуше и тише вокруг, только высоко над головой слышался сдержанный гул по верхушкам деревьев. Сердце начинало ныть понемногу и хотелось выйти поскорее на простор, вздохнуть полной грудью, настолько давила эта пахучая сырость и гниль…[7]

Болота

Полесье по праву называли «царством болот», половину которых составляли трясина и топи. Болота занимали четвертую часть всего пространства в долине Припяти. С юга они граничили с Волынской губернией и Галицией, с запада – с Гродненской губернией, с севера – с Минской губернией и с востока – с водоразделом по верховьям притоков Березины и Птичи. Существовало предание, что некогда Черное море простиралось до самого Пинска, но по приказу князя Киевского раскопали горы и спустили задерживаемые ими воды, от чего на месте моря остались одни болота.[8]

Болота делились на открытые и поросшие лесом и камышом. Самое крупное, Качаевское, достигало четырех с половиной тысяч квадратных километров. Его поверхность покрывали лоза, осока, карликовые сосны, березы, верба, дуб и ольха.

---

[6] П.М. Шпилевский, «Мозырщина», *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России,* издаваемый Николаем Колосовым. Кн. 3, СПб 1859 г., с. 43.

[7] А.С. Тургенев, Указ. соч., с. 274.

[8] А.К. Киркор, «Долина Припяти», *Живописная Россия*. Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное воспроизведение издания 1882 г., Минск 1994 г., с. 339.

Среди болота цвели повитуха, лотосы, водяные лилии, которые вместе с лозой по праву могли считаться знаком Полесья.[9]

Четыре пятых территории Мозырского уезда составляли труднопроходимую низменность, покрытую лесами и болотами. В северной его части раскинулось Гричинское болото, открытое и непроходимое, которое простиралось непрерывно на почти семьсот квадратных километров. Местные жители считали «свое» болото заливом бывшего моря. За ним на протяжении свыше четырехсот квадратных километров тянулась новая череда болот, бравших начало от реки Случь, заканчивавшаяся озером Князь (Жид).

Болота и топи не походили друг на друга. Самое большое пространство занимали осоковые луга на торфяниках. Влажные весной, они высыхали летом настолько, что попавший на них огонь невозможно было окончательно затушить, и он тлел до осени или даже зимы. Наиболее красивыми и привлекательными считались *поплавы* – заливные луга в соседстве с болотами, поросшие сладкой травой и множеством разнообразных цветов. Одновременно они были и наименее доступными. На болотах, соприкасавшихся с лесами, обитали лоси, олени, рыси и медведи. Внезапно можно было наткнуться на колонию бобров. Водяные птицы без хлопот находили пищу в реках и озерах, изобиловавших рыбой.

Зимой болота представляли собой однообразную белую пелену, окаймленную темно-синими сосновыми лесами или черными ольховыми рощами. Местами по болотам стелились кустарники или желтая щеточка *черета* – сухого тростника. В сумерках волк или лиса могли гоняться за куропаткой или зайцем. В некоторых местах над землей стелился пар, это обозначали себя *выжары* – бездонные, никогда не замерзающие болота, в которых можно было круглый год ловить вьюнов и карасей. Летом болота превращались в бескрайнее зеленое море осоки, которую волновал ветер. По кочкам важно бродил аист, высматривавший добычу – змею или лягушку. Болотная жижа имела красный оттенок от повышенного содержания железа и разлагающейся растительности. *Полешуки* запасали на болотах сено, косили молодой черет – излюбленную пищу овец и коз.[10]

Животный мир

Пойма Припяти и впадающие в нее Ствига и Уборть были расположены на пути миграции многочисленных видов рыб, птиц и некоторых видов млекопитающих. Там обитало много кабанов, лосей, косуль, бобров, черных аистов, которых дополняли беспозвоночные и пресмыкающиеся. Среди более 250 видов птиц встречались очень редкие – крачка, кулик-сорока, малая чайка, гоголь,

---

[9] Гражына Рушчык, *Палессе. Фотаздымкі з двадцатых і трыдцатых гадоў*, Варшава 1999 г., с. 24.

[10] *Полесье и полешуки*. Из путевых заметок. Народная библиотека В.Н. Маракуева. Изд. 4-е, Одесса 1897 г., с. 26-27.

зимородок, лазоревка и др. Среди водоплавающей птицы преобладали кряква и чирек-трескунок. Пойменные луга населял особый вид куликов, который не встречался больше нигде в Белоруссии. Луга были удивительно своеобразными – воссоздавали ландшафты тундры с характерными для нее гнездовьями птиц. В районе Турова, при впадении Ствиги в Припять, останавливались при перелете на юг шилохвост, большой зуек и мородунка, чибисы, большой веретенник и малая крачка.

Богатство кормов и наличие островных пойменных дубрав обусловили проживание здесь самых крупных в Белоруссии колоний серой цапли и большого баклана. Пойменные леса, удаленные от дорог и окруженные болотами, помогли сохранить филина, черного аиста и такие редкие виды птиц, как клинтух, воробьиный сыч, бородатый неясыть, зеленый, седой и белоспинный дятлы, лазоревка, сизоворонка. Замкнутые участки старого русла, рукава и другие речные образования, извилистый водоток реки с естественными крутыми берегами позволяли селиться норке и бобру.[11]

На речных островах или в пущах за Припятью обитали крупные млекопитающие, первое место среди которых принадлежало лосю, или *сохатому* (*сохи* – «рога», *ст-слав.*). Его отличали скорость бега по пересеченной местности, необыкновенные мускулы и выносливость, осторожность и отвага в случае опасности. Кабан, или *одинец*, достигал 160 кг. Днем он проходил большие расстояния, ночевал в глухой чаще, питался кореньями болотных растений. Сила одинца была настолько велика, что ему был не страшен волк, и только стая хищников могла с ним справиться. Летом полешуки выгоняли стадо домашних свиней в лес или отводили на острова. Если к стаду приставал дикий кабан, то волкам не удавалось добыть ни одного поросенка. Осенью стадо возвращалось в хлев хозяина с приплодом, а одинец сопровождал его до самого местечка и возвращался в лес.

В пойме Припяти были представлены все виды амфибий и рептилий, отмеченные в Белоруссии, включая такие редкие, как болотная черепаха, медянка, камышовая жаба и квакша. На болотах гнездились тетерева, серый журавль, кроншнеп, большой улит, змееяд, глухарь и трехпалый дятел. На восток от Турова чередование пойменных дубрав с заболоченными участками создавали условия для гнездовий красноголовой чернети, лысухи, малого крохаля, белоглазого нырка, лутка, большой и малой выпи.

Болота вокруг Турова, окруженные густым лесом, изобиловали дикой уткой. За зиму они настолько отъедались вьюнами, что не в состоянии были взлететь. Весной жители местечка и окрестных деревень направлялись на болото, чтобы собрать утиные яйца, и в каждом доме была даровая яичница.[12]

Животные и птицы были героями народных поверий. Считалось, что если

[11] М.М. Пикулик, А.В. Козулин, «Животный мир», *Тураўшчына: мінулае, сучаснасць, будучыня.* Вып. 1, Мінск-Тураў 2000 г., с. 24-26.

[12] *Полесье и полешуки*, с. 21-23.

бусел («аист», *белорус.*) выбросит из гнезда яйцо, то год будет неурожайным; если птенца – наступит голодный год. По легенде, аист прежде был человеком, но за неповиновение Бог обратил его в птицу, а его мать за то, что родила такого сына, была отправлена в ад, где благодаря молитве она высвободила одну ногу.

В начале XX века бесконечные сосновые леса тянулись на сотни километров, загроможденные упавшими и срубленными стволами, которые никто не расчищал. В пущах Полесья зима особенно умеренная, поэтому сложилась пословица: «Въехал в лес, что в кожух влез». Бездонные болота никогда здесь не замерзают, умеренность зимы позволяла жить и находить пищу множеству кабанов и уток.[13]

Туровщина

Туров находился среди девственных лесов, рек, озер и болот. В междуречье Припяти и Ствиги существовала уникальная природная зона, располагавшаяся над летним уровнем этих рек на высоте от трех до шести метров. Толщина плодоносного слоя достигала 1,2 м. Общая протяженность черноземных земель на юг от Припяти составляла 70 км, ширина – от 2 до 10 км. Плодородные земли Туровского края привлекли внимание человека в глубокой древности. Начало земледелия относится к бронзовому веку, подсечная система земледелия была рано заменена пахотной.[14]

Обилие водорослей, плаунов, папоротников и цветковых растений говорило о древних геологических эпохах палеозоя и мезозоя. Произраставшие здесь реликтовые растения: сальвиния и багульник, подбел, дубровник и клюква, грушанка круглолистая и брусника – были свидетелями бурных событий ледникового периода.

Природный растительный покров Туровщины занимает почти 70% территории всего региона и представляет собой сочетание лесной (40)%, луговой (20%), болотной (6%) и кустарниковой (4%) растительности. Северная его часть была покрыта в основном лиственными лесами – дубравами, ясенем, грабом, осиной, которые чередовались с черной ольхой, пушистой березой и ивой. На востоке и западе (Озеранское и Ричевское лесничества) встречались смешанные и чисто сосновые леса. Самую большую ценность представляли пойменные леса, уникальные по своему составу для всей Восточно-Европейской равнины. Вдоль южной части Туровской зоны встречались суходолы, природные котловины, заполненные торфом, поросшие ельником с редкими вкраплениями березы.[15]

---

13 *Живописная Россия*, с. 131.

14 Об этом свидетельствуют кремниевые серпы, обнаруженные в Турове в 1889, 1909 и 1927 гг.

15 А.В. Углянец, «Роль Припятского заповедника в сохранении биоразнообразия естественных ландшафтов Туровщины», *Тураўшчына: мінулае, сучаснасць, будучыня*, с. 12-14.

Население

Полесье колонизовали славяне, которые ассимилировали или вытеснили балтийские племена. В VII веке здесь осели три племени, которые считаются предками полешуков. С запада до Ясельди, Припяти и Горыни пришли *волыняне*, с востока – *дреговичи* (*дрег, древ* – «дрэгва», «багна», «болото», *ст-слав.*), а с севера до Припяти поселились *древляне* (*дерево* – «дрэва», *ст-слав*.).[16] Их упоминают самые ранние летописи, включая Нестора, автора «Повести временных лет».

Жители Полесья называли себя в зависимости от места своего проживания: *лясовые* («лесные»), *палявікі*, или *палюхі* («живущие среди полей»), *балацюкі*, или *багнюкі* («люди на болотах»). Людей, населявших эти места, Якуб Колас устами героя одного из своих произведений назвал: «“Полешуки” мы, а не человеки». Большинство местных жителей жило и умирало, так и не выйдя за пределы своего села, поля и луга. Невысокого роста, молчаливые, медлительные, закаленные тяжелым физическим трудом, они были неутомимыми землепашцами, охотниками и рыболовами. Полешуки носили короткие рыжие бороды, говорили на смеси (*трасянка*) белорусского, украинского и русского языков и сохранили лучшие качества «неиспорченного простолюдина» – честность и бескорыстие.

По плотности населения Полесье долго занимало последнее место в Белоруссии. В Мозырском уезде на один квадратный километр приходилось около 20 чел. Деревни полешуков представляли собой разбросанные примитивные избы в одно или два окна, выходившие на частокол из расколотых бревен, а не прямо на улицу. Крытого двора не было, избы имели огромные нависавшие спереди кровли. Вдоль улиц росли сосны с неизменным гнездом аиста, домашняя птица и волы свободно бродили между домами. В глухих местах жили *будники* и *рудники* – потомки беглых крестьян, скрывавшихся от помещиков. Первые добывали *поташ*,[17] а вторые – железную руду. Отрезанные от остального мира непроходимыми болотами, они находили скудное пропитание, пользуясь щедрыми дарами леса – грибами, ягодами и рыбой.

Туровцы, в отличие от полешуков, были среднего роста и отлично сложены, лица имели круглые, нос небольшой и толстый. Современники отзывались о них как о людях развитых, чистоплотных, умных, добрых и музыкальных – всю работу они сопровождали песнями. Семейные отношения и быт отличались патриархальностью. Из поколения в поколение сохранялось натуральное хозяйство, засевали полоски полей, собирали скудные урожаи. Огонь добывали из кремня, для освещения использовали лучину, подвешенную к потолку. Немудреное жилище из сосновых бревен на четыре маленьких окна, с соломенной крышей, земляным полом и хлев для скота. Излишек хлеба не продавали, а оставляли про запас, потому что за сильным разливом Припяти всегда следовал неурожай.

---

[16] М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1986 г., т. 1, с. 536.

[17] *Поташ* - техническое название карбоната калия, бесцветные кристаллы которого применялись в производстве жидкого мыла и стекла.

Полесье знало разные религиозные конфессии – православных, католиков, иудеев и мусульман (татар). Наибольшее количество приверженцев имело православие, главным образом среди крестьян и мелкой шляхты. В 1596 г. епископы двух основных христианских полесских *диоцезий*[18] (Пинско-Туровская и Брестская) подписали унию, которая узаконила белорусский язык в молитвах. Евреи со временем оказались самой большой после белорусов национальной группой, обосновавшейся главным образом в местечках и городах. Пинск, Карлин, Столин стали колыбелью еврейской учености, философии и науки. Еврейские купцы и ремесленники, лекари и адвокаты, предприниматели и посредники, корчмари и возчики, земледельцы и рыбаки стали неотъемлемой частью населения Полесья. Для того чтобы изготовить подкову или гвоздь, нужно было ехать к «жиду-кузнецу» за много километров. Современники отмечали, что единственным убежищем полешука, где он мог отдохнуть и расслабиться, была корчма местного еврея. Ее владелец являлся полновластным хозяином деревни – мудрец, советник и судья, у которого «вся деревня обыкновенно была в долгу».[19]

Первой Всероссийской переписью населения 1897 г. за критерий национальности было взято вероисповедание. Католика записывали поляком, а православного – русским. Подобным образом регистрировали евреев, татар и другие нации и народности.

Определенную проблему составлял язык полешуков, который определили как *тутэйшиий* («местный», *белорус.*), отказавшись признать самостоятельным диалект белорусского языка. В ХХ веке социологические, этнографические и лингвистические исследования показали, что жители Полесья принадлежали к особой группе, которая отличалась ярко выраженным самосознанием. Они не считали себя русскими, белорусами или поляками, а детьми своего края – тутэйшими.

Предания и суеверия

Традиционные занятия полешука, обусловленные природой края, – земледелие, скотоводство, охота, рыболовство. Жизнь среди лесов и болот выработала у него своеобразное поведение и особенности восприятия мира.

Особое уважение в долине Припяти питали к камню – древние предания здесь переплелись с христианскими легендами. Одна из них рассказывала, как на Пасху полешук запряг волов и начал пахать, за что вместе с волами и сохой был превращен в камни. На Полесье многие были убеждены, что в камнях можно разглядеть человеческие лица, образы животных, услышать жалобные стоны из-под камней.[20]

[18] *Диоцезия* (dioecesis, *лат.*) - округ, часть провинции, административная единица.

[19] *Полесье и полешуки*, с. 18.

[20] Суеверие о превращении в камни людей и животных подкрепляло то, что в болотах, на берегах рек и озер Полесья действительно много камней необычной формы, вид которых порождал фантастические образы.

Их фетишизировали, т. е. наделяли сверхъестественными свойствами, придавали им значение воплощенных божеств и почитали как культовые. Некоторые камни скоблили, чтобы получить каменную пыль и использовать как «лекарство».

Все сверхъестественное, не находя объяснения, поражало воображение жителей Полесья, которые верили в колдунов, чародеев и волшебников. Распространенной была вера в *завитки*. Считалось, что если кто-то на поле «завьет», завяжет горсть ржи или гречихи в узел, то причинит большое зло. Завитки оставляли на дороге, чтобы тот, для кого они были брошены, перешел их себе на беду. Для защиты завитки надо было сжечь на щепах осины, разбитой громом, и только тогда опасности можно было избежать.

Слово знахарей или чаровников считалось очень авторитетным, так как они объясняли значение грозных явлений дикой природы. Полешук верил в леших и русалок, в неистовом реве бури ему слышались хохот и стоны *упыря* (вампира). Упырь якобы выпивал, высасывал кровь спящего человека. Удар грома считали знаком Перуна, который разъезжал по небу, и из-под копыт его лошадей сыпались искры – молнии. Каждая упавшая на землю искра убивала дьявола. Дьявол, чтобы спастись, превращался в черную собаку, но небесная искра не щадила оборотня.

Считалось, что нельзя тушить пожар от удара молнии, который мог погасить только богатый человек, но не иначе, как заливая его молоком. Когда во время грозы вихрь поднимал столб пыли, это означало, что нечистая сила «гуляет», и если подобраться под такой столб и воткнуть острие ножа в землю, то брызнет кровь. В страшных ураганах, вырывавших из земли или ломавших деревья, полешук видел чертову свадьбу – будто над лесом мчался дьявольский свадебный поезд. На Полесье верили, что медведь когда-то был человеком: один решил напугать Бога – вывернул медвежий тулуп шерстью вверх и на четвереньках подполз к Иисусу, за что навсегда превратился в медведя.

Эпидемии холеры, тифа, чумы или оспы считались проделками смертоносной девы с огненным венком на голове и кровавой холстиной в руках. «Обыкновенные» болезни начинались якобы не естественным путем, а являлись наваждением ведьм или знахарей, владевших тайной *наворочать* («сглазить»). Считалось, что опытному знахарю ничего не стоило извести человека: достаточно было подбросить зачарованное яйцо или зелье, засунуть в колесо телеги сушеную лягушку. Опаснее всего было напоить жертву водкой с добавленным змеиным ядом. Яд знахарь брал от живой змеи, в пасть которой, поймав ее, заталкивал бобовое семя, а затем сек розгой до тех пор, пока та не околеет. Вынутый бобок сажали в землю, цветок которого напитывался страшным ядом.[21]

Известная пословица «Бога люби и черта не гневи» имела к полешуку особое отношение. Если не задобрить страшных посланцев сатаны, они могут вредить на каждом шагу, навести болезнь и даже смерть. На Полесье считалось, что природа

---

21 *Живописная Россия*, с. 352.

таила в своих недрах столько явлений, наводящих ужас на человека, что необходимо для защиты себя и своих близких прибегать к покровительству знахаря, не брезгуя колдовством, заговорами и «нечистой» обрядностью.

* * *

В течение многих веков Полесье оставалось нетронутым уголком Европы, страной болот, лесов, рек и озер, сохранившихся почти без перемен с незапамятных времен. Дикая природа помогала сохранить уникальную культуру патриархального мира человека, сумевшего приспособиться к ее законам и достичь необходимой гармонии.

Народные традиции и обряды веками шлифовали отношение людей к животному и растительному миру. Полешуки не представляли себя вне родного края и дали много примеров разумного отношения к окружающей среде, достигли тонкого понимания природы. Евреи, ступившие на эту землю более пяти веков назад, не встретили к себе враждебного отношения со стороны славян и со временем превратились в неотъемлемую часть местного этноса. Законы эволюции и естественного отбора заставили их быть не только выносливыми и трудолюбивыми, но и терпимыми к соседям, настраивали на сотрудничество и взаимопонимание.

Долгое время контакты Полесья с внешним миром были ограничены. Малоплодородные земли, нехватка основных полезных ископаемых сдерживали его освоение. Труднодоступность края усугубляла неразвитость путей сообщения. Еще во второй половине XIX века здесь можно было найти поселения, не отмеченные на картах. Внешняя изоляция отразилась на замкнутости крестьянской общины. Достижения цивилизации не затрагивали Полесье, у полешуков долго сохранялась традиционная родовая структура, унаследованная от предков, орудия труда, способы хозяйствования, обряды и верования, бытовавшие еще с языческих времен. Быт и мировоззрение «людей на болоте» во многом зависели от жизненного ритма природы.

В Полесье, несмотря на выраженную географическую и культурную обособленность, никогда не сформировались собственные властные структуры. Оно всегда составляло только часть истории соседних держав – Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, а после раздела последней было присоединено к России. В XX столетии Полесье было разделено между Польшей и Советским Союзом, а сегодня почти целиком принадлежит Белоруссии и Украине.

Семья и быт

Повседневная жизнь евреев и белорусов, столетиями сосуществовавших бок о бок, раскрывала характер каждого народа, объясняла природу их обоюдной терпимости, гостеприимства, взаимопомощи и одновременно – устойчивость сложившихся стереотипов. Семья существовала в рамках общины и следовала ее неписаным правилам. Заключение браков, рождение и воспитание детей, национальная кухня, отношение к явлениям природы – эти и другие стороны будней, сотканные из бесчисленного разнообразия случаев, складывались в опыт, передававшийся из поколения в поколение и служивший гарантией выживания.

Все основные события в Турове происходили на глазах у соседей. Иудаизм и православие направляли семью на каждом этапе жизни человека, негласно выступая гарантом равновесия двух народов. Государственная власть предпочитала не вмешиваться в этот процесс, если он не вступал в противоречие с законом.

Общая судьба

Быт еврейского дома, несмотря на общую бедность, не был лишен оптимизма. Повседневные «вздохи и стоны не затмевали взора» его жителей. В неповторимой мелодии еврейского быта звучали все колокола и колокольчики местечковой жизни, праздников и будней. У евреев черты оседлости не было чувства чужбины. Они не считали себя блуждающими странниками, попавшими на посторонний двор, с которого их вот-вот сгонят. Наряду с белорусами, они ощущали себя коренными жителями белорусских губерний. Нужда и забота о хлебе насущном не мешали видеть красоту окружающего мира. В Турове хорошо знали, что у кого варится в горшке, но считали, что бедность не порок. Жизненные трудности и скудость не лишали малоимущих людей собственного достоинства. Общий тон в Турове был живым и легким, ирония, шутка, пародия, острый намек приветствовались и были

доступны каждому его жителю. Ученый бедняк или разорившийся потомок *цадиков* (праведников) пользовался большим уважением, чем выскочка-богач. Люди могли завидовать соседу, у которого дом был просторнее, лавка доходнее, а денег больше, но это не было определяющим в отношениях. Культ совершенного знания, откровения и святости оставался ближе и понятнее сердцу традиционного еврея.[1]

Евреи и белорусы, которые разительно отличались друг от друга по внешнему виду, обычаям, верованиям и историческим преданиям, находили общий язык. Зависти между ними не было, потому что все с большим трудом искали скудное пропитание. Те и другие имели собственную нишу в хозяйственной жизни местечка.[2] Православное население занималось, как правило, земледелием, а евреи – ремеслами, торговлей и посредническими услугами. Деловые и личные связи, предприимчивость делали евреев необходимым звеном в хозяйстве Турова и за его пределами. Отношения между партнерами были самыми приязненными, крестьяне доверяли евреям больше, чем помещикам.[3] Случаи конфликтов на экономической почве имели место, но решались на основе взаимного интереса, часто без вмешательства властей. По оценке Змятрока Бядули (Самуила Плавника), соседство евреев и белорусов породило такие экономические связи, без которых обе нации уже не могли обойтись.[4]

Вступление в брак

Роль семьи в жизни еврейской общины трудно преувеличить. Безбрачие воспринималось как самое большое несчастье и позор. Еврей должен был жениться, даже если брак не сулил ему ничего хорошего, обрекал на нищету, голод, лишения и не гарантировал здорового потомства.[5] Заботу о неимущих невестах брала на себя синагога, которая помогала собирать деньги на приданое и свадьбу.[6]

По воспоминаниям старожилов, самые красивые девушки жили в Турове, куда приезжали еврейские женихи со всей округи, чтобы выбрать себе пару. Более половины еврейских девушек выходили замуж до 19 лет, а 45% – к 25 годам. Подобные браки влекли за собой раннее материнство. Почти 85% молодых женщин рожали

[1] С. Поляков-Литовцев, «Мелодии еврейского быта», *Новый журнал*. Под ред. М.М. Карповича и М.О. Цетлина, Нью-Йорк 1944 г., т. IX, с. 344.

[2] А.И. Паперна, «Из Николаевской эпохи». Воспоминания, *Пережитое:* Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России, т. 2, СПб 1910 г., с. 5-6.

[3] И. Зеленский, *Материалы для географии и статистики Российской империи*, Минская губерния, в двух частях, СПб 1864 г., ч. 2, с. 377.

[4] Змятрок Бядуля, *Жыды на Беларусі*. Бытавыя штрыхі, Мінск 1918 г., с. 8.

[5] Л.О. Леванда, «Старинные еврейские свадебные обычаи», *Пережитое*, СПб 1911 г., с. 104.

[6] В Турове, когда девушку из бедной семьи выдавали замуж, несколько еврейских женщин ходили по домам и собирали помощь на приданое для невесты, в их числе в роли сборщицы была Мина Шифман. Письмо Эти Шифман от 5 ноября 2006 г., Германия, Архив автора.

первенца до наступления девятнадцатилетнего возраста.[7] Одной из причин ранней женитьбы было стремление избежать призыва в царскую армию. Деторождение у евреев не было прямо увязано с годичным сельскохозяйственным циклом, как это происходило у белорусов-крестьян. Евреи избегали массового рождения детей летом, когда жизнь младенцев была наиболее подвержена опасности.[8]

Существенную роль играла традиция евреев по переходу молодоженов в дом невесты. Жизнь в кругу своей семьи обеспечивала молодой женщине защиту от мужа и его родственников. Это выгодно отличалось от положения белоруски, которая входила в семью мужа, чтобы занять в ней самую низкую ступень в семейной иерархии и подчиниться власти свекрови. На молодую жену возлагали исполнение самых трудных обязанностей по дому и работу в поле. Во время страды каждая пара рабочих рук была на счету – женщинам приходилось трудиться даже больше, чем мужчинам.[9] От молодых еврейских женщин тоже ожидали выполнения домашних и хозяйственных работ, участия в семейном бизнесе, но они имели возможность строить отношения с супругом в знакомой с детства обстановке и в окружении своих родственников.[10]

Случаи принудительного выбора спутника жизни у евреев были редкими. Имущественный антагонизм оставался устойчивым и передавался от родителей к детям. Стремление сохранить и преумножить то, что уже было накоплено в семье, служило важным условием будущего брака. Различия в социально-экономическом статусе родителей неизбежно влияли на взаимоотношения молодых людей. Межнациональные браки являлись исключением. Нарушение *табу* воспринималось как вызов общественному мнению, и немногие решались на это. Только очень сильное чувство могло заставить влюбленных нарушить неписаную традицию, противопоставить себя общине, добровольно отказаться от поддержки родителей, близких и друзей. Такой шаг наносил непоправимый урон репутации всей семьи. Подобное отношение сохранялось даже в советское время, несмотря на все ассимиляционные процессы. В Турове Роза Лайхтман в 1935 г. разошлась с первым супругом-евреем и уехала в Москву, где вышла замуж за Ивана Калашникова. Отец Розы, Берл, очень верующий человек, до последних дней не простил это дочери. Когда Роза приезжала в Туров, он с ней не разговаривал и отказывался брать что-либо из ее рук.[11]

---

[7] Andrejs Plakans and Joel M. Halpern, *An Historical Perspective on Eighteen Century Jewish Family Households in Eastern Europe: A Preliminary Case Study,* Modern Jewish Fertility, Paul Ritterband (ed.), Leiden 1981, p. 26-27.

[8] С.А. Новосельский, «Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России», *Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г*. Под ред. П.Н. Булатова, ч. 2, Петроград 1916 г., с. 53.

[9] И.Р. Эйгольц, *Материалы к антропологии белорусов*, СПб 1896 г., с. 18-19.

[10] Традиция рожать в родительском доме была настолько сильной, что сохранилась и при советской власти.

[11] Письмо Эти Шифман от 5 ноября 2006 г., Германия, Архив автора.

Иудаизм разрешал, но не поощрял развод. Один из комментариев раввинов на эту тему гласил: «Даже алтарь в храме льет слезы над тем, кто покидает свою жену». Инициатива при разводе сохранялась за мужчиной. Несмотря на внешнюю простоту процедуры (супругу достаточно было вручить жене *гет* – документ, в котором признавалось, что она свободна и может вступить в новый брак), распад семьи происходил редко. Наиболее распространенными причинами разводов были разногласия между мужем и женой, бесплодие, болезнь одного из супругов, отсутствие материальных средств на содержание семьи, призыв в армию и др.[12]

Сохранению семейных уз способствовал обычай публичного посрамления за супружескую измену. Обвинения в неверности подлежали тщательному разбирательству. Если раввины находили ответчика виновным, наказание состояло в публичном унижении. Согрешившему супругу (супруге) надевали на голову убор из перьев, и служитель синагоги водил провинившегося по улицам местечка.[13]

Роль женщины

Женщина, внешне незаметная, поставленная еврейской традицией на второй план за пределами своего дома, играла в семье главную роль. Она отвечала за благополучие домочадцев, вела хозяйство, заботилась о муже, наставляла детей. Несмотря на то, что женщина не была обязана регулярно посещать синагогу и участвовать в сложных обрядах, она являлась хранительницей домашнего очага, следила за соблюдением кашрута, обычаев и заповедей.

В условиях постоянного отсутствия мужа, занятого поисками заработка, за все отвечала жена. Не случайно во многих семьях детей называли по имени матери, что впоследствии перешло в наследуемые фамилии: Хайкины, Ривкины, Соркины, Эстеркины, Лейкины, Шифрины, Райкины, Малкины и т. д. В Турове к ним относились Гительманы (Гита), Дворкины (Двейра), Иткины (Ита), Рашкины (Рохл, Рахель), Ривлины и Рышкины (Ривка), Сошкины (Сора, Сара) и некоторые другие.[14]

Женская природа в глазах еврейского мужчины была полна соблазнов. Традиция требовала избегать длительного присутствия в доме посторонней замужней женщины, не разрешала мужчине вести себя фривольно, обращать внимание на ее красоту, ходить следом. Целовать и обнимать позволялось только самых ближайших родственниц и малолетних девочек. Целый комплекс правил регламентировал сексуальные

---

[12] В.А. Сабалеўская, «Традыцыйная яўрэйская сям'я на Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.», *Веснік ГрДУ,* Серыя гуманітарных навук, 1999 г., № 1, с. 17-19.

[13] М. Берлин, *Очерк этнографии еврейского народонаселения в России*, СПб 1861 г., с. 32-33.

[14] L. Smilovitsky, «History and Origin of the Jewish Last Family Names in Turov», *Journal of Federation of East European Family History Societies*, Salt Lake City (USA), vol. 11, 2003, pp. 29-35. www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/Turovnameslink.htm

отношения между супругами.[15] В идеальном образе еврейской женщины важное место занимали не только красота, доброта и ум, но и воспитанность, скромность и стойкость перед неизбежными трудностями.[16] В Турове ходили в списках десять заповедей хорошей жены, которые в 1620 г. составил для своей дочери Ицхак Бен Эльяким из Познани, и они стали очень популярными у еврейских женщин:

1. Будь осторожна, когда твой муж сердится. В этот момент не будь ни веселой, ни сварливой – улыбайся и говори тихо.
2. Не заставляй мужа ждать еду. Голод – отец гнева.
3. Не буди его, когда он спит.
4. Будь осторожна с его деньгами. Не скрывай от него свои денежные дела.
5. Храни его секреты. Если он хвастает, держи и это в тайне.
6. Не одобряй его врагов и не ненавидь его друзей.
7. Не возражай ему и не утверждай, что твой совет лучше его!
8. Не ожидай от него невозможного.
9. Если ты будешь внимательна к его просьбам, он станет твоим рабом.
10. Не говори ничего такого, что задевало бы его. Если ты будешь с ним, как с царем, он будет относиться к тебе, как к царице.

Девушки дорожили своей репутацией, существовало убеждение, что стихийные бедствия (пожары, наводнения или эпидемии) являлись Божьей карой за нравственное падение и равнодушие со стороны общины к случаям аморального поведения.[17]

Деторождение и сохранение потомства

Рождение ребенка являлось основным событием в семье. Евреи были очень чадолюбивы и благополучию своих детей отводили центральную роль. Родители смотрели на детей не только как на опору на склоне лет, но и как на тех, кому они передадут эстафету продолжения рода, что составляло главную заповедь Торы: «плодитесь и размножайтесь». Вместе с тем они верили, что забота о потомстве даст им «кусочек наслаждения» и земных радостей.[18]

Существовало множество суеверий, связанных с зачатием. Будущих родителей

---

[15] A. Unterman, *Zydzi: wiara I zycie*, Lodz 1989, s. 177.

[16] W. Palubicki, *Kwestia kobieca w spoleczney doctrynie judaizmu, chrzescijanstwa oraz islamu*, Warszawa: Akademia Nauk spolecznych PZPR, 1989, s. 57.

[17] В Минской и Могилевской губерниях были отмечены случаи нападения на евреек-проституток во время эпидемии холеры. См.: Н.Н. Голицын, *Записки о евреях в Могилеве-на-Днепре и вообще в Западном крае России*, Москва 1878 г., с. 34-45, 38.

[18] П.П. Чубинский, *Труды этнографической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом*, т. 7. Вып. I, гл. 1: Евреи, СПб 1872 г., с. 124.

предостерегали, что ребенок родится глухим, если они будут разговаривать во время полового акта, хромым – если совокупление случится в извращенной форме, эпилептиком – если при зажженном свете, худым – если зачатие произойдет не на расстеленной кровати, чахоточным – если сразу после дороги и вообще ни на что не годным, если муж принудил жену к половой близости. Будущей матери советовали внимательно вглядываться в лицо мужа, если она хотела, чтобы ребенок родился на него похожим. Говорили, что дитя будет выглядеть младше своих лет, если его зачали в начале месяца, и старше, если в конце.

Бездетность считалась гневом небес, ниспосланным за тайные прегрешения, для избавления от которого допускались магические средства. Неписаные правила рекомендовали есть больше рыбы или получить напутствие от молодой пары, для которой ставили *хупу* (свадебный балдахин). Женщине, страстно желавшей ребенка, советовали сходить в баню вместе с беременной, невестой или роженицей. Будущую мать оберегали от волнений и неприятностей и угождали. Она должна была получать только приятные впечатления и окружать себя красивыми вещами. Беременную запрещалось дразнить и отказывать ей в просьбе – считалось, что неудовлетворенное желание приведет к выкидышу. Нельзя было есть лук и редьку (чтобы ребенок не родился с ординарной внешностью) или требуху, которая «забивала голову» и могла помешать воспринимать Тору.[19] В Турове большинство еврейских семей были многодетными: у Лайхтманов родилось 18 сыновей и дочерей, Чечиков – 10, Голубицких – 9 детей.

В европейской части России детская смертность была очень велика. В 1887–1896 гг. она составляла половину из каждой тысячи новорожденных. У русских, белорусов и украинцев в раннем возрасте детей выживало намного меньше, чем у «инородцев». Больше других в сохранении своего потомства преуспели евреи. На рубеже XIX–XX веков младенческая смертность в еврейских семьях составляла около 130 случаев на 1000 рождений, а в возрасте до пяти лет – 248, или вдвое меньше, чем у славян.[20] Демографы испытывали затруднения при объяснении этого феномена – евреям не мешали ни плохие санитарные условия, ни бедственное экономическое положение местечка. Несомненно, благоприятную роль сыграло отсутствие в еврейских семьях алкоголизма, меньшее распространение венерических заболеваний, заботливое отношение к детям.[21]

В Северо-Западном крае, куда входила Белоруссия, показатели детской смертности были одними из самых низких в империи. Однако и здесь общая тенден-

19 В.А. Сабалеўская, Указ. соч., с. 21-23.

20 В.П. Никитенко, *Детская смертность в Европейской России за 1893-1896 гг.*, СПб 1901 г., с. 226-229.

21 В.И. Биншток, С.А. Новосельский, *Материалы по естественному движению еврейского населения в Европейской России за 40 лет (1867-1906 гг.)*, Петроград 1915 г., с. 3-4.

ция сохранялась – у евреев детей умирало меньше, чем у белорусов и русских.[22] Этому было несколько причин. Период отдыха после родов у еврейской матери был продолжительнее и составлял 7–8 дней. Освобождение от работ на такой срок позволяло восстановить силы, наладить кормление грудью, укрепить связь с ребенком в течение первых дней его жизни. У белорусских рожениц, наоборот, отдых был предельно коротким. Если не происходило осложнений, то молодая мать вставала с постели по истечении двух суток и даже раньше, чтобы приступить к работе.[23]

Необходимость работы в поле значительно влияла на кормление младенца. Белорусские матери брали ребенка с собой в поле или просили принести для кормления. В отсутствие такой возможности детей оставляли дома на весь день, в течение которого материнскую грудь ему заменяла соска с мучным раствором, хлебным мякишем или тряпица, завязанная узлом для сосания. Младенцы могли получить грубую пищу, переваривать которую были еще не в силах, что вело к обезвоживанию и смерти. Соска была источником микробов, что вызывало не менее серьезные последствия. В еврейских семьях соски применяли в присутствии матери и гораздо реже.

Личной гигиене еврейские женщины уделяли большое внимание. Во время критических дней они регулярно посещали микву, но если она была заполнена стоячей водой, то эффект был прямо противоположным. Еврейки носили абсорбирующие повязки и меняли нижнее белье, тогда как белоруски этого не делали. Во время месячных они надевали красные или черные юбки, которые скрывали пятна, и не меняли нижнего белья до конца кровотечения. Белоруски считали, что смена белья вызовет обильное и продолжительное кровотечение или сделает менструации нерегулярными.[24]

Еврейские женщины скорее соглашались на принятие современной медицинской помощи, а белоруски отдавали предпочтение народной медицине. При бесплодии они чаще искали помощи у местных целителей, повитух и знахарей, отправлялись в паломничества, но редко обращались к врачу. По наблюдению медиков, еврейские женщины готовы были подвергнуть себя «какой угодно операции», чтобы иметь детей. Они следовали совету врачей, даже если это противоречило религиозным наставлениям.[25]

Разного рода знахари или шарлатаны, владевшие «заговорами», встречались и среди евреев, но реже, чем у белорусов. Раввины объясняли, что «сущность Моисеева закона предписывает лечиться у опытных врачей, пользующихся силой

---

[22] Дэвид Л. Рэнсел, «Культура деторождения у белорусских, еврейских и татарских женщин на территории Беларуси конца XIX - начала XX в.», *Женщины на краю Европы*. Под ред. Е. Гаповой, Минск 2003 г., с. 74-88.

[23] П.П. Чубинский, Указ. соч., с. 51.

[24] А.А. Сицынский, *Акушерская помощь в Минской губернии (1880-1889 гг.),* СПб 1893 г., с. 41-42.

[25] Там же, с. 83.

природы». Тем не менее к заговорам прибегали, если дело касалось лечения детских болезней, многие из которых считались следствием «сглаза».[26]

Национальная кухня

В основе еврейской кухни в Белоруссии лежали правила кашрута, которые не менялись на протяжении веков. Царицей всех блюд считались *гефилте фиш* (фаршированная рыба), рубленая печенка *(геhакте либер)* и форшмак *(геhакте херинг)*. Варили борщи, холодный свекольник *(калтэ буречкес),* делали блинчики-налистники, паштеты, тертую редьку с луком и гусиным жиром, *кугл* (запеканку), *чолнт* – мясо с фасолью, картошкой и морковью, которые томились сутки на медленном огне в русской печи. Готовили *локш* – вермишель или лапшу, *флудн* – пироги с начинкой из ягод, яблок или варенья, *лэках* – пряники на меду, *цимес* – сладкую тушеную морковь.[27]

Основными продуктами питания в Турове традиционно были: картофель, ежегодно дававший стабильные урожаи; рыба, в изобилии водившаяся в Припяти и Струмени; грибы и ягоды, которые в большом количестве собирали в окружающих местечко лесах.

Резкая грань проходила между буднями и субботой или еврейскими праздниками. В будни питание было очень скромным – ели картошку в «мундирах» с рассолом или с простоквашей, хлеб с луком и чесноком, молоко, вместо масла употребляли перетопленный с луком говяжий жир. Шифра Шик вспоминала, что дети в Турове могли получить вареное яйцо, только если они заболели. Иногда делали сметану, которую разбавляли кислым молоком, вкуса сливочного масла многие жители не знали.[28] В субботу нельзя было готовить пищу, убирать, шить, разводить огонь, погасить лампу или свечу. Подготовка к субботе начиналась заранее. В четверг мыли полы, готовили опару для теста, носили к резнику кур, закупали все необходимое для трапезы. Утром в пятницу пекли *халы* (булки), пироги и готовили обед.

В пятницу вечером на белую скатерть клали две халы, накрытые салфеткой, женщины зажигали свечи и произносили соответствующую заповедь. После возвращения мужчин из синагоги начинался праздничный ужин. К субботнему столу было принято приглашать неимущего члена общины или гостя, который остановился в синагоге. После кидуша (благословения вином) глава семьи разламывал халу, раздавал всем по кусочку, а хозяйка подавала фаршированную рыбу, бульон с домашней лапшой, мясное блюдо. В субботу утром вместо самовара из русской печи вынимали специальный горшок с кофе, чаем или миску с топленым молоком.

После завтрака взрослые отправлялись в синагогу, а кто-нибудь из детей нес молитвенники наиболее религиозных членов семьи, что считалось работой.

---

[26] А.А. Сицынский, *Акушерская помощь в Минской губернии (1880-1889 гг.),* СПб 1893 г., с. 34.

[27] А. Шульман, «Еврейский Городок», *Мишпоха*, 1998 г., № 4, с. 47.

[28] Воспоминания Шифры Шик, 2004 г., Кармиэль (Израиль), Архив автора.

Из синагоги возвращались к обеду, который мог состоять из разных закусок – студня, натертой редьки с жиром и шкварками, рубленой печенки или селедки. Из печи вынимали тушеную картошку с мясом, которая ждала там с пятницы и оставалась теплой. Ее могли заменять рисовая каша, приправленная шафраном, или тушеная фасоль. Затем подходил черед самого важного субботнего блюда – запеканки; иногда делали «кишку», начиненную мукой и жиром. После обеда могли пить чай с вареньем, который тоже доставали из печи, и ложились отдыхать. Вслед за вечерней молитвой следовала третья трапеза. Если прошло уже шесть часов после приема мясной пищи, то разрешалось молочное – пирог с творогом, тушеная молочная рыба и т. п. Кончалась суббота, и наступали будни с многочисленными заботами и тревогами.[29]

Особые блюда подавались к столу в дни традиционных еврейских праздников. На Пурим делали *гументаши* (уши Амана[30]) – печенье треугольной формы с начинкой из мака, фруктов или варенья. Накануне Йом-Кипур готовили *креплах* – треугольные пельмени, начиненные мясом и сваренные в супе. В Шавуот ели преимущественно молочное и пироги с творогом, а в Хануку – непременные *латкес* (картофельные оладьи).

Самое большое внимание уделялось празднику Песах, к которому готовились весь год. В каждом еврейском доме была специальная пасхальная посуда, которую хранили на чердаке. Всю кухонную утварь мыли и драили с пристрастием. Крутым кипятком ошпаривали скамьи и столы, стулья, стены и даже шкафы. Когда все блестело, на подоконник клали кусочки хлеба и смахивали наружу, что символизировало, что квасного в доме не осталось. На Песах ели картофель, рыбу, сельдь, разные овощи, говяжье мясо и птицу, которую приготовил *шойхет* (резник). Если в муку из мацы попадало ячменное зерно, то ее нельзя было употреблять в пищу. В течение всей пасхальной недели употребляли только мацу и приготовленные из нее разные блюда: клецки, запеканки, оладьи, *имберлах* – лакомства из крошек мацы, меда, орехов и имбиря; деликатесом считался *айнгемахц* – редька, жаренная в меду.

На первый пасхальный *седер*, который проходил наиболее торжественно, готовили особую вечернюю трапезу. К столу подавали бульон с *кнейдлах* – галушками из перемолотой мацы с гусиным жиром, мясо в кисло-сладкой подливе из чернослива – *эссикфлейш*, пили вино или сок. Один большой бокал наливали для Ильи-пророка, который, по преданию, мог посетить каждый дом. Все присутствующие слушали *агаду* – пасхальный рассказ о том, как Бог вывел евреев из египетского рабства. В пасхальную неделю принято было играть с орехами.[31]

---

[29] С. Гуревич, *Мои воспоминания*, Иерусалим 2002 г., с. 15.

[30] Аман - высший сановник персидского царя Ахашвероша, который из ненависти к еврею *Мордехаю* решил уничтожить всех евреев. Эсфирь (еврейка) рассказала об этом царю, который приказал повесить Амана и его сыновей; в память о чудесном спасении евреев отмечают Пурим.

[31] *Моя родина*. Рукопись Шпринцы Львовны Рохкинд, 1998 г., Минск, с. 7, Архив автора.

Детали быта

Приготовление пищи

Центром семейного очага являлась русская печь, существовавшая в Турове в каждом доме, обойтись без которой было нельзя: в ней готовили еду для семьи и корм скотине, зимой она обогревала дом. В большие морозы дров не жалели, но потом приходилось экономить. Нередко одну-две комнаты в доме закрывали, чтобы сохранить тепло в главном помещении. Варили в глиняном горшке на печи, а когда он трескался, то выбрасывать не спешили – обматывали *дротом* (тонкой проволокой), и в таком виде он еще служил. Подобным навыком владела каждая уважающая себя хозяйка. Топить печь несколько раз за день было накладно, и часто использовали *припечек*. На два кирпича у входа в печь ставили кастрюлю или чугунок. Чай или кофе с *цикорием*[32] нагревали самоваром, компот варили из сухофруктов – яблок, груш, чернослива или черники.

В Турове отлично пекли хлеб, субботнюю халу и сдобу. Для закваски брали кислое тесто, которое хранили в деревянной кадке под крышкой – *hа-дэйжке*. Замес делали «на глазок» – ржаную муку размешивали в теплой воде, солили, тщательно перемешивали и разминали тесто, накрывали полотенцем и оставляли в теплом месте, чтобы оно поднялось. Температура в печи зависела от вида дров. Никаких измерительных приборов не было, опирались только на интуицию и опыт. Пока горели дрова, тесто поднималось, затем его разделывали на заготовки. Будущие буханки полировали влажными руками. Длинной кочергой очищали основание печи от углей и золы и при помощи деревянной лопаты хлеб «сажали» в печь. Время выемки устанавливали визуально: заслонку открывали и подсвечивали печь лучиной; готовый каравай укладывали на холстину. Качество хлеба было высоким, он долго хранился и не терял вкуса.

Выпечка хлеба требовала много сил, времени и сноровки, но затраты окупались – хлеб являлся главной составляющей питания в местечке. Без него нельзя было представить повседневную еду и застолья в праздники. Классическим считался бутерброд с маслом. Шершавая горбушка, натертая чесноком, хлеб с молоком, яйцом, черникой, яблоком, луком, капустой или селедкой тоже были хорошей едой. Хлебный ломоть с гусиным смальцем, брусничным вареньем или просто посыпанный сахаром – лакомство. Все силы уходили на то, чтобы прокормить детей, обеспечить семью хлебом.[33]

В Турове одними из лучших считались хлеб и булочки у Клугерманов, которые делали их для себя и на заказ. Цейтл Клугерман, выехавшая в 1910 г. в Канаду, передала секреты этого мастерства детям и внукам, которые с успехом пекли булочки «по-туровски» в Америке.[34]

---

[32] *Цикорий* - травянистое медоносное растение, имеющее сладкий привкус и обладающее лечебным свойством; суррогат кофе.

[33] А. Гурфинкель, «Хлеб в еврейском доме», *Еврейский камертон*, 28 февраля 2002 г., с. 10.

[34] Письма Ларри Дакса от 12 мая 2001 г. и 26 апреля 2003 г. из Рестона (США), Архив автора.

Хранение запасов

На зиму в Турове квасили не менее двух кадок капусты по сто килограммов и замачивали двести килограммов огурцов на одну семью. Это было настоящее искусство – правильно соблюсти пропорции соли, моркови, клюквы и лаврового листа, чтобы получить хороший результат.[35]

Для хранения овощей строили примитивный погреб, вход в который находился под полом в кухне, – *груб* («яма», *идиш*). Земляные стены в нем обшивали досками. Летом там хорошо хранились молочные продукты. Капуста в бочке зимой в кладовке промерзала, но не теряла от этого вкусовых качеств. Лук и овощи покупали у крестьян или получали в обмен на оказанные услуги. Зимой и весной овощей и фруктов не было, и их заменяли грибами и сушеными ягодами.

Для хранения сыпучих продуктов пользовались корзинами, туесками, коробами из лозы, ореховых прутьев, луба, бересты, соломы и других материалов. Эти изделия были очень разнообразны, практичны и по-своему изящны.[36]

Стирка

Белье меняли в пятницу, когда ходили в баню перед наступлением субботы. Стирали один раз в месяц. Существовал старый проверенный способ, когда роль моющих средств выполняли природные материалы. *Желукту*, высокую бочку из дерева на ножках, ставили в *балею* – корыто круглой формы, выдолбленное из цельного куска дерева. В желукту помещали замоченное накануне белье, плотно накрывали мешковиной и сверху насыпали золу, из которой предварительно удаляли угли. Угли шли на разогрев утюгов и самовара. В печи в больших чугунах кипятили воду и заливали в желукту. Белье после нескольких часов кипячения вынимали и несли полоскать на реку. Летом хозяйки делали это с берега, а зимой – в проруби. Сушили на улице, выглаживали качалками, а когда заносили в дом, то все помещение наполнялось запахом свежего чистого белья.

Водоснабжение

Водопровода и специально оборудованной канализации в Турове не было. Воду брали из колодца или реки. Обычно ее запасали заранее в бочках, чтобы не испытывать недостатка в случае надобности по хозяйству. Вода могла быть «вкусной» (мягкой) и «невкусной» (жесткой). Семьи, которые жили ближе к реке, брали воду с берега, а остальные пользовались колодцами – артезианскими или «журавлями». Припять, приток Днепра, считалась самой чистой рекой Европы, и поэтому воду для кипячения в самоваре всегда носили с реки. Дождевую воду не собирали, она годилась только на полив, а подобная практика в Турове отсутствовала. В засуху грядки не поливали, потому что вода в колодце кончалась и ее не хватало для питья.

---

[35] Письмо Ильи Гобермана от 15 марта 2004 г. из Кирьят-Аты (Израиль), Там же.

[36] Ю.А. Лабынцев, *В глубинном Полесье* (Турово-Пинская земля), Москва 1989 г., с. 57.

Индивидуальные бани в Турове не были приняты, для еврейских женщин существовала миква, которую они посещали по мере необходимости. Остальные жители ходили в общую баню в пятницу (евреи) и субботу (белорусы и русские). Воду осенью и весной не экономили, близость реки и болот обуславливали ее избыток.

Подсобные промыслы

Охота

Значительным подспорьем служила охота. Леса вокруг Турова изобиловали дичью – выдрой, куницей, норкой, рысью, барсуками, медведями (бурыми, черными и серыми), дикими кабанами, волками, лосями, лисами, зайцами, белками и хорьками. Из птиц особенно много было глухарей, тетеревов, рябчиков, бекасов, уток. Охота всегда была традиционным промыслом, а нетронутые леса и обилие дичи позволяли местным жителям поддерживать себя лесными трофеями. Однако после поражения польского восстания 1863 г. правительство «нашло себя вынужденным» запретить огнестрельное оружие.[37] Это повлияло на способы и орудия охоты, которые порой становились совершенно оригинальными. В Турове умельцы придумывали «самоловы», капканы, силки и другие «секреты» охоты, которые изготавливали из подручного материала – дерева, железа, веревок и пр.

Лесной промысел

В поисках дополнительного заработка жители Турова нанимались на вырубку леса и вывоз древесины. Сплав шел по рекам Припять, Березина, Неман и их притокам в южные губернии и за границу. По железной дороге лес везли в Вильно, Ригу, Ковно, Варшаву или Кенигсберг. В 1901 г. в Минской губернии лесным промыслом было занято более 100 тысяч человек.[38] В 1906 г. в Мозырском уезде в лесной отрасли работало 12 тыс. 846 сезонных рабочих, которые получили за лето 285 тыс. 350 руб.[39]

За пределами Турова евреи нанимались к бондарям, кузнецам, гончарам, сапожникам, ткачам, плести корзины, веревки и канаты. Они делали повозки, сани, телеги, дуги, обода, колеса, оси, хозяйственный инвентарь и посуду. Все это служило главным образом для домашнего обихода и редко предлагалось на рынке. Берко и Броха Лайхтман шили овчинные тулупы, которые они с успехом прода-

---

[37] *Труды Минского губернского статистического комитета.* Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Вып. 1, Мозырский уезд, Минск 1870 г., с. 28.

[38] *Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 год*. Издание Минского губернского статистического комитета, Минск 1902 г., с. 118.

[39] *Памятная книжка Минской губернии на 1908 год*, СПб 1909 г., с. 79.

вали в деревнях.[40] В среднем в Мозырском уезде кустари имели дополнительный заработок не больше 60 руб. в год.[41] Евреи, в отличие от крестьян, не зависели от сельскохозяйственной страды и вели кустарный промысел круглый год. Отсутствие собственных материалов и минимальных оборотных средств, неразвитость путей сообщения тормозили развитие промыслов.

Собирательство

Туровские леса отличались невиданным обилием грибов и ягод. Это богатство не раз выручало его жителей во время бескормицы, когда посевы заливало и стихия приводила к неурожаю. Заготовители увозили из леса возы ягод – черники, земляники, малины, ежевики, а ближе к осени – брусники и клюквы. Грибное раздолье поражало воображение. Утром до выхода в поле женщины пробегали по ближайшим дубравам и набирали полные *кошели* (заплечные корзины) грибов. Собирали только боровики, подберезовики, молодые подосиновики и лисички. На заказ искали маленькие белые грибы («наперстки»), которые шли по особой цене. Были периоды, когда в лес на грибной промысел отправлялось все взрослое население местечка. Ягоды и грибы припасали – сушили в каждом доме на зиму. Это являлось большим подспорьем в питании, особенно в период поста, когда запрещалось есть мясное и молочное.

Отхожий промысел

Заработки могли увести евреев далеко от Турова, порой в другие губернии. Они добирались до портовых городов – Либавы, Ревеля, Кронштадта и Одессы, где разгружали баржи и корабли, доставлявшие грузы в Киевскую и Черниговскую губернии. Другие участвовали в сезонных работах на уборке хлебов в Екатеринославской губернии или обработке мельничных камней в Гродненской губернии и Привислянском крае, третьи шли на кирпичные заводы, нанимались на печные, плотничьи и каменотесные работы, занимались извозом. В Калинковичах, Мозыре и Речице евреи и белорусы ремонтировали железнодорожное полотно и подъездные пути. Оплата тяжелой физической работы колебалась от 35 копеек до 1,5 руб. в день, или от 30 до 100 руб. за летний сезон.[42]

Огородничество

Овощи и фрукты составляли важное подспорье в питании туровцев.[43] Почти каждая семья, в том числе и еврейская, имела огород или небольшой приусадебный участок, где высаживала картошку и другие овощи. Огурцы созревали к началу августа, а помидоров, кукурузы и сладкого перца многие не пробовали. Навоз для

---

[40] М. Шифман, *История семьи*, 2005 г., Германия, Архив автора.

[41] *Памятная книжка Минской губернии на 1908 год*, СПб 1909 г., с. 80.

[42] Там же, с. 119.

[43] *Труды Минского губернского статистического комитета,* с. 24.

подкормки земли собирали в сарае в течение года и меняли на муку или другие продукты в деревне. Евреи, не имевшие собственного огорода, часто получали фрукты и овощи от белорусов, которые подобным путем рассчитывались с ними в отсутствие наличных денег. Чаще всего таким эквивалентом служили картофель и яблоки.

В Минской губернии только некоторые семьи освоили огородничество с целью продажи урожая. В Мозырском уезде в 1906 г. 103 чел. заработали на огородах 9346 руб., средний доход семьи от выращивания овощей достигал 90 руб. в год.[44]

Садоводство

В течение продолжительного времени садоводство в Мозырском Полесье, говоря языком документов того времени, «находилось далеко не в цветущем состоянии».[45] Если кто-то и сажал несколько фруктовых деревьев возле своего дома, но за ними не ухаживал, и плоды становились невкусными. В основном сады были разбиты у помещиков в хозяйствах «Туров», «Буразь», «Уголец», «Лутки», «Дорошевичи», «Бринёво», «Хомички», «Прудок», «Слободка», «Михалка» и «Карлин». Там были высажены плодовые деревья – яблони, груши, сливы, вишни – улучшенных пород, а из ягод – малина, черная и красная смородина, клубника и крыжовник. Частные владельцы почти не занимались продажей фруктов, а предпочитали сдавать сады в аренду, оплата которой зависела от урожая. При обильном урожае фрукты везли в губернский город.

В Турове два больших сада принадлежали помещику Людвигу Нарейко, который сдавал их Гоберманам, Глозманам и Гумерам. На уездной ярмарке они продавали яблоки до 2 руб. за один пуд, груши – по 2,5 руб. за пуд, вишню – от 10 до 15 коп. за фунт, сливы – от 20 до 30 коп., малину – по 12–18 коп., клубнику – по 14–17 коп. за один фунт. Лето могло быть холодным и дождливым или, наоборот, жарким и сухим. Плоды фруктовых деревьев сбивал ветер, они засыхали и теряли товарный вид. Хранили урожай в сарае, подполье или погребе. Везти фрукты на переработку было целесообразно только на Украину, где цена зависела от наличия товара на рынке. В результате доходы не всегда восполняли расходы.[46]

Птицеводство

Ощутимым подспорьем в пропитании семьи служило разведение домашней птицы. В каждом еврейском доме держали гусей, индеек, кур или уток. Чечики, Старобинские, Шифманы, Запесочные, Гоберманы, Зарецкие, Глозманы и некоторые другие держали в хозяйстве несколько десятков гусей и кур. Главным врагом становился коршун, который всегда неожиданно мог появиться, например, на

---

[44] *Памятная книжка Минской губернии на 1908 год,* с. 73.

[45] *Труды Минского губернского статистического комитета,* с. 24.

[46] *Обзор состояния Мозырского уезда за 1914 г.*, Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАРБ), ф. 295, оп. 2, д. 562, л. 375.

Болонье,[47] где паслась домашняя птица, чтобы высмотреть птенца, стрелой броситься на него и утащить в своих страшных когтях. Весной гуси несли яйца величиной с три куриных. Мясо домашней птицы хозяйки солили впрок, хорошо зная, сколько необходимо положить соли и специй для его длительного хранения.

Во время ярмарок продавали преимущественно гусей и индеек, а затем кур и уток. Цены колебались в зависимости от возраста, веса и вида птицы. За откормленного гуся платили 2,8 руб., за курицу – 1,2 руб. В 1906 г. в Минской губернии было продано 34 тыс. штук домашней птицы и 15,5 тыс. дичи – рябчиков, куропаток, диких уток, глухарей, тетеревов и пр. До начала первой мировой войны гусей из Турова везли в Мозырь, Гомель, Пинск, Киев и дальше за пределы Белоруссии – Белосток или Варшаву.[48]

Пчеловодство

Разведение пчел долгое время оставалось на примитивном уровне. В большинстве мест вокруг Турова не знали искусственных пасек, а рамочно-разборные ульи заводили в основном помещики и отдельные зажиточные крестьяне. Ульи изготавливали из долбленой колоды и оставляли в лесу или подвешивали на деревья. В течение лета их не досматривали, а осенью выбирали мед. Такой улей не приспосабливали к зиме, и много пчел от мороза погибало. В 1906 г. в Мозырском уезде пчеловодством занималось 1656 чел., или 22% от населения Минской губернии в целом. Пчеловоды имели 10 тыс. 319 ульев, которые дали 1816 пудов меда и 570 пудов воска, принесли выручку в 17 тыс. 673 руб.[49] Перед первой мировой войной в Мозырском уезде ежегодно продавали около 2500 пудов меда по цене 8–9 руб. за пуд и тысячи пудов воска (до 23 руб. за пуд), из которого делали примитивные свечи.[50]

Изготовление растительного масла

В Турове умели давить масло из семян льна. Специальное приспособление приводили в действие с помощью лошади, которая ходила по кругу. Жернова мололи семена в муку, которую засыпали в барабан и нагревали до испарения. Распаренную муку высыпали в полотняный мешок, закладывали под пресс и таким образом получали масло. В условиях полунатурального хозяйства масло служило незаменимым компонентом в приготовлении пищи. Туровское растительное масло охотно покупали в окрестных селах и на ярмарках. Популярность его была настолько велика, что за ним специально приезжали из других уездов. Особенно хорошее масло делали Чечики, Шляпинтохи, Марголины, Брегманы и Запесоцкие.

---

[47] *Болонье* - остров площадью до 2 кв. км, образованный Припятью и ее притоком Струменью в предместье Турова.

[48] *Обзор состояния Мозырского уезда за 1914 г.*, л. 378

[49] *Памятная книжка Минской губернии на 1908 год*, с. 76.

[50] Там же.

Благоустройство местечка

Осенняя распутица делала дороги непроходимыми, а тротуары отсутствовали. В темное время суток пройти по местечку было почти невозможно. Современники свидетельствовали, что «в Турове зги не видно, если не спасает луна – небесное светило, которое является единственным благодетелем обывателя в ночную пору». По оценке чиновников, «бывший стольный город Туров волей исторических судеб превратился в грязное и тонущее во мраке еврейское местечко».[51]

Впервые вопрос об освещении Турова был поставлен только в начале XX века. Предполагалось установить десять керосиново-коптильных фонарей по 1200 свечей каждый, стоимость проекта составила 1250 руб. Расходы возложили на еврейскую общину, которая должна была изыскать средства из остатков коробочного сбора. Минский вице-губернатор поручил уездному исправнику в Мозыре «лично удостовериться», не числилось ли за туровскими евреями недоимок и не могли ли они провести работы самостоятельно, не прибегая к коробочному сбору.[52]

Летом 1914 г. исправник доносил, что долги отсутствуют, но местное еврейское общество «крайне бедное» и ему не под силу покрыть расходы на освещение.[53] На этом основании управляющий палатой Минского губернского правления утвердил расходы на благоустройство в Турове за счет коробочного сбора, и в местечке появились первые фонари.[54]

Стереотипы сознания и поведения

Вынужденное соседство и разительные отличия евреев и белорусов в быту, семье и религии рождали заблуждения и ложные стереотипы. Столкновение абсолютно разных культур вызывало устойчивое противопоставление по принципу «свой–чужой». Основное внимание уделялось отличиям не в языке, а в обрядах, традиции, религии и бытовом укладе жизни.[55]

В Полесье проживали православные (белорусы, украинцы и русские), католики (поляки), мусульмане (татары) и евреи (иудеи). Происхождение, внешние особен-

---

[51] Столь нелестная оценка была сделана чиновником Минского губернского правления во время посещения им Турова в дни военного призыва в октябре 1913 г., НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 15649, л. 3-а.

[52] Резолюция Минского губернского правления об освещении Турова от 7 марта 1914 г., Там же, л. 9.

[53] Рапорт Мозырского уездного исправника в Минское губернское правление от 6 июня 1914 г., Там же, л. 13.

[54] Донесение управляющего палатой Минского губернского правления камергера двора Его Императорского Величества (подпись неразборчива) от 1 июля 1914 г., Там же, л. 12.

[55] І. Марзалюк, «“Жыд” ў беларускай традыцыі». Негатыўныя ментальныя стэрэатыпы і досвед супольнага існавання, *Евреи Беларуси. История и культура*. Сб. статей. Вып. VI, Минск 2001 г., с. 25-37.

ности, характерные черты быта евреев зачастую истолковывались славянами как результат их неблаговидного проступка в прошлом. Рассеяние иудеев по миру христиане объясняли распятием Иисуса Христа, а необычные черты семитской внешности – существованием скрытых дефектов. Веснушки у евреев якобы появились из-за того, что они просили Христа оживить вареного петуха – птица захлопала крыльями и обрызгала евреев подливой…[56]

Заповеди кашрута вызывали особый интерес: евреи не едят свинины, потому что Бог якобы превратил в свинью еврейскую женщину, которую спрятали в корыто, чтобы испытать всеведение Творца. Еще одна легенда рассказывала о том, почему евреи не едят рыб-вьюнов. Христу завязали глаза, бросили в воду пригоршню гвоздей и просили отгадать, что это. «Вьюны», – ответил Иисус, и гвозди превратились в рыбу. Некоторые явления природного мира определялись белорусами как «еврейские». Это могли быть несъедобные растения (ядовитые грибы), насекомые – таракан (жидочек) или стрекоза. Евреям приписывали отношение к возникновению аномальных природных явлений, например, дождь при солнце называли жидовский дождь и т. д.[57]

Традиционными были представления о том, что у инородцев вместо души был только «пар», как у животных. Но даже при наличии души иноверцы не могли попасть вместе с христианами в рай или ад – для душ евреев существовала бездонная темная пропасть. На этом основании евреи могли превращаться в различных животных – свинью, воробья или удода (еврейская курица, или зозуля). Воробьев в Белоруссии называли жидами на том основании, что они такие же «нахальные». Другое объяснение гласило, что когда вместе собиралось много евреев, то они страшно «галдели», подобно птичьему базару. Душа умершего еврея будто бы переселялась в коня, а сорока – это якобы обращенная еврейская девушка, которая попыталась перехитрить Создателя.[58]

У многих белорусов присутствовал суеверный страх перед еврейским кладбищем на том основании, что на нем были похоронены люди особого сорта – *нехрисьти*, которые пугали людей, «отличных от себя».[59]

Инородцы, в представлении белорусов, имели связь с потусторонним миром, колдовством и магией. Достигнуть края света было по силам только еврею-купцу, но никакому другому смертному. Когда еврей мыл руки и стряхивал воду, из брызг появлялись черти, а чтобы избавиться от нечистой силы, нужно было осенить себя крестным знамением. Если на кузнечный очаг бросить волосы из бороды умершего еврея, извлеченные из могилы, вместе с каменной крошкой, соскобленной с мацейвы (надгробия), то появятся муравьи, которые не дадут спокойно работать. Тот, кто хотел

---

[56] О. Белова, «Евреи глазами славян», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1996 г., № 3(13), с. 110-116.

[57] Ее же, «Евреи и нечистая сила», Д. Трахтенберг (ред.), *Дьявол и евреи*, Иерусалим 1998 г., с. 267.

[58] Ее же, «“Жидовская зозуля” и “еврейская курица” в представлениях полешуков», *Вестник Еврейского университета*, 2001 г., № 5, с. 137-146.

[59] В. Стома-Сініца. «Маё мястэчка», *Полымя*, 1998 г., № 12, с. 202.

отомстить за злодейство, должен был пожертвовать деньги на еврейскую школу или синагогу – евреи скорее упросят Бога и страшнее проклянут обидчика.[60]

Дни еврейских праздников считались неблагоприятными для хозяйственной деятельности: в *Суккот* (Кущи) нельзя было рубить и складывать в бочку капусту – сгниет. Евреи якобы могли стать причиной ненастья: если зимой они слонялись без дела по селу – быть метели. Опасными считались предметы, принадлежавшие евреям: нельзя было дотрагиваться до иудейских книг – кожа на руках потрескается; знахарь, оказавший помощь еврею, терял свою силу.

Однако повседневная жизнь неизбежно влияла на мифологическое сознание. Общение белорусов с инородцами зачастую оказывалось полезным. На Полесье во время засухи бросали в колодец глиняные горшки, и лучшим средством для вызова дождя был горшок, украденный у соседа-еврея. Счастливой приметой считалось, если первым человеком, переступившим порог дома после наступления Нового года, оказывался еврей. Видеть еврея во сне означало увидеть самого Бога или святого, что приносило счастье, или чтобы избавиться от болезни или тяжелого недуга – пожертвовать деньги евреям.[61] Народная молва наделила евреев способностью противостоять нечистой силе: еврей-знахарь преодолевал заклятие ведьмы, мог «замолить» (остановить) пожар, использовал традиционную еврейскую одежду, например *талес*, как чудодейственную силу и пр.[62]

В белорусской фольклорной традиции трудно установить, каких примеров было больше – когда евреи выступали в роли злодеев, отрицательных персонажей, носителей сил животных или потустороннего мира или, наоборот, благодатного, спасительного свойства? Однако можно предположить, что отсутствие насилия, крайних форм национальной неприязни, мирное сосуществование и взаимопомощь еврея и белоруса на протяжении веков говорили о преобладании положительной тенденции в отношениях между двумя народами.

Языковые заимствования

Взаимопроникновение языков стало закономерным итогом совместного проживания двух народов. Несмотря на все отличия, этот процесс нельзя было остановить. Языковые заимствования оказались лучшим подтверждением сотрудничества людей, вызвали к жизни пословицы, поговорки и присказки. Влияние оказалось

---

[60] Подробнее см.: В. Клингер, *Животное в античном и современном суеверии*, Киев 1909-1911 гг.

[61] П. Демидович, «Из области верований и сказаний белорусов». *Этнографическое обозрение*, Москва 1896 г., № 1, Кн. 28, с. 91.

[62] О. Белова, «Евреи в обрядах и поверьях полешуков» (этнокультурные стереотипы в народной традиции), *Загароддзе-2*. Матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі «Палессе - скрыжаванне культур і часу» (25-27 верасня 1999 г., Пінск), Мінск 2000 г., с. 80-82; подробнее см.: О. Белова, *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*, Москва 2005 г.

настолько глубоким, что сказалось на психологическом складе евреев и белорусов и начало объединять носителей совершенно разных культур.[63]

Возникли языковые смешения, которые были одинаково понятны как евреям, так и белорусам: «Як *рэйдала* (говорила), то *рэйдала,* абы добра *мэйнала* (думала)».[64] В Турове евреи хорошо знали белорусский язык, а многие белорусы понимали идиш. Широко употреблялись такие слова, как *гешэфт* (интерес), *гелд* (деньги), *пактар* (посредник), *ахохам* (взятка), *шахраваць* (обманывать), *шахер-махер* (мошенничество), *балагол* (возница), *балабос* (хозяин дома), *локшины* (макароны), *ціпка* (затирка), *лапсердак* (длиннополый сюртук), *хаўрус* (союз). Белорусам не нужно было объяснять значение таких слов из иудейской традиции, как *талмуд*, *шабес*, *хедар*, *гаман*, *кошер*, *рабін*, *шамес*, *трэф* и т. д.[65]

Белорусы часто использовали слова, пришедшие из идиш, которые могли иметь негативную окраску: *гундер* (негодяй), *лейба* (лодырь), *мішугін* (придурковатый), *шэйгец* (подросток), *кепала* (дурная голова), *дрэк* (экскременты), *шлемазл* (неудачник), *халэймэс* (химера, чушь), *хеўра* (шайка, банда, компания) и др. Зачастую они превращались в клички и прозвища отрицательных персонажей.[66]

Нормы, словарный запас и фонетика белорусского языка в конце XIX века были использованы группой энтузиастов, которые задались целью возродить иврит и сделать его из книжного современным разговорным языком. Элиэзер Бен-Иегуда[67] из Лужков и Менделе Мойхер-Сфорим[68] из Копыля взяли для этой цели славянские модели словообразования, суффиксы и окончания. В иврит вошли белорусские слова *цукер* (сахар), *цукерка* (*сукария*, конфета), *цацанка* (*цаацуа*, игрушка), *блины* (*блинчес*) и др. Суффиксы -*чик* и -*цик* придали словам уменьшительно-ласкательную форму – *бахурчик* (паренек), а суффикс -*ник* стал в иврите словообразовательным – *кибуцник* (член кибуца), *милуимник* (военнослужащий запаса, резервист), *нудник* (зануда) и т. д.[69]

---

[63] Г. Цыхун, А. Літвіноўская, «Лёс яўрэйскіх запазычанняў ў беларускай мове», *Беларусіка. Albaruthenica*, Яўрэйская культура Беларусі і яе ўзаемадзенне з беларускай і іншымі культурамі. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, май 1994 г.), Мінск 1995 г., с. 212-216.

[64] Змятрок Бядуля, Указ. соч., с. 12.

[65] Л. Винер, *Еврейско-немецкие слова в русских наречиях*, СПБ 1895 г., с. 4-5.

[66] Pall Wexler, *Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language: Their Past, Present and Future* (T. Krendler, ed.), Berlin - New York - Amsterdam 1985, pp. 38-56.

[67] Элиэзер Бен-Иегуда (Перельман, 1858-1922 гг.) - родился в хасидской семье, учился в иешивах Полоцка и Глубокого, гимназии Двинска, изучал медицину в Париже, уехал в Палестину (1881); семья Бен-Иегуды была первым еврейским домом, где говорили на иврите спустя более тысячи лет после прекращения разговорной функции этого языка.

[68] Менделе Мойхер-Сфорим (Шолом-Яаков Бройде, Соломон Моисеевич Абрамович, 1835-1917 гг.) - писатель, основоположник новой еврейской классической литературы на иврите.

[69] П. Векслер, «Забыты беларускі кантэкст сучаснай гебрайскай мовы», *Беларусіка. Albaruthenica*, Мінск 1995 г., с. 20-33.

Заимствования из идиш и иврита образовывали белорусские фразеологизмы: «*Халу* у палу, а *кугель* за пазуху», «*Кум-гер* на клецкі» (прийти на угощение), «*борохи* адпрауляць»; «*борохотодунаю*, кобылкі не маю» (проспал – лошадь увели); «*Боротодунаіць»* – искаженная фраза из молитвы на иврите: «Борух-*ато – А-д-эй-н-о-й*», что в дословном переводе означало «Слава тебе, Господи!», и др.[70]

Отдельные слова из идиш и иврита продолжают использоваться в современном белорусском литературном языке до наших дней: *варшавт* – мастерская, рабочее место, *шпацыр* – прогулка, *гармідар* – шум, бедлам, *гандляваць* (с производными: *гандаль*, *гандлёвы*) – торговать, *рахманы* – милосердный, заслуживающий жалости, *рыхтаваць* – готовить (от еврейского *айнрихтун*).

По мнению лингвиста Игаэля Иегуди из Кирьят-Гата (Израиль), слово *кіраваць* и его производные происходят от слов с корнем *-кер- – фаркерэвэн* (повернуть, завернуть) или *кер тон* (повернуть), *зех а кер тон* (повернуться). Этот же корень имеют слова *умкерун* (вернуть) и *зех умкерун* (вернуться), *а кер* (движение в танце) или *иберкерун* (перевернуть).

Из белорусского языка в идиш пришли слова: *ичиhайен зех* (*исьцягацца* – вытянуться, переносное – упрашивать, умолять), *hойдун зех* (*гойдацца* – качаться) *порун зех* (*поркацца* – возиться), *hулен* и *hулянке* (*гуляць, гулянка* – веселиться, веселье, попойка), *hултай* (*гультай* – лентяй), *вэвэрке* (*ваверка* – белка), *изгар* (*аджгир* – рыба ёрш), *нэбэх* (*нябога* – бедняга, бедняжка), *издекевен зех* (*зьдзек, зьдзеквацца* – пытка, издеваться), *изhубэн* (*згубіць* – извести, погубить, избавиться), *изринэвэн* (*зруйнаваць* – разрушить), *уйснишчен* (*зьнішчыць* – уничтожить). И множество других глаголов и глагольных форм, существовавших часто параллельно общепринятым в идиш – *фарнихтун* (*уйснишчен* – уничтожать), *фаргвалдикун* (*згвалтаваць* – изнасиловать, надругаться) и др. [71]

Взаимное проникновение двух языков вызвало пополнение словарного запаса. Идишское название бутылки *hа-флаш* под влиянием белорусской *бутелька* было вытеснено словом *бутл*. Именно в белорусском диалекте идиш конечная *л* воспринимается как уменьшительно-ласкательный суффикс, подобно концовке *-ка* (*бутэль* – *бутэлька*), в отличие от русского языка, где слово *бутылка* не воспринимается как уменьшительное: есть слово *бутылочка*. У любавичских хасидов и в наши дни «государственным языком» является белорусский диалект языка идиш. Ревностный последователь Хабада никогда не скажет *hа-флэшл бранфун, машке*, но всегда: *hа-бутл бранфун, машке*. Общими для евреев и белорусов остались слова-обращения: *мамэ – мама, татэ – тата, бобэ, бабэ – баба, зэйдэ – дзед.*

Существует мнение, что с идиш связано происхождение названий ряда старинных белорусских городов: Новогрудок (Новаградак) от *Новардэк*, Могилев (Магілёу) – *Молев*, Брест (Брэст, Берасьце) – *Бриск* (Береск, Бераск) и некоторые др.

---

[70] Е. Абрамова, «Гебраизмы и идишизмы в белорусском языке», *Евреи Беларуси, история и культура*. Сб. статей. Вып. 1, Минск 1997 г., с. 98.

[71] Запись беседы с Игаэлем Иегуди (Константин Лук) 23 ноября 2006 г. в Иерусалиме, Архив автора.

В дальнейшем еврейские заимствования в белорусском языке повторили судьбу предшествовавших им *балтизмов* и *полонизмов*. В начале 1930-х годов в связи с новой культурной советской политикой они были вытеснены *русизмами* в ходе начавшейся широкой экспансии русского языка.

* * *

Долгие годы совместного проживания заставили евреев и белорусов в Турове приспособиться друг к другу и воспринять то лучшее, что их взаимно обогатило. Разительные отличия в быту, языке, религии, в подходе к восприятию мира и решению жизненно важных задач, определявших их поведение, не помешали с уважением относиться к народному наследию, накопленному в течение многих столетий.

Семьи евреев и белорусов были одинаково многодетными, где обязанности распределялись между всеми трудоспособными членами. Природная замкнутость Турова, находившегося в глубине Мозырского Полесья, препятствовала постороннему влиянию, консервировала традиции и обычаи, заведенные в прежние времена. Национальная кухня, построение быта, подсобные промыслы, помогавшие выжить в условиях черты оседлости, существовали параллельно и не пересекались – евреи и белорусы занимали каждый свою «нишу». Соприкосновение абсолютно разных культур часто вызывало устойчивое деление на «своих» и «чужих». Белорусы-полешуки пытались найти объяснение непонятной иудейской традиции, давали собственную оценку поведения евреев в той или иной ситуации. Это подогревало суеверные страхи, порождало представления о мнимой связи евреев с силами потустороннего мира, колдовством и магией. Однако отсутствие агрессии в поведении евреев, их крепкие семьи, трудолюбие и взаимовыручка, выносливость и неприхотливость были очень привлекательны.

Оба народа исторически оказались в равных условиях, когда нечему было завидовать. Суровая природа, полунатуральное хозяйство и повседневная борьба за существование не оставляли места для вражды. Наиболее ярко это проявилось в языковых заимствованиях. Евреи и белорусы не только научились хорошо понимать друг друга, опыт совместного общения привел к образованию нового словарного запаса, оборотов и выражений, пословиц и поговорок, отражавших весь спектр их отношений. Нормы и фонетика белорусского языка были использованы группой энтузиастов для обновления иврита, чтобы придать его книжной версии разговорную форму и вдохнуть в него новую жизнь.

Все эти процессы нашли отражение в Турове, где евреи и белорусы давно пришли к необходимому компромиссу, помогавшему выживать, несмотря на все свои различия.

Религиозная жизнь

Жизнь местечка без молитвенного дома была невозможна, как дом без крыши или колодец без воды. Отношение к традиции, соблюдение заповедей и предписаний Торы поколения евреев впитывали с молоком матери. Авторитет священных книг был непререкаем, евреи искали в них ответа на волнующие вопросы. Тора давала представление о мире, объясняла закономерности жизни, показывала место евреев как народа в мировой цивилизации и его взаимоотношения с Богом. Еврейская традиция сопровождала человека на всех этапах земного пути от рождения до смерти и помогала хранить преемственность поколений. Она служила гарантом национальной самоидентификации и защищала от нападок недоброжелателей, подчеркивала уважение к стране и народу, оказавшему евреям гостеприимство, и требовала лояльности по отношению к официальной власти.

Синагоги

До раздела Речи Посполитой в XVIII веке *синагогой* обозначали еврейские административные области, проводившие периодические съезды кагалов. Такое название носили Брест-Литовский, Виленский, Гродненский, Слуцкий и другие кагальные округа. Туров и Мозырь входили в состав Пинского кагала.[1] Позднее синагогой неевреи начали называть место молитвы, где евреи собирались вместе, чтобы обратиться к Богу. Там они изучали Тору, слушали проповеди и поучения, обсуждали повседневные дела, искали сочувствия и поддержки друг у друга.

[1] *Белорусскую синагогу*, которая охватывала Могилевское и Витебское воеводства, в 1760 г. составляли 46 кагалов. См.: Е.К. Анищенко, *Черта оседлости* (Белорусская синагога в царствование Екатерины II), Минск 1998 г., с. 13.

Верующие часто называли между собой синагогу *шул* (Schule, *идиш*) – молитвенный дом, или школа. Синагогу строили так, чтобы вход находился с западной стороны, а *арон кодеш*[2] устанавливали с восточной – в сторону Иерусалима, куда верующие обращали свои взоры во время молитвы.

Годы гонений привели к тому, что общины отказались от больших и дорогих синагог. Убогие и незаметные, они помещались в глубине дворов и мало чем отличались от других построек. Однако это не умаляло общего значения синагоги, даже руины которой нельзя было осквернять. Традиция запрещала снос пришедшего в негодность помещения молитвенного дома, пока не был построен новый. Каждый еврей, придя в синагогу, должен был проникнуться ее святостью. Нельзя было смеяться, шутить, праздно расхаживать по ней, укрываться от жары или стужи, есть или пить,[3] приходить в грязной одежде, сокращать через синагогу путь или проводить поминки.[4]

Синагога имела мужское и женское отделения. В мужском скамьи ставили поперек помещения так, чтобы молящиеся сидели лицом к арон кодеш, по обеим сторонам которого отводились места для раввина и почетных членов общины, и они сидели лицом к остальным прихожанам. Женское отделение устраивалось в виде галереи вокруг северной, южной и западной стен или в отдельной пристройке.

Магендовид и таблицы с двенадцатью заповедями являлись главным отличительным признаком молитвенного дома. Обычным украшением служили памятные доски из дерева со словами молитвы и библейскими изречениями. Часто встречались рисунки семисвечника, благословляющей руки, знаков Зодиака и изречения из Талмуда.[5] Нередким было изображение льва как символа колена Иегуды, но часто можно было видеть животных и птиц вне ритуальной символики – слонов, медведей, белок, петухов, аистов и др., происхождение которых диктовалось фантазией самодеятельных художников, а образы животных дополняли растительный и геометрический орнамент.

Еврейская молитва

Идея молитвы была основана на вере в непосредственное общение с Богом. Молитва рассматривалась в еврейской традиции как исповедь, выражение покло-

---

[2] *Арон кодеш* - шкаф для хранения свитков Торы.

[3] Исключение делалось для тех, кто изучал Тору, чтобы не отвлекаться на поиски и приготовление пищи и экономить время.

[4] Поминки (*йорцайт*) в синагоге допускали только по лицам, имевшим особые заслуги перед общиной.

[5] Типичным было изречение: «Будь отважен, как пантера, легок, как орел, быстр, как олень, и мужествен, как лев, при исполнении воли твоего Небесного Отца».

нения или благодарности Богу. Считалось, что если человек нуждался в чем-то сам, но просил даровать это ближнему, то Бог скорее удовлетворит потребность самого молящегося. Традиция учила, что еврей никогда не должен отчаиваться, «даже если над ним занесен острый меч».

Общественная молитва позволялась при кворуме не менее десяти человек старше 13 лет.[6] За церемонию отвечал староста – *габай, габе (идиш)* – как наиболее авторитетный член общины. Он следил за ходом службы и представлял верующих перед властями. Старосте помогал кантор (*хазан*), который вел общую молитву в субботу и торжественные дни. Служка (*шамес*) поддерживал чистоту и следил за детьми, пришедшими в синагогу с родителями, а в ходе молитвы поддерживал свиток Торы и трубил в *шофар*.[7]

Каждый молитвенный дом символизировал собой храм, разрушенный в Земле Израиля. Изучение Закона заменяло жертвоприношение, а искреннее обращение к Богу и благочестивое настроение считались превыше всего. Торжественная служба проходила утром по субботам и праздникам, вечером накануне этих дней, в первый вечер Хануки, а также *9-го Ава.*[8] В Хануку и Пурим, при свадьбах и заупокойных службах пел хазан. Читать Тору было принято громко вслух, чтобы все присутствующие следили по Книге, а неграмотные повторяли. Высоко ценилось умение вести общую молитву, но еще большее значение придавалось чтению Пророков. Каждую субботу в синагоге читали недельную главу из свитка Торы в последовательном порядке, а в праздники – соответствующий раздел Торы, который был им посвящен.

Молитва (*богомоление*), при которой не было постоянного арон-кодеш со свитками Торы или *Пятикнижия*,[9] не считалась общественной и могла совершаться в любом частном доме без специального разрешения властей. Однако общественное богомоление вне синагоги требовало предварительного разрешения губернского начальства.

Духовные округа

Поиски кандидатуры на должность казенного раввина как доверенного лица правительства были предметом постоянной заботы чиновников. 29 июля 1889 г. минский губернатор подал докладную записку на имя министра внутренних дел

---

[6] «Устав Департамента духовных дел иностранных исповеданий», *Свод законов Российской империи*, СПб 1896 г., т. 9, ст. 1299, прим. 1 и ст. 1301.

[7] *Шофар* - бараний рог, в который трубили в ходе утренней молитвы при наступлении нового еврейского года (*Рош hа-Шана*) и после молитвы на исходе Судного дня (*Йом-Кипур*).

[8] *9-е Ава* - день разрушения Первого и Второго храмов в Иерусалиме.

[9] *Пятикнижие* - пять первых книг канонической еврейской Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие, которые в совокупности образовали Тору в узком смысле слова.

«Об общественных раввинах и их помощниках». В документе говорилось, что общественные (казенные) раввины пренебрегали талмудической стороной дела, не поощряли «фанатизм» верующих и поэтому не пользовались доверием среди еврейского населения. Губернатор предлагал разрешить выборы казенных раввинов только на первые три года. После прохождения каденции «беспорочно» – оставлять раввина в должности на неограниченный срок. Новые выборы могли последовать в случае смерти раввина или несоответствия своему назначению. Подобным образом губернатор предполагал осуществить замену казенных раввинов удобными кандидатами.

Еще большую проблему для властей представляли помощники казенных раввинов. С 1884 г. администрация безуспешно искала людей, окончивших курс хотя бы уездных училищ, и поэтому только два раввина в Минской губернии имели у себя помощников. При увеличенном в 1887 г. цензе образования «приискать» кандидатов на должность казенных раввинов стало невозможным. Минский губернатор предлагал упразднить должность помощников раввинов и разделить уезды на духовные округа. За основу планировалось принять численность еврейского населения и территорию, на которой оно проживало, так, чтобы один раввин приходился на 8 тыс. евреев.[10]

Если бы это предложение было одобрено, то вместо одиннадцати раввинов Минской губернии потребовалось бы более сорока. Расширение образовательного ценза допустило бы к избранию раввинами лиц, окончивших полный курс училищ 3-го разряда (городских и уездных).[11] Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий при министерстве внутренних дел России князь Канталузен ответил минскому губернатору, что *Комиссия по пересмотру действующих законов о евреях* сохранила должность выборного раввина, утверждаемую правительством. Комиссия нашла желательным: 1) продлить срок службы раввинов, 2) увеличить их число в многолюдных местностях, где имелось несколько молитвенных домов и десятки тысяч евреев, 3) ограничиться по отношению к кандидатам в помощники раввина требованием одного образовательного ценза: знание русского языка в объеме курса двух классов начальных училищ, 4) выяснить вопрос о целесообразности разделить города и местности со значительным количеством еврейского населения на духовные округа, подчиненные отдельным раввинам.[12]

Несмотря на очевидные аргументы, проблему соотношения казенных раввинов и их помощников в предполагаемых духовных округах решить долго не удавалось. 4 апреля 1899 г. мозырский уездный исправник Ленчевский докладывал губернатору о разумности продления первого срока службы казенных раввинов до 12 лет.

---

10 Деления на духовные округа предлагалось поручить уездной комиссии в составе предводителя дворянства, начальника полиции или городского головы.

11 Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАРБ), ф. 299, оп. 2, д. 16647, лл. 82-83.

12 Там же, лл. 1-10.

По его оценке, это укрепило бы положение раввинов и уменьшило их зависимость от еврейского населения при частых выборах.

Рафаил Кугель находился к тому времени в должности мозырского казенного раввина без перерыва уже 38 лет (12 каденций!). Уезд занимал 14 тыс. 95 кв. верст, или 200 верст пути в один конец. Сообщение между населенными пунктами, особенно весной и осенью, было затруднено. Исполнение прямых обязанностей, включая ведение метрических книг, оставалось делом крайне хлопотным, а помощника у раввина не было, и это заставляло верующих прибегать к услугам частных лиц. В 1899 г. Ленчевский предлагал разделить уезд на четыре духовных округа. *Первый* включал бы Мозырь, местечко Карлин и село Скородное (6950 евреев), *второй* – Петриков, Копаткевичи, Скрыгалов (3865 евреев), *третий* – Давид-Городок, Лахва, с. Рубль (3045 евреев), а *четвертый* – Туров, Ленин, Лельчицы и села Житковичи, Тонеж и Глинное (1983 еврея). Местами пребывания новоизбранных казенных раввинов были предложены Мозырь, Петриков, Давид-Городок и Туров.[13] Однако это предложение не нашло поддержки.

Раввины

Главой еврейской общины в местечке считался раввин. «Положение о евреях» 1804 г. сохранило право верующих иметь своего раввина, которого утверждала губернская власть, и поэтому они именовались *казенными,* или *общественными*. Раввинов избирали на три года, и, поскольку эта должность считалась почетной, а не доходной, они не вправе были требовать вознаграждение за совершение обрядов и получали только жалованье от общины. После 1812 г. раввином мог стать только человек, который знал одну из трех грамот – русскую, польскую или немецкую.

Российское законодательство постепенно расширяло полномочия раввинов. В 1804 г. раввин обязан был «надзирать» за обрядами веры и «судить все споры», относившиеся к религии, а с 1835 г. – «направлять к соблюдению нравственных обязанностей и повиновению государственным законам». Раввины и их помощники обрезали и нарекали младенцев, сочетали браком молодые пары и отпевали усопших. В обязанности казенного раввина входило принимать присягу у евреев-новобранцев, в дни государственных праздников и рождения императора произносить в синагоге патриотические проповеди, как правило, на русском языке. Раввины и кандидаты на эту должность были освобождены от несения рекрутской повинности.

Порядок избрания раввинов и их помощников определялся особой инструкцией министерства внутренних дел. После этого их представляли на утверждение губернатора и приводили к присяге. Если раввин оказывался виновным в нарушении своих обязанностей, то по жалобе еврейской общины губернатор назначал комиссию из трех раввинов. Комиссия могла лишить провинившегося звания раввина,

[13] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 16647, л. 12.

но приговор вступал в силу только после утверждения губернатором. Обвиняемый имел право апеллировать к министру внутренних дел Российской империи.[14]

Наряду с казенными (официальными) раввинами действовали *духовные* раввины, не утверждавшиеся правительством. Однако именно они являлись религиозными представителями общины. Закон допускал избрание в составе духовного правления общины *ученого* для объяснения «сомнений в богослужении или обрядам веры относящиеся», который подчинялся казенному раввину. По свидетельству советника минского губернатора Стадкевича, длительное время выборы раввинов «исполнялись неаккуратно», а во многих общинах не возобновлялись. Раввины отправляли обязанности произвольно, а в некоторых местах молитвенные правления вообще отсутствовали.

16 июня 1853 г. минский губернатор потребовал обновить списки выбранных лиц. Исполнительным органам власти было дано указание представить «положительно верные» сведения о числе существовавших синагог, молитвенных домов и школ с указанием даты и места их утверждения. К этому требовалось «присовокупить» данные о произвольно существовавших еврейских молитвенных заведениях, которые планировалось закрыть. Контроль над осуществлением этой программы возлагался на полицию, земский суд, городские и уездные управы.[15]

Сведения, собранные администрацией Мозырского уезда, позволили выяснить состав духовных правлений местечек (см. табл. 1 на с. 78).

В Давид-Городке, Карлине, Скрыгалове, Копаткевичах, Петрикове, Ленине и Лахве молитвенные заведения существовали «от незапамятных времен» и не располагали документами своего официального утверждения, члены их правлений не получали жалованья, а из общественных средств выделялись только деньги на отопление и освещение школ и молитвенных домов, прислугу содержали на добровольные пожертвования прихожан. На этом основании они подпадали под Положение 1835 г., которое признавало законными все еврейские молитвенные заведения, не учтенные в предшествующий период, и поэтому были сохранены.

В 1857 г. вышел закон, предписывавший, чтобы на должность раввина выбирали только выпускников созданных правительством раввинских училищ (семинарий) или общих учебных заведений. Это вызвало протест еврейских общин, а когда власти заставляли остановить свой выбор на подобном кандидате, ему назначали столь скудное жалованье, что его едва хватало на пропитание. Для того чтобы облегчить положение казенных раввинов, с 1862 г. им стали выдавать пособие от 75 до 100 руб. в год, в дополнение к этому раввины часто преподавали в казенных еврейских училищах.[16]

---

[14] *Еврейская энциклопедия*, СПб 1906-1912 гг., т. 13, с. 230.

[15] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 4379, л. 23.

[16] *Еврейская энциклопедия*, т. 13, с. 227-229.

Таблица 1
Служители еврейских молитвенных заведений Мозырского уезда в 1852 г.[17]

Местечко	Раввин	Староста	Казначей	Ученый
Туров	Гутерман Мовша Лейбович	Фишман Ханох Абрамович	Брегман Израиль Срулевич	Альперин Йосель Ааронович
Карлин	Берман	Зарезин Зелик	Гутман Мовша	Фрейман Янкель
Скрыгалов	Микулицкий Мовша	Свидовский Йосель	Дольницкий Мотель	Готлиб Невах
Копаткевичи	Сапира Гирш	Квитный Йосель	Оффенгендин Йосель	Кветный Хамкель
Петриков	Зарецкий Аарон Йоселевич	Пинхас	Фридман Нота	Зусманович Айзик
Лахва	Нельтман Лейба Мовшевич	Хейфец Хайкель Залманович	Хейфец Хайкель Залманович	Нельтман Лейба Мовшевич
Ленин	Гулевич Ицко Зеликович	Голуб Лейзер	Гуревич Шендер	Зайчик Носем
Давид-Городок	Рабинович Аарон Мовшевич	Ципорин Берко Лейбович	Шимонов Мендель	Китаберг Невах Янкелевич

В последующие годы общиной в Турове руководили раввины, пользовавшиеся авторитетом и уважением далеко за пределами местечка. Начиная с 1890 г. главным раввином в Турове и одновременно главой раввинского суда служил Арье-Лейб-Цви Гольдберг – сын раввина Шломо Гольдберга и внук раввина Шмуэль-Довида, духовного наставника еврейской общины в местечке Самохваловичи Минской губернии. Со стороны матери Арье Гольдберг был внуком *гаона*[18] Менахем-Элиэзера, автора книг «Йоир Кино», сына гаона Леви – автора книг «Атэрес Рош», «Атэрес Тифъэрес» и «Мисгерес Тефах» о хлебе в Иерусалимском храме. Арье-Лейб-Цви

[17] Составлено по: НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 4379, л. 104.

[18] *Гаон* (букв. «величие», «гордость», «гений», *иврит*) - высший авторитет в толковании Талмуда и применении его принципов повседневной жизни.

Гольдберг получил *смиху*[19] из рук гаона Йосефа – главы раввинского суда Слонима и гаона Симхи Горовица – главы раввинского суда Ляховичей.[20]

В 1907 г. главным раввином в Турове на смену Арье-Лейб-Цви Гольдбергу пришел Яаков-Иосиф Кирзнер – сын раввина Иегошуа Кирзнера. До приезда в Туров Яаков-Иосиф являлся духовным наставником еврейской общины в г. Ковеле Волынской губернии в Малороссии (Украина).[21]

Еврейские молитвенные дома в Турове мирно сосуществовали с православными приходами. Соблюдалось только правило: если молитвенный дом открывали на улице или площади, где уже находилась церковь, то расстояние между ними составляло не менее ста саженей, а если на другой улице, то оно уменьшалось наполовину. Закон охранял еврейские синагоги от соседства с питейными заведениями и трактирами. Увеселительные заведения запрещалось открывать ближе 40 саженей, а пивные лавки – 20 саженей от молитвенного дома.[22] Синагоги и еврейские молитвенные дома в Турове мирно уживались с пятью церквами – Петропавловской, Преображенской, Свято-Кирилловской, Ильинской и кладбищенской – Всех Святых. Настоятелем первых двух служил священник Александр Гузаревич, а последних трех храмов – Антоний Вечерко.[23] До наших дней сохранилась только одна – кладбищенская Всесвятская, а Преображенская и Ильинская церкви сгорели в годы войны.[24]

Выборы казенного раввина

Российское законодательство не предусматривало единую организацию иудейских общин в рамках империи в целом или отдельно взятого региона, будь то губерния, уезд, город или местечко. При каждой синагоге, молитвенном доме или школе существовало общество верующих, которое избирало для себя *духовное* правление. Временное объединение молитвенных обществ возникало только тогда, когда наступали выборы казенного раввина. Закон 1 июня 1901 г. предусматривал для этой цели институт *уполномоченных* – 1 чел. от 100 верующих.

Департамент духовных дел при канцелярии минского губернатора для упорядоченности делопроизводства ввел снабжение общественных раввинов должностными

---

[19] *Смиха* (букв. «рукоположение», *иврит*) - диплом, удостоверявший квалификацию владельца и наделявший правом исполнять должность раввина, включая судебные функции в рамках своей общины.

[20] Ohole-Schem, *Biografien und adressen d. rabbiners. Europia, Asien, Africa, America und Ustralien*. Von Sch. N. Gottlieb, Pinsk (Gouv., Minsk) 1912, p. 82.

[21] Там же, с. 83.

[22] *Сажень* - русская мера длины, равная 3 аршинам *(аршин* - старинная мера длины, равная 0,711 метра), или 7 футам, или 2,13 метра.

[23] *Минская старина.* Труды Минского церковного историко-археологического комитета. Вып. 2, Минск 1911 г., с. 255.

[24] *Память*. Историко-документальная хроника Житковичского района, Минск 1994 г., с. 107.

печатями по установленной форме, а также прошнурованными журналами для входящих и исходящих бумаг. Печати и журналы передавались преемнику раввина по утверждении его в должности под наблюдением городского правления.[25]

Полномочия мозырского общественного раввина Рафаила Михайловича Кугеля[26] распространялись на территорию Мозыря, Петрикова, Давид-Городка, Лахвы, Ленина, Лельчиц, Карлина, Скрыгалова, Копаткевичей и Турова.[27] Кугель бессменно занимал эту должность с 1861 г., и поэтому, когда в 1904 г. возникла необходимость найти преемника, власти вынуждены были провести публичные выборы. С этой целью были привлечены представители всех еврейских общин, насчитывавших 100 и более верующих. Право участия в выборе уполномоченных имели только мужчины, состоявшие в русском подданстве и не моложе 25 лет. Они обязаны были иметь безупречную репутацию – в течение не менее двух последних лет не состоять под судом или следствием по обвинению в преступлениях или корыстных проступках, не находиться под гласным надзором полиции, не содержать заведений для продажи крепких напитков и т. д.[28]

В 1905–1911 гг. казенным раввином в Мозырском уезде служил Иосиф Абрамович Меламед.[29] В 1911 г. на выборах общественного раввина были выставлены две основные кандидатуры: Мовши-Хаима Кагана и Залмана Эльевича Хейфеца. В этих выборах приняли участие 14 делегатов из Турова.[30]

Основным кандидатом был Мовша (Моисей) Каган. В характеристике, подписанной минским вице-губернатором, говорилось, что Мовша-Хаим Каган, 31 года, уроженец местечка Кореличи Бобруйского уезда, преподавал в иешиве Лиды. Отец Мовши, раввин Абрам Каган, возглавлял еврейскую общину в Кореличах. Мовша обладал хорошими «нравственными качествами», к суду или следствию не привлекался, в неблагоприятных в политическом отношении действиях замечен не был.[31] Несмотря на это, губернатору поступил анонимный донос о том,

[25] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 14813, л. 20.

[26] Рафаил Михайлович Кугель - выпускник Виленского раввинского училища, избран на должность казенного раввина Мозырского уезда 15 февраля 1861 г., *Памятная книжка Минской губернии на 1878 г.*, Минск 1879 г., с. 157, 250; *Памятная книжка Минской губернии на 1904 г.,* Минск 1905 г., с. 162.

[27] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 17513, л. 7.

[28] «Устав Департамента духовных дел иностранных исповеданий», *Свод законов Российской империи*, СПб 1906 г., ст. 1322.

[29] *Памятная книжка Минской губернии на 1908* г., Минск 1907 г., с. 140.

[30] Ошер-Шимон Лейбович Ламден, Мордух Беркович Эттингер, Шая Бейнусович Глозман, Йосель Янкелевич Жолквер, Шлёма Абрамович Головей, Абрам Липович Шнайдман, Меир Абрамович Чечик, Сроль Беркович Гренадер, Бейнус Шимонович Глозман, Лейбуш Цалевич Теппер, Мовша Лейбович Канторович, Йосель Гиршевич Лехчин, Менахем Ицкович Брегман и Янкель Симхович Клугерман, НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 17513, л. 21.

[31] Там же, л. 138.

что Каган-младший, избранный казенным раввином Мозыря, пропагандировал «за революционные партии». По поводу убийства Столыпина[32] Каган будто бы сказал: «Там, где он [Столыпин] хотел разлить еврейскую кровь из *дела Ющинского*[33], разлили его кровь». Анонимный автор для придания достоверности этим сведениям сделал приписку: «Ей-богу, что изложенное верно». Он просил губернатора отнять у Мовши Кагана документы казенного раввина и предать суду. Донос кончался словами: «Только, Боже сохрани, не направляйте дело местной администрации или вообще, где оно может быть “замазано”».[34]

В ходе проверки прямых доказательств участия Кагана в сионистской деятельности или сочувствия революционным партиям обнаружено не было. Ввиду этого власти оставили раввина Кагана в должности, но в 1913 г. его сменил Залман Эльевич Хейфец, который прослужил до 1917 г.[35]

Хасиды и миснагиды

В Турове существовали две основные группы верующих, отдававших свои симпатии *хасидам* или *миснагидам*. Хасиды были последователями религиозно-мистического народного течения, основанного Исраэлем бен Элиэзером Ба’ал-Шем-Товом во второй половине XVIII века. Миснагиды выступали их противниками и хотели сохранить привычный подход. Они обвиняли хасидов в искажении иудаизма и измене традиционным религиозным идеалам, распространении *Каббалы*.[36] Российские власти предпочитали не вмешиваться в этот конфликт. «Положения о евреях» 1804 г. и 1835 г. давали хасидам и миснагидам равные возможности: «Еже ли в каком-либо месте возникнет разделение сект и раскол, то каждому позволяется построить свою синагогу и выбрать своих раввинов». Закон запрещал прибегать к принудительным мерам воздействия на паству, позволял только «увещевать» внутри синагоги.

В хасидских общинах раввинов назначали *цадики.*[37] В отличие от миснагидов, ценивших более всего изучение Талмуда, у хасидов требовалось, в основном, знание тех разделов еврейского кодекса, которые относились к ритуалу. Тем не менее

---

[32] Петр Аркадьевич Столыпин (1862-1911 гг.) - министр внутренних дел и председатель Совета министров России (с 1906), убит Д.Г. Богровым.

[33] *Дело Ющинского* - судебный процесс на Менахемом Менделем Бейлисом в Киеве (1913) по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика Андрея Ющинского вызвал протест международной общественности; суд присяжных поверенных оправдал Бейлиса.

[34] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 17513, л. 140.

[35] *Памятная книжка Минской губернии на 1913 г.,* Минск 1912 г., с. 173.

[36] *Каббала* (букв. «поучение», *иврит*) - еврейское религиозное учение с элементами мистики и магии.

[37] *Цадик* (букв. «праведник», *иврит*) - человек, отличающийся особенно сильной верой и набожностью; духовный вождь хасидской общины.

и среди хасидов были раввины, обладавшие большими познаниями в талмудической литературе: Илия-Иосиф из Дрибина, Борух-Мордехай Эттинген (Бобруйск), Исаак-Айзик hа-Леви (Гомель), Шнеур-Залман Фрадкин (Полоцк) и другие.

В Белоруссии и Литве получило распространение движение *Хабад*,[38] центр которого с 1814 г. был в Любавичах Могилевской губернии (ныне Смоленская область). Дома других цадиков находились в Кобрине, Слониме, Койданово, Березино, Давид-Городке. Туровские хасиды признавали авторитет цадиков из Столина и Ляховичей. В Турове им принадлежал молитвенный дом, так называемая Столинская синагога. Время от времени жители местечка становились свидетелями стычек, которые вспыхивали между противоборствующими сторонами. Осенью 1882 г. сообщалось в корреспонденции газеты *hа-Мелиц*, издававшейся в Санкт-Петербурге, об одном таком происшествии. В первых числах октября 1882 г. в субботу, пополудни, по улицам Турова с песнями и плясками шли хасиды из Столинской синагоги, которые по пути разбили стекла в доме миснагида. На исходе *святой субботы*[39] хасиды зашли в белорусскую часть местечка, громко пели и танцевали, чем разозлили христианских жителей. Двух хасидов задержали и сдали в полицейский участок, где они просидели три дня. Арестованных освободили только при посредничестве раввина Мордехая из Копаткевичей. Хасиды Турова радостно встретили своих товарищей, собрались в *бейт-мидраше*,[40] пили водку и веселились всю ночь напролет.[41]

Однако подобные происшествия были скорее исключением, чем правилом. Миснагиды и хасиды, православные, католики и лютеране мирно уживались друг с другом в местечке. К этому их вынуждала повседневная забота о хлебе насущном и взаимная зависимость в экономическом и социальном отношении. Полицейский урядник Турова одинаково строго относился к нарушителям порядка, независимо от их религиозной принадлежности.

Эмиграция в Палестину

Евреи Турова никогда не теряли духовной связи с Эрец-Исраэль. Надежда на приход Мессии, который спасет Израиль, мечта по Сиону и Иерусалиму как месте национального возрождения укрепляла людей. Идея исхода из поколения

---

[38] *Хабад* (аббревиатура от *хохма, бина, да'ат*; букв. «мудрость», «разум», «познание», *иврит*) – течение в хасидизме, основанное в конце XVIII века раввином Шнеур-Залманом (Алтер Ребе) из местечка Лиозно, который в дальнейшем поселился со своим хасидским двором в Лядах.

[39] *Святая суббота* - согласно Торе, седьмой день недели является главным праздником иудейской традиции, поэтому часто евреи называли субботу «святым днем».

[40] *Бейт-мидраш* (букв. «дом учения», *иврит*) - место, где изучается религиозная литература, молельный дом.

[41] *hа-Мелиц*, 19 октября 1882 г., с. 808.

в поколение помогала сохранять духовное единство, наделяла внутренней силой, учила противостоять притеснениям. Одиночками и группами, в ограниченном количестве, но евреи из Турова уезжали на землю, о которой было написано в Торе. Тонкий ручеек этого движения неспешно бежал и в XIX веке.

Симху Мендельбойма (1869–1930 гг.) его родители – раввин Барух и Лея Мендельбойм – привезли в Палестину пятилетним мальчиком вместе с его братьями и сестрами. Отец Барух до отъезда из Турова был известным хасидским проповедником, потомком раввина Йоэля Сиркиса. Мендельбоймы поселились в Иерусалиме, где все дети (5 мальчиков и 4 девочки) получили традиционное еврейское образование. Симха вырос и женился на дочери раввина Нахума Эпштейна из Кобрина, основал одну из первых в Палестине прядильных фабрик и наладил выпуск носков. Он много занимался общественной деятельностью. Симха принял участие в создании ашкеназского совета в Иерусалиме, был среди основателей города Кфар-Саба, руководил Комитетом еврейской помощи в Иерусалиме во время первой мировой войны. Дети Симхи последовали примеру отца. Дочь Хая стала женой раввина Аарона Тейтельбойма, Рахель – женой раввина Рафаила Кука. Хана вышла замуж за Хаима Раковера, а Двора – за Бен-Циона Лебела. Сын Алтер стал раввином в одной из общин США. Традиционного еврейского образа жизни придерживались сыновья Симхи – Мордехай, Хаим-Матитьягу и Барух-Йехиэль.[42]

В 1874 г. в Палестину перебрались еще три семьи карлинских хасидов из Турова, которые поселились в Тверии. Этот город на юго-западном берегу озера Кинерет являлся одним из четырех святых городов Страны Израиля наряду с Иерусалимом, Хевроном и Цфатом. Здесь находилась известная иешива, члены которой внесли большой вклад в завершение Иерусалимского Талмуда. В 1877 г. в Тверии поселилась группа хасидов из Восточной Европы, поддерживавшая связи с Белоруссией, одним из духовных лидеров которых был рабби Менахем-Мендл из Витебска. К ним и присоединились хасиды из Турова, социальный и семейный статус которых представлен в табл. 2 (см. с. 84).

Всего в составе трех семей из Турова в Эрец-Исраэль прибыло 12 человек, включая семь детей. Главы семейств были зрелыми людьми, средний возраст которых составлял 45 лет. Они имели типичные еврейские профессии: плотник, портной и переплетчик. Не исключено, что новые поселенцы были вынуждены поменять профессию или совмещать ее с другими занятиями, которые диктовала абсолютно непривычная обстановка. Неизвестно, как туровские новоселы пережили акклиматизацию, поскольку жаркий и влажный климат на берегу Кинерета был для них совершенно непривычным. Но с уверенностью можно сказать, что они считали себя людьми, вернувшимися на свою Святую землю. Главной побудительной силой, заставившей их добровольно совершить драматический поворот в своей судьбе, были глубоко религиозные мотивы.

---

[42] *Энциклопедия Халуцей hа-ишув вэ-бонав* («Энциклопедия первопроходцев государства и его строителей»)*,* Тель-Авив 1947 г., т. 2, с. 587.

Таблица 2
Евреи, выехавшие из Турова в Палестину в 1874 г.[43]

Имя	**Год рождения**	**Возраст,** *лет*	**Профессия**	**Семейный статус**	**Имя жены**	**Возраст детей,** *лет*	**Место проживания**
Михель	1820	54	сапожник	вдовец	–	16	Тверия
Хаим	1827	47	плотник	отец семейства	Эстер	14 и 10	Тверия
Нахум	1839	35	переплетчик	отец семейства	Ихса	5, 9, 12,15	Тверия

Религиозная жизнь в Турове

В Турове синагогу называли молитвенной школой. Это был обыкновенный деревянный дом (*будынок*), прямоугольный сруб которого без всякой отделки венчала высокая двухъярусная кровля. Женская часть синагоги находилась в отдельной пристройке. В 1852 г. в Турове существовали два еврейских молитвенных дома и одна молитвенная школа, которые фактически являлись синагогами и были официально зарегистрированы в канцелярии минского губернатора.[44] «Положение о евреях» 13 апреля 1835 г. ограничивало количество молитвенных заведений. Если в местечке было 30 еврейских домов, то можно было рассчитывать на одну синагогу или молитвенную школу, вторую разрешали, если имелось 80 домов, и т. д.[45] Это позволяет предположить, что к середине XIX века в Турове насчитывалось не менее 200 еврейских домов.

В молитвенной школе можно было собираться только для совершения обрядов веры и молитвы, хранить предметы, имевшие отношение к еврейскому богослужению, и метрические книги. Право на пользование местом в синагоге можно

---

[43] Составлено по: Last Census of the Jewish Population of Eretz Israel, Ordered by Sir Moses Montefiore, Личный архив д-ра А. Кагановича.

[44] Для открытия синагоги или молитвенного дома вне черты оседлости требовалось решение министра внутренних дел.

[45] «Устав Департамента духовных дел иностранных исповеданий», *Свод законов Российской империи*, СПб 1896 г., ст. 1302 и ст. 152, прим. Строительного устава.

было приобрести за определенную плату, назначенную общиной.[46] Предметы для совершения молитвы не подлежали коробочному сбору, только с субботних свечей взимали особый налог на устройство еврейского казенного училища в Мозыре. За *благочинием* (порядком) наблюдал староста, который собирал пожертвования и заготавливал все необходимое для молитвенного дома. Контроль над молитвенными домами в Турове, составление отчетов и ревизия метрических книг принадлежали местечковой управе. Все имущество синагоги считалось собственностью общины. По талмудическому праву ее нельзя было отдавать в наем или закладывать за долги. Помещения молитвенной школы и синагоги освобождались от воинского постоя, налога на недвижимость и земского сбора при условии, что они не приносили дохода.

В 1852 г. еврейскую молитвенную школу в Турове посещали 215 чел. Раввин получал жалованья 15 рублей серебром в год, а на содержание членов правления с прихожан собирали дополнительно, и члены правления получали по 6 руб. в год.[47] Общее количество молитвенных заведений в Мозырском уезде в 1848–1852 гг. представлено в табл. 3.

Таблица 3

Молитвенные заведения Мозырского уезда Минской губернии в 1848–1852 гг.[48]

Местечко	Количество молитвенных		Число прихожан		Год открытия	Источник дохода членов правления
	школ	*домов*	*чел.*	*%*		
Туров	1	2	1248	21,2	1852	жалованье 10–15 руб. серебром
Давид-Городок		4	1234	20,9	–	
Карлин	1	–	189	3,2	1848	пожертвования
Скрыгалов	1	–	135	2,3	1848	
Копаткевичи	1	–	1980	33,6	1848	
Петриков	1	–	863	14,7	–	
Лахва	1	–	100	1,7	–	
Ленин	–	1	130	2,2	–	
Итого	**7**	**7**	**5879**	**100**	**1848–1852**	**пожертвования и жалованье**

[46] Купленное место в синагоге считалось личным и не подлежало имущественному обороту, его нельзя было лишить даже за долги.

[47] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 4379, л. 12.

[48] Там же, л. 104.

Табл. 3 свидетельствует, что Туров по количеству иудейских молитвенных заведений занимал в Мозырском уезде второе место после Давид-Городка. В Карлине, Скрыгалове, Копаткевичах, Петрикове, Лахве и Ленине было только по одной молитвенной школе. По общему количеству верующих еврейская община в Турове стояла на втором месте после Копаткевичей (20,9%). Жалованье выплачивалось только духовным раввинам Турова и Давид-Городка, тогда как в остальных местечках верующие собирали для раввинов пожертвования.

Самыми малочисленными были общины в Лахве (100 чел.) и Ленине (130 чел.), члены которых были настолько бедными, что не могли содержать духовного раввина. В 1852 г. они обратились через Мозырскую городскую думу в Минское губернское правление с ходатайством «причислить» их к Туровскому *раввинату* (духовному округу). Начальник благочинного учреждения Минского губернского правления удовлетворил просьбу евреев местечка Ленин и сообщил, что на должность раввина к ним будет направлен кандидат по усмотрению губернатора. Членом молитвенного правления в Ленине на три года был утвержден Нисан Иосифович Зайчик, а старостой и казначеем Лейзер Янкелевич Голуб.[49]

В свою очередь, когда в 1857 г. большой пожар «подверг жестокому пламени» все дома и имущество молитвенных школ в Турове, депутаты еврейского общества обратились к минскому гражданскому губернатору графу Келлеру прислать им ученого раввина и приписать Туровское общество к раввинату города Мозыря.[50] В 1858 г. в Мозырском уезде было разрешено 14 еврейских молитвенных школ, в том числе: в первом стане – три, во втором – пять, а в третьем, к которому относился Туров, – шесть. Каменных синагог к тому времени в округе еще не было.[51]

Молитвенные дома и школы Турова повторяли судьбу местечка. Они строились, принимали в своих стенах верующих, становились свидетелями драматических эпизодов их жизни, страдали от наводнений и пожаров. 20 июня 1884 г. пожар в Турове уничтожил два молитвенных дома, одну молитвенную школу и синагогу, равной которой, по свидетельству современника, не было в округе.[52] К 1888 г. в Турове действовала только одна молитвенная школа – небольшое помещение в 24 кв. м, где молиться было крайне неудобно «по многолюдности».[53] Это заставило верующих подыскать другое, более подходящее помещение для общественных собраний. 22 ноября 1888 г. поверенный Туровского молитвенного общества

[49] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 5760, л. 50.

[50] Там же, л. 51.

[51] О количестве еврейских молитвенных школ и синагог в Мозырском уезде в 1858 г., Там же, ф. 21, оп. 1, д. 4, л. 190.

[52] *hа-Цфира* (Варшава), 11(22) июля 1884 г.

[53] Молитвенная школа в Турове была утверждена Минским губернским правлением 24 ноября 1873 г. См.: Сведения о синагогах и еврейских молитвенных школах по Мозырскому уезду 1873 г., НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 16713, л. 16.

Янкель Хаимович Фельдман подал прошение в Минское губернское правление от имени мещан Турова об открытии второй еврейской школы. Помещение для школы согласился пожертвовать Янкель-Симха Клугерман. Это был новый дом, построенный в 1885 г. на *плацу* (участке), принадлежавшем Шмуэлю Клугерману. К просьбе общины, подписанной 34 заявителями, прилагалась расписка Клугермана о добровольном согласии открыть молитвенную школу на его вотчинной земле. В соответствии с процедурой, прошение заверил староста еврейской мещанской общины Турова Зусь Гоберман.[54]

В 1898 г. во время нового пожара в Турове эта синагога сгорела, и верующие в который раз очутились на пепелище, но это не лишило их решимости отстроить синагогу. Самым трудным делом было отыскать свободное место. В невероятной скученности построек местечка, ограниченного с одной стороны крестьянскими наделами, а с другой – угодьями помещика Людвига Нарейко, решить это было непросто. Место для новой синагоги подарил общине купец Сроль (Израиль) Ошерович Перлов.[55] 22 мая 1899 г. 38 домовладельцев Турова представили на утверждение в Строительное отделение Минского губернского правления проект на постройку деревянной молитвенной школы, которую они обещали возвести собственными силами.[56]

27 июля 1899 г. вице-губернатор от имени Минского губернского правления послал запрос, насколько в действительности существует надобность в синагоге в Турове. Мозырскому уездному исправнику поручили выяснить, на каком расстоянии от ближайших христианских храмов находится плац Перлова. Сколько евреев проживает в Турове и сколько существует в местечке еврейских домов, синагог и молитвенных школ, утвержденных губернским правлением? В рапорте от 18 августа 1899 г. исправник доносил, что жители Турова испытывают в открытии синагоги крайнюю нужду. Среди 260 еврейских домов не осталось ни одного молитвенного помещения, и со стороны полиции никаких препятствий к ее строительству не было.[57]

29 ноября 1899 г. Минское губернское правление в соответствии с правилами

---

[54] Там же, д. 16649, лл. 1-2.

[55] Там же, д. 17180, л. 6.

[56] Прошение о возведении молитвенной школы в Турове 22 мая 1899 г. подписали: Шая Глозман, Пинхус Ошер, Ламден, М. Эттингер, Абрам Фишман, Мендель Найдич, П. Рабинович, Берко Лившиц, Абрам Айзин, Абрам Мильчин, Янкель Эрлахгерехт, Пинхус Калманов, Пинхус Брегман, Гирш-Ошер Марголин, Мовша Кундо, Ошер Марголин, Мовша Найдич, Симха Байдачник, Бейнус-Залман Кундо, Зусь Гоберман, Носон Брегман, Ошер Гендельман, Овсей Рабинович, Хаим Чечик, Янкель Штильман, Гирш-Лейба Оффенгендин, Овсей Марголин, Ошер-Зелик Кельман, Ошер Фейгин, Сроль Шляпинтох, Гирш Малер, Шломо Дворин, Мовша Головей, Мовша Шифман, Лазарь Эттингер, Абрам-Лейба Сиротин, Гирш Айзенберг, Ошер Айзенберг, Ицко Фруман. См.: НИАРБ, ф. 299, оп. 5, д. 1381, л. 1.

[57] Там же, оп. 2, д. 17180, л. 8.

Департамента духовных дел по иностранным исповеданиям выдало свидетельство на совершение богомоления в еврейской молитвенной школе в Турове. Членами правления синагоги были утверждены: Пинхус Борухович Рабинович (староста), Айзик Мовшевич Мильчин (его заместитель), Симха Янкелевич Байдачник (казначей), Ошер Мовшевич Бегин (заместитель), Шай Бейнусович Глозман (*ученый*) и Мовша Абрамович Головей (заместитель). По свидетельству мозырской полиции, избранные лица зарекомендовали себя благонадежными гражданами.[58]

Мозырский казенный раввин Кугель привел к присяге членов духовного правления в Турове в установленном порядке. Клятва содержала торжественное обещание не выходить за рамки разрешенных норм поведения, соблюдать лояльность режиму и лично Государю Императору:

Я (нижепоименованный), обещаю и клянусь Господом Богом (Богом Израилевым) с чистым сердцем, и не по иному, скрытому во мне смыслу, в сей препоручаемой должности поступать справедливо и бескорыстно, и всеми путями стараться, дабы занимаемая нашим молитвенным обществом школа была исключительно посвящена одному богомолению, совершению обрядов веры, чтению книг нашего закона, чтобы никакого другого собрания, противного общественному спокойствию, распоряжениям местного начальства и полицейскому порядку, произведено не было, и никаких других вещей, кроме священных для евреев свитков Торы и предметов, необходимых к богомолению и совершению обрядов, не хранилось. Обещаем не позволять и не допускать в оной во время моления и другое время ничего противного существующему сему указанию или против высокой власти императора, августейшего его дома, государством поставленным от Него начальникам, ответствуя за всякое по всем предметам упущения, злоупотребления или беспорядок. И в этом перед Богом всегда ответ дать могу, и пусть в этом мне Господь Бог душевно и телесно да поможет, Аминь![59]

Каменная синагога

Большим событием в жизни еврейской общины стало возведение в местечке каменной синагоги. Для прежних поколений туровских евреев подобное казалось несбыточной мечтой. С одной стороны, это свидетельствовало об уровне экономического роста и благосостояния общины – строительство синагоги требовало особых затрат. С другой стороны, каменная кладка могла защитить синагогу во время частых пожаров.

20 марта 1902 г. поверенный Туровского еврейского общества Шая Бейнусович

[58] НИАРБ, ф. 299, оп. 5, д. 1381, л. 25.

[59] Там же, оп. 2, д. 17180, л. 26.

Глозман подал прошение в Строительное отделение Минского губернского правления об открытии каменной синагоги. Глозман приложил копию решения Туровского еврейского общества и «покорнейше просил» губернское правление передать ответ через *пристава*[60] третьего стана Мозырского уезда.[61]

Местом строительства синагоги в Турове должна была служить одна из двух рыночных площадей – Старый базар, расположенная около Замковой горы за бывшим крепостным рвом.[62] Здесь останавливались крестьяне для продажи сена, дров и пр., но «особенно больших съездов», за исключением ярмарки, в дни праздника Петра и Павла, не было.[63] К тому времени в Турове насчитывалось 183 еврейских дома, действовали одна деревянная синагога, построенная по официальному разрешению, и еще две молитвенные школы, открывшиеся без разрешения. Новая синагога должна была находиться на расстоянии 170 саженей от православного храма. По мнению исправника, еврейских молитвенных зданий в Турове было совершенно достаточно, а возведение еще одной синагоги руководители общины «затеяли» для получения свободных коробочных остатков. После этого, считал исправник, синагога строиться не будет, потому что денег для ее возведения нет.[64] В ответ верующие сообщили губернатору, что способны оплатить все затраты (от 5 до 6 тыс. руб.) на синагогу, не прибегая к «добровольным приношениям».[65]

Возведение каменной синагоги стало насущным делом, так как еврейская община испытывала большие затруднения из-за ограниченности места в молитвенных домах. Динамику роста общины в Турове в начале XX века можно проследить на примере новостроек. По оценке старосты еврейской мещанской управы Шустермана, по налоговым ведомостям за 1901 г. в Турове насчитывалось 241 еврейское строение, в 1902 г. – 263, в 1903 г. – 279.[66] Еврейская община сумела найти взаимопонимание и с помещиком. Неизвестно, что ему было обещано, но 17 апреля 1903 г. владелец имения Туров, дворянин Людвиг Данилович Нарейко,

---

[60] *Пристав* – начальник местной полиции в России до 1917 г.

[61] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 17323, л. 2.

[62] *Минская старина.* Труды Минского церковного историко-археологического комитета. Вып. 2, Минск 1911 г., с. 257.

[63] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 17323, л. 16.

[64] Там же, л. 33.

[65] Ходатайство подписал 31 человек: Шая Глозман, М. Эттинген, П. Рабинович, Янкель Маглин, Борух Брегман, Мендель Найдич, Йосель Марголин, Иешуа Марголин, Ицко Марголин, Боаз Муравчик, Нафтоли Меклин, Шая Гительман, Мендель Гительман, Берко Гительман, Бейнус Глозман, Абрам Головей, Абрам Боркин, Цилин Букчин, Абрам Нудельман, Вульф Шустерман, Невах-Янкель Шустерман, Лейба Шнайдман, Мовша Шнайдман, Лейба Старобинский, Берко Старобинский, Меир Фишман, Абрам Фурман, Мовша Канторович, Мендель Кожангородецкий, Мовша Койфман, Ицко Тепленький, НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д.17323, л. 37.

[66] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 17323, л. 38.

выдал Туровскому еврейскому обществу разрешение на постройку каменной синагоги на плацу, где находилась деревянная синагога, сгоревшая в 1884 г., и обязался «никаких препятствий оному не чинить».[67]

Чертежник Е. Дрейзин составил план синагоги, которая была построена за три года при участии инженера А. Нектаревского и архитектора Л. Добролюбова. 30 октября 1907 г. минский вице-губернатор подписал разрешение на открытие каменной синагоги с выдачей свидетельства на право совершения общественных молитвенных собраний. Мозырского уездного исправника обязали проконтролировать избрание членов духовного правления синагоги и сообщить об их благонадежности.[68]

Процедура выборов правления, согласование с мозырским казенным раввином, уездным исправником и губернским правлением заняли два с половиной месяца. Наконец, 12 января 1908 г. общее собрание Туровского еврейского общества торжественно вынесло «приговор» о единогласном избрании на три года духовного правления из пяти членов во главе со старостой Шмуйлой Ароновичем Чечиком.[69] Они принесли клятву верности «высокой власти императора, августейшему его дому, государству и поставленным от него начальникам».[70] Полицейский исправник заверил, что члены правления синагоги под судом и следствием не состояли, имели «благонадежное поведение и ни в чем предосудительном замечены не были», и отправил бумаги в Минск.[71] Синагогу освятили и приступили к службе; для евреев Турова наступил новый этап в жизни религиозной общины.

* * *

Соблюдение традиции в Турове, как и в других местечках черты оседлости, было глубокой внутренней потребностью. Посещение синагоги не являлось самоцелью, особенностью иудаизма была неотделимость традиции от повседневного образа жизни в местечке. В отличие от христианства, где человек, отошедший от религии, мог рассчитывать на иные духовные ценности, у евреев другие ориентиры отсутствовали. Дискриминации по национальному признаку можно было избежать, перейдя в христианство, но для абсолютного большинства евреев это было неприемлемо. Миснагиды и хасиды Турова, несмотря на внутреннее противоборство, выступали убежденными противниками ассимиляции.

[67] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 17323, л. 36.

[68] Там же, лл. 61-62.

[69] Членами правления синагоги стали: Иосиф Вульфович Юдович (заместитель старосты), Лев Аронович Фридман (казначей), Меир Абрамович Лельчук (заместитель казначея), Довид-Шлёма Зеликович Кеслин (ученый раввин) и Йосель Бушемович Лельчук (заместитель ученого раввина).

[70] Там же, д. 17323, л. 63.

[71] Там же, л. 66.

Традиционный образ жизни служил своего рода отдушиной. Синагога не могла избавить местечко от социального расслоения, нищеты и безработицы, но она давала ощущение, что люди не одиноки и им есть на кого положиться. Обычай взаимной помощи (*цдака*) и коллективной ответственности за каждого члена общины смягчал остроту противоречий.

Столетия совместной жизни евреев и белорусов и общее бесправное положение перед самодержавием приучили к взаимной терпимости. В субботу и еврейские праздники жизнь в местечке замирала, крестьяне уважали раввина не меньше православного батюшки. В Турове не было погромов, а при пожарах и наводнениях все дружно боролись со стихией. Вместе с тем религия проводила четкую грань между двумя народами, их культурой и мировоззрением, межнациональные браки практически отсутствовали. Православная церковь как носитель государственной идеологии придерживалась огульного обвинения евреев в распятии Иисуса Христа.

Неизвестно, как долго евреи Турова ходили бы по этому «замкнутому кругу», если бы революция в России не упразднила в 1917 г. черту оседлости. Немецкая и польская оккупации в годы первой мировой войны, гражданская война (1918–1921 гг.) привели к всплеску насилия – синагоги в Турове разграбили и сожгли. Политика «военного коммунизма» и принудительная советизация довершили борьбу с религией. Соблюдать традицию стало опасно: любая религия была признана инакомыслием, опасным для диктатуры пролетариата, и это предопределило ее упадок.

Еврейское образование

Школьное обучение для большинства еврейских детей начиналось и заканчивалось в хедере. Этим Туров не отличался от других еврейских местечек Белоруссии. Дать начальное образование детям считалось одной из важнейших обязанностей родителей, опекунов и общины в целом. Все евреи-мужчины, в отличие от окружающего нееврейского населения, умели читать и писать. Это было связано с тем, что иудейская традиция требовала от верующих самостоятельного чтения священных текстов и не разрешала воспринимать молитву на слух. Многие родители хотели, чтобы дети научились читать хотя бы заупокойную молитву, полагая, что это смягчит их загробные муки. Если отец и мать по какой-то причине не обучали своего сына Торе, то община имела право принудить к этому или даже забрать часть их имущества для покрытия расходов на учителя. Отсутствие хедера в самой общине грозило *херемом* (отлучением), пока не пригласят учителя.[1]

Национальное образование было религиозным и преследовало цель уберечь евреев от ассимиляции. Оно шлифовалось веками и поддерживало социальную структуру еврейского общества. По сравнению с познанием Торы все другие жизненные цели считались второстепенными. Большим почетом для родителей было вырастить *илуя* (знатока Торы). Такому зятю первый год после свадьбы в доме тестя полагался полный пансион, чтобы он мог беспрепятственно продолжать учебу.[2] Воспитание из сына раввина считалось наивысшей честью. По свидетельству

---

[1] М. Моргулис, *К истории образования русских евреев*, СПб 1888 г.; П. Марек, *Очерки по истории просвещения евреев в России. Два воспитания*, Москва 1909 г.

[2] Ш. Штампфер, «Хедерное образование, знание Торы и поддержание социального расслоения в традиционном еврейском обществе восточно-европейской диаспоры», *Еврейская школа*, 1993 г., № 2, с. 53-64.

А. Алексеева: «За знатока *Талмуда*,[3] хотя бы он был и сыном бедняка, еврейский богач отдает охотно свою дочь и большое приданое, каждый гордится родством с ученым талмудистом, почитает за счастье и после смерти быть похороненным рядом с прахом талмудиста, и платят за это очень большие деньги».[4]

Отношение русского правительства к еврейскому образованию

Традиционное еврейское образование в глазах российских чиновников было способом отмежевания евреев от государства и замыкания в своей культуре. Царские власти определяли его как средневековый предрассудок и всеми способами старались разрушить. В «Положении о евреях» 1804 г. правительство гарантировало доступ последователей Моисеева закона во все учебные заведения Российской империи, однако большинство евреев видели в русской школе путь к вероотступничеству и не приняли ее. Даже предоставление различных политических и социальных льгот тем, кто имел образование, не увеличило приток еврейских детей в русские учебные заведения.[5] В 1841 г. в Белорусском учебном округе во всех типах русских школ обучалось только 38 евреев. Начиная с 1844 г. министерство народного просвещения начало открывать казенные (государственные) еврейские училища, которые были призваны заменить хедеры как «рассадник талмудических заблуждений». Так возникла практика принудительного просвещения, проникнутая взаимным недоверием. В 1853 г. для учеников хедеров были установлены экзамены при казенных еврейских училищах. Однако эти и другие меры не помогали. Еврейские родители под разными предлогами отказывались отпускать детей в казенные училища. В белорусских губерниях в 1857 г. в 25 училищах 1-го разряда обучалось 682 ребенка.[6] В 1860 г. в Белоруссии было 30 еврейских казенных училищ, в которых обучалось свыше 750 чел., тогда как только в одной Минской губернии насчитывалось 232 хедера, которые посещали свыше 2000 учащихся.[7] Ближайшее к Турову казенное училище приступило к работе в Мозыре (152 км), но ни одного выходца из Турова там не оказалось.

В 1873 г. был принят закон, согласно которому еврейские казенные училища преобразовали в одноклассные с трехлетним сроком обучения и двуклассные –

---

[3] *Талмуд* - собрание религиозно-этических и правовых положений иудаизма, сложившихся в III веке до н. э. - V веке н. э. на основе толкований Ветхого Завета.

[4] А.А. Алексеев, *Очерки домашней и общественной жизни евреев, их верования, богослужения, праздники, обряды, талмуд и кагал*, Новгород 1891 г., с. 20.

[5] Ю. Гессен, *История еврейского народа в России*, Москва-Иерусалим 1993 г., с. 169.

[6] И. Герасимова, «Еврейское образование в Белоруссии в XIX - начале XX вв. и отношение к нему российского самодержавия». *Автореф. дис. ... канд. ист. наук*, Минск 1996 г., с. 11.

[7] В.С. Поссе, «Просвещение в Белоруссии в конце XVIII - первой половине XIX вв.». *Дис. ... канд. ист. наук*, Минск 1963 г., л. 368.

с шестилетним. Общее количество учащихся увеличилось. Однако школьная реформа, направленная на русификацию, повлияла только на разночинцев, а подавляющее большинство еврейского населения осталось верным хедерам и иешивам. С 1883 г. открытие новых еврейских казенных школ прекратилось. В 1887 г. появилось «Положение об ограждении школы от лиц иудейского происхождения», которое вводило *процентную норму*[8] при приеме евреев в общие учебные заведения. Так российское правительство перешло от политики ассимиляции евреев к ограничению доступа еврейской молодежи к образованию, чтобы воспрепятствовать росту революционных настроений. В свою очередь, это сблизило между собой сторонников традиционного и светского образования.[9]

Хедеры

Хедер полностью оправдывал свое назначение как начальная школа для мальчиков. Он не отрывал ребенка от семьи и дома, а был их продолжением. Если мальчиков приводили в три года, тогда хедер заменял детский сад. В 1848 г. в Турове было четыре хедера, в Любче – три, в Столине – два, Новой Мыши и Турце – по одному.[10] Однако не все хедеры были зарегистрированы, и де-факто их было больше. В Минской губернии на рубеже XIX–XX вв. дети школьного возраста составляли 11% от общего населения.[11] По переписи 1897 г., в Турове проживало 2252 еврея, или 52% от всех 4290 жителей.[12] Это позволяет предположить, что дети школьного возраста в Турове составляли около 250 чел. Если принять во внимание, что половина из них были мальчики, для которых посещение хедера было обязательным, то услугами меламедов пользовались не менее ста детей. Существовало правило, по которому один хедер открывали на каждые 8 мальчиков, т. е. в Турове могли действовать 15 хедеров. Даже если часть детей пользовалась услугами меламедов, приходивших на дом, можно утверждать, что в местечке действовало не менее десяти хедеров. Хедеры были платными и находились под контролем совета общины. Преподавание велось на идиш как родном языке учащихся.

В Турове не было талмуд-торы, где сироты и дети из малоимущих семей могли

[8] *Процентная норма* - политика дискриминации, предусматривавшая значительные ограничения приема евреев в высшие и средние специальные учебные заведения: 10% - в черте еврейской оседлости, 5% - вне ее пределов, 3% - в Петербурге и Москве.

[9] Zvi Halevy, *Jewish Schools under Czarism and Communism*, New York 1976, p. 12.

[10] Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАРБ), ф. 295, оп. 1, д. 928, лл. 140-148.

[11] *Справочная книга по вопросам образования евреев*, СПб 1901 г., с. 31.

[12] *Еврейская энциклопедия.* Под общей редакцией А. Гаркави и Л. Каценельсона, СПб 1912 г., т. 15, с. 57.

обучаться за счет общины. Однако это не свидетельствовало о высоком благосостоянии туровских евреев. Несколько учеников из малообеспеченных семей, которые не могли заплатить за свою учебу, были отправлены в талмуд-тору Мозыря. Туров был местечком бедным, люди скудно питались, убого одевались, жили в тесноте. Образно говоря, «рубль был большой барин, да и копейка пешком не ходила». Однако, несмотря на низкий достаток, бедность не угнетала местечкового еврея, не лишала его достоинства и не освобождала от определенной пристойности в манерах и одежде в рамках убогого быта. Местечковый еврей редко «опускался», а общий тон жизни оставался оптимистичным. Во многом этому способствовал хедер, с помощью которого детей с раннего возраста приобщали к культу совершенного знания, откровения и святости. Это были недостижимые идеалы, понятные и близкие сердцу традиционного еврея.

В отдельных случаях меламеда приглашали на дом. В Турове меламед приходил к детям хозяина кожевенного предприятия Берки Розенфельда (1888),[13] владельца производства прохладительных вод и напитков Шмуйлы Аксельрода (1891),[14] председателей правления Туровского ссудосберегательного товарищества Шая Глозмана (1910), Шлемы Головея (1911), Мордуха Эттингена (1912), а также Файвеля Коробочки, Израиля Фельдмана, Абрама Шнайдмана и др.[15]

Меламед давал уроки на дому, если одна или несколько семей жили вне местечка и хедер находился далеко. В 1854 г. за пределами Турова услугами приходящих меламедов пользовались семьи Мотеля Эдельштейна на хуторе Вязовое, Мовши Дорожного на хуторе Казимировский, Абрама Каплана в урочище Муляровичи, Лейбы Райхмана, а также Ошера Гобермана в деревне Хочень, Сендера Лельчука в селе Озераны и некоторые др.[16]

В соответствии с законом от 1 марта 1893 г., о частных учителях по преподаванию еврейского закона при открытии хедера необходимо было уведомить местную дирекцию народных училищ с обозначением места, количества учащихся и времени начала занятий. На внешней стороне дома, где находился хедер, прикреплялась доска с надписью «Хедер», именем и фамилией меламеда. На стене классной комнаты висели свидетельство меламеда и список учеников. Помещения хедеров должны были отвечать определенным санитарно-гигиеническим требованиям: отдельная чистая, светлая и достаточно просторная комната для занятий только с классной мебелью и учебными принадлежностями. Ни меламеду, ни членам его семьи не разрешалось жить в хедере или допускать посторонние «сборища» взрослых.[17]

Контроль и общее наблюдение за работой хедеров со стороны властей вели инспекторы народных училищ. Они ставили в известность об открытии нового

[13] НИАРБ, ф. 299, оп. 3, д. 802, л. 2.

[14] Там же, оп. 5, д. 841, л. 1.

[15] *Памятная книжка Минской губернии на 1913 г.,* Минск 1914 г., с. 173.

[16] НИАРБ, ф. 333, оп. 1, д. 3801, лл. 33-38.

[17] Там же, ф. 458, оп. 10, д. 336, л. 4.

хедера полицию и общественного раввина. В помощь инспекторам для надзора за используемыми в хедерах книгами, для занятия вопросами воспитания и пр. могли назначаться смотрители от городских училищ. Использовать для нужд хедера синагоги и молитвенные школы воспрещалось.

После окончания хедера юноша мог под руководством раввина или образованных членов общины продолжить изучение Талмуда в синагоге или поступить в иешиву.[18] Однако для значительной части жителей местечек образование ограничивалось учебой в хедере.

Меламеды

Главным действующим лицом хедера был меламед, который одновременно выступал в роли директора, учителя, воспитателя и заведующего учебной частью. Хедеры позволяли всем еврейским семьям, даже самым нуждающимся, исполнять религиозную обязанность – обучать сыновей Закону и молитвам.

Для того чтобы выяснить количество хедеров и меламедов, 23 июля 1844 г. власти издали Положение «О частных учебных заведениях и домашних учителях» и потребовали обязательной их регистрации с указанием местонахождения хедера, его разряда (первостепенный или второстепенный), предоставлением списков учеников и свидетельств родителей о том, насколько их удовлетворяет уровень обучения. Меламеды, отвечавшие всем требованиям, при уплате 50 копеек серебром (*первостепенные*[19]) и одного рубля (*второстепенные*[20]) получали свидетельство на право преподавания. Свидетельство оставалось действительным в течение одного года, а потом обменивалось на новое.[21] Легкость его получения побудила большинство меламедов заявить о себе, и правительство воспользовалось этими сведениями. Так стало известно, что в Клецке преподавали шесть меламедов, в Мире – четыре, Кореличах – три, Копыле, Давид-Городке, Столине, Городище – по два, Старобине, Тимковичах, Столовичах – по одному.[22]

---

[18] Наиболее крупные иешивы Белоруссии в XIX веке существовали в Воложине, Мире, Любавичах и других местах; в Воложине обучалось около 400 слушателей, которые прибыли не только из белорусских губерний, но и с Украины, из России, Польши, Германии, Австрии, Англии и Америки; в Мире обучалось около 300 чел., бейт-мидраши действовали в Копыле, Ляховичах, Клецке, Медведичах и др.

[19] *Первостепенные хедеры* - где самых маленьких (до 8 лет) обучали азбуке и чтению.

[20] *Второстепенные хедеры* - где мальчиков (старше 8 лет) учили Пятикнижию с комментариями Раши и давали начальные сведения о Талмуде.

[21] *Временные правила о подчинении еврейских ученых и учебных заведений, равно как и домашних учителей, надзору Министерства народного просвещения 13 ноября 1844* г., Москва-СПб 1845 г.

[22] НИАРБ, ф. 1430, оп. 1, д. 6150, л. 14.

20 ноября 1850 г. мозырский земский суд представил минскому губернатору рапорт со списком меламедов, проживавших в Турове. В списке значились четыре меламеда, имевшие свидетельство от мозырской временной училищной комиссии: Йосель Чечик, Ицко Гарнадер (правильно: Гренадер. – *Л. С.*), Шмуйло Дорожко и Довид Глозман. Из них трое считались первостепенными меламедами: Глозман, Гренадер и Дорожко, а один второстепенным – Чечик.[23]

Контроль за работой меламеда лежал на гражданских властях. Они следили за тем, чтобы меламеды не были заняты «другими занятиями», и отмечали, насколько их образ жизни соответствует должному. Результаты наблюдений сообщались директору народных училищ на местах.

Уровень подготовки меламедов часто оставлял желать лучшего. Большинство из них имели домашнее образование, и только некоторые окончили иешивы. Как правило, это были люди пожилые, сменившие не одну профессию. Среди них можно было встретить бывших торговцев, ремесленников, посредников, извозчиков, синагогальных служек или отставных солдат. Много было и неудачников, которые занялись преподаванием в хедерах, поскольку не знали, где найти себе применение. Вместе с тем около половины меламедов посвятили себя работе с учениками по призванию и имели не менее десяти лет педагогического стажа. В 1846 г. правительство объявило, что при возобновлении свидетельств меламедов подвергнут испытаниям по грамматике еврейского языка, а в 1849 г. – еще и проверке знания русского и немецкого языков. Экзамены оказались непосильными для большинства меламедов. Одни из них стали ходатайствовать об отсрочке, а другие даже прекратили брать свидетельства и перешли на нелегальное положение. Изменить порядки в хедере не удалось – русский язык не прижился, а еврейский преподавался прежним способом.

Только закон 1 марта 1893 г. окончательно утвердил порядок обучения еврейских детей традиции и еврейскому языку в школе, на дому у родителей или на съемной квартире, где проводились занятия. Никакого испытания на звание меламеда больше не требовалось, если не возникало сомнения в верноподданнических чувствах кандидата. Специальные разрешения на содержание хедера сроком на один год выдавали директор или инспектор народных училищ, а внесенную при этом плату три рубля серебром переводили на счет еврейских учебных заведений, находившихся на содержании министерства народного просвещения. Свидетельство вручалось меламеду под роспись в полицейском управлении. Полиция, со своей стороны, ставила об этом в известность общественного раввина и местное отделение народного просвещения.

Материальное положение учителей хедеров было незавидным. Считалось, что преподавание не требовало специальных познаний, и поэтому труд учителя ценился невысоко. Средняя плата за одного ученика колебалась от 15 до 18 руб. в год. Семья меламеда, как правило, была многодетной, и отсутствие постоянного

[23] НИАРБ, ф. 295, оп. 1, д. 928, лл. 124-125-об.

дохода держало ее в чрезвычайно стеснительном финансовом положении. Для санкционирования оплаты уроков потребовались юридические ухищрения *галахических*[24] авторитетов, потому что считалось, что обучение законам веры должно осуществляться как *мицва* («благодеяние»), т. е. бесплатно.

В списке частных учебных заведений и талмуд-тора, хедеров и меламедов Минской губернии за 1863–1894 гг. в Турове числилось десять меламедов: Йосем Лейбович Бурштейн, Йосем Шлемович Соркин, Меир-Хаим Вульфович Сиротин, Мовша-Янкель Мордухович Букчин и Ицко-Мовша Янкелевич Букчин, Шимон Беркович Велицкий, Вульф Янкелевич Гинзбург, Абрам-Айзик Мовшевич Мильчин, Носон Мовшевич Поварчин и Нохим Беркович Толпач. Шесть меламедов проводили занятия с учениками в собственном доме, а четверо их коллег арендовали помещения у Шимона Старобинского, Файвеля Коробочки, Абрама Бирмана и Мордуха Фридмана.[25] Все они получили разрешение на открытие хедеров в установленном порядке.

Свидетельства на право преподавания были типичными. Туровским меламедам их выдавали в минской дирекции народных училищ. Плату за свидетельство вносили в Мозырское казначейство, где выписывали специальную квитанцию.

Меламед в Турове был заметной фигурой. В условиях захолустья и оторванности от мира, среди болот и лесов Полесья, авторитет учителя часто был непререкаем. Замкнутый мир общины только подчеркивал силу знания. Ученикам, которые начинали восхождение к книжной мудрости, меламед мог показаться кудесником, умевшим разбираться в хитросплетениях древнееврейского языка и объяснять положения Торы, даже если это был пересказ известных комментариев к Галахе.

Некоторые евреи из Турова открывали хедеры в других местечках Белоруссии. Те, кто не имел официального разрешения, подвергались административному и уголовному преследованиям. Кроме меламедов власти наказывали родителей учеников и раввинов, вовремя не доложивших о «злоумышленниках». Провинившиеся несли ответственность по статьям «Уложения о наказаниях Российской империи» от 1885 г.

В 1888 г. минский окружной суд рассмотрел дело уроженца Турова Шимон-Довида Шустермана (55 лет). Меламеда-нарушителя обнаружил в местечке Ленин общественный раввин из Мозыря, который выяснил, что у Шимон-Довида нет свидетельства на обучение еврейских детей грамоте и молитвам. Раввин доложил об этом приставу четвертого стана Мозырского участка, и меламеда арестовали как самозванца. 5 сентября 1888 г. минский окружной суд на своем заседании без участия присяжных заседателей приговорил Шустермана к штрафу 25 руб. или аресту на две недели в случае неуплаты. Осужденный подал апелляцию, которую Виленская судебная палата по уголовному департаменту 15 марта 1889 г. откло-

[24] *Галаха* - нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев.

[25] НИАРБ, ф. 458, оп. 1, д. 9, лл. 40-42.

нила на том основании, что всякое обучение, хотя бы и молитвам, без разрешения властей считается уголовно наказуемым преступлением.[26]

Другой случай произошел в 1911 г. Пристав Макушевский получил донос о том, что в селе Ольшаны Хорской волости Мозырского уезда в доме мещанки из Турова Яхны Фоксман (28 лет) действует «тайный» хедер. Когда пристав вместе с понятыми неожиданно появился у Фоксман, они застали восемь мальчиков и девочек, которые по разложенным книгам и тетрадям учились еврейской грамоте. Урок вел мещанин из Давид-Городка Янкель-Берко Колодный-Блежовский (18 лет), который признался, что брал плату 15 руб. за каждого ребенка. О необходимости иметь специальное разрешение на содержание хедера хозяйка дома и учитель, по их словам, ничего не знали. Дело рассматривалось в уголовном отделении минского окружного суда, и 15 января 1912 г. суд признал подсудимых Фоксман и Колодного-Блежовского виновными и приговорил каждого к штрафу пять рублей в пользу капитала призрения лиц, приобретших право на обучение юношества в частных домах, или аресту при полицейском участке на два дня.[27] В 1915 г. за открытие «нелегального» хедера в Турове к ответственности привлекался Мордух Ошерович Брегман.[28]

В целом к меламедам-нарушителям власти относились крайне придирчиво. Основанием для преследования служило не только отсутствие свидетельства об открытии хедера, но и преподавание не предусмотренных программой учебных дисциплин, допуск совместного обучения мальчиков и девочек и др. Судебные заседания проводились по всей форме уголовным отделением окружного суда.

Учебный процесс

Хедер предназначался исключительно для еврейских детей, где их знакомили с основами иудаизма, традицией, обучали начальной еврейской грамоте, чтению и письму. Учащиеся считались «вольноприходящими», а приобретение знаний носило религиозный характер. В младшей группе (*дардике*, с трех лет) знакомили с азбукой и учили читать на иврите без перевода. В следующей группе (с пяти лет) штудировали Пятикнижие с комментариями Раши[29] и получали начальные сведения о Талмуде. Старшие ученики (с восьми лет) занимались Талмудом более углубленно.[30]

---

[26] Там же, ф. 183, оп. 2, д. 3183, лл. 1-12.

[27] Там же, д. 23929, лл. 1-2.

[28] Там же, д. 26279, л. 2.

[29] Раши - аббревиатура от *рабби Шломо Бен Ицхак* (1040-1105 гг.); крупнейший средневековый комментатор Талмуда и один из видных комментаторов Библии; духовный вождь еврейства Северной Франции.

[30] «Очерки истории из быта евреев Северо-Западного края», *Минские губернские ведомости*, 1869 г., № 47.

В первостепенных хедерах, в дополнение к переводам двух первых книг Пятикнижия Моисея, читали и разбирали *Мишну*[31] – трактат Саббаев (о субботе), во второстепенных – отрывки из Библии: книги Иисуса Навина, Судей, Царств, пророков Исайи и Иеремии, *Псалтыря*,[32] выдержки из притчей царя Соломона и Мегилат Эстер. Из Мишны ученикам давали трактаты *брахот* (о молитвах), *седер моэд* (о праздниках) и *седер кдошим* (о богослужении и обрядах). Из Гемары программа обучения предусматривала трактаты Беза – о праздниках Суккот, Песах, Рош hа-Шана, Ханука и Пурим, а из *«Шульхан Арух»*[33] – о молитвах и Субботе. Учащихся знакомили с народными сказаниями и легендами. Светские учебные дисциплины, русский язык и общеобразовательные предметы в хедере не изучались.[34]

Знакомство с деятельностью хедера опровергает утверждение о том, что еврейский религиозный культ был сухим и лишенным поэзии. В противном случае евреи как народ давно исчезли бы с лица земли. Можно согласиться с тем, что еврейская жизнь в местечке не была бы полноценной, если бы ее не питала сила иудейской традиции. Христианская церковь была театральнее и красочнее синагоги, но поэзии в еврейском культе было больше. В хедере у учеников с раннего возраста пробуждали чувства, мысли и настроения, которые благодаря воображению получали необыкновенную силу. Детей знакомили с народными сказаниями и легендами, воздействовавшими на подсознание. Это отрывало от личных переживаний и позволяло выйти за пределы жалкой повседневной реальности.

Обучение считалось обязательным с 6 до 13 лет. В 1899 г. *Еврейское колонизационное общество*[35] провело обследование хедеров в Северо-Западном крае России, куда входили белорусские губернии. Дети младше семи лет составляли 23% всех учеников, в возрасте от 7 до 11 лет – 70%, а старше 11 лет – 7%. В отличие от других регионов империи, большинство учащихся в Северо-Западном крае принадлежали к бедным слоям населения.[36]

Подобная ситуация в общих чертах наблюдалась и в Турове. Дети проводили в хедере фактически весь световой день. Они приходили к семи часам утра и находились там до захода солнца. Только по пятницам и первый день каждого месяца учеников отпускали домой немного раньше. Закон 1 марта 1893 г. о частных учи-

---

[31] *Мишна* - собрание Устного Закона, включающее Мидраш, Галаху и Агаду, древнейшая часть Талмуда.

[32] *Псалтыр*ь - часть Библии, книга псалмов.

[33] *«Шульхан Арух»* - кодекс основных положений Устного Закона, руководство по извлечению практической Галахи, создан Иосифом Бен Эфраимом (1488-1575 гг.).

[34] О реформе еврейского школьного воспитания, *Восход*, 1885 г., № 5-7.

[35] *Еврейское колонизационное общество* - филантропическая организация, созданная бароном М. де Гиршем в 1881 г. в Лондоне, имела отделение в России (в СПб во главе с бароном Г.О. Гинцбургом), содействовала еврейским колониям в Аргентине, Палестине, а также российским евреям в развитии земледелия и ремесел.

[36] *Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона*, т. 15, с. 593.

телях по преподаванию еврейской традиции потребовал начинать уроки не раньше девяти часов утра, а заканчивать их не позже пяти часов вечера, включая не менее двух часов на обед и отдых. Однако проконтролировать это было невозможно.

Образованию девочек уделяли мало внимания. Большинство из них не посещали хедеры на том основании, что Талмуд считал обучение девочек Закону предосудительным. Только немногие девочки посещали одноклассное женское училище, которое содержала в Турове Софья Абрамовна Дубицкая.[37] Все их время безраздельно принадлежало семье, и поэтому девочек освобождали от начального обучения, обязательного для мальчиков.[38]

Стремление женщины учиться вызывало подозрение. Некоторые считали это отступлением от женственности или упражнением в кокетстве.[39] Существовала даже пословица: «Лучше иметь сына разбойника, чем дочь раввина». Вместе с тем хорошая жена и мать обязаны были знать традицию и владеть определенными навыками. Девочек обучали основам религии, молитвам и правилам выполнения некоторых ритуалов. Правда, раввины отмечали неполноценность этих знаний, например, постоянно ощущались пробелы в древнееврейском языке. В результате многие жены и матери вынуждены были повторять только заученные молитвы, не понимая их смысла и делая ошибки.

Как правило, в хедере работал один учитель, которому иногда помогали специальные помощники (*белферз*, или *бехелфер*). Вместе с тем учебная нагрузка педагога оставалась значительной: в одном классе могли обучаться ученики трех возрастных групп. Способ преподавания нередко отличался архаичностью и состоял в механическом зазубривании текста, учебников и наглядных пособий не хватало. Состав учащихся постоянно менялся – учеников принимали и отпускали среди учебного года. Дисциплина на учебных занятиях, как правило, соблюдалась, но порой дети шумели, старались перекричать друг друга, а меламед – учеников. Применялись телесные наказания, для чего существовал специальный кнут (*канчик*).

Далеко не все хедеры действовали в приемлемых условиях. Традиционный хедер мог находиться на квартире меламеда, где не всегда было чисто, сухо и тепло. Это могла быть темная маленькая комната, часто в подвале, на чердаке или в кухне. Света и воздуха не хватало. Осенью и зимой дети, чтобы согреться, не снимали верхней одежды. Ученики страдали типичными недугами – искривлением позвоночника, близорукостью и ревматизмом.[40]

Методика и система обучения в хедере коренным образом отличались от мето-

---

[37] *Памятная книжка Минской губернии на 1911 г.*, Минск 1912 г., с. 172.

[38] Е. Арнольдь, «О частных школах для еврейских девиц», *Минские губернские ведомости*, 1862 г., № 27, 30; «О начальном женском образовании у евреев в России», *Русский еврей*, 1879 г., № 7.

[39] Н.Р. Лазарус, *Еврейская женщина*, Варшава 1902 г., с. 151.

[40] «Воспитание детей между евреями в Минске», *Минские губернские ведомости*, 1862 г., № 24, 28.

дики в христианской школе. Постороннему она могла показаться просто уродливой. Хедер сразу вводил мальчика в драму человеческой жизни, рассказывал о человеке без прикрас. По образному выражению Полякова-Литовцева, в хедере, вместо того чтобы обращаться с сознанием трех-четырехлетнего ребенка осторожно и бережно, мальчика опускали в «крепкие студеные воды, потом прожигали огнем и ковали стальным молотом».[41] Начиная от рассказа о сотворении мира, детей посвящали в страсти, грехи, преступления, раскаяние, жалость, честолюбие, борьбу добра и зла, величия и падения человека. Под руководством опытного меламеда Тору не просто читали в хедере, а медленно и вдумчиво изучали. Дети чувствовали себя в роли судей тех персонажей, с которыми их знакомили. Благодаря этому учащиеся, переживая каждый эпизод, негодовали, радовались, стыдились и ликовали. Так еврейского ребенка с раннего детства приучали к решению нравственных проблем, и это помогало им рано духовно и умственно созревать.

В Турове, кроме хедеров, работали двуклассная мужская церковно-приходская школа, высшее начальное училище, первое и второе народные училища, но евреев туда не принимали как нехристиан.[42]

После окончания хедера молодой человек устремлялся в неведомый ему мир. Что представлял его багаж, с которым он отважился покинуть местечко? Выпускник хедера почти ничего не знал о законах природы, земле и небе, других народах, экономике и политике. Он мог слышать в синагоге разговоры старших о Наполеоне, о Бисмарке, о русских царях и народовольцах, однако за очень редким исключением это были сказки о Бове-королевиче. Музыканты не знали нот, канторы пели на слух. Театральные игры на Пурим были примитивными. Рисование сводилось к самым несложным подражаниям графике заглавных листов Талмуда или пасхальных сказаний. Моделями нередко служили литографические портреты знаменитых раввинов или филантропов, которые можно было найти в каждом еврейском доме. Рисование красками никому и не снилось. Торговцы, мелкие промышленники – кожевенники, маслобойщики, «пенькотрепатели» – не имели представления о мировых ценах и не знали, куда направляются их товары из уездного города, кому их сбывают. Словом, невежество было «густое».

Несмотря на это, из Турова вышло много знаменитостей, прославивших свою малую родину. Не в последнюю очередь именно благодаря хедеру местечковый еврей оказался необычайно восприимчивым к измененным условиям жизни, к самым разнообразным видам новой деятельности.

[41] С. Поляков-Литовцев, «Мелодии еврейского быта», *Новый журнал,* Нью-Йорк, 1944 г., т. 9, с. 337.

[42] *Памятная книжка Минской губернии на 1916 г.*, Минск 1917 г., с. 152, 156, 158

* * *

Хедер сыграл исключительную роль в становлении еврейского национального образования. Он отвечал атмосфере быта и общественной жизни местечка и создавал благоприятные условия для передачи культурно-религиозного наследия и сохранения традиционного образа жизни. На примере хедера видно, как еврейский мир сопротивлялся проникновению внешних влияний. В Турове не имели успеха *маскилим* («просветители»), призывавшие к разумной ассимиляции, просвещению и реформе ортодоксального быта, так как старый экономический уклад местечка еще держался.

Столетия гонений обусловили направленность еврейского воспитания на становление сильной личности с развитым этническим самосознанием, знающей жизнь и свое место в ней. Хедер и отношение к образованию являлись своеобразным защитным механизмом, направленным против национального притеснения и ассимиляции евреев. Основой хедера была религия, и обучение в нем противоречило материалистическому представлению о мире. Главной задачей было познакомить еврейского ребенка с моральными законами бытия и философским осмыслением жизни. Под руководством меламеда ученики проделывали тончайшую интеллектуальную гимнастику. Они, образно говоря, ходили по «проволоке схоластики» и упражнялись на «трапециях метафизики». Благодаря навыкам, полученным в хедере, его выпускникам было легче приспособиться к действительности. После Библии, Талмуда и их толкователей еврейские юноши быстрее овладевали новыми понятиями и навыками. Наверное, поэтому из Турова – маленького местечка, затерянного в глуши белорусского Полесья, – вышли музыканты, учителя, врачи, ученые, инженеры, военные, купцы и промышленники. Начав путь в хедере, проникнутом духовной атмосферой ортодоксальной еврейской среды, они отправлялись в свой «Египет», которым явилось все, что выходило за пределы местечка: железная дорога, город, русская школа, университет. Не все из выпускников хедеров преуспели, но тот, кто сумел шагнуть далеко, всегда помнил, что послужило ему точкой отсчета.

Работа за пределами Турова

Одной из наиболее неразрешимых проблем местечка была его замкнутость. Отсутствие свободы передвижения и выбора места жительства являлись неприкрытой дискриминацией еврейского населения по национальному признаку. Поиски заработка, необходимость обеспечить семью хлебом насущным, стремление найти применение своим силам заставляли евреев Турова, – а это были мастеровые люди: кузнецы, плотники и столяры, стекольщики, кожевенники, портные и гончары, – искать заказы на стороне, руководствуясь принципом: если заказчик не идет к мастеру, то мастер идет к заказчику. Белорусское население с готовностью встречало евреев. Качество выполненных работ помогало найти постоянную клиентуру. Вместе с ремесленниками в деревни приходили коробейники, оптовики-скупщики и торговые посредники. Евреи стали одними из первых организаторов мельниц, кустарных производств и суконных мануфактур в Мозырском уезде. Они делились с крестьянами своими знаниями о том, как правильно обрабатывать продукты животного и растительного происхождения, как сохранять их до нового урожая. Многие главы семей и те, кто еще только собирался жениться, часто проводили вне дома всю неделю, обходя деревню за деревней в поисках заработка. В Туров они возвращались только к наступлению субботы.

Однако не тяжелый физический труд и конкурентная борьба оказались главной преградой в борьбе за выживание. Основные препятствия составляли многочисленные запреты и ограничения, наложенные царской администрацией для сдерживания еврейской инициативы. Евреи не имели права приобретать землю в собственность, а аренда ее сначала оговаривалась многочисленными условиями, а потом вообще была запрещена. Российское правительство неоднократно возобновляло политику запрета на проживание евреев в сельской местности, не считаясь с экономическим ущербом, который при этом неизбежно ему приходилось нести.

Политика выселения

Первые попытки выселить евреев из сел и деревень черты оседлости в местечки и города начались вскоре после присоединения Белоруссии к России, в конце XVIII века. В 1786 г. они были отложены как не давшие ожидаемого результата. Однако уже в 1804 г. правительство поставило задачу переселить 60 тыс. семей белорусских евреев в течение двух-трех лет в городскую черту. Изгнанным из сельской местности евреям негде было осесть – в городах и местечках для них не было места и источников пропитания.[1] Среди выселенцев начались болезни, которые грозили обернуться эпидемией. После вмешательства министра внутренних дел Куракина император Александр I согласился с тем, что евреев лучше оставить там, где они живут, до тех пор, пока их нельзя будет перевести на казенные земли.[2]

На решение судьбы евреев неожиданно повлияли события в Европе. По приказу Наполеона осенью 1806 г. из Парижа во все европейские страны стали рассылать манифест о созыве «великого Синедриона», чтобы привлечь на свою сторону еврейское население в районах будущих военных действий. Несмотря на то, что в феврале 1807 г. Александр I приостановил изгнание евреев из деревень, после заключения Тильзитского мирного договора к выселенческим мероприятиям вернулись вновь. В октябре 1807 г. последовало распоряжение: «без малейшего отлагательства или послабления» переселить евреев из деревень в ближайшие три года. В города и местечки Минской губернии в 1808 г. была перемещена 501 еврейская семья (1891 чел.) из 1339 (4801 чел.).[3] Однако и на этот раз выдворение евреев из сельской местности было сорвано. Последовал императорский указ, который повелевал временно оставить евреев в местах их проживания.

Отечественная война 1812 г. отодвинула угрозу выселения еще на десять лет. В 1823 г. из 32 тыс. 916 евреев Витебской губернии в течение года в города и местечки был переселен 7651 еврей (23,2%), из Могилевской губернии соответственно – 63 тыс. 418 и 12 тыс. 792 еврея (20,1%). Переселение еврейского населения было приостановлено в 1827 г., когда было решено сначала опробовать его на примере Гродненской губернии.[4]

К апрелю 1835 г. в сельской местности Белоруссии оставалась только незначительная часть евреев – 242 чел. в Витебской и 620 чел. в Могилевской губерниях.[5]

---

[1] Оценка ситуации была дана сенатором Г.Р. Державиным в его докладе «Об исправлении евреев». См.: Г.Р. Державин, *Сочинения*, СПб 1877 г., изд. 2-е, т. 7, с. 261-331.

[2] Ю. Гессен, «К истории выселения евреев из сел и деревень», *Восход*, 1903 г., кн. 4, с. 3-5.

[3] Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАРБ), ф. 295, оп. 1, д. 73, л. 233.

[4] И. Соркина, «Переселения еврейского населения из сельской местности в города и местечки Беларуси в конце XVIII-XIX вв.» Рукопись. Доклад на 12-й международной конференции «Сэфер» по иудаике в Москве, февраль 2005 г.

[5] А.М. Лютый, *Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII - первой половине XIX в.*, Минск 1987 г., с. 43.

Помещикам предписывалось отказаться от любых сделок с евреями. Власти запрещали евреям содержать почты, разъезжать для продажи товаров и даже временно отлучаться из местечек для покупки хлеба и молотьбы на мельницах, заключения контрактов и т. д., а тех, кто нарушил запрет, полагалось задерживать и передавать полиции для «водворения на место постоянного жительства».[6]

Винокуры

Волей судьбы евреи были вовлечены в производство и сбыт спиртных напитков. Помещики охотно использовали евреев как умелых арендаторов и отдавали им на откуп разные части хозяйства, в том числе изготовление (*курение*) и продажу водки. После разделов Польши (1772, 1793, 1795 гг.) торговля и земледелие в белорусских губерниях пришли в упадок, и доходы от водки стали еще более необходимыми. Право винокурения принадлежало помещикам, а евреи выступали только посредниками между землевладельцем и крестьянами.

Правительство неоднократно меняло свою политику в отношении участия евреев в производстве и торговле спиртными напитками. Устав 1817 г. о питейном сборе запретил евреям варить пиво и содержать винокуренные заведения. Однако уже в 1819 г. запрет отменили, потому что жажда наживы от продажи спиртных напитков оказалась сильнее страха перед ростом пьянства. В 1845 г. были введены правила о «выделке горячих напитков» в черте оседлости, и эта особая инструкция существовала для *пейсаховой* водки.[7]

Дворяне и правительство не могли обойтись без услуг евреев еще и потому, что те были искусными винокурами. По свидетельству современников, «замечательнейшие специалисты по части винокурения почти исключительно принадлежали к евреям». В связи с этим закон 1865 г. предоставлял евреям-винокурам право проживать повсеместно на территории империи. Когда в 1882 г. всех евреев в черте оседлости начали переселять из сельской местности в города и местечки, то для винокуров было сделано исключение при условии, что они не оставят свое занятие.[8]

В Мозырском уезде в 1858 г. действовало 38 винокуренных заводиков, включая пять в третьем стане, к которому относился Туров.[9] Винно-водочные предприятия третьего стана вырабатывали от 3,5 до 9 тыс. ведер спиртных напитков

[6] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 109, оп. 18, д. 127, л. 12.

[7] Закон 1833 г. запрещал делать водку из медовых остатков и патоки, что поставило евреев в затруднительное положение, так как в соответствии с традицией употреблять хлебную водку на Песах запрещалось, и ее заменяли крепкие напитки из сырого меда или патоки. Правительство в виде исключения разрешило евреям Вильно «выделывать» вместо хлебной *пейсаховую* водку из патоки.

[8] *Свод законов Российской империи,* т. IX, п. 4, прим. 3, ст. 779.

[9] НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 4, л. 192.

в год.[10] В уезде встречались и довольно крупные по тем временам производства: 11 из 38 заводов имели оценочную стоимость от 4 до 10 тыс. руб. каждый.[11] Их продукцию развозили в 203 питейных дома и 32 водочных магазина. Спиртные напитки пользовались устойчивым спросом. Годовой объем потребления ликеро-водочных изделий по Мозырскому уезду в середине 60-х годов XIX века составлял 62 тыс. 360 ведер на сумму 109 тыс. 131 руб. 6 коп.[12]

В Турове корчму содержал Тевье Бакман, получивший разрешение на продажу крепких напитков от *акцизного*[13] чиновника. В 1868 г. он пожаловался в Мозырское полицейское управление на казенного надсмотрщика Рутковского, который взыскал с него штраф 30 руб. серебром за хранение товара не в одной, а в двух комнатах. Ходатай просил пересмотреть дело на том основании, что Рутковский обнаружил бочонок, который, по утверждению Бакмана, был порожним, а по другой версии там была вода. Однако суд отказал истцу в пересмотре дела.[14]

Роль корчмы как общественного места на селе была весьма значимой. Здесь встречались после тяжелой работы, узнавали новости, договаривались о будущих сделках, обсуждали соседей. Потребление горячительных напитков было ограничено платежеспособностью посетителя или правилами, которые устанавливало сельское общество или волостное правление. По оценке одного современника, корчма была почти единственным убежищем полешука, а «жид-корчмарь» – полновластным хозяином деревни, мудрецом, советником и судьей, у которого вся деревня в долгу и без участия которого ничего не происходило.[15] Другой современник отмечал, что еврей-корчмарь не смотрит на крестьянина свысока, *по-пански*. «Мужик», в свою очередь, неразлучен с «жидом», поскольку весь досуг и праздники проводит в корчме: «тут он горюет и плачет, радуется заработанной копейке». Крестьяне находили там, чем закусить: сыр, селедку, огурцы, а шляхтич или помещик могли позволить себе гусятину или рыбу.[16]

Деревня, страдавшая от пьянства, во всем винила еврея. Барон Тизенгаузен писал: «Беда, если еврей откроет в крестьянине какой-либо порок: наклонность к лени, пьянство или разгульной жизни – такому человеку уже не подняться. Потакая его слабостям, еврей скупит по низкой цене будущий урожай или еще не готовую

---

10 Там же, д. 11, т. 2, л. 459.

11 Там же, ф. 333, оп. 1, д. 3801, лл. 33-34.

12 О трактирных заведениях и проданном вине Мозырского уезда 1854 г., Там же, ф. 21, оп. 1, д. 1, л. 220.

13 *Акцизный* - косвенный налог на товары и услуги, включаемый в цену товара или тариф за услуги.

14 Жалоба мещанина местечка Туров Бакмана о взыскании штрафа за незаконное устройство шинка от 25 июня 1868 г., НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 7085, л. 2.

15 *Полесье и полешуки. Из путевых заметок*. Народная библиотека В.Н. Маракуева, Одесса 1897 г., с. 18.

16 «Мозырщина», *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Колосовым*. Кн. 3, СПб 1859 г., с. 12.

пряжу. За все он заплатит наполовину водкой, частью предметами повседневного обихода плохого качества по завышенной цене и частью наличными».[17]

Выставить еврея виновником всех зол было очень удобно, тогда как критиковать государство, помещика или самого царя небезопасно. Помещики умножали свой капитал доходами от продажи водки и, спаивая крестьян, охотно подогревали бытовавшее мнение о еврее-хищнике, который «отравляет народ». Государство, нуждавшееся в поддержке помещиков, закрывало на это глаза.

В действительности евреи и крестьяне оказались жертвой социально-экономической ситуации в империи. Винный промысел не спасал евреев от голода. Минский генерал-губернатор сообщал, что «*шинкари*[18] с их семействами не имели насущного пропитания»; литовский губернатор указывал, что в корчмах сидели женщины, так как мужчины уходили на другие промыслы, «поелику доход с шинка часто недостаточен на их содержание». После 1882 г. число еврейских винокуренных заводов резко пошло на убыль, а с введением государственной винной монополии они почти исчезли.[19]

Ремесленники

Туров славился ремесленниками – портными, кожевенниками, сапожниками, шапочниками, скорняками, шорниками, кузнецами и лесорубами. Существовали династии мастеров, когда секреты своего искусства отец передавал сыну. Однако с каждым годом работы в местечке становилось меньше. «Положение о евреях» 1804 г. давало полную свободу в занятии ремеслом в границах черты оседлости, но выйти за ее пределы было очень трудно. Губернаторы Северо-Западного края отмечали, что среди евреев «весьма много отличных мастеров», продукция которых отличается прочностью и изяществом отделки. Однако их искусство оставалось «почти бесплодным» из-за «весьма значительного числа мастеров, которые терпели большую нужду от недостатка заказов и чрезмерной конкуренции».[20]

Ограничение местожительства евреев усиливало конкуренцию. В поисках выхода 22 июня 1865 г. был принят закон, который разрешил им переселяться за пределы черты оседлости вместе с семьями. При этом оставаться на новом месте еврейские мастеровые могли только до тех пор, пока не меняли профессию. В границах самой черты оседлости еврей-ремесленник должен был предварительно уведомить полицию о намерении отлучиться из местечка и получить на это специальное разрешение.

---

[17] В.Г. Тизенгаузен, «Место и роль евреев в Северо-Западном крае России», *Минская старина. Труды Минского церковного историко-археологического комитета.* Вып. 2, Минск 1911 г., с. 13-14.

[18] *Шинкарь* - хозяин шинка, небольшого питейного заведения с продажей спиртных напитков чарками.

[19] *Еврейская энциклопедия*, СПб 1908 г., т. 5, с. 611.

[20] Там же, т. 3, с. 440.

Соотношение числа ремесленников, городских купцов и местечковых жителей (мещан) в Мозыре и Мозырском уезде в начале второй половины XIX века показано в табл. 1.

Таблица 1
Количество жителей Мозыря и Мозырского уезда по сословиям в 1862 г.[21]

Сословие	Всего	В том числе	
		Мозырь	Мозырский уезд
Купцы гильдейские из христиан	30	23	7
Купцы гильдейские из евреев	142	46	96
Мещане посадские из христиан	6901	3157	3744
Мещане посадские из евреев	3321	1621	1700
Ремесленники при цехах христиан	77	22	55
Ремесленники при цехах евреев	1948	718	1230
Итого	**12 419**	**5587**	**6832**

Как свидетельствует табл. 1, первое место по численности среди жителей Мозырского уезда принадлежало мещанам из христиан – 3744 чел. (54,8%), за ними следовали мещане-евреи – 1700 чел. (24,9%). Однако евреи-ремесленники значительно превосходили по численности ремесленников-христиан, соответственно: 1230 чел. (18%) и 55 чел. (0,8%). Подавляющее преимущество евреев сохранялось между купцами – 96 евреев и 7 христиан. Православное население Мозырского уезда значительно превосходило иудеев и католиков. В третьем стане, куда входил Туров, распределение жителей по вероисповеданиям было следующим: 78,4% православных, 17,7% евреев и 3,9% католиков.[22]

Одними из наиболее востребованных ремесленников в Турове были кожевенники. Выделка кожи требовала большой сноровки. Кожи требовалось много: из нее шили одежду и обувь, емкости для вина и масла, изготавливали пергамент для переписывания свитков Торы. Мастерские сыромятников находились на расстоянии 50 *локтей*[23] от жилья, чтобы отвести дурной запах. Для удаления шерсти кожу расстилали на дороге под ноги прохожим, а потом промывали в проточной

[21] Составлено по: НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 11, л. 510.
[22] НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 4, л. 188.
[23] *Локоть* - старинная мера длины, равная 0,5 м (длина локтевой части руки).

воде. Дубили ее при помощи отрубей, чернильного орешка, муки или соли. Чтобы получить пергамент, кожу погружали в известь, а затем натягивали на досках и смазывали маслом.

Большим спросом пользовалось ремесло столяров и плотников. Дерева разных пород вокруг Турова было в изобилии. При плотничьей работе использовали циркуль, грузило, бурав, тиски и клещи. Разметку делали проверенным дедовским способом: длинный шнур натирали углем погашенной головни и туго натягивали между концами бревна, мастер оттягивал шнур посередине и резко отпускал его – оставалась ровная черная линия. Плотники-*тесляры* пользовались топорами с широкими острыми лезвиями, которые превращали бревно в брус квадратного сечения. *Пильщики* поднимали размеченное бревно по наклонным направляющим на двухметровые козлы. Один мастер взбирался наверх, а второй оставался внизу. При помощи большой продольной пилы они ловко распиливали бревно на доски. Плотников сменяли столяры, которые готовили оконные рамы, двери и наличники.

Настоящими виртуозами в своем деле были туровские бондари. Так как металл был дорог, широко использовались емкости из дерева. Это могли быть огромная, полтора метра в диаметре, бадья для стирки белья или, наоборот, небольшой *корец* (измерительный ковш). Все сыпучие продукты (крупа, пшено и пр.) продавались на базаре с воза без весов – корцами. Еще в ходу были цилиндр с поршнем для сбивания масла, банные шайки, ведра, кадки для теста, бочки для солений, ушаты для приготовления корма скоту и прочая утварь. Мастер умел рассчитать объем будущего изделия и с высокой точностью подогнать грани каждого элемента (клепки), чтобы достичь герметичности. Набор инструментов был самым простым: верстак, лучковая пила, ножовка, топор и молоток. В зависимости от функции емкости подбирали днища и пробки-затычки. Отдельным ремеслом также считалось *гонтарное*[24], плетение корзин и канатов из тонких ветвей.

Почти вся посуда в местечке была если не деревянной, то керамической. Гончаров в Турове было немного, но в их услугах всегда нуждались. Для гончарного производства требовалась более качественная глина, чем та, что шла на изготовление кирпича. Гончары сначала долбили и толкли глину, затем удаляли мелкие камешки, пропускали полученный порошок через сито, разводили его водой, при помощи гончарного круга, который вращали ногами, придавали изделию необходимую форму и обжигали в печи. Гончарные печи были похожи на те, где обжигали кирпич и известь. Изделия могли давать трещины и лопались, и гончар узнавал это, постукивая по ним рукой. Посуда после обжига должна была оставаться в печи в течение трех дней. Лучшие мастера подвергали изделия повторному обжигу и покрывали глазурью. Керамическую посуду иногда разукрашивали. Форма была самой разнообразной и зависела от предназначения, вкуса и фантазии мастера.

Незаменимым специалистом в Турове был трубочист. Использовавшиеся в качестве топлива дрова заполняли дымоход жирной сажей, которая воспламеня-

[24] *Гонтарное* производство - изготовление гонта, деревянных пластин для покрытия кровли.

лась, достигнув критической массы. В лучшем случае это заканчивалось пышным факелом из трубы, а в худшем – вызывало пожар. Стоявшие впритык деревянные домики и хозяйственные постройки вспыхивали моментально. Это понимали все и, не желая рисковать, чтобы избежать несчастья, приглашали трубочиста. Его инструмент состоял из лесенки, сколоченной из жердей, березового веника на длинном древке, ведра и мастерка-*кельмы*. Прочистив трубу метлой, трубочист драил вьюшки в переходах обогревательных печей на чердаке, в кухне и комнатах. Сажу собирал метелкой из куриного крыла в ведро.

Наиболее многочисленной группой ремесленников в Турове были сапожники, которые различались по уровню мастерства. Специалисты могли сшить сапоги, ботинки или туфельки. Обувь фабричного производства для жителей местечка была недоступна, и выручали сапожники. Мерку снимали при помощи бумажной ленты с делениями. Заготовку и отдельные элементы верха выкраивали из растянутых кусков кожи, по шаблонам вырезали нужную деталь. Затем отдельные части вместе с подкладкой сшивали и закрепляли на деревянной колодке. Колодка, по сути, являлась моделью стопы и подбиралась в соответствии со снятой меркой. Верх и низ обуви сшивались *дратвой* (натертой смолой суровой ниткой). Дратву следовало ссучить так, чтобы в ее концах крепко держалось по щетинке – волосок из холки кабана, и навощить (покрыть воском). Щетинки заменяли иголки, а воск снижал трение при продевании дратвы в отверстие, проделанное шилом. Подметку прибивали с помощью деревянных гвоздей – шпилек толщиной в спичку. Шпильки делали из сухой березовой пластинки, один край которой заострялся клином, а затем ножом откалывались готовые гвоздики длиной в треть спички. Пользование этими материалами требовало особого умения, но зато и обуви не было износу.[25]

Вторыми по распространенности после сапожников в местечке шли портные. В отличие от городских коллег, специализировавшихся на пошиве одного вида одежды – гражданской, военной, мужской или женской, местечковый мастер должен был уметь все. Сам за себя говорил перечень заказов – от крестьянских штанов и блузы до рясы местного священника, от костюма из польской ткани для контрабандиста, ходившего через границу, до *бекеши*[26] возчика-балаголы. Однако наибольшим спросом пользовалась будничная одежда – телогрейки, полушубки, *бурки*[27], рукавицы, рабочая одежда, а также фуражки или кепки.

Несколько семей в Турове были заняты кузнечным делом. Это ремесло требовало физической силы, отменного здоровья и сноровки. Главные орудия кузнеца – меха, наковальня, молот, клещи и бурав. Работы по металлу местечкового кузнеца делились на три этапа: разработка в холодном состоянии, расплавленном и спайка отдельных готовых частей. По свидетельству современника, в Полесье вообще не

---

[25] А. Гурфинкель, «Бондарь, трубочист, сапожник…», *Еврейский камертон*, 23 сентября 2004 г., с. 14.

[26] *Бекеша* - мужское пальто на меху со сборками в талии, род кафтана.

[27] *Бурка* - верхняя мужская одежда, накидка из овечьей или козьей шерсти или войлока.

было кузнецов-неевреев. Для того чтобы изготовить подкову или гвоздь, крестьяне часто ехали к «жиду-кузнецу» нередко за пять–десять и более верст.[28]

Домоуправители

До и после отмены крепостного права в России в 1861 г. помещики часто пользовались услугами евреев в управлении поместьями. В отличие от крепостных крестьян, евреи были лично свободными, но экономическая зависимость заставляла их охотно откликаться на просьбы помещиков. По свидетельству Иехезкеля Котика, оставившего воспоминания о жизни в местечке в XIX веке, каждый помещик имел *своего* еврея, который отвечал «за все и про все». Он давал помещику советы и выполнял разнообразные поручения, жил за его счет и пользовался барскими милостями. В случае недовольства помещик мог выпороть еврея, а тот вынужден был молчать, чтобы не потерять должность советника и порученца, которую наследовал его зять, сын или брат.

Помещик охотно пользовался услугами еврея-ремесленника – мастера на все руки, еврея-*фактора* (посредника) и еврея-арендатора. Все они, вместе с женами и детьми, боялись хозяина, который мог внезапно сменить милость на гнев. Помещик считал, что его еврей – умное создание, что он хитрый и честный одновременно, зато еврейские помощники его соседей – все воры и мошенники. «Мой еврей сделает лучше», – считал помещик и не трогался с места без своего Шмулика или Мовши. Беда, если у арендатора или фактора была хорошенькая дочка – приходилось дрожать, как бы она слишком не понравилась помещику, который мог сделать все, что ему заблагорассудится.

Евреи скупали у помещика зерно, водку, шерсть и скот, могли заплатить выше реальной цены и авансом, чтобы заслужить расположение владельца имения. Не было недостатка в тех, кто бежал к помещику и предлагал больше, чем постоянный покупатель. Зато для собственных покупок помещик имел дело с избранными евреями, с которыми нельзя было конкурировать. В случае малейшего недовольства помещик даже мог натравить на еврея-торговца собак. Понятно, что, вернувшись домой, человек был ни жив ни мертв. Жены и дети, видя главу семейства в таком состоянии, начинали плакать, а еврей утешал их, говоря, что помещик, в сущности, не так уж плох, что служить можно, пока не случится с ним «затмение ума». Еврей верил, что все от Бога, который решил его наказать и «втемяшил» помещику в голову безумие, каприз. Однако когда через несколько дней помещик снова посылал за тем же евреем, требуя срочно явиться, и еврей бежал сломя голову, чтобы не упустить заработок.[29]

---

[28] *Полесье и полешуки,* с. 19.

[29] Иехезкель Котик, «Мои воспоминания», *Время искать,* Иерусалим, 2002 г., № 6, с. 167-170.

Предприниматели

Ремесленное производство в Турове и его окрестностях дополняли кустарные предприятия. Это были небольшие производства, на которых работали от 5 до 20 чел. От мануфактур они отличались не только разделением труда, но и применением машин и механизмов. Для третьего стана были характерны четыре основные типа предприятий. *Первый* тип – производства по обработке продуктов животного происхождения (салотопенные, мыловаренные и кожевенные), *второй* – обработка растительных продуктов (поташные, сахароварные, маслобойные, канатные, винокуренные, бумагопрядильные), *третий* – обработка ископаемых минералов (кирпичные, гончарные, колокольные) и *четвертый* тип – смешанные производства.[30]

Общая картина предприятий по Мозырскому уезду в середине XIX века отражена в табл. 2.

Таблица 2
Предприятия Мозырского уезда в 1854 г.[31]

Разновидность предприятий	**Стоимость одного завода,** *руб.*	**Всего предприятий**	**Принадлежали евреям**
Винокуренные	4000–10 000	11	–
Кирпичные	200	2	1
Кожевенные	60	1	1
Лесопильные	12 000	2	1
Смолокуренные	100–300	36	3
Угольные	60	1	–
Итого		**53**	**6**

Как следует из табл. 2, в 1854 г. больше всего было смолокуренных заводов – 36 (67,9%), за ними шли винокуренные – 11 (20,8%). Третье место делили лесопильные и кирпичные заводики (3,8%), а на последнем были кожевенные предприятия (1,9%). Самыми дорогостоящими были винокуренные заводы, стоимость каждого колебалась от 4 до 10 тысяч рублей, а наиболее дешевыми – кожевенные и заводики по выработке древесного угля (60 руб.).

[30] НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 11, т. 2, л. 459.
[31] Составлено по: НИАРБ, ф. 333, оп. 1, д. 3801, лл. 33-35.

Евреи были в числе первых хозяев предприятий обрабатывающей промышленности, ориентированной на местное сырье. В Мозырском уезде им принадлежало шесть заводов (три смолокуренных, один кирпичный, один лесопильный и один кожевенный), что составляло 11,3% всех предприятий. Смолокуренные предприятия открыли Йосель Урецкий, Мотель Эдельштейн на хуторе Вязовое, Мовша Дорожный на хуторе Каземировский. Владельцем двух кирпичных заводов был Вульф Юдович в д. Оленин. Абрам Каплан построил два лесопильных завода в урочище Муляровичи, а Михля Шифман – кожевенный завод в д. Мазуры.

Отдельной отраслью считалось мукомольное производство. Мельницы были четырех основных видов в зависимости от способа используемой энергии – водяные, ветряные, конные и паровые. Рожь и пшеница, ячмень и овес составляли ведущие зерновые культуры, возделывавшиеся на полях крестьян и помещиков. Потребность в мельницах была постоянной и приносила стабильный доход. Общее количество мельниц, их виды и оценочная стоимость показаны в табл. 3.

Таблица 3
Мельницы Мозырского уезда в 1854 г.[32]

Разновидность предприятий	**Количество**	**Стоимость одной мельницы,** *руб.*	**Принадлежали евреям**	
			число	*%*
Ветряные	98	500–750	10	10,2
Водяные	78	150–3500	3	3,8
Конные	25	100–600	18	72,0
Паровые	3	2000–2800	–	–
Итого	**204**	**–**	**31**	**15,2**

В середине XIX века самыми распространенными в Мозырском уезде оставались ветряные мельницы – 98, или 48% от их общего количества. Энергия ветра была наиболее доступной, а эксплуатация несложной. Второе место принадлежало водяным мельницам – 78 (38,2%). Их модификация зависела от характера водоема и требовала устройства плотины и шлюзов. Преимущество водяных мельниц состояло в стабильности получаемой энергии и отсутствии зависимости

[32] Составлено по: НИАРБ, ф. 333, оп. 1, д. 3801, лл. 36-38.

от ветра. Третье место по распространенности занимали конные мельницы – 25 (12,3%). Небольшие по размерам, они обеспечивали малые и средние заказы, когда требовалось смолоть зерно за ограниченное время. Самыми редкими и одновременно наиболее дорогостоящими являлись паровые мельницы. В 1854 г. в уезде их насчитывалось всего три, или 1,5%. Мельницы, приводившиеся в действие силой парового котла, являлись достижением технического прогресса того времени. Их хозяева отказались от маломощных и проблематичных природных источников энергии в пользу увеличения объема и качества помола муки.

В Мозырском уезде 31 мельница из 204 всех видов принадлежала евреям. Среди еврейских мельниц больше всего было конных (18) и ветряных (10) как наиболее дешевых и надежных в эксплуатации. Часть их сдавалась в аренду, а на других работали сами хозяева. Евреи-мельники обслуживали жителей местечек и крестьян, пользовались заслуженным авторитетом и уважением.

Первую паровую мельницу и *сукновальню*[33] в третьем стане Мозырского уезда, в урочище Ближний Млынок, взял в аренду купец второй гильдии Шевель Брегман. 26 октября 1867 г. он заключил контракт с чиновником особых поручений Минского губернского правления государственных имуществ Юрьевым на срок с 1868 по 1871 г. Брегман внес залог за аренду в Тонежское волостное правление и застраховал мельницу. По условиям контракта в случае пожара выплата арендной платы прекращалась. Арендатор обязывался все необходимые постройки, плотину и мосты устроить за свой счет, не требуя пособия от казны. Высоту воды необходимо было регулировать, чтобы избежать ущерба соседям.[34]

Одновременно Юрьев заключил контракт с жителями Турова – Вульфом Гренадером, Михелем Гительманом и Шлёмой Гоберманом об аренде мельниц в Туровской волости в имении «Озераны» и селе Сторожовцы. Гренадер взял в пользование четыре мельницы: *плавательную* (водяную. – *Л. С.*) на один *постав*,[35] вторую – на левом берегу реки Ствига «о двух поставах», третью – сельскую, Ствиго-Сторожовецкую, которая была устроена на середине Ствиги, на два постава и четвертую для *валяния* сукна – на один постав. Гительман арендовал две мельницы: первую при селении Переров в урочище Заятелье и вторую – при Озеранах на реке Буча. Гоберман взял в пользование три мельницы при селении Погост: ветряную на два постава и две водяные на один постав, которые тоже были устроены на Ствиге.

Жители Турова уплатили арендную плату 415 руб. в год, внесли 139 руб. залога в Туровское волостное правление и еще 100 руб. при заключении контракта. Мельничные строения были застрахованы на половину оценочной стоимости.

---

[33] *Сукновальня* - машина для *валяния* (придания определенной формы) сукна.

[34] НИАРБ, ф. 27, оп. 2, д. 1, л. 2.

[35] *Постав* - пара мельничных жерновов или вальцов, один из которых стоит неподвижно, а другой вращается и перемалывает зерно.

Начальная ставка арендного платежа была невелика, но в случае пожара арендаторы не прекращали платить оброк, а в течение года должны были возвести аналогичную постройку за собственный счет. В противном случае контракт считался расторгнутым и залог не возвращался. Кроме ремонта, на мельнице нельзя было вести никаких работ по расширению производственной площади, а также устраивать там питейную продажу.

Контракт был выгодным, и арендаторы приняли мельницу в том состоянии, в котором она находилась в Туровском волостном правлении, пообещав сдать все имущество в исправном состоянии. Арендаторам было разрешено иметь поверенных для управления мельницами с разрешения Управления государственных имуществ. Договор утвердили в Минском губернском правлении, и стороны обязались соблюдать его «свято и ненарушимо».[36]

Вторыми по доходности после мельниц считались паромные переправы. Вокруг Турова, в лесистой местности, заболоченной на десятки километров, наиболее удобными и безопасными считались водные пути. Стационарных мостов не строили, а объездные дороги отнимали слишком много времени. Поэтому водные артерии были настоящим спасением. Переправы сокращали путь, экономили время. Однако казенные переправы находились в плачевном состоянии. На их ремонт не хватало средств, а ответственные лица относились к своим обязанностям спустя рукава. Не удивительно поэтому, что, когда евреи выразили желание откупить у казны в арендное пользование паромные переправы вокруг Турова, это не встретило возражений.

В октябре 1867 г. жители Турова Шендер Лельчук и Лейзер Запесочный обратились в Минское губернское правление государственных имуществ с просьбой заключить контракт об аренде и содержании трех паромных переправ в Туровской волости – на Припяти в Запесочье (предместье Турова), у деревни Борки и возле Озеран. Переправы на брусьях, обшитые досками, обветшали. Лельчук и Запесочный пообещали в течение трех лет оплатить ремонт и вернуть их в казну в исправном состоянии. За аренду переправ они ежегодно вносили в уездное казначейство 86 руб. серебром за полгода вперед. Лейзер Запесочный для этого заложил собственный деревянный дом на казенной земле, оцененный в 130 руб. и застрахованный в Туровском волостном правлении. Арендаторы обязались принять паромные переправы, в каком бы виде они ни оказались, безотказно и устранять неисправности немедленно. В противном случае контракт считался расторгнутым и залог не возвращался.[37]

---

[36] НИАРБ, ф. 27, оп. 2, д. 1, лл. 3-4.

[37] Там же, л. 25.

Земледельцы

Среди евреев, проживавших за пределами Турова, только немногие были непосредственно заняты в сельском хозяйстве. Это объяснялось не страхом перед тяжелым физическим трудом, отсутствием опыта возделывания земли, боязнью хозяйственного риска или опасением вызвать ревность со стороны крестьян-белорусов. Основное препятствие состояло в официальном запрете евреям приобретать земельные участки в собственность. Аренда земли оговаривалась многочисленными условиями, которые постоянно менялись, и соблюсти их было очень трудно.

На Полесье поля засевали рожью, ячменем, овсом, гречихой, горохом, просом и пшеницей. В небольших количествах возделывали лен, коноплю, хмель и табак. Садоводство и огородничество были развиты недостаточно. Большие затраты труда на земле чаще всего не приводили к необходимым результатам. Главной причиной был хронический недостаток удобных земель, что отражалось на составе посевов и качестве урожая (см. табл. 4).

Таблица 4
Земельные угодья в Мозырском уезде в 1855 г.[38]

Показатель	Всего	В том числе				
		поля	луга	леса и кустарники	болота	неудобные земли
Площадь, *тыс. дес.*	1468,2	174,0	108,0	823,0	338,0	25,2
Площадь, *%*	100	11,8	7,3	56,1	23,0	1,8

Из табл. 4 видно, что в Мозырском уезде поля, пригодные для возделывания урожая, составляли едва 174 тыс. десятин (11,8%), леса, поросшие кустарником, где можно было засевать только небольшие лесные поляны, – 56,1%, а болота, непригодные для занятия сельским хозяйством вообще, – 23%. Положение несколько скрашивали заливные луга, богатые травами, представлявшие собой прекрасные естественные пастбища для домашнего скота, – 7,3%.

Основные земельные угодья были распределены между дворянами и их крестьянами. В силу исторических причин монополия на землю оставалась главным рычагом эксплуатации крестьян, находившихся до февраля 1861 г. в крепостной зависимости. Государство представляло интересы дворян и искусственно сдерживало развитие производительных сил. О неравномерности распределения земельных угодий в Мозырском уезде в середине XIX века свидетельствует табл. 5.

[38] Табл. 4 и 5 составлено по: НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 1, л. 185.

Таблица 5
Распределение земельных угодий в Мозырском уезде в 1855 г., *дес.*

Сословие	Усадебная земля	Пахотная земля	Сенокос, выгон и пастбище	Неудобные земли	Лес
Дворяне	18 890	80 500	30 996	2000	152 800
Крестьяне помещичьи	9500	40 000	20 000	688	10 000
Итого	**28 390**	**120 500**	**50 996**	**2688**	**162 800**

В третьем стане, к которому относился Туров, сословный состав населения представлял собой следующую картину: потомственные дворяне насчитывали 1120 чел., православное духовенство – 365 чел., государственные крестьяне – 1836 чел., а помещичьи – 9639 чел. Их дополняли 62 дворовых крестьянина, 72 бессрочно отпускных и 10 чел., отсуженных на волю. Ограниченные земельные наделы имели солдатские дети и кантонисты – 215 чел., отставные нижние чины, солдатские жены и дочери – 414 чел.[39] Земля кормила, и ее дефицит был источником постоянного социального напряжения.

При таких обстоятельствах, в понимании правительства, допустить евреев к владению землей, означало нарушить хрупкий баланс. Вместе с тем продолжать удерживать евреев в границах местечек, не давая им выхода за пределы черты оседлости, означало сжимать «пружину», которая неминуемо должна распрямиться.

Несмотря на официальный запрет, евреи, гонимые нуждой, проникали в сельскую местность и устраивались в деревнях. Местная администрация смотрела на это сквозь пальцы. Накануне отмены крепостного права власти не спешили с выселением, ожидая отмены черты оседлости.[40]

Не удивительно, что в подобных условиях еврейские семьи, обратившиеся к сельскохозяйственному труду, составляли меньшинство. В Минской губернии в 1855 г. евреи-земледельцы насчитывали 1871 чел., из них в Мозырском уезде оказалось только 125 чел. (6,7%). Для сравнения: в Бобруйском уезде на земле работало 749 евреев, Борисовском – 364, Игуменском – 258, Минском – 248, Речицком – 107, Пинском и Слуцком – по 7 чел. и в Новогрудском – 6 чел.[41]

С разрешения правительства на земле, арендованной по долгосрочным

[39] НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 4, л. 215.

[40] 3 апреля 1880 г. министр внутренних дел граф Д.А. Толстой предписал губернаторам не выселять евреев, не имевших права на жительство вне черты оседлости. Однако вскоре, вслед за погромами 1881 г., последовали массовые выселения евреев.

[41] *Еврейская энциклопедия*, т. 11, с. 78.

контрактам, было создано несколько еврейских сельскохозяйственных колоний. Евреи, приписавшиеся к сельским обществам белорусских крестьян, получили крестьянское звание и возможность жить на селе в границах черты оседлости. Среди евреев-крестьян были так называемые «сельские вечные чиншевики», осевшие издавна на помещичьих землях. Они вносили фиксированную арендную плату – *чинш* и за это имели право вечного наследственного пользования арендованной землей. С тех, кто соглашался перейти в христианство, списывали все долги.

Однако положение евреев, не побоявшихся заняться земледелием, было плачевным. Сначала на них и их хозяйства обрушился закон 1864 г., запретивший приобретение евреями земли в девяти западных губерниях,[42] затем *люстрационные*[43] комиссии в 1872 г., лишившие евреев значительных площадей, и, наконец, «Временные правила» 1882 г. По истечении сроков аренды большинство еврейских сельских хозяйств прекратили существование. Одни распались из-за нежелания землевладельцев продлить договоры, а другие утратили земледельческий характер после сокращения посевных площадей. Общая картина количества еврейских семей в Минской губернии, занятых на земле к началу 80-х годов, представлена в табл. 6.

Таблица 6
Количество евреев-земледельцев в Минской губернии на 15 января 1879 г.[44]

Уезд	Количество евреев			Площадь земельных владений
	всего	земледельцы		
	чел.	*чел.*	*%*	*дес.*
Минский	16 503	189	1,10	786
Мозырский	13 363	379	2,80	648
Бобруйский	9409	763	8,10	1577
Борисовский	7309	45	0,60	524
Новогрудский	21 874	20	0,09	85,5
Пинский	16 467	63	0,40	233
Итого	**84 925**	**1459**	**13,09**	**3853,5**

[42] Среди названных девяти губерний были: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская.

[43] *Люстрация* - периодическая опись государственного имущества для учета доходов в Польше, Литве и Белоруссии в XVIII-XIX вв.

[44] Составлено по: НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 26, лл. 1-12.

Как свидетельствует табл. 6, общее количество евреев-земледельцев в шести уездах Минской губернии насчитывало всего 1459 чел., или 13,09% от общего еврейского населения. Больше всего еврейских колоний было в Бобруйском уезде (8,1%), а меньше всего в Новогрудском – 0,09%. Евреи-земледельцы имели в своем распоряжении только 3853,5 десятины, или 2,64 десятины на душу.

В Мозырском уезде в 1879 г. из 13 тыс. 363 евреев сельским хозяйством занимались всего 379 чел., или 2,8%. Они обрабатывали 648 десятин земли, из которых 30 десятин было засеяно озимыми культурами, 20 десятин – яровыми. Десять семей обрабатывали землю самостоятельно, восемь – предпочитали отдавать свои участки в арендное содержание, а четыре – не имели земельных участков.[45] Более чем скромные масштабы участия евреев в сельскохозяйственном производстве, казалось, должны были помочь им затеряться в море крестьянских хозяйств. Однако, как показали последующие события, царская администрация решила выселить евреев из деревень почти поголовно.

«Временные правила» 3 мая 1882 г.

Положение «О порядке приведения в действие правил о евреях», известное как «Временные правила», было осуществлением давнего желания правительства изгнать евреев из сел и деревень. «Временные правила» задели прежде всего беднейшую часть еврейского населения сразу вслед за погромами 1881 г.[46] и закрепили ограничения для евреев в проживании за пределами черты, в приобретении и аренде недвижимого имущества, в управлении имениями в сельской местности и торговле. Было приостановлено заключение *купчих крепостей* и закладных на имя евреев, доверенностей на управление и распоряжение этим имуществом. Очень болезненной мерой стал запрет торговать в воскресные дни и христианские праздники.[47]

Названные запреты имели силу только в границах черты оседлости. Они не распространялись на демобилизованных солдат, купцов первой гильдии[48] и ремесленников.[49] Вне действия «Временных правил» остались люди с высшим образованием, а также аптекари, дантисты, акушерки, фельдшеры, их жены и дети.[50]

45 НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 26, л. 4.

46 Убийство 1 марта 1881 г. царя Александра II участниками революционной организации «Народная воля» вызвало волну еврейских погромов в России.

47 П. Гольденов, *Правила о постоянном и временном пребывании евреев*, Москва 1904 г., с. 8.

48 Эта привилегия распространялась и на бывших купцов первой гильдии, состоявших в ней в течение 15 лет, а также членов их семей, которые имели право нанимать слуг и приказчиков из своих единоверцев.

49 Включая каменщиков, плотников и др., пока они занимались своими «мастерствами».

50 Сыновья до их совершеннолетия или окончания ими курса высших учебных заведений (но не старше 25 лет), а дочери до замужества.

Евреи, принадлежавшие к названным категориям, могли заключать сделки по найму жилья с крестьянами или помещиками, для торговли и промыслов. Сенат оставил за евреями право на проживание в селах и деревнях на том основании, что своей экономической деятельностью они «не вызывают недовольства местного населения».[51]

Решение вопроса о том, где проходила черта, отделявшая местечко от запретной территории уезда, часто имело трагическое значение для еврейских семей. Сенат установил следующие признаки отличия местечка от села: прежде всего поселение должно было именоваться местечком в официальных документах, а недвижимое имущество в местечке облагаться налогом в пользу казны, и последнее – наличие местечкового общественного управления. Каждый из этих признаков служил достаточным основанием для изъятия поселения из сферы действия введенного запрета.[52]

«Временные правила» на практике толковали по-разному, в зависимости от отношения местной администрации к евреям. С 1887 г. каждый еврей, живший на селе, оказался прикрепленным к этому месту. Переезд в город, местечко или другое село навсегда лишал его права вернуться в какую бы то ни было местность вне черты городского поселения. Сначала нарушители «Временных правил» преследовались по суду, но с 1892 г. были переданы полиции, которая получила бесконтрольное право выселять евреев. Это открыло широкий простор для злоупотреблений и привело к тяжелым последствиям. Усердие в «выдворении» вменялось в особую заслугу низшим чинам полиции. Отсутствие еврея в течение даже нескольких дней в месте прописки рассматривалось как выбытие и лишало его права на возвращение в село.[53]

Торговые, деловые, семейные и личные дела, как и призыв в армию, заставляли евреев отлучаться из сел, к которым они были приписаны. Местные власти, пользуясь этим, лишали одну семью за другой права на жительство. После многочисленных жалоб евреев Сенат принял решение, что краткосрочные отлучки не лишают еврея права на прежнее место жительства. Признаком временного отсутствия стало сохранение в селе дома, семьи (мужа, жены, детей, родителей) или «домообзаводства» (хозяйства). Вне этих условий временной отлучкой признавалось вынужденное оставление сельской местности – служба в армии, обучение ремеслу, уход на заработки, эпидемии, пожар, болезни. В то же время если еврей своевременно не обжаловал распоряжение о своем выселении, то возвратиться обратно он уже не мог.[54]

Признаком временного пребывания считалась его срочность в пределах

---

[51] С. Фриде, *Законы о праве жительства евреев*, СПб 1909 г., с. 18.

[52] Наличие сельского управления в местечке подчиняло его действию «Временных правил» 1882 г.

[53] К. Лозина-Лозинский, *Систематический сборник разъяснений Правительствующего Сената по делам о жительстве евреев*, СПб 1902 г., с. 11.

[54] Б. Канторович, *Законы о состояниях*, Москва 1901 г., с. 5.

надобности. Еврею разрешалось ежедневное пребывание в селе, где у него была лавка, если на ночь он уходил в другое место, где имел право на жительство. Нельзя было арендовать дом в деревне у своих единоверцев, приобретать на публичных торгах собственное заложенное имение, покупать смежный участок земли для устранения *чересполосицы*,[55] присоединять к своему участку купленный или отведенный сельским обществом. Сельским евреям не разрешалось приобретать землю даже для устройства кладбищ, и покойников везли хоронить в ближайший город. Только опасения санитарного свойства вынудили Сенат допустить изъятие из «Временных правил» запрета на покупку земли под кладбище.[56]

«Временные правила» вызвали большую критику в самом правительстве. Закрепление евреев в городской черте, где существовал избыток торгового и ремесленного люда, обрекал массу еврейского населения на нищету и вызывал еще большую их обособленность среди христиан и взаимную неприязнь. В 1902 г. виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский отмечал, что вынужденная скученность евреев обострила до предела борьбу за выживание. С другой стороны, еврейскому ремесленнику не было замены, и на этом основании Святополк-Мирский считал необходимым отменить закон 3 мая 1882 г.

10 мая 1903 г. министр внутренних дел В.К. Плеве[57] предложил правительству список поселений, предназначенных для свободного проживания евреев. Когда Комитет министров попытался сократить этот список, то Плеве возразил, что скученность в местечках, доведенная до крайности, это «постоянная угроза общественному спокойствию». Его список сначала охватывал 57 поселений, потом был увеличен до 291 населенного пункта.

В целом закон 3 мая 1882 г., задуманный при императоре Александре III как *временная* мера до общего пересмотра «в установленном порядке» законов о евреях, не был отменен, как и *черта еврейской оседлости* в целом, установленная еще Екатериной II. «Временные правила» утратили свою силу только в феврале 1917 г. после отречения Николая II от престола и падения монархии.

«Временные правила» 1882 г. непосредственно коснулись жителей Турова. Старосты деревень и волостных правлений составляли для полиции списки еврейских семей вне зависимости от их занятий. К тому времени в деревнях и селах вокруг Турова, Пинска, Петрикова, Давид-Городка или Мозыря евреи проживали уже в течение десятилетий. Они арендовали землю в сельских общинах или даже приобрели ее в собственность, обзавелись хозяйством и имели добрые отношения

---

[55] *Чересполосица* - расположение земельных участков одного хозяина вперемежку с чужими участками.

[56] М.И. Мыш, *Руководство к русским законам о евреях*, СПб 1898 г., изд. 2-е, с. 14.

[57] Вячеслав Константинович Плеве (1846-1904 гг.) - министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов, проводил политику разложения революционного движения изнутри, подавления стачек и крестьянских выступлений, убит Е.С. Сазоновым.

с белорусскими соседями. Полицейское управление рассматривало представленные списки и сверяло их с документами, на основании которых евреи проживали в сельской местности. Отсутствие достаточных доказательств законности их пребывания здесь становилось основанием для выселения.

9 февраля 1893 г. в соседнюю с Туровом Хорскую волость прибыл член Мозырской уездной управы Розендорф, который «разъяснил закон 3 мая 1882 г., воспрещавший евреям селиться на крестьянской земле». Розендорф заставил крестьян Игната Чурило, Ивана Кошеля, Михаила, Герасима и Василия Трухановичей, Василия Стельмаха дать письменное обещание не позднее 1 мая 1893 г. лишить Абеля Загера, Хаима Вайнера и Пинхуса Загера как евреев аренды общественной земли со сносом построенных домов. Загеры и Вайнеры проживали в деревне Туры с 1843 г. и считались удачливыми хозяевами, но выступать в защиту евреев никто не посмел.[58]

Аналогичные расписки в отношении евреев из Турова, Петрикова и Давид-Городка полиция распорядилась дать сельским общинам в Хоромске, Лядце, Теребличах, Перерове и Хорошево. В табл. 7 (см. с. 124) приведены имена белорусских хозяев и еврейских арендаторов из Хорской и Туровской волостей Мозырского уезда, которые подлежали выселению.

Из табл. 7 следует, что в сельской местности в окрестностях Турова начиная с 1843 г. проживала 21 еврейская семья. Из них 5 семей (24%) являлись собственниками, а 16 семей (76%) – арендаторами земли, на которой они имели «домообзаводство»: построили или купили дома и вели хозяйство. Известие о выселении застало евреев врасплох и означало крах прежней жизни. Отсрочить его можно было путем подачи жалобы на имя минского губернатора или при помощи такого «народного средства», как взятка полиции, но желаемый результат при этом гарантирован не был.

Однако не всегда представители властей выступали инициаторами выселения евреев из сельской местности. Распространились доносы самих евреев, стремившихся подобным образом устранить конкурентов. В 1893 г. житель д. Хильчицы Туровской волости Мовша-Янкель Рехтман подал в Минское губернское правление жалобу на живших в деревне Березовцы мещан Хаима Дорфмана, его зятя Мовшу Коробочку и мужа внучки Гитл – Лейбу Лельчука. По словам Рехтмана, они приняли в арендное содержание от князя Антона Радзивилла земельные участки и водяную мельницу, нарушив гильдейские законы. Приведенные сведения подтвердили крестьяне Тит Иванов, Петр Романов, Нестор Шруб и Мордух Гохман. Заявитель просил губернское правление «учинить дознание» и заставить виновных внести в казну необходимые платежи.[59]

---

58 НИАРБ, ф. 703, оп. 1, д. 1, л. 2.

59 Там же, ф. 299, оп. 2, д. 16920, лл. 1-6.

Таблица 7
Евреи, выселенные из третьего стана Мозырского уезда в 1893 г. (часть списка)[60]

Населенный пункт	Волость	Хозяин	Арендатор	Год поселения
Туры	Хорская	Чурило Игнат	Загер Абель	1843
Туры	Хорская	Кошель Иван	Вайнер Хаим	1878
Туры	Хорская	Труханович Михаил	Загер Пинкус	1878
Хоромск	Хорская	Гут Семен	Фельдман Мовша	1888
Хоромск	Хорская	Ромнич Федор	Борухов Берко	1888
Лядцы	Хорская	Ляшук Иван	Аврушин Абрам	1860
Теребличи	Хорская	Мякота Тарас	Гизунтерман Исер Лопатицкий Берко	1880 1880
Теребличи	Хорская	Шпакевич Моисей	Фридман Ошер	1882
Теребличи	Хорская	Шпакевич Панфил	Кругман Биньямин Фишман Шмуйло	1848
Переров	Туровская	Переров Корней	Глинер Иосиф	1858
Переров	Туровская	Ополченец Иван Чернышевич Игнат	Лурьян Файвель	1858
Переров	Туровская	Ермоленко Иван	Лазебник Вульф	1880
Переров	Туровская	Новак Павел	Шустерман Нохим Лаховский Вульф	1848 1858
Лядцы	Туровская	Русман Хацкель Рысин Хацкель Рушка Гирш	–	1888 1870 1876
Хорошево	Туровская	Фельдман Мовша Лопатицкий Евно	–	1872 1867

19 января 1903 г. Пинское уездное полицейское управление объявило о выселении в месячный срок Мовши-Хаима Чечика из села Дятловичи первого стана Пинского уезда. Чечик оспорил это решение в Минском губернском правлении, сославшись на то, что не живет в Дятловичах постоянно. Мовша-Хаим был столяром и большую часть года находился на заработках, возвращаясь к семье только

[60] Составлено по: НИАРБ, ф. 703, оп. 1, д. 1, лл. 6-34.

на праздники. Супруга Чечика, Хая Довидовна, являлась уроженкой Дятловичей, что подтвердили свидетели: Довид Дятловицкий, Хаим Башкин и крестьяне Николай Черннооков, Федор Городовец. В ответ на запрос из Минска помощник пинского исправника 21 февраля 1903 г. составил рапорт о том, что жалоба Чечика не «заслуживала уважения», поскольку он в декабре 1897 г. самовольно вселился в Дятловичи якобы для временного пребывания и остался там с женой Хаей, сыном Борухом и дочерью Гиндой.

В марте 1903 г. пристав первого стана опросил сельского старосту Василия Конопацкого, полицейского сотского Василия Черноокого, крестьян Леона Копцевича, Григория Конопацкого, Максима Дрезина, Петра Черноокого и Федора Городовца. Они показали, что Хая Чечик, уроженка Дятловичей, до 1897 г. жила в родительском доме и «приняла в мужья» Мовшу Чечика из Турова. Этого оказалось достаточно, чтобы уличить Чечика в незаконном переселении в сельскую местность. Одновременно Хае сохранили право на жительство в родной деревне. Мовшу выслали в Давид-Городок, а его супругу оставили в Дятловичах, но она последовала за мужем.[61]

Однако полицейские уездные постановления не всегда утверждали в Минске. В августе 1900 г. мозырская полиция пыталась выселить из села Запесочье семью Ошера Айзенберга. Ошер приехал из Давид-Городка в 1891 г., женился и остался там жить. По мнению властей, этим он нарушил ограничительные законы и подлежал выселению. Айзенберг пожаловался в Минск, заявив, что Запесочье является предместьем Турова, расстояние между которыми составляет полверсты. К ходатайству было приложено письмо *благочинного*[62] Мозырского уезда от 15 мая 1900 г. о том, что все жители Запесочья являются мещанами Туровской управы и уплачивают государственный налог с недвижимого имущества. На этом основании Айзенберг просил разрешения остаться в Запесочье. В губернском управлении сочли эти аргументы убедительными и отменили решение мозырских чиновников, признав его незаконным.[63]

Ограничительные законы требовали учета каждой еврейской семьи, проживавшей в сельской местности. Если еврейские ремесленники оставляли свое занятие, их лишали права на жительство в сельской местности и выселяли. Летом 1912 г. полиции стало известно, что Нота Чечик из Черничей Туровской волости не занимается ремеслом. Он приехал из Ричева в 1905 г. и женился. В июле 1912 г. семью Чечиков выслали в Ричев на том основании, что ее глава, еврей, не был занят ремеслом, нарушил закон и подлежал выселению в местность, «дозволенную для жительства евреев».[64]

---

[61] Там же, д. 17370, лл. 1-8.

[62] *Благочинный* - священник, назначенный епархиальным архиереем для наблюдения за церковноприходской жизнью храмов одной из частей епархии - благочиния.

[63] Там же, д. 17275, лл. 50-53.

[64] Там же, д. 17674, лл. 1-3.

* * *

Работа за пределами Турова была жизненно необходима евреям. Отсутствие постоянного заработка, возможности построить или арендовать жилье при росте рождаемости представляли искусственный барьер на пути развития еврейской общины. Подспудное противоборство властям приучало евреев надеяться только на себя, и они искали любую возможность устроиться в сельской местности и получить право на жительство.

Административная политика выселения евреев неоднократно меняла свои формы в зависимости от внутриполитической ситуации в стране. Она прошла путь от попыток изоляции евреев в местечках и городах для сохранения «целомудрия» православной веры и предотвращения «тлетворного» влияния евреев до стремления к насильственной интеграции их в российском обществе путем ассимиляции.

Предлоги для выселения были самыми разными – от спасения деревни от евреев-«злоумышленников», спаивавших и обиравших ее, до защиты самих евреев от «праведного» народного гнева. В действительности, главная причина политики выселения заключалась в стремлении защитить христианских конкурентов от еврейской экономической экспансии. Евреи пытались противопоставить этому качество товаров и услуг за счет перенапряжения своих внутренних резервов и сокращения доходов. Дискриминация евреев способствовала активизации их участия в революционном движении.

Политика правительства, направленная на концентрацию еврейского населения в местечках, не увенчалась успехом. Причиной этого были непоследовательный и противоречивый характер принятых мер, отсутствие денежных средств на переселение, противодействие помещиков, невозможность сельских евреев самостоятельно обеспечить себя средствами существования. В 1897 г. в Минской губернии доля евреев среди населения городов составила 59,4%, местечек – 59,5%, а в сельской местности – 5,1%.[65]

Влияние «Временных правил» 1882 г. на перераспределение еврейского населения черты оседлости оказалось намного слабее, чем ожидалось. Если в 1881 г. в сельской местности проживало 20% евреев Белоруссии, то в 1897 г. – 19,2%. Несущественная разница объяснялась переводом многих местечек в разряд сельских поселений и ростом эмиграции, которая значительно затронула еврейское население. Выселение евреев из сельской местности закрепило исторически сложившийся национальный состав городов Северо-Западного края, включавший пять белорусских губерний – Минскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую и Гродненскую. Таким образом, по своему национальному составу города Белоруссии до 1917 г. остались еврейско-русскими, где белорусское население достигало всего 17%. Дискриминация евреев в целом еще ближе придвинула страну к революционному кризису.

---

[65] Б.Д. Бруцкус, *Статистика еврейского населения: распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г.*, СПб 1909 г., с. 18.

Ярмарки

Ярмарки[1] играли очень важную роль в жизни местечка. Они позволяли пополнить запасы сырья, продать свои изделия, обменяться опытом, познакомиться с новинками и изобретениями. Ярмарки служили показателем экономического развития и культурного уровня и по праву считались самым ярким событием года. Там встречались старые партнеры и друзья, завязывались полезные знакомства, планировались будущие сделки. Каждая ярмарка имела свое лицо и неоспоримые преимущества, чтобы привлечь торговцев и покупателей, перед посетителями выступали бродячие артисты, кукольники и певцы.

Разрешения на проведение ярмарки добивались годами. Рассматривая заявки на новые торги, власти старались регулировать места и время их проведения.[2] Неудачная ярмарка приносила разочарование и подрывала репутацию местечка, поэтому к их организации относились очень серьезно. Зато в случае успеха она делала место своего проведения известным и притягательным. Не удивительно поэтому, что открытия ярмарочных торгов жители местечек ожидали с надеждой и волнением. Однако ярмарки добавляли хлопот местной администрации и полиции, так как неизбежно привлекали мошенников, конокрадов, воров-карманников, любителей воспользоваться простодушием новичков. Здесь нужно было «держать ухо востро».

---

[1] *Ярмарка* (Jahrmarkt, *нем.*) - рынок, по-белорусски *кирмаш*.

[2] В.В. Швед, *Торговля в Белоруссии в период кризиса феодализма, 1830-1850 гг.*, Гродно 1995 г., с. 12.

Участие евреев

Ни одна ярмарка в Северо-Западном крае империи не обходилась без евреев.[3] Базарный день с субботы переносился на воскресенье, а ярмарочные торги не назначались на еврейские праздники. Приезжая на ярмарку, евреи выбирали ответственных лиц, а иногда органы самоуправления, которые решали спорные вопросы и отвечали за порядок. Обвинения в адрес евреев, якобы обворовывавших и спаивавших белорусских крестьян, не выдерживают критики.[4]

Роль евреев в развитии *белорусских губерний*[5] и Северо-Западного края трудно переоценить. Еврейские посредники скупали сельскохозяйственную продукцию в деревнях и доставляли ее на рынок. Они снабжали крестьян товарами, без которых те не могли обойтись, – сельскохозяйственным инвентарем, железом, солью, посудой и пр., наконец, ссужали их деньгами во время неурожая и голода[6].

Евреи проявили себя во всех видах торговли: посреднической, розничной, оптовой и внешней. Однако больше всего они преуспели во внутренней торговле – ярмарочной, базарной, развозной, разносной и стационарной. В местечках евреям принадлежали многие лавки, корчмы, шинки, питейные заведения и постоялые дворы. Ни одна сколько-нибудь значительная продажа или покупка не обходились без прямого или косвенного участия еврея. По свидетельству И. Зеленского, евреи «заведовали» торговлей, спекуляциями и мелкими уездными аферами. Он предостерегал: «Если же рискнете обойтись без посредника-еврея, то непременно потеряете барыши и останетесь в проигрыше».[7] В то же время, возражая своим оппонентам по поводу «еврейского засилья», Зеленский подчеркивал: «Нет никаких причин утверждать, что монополия евреев в торговле и ремеслах есть зло,

---

[3] К началу XIX в. большая часть еврейского населения Белоруссии проживала в селах и местечках. До разделов Речи Посполитой горожане-христиане стремились избавиться от конкурентов-евреев, чем искусно пользовались польские помещики. Они охотно приглашали евреев на свои земли в качестве арендаторов, ремесленников, шинкарей и приказчиков. Евреи были вынуждены принимать эти предложения, поскольку земледельцами они не были.

[4] В 1808 г. по приказу Александра I в России был создан Комитет по изучению еврейского вопроса, который пришел к выводу, что евреи не эксплуататоры, а важный элемент сельской экономики. Главным виновником обнищания деревни были названы польские помещики, которые, в частности, поощряли виноторговлю и получали от нее наибольшую выгоду, а евреи служили лишь их агентами. См.: Дж. Д. Клир, *Россия собирает своих евреев. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772-1825 гг.*, Москва-Иерусалим 2000 г., с. 267.

[5] *Белорусские губернии* - до 1917 г. белорусскими считались только Витебская и Могилевская губернии, тогда как Гродненская, Минская и Виленская относились к Северо-Западному краю.

[6] Во многих документах, связанных с участием евреев в организации торговли в белорусских местечках, встречается выражение «захвачена евреями».

[7] И. Зеленский, *Минская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба*, СПб 1864 г., ч. 2, с. 375, 377.

останавливающее в стране развитие торговой предприимчивости. Причину такой монополии следует искать в нерасположении местного населения к торговле, в его врожденной наклонности к земледельческой промышленности, в свойствах христианского и еврейского населения, в экономических условиях страны и, наконец, – в историческом ходе событий, под влиянием которых образовались нынешние сословия и классы населения»[8]. Евреи и белорусы хорошо дополняли друг друга в экономике, несмотря на все отличия, существовавшие в национальной и религиозной жизни. Две культуры развивались параллельно, не смешиваясь и не вступая в противоречие одна с другой.

Купцы и посредники

Оборотный капитал, которым располагали еврейские купцы в Белоруссии, был невелик. В соответствии с Грамотой на права и привилегии городам Российской империи 1785 г., были установлены три купеческие гильдии. К первой принадлежали купцы, объявившие капитал более 10 тыс. руб., ко второй – от 5 до 10 тыс. руб., а к третьей – от 1 до 5 тыс. руб.[9] В 1807 г. сумма капитала для вступления в гильдейское купечество увеличилась. Для первой гильдии она составила 50 тыс. руб., второй – 20 тыс. руб., а третьей – 8 тыс. руб.[10] Многие предприниматели стремились скрыть свои финансовые возможности, чтобы избежать чрезмерных налогов.[11]

В местечках подавляющее большинство купцов принадлежало к третьей гильдии. В начале XIX века в Минской губернии они составляли 144 чел.[12] В 1856 г. в Мозыре и Мозырском уезде было объявлено 37 тыс. 500 руб. купеческого капитала, ко второй гильдии принадлежала всего одна семья, а к третьей – 24 семьи (150 чел.). Из них в Мозырском уезде было только три семьи купцов третьей гильдии (103 чел.).[13]

О том, насколько невелико было число гильдейских купцов в Мозырском уезде, свидетельствует классификация населенных пунктов. Уезд имел три типа поселений: 1) *с правом городского положения* (города уездные, безуездные, заштатные, портовые, посады и местечки), 2) *земледельческие* (села, слободы,

---

[8] Там же, с. 290.

[9] И.В. Соркина, *Роль местечек в социально-экономическом и культурном развитии Белоруссии в конце XVIII - первой половине XIX вв.* Дис. ... канд. ист. наук, Гродненский государственный университет им. Я. Купала, Гродно 1998 г., лл. 56-59.

[10] А.М. Лютый, *Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII - первой половине XIX вв*., Минск 1987 г., с. 62.

[11] В начале XIX в. купцы-христиане платили в казну 1% с принадлежавших им капиталов, а евреи – 2%. См.: Российский государственный исторический архив (далее РГИА), ф. 1350, оп. 312, д. 90, л. 72.

[12] Подсчитано И.В. Соркиной: РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 90, лл. 35-159.

[13] Национальный исторический архив Беларуси (далее НИАРБ), ф. 21, оп. 1, д. 1, л. 497.

деревни и хутора) и 3) *на особом положении* (крепости, станицы и колонии). В 1858 г. в Мозырском уезде насчитывалось: 9 местечек, 75 сел, 175 деревень[14] и 48 хуторов. В третьем *стане*[15] Мозырского уезда, к которому относился Туров, иудеи насчитывали 3840 чел. и занимали второе место после более чем 17 тыс. православных и 839 католиков.[16]

В 1862 г. в Мозырском уезде число купцов и суммы объявленного ими капитала возросли. Однако это по-прежнему имело отношение только к купцам второй и третьей гильдии, тогда как к первой гильдии не относился ни один. Наряду с записью в купеческие гильдии существовала практика выдачи индивидуальных свидетельств на право торговли в лавках, которые часто были расположены там же, где жили их владельцы. Наглядно это представлено в табл. 1 и 2:

Таблица 1
Количество купцов в Мозыре и Мозырском уезде в 1862 г.[17]

Купеческие гильдии	Мозырь	Мозырский уезд
Купцы 2-й гильдии	1	–
Купцы 3-й гильдии	68	109
Итого	**69**	**109**

Таблица 2
Количество торговцев, получивших право на содержание лавок в Мозыре и Мозырском уезде в 1862 г.

Сословия	Мозырь	Мозырский уезд
Купцы 2-й гильдии	–	1
Купцы 3-й гильдии	–	17
Лавочники	–	63
Итого	**–**	**81**

[14] Село отличалось от деревни не только большим количеством домов, но и наличием церковного прихода.

[15] *Стан* - административно-полицейское подразделение уезда в России до 1917 г.

[16] НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 1, л. 188.

[17] Табл. 1 и 2 составлены по: НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 11, т. 2, лл. 524, 526.

Внутренний рынок обеспечивали большое количество мелких торговых посредников: *коробейники, факторы, прасолы, маклеры и комиссионеры*, которые контролировали разносную и развозную торговлю. Коробейники торговали вразнос галантерейными товарами и мелочами, необходимыми в крестьянском быту, факторы собирали деловую информацию, консультировали и осуществляли посредничество. Прасолы скупали в деревнях оптом для перепродажи мясо, рыбу, скот и сельскохозяйственное сырье. Маклеры помогали подготовить и заключить выгодные сделки, комиссионеры исполняли поручения за определенное вознаграждение и т. д.

Каждый искал свою «нишу», чтобы вовремя предложить услуги и товары. Значительное число мелких торговцев и посредников было представлено евреями. Павел Шпилевский, опубликовавший в 1853–1855 гг. в журнале *Современник* серию очерков о Полесье, отмечал: «Еврей-фактор в Западной России для проезжего то же, что и для столичного жителя газета или для археолога архив редкостей. Он расскажет вам все достопримечательности города, познакомит на словах со всеми знаменитостями его, объяснит, кто где живет, с кем знаком, что ест-пьет, на чем спит, какое имеет состояние, сколько делает долгов, чем занимается, что затевает, куда собирается ехать, откуда получает лишнюю копейку, кто когда приехал, насколько удачно закончил дело, словом, передаст все что хотите о своем городе и, вдобавок, возьмется исполнить все ваши поручения, как бы они не были трудны, и действительно исполнит. Но не думайте, чтоб это обошлось вам дорого: ничуть! За полтинник фактор будет бегать целый день».[18]

В Мозырском уезде в 50–70-е годы XIX века среди еврейских предпринимателей наибольшей известностью пользовались Лейба Райхман и Ошер Гоберман (Хочень), Борух Урецкий (Слободка 1-я), Шендер Лельчук (Озераны), Самуил Ляховец (д. Дуброво), Ицко Шляпинтох (Люденевичи), Шлёма Песецкий (Князь-Озеро), Генес Шухман (Копаткевичи), Янкель Фельдман (Мелешкевичи), Абрам Ольшанский (Ольшаны), Йосель Каганович (Михалки), Аарон Нодельман (Кустовичи), Гирш Железный (Березово), Янкель Финберг (Слобода), Гитель Водопьянов (Михновичи) и др.[19]

К концу XIX века роль еврейского купечества в Белоруссии возросла. Большинство купцов-евреев проживали в Могилевской (30,3%) и Минской (29,0%) губерниях,[20] а в десяти из 42 городов Северо-Западного края (Бабиновичи, Городок, Друя, Климовичи, Копысь, Лепель, Несвиж, Пружаны, Слуцк и Радошковичи) жили только купцы-евреи.[21]

---

18 П.М. Шпилевский, *Путешествие по Полесью и белорусскому краю*, Минск 2004 г., с. 43.

19 НИАРБ, ф. 333, оп. 1, д. 3801, лл. 33-38.

20 Н.И. Полетаева, «Социально-демографический портрет купечества Беларуси», *Ученые записки Московского государственного социального университета*, 2001 г., № 3(23), с. 140.

21 А. Киштымов, «Место и роль предпринимателей-евреев в экономике Гомельщины на рубеже XIX-XX вв.», *Евреи в Гомеле. История и культура (конец 19 - начало 20 веков).* Сб. материалов научно-теоретической конференции, Гомель 2004 г., с. 17.

Основная форма торговли

Ярмарки долгое время оставались ведущей формой торговли, поскольку соответствовали укладу общественно-экономического развития местечка, содействовали первоначальному накоплению капитала, втягивали в товарные отношения помещиков, крестьян и мещан. Значение ярмарок в товарообороте Белоруссии трудно переоценить. Большинство из них проводились в Минской губернии – 94, а именно: в Вилейском уезде – 25, в Речицком – 17, в Слуцком – 11, в Игуменском – семь, в Бобруйском, Пинском и Борисовском – по шесть, в Минском и Дисненском – по четыре. В Мозырском уезде в течение года собиралось десять ярмарок, а в дополнение к ним – в Турове, Скрыгалове, Лахве и Кожан-Городке – по две, в Копаткевичах, Петрикове – по одной в год.

Количество ярмарок в Минской губернии постоянно увеличивалось – 25 (1835 г.), 47 (1855 г.) и 60 (1865 г.). Уровень торговых оборотов в 40-е годы XIX века превышал соответствующий уровень 30-х годов в два раза. Если в 1830-е гг. стоимость привезенных на ярмарки товаров по губернии составляла в среднем 6530 руб., а стоимость продаж – 4039 руб., то в 1840-е гг. соответственно – 14628 и 6697 руб., а в 1850-е гг. – 9539 и 7346 руб.[22]

Большая часть ярмарок приходились на весну и осень, причем на выбор времени их проведения влияли: 1) неравномерное распределение церковных праздников, в дни которых созывались все ярмарки, 2) погодные условия, определявшие состояние сухопутных и водных путей, 3) наличие товарного излишка и 4) потребность в деньгах у главного посетителя ярмарок – крестьян. Со временем установилась примерно равная периодичность открытия ярмарок.

Местечковые ярмарки, как правило, длились не более трех дней. В целом продолжительность ярмарок зависела от их статуса (местечковая, уездная, губернская), товарооборота и количества участников ярмарки. Самые крупные из них открывались на три-четыре недели. Посетителям предлагались товары повседневного спроса – мясо, рыба, зерно, овощи и фрукты, изделия из металла и дерева. По товарной специализации ярмарки делились на сельскохозяйственные, мануфактурные и универсальные.

Универсальные ярмарки преобладали в местечках, и в них принимали участие крестьяне, мещане и купцы, которые одновременно были и продавцами, и покупателями. Самыми популярными в Белоруссии считались *Петропавловская* ярмарка в Бешенковичах (Лепельский уезд), *Ганенская* в Зельве, *Успенская* в Свислочи (Волковысский уезд), *Водокрещенская* в Любавичах (Оршанский уезд), *Евраксиевская* (Бобруйский уезд) и др.

На рубеже XIX–XX веков специализация ярмарок углубилась. Крупными лесными ярмарками стали Минская и Гомельская, животноводческими – в Лиде,

[22] И.В. Соркина*,* Указ. соч., с. 49.

Новогрудке и Игумене. В 1913 г. в Белоруссии важнейшими считались более 60 ярмарок, самые крупные из них имели международное значение и устойчивые торговые связи с Прибалтикой, Польшей, Украиной и Россией.[23]

Туровские ярмарки

Ярмарки в Турове устраивали дважды в год – в феврале и июне-июле. Ассортимент товаров мог быть самым разнообразным: от сукна, льняных и пеньковых изделий до шелковых и полушелковых тканей, хрусталя, стекла и зеркал, сахара, мыла и бумаги. В качестве заморских деликатесов присутствовали пряности, кофе и чай. Традиционно спросом пользовались лошади, домашний скот и птица, деревянная и гончарная посуда, сельскохозяйственный инвентарь и обувь.

Ярмарки были шумными и деловитыми. В нестройный разноголосый гул сливались ржание лошадей, трели детских свистулек, заунывная мелодия шарманки и взвизги катающихся на карусели. Говорливая толпа деревенских жителей и обитателей местечка катилась с утра и до вечера по пыльным переулкам Турова, толклась между телегами и собранными на скорую руку прилавками, лошадьми и коровами. Неотъемлемым атрибутом ярмарочной картины были слепые и убогие – между продавцами и покупателями сновали нищие и калеки. Покупателей было много. Ярмарку посещали не только крестьяне, но и мелкопоместные дворяне, не только белорусы и евреи, но и цыгане. Пыльная, истолченная ногами, колесами и копытами, засоренная и унавоженная ярмарочная площадь пустела только к вечеру, чтобы с раннего утра снова заполниться шумной толчеей.

В Турове, согласно годовому отчету минского губернатора за 1833 г., на *Петрова дни* (29 июня – 5 июля) российских товаров было привезено на сумму 6500 руб., продано из них на 5426 руб. За время ярмарки здесь купили иностранных, или «колониальных», товаров (кофе) на 239 руб. и «азиатских» (чая) – на 1048 руб. Лошадей продали на сумму 1020 руб., крупного и мелкого рогатого скота – на 2890 руб., а «сбор народа» достиг 700 чел. На *средней неделе* (6–12 февраля 1834 г.) привоз товаров в Турове увеличился на 63% и достиг 10 тыс. 300 руб. Российских товаров было продано на 8293 руб. (65,4%), а реализация кофе и чая осталась почти на прежнем уровне – 299 руб. и 1056 руб.[24]

В летний сезон 1837 г. ярмарка в Турове длилась только три дня – с 29 июня по 1 июля. Товаров из России поступило гораздо меньше – на 3909 руб., тогда как спрос на кофе и чай продолжал оставаться устойчивым – продано на 299 и 1048 руб. Однако через полгода общий товарооборот снова увеличился. С 18 по 25 февраля

[23] Х.Ю. Бейлькин, *Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861-1914 гг.*, Минск, 1989 г., с. 23.

[24] НИАРБ, ф. 295, оп. 1, д. 363, лл. 39, 40, 57-об.

1838 г. российских товаров поступило на сумму 8293 руб. (47%), продажа кофе и чая осталась на прежнем уровне – на 299 и 1048 руб.[25]

В июне 1850 г. стоимость привезенных товаров упала до 3800 руб., а реализовано их было только на сумму 1500 руб. В январе 1851 г. оборот товаров оказался еще ниже и составил всего 2030 руб., а объем продаж – 1310 руб. Немногим лучше оказался и 1854 г., когда в феврале привоз товаров насчитывал 3115 руб., а продажа – только 1930 руб.[26]

Объемы поставок и реализации продукции на ярмарке зависели от многих внешних и внутренних факторов. К снижению товарооборота могла привести изменившаяся международная обстановка: Россия начинала войну с соседями, и границы государства закрывались. На покупательную способность пагубно влияли стихийные бедствия и природные катаклизмы – пожары, наводнения, засуха, эпидемии. Большими бедствиями обернулись для Турова пожары в 1834, 1857, 1867, 1884, 1900, 1906, 1908 гг. Они опустошали местечко на многие годы вперед и отбрасывали назад хозяйственное развитие, снижали рождаемость и экономическую активность, приводили к росту миграции. Для восстановления потерь требовались десятилетия, а помощь извне поступала нерегулярно.

В 1914 г. в Мозырском уезде ярмарки проводились в Мозыре – 6 августа, где было продано товаров на сумму 2,5 тыс. руб., в Турове – 9 июня (18,9 тыс. руб.), в Лахве – 8 сентября (3,5 тыс. руб.) и 23 апреля (1,8 тыс. руб.), в Скрыгалове – 9 мая (4 тыс. руб.) и 6 декабря (2 тыс. руб.), в Петрикове – с 20 по 27 июля (35 тыс. руб.), в Копаткевичах – в первый день Святой Троицы (2,8 тыс. руб.) и 1 октября (4,5 тыс. руб.), в Давид-Городке – 6 января (7,5 тыс. руб.) и 26 сентября (10 тыс. руб.), в Липлянах – 15 августа (3,5 тыс. руб.), в Лельчицах – 6 сентября (2,5 тыс. руб.), в Буйновичах – 8 сентября (3 тыс. руб.), в селе Острожанка – 1 октября (2,5 тыс. руб.). Основными посетителями ярмарок были жители Мозырского и соседних уездов, а главным предметом торгов оставались скот, хлеб, птица, деревянная посуда, кожи и др.[27]

Среди предпринимателей, которые определяли лицо торговли в Турове, числились прежде всего Крамники, Юдовичи, Гоберманы, Жолкверы, Тепперы и Розенфельды. Торговые ряды имели Бингман, Ламден, Гутманович и др. Особенно бойко работали еврейские мясные лавки Шифмана и Гительмана.[28] Они помогали создавать новые рабочие места, привлекали капиталы, занимались благотворительностью, жертвовали на синагоги.

---

[25] НИАРБ, ф. 295, оп. 1, д. 610, л. 48-об.

[26] Там же, д. 1280, л. 27.

[27] Там же, оп. 2, д. 562, л. 375.

[28] Запись от 20 октября 1965 г., сделанная П.А. Щекатовичем, Материалы краеведческого музея в Турове.

Базары

Неотъемлемой частью торговой жизни Турова являлись базары, которые проводились от одного до двух раз в неделю. Основным базарным днем считалось воскресенье, когда большинство товаров продавали с возов или временных прилавков. Крестьяне, приезжавшие в Туров из селений в радиусе от 5 до 45 верст, привозили на один базар до 25 возов картофеля, огурцов, яблок и других овощей и фруктов.

В 1854 г. деловой центр местечка располагался между двумя параллельными улицами – Провальной и Замковой. Базарная площадь Турова находилась за бывшим крепостным валом у Замковой горы.[29] После пожара 1884 г., уничтожившего сотни домов, хозяйственная жизнь в Турове почти замерла, и базары прекратились. Только в феврале 1892 г., после длительного перерыва, в канцелярию минского губернатора поступило прошение о возобновлении базарных дней. В обращении Туровского еврейского общества было написано, что жители местечка переживают «самый неблагоприятный застой» в торговле, одной из причин которого является отсутствие еженедельных базаров. Они просили пристава третьего стана Мозырского уезда Хотяновича об открытии базарных дней по вторникам. Хотянович направил соответствующий рапорт Мозырскому уездному исправнику Ленчевскому.

Исправник «покорнейше просил их сиятельство» минского губернатора удовлетворить просьбу из Турова, которая, по его словам, была «более чем необходима». Однако при этом он сделал выпад в адрес самих евреев: «Ввиду отсутствия базаров местное население вынуждено продавать продукцию и скот прибывающим в селения торговцам-евреям или жителям тех селений, тоже евреям, за цену, которую им предлагают. В противном случае евреи отказываются от покупки, что совершенно прекратится при открытии базаров. Тем более что за *стачку* легко будет привлечь виновных к ответственности. Жители деревень и сел могли бы в дополнение к этому сбывать свою продукцию, которая без базаров остается вне всякой ценности».[30]

21 августа 1892 г. вице-губернатор в Минске запросил «самые верные сведения» о том, в каких местах и на каком расстоянии от Турова проводились базары и ярмарки, какой предполагается объем торгового оборота, откуда и в каком количестве могут доставляться товары, какое ожидалось «стечение народа» и располагает ли местечко удобной для торговли площадью? В дополнение к этому предлагалось «истребовать приговор крестьянских обществ о желании открыть базары» и получить согласие землевладельца Турова, на чьей земле он расположен. В заключение требовалось выяснить, почему евреи оказались единственными инициаторами открытия базаров, в отличие от христианского населения.[31]

---

[29] *Минская старина. Труды Минского церковного историко-археологического комитета.* Вып. 2, Минск 1911 г., с. 257.

[30] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 9879, л. 3.

[31] Там же, л. 5.

23 января 1893 г. мозырский исправник представил подписку владельца имения Туров помещика Людвига Нарейко и копию приговоров волостных сходов крестьян Тонежской и Туровской волостей об их согласии на открытие базаров. Ближайшие от Турова базары проводились в Мозыре, отстоящем от Турова на 135 *верст*[32], шесть ярмарок в году открывалось в Столине Пинского уезда (76 верст) и две ярмарки в Турове. Объем продаж в Турове рогатого скота, лошадей, грибов, ягод, меда и воска предполагался на сумму до 1000 руб. в день. Торги в Турове прежде традиционно вели на двух площадях, одна из которых принадлежала Нарейко, а другая – местным мещанам. Обе стороны изъявили согласие на возобновление базаров.

В отношении крестьян, которые не выступили инициаторами в этом деле, был найден элегантный выход. Мозырский исправник представил дело таким образом, что площади для торгов в Турове не принадлежали крестьянам, которые именно поэтому и молчали. После того как все препятствия были устранены, 3 февраля 1893 г. минский губернатор наложил резолюцию: «Имею честь уведомить Хозяйственный департамент МВД, что постановлением Минского губернского правления от 29 января 1893 г. разрешено проводить еженедельно по вторникам базарные дни в местечке Туров Мозырского уезда».[33] Базары в Турове быстро завоевали популярность и оживили деловую активность.

Стационарная торговля

В конце XIX века все большее распространение получала стационарная торговля – лавки и магазины. Центр Турова заполнили десятки мелких лавочек и магазинчиков, где на тесном пространстве площадью от 8 до 10 квадратных метров можно было купить карандаши, конфеты, соль, керосин, конскую сбрую и пр. Товары лавочки «от Любы» можно было уместить в одном мешке, а мануфактурный магазин «Жолквер–Ламден» занимал значительную площадь на центральной – Фронтовой улице.[34] Вывески этих торговых заведений, мастерских и бюро посредников могли бы сейчас украсить любой музей современного абстрактного искусства.

Крупных торговых фирм в Мозырском уезде не было, но магазинов и лавок, где продавали бакалею, мануфактуру, «железные» товары и съестные припасы, хватало. Качество товаров было «разным». В значительной степени эта торговля сосредоточивалась в руках евреев. Для коммерческого оборота организовали Общество взаимного кредита, два ссудосберегательных товарищества и банкирский дом. Ссудосберегательные товарищества были открыты в каждом местечке, а в Турове, Петрикове и Давид-Городке в дополнение к ним существовали общества

[32] *Верста* – старинная мера длины, равная 500 саженям, или 1,07 км.

[33] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 9879, л. 7, 14.

[34] Улица *Фронтовая* - ныне ул. Ленина.

совместного кредита, которые тоже контролировали евреи.[35] В Турове в 1909 г. в правление ссудосберегательного товарищества входили 5 чел.,[36] в 1912 г. его переизбрали.[37]

В Мозыре, Петрикове, Давид-Городке, Карлине, Люденевичах, Мелешковичах, Чучевичах и некоторых волостных правлениях имелись крестьянские ссудосберегательные товарищества. По мнению Мозырского жандармского управления, несмотря на ограниченность деятельности этих товариществ, если где постановка дела была относительно организована, их члены «меньше попадали в руки евреев при надобности в деньгах».[38] Неодобрительная реакция местной российской администрации была объяснима, но обойти еврейских предпринимателей не удавалось.

Пристань

Особая роль в торговле принадлежала местечковым пристаням, значение которых особенно возросло в годы Крымской войны (1853–1856), когда порты на Черном море были блокированы и внешняя торговля осуществлялась через западную границу империи.

Туровская пристань была устроена на высоком берегу и благодаря этому никогда не затапливалась. Разлив рек Горынь, Лань, Случь, Ствига, Птичь, впадающих в Припять в районе Турова, простирался на много километров и напоминал море. Островками в нем виднелись деревни, неделями отрезанные от внешнего мира. Единственным средством передвижения становились лодки.

С причала Туровской пристани отправляли строительный лес, шпалы, уголь, деготь, овес, муку, лен, мясо, шкуры, спирт, яблоки и рыбу, гончарную посуду. Завозили сюда свыше 500 тыс. пудов разнообразных товаров, но главным образом – соль, керосин, спички, сахар, бакалею, кирпич, железо. Товарная продукция Турова и окрестных сел составляла около 14 млн пудов в год. Речной транспорт – пароходы – соединял Туров с Мозырем, Пинском и Петриковом.[39]

---

[35] Обзор состояния Мозырского уезда за 1914 г., НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 562, лл. 373-378.

[36] Председатель - Шая Бейнусович Глозман и члены правления: Мендель Мовшевич Гутман, Янкель-Гец Марголин, Мовша-Лейб Канторович и Лейба Цалевич Теппер. См.: *Памятная книжка Минской губернии на 1909 г.*, Минск 1910 г., с. 147.

[37] Председатель правления - Шлёма Абрамович Головей, члены правления: Меир Абрамович Чечик, Абрам-Липа Шнайдман, Сроль Янкелевич Фельдман, Файвель Меирович Коробочко. См.: *Памятная книжка Минской губернии на 1909 г.*, Минск 1910 г., с. 147.

[38] НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 562, л. 388.

[39] А.Ф. Вишневский, А.М. Литвин, *Туров*, Минск 1980 г., с. 19.

* * *

Развитие торговли в Мозырском уезде отвечало своеобразию Полесского региона, с его мягким климатом, обилием лесов, рек и болот, неповторимым животным миром, неразвитой сетью дорог, особенностями уклада жизни населения и пр. Определяющую роль в ярмарочной торговле Мозырского уезда сыграли евреи. В первой половине XIX века они, будучи людьми свободными в экономическом и правовом отношениях, обладали необходимыми организационными навыками. Отмена крепостного права в 1861 г. в России позволила активно участвовать в реформировании хозяйства. Евреи оказались востребованными, успешно нашли собственную нишу на рынке товаров и услуг Минской губернии и стали незаменимыми партнерами. Несмотря на искусственные ограничения со стороны царской администрации, защищавшей интересы христианских конкурентов, еврейские предприниматели крепко удерживали свои позиции. Местечковые ярмарки послужили трамплином для экономического взлета во всех видах торговли: посреднической, розничной, оптовой и внешней. Евреи побеждали конкурентов умением торговать, найти клиента и предложить ему необходимый товар по выгодной цене.

Участвуя в торговых операциях, евреи не позволяли себе нарушать заповеди Торы, выкресты в их среде составляли абсолютное меньшинство. Взаимовыгодная торговля и деловое партнерство обеспечивали толерантность, характерную для губерний Северо-Западного края России. Погромы и кровавые наветы в значительной степени обошли стороной Мозырский уезд. Можно предположить, что если бы первая мировая война и большевистский переворот 1917 г. не прервали естественный ход событий, то деловые люди из Турова и Мозыря оказались бы причастными к образованию банков и биржи не только в Минской губернии, но и далеко за ее пределами.

Коробочный сбор

Еврейскую жизнь в Турове трудно представить без коробочного сбора. Он был ее неотъемлемой частью – как синагога, миньяны, хедеры, миква или кладбище. Избежать его было нельзя, как наступления субботы. Коробочный сбор проклинали, ругали, им возмущались, но не могли обойти и терпели как наименьшее из зол. В то же время это была одна из немногих точек соприкосновения, где еврейская община и царская администрация могли найти взаимопонимание.

Коробочным сбором, или *таксе* на идиш, называли внутриобщинный налог, который польско-литовские кагалы ввели в Белоруссии в XVII веке.[1] Сначала им облагали ритуальный убой скота, птицы и продажу кошерного мяса. Позднее этот сбор начали взимать с субботних и праздничных свечей, *этрогов*,[2] соли, крупы, рыбы, смолы, дров, сена, бань, доходов от сдаваемых внаем домов, лавок, съестных припасов, привозимых чужими евреями, денежного наследства и многого другого.

Поскольку коробочный сбор взимался не только с покупателей, но и с продавцов, то косвенным образом его выплачивали и неевреи. Размер сбора определялся приговором общины: за *фунт*[3] говядины в Турове могли взять от 2 до 3,5 коп., а с гуся – от 11 до 12 коп. Отдельные виды коробочного сбора делились дополнительно, например, плата за убой теленка имела шесть ступеней и т. д.

В конце XVIII века правительство предоставило кагалам внутреннее самоуправление, но не позаботилось о средствах на общественные нужды. Предполагалось, что для этой цели будет достаточно одного коробочного сбора. В 1809 г. еврейские

[1] Подобный налог взимался в общинах Кастилии (Испания) еще в XII веке, среди сефардских евреев он был известен как *габела*.

[2] *Этрог* - цитрусовый плод, один из четырех видов флоры, составляющих атрибуты утренней молитвы в дни праздника Суккот (Кущи).

[3] *Фунт* - старинная русская мера веса, равная 409,5 г.

общины в зависимости от количества приписанных душ разделили на классы (от 10 до 100 душ, до 200, 500 и более душ), для каждого из которых был установлен размер сбора. Взносы, сделанные в коробку, шли на уплату казенных *податей* за неимущих членов общины, находившихся в безвестной отлучке или покинувших ее на неопределенный срок.

В Мозырском уезде коробочный сбор расходовали на содержание духовных лиц, синагог, молитвенных домов, школ, больниц, микв, на жалованье резнику, лекарю, на приобретение медикаментов, пособие сиротам и вдовам, на погребение бедных усопших, на общественные работы, которые должны были нести еврейские общины (исправление дорог, наем помещения для полиции и воинских команд и др.). Но часто коробочный сбор не покрывал расходов, тогда кагалы объявляли новые сборы за счет деревенских евреев и косвенных налогов на товары повседневного спроса. В дополнение жители местечек выплачивали *винокуренную подать, земский сбор* (содержание почтовых станций, ремонт дорог, мостов, выплата жалованья чиновникам и пр.) и *подушный налог*.[4]

Откупщики

Коробочный сбор отдавался на откуп с публичного торга на срок до четырех лет. В Туровском кагале к откупу прибегали при условии, если сумма сбора была значительной. Договоры на откуп заключали в Минском губернском правлении. Откупщик (*бааль таксе*) обязывался вносить суммы в Мозырское уездное казначейство в условленные сроки. В местностях, где сумма коробочного сбора была невелика или отсутствовали желающие взять ее на откуп, взносы из коробки поступали в кассу кагала, а остатки шли на общественные нужды. С июня 1830 г. по январь 1834 г. коробочный сбор отдали на откуп в 97 местечках Минской губернии.[5] Значительная часть сборов оставалась в руках руководства кагалов и не контролировалась.

По способу взимания коробочный сбор делился на *общий* и *вспомогательный*. Общему сбору подлежали убой скота (с каждой скотины), резание птицы (каждой птицы) и продажа кошерного мяса (каждого фунта). Вспомогательный – составлял заранее известный процент с доходов от сдачи внаем лавок, с денежных капиталов, оставшихся после умерших членов общины, сбор за ношение еврейской одежды. Общий налог отдавался в откупное содержание, а вспомогательный взимался

[4] В 1773 г. крестьяне Северо-Западного края вносили *подушный налог* 25 коп., а евреи - 50 коп.; в 1795 г. он был увеличен до 2,5 руб. с христиан и 4,5 руб. с евреев в год, в 1811 г. подушная подать собиралась ассигнациями - 5 руб., а в 1812 г. - 8 руб. (2 руб. ассигнациями соответствовали 1 руб. серебром).

[5] Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАРБ), ф. 299, оп. 2, д. 879, лл. 11-18.

непосредственно. Откупщики обладали правом надзора, чтобы не утаивался сбор и пошлины от предметов, привозимых из другого «коробочного» района. Причем полиции вменялось в обязанность оказывать откупщику всяческое содействие. Закон оговаривал, что коробочный сбор не должен касаться христиан. Для ограждения откупщика от конкурентов убой скота и птицы производился только резниками, назначенными с согласия откупщика и раввина.

Таблица 1
Коробочный сбор, отданный в откупное содержание с 1840 по 1843 г.[6]

Община	Держатели коробочного сбора	Социальное положение	Сумма откупа	
			руб.	*%*
Давид-Городок	Тиктинер Мордух	мещанин	700	6,8
Карлин	Розенберг Нотко Железняк Берко Финкельштейн Шмуил	мещанин купец мещанин	280	2,8
Копаткевичи	Сандомирский Хаим Зарецкий Срол Оффенгендин Йосель	мещанин мещанин купец	366	3,6
Лахва	Тиктинер Мордух	мещанин	240	2,3
Лельчицы	Сандомирский Хаим Зарецкий Срол Оффенгендин Йосель	мещанин мещанин купец	96	0,9
Ленин	Кателянский Борух	мещанин	250	2,4
Мозырь	Железняк Берко Финкельштейн Шмуил	купец мещанин	4800	46,8
Петриков	Сандомирский Хаим Зарецкий Срол Оффенгендин Йосель	мещанин мещанин купец	1395	13,6
Скрыгалов	Розенберг Нотко Железняк Берко Финкельштейн Шмуил	мещанин купец мещанин	120	1,2
Туров	Молох Нисель	мещанин	2011	19,6
Итого	**девять человек**		**10 258**	**100**

[6] Составлено по: *Минские губернские ведомости*, 1839 г., № 35.

Как следует из табл. 1, в десяти еврейских обществах Мозырского уезда коробочный сбор взяли на откуп восемь мещан и два купца. Туров по сумме сборов (20%) занимал второе место после Мозыря (47%), а третье – принадлежало еврейской общине Петрикова (13,6%). Так продолжалось из года в год, менялись только фамилии откупщиков, а практика сбора в коробку оставалась без перемен.

Откупщики несли материальную ответственность за неуплату коробочного сбора. 27 ноября 1905 г. Мозырское полицейское управление доносило минскому губернатору о взыскании недоимок с содержателя Петриковского коробочного сбора на сумму 1020 руб. С Карлинского еврейского общества было взыскано недоимок на 91 руб. 10 коп., Скрыгаловского – 36 руб. 11 коп., Лельчицкого – 42 руб. 15 коп., Лахвы – 33 руб., Туровского – 312 руб. 87 коп. В Турове ввиду неуплаты жителями откупной суммы коробочного сбора долги в городское управление возвратили Апель Соркин, Носон Брегман, Мовша Головей, Мовша Зарецкий и Меир Брискман.[7]

Тем не менее откуп коробочного сбора считался выгодным предприятием. Когда приходило время выборов нового откупщика, нередко случались споры, заканчивавшиеся конфликтами и жалобами. 19 марта 1906 г. 52 депутата Туровского еврейского мещанского общества по инициативе старосты Глозмана просили Минское губернское правление не утверждать решение от 3 февраля 1906 г. о назначении торга на отдачу коробочного сбора в Турове в пользу Абрама Шехтмана и Хаима Козакова. Ходатаи предлагали 1005 руб. в год – вместо 846 руб. и просили дать указание о скорейшем «производстве новых торгов».[8]

Мозырское городское общественное правление 27 апреля 1906 г. назначило торги по передаче в аренду коробочного откупа в Турове. Однако объявления об этом в общественном месте (синагоге или базаре) своевременно не сделали, и торги перенесли на 2 мая 1906 г. Откуп в Турове достался Шлёме Абрамовичу Головею за 1006 руб. в год. Меир Абрамович Фурман жаловался в канцелярию минского губернатора, что результаты торга признавать не следует, поскольку некоторые из «благонадежных хозяев» Турова – Носон Брегман, Борух Гительман, Иосиф Юдович и другие – объявили, что охотно дадут 1100 руб. в год или даже больше. На этом основании Фурман просил отменить результаты торгов и назначить их в третий раз.[9]

Свечной сбор

В состав коробочного сбора входил особый налог с субботних, или «шабашковых», и праздничных свечей. Он был учрежден еврейскими общинами и составлял четвертую часть коробочного сбора. Жена раввина могла продавать свечи перед

---

[7] «О возврате коробочного сбора еврейскими обществами Мозырского уезда», *Рапорт начальника Мозырского полицейского управления,* НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 12336, л. 25.

[8] «О назначении величины коробочного сбора в местечке Туров», Там же, л. 36.

[9] Там же, л. 45.

наступлением субботы по относительно завышенной цене, что служило добавкой к жалованью раввина. Постепенно свечной сбор взимать прекратили. О нем вспомнили с началом реформы еврейского быта, потребовавшей значительных затрат.[10] Деньги от свечного сбора из Турова направляли на содержание казенного еврейского училища в Мозыре. Свечной сбор был посемейным, и откуп его считался невыгодным из-за трудности взимания. Этот налог был крайне непопулярным из-за неприязни к казенным училищам, в которых власти добивались ассимиляции евреев. Общая картина свечного сбора за 1861 г. показана в табл. 2.

Таблица 2
Свечной сбор с евреев Мозырского уезда Минской губернии в 1861 г.[11]

Община	Число евреев, *чел.*		Податные недоимки, *руб.*	Сумма свечного сбора	
	всего	беднота		*руб.*	*%*
Давид-Городок	4460	2000	103,97	163,81	14,9
Карлин	1280	600	56,56	35,69	3,2
Копаткевичи	1830	980	369,12	34,67	3,1
Лахва	840	400	–	30,17	2,7
Лельчицы	310	200	15,10	10,68	1,1
Ленин	580	300	697,52	22,44	2,0
Мозырь	7900	6500	21,55	522,60	47,6
Петриков	2000	1000	456,33	95,89	8,7
Скрыгалов	680	480	16,26	18,19	1,7
Туров	4390	2000	1,50	164,23	15,0
Итого	**24 270**	**14 460**	**1737,91**	**1098,37**	**100**

Всего в десяти общинах Мозырского уезда в 1861 г. удалось собрать 1098,37 руб. свечного сбора, в то время как общие податные недоимки достигли 1737,91 руб. Основной причиной недобора становилась неуплата налога неимущими слоями

[10] Реформа еврейского быта предусматривала институт казенных раввинов, привлечение евреев к земледелию, открытие казенных еврейских школ и другие мероприятия, направленные на ассимиляцию евреев.

[11] Составлено по: *Минские губернские ведомости*, 1861 г., № 13.

местечка. Однако Туров в этом отношении составлял исключение. Несмотря на то, что малоимущие и нуждающиеся члены общины насчитывали в нем 45,6%, податные недоимки составили всего 1,5 руб. Сумма свечного сбора в Турове в 1861 г. была второй в уезде после Мозыря и равнялась 164,23 руб., или 15%.

Туалетный сбор

К коробочному сбору имел отношение и так называемый *туалетный сбор*, взимавшийся за ношение традиционного еврейского платья. По мнению правительства и «прогрессистов» (сторонников еврейской ассимиляции), специфическая одежда евреев искусственно отделяла их от христиан и препятствовала интеграции. В 1839 г. еврейским общинам разрешили вводить в качестве одного из видов коробочного сбора налог на шитье еврейской одежды – «со всякого мужского и женского верхнего платья» дороже 10 руб. или вообще «с новых платьев». Но склонить евреев к замене традиционной одежды не удалось, и туалетный сбор уплачивался не за *шитье*, а за *ношение* еврейской одежды каждым человеком отдельно. В 1843 г. государственная комиссия не обнаружила в иудейской традиции никаких определенных запретов в ношении одежды и заключила, что евреи готовы были усмотреть в любом законе посягательство на основы их веры, а «хасиды простирали это упрямство до неистовства».[12]

Несмотря на выводы комиссии, власти объявили, что с 1850 г. ношение традиционной еврейской одежды будет запрещено. В качестве временной меры от взимания налога были освобождены старики и дети. *Ермолка* являлась принадлежностью костюма, но облагалась специальным налогом по «пять рублей серебром за каждую, не более и не менее». Купцы откупали право на ее ношение более значительной суммой.[13] В 1852 г. власти запретили пейсы и ермолки вне молелен, а женщинам – брить головы и носить парики. Однако это не дало практических результатов, люди продолжали одеваться так, как привыкли. Только под влиянием общего образования и новых условий быта традиционная еврейская одежда постепенно уступила место гражданскому платью.[14]

«За» и «против»

Коробочный сбор имел своих убежденных сторонников и противников. Одни считали его непосильным бременем для евреев и слишком хлопотным для царской администрации и предлагали упразднить. Другие, наоборот, до-

---

[12] Ю. Гессен, *История еврейского народа в России в двух томах*, т. 2, Ленинград 1926 г., с. 92.

[13] П. Левенсон, «Туалетный налог», *Восход*, Кн. XI-XII, 1880 г., с. 14.

[14] О. Лернер, «Гонения на женские головные уборы в 1856 г.», *Еврейская старина*, Петроград 1915 г., с. 399-403.

казывали, что индивидуальным путем собрать с евреев подати невозможно. Общины нуждались в средствах на благотворительные цели и погашение долгов. В 1840 г. *Комитет для определения мер коренного преобразования евреев* пришел к выводу о том, что деньги, собранные в коробку, удерживали членов общины в зависимости от кагалов и «отвращали» влияние правительства. Коробочный сбор обвиняли в потворстве беспечности, так как в этом вопросе еврейские общины, в отличие от христианских, не были связаны круговой порукой. Они не мешали вести своим членам «бродячую» жизнь,[15] зная, что подати будут уплачены из коробки.

В 1844 г. система кагалов была ликвидирована, и в силу вступило «Положение о коробочном сборе», сохранившееся до 1917 г. Первый параграф гласил, что сбор предназначался для общественных нужд евреев – выплата долгов и отбывание повинностей, содержание еврейских училищ, назначение пособия евреям «поступавшим в земледельцы» и благотворительность. Коробочный сбор допускался только в черте еврейской оседлости. От его уплаты были освобождены нижние воинские чины, запасные и отставные, а также евреи с высшим образованием. Общая картина выплаты коробочного сбора в Мозырском уезде в середине XIX века показана в табл. 3.

Таблица 3
Коробочный сбор с евреев Мозырского уезда Минской губернии в 1859 г.[16]

Община	**Число евреев,** *чел.*		**Податные недоимки,** *руб.*	**Сумма коробочного сбора**	
	всего	**беднота**		*руб.*	*%*
Давид-Городок	4530	1170	935,35	352	8,7
Карлин	1280	200	556,57	71	1,8
Копаткевичи	1900	200	1097,63	100	2,5
Лахва	830	150	165,77	115	2,9
Лельчицы	310	100	212,20	16	0,4
Ленин	580	150	1054,74	122	3,0
Мозырь	8140	1580	1180,22	2325	57,6
Петриков	2190	400	3438,34	291	7,2
Скрыгалов	680	100	322,77	43	1,0
Туров	4630	2000	2078,10	600	14,9
Итого	**25 070**	**6050**	**11 041,69**	**4035**	**100**

[15] Бродячей жизнью царские чиновники называли отчаянные попытки евреев найти источники пропитания вне перенаселенных местечек черты оседлости.

[16] Составлено по: *Минские губернские ведомости*, 1859 г., № 12.

В 1859 г. Туровская община по сумме коробочного сбора занимала второе место после Мозыря. Евреи в Турове ежегодно собирали в коробку 600 руб., или 14,9% всего коробочного сбора в уезде. За ними с большим отрывом следовали евреи Давид-Городка (8,7%) и Петрикова (7,2%). Члены общины не могли контролировать коробочный сбор, чем пользовались откупщики, произвольно поднимая цены. Это вело к расслоению общины. Наиболее состоятельные люди, переплачивая за неимущих соседей, стремились к увеличению сбора, а бедняки утверждали, что их деньги используются не по назначению.

К концу XIX века коробочный сбор не соответствовал принятой в целом системе налогов. Им облагали предметы первой необходимости и мясные продукты. Несправедливость обложения усугублялась тем, что из сумм коробочного сбора средства направлялись на посторонние цели – пожарные мероприятия, покупку ассенизационного оборудования, содержание дополнительных ставок в полиции, мощение улиц и т. п.

Тяготы коробочного сбора заставляли евреев искать обходные пути. В сентябре 1904 г. содержатели коробочного откупа в Турове Мовша-Сроль Янкелевич Зарецкий и Меир Шлёмович Брискман жаловались минскому губернатору на отказ уплачивать коробочный сбор. В Житковичах «сидели» резник Гирш Шуб и его шесть сыновей-мясников. Шубы не признавали права Зарецкого и Брискмана и «бунтовали» евреев. Они игнорировали не только откупщиков, но и раввина, резали скот всем желающим без уплаты коробочного сбора. Все законные меры оказались тщетными. Зарецкий и Брискман готовы были пойти на компромисс и предложили Шубам большую скидку. Однако, когда они послали своего представителя, сыновья Шуба его прогнали, после чего ехать туда никто не решался. Когда в феврале 1904 г. Меир Брискман сам отправился в Житковичи, сыновья Шуба ввалились в гостиницу «целой шайкой» и жестоко его избили.

Шубы пользовались в Житковичах такой популярностью, что урядник Пужевич разрешал резать скот и птицу без согласия откупщиков. Мозырский исправник дал письменное указание уряднику встать на сторону Зарецкого и Брискмана, но Пужевич делал вид, что это его не касается. Пристав объяснил уряднику, что предписание из Мозыря является обязательным, и только тогда у Шубов отняли инструмент. Однако стоило откупщику уехать, как все вернулось на «круги своя». Недалеко от Житковичей, в Люденевичах, жили мясники и «законный» резник, которые тоже ничего не могли поделать.

Туровские откупщики умоляли о помощи. Они писали, что доведены до полного разорения и с 1 января 1904 г. не получили из Житковичей ни одной копейки в коробку, в то время как там еженедельно резали по 12 голов крупного рогатого скота, не считая телят и птицы. Зарецкий и Брискман «всепокорнейше» просили губернскую администрацию в Минске обязать полицию к содействию.[17] Интересы откупщиков отвечали политике властей, и ходатайство не оставили без внимания.

---

[17] «Об отказе уплачивать коробочный сбор в Житковичах», НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 12336, л. 14.

В 1903–1904 гг. остаток от коробочного сбора составил 850 руб. и был использован на нужды Туровской еврейской общины (см. табл. 4).

Таблица 4
Перечень расходов Туровского мещанского общества на 19 августа 1903 г.[18]

Статья расхода	Выплата	
	руб.	*%*
Жалованье волостному делопроизводителю	60	7,1
Жалованье письмоводителю	400	47,2
Канцелярские принадлежности и почтовые марки	70	8,2
Квартирные деньги жандармскому унтер-офицеру	10	1,2
Наем помещения мещанской управы	80	9,4
Наем сотских и десятских при становой квартире	100	11,8
Оплата сторожа мещанской управы	40	4,6
Постройка камеры Туровского волостного суда	30	3,4
Расходы должностных лиц из мещан управы	60	7,1
Итого	**850**	**100**

По свидетельству туровского мещанского старосты, жалоб на обременительность и неуравнительный характер раскладки со стороны членов общины не поступило.[19]

В начале XX века основными статьями расходов общины в Турове из остатков коробочного сбора оставались каменная синагога, молитвенная школа, миква, еврейское кладбище, помощь неимущим за медицинские услуги, оплата типографии за канцелярские книги и губернские бланки.

24 августа 1908 г. 39 депутатов Туровского еврейского мещанского общества «имели суждение» утвердить расход еврейского общества за 1908 г. Из 755 руб. существующей сметы ежегодных коробочных остатков они выделили средства на уплату *больничной недоимки* варшавской больнице «Младенца Иисуса» за лечение Гирша Шляпинтоха (2 руб.) и бендерской еврейской больнице – за лечение Меира-Хаима Брегмана (10 руб. 20 коп.).[20]

Смету из Турова рассмотрел минский вице-губернатор, который поручил исправнику из Мозыря «удостовериться на месте» в необходимости отпуска денег и донести, не

[18] Составлено по: НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 12231, л. 2.
[19] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 12231, л. 2.
[20] Там же, д. 14027, л. 1.

могло ли общество произвести расходы без остатков коробочного сбора и не числилось ли за ним недоимок. В ноябре 1908 г. исправник доложил, что долгов за туровскими евреями не обнаружено, а 755 руб. действительно *являли необходимость*, так как общество крайне бедно и пополнить расходы из своих средств не в состоянии.[21]

Общая картина использования остатков коробочного сбора в Турове в начале прошлого века представлена в табл. 5:

Таблица 5
Остатки коробочного сбора в Турове с 1908 по 1910 г., *руб.*[22]

Статья расходов	**1908 г.**	**1909 г.**	**1910 г.**
Наем смотрителя при кладбище	100	100	100
Наем сторожа при синагоге	60	60	60
Оплата типографских услуг	75	75	75
Освещение молитвенной школы	38	70	–
Освещение синагоги	70	55	140
Отопление молитвенной школы	80	40	–
Отопление синагоги	20	25	105
Содержание миквы	300	330	275
Итого	**743**	**755**	**755**

Общая сумма расходов составляла 755 руб. и корректировалась в зависимости от обстоятельств. Отопление каменной синагоги с 1908 по 1910 г. возросло с 20 до 105 руб., ее освещение – с 70 до 140 руб. в год. Расходы по содержанию миквы, наоборот, снизились с 300 до 275 руб. Оплата услуг сторожа при синагоге (60 руб.) и на еврейском кладбище (100 руб.), как и типографских услуг (75 руб.), не изменились, тогда как отопление и освещение молитвенной школы в 1910 г. не предусматривались.

Однако этих денег не хватало. В 1909 г. на туровском еврейском кладбище построили помещение для сторожа и усыпальницу для прощания с усопшим, 400 руб. пошло на ремонт ограды еврейского кладбища и еще 900 руб. на новый колодец. В декабре 1910 г. общине потребовалось дополнительно 200 руб. на оплату услуг врача Маташевского и 275 руб. – на покрытие долгов, возникших из-за расходов на борьбу с холерой.[23]

[21] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 12231, л. 5.
[22] Составлено по: НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 14027, лл. 1, 4, 5, 9, 16.
[23] НИАРБ, ф. 299, оп. 2, д. 14027, лл. 25-27, 38.

В феврале 1912 г. Мозырское городское правление сообщало, что за 1908–1912 гг. в туровском еврейском обществе оставалось 1560 руб. свободных коробочных денег. Из этой суммы планировалось выделить 192 руб. на содержание больных психиатрического отделения еврейской лечебницы в Минске. Когда средств не хватало, их брали у частных кредиторов. 30 мая 1912 г. в Турове на нужды общины 1500 руб. ссудил Лейба-Гирш Гольдберг, 1080 руб. – Янкель Кирзнер и 820 руб. – Лев Фридман. На пополнение долга Мозырское городское правление отпустило 2487 руб. из коробочных средств. Остаток, который предстояло погасить, составлял 912 руб.[24]

С началом первой мировой войны часть коробочных денег была направлена на поддержку еврейских юношей из Турова, уходивших на фронт. 2 октября 1914 г. община ходатайствовала об отпуске 200 руб., из которых 150 руб. планировалось передать в пользу семей запасных, призванных в армию, и по 25 руб. мозырскому и минскому отделениям *Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям*. Управляющий минской казенной палатой сообщал, что в Турове остатки коробочного сбора за 1913 г. составили 166 руб., а за прежние годы – 658 руб., и на этом основании ходатайство общины было удовлетворено.[25]

* * *

Система коробочного сбора в течение долгого времени оставалась неотъемлемой частью общинной жизни. Это был неизбежный компромисс между еврейским населением и правительством, при помощи которого изыскивались средства для финансирования негосударственных и некоммерческих проектов. Коробочный сбор как косвенный налог оставался наиболее легким. Он был включен в цену приобретаемой вещи и взимался «нечувствительными мелкими долями, без всякого срока и условий», что избавляло евреев от суровых мер при взыскании податей. Отношение к коробочному сбору давало представление о внутренних процессах в самой общине и характеризовало политику государства в отношении евреев в целом.

Вместе с тем коробочный сбор неизбежно рождал неравенство, коррупцию и произвол откупщиков. Деятели *Хаскалы*[26] подвергали его суровой критике за несправедливость (налог на необходимость выполнять религиозные предписания). В начале XX века все громче раздавались голоса о замене коробочного сбора прогрессивным подоходным налогом в пользу общин. В годы первой мировой войны цены на мясо резко поднялись и были введены ограничения на его потребление – *обязательные постные дни*, доходы откупщиков резко упали и многие общины разорились.

После Февральской революции 1917 г. коробочный сбор был отменен в числе других дискриминационных антиеврейских законов Российской империи.

---

[24] Там же, лл. 59, 63.

[25] Там же, д. 15649, лл. 19-20.

[26] *Хаскала* - еврейское просветительное движение, возникшее во второй половине XVIII в.

Волостной суд

Значение *волостного*[1] суда в Турове выходило далеко за юридические рамки. В его решениях отражался уровень правового сознания, благосостояния жителей, а также их взаимоотношения, характерные для них мораль и чувство справедливости, веротерпимость и добрососедство.

Во второй половине XIX века Туровская волость была одной из 688 волостей Белоруссии и входила в состав Мозырского уезда. Судебная реформа 1864 г. сохранила волостной суд как начальную юридическую инстанцию, призванную рассматривать мелкие иски, жалобы, вести тяжбы, выносить решение по спорным вопросам, а в случае необходимости призывать к взаимному примирению сторон. Институт суда формально был отделен от местной администрации, признавал равенство всех граждан перед законом, публичность и состязательность судебного процесса. Волостные судьи избирались, а мировые назначались министром юстиции по рекомендации местной администрации.[2]

Волостные суды рассматривали самые многочисленные правонарушения – мелкие. Они имели упрощенную процедуру и формально оставались внесословными. Дела о более серьезных нарушениях закона передавались в мировой суд. Минский окружной суд рассматривал тяжкие преступления с участием присяжных заседателей и адвоката.

В 1869–1871 гг. Русское географическое общество снарядило в Западно-Русский край Российской империи этнографическую экспедицию. По ее итогам были изданы материалы и исследования, а профессор А.Ф. Кистяковский под-

---

[1] *Волость* - административно-территориальная единица в Российской империи; введена в 1797 г. на казенных землях, наравне с сельской общиной составляла низшее звено государственной административной системы, включала до 3 тыс. ревизских душ. См.: *Полное собрание законов Российской империи,* Собрание 1, СПб 1830, т. 24, № 18082; Собрание 2, СПб 1863 г., т. 13, № 11189; т. 14, № 13035.

[2] *Волости и важнейшие селения Европейской России*. Вып. 5, СПб 1886 г., с. 5.

готовил обзорную статью «Волостные суды, их история, нынешняя практика и настоящее положение».[3]

Член этой экспедиции П.П. Чубинский объехал более 50 уездов и изучил протоколы волостных судов начиная с 1861 г., снял свыше тысячи копий судебных решений. В 1869 г. он побывал в Турове, где сделал выписки из постановлений Туровского волостного суда.

Чубинский не только не обнаружил ни одного нелепого или недобросовестного судебного решения, но и отмечал, что апелляции на постановления суда поступали редко. В волостной суд обращались не только крестьяне, но и помещики, управляющие, мещане, не только белорусы, но и поляки и евреи. Иски не принимались к рассмотрению только при полной бездоказательности обвинения. Если бы суды эти были «дурны», то помещики и евреи не обращались бы к ним, имея возможность принести жалобу в другие учреждения. Евреи не опротестовывали решения волостного суда, несмотря на то, что имели полное право на неподсудность.[4]

Подача заявления в суд

Любой человек, мужчина и женщина, имел право защищать себя в суде сам в качестве истца или ответчика. Исключение составляли несовершеннолетние, глухонемые и душевнобольные, которых представляли попечители. При этом попечители обязаны были присутствовать при разбирательстве дела, чтобы судьи могли составить о них впечатление. Для еврейских женщин-ответчиц, которым скромность не позволяла появляться перед широкой публикой, делалось исключение. Женщине разрешалось давать показания судебному писцу (чиновнику) у себя дома. Коллективный иск мог быть представлен группой истцов или каждым из них в отдельности. В случае коллективной ответственности каждому ответчику предъявлялся иск только на его часть долга.

Судебная реформа 1864 г. отменила старое польское постановление, согласно которому суд не принимал во внимание свидетельские показания евреев. Прежде евреи жаловались, что «при разбирании какого дела между евреином и христианином – христианин в допущении присяги против евреина преимущество имеет, хотя бы оная по делу следовала бы евреину». Отмена подобной дискриминации уравняла последователей Моисеева закона с их христианскими соседями.[5]

---

[3] *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским,* т. 6, изданный под наблюдением П.А. Гильтебрандта, СПб 1872 г.

[4] С разрешения царского правительства все внутренние спорные вопросы рассматривались в рамках еврейской общины, которая де-факто обладала автономией по примеру белорусской сельской общины. Круговая порука делала членов общины ответственными друг за друга.

[5] Ю. Гессен, *История еврейского народа в России*, Москва-Иерусалим 1993 г., с. 65.

Имущественные иски

Большинство обращений в волостной суд составляли имущественные иски. Они касались всех сторон хозяйственной жизни Турова и его окрестностей, отражали имущественные взаимоотношения между сторонами. В роли истцов или ответчиков выступали отдельные крестьяне, мещане, помещики, духовные лица или их семьи. Иски касались хищений леса, кормов, домашних животных, денег, потравы посевов, неуплаты долгов, отказа от взятых на себя обязательств и т. д.

В марте 1869 г. в Туровский волостной суд была подана жалоба Водовичской *экономии*[6] на крестьянина за воровство сена. Ответчик в краже сознался, и волостной суд приговорил виновного к штрафу 15 руб., а за издержки при отыскании вора – 5 руб. серебром в пользу экономии. В мае того же года слушалось заявление священника Железняковича туровской Преображенской церкви о потраве угодий 17 волами в урочище у деревни Воронино. Суд взыскал в пользу Железняковича по 1 руб. серебром за «всякого» вола.[7]

Крестьянин местечка Туров Семен Матоха жаловался на соседа Ивана Царика, который самовольно засеял его огород, собрал урожай и не заплатил оброк в 25 коп. Царик объявил в ответ, что огород был наделен ему землемерами, но свидетели подтвердили принадлежность огорода Матохе. Посему решили: взыскать с Царика за самовольный засев огорода в пользу Матохи – 1 *копу*[8] ячменя, а оброк в 25 коп. взыскать по равной части с Царика и Матохи по 12,5 коп.[9]

Житель Турова Яков Еремейчик дал крестьянину Андрею Кибу 1,2 руб. на покупку пороха во время поездки последнего в Кременчуг. Киб пороху не купил и деньги не вернул. Еремейчик просил суд взыскать с обманщика деньги. Киб заявил, что долг он платить не собирается, потому что Еремейчик якобы обесчестил его жену Анастасию многократным домогательством «блудно жить с нею», за что дал ей отдельно 8 руб. Суд, принимая во внимание, что Яков Еремейчик (70 лет) был человеком с безупречной репутацией, а в «блудной» жизни никогда замечен не был, постановил: взыскать 1,2 руб. в пользу Еремейчика, а с Настасьи, жены Андрея Киба, – 5 руб. и обратить в пользу церкви.[10]

---

[6] *Экономия* - сельскохозяйственное предприятие, принадлежавшее государственной казне.

[7] *Труды этнографическо-статистической экспедиции*, с. 101, 136.

[8] *Копа* - старинная счетная единица, равнявшаяся 60; в данном случае 1 копа ячменя состояла из 60 снопов.

[9] *Труды этнографическо-статистической экспедиции*, с. 342.

[10] Там же, с. 373-774.

Наследственные дела

Вторыми по количеству исков следовали дела о разделе имущества, об отношении к семейной собственности и др. В феврале 1868 г. Туровский волостной суд слушал жалобу *бессрочноотпускного*[11] крестьянина Григория Шевчени, проживавшего в Турове, о том, что его брат Наум не давал ему части имущества и строений. Заслушав свидетелей, суд постановил, чтобы крестьянин Наум Шевченя дал брату Григорию третью часть от всего «решительно» имущества (строений, скота и хлеба).[12]

В марте 1868 г. с иском в Туровский суд обратилась солдатка Просья Правило. Ее тесть Петр Правило после отдачи его сына Владимира в солдаты не желал «воспитывать» невестку и своих малолетних внуков, а также выделить им половину своего хозяйства, нажитого Просьей вместе с Владимиром. Женщина просила о разделе с тестем всего движимого имущества, земли, за которую причитался оброк, а накопившуюся недоимку обещала выплачивать. Суд постановил дать ей половину земли, «содержимой» Петром, а также выделить «половинную» часть рабочего и нерабочего скота, хлеба, посуды и одежды, постройки же должны были оставаться в совместном пользовании Просьи и Петра до прихода «в отставку» мужа и сына Владимира.[13]

Дела об оскорблении чести и достоинства

На третьем месте стояли иски по защите личного достоинства. Большинство жалоб были связаны с рукоприкладством, угрозой насилия, зачастую совершаемыми в состоянии алкогольного опьянения. Почти все эксцессы стали результатом несложившихся отношений, нарушенных обязательств, тогда как примеров немотивированного хулиганства почти не было.

В январе 1869 г. Туровский волостной суд слушал заявление крестьянина на «такого же другого», живущего с ним в одном обществе, о нанесении побоев. Жаловавшийся и ответчик были вызваны в суд, где они «объяснились». Выяснилось, что оба в момент ссоры были в «пьяном виде». Суд постановил, что поскольку свидетелей не оказалось, то за нарушение общественного порядка взыскать с обоих по 1,5 руб. серебром в пользу мировой общины. В мае того же года волостной суд рассмотрел заявление женщины в связи с нанесением ей побоев без видимой вины. Свидетелей происшествия не было. Суд решил, что рана, нанесенная женщине, доказывает справедливость жалобы, а поскольку ответчик отличался буйным нравом, то для «укрощения» его наказать 20 ударами плетью в пример другим.[14]

---

[11] *Бессрочноотпускной* - крестьянин, освобожденный от крепостной зависимости.

[12] *Труды этнографическо-статистической экспедиции*, с. 284.

[13] Там же, 298.

[14] Там же, 147, 169.

Межэтнические конфликты

Туровский волостной суд не выделял специально случаи межнациональных эксцессов и происшествий. Если конфликтующими сторонами оказывались белорусы и евреи (христиане и иудеи), их тяжбы проводились в рамках имущественных, личных, хозяйственных, наследственных или других дел. При вынесении решения суд принимал во внимание, в чем состояла суть конфликта, кто являлся зачинщиком, что представляла собой репутация сторон и каковы оказались последствия ссоры.

В июне 1869 г. суд в Турове слушал жалобу Вульфа Гительмана на крестьянина Ивана Глинского, который причинил ему побои в доме Геца Марголина. Гительман просил «взыскать с виновного по закону и удовлетворения обиженного». При этом Гительман выдал подписку, что готов подчиниться решению волостного суда. Вызванный в суд Иван Глинский рассказал, что вместе с крестьянином Петром Карасем они «забрали на своих посевах лошадей туровских евреев Биньямина и Шлёмы, которые сделали потраву». После достижения мировой все четверо зашли в *шинок*[15] Марголина выпить по рюмке водки после ночных трудов. В это время Вульф Гительман, находившийся в шинке, начал сильно ругать Глинского за то, что он взял деньги с евреев за забранных лошадей. При этом он допустил слова: «Будет так тебе, как Петру Царику».[16] Тогда Глинский ударил Вульфа, и началась драка, после которой Гительман пожаловался в волостное правление. Свидетель Петр Карась показал, что первым ударил Глинский. Волостной суд, принимая во внимание, что Вульф Гительман дал повод к драке, а крестьянин Глинский часто замечается нетрезвым и тогда бывает «придирлив» и дерзок, постановил: крестьянина местечка Турова Ивана Викентьева Глинского за причиненные им еврею Вульфу Гительману побои и пьянство наказать 15 ударами розог, а с Гительмана за нанесенные оскорбления Ивану и данный повод к драке оштрафовать на 3 рубля серебром в пользу туровского сельского общества.

В мае 1869 г. Берко Гренадер из Турова жаловался на крестьянина деревни Черничи Авраама Маркевича, который не отдавал долг 20 руб. серебром за купленных полтора года назад двух лошадей и просил суд взыскать их с Маркевича. В ходе следствия было установлено, что полтора года назад Маркевич обменял своего вола на пару лошадей Гренадера, пообещав доплатить 25 руб. и одну *осьмину*[17] пшеницы. В счет этой сделки он уплатил Гренадеру пять рублей и одну осьмину пшеницы, а 20 руб. обязался вернуть в течение полугода. По словам Маркевича, он задержал выплату долга, потому что одна лошадь «оказалась совершенно негодной». Суд постановил: возвратить бракованное животное Берке Гренадеру без какой-либо доплаты с обеих сторон.[18]

---

[15] *Шинок* - до 1917 г. небольшое питейное заведение, где спиртное продавали чарками.

[16] Петр Царик был найден убитым на улице в Турове в феврале 1868 г.

[17] *Осьмина* - старинная русская мера сыпучих тел, равная половине четверти, или 105 литрам (применялась до введения метрической системы).

[18] *Труды этнографическо-статистической экспедиции*, с. 330, 380.

Однако не всегда споры на хозяйственной почве заканчивались мирно. В начале октября 1896 г., на исходе субботы, житель Турова Шимон-Лейб (60 лет) с соседской девушкой отправились забрать корову, которую крестьянин оставил в залог после того, как нашел ее пасущейся на своем поле. Крестьянин потребовал большие отступные. Еврей же решил перехитрить и сказал девушке на идиш открыть хлев и без шума вывести корову. Однако крестьянин услышал, схватил дубину и ударил Шимон-Лейба по голове несколько раз, пока тот не упал замертво. Тотчас же сообщили городовому, который арестовал крестьянина. В таких случаях полномочия волостного суда заканчивались, виновного препроводили в Мозырь, а оттуда в Минск, где его дело слушалось в палате уголовных дел окружного суда.[19]

Особые случаи

Чрезвычайные происшествия, будоражившие Туров, относились к особым случаям, которые получали большую огласку. Предметом всеобщего обсуждения послужило событие летом 1896 г., о котором долго рассказывали далеко за пределами Турова.[20] В воскресенье, 30 июня 1896 г., в рыночный день, «на Петра», в местечко приехал цыганский табор, с которым был светлоголовый мальчик. Цыгане поставили телеги, задали сено лошадям и отправились за покупками. Мальчика же оставили сторожить лошадей. Еще большее удивление вызвало то, что другой цыганенок называл его «жидом». Как только мальчик увидел, что цыгане удалились, он стал кричать и со слезами на глазах рассказал евреям, что цыгане его похитили, а в качестве доказательства показал у себя признаки обрезания. Как только евреи поняли, что мальчик говорит правду, они его спрятали. Цыгане стали ломиться в дом, где был спрятан мальчик, и *урядник*[21] отвел его в управу.

В ходе следствия выяснилось, что мальчик действительно по рождению еврей и был подарен бездетному цыгану в селе Доброво, недалеко от Глуска Минской губернии. В полиции цыгане предъявили документ, свидетельствовавший о крещении ребенка два года назад. Пристав уже хотел было вернуть мальчика цыганам, когда пришел ответ на телеграмму, посланную раввином Турова раввину Глуска. В нем было написано, что мальчик украден и его разыскивает мать. Следом пришла вторая телеграмма из Глуска о том, что мать мальчика едет в Туров. Цыгана-«отца» и мальчика поместили в ратушу. Несколько дней спустя прибыла несчастная мать с родственницей и еще одним человеком из Глуска.

Молодая женщина, немая от рождения, прислуживала в доме своего дяди

---

[19] *hа-Мелиц,* СПб, 28 октября 1896 г.

[20] Там же, 24 июля и 5 августа 1896 г. Автор выражает благодарность Альберту Кагановичу из Еврейского университета в Иерусалиме за возможность ознакомиться с настоящими материалами.

[21] *Урядник* - до 1917 г. нижний чин уездной полиции в России.

в Доброво. Дядя выдал ее замуж за человека, «больного рассудком», и у них родился мальчик. Этот брак немой не сложился, и племянница с приплодом стала обузой. Когда через деревню проходил цыганский табор, дядя договорился отдать мальчика бездетному цыгану в обмен на двухлетнюю кобылу. Он подписал *купчую крепость*,[22] заверенную свидетелями из крестьян, что мальчик передан как подарок. В момент «сделки» мать мальчика отсутствовала. Придя домой и узнав, что произошло, она бросилась вслед, догнала табор, но цыгане ее избили.

Как только прибыла телеграмма из Турова, глусский раввин поручил привести немую еврейку и свидетеля «сделки» из крестьян. Выяснив все подробности, раввин сообщил о них в Туров. Мать мальчика и ее сопровождающие отправились к уездным властям в Мозырь хлопотать о возвращении ребенка, к ним присоединились два жителя Турова, а «мозырские евреи оказывали им всяческое содействие».[23]

Недостатки работы суда

Волостной суд не был безупречным. Судебные постановления исполнялись медленно, а контроль за исполнением принятых решений оставался поверхностным. Не был выработан единый подход при вынесении судебного решения. Один состав суда предпочитал телесные наказания, а другой – штрафы и аресты. Отсутствие сельского *судебника*,[24] с одной стороны, и недостаток юридического контроля – с другой, объясняли этот разнобой.

Недостатком волостного суда порой было превышение предоставленной ему власти. Примером может служить случай, когда судьи вынесли строгое взыскание племяннику, жаловавшемуся на своего дядю. Несмотря на то, что вина в семейной распре была обоюдной, дядю приговорили к штрафу, а племянника – к телесному наказанию. Это объяснялось тем, что племянник вынудил судей приехать в деревню только ради такого пустякового дела. В случаях обольщения обычно приговаривали соблазнителя к женитьбе, а если православные жители, работавшие по найму у евреев, соглашались выходить на работу в христианские праздники – их присуждали к телесным наказаниям.

Судьи периодически должны были противостоять искушению подкупом. Случалось, что сторона, выигравшая дело, ставила *магарыч*.[25] Однако это дела-

---

[22] *Купчая крепость* - договор о купле-продаже и праве владения, заверенный у нотариуса.

[23] Элиэзер Муравчик, направивший эту корреспонденцию в *hа-Мелиц*, сообщал, что сохранялась надежда на возвращение мальчика домой к матери. Однако как дальше развивались события, газета не проследила.

[24] *Судебник* - собрание законов и правовых постановлений.

[25] *Магарыч* (*maharig* - букв. «расходы, издержки», *арабск.*) - угощение, обычно включавшее выпивку в связи с заключением выгодной сделки, получением премии, награды, новой должности.

лось без предварительного уговора и не влияло на характер решения потому, что какая бы сторона ни одержала верх – магарыч служил выражением благодарности выигравшей стороны. В Турове этот обычай был не настолько распространен, как в соседней Украине. Там до введения института волостного суда в делах об убытках от потрав, порубок созывались соседи, которых угощали. Считалось это не подкупом, а проявлением гостеприимства. *Мировые посредники*[26] старались вывести из употребления магарыч и представляли его как подкуп. На деле люди понимали, что магарыч мог быть поводом к обжалованию решения суда, и во многих случаях избегали соблюдать этот обычай.

В то же время, по взаимной договоренности, судья за каждый присутственный день имел право получать по 20 копеек из общественных сумм – размер средней заработной платы. Для населения этот расход был необременительным, а для судей, жалованье которых было строго лимитировано, достаточным. В таком случае судебная деятельность в волостном суде становилась относительно привлекательной. Она была легче физического труда, вознаграждалась, как и другое занятие, и в то же время была почетна. Жители Турова и его окрестностей охотно назначали вознаграждение судьям, если посредники разъясняли им выгоды этого шага.

* * *

Волостной суд играл важную роль в жизни Турова. Его модель, предложенная в ходе судебной реформы 1864 г., доказала свою жизнеспособность. Волостной суд способствовал регулированию хозяйственных, имущественных, общественных и семейных отношений на уровне отдельно взятого местечка. Несмотря на сословно-национальный антагонизм, суд в Турове сохранял беспристрастный характер и обеспечивал сложившийся баланс местечковой жизни. Его авторитет признавали белорусы, русские, поляки, украинцы и евреи, принадлежавшие к разным конфессиям (православные, униаты, католики и иудеи), что позволяло благополучно разрешать многие конфликтные ситуации и снимать социальное напряжение. В этой связи можно утверждать, что волостной суд удачно сочетал в себе опыт народного правосудия с требованиями принятых юридических норм.

[26] *Мировой посредник* - должность, учрежденная после крестьянской реформы 1861 г. для улаживания земельных конфликтов.

Рекруты

Рекрутский набор был временем тревожного ожидания почти во всех семьях Турова. Служба царю не считалась у евреев престижной. Пугали не столько тяготы походной жизни, сколько неизвестное будущее. Туровские евреи были выносливы и неприхотливы, а их повседневный быт мало отличался от жизни белорусских крестьян. Девственная природа Полесского края, леса, болота и реки, окружавшие Туров, учили выживать, а занятия рыбной ловлей, бортничеством, охотой, привычные с детства, закаляли организм. Однако срок действительной службы оставался непомерно долгим. В армии не получали специальность, которая пригодилась бы по окончании срока службы. О карьере нельзя было и мечтать, поскольку *последователей Моисеева закона* не продвигали по служебной лестнице. Отталкивали палочная дисциплина, зуботычины, трудности с соблюдением кашрута, незнание русского языка. Вчерашние крестьяне, на которых надели солдатские шинели, и офицеры-антисемиты не скрывали предубеждения к евреям и подвергали их унижениям и оскорблениям, а полковой священник склонял к крещению. Наконец, приходилось оставлять семью и родителей, которые нуждались в помощи молодого и здорового кормильца.

Избежать рекрутского набора было крайне трудно, а его неотвратимость походила на пожар, которого боялись, но не могли уберечься. Однако, в отличие от пожара, набор в армию государя императора был предопределен.

Введение рекрутской повинности

Петр I в 1699 г. накануне войны со Швецией повелел рекрутировать в армию «даточных, охочих, праздных людей» и боярских слуг,[1] а само понятие

[1] Е.И. Порфирьев, *Петр I - основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота*, Москва 1952 г., с. 79-84.

рекруты появилось в 1705 г.[2] Для дворян служба в армии считалась личной и обязательной, а для остальных сословий – *общинной*.[3] Рекрутский набор давал государству возможность создать профессиональную армию на регулярной основе с постоянным офицерским корпусом. Необходимость ее была продиктована активной внешней политикой российского самодержавия и развитием военной техники, особенно в артиллерии, морских и инженерных войсках в XVIII и XIX вв.[4]

Срок службы сначала назначался пожизненный. До 1708 г. в рекруты брали юношей от 15 до 20 лет, затем 20–30 лет (до 1726), потом – «всякого возраста» (1727–1766), а в дальнейшем: 17–35 лет. В 1762 г. от рекрутского набора освободили дворян, купечество, священнослужителей, почетных граждан и лиц с высшим образованием. В соответствии с последним изданием Рекрутского устава (1862), набору подлежали те сословия, которые платили в казну подушную подать.[5] Ежегодный набор составлял не менее 150 тыс. рекрутов, за исключением 1863 г., когда вспыхнуло польское восстание, в зоне которого оказалась Белоруссия.[6]

Размер рекрутской повинности, время и порядок ее осуществления устанавливались особо. Исходили при этом из количества дворов (один рекрут на 20–30 дворов), а с 1724 г. – из числа душ.[7] Рекрутская система комплектования имела преимущества перед европейской наемно-вербовочной системой: позволяла создать большую армию, однородную по национальному составу, своевременно пополняемую новыми формированиями в случае военных потерь. Рекрутов готовили на специальных «станциях» под руководством офицеров с боевым опытом, что позволяло направлять в армию обученные контингенты людей, приученных к воинской дисциплине. Служба в армии была тяжелой. Постепенно ее сроки сокращались: в 1793 г. пожизненную службу заменили на 25 лет, в 1834 г. – на 20, а во второй половине XIX века – на 15 и 10 лет.[8]

---

2 *Рекрут* (*recruter* - букв. «набирать войска, вербовать», *франц.*) - лицо, принятое на военную службу по найму или по повинности в русской (XVIII-XIX вв.) и иностранной армиях.

3 Правительство предъявляло свои требования по набору не к отдельным гражданам, а к общине в целом, указывая только количество требуемых рекрутов в возрасте от 20 до 35 лет.

4 Й. Петровский-Штерн, *Евреи в русской армии, 1827-1914 гг.* Москва 2003 г., с. 20.

5 П.А. Зайончковский, *Военные реформы 1860-1870 годов в России*, Москва 1952 г.

6 В условиях ожидавшегося вмешательства западных держав в 1863 г. впервые было произведено два чрезвычайных набора в государстве - по 5 чел. с каждой тысячи «душ». См.: А. Богданович, *Исторический очерк деятельности военного министерства за 1855-1880 гг.*, Москва 1882 г.

7 Обыкновенный набор - с 1000 чел. населения 5-7 рекрутов, усиленный - до 10, чрезвычайный - свыше 10; во время Крымской войны (1853-1856) - до 70 чел.

8 А.А. Строков, *Общий курс истории военного искусства*, Москва 1951 г., т. 1, с. 457-465.

Евреи в русской армии

Правительство рассматривало рекрутскую повинность евреев прежде всего с идеологических позиций. Принимая присягу, еврейские рекруты вслед за раввином произносили над свитком Торы: «Именем всемогущего и вечного Бога Израилева клянусь, что желаю, и буду служить российскому императору и российскому государству, куда и как назначено мне будет во все время службы, с полным повиновением начальству…»[9]

Предполагалось, что рекруты из евреев, оторванные от родной среды, откажутся от соблюдения традиции и перейдут в христианство. Для выкрестов предусматривались послабления, они получали в подарок 25 рублей серебром и определенные льготы. В донесениях сообщалось о новых именах крещеных: Мойша Пейсахович – Григорий Павлов, Израиль Петровицкий – Николай Иванов, Йосель Левиков – Василий Федоров и т. д. Ежемесячные рапорты о количестве крещеных посылались лично Николаю I, который поощрял особенно усердных начальников.

Некрещеные евреи могли быть только рядовыми. В унтер-офицеры производили лишь особо отличившихся еврейских солдат с личного разрешения императора в каждом конкретном случае. В 1829 г. был издан указ, запрещавший брать евреев в денщики, в 1844 г. – назначать в нестроевые роты и команды военных учебных заведений. В гвардии евреи не могли служить даже рядовыми. Объяснение этих запретов содержалось в указе о карантинной страже (1837): «Не допускать к службе людей дурной нравственности».[10]

Ожидалось, что военная служба уменьшит количество незанятого еврейского населения местечек. Один из царских министров утверждал, что рекрутский набор есть исключительное благодеяние для еврейского народа: «Сколько праздных и бедных “жидов”, поступивших на службу, теперь сыты, одеты и укрыты от холода и сырости».[11] Сенат выработал специальные условия отбывания рекрутской повинности для евреев. Еврейские общины два раза в год были обязаны поставлять по 10 рекрутов с одной тысячи мужчин, вместо семи рекрутов у христиан. В местностях, расположенных не менее ста верст от границы, для христиан призыв был заменен денежным налогом, который на евреев не распространялся. Невыносимой была рекрутская повинность для еврейских мальчиков, которых направляли в школы кантонистов с 12 лет.[12] В 1843 г. был предложен даже проект призыва на военную службу всех без исключения еврейских юношей, достигших 15 лет. Он предусматривал призыв еврейских подростков в армию на 10 лет с тем, чтобы первые четыре года

---

[9] Б. Гельман, «“Шма Исраэль” на бастионах», *Еврейское слово*, 2004 г., № 8(181), 18-24 февраля.

[10] Й. Петровский-Штерн. Указ соч., с. 82.

[11] Там же.

[12] Считая казарму лучшим средством агитации за переход в православие, особенно детей, в армию брали часто с восьми лет. Пребывание в батальонах кантонистов не засчитывалось евреям в срок воинской службы (25 лет).

они обучались русской грамоте и ремеслам, а остальной срок работали в полковых мастерских. Однако военное министерство не нашло средств содержать 50 тыс. несовершеннолетних евреев, которые ввиду своего «худосочия» увеличили бы число больных. Министерство финансов, со своей стороны, опасалось, что эта мера лишит еврейские семьи кормильцев и вызовет рост недоимок. «Перевоспитание» евреев было признано возможным только в стенах учебных заведений. В связи с этим были установлены льготы по рекрутскому набору для воспитанников казенных, общих и специальных еврейских учебных заведений.[13]

Рекрутскую повинность режим рассматривал не только с позиции военной, идеологической целесообразности, но и с точки зрения хозяйственных интересов государства. До 1827 г. евреи местечек вместо службы в армии несли денежную повинность, подобно христианам-купцам. В Полоцкой и Могилевской губерниях от рекрутской повинности освобождали за 500 руб.[14] Замена денежных взносов «натурой» (призывом в армию) не избавляла общины от долгов. Кагалы получили право отдавать в рекруты любого еврея за «неисправность в податях, бродяжничество и другие беспорядки». Однако количество недоимок продолжало увеличиваться, и в 1830 г. Николай I разрешил списывать кагалам по одной тысяче рублей за дополнительного взрослого рекрута и 500 руб. – за малолетнего.[15]

В 1836 г. генерал-губернатор Виленской, Гродненской, Минской и Белостокской губерний Долгоруков писал царю, что большая часть евреев страдает от крайней бедности, холеры, *политической смуты 1831 г*.[16] и стихийных бедствий, «едва имея дневное пропитание». Нищета в местечке была настолько ужасной, что страх рекрутчины мерк перед ней, и еврейские общины сами просили брать рекрутов в погашение долгов.[17]

Несмотря на это, недоимки росли, и в конце 1850 г. было решено за каждого рекрута, не доставленного к сроку, *брать новых трех сверх недоимочного*. Одновременно, если в течение года еврейские общины не погашали задолженность, то в виде штрафа с них взималось дополнительно 2 тыс. руб., а если эта сумма не вносилась к будущему году, то за нее вновь брали дополнительного рекрута.[18]

---

[13] *Еврейская энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*, СПб 1890-1907 гг., т. 13, с. 372.

[14] П.Н. Жукович, «Сословный состав населения царской России в царствование Екатерины Второй», *Журнал Министерства народного просвещения*, Петроград 1915 г., ч. 4, февраль, с. 302.

[15] Были отмечены случаи, когда кагалы отдавали в рекруты «из мщения за измену» тем, кто пренебрегал религиозными обрядами или мог раскрыть незаконные действия кагала. См.: Ю. Гессен, *История еврейского народа в России*. В двух томах, т. 1, Ленинград 1926 г., с. 60.

[16] Польское национально-освободительное восстание в марте-апреле 1831 г. охватило Литву и Белоруссию (Ошмянский, Браславский, Свентянский, Дисненский уезды); в Речицком, Мозырском и Пинском уездах - в июне и июле 1831 г. (1300 участников). См.: З. Шыбека, *Нарыс гісторыі Беларусі (1795-2002)*, Мінск 2003 г., с. 44-45.

[17] Ю. Гессен, Указ соч., с. 66.

[18] *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание 2-е., СПб 1862, № 26177.

В 1852 г. для предупреждения укрывательства от рекрутства разрешили сдавать каждого беспаспортного еврея, даже если он проживал в другой губернии. Это стало кошмаром для еврейских общин. Спасая себя и своих близких или просто с корыстной целью, ради торговли зачетными квитанциями, евреи хватали беззащитных единоверцев и, уничтожив паспорт, сдавали в рекруты. «Ловчики» доставляли на призывные пункты «пойманников». Они охотились за детьми, забирали их на улице около дома, выхватывали из кроваток.[19]

Получался замкнутый круг: общины бедствовали и не могли вносить подати. За это у них отнимали кормильцев, что, в свою очередь, снижало платежеспособность населения. Рекрутская «расправа» не привела власти к желаемой цели. Наборы в армию значительно ограничили производительную активность еврейского населения, и в результате долги казне выросли еще больше.[20] Кроме того, общинам крайне дорого обходилась организация поиска беглецов.[21]

Правительство было вынуждено признать необходимость отмены дискриминации евреев по рекрутскому набору и отказаться от призыва штрафных (за провинности) и малолетних рекрутов. 26 августа 1856 г. Сенат отменил *исключительные постановления* о евреях.[22] Выкрестов некоторые губернские казенные палаты поторопились освободить от рекрутской повинности «навсегда». Министр финансов А. Княжевич в августе 1859 г. разъяснил *Департаменту разных податей и сборов* министерства финансов, что «подданные любых исповеданий, принявшие православную веру, освобождаются на пять лет, и это имеет отношение и к выкрестам из евреев».[23]

Организация рекрутского набора

Все дела по призыву на воинскую службу находились в ведении рекрутских *комитетов* (распорядительных) и *присутствий* (исполнительных органов). Председателем комитета был сам губернатор, а членами – губернский предводитель дворянства, председатель казенной палаты и управляющий государственным имуществом. Рекрутское присутствие в уездном городе, как правило, состояло из уездного предводителя дворянства, городничего, военного приемщика и медицинского чиновника. В местечках «заведование» рекрутскими делами лежало на старостах и полиции. В 1865–1867 гг. председателем Мозырского рекрутского

---

[19] «Записка о пойманниках 1855 г.», *Еврейская старина*, Петроград 1915 г., кн. II.

[20] До первого рекрутского набора (1827 г.) за евреями-мещанами числилось недоимок государству по одному рублю на душу, а в 1854 г. - 15,5 руб. В Минской губернии к 1845 г. за евреями оставалось 183 тыс. руб. недоимок, а в 1853 г. - 434 тыс. руб. (237%)!

[21] В Курляндии сдача одного рекрута «стоила» 400 руб. См.: Ю. Гессен, Указ. соч., с. 118.

[22] А.Ф. Редигер, *Комплектование и устройство вооруженной силы*, СПб 1900 г., с. 14.

[23] Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАРБ), ф. 333, оп. 1, д. 769, л. 20.

присутствия был начальник уездного жандармского управления майор Александр Вилль, а членами проверочной комиссии – от министерства финансов Александр Плотников, уездный исправник надворный советник Михаил Мищенко, городской голова Мозыря Лев Олещенко, военный приемщик штабс-капитан Коломенского пехотного полка Митрофан Сицинский и старший лекарь 123-го Козловского пехотного полка Герасим Некрашевич.[24]

Рекрутские комитеты отвечали за своевременный отбор кандидатов, рассматривали многочисленные жалобы на необоснованность призыва, решали вопрос отсрочки или освобождения от воинской обязанности.

Служба в армии ставила перед евреем вопрос соблюдения традиции, нарушала связь с общиной, без которой он себя не представлял. Она на долгие годы отрывала его от родных и близких, лишала возможности кормить семью, была бесперспективной с точки зрения карьеры. Не случайно уход в рекруты воспринимался многими евреями как личная и семейная трагедия. Все это заставляло искать обходные пути. Закон предусматривал такую возможность, рассчитывая легально пополнить казну, а не создавать условия для мздоимства и взяточничества. Откуп рекрута был многоступенчатым и сложным. Он требовал соблюдения специальной публичной процедуры, которая документально протоколировалась.

На каждого рекрута, принятого в набор, заполняли специальную анкету, где указывали его имя, отчество, *звание* (фамилию), описание личных примет, вероисповедание, возраст, рост в *аршинах*[25] и *вершках*[26], особые приметы (волосы, брови, глаза, нос, рот, подбородок), грамотность и *особое мастерство* (профессию). В отношении евреев в строке о религиозной принадлежности записывали *иудейский закон*.[27]

Еврейская община имела право искать «охотника» на стороне, который согласился бы пойти служить за денежное вознаграждение. Она заключала договор, который подробно оговаривал условия сделки. К нему прилагались письменное согласие со стороны родителей и жены «охотника», разрешение еврейского общества на наем добровольца и увольнительный приговор сельского крестьянского общества, разрешавшего кандидату наняться в рекруты. Полицейский пристав свидетельствовал о благонадежности «охотника», а врач – о состоянии его физического и психического здоровья.

29 января 1865 г. Мозырское уездное рекрутское присутствие заслушало объявление Янкеля Мовшевича Найдича, который представил условия заключения договора между ним как поверенным Туровского еврейского общества и *государственным крестьянином*[28] Давидом Прохоровичем Гайкевичем из села Озераны Туровской

[24] Там же, ф. 1499, оп. 1, д. 61, лл. 49-51.

[25] *Аршин* - старинная мера длины, равная 0,711 метра.

[26] *Вершок* - 1/16 аршина, или 4,4 сантиметра.

[27] Анкета рекрута 1865 г., НИАРБ, ф. 1499, оп. 1, д. 15, л. 1.

[28] *Государственный* крестьянин - человек, живший и работавший на земле, принадлежавшей казне.

волости. За 108 руб. серебром Гайкевич нанимался в рекруты за семью Мордуха Лейбовича Чечика. В зачет этого он получил задаток 28 руб. и еще 8 руб. после приема в рекруты. К делу прилагался приговор туровского сельского общества, который разрешал Гайкевичу наняться в рекруты, за что в пользу сельского общества нанимающая сторона дополнительно уплачивала 50 руб. серебром. Янкель Найдич предъявил рекрутскому присутствию квитанцию от Туровского сельского управления о выплате кандидату 50 руб. аванса и свидетельство уездного исправника, что Гайкевич не был замечен в политических преступлениях, предосудительном поведении, под следствием и под судом никогда не состоял.

После этого Давида Гайкевича подвергли медицинскому осмотру, и в его личном деле появилась запись: «29 лет от роду, рост 2 аршина и 1/8 вершка, к воинской службе годен и по своему желанию поступает в рекруты за семейство Туровского еврейского общества Мордуха Чечика». Затем Гайкевича передали военному приемщику майору Зиновьеву.[29]

15 января 1866 г. за туровское еврейское общество в рекруты нанялись *казенный* (государственный) крестьянин туровского сельского общества Иван Дудницкий, 29 лет, ростом 2 аршина 6 вершков, за сумму 120 руб., и *временнообязанный*[30] крестьянин Черниговской губернии Сосницкого уезда Севастьян Комеда, 22 лет, ростом 2 аршина 5 вершков, за 125 руб. серебром.[31] 23 января 1867 г. Йосель Коробочка представил Мозырскому рекрутскому присутствию государственного крестьянина туровского сельского общества Семена Белого, 26 лет от роду, ростом 2 аршина 3/8 вершка, согласившегося пойти служить за туровское еврейское общество. Из обещанных 120 руб. серебром Белый взял 30 руб. в задаток, а 90 руб. выслал в *полковой ящик* (казну). В виде премиальных еврейская община выплатила «наемнику» 10 руб. наградных и внесла в Мозырское уездное казначейство деньги на обмундирование, провиант и жалованье (16 руб. 86 коп.) Семену Белому.[32]

Однако «счастливый билет» выпадал не каждому. Еврейская община шла на денежный выкуп прежде всего за состоятельных членов, которые несли основное бремя выплаты налогов и недоимок как за себя, так и за неимущих евреев. Их уход грозил общине разорением, а сдача в рекруты бедняков представлялась желательной. Туровские евреи Берко Гутман, Самуил Легчин, Мошка Бориспольский по этой причине не нашли себе замену и ушли служить в армию.[33]

В целом набор рекрутов в Мозырском уезде в январе 1867 г. прошел успешно.Об

---

[29] Журнал заседаний Мозырского уездного рекрутского присутствия набора 1865 г., НИАРБ, ф. 1499, оп. 1, д. 2, л. 65.

[30] *Временнообязанный* - крестьянин, обязанный после освобождения от крепостной зависимости в 1861 г. платить оброк или нести повинности другого рода за право пользования землей.

[31] Из приемной росписи Мозырского уездного присутствия о рекрутах, принимаемых из мещан-евреев набора 15 января 1866 г., НИАРБ, ф. 1499, оп. 1, д. 34, л. 1.

[32] Там же, д. 61, лл. 49-51.

[33] Там же, д. 50, л. 27.

этом в канцелярию минского губернатора была отправлена депеша: «Во исполнение Высочайшего Манифеста от 18 сентября 1866 г. о сборе с 1000 душ по пять рекрутов, представляю людей, следующих по раскладке с общества доверителей моих. Люди сии означены в росписи и имеют все свойства, с которыми предписано представлять в рекруты. На случай негодности их представляются подставные, имеющие все потребные качества».[34] Общая картина рекрутского набора 1867 г. представлена в табл. 1.

Таблица 1
Рекрутский набор в Мозырском уезде на 15–30 января 1867 г., *чел.*[35]

Сословие	Требовалось по раскладке	Представлено в присутствие	Принято к службе	Зачтено по квитанциям
Мещане-христиане	22	34	21	1
Мещане-евреи	10	3	3	7
Граждане	1	1	1	–
Однодворцы	1	6	3	–
Крестьяне	3	232	119	2
Итого	**37**	**276**	**147**	**10**

Приведенная таблица показывает, что зимой 1867 г. преобладающее большинство кандидатов в рекруты по Мозырскому уезду составляли крестьяне – 119 из 147 чел., или 80,9% призывников, на втором месте шли мещане-христиане – 21 чел. (14,3%), а евреи занимали третье место – 10 чел. (6,8%). Однако по *зачетным квитанциям*[36] евреи оказались впереди всех – 7 из 10 чел. (70%). Эта ситуация имела свое объяснение. По сведениям на 1858 г., в третьем стане Мозырского уезда крестьяне (государственные, помещичьи, бессрочноотпускные и отсуженные на волю) были наиболее многочисленным сословием. Они насчитывали 11 тыс. 619 чел., тогда как мещане-христиане – 2692 чел., а мещане-евреи – 3840 чел. От рекрутского

[34] Там же, л. 1.

[35] Составлено по: НИАРБ, ф. 1499, оп. 1, д. 60, л. 4.

[36] *Зачетная квитанция* - выпускалась на каждого призывника (485 руб.), приобретение ее освобождало от несения рекрутской повинности, но квитанция имела силу только до следующего набора. С 1872 г. был установлен неограниченный выкуп от рекрутской повинности всех желающих путем простого взноса (1000 руб.). См.: *Руководство к русским законам о евреях*. Сост. М.И. Мыш, изд. 4-е, СПб 1914 г., с. 491.

набора были освобождены потомственные дворяне (1120 чел.), православное духовенство (365), ксендз (1), раввины (8), солдатские дети и кантонисты (215), отставные *нижние чины* (рядовые солдаты) и члены их семей (414).[37]

Как правило, в роли добровольцев, согласившихся посвятить себя воинской службе, выступали неевреи, в основном православные. В армии положение христиан было принципиально иным. Государя императора они считали «отцом родным», хранителем веры и отечества. Между солдатами и офицерским корпусом не существовало идеологических разногласий, а конфликтные ситуации легко разрешались в рамках воинского устава. В третьем стане Мозырского уезда на рубеже 50–60-х годов XIX века из 25 тыс. 508 жителей православные насчитывали 20 тыс. 839 чел. (81,7%), католики – 839 (3,3%), а евреи – 3840 (15%).[38] Для православных солдат не существовало надуманных запретов и ограничений, их поощряли по службе и повышали в должности.

Мотивы, которые побуждали христиан добровольно наниматься в *охотники* за евреев, были самыми разными. Стремление рассчитаться с долгами, уйти от судебной ответственности, конфликт в семье, неразделенная любовь, наконец, авантюрный склад характера. Так или иначе, для нееврея уход в армию не означал трагедии, не заставлял менять душевную атмосферу и мировоззрение, учить новый язык, приспосабливаться к новой пище и т. д. Риск погибнуть во время военных действий или учений был одинаковым для всех, и здесь нужно было иметь солдатское счастье.

Введение воинской повинности

Рекрутский набор просуществовал до 1 января 1874 г., когда был издан новый Устав о воинской повинности. Это была крупнейшая государственная военная реформа, которая сделала российскую армию современной и боеспособной. Воинская служба была распространена на всех граждан страны без исключения. Был изменен порядок поступления на службу, денежный выкуп и замена призывников *охотниками* не допускались.[39] В армию брали с 21 года – по жребию, по желанию и *вольноопределяющимися*.[40] Время призыва было четко установлено – с 1 октября до 1 ноября ежегодно, термин *рекрут* был изменен на *новобранец*.

Новый устав принес евреям, как и всем жителям империи, значительное облегчение. Срок действительной службы резко сократили: сначала до шести лет (1874), а затем – до четырех (1876), вводились льготы для лиц со средним и высшим обра-

---

37 НИАРБ, ф. 21, оп. 1, д. 4, л. 215.

38 Там же, л. 216.

39 Исключение было сделано для мусульман и представителей некоторых народов Севера, которые вместо службы в армии уплачивали военный налог.

40 *Вольноопределяющийся* - военнослужащий, добровольно поступивший в армию после получения среднего или высшего образования и отбывавший воинскую повинность на льготных условиях.

зованием. Устав не содержал статей, направленных против евреев. За ними была признана, хотя и с некоторыми ограничениями, свобода отправления религиозных обрядов и сохранения традиции. На Йом-Кипур, Рош hа-Шана, Песах еврейских военнослужащих освобождали от строевой службы и работ для возможности молиться. В другие же еврейские праздники этот вопрос решал непосредственно командир воинской части.

Однако постепенно начали допускать послабления. В субботу общие работы евреи могли отсрочить при условии, что выполнят их в воскресенье. Новобранцы, не способные к службе, заменялись: христиане – христианами, евреи – евреями. В случае если на призывной пункт не явился *выкрест*, то вместо него брали еврея. Правило, разрешавшее христианам замещать призывника ближайшим родственником, на евреев не распространялось. В случае недобора в армию брали евреев, которым полагалась льгота первого разряда по семейному положению (единственный сын). При определении годности новобранца к воинской службе для евреев существовала заниженная норма объема груди и роста, чем для лиц другого вероисповедания (меньше 2 аршин и 2,5 вершка). За поимку уклонившегося от призыва еврея выдавалось вознаграждение из особого фонда министра внутренних дел.[41]

Самым суровым оставался закон о штрафах, основанный на коллективной ответственности (300 руб.) Часто его использовали при полном отсутствии вины, и это было одним из несчастий еврейской жизни. Имели место случаи призыва людей, умерших в раннем детстве, смерть которых не была зафиксирована документально. Если рекрут во время набора отсутствовал на перекличке по болезни, а потом был взят в армию, то с его родных успевали взыскать штраф за «неявку». Многие недоразумения были вызваны неточным обозначением имен: женское превращалось в мужское и наоборот, и штраф налагался за фактически не существовавшего сына и т. д.

Особенности иудейской традиции и быта, замкнутость местечка усиливали трудности, связанные с интеграцией в российскую жизнь. Метрические записи велись крайне небрежно – если о смерти еврея не сообщалось по месту прописки, то он оставался «живым». По требованию царской администрации раввины вели документацию на русском языке, малознакомом большинству евреев в местечке, что порождало многочисленные ошибки. Одно и то же лицо в разных документах было записано по-разному, поэтому в призывные списки вносились несуществующие люди. Из списков общины не исключали пропавших без вести, эмигрировавших и т. д.

Наученные горьким опытом, евреи Турова по собственной инициативе заблаговременно проверяли списки призывников и метрические книги накануне наборов в армию. Практика показала, что это было далеко не лишним. 19 декабря 1892 г. газета *hа-Мелиц*, издававшаяся в Санкт-Петербурге, опубликовала заметку Элиэзера

[41] *Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и А.И. Ефрона*, СПб 1911-1916 гг., т. 11, с. 330-332.

Муравчика из Турова, который сообщал о подготовке общины к очередному воинскому призыву. Руководители общины Шлёма Гоберман и И.Ш. Кругман выписали из ревизских списков всех умерших, которые не были ранее вычеркнуты. Благодаря этому количество молодых людей, забранных в армию в 1892 г., составило 60 чел., включая восемь обладателей привилегий второго и третьего разрядов.[42] Это было меньше, чем когда-либо прежде, что не могло не радовать евреев Турова.[43]

Первая мировая война

23 июня 1912 г. был принят закон, который привел в соответствие экономические и социальные перемены, произошедшие в стране с 70-х годов XIX века. Призывной возраст снизился до 20 лет, а общий срок службы – до 23 лет. Действительная служба в пехоте и пешей артиллерии составляла три года, в остальных родах войск – четыре, на флоте – пять лет. Затем следовало ополчение первого разряда, куда зачисляли все годных к службе призывников, а в ополчение второго разряда – годных к призыву, но временно освобожденных по семейному положению.[44]

Евреи Турова, как и России в целом, приняли участие в первой мировой войне, разразившейся 1 июля 1914 г. Патриотический подъем, охвативший вначале воюющие стороны, не оставил в стороне евреев. Процент евреев в армии был выше, чем в составе населения империи в целом. В 1914 г. в российской армии насчитывалось 400 тыс. евреев, а к концу 1916 г. их количество выросло до 500 тыс. Некоторые евреи, выпускники гимназий и университетов, освобожденные от призыва, пошли на фронт добровольцами. В армии служило много евреев-врачей и даже отдельные евреи-офицеры, тысячи евреев были награждены за участие в войне, а некоторые стали полными Георгиевскими кавалерами. Вместе с тем не все евреи стремились оказаться на фронте. Мозырское уездное полицейское управление в обзоре, подготовленном для минского губернатора, отмечало, что евреи выполняют трудовые повинности неохотно, и полиции приходится «употребить труды», чтобы заставить население починить какую-либо дорогу.[45] Крестьяне, за редким исключением, являлись на сборный пункт аккуратно, а евреи «удирали» за границу еще до объявления войны.[46]

---

[42] Привилегия второго разряда предусматривала отсрочку от призыва единственного сына трудоспособного отца в возрасте до 55 лет; третьего разряда - для сына, отцу которого было не менее 50 лет, и он не имел другого сына старше 16 лет, либо другого - состоявшего на действительной службе или погибшего (пропавшего без вести) в армии.

[43] *hа-Мелиц*, 19 декабря 1892 г. (*иврит*).

[44] *Еврейская энциклопедия,* 1912 г., т. 5, с. 671, 703-709.

[45] *Обзор состояния Мозырского уезда за 1914 г.*, НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 562, лл. 373-378.

[46] С 1892 по 1918 г. из Турова только в США эмигрировали 419 чел., из них в 1892-1904 гг. выехали 18 чел. (5,3%), в 1905-1913 гг. - 27 чел. (6,4%), а в 1914-1918 гг. - 374 чел. (89,2%).

Через Туров проходила единственная в Мозырском уезде военная магистраль. Шоссейные дороги отсутствовали, а остальные пути сообщения представляли земские и проселочные дороги. Центральную улицу Турова, главный въезд в местечко, где движение с началом войны стало особенно оживленным, переименовали в улицу Фронтовую. В распутицу повозки на ней наполовину застревали в грязи, лошади не могли сдвинуть их с места, и приходилось перепрягать. По Фронтовой улице евреев уводили на войну, а обратно их семьи получали похоронные свидетельства.

Первая мировая война принесла большие страдания. Это стало началом новой эпохи, которая не предвещала ничего хорошего.

* * *

Отношение местечкового еврея к призыву на воинскую службу стало еще одним подтверждением известного правила, что армия есть слепок общества. В Российской империи как христианском государстве сохранялась нетерпимость к инородцам, среди которых евреи оказались наиболее неуступчивыми в вопросах интеграции. С конца XVIII века правительство неоднократно пыталось решить эту проблему. На каждом этапе подходы менялись – от экономического (уплата налога, внесение откупа) до идеологического (отказ от иудаизма, ассимиляция).

Начиная с середины XIX века Сенат разрешил евреям, с известными оговорками, соблюдать традицию, готовить и употреблять кошерную пищу, не выполнять тяжелые работы в субботу, хоронить павших на отдельных участках воинского кладбища.

Для российского еврея служба царю означала не столько исполнение воинского долга, сколько насильственное исправление в соответствии с заданными стандартами, что сопровождалось несправедливыми нападками и унижениями. Порой нежелание еврея оказаться в армии было так велико, что приводило к крайним формам протеста – умышленному членовредительству. Однако это не свидетельствовало об отсутствии патриотизма. Когда обстоятельства требовали, евреи становились прекрасными бойцами, являя воинскую доблесть. Крымская война (1853–1856), турецкая кампания (1877–1879), война с Японией (1904–1905) и первая мировая (1914–1918) дали много примеров их героизма и самопожертвования. События в России, последовавшие после свержения самодержавия в 1917 г., заставили евреев взяться за оружие и в принципе изменить свое отношение к воинской службе.

См.: Архив автора. Сведения «Turov - New York City arrivals 1892-1924», Ellis Island web site: http://www.ellisisland.org/ были собраны Дональдом Шумовски, который использовал сайт Steven Morse’s для подсчета еврейских эмигрантов: http://www.jewishgen.org/databases/EIDB/

Рыболовство

Жизнь у реки, среди болот и лесов заставила евреев воспринимать их как неизменную величину и приспособиться. Не вступая в противоречие с природой, они усвоили ее законы и обернули в свою пользу девственность края, лишенного благ цивилизации. Припять и Струмень, бравшие Туров в полукольцо, хотя и угрожали местечку затоплением в период половодья, однако все остальное время кормили его жителей, давали им работу, помогали пережить неурожайные годы, служили путями сообщения и охраняли от непрошеных гостей.

Рыбный промысел служил важным подспорьем в хозяйстве для одних и стал профессией для других. Евреи, овладев искусством промысла на воде, хранения и транспортировки рыбы, открыли для себя еще один вид деятельности в строго ограниченном списке занятий, разрешенных царской администрацией в черте оседлости.

Водный путь

Главной водной артерией Полесья, которая позволяла пересечь весь край с запада на восток, была Припять. Она берет свое начало в болотах Волынской губернии и впадает в Днепр немного выше Киева. Припять растянулась на 761 км, из которых 500 км приходятся на территорию Белоруссии. Принимая 123 реки и речки, множество болотных ручьев, она соединяется каналами с озерами, несет свои воды, прихотливо изгибаясь и разветвляясь на многие рукава и опять сливаясь в единый поток.[1]

---

[1] В Мозырском уезде в Припять с правой стороны впадали реки Горынь, Ствига, Уборть и Словечна, а с левой - реки Лань, Случь и Птичь.

Местные жители всегда считали Припять душой Полесского края. По ходу ее течения берега менялись от низких к обрывистым, от пустынных и песчаных – к заболоченным. Ширина Припяти колебалась от 80 до 170 м. Во время половодья она поднималась на несколько метров и разливалась, напоминая море. На мелководье заливных лугов и затапливаемых подлесков, в извилистые лабиринты притоков и *стариц*[2] приходили на нерест косяки рыб – лещ, щука, чехонь, плотва, язь.[3]

В XIX веке четыре пятых пространства Мозырского уезда составляли почти непроходимую болотистую низину. По свидетельству современников, на Полесье кипели «мириады мелких жизней». Несметное количество разного зверья и птиц гнездилось в недоступных лесах и болотах. В воздухе носились полчища насекомых, которые нашли там безопасное убежище и «роскошную поживу». Из человеческого жилья на огромном расстоянии изредка виднелся шалаш рыбака. Летом добраться от одной деревни к другой можно было лишь на паре волов с помощью опытного проводника.[4]

Только Мозырь и Туров, расположенные на более возвышенной местности, оставались удобными для жизни. Другие поселения были удалены друг от друга на десятки верст. Поддержание состояния дорог, мостов и гатей отнимало много средств, времени и сил. Почтовый тракт из Минска в Пинск и далее на Волынь протяженностью 353 версты включал 54 моста и 113 гатей. Дорога из Минска на Слуцк и Мозырь (324 версты) насчитывала 19 мостов и 182 гати. Каждую весну и осень стихия сносила переправы, нарушая почтовое сообщение. Дороги покрывались водой, гати размывались, мосты рушились. Оставалось одно проверенное средство – пересесть на лодки и баркасы, но в непогоду этот способ был крайне рискованным.[5]

С юга Припять пересекала Пинский, Мозырский и Речицкий уезды, впадала в Днепр, соединяя «низовые» губернии империи, изобилующие хлебом и залежами соли. Из Минской губернии водным маршрутом на Полесье везли строевой лес и пиломатериалы. С северо-запада Припять при помощи канала Огинского соединялась с Неманом, а с запада Днепровско-Бугский канал вел в Польшу и Пруссию. Восточные уезды Минской губернии сообщались через Припять и Березину, которые доставляли смолу и деготь, древесный спирт и «волокнистые продукты» – лен, пеньку, конопляное семя и др.[6] В 1901 г. на Припяти было погружено 396 судов и 719 плотов, а разгружено 115 судов и сотни плотов, мимо

---

[2] *Старица* - заросшее кустами пересохшее русло ручья или небольшой речки.

[3] Т.А. Хвагина, *Полесье от Буга до Уборти*, Минск 2005 г., с. 108.

[4] *Труды Минского губернского статистического комитета*. Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Вып. 1, Мозырский уезд, Минск 1870 г., с. 2.

[5] А.К. Киркор, «Долина Припяти», *Живописная Россия*. Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное воспроизведение издания 1882 г., Минск 1994 г., с. 343.

[6] *Памятная книжка Минской губернии 1878 года*, Изд-е Минского губернского статистического комитета, ч. 1, Минск 1878 г., с. 81.

Турова проследовало 94 парохода, 61 судно и 19 плотов, перевозивших продукцию на 1 млн 891 тыс. руб.[7]

Навигация открывалась в первых числах апреля, когда ледоход заканчивался, и тогда Припять наполнялась пароходами, берлинами, барками, плотами и лодками. В мае вода спадала, и начинались трудности. Судоходству препятствовали отмели, корчи на дне реки и затонувшие дубовые колоды. В сухое летнее время большие суда были вынуждены перегружать часть клади на более легкие барки. Когда речные кораблики не могли двигаться под парусом, команда использовала шесты или *завозный якорь*. Якорь выносили вперед и укрепляли. При помощи ворота команда медленно передвигала судно, делая не более пяти верст в день. Кроме Припяти считались судоходными Уборть, Случь и Птичь, а по остальным рекам можно было только сплавлять лес.

В Мозырском уезде в Припять впадали и более мелкие реки, справа по течению реки – Свиноводы, Замордвинка и Сколодинка, а слева – Займище, Смерть, Ситенка, Глухая Лань, Скрипица, Утвороха, Млыновая, Бобричь, Ипа и Неначь. Все они, за исключением двух последних, могли позволить только небольшой сплав.[8]

Самым крупным естественным водоемом в Мозырском уезде было озеро Жид, или Князь-озеро, которое занимало 43,5 кв. км между реками Случь и Птичь и изобиловало рыбой. В большом количестве там ловили щуку, карася, окуня, ершей, считавшихся у евреев кошерными, что, по одной из версий, и дало такое название озеру – Жид.

В соответствии с еще одной легендой, князь Слуцкий заточил родного брата в замке на середине озера. Во время разлива воды замок рухнул и похоронил под собой узника. Третья легенда гласила, что в замке жила фаворитка одного из князей Радзивиллов – еврейка, которая погибла в результате наводнения.[9]

Позднее озеро перешло к князю Витгенштейну, который сдал его в аренду евреям. В центре острова находилась деревянная постройка в виде сруба – *скрыня*, фундамент бывшего замка. Сто лет назад озеро было окружено низкими топкими болотами, поросшими лозой и *черетом*. Середина его была очень глубокой, а берега покрывали заваленные хворостом громадные сосны, осины и дубы, густо поросшие мхом и лишайниками. Оттуда веяло сыростью и гнилью, совершенное безмолвие изредка нарушалось только постукиванием дятла. В ненастную погоду озеро становилось бурным, но это не пугало местных жителей, которые искусно лавировали по его поверхности на самодельных челноках.[10]

---

7 *Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 г.,* Минск 1902 г., с. 125.

8 *Труды Минского губернского статистического комитета*, с. 6.

9 А.К. Киркор, Указ. соч., с. 334.

10 *Полесье и полешуки*. Из путевых заметок. Народная библиотека В.Н. Маракуева. Изд-е 4, Одесса 1897 г., с. 36-38.

Средства передвижения

На домашних верфях Туровщины строили *челноки* – небольшие лодки, *барки* – грузоподъемностью до семи тонн, *берлины* – ходившие под парусом и бравшие на борт до 16 тонн. Промежуточным типом считалась *шугалея* – большая лодка из цельного дубового ствола, края которой обшивали сосновыми досками. Шугалеи служили для небольших перевозок, были быстроходными, маневренными, прочными и надежными. Такая лодка могла достигать в длину пяти метров. Рыбаки чаще всего пользовались челноками – узкими, длинными лодками, выдолбленными из цельного ствола дерева. Шест с лопастью позволял отталкиваться от дна и грести на глубокой воде.

Всем туровским судам было присуще своеобразное изящество. Лодок было много, но знатоки без труда распознавали работу того или иного мастера. Умельцы хранили свои секреты и передавали их из поколения в поколение. Речным извозом в Турове занимались Шустерманы. Эта профессия считалась семейной, а суда переходили от отца к сыну. Четыре брата – Гершл, Абе, Мотл и Лэпе – Шустерманы имели прозвище *плейтахер* (идиш) или *плейтухи* (белорус.). В других местах Белоруссии и Литвы плотогонов и речников называли *плитники*.[11] Это был тяжелый труд, связанный с постоянным пребыванием в воде и сопряженный с профессиональными – туберкулез, простудные, кожные и пр. – заболеваниями. Однако его востребованность и надежный заработок вынуждали держаться этого занятия.

Шустерманы ходили на своих судах по Припяти до Днепра, перевозя грузы на лодках и небольших баржах, которые сами и строили. Их кораблики управлялись с помощью длинных шестов, которыми упирались в неглубокое дно, или бурлацкой упряжки. Максимальная грузоподъемность составляла 40 пудов. Когда вода была глубокой, судно приводилось в движение парными веслами, укрепленными в его носовой части, и было способно идти против течения. В случае необходимости кораблик перевозили на лошади или даже переносили на руках, днище использовали как емкость для промывания рыбы, посола и т. п.

Рыболовный промысел

Снасти

Рыбу в Турове ловили неводом, сетями, *рогульками* (удочками), при помощи блесны, *дорожки*, *вершами* или *остями* (баграми). Каждая семья имела собственные снасти. Наиболее распространены были самодельные сети, *вентеря*, *верши*, наставки из прутьев, веревок, бересты.

Особого искусства требовало изготовление из лозы вершей, вентерей и нитяных сетей. Сети плели из пряжи конопли (пенька) или льна (кудели). Наиболее часто

---

[11] Письмо Зелика Шустермана от 17 ноября 2002 г. из Нетивота (Израиль), Архив автора.

употребляли сети из пеньки и хлопчатобумажной пряжи. Признанными умельцами плетения сетей и изготовления рыболовецких снастей в Турове считались семьи Бляхер, Брегман, Вайнер и Гольцман.

Оригинальными орудиями лова были *котец* и *езы*. Котец, сеть-ловушку овальной формы, делали из тонких деревянных колышков, оплетенных лозовыми прутьями или бечевой. Им перегораживали протоку: когда вода убывала у средней и крупной рыбы не оставалось другого пути в реку. Пойманную живую рыбу помещали неподалеку, в крошечное озерцо – *саж*, где ее хранили до наступления холодов.[12]

Проще всего было воспользоваться неводом, но применяли и более замысловатые приемы лова. Умельцы устанавливали *езы*, частокол из толстых свай, которые вколачивали в дно реки. К *езу* привязывали прочную сеть с колокольчиком, и, когда он начинал звонить, рыбаки быстро затягивали сеть. Езы ставили преимущественно на большую рыбу, которая заходила в Припять из Случи. Когда вода отступала, в высыхающих водоемах рыбу можно было ловить голыми руками.[13]

Из крупной рыбы у берегов Турова промышляли осетра, а еще чаще сомов, вес которых достигал трех пудов, а иногда и больше. Сомов и щук ловили на блесну и *дорожку*. Бечеву, навитую на катушку, распускали и один конец надевали на ухо рыбаку, а другой, с блесной, – опускали в воду. Рыбак быстро выгребал к течению, и оно медленно несло его вниз, а когда рыба задевала блесну, он сразу чувствовал.

В летние месяцы сомов ловили на *приладу* – на крючок сажали «целый ком слизняков» (речных моллюсков), вынутых из раковин.[14] Один рыбак тихо правил лодкой, а второй *вабил* – ударял по воде пустым кувшином, когда весло опускалось и входило в воду, имитируя звук, которым сомы привлекали самок. Весной в Турове ловили язей и другую рыбу, которая «играла» у берега во время нереста. Для этой цели использовали *нережки* – мешки из тонкой сети, укрепленные на колышках. Нережки крепили в два ряда, оставляя между ними «ворота». Язи, «гоняясь друг за другом», срывали нережки и запутывались в них. Рыбак, заслышав плеск и колебание колышков, спешил вынимать улов.[15]

В Турове широко применялась ловля на *шнур*, длина которого могла достигать 200 аршин. Шнур, к которому на расстоянии каждого аршина был прикреплен крючок с наживкой, на ночь опускали на дно реки. Утром его вынимали, проверяя улов язей, щук или стерляди.

В озерах вокруг Турова рыбу ловили *крышами* – приспособлением в виде сети, положенной спереди на полозья, а сзади прикрепленной к колу. Ловили втроем,

---

[12] Ю.А. Лабынцев*, В глубинном Полесье*. Турово-Пинская земля, Москва 1989 г., с. 57.

[13] И.А. Эремич, «Очерки Белорусского Полесья», *Вестник Западной России*, Вильно 1867 г., кн. 8, т. III, с. 114.

[14] Для наживки рыбаки в Турове чаще всего использовали моллюсков *двустворки* (типа перловицы), брюхоногих или улиток.

[15] *Полесье и полешуки*, с. 55.

два рыбака тащили сеть спереди на полозьях по камышам, а третий – прижимал ее колом книзу.

Распространенным орудием лова были *коши*, плетенные из лозы, или *ятеря* с воронкообразным входом. Весной идущую на нерест рыбу доставали *хватками*, или *пауками*, – квадратными сетками на длинном шесте. Некоторые умельцы летом, в зной, вытаскивали сонную рыбу из каменных укрытий у берега под водой голыми руками, такая ловля называлась *пичкурованием*.[16]

Ловля

Рыбным промыслом на берегах Припяти занимались белорусы и евреи, не имевшие других занятий. Одни из них позволяли себе это круглый год, а другие – только в свободное от хозяйственных забот время. Рыбу ловили в больших и малых реках, озерах, ручьях, протоках и даже на болоте. По оценке минского губернатора, рыболовством занималось не менее одной третьей части населения Мозырского уезда. Улов 1854 г. составил 20 тыс. 100 пудов стоимостью 12 тыс. 60 руб., из которого в продажу поступило рыбы на 8 тыс. 910 руб. (74%).[17] Кроме рыбы ловили много раков, в количестве, далеко превосходившем местное потребление. Раковые шейки сушили и мешками продавали купцам в Варшаву, получая хороший доход.[18]

Славой лучших рыбаков пользовались жители Мозыря, Давид-Городка, Петрикова и Турова. Они ловили независимо, работали в артелях или нанимались к «рыбопромышленникам» и арендным содержателям озер и заливов. «Безапелляционными воротилами» рыбной торговли считались *атаманы*, под надзором которых осуществлялись лов, соление и вывоз продукции. В Мозырском уезде в имениях Левандовского «Чистая Лужа», Огаркова «Ленин» были заведены искусственные пруды для разведения карпа.[19]

Обилие рек и озер давало возможность местным жителям заниматься рыбной ловлей профессионально. В Минской губернии наибольшее распространение она получила в Мозырском, Пинском и Речицком уездах. В 1906 г. в Минской губернии рыболовством было занято 3098 чел., выручивших от продажи своего улова более 110 тыс. руб. Пуд рыбы продавался в городах и уездах по цене от двух до восьми рублей. Случаи отравления рыбой были редкими, так как местная администрация следила за состоянием водоемов и привлекала виновных к строгой ответственности.[20]

---

[16] И. Комаров, *Руководство к уженью рыбы*, Москва 1906 г.

[17] *Итоги рыболовства в Мозырском уезде в 1854-1855 гг.*, Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАРБ), ф. 21, оп. 1, д. 1, л. 203.

[18] Еврейская традиция относила раков к некошерным продуктам, и их добычей были заняты белорусы.

[19] *Обзор состояния Мозырского уезда за 1914 г.*, НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 562, лл. 374-377.

[20] *Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1908 г.,* Минск 1907 г., с. 76-77.

Курени

В летнее время на берегах Припяти рыбаки устраивали временный лагерь (*курень*). В одном шалаше из лозы и хвороста размещалось от пяти до восьми человек. Сезон начинался весной, когда паводок спадал и река возвращалась в привычное русло, и продолжался до глубокой осени.

Рыбаков преследовали комары и *мошка,* и нужно было быть *полешуком*, чтобы пережить эту и другие невзгоды. Основное время ловли приходилось на темное время суток. С восходом солнца рыбаки возвращались в курень, отдыхали, чистили рыбу и чинили снасти. В случае обильного улова они звали на помощь жителей близлежащих деревень. Послеобеденное время посвящалось отдыху до заката солнца, а затем производственный цикл повторялся.

На курене имелось два-три *ушата*[21] с соляным рассолом, куда складывалась очищенная рыба. Несколько суток спустя ее развешивали на открытом воздухе, где солнце и ветер довершали дело. В зависимости от погоды этот процесс занимал от одной до трех недель. В Мозырском уезде было шесть «главнейших» куреней – в Костюковичах, Блажевичах, Лясковичах, Перерове, Ляховичах и Турове. Все они, за исключением казенного переровского, принадлежали частным владельцам. Подсобному рабочему, привычному к воде, платили от 6 до 8 руб. в месяц при хозяйских харчах. Атаманы куреней нанимались в основном за часть улова, который составлял не менее четвертой части всей пойманной рыбы, или за 120–200 руб. за сезон, в зависимости от количества нанятых рыбаков и числа водоемов.[22]

Артели

До того как оживала работа в курене, открывался сезон ловли сетями на артельных началах. Едва воды Припяти освобождались от ледового плена, рыбачьи партии по четыре человека на лодку занимали все отмели. Они забрасывали сети и вынимали их ниже по течению, сменяясь днем и ночью. Рыба, попавшая в невод, считалась собственностью рыболова. Снасти и лодки находились в совместном пользовании, и выручку от улова делили поровну. В ряде случаев владелец сети или лодки получал большую часть. Так продолжалось всю весну, пока уровень воды не падал, открывая весь берег. Тогда ловля на реке прерывалась и возобновлялась только с подъемом воды. Лето, осень и начало зимы, пока лед оставался не очень крепким, артели рыбаков продолжали ловлю в заливах и озерах вокруг Турова.

В Мозырском уезде существовало более тридцати подобных артелей: в Мозыре –

---

[21] *Ушат* - кадка, бондарная посуда емкостью 1-2 ведра, невысокая, круглая, слегка расширяющаяся кверху, с двумя «ушами» (ручками) на верхнем срезе, в отверстие которых продевалась палка для переноски.

[22] «Рыбная ловля в Мозырском уезде», *Памятная книжка Минской губернии 1878 г.*, с. 74.

15, Петрикове – восемь, Давид-Городке – пять и Турове – четыре. Улов каждой из них мог составить от двух до двадцати пудов за одну ночь, или 10 тыс. пудов за сезон.[23] Артельной ловлей рыбы в Турове в разное время были заняты Дорфманы, Запесоцкие, Кауфманы, Котики, Чечики и Шлейзманы.

Ужение

Традиционная ловля на удочку была доступна любому желающему. Отличные удилища получались из лещины, а леска плелась из конского волоса, крючки были самодельными. Лучшим временем для ловли считалось раннее утро, пока рыба была голодна и быстро хватала насадку. Вечером клев шел тоже лучше, чем днем, когда рыба пряталась в укромное место и отдыхала. В пасмурную погоду можно было удить целый день. Все виды рыбы жадно брали наживку после окончания нереста, когда были истощены после метания икры.[24]

Наиболее подходящим временем в году для ужения рыбы считались май, июнь и начало июля, затем клев почти прекращался и возобновлялся в августе. Весной в Турове удили у самого берега, в жаркую погоду – в реке у камыша, осенью – на самых глубоких местах. Большую роль играло знание дна – песчаное, глинистое, покрытое илом или тиной. Каждый вид рыб привлекали особой приманкой – ловили на червей, мух, личинок жуков и бабочек, кузнечиков и других насекомых. Для крупной рыбы в качестве наживки использовали раков, мелкую рыбу, лягушек и даже мясо, сыр, ягоды и хлеб. Искусство рыболова заключалось в умении правильно подсечь рыбу во время клева и вытащить из воды.[25]

Жизнь на реке не прекращалась круглый год. Едва лед сковывал Припять и Струмень, жители передвигались по протоптанным в снегу тропкам с заречной стороны напрямую, без подъема на мост. Водовоз длинным черпаком заполнял огромную бочку и развозил воду по домам, купить у него пару ведер воды могла любая хозяйка. Жители Турова заготавливали лед для летнего сезона, женщины в проруби полоскали белье. Речные склоны становились полным раздольем для любителей покататься на лыжах. Во время сильных морозов толстый лед гулко лопался и издавал звук, подобный пушечному выстрелу.

Весной лед темнел, набухал, истончался и под давлением воды трескался. Это происходило, как правило, с 21 марта до 1 апреля. Огромные льдины ворочались, наползали друг на друга, ломались и стремительно мчались вниз по течению. Уровень воды в реке заметно поднимался, и льдины оставляли рваные раны на

---

[23] Там же, с. 75.

[24] *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и А.И. Ефрона*. Под редакцией К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского, СПб 1890-1907 гг., т. 27, с. 385-387.

[25] Подробнее о ловле рыбы удочкой в XIX веке: С. Аксаков, *Записки об ужении*, Москва 1874 г.; И. Радкевич, *Ужение рыбы*, СПб 1874 г.; Р. Львов, *Практический рыболов*, СПб 1891 г., и др.

стволах шеренги огромных тополей, иногда на двухметровой высоте, хотя в обычное время эти деревья отстояли на пригорке метров на пятьдесят от берега.

Угрозу человеку представляла не только долгая и суровая, но и слишком мягкая зима без снега и мороза. Это могло подорвать даже сильное хозяйство. Если болота и реки не замерзали, нельзя было вывезти заготовленное летом сено из леса – лошадь и возница тонули. Голодные животные ревели в хлеву, и их начинали кормить зерном, предназначенным для выпечки хлеба, и остатками семенного картофеля. Когда и они заканчивались – срывали солому с крыши, скормили солому – не хватило на подстилку животному, не стало навоза для весеннего сева.[26]

Зимой чаще всего рыбаки прибегали к *поплаву*. Эта была четырехугольная сеть, сплетенная в форме мешка, которую удерживали колом и веревками. Поплав устанавливали на глубине или *быстринах* – местах с быстрым течением. Вода в болотистых речках «сдыхалась», и рыба в поисках воздуха стремилась к проруби. Улов, как правило, был богатым. Больше всего было плотвы, налимов и сомов, окуня, щуки и стерляди. В озерах вокруг Турова в зимнее время рыбу ловили большой сетью подо льдом. Две большие проруби рубили рядом и сеть протаскивали под водой при помощи веревок. Через одно из отверстий, *устье*, опускали сеть, а через другое, *вздойма*, ее вытаскивали.

Самым «обыкновенным» занятием считалась ловля вьюнов. Во льду делали небольшую круглую лунку, куда вставляли корзину с двойным дном и отверстием посередине. Вьюны в поиске воздуха стремились к проруби и набивались в корзину. Рыбаки несколько раз в день обходили свои угодья и проверяли улов. Вьюнов нанизывали по 15–18 штук на палочку, или *метку*. Сто меток составляли *трос*, цена которого колебалась от двух до трех рублей. В хорошие годы улов мог оказаться настолько обильным, что вьюнов целыми возами продавали или меняли на муку, зерно, картофель и яблоки.[27]

Хранение и сбыт

В 70-е годы XIX века рыбы было много. Ее сушили, вялили или хранили в сыром виде в специальных *ледовнях* – погребах, упрятанных в землю. Зимой туда заносили большие плиты нарезанного на реке льда, и рыба, укрытая соломой, подо льдом не портилась в течение более полугода – с января до июля.

Однако продать рыбу можно было только, если «еврей завернет в деревню». В полесской глуши, где сообщение было затруднено, жители с благодарностью пользовались услугами «кочевников-евреев» (посредников). За мороженую рыбу на базаре платили от трех до пяти копеек за фунт. Свежую рыбу нанизывали на выструганные палочки или нарезали, укладывали в корзины или ковши и в таком

[26] J. Mackiewicz, *Bunt rojstow*, Wilna 1938, s. 128.

[27] *Полесье и полешуки*, с. 57.

виде предлагали на продажу. Существовал большой выбор сушеной рыбы. Дорогие сорта везли в Бобруйск, Минск, Варшаву и на ярмарки – в Слуцкий, Новогрудский, Слонимский и другие уезды.[28]

Потомственным рыболовом в Турове был Арон Чечик, имевший вместительный погреб с ледником. Арон ловил рыбу в Припяти и прудах сам или скупал ее у крестьян окрестных деревень. В семейном предприятии участвовали его брат Меир и сестра Бейла, которые сушили, вялили и продавали рыбу. Чечики любили свою работу, делали ее хорошо, в заказчиках недостатка не знали. В Вереснице, вблизи Турова, этим же промыслом занимались еще несколько еврейских семей – Лаховские и Гренадеры, которые были родственниками Чечиков.[29]

Соблюдение кашрута

Основным потребителем рыбы являлось еврейское население, которое, по свидетельству современников, все «шабесы и вообще праздники» не представляло без рыбных блюд. Лов рыбы был запрещен в субботу и еврейские праздники.

Талмуд содержит упоминания 700 видов рыбы, которую различает как ритуально *чистую* и *нечистую*. В пищу была разрешена только та, которая имела хотя бы один плавник или легко отделяемую чешую. Рыба с плавниками, но без чешуи признавалась нечистой. Дополнительными признаками считались наличие хребта и форма головы. У ритуально чистых рыб был развитый хребет и плоская голова, а «нечистые» не имели хребта и отличались заостренной головой и особой формой пузыря (у «чистых» рыб один его конец был заостренный, а другой тупой, тогда как у «нечистых» – оба конца были тупыми или заостренными). К подобным признакам обращались, когда по внешнему виду нельзя было судить, имеет рыба чешую или плавники. «Чистой» признавалась рыба, которая держалась ближе к поверхности воды, тогда как «нечистая» обитала глубоко под водой, особенно если вода была стоячей и болотистой. Считалось, что глубоководная рыба содержит много холода и влажности и поэтому не годится для употребления в пищу. Запрет на «нечистых» рыб распространялся и на их икру.[30]

Свежесть определяли по красноте жабр. Больным традиция рекомендовала употреблять больше мелкой рыбы. Однако это не имело отношения к женщинам, кормившим грудью, из опасения, что рыба повлияет на качество материнского молока. Существовали ограничения на употребление определенных видов рыбы для людей, страдавших заболеваниями глаз.[31]

---

[28] *Памятная книжка Минской губернии 1878 года*, с. 72.

[29] Песя, жена Лейбы Лаховского, была дочерью сестры Арона Чечика - Бейлы Чечик.

[30] Черная икра считалась некошерной, а красная - кошерной, *Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона,* т. 15, с. 883.

[31] Там же, т. 13, с. 751.

В Турове не ели сомов, линей, угрей, стерлядь и осетров, которые не были кошерными. Сомы считались «болотной» рыбой, угри не имели плавников, а стерлядь и осетр – ярко выраженной чешуи. Если они попадали в сети к евреям, то шли только на продажу или обмен.

* * *

Жизнь на реке помогала евреям выдержать нелегкие испытания в девственном крае – Мозырском Полесье и стать его неотъемлемой частью. Водная стихия и нетронутые леса, окружавшие Туров, оказали большое влияние на повседневную жизнь евреев, заставили сверять каждый свой шаг с изменениями в природе. Связь эта стала настолько естественной и гармоничной, что нашла отражение в прозвищах, которые со временем превратились в наследуемые фамилии. Вассерманами в Турове называли людей, которые возили воду с реки,[32] Фишманами – рыбаков и торговцев рыбой,[33] Шифманами – людей, живших на берегу, или лодочников,[34] Зарецкими – пришедших в Туров из-за Припяти и пр.

Река помогала выжить, она кормила, служила транспортной артерией и приносила дополнительный заработок. Нелегкий климат: вечная сырость, болотные испарения и туманы – не оказывал вредного влияния на здоровье туровцев. Несмотря на тяжелый труд, евреи-полешуки долго оставались сильными и выносливыми, а столетний возраст не считался редкостью. Лесной воздух, пропитанный смоляными испарениями, содействовал сохранению хорошего самочувствия. Этому помогала мясная и рыбная пища, малодоступная в других местечках черты оседлости. Жизнь у воды дала еще один пример еврейской приспособляемости и выживаемости, способности извлекать уроки на пути преодоления препятствий и учить этому следующие поколения.

[32] Вода - Wasser *(идиш)*.

[33] Рыба - Fish *(идиш)*.

[34] Лодка - Shif *(идиш)*.

Медицина

Лечение от недугов и болезней долгое время оставалось заботой самих жителей местечек. Конечно, ортодоксальные евреи соблюдали одну из основных заповедей Торы, которая обязывала заботиться о физическом и умственном здоровье. Это имело прямое отношение к проблеме выживания в таком глухом уголке Белорусского Полесья, как Туров. Понятия «медицина», «врач», «аптека», «инъекция», не говоря уже о прививках и антибиотиках, пришли в Туров не сразу. Патриархальная жизнь и оторванность от центра заставляли жителей чаще полагаться на доморощенных лекарей, владевших секретами народной медицины, чем на советы доктора, который был в Турове редким гостем. До уездного Мозыря, где находилась ближайшая и единственная в округе больница, по воде или суше нужно было преодолеть более 100 км, поэтому страдавшего тяжелым недугом везли туда только в том случае, если была уверенность доставить его живым.

Политика «народного здравия»

Начало широкому развитию медицины в Российской империи положил Петр I, преобразовав в 1714 г. Аптекарский приказ в Медицинскую канцелярию. В 1706 г. с целью иметь «природных русских врачей» в Москве открыли госпиталь, при котором устроили медицинскую школу. Екатерина II, чтобы «сохранить врачеванием» народ и «завести» российских докторов, лекарей и аптекарей, основала Медицинскую коллегию в 1763 г. Уже в 1775 г. власти направили в уездные города первых врачей, которые подчинялись губернским врачебным управам при Министерстве внутренних дел России.

В состав врачебной управы при канцелярии минского губернатора входили

инспектор, фармацевт, делопроизводитель и их помощники.[1] Основная ее обязанность состояла в опеке *народного здравия*, профилактике эпидемий и предотвращении падежа скота. Кроме того, врачебная управа контролировала качество съестных припасов, порядок их продажи в лавках и аптеках и торговлю *москательными* товарами.[2] Врачебный устав 1855 г. включал правила надзора за гражданскими лечебными заведениями, проведения судебно-медицинских исследований, выдачи разрешений на приготовление прохладительных напитков и минеральных вод, косметических средств и т. д.[3]

Медицинского персонала хронически не хватало. По неполным данным, в 1889 г. в Российской империи насчитывался 12 тыс. 521 врач, а в 1896 г. – 16 тыс. 400 врачей, или лишь 8 на каждые 100 тыс. жителей. Больше всего было вольнопрактикующих врачей – 26%, за ними следовали земские – 14,5%, врачи при больницах и богадельнях – 10,5%, уездные и окружные – 5,4%, а сельские врачи составляли всего 1,97%.[4]

Минской губернской врачебной управе подчинялся Мозырский комитет общественного здравия под председательством предводителя уездного дворянства. В комитет входили уездный исправник, полицмейстер, городской голова, врач и настоятель православного храма. Уезд обслуживали всего два сельских врача, состоявших на государственной службе. Они получали помощь от вольнопрактикующих и земских врачей, фельдшеров, дантистов, братьев и сестер милосердия, повивальных бабок, дезинфекторов, массажистов и ветеринаров. За счет губернского земского сбора существовали сельское врачебное отделение и несколько небольших больниц на десять коек каждая. В каждом врачебном участке было устроено два приемных покоя на два места в каждом.

Если медицинские услуги оказывали люди без специального образования, то это могло повлечь за собой арест на срок до трех месяцев или штраф до 300 руб. Однако из-за недостатка лекарей власти применяли наказание только в случае несанкционированного использования ядовитых или сильнодействующих препаратов.[5]

Первое свидетельство о появлении врача в Турове относится к 6 октября 1815 г.: мозырский земский *исправничий* (исправник) сообщал минскому военному губернатору о направлении в казенное имение Туров Мордуха Крейнгольца как особо способного лекаря, «аттестованного от разных медицинских чиновников» с 1796 г. Крейнгольц зарекомендовал себя прилежным специалистом, имевшим

---

[1] Первоначально *врачебная управа* была создана для надзора за военными госпиталями, а попечение о здоровье гражданского населения губернии возлагалось на них только как дополнительная функция.

[2] *Москательные* (от перс. *мошк* - «мускус») *товары* – краски, клеи, технические масла и другие химические вещества как предмет торговли.

[3] Врачебный устав, *Свод законов Российской империи*, т. 13, СПб 1857 г.

[4] *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и А. И. Ефрона*, СПб 1890-1907 гг., т. 36, с. 895.

[5] *Уложение о наказаниях*, СПб 1874 г., ст. 104.

опыт *пользования* (лечения) больных, военных и гражданских. На этом основании 22 октября 1815 г. Врачебная палата «ходатайствовала перед губернатором и Казенной палатой об утверждении Мордуха Крейнгольца в Турове по медицинской части *навсегда* (курсив наш. – *Л. С.*), назначив ему годовое жалованье 150 руб. серебром и дополнительно 150 руб. серебром на медикаменты». Одновременно оговаривалось, чтобы страждущие крестьяне получали от врача *скоропостижную помощь, но от них никаких наград не было*, а господин мозырский штаб-лекарь оказывал врачу Турова содействие, давал предписания и сообщал в минскую управу. 18 июня 1816 г. министр финансов по департаменту государственных имуществ утвердил назначение Мордуха Крейнгольца в качестве особого от казны лекаря и положил ему 150 руб. серебром жалованья, которое полагалось лесному смотрителю или ловчему за счет лесного управления. Врачу разрешалось выбрать из крестьян двух мальчиков для обучения лекарскому мастерству. Больных предлагалось лечить в собственных домах, а если понадобится, отделить, и тогда продовольствие для них собирать в самом селении из запасов крестьян.[6]

Евреи-медики принадлежали к той категории еврейского населения, на которую распространялось право «повсеместного жительства» в Российской империи. В сельской местности широко использовался труд фельдшеров, которые имели право на самостоятельные действия в случае возникновении очагов инфекции. Фельдшеры делали небольшие хирургические операции, прививки, накладывали повязки, шины при переломах. С разрешения уездного врача они заведовали небольшими сельскими больницами и даже выписывали несложные рецепты.

Аптекарские помощники, зубные врачи, фельдшеры и повивальные бабки имели право находиться вне черты оседлости при условии занятости своей специальностью. Однако если они «обратились к торговле или иным промыслам», не имевшим отношения к медицине, то подлежали выселению. Фельдшеров, как и врачей, не хватало. Из 32 школ, готовивших средний медицинский персонал в империи, на Белоруссию приходилась лишь одна, в Могилеве.[7] Правительство было обеспокоено тем, что для многих евреев обучение в школах младшего медицинского персонала служило лишь предлогом, чтобы вырваться за пределы *черты*. Поэтому полиции предписывалось «неусыпно» следить за евреями-студентами и высылать их в случае, если выяснялось, что обучение носит формальный характер. Прием евреев в фельдшерские и акушерские школы был ограничен пятипроцентной нормой.[8]

---

[6] Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАРБ), ф. 134, оп. 1, д. 170, т. 1, 1813-1867 гг., циркуляр 146. Автор благодарит Галину Савельевну Рыженкову за возможность ознакомиться с настоящим документом.

[7] *Еврейская энциклопедия. Под общей ред. А. Гаркави и Л. Каценельсона*, СПб 1906-1912 гг., т. 15, с. 209.

[8] Ю. Гессен, «К судьбе евреев врачей в России», *Еврейская старина*, СПб 1910 г. Вып. 4, с. 12.

По итогам медицинской реформы 1887 г. Мозырский уезд разделили на два участка, на каждом из которых было занято по одному сельскому врачу. Туровский участок, в свою очередь, делился на три медицинских пункта, которые обслуживали семь фельдшеров по вольному найму (по одному фельдшеру на волость) и одна повивальная бабка.

В конце 80-х годов XIX века в Мозырском уезде служило семь штатных врачей: Александр Мартиньянович Подгаевский из имения Михновича первого стана, Залман Мордухович Шерешевский (Давид-Городок), Рудольф Иванович Навродский, Абрам Майзелев (Скрыгалов), Федор Степанович Булгаков и Алозий Антонович Стаховский (Петриков). Им помогали вольнопрактикующие врачи: Абрам Мигдалович из Лахвы, Гирш Ошерович Метгодев и Вульф Гиршевич Бухлернер из Давид-Городка. В Турове практиковали Федор Кузьмич Тереховский, Исаак Мордухович Шерешевский и Ицко Зархович Фенишер.[9]

Цирюльниками в Мозырском уезде были (оказывали не только парикмахерские услуги, но и выполняли некоторые обязанности лекаря – производили кровопускания, ставили пиявки и т. п.) мещане Нисель и Шмерко Глинские (Давид-Городок), Сроль Белявин (Лахва), Берко Мовшевич Басманик (Петриков) и Мордух Лейбович Полин (Туров). На весь уезд в 1888 г. был только один зубной врач – Григорий Васильевич Корнюшка, который по совместительству выполнял обязанности фельдшера.[10]

Реформирование сельской медицины, проведенное в 1887 г., заметно улучшило общую ситуацию. Квалифицированная помощь стала более доступной: жители Турова впервые смогли лично обращаться к докторам. Врачи посещали приемные покои в сельской местности несколько раз в месяц, и к дню их приезда собирались больные из наиболее отдаленных мест. В 1890 г. губернский архитектор представил на утверждение смету на приспособление под больницу в Турове дома мещанина Брегмана с выделением помещения для двух врачей, фельдшера, кухни, *лекарни* (приемного покоя) и покойницкой. Смету утвердили, на эти нужды из казны было выделено 6097 руб. 63 коп., и в Турове появилась своя больница на десять мест.[11]

Основной медицинской проблемой в Белорусском Полесье во второй половине XIX века были инфекционные заболевания: оспа, скарлатина, брюшной тиф, коклюш, кровавый понос, корь и дифтерия. В 1888 г. в Мозырском уезде первое место по заболеваемости принадлежало натуральной оспе – 396 случаев, второе – скарлатине (93), третье – коклюшу (89). Предупредить вспышки инфекции было трудно, поскольку вызывавшие их факторы менялись, а всеобщая вакцинация не проводилась. В 1887 г. к росту заболеваемости населения привели сильный весенний паводок после ледохода, ядовитые испарения от высыхания болот летом, увеличившаяся влажность осенью, резкие перепады температуры и шквальные ветры зимой.

---

9 НИАРБ, ф. 299, оп. 3, д. 552, л. 177.

10 Там же, оп. 1, д. 859, лл. 1-3; ф. 333, оп. 4, д. 9572, лл.1-4.

11 Там же, ф. 299, оп. 3, д. 552, л. 188.

Жители Турова страдали от лихорадки, ревматизма и воспалений дыхательных путей. В 1888 г. в Мозырском уезде за врачебной помощью обратились 7 тыс. 899 чел., однако 205 из заболевших спасти не удалось. Больше всего страдали малярией – 1 тыс. 354 чел., глистами – 977 чел., чесоткой – 809 чел., катаром верхних дыхательных путей – 60 чел.[12]

В 1892 г. врачи братья Залман и Исаак Шерешевские составили отчет о больных, обратившихся за медицинской помощью в Турове и его окрестностях. Всего за год было отмечено 3 тыс. 775 случаев заболеваний, из которых 40 окончились летальным исходом. С августа по сентябрь 1892 г. в Турове было отмечено шесть случаев азиатской холеры, от которой умерли четыре человека. Больных коклюшем было зарегистрировано два человека, гриппом переболели 60 чел., один из которых скончался. Дизентерия приняла размеры эпидемии с июня: ею болели 20 чел., из которых один умер, скарлатиной – 14 и четыре из них умерли, холерой – три. От венерических заболеваний лечились восемь человек.[13]

Долгое время самым страшным заболеванием оставалась оспа. В Мозырском уезде в 1888 г. болезнь поразила 827 чел., из которых 119 умерло. Такая ситуация повторялась каждые два-три года, и только через десять лет ее удалось взять под контроль. Фельдшер Туровской волости Степан Кондыбович докладывал 7 декабря 1898 г. его высокоблагородию г-ну сельскому врачу Туровского участка, что за четыре месяца 1898 г. в Туровской и Ленинской волостях Мозырского уезда от натуральной оспы было привито свыше 2 тыс. жителей. Кондыбовичу помогал сельский фельдшер Хойникского пункта Речицкого уезда Михаил Барташевич. За эти успехи в борьбе с эпидемией в мае 1903 г. их наградили серебряными медалями.[14]

Одной из причин устойчивости высокого уровня заболеваемости оставалось некачественное питание. В 1908 г. врачебной управой при канцелярии минского губернатора по Туровскому участку были отмечены сведения о брюшном, сыпном и возвратном видах тифа, цинге, дизентерии, желудочно-кишечных заболеваниях и куриной слепоте. Так, за две недели июня 1908 г. в Турове зарегистрировали четыре случая дизентерии, в деревнях Хорск, Туры, Уголец, Ольшаны – 42 случая кори, а в Перерове и Толмачеве шесть человек заразились сыпным тифом. По Ленинскому врачебному сельскому участку за тот же период времени оказались инфицированными брюшным тифом 26 чел., по Лельчицкому участку скарлатиной – 12 чел. Для предотвращения распространения эпидемии в Мозырский уезд был направлен отряд медиков из резерва врачебной управы минского губернатора.[15]

Помимо инфекционных вирусов и малярии хронической проблемой оставались глазные болезни. Гнойное воспаление глаз (до 170 случаев) наблюдалось по всему Туровскому участку почти равномерно в течение года, но еще больше летом, во

[12] Там же, д. 553, л. 275.

[13] Годовой отчет мозырского уездного врача за 1892 г., Там же, д. 835, л. 2.

[14] Рапорт Туровского волостного фельдшера от 7 декабря 1898 г., Там же, д. 1017, лл. 3, 66.

[15] Там же, д. 1306, лл. 1-6.

время полевых работ. В 1903 г. по ходатайству Мозырской земской уездной управы в местечко был выписан глазной отряд Попечительства императрицы Марии Александровны, заведование которым поручили врачу Мозесу Хаимовичу Каганову.[16] Однако неожиданно Каганов отказался, а найти замену оказалось сложно. В газетах к тому времени дважды сообщалось о намеченной экспедиции. В последний момент окулистка отряда, Надежда Александровна Левина, приняла руководство, и отряд медиков прибыл в Туров на два месяца.[17]

К 1914 г. в Мозырском уезде существовала небольшая сеть медицинских учреждений: шесть больниц действовали в Мозыре, Турове, Лельчицах, Ленине, Петрикове и Давид-Городке. В дополнение к ним земские врачи работали в Копаткевичах и Скрыгалове, а фельдшерские пункты существовали при каждой волости. Мозырский полицмейстер, давая общую характеристику состоянию здравоохранения в уезде, сообщал минскому губернатору, что население все с большим доверием относится к медицине, но многие еще продолжают обращаться к знахарям и шептунам.[18]

Аптеки

Важным достижением местечковой медицины стало развитие аптечного дела. Аптеки обеспечивали население и врачей лекарствами и химическими препаратами, простейшими приспособлениями и инструментами, необходимыми для борьбы за жизнь больного. Евреи приняли самое активное участие в развитии российской фармакологии. На этом поприще их труд был настолько востребован, что власти не создавали им никаких преград в проживании, обучении и деятельности. По положению 1835 г., евреи, прошедшие медицинский курс и «назначенные в фармацевтические звания», имели право на почетное личное гражданство. Закон от 7 апреля 1860 г. позволял нанимать христиан в качестве прислуги для содержания аптек.

В Мозырском уезде большинство аптек принадлежали евреям. В 1887 г. хозяином первой аптечной лавки с правом торговли ядовитыми и сильнодействующими веществами по списку литеры «А» стал купец второй гильдии Вульф Гиршевич Айзенберг. Он жил в Давид-Городке, а в его аптеке по найму работал провизор Йосель Бейнусович Харлин.[19] В Петрикове аптеку держал провизор Яков Иосифович (фамилия в документе неразборчиво. – *Л. С.*), а в Турове – Бенцион Ицкович Равиков.[20]

Каждая аптека имела несколько помещений. В рецептурной комнате стоял

[16] Рапорт Туровского волостного фельдшера от 7 декабря 1898 г., д. 1566, л. 467.

[17] Там же, лл. 471, 474.

[18] Там же, ф. 295, оп. 2, д. 562, л. 378.

[19] Там же, ф. 299, оп. 3, д. 553, л. 276.

[20] Там же, д. 552, л. 117.

шкаф для хранения патентованных препаратов и ядовитых веществ с особыми весами, ступками, совочками, там же выдавали готовые лекарства. Рецептурную книгу и тетрадь продажи ядов прошнуровывали и скрепляли печатью врачебной управы Минского губернского правления. На видном месте висели аптечная такса, утвержденная медицинским советом министерства внутренних дел, и список врачей с правом самостоятельной практики. В отдельной комнате готовились настои и отвары. В кладовой хранились исходные материалы для изготовления лекарств и другие запасы. При аптеке были ледник, сухой подвал и сушильня для обработки трав, цветков и корней растений.

В местечках аптеку открывали при условии, что в радиусе 15 верст не существовало такой другой. Учредитель был обязан иметь звание провизора, а разрешение на открытие *вольной* (частной, или негосударственной) аптеки сохраняло силу в течение полугода. 29 декабря 1889 г. Израиль Шевелевич Кацнельсон из Мозыря «всеподданнейше» просил врачебную управу при Минском губернском правлении разрешить открыть аптечную лавку в Турове с правом продажи «аптечных веществ», за исключением ядовитых и сильнодействующих. Кацнельсон представил купеческое гильдейское свидетельство, выданное Мозырским уездным казначейством, и купил гербовые марки на 80 коп. При подаче прошения он воспользовался услугами мещанина Шмая Вульфовича Ельника, который оформил просьбу надлежащим образом – «сочинил прошение и переписал».[21]

Мозырское уездное полицейское управление дало положительное заключение, и аптека начала работать. Беднякам разрешался «даровой», бесплатный, отпуск лекарств за счет земства.

В 1901 г. держателями аптек в Мозырском уезде были еврей Лев Фридман (Туров и Житковичи), поляк Станислав Старжинский (Давид-Городок), русский Иван Ковзон (Петриков) и немец Вильгельм Генрихсен (Копаткевичи).[22] К 1908 г. число хозяев аптек евреев выросло до четырех: Лев Фридман (Туров и Житковичи), Арон Гельман (Ленин), Лея Израэлит (Петриков) и Шая Голубов (Скрыгалов). В Давид-Городке Станислава Старжинского сменил Вацлав Ромуальдович Райский (поляк), а Криницкий (белорус) открыл аптеку в Мозыре.[23]

В 1914 г. аптеку в Турове перекупили супруги Ядвига-Терэса и Станислав Вржиковские.[24] С аптеками в Мозыре, Давид-Городке, Копаткевичах, Лельчицах, Ленине, Петрикове и Житковичах конкурировали аптекарские магазины, в которых население предпочитало приобретать большинство лекарств, не требующих особого изготовления. Бороться с этим было невозможно, так как в аптекарском магазине лекарства стоили дешевле.[25]

[21] Рапорт Туровского волостного фельдшера от 7 декабря 1898 г., Там же, д. 617, л. 1.

[22] *Памятная книжка Минской губернии на 1901 год*, Минск 1900 г., с. 93.

[23] *Памятная книжка Минской губернии на 1908 год*, Минск 1907 г., приложение, с. 56.

[24] *Памятная книжка Минской губернии на 1915 год*, Минск 1914 г., приложение, с. 55.

[25] НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 562, л. 376.

Санитарный контроль

Медицинское обслуживание включало профилактические меры, важнейшей из которых было соблюдение санитарии и гигиены. Санитарное состояние населенных пунктов Туровской, Лельчицкой, Тонежской и Березовской волостей было неудовлетворительным. Весной и осенью дороги и улицы покрывала непроходимая грязь. Сильная скученность населения и отсутствие гигиены в быту таили большую опасность. Избы стояли близко друг к другу, и среди них оставалось много *курных*,[26] где в одном общем помещении проживало десять и более душ. Зеленых насаждений, садов или огородов вокруг жилищ не было.

Туров располагался в низменном месте, на отлогих берегах Припяти и Струмени, которые при паводках заливались водой. Водоемы, стоки и колодцы нередко были загрязнены скапливавшимися на частных дворах нечистотами. Организованного вывоза отбросов не существовало. В отчете мозырского уездного врача отмечалось, что евреи упорно сопротивляются распоряжениям санитарной службы и не боятся штрафов.[27]

На здоровье людей влияло плохое качество питьевой воды. В 80-е и 90-е годы XIX века появились прохладительные напитки и соки, газированная вода. Врачебная управа Минской губернии выпустила «Инструкцию о санитарных мерах при производстве и продаже освежающих безалкогольных напитков». Все заведения, занятые изготовлением фруктового и хлебного кваса, сельтерской и содовой воды, должны были иметь специальное разрешение, которое выдавалось бесплатно после санитарной инспекции. Продажа напитков со столиков и в ларьках в садах, лавках и на улицах подчинялась определенным правилам. Напитки нужно было хранить в емкостях с оловянным покрытием и оловянным краном, сиропы – в цилиндрических сосудах из прозрачного стекла и ежедневно ополаскивать их после использования. Отдельно говорилось о средствах и принадлежностях для чистки алюминиевой посуды и мытья стаканов.

Летом 1891 г. Шмуйло Аксельрод из Радошковичей «покорнейше просил» санитарный отдел Минского губернского правления разрешить открыть в Турове заведение для производства прохладительных газовых фруктовых вод и лимонадов.[28] В соответствии с процедурой, из Минска направили запрос о благонадежности Аксельрода. 25 октября 1891 г. вилейский уездный исправник доносил, что мещанин Шмуйло Аксельрод под судом и следствием не состоял, в безнравственности и политической неблагонадежности замечен не был, и потому на открытие им в Турове указанного заведения «препятствий не встречается». 2 ноября 1891 г. губернский врачебный

[26] *Курная* - изба, не имевшая трубы, и дым от печи выходил непосредственно через отверстие в крыше.

[27] Утилизация отходов требовала дополнительных вложений, которые уездная администрация не выделяла, переоборудовать бойни было дорого, поэтому евреи-арендаторы не видели другого выхода, как периодически выплачивать штрафы.

[28] НИАРБ, ф. 299, оп. 3, д. 802, л. 1.

инспектор, после того как был уплачен гербовый сбор, выдал свидетельство о праве производства и торговли напитками. При этом подчеркивалось, что «лимонады» должны готовиться из качественных материалов с соблюдением чистоты «под опасением ответственности по наказанию, налагаемому мировым судом».[29]

Особые требования санитарного контроля предъявлялись к продавцам мяса. Лавки имели столы, обитые цинком, цементный пол, стены следовало ежедневно смывать горячей водой. Мясники надевали белые фартуки, мясо на столах накрывали чистым сукном. Колоды для рубки мяса делались из твердых пород дерева, держать мясо на полу или рубить на столах воспрещалось. Торговлю мясными отходами позволялось вести в отведенном для этого помещении.[30]

Для кондитерских, булочных и пекарен запрещалось использовать сырые подвальные помещения с низким потолком. Пол должен быть без щелей и неровностей, стены и потолок требовалось «обметать от паутины», пыли и белить три раза в год – в марте, июне и сентябре. Инструментарий булочных: весы, ножи, скалки, чашки, квашни, ящики, покрывала – требовалось содержать в чистоте. В пекарнях не разрешалось спать и хранить запас муки. Работники, имевшие на руках язвы или раны, нарывы, сыпь, страдавшие туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями, не допускались к выпечке. Для окраски кондитерских изделий нельзя было использовать минеральные и анилиновые красители, вместо которых предлагались растительные – соки плодов, овощей и ягод.[31]

Насколько строго эти правила соблюдались в Турове, судить трудно, однако штрафы и угроза закрытия заведения вынуждали хозяев считаться с требованиями санитарного контроля. Случалось, что евреи шли на подкуп полицейского чина, чтобы тот не дал хода результатам проверки. С другой стороны, несоблюдение санитарных норм вело к потере клиентов, что было еще страшнее, так как грозило разорением.

Ветеринария

Уровень здравоохранения зависел и от деятельности ветеринарной службы, которая помогала правильно ухаживать за скотом, спасать стада от падежа, проводить селекцию путем подбора племенных производителей. Однако квалифицированных специалистов не хватало. В Минской губернии в 1895 г. было всего 16 ветеринарных врачей, из которых девять служили в системе МВД, два – в военном ведомстве, а пять были вольнопрактикующими. На одного ветеринарного врача по губернии приходилось 144 тыс. 928 голов скота (!) Врачам помогал 41 ветеринарный фельдшер, из них четверо жили в Минске, 14 – в уездных и заштатных городах, а 23 – непосредственно в уездах.[32]

---

[29] Там же, л. 2.

[30] *Памятная книжка Минской губернии на 1898 г.*, Минск 1897 г., с. 157-158.

[31] Там же, с.155-156.

[32] *Памятная книжка Минской губернии на 1896 год*, Минск 1895 г., с. 16.

В 1894 г. Туровская волость страдала от падежа домашнего скота, вызванного ящуром, сибирской язвой, эпизоотией, туберкулезом и чумой животных. Наиболее распространенным оказался ящур – 2 тыс. 335 случаев по Мозырскому участку (пало 39 животных), бешенством заболели 8 коров и 6 овец, а пять человек, покусанных собаками, направили на Пастеровскую станцию в Минск.[33]

В 1911 г. Мозырский участок обслуживали два ветеринарных фельдшера и один ветврач, что было крайне мало для уезда, территория которого простиралась более чем на 300 тысяч квадратных километров.[34] Ветеринарный врач жил в Березовской волости, в 125 верстах от Мозыря, и до ближайшего фельдшерского пункта нужно было добираться за 90 верст. Путь сообщения оставался конным, а для того чтобы известить о новых случаях заболеваний скота, требовалось от трех до четырех недель! Поэтому вовремя отреагировать на вспышки эпидемии среди скота было почти невозможно. Мозырская уездная управа настаивала на назначении дополнительно двух ветеринарных врачей – в Житковичи и Лельчицы.

Состояние животноводства находилось в прямой зависимости от экономического положения уезда. Скот в Турове чаще держали для домашних нужд, чем на продажу. Некоторые помещики имели стада рогатого скота с примесью симментальской и тирольской пород. Племенное коневодство отсутствовало. Рабочие лошади были низкорослыми и маломощными, их использовали как тягловую силу, а выездных завозили из других губерний. Овец держали только для стрижки шерсти и получения сукна; шкуры шли на тулупы, а мясо – в пищу. Домашнюю птицу – гусей, кур и уток – продавали скупщикам в другие города и за границу: за откормленного гуся получали 2,8 руб., за курицу – 1,2 руб.[35]

В 1912 г. в ветеринарное отделение Минского губернского правления поступили сведения о количестве домашнего скота в Турове, собранные волостными правлениями и полицией. По данным ветеринарного надзора за местами торговли скотом, в Туров на летнюю ярмарку 1911 г. было приведено на продажу 400 лошадей (средняя цена – 75 руб.). Скотобойни в Турове, открытые в 1886 г., были деревянными и находились в частном владении. В 1911 г. было забито крупнорогатого скота вместе с молодняком 1 тыс. 505 голов и 459 овец. Плата за убой одного быка равнялась 40 руб., коровы – 25 руб., теленка – 13 руб., овцы – 13 руб. Свиньи в списке не значились, что косвенно подтверждало принадлежность бойни евреям и ее кошерность.[36]

Перед началом первой мировой войны ветеринарный врач жил в Мозыре, и ему помогали четыре ветфельдшера: в Карлине, Турове, Петрикове и Давид-

[33] НИАРБ, ф. 299, оп. 4, д. 322, л. 348.

[34] Расстояние от города Мозыря до Турова составляло 155 км, до Давид-Городка - 185 км, до Лахвы - 173 км, до Ельска - 31 км, до Копаткевичей - 58 км, до Лельчиц - 79 км, до Ленина - 162 км, до Петрикова - 60 км, до Скрыгалова - 33 км. См.: *Памятная книжка Минской губернии на 1913 г.*, Минск 1912 г., с. 175.

[35] НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 562, л. 374.

[36] Там же, ф. 299, оп. 4, д. 322, л. 289.

Городке.[37] Правила ветеринарии получали все большее распространение среди жителей местечек, которые учились предотвращать падеж скота, улучшать подбор племенных производителей, увеличивать поголовье.

* * *

До Октябрьской революции уровень здравоохранения в Турове оставался невысоким. Хронический недостаток врачей и элементарных знаний у населения не позволял эффективно противостоять болезням, что неизбежно отражалось на качестве и продолжительности жизни жителей.

Вместе с тем во второй половине XIX века в области охраны здоровья были достигнуты определенные успехи. Доморощенные лекари начали уступать место дипломированным медикам. Несмотря на то, что средства, выделяемые правительством на здравоохранение, были скромными, на них и частные пожертвования были открыты первые больницы, аптеки и фельдшерские пункты, расширена подготовка медицинских кадров, начата вакцинация населения. Методы народной медицины все шире использовались во врачебной практике. На общей ситуации благоприятно отразилось введение в населенных пунктах и местах производства санитарного контроля и медицинской статистики.

Евреи приняли самое активное участие в развитии медицинской сферы услуг. На первом этапе они могли беспрепятственно открывать аптеки, больницы, зубоврачебные кабинеты, получать высшее и среднее медицинское образование. Еврейские врачи практиковали в самых отдаленных уголках Северо-Западного края, не боялись брать ответственность за здоровье пациента. Однако заметный их рост среди хозяев, провизоров и управляющих аптек, вольнопрактикующих врачей, дантистов и фельдшеров, медицинских сестер, ветеринаров и цирюльников заставил власти насторожиться. Конкуренция с евреями, по мнению чиновников, могла привести к их монополии в области здравоохранения, и поэтому к началу XX века права еврейских медиков были существенно ограничены.

Пример Турова показывает, как в Мозырском Полесье, малообжитом и заповедном крае европейской части Российской империи, евреи быстро заняли и освоили открывшуюся медицинскую «нишу». Их заслуги и авторитет как людей знающих и преданных своему делу признавались белорусами и часто сводили на нет многие официальные ограничения на местах. Это создавало атмосферу межнационального доверия и взаимопомощи, что благотворно влияло на добрососедское сосуществование двух народов.

---

[37] Там же, ф. 295, оп. 2, д. 562, л. 377.

Пожары

Деревянный Туров горел неоднократно. Местечки черты оседлости отличались невероятной скученностью – жилые дома и хозяйственные постройки теснились вплотную друг к другу. Отсутствие свободных участков заставляло застраивать каждый «пятачок», несмотря на угрозу пожара. Огонь мог в считанные часы безжалостно истребить все вокруг, сведя результаты многолетнего труда к исходной точке. Счастье, если во время этой беды жители оставались живыми и невредимыми.

Угроза пожара висела над туровцами постоянно. Обвинения страшнее, чем в поджоге, нельзя было придумать, и оно могло повлечь самосуд. Пожар являлся коллективным наказанием за неосторожное обращение с огнем, небрежность в кузнице или на мельнице, при приготовлении пищи, освещении помещения. Однако не все зависело от человека. Летом на болотах вокруг Турова от жары тлел торф, молния во время грозы могла неожиданно зажечь дерево или соломенную крышу любого дома. И, если это вовремя не обнаружили, вскоре полыхало все вокруг. Пожары отбрасывали развитие местечка назад на целые годы и существенно влияли на демографическую ситуацию. Не все погорельцы были в силах поднять хозяйство из пепелища и тогда покидали родные места.

В Северо-Западном крае

Количество пожаров и размеры понесенного ущерба ежегодно возрастали.[1] Пожары были серьезным бедствием особенно в белорусских губерниях империи, покрытых густыми лесами и болотами. В 1885 г. в Гродно сгорело 517 домов и по-

[1] В целом по России, не считая прибалтийских, привислянских губерний и областей Войска Донского, с 1860 по 1869 г. происходило в год 14,5 тыс. пожаров, в 1870-1879 гг. - 30 тыс., в 1880-1889 гг. - 45 тыс., *Статистика Российской империи*, т. 40. Сборник сведений по России, 1896 год. Изд-е Центрального статистического комитета при МВД России, Москва 1900 г., с. 38.

строек на сумму 4 млн 31 тыс. руб., в 1887 г. в Витебске – 454 дома на 651 тыс. руб., в 1892 г. в Мозыре – 505 домов на 725 тыс. руб., в 1895 г. в Бресте – 1232 дома на 4 млн 276 тыс. руб. и т. д.[2]

На рост пожаров повлияло распространение в обиходе керосина и спичек, но главное – отсутствие предупредительных мер, контроля и необходимой разъяснительной работы. В предотвращении пожаров существенную роль играли строительные материалы. Если убытки, причиненные пожаром каменным, крытым железом строениям, принять за единицу, то каменные дома с деревянной кровлей горели чаще в 4,5 раза, деревянные, крытые только тесом, – в 7 раз, а соломой – в 18 раз.[3]

К пожару могли привести непогашенные окурок или спичка, огонь и раскаленные предметы вблизи сена или легковоспламеняющихся материалов, неумелое устройство костров, неосторожное обращение с печью и керосиновыми лампами. Однако часто причину пожара так и не удавалось определить. В 59 губерниях европейской части России с 1880 по 1889 г. по неустановленным причинам произошло 40% всех возгораний.[4] На мельницах и в магазинах, где хранилась мука, в пекарнях причиной возникновения пожара могла стать мучная пыль. Возгорания случались от неправильного устройства или неисправного состояния топок и дымовых труб. Некоторые виды производства (лесопильные, мукомольные и др.) страдали от пожаров регулярно. В среднем они теряли свое имущество из-за огня полностью каждые 20–25 лет. Несмотря на это, обилие и дешевизна леса и рабочих рук позволяли быстро восстановить потери. Долгое время отсутствовали ясные правовые нормы, которые регулировали бы устройство и содержание противопожарных средств.[5]

В Минской губернии

«Злейшим врагом человеческого общежития» являлись пожары в Минской губернии. В 1889 г. они причинили населению убытков на 1 млн 912 тыс. 176 руб. По сравнению с предыдущим годом рост пожаров составил 14%, а сумма потерь выросла на 23%. В городах губернии в 1889 г. произошло 39 пожаров, а в уездах – 707. Больше других пострадали от стихии огня Минск, Несвиж, Мозырь, Пинск, Бобруйск, Слуцк, Борисов, Новогрудок и Игумен, а в Речице и Докшицах пожаров сумели избежать.[6]

---

[2] *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*, СПб 1890-1907 гг., т. 24, с. 155-156.

[3] П.Д. Хвицкий, *Руководство для борьбы с огнем в селениях*, СПб 1895 г., с. 12.

[4] П. Лохтин, *О самовозгорании в связи с вопросом о причинах пожаров в России*, Москва 1890 г., с. 34.

[5] Т.М. Турчинович, *Устройство и содержание фабрик в связи с мерами к достижению пожарной безопасности*, Киев 1889 г., с. 21.

[6] *Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 г.*, Минск 1902 г., с. 130.

Чаще всего пожары в Минской губернии возникали летом и осенью. После проведенного в 1889 г. расследования причин 317 пожаров было установлено, что в 157 случаях они стали следствием неосторожного обращения с огнем (48%), поджога (28,7%), «дурного» устройства печей (11,9%) и удара молнии (11,4%). Тем не менее в 419 случаях, или 56,3% всех пожаров за 1889 г., причины возгорания так и не были обнаружены.[7]

Рост потерь от стихии огня увеличивался год от года и заставлял власти принимать меры. Общая картина ущерба, нанесенного пожарами государственным, частным и общественным постройкам в Минской губернии за последнее десятилетие XIX века, представлена в табл. 1.

Таблица 1
Ущерб, причиненный пожарами в уездах Минской губернии с 1889 по 1901 г.[8]

Уезд	**Численность населения,** *чел.*		**Ущерб от пожаров,** *руб.*	
	1889 г.	**1901 г.**	**1889 г.**	**1901 г.**
Бобруйский	161 289	286 480	67 006	75 686
Борисовский	162 047	263 278	61 653	68 637
Игуменский	182 638	259 861	66 349	219 060
Минский	145 574	301 035	193 003	224 530
Мозырский	123 296	204 924	53 372	115 529
Новогрудский	218 765	271 013	540 861	238 173
Пинский	170 882	257 990	147 431	265 132
Речицкий	152 011	250 497	101 820	204 809
Слуцкий	190 245	285 571	265 961	202 312
Итого	**1 506 747**	**2 380 649**	**1 497 456**	**1 613 868**

В 1889 г. наибольший урон пожары причинили Новогрудскому, Слуцкому и Минскому уездам, за которыми следовали Пинский и Речицкий. В 1901 г. в первую тройку уездов, наиболее пострадавших от стихии огня, снова вошли Пинский,

[7] *Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1891 г.*, Минск 1890 г., с. 238.

[8] Составлено по: *Памятная книжка Минской губернии на 1891 г.*, Минск 1890 г., с. 237-239, *Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 г.*, Минск 1902 г., с. 130.

Новогрудский и Минский уезды, к которым добавился Игуменский уезд. Более чем в два раза в 1901 г. увеличился ущерб от пожаров в Речицком и Мозырском уездах: в Мозырском уезде потери от пожаров выросли с 53 тыс. 372 руб. в 1889 г. до 115 тыс. 529 руб. в 1901 г. В целом по Минской губернии урон от происшествий, связанных с огнем, в 1901 г. увеличился на 116 тыс. 412 руб. по сравнению с 1889 г. и составил 1 млн 613 тыс. 868 руб.

В Турове

Туров горел не один раз. В 1834 г. пожар уничтожил большинство домов в местечке, единственную синагогу и семь церквей.[9] В 1857 г. страшный пожар «подверг жестокому пламени» почти все жилые помещения, в том числе две молитвенные школы (синагоги). Верующие евреи оказались в таком бедственном положении, что просили минского гражданского губернатора приписать их к раввинату Мозыря и посылать в Туров помощника мозырского раввина.[10]

Пожары 1868–1869 гг.

В конце октября 1867 г. уездный исправник доносил из Мозыря минскому губернатору, что 15 октября в Турове произошел пожар, начавшийся с хозяйственных построек Мовши Молочного. Затем сгорели сарай с амбаром Нисона Молочного с движимым имуществом на 1000 руб. и товары Гирши Брегмана на 800 руб., а также мебель купца Зуси Рашкина. Огонь уничтожил одновременно дома Евдокима Жуковца и Якова Сергейчика. Всего убытки составили 3013 руб. серебром. За два дня до этого, 13 октября, была попытка поджога сарая Хайки Молочной. Подозрения пали на крестьянина Григория Страха, который, по словам Залмана Брегмана и Липы Шпейзмана, пытался выбросить спички, когда его вели на квартиру к становому приставу. Григорий вину отрицал, а других улик против него не было. До этого, 30 августа 1867 г., в местечке также горели несколько домов, и пристав Мухля пытался произвести дознание, но улик не обнаружил, а обвинения, выдвинутые евреями, не подтвердились. Для выяснения всех обстоятельств мозырский исправник просил губернатора назначить в Туров следственную комиссию.

Однако комиссию не прислали, а пожары продолжались. 24 апреля 1868 г. в сарае Ривки Либерман начал тлеть навоз, от которого занялась стена. Подозрение

---

[9] *Памятная книжка Минской губернии*, Минск 1878 г., ч. 1, с. 101.

[10] Прошение депутатов Туровского еврейского общества Мозырского уезда на имя минского гражданского губернатора графа Келлера от 1 апреля 1862 г., Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАРБ), ф. 299, оп. 2, д. 5760, л. 50.

пало на крестьянина Наровлянской волости Рафаила Кучинского, оказавшегося в Турове. Следующие возгорания произошли 28 апреля – у Реши Легчиновой и 2 мая – у Пини Мордухова. По обвинению в поджогах были задержаны Иван Горбачевский из Пинска и Виктор Рончинский из Мозырского уезда, которых после допроса отпустили.

Это переполнило чашу терпения, и евреи Турова пожаловались виленскому генерал-губернатору князю Багратиону. Шлёма Гоберман 6 мая 1868 г. от имени общины писал, что в местечке «*вскоренились* пожары, обратившие большую часть домов в пепел и прах, и множество семей привели к последней нищете». В письме утверждалось, что частые пожары были результатом поджогов, но подозреваемые не выявлены. Князь Багратион обратился за содействием к минскому губернатору, который направил в Туров мозырского исправника. Несмотря на это, возгорания продолжались: 8 мая – повторно у Реши Легчиновой, а 9 мая – у Арона Шнайдмана. 12 мая 1868 г. в рапорте судебного следователя отмечалось, что с сентября 1867 г. по май 1868 г. в Турове произошло семь пожаров, причиной которых, по мнению евреев, стали поджоги, и «брожение умов туровских евреев доведено до крайности». 21 мая дело о пожарах в Турове было передано в уездный суд Мозыря.

Частые пожары настроили власти на версию о преднамеренности поджогов. Начальник Минского губернского жандармского управления приказал своему представителю в Мозырском уезде майору Виллю взять дело в Турове на контроль. Однако едва исправник покинул Туров, как пришло известие о семи (!) новых пожарах, случившихся с 20 по 25 мая. Среди подозреваемых оказались: крестьяне Людвиг Сенкевич и его жена Йозефа; служанки поручицы Бушевой, Мария и Ева; мещанин Гирш Сосник и его сын Борух-Йосель. Сосник-младший якобы сознался в преступлении, совершенном «по договору» с дочерью помещика Млынского, бывшей замужем за лесничим Бушем. Сын Млынского незадолго до этого был казнен по приговору суда после подавления крестьянских волнений в Новоалександровске.

Часть евреев не согласилась с официальной версией и противодействовала ведению следствия. Едва пристав Мухля, три жандармских офицера, десятский и сотский арестовали Боруха-Йоселя и отвели на становую квартиру для допроса, как образовалось «скопище» евреев. Они «сбеглись» со всех сторон и бросились в дверь с «невыразимым шумом и ругательствами». Евреи выбили стекла в дверях и пытались драться с жандармами. Неизвестно, чем бы закончились «эти страсти», если бы в разгар потасовки не раздался крик «пожар!» Толпа бросилась туда, где должен был бушевать огонь, но, ничего не обнаружив, вернулась назад с «азартом и шумом». Евреи требовали допрашивать задержанного только в их присутствии. Наиболее неуважительно вели себя Зусь Черницкий, Мендель Шепшулин, Берко Гренадер и Мензель. Для наведения порядка исправник подал рапорт направить в Туров отряд казаков.

Следствие насторожило, что после большого пожара 30 августа 1867 г. в Турове евреи заявили «неимоверную цифру» понесенных убытков – 279 тыс. 586 руб. в недвижимом и 86 тыс. 970 руб. в движимом имуществе. Была выдвинута версия

о том, что потерпевшие хотели получить от казны 10% стоимости ущерба и беспокоились, чтобы эту сумму не сократили за счет недоимок. Следователь Кривуша настаивал, что «зловредные евреи» создали «подземный» (подпольный. – *Л. С.*) пожарный комитет. Они якобы пускались «на всякие мерзости», сами устраивали поджоги всякий день, кроме субботы и еврейских праздников. Утверждалось, что евреи проявляли неуважение «к любому человеку не их исповедания» и даже задерживали «нижних полицейских служителей», требовали замены следователя. В Туров были направлены 25 казаков из Слуцка.

Однако версия о преднамеренном характере поджогов не подтвердилась. Исправник Мищенко доложил губернатору, что в начале 1867 г. 47 еврейских семей взяли ссуду в 9334 руб. серебром, а в результате пожара 30 августа 1867 г. дома 27 семей из них оказались погорельцами. Круговая порука объединяла только хозяев, получивших ссуду, и поэтому допустить, чтобы «евреи, не участвовавшие в ссудном долгу, могли прибегнуть к столь гибельному злоупотреблению, подвергая опасности уцелевшие дома», было невозможно. Проанализировав ситуацию, полиция пришла к выводу о несостоятельности версии о групповом сговоре евреев Турова.

Не нашло подтверждения предположение о небрежности, приведшей к пожарам. Торфяные болота, окружавшие Туров и другие окрестные населенные пункты, дымились от жары. Почти одновременно с пожарами в Турове, случившимися с 20 по 25 мая, произошли 12, 22 и 28 мая 1868 г. возгорания в Давид-Городке, от которых пострадали дома местных жителей. Караульный вовремя забил тревогу и сумел потушить пламя своими силами. Два пожара возникли в Давид-Городке 12 июля утром, в результате чего сгорели двор мещанина Петра Летуна и хутор Трофима Бесана, а общий ущерб составил 600 руб. Следственная комиссия просила минского губернатора распространить ее полномочия на Давид-Городок и направить сотню казаков для разъездов.[11]

Жандармы не согласились с выводом полиции о несостоятельности версии группового сговора. 25 июня 1868 г. начальник Мозырского жандармского управления утверждал, что пожары в Турове инициированы евреями. Конкретные обвинения пали на купцов пятого класса: Мордуха Чечика, Шимона-Лейбу Ламдана, купеческого племянника Ицку Брегмана и кагальных старост – Йоселя Коробочку и Шлёму Гобермана. За нападение на квартиру станового пристава с целью отклонить допрос Гирша Сосника были взяты под стражу Шлёма и Берко Гренадеры, Мендель Шифман, Зусь Черницкий и Ицко Тепленький. Всех задержанных препроводили в мозырский тюремный замок. Виленский генерал-губернатор дал санкцию предать их военно-полевому суду по обвинению в поджогах с политической целью.

Передача дела военно-полевому суду допускала вынесение смертного приговора, который обжалованию не подлежал. Поняв, какая опасность нависла, евреи взмо-

[11] Такое указание было отдано коменданту военного гарнизона Бобруйской крепости, который направил в Мозырь в распоряжение исправника полусотню казаков 50-го Донского полка.

лились о пощаде. В состав комиссии по расследованию причин пожаров в Турове вошли следователь Кривуша, майор Вилль, заседатель Мозырского уездного суда Котельников и пристав Мухля. Сведения о методах ведения допросов обвиняемых и условиях их содержания в тюремном остроге в Мозыре не сохранились. Однако энергичные протесты подследственных и намеки, которые они сделали в своих ходатайствах в вышестоящие инстанции, оставляют неизгладимое впечатление. Берко Гренадер умолял минского губернатора о снисхождении и настаивал, что он невиновен, объясняя арест «неудовольствием г-на пристава», настроенного антисемитски. Юдель Найдич, зять туровского купца Мордуха Чечика, обвинял следственную комиссию в пристрастных действиях. В прошении Йоселя Гительмана от 1 августа 1868 г. говорилось: «…Я не имею столько слов, чтобы выразить плачевное положение и теряюсь от ужаса, когда вспоминаю о гонении, которое я получил от комиссии».

«Почетные домохозяева» из Турова: Шлёма Кругман, Нисон Молочный, Борух Брегман, Абрам Гренадер и Симха Байдачник – составили записку на имя главного начальника Северо-Западного края. В ней они призывали обратить внимание на критическое положение евреев местечка, страдающих от «столь невыразимых гибельных случаев», и просили освободить из-под ареста «честнейших купцов и хозяев». Особым пунктом шло ходатайство возложить содержание казаков в Турове на счет казны. Другое письмо еврейская община направила генерал-губернатору в Вильно, на котором губернатор сделал красноречивое резюме: «Жалуются на неправильные действия следственной комиссии и просят об удалении мирового посредника Мясоедова и пристава Мухли, при которых не может открыться истина».

Пожары в Турове временно прекратились. В расследовании приняли участие все ветви государственной власти: от главного начальника Северо-Западного края, виленского генерал-губернатора и минского губернатора до мозырского исправника, уездного суда и жандармского управления, коменданта военного гарнизона Бобруйской крепости и Минской палаты уголовного и гражданского суда.

Обвинение в поджогах не подтверждалось, брожение умов усиливалось, хозяйственная жизнь местечка не налаживалась, и все взывало к компромиссу. 22 сентября 1868 г. минский гражданский губернатор доложил виленскому генерал-губернатору, что по результатам проведенного расследования поджоги в Турове не носили политического характера, и рекомендовал вести дело в общеустановленном порядке. В Вильно согласились, и 17 октября 1868 г. вопрос был передан в Минскую палату уголовного и гражданского суда. Смертельная опасность миновала, 24 февраля 1869 г. Палата уведомила, что дело о пожарах в Турове закрыто и все издержки на его ведение приняты на счет государственной казны.[12]

[12] Дело о пожарах в Турове в 1867-1869 гг., НИАРБ, ф. 295, оп. 1, д. 1951, лл. 1-10, 14-46, 54, 57-61, 68, 77, 87, 90, 97, 102-103, 116, 121-126, 128-129, 131-143, 272-291.

Пожар 1884 г.

20 июня 1884 г. загорелся дом на окраине Турова, и вскоре полыхали десятки построек. За два часа сгорело около 320 домов и среди них – 80 домов христиан, четыре синагоги, включая большую синагогу, красивее которой, по свидетельству современников, не было во всей округе. Сообщение об этом было опубликовано в газете *hа-Цфира* от имени Шломо-Хаима, сына Авраама Марголина из Турова. Шломо, по его признанию, «скрепя сердце и с трясущимися руками» писал, что несчастье жителей Турова необъятно, как море! Многие остались без крыши над головой, не имея никакого другого имущества и даже одежды. Причиненный ущерб оценивался в тысячи рублей серебром. Местная управа была поглощена огнем, и в ней сгорели семейные списки, поэтому всем выходцам из города должны были выслать старый паспорт, чтобы они получили разрешение вернуться домой. Письмо Марголина заканчивалось отчаянным призывом: «Посему, братья наши, далекие и близкие, подайте, кто сколько может!»[13] По версии газеты *Русский еврей* пожар уничтожил почти все местечко Туров. В огне погибло более 400 еврейских домов и четыре синагоги, а по другим сведениям – 280 домов, принадлежавших евреям, и 95 – христианам.[14]

Спустя несколько месяцев Шломо Марголин сообщал читателям *hа-Цфира*, что призыв о помощи был услышан, и выражал искреннюю благодарность всем «благодетелям», сделавшим пожертвования. Раввин Барух Кацман собрал в пользу погорельцев из Турова 76 руб., Шмуэль Горовиц из Столина прислал 18 рублей серебром, Зеэв Юдович из Городка – 18 руб., а известный чайный фабрикант Высоцкий из Москвы – 100 руб.[15] Однако пожертвования не шли ни в какое сравнение с масштабами потерь. Туров в который раз был вынужден заново отстраивать утраченные жилища.

Пожары 1899–1900 гг.

Главный раввин Турова Арье-Лейб Цви Гольдберг летом 1900 г. снова обратился за помощью от имени своих прихожан и всех жителей местечка. В его письме, помещенном в газете *hа-Цфира*, говорилось, что раны Турова после опустошительного пожара 1899 г. еще не зажили, как «снова Господь Бог поверг наш город в огонь». После полуночи загорелся один из домов, и меньше чем через час полыхали 120 жилых домов, в результате чего свыше 200 семей лишились всего, что имели. Большая часть погорельцев смогла спасти лишь самих себя и детей. Многие дома были только что отстроены, а их владельцы собирались отметить новоселье, но не успели оформить страховку. Раввин Гольдберг благодарил жителей

---

13 «Последствия пожара в Турове Минской губернии», *hа-Цфира,* 22 июля 1884 г.

14 *Русский еврей,* 1884 г. № 27, с. 15; № 28, с. 9.

15 *hа-Цфира,* 9 сентября 1884 г.

Давид-Городка и Петрикова, которые прислали хлеб и другие продукты питания на первое время. Однако он подчеркивал, что погорельцы не могут держаться на одном хлебе и вновь зависят от помощи благодетелей, далеких и близких.[16]

Пожары 1906–1908 гг.

В последующие годы пожары повторялись не один раз. Остановить их никто не мог. Отсутствие земли, плотность застройки, примитивность пожарной охраны, использование дерева как единственного в полесской глуши доступного строительного материала – эти и другие причины делали жителей Турова заложниками огненной стихии. От пожара в равной степени страдали евреи и белорусы, дома которых близко подступали к еврейской части местечка. 29 июня 1906 г. в Турове от неосторожного обращения сгорела ветряная мельница Даниила Гольца, которому был причинен ущерб в 800 руб. Всего через две недели, 14 июля, огонь уничтожил дом Шмерки Штильмана, в одночасье потерявшего имущества на 1900 руб. 20 апреля 1908 г. от поджога в Турове сгорели холодные постройки 27 хозяев, которые потерпели ущерб на 12 тыс. 215 руб.[17]

Лесные пожары

Что такое лесной пожар, в Турове хорошо знали и понимали, какую серьезную опасность он представляет для людей, домашних животных и хозяйства. Основными его причинами являлись грозовые разряды, самовозгорания торфяной крошки и сельскохозяйственные палы в жаркую погоду или небрежность людей. Ненасытное пламя пожирало деревья и кустарники, заготовленную древесину. Пожары снижали защитные и другие полезные свойства леса и губили фауну.

В зависимости от места распространения огня пожары делились на *низовые, верховые* и *подземные*. При *низовом* сгорала лесная подстилка – лишайники, мхи, травы, упавшие на землю ветки. Пожары могли быть *беглыми* и *устойчивыми*. При беглых сгорали верхняя часть напочвенного покрова и подлесок. Они распространялись с большой скоростью, обходя места с повышенной влажностью, поэтому часть площади оставалась нетронутой. Беглые пожары в основном происходили весной, когда просыхал только верхний, легко воспламеняющийся слой травяного покрова. *Устойчивые* низовые пожары начинались с середины лета. Они шли медленно, дотла выжигая напочвенный покров. Корни и кора деревьев сильно обгорали, пропадали подрост и подлесок.

---

[16] *hа-Цфира*, 18 июня 1900 г.

[17] Рапорты уездных исправников о происшествиях в Минской губернии. Канцелярия губернатора, стол № 1, НИАРБ, ф. 295, оп. 1, д. 7831, лл. 23-28.

Свидетелем низового пожара в районе Турова стал А.С. Тургенев во время посещения Полесья в 1857 г.: «...за зеленой полосой низкого ельника толстый столб сизого дыма медленно поднимался от земли, постепенно выгибаясь и расползаясь. Вправо и влево от него виднелись другие, поменьше и белее. Дым расстилался шире и шире, местами он внезапно чернел и взвивался высоко в небо. Скоро воздух потускнел, и сильно запахло горелым, и вот между деревьев странно и жутко, шевелясь на солнце, мелькнули первые, бледно-красные языки пламени. Огонь бежал по редкому сосновому лесу, подвигаясь неровной чертой, дым относило ветром. Это был *поземный* пожар, который только брил траву и, не разыгрываясь, шел дальше, оставляя за собой черный и дымящийся след. Там, где огню попадалась яма, наполненная сучьями или сухими листьями, он вдруг вздымался со зловещим ревом длинными волнующимися косицами, но скоро опадал и бежал вперед, слегка потрескивая и шипя. Зайцы беспорядочно бегали взад и вперед, без всякой нужды возвращаясь в соседство огня. Птицы попадали в дым и кружились, лошади оглядывались и фыркали, сам лес, будто гудел, становилось жутко от бившего в лицо жара».[18]

Огню меньше был подвержен молодой лес, но если он был *перестойным*, то дело осложнялось. Сухие, или «умершие», деревья, пораженные болезнями и вредителями, обрекали лес на полное уничтожение огнем. Стоило во время грозы молнии попасть в дерево, как возникал пожар. В молодом лесу вероятность возгорания существенно снижалась.[19]

Верховой лесной пожар охватывал не только древостой, но и травяно-моховой покров почвы. Он развивался из низовых пожаров при засушливой ветреной погоде среди насаждений с низкой кроной и наличии обильного хвойного подроста. Верховые пожары тоже могли превратиться в беглые или устойчивые. При устойчивых огонь надвигался от напочвенного покрова до крон деревьев сплошной стеной. Его сопровождало множество искр от горящих ветвей и хвои, летевших перед фронтом огня и создававших низовые пожары на расстоянии несколько десятков, а иногда сотен метров от основного очага.

Наиболее опасными считались *торфяные* пожары.[20] Они продвигались медленно, по несколько метров в сутки, но потушить их было практически невозможно. Пожары на торфяниках вырывались наружу неожиданными порывами, кромка не всегда была заметна, и можно было провалиться в прогоревший пласт. Признаком подземного пожара были запах гари, дым, сочившийся местами из почвы, и нагретая

---

[18] А.С. Тургенев, «Поездка в Полесье», Рассказ (1857 г.), *Полн. собр. соч. в 12 томах*, СПб 1898 г., т. 5, с. 288.

[19] Существует точка зрения, что пожары являются естественными природными санитарами - на месте выгоревшего старого появляется новый лес.

[20] *Торф* - горючее полезное ископаемое из остатков растений, подвергшихся неполному разложению в условиях болот, содержит 50-60% углерода, используется как топливо, удобрение, теплоизоляционный материал и др.

земля. Такие пожары случались чаще всего в местах добычи торфа, как правило, из-за неосторожного обращения с огнем, от разрядов молнии или самовозгорания.[21] Довольно часто *почвенные торфяные пожары* становились следствием низового лесного пожара. В слой торфа в этих случаях огонь углублялся у стволов деревьев. Горение происходило медленно и без пламени – корни деревьев подгорали, и они падали, образуя завалы. Торф горел медленно на всю глубину залегания, во все стороны, независимо от направления и силы ветра. Под почвенным горизонтом он не прекращался даже во время умеренного дождя и снегопада. Знающие люди советовали обойти его стороной, двигаясь против ветра так, чтобы он не догонял с огнем и дымом, не затруднял ориентирование. Остановить его можно было только путем устройства на пути огня заградительных полос и канав. Пожар тушили перекапыванием горящего торфа, заливая его большим количеством воды, поскольку торф почти не намокал.

Торфяные болота вокруг Турова не один раз приносили беду, когда дотла выгорали дома евреев и белорусов со всеми постройками, включая церкви и синагоги.

Борьба с пожарами

Возможности в борьбе с пожарами были ограничены. Попытки предупредить их не гарантировали, что беда вскоре не повторится.[22] Основным строительным материалом продолжало оставаться дерево, а каменные (кирпичные) постройки могли позволить себе только состоятельные люди. Зачастую в деревнях применяли землебитные, глиномятные, плетневые материалы, кизяк и искусственный песчаник, которые отличались устойчивостью к огню. Однако в Турове, среди лесов и болот, этот опыт был неприменим.

На распространении огня сказывались размеры и расположение построек. Строительный устав Российской империи предусматривал для деревянных зданий наибольшую длину в 12 сажен и высоту от поверхности земли до начала крыши в четыре сажени. Каменные постройки не имели ограничений, но кирпичные перегородки должны были делить их на отсеки, чтобы пламя не могло перекинуться на все помещение. Расстояние между деревянными домами предусматривалось не меньше четырех саженей в городах и шести саженей в местечках. Гумно[23] или овин[24] обязаны были отстоять не ближе 25 саженей от надворных построек. Ширина улицы равнялась не меньше чем десяти саженям, а бани, кузни, сушильни и подоб-

[21] Торф склонен к самовозгоранию при температуре 50º по Цельсию.

[22] Устав пожарной службы Российской империи делил противопожарные меры на предупредительные, оборонительные и спасательные.

[23] *Гумно* - сарай для сжатого хлеба.

[24] *Овин* - строение для сушки снопов перед молотьбой.

ные строения можно было строить лишь вне усадьбы. Лестницы из огнеупорного материала следовало располагать таким образом, чтобы с верхнего этажа можно было спастись, если пламя охватит нижний этаж.[25]

Когда помещик Даниил Нарейко в 1913 г. захотел открыть в Турове сукновальню, *пилораму* (лесопильный станок) и *бочкарню* (бондарное производство), он подал прошение в Строительное отделение при минском губернаторе. Старший фабричный инспектор потребовал, чтобы котельное помещение соответствовало условиям работы паровых котлов, на установку которых необходимо особое разрешение. Все двери производственного помещения должны открываться в сторону общего выхода и наружу, а лестница на второй этаж устроена из несгораемого материала.[26]

Одновременно губернский инженер запросил Мозырское уездное полицейское управление о проектируемом «заводе» в Турове: имеются ли препятствия к установке паровых котлов, угроза населению в пожарном отношении, не будет ли причинен ущерб окружающей среде? Только после получения положительного заключения пристава третьего стана Мозырского уезда о том, что проект Нарейко в пожарном отношении для жителей Турова безопасен, необходимое разрешение было выдано.[27]

Действенной мерой профилактики пожаров стало страхование имущества. В 1883 г. в Минской губернии было организовано Общество, которое предусматривало обязательное и добровольное (дополнительное) страхование имущества. Серьезные опасения потерять в одночасье нажитую собственность заставляли вносить немалые деньги. Обязательные страховые суммы в губернии за короткое время выросли с 20 до 28 млн руб. Динамика изменений страховых вкладов в завершающем десятилетии XIX века представлена в табл. 2.

Таблица 2

Страхование недвижимости от пожаров в Минской губернии с 1889 по 1901 г.[28]

Виды страхования и возмещения ущерба	Количество строений		Стоимость строений, *руб.*	
	1889 г.	1901 г.	1889 г.	1901 г.
Обязательное	582 503	20 061 057	384 586	28 842 516
Добровольное	561	321 897	4335	415 285

[25] А.А. Пресс, *Руководство для борьбы с огнем*, СПб 1891 г., с. 4.

[26] Дело об открытии дополнительного производства при мукомольной мельнице Нарейко в Турове, НИАРБ, ф. 299, оп. 5, д. 2205, лл. 1-10.

[27] Там же, лл. 11-12.

[28] Составлено по: *Памятная книжка Минской губернии на 1891 г.*, Минск 1890 г., с. 237-239, *Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1903 г.*, с. 130.

Данные табл. 2 показывают, что с 1889 по 1901 г. авторитет страхового дела в Минской губернии быстро возрастал. Владельцы, утратившие свое имущество в результате пожаров, могли рассчитывать на компенсацию, в противном случае их ждало разорение. Пожаров становилось все больше, а возможности страхования у населения оставались ограниченными. В 1901 г. был оплачен страховой полис за 5154 сгоревших здания, тогда как в 1889 г. – за 5730. Владельцы предпочитали страховать более значительные постройки и производства, компенсации по которым заметно увеличивались. Если в 1889 г. сумма выплаты пострадавшим от пожаров составила 174 тыс. 311 руб., то в 1901 г. – 265 тыс. 743 руб., или на 60,4% больше.

В Мозырском уезде пожары были частыми и опустошительными. В сухое летнее время угроза увеличивалась, всеобщая атмосфера тревоги передавалась даже детям. Борьба с огнем была возложена на пожарные дружины и команды. В России по данным, собранным графом А.Д. Шереметьевым в 1892 г., на постоянной основе существовало 590 профессиональных команд. Их дополняли *вольные* отряды, сформированные на добровольных началах: 250 городских, 2026 сельских, 127 заводских, 13 военных, 12 частных и два железнодорожных, которые объединяли около 85 тыс. чел.[29] Вольные пожарные команды существовали в Мозыре, Турове, Давид-Городке, Ленине, Лахве, Петрикове и Житковичах. Там из жителей набрали отряды добровольных помощников, которые несли ночную вахту.

Важную роль в противопожарных мероприятий сыграл Устав вольных пожарных дружин, утвержденный министерством внутренних дел в августе 1897 г. Местечки, имевшие от 100 до 200 дворов, обязаны были выставлять несколько телег с «вольными» дежурными. Община следила, чтобы в исправности находились бочки для воды не менее чем на 20 ведер, *одноколки*[30] и *дровни*[31] под бочки, ушаты воды вместимостью не менее пяти ведер, железные или кожаные ведра, багры, ломы, ухваты, лестницы в три сажени и пожарный звонок (колокол).[32] Пожарный инвентарь хранился в общественном сарае, который находился в доступном месте.

Вольное пожарное общество существовало под покровительством великого князя Николая Михайловича. В Мозырском уезде среди семи членов правления пожарного общества был и один еврей, Мендель Гухман, что являлось знаком общественного признания. Среди семи помощников председателя правления было три еврея – Шмая Ельник, Лейба Голод и Рафаил Егудкин.[33]

В Турове пожарная команда находилась в конце местечковой Красной площади. С колокольни велось наблюдение, и жители оповещались об опасности. С левой стороны стояла конюшня с лошадьми, на которых быстро доставляли бочки с во-

---

[29] *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*, т. 47, с. 152.

[30] *Одноколка* - легкий двухколесный экипаж.

[31] *Дровни* - сани с плоским настилом для перевоза грузов.

[32] А.А. Пресс, Указ. соч., с. 6.

[33] *Памятная книжка и календарь Минской губернии на 1901 г.*, Минск 1900 г., с. 162-163.

дой к месту возгорания. Домохозяева избирали пожарного старосту, на которого было возложено наблюдение за исправным содержанием всех «огненосительных» принадлежностей. Он проверял состояние крыш, дворов, печей, труб и дымоходов и опирался на помощников, по одному на каждые десять дворов. При пожаре все взрослые жители были обязаны немедленно прибыть на тушение со своим инструментом, безвозмездно выделять гужевой транспорт и подчиняться командам пожарного старосты.[34]

* * *

Противостояние огненной стихии отражало уровень самосознания общины, каждого ее члена и местной администрации. Пожар не считался с национальными, религиозными и имущественными различиями, уравнивал всех, независимо от хозяйственных, общественных противоречий, разногласий, личных симпатий или антипатий.

Туров горел неоднократно и не менее одного раза в десять лет терял чуть ли не весь свой жилой фонд и надворные постройки. Строительным материалом служило в основном дерево – в болотистой и лесистой местности камня не хватало, а кирпич был дорогим. Недостаток свободной площади не позволял ставить дома на безопасном расстоянии, поэтому если от огня занимался один дом, то при ветреной погоде скоро полыхала вся улица. Незащищенность от пожара влияла на характер строительства. Строя жилище, владелец не знал, как долго оно простоит. Для крестьянина дом был неотъемлемой собственностью, вечным, как и его земля, как род, и даже беднейший заботился о доме. Евреи, осознававшие себя народом в изгнании, воспринимали свое жилище как временное пристанище. Поэтому, хотя еврейские семьи в местечках подчас жили в одном и том же доме много лет, забота о красоте дома и двора для них оставалась неглавной. Говоря «мое местечко», еврей имел в виду не улицу и дом, а людей и общину. «Мой дом» для него значило не стены и двор, а «моя семья». За редким исключением, дома в Турове не имели излишеств или архитектурных особенностей, отвечая только функциональным требованиям.

Большую опасность таили лесные пожары, хотя торфяные болота и высокий камыш были отодвинуты от местечка рукавами Припяти и Ствиги. Однако при возгорании войти в лес становилось опасно, и общение с внешним миром осуществлялось по воде. Страхование от пожара получило в Турове распространение только среди состоятельной части населения, большинство же местных жителей оставались неимущими и не успевали сделать какие-то накопления. Родители вместо недвижимости передавали детям свое ремесло (специальность, навыки определенной профессии) и круг потенциальных заказчиков.

Трагедия состояла в том, что от пожара нельзя было уберечься. Основные уси-

[34] Обзор состояния Мозырского уезда за 1914 г., НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 562, л. 376.

лия направлялись на то, чтобы снизить масштабы потерь и скорее восстановить утраченное. Евреи в Турове были внутренне готовы встретить опасность лицом к лицу. В местечке существовала вольная пожарная дружина, которая действовала быстро и слаженно. Ее членами становились наиболее авторитетные люди, а при тушении огня команды пожарного старосты не обсуждались.

Пережить несчастье помогала традиция благотворительности, и большинство погорельцев уповали только на помощь родных, соседей, знакомых и земляков. Поддержка выражалась деньгами, продуктами питания, одеждой, строительными материалами или предоставлением временного жилья. Религия учила относиться к потерям от огня как доказательству бренности земного бытия.[35] Однако когда вставал вопрос о выживании, то помощь поступала именно через синагогу. Наиболее почетными считались пожертвования, сделанные на условии анонимности, когда дававший не знал имени принимавшего, и наоборот.

Несмотря на тяжелые последствия пожаров, когда огонь уничтожал сотни домов и сводил к исходной точке усилия целого поколения жителей, местечко всегда возрождалось из пепла. Ни разу община не поднимала вопрос о переходе в другое, более безопасное место. Корни, которые евреи успели пустить в Турове, обладали такой жизненной силой, что позволяли после самой разрушительной стихии обновиться и продолжать жить на этой земле.

[35] Ребе Иосиф Ицхак Шнеерсон (1880-1950 гг.), шестой цадик любавичского хасидизма, учил, что еврейское богатство составляют не дома и не деньги, а дети, которых родители приводят в этот мир, чтобы они потом привели своих детей, которые будут хранить Закон Торы (*Книга ежедневных высказываний Ребе Иосифа-Ицхака Шнеерсона* «hа-Йом йом»).

Уроки 1905 г.

События 1905 года стали кульминацией социальных, политических и экономических противоречий, накопившихся в Российской империи к началу XX века. Трагедия Кровавого воскресенья оказалась только искрой, которая воспламенила давно тлевший костер.[1] Эхо этих событий докатилось до Турова, и живой отклик, который они встретили в местечке, опровергает утверждение об аполитичности и сонной дремоте, навсегда поселившейся в полесском захолустье. Каждый хотел услышать свое: крестьяне – о свободе от помещика Людвига Нарейко, владевшего землей и лесами вокруг местечка, евреи – о национальном равноправии и отмене черты оседлости.

Годы первой русской революции пробудили евреев, помогли осознать собственную силу и понять, что они могут стать хозяевами своей судьбы. Власти оказались неспособными удержать порядок и, вместо того чтобы защитить еврейское население от погромщиков, использовали евреев в роли громоотвода, свалив на них все беды и недуги общества. Еврейские социалистические партии проводили забастовки и демонстрации, организовывали боевые отряды для защиты от погромщиков, сопротивления полиции и войскам.

РСДРП

Первые известия о грядущих переменах в Туров начали приходить из Мозыря. В прокламации 1898 г. местного комитета РСДРП «Ко всем мозырским рабочим и к обществу» говорилось о сущности капиталистической эксплуатации и содержался

[1] 9 января 1905 г. в Петербурге на Сенатской площади у Зимнего дворца было расстреляно мирное шествие 140 тыс. рабочих и членов их семей, в результате чего погибли 1200 чел. и свыше 5000 были ранены.

призыв объединяться для борьбы с правительством.[2] В ноябре 1902 г. Мозырский комитет РСДРП обратился к рабочим фабрики «Молния» с воззванием против фабрикантов и выдвинул лозунг: «Да здравствует социализм!»[3] 1 мая 1904 г. демонстранты скандировали: «Да здравствует политическая свобода!» и «Долой буржуазию!»[4]

При первых известиях о расстреле демонстрации в Петербурге в январе 1905 г. по городам Белоруссии прокатились стачки протеста. Полесский комитет РСДРП в листовках «Ко всем рабочим» и «Товарищи эксплуатируемые!» призвал население Гомеля, Могилева, Орши, Шклова, Речицы и Мозыря присоединиться к пролетариям Петербурга, объявить всеобщую стачку и начать решительную борьбу с режимом.[5]

Руководителями движения солидарности стали местные комитеты РСДРП, *Бунд*, эсеры и сионисты. События 9 января надолго стали главной темой их агитационной деятельности. В течение всего 1905 г. из Мозыря в Минское губернское жандармское управление приходили сообщения о волнениях рабочих. С марта 1905 г. в донесениях полиции говорится, что у рабочих появилось оружие, 11 мая минский губернатор Мусин-Пушкин доносил в Петербург, что в Мозыре выдвинуты политические лозунги: «Долой царя!» и «Долой полицию!» Митинги проходили в центре города на рыночной площади. Участник этих событий С.Я. Зингерман вспоминал, что рабочий комитет послал его в Гомель, где он научился делать «македонки» (бомбы). По возвращении Зингермана революционеры устроили в Мозыре мастерскую по их изготовлению.[6]

Бунд

В 1897 г., когда появилась первая еврейская революционная партии – *Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России* (Бунд), евреи составляли четвертую часть всех политических заключенных империи. Многие из тех, кто увлекся идеей национального возрождения, вернулись на путь радикализма. Они верили, что уничтожить дискриминацию евреев можно, только изменив политическое устройство в России. В *Бунде* считали, что бороться следует в союзе с революционерами других национальностей. При этом еврейские задачи имели приоритет на том основании, что рабочий-еврей подвергался двойному угнетению – экономическому и национальному. В *Бунде* опасались, что может возникнуть ситуация, когда русские и польские революционеры пойдут на уступки, и тогда под удар будут

[2] Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 60, оп. 3, д. 6, лл. 23-24.

[3] Там же, д. 25, лл. 45-46.

[4] Там же, д. 27, л. 2.

[5] *Революционное движение в Белоруссии, 1905-1907 гг.* Документы и материалы, Минск 1955 г., с. 36-37.

[6] А.Г. Бобр, *Мой Мозырь*, Минск 1996 г., с. 120-121.

поставлены интересы еврейского пролетариата. *Бунд*, входивший в состав РСДРП, по общим вопросам поддерживал меньшевиков, претендовал на представительство всего еврейского пролетариата и добивался еврейской культурной автономии.[7]

Власти выделяли евреев, наряду с поляками, как основных внутренних врагов государства. В феврале 1904 г. помощник начальника Минского губернского жандармского управления по Мозырскому уезду доносил прокурору Виленской судебной палаты об аресте бундовцев – участников собрания и изъятии революционной литературы.[8] 16 октября 1904 г. газета *Последние известия*[9] опубликовала корреспонденцию об организации мозырским комитетом *Бунда* митинга и демонстрации протеста против еврейского погрома в Белостоке. В центре Мозыря, на Покровской улице, у городской управы собралось до 600 демонстрантов. Ортодоксальные евреи возмущались дерзостью «демократов» и твердили, что их поведение приведет к погрому. *Бунд* готовился к самообороне, но руководители общины отказали ему в денежной помощи. Вместо этого они преподнесли полицейскому исправнику в дар 500 руб.[10]

В феврале 1905 г. стачечное движение, «разлившееся» по всей России, охватило Мозырь. 16 февраля *Бунд* организовал забастовочный комитет и устроил собрание (более 400 чел.) в синагоге недалеко от фабрики «Молния». Толпа рабочих ворвалась в контору, где заседали администрация предприятия, фабричный инспектор, исправник и полицейский надзиратель, и потребовала расчета. Они ругали управляющего и называли его «кобылой», а исправник и надзиратель «попрятались по углам и дрожали». Когда условия *Бунда* были приняты, рабочие «стройной толпой» отправились по домам с революционными песнями.[11]

30 декабря 1905 г. уездный исправник направил рапорт губернатору о заключении в мозырскую тюрьму Эли-Матуса Рабкина за противоправительственную пропаганду и распространение нелегальной литературы. Рабкин говорил, что царя нужно избирать на три года и в России давно пора установить республику. В постановлении на арест Рабкина характеризовали как человека, «вредного окружающей среде», который нуждается в изоляции. Надзиратели, сопровождавшие Рабкина с конвоем стражников на Кимберовку (еврейский район), встретили «толпу евреев», среди которых были опознаны «демократ» Хойницкий и мещанин Иче-Мовша Перцовский. Когда они попытались выбросить две прокламации и скрыться, их задержали и доставили в полицейское управление. До этого Перцовский обви-

---

[7] До 1903 г. и после 1906 г. *Бунд* входил в состав РСДРП.

[8] 15 февраля 1904 г. в Пинске было арестовано 13 человек: Эстер Перчук, Лея Эпштейн, Голда Шульман, Сора Пулин, Сора Перлова, Рохля Липская, Сора Муляр, Алта Зольман, Крина Циперштейн, Сима Ласовская, Мириям Юдович, Эстер Бегельман и Хана-Мера Портная. См.: НАРБ, ф. 60, оп. 3, д. 782-а, лл. 72-73.

[9] *Последние известия*. Орган заграничного комитета *Бунда*. Ред. В. Коссовский, Лондон-Женева, 1901-1906 гг.

[10] Там же, № 202, 23 ноября (6 декабря) 1904 г.

[11] *Бунд в Беларуси. 1897-1921 гг.* Документы и материалы, Сост. Э.М. Савицкий, Минск 1997 г., с. 166.

нялся в попытке отбить арестанта на спичечной фабрике «Молния» от десятского Гушляка, но был освобожден по решению суда.[12]

Для отражения нападения погромщиков, действовавших с негласного разрешения полиции, в городе и уезде были организованы отряды самообороны. В Мозыре дружинники *Бунда* насчитывали 25 мужчин, на вооружении которых было 10 самодельных бомб и 25 револьверов «смит-вессон». Для сравнения: боевые еврейские дружины в Двинске имели 20 человек, Белостоке – 35, Могилеве – 45, Витебске – 55, Минске – 60, Брест-Литовске – 75 человек. В Мозыре «боевики» *Бунда* действовали совместно с «дружинниками» из РСДРП (15 чел.). Когда по городу распространялись слухи о готовящемся погроме, оба отряда объединялись под руководством *Бунда*. Так были предотвращены бесчинства *черносотенцев*[13] в Мозыре в октябре 1905 г.

Сионисты

Революционные события совпали с кризисом в сионистском движении – полемикой об Уганде[14], кончиной Герцля[15], уходом *территориалистов* с VII Сионистского конгресса[16] и др. К осени 1905 г. в Мозырском уезде существовал целый ряд представителей революционных партий, среди которых отсутствовало единство. Сионисты действовали параллельно с РСДРП, *Бундом*, эсерами и анархистами. Из традиционных сионистов выделились четыре самостоятельные группы: *Сионистская социалистическая рабочая партия* (сионисты-социалисты), *Еврейская социал-демократическая рабочая партия* (Поалей Цион), *Еврейская социалистическая рабочая партия* и *Еврейская территориальная партия*.[17] Каждая из них апеллировала к еврейской аудитории с собственным анализом ситуации

---

[12] Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАРБ), ф. 295, оп. 1, д. 7580, лл. 34-37.

[13] *Черносотенцы* - члены «Союза русского народа», монархической, шовинистической организации крайне правой ориентации, организатора и вдохновителя еврейских погромов, созданного в ноябре 1905 г. в Петербурге А.И. Дубровиным и В.М. Пуришкевичем; Николай II был избран почетным членом Союза.

[14] План *Уганда* - программа создания автономного еврейского поселения в Британской Восточной Африке, предложен Лондонским правительством в 1903 г. в качестве еврейского очага вместо Палестины, отвергнутая на VII Сионистском конгрессе 1905 г. в Базеле (Швейцария).

[15] Теодор Герцль (1860-1904 гг.) - основоположник политического сионизма, основал Всемирную сионистскую организацию.

[16] *Территориализм* - течение в еврейском национальном движении за создание автономного еврейского поселения, где евреи будут заниматься «продуктивным» трудом, в первую очередь сельским хозяйством; в отличие от сионизма не ставил целью политическое самоопределение евреев как нации.

[17] *1905 год и еврейское рабочее движение. Материалы и документы*, Сост. А.Д. Киржниц, Москва-Ленинград 1925 г., с. 179.

и прогнозами, программой действий и тактикой. Тем не менее все они сохранили главную идею сионизма – невозможность свободного развития евреев в странах рассеяния и необходимость создания самостоятельного национального государства.

В 1906–1907 гг. режим продолжал опасаться сионистского влияния. Сенат издал указ о запрете в России сионистской организации, обвинив ее в «обособлении» евреев от других народов империи. Циркуляр министерства внутренних дел от 6 июня 1907 г. разъяснял, что запрещенными признаны «всякие организации и сообщества» сионистов. Несмотря на это, в Минской губернии продолжали негласно существовать сионистские комитеты в Минске и Бобруйске, кружки – в Петрикове, Койданове и Пинске, а в Турове – женский кружок.[18]

12 января 1908 г. минский губернатор Эрдели сообщал, что среди евреев проводилась усиленная агитация в поддержку Всемирного сионистского конгресса и Еврейского национального фонда, правление которого находилось в Лондоне, а главное бюро – в Кельне. Гольдберг из Вильно и Розенблюм из Минска знакомили население с целями Конгресса, распространяли агитационную литературу и собирали деньги. Губернатор приказал запретить сбор пожертвований и принять все возможные меры к недопущению деятельности названного фонда во вверенной его надзору местности.[19]

Еврейское национальное движение в Турове

События 1904–1905 гг. в Турове и его окрестностях имели свой колорит. В 1904 г. из Петербурга в Туров приехал некто Райхман. Он стал призывать молодежь к участию в революционной борьбе и через месяц сагитировал более 70 человек. Революционеры собирали многолюдные митинги благодаря угощению. Каждому пришедшему они выдавали *сотку*[20] и булку, что привлекало крестьян. Митинги проходили у еврейской *богомольни* (синагоги), а пристав Пономарев был подкуплен. На его квартире прошло даже несколько небольших собраний. Когда умер один из членов социал-демократической группы, Бер-Лейб, то его хоронили с красным знаменем и пением «Марсельезы».[21] Стражники были все деревенские и ничего не понимали. Когда они спрашивали у пристава, что это такое, тот отвечал, что люди справляют китайские похороны на свои взносы.[22]

---

[18] НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 2, л. 65.

[19] Там же, ф. 300, оп. 1, д. 20, т. 1, л. 323.

[20] *Сотка* - 100 граммов водки.

[21] «Марсельеза» (Marseillaisel, *франц.*) - революционная французская песня, ставшая гимном Франции. В России до 1917 г. ее пели борцы с самодержавием.

[22] Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 3952, оп. 1-а, д. 15, л. 24.

В конце 1904 г. в Турове появились еще два незнакомца, Родионов и Царьков. Они нанялись в Житковичах на лесопильный завод Бермана и создали ячейку РСДРП. В нее вошли рабочие завода, железнодорожной станции и деревенская молодежь. Однако оставаться там долго им не пришлось, так как попали в «лапы» жандармов. Это произошло при следующих обстоятельствах. В деревне Белев, около Житковичей, два подмастерья работали по найму у сапожника, который взял их на год при условии *день без счета* (ненормированный рабочий день. – *Л. С.*). К тому времени в Турове и Житковичах подмастерья отвоевали себе право трудиться не более 12 часов в сутки. В деревне сапожники тоже захотели ограничить рабочий день и выставили свои требования. Хозяин отказался, и подмастерья обратились за помощью к «демократам». Пять человек – Балбуцкий, Царик, Лозицкий, Городецкий и Гирш Слепой, – вооруженные револьверами, отправились в деревню, до которой было 12 верст. На полпути их предупредили, что хозяин осведомлен и обещал две *четверти*[23] водки деревенской молодежи, чтобы «гостей» хорошенько поколотили. Однако революционеры не испугались, они пришли к хозяину в дом, положили оружие на стол и начали переговоры. Сапожник на все соглашался, а тем временем начали собираться деревенские парни группами по 3–5 человек. Однако, взглянув на стол с оружием, они не вмешивались, а молча рассаживались вокруг. Всем было интересно посмотреть на «демократов», и через час дом оказался «битком набит» зеваками. Михаил Лозицкий влез на стол и сказал речь, которая привела крестьян в восторг. В конце выступления революционеры объявили полную свободу: «Товарищи, все ваше!», «Земля – ваша!», «Лес – ваш!», «Помещик – не хозяин!» Крестьяне вместо драки проводили боевиков из деревни с благодарностью. Они признавались, что «демократы» – это не черти, как им про них рассказывали, а такие добрые люди. На следующий день вся деревня уехала рубить Любимов лес, и, пока жандармы не прибыли, много деревьев «легло». На допросе крестьяне все рассказали, и полиция начала преследование «самозванцев».[24]

Всех пятерых арестовали и заключили в минскую тюрьму. Из документов департамента полиции Российской империи следовало, что Прокофий Балбуцкий, уроженец Турова, был арестован 17 июня 1906 г. за подстрекательство крестьян и принадлежность к *Бунду*. Его держали под стражей, а затем выслали под особый надзор полиции по месту жительства.[25] Григория Царика арестовали через полгода

---

[23] *Четверть* - старинная русская мера объема жидкости, равная четвертой части ведра, или трем литрам; применялась до введения метрической системы.

[24] В 1925 г. свидетельство Н. Родионова о событиях 1905 г. передал на хранение в Гомельский институт истории партии секретарь туровской ячейки КП(б)Б Крипец, ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 15, лл. 24-25.

[25] Архивная справка от 8 августа 1958 г. из фондов Главного архивного управления МВД СССР, находящихся на хранении в Центральном государственном историческом архиве России в Москве, Материалы Туровского музея.

после Балбуцкого. 23 декабря 1905 г. приставу третьего стана Мозырского уезда донесли, что два неизвестных молодых человека разъезжают по имениям, предъявляют подписные листы с надписью «РСДРП» за двумя печатями и «нахально» требуют пожертвований. В случае отказа незнакомцы возмущаются и угрожают. Незваные гости побывали в имениях «Буразь», «Лутки», «Мерлин» и «Великий Малешев». Они спрашивали у рабочих, почему те не бастуют, а в «Великом Малешеве» пригрозили владельцу имения Киневичу, что скоро тот «заплатит дорого». Один из *субъектов* оказался приехавшим на рождественские праздники в Туров из Наровли Григорием Цариком. Он служил машинистом на узкоколейной железной дороге лесопромышленника Пайкина. При обыске у Царика ничего предосудительного не нашли, но препроводили в мозырскую тюрьму.[26] Через некоторое время Лозицкому, Родионову и Царику удалось бежать и нелегально эмигрировать в Соединенные Штаты Америки.

Многие в Турове имели отдаленное представление о революционных событиях, развернувшихся в стране, однако жажда перемен искушала. Наиболее неподготовленной оказалась молодежь, которую революционеры беззастенчиво использовали в своих целях, не беспокоясь о последствиях. Прокофий Бондарь (15 лет) из д. Запесочье, предместья Турова, служил кучером на почтовой станции в Турове, владельцем которой был Залман Чуднер. Бондарь сопровождал почту из Турова в окрестные села и местечки. Поздней осенью 1905 г. в Житковичах с ним познакомились два молодых человека интеллигентного вида. Они расспросили юношу, откуда он, что нового в Турове и волости. Неизвестные представились социал-демократами и рассказали о событиях в Москве и Санкт-Петербурге, подчеркивали, что ожидаются очень важные события, вплоть до свержения самодержавия. Новые знакомые передали Бондарю несколько листовок, отпечатанных типографским способом, и попросили расклеить их в Турове и Запесочье. Малограмотный Прокофий не совсем понял, о чем речь, но пообещал выполнить поручение «добрых людей».

Вечером Бондарь сдал почту в Турове и отправился расклеивать листовки. Когда он приблизился к помещению пожарной охраны, намазал клеем и приложил к стене листовку, его неожиданно схватил за руку урядник. Он отнял листовки и повел юношу к приставу. Когда пристав начал читать прокламации в своем кабинете вслух, Прокофию стало страшно. В листовках содержался призыв к крестьянам активно включиться в борьбу против помещиков и полиции. Прокофий все отрицал, утверждая, что не догадывался о содержании листовок. Его «крепко поругали» и отпустили, взяв обещание, что больше он этим заниматься не будет. Вскоре пришло сообщение о том, что крестьяне деревни Ольгомель, в 12 км от Запесочья, разгромили усадьбу помещика, но потом все затихло.[27]

[26] НИАРБ, ф. 295, оп. 1, д. 7580, л. 42.

[27] Выписка из материалов Туровского краеведческого музея от 16 августа 2002 г., Архив автора.

Волна погромов

Манифест 17 октября 1905 г. о переходе России от самодержавия к конституционной монархии ничего не изменил. Запрещенные до этого митинги разрешили, но на них обязательно присутствовал полицейский чин, который имел право после третьего предупреждения закрыть собрание. Правительство снова избрало евреев в качестве исторического «козла отпущения». После объявления манифеста по стране прокатилась волна еврейских погромов, которая привела к большим жертвам в 660 населенных пунктах. Официальная статистика старалась преуменьшить количество погибших и изувеченных, сообщив о 810 убитых, 1770 раненых, 325 вдовах и 1363 сиротах. Однако, согласно общественным подсчетам, погибших евреев оказалось не менее 4 тыс. и свыше 10 тыс. раненых. Материальные потери еврейского населения от погромов составили 62 млн 700 тыс. руб.[28]

Погромы проходили главным образом в южных и юго-западных губерниях черты оседлости. В Северо-Западном крае, к которому относились белорусские губернии, соотношение еврейского и нееврейского населения было иным, и организовать там погромы было намного труднее. В *дни свободы*[29] в Могилевской и Витебской губерниях произошло по четыре погрома, в Минской и Виленской губерниях – по одному. В некоторых же местах, таких, как Гродненская губерния и Польша, погромов не было.[30]

Еврейские погромы вызвали протест. 27 октября 1905 г. был разрешен *Комитет по оказанию помощи пострадавшим от погромов* в Санкт-Петербурге, а вскоре и в ряде других городов. Потерпевшим оказывали единовременную помощь, сирот устраивали в детские приюты, собирали свидетельские показания. На ряде заводов, фабрик и депо Белоруссии прошли митинги протеста с принятием резолюций в защиту жертв еврейских погромов. 30 октября 1905 г. персонал Либаво-Роменской и Полесской железных дорог на своем собрании в Гомеле постановил, что «громилы и хулиганы, черная сотня распространяли братоубийственную войну между разными национальностями, унижали и позорили отечество». Служащие Московско-Брестской железной дороги на митинге в Минске заявляли: «Всякая попытка устроить погром или насилие встретит с нашей стороны самый решительный отпор всеми имеющимися средствами». Рабочие Сморгони Виленской губернии обещали, что в случае нападения хулиганов и полиции на евреев они будут защищать их «до последней крайности».[31]

В Мозыре события достигли своей кульминации 17 октября 1905 г. В этот день на общегородском митинге был избран революционный комитет, а 18 октября началась всеобщая забастовка и устроен митинг у тюрьмы. 20 октября рабочие по-

[28] В. Обнинский, *Полгода русской революции*, Москва 1906 г., с. 42.

[29] *Дни свободы* - со времени объявления манифеста 17 октября 1905 г. и десять дней спустя.

[30] *Большая Советская энциклопедия*, Москва 1932 г., т. 24, с. 46.

[31] *Северо-Западный край*, 1905 г., № 770, 779, 784; *Восход*, 1905 г., № 44-45.

пытались овладеть складами с оружием, казначейством и освободить политических заключенных. Перестрелки продолжались девять дней, а 26 октября прибывшие войска арестовали ревком. По приговору выездной сессии Виленской судебной палаты 10 марта 1908 г. по делу о «Мозырской республике» проходило семь человек. Среди них пять евреев: Кутиков, Бегун, Гарелик, Перцовский, Дубровский, Меланич и Зингерман – были приговорены к каторжным работам.[32]

Политические партии давали свою оценку погромам. РСДРП рассматривала погромы как классовую борьбу самодержавия с революционным движением в целом. *Бунд* утверждал, что они были местью режима еврейским рабочим за их участие в революции, направлены на пробуждение «инстинкта национальной ненависти». Сионисты же были уверены, что проблему погромов решат не отряды самообороны, а создание «правоохранительного убежища» – национального еврейского государства в Палестине.

После поражения революции

Разобщение межнациональных сил стало одной из причин поражения революции 1905 года. Правительство учло этот урок и после 1907 г. прилагало большие усилия, чтобы не допустить сближения неимущих классов и групп населения. 16 апреля 1909 г. министерство внутренних дел направило циркуляр под грифом «совершенно секретно» губернаторам, градоначальникам, полицмейстерам, начальникам губернских жандармских управлений и охранных отделений. В документе говорилось, что с конца минувшего столетия *неблагонадежные элементы* (евреи. – *Л. С.*) агитировали среди фабрично-заводского населения империи, чтобы привлечь русских рабочих к совместному участию в «так называемом» празднике революционного пролетариата 1 Мая. Подстрекательства к массовому отказу от работы, уличные демонстрации и беспорядки в этот день должны были служить выражением *братского союза рабочих*. ЦК *Бунда* выпустил листовку о том, что 1 Мая в 1909 г. приходится на субботу – день отдыха еврейских рабочих, и христианским рабочим предлагается перенести дату празднования, чтобы выступить совместно. Департамент полиции просил принять надлежащие меры к недопущению 1 мая намеченных революционными организациями мероприятий и поддержанию необходимого порядка.[33]

От внимания властей не ускользали даже пожарные дружины, которые могли стать «крышей» для будущих отрядов самообороны. Товарищ (заместитель) министра внутренних дел генерал-майор П. Курлов докладывал о большом количестве сельских пожарных дружин, организованных в последнее время. Сплоченность их членов, постоянно участвовавших в учениях, являлась, по мнению Курлова,

---

[32] А.Г. Бобр, Указ. соч., с. 122.

[33] НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 2, л. 66.

благоприятным условием распространения «злонамеренными лицами» революционных воззрений. Многочисленность дружин позволяла иметь готовые, хорошо организованные и дисциплинированные кадры активистов на случай революционных выступлений. Принимая во внимание, что сельские пожарные дружины могли послужить ячейками для организации легальных крестьянских братств, Курлов предлагал усилить наблюдение за их деятельностью.[34] Сказанное имело прямое отношение к Турову, где давно существовал мобильный и хорошо организованный отряд добровольцев-пожарников, который был вооружен и регулярно выходил на дежурство. Он почти целиком был еврейским.

Вопросы равноправия евреев нашли отражение в работе Государственной думы. Многие полагали, что первый русский парламент провозгласит свободу и равенство. Организацию участия евреев в выборах взял на себя *Союз для достижения полноправия еврейского народа в России*.[35] Подготовка шла трудно. С одной стороны, этому препятствовало военное положение, а с другой – запугивание новыми погромами в связи с еврейской Пасхой. *Бунд* и еврейские социалистические партии бойкотировали Думу. Однако, несмотря на прогнозы скептиков, 12 депутатов-евреев были избраны. В мае-июне 1906 г. Первая Государственная дума заслушала доклад об ответственности правительственных органов за погромы 1905 г. Однако дальше обличения официального антисемитизма дело не двинулось, о наказании виновных речи не велось, был отклонен проект закона о национальном равноправии и оставлена в неприкосновенности черта еврейской оседлости.

Революционный террор, замерший на время заседаний Думы, возобновился после ее роспуска 8 июля 1906 г. Покушения на жизнь представителей царской администрации, в том числе взрыв бомбы на даче Столыпина, назначенного премьер-министром, экспроприации, стихийные рабочие стачки стали обычным явлением. В ответ были усилены репрессии, учрежден военно-полевой суд. Одновременно правительство предлагало срочно рассмотреть устаревшие, отжившие свой век ограничения, которые особенно раздражали евреев, но Столыпину не удалось убедить царя в необходимости уступок, чтобы успокоить «революционную часть еврейства».

Некоторое время оставалась надежда на новую Думу, которая должна была собраться в феврале 1907 г. В списке евреев Турова, принявших участие в выборах по Мозырскому уезду, было зарегистрировано 135 чел., в том числе 132 еврея. Многие выборщики представляли целые семьи: Головей, Рабинович, Найдич, Лельчук – по два человека, Гренадер, Коробочко, Фельдман, Чечик, Фишман – по три, Ламден, Марголин, Старобинский, Шифман – по четыре, Брегман и Глозман – по пять и др. Неевреями среди представителей от Турова оказались только помещик Людвиг Нарейко, его сын Даниил (лютеране) и Стах Шостак (православный). Для участия

---

[34] НИАРБ, ф. 295, оп. 2, д. 2, л. 110.

[35] Ст. Кельнер, «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России и еврейское национальное представительство в Государственной думе», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1997 г., № 3(16), с. 27-49.

в думском списке 1907 г. требовалось быть владельцем недвижимости, облагавшейся общим налогом (государственным и местным) на сумму не менее 300 руб. в год.[36]

От евреев в Государственную думу России созыва 1907 г. были избраны всего три депутата. Еврейский вопрос в Думе обсуждала комиссия по свободе совести. Однако результатов она практически не достигла, так как Думу распустили под предлогом социал-демократического заговора. 3 июня 1907 г. фактически состоялся государственный переворот, в результате которого были внесены изменения в прежний избирательный закон. Преимущества при формировании нового законодательного органа получали дворяне и духовенство. Началась эпоха реставрации, направленная против всех завоеваний революции.[37]

* * *

1905 год остался несбывшейся мечтой о равноправии. Она побудила евреев и белорусов к достижению национальной и социальной справедливости. Участники революционного движения полагали, что правильно оценили обстановку, но скоро убедились в своей наивности: уступать власть никто не собирался. Имущественное расслоение и собственнические интересы не позволили на этот раз перевернуть «лодку» общественного устройства. Царь пообещал ограничить абсолютную монархию конституцией и разрешил созыв Государственной думы. Однако вскоре после этого наступила реставрация, зачеркнувшая достигнутые революцией завоевания.

События 1905–1907 гг., отмеченные погромами *черной сотни* и расстрелами царскими карательными экспедициями участников рабочего движения, заставили революционеров расстаться с иллюзиями. После поражения революции закономерным итогом стал невиданный рост еврейской эмиграции. Сотни тысяч евреев начали покидать Российскую империю в поисках правды и лучшей жизни в другом месте и чужом отечестве. Однако никто не догадывался, что в недалеком будущем грядут еще более тяжкие испытания.

---

[36] Список евреев Турова для участия в выборах в Государственную думу по Мозырскому уезду Минской губернии в 1907 г.: *http://www.jewishgen.org/belarus/mozyr_dumai.htm* (см. Приложения).

[37] С.М. Дубнов, *Новейшая история еврейского народа*, Берлин 1923 г., т. III (1881-1914), с. 404-407.

Эмиграция

На рубеже XIX–XX веков Туров оказался свидетелем нового явления, которое охватило еврейский мир и привлекло внимание всех слоев населения.

После отмены крепостного права в России и реформ 1870–1880 гг. замкнутость местечка была нарушена. Наиболее смелые и предприимчивые искали выход за пределами черты оседлости, одним из которых стала эмиграция. Решиться на подобный отчаянный шаг могли только люди, верившие в свои силы и способные преодолеть непредвиденные обстоятельства. Одни хотели поправить экономическое положение или скрыться от кредиторов, другие уклониться от воинского призыва, третьих манили далекие края. В целом волну эмиграции подстегнули еврейские погромы 1905 г. и преследования за участие в антиправительственных выступлениях, а затем первая мировая война. В начале 20-х годов евреи бежали за границу, спасаясь от налетов погромщиков, экономической разрухи, подавления частной инициативы и преследований верующих.

Из всех известных в Турове маршрутов за рубеж большинство останавливали выбор на Соединенных Штатах Америки, которые имели репутацию страны бескрайних просторов и неограниченных возможностей, религиозной свободы, национальной терпимости и равных прав для вновь прибывших.

Америка нуждалась в эмигрантах, которые становились ее кровью и мускулами. Они отдавали ей свою силу и оптимизм. Именно этим объяснялись относительный либерализм и отсутствие бюрократической волокиты при встрече эмигрантов. Российские евреи, составлявшие большинство прибывавших из Восточной Европы, отчаянно боролись за выживание в Новом Свете – они готовы были трудиться без устали, жить впроголодь, но не теряли надежды утвердиться в новой жизни.

Сторонники и противники

Россия значительно обгоняла все государства мира по численности еврейского населения: в 1897 г. в империи проживало 5 млн 215 тыс. 800 евреев. Возникли условия для их массового исхода.

Часть еврейских общественных деятелей (Самуил Поляков, Ноах Бакст, Исаак Оршанский и др.) считали эмиграцию «подстрекательством к бунту». На встрече с министром внутренних дел России Н. Игнатьевым в 1882 г. банкир и хозяин железных дорог Поляков заявил, что «для русских граждан эмиграции не существует». Съезд еврейских общественных организаций в Петербурге в апреле 1882 г. решительно высказался против эмиграции как способа решения проблем евреев в России и призвал «совершенно отвергнуть» мысль об этом. В то же время погромы и антиеврейская политика правительства привели к тому, что многие сторонники ассимиляции согласились с тем, что у евреев в России нет будущего и необходимо уезжать.[1]

Между сторонниками эмиграции не было единства. *Ховевей Цион*[2] и сионисты призывали заселять *Эрец-Исраэль*[3], где со временем должно было возникнуть еврейское государство. Члены *Территориального общества* считали, что для поселения евреев может быть выбрана любая страна, где имеются для этого условия. Однако вопреки усилиям сионистов основной поток переселенцев направился в США, и лишь немногие выехали в Палестину, Аргентину и другие страны.

Позиция российского правительства в отношении эмиграции была противоречивой. Часть министров и губернаторов приветствовали отъезд евреев, надеясь сократить их численность в империи. Другие государственные деятели считали, что эмиграция принесет только пользу престолу, невольно распространяя российское влияние. Н. Игнатьев говорил: «...Палестинские евреи сослужат еще большую службу... Они явятся там нашим форпостом и помогут добыть ключи от Гроба Господня». Юдофобы опасались, что эмиграция укрепит либералов и демократов. Константин Победоносцев утверждал, что «одна треть [российских евреев] вымрет, одна – выселится, одна бесследно растворится в окружающем населении».[4]

---

[1] В 1904-1905 гг. только в США число еврейских эмигрантов из России составило 92 тыс. 383 чел., или 50% всех покинувших страну, а в 1906 г. - 125 тыс. 234 чел. (85%). Если добавить к ним евреев, выехавших в Аргентину, Канаду, Палестину и др., то их количество удваивается. См.: В. Горнберг, *Эмиграция и иммиграция*, Вильно 1907 г., табл. 1; С. Форнберг, *Еврейская эмиграция*, СПб 1908 г., с. 14.

[2] *Ховевей Цион* (букв. «любящие Сион», *иврит*) - движение палестинофилов, возникшее в 1884 г., за духовное возрождение еврейского народа и возвращение на историческую родину, начало политического сионизма.

[3] *Эрец-Исраэль* (букв. «земля Израиля», *иврит*) - страна, по библейскому преданию, завещанная евреям, один из древнейших центров цивилизации.

[4] Константин Петрович Победоносцев (1827-1907 гг.) - обер-прокурор Синода (1880-1905).

Правительство заинтересовалось предложением барона Мориса де Гирша о создании *Еврейского колонизационного общества* (ЕКО),[5] чтобы за 25 лет вывезти из России более трех миллионов евреев. ЕКО получило разрешение на выезд из страны даже еврейских юношей призывного возраста, не отслуживших в армии, но с условием, что они не вернутся обратно.[6]

Начало

С 1881 по 1914 г. Россию покинули 1 млн 700 тыс. евреев, большая часть из которых (85%) осела в США. Среди них преобладали представители беднейших слоев населения. В 1899–1907 гг. лишь от 4 до 6% евреев, приезжавших в Америку из России, имели при себе больше тридцати долларов. Много было лиц без определенных занятий,[7] а среди имевших профессию рабочие и ремесленники составляли 63%, прислуга – 25%, представители свободных профессий и торговцы – по 1%.

Массовая эмиграция проходила в трудных условиях. Тысячи российских евреев ожидали своей очереди на выезд за океан в Германии и Австро-Венгрии. В наиболее тяжелом положении оказывались нелегальные эмигранты. Евреям было трудно получить заграничные паспорта из-за бюрократических формальностей. Кандидаты в эмигранты часто становились объектом злоупотреблений со стороны посредников транспортных компаний; их заставляли покупать товары в определенных лавках, обменивали деньги по невыгодному курсу, разрешали грузиться только на пароходы, присланные компанией. С эмигрантами обращались грубо, а при проявлении недовольства выдавали местным властям, на морских судах царили скученность и антисанитария.

Положение эмигрантов улучшилось в результате деятельности ЕКО, которое организовало 450 информационных бюро и 20 районных комитетов. Они помогали евреям получить выездные документы, вести переговоры с представителями пароходных компаний, приобрести билеты по сравнительно низким ценам, издавали популярные брошюры о странах, в которые можно было эмигрировать, распространяли журнал *Еврейский эмигрант*.

---

[5] *ЕКО* (Jewish Colonization Association, JCA) - филантропическая организация, основанная в 1891 г. в Лондоне для содействия колонизации неосвоенных просторов евреями-эмигрантами из России и других стран Восточной Европы.

[6] При отъезде в Аргентину евреи-эмигранты получали вместо российского заграничного паспорта *выпускной лист* для всей семьи и после пересечения границы теряли русское подданство.

[7] В 1899 г. лица без определенных профессий (включая женщин и детей) составили 52,5% еврейских эмигрантов из России.

Нелегальная эмиграция

Минская губерния

Отъезд был связан с множеством проблем, в частности, с проверкой лояльности режиму, выплатой недоимок по налогам, предъявлением расписок от многочисленных инстанций, с которыми у отъезжавших существовали деловые отношения, и т. п. Когда эта процедура затягивалась на неопределенное время или просителю отказывали, оставался единственный выход – выехать тайно. На легальную эмиграцию решались люди старше тридцати лет, семейные, имевшие специальность и профессиональный опыт, на нелегальную – молодежь до двадцати лет и старше, еще не имевшая семьи.

Незаконный переход границы считался в России тяжелым преступлением и карался ссылкой в Сибирь. В то же время пограничная стража за небольшую мзду пропускала нелегальных эмигрантов, и их поток не только не иссякал, но даже увеличивался.

В феврале 1911 г. полицмейстеры и уездные исправники получили секретное указание из Минска о том, что, по сведениям Отдела торгового мореплавания при Департаменте полиции, в разных местностях Минской губернии существовала сеть посредников, занимавшихся нелегальной переправкой русских эмигрантов в Америку. Они пересекали сухопутную границу, а дальше следовали через Атлантический океан пароходом, принадлежавшим заграничной компании. Губернатор прилагал список тайных агентов для «самого строгого расследования».

В Минске помощью евреям в нелегальной эмиграции занимались Беньямин Столкинд, Залман и Рафаил Цитроны, Нехемия Сагалов, Хаим Фрид, Рувин Цеков, Мордух Фельдман, Лейзер Копелевич, Шая Гольдфарб, Орштейн и Кузнец, каждый из которых имел по три и более помощников. В Игумене – Лейба Сонкин, в Слуцке – Давид Теклин, Шеел Островский, Борух Тивин и Идель Берман, в Копыле – Иосиф Шустер с женой, в Мире – Муня Фрид и Хаим Заболоцкий, в Барановичах – Анекштейн, в Докшицах – Давид Троцкий, Матысь Крижовский и Мендель Добрук, в Рубежевичах – Михель Дайновский. От всех указанных лиц младшая администрация получала подношения. За это местные чины не только смотрели «сквозь пальцы» на их незаконную деятельность, но и предупреждали о слежке и подозрениях со стороны полицмейстера и представителей губернатора.[8]

В Койданово в посредничестве нелегальной эмиграции был уличен владелец пивной лавки Абрам-Шмуйло Озерский. В 1913 г. Озерского арестовали, однако

---

[8] *Нелегальная эмиграция из Минской губернии.* Секретный циркуляр помощника правителя канцелярии минского губернатора Райского полицмейстерам и уездным исправникам Минской губернии от 14 февраля 1911 г., Национальный исторический архив Республики Беларусь (далее НИАРБ), ф. 705, оп. 1, д. 8, л. 8.

из-за недостатка улик отпустили,[9] в сентябре 1914 г. его задержали вторично и сослали в Толочин.[10]

В Минске был арестован содержатель мастерской по обработке щетины Ицко Левин, его судили по обвинению в содействии нелегальной эмиграции и выслали на два года под гласный надзор полиции в Ошмянский уезд Виленской губернии. После отбытия ссылки Левин возвратился в Минск и был вторично задержан. 6 ноября 1913 г., будучи в Минском полицейском управлении, бежал из-под стражи и скрылся за границу.[11]

Пинский и Мозырский уезды

В августе 1912 г. в Пинске, по сведениям Минского губернского жандармского управления, существовала «шайка евреев» – посредников нелегальной эмиграции. Ее организаторы сложились по 100 руб. в качестве страховой суммы на случай нарушения заказчиком взятых обязательств или административного задержания для подкупа должностных лиц и свидетелей. С выезжающих в Нью-Йорк они взимали от 128 до 135 руб., в Чикаго – 155 руб., в Аргентину и Бразилию – от 120 до 150 руб. с человека (при фактической стоимости услуг 60–70 руб.). Соглашение состоялось в Пинске в доме Хацкеля Бакаляра, а руководителями выступили Лейба Новик и братья Мендель и Янкель Бегуны. Они наладили сеть факторов (агентов) по Мозырскому, Пинскому, Речицкому и ряду других уездов. Факторы по кличке Лейба и Зелик имели кирпичный заводик и бакалейные лавки, работали на братьев Бегун и Вайнштейна. В Пинске факторами были Красицкий и Гирш Подотовский.

Негласное полицейское расследование показало, что Шлёма и Менаше Вайнштейны отправили из трех населенных пунктов Пинского уезда 13 человек. Через границу эмигрантов переводили братья Шимель-Янкель и Мендель Бегуны из Логищина. При обыске 16 сентября 1912 г. у них нашли переписку и деньги, уплаченные отъезжающими в виде залога. Эта группа действовала через пассажирскую фирму «Вейхман–Мыслович» в Германии, отправившую в США 41 чел., за что получила 8397 марок. При обыске у них обнаружили также воззвания на идиш и русском языке с призывом ехать в Аргентину. В перехваченном письме сообщалось, что дорога от деревни Радзивилово до Лондона стоит 110 руб., а также, что: «С Вашим товаром будут обходиться хорошо, останетесь довольны. Пассажиры

---

[9] Несмотря на это, решением суда от 27 июля 1913 г. Озерскому запретили жить в губерниях Привислянского и Юго-Западного края - Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Курляндской, Бессарабской и Херсонской.

[10] *Организаторы тайной эмиграции из Койданово*. Рапорт помощника начальника Минского губернского жандармского управления в Минском, Борисовском и Игуменском уездах от 10 января 1915 г., НИАРБ, ф. 705, оп. 1, д. 17, л. 22.

[11] Левин подлежал высылке в Нарымский край на три года под гласный надзор полиции.

на Роттердам будут отъезжать вовремя». Мендель Бегун на допросе показал, что эти бумаги он получил от Алтера Лифшица, который приезжал в Пинск.

В Большой Берестовице в тайном переводе евреев через границу уличили Лейбу Новикова. В июле 1908 г. его уже один раз высылали в административном порядке на пять лет в Вологодскую губернию, и после ссылки он жил в Брест-Литовске и Варшаве. В Пинском уезде «усиленно» поставлял эмигрантов в Америку Гирш Зильберфарб, который ходил по деревням и искал молодых людей, желавших уехать за границу. В Дрогичине желающих эмигрировать отбирала Тайба Волобельская, а в Хомске – Израиль Герман.[12]

Все обвиняемые были судимы и приговорены к ссылке. 27 ноября 1912 г. Вайнштейн, Бегун, Новик, Либерман, Брегман, Берман, Волобельская были высланы под гласный надзор полиции в Гомель с запретом проживания в приграничных и Виленской, Минской, Гродненской губерниях.[13]

Однако, несмотря на принятые меры, поток нелегалов не уменьшался. Те, кто решился на эмиграцию, шли на риск, не видя другого выхода. Еврейские благотворительные организации за рубежом поддерживали эмигрантов, которые устремились из России. Они помогали на первых порах найти кров, работу, отправить детей в школу, присмотреть за стариками.

Ворота в США

Из Европы пароходы с эмигрантами выходили главным образом из Гамбурга, Данцига и Бремена (Германия), Ливерпуля, Глазго и Лондона (Великобритания), Антверпена (Бельгия) и Роттердама (Нидерланды). В США основным пунктом приема долгое время служил остров Эллис площадью в одиннадцать гектаров в Нью-йоркской гавани залива Гудзон.

Пик наплыва иностранцев в Америку пришелся на период с 1892 по 1924 г. За это время на острове побывали около двенадцати миллионов человек, чьи потомки сегодня составляют 40% населения страны. До острова Эллис существовал пропускной пункт «Кастл Гарден» в южной оконечности острова Манхэттен в Нью-Йорке.[14] Пароходы с эмигрантами приходили в порты Балтимор (штат Мэриленд), Бостон (штат Массачусетс), Гальвестон (штат Техас), Филадельфия (штат Пенсильвания), Сан-Франциско (штат Калифорния) и некоторые другие, но большинство пред-

[12] *Нелегальная эмиграция из России за границу*. Рапорт начальника Минского губернского жандармского управления генерал-майора Семенова от 11 января 1913 г., НИАРБ, ф. 705, оп. 1, д. 9, лл. 156-158.

[13] Менахема Вайнштейна выслали на два года, а Менделя и Янкеля Бегунов - на три года с увеличением срока до четырех лет по совокупности и запретом по окончании срока ссылки проживания в Минской губернии.

[14] New York, Castle Garden действовал с 1855 по 1890 г., а Ellis Island - с 1890 до 1955 г.

почитало Нью-Йорк, куда направлялась основная часть судов из Европы.[15] После 1 января 1892 г. эмигранты прибывали на остров Эллис, который находился у самого подножия Статуи Свободы.[16] Федеральный фильтрационный пункт был похож на гигантский железнодорожный вокзал без поездов. Оставив тяжелые вещи на первом этаже, люди поднимались с ручным багажом по длинной крутой лестнице наверх. Там проходил первый этап медицинского осмотра – на верхней площадке стояли «эскулапы», которые следили, как люди справляются с подъемом. Врачи отсеивали нежелательные категории: идиотов, слабоумных, эпилептиков, психопатов – список был длинным. Болезнь некоторых была видна сразу, другие требовали более тщательного осмотра. Особое внимание уделяли глазам. Трахома – тяжелое заболевание, грозившее слепотой, – служила основанием для немедленной депортации. Приезжим выворачивали веки, и, когда врач особенно долго вглядывался в чей-нибудь глаз, вся семья замирала в ужасе – угроза высылки была реальной.

Но медицинский осмотр был только частью процедуры. Кандидату на въезд предлагали анкету из 29 вопросов, среди которых были такие: «Являетесь ли вы сторонником многоженства?», «Состоите ли в анархистской партии?» Положительный ответ мог также повлечь депортацию.

Еврейские эмигранты получали юридическую и финансовую поддержку от благотворительной организации ХИАС.[17] В 1907 г. Государственная дума России постановила выделять 6 тыс. американских долларов ежегодно на устройство в первые дни русских иммигрантов на острове Эллис, которое доверить ХИАС. Однако это предложение было отклонено, чтобы не ставить в известность русское правительство о составе приезжих.

К концу 1920-х гг. ограничения на въезд евреев из стран Восточной Европы стали более строгими, и это заставило искать обходные пути. Можно было направиться в Палестину, а оттуда в США. Существовали и другие черные ходы (*back doors*), чтобы достигнуть берегов Америки. Одни отправлялись из Варшавы без необходимых документов, имея только билет на пароход, но не сходили на берег в США. Сделать это можно было только в Галифаксе (Halifax, Nova Scotia, Canada), где эмиграционные правила были менее строгими. Границу пересекали в штате Вермонт или Мичиган. Другие плыли в Англию и оттуда через некоторое время отправлялись в США, чтобы в исходящих документах не было указано, что они прибыли из Восточной Европы (России, Белоруссии), и подобных историй было много.[18]

---

[15] В 1820-1979 гг. США приняли более 49 млн эмигрантов.

[16] *Статуя Свободы* - дар Франции народу Америки в ознаменование столетнего юбилея (1886) принятия в США Декларации независимости.

[17] ХИАС (Hebrew Immigrant Aid Society) – *Общество помощи еврейским иммигрантам*, основано в США в 1881 г., слилось в 1919 г. с *Еврейской жилищной ассоциацией приютов*, к 1914 г. отделения ХИАС работали в Балтиморе, Филадельфии и Вашингтоне (округ Колумбия). См.: http://www.hias.org

[18] Letter from Frances Bock, New York, March 8, 2006, franbock@optonline.net

Портрет эмигрантов

Евреи, прибывшие в США из Старого Света, представляли собой весь спектр ашкеназской эмиграции. Это были религиозные и светские люди, образованные и неграмотные, с профессиями и без определенных занятий, самого разного возраста, мужчины, женщины и дети.

Переселенцы из Турова являлись малой толикой гигантского людского потока, направлявшегося за океан в поисках лучшей доли. До середины 20-х годов, за сорок лет до принятия ограничительных законов, волны эмиграции были крайне неравномерными. Если опираться только на сведения центрального федерального фильтрационного центра на нью-йоркском направлении, то картина прибытия эмигрантов из Турова была следующей:

Таблица 1
Количество переселенцев из Турова, прибывших на остров Эллис с 1892 по 1924 г.[19]

Год прибытия	Количество переселенцев	
	чел.	*%*
1892–1904	18	3,4
1905–1913	27	5,1
1914–1918	374	70,7
1919–1924	110	20,8
1892–1924	529	100

С 1892 по 1904 г. остров Эллис принял из Турова всего 18 чел., или 3,4%. Это были настоящие первопроходцы, которые, несмотря на скудные сведения о предстоящих трудностях, не побоялись действовать на свой страх и риск. Они не только выдержали все испытания, но и сумели проторить «дорожку» своим родным и близким. Поскольку волна погромов первой русской революции обошла Туров, в 1905–1913 гг. количество желающих переселиться в Америку было невелико – 27 чел. (5,1%). Однако лихолетье первой мировой войны подстегнуло эмиграцию. За 1914–1918 гг. в США прибыло уже 374 туровца, что составило 70,7%! В последующие годы темпы выезда снизились, но все еще оставались высокими.

[19] Табл. 1, 2, 3 и 4 составлены по: Steve Morse's web site, regarding Ellis Island Passenger Manifests http://www.stevemorse.org

В 1919–1924 гг. из Турова за океан переселилось 110 евреев, или 20,8%. Главной причиной служила беззащитность местечка перед бандитизмом, ограничения военного коммунизма и трудности восстановительного периода.

Не все переселенцы выехали непосредственно из Турова. Некоторые делали промежуточные остановки, включая не только близлежащие Мозырь, Калинковичи, Давид-Городок, Пинск или Гомель, но и отдаленные, такие, как Киев и Варшава. После прибытия в Америку часть из них указала в опросном листе не место рождения, а пункт отправления. Это позволяет предположить, что далеко не все выходцы из Турова были охвачены переписью федеральной Службы иммиграции. Вне учета оказывались нелегальные эмигранты, попавшие в США через Канаду, Мексику, Англию, Палестину и Аргентину. Пути следования, места прибытия и расселения эмигрантов из Турова в конце XIX и начале XX века представлены в табл. 2.

Эмигранты из Турова поселились в 33 городах из 12 штатов и федеральном округе Колумбия (District Columbia). Подавляющее большинство отдавали предпочтение Нью-Йорку (248 чел.) и его пригородам – Бруклину (158 чел.) и Бронксу (8 чел.), которые составляли 78,3%, а если к ним добавить города штата Нью-Йорк,[20] то его доля вырастала до 83%.

Вплотную к Нью-Йорку по количеству прибывших туровцев примыкал штат Нью-Джерси, где в городах Плэйнфилд, Пассаик, Бэйон, Гарфилд и Ньюарк остались жить 14 человек. Следующее место по числу эмигрантов из Турова занимали штаты Мичиган, Коннектикут, Иллинойс, Айова, Массачусетс и Пенсильвания.

Преимущество Нью-Йорка состояло в возможности жить среди близких по духу и вере евреев, выходцев из России и стран Восточной Европы, дать образование детям, скорее найти крышу над головой и работу, соблюдать еврейскую традицию. Евреи, составлявшие значительную часть населения города, заставляли администрацию считаться со своими требованиями, отстаивали национальные и профессиональные права. Вместе с тем именно Нью-Йорк абсорбировал российских евреев в американском обществе, став «плавильным котлом» эмиграции, способствовал ассимиляции и изменению их образа жизни на светский.

Характерными были профессии новых эмигрантов, с которыми они вступили на американский материк. Умение применить свои способности в новых условиях зависело от мастерства и ситуации на рынке труда. Многие виды занятий были семейными, а профессиональные навыки и секреты передавались от отца к сыну. Столкнувшись с острой конкуренцией, только немногие из эмигрантов сумели сохранить прежние занятия, тогда как большинство переквалифицировались. Представление о роде занятости и профессиональной направленности эмигрантов дает табл. 3 (см. с. 228).

[20] Эмигранты из Турова селились в городах штата Нью-Йорк: Сиракузы, Вудбэри, Рочестер, Троя, Хайлэнфолс, Олбани и Маунтвэтнон.

Таблица 2
Расселение эмигрантов из Турова, прибывших на остров Эллис в 1892–1924 гг.

Город	Штат	Количество переселенцев	
		чел.	*%*
New York	New York	248	46,9
Brooklyn	New York	158	29,9
Detroit	Michigan	34	6,4
Columbus	Ohio	3	0,6
Albany	New York	10	1,9
Boston	Massachusetts	4	0,8
Portland	Maine	2	0,4
Bronx	New York	8	1,5
Mt. Vetnon	New York	4	0,7
Plainfield	New Jersey	5	0,9
Passaic	New Jersey	2	0,4
Washington	District Columbia	1	0,2
W. Hawle	Pennsylvania	2	0,4
Philadelphia	Pennsylvania	2	0,4
Wyomissing	Pennsylvania	1	0,2
Chicago	Illinois	7	1,3
Bayonne	New Jersey	3	0,6
Highland Falls	New York	2	0,4
Lowa City	Iowa	1	0,2
Waterbury	Connecticut	5	0,9
Woodbury	Iowa	5	0,9
Sioux City	Iowa	1	0,2
Garfield	New Jersey	3	0,5
New Haven	Connecticut	3	0,5
Newark	New Jersey	1	0,2
Troy	New York	1	0,2
St. Louis	Missouri	1	0,2
Rochester	New York	5	0,9
Syracuse	New York	2	0,4
Wood Burue	New York	1	0,2
Chelsea	Massachusetts	1	0,2
Superior	Wisconsin	2	0,4
Fall River	Massachusetts	1	0,2
Итого		**529**	**100**

Таблица 3
Профессиональный состав переселенцев из Турова, прибывших на остров Эллис в 1892–1924 гг.

Название профессии		**Количество переселенцев**	
английское	русское	*чел.*	*%*
Butcher	мясник	2	0,4
Seamstress	швея	15	2,8
Joiner	столяр	23	4,3
Insmith/tinker	лудильщик	1	0,2
Domestic	домработница	5	0,9
Plumber	водопроводчик	2	0,4
Carpenter	плотник	2	0,4
Dealer (salesman)	лавочник	2	0,4
Pedlar	коробейник	1	0,2
Painter	маляр	9	1,7
Dressmaker	портной	9	1,7
Salesman	продавец	3	0,6
Mason	каменщик	1	0,2
Shoemaker	сапожник	19	3,6
Furmaker	меховщик	3	0,6
Wigmaker	мастер париков	1	0,2
Coachman	каретник	1	0,2
Tailor (tailoress)	закройщик	77	14,6
Merchant	торговец	6	1,1
Clerk	служащий	2	0,4
Schoolboy/girl,	учащийся	142	26,8
Workman	рабочий по найму	15	2,8
Scholar	учитель	13	2,5
Blacksmith	кузнец	7	1,3
Housewife	домохозяйка	63	11,9
Photographer	фотограф	1	0,2
Houseworker	прислуга	8	1,5
Farm laborer	сельхозрабочий	6	1,1
Milliner	мельник	7	1,3
Farmer	фермер	4	0,7
Locksmith	слесарь	1	0,1
Musician	музыкант	2	0,4
Barber	парикмахер	1	0,2
Saddler	шорник	2	0,4
Hatter (hatmaker)	шляпник	3	0,6
Upholsterer	обойщик мебели	1	0,2
Architect	архитектор	1	0,2
Tanner	дубильщик	1	0,2
Bookbinder	переплетчик	1	0,2
No occupation	без опред.занятий	65	12,3
Cabinetmaker	краснодеревщик	1	0,2
Итого		**529**	**100**

Разнообразие занятий и ремесел переселенцев из Турова можно условно разделить на несколько категорий, близких по своей направленности. Самой многочисленной группой были *ремесленники* (швея, портной, столяр, лудильщик, плотник, маляр, сапожник, меховщик, шляпник, шорник, обойщик мебели, дубильщик кожи, переплетчик, краснодеревщик, включая такие «экзотические» специальности, как каретник и мастер париков) – всего 92 чел., или 17,5%. За ними следовали *рабочие специальности* (каменщики, разнорабочие, кузнецы, сельскохозяйственные поденщики, слесари) – 30 чел. (5,7%). *Персонал* (домработницы, прислуга, фотограф, музыкант, парикмахер) – 17 чел. (3,2%) и *интеллигенты* (архитектор, служащие и учителя) составляли 16 человек. *Предприниматели* (мясники, мельники, фермеры) оказались в меньшинстве – 13 человек. Однако самыми малочисленными были *торговцы* (лавочники, продавцы и коробейники) – шесть человек. Зато существовали две многочисленные категории, которые непосредственно не создавали материальные блага, но являлись потребителями – *учащиеся* (142 чел., или 26,7%) и *лица без определенных занятий* (65 чел., или 12,2%).

О многом говорили характеристики новых эмигрантов по полу и возрасту. Чиновники Службы иммиграции были заинтересованы в притоке здоровых и молодых людей, способных трудиться и обеспечивать себя самостоятельно. Однако неотъемлемой частью прибывавших семей оставались престарелые родители и дети, которые требовали дополнительных затрат. Поскольку возможности еврейских благотворительных и филантропических организаций были ограничены, эмигранты рассчитывали главным образом на свои силы. Возраст и пол новых эмигрантов из Турова показан в табл. 4.

Таблица 4

Состав переселенцев из Турова, прибывших на остров Эллис с 1892 по 1924 г., по полу и возрасту

Возраст, *лет*	**Мужчины**		**Женщины**		**Всего**	
	чел.	*%*	*чел.*	*%*	*чел.*	*%*
1–17	120	41,1	105	45,8	225	42,5
18–25	90	29,4	62	27,1	152	28,7
26–35	55	18,0	30	13,1	85	16,0
36–45	19	6,2	14	6,1	33	6,2
46–55	7	2,3	10	4,4	17	3,2
56–65	6	2,0	8	3,5	14	2,7
66–75	3	1,0	–	–	3	0,7
старше 75	–	–	–	–	–	–
Итого	**300**	**100**	**229**	**100**	**529**	**100**

Как правило, основное бремя забот о том, как прокормить семью, легло на мужчин – глав семей и старших братьев. Женщины занимались домашним хозяйством, но тоже вынуждены были искать заработок, потому что расходы росли, а одной зарплаты семье не хватало. Все приходилось покупать, таких подсобных источников существования, какие в Турове дарила природа, не было.

Наиболее работоспособную часть свежеиспеченных жителей Нового Света составляли мужчины 18–45 лет – 53,6%, а переселенцы в возрасте 46–65 лет насчитывали всего 5,9%. Людей преклонного возраста было только трое. Нетрудоспособную часть эмигрантов составляли дети до 17 лет – 42,5%, но это была будущая смена, на которую рассчитывали взрослые.

Предвестник ассимиляции

Ступив на американский берег после нелегкого плавания через Атлантический океан, новые эмигранты заполняли опросные листы, где требовалось указать фамилию. В ходе регистрации обнаружилось большое разнообразие фамилий выходцев из одного небольшого населенного пункта.[21] С 1892 по 1924 г. в США из Турова прибыли носители свыше ста фамилий:

По одному представителю от семьи выступили:

Алстер, Бейгельман, Белковский, Биберман, Веник, Векслер, Великин, Гайстер, Галин, Гарбар, Гизунтерман, Глейберман, Гоберман, Гольдберг, Гольдман, Гольдшмидт, Городецкий, Грингольд, Грингольц, Гутман, Гохман, Долинский, Дресин, Дворин, Каган, Кац, Карлинский, Клугман, Конип, Коробицкий, Котик, Крапивко, Кузнёк, Зильберман, Лайхтман, Ландау, Ланзин, Лехчин, Лев, Левин, Монисевич, Мейман, Нудельман, Ольшанский, Оссовский, Островский, Пасозер, Пахман, Пинховицкий, Погостлун, Портной, Поварчин, Пуркезин, Рашкин, Резник, Рапопорт, Росул, Сависовский, Файерман, Фиалка, Ткач, Топчук, Шухман, Чапунская.

По два представителя от семьи:

Грингольд, Грушкин, Губерман, Кауфман, Кербель, Кожангородецкий, Лейхтман, Перлов, Пинский, Рендельман, Чашенский, Шапиро, Шварцман, Шклявер, Толмач, Фишман, Эстеркин, Юдкович.

По три-четыре представителя от семьи:

Айзенберг, Башкин, Гинзбург, Головей, Гошман, Дятловицкий, Фрейлехман, Кундо, Крикун, Майхтман, Мастман, Нейман, Пуховицкий, Сайкрик, Хофман, Шмуклер.

---

[21] L. Smilovitsky, «History and Origin of the Jewish Last Family Names in Turov», *Journal of Federation of East European Family History Societies*, Salt Lake City (USA), vol. 11, 2003, pp. 29-35. www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/Turovnameslink.htm

По пять-семь представителей от семьи:

Бляхин, Боркин, Брегман, Ваксман, Дорошкин, Глинер, Гохман, Гурин, Лейберман, Лейбман, Розенфельд, Стейнбек, Тепленький, Турецкий, Шахман, Шнейдерман, Фридман.

По восемь-десять представителей от семьи:

Запесочин, Куник, Максман, Марголин, Чечик, Шифман.

Больше одиннадцати представителей от семьи:

Гительман (22 чел.), Глозман (12), Гоникман (18), Лельчук (15), Райхман (15), Старобинские (12), Шнайдман (19 чел.).

Всего в США через остров Эллис эмигрировали представители 146 фамилий из Турова. Настолько широкий их спектр свидетельствовал о том, что почти в каждой семье небольшого полесского местечка оказались прямые или близкие родственники, решившиеся на отъезд за океан, а если учесть, что большинство находилось в том или ином родстве, то этот охват получался еще шире.

Переезд в другую страну приводил к ломке стереотипов, а порой становился причиной психологического потрясения. Необходимо было найти себя в новых условиях, привыкнуть к другой природе, выучить язык, приспособиться к еще чуждой жизни. Для многих эмигрантов вхождение в американскую действительность началось с перемены личных имен и фамилий.

Одни выбирали имена на английский манер, чтобы окружающие могли их легче произнести и усвоить, другие – чтобы оказаться ближе к коренным американцам, третьи – чтобы ускорить свою интеграцию. Мотель становился Максом, Берко и Бейнус – Бенджамином, Дов-Бер – Бени, Янкель – Джеком, Баша – Бесси, Малка – Молли, Лея – Лилиан, Йосель-Абрам – Джозефом, Мовша – Морисом, Рахиль – Розалин, Стиша – Стеллой, Элконех – Александром, Хана – Анной, Хая – Идой, Хава – Евой, Итке – Эллен и т. д.

Вслед за именами наступила очередь фамилий. Перемена их стала вехой кардинальных изменений в эмигрантской жизни: женитьба, получение новой профессии, заметное продвижение по службе. Новые фамилии соответствовали англо-американской традиции, не выбивались из привычного ряда и были понятны окружающим. Преобразованные фамилии показывали, каким хотел себя видеть их носитель и какого отношения ожидал от окружающих.

Зелик Лельчук стал Сэмом Левайном, Авраам Шнайдман – Абе Шнейдерманом, Иешуа бен Барух Бендит Глозман изменил имя и фамилию на Самуэль Глассман. В Монреале (Канада) хозяин-француз, у которого работал Соломон Чечик, не мог произносить его фамилию и записал Чечика как Сэма Голда.[22] Шифра Шифман в Чикаго вышла замуж за Льюиса (Лейбуша) Чечика, родной брат которого, Янкель,

[22] Solomon Gold Family Album, Winnipeg 1930, Архив автора.

превратился в Джека Черноффа. Активистом Туровского еврейского общества в Нью-Йорке, который собирал пожертвования для пострадавших от погромов в годы гражданской войны в России, стал Джек Дорин, который за 10 лет до этого прибыл в США как Дорошкин.[23]

Новые имена и фамилии помогали освободиться от старых привычек и стереотипов, а иногда сделать рывок к американской мечте. Одновременно это отдаляло новоприбывших от их прошлого, нивелировало личность, нарушало корневую систему исторической памяти и открывало шлюзы ассимиляции.

Устройство и быт

В начале XX века в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте, Бостоне, Кливленде и других городах, куда хлынули российские евреи, власти срочно принимали меры по их расселению. Улица Орчард-стрит в Нижнем Манхэттене Нью-Йорка была разбита на кварталы, а те, в свою очередь, на участки площадью 25 на 100 футов.[24] Прилегающие улицы бурно застраивали одноэтажными деревянными домиками. Каждый домик был рассчитан на одну семью, но там часто проживало по три-четыре многодетные семьи. Домовладельцы начали возводить многоквартирные пятиэтажные дома из кирпича, где одновременно селили 20 семей.[25]

В таких домах не было водопровода, канализации и электричества. Воду брали из ближайшей колонки, мылись в общей бане один раз в неделю, а чугунные печи топили углем. За пользование газом бросали пятицентовую монетку в специальный счетчик, но это считалось роскошью. Продукты зимой вывешивали наружу, за окно, чтобы заморозить и сохранить в таком виде, это был «холодильник». Вентиляция отсутствовала. Единственным источником дневного света и свежего воздуха являлись два окна в так называемой гостиной площадью 11 на 12,5 фута. Две другие комнаты, служившие спальней и кухней, не имели естественного освещения. Городские власти беспокоила скученность и антисанитария этих «вороньих слободок», служивших рассадниками туберкулеза и дизентерии. В 1905 г. было приказано осветить электрическими лампочками лестничные пролеты и установить один унитаз на две семьи. Самые дорогие квартиры находились внизу, самые дешевые – на верхних этажах, средняя плата за съем колебалась от 8 до 10 долларов в месяц. Люди разных национальностей поддерживали друг друга. Евреи присматривали за детьми католиков, пока те ходили в костел; католики зажигали свет по субботам. Это был, действительно, плавильный котел для нескольких поколений эмигрантов.[26]

---

[23] *Letter from* Harold Dorin on August 6, 2001, hdorin@aol.com

[24] *Фут* - мера длины, равная 12 дюймам, или 30,5 см.

[25] В одном из этих домов в 1994 г. был открыт музей (Lower East Side Tenement Museum), ставший популярным среди гостей и жителей города.

[26] Б. Езерская, «Нью-Йорк. Орчард-стрит, 97», *Вечерний Нью-Йорк*, № 1189, 5 августа 2001 г.

Съемная квартирка в многоэтажном доме становилась пристанищем на долгие годы или навсегда для большинства русских евреев, покинувших черту оседлости. По уличному жаргону, вывескам на дверях магазинов, лицам и манерам людей, ресторанам, где предлагалась кошерная пища, обилию синагог и еврейских школ, огромному рынку литературы на идиш можно было безошибочно догадаться, в каком именно квартале вы находитесь. Первому поколению малообеспеченных эмигрантов редко удавалось полноправно войти в американское общество. Они сохраняли приверженность еврейской одежде, вере и обычаям предков.

Поиски работы и повседневная жизнь

Большинство евреев из России были неимущими и говорили только на идиш. Они не имели специальности и становились жертвами неограниченной эксплуатации. Средняя заработная плата еврейских рабочих составляла 12 долларов в неделю у мужчин и 6,5 доллара у женщин. Они экономили каждый цент, откладывали деньги на билет для оставшихся в Белоруссии родственников, свадьбу дочери, обучение сына, но всегда жила надежда – открыть собственное дело. Вначале многие перебивались за счет торговли вразнос, переходя от дома к дому. Не зная английского, они общались с покупателями жестами.

Наиболее распространенными оставались профессии портного, мелкого торговца, часовщика, клерка, работника прачечной, сигареточника, шляпника, маляра, плотника, жестянщика. Евреи были коробейниками, пекарями, строительными рабочими, самые крепкие и здоровые шли на фабрики. В 1912 г. на предприятиях швейной промышленности Нью-Йорка евреи составляли 85%.

Евреи из России отличались внешним видом. Мужчины продолжали носить бороду и пейсы, по-прежнему надевали черные лапсердаки и высокие сапоги, на голову – глубокий картуз, женщины носили парики или покрывали голову платком. Им было нелегко общаться с американскими евреями, выходцами из Западной Европы, многие из которых не знали идиш. Трудно было попасть на крупное предприятие бывшим портным, сапожникам, кузнецам, если они соблюдали традицию и не работали по субботам, привыкнуть к конвейеру.

Русские евреи предпочитали селиться в крупных городах Восточного побережья, где сложились довольно большие общины. К 1920 г. их профессиональный и классовый состав существенно изменился. Рабочих по найму стало меньше, выросла группа лиц свободных профессий. Евреи повысили политическую активность, требовали защиты своих интересов в выборных органах власти, включая Сенат и Конгресс США. Профсоюзы, в которых влияние еврейского пролетариата было очень велико, участвовали в создании *Американской федерации труда* и *Конгресса производственных профсоюзов*.

Тяга к образованию

Одной из характерных черт еврейского района было стремление учиться. Получение образования считалось самой короткой дорогой для вхождения в американскую жизнь. В вечерней школе можно было встретить 14-летних подростков и убеленных сединами стариков, которые после дня тяжелой работы учили английский язык. Иногда в классную комнату превращалась кухня многоквартирного дома, а в роли учителя выступали представители образованной еврейской молодежи. Большинство еврейских детей учились в государственных и частных школах. Утром они посещали общеобразовательную школу, а вечером – *бейт-мидраш*, где получали уроки иврита и еврейской традиции. В начале 20-х годов только в одном Нью-Йорке действовало 468 хедеров и 24 талмуд-торы.[27] Еврейская молодежь обнаруживала удивительные способности и трудолюбие, что позволяло продолжать образование в колледжах и университетах и учиться на врачей, фармацевтов, адвокатов. Девушки оканчивали курсы стенографисток, работали секретаршами, вели уроки в школах. Высшее образование позволяло заняться предпринимательством и свободными профессиями. Многие молодые люди из еврейских семей со временем составили большинство среди юристов, врачей и педагогов крупнейших городов США.[28]

В Нью-Йорке

Главным центром еврейской эмиграции стал Нью-Йорк, в котором из полутора миллионов переселенцев, прибывших сюда между 1881 и 1911 гг., осталось 70%. Евреи чаще селились на Манхэттене, за которым следовали Бруклин, Бронкс, Квинс и Ричмонд.

Массовая эмиграция евреев из Восточной Европы изменила демографию, социальную структуру, культурную жизнь и общинный уклад самого большого города Америки. В 1890 г. еврейское население в Нью-Йорке насчитывало 225 тыс. чел., или 9% всего населения, в 1900 г. – 580 тыс. чел. (11%), в 1910 г. – 1,1 млн чел. (23%), в 1920 г. – 1 млн 643 тыс. чел. (29%). Евреи составили самую многочисленную этническую группу населения города – в 1920 г. в Нью-Йорке проживало 45% всего еврейского населения страны.[29]

Большое развитие получила культура на идиш. В 1872–1917 гг. в Нью-Йорке выходило 150 газет на идиш, в том числе ежедневные *Тогблат* (сионистского на-

---

[27] *My Daughter, the Teacher: Jewish Teachers in the New York City*, By Ruth Jacknow Markowitz, New York 1993, p. 14.

[28] Сегодня более 50% евреев Америки имеют высшее образование, тогда как среди неевреев - 28%, средний годовой доход в еврейской семье составляет 50 тыс. долл., а неевреев - 42 тыс. долл. См.: В. Люленчик, «Масштабы и причины эмиграции», *Русская Америка*, 2006 г., № 347.

[29] *The Promissed City. New York's Jews, 1870-1914*. By Moses Rischin, New York 2005, p. 123.

правления), *Вархайт* (орган радикалов), *Форвертс* (орган социалистов) и *Морген журнал* (антисионистского направления). Кроме публицистики и новостей печатались произведения Шолом-Алейхема, Исроэль-Иешуа Зингера, Довида Пинского, Иосифа Опатошу и др. К 1917 г. в Нью-Йорке периодическую печать на идиш читали не менее 600 тыс. евреев.[30]

Еврейская общинная жизнь достигла своего расцвета. Возникло много филантропических организаций и союзов. На общественные пожертвования существовали синагоги, дома престарелых и приюты для сирот. Если в 1887 г. в Нью-Йорке евреи молились в 130 ортодоксальных синагогах, то в 1917 г. – 784, а также 16 реформистских и 32 консервативных синагогах.

В Нью-Йорке действовали сионистские организации, насчитывавшие тысячи членов. Сионизм способствовал развитию культуры на иврите, организации еврейского образования и общинной жизни. Издавались ежедневная газета *hа-Йом* и литературный ежемесячник *hа-Торен*, особой активностью в еврейской общественной жизни отличались группы *Поалей Цион*.[31]

В январе 1918 г. около 6,5 тыс. евреев из Нью-Йорка откликнулись на призыв о наборе в Еврейский легион в составе британской армии для освобождения Эрец-Исраэль от турецкого владычества. Они составили 39-й батальон королевских стрелков под командованием Элиэзера Марголина.[32]

В Чикаго

Еврейская община Чикаго долгие годы была второй по величине в Соединенных Штатах и достигла пика численности к концу 1930-х гг. После длительных мытарств, связанных с отъездом и плаванием через Атлантический океан, новые эмигранты оказывались в Нью-Йорке. Столкнувшись с трудностями в поисках жилья и работы, они двигались на запад, в Чикаго. Этот город и его ближайшие предместья насчитывали 300 тыс. евреев – третье место в мире после Нью-Йорка и Варшавы.[33] В поисках дешевого жилья эмигранты селились в западной части Чикаго, недалеко от рынков и предприятий легкой промышленности. Эта часть

---

[30] «The Melting Pot»: An International Conference on Russian-Jewish New York, 2006, April 4-6, Columbia University Libraries,
http://www.columbia.edu/cu/lweb/news/exhibitions/2006/2006-03-23.russian_jewish.html

[31] *Поалей Цион* (букв. «трудящиеся Сиона», *иврит*) - общественно-политическое движение, сочетавшее политический сионизм с социалистической идеологией; из него вышли почти все рабочие сионистские партии и движения; первые группы *Поалей Цион* возникли в России в конце XIX века, а в США - в 1907 г.

[32] *From Hashomer to the Israel Defense Forces: Arms Jewish Defense in Palestine*. By Meir Pail, http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/pail.html

[33] Hyman L. Meites (ed.), *History of Jews of Chicago*, Jewish Historical Society of Illinois 1924, p. 456.

города отличалась санитарными проблемами и имела сомнительную репутацию – здесь хозяйничали криминальные группы. К началу XX века еврейская община Чикаго насчитывала 75 тыс. чел., из которых две трети являлись выходцами из России. Они облюбовали улицы Максвелл, Халстед и Джефферсон, где до этого жили выходцы из Ирландии и Германии, переселившиеся в престижную северную часть города. Квартиры становились коммунальными, вывески на английском заменялись аналогичными на идиш. Вместо многочисленных ранее *салунов* (баров) с продажей крепких напитков появлялись кошерные магазины. «Русские» эмигранты превратили первые этажи зданий в лавки, подвалы – в уютные кофейни и кондитерские, у входа в которые часто играл бродячий оркестр. Общественная жизнь бурлила: в 30-е годы XX века в Чикаго работали шесть еврейских театров, выходили многочисленные газеты, издавались книги и журналы на идиш. Дети бывших мелких торговцев и рабочих (второе поколение) становились знаменитыми. Юрист Артур Гольдберг, уроженец Чикаго, специалист по трудовому праву, был назначен министром труда, членом Верховного суда США, а затем послом страны в ООН. На улицах Чикаго прошло детство основателя американского телевидения и атомного подводного флота США, первого полного адмирала-еврея Хаима Риковера.[34]

Ограничение эмиграции

Первая мировая война усилила враждебное отношение американцев к выходцам из Восточной Европы. Они опасались, что приток эмигрантов из разоренных войной государств усилит конкуренцию на рынке труда.[35] Закон запрещал въезд неграмотным, физически неполноценным, проституткам, хроническим алкоголикам, безбилетным пассажирам, бродягам и людям с психическими расстройствами. Однако когда начала ощущаться нехватка рабочих рук, Конгресс США и Иммиграционное бюро выработали меры по обеспечению рынка труда дешевой рабочей силой. Служба натурализации стала более гибкой, что привело к снижению социального напряжения, связанного с европейской иммиграцией.

Оставались и дополнительные лазейки, чтобы попасть в Америку. Моряки иностранных судов сохраняли право выхода на берег, и многие из тех, кому по закону въезд был запрещен, инсценировали дезертирство с корабля. Все больше европейцев, которым не удавалось въехать из-за отсутствия необходимых документов или по законам о неграмотности, перебирались в США через мексиканскую границу. В 1922 г. таким путем в США проникло 309 тыс. 556 чел., а в 1923 г. их число почти удвоилось, достигнув 600 тыс. чел.[36]

---

[34] Irving Cutler, *The Jews of Chicago. From Shtetl to Suburb*, Chicago 1996, p. 211.

[35] С 1870 по 1920 г. из Старого Света переселилось около 26 млн чел., большинство из которых были европейцами.

[36] Б. Езерская, Указ. соч.

В 1924 г. Конгресс принял *закон Джонсона–Рида*, который устанавливал ограничения на иммиграцию в США из некоторых стран. До этого въезд на жительство из Азии был запрещен.[37] Еврейская эмиграция возобновилась только из государств, образовавшихся после распада Российской империи – СССР, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии, но размеры ее были уже невелики. Постоянный приток новых эмигрантов, их отчаянная борьба за выживание и интеграцию в Америке оказали глубокое воздействие на формирование американской нации в целом. Для того чтобы покинуть родину и отправиться в новую страну, необходимы были недюжинные мужество и гибкость, выносливость и неприхотливость. Американцы впитали в себя все эти качества, которые стали считаться чертами их национального характера.

Землячества

Массовая эмиграция вызвала к жизни землячества (landsmanschaft, *идиш*). Они объединяли религиозные и светские, культурные и общественные организации, рабочие союзы, женские, молодежные и спортивные клубы. Добровольные объединения облегчали евреям-эмигрантам интеграцию в американскую действительность. Основная часть землячеств формировалась по географическому признаку, выходцы из одних мест легче находили общий язык.

В Соединенных Штатах Америки существовало два Туровских общества, в Детройте и в Нью-Йорке. Возможно, их было больше, но объединения Нью-Йорка и Детройта обладали заметным преимуществом. Об этом можно судить по числу выходцев из Турова, селившихся в этих городах. Землячества появились благодаря «эмигрантской цепочке», когда евреи следовали за своими родственниками, друзьями и знакомыми, которые сообщали им в письмах, что лучше всего путь в Новый Свет начать с Нью-Йорка или Детройта.

Нью-Йорк. Туровское еврейское общество (Turover Aid Society)

Объединение выходцев из Турова здесь было основано 14 октября 1903 г. В Нью-йоркской публичной библиотеке сохранилась копия устава, составленного на идиш и английском языке (60 с.!).[38]

Полное название общества: *Benevolent Associate of the People of Turov, a City*

---

[37] Жители американского Запада опасались, что выходцы из Китая и Юго-Восточной Азии займут их рабочие места, поэтому расовые предрассудки были широко распространены.

[38] *Konstitushon fun dem Ershten Turover Untershtitsungs Farayn*, Microfilm. New York: New York Public Library, Humanities - Jewish Division [197-8]. 1 microfilm reel; 35 mm (MN: *ZZ-16973), http://catnyp.nypl.org

in Russia. 25 июля 1904 г. оно получило официальный статус, было зарегистрировано как *First Turover Aid Society* и одновременно на идиш – *Ershten Turover Untershtitsungs Farayn*. Когда с течением времени идиш утратил свою роль, в документации утвердился английский вариант названия.[39]

В состав первого правления общества вошли Самуэль Шнайдман (президент), Хаим Эпштейн (вице-президент), Эбер Боркин (финансовый секретарь), Иосиф Лельчук (исполнительный секретарь), Меир Эпштейн (казначей). Опекунами и доверительными лицами выступили М. Зиклинг, В. Гоберман, М. Глинер. Общество начало работу с казной в 13 долларов и 62 цента.

The Turover Aid Society включили в состав Объединения землячеств района Манхэттен в Нью-Йорке (*The New York, Borough of Manhattan*), а впоследствии района Бруклин (Brooklyn). Не позднее 1909 г. возникло отделение *Рабочего союза* (Workmen's Circle Turover Branch),[40] секретарем которого стал Макс Турофф.[41]

После первой мировой войны выходцы из Турова в Нью-Йорке начали собирать помощь родным и близким за океаном, оказавшимся в отчаянной нужде. Совместно с туровским отделением Рабочего союза они организовали *Комитет опеки* под председательством Джека Дорошкина. В результате общих усилий было собрано более 40 тыс. долл. от родственников в Америке, чтобы послать их родным в Туров, и 25 тыс. долл. тем жителям Турова, которые не имели американских родственников. Доверенным лицом по доставке денег выступил Исидор Гранд, который успешно справился с этой задачей.[42]

В 30-е годы, время тяжелой депрессии в США, под руководством Сэма Гренадера был организован первый *Федеральный кредитный союз* (First Turover Federal Credit Union), который потом возглавил Морис Лельчук. Это позволило его членам откладывать деньги и получать ссуды под низкие проценты. Туровское общество стало первым из американских землячеств, которое организовало подобное кредитное товарищество. Оно присоединилось к *Федеральному кредитному союзу* (Federal Credit Union), который существовал независимо от землячеств. Эта инициатива оказалась успешной, получила всеобщую поддержку и помогла преодолеть трудности великой депрессии.[43]

Туровское общество в Нью-Йорке объединяло не только жителей самого Турова, но и выходцев из его окрестностей. В течение долгого времени активистом

---

[39] Institute for Jewish Research (YIVO) Archives in New York, file RG 1822.

[40] Союз располагался в Бруклине по адресу: 1003, Myrtle Ave, Brooklyn, NY Library of Congress, the NY Jewish Communal Directory, 1912, Workmen's Circle Turover Branch 253.

[41] Фамилия *Turoff,* скорее всего, была псевдонимом, избранным Максом (Моисеем?) в память о месте своего рождения.

[42] Рукопись доклада «A Summary of over 50 years' work of the first Turover Aid Society, 1903-1953. By Paul Dorin, Recording Secretary», Архив автора.

[43] Там же.

землячества являлся Сэм Левайн (Зелик Лельчук) из Тонежа.[44] Йосель Брегман перед эмиграцией перебрался в Копыль. Иешуа Глозман учился в иешиве в Киеве и оттуда выехал в Америку, Соломон Чечик был родом из местечка Мартиновичи Туровской волости и др.

В дополнение к землячеству The First Turover Aid Society в Нью-Йорке существовали и другие общественные организации, объединявшие выходцев из Турова. Главной целью землячества стали социальная защита и сохранение еврейской традиции. В табл. 5 представлены организации, объединения и клубы в Нью-Йорке первой трети XX века, которые удалось установить.

Таблица 5
Состав организаций уроженцев Турова в Нью-Йорке с 1903 по 1938 г.[45]

Наименование организации	**Год основания**	**Численность**		**Состав организаций в 1938 г., %**	
		1903 г., *чел.*	**1938 г.,** *чел.*	**эмигранты**	**уроженцы США**
Общество выходцев из Турова (землячество)	1903	10	450	65	35
Религиозная община	1917	7	30	–	–
Рабочий союз	1909	25	60	95	8
Мозырско-Туровское профсоюзное отделение	1930	30	275	60	40

Наиболее массовой организацией туровских евреев в Нью-Йорке считалось землячество Turover Aid Society. Оно объединяло людей по месту рождения, интересу к малой родине, возможности материально помочь родным в Белоруссии, завязать знакомство с теми, кому дорога память о Турове, поддержать начинания земляков в США, принять участие в культурных мероприятиях и пр. Землячество пользовалось большой популярностью и за первые 35 лет увеличило количество членов до 450 чел., треть из которых родились уже в США.

Среди туровских евреев в Нью-Йорке действовали также рабочие организации –

[44] *Letter from David A. Levine*, on January 11, 2004 DALEVINE@compuserve.com

[45] *Di yidishe landsmanschaften fun Nyu York*, Federal Writers Project (NY), 1938 http://home.att.net/~landsmanshaft/wpa2.htm Records of the YIVO in New York received in 2006, from New York State Insurance Department which processed the legal closer (Liquidation) of the Turover Aid Society.

отделение Рабочего союза (Turover Branch 253, W.C.)[46] и Мозырско-Туровское отделение Союза промышленных рабочих (Mozirer-Turover Branch 53, I.W.O.).[47] К 1938 г. они объединяли соответственно 60 и 275 человек. Религиозная община (Anshei Turov Congregation) со времени своего основания в 1917 г. выросла более чем в четыре раза. Это были активные верующие, вокруг которых объединялись десятки членов семей и их друзья. Параллельно существовало женское объединение (First Turover Ladies Auxillary, Inc.)[48] – светская организация, защищавшая права женщин, занимавшаяся вопросами семьи, воспитания детей и образования.

Детройт. Туровское общество взаимопомощи

Землячество выходцев из Турова в Детройте (Ezras Achim Turover, или Turover Aid Friendship Society) в 1909 г. объединяло всего 15 энтузиастов, которые начали работу с членских взносов по 25 центов в месяц на улице Вилкинс (Wilkins Street), между Хастингс и Ривард (Hastings and Rivard). Первым президентом землячества был избран Абрахам Гренадер (Грант). В 1910 г. оно увеличилось до 125 чел. и было официально зарегистрировано в штате Мичиган.[49]

К 1920 г. количество членов землячества достигло 500 чел., а к 1925 г. – 600 человек. Собрания проводились два раза в год, на которых правление отчитывалось о проделанной работе, утверждало план на будущее. Главные выборные должности занимали: Гарри Соломон (президент), Д. Балатников (вице-президент), Юда Лачер (финансовый секретарь), З. Фарбер (ответственный секретарь), Дж. Лебовски (казначей) и Дж. Готлиб. В опекунский совет вошли Н. Брайтман, Морис и Луис Рабиновичи, Бенджамин Брегман, Б. Грант и С. Марголис.

Каждый член землячества в Детройте вносил годовой взнос 250 долл. и дополнительно 10 долл. в неделю на содержание больничной кассы. Члены землячества приобрели для организации отдельное помещение у Марстон и Мелроз. С 1928 г. при землячестве возникло женское отделение во главе с Дж. Лебовски.

28 сентября 1928 г. была организована *касса взаимопомощи* Туровского общества (Turover Loan Association), которая выдавала беспроцентные ссуды. Первые 36 ее членов сложились по 50 долл., а через некоторое время годовой оборот кассы составил 50 тыс. долл. Ответственными лицами кассы стали Б. Грант (президент), Х. Гительман (вице-президент), Яков Зельдес (казначей), Макс Л. Робертс (финансовый секретарь), Дж. Готлиб (общий секретарь). Членами правления стали

[46] W.C. - Workmen’s Circle.

[47] I.W.O - Industrial Workers Organization.

[48] Incorporated on February 7, 1958 in King County, NY.

[49] Туровское еврейское общество было зарегистрировано 24 января 1910 г. по инициативе А. Гренадера, А. Темтшина, Б. Запесоцкого, Б. Левина, С. Максмана, Х. Хонемана, Б. Горовица, И. Клейнера, Ч. Славкина, Х. Ходовника, М. Галисона, У. Хофмана и Дж. Гренадера.

М. Блюм, Д. Тамчин, А. Экштат, Б. Бергман и Дж. Стейнберг.[50] К началу 30-х годов землячество в Детройте объединяло почти полторы тысячи членов и имело собственный участок на кладбище по шоссе Гратиот (Gratiot Road).[51]

Туровское землячество играло важную роль в жизни еврейской общины Детройта на протяжении почти семидесяти лет, пока в 1981 г. не приняло решение о самороспуске. За это время было собрано 130 тыс. долл. пожертвований на благотворительные нужды. Оставшийся фонд, 10 тыс. долл., передали хасидам из Любавичей и Фонду чрезвычайной помощи Израилю.[52]

Соблюдение традиции

Большинство эмигрантов из Турова были верующими и не представляли себя вне традиции. Отдых в субботу и кошерная пища оставались непременным условием их жизни. Мало кто представлял, что Америка сделает многих светскими людьми и приведет к ассимиляции.

Первое время американские евреи смотрели на бородатых «русских», в лапсердаках, говорящих на идиш, как на гостей из средневековья. Они опасались, что их бедные и шумные единоверцы спровоцируют рост антисемитизма. Выходцы из Германии, к тому времени завоевавшие позиции в бизнесе, банковском деле и торговле, придерживались реформированного иудаизма. Американизированные, говорящие по-английски, гладко выбритые, без пейсов, забывшие про ермолку, они казались ортодоксам из Турова вероотступниками.

Отсутствие синагоги на первых порах приехавшие компенсировали миньяном. Соблюдение традиции помогало держаться вместе, а время религиозных праздников и постов служило отдушиной после будней, наполненных тяжелым трудом.

Туровские еврейские общества в США имели собственные синагоги. В 1916 г. в Нью-Йорке (Бруклин) была открыта синагога под названием *Anshei Turov* (букв. «люди из Турова», *иврит*). В 1919 г. в ней официально числилось 25 членов, хотя на молитвенные собрания в субботу и особенно еврейские праздники приходило намного больше. Служба шла на идиш или на иврите. Главой еврейской общины туровцев в Нью-Йорке был избран Льюис Гительман, а секретарем – Сэм Бахман.[53]

---

[50] *Michigan Jewish Yearbook*, 1925, pp. 158, 160.

[51] «Turover Society Landsmanschaft Ceases Functioning After 72 Years», *The Jewish News* (Detroit, state Michigan), December 4, 1981.

[52] Среди последних членов землячества выходцев из Турова в Детройте к началу 1980-х гг. оставались: Бэлла Хонеман, Анна Вейнбергер, Натан Самет (президент), Морис Фридман из *Союзной еврейской компании* и Джейкоб Носанчук, Абрахам Рихман, Перл Голд Хофман, Розалин Зельдес, Дора Левина и некоторые др.

[53] *The American Jewish Yearbook 5680*, vol. 21, Philadelphia, The Jewish Publication Society of America, 1919, p. 439.

Собственной синагогой с 1919 г. располагало *Туровское еврейское общество в Детройте* (B'nai Jacob/Turover Shul) на углу улиц Рихтон и Линвуд.[54] Община *Эзра ахим* располагалась в районе Декстер, возле Монтерея (Dexter near Monterey), откуда она переехала в коттедж на Дороге 7-й мили возле Вайоминга (Seven Mile Road near Wyoming).[55] При еврейской общине работали молодежная, спортивная и детская секции. Синагога продолжала действовать и после второй мировой войны. В 50-е годы ее возглавлял раввин Авраам Гардин. В последующий период синагога уступила свое место евангельским христианам-баптистам. На сайте «Потерянные синагоги Детройта» бывшая синагога туровских евреев *B'nai Jacob/ Turover Shul* обозначена как баптистский молитвенный дом (Greater Centennial Baptist Church).[56]

Евреи Турова гордились своими земляками, которые оставили заметный след в жизни ортодоксальной общины Соединенных Штатов. Одним из таких людей стал Авром Юделович,[57] мать которого была сестрой раввина Меира Мориса из Кобрина и внучкой раввина Махара из Падвы. Авром окончил иешиву в Воложине и получил *смиху* из рук главного раввина Белостока – Липмана. Став сам раввином, Юделович приобрел известность в Минске, возглавлял еврейские общины в Копыле и Турове. В 1899 г. он выехал в Манчестер (Англия), где в течение десяти лет руководил советом раввинов города. В 1909 г. Юделович получил приглашение возглавить общину в Бостоне (Baldwin Place Synagogue) и оставался на этой должности пять лет. Затем он переехал в Нью-Йорк (Eldridge Street Synagogue), где был раввином одиннадцать лет вплоть до своей кончины.[58]

Захоронения

Существовало четыре секции на кладбищах Нью-Йорка, где членов Туровского землячества предавали земле по всем правилам еврейской традиции. Первым стало кладбище Гора Сиона.[59] Когда же оно оказалось заполненным, члены землячества приобрели дополнительный участок на Лонг-Айленде.[60]

---

54 The Turover Shul in Detroit was situated on 12157 Linwood Ave. *Turover residences and other landmarks of interests*, 1916-1935. By Jeffrey N. Borin, NY 1991, p. 3.

55 Последний миньян в начале 1980-х гг. проводил в Любавическом центре 93-летний Джейкоб Носанчук - почетный президент землячества выходцев из Турова в Детройте.

56 Сайт «Потерянные синагоги Детройта»: http://shtetlhood.com/Ezras_Achim.htm

57 Авром Юделович (1850-1930 гг.) - автор ряда известных исследований Талмуда.

58 Letter from 'www.soc.genealogy.jewish on February 1, 1997, Elias@aol.com

59 *Mountain Zion Cemetery in Maspeth*, New York: Mt. Zion (5963 54th Avenue, Maspeth, NY 11378, [718] 335-2500), First Turover Aid Society, Inc., Path 31 Right, Gate 3.

60 *Wellwood Cemetery* in New York: Wellwood Ave, Pinelawn, NY 11757, [631] 249-2300), Benevolent Association of the People of Turov; First Turover Aid Society, Inc., Block 58, Section 3.

Третьим было кладбище на Левантийской горе в Бруклине[61], а четвертым – Бейт-Давид.[62]

Каждое из этих мест имело памятную арку. На кладбище Велвуд (Wellwood Cemetery) было похоронено свыше 200 бывших членов Туровского общества из Нью-Йорка, и среди них: Гохманы – Авраам и Дора; Носанчуки – Макс и Ева; Гительманы – Бесси Барней, Морис и Роза, Сара, Абрам и Молли; Гренадер Абе; Чечики – Гарри, Паулина и Вильям; Гофманы – Реувен, Самуэль, Дженни, Роза, Хана, Ида, Джозеф, Меир, Саадия, Шени, Шейна, Макс и Пат; Гоникманы – Исидор и Ида, Израиль, Лилиан; Райхман Ирвин, Кацман Карэн; Кузнец Самуил.

Вместе с тем не все бывшие туровские евреи, оказавшиеся в Нью-Йорке, были похоронены на этих четырех участках. Существовали и другие еврейские кладбища в штате Нью-Джерси, принадлежавшие *Ассоциации еврейской звезды* (The Hebrew Star Association), и участок на кладбище Новый Монтефиор (New Montefiore) на Пайнлаун в Нью-Йорке.[63]

Помощь родным в Турове

Землячества оказывали посильную помощь родным в Турове, поддерживали переписку. Если до 1917 г. это были в основном денежные переводы, то после окончания гражданской войны они уступили место вещевым посылкам.

В Национальном архиве Республики Беларусь сохранилась книга регистрации посылок из Америки, в которой с 17 июля по 8 октября 1923 г. были отмечены почтовые отправления, поступившие в Туров на имя Файвеля Брегмана, Хаи Вайнер, Шмуэля Гумера, Янкеля Запесочина, Янкеля Карона, Файвеля Лифшица, Хаи Митвох, Нисона Поварчина, Боруха и Мовши-Ошера Фишманов, Пейсаха Шляпинтоха и Ривки Шухман, – всего 12 посылок.[64]

В начале 30-х годов помощь из-за границы снова приняла форму денежных переводов. Доллары, фунты стерлингов, лиры и франки отоваривали в Торгсине,[65] который сначала обслуживал иностранных подданных, а с осени 1931 г. – советских граждан, имевших валюту, драгоценные металлы и ювелирные

[61] *Mt. Lebanon* (7800 Myrtle Ave, Glendale, NY 11385, (718) 821-0200), Erste Turover Unt. Verein (post), Block PK, Section 29.

[62] *Beth David Cemetery* (300 Elmont Rd, Elmont, NY, 718-343-400), Benevolent Association of the People of Turov, section D, block 4.

[63] *New Montefiore Cemetery* in Pinelawn (Farmingdale) New York.

[64] НАРБ, ф. 782, оп. 1, д. 16, лл. 3, 10, 31, 9, 60, 75-об, 79, 82, 83-об.

[65] *Торгсин* - Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами в СССР, подчинялся Наркомату внешней торговли СССР, краевым и областным конторам на местах.

изделия.[66] Открытие Торгсина состоялось в момент тяжелого продовольственного кризиса в стране. Карточная система, веденная в СССР в 1929 г., распространялась не на всех, и люди обменивали сбереженные ценные вещи на продукты питания. Цены в этих магазинах были выше государственных, но ниже коммерческих и рыночных.[67]

В Турове в Торгсин люди несли последние «сокровища» – монеты царской чеканки, обручальные кольца, семейные украшения и иностранную валюту, которую присылали родственники из-за границы. В то время распевали частушку:

А в Торгсине на витрине:
Чай, конфеты, колбаса,
А в рабочем магазине –
Солнце, воздух и вода!

Иосиф Гумер вспоминал, как отец принес из Торгсина мешок белой муки, за который пришлось отдать единственную семейную реликвию – золотую цепочку от нагрудных часов. Марголиным помогал Борух Букчин из Палестины – полфунта стерлингов (12 руб. 50 коп.) хватило, чтобы купить больше 16 кг муки. Посылки и небольшие суммы денег в Туров отправлял родителям и братьям, Борису и Айзику, Ошер Шифман из Виннипега (Канада).

Благодаря Торгсину власти не только получали валюту, но и устанавливали тех, кто имел родственников за границей. Заведующий магазином сообщал в экономический отдел ОГПУ–НКВД сведения о лицах, получавших переводы из-за рубежа, и общие сведения о покупателях. В 1933 г. Марголины в Турове почувствовали, что получать помощь стало опасно. Они просили Букчина не посылать деньги, и переписка прекратилась. Несмотря на это, через год к Марголиным пришли с обыском, нашли «крамольные» письма из Палестины и едва не арестовали главу семьи.[68] Лейзер Гоберман отнес в Торгсин несколько долларов и золотую цепочку жены, которые обменял на пшеничную муку. Лейзер повез муку в Житковичи для перепродажи, чтобы купить более дешевую ржаную, и за это был арестован.[69]

После посещения Торгсина пострадал бухгалтер кирпичной артели «Первое Мая» Шая Айзикович Голин. Первый раз его арестовали в 1932 г. в Турове во время «золотой лихорадки», когда власти вымогали у населения ценности. В Нью-Йорке

[66] Е.А. Осокина, «За зеркальной дверью Торгсина», *Отечественная история*, 1995 г., № 2, с. 86-104.

[67] Государственные коммерческие цены в начале 1930-х гг. были следующими (за 1 кг): хлеб - 2,5 руб., колбаса 20-30 руб., сахар - 15 руб., мясо - 10 руб. и т. д., А.Г. Маньков, *Дневники 30-х годов*, СПб 2001 г., с. 26.

[68] И. Гумер, «Корни», *Еврейский камертон*, 3 июля 1998 г.

[69] Запись беседы с Кларой Лазаревной Гоберман 18 октября 2002 г. в Иерусалиме, Архив автора.

жили брат жены Шаи – Йосель-Меир Фишман и дядя Шаи – Нисим Поварчин, которые в разное время переслали в Туров по пять долларов.[70] Через несколько лет Шая Голина обвинили в получении валюты от «фашистской организации» в Америке и осудили.[71]

В 1935 г. карточная система в стране была отменена,[72] и Торгсин почти полностью перешел на иностранную валюту, а зимой 1936 г. был упразднен.[73]

Тонкий ручеек иностранной валюты, поступавший в Туров в 30-е годы, почти прекратился в связи тяжелой экономической депрессией в США, а потом вообще иссяк из-за опасения поставить под удар родных во время начавшихся в СССР массовых репрессий.

Землячества после войны

Вторая мировая война прервала связь между диаспорой и страной исхода. Землячества были лишены каких-либо известий о жизни родных и близких. Сообщения о масштабах еврейского геноцида в Советском Союзе приводили в отчаяние. После разгрома Германии иностранные родственники попытались восстановить нарушенные связи. Еврейские землячества предложили безвозмездную помощь землякам, пострадавшим от немецкой оккупации, и искали способы ее выражения.

В 1945 г. *Американо-еврейский комитет по оказанию помощи в восстановлении Белоруссии* (American Jewish Committee to Aid Byelorussian Rehabilitation) объединил около миллиона евреев, выходцев из Белоруссии – 700 землячеств и общественных организаций.[74] Летом 1946 г. исполнительный председатель Комитета А.С. Наймарк и его секретарь Луис Дейвидсон обратились в Еврейский антифашистский комитет в СССР (ЕАК) с просьбой о сотрудничестве. В письме на имя Соломона Михоэлса и Ицика Фефера говорилось, что в знак благодарности за разгром «фашистских орд» и спасение тысяч евреев, во имя укрепления дружбы американского и советского народов землячества брали на себя обязательства оказать безвозмездную материальную помощь. Они предлагали передать в дар

[70] Нисим был в преклонном возрасте, работал сторожем при школе в Нью-Йорке и умер в 1932 г.

[71] Шая Голин был арестован 24 августа 1937 г. и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, Архив Управления КГБ по Гомельской области, д. 2239, лл. 11, 29-30.

[72] С января 1936 г. в СССР отменили карточки на хлеб, а с октября 1936 г. - на мясо, жиры, сахар и картофель.

[73] Е.А. Осокина, *За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941 гг.*, Москва 1998 г., с. 160-169.

[74] Комитет располагался в Нью-Йорке по адресу: 40 East 26th Street, New York 10, NY, Murray Hill 5-8758,

оборудование больницам, школам и детским домам, высылать товары повседневного спроса, одежду, продовольствие и медикаменты.[75]

Осенью 1947 г. исполнительный директор *Американского еврейского Совета по делам содействия восстановлению Советской России*[76] Леонард Гольдич просил ЕАК помочь установить непосредственную связь с городами БССР. Выходцы из Турова в Соединенных Штатах были связаны с Мозырским, Пинским и Гомельским землячествами, имевшими отделения и филиалы по всей стране. Родственники из-за границы хотели выяснить, существуют ли в их родных городах еврейские организации и какую именно необходимо оказать помощь.[77]

Однако советская сторона, в условиях начавшейся «холодной войны», отклонила эти предложения. Средства, собранные в Америке на поддержку белорусских евреев, были переданы другим организациям. В ноябре 1947 г. Гомельское землячество переадресовало свои фонды еврейским общинам в Европе.[78] *United Gomler Relief* и *Gomler Brothers Society* пошли на этот шаг после того, как на протяжении трех лет безуспешно пытались связаться с Гомелем и всеми, кто остался в живых из этого города после нацистского вторжения. Только убедившись, что на установление связей с Гомелем уйдут многие годы, они передали свои накопления в Европу.[79] Подобная ситуация складывалась и в остальных землячествах.

Другие страны

Пути евреев из Турова, отважившихся навсегда покинуть пределы Российской империи, а позднее СССР, вели не только в Соединенные Штаты Америки, но и в другие страны. Наиболее востребованными оказались Канада, Англия, Южная Африка, Аргентина и Палестина. Западная Европа была закрыта для еврейской эмиграции из России, а условия жизни в Азии, за исключением Ближнего Востока, не привлекали евреев-ашкеназов.

---

[75] Письмо А. Наймарка и Л. Дейвидсона от 20 июля 1946 г., Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), коллекция документов ЕАК, ф. 8114, оп. 1, д. 843, л. 103.

[76] В рамках США Совет включал федеративные объединения землячеств, в том числе Белорусское, Украинское, Бессарабское, Литовское, Латвийское и несколько тысяч групповых землячеств; наиболее крупными из белорусских считались Минское, Борисовское, Гомельское, Пинское и Мозырское.

[77] Письмо Л. Гольдича от 28 октября 1947 г. из Нью-Йорка, ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 843, лл. 234-237.

[78] Письмо Бернарда Рубина, президента *United Gomler Relief*, Бюллетень *Gomler News* от 25 ноября 1947 г. в Нью-Йорке, ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 846, лл. 94-95.

[79] По вопросу о передаче собранных пожертвований было созвано специальное *собрание United Gomler Relief* со строгой явкой членов землячества и предупреждением, что не явившиеся члены организации будут оштрафованы.

ПУБЛИКАЦИЯ

Американо-еврейский комитет по оказанию помощи в восстановлении Белоруссии.

AMERICAN JEWISH COMMITTEE TO AID BYELORUSSIAN REHABILITATION 91

40 EAST 26th STREET
NEW YORK 10, N. Y.
MUrray Hill 5-8750

Mary Modell Naimark
Foreign Secretary

Louis Davidson
Executive Secretary

Honorary Chairman
Max Zaritsky

Chairman
Rabbi M. A. Kaplan

Executive Chairman
A. S. Naimark

Treasurer
David Pinchevsky

Recording Secretary
Charles S. Herman

Vice Chairmen
A. Bornan
A. Lupin
J. Harrison
Joseph Shaffin
Nathan Tzempanoff
Jacob Zafkind

Public Relations Committee
Jacob Cohen, Chairman
Hyman Bass
S. Margolin

Publicity Committee
Benjamin Podolsky, Chairman
Max Seltzer
J. Olezoff

Campaign & Entertainment Com.
S. Mulman, Chairman
Ethel Davidson
Max Grillin
Mollie Kaplan
H. Segalnick

Purchasing Committee
Oscar Levine, Chairman
Jacob Cohen
Charles S. Herman
S. Margolin

Women's Division
Ethel Davidson, Chairman
Mrs. Anna Cohen
Mollie Kaplan
Mrs. Kiley
Mrs. Plevin
Mrs. B. Podolsky
Mrs. Celia Rosenblum
Mrs. N. Tzempanoff

Members of the Executive
Mrs. Bessie Aron
Mr. Globerman
S. Neuman
I. Kazimovitz
Mrs. I. Kazimovitz
N. Rapoport
Nathan Saul
I. Siegel
Louis Yudin

20 июля 1947 г.

Председателю Еврейского Антифашистского Комитета
гр-ну С. Михоэлс,
Ответственному секретарю И. Феффер,
Москва.

Уважаемые граждане Михоэлс и Феффер,

Наш Комитет об"единяет в Америке организации евреев /землячества/ белорусского происхождения. В Америке имеется около миллиона евреев белорусского происхождения и семьсот таких землячеств.

В благодарность за все то, что Советский Союз сделал для разгрома фашистских орд; за то, что он спас столь огромное число евреев /в частности несколько тысяч белорусских евреев/, а также для укрепления дружбы наших народов, некоторые землячества взяли на себя обязательства оборудовать в родних городах больницы и детские дома. Помимо этого, наш Комитет недавно об"явил кампанию по сбору фондов для оборудования в Белоруссии еврейской типографии.

Для того, чтобы сплотить все эти массы евреев белорусского происхождения в предпринятом нами деле укрепления дружбы наших народов, нам необходимо установить контакт с евреями Белоруссии. Просим Вас помочь нам в этом отношении.

С искренним уважением,

А. С. Наймарк
Испол. председатель

Луи Дейвидсон
Испол. секретарь

Мария Модель Наймарк
Иностранный секретарь

Письмо А. Наймарка и Л. Дейвидсона из Нью-Йорка от имени Американо-еврейского комитета по оказанию помощи в восстановлении Белоруссии в адрес С. Михоэлса и И. Фефера с предложением о сотрудничестве от 20 июля 1946 г.

Канада

Большинство эмигрантов из Турова выбирало если не США, то Канаду, природа и климат которой во многом напоминали российские. Это государство располагало огромными неосвоенными просторами, требовавшими большого количества людей, готовых взяться за неквалифицированный труд. Канада формально считалась доминионом Великобритании, но обладала необходимой политической и экономической свободой.[80]

С 1865 по 1935 г. эмигрантов принимал порт Квебек-Сити (Quebec City) и Монреаль (Montreal), а с 1881 по 1935 г. – порт Галифакс (Halifax, Nova Scotia). С 1900 по 1935 г. это был порт Святого Джона (Saint John, New Brunswick), в 1906–1935 гг. – порт Северного Сиднея (North Sydney Nova Scotia), в 1905–1935 гг. – порты Ванкувера и Виктории провинции Британская Колумбия (British Columbia).[81]

Количество прибывавших в Канаду эмигрантов возросло в 1920-е гг., когда в США стали действовать законы, ограничивавшие въезд из стран Восточной Европы. На первых порах вновь прибывшим помогали родственники и знакомые. Оскар (Ошер) Шифман в 1919 г. поселился в Виннипеге у бывшей соседки по Турову Бельки Перкиной. Оскар продавал скот, так же как в Турове его отец, Моше-Велвл. Это занятие приносило неплохой доход, и вскоре он смог купить дом. Оскар быстро освоил английский язык, но, несмотря на это, еще долго пользовался идиш. В 1924 г. Ошер женился на Сейде (Ципе) Чечик из Тонежа, которая в 18 лет осталась одна без родителей и уехала к дяде за океан. Сейда занималась домашним хозяйством, их дети родились в Канаде: Сидней (1926 г.), Ирвин (1930 г.), Аннет (1932 г.), которые учились Виннипеге в еврейской школе.[82]

Бесси (Баша) Муравчик покинула Туров вскоре после погрома 1920 г., она была модисткой и изготавливала женские головные уборы. В 1921 г. Баша вышла замуж за Александра Райхмана в Варшаве, и вскоре молодожены перебрались в Канаду. Они поселились в Торонто, а позднее переехали в Нью-Йорк.[83]

Моше-Велвл Шифман и его родные оставили Туров в первые годы XX века и поселились на юге Канады в провинции Манитоба. Сестра Моше-Велвла, Шифра, вышла замуж в Канаде за уроженца Турова Льюиса (Лейбуша) Чечика. Накануне и в годы первой мировой войны многие Шифманы переехали из Виннипега

---

[80] Общие сведения об эмиграции в Канаду можно почерпнуть на сайтах: Canadian Immigration and Refugee Board www.irb.jc.ca; Jewish Immigrant Aid Services of Canada www.jias.org

[81] The manifests for arrivals into Canada through St. John, Halifax, and Montreal/Quebec are on microfilm held by the Canada National Archives: http://www.collectionscanada.ca/services/005-3060-e.html, http://www.collectionscanada.ca/genealogy/022-908.003-e.html

[82] В 1949 г. Оскар переехал из Виннипега в США, в Лос-Анджелес (Калифорния), и тоже преуспел. Он занимался строительным бизнесом, имел несколько домов, которые сдавал внаем.

[83] Letters on September 24, 2002 and March 3, 2003, from Scott Richman.

в Чикаго, а другие, по линии Мотеля Шифмана, брата Моше-Велвла, поселились в Детройте.[84]

В провинцию Онтарио из Турова приехали Фейгель Брегман и ее братья Лейбуш, Даниэль и Шрага-Файвель. Немного позже к ним присоединились две сестры Фейгель, Хава и Кандель, а еще спустя некоторое время – двоюродные брат и сестра Фейгель – Шлейме и Годл Чечики.[85]

Палестина

Одним из центров эмиграции из Турова всегда была Палестина, находившаяся до окончания первой мировой войны под турецким владычеством, а затем под контролем Великобритании (с 1922 г.).[86] Основным мотивом отъезда служило желание глубоко верующих людей жить на земле, заповеданной в Торе. Евреи Турова собирали деньги в помощь тем, кто уже переселился на берега реки Иордан и Средиземного моря. До революции 1917 г. пожертвования из Турова поступали на счет *Общества вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине,* за что отвечал староста еврейской общины Ошер Чечик. В 1896 г. они собрали 33 руб. серебром, в 1897 г. – 30 руб., в 1898 г. – 39 руб.,[87] в 1899 г. – 19 руб., а в 1900–1901 гг. – по 22 руб. серебром.[88]

В Палестину в 1874 г. из Турова переехали Яков-Иешуа Шифман, его жена Эстер-Цирл и пять их сыновей – Мордехай, Залман, Ашер, Хаим-Барух и Арон. Шифманы были карлинскими хасидами. По семейному преданию, решение об отъезде они приняли после большого пожара в Турове, который Яков-Иешуа воспринял как божественное предзнаменование. Шифманы поселились в районе Баб-эль Хотч мусульманского квартала Иерусалима.[89] В Иерусалиме жили уроженцы Турова – Мордехай и Фейга-Двора Хейманы, которые прибыли в Палестину примерно в одно время с Шифманами.[90]

С началом первой мировой войны эмиграция в Палестину прекратилась

[84] Внук Моше-Велвла Шифмана, Лоуренс Дакс, родился в 1938 г. в США, работал 34 года в качестве дипломата США в Китае, Лаосе, Таиланде и на Тайване, Letter from Lawrence Daks on May 27, 2006, ldaks@earthlink.net

[85] Letter from Sharon Green on December 5, 2003, Tornhill, Ontario, Canada, sharon.green@rogers.com

[86] Подробнее: Б. Фукс, *Еврейский народ и эмиграция в Палестину*, Киев 1918 г.

[87] *Отчет комитета Общества вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине за 1896-1898 годы*, Одесса 1899 г., с. 40, с. 119.

[88] *Отчет комитета… за 1899-1901 годы*, Одесса 1902 г., с. 115, с. XLIII.

[89] Яков-Иешуа Шифман (1830-1906 гг.) похоронен на Масличной горе в Иерусалиме, Letter from Rafael Harpaz on September, 2004, Atlanta, Georgia, USA ejherman@juno.com

[90] Фейга-Двора Хейман (1830-1909 гг.) похоронена в Иерусалиме, Letter from Jay Zitter on April 28, 2004 zitter@hotmail.com

и возобновилась только после ее окончания. В 1914 г. Яков Кацин (Букчин) вместе с родителями эвакуировался в Туров из Вилковишек (Литва). Барух открыл хедер и давал уроки иврита, русского языка и арифметики. В 1916 г. отца Якова, Баруха, мобилизовали в русскую армию, где он прослужил год. После демобилизации Якова Букчины переходили из деревни в деревню и кормились случайными заработками.

В 1921 г. семья захотела вернуться в Литву. Букчины уехали в Витебск, а оттуда – в Латвию, поближе к Вилковишкам. Яков посещал гимназию «Тарбут» на иврите. В 1924 г. Барух с детьми – Яковом, Шломо и Рахель – совершили долгое путешествие к берегам Палестины. Через Германию, Францию и Египет они добрались до порта Яффо и прибыли в Иерусалим, где сняли крохотную комнатушку. Яков поступил учиться в *Мидраша ле-морим* и стал одним из основателей отделения *hа-Ноар hа-овед* в Иерусалиме. В 1929 г. во время еврейского погрома, учиненного арабами, Яков Букчин вступил в *Хагану* и защищал Сионские ворота Старого города в Иерусалиме.[91]

Южная Африка

В числе первых переселенцев из Турова в Южно-Африканском Союзе оказался внук Меира Коробочки – Менахем-Мордехай. Отец Менахема-Мордехая, Арон и его брат Нахман уехали в Америку, а оттуда – на юг Африки. Подробности этой истории не дошли до нас, но известно, что Менахем-Мордехай, прибыв в ЮАС, изменил свое имя на Карп.[92]

Альфред Гоникман родился в Кейптауне в 1910 г. В Париже он узнал от своего дальнего родственника Бориса Гоникмана, что их предки вышли из Турова. Отец Альфреда, Исаак-Джозеф, родился в Англии в конце 1800-х годов. В поисках работы он отправился в Южную Африку, где женился на Генриетте Арон, которая эмигрировала из Англии, и у них было шесть детей. Родители Генриетты – уроженцы России. Ее отец Саул Марго вырос в Одессе; чтобы избежать призыва в царскую армию, тайно пробрался на корабль, который отплывал в Лондон. В Англии Саул изучал архитектуру, а затем решил попытать счастья в Южной Африке. Его жена, Маня Гильсон, была родом из Пинска. Саул встретил Маню в Йоханнесбурге, они поженились и родили шесть детей и 17 внуков. Альфред женился на Дине Марго в 1935 г. и тоже стал архитектором.

Дочь Альфреда Гоникмана, Теренс, не захотела следовать семейной традиции.

---

[91] Яков Букчин преуспел в области еврейской истории и археологии, являлся членом *Eretz Israel Research Company*, преподавал в Еврейском университете в Иерусалиме, умер в 1986 г., Letter from Avi Katzin on May 18, 2003 avik@plastro.com

[92] Letters from Andi Sher on November 23, 2004 and October 22, 2006 melange@zahav.net.il

В 1964 г. она окончила университет в Кейптауне и начала карьеру в авиационной промышленности. Затем Теренс работала в отделе аэронавтики Стэнфорда в Англии, где защитила докторскую диссертацию.[93]

Англия–Египет–Палестина–Аргентина–США

На долю некоторых еврейских семей из Турова выпала судьба совершить ряд далеких путешествий, только после которых они обрели постоянное место жительства. Пример такого рода – семья Запесоцких.

Почтальон из Турова Юдл Запесоцкий (1860 г. р.) и его жена Ривка родили в Турове шесть детей: Йоселя, Якова, Давида, Гершеля, Хана-Малку и Гитл.

Первым из Турова в 1905 г. уехал Яков Запесоцкий, который направился в Англию. По прибытии в Лондон он изменил фамилию на Песецкий, впоследствии его сын переделал ее на Пирс (1946 г.).

Братья Давид и Гершл Запесоцкие уехали в Америку, где Гершл тоже поменял свое имя на Гарри Цапин. Гершл и Эстер имели трех дочерей: Джуди, Мьюрел и Дороти, первые две из которых родились в России. Все они последовали за родителями в Нью-Йорк в 1921 г.

Хана-Малка и Гитл Запесоцкие уехали в Каир. Хана-Малка вышла замуж за Исаака Бибермана, и в 1905 г. с мужем, детьми, Юсл и Калье-Ривке, выехала в Палестину. На корабле Исаак познакомился с немецким инженером, который проводил разведку нефти в Египте. Инженер предложил работу, и семья последовала за ним. Биберманы-Запесоцкие много работали, преуспели и хорошо устроились. Они оставались в Египте до тех пор, пока в 1952 г. Гамаль Абдель Насер не пришел к власти, после чего уехали в Израиль.

Гитл в Каире встретила Исаака Кремена, и в 1913 г. отправилась с ним в США, где они поженились.

К тому времени в Турове оставался Иосиф, сын Юдла Запесоцкого, у которого было шесть детей: Юдл-младший, Яков, Моисей, Хана, Фаина и Александр. В 1920 г. во время погрома Иосифа убили. Юдл, старший сын, перевез семью в Киев. Здесь у него родились Борис и Изя.[94]

Моисей Запесоцкий, двоюродный брат Юдла-старшего, в начале 20-х годов оказался в Аргентине. Там у Моисея родился сын, которого тоже назвали Иосифом, он родил Валерию и Рауля, все живут в Буэнос-Айресе.

Хана Запесоцкая назвала своего сына тоже Иосифом, у которого в свое время появились две дочери и сын. Двое детей родилось у Фаины. Один из них умер

---

[93] Letter from Terence Honikman on January 10, 2004 thonikman@earthlink.net

[94] Борис, сын Юделя Запесоцкого-младшего, погиб на фронте, а Изя умер в 1988 г. в Киеве. Сын Изи, Борис, репатриировался в Израиль в 1990 г. и живет в Иерусалиме с двумя детьми.

в годы войны, а дочь Лилия, внучка Ханы, и внук Евгений уехали в США в 1990 г. и живут в Нью-Йорке.

У Александра Запесоцкого родились три дочери – Галя, Гита и Ирина, которые поселились в Иерусалиме.

Яков уехал в Израиль и умер в Иерусалиме в 1992 г., у него осталось три сына: Борис, Гавриил и Алекс. Гавриил живет в Иерусалиме, Борис и Алекс с детьми и внуками – в Рочестере, под Нью-Йорком.[95]

Вернулись в Туров

Не все туровские евреи, отважившиеся на эмиграцию, справились с трудностями, которые неизбежны на этом пути. Небольшая часть из них возвратилась в местечко, не преодолев притяжения малой родины. У каждого были свои причины – личные и экономические, социальные и психологические. Одни не сумели выучить английский язык, другие – найти подходящее место работы, третьи – принять светский образ жизни, четвертых вынудили вернуться на родину семейные проблемы. Были и такие, кто собрался с силами, предпринял новую попытку отправиться за океан и преуспел.

Арон Чарный в десять лет остался в Турове сиротой и был отдан учеником к портному. К двадцати годам он овладел ремеслом и решил попытать счастья в Америке. В 1905 г. пароход «Пенсильвания» доставил его из Гамбурга в США. Арон поселился в Детройте, но, несмотря на все усилия, не прижился в новых краях и вернулся в Туров, где он оставил любимую девушку. В 1912 г. Арон и Бася поженились, и у Чарных родилась дочка Эстер. Перед началом советско-германской войны семья переехала из Турова в Минск.[96]

Сапожник Гирш Розенфельд участвовал в деятельности *Бунда* в Турове в 1904–1905 гг. После разгрома революции, спасаясь от преследований, бежал в Америку, куда прибыл 25 марта 1906 г. на пароходе «Pretoria» через Гамбург. В Нью-Йорке Гирш поселился у брата Баруха, освоил специальность по обработке кожи. Однако в Америке оставаться не захотел и, когда репрессии царского правительства пошли на спад, предпочел вернуться в Туров (1911 г.). В то же время в США уехали два его родных брата – кузнец Мовша (Морис) и портной Абрам, которые поселились в г. Байон (Bayonne), штат Нью-Джерси, и работали по найму. В Турове остались не только их родители, Берл и Хана-Рива, но и жены

[95] Борис, сын Якова Запесоцкого, родился в Воркуте, учился в Ленинграде и уехал в США с женой Еленой в 1979 г., выступает в *Rochester Symphony Orchestra*, Letters from Roberta Pearce on April 4, May 21, July 4, 2006 rlpearce@btconnect.com

[96] Старший сын Арона Чарного, Шая, погиб на фронте, Бася умерла в Ташкенте в эвакуации, средняя дочь Хана потеряла мужа Исаака на войне и осталась с двумя детьми, которых Арон помогал растить. Письмо Моисея Шифмана от 2 февраля 2005 г. из Германии, Архив автора.

с детьми. Семьи смогли воссоединиться только после окончания гражданской войны в России. Жена Мовши, Либке, приехала в Америку к мужу в 1921 г. с двумя детьми – Беркой, 10 лет, и Лилей, 7 лет. Жена Абрама Розенфельда, Хасра, присоединилась к мужу в 1922 г. с тремя детьми – Берлом, 16 лет, Малкой, 13 лет, и Эшкой, 9 лет.

Гирш Розенфельд открыл в Турове собственное дело, в годы НЭПа в небольшой мастерской работал с помощью нескольких наемных работников. В начале 30-х годов ОГПУ несколько раз брало его под арест и вымогало золото. Гирш был женат на Любови Тамариной, родные которой остались в Западной Белоруссии, вошедшей в состав Польши.[97]

В 1912 г. из Турова в США приехали портной Иешуа Глозман и его дети – Яков, Шимон и Авраам. Они поселились в Филадельфии. Иешуа бен Барух по какой-то причине вернулся в Туров, а потом снова уехал в Америку.[98]

Иногда в судьбу вмешивался Его Величество случай. В 1929 г. Ошер Шифман выслал в Туров вызов из Канады на одного взрослого человека, который имел право взять с собой одного несовершеннолетнего. В семье решили послать Шеву, 18 лет, и Бориса, 16 лет. Шева была незамужем, Пиня и Айзик имели семьи, а Исаак учился в Днепропетровске. Когда после сложной бюрократической процедуры документы были готовы, а чемоданы упакованы, Шева вдруг отказалась. Она сообщила родителям, что полюбила Шевеля Резникова и решила стать его женой. Борис один поехать не мог как не достигший совершеннолетия. Все сорвалось, а через месяц советские власти закрыли границу, и переезд стал невозможен.[99]

В 30-е годы, когда в СССР началась охота на «врагов народа», попали под подозрение люди, желавшие когда-то уехать за границу. Кустаря Эфроима Шифмана за сокрытие от парторганизации стремления в 1922 г. выехать в Америку в феврале 1939 г. исключили из партии.[100]

* * *

Эмиграция не повлияла решающим образом на судьбу еврейской общины в Турове. За рубежом туровцы влились в общий поток переселенцев, достигших берегов Северной и Южной Америки и других континентов. В течение первых десятилетий многие эмигранты пытались держаться вместе. Память о Турове как чувство малой родины помогала преодолеть трудности интеграции в западный мир.

---

97 Letter from Donald Szumowski, April 18, 2004 DSzumowski@aol.com

98 Letter from Penny Glassman, April 13, 2002, PLGlassman@aol.com

99 Письмо Зиновия Шифмана от 12 сентября 2006 г. из Нью-Йорка, Архив автора.

100 Государственный архив общественных объединений Гомельской области, ф. 702, оп. 1, д. 52, л. 192.

С 1892 по 1924 г. через остров Эллис в США прошли 529 выходцев из Турова. Если принять во внимание, что одновременно эмиграция шла и другими путями, то общее количество евреев, выехавших из Турова за пределы Российского государства, увеличивается почти на 15%. Не менее 150–200 чел. осели в Канаде, несколько десятков выбрали Палестину и Аргентину, оказались в Англии, ЮАС и некоторых других странах. В целом, можно предположить, что за те сорок лет, пока выезд оставался открытым (1892–1932 гг.), из Турова эмигрировало не менее 900 евреев. Жизнь эмигрантов на новом месте со временем вошла в ровное русло, стала устойчивой и прогнозируемой. Постепенно английский язык вытеснил идиш и русский, ценности западного образа жизни стали неотъемлемой частью их мировоззрения. Долгое время два маяка влекли к себе бывших эмигрантов – Туров и Палестина. С первым связывали родные корни и могилы, а со вторым – общая судьба мирового еврейства.

Землячества выходцев из Турова просуществовали до середины 1970-х годов, пока были живы старожилы, оставившие это полесское местечко на заре прошлого века. Они собирали пожертвования, которые умудрялись переправлять в республику, поддерживали переписку. Однако трагедия Холокоста и советская послевоенная политика разрушили последние надежды. Немногие еврейские семьи, вернувшиеся в Туров из эвакуации после освобождения БССР, и евреи-фронтовики, демобилизовавшиеся из Красной Армии, не осмеливались подать признаки жизни в ответ на розыски из-за границы. Посылки и письма возвращались с пометкой «не востребовано» – опыт жизни в Советском Союзе не оставлял выбора.

Постепенно время стирало в сознании потомков последние следы места исхода их прародителей. Сам Туров остался без евреев, и память о земляках-эмигрантах превратилась в предание.

Глава 2. Между двумя мировыми войнами

Погромы 1918–1921 гг.

Погромы, как неотъемлемая часть и проклятие еврейской истории, долгое время миновали Туров. Их не было здесь со времени казацких войн, сотрясавших Украину и Белоруссию как части Речи Посполитой. Последний раз евреи в Турове пострадали от стрельцов русского царя Алексея Михайловича, воевавшего с польской короной в XVII веке. С тех пор еврейская община не знала ни кровавых наветов, ни жестоких преследований. Они обошли ее стороной в 80-е годы XIX века, когда после убийства Александра II сотни еврейских общин в империи стали жертвами погромщиков. Даже революция 1905 г. не докатилась погромной стихией до этой глубинки Полесья. Белорусы и евреи дорожили добрососедством и не собирались утратить его в угоду пришлым черносотенцам из соседних губерний.

Первая мировая война превратила Полесье в театр военных действий между Германией и Россией, но большая беда пришла в Туров только в годы гражданской войны. Одна за другой последовали три волны погромов, страшный след от которых тянулся от местечка к местечку. Виновниками первой волны стали польские легионеры, оккупировавшие республику в августе 1919 г. – июле 1920 г., второй – Савинков и Булак-Балахович осенью 1920 г., а третьей – банды «самостийных»

атаманов на протяжении всего 1921 г. Евреи оказались наиболее доступной и беззащитной жертвой. Большевики имущую часть евреев считали эксплуататорами, поляки – «христопродавцами», крестьянские батьки – «жидо-комиссарами», принесшими в деревню *продразверстку*[1], а белорусские националисты – противниками возрождения «незалежнай» Беларуси.

Калейдоскоп власти

Погромам предшествовали политическая и военная нестабильность, хозяйственная разруха и часто возникавший вакуум власти. Начиная с февраля 1917 г. Мозырским уездом руководили комиссары Временного правительства из Петрограда, которых в октябре сменил Военно-революционный комитет (ВРК) большевиков. В январе 1918 г. войска кайзеровской Германии перешли линию фронта Могилев–Жлобин–Калинковичи–Гомель и захватили две трети территории Белоруссии. По приказу немецкого командования Гомельский, Речицкий, Мозырский и Пинский уезды были присоединены к Украине гетмана Скоропадского.[2] В ноябре 1918 г. в Германии произошла революция, которая низложила кайзера Вильгельма II. Это заставило немецкие войска отступить в декабре 1918 г., и власть досталась Директории Петлюры.[3] В Мозырском уезде она продержалась всего несколько месяцев и в апреле 1919 г. перешла к большевикам, а через некоторое время там появились поляки.

Туров был освобожден от польских легионеров только летом 1920 г., а в октябре состоялось подписание предварительных условий Рижского мирного договора о признании независимости Белоруссии, по итогам которого западные области республики отходили в пользу Польского государства. Со своей стороны, варшавское правительство заявило о прекращении отношений с войсками Петлюры и Булак-Балаховича, воевавшими против Советской России.

---

1 *Продовольственная разверстка* - обязательная сдача крестьянами хлеба и других продуктов сельского хозяйства государству по твердым ценам в 1919-1921 гг., проводилась органами Наркомпрода, продотрядами совместно с комбедами и местными Советами в принудительном порядке, вызывала массовое недовольство, заменена продналогом с введением НЭПа.

2 Павел Петрович Скоропадский (1873-1945 гг.) - генерал-лейтенант российской армии (1916), глава военных формирований Центральной рады Украины (с окт. 1917), гетман Украины (1918), эмигрировал в Германию (дек. 1918).

3 Симон Васильевич Петлюра (1879-1926 гг.) - один из создателей Центральной рады Украины (1917) и глава ее Директории (февр. 1919), выступал на стороне Польши в войне с Россией, эмигрировал (1920), убит в Париже анархистом Шолемом Шварцбардом за гибель родных во время еврейских погромов на Украине.

Под советским контролем

В 1918 г. в Турове была установлена пограничная вахта Центральной рады из 10–15 чел., которую возглавил Козловский из Мозыря. В ночь на 18 декабря 1918 г. Туровский красногвардейский отряд четырьмя группами одновременно вступил в местечко и занял помещение почты, лесной управы и гетманской вахты. Гайдамаки и немецкие солдаты отступили в Житковичи. Власть в Турове взял Военно-революционный комитет под председательством Тараса Русого. Утром 19 декабря 1918 г. на Красной площади местечка состоялся митинг, на котором была провозглашена советская власть. Комитет расположился в помещении бывшей волостной управы, а в деревне Борки устроили заставу. Но «враги не дремали»: торговцы Глозман, лесопромышленник Трегер и начальник почты Шотт послали своего человека на станцию Житковичи с письмом к немецкому коменданту. Они сообщали, что отряд большевиков малочисленный, плохо вооружен, и просили освободить Туров. 25 декабря 1918 г. местечко было снова занято немецкими войсками, но опять ненадолго, советская власть была восстановлена уже 3 января 1919 г., а во главе ревкома Турова встал Петр Балбуцкий.

В конце марта 1919 г. в Туров пришли польские войска, которые были выбиты партизанами в июне. Несмотря на это, красные партизаны не сумели закрепить успех, и в декабре поляки вернулись. В апреле 1920 г. Туров освободили красноармейцы Западного фронта, но через месяц в местечко снова вступили польские части.[4]

Польская армия отступила из Турова окончательно только в июле 1920 г. В местечке заработал волостной ревком. В списке первых его мероприятий стали надзор за частными лицами, борьба со спекуляцией, благоустройство местечка, обслуживание дорог, мостов и переправ, сбор оружия у населения, борьба с пожарами, хищениями леса, ночные караулы. Ревком собирал сведения о пострадавших от контрреволюции, взял на учет помещичьи имения и имущество лиц, бежавших с польскими «бандами», открыл школы и занялся ликвидацией неграмотности, помогал провести уборку урожая.

В октябре 1920 г. в составе Туровского волостного земельного отдела значились: заведующий Кузьма Голец, конторщик (бухгалтер) Абрам Тепленький и делопроизводитель Николай Мошинский.[5] Они раздали неимущим хозяйствам на семена картофель, овес, просо и ячмень, помогли оборудовать кузнечную и слесарную мастерские, открыли прокатный пункт сельскохозяйственного инвентаря, приняли меры по охране больших садов, пытались уладить «мирным путем» земельные споры.[6]

---

[4] Материалы краеведческого музея в Турове.

[5] Список членов волостного земельного отдела РВК Турова на 18 октября 1920 г., Зональный государственный архив (далее ЗГА) в Мозыре, ф. 293, оп. 1, д. 7, л. 6.

[6] Отчет о работе Туровского волостного земельного отдела от 15 мая 1921 г., Там же, д. 34, л. 42.

Нейтральная зона

С июля 1920 г. по март 1921 г. Туров соприкасался с нейтральной зоной, которая простиралась на 15 км по обе стороны демаркационной линии между Российской Федерацией и Польской Республикой. Для поддержания порядка в пограничной зоне был образован Туровский военный революционный комитет под председательством Федора Борисова,[7] в распоряжении которого был отряд Рабинера. Начальниками Туровской комендатуры стали Белошапка и Фурсов. По линии Тонеж–Букча–Туров–Вересница военно-революционный комитет установил пограничные заставы. Местечко находилось в стороне от шоссейных дорог, а ближайшая железнодорожная станция была в Житковичах, в 25 км.[8]

В декабре 1920 г. при помощи Реввоенсовета Западного фронта была воссоздана Туровская волость, а в нейтральной полосе восточного участка границы организованы четыре ревкома – Пятечинский, Семежевский, Хоростовский и Туровский. Первые три подчинялись Слуцкому уездному революционному комитету, а Туровский – Мозырскому ВРК. Такое деление было призвано помочь установлению твердой власти в округе. Политотдел Западного фронта снабдил ревкомы необходимыми материалами и инструкциями о правилах перехода государственной границы с Польшей.[9]

Мирное население не чувствовало себя в безопасности. Его терроризировали банды дезертиров и отряды крестьянских атаманов, которые занимались поборами и грабежами, заявляя, что ведут борьбу за свободную Беларусь – без русских, поляков, украинцев и евреев. Антисоветские формирования не могли противостоять отрядам Красной Армии и прибегали к тактике диверсий и рейдов на советскую сторону, используя как плацдарм опорные пункты на территории Польши.

Польские погромы

В бесчинствах польских военных можно выделить два этапа. Первый включал погромы во время оккупации республики с августа 1919 г. до июня 1920 г., а второй – время отступления в июле 1920 г. Погромы сопровождались широкой антисемитской агитацией среди крестьян. Она была примитивной и сводилась к тому, что евреи являлись коммунистами, которые все губят, обманывают, и поэтому их необходимо «бить и резать». Обычным предлогом для грабежа еврейского имущества служили поиски коммунистов. По свидетельству современников, польская

[7] В состав ревкома вошли Борисов, Тенд, Сухачев, Ратик, Шульман.

[8] ЗГА в Мозыре, ф. 293, оп. 1, д. 3, л. 4-6.

[9] Там же, л. 10.

антисемитская агитация имела «значительный успех» и смогла отравить сознание белорусских крестьян.[10]

Занятие городов и местечек Белоруссии в 1919 г. сопровождалось погромами и грабежами не только лавок и магазинов, принадлежавших евреям, но и частных домов. В течение одиннадцати месяцев польской оккупации евреев подвергали различным формам насилия: от оскорблений, унижения человеческого достоинства, избиений, изнасилований до нанесения увечий и убийств. Самые массовые жертвы среди евреев и разорение пришлись на время скоротечного отступления польских легионеров из БССР в июле 1920 г.

Обвинения в шпионаже

В мае 1920 г. в Калинковичах польские власти арестовали Кацмана, Соловьева и Кирпичникова, которых «уличили» в шпионаже. Их задержали с помощью двух провокаторов, выдавших себя за советских подпольщиков. Все трое арестованных после суда военно-полевого трибунала были при стечении народа повешены в городском саду Мозыря. По городу были расклеены объявления, подписанные генералом Сикорским,[11] на польском и русском языках, которые под страхом смерти запрещали евреям оказывать содействие большевикам. На евреев Калинковичей наложили контрибуцию в 250 тыс. руб. В Петрикове к польскому коменданту вызвали хозяина аптеки Файнштейна, которого объявили шпионом и коммунистом. Только заступничество доктора Рутковского спасло аптекаря от расправы.[12]

Материальные потери

В ходе антисемитских выступлений разорению подвергались все социальные группы: торговцы, ремесленники, земледельцы. Грабежи совершались польскими солдатами на глазах офицеров, которые не мешали разгулу своих подчиненных. Из еврейских хозяйств вывозилось все, что имело какую-либо цену: хозяйственный инвентарь, семена, стройматериалы и даже органические удобрения. На станции Птичь были ограблены 200 евреев, в Житковичах – 400. В Лельчицах солдаты ходили по домам в поисках припрятанных золота и драгоценностей – выламывали полы, пробивали стены и разбрасывали печи, даже заставляли снять обувь. В Мозыре они унесли белье, одежду, продукты питания, посуду, 30 швейных машинок и инструменты

---

[10] *Материалы об антиеврейских погромах,* сер. I. Погромы в Белоруссии. Вып. I. Погромы, учиненные белополяками. Официальные документы, обследования и свидетельские показания, Москва 1922 г.

[11] Владислав Сикорский (1883-1943 гг.) - командующий польскими войсками, премьер-министр и военный министр Польши (1922-1923).

[12] *Материалы об антиеврейских погромах*, с. 63.

у многих ремесленников. Легионеры повесили двух евреев за то, что один отказался отдать костюм, а другой – телегу с лошадью.[13] В Турове, по свидетельству советских органов, еврейская община пострадала от поляков больше, чем в Мозыре.[14]

Принудительные работы

Оккупационные власти широко использовали принудительный труд евреев. Их хватали прямо на улице и в частных домах и заставляли работать, а сопротивлявшихся били прикладами и нагайками. Брали преимущественно мужчин, но если их не хватало, заставляли идти женщин, стариков и детей. Польские военные гнали евреев не только на общественные работы, но и когда сами нуждались в их подневольном труде. Некоторые евреи могли откупиться. Торговцев, сидевших в лавках, или хорошо одетых евреев на работы не брали, «охотились» исключительно за бедняками. В Мозыре по просьбе общины был образован комитет для упорядочивания назначений на работы, однако это не спасало – поляки продолжали «ловить» евреев для выполнения необходимых работ.[15]

Преследования на религиозной почве

Во многих городах и местечках польские военнослужащие разрушали и оскверняли синагоги. Они использовали стереотипы в сознании католиков, униатов и православных жителей Белоруссии, согласно которым евреи «продали» Иисуса Христа, за что оказались проклятым народом, а иудаизм «дьявольской» верой, или что все евреи – колдуны и убийцы христиан, разрушители благополучия христианского дома.[16]

Возникло понятие «тихие погромы» – показательное нарушение еврейской традиции, объявление общественных работ в дни еврейских праздников, включая Судный день. Одновременно польские власти наказывали евреев за работу в воскресные дни.[17] Легионеры рвали Тору, резали бороды старикам, заставляли верующих выполнять физические работы по субботам. В Ковчицах польские драгуны, угрожая оружием, требовали у религиозных евреев откупа за сохранение бороды. Иосифу Курановичу, у которого денег не оказалось, вырвали бороду

---

[13] А.С. Замойский, «Социальные последствия антисемитских акций в Восточном Полесье», *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX - начало XX вв.)*. Сборник материалов научно-теоретической конференции 21 сентября 2003 г., Гомель 2004 г., с. 139-140.

[14] Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 782, оп. 1, д. 6, л. 23.

[15] *Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919-1920 гг.*, Ленинград 1940 г., с. 20.

[16] Ігар Марзалюк, «Жыд» у беларускай традыцыі. Негатыўныя ментальныя стэрэатыпы і досвед супольнага існавання», *Евреи Беларуси. История и культура.* Вып. VI, Минск 2001 г., с. 25-32.

[17] НАРБ, ф. 684, оп. 1, д. 61, л. 121.

руками. В Мозыре исключение сделали только для раввина Анцелевича, которому просто разрешили носить бороду.[18]

Унижение человеческого достоинства

Принудительные работы сопровождались унижениями и оскорблениями. Евреев били до крови, заставляли собирать сено по соломинке и переносить в сарай. Больным приказывали носить воду в дырявом ведре, женщинам – тянуть бочку с водой вместо лошади, а несогласных раздевали донага. Принуждали переносить непомерные тяжести, катать офицеров в вагонетках по узкоколейной дороге и тому подобное. Евреи боялись жаловаться, потому что слышали, что подобные выходки легионеры позволяли себе повсеместно. В Калинковичах поляки избили резника Мойше Рабиновича (55 лет), который отказался работать в субботу. В одной из деревень Мозырского уезда (название в документе не приводится. – *Л. С.*) еврейскую семью из одиннадцати человек заставили выпить по ведру воды. Когда несчастные заявляли, что не в силах это делать, в рот вставляли палку, чтобы искусственно вызвать рвоту и пить дальше. Потом евреев положили на землю, накрыли досками и по ним прогнали лошадей, а затем тела бросили в Припять.[19]

В некоторых случаях издевательств удалось избежать благодаря выкупу. В земледельческой колонии Ситня никого не убили только потому, что община уплатила польским офицерам 12 тыс. марок.[20]

Изнасилования

Случаи насилия над женщинами были отмечены во всех местах присутствия польских войск. В Мозыре было изнасиловано не менее 300 женщин, включая двух девочек 12–15 лет и трех беременных. Несколько женщин было изнасиловано на станции Птичь, в том числе девочка 13 лет, в Житковичах польские военные надругались над семью женщинами и девочкой 14 лет, в Петрикове от них пострадали около 100 женщин, а за медицинской помощью обратились 40 зараженных и 30 забеременевших женщин, в Копаткевичах – 20 женщин. В Турове и его окрестностях поляки изнасиловали не менее ста женщин и надругались над старухой 80 лет.[21] *Еврейский общественный комитет по оказанию помощи пострадавшим от погромов (Евобщестком)* не смог установить точное количество пострадавших. Сами жертвы часто избегали огласки перенесенного

[18] *Материалы об антиеврейских погромах,* сер. I. Погромы в Белоруссии, с. 59, 62.

[19] Там же, с. 73.

[20] Там же, с. 59.

[21] НАРБ, ф. 782, оп. 1, д. 6, л. 24.

позора и не заявляли о случившемся. Однако количество выявленных примеров говорит о сотнях подобных эксцессов.

Убийства

Убийства и насилие со стороны польских военных не были следствием разбушевавшихся страстей в момент аффекта, вызванного антисемитской травлей, как это имело место при других погромах. Евреев расстреливали за «шпионаж», когда хотели избавиться от ненужного свидетеля или «крикуна», протестовавшего против действий насильников. В Петрикове при подобных обстоятельствах убили хозяина лавки Иосифа Равинковича (58 лет), мясника Залмана Брискмана (65) и его сына (15), извозчика Оффенгендина (40) и парикмахера Гирша Дегтяря (35). На Припяти был остановлен пароход «Ремесленник», где находилось два еврея – кочегар и подросток из Давид-Городка. Пассажиры спрятали кочегара, а мальчика поляки расстреляли. В Копцевичах легионеры увели скот и лошадей, а еврея, который шел сзади и ругал поляков, – застрелили. В Турове от рук поляков погибло шесть евреев в самом местечке и 31 еврей в окрестных деревнях, в Петрикове – 11 евреев, в Мозыре – 32, в Житковичах – шесть евреев.[22]

Отношение неевреев к поведению поляков

Польские погромы проходили в основном без участия белорусских соседей. Убийства и надругательства совершались хладнокровно и планомерно, чтобы причинить максимальный ущерб еврейской общине и унизить человеческое достоинство. В Петрикове христиане лично не принимали участия в грабежах, но указывали оккупантам на дома, где жили евреи, и подбирали товары, выброшенные из еврейских лавок. В Ковчицах «русские» (неевреи) охотно скупали награбленное; евреи считали, что не менее половины похищенного имущества оказалось в домах соседей. Польские солдаты-евреи не участвовали в погромах и даже заступались за белорусских евреев, когда это было возможно.

Некоторые жители использовали погромы, чтобы поправить свое материальное положение. Убегая от бандитов, евреи могли взять только часть имущества, и тогда оставшееся расхищалось. Нередко ближайшие соседи отчуждали земельную собственность евреев, но одновременно были случаи, когда местные крестьяне и духовенство защищали евреев от польских солдат и других погромщиков.[23]

---

[22] НАРБ, ф. 782, оп. 1, д. 6, л. 23.

[23] М.С. Баравы, *Па крывавых сьлядах.* Зборнік дакладаў аб растрэлах, катаваннях і гвалтах над беларускім насельніцтвам у часы белапольскай акупацыі, 1919-1920 гг., Менск 1927 г., с. 39.

Антисемитские карикатуры, использовавшиеся погромщиками
Почтовые открытки. Варшава 1920 г.

Поджоги

Отход польских войск сопровождался массовыми поджогами не только отдельных зданий, но и целых улиц в городах, деревнях и местечках. Как правило, это не было вызвано военной необходимостью. Большинство поджогов с 9 по 14 июля 1920 г. носило организованный характер, что позволяет предположить существование определенного плана польского командования о разрушении местечек при отступлении. Военные мешали тушению очагов возгорания и, угрожая оружием, разгоняли пожарные расчеты и жителей, спешивших на борьбу с огнем. Эвакуируясь из Мозыря, польские легионеры предварительно сожгли железнодорожный и деревянный мосты, тушить которые не дали. В отдельных случаях поляки заставляли поджигать евреев. В Могильном 13 июля 1920 г. легионеры приказали членам местной общины обложить соломой мост через реку, облить керосином, дегтем и поджечь.[24] От занявшегося пламени пострадали соседние дома, включая еврейские.

[24] НАРБ, ф. 782, оп. 1, д. 6, с. 60, 62.

В целом погромы, учиненные поляками в 1919–1920 гг., имели ряд особенностей: относительно небольшое количество убитых и раненых (кроме случаев в Пинске и Лиде), поголовный грабеж и вывоз имущества, особенно при отступлении, уничтожение еврейской собственности и массовые поджоги городов и местечек, принудительное использование еврейской рабочей силы. По данным Евобщесткома, за одиннадцать месяцев польской оккупации в республике пострадало 350 тыс. чел., включая 120 тысяч детей и 80 тысяч взрослых.[25] Жизнь местечек была парализована, жители долго не могли прийти в себя и оправиться от погромов. Разбитые лавки и мастерские, изъятые товары и орудия труда лишали евреев средств существования. Торговцы и ремесленники, обслуживавшие окрестные деревни, не рисковали покидать свои дома и оставались без работы.

Поход Булак-Балаховича и Савинкова

Вторая волна погромного движения была связана с вторжением на территорию Белоруссии групп повстанцев Станислава Булак-Балаховича[26] и присоединившихся к ним отрядов Бориса Савинкова в октябре–ноябре 1920 г.[27]

Подготовка кампании

В соответствии с соглашением о перемирии с РСФСР от 12 октября 1920 г., польские войска покинули Минск, а все антисоветские формирования на подконтрольной Польше территории были распущены. Несмотря на это, польское командование разработало план новой кампании. Пилсудский рассчитывал на образование федерации Польши, Литвы, Украины и Белоруссии, которая стала бы Второй Речью Посполитой.[28] Булак-Балахович должен был сковать части Красной

---

[25] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 1318, оп. 24, д. 4, л. 4.

[26] Станислав Никодимович Булак-Балахович (1883-1940 гг.) - военный и политический деятель, уроженец Ковенской губернии, окончил агрономическую школу, доброволец 2-го Курляндского уланского полка русской армии (1914), прапорщик (1915), штаб-ротмистр (1917), генерал (1919), командир Петроградского полка Красной Армии. Перешел на сторону белых (дек. 1918), воевал в Северо-Западной армии ген. Юденича, ушел в Эстонию, где возглавил «войско» Белорусской Народной Республики (1200 чел.), затем присоединился к полякам.

[27] Борис Викторович Савинков (1879-1925 гг.) - один из руководителей «боевой организации эсеров» (1903-1917), участник убийства министра внутренних дел Плеве (1904) и великого князя Сергея Александровича (1905), приговорен к смертной казни, бежал. Управляющий военным министерством Временного правительства (1917), участник создания Добровольческой армии на Дону, представитель правительства Колчака и Деникина во Франции.

[28] *Вторая Речь Посполитая* - см. Словарь терминов и понятий.

Армии в Белоруссии и не позволить перебросить их на Южный фронт для преследования генерала Врангеля в Крыму.[29]

Булак-Балахович и Савинков общими усилиями сформировали *Русскую народную добровольческую армию* численностью 7860 штыков и 3500 сабель. Это было три дивизии, одна бригада, кавалерийский полк, полк донских казаков, авиаэскадрилья, бронепоезд и две артиллерийские батареи. В армии оказались в основном бывшие пленные красноармейцы и местные партизаны, недовольные советской властью. Савинков возглавлял *Русский политический комитет* и рассчитывал на образование буржуазно-демократической республики. Предполагалось, если наступление будет успешным, продолжать его на Москву. Польское правительство делало вид, что не имеет ничего общего с этой «самодеятельностью».[30] Когда подготовительные работы завершились, собранные силы вывели на исходный рубеж к демаркационной линии.

Фактор внезапности

Подготовка «освободительного похода» Булак-Балаховича оказалась неожиданностью для советской стороны. В октябре 1920 г. Центральное бюро Компартии Белоруссии отмечало осложнение военной и политической обстановки в республике. Оно потребовало от чрезвычайных комиссий усилить борьбу с контрреволюцией. Эта директива стала энергично воплощаться в жизнь. Чекисты с помощью местного актива начали задерживать подозрительных лиц и опасных преступников по обвинению в шпионаже, бандитизме и других антисоветских действиях.[31] В Минске 2 ноября 1920 г. *Чрезвычайная комиссия по борьбе с бандитизмом и спекуляцией* (ЧК) Белорусской Республики опубликовала воззвание к населению, в котором разоблачала контрреволюционеров «всех мастей», белогвардейцев и других слуг международных хищников, которые в целях наживы хотят обмануть малосознательных граждан. Одновременно утверждалось, что противники советской власти якобы распространяют нелепые слухи о наступлении на республику генерала Желиговского и атамана Булак-Балаховича. Авторы документа, Роттенберг (председатель) и Опанский (секретарь), обращались к рабочим и всем «честным» гражданам задерживать распространителей провокационных слухов, чтобы «могучая карающая рука ЧК могла расправиться с врагами революции».[32]

[29] *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. В 12 томах, Москва 1964-1986 гг., т. 3, с. 426.

[30] А.Г. Хохлов, *Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918-1925 гг.*, Минск 1981 г., с. 54-55.

[31] Российский государственный военный архив (далее РГВА), ф. 8, оп. 2, д. 33, л. 54.

[32] «От Чрезвычайной Комиссии С.С.Р. Белоруссии». Воззвание Роттенберга и Опанского в Минске от 2 ноября 1920 г., НАРБ, ф. 34, оп. 6, д. 3, л. 117.

Аналогичные сообщения приходили с Полесья. Мозырский военно-революционный комитет докладывал, что среди населения «циркулировали ложные и нелепые слухи», распространяемые агентами контрреволюции и наемниками буржуазии, выступавшими от имени *Союза защиты родины и свободы*.[33]

Планы широкомасштабной операции утаить было трудно. Варшавский корреспондент *Таймс* из Лондона отмечал, что задача, поставленная перед Булак-Балаховичем, огромна, а препятствия, которые необходимо преодолеть, – «неимоверные», поэтому его дело может погибнуть.[34] В ноте СНК РСФСР правительству Великобритании от 28 октября 1920 г. подчеркивалось, что враждебные действия в Белоруссии продолжаются. Тем временем страны – члены Антанты[35] через Польшу снабжали оружием и снаряжением отряды Булак-Балаховича и Петлюры и несли главную ответственность за кровопролитие.[36] В Риге советский представитель вручил ноту правительству Латвии о вербовке на ее территории в «обширных размерах» бежавших из России белогвардейских офицеров и других контрреволюционных элементов для пополнения армии Савинкова в Польше.[37]

Начало вторжения

25 октября 1920 г. сторонники Булак-Балаховича и Савинкова перешли демаркационную линию. Штаб повстанцев находился в Кожан-Городке, куда 2 ноября 1920 г. прибыл английский резидент Сидней Рейли. По его словам, идея освобождения белорусских земель от большевиков впервые объединила белорусов, поляков и русских, хотя согласия между ними не было. Главные силы были собраны вдоль правого берега Припяти. «Дивизию смерти», ядро которой составляли бывшие солдаты и офицеры Юденича, влившиеся в состав балаховских частей, поддерживала кавалерийская дивизия генерал-майора Ярославцева, сформированная в августе 1920 г. в Иваново, около Кобрина. Жлобин планировалось захватить силами левой группы войск, основу которой составляла пехотная дивизия полковника Микоши из Люблина.[38]

В полосе наступления находилось незначительное количество советских войск,

---

[33] С.В. Телепень, Е.Д. Майорова, «В огне революции и гражданской войны», *Мазыр 850 год. У трох тамах, т. 1. Мазыр: гісторыя і сучаснасць*, Гомель 2005 г., с. 100.

[34] *Бюллетень НКИД*, № 49, 13 декабря 1920 г., с. 2-3.

[35] *Антанта* (от *франц*. Entente - букв. «согласие») - союз Великобритании, Франции и России против германской коалиции в годы первой мировой войны, после 1918 г. - организатор и спонсор иностранной интервенции с целью подавления социалистической революции в России.

[36] *Документы внешней политики СССР*, Москва 1959 г., т. 3, с. 301.

[37] Там же, с. 719.

[38] P. Simanskij, *Kampanij bialoruska-rosyjskiej armij ludowo-ochotniczej gen. Bulak-Balahovwicza w r. 1920*, Bellona Warszawa, 1930, t. 37, z. 2.

а резервы были сконцентрированы далеко от театра военных действий. 6 ноября отряды Булак-Балаховича вошли в Туров. Местечко было переполнено обозами с боеприпасами, амуницией, провизией и другим имуществом.[39] 8 ноября основные силы балаховцев достигли Петрикова и завязали ожесточенные бои на его подступах. Петриков защищали два полка 16-й армии Западного фронта, которые были обескровлены в предыдущих боях и не смогли оказать продолжительное сопротивление. Красная Армия оставила Петриков 8 ноября, Скрыгалов – 9 ноября, Мозырь – 10 ноября и Калинковичи – 11 ноября.[40]

Политические амбиции

Перед началом похода Булак-Балахович объявил свою политическую программу, целью которой являлось образование независимой Белорусской Республики, включавшей полосу от Речицы до Мозыря и от Гродно до Смоленска, где проживало свыше 10 млн человек, включая более 1,5 млн евреев.

7 ноября 1920 г. в Турове Булак-Балахович торжественно передал власть на занятых территориях *Белорусскому политическому комитету* (БПК) польской ориентации.[41] 12 ноября Булак-Балаховичу устроили пышную встречу в Мозыре. Члены Белорусского политического комитета встретили его с красно-белым флагом и предложили стать по примеру Пилсудского «начальником белорусского государства». Они передали в подчинение любимому «батьке» вооруженные отряды «Зеленого дуба» во главе с Вячеславом Адамовичем (Деркач), которые возникли в 1919 г.[42]

Балахович объявил о роспуске правительства Белорусской Народной Республики Вацлава Ластовского в Каунасе, Антона Луцкевича в Варшаве и советского правительства Александра Червякова в Минске. Он декларировал независимость Белоруссии, назвал себя главнокомандующим всех белорусских вооруженных сил и назначил премьер-министром Павла Алексюка. Балахович произвел своего брата Юзефа в чин генерал-майора и поручил ему командовать *Русской народной добровольческой армией*.[43] Следующим шагом должны были стать формирование гражданской администрации, разработка Конституции, конфискация крупной помещичьей собственности, союз с Польшей и Антантой.

Положение Булак-Балаховича было непрочным. Поляки считали мятежного

---

[39] O. Latyszonek, «General Bulak-Bulachowicz - od armii carskej do armii narodowej», *Dyskusia* (Bialystok), 1990, No 2-3 (23).

[40] З. Шыбека, *Нарыс гісторыі Беларусі, 1795-2002 гг.*, Мінск 2003 г., с. 233.

[41] В состав комитета, образованного 12 октября 1920 г. в Варшаве, входили семь человек, в том числе Вячеслав Адамович, Павел Алексюк и Радослав Островский.

[42] Н. Стужынская, *Беларусь мяцежная*. З гісторыі антысавецкага ўзброенага супраціву 20ыя гады XX стагоддзя, Вільня 2000 г., с. 94, 174-176.

[43] Marek Cabanowski, *General S. Bulak-Balachowicz*, Warszawa 1993, s. 12.

генерала только относительно полезным и не доверяли полностью. Пилсудский характеризовал его как «атамана разбойников», а не офицера в европейском духе, но считал незаменимым в условиях партизанской войны, человеком, который бьет большевиков лучше штабных генералов.[44] В одном из рапортов военного ведомства Польши отмечалось, что Булак-Балахович хочет быть знаменитым, «много кричит, солдатам очень близок, и они его очень уважают».[45]

Избиения евреев

Поход Станислава Булак-Балаховича на Белоруссию обернулся для евреев трагедией. Авантюрист по своей природе, он старался максимально разыграть еврейскую карту. «Крестьянский генерал» использовал антисемитизм поляков, черносотенные настроения белых офицеров и недовольство белорусской деревни большевистской продразверсткой. Евреи, как никто другой, подходили на роль потенциальной жертвы. Предлог для насилия всегда был под рукой: личные обиды, хозяйственные споры и конфликты, имущественные претензии. Евреи принадлежали к различным слоям общества, были политически активны, отличались грамотностью. Они исповедовали другую религию, разговаривали на собственном языке, придерживались традиции, не имевшей аналогов в славянской культуре. Война и разорение, голод и грабеж рождали потребность в насилии, которую удобнее всего было удовлетворить за счет евреев. Неизвестно, какая социальная группа, религиозное или национальное меньшинство могли бы выступить в роли социального громоотвода, если бы не евреи. В итоге за считанные недели осени 1920 г. десятки местечек Белоруссии оказались разгромлены, тысячи жителей разорены, сотни убиты и покалечены, дети остались сиротами. Среди потерпевших были люди разных национальностей, но только евреи оказались жертвами, избранными погромщиками по национальному признаку.

Идеологическое прикрытие

Советские источники, освещавшие погромы Булак-Балаховича и Савинкова, предпочитали говорить о политическом бандитизме. Это затушевывало антисемитизм как явление и оставалось приемлемым для обывателя, с которым советская власть заигрывала. Однако большинство евреев не имели отношения к большевикам, не говоря об их семьях, родителях, женах и детях, которых мучили и убивали наравне с взрослыми.[46]

---

[44] Adam Kosecki, «Bialoruskie formacje zbrojene», *Polska, Bialorus 1918-1945*, Warszawa 1994, s. 63.

[45] Marek Cabanowski, Op. cit., s. 29.

[46] Н.С. Сташкевич, *Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917-1925 гг.),* Минск 1985 г., с. 6.

Вдохновители погромов ставили знак равенства между понятиями «еврей» и «комиссар», выдвигая лозунги: «Уничтожим евреев, чтобы не мешали крестьянству!», «Долой комиссаров, смерть евреям!» Агитаторы-антисемиты утверждали, что евреи виноваты в красном терроре, а их уничтожение обеспечит падение Советов и отказ от идеи мирового переустройства общества.

После октября 1917 г. заговорили о том, что большевистский переворот подготовили евреи – Троцкий, Зиновьев, Свердлов, Урицкий и др. Никто не вспоминал, что среди противников большевиков евреев было еще больше. Из трехсот главных героев политического Олимпа России в 1917 г. насчитывалось 43 еврея, из которых было 20 меньшевиков, 11 большевиков, шесть эсеров, по три анархиста и кадета. Лишь пять человек участвовали в еврейских национальных организациях, 37 отнеслись к Октябрьской революции отрицательно, 16 были ее активными участниками.[47] «Главный еврей» революции Лев Троцкий (Бронштейн) считал себя интернационалистом, а о еврействе вспоминал с «брезгливостью и тошнотой». Шимон Дубнов справедливо подметил, что именно евреям пришлось отвечать за содеянное Лениным.[48]

Уголовная направленность

Большинство погромов, учиненных балаховцами, имели криминальную основу. Костяк их участников составляли бывшие пленные красноармейцы и дезертиры, выходцы из польской и белорусской мелкопоместной шляхты и русские старообрядцы. Строгая воинская дисциплина отсутствовала, а участие в погроме служило важным фактором пополнения антисоветских формирований людскими и материальными ресурсами. Каждый «солдат» Булак-Балаховича знал, что при вступлении в еврейское местечко никто не запретит ему присваивать чужое добро, насиловать женщин, требовать выпивку, продукты питания, одежду или транспортное средство. Мятежники были уверены в полной безнаказанности. Власть оружия опьяняла и диктовала свои законы, за совершенные злодеяния никто не отвечал. В Петрикове было сожжено двенадцать деревянных лавок и убито 11 евреев, в Турове от рук балаховцев погибло 12 евреев.[49]

Погромы охватили деревни и еврейские сельскохозяйственные колонии Туровской

---

[47] О.В. Будницкий, «На чужом пиру похмелье», *Евреи и русская революция*. Материалы и исследования, Москва-Иерусалим 1999 г., с. 15.

[48] «Из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения, но скорее псевдонимами являются их еврейские имена: в нашем народе они корней не имеют…» С.М. Дубнов, *Книга жизни*, Рига 1935 г., т. 2, с. 227.

[49] О еврейских погромах в Мозырском районе. Доклад М.Л. Лившица 12 января 1921 г., НАРБ, ф. 782, оп. 1, д. 6, л. 23.

волости, где проживало всего несколько еврейских семей. В Новоселках балаховцы убили девять человек, в Хлумине – пять, в Озеранах – четыре, в Черницах – три, в Горках, Толмачеве и Ричеве – по два, в Лудине, Люлине, Коли и Погосте – по одному еврею.[50]

В Копаткевичах, где балаховцы провели всего три часа, они забрали имущество, деньги и «портативные» вещи: обувь и белье. Жертвами погрома стали 60 еврейских семейств, которые остались без мужей и отцов. Для местечка это стало непосильным ударом – его жители серьезно пострадали от пожара 1915 г., а эпидемия сыпного тифа в 1919–1920 гг. унесла жизни 153 евреев. Часто жертвами бандитов становились глубокие старики. В Озеранах погибли Арон-Берко Лельчук и Иосиф Запесоцкий (50 лет), в Хлумине – Гирш Левин (90), Шлёма-Хаим (60) и его брат Мойше-Яков (65), в Ричеве – Меир и Ошер Чечики (65 и 70 лет).[51]

Только в редких случаях погрома удавалось избежать благодаря счастливому стечению обстоятельств. В Озаричах при приближении балаховцев евреи укрылись в соседней деревне Андреевке. После молитвы к ним вышел раввин и заявил, что бандиты не вступят в местечко. На подъезде к Озаричам лошадь Булак-Балаховича оступилась и застряла одним копытом в расщелине между досками на мосту. Наездник, который был пьян, едва удержался в седле и, расценив случившееся как дурное предзнаменование, приказал обойти местечко стороной. Этот случай одни евреи объясняли суеверием «крестьянского генерала», а другие – заступничеством Бога, услышавшего страстную молитву раввина.[52]

Проявление жестокости

Погромы Булак-Балаховича сопровождались большим количеством жертв. Рациональное объяснение этому явлению найти вряд ли возможно. Погромщики могли выдвинуть конкретный повод для расправы над евреями: шпионаж, помощь советской власти, стрельба из окон по отступающим частям и т. д. Однако чаще всего они мучили свои жертвы, вымогая мифическое золото, припрятанное на черный день, скромные сбережения, продукты питания или одежду. Садизм, который сопровождал пытки, рождал неописуемый ужас. Бандиты прижигали чувствительные органы, отрезали уши, нос, язык, конечности, выкалывали глаза, душили, имитировали повешение с последующим извлечением из петли, избивали плетью и палками до полусмерти и др.[53]

---

[50] В.П. Пичуков, М.И. Старовойтова, *Гомельщина многонациональная (20-30-е годы XX века)*. Вып. 1, Гомель 1999 г., с. 151-152.

[51] НАРБ, ф. 782, оп. 1, д. 10, л. 2.

[52] М. Гиндин, «Детство в Озаричах», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1998 г., № 1(17), с. 231.

[53] Н. Кудрявцев, «Борьба с Булак-Балаховичем», *Революция и войны*, 1920 г., № 3, с. 5.

Сирота Лейбе Мессер, родителей которой убили погромшики
М. Бейзер, *Американский брат. Джойнт в России, СССР, СНГ.* Иерусалим 2004 г., с. 25

Молва о жестокости балаховцев распространялась от местечка к местечку и вызывала панический страх. При первых известиях о бандитах люди бежали в лес или в уездный город под защиту военного гарнизона. Только немногие надеялись на выкуп, который помогал не всегда – мучители требовали большей мзды. В Терево Мозырского уезда балаховцы нашли спрятавшихся евреев во ржи на краю деревни и заставили собраться к дому Носима Каплана. В дверях встал крестьянин в лаптях и *свитке*[54] с винтовкой в руках. Бандиты приносили водку и, выпивая, разбивали бутылки о головы евреев – кровь брызгала по сторонам. Анцеля Гинзбурга заставили выпить серную кислоту, другому еврею ножом от соломорезки пилили шею. После того как женщин изнасиловали, евреев начали выводить на улицу. На крыльце находились два балаховца: один с шашкой, а другой с дубинкой. Обреченных выпускали по одному человеку и тут же убивали. Когда Сара Эренбург хотела убежать, ее догнали и раскроили топором голову.[55]

---

[54] *Свитка* - длинная распашная верхняя одежда из домотканого сукна.

[55] Э.Г. Иоффе, *Страницы истории евреев Беларуси*, Минск 1997 г., с. 79.

Насилие над женщинами

Удовлетворение животной страсти, сопровождавшееся унижением жертвы, было характерно для каждого появления повстанцев в городах и местечках с еврейским населением. Погромы сопровождались надругательством над женщинами. Пользуясь личным оружием, разогретые алкоголем, они могли овладеть жертвой без большого труда. От насильников Булак-Балаховича страдали не только женщины в детородном возрасте, но и девочки-подростки.

В декабре 1920 г. по поручению *Общества охраны здоровья еврейского населения* были собраны сведения о положении еврейского населения в Речицком и Мозырском уездах, местечках Птичь, Житковичи, Туров, Лельчицы, Петриков, Копаткевичи и Скрыгалов, еврейских колониях и деревнях. Полученные данные шокировали. Больше всего изнасилованных оказалось в Мозыре – около 300, в Петрикове – 90, в Копаткевичах – 20 женщин.[56] В Турове количество изнасилованных сотрудники Евобщесткома не смогли подсчитать и в соответствующей графе сделали запись – «много». В Тонеже насильники убили девушку Сору, в Озеранах – Броню Лельчук и Симху Гизунтерман, в Хлумине – Фруму, дочь Мойше-Якова. Всего в Мозырском уезде в 1920 г. пострадало более 500 женщин. [57]

Отношение неевреев

Насилия, издевательства и убийства евреев вызвали среди славянской части местечка больше сострадания, чем злорадства. Однако оставалось и много равнодушных, которые предпочитали держаться в стороне, убеждая себя в том, что «еврейские дела» их не касаются.[58] Сдерживающим фактором служил декрет СНК РСФСР, принятый 27 июля 1918 г., «О борьбе с антисемитским движением», согласно которому люди, проводившие антисоветскую агитацию, ставились вне закона.[59] Наряду с этим преследование евреев помогало белорусам и русским отвести от себя удар погромщиков, сохранить имущество и даже поживиться добром бежавших или погибших соседей.

Какая-то часть деревенского населения сама участвовала в погромах. По свидетельству еврейского отдела Народного комиссариата национальностей, осенью 1920 г. инициаторами и исполнителями погромов в ряде мест Мозырского уезда

---

[56] НАРБ, ф. 782, оп. 1, д. 10, л. 24.

[57] Там же, лл. 2, 4-5.

[58] Н. Минова, «Проблема антисемитизма в межнациональных отношениях на Гомельщине в 20-30-е годы XX века», *Евреи Беларуси. История и культура.* Вып. VI, Минск 2001 г., с. 153.

[59] *Аб антысемітызме.* Матэрыялы для дакладчыкаў і групавых агітатараў, Мінск 1927 г. Вып. 3, с. 27-28.

выступали крестьяне.[60] Погромщикам содействовали православные духовные лица. Настоятель церкви в Ричеве укрывал у себя дома бандитов, которые громили Туров; арест священника позволил задержать руководителя налетчиков Л. Григоровича.[61]

Конец «белорусского» похода

После захвата Мозыря армия Булак-Балаховича изменила направление главного удара. Вместо маршрута Бобруйск–Минск она стала двигаться в направлении Речицы и Гомеля, чтобы соединиться с войсками Петра Врангеля. Это была составная часть стратегического расчета Пилсудского – обновить с помощью генерала Люциана Желиговского Великое княжество Литовское и создать «третью Россию» – без большевиков и царя. Однако походы на Москву и Ковно не удались, как и расчет на крестьянское восстание в прифронтовой Белоруссии. Бывшие русские военнопленные, составлявшие основу армии повстанцев, не собирались воевать за «незалежную Беларусь» и переходили на сторону Красной Армии.[62]

Станислав Булак-Балахович не пошел с Савинковым, а остался с основной частью войск в Мозыре, чтобы превратить город в крепость. Известие о поражении в Крыме «черного барона» надломило боевой дух повстанцев, Савинкову взять Речицу не удалось.[63] В советской прессе была развернута широкая пропагандистская кампания. 13 ноября 1920 г. газета *Зьвязда* поместила статью «Добьем Балаховича!», а когда началось общее контрнаступление, появились новые публикации: «Бегство балаховцев», «По пятам погромщиков» и др.[64]

Тем временем командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский подтянул к Полесью значительные силы, двинул их со стороны Жлобина 16 ноября и назавтра вступил в Калинковичи. Опасаясь окружения, балаховцы сняли осаду Речицы, и 19 ноября начали отступать по всему фронту. Вторая пехотная дивизия упорно обороняла Мозырь, но 20 ноября он пал. 21 ноября 1920 г. Мозырский уездный военно-революционный комитет докладывал, что банды мятежников рассеяны по уезду. Одновременно указывалось, что за укрывательство бандитов виновные понесут наказание «вплоть до расстрела».[65]

Однако полностью уничтожить противника Тухачевскому не удалось. Основные

---

60 *Беларусазнаўства*, Под ред. П. Брыгадзіна, Мінск 1997 г., с. 23.

61 *Зьвязда*, 16 студзеня 1921 г.

62 Norman Davies, *Orzel Bialy*, *Czerwona gwiazda - Wojna Polsko-Bolszewicka 1919-1920*, Krakow 1999, s. 263.

63 А. Латышонак, «Штурм Рэчыцы вайсками генерала Станіслава Булак-Балаховіча ў лістападзе 1920 года», *Пятыя міжнародныя доўнарскія чытанні, Рэчыца 22-23 верасня 2005 г.*, Гомель 2005 г., с. 306-319.

64 *Зьвезда*, 13, 16, 18, 22, 26 ноября 1920 г.

65 ЗГА в Мозыре, ф. 293, оп. 1, д. 6, л. 2.

силы Булак-Балаховича прорвали 22 ноября заслоны Кубанской казачьей дивизии в районе Капличи–Якимовичи, форсировали Птичь и через Житковичи вышли к расположению польских войск. В районе Турова, Давид-Городка и Лахвы балаховцев разоружила польская сторона. Савинков вырвался из окружения в районе Петрикова.[66] Вместе с ним границу пересекли небольшие части первой и второй дивизии, а свыше 4 тыс. 500 солдат и 120 офицеров попали плен.[67] Часть балаховцев осталась в нейтральной зоне, откуда продолжала свои вылазки до начала 1922 г.[68]

В марте 1921 г. Рижский мирный договор разделил Белоруссию на Восточную (советскую) и Западную (польскую); часть уездов Витебской и Могилевской губерний отошли к Российской Федерации.

Сокрытие преступлений

По оценке Народного комиссариата социального обеспечения Белоруссии, всего от действий Булак-Балаховича пострадало около 40 тыс. чел.[69] Личное отношение к погромам главный виновник этих преступлений умело скрывал. Еще при подготовке вторжения генерал выдавал себя борцом за свободу и независимость белорусского народа и противником пролития невинной крови. Он подчеркивал свое расположение к еврейскому населению, для защиты которого якобы была сделана попытка формирования еврейского батальона прапорщика Цейтлина. Балахович издавал приказы, запрещавшие погромы, и воззвания, призывавшие евреев помочь в борьбе с большевизмом и гарантировавшие им равноправие в будущем независимом белорусском государстве.[70] В действительности это была бутафория. Приказ о формировании отряда Цейтлина остался мертвой буквой, что Савинков объяснял «нехваткой оружия». Однако она являлась только предлогом, поскольку после уроков гражданского равноправия, преподанных в Турове, Ковеле и Пинске, евреи не хотели служить в отряде Цейтлина, которому не удалось собрать и десяти человек.[71]

---

[66] В 1921-1923 гг. Савинков руководил диверсиями против СССР, нелегально перешел границу и был арестован в Минске (16 августа 1924), на суде раскаялся. Военная коллегия Верховного суда приговорила его к расстрелу, который был заменен десятью годами заключения. Савинков обратился с письмом к руководителям белой эмиграции прекратить борьбу против большевиков, погиб 7 мая 1925 г. в тюрьме при невыясненных обстоятельствах.

[67] С.В. Телепень, Е.Д. Майорова, Указ. соч., с. 102.

[68] *List otwarty gen. Bulak-Balachowicza do sejmu ustawodawczego Rzeczypospolitej Polskiej*, Warszawa 1922, z. 3.

[69] *Зьвезда*, 3 марта 1921 г.

[70] С.И. Венцов, «Бандитизм в Белоруссии и организация борьбы с ним», *Красная армия*, 1920 г., № 9, с. 8.

[71] А. Лохвицкий (атаман Искра), *То, что было*, Берлин 1922 г., с. 29.

Балаховича ждет смерть.

Булак-Балахович, псковский бандит, именем которого крестьяне Петроградской губернии пугали своих детей. Булак-Балахович, ежедневно вешавший во Гдове десятки невинных крестьян,—подвизается в Белоруссии.

Соратник Керенского, Савинков, один из тех, кто пытался остановить рост рабоче-крестьянской революции в 1917 году. Савинков—злейший враг трудящихся, является идейным руководителем „Народной армии" Булак-Балаховича, армии, грабящей и жгущей белорусские села и местечки еврейской бедноты.

Савинков и Булак-Балахович.

Социалист-революционер и смиренный царский слуга составляют тесную коалицию против рабочих и крестьян.

Еще один поход объединенных кулацких элементов города и деревни.

Предприятие, заранее обреченное на неудачу.

Армия Булак-Балаховича слишком незначительна, чтобы представлять серьезную опасность для Республики Советов. В ее рядах много попавших в польский плен красноармейцев, взятых обманом, силою, ненароком. Эти—из банд Балаховича уходят. Только на днях к нам, организованно с лошадьми и пулеметами, перешел Уланский полк Кав. дивизии противника.

Савинков и Балахович нисколько не рассчитывают на сокрушение большевизма своими силами. Они даже не смеют мечтать об отвоевании территории у Советской Республики. **ИХ ЗАДАЧА ПРОЩЕ: ПОГРАБИТЬ НА СВОБОДЕ**, вызвать к жизни, к восстаниям все темные кулацкие элементы, не дать молодой Советской Республике продолжать строительство новых хозяйственных форм и новой культуры на ее западных границах.

Они воюют на авось.

Авось помогут Врангелю. Авось невзначай добросердечный друг—французский банкир, заставит поляков, венгров, румын напасть на Советскую Республику. Может быть, французский капитал решится

Обращение штаба командующего Западным фронтом Красной Армии М.И. Тухачевского, ноябрь 1921 г.

Еврейские погромы на Полесье 1920–1921 гг. превзошли по своей жестокости резню евреев петлюровцами в 1918 г. на Украине. Польский военный прокурор полковник Лисовский, проводивший расследование действий генерала в Белоруссии, отмечал, что армия Балаховича представляла собой банду разбойников. Они занимали какой-нибудь город, чтобы грабить и убивать в поисках наживы, в противном случае отказывались продвигаться вперед. После грабежей начинались пьяные оргии.[72] Только спустя два дня после погрома появлялся сам «генерал» со штабом.

Евреи Польши, обладавшие мощными экономическими рычагами, требовали прекратить бесчинства и призвать виновных к ответу. Они обратились с протестом к руководителям европейских держав и Антанте, поддерживавших правительство Пилсудского. Балахович сваливал ответственность на Савинкова, офицеры которого организовывали еврейские избиения.[73] Савинков, наоборот, винил во всем «крестьянского генерала». В сентябре 1921 г. *Еврейская трибуна* в Париже поместила заявление Савинкова о его непричастности к погромам в Белоруссии.[74]

Позиция правительства БНР

Свое отношение к погромному движению высказало правительство Белорусской Народной Республики, под знаменами которого сражался Булак-Балахович. Первые известия о погромах появились в печати в марте 1920 г., но только в мае 1921 г. пресс-бюро БНР в Каунасе опубликовало информацию «Погромные банды в Белоруссии». Однако главными виновниками бедственного положения еврейского населения были названы польские власти и большевики.[75] В отношении самого Балаховича правительство Ластовского заняло выжидательную позицию, надеясь, что мятежный генерал перейдет к другим хозяевам, как это уже не раз бывало. В марте 1921 г. при этом правительстве было создано министерство национальных меньшинств во главе с Самуилом Житловским, которое приняло воззвание «К белорусскому народу». В нем все белорусские партии и организации призывались к борьбе с погромщиками.[76]

Позиция эмигрантского правительства по отношению к еврейским погромам нашла отражение в материалах конференции в Праге в сентябре 1921 г., на которой

---

[72] *Борис Савинков на Лубянке. Документы*, Составители: В.К. Виноградов, А.А. Зданович, В.И. Крылов, А.Л. Литвин, Я.Ф. Погоний, В.Н. Сафонов, Москва 2001 г., с. 442-443.

[73] М. Ботвинник, «Кто виноват в погромах?», *Мишпоха*, 1998, № 4, с. 42-44.

[74] *Еврейская трибуна* (Париж), 9 сентября 1921 г.

[75] И. Герасимова, «Деятельность правительства Белорусской Народной Республики в отношении еврейских погромов в Белоруссии (1920-1921 гг.)», *Евреи в меняющемся мире*. Материалы 3-й международной конференции в Риге 25-27 октября 1999 г., Рига 2000 г., с. 383.

[76] *Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі*, Вільня - Нью-Йорк - Менск - Прага 1998 г., т. 1, кн. 2, с. 1150.

присутствовали представители всех основных политических сил, существовавших за пределами БССР. Государственный секретарь БНР К. Дашевский признал, что «большевистский переворот отворил ворота множеству авантюристов, которые вступили в борьбу с Советами под лозунгом еврейских погромов. Они принесли в Белоруссию ужас погромов и имели намерение опорочить белорусское имя, свалив обвинение в этом на белорусский народ».[77] При этом основная вина за бесчинства как результат «народного гнева» перекладывалась на советскую власть.[78]

Практических результатов демарши и воззвания не принесли. Апелляция к общественному мнению имела целью не спасение еврейского населения Белоруссии, а лишь отмежевание от скандальной репутации Балаховича и Савинкова.

Вместе с тем преступления против мирного населения получили широкий международный резонанс. В октябре 1922 г. в Данциге был образован Центральный комитет для борьбы с еврейскими погромами, оказания помощи пострадавшим и привлечения внимания стран Европы и Америки к необходимости предупредить погромы.[79] Все это способствовало тому, что волна разбоев пошла на убыль.

Погромы переходного периода

Третий этап еврейских погромов в Белоруссии пришелся на окончание гражданской войны. Антисоветский бандитизм, имевший ярко выраженный антиеврейский характер, затронул Минскую, Гомельскую и Витебскую губернии.

Подготовка нового вторжения

Победу, достигнутую в ноябре 1920 г. войсками Западного фронта под командованием М. Тухачевского и приведшую к изгнанию Булак-Балаховича и Савинкова, нельзя было считать окончательной. Напряжение в обществе, вызванное политикой военного коммунизма, не ослабевало. Новая власть не пользовалась доверием большинства населения. Граница с Польшей была прозрачной, а искушение поживиться чужим добром не исчезло.[80]

Советская сторона ожидала новых «походов» атаманов и «генералов», не смирившихся со своим поражением. На опасное положение на границе указывалось в ноте Народного комиссариата иностранных дел РСФСР польскому правительству от 11 декабря 1920 г. В ней отмечалось, что участники похода Булак-Балаховича

[77] НАРБ, ф. 325, оп. 1, д. 169, л. 45.

[78] Там же, д. 130, л. 22.

[79] *Еврейская трибуна*, 26 октября 1922 г.

[80] М.Н. Тухачевский, «Борьба с контрреволюционными восстаниями», *Война и революция*, 1926 г., № 7, с. 9.

и «других белогвардейцев» стекаются в Виленский край.[81] Другой военный очаг создавал генерал Желиговский, который собирал разрозненные части отрядов Булак-Балаховича и Савинкова, сумевшие скрыться от преследовавшей их армии Тухачевского. В ноте от 16 декабря 1920 г. указывалось, что польские должностные лица «вливали» в 3-ю Литовско-белорусскую дивизию Желиговского беглецов из разбитых отрядов Балаховича.[82] Председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков объяснял отсрочку демобилизации Красной Армии после окончания гражданской войны отсутствием уверенности, что Польша «не выпустит опять против нас банды Балаховича, Петлюры и др.»[83]

Укрепление сил правопорядка

В конце 1920 г. для усиления борьбы с бандитизмом в пограничной полосе Минской губернии были созданы особые районные отделы милиции, реорганизованные по образцу Красной Армии. В республике сформировали Особую бригаду из шести батальонов, командирами которых стали начальники уездных отделений милиции. В Мозырском уезде три отряда милиции особого назначения насчитывали 150 чел. Это позволяло более эффективно противостоять диверсионным отрядам из Польши. Переход к армейскому принципу организации повышал боеспособность и мобильность сил милиции.[84]

Для подавления бандитизма в Белоруссии были задействованы различные боевые дружины на местах. Реввоенсовет (РВС) Западного фронта поручил руководство этими силами командованию 3-й и 16-й армий, которым были подчинены части ВНУС (внутренней службы), оперативные группы губЧК, особых отделов и заградительные отряды. В состав РВС армий включили представителей губревкома и губисполкома. Большое значение придавалось агитационно-массовой работе среди населения и военным трибуналам, призванным бороться с «антисоветскими элементами».[85]

Буйство самозваных атаманов

На территории Белорусского Полесья действовали отряды «Зеленого дуба», банды дезертиров, остатки разбитых отрядов Балаховича, многочисленные крестьянские атаманы, «батьки» и откровенно криминальные группы. Близость

---

[81] *Документы внешней политики СССР*. В 3 томах, Москва 1958 г., т. 3, с. 717.
[82] Там же, с. 381, 386.
[83] *Зьвезда*, 10 декабря 1920 г.
[84] *Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі, 1917-1927 гг.,* Мінск 1927 г., с. 44-45.
[85] РГВА, ф. 104, оп. 4, д. 435, л. 65.

государственной границы давала возможность этим отрядам после совершения налета искать убежища в Польше. За зиму 1920/21 гг. в Белоруссии произошло 40 еврейских погромов, из которых на Мозырский уезд пришелся 21. Представитель Евобщесткома по Гомельской губернии Б. Ланис в марте 1921 г. писал: «Как долго это продлится? Вот уже три недели с лишним, как я нахожусь между бушующим морем еврейской крови и заревом пожаров еврейского имущества – домишек, городов и селений…»[86]

Еврейские погромы охватили не только Мозырский, но и Речицкий, часть Бобруйского уездов, а также местечки и деревни Гомельской губернии. Весной 1921 г. погромы повторились в Мозыре, Турове, Петрикове, Копаткевичах, Скрыгалове, Калинковичах, Хойниках, Краснополье и ряде других населенных пунктов.[87]

В те дни, по неполным данным, от рук балаховцев погибло не менее 400 евреев. Погромы в глубинке Полесья поражали бессмысленной жестокостью и садизмом. В Букче, в десяти верстах от Турова, беременной женщине разрезали живот и достали ребенка, убитых бросили в реку. В Озеранах Арону-Лейбе Лельчуку бандиты отрезали нос и пальцы, а потом зарубили. Вырванное из груди сердце сожгли порохом.[88] Тела многих жертв были настолько обезображены, что родные не всегда могли их опознать. Были отмечены случаи обезглавливания тел – в Городятичах Мозырского уезда нашли 55 трупов без голов.[89]

Основной целью погромов оставались грабежи. В поисках имущества, одежды и продуктов питания налетчики взрывали полы, разбирали печи. Были случаи, когда с детей снимали обувь, забирали подушки и одеяла, домашнюю утварь и нательное белье, уводили домашний скот. После того как из дома выносили весь скарб, хозяев истязали, чтобы узнать, где спрятано «остальное добро». Родителей мучили на глазах у детей, женщин насиловали в присутствии мужей и отцов.

К лету 1921 г. бандитизм в Белоруссии принял угрожающие размеры. На территории Минской губернии численность бандитов достигла более 3,5 тыс. чел.[90] Участились случаи разгонов сельских Советов и убийства их активистов. В Ельске действовала банда атамана Шиманского, в Бобруйске – капитана Колосова, в Игуменском уезде – полковника Павловского, в окрестностях Холмича и Лоева – бывшего жандарма Ходько, под Могилевом – Моисеева, Сенкевича и Короткевича, в Василевичах – Галаки (Васильчикова), в Полоцке и Дриссе – Горбука, в Сураже – Рогова, Громова и Грачева, в Лиозно – Корунного, в Чечерске – Савицкого и др. «Шайки» и «банды» действовали организованно.[91] По оценке Народного ко-

[86] *Письмо Б. Ланиса от 3 марта 1921 г.*, НАРБ, ф. 864, оп. 1, д. 5, л. 44.

[87] Там же, л. 3.

[88] Там же, д. 22, л. 184.

[89] *Зьвязда*, 10 февраля 1921 г.

[90] А.Г. Хохлов, *Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918-1925 гг.*, с. 88.

[91] І.А. Пушкін, *Узброены супраціў ва Усходняй Беларусі (20-30-я гады XX ст.).* Дакументы і матэрыялы, Магілёў 2003 г., с. 60, 61, 93.

миссариата социального обеспечения, погромы в 1921 г. прошли в 177 населенных пунктах БССР, в которых проживало 7316 семей (29 тыс. 270 чел.).[92]

Для оказания помощи мирному населению властям на местах не хватало людей, оружия и боеприпасов. Жители просили раздать оружие для самообороны, но ревкомы опасались, что впоследствии оно повернется против них самих, когда погромщики уйдут. Евреи, запуганные грабежами и убийствами, оставляли насиженные места. Уездные города, переполненные беженцами, испытывали огромные трудности с продовольствием, медикаментами, энергоресурсами и поддержанием санитарных норм. Недостаток жилищ и питания ставил в невыносимое положение. Десятки тысяч людей находились на пороге голода. Часть беженцев пыталась как можно скорее покинуть пределы страны. На границе скопились десятки тысяч евреев, ожидавших разрешения на выезд.[93]

Восстановление советской власти в Турове

В декабре 1920 г. в Туров прибыл конный отряд из Гомеля, насчитывавший 750 сабель, который взял под охрану местечко. Волостную партийную ячейку слили с парторганизацией батальона ВЧК, несшего службу на границе. Туровские ревкомовцы проводили совместные операции по выявлению дезертиров, мародеров и уголовных элементов. Начальником отряда по охране участка государственной границы по линии Тонеж–Туров–Вересница–Ленин был назначен Рабинер, военным комендантом – Сухачев, секретарем уездного военного революционного комитета – Каплан. В мае 1921 г. в местечке был образован отряд особого назначения под командованием Борисова, а летом усилена туровская милиция.[94] Позднее пограничную заставу в Турове преобразовали в комендатуру 18-го Житковичского пограничного отряда. Перед зданием штаба отряда по инициативе его начальника А. Ковалева местные умельцы возвели самодельный памятник Ленину – первый в Белоруссии, установленный вскоре после смерти вождя «мировой революции».[95]

Помощь Джойнта

Еврейское население Белоруссии понесло тяжелейшие потери. Оно было разорено и деморализовано, хозяйственный кризис и последствия войны не оставляли

---

[92] *American Year Jewish book 5682, October 3, 1921 - September 22, 1922*. Vol. 23, Ed. By Harry Schneiderman for American Jewish Committee, Philadelphia 1922, p. 211.

[93] *О состоянии бандитизма в Белоруссии, июнь 1921 г.*, НАРБ, ф. 782, оп. 1, д. 6, л. 31.

[94] *Память. Историко-документальная хроника Житковичского района*, Минск 1994 г., с. 194-197.

[95] Л.Д. Гительман, *О времени и о себе*, Минск 2001 г., с. 4.

Объявление Джойнта о предоставлении
бесплатной продовольственной помощи нуждающимся
М. Бейзер, *Американский брат. Джойнт в России, СССР, СНГ.* Иерусалим 2004 г., с. 36

надежды на скорое возрождение. Евобщестком, несмотря на то, что объединял почти все еврейские партии и пользовался поддержкой советского правительства, не справлялся. Его Белорусская комиссия отвечала за шесть уездов республики: Минский, Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Мозырский и Слуцкий. В июле 1921 г. комиссия отмечала равнодушие славянской части населения республики к насилию над евреями.[96]

Для восстановления хозяйства растерзанных местечек привлекалась помощь из-за рубежа. Прежде всего, она поступала от *Джойнта*,[97] действовавшего через Американскую администрацию помощи (АРА)[98] и английскую христианскую организацию квакеров. В Бобруйске, Мозыре и Слуцке скопилось около пяти тысяч беженцев, которые срочно нуждались в продовольствии. В бесплатные

---

[96] НАРБ, ф. 684, оп. 1, д. 4, л. 60-об.

[97] Джойнт - Американский объединенный распределительный комитет (*JDC* - The American Jewish Distribution Committee).

[98] АРА - Американская администрация помощи (American Relief Administration).

столовые доставили одну тысячу пудов муки, а беженцам в Гомеле, Стародубе и Рогачеве было передано продуктов питания на сумму 1 млн рублей. Осенью 1921 г. зарубежные благотворительные центры выделили БССР 200 тыс. долл., на которые закупили продовольствие и предметы первой необходимости. Большая часть средств направлялась в разгромленные хозяйства, мелким ремесленникам, детским и сиротским учреждениям.[99]

В республику из Америки поступали десятидолларовые благотворительные посылки с продуктами и предметами первой необходимости. Содержимое типичной посылки включало: сахар (10 фунтов), рис (25 фунтов), растительное масло (10 фунтов), чай (3 фунта), мука (49 фунтов) и сгущенное молоко. По договору с АРА половина посылок поступала неевреям. К 1 июля 1922 г. в Белоруссии и на Украине было получено более 90 тыс. таких посылок, которые помогли прокормиться целым семьям. В местных отделениях Евобщесткома на посылки выдавали охранные удостоверения, чтобы их не реквизировали у получателей по дороге домой.[100]

Серьезное внимание Джойнт уделял улучшению жилищных условий для пострадавших от погромов. С его помощью были собраны средства на восстановление 100 тыс. квартир и домов, которые оставались непригодными для жилья и требовали полного или частичного ремонта.[101]

Отношение к иностранной помощи в республике было противоречивым. Представители *Молодого Бунда* доказывали, что принимать ее от американской буржуазии аморально на том основании, что США участвовали в иностранной интервенции и косвенно виноваты в погромах на территории Белоруссии. Несмотря на это, большинство членов Еврейского общественного комитета высказались за сотрудничество с Джойнтом.[102]

Погромы, гражданская война и голод тяжело отразились на здоровье еврейского населения республики. Дети болели кожными и инфекционными заболеваниями, тифом и дизентерией. Положение с санитарией и гигиеной было катастрофическим. Несмотря на то, что официально *Общество охраны здоровья еврейского населения* (ОЗЕ)[103] было к тому времени распущено, многие его сотрудники и врачи продолжали обслуживать больных в лечебницах, поликлиниках, диспансерах, на молочных кухнях, устроенных еврейской общественностью. Джойнт также помогал в ремонте

---

[99] Э. Иоффе, Б. Мельцер, *Джойнт в Беларуси*, Минск 1999 г., с. 30.

[100] Michael Beizer, Mikhail Mitsel, *The American Brother. The "Joint" in Russia, the USSR and CIS*, Joint, Jerusalem 2004, p. 42.

[101] *Итоги борьбы с последствиями голода*, Москва 1924 г., с. 75.

[102] М. Ботвинник, «Первые шаги Джойнта в Беларуси», *Авив* (Минск), 2002 г., № 1-2, с. 6.

[103] ОЗЕ возникло в августе 1912 г. в Петербурге и включало общинные благотворительные организации (*Бикур холим, Линот hа-цедек*, *Рофе холим* и т. п.), бесплатно обеспечивало нуждающихся лекарствами, а их детей - молоком, в 1918-1921 гг. помогало в устройстве 40 тыс. беженцев, вернувшихся на прежнее место жительства. В 1921 г. ОЗЕ и Евобщестком были официально закрыты по политическим мотивам под предлогом нехватки финансирования.

общинных бань, служивших и *миквами*. В 20-е годы некоторые больницы получили в подарок современное американское оборудование – рентгеновское, физиотерапевтическое, зубоврачебное, которое тогда было редкостью в Советском Союзе.[104]

Вместе с тем гуманитарная помощь, предоставленная терпевшему бедствие еврейству Белоруссии, могла возместить только ничтожную часть потерь, понесенных во время погромов. Советские власти наложили категорический запрет на привлечение к распределению помощи общин и синагог, что было принято в других странах. Через непродолжительное время режим, опасаясь зарубежного политического вмешательства во внутренние дела СССР, свернул гуманитарную помощь, что усилило изоляцию советского еврейства.

* * *

Погромы гражданской войны, принявшие форму уголовного разбоя и отличавшиеся необузданной жестокостью, остались в народной памяти как страшное несчастье. В начале 20-х годов еврейское население Мозырского Полесья оказалось в критическом положении. Иностранная оккупация и жесткая экономическая политика советского правительства поставили на грань выживания тысячи семей. Близость польской границы и слабость местных органов власти делали мирное население беззащитным. Антисемитские акции – от массовых погромов до единичных выпадов против евреев – обострили до предела социальные отношения в регионе. К тысячам семей, оставившим свои дома в годы первой мировой войны, добавилась новая волна еврейских беженцев.

Погромы в Белоруссии имели свою особенность. Местечки бывшей черты оседлости видели войска русских, украинцев, поляков и немцев. Каждая армия останавливалась на постой, пополняла запасы продовольствия и фуража и расправлялась с неугодными. Евреи Турова, запертые среди лесов, рек и болот, оказались в положении заложников. Любая новая власть возлагала ответственность на евреев за лояльность к предшественникам. Расплатой становились разбой и насилие над беззащитными людьми, принимавшие форму погрома.

Окончание гражданской войны и отказ советской власти от политики военного коммунизма привели к прекращению погромов, вдохнули надежду, что все образуется, гармония мирного труда будет восстановлена и это поможет залечить раны. Основанием для подобных иллюзий у евреев стала новая роль в обществе, отведенная им на первых порах советской властью.

[104] Michael Beizer, Mikhail Mitsel, Op. cit., p. 60.

Сионистский след

Еврейская община Турова, удаленная на тысячи километров от места Исхода, никогда не порывала связи с Землей обетованной. За Святую землю ежедневно молились в синагоге, жертвовали деньги на покупку участков в Палестине, а наиболее отчаянные перебирались из белорусских лесов к Средиземному морю. Однако обретение общего дома как убежища для всего еврейского народа откладывалось на неопределенное время, до прихода Мессии.

Так продолжалось бесконечно долго, пока сионистское движение, зародившееся в конце XIX века в Европе, не окрылило евреев надеждой построить национальный очаг своими руками. Эта идея овладела умами и начала распространяться со скоростью лесного пожара. Она достигла Турова и поселилась в сердцах многих его жителей точно так же, как и большинства других больших и малых местечек и городов – всюду, где жили евреи.

Царская администрация с предубеждением отнеслась к сионистам. Она считала их самозванцами, призывавшими евреев перестать быть лояльными российскому престолу и возмущавшими ненужную эмиграцию.[1] Большевики, совершившие в 1917 г. государственный переворот, по-своему невзлюбили сионистов. Они опасались не столько массового отъезда законопослушных и работящих граждан, сколько заразительности «дурного примера», способного вызвать центробежные силы, которые разнесут на части бывшую империю. *Бунд* и другие национальные еврейские партии, перешедшие на сторону коммунистов, возглавили борьбу с сионистами. Они доказывали, что советская власть осчастливит евреев и подарит им равноправную, обеспеченную и безопасную жизнь. Все эти процессы, как в миниатюре, нашли отражение в общественной жизни Турова, маленького захолустного местечка.

---

[1] В.М. Томашевич, *Зарождение и развитие сионизма в северо-западных губерниях Российской империи (начало 80-х гг. XIX в. - 1907 г.)*, Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Минск 2003 г.

Неприятие большевиков

Ко времени Октябрьского переворота 1917 г. сионисты России имели более 1200 отделений, которые объединяли 300 тыс. членов. Движение *hе-Халуц* готовило к сельскохозяйственному труду тех, кто собирался выехать в Палестину. Общество *Тарбут* создало сеть работавших на иврите культурных учреждений из 250 учебных заведений – школ, гимназий, курсов учителей и воспитателей. Вся эта работа после разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. оказалась бесполезной. В.И. Ленин объявил реакционной саму мысль о еврействе как отдельной, независимой национальной общности. По свидетельству А.М. Горького, к сионизму Ленин относился крайне отрицательно.[2] По стопам Ленина пошел народный комиссар по делам национальностей Сталин (1917–1922), который утверждал, что евреев, «живущих на разных территориях и говорящих на разных языках», нельзя считать нацией; евреев объединяет лишь «религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера».[3]

Еврейская секция при Коммунистической партии объявила сионизм формой контрреволюции на том основании, что он отдаляет евреев от революции, и призывала ударить по нему железным кулаком, а ГПУ добавило обвинение в шпионаже в пользу Англии. Не помогло заступничество Всемирной сионистской организации,[4] которой в феврале 1921 г. народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин[5] ответил, что в России евреи «свободны, как нигде в мире». Власти наказывают не за сионизм, а за нарушение советских законов. Преследования определенных групп и учреждений происходят якобы по воле большинства среди самих евреев. Эмиграция еврейской молодежи в Палестину, по мнению Чичерина, была невозможна, потому что рабочая сила «нужна здесь, на месте»…[6]

Для сионистов настало время подполья, их лидеры эмигрировали за границу, а эстафету приняли представители молодого поколения. В марте 1924 г. арестовали

---

[2] По мнению Ленина, нации были «выдумкой буржуазии», главное зло современности заключалось в институте государства, при помощи которого меньшинство властвовало над большинством. Основная задача пролетариата - уничтожение государства и замена его коммунами. Сионисты же, считал Ленин, мечтали добавить еще одно государство к уже существующим.

[3] И.В. Сталин, «Марксизм и национальный вопрос», *Сочинения*, Москва 1946 г., т. 2, с. 314.

[4] Невмешательство во внутренние дела Советской России в обмен на разрешение деятельности сионистских учреждений и эмиграцию в Палестину в ограниченных размерах - 5 тыс. чел. в год.

[5] Георгий Васильевич Чичерин (1872-1936 гг.) - нарком иностранных дел СССР (1918-1930), подписал *Брестский мир* с Германией (1918), глава советской делегации на Генуэзской (1922) и Лозаннской (1923) международных конференциях.

[6] Цит. по: Л. Томас, «Революция. Вариант Чичерина», *Социальные трансформации в Европе XX века*, Москва 1998 г., с. 139-156.

членов Центрального сионистского бюро в Москве,[7] державшего нити нелегальной деятельности, а в сентябре массовые аресты прокатились по всей стране.[8] Власти отказались от показательных процессов, чтобы не вызвать симпатий к «контрреволюционерам с еврейской улицы». Судебное следствие вершили за закрытыми дверями. В большинстве случаев сионистов приговаривали к принудительным работам или ссылке от трех до шести лет в центральную часть России, а потом – в Сибирь, на Урал, в Среднюю Азию, Казахстан и на Соловецкие острова, отличавшиеся суровым климатом и тяжелыми условиями жизни.[9]

Аресты нанесли тяжелый урон подпольному сионистскому движению, но не сломили его. Начиная с 1925 г. инициатива перешла к представителям *трудового сионизма* – социалистам-сионистам, *Цеирей Цион* и связанным с ними молодежным организациям. ГПУ пыталось расколоть их изнутри, принудить к раскаянию, обещая амнистию. Эта борьба продолжалась до начала 30-х годов, когда сионизм как активное движение был подавлен.[10]

Сионисты в Белоруссии

В начале 1920-х гг. борьба с сионистским влиянием в республике приобрела особую остроту. Белоруссия была объявлена одним из главных очагов распространения сионизма в Советском Союзе. Количество организованных сионистов здесь превысило 3 тыс. человек.[11]

По оценке большевиков, национальные еврейские организации сплотились вокруг сионистской идеи, чтобы основать в Палестине центр небывалой эксплуатации еврейского пролетариата: «Подобный вред в СССР как пролетарской стране требует нанесения последовательных идейных ударов для окончательного искоренения сионизма».[12]

---

7 Председатель ЦБ: Элиэзер Чериковер, члены: профессор Цви Белковский, Саадия Гольдберг, д-р Арье Быховский, Моше де Шалит и др., секретари бюро: Залман Сегалович, Арье Ценципер (Рафаэли) и Менахем Ривлин.

8 С 13 марта по 1 мая 1924 г. в 150 населенных пунктах страны было арестовано около 3,5 тыс. сионистов; в Белоруссии к 2 февраля 1925 г. – 500 чел. Г.В. Костырченко, *Тайная политика Сталина*. Власть и антисемитизм, Москва 2001 г., с. 79.

9 Ицхак Маор, *Сионистское движение в России*, Тель-Авив 1977 г., с. 433.

10 М.Г. Агапов, *СССР и Палестинская проблема в 1920-1943 гг.* Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Тюмень 2004 г.

11 Р.П. Платонаў, *Беларусь у міжваенны перыяд. Старонкі палітычнай гісторыі у святле архіўных крыніц*, Мінск 2001 г., с. 91.

12 Из доклада С. Голодца о состоянии еврейских национально-палестинских организаций в Гомельском округе и идейной борьбы с ними от 31 декабря 1923 г., Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 1, оп. 1, д. 1229, л. 59.

ЦК КП(б)Б отмечал, что сионистское движение в республике является единственной организованной политической силой, противостоящей большевизму, и представляет собой угрожающий фактор. Идеология сионизма воздействует на отдельные группы коммунистов, уволенных из советских учреждений в результате белорусизации, и людей, «впавших в панику» перед антисемитизмом.[13]

Режим раздражало, что сионисты наряду с «еврейскими» (трудовая национальная автономия, кооперация, создание воинских частей, выделение еврейского бюджета из общегосударственного, создание отдельных предприятий, ликвидация безработицы среди евреев) выдвигали «меньшевистские» требования: свобода печати и собраний, политических партий, освобождение всех политзаключенных, отмена цензуры, тайное голосование и т. п. Пестрота и многообразие сионистских организаций и групп уступили место объединению на общей платформе Сионистской социалистической партии (ССП), которую II Интернационал объявил своим единственным представителем в СССР. *Еврейский социалистический союз молодежи* (ЕССМ) левого направления уступил место «правому» *Сионистскому социалистическому союзу молодежи* (СССМ) – филиалу ССП. Приспособление к советским лозунгам отошло в прошлое.

В 1924 г. в следственный отдел ГПУ Белоруссии поступили сведения о существовании в Минске и Слуцке нелегальных сионистских организаций. ЕССМ развил широкую деятельность среди молодежи и стремился распространить влияние на рабочих и кустарей, начал издавать пропагандистскую, агитационную литературу. Кроме листовок и циркуляров, на гектографе выпускалась еженедельная газета на идиш *Югенд Веккер*, которую редактировал Файвель Эфрон. Наряду с республиканскими изданиями, распространялась имевшая большой тираж газета Центрального комитета ЕССМ *Унзер Идеес,* сионистские журналы и брошюры. Члены организации соблюдали конспирацию и пользовались псевдонимами. Ответственный секретарь Эфрон был известен под псевдонимами *Шмидт* и *Израиль*, Давид Каплан – *Лурье*, Мордух Хаймовский – *Гершанович*. Сионисты поддерживали связь с заграницей, откуда получали печатные издания и литературу, денежные средства.[14]

Весной 1926 г. окружным комитетам партии было разослано письмо «О борьбе с антикоммунистическими группировками в еврейской среде». Секретариат ЦК КП(б)Б подчеркивал, что если прежде сионисты выступали преимущественно против еврейской секции, состоявшей в основном из бывших членов *Бунда*, то теперь критикуют партию в целом. Сионистские организации Белоруссии подготовили актив, который по своим знаниям заметно превосходит местечковых коммунистов и комсомольцев.[15]

---

[13] Там же, д. 2181, л. 71.

[14] О деятельности ЕССМ в Минске, Докладная записка уполномоченного следственного отдела ОГПУ БССР Андреева от 24 февраля 1925 г., Центральный архив КГБ РБ в Минске (далее ЦА КГБ РБ), д. 34751, т. 1, л. 146.

[15] Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 4-п, оп. 21, д. 91, лл. 40-41.

Самое активное участие в сионистском движении в республике принимала молодежь, составлявшая большинство в *hе-Халуц, hа-Шомер hа-цаир*, *Бней-Иегуда* и ЕКСМ (еврейский комсомол). Источники в ГПУ отмечали, что раньше эти организации объединяли исключительно «паразитический элемент» – детей лавочников и контрабандистов, богатых кустарей и студентов, «вычищенных» из вузов. На смену им пришли «кустарная» молодежь, рабочие и служащие, учащиеся семилетних и профессионально-технических школ. Работа сионистов особенно была заметна в местечках, где безработица приобрела угрожающие размеры.

Начальником Северо-Западного окружного штаба *hа-Шомер hа-цаир* был Марк Наумович Найштудт, техник-строитель по специальности. В ноябре 1925 г. его направили из Киева в Гомель, где он работал под псевдонимом *Соломон*. Найштудт был прекрасным оратором и уделял много внимания воспитательной работе среди *шомеров*.[16]

Количественный рост детских сионистских групп опережал юношеские и взрослые. *hа-Шомер hа-цаир* ставил задачу расширения своих рядов в советских учебных заведениях и конкурировал с пионерскими организациями. Были случаи, когда вожатые отрядов *юных ленинцев* (пионеров) одновременно были сионистами. Во многих местечках Белоруссии *шомеры* были многочисленнее пионеров. Наиболее характерно это было для Гомельского, Минского и Мозырского округов, где сионистские группы выросли от 500 до 1546 чел.[17]

В Давыдовке Озаричского района Мозырского округа нелегальное отделение левого *hе-Халуца* организовал Нохим Большанов. Через некоторое время он перешел в *hа-Шомер hа-цаир* и создал отряд *hа-Цофим*.[18] Нохим «вербовал молодняк» в деревне, включая пионеров, и основал аналогичный отряд в Осташковичах. Большанов поддерживал тесную связь с районным штабом в Калинковичах, откуда получал все указания, материалы, приказы и инструкции.[19] Начальником дружины *цофим* в Ново-Белице выступал Хаим Жерновский, имевший псевдонимы *Халимон* и *Правоверный*. Через него переправлялась секретная корреспонденция сионистов. Хаим считал, что в стране существует не диктатура пролетариата, а диктатура партии над пролетариатом. В Гомеле *цофим* (170 чел.) возглавлял Лев Гефтер, который на идейной почве мог вступить в драку с комсомольцами. За нелегальную деятельность Льва неоднократно подвергали обыскам и арестам.

---

[16] Аресты в Гомеле и Речице hа-Шомер hа-цаир. Докладная записка уполномоченного Гомельского отдела ОГПУ Ланцевицкого от 13 февраля 1926 г., Архив управления Комитета госбезопасности Гомельской области (АУ КГБ ГО), д. 18881, л. 220.

[17] *Перед крутым поворотом. Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925-1928 гг.). Отражение времени в архивных документах*. Под редакцией Р.П. Платонова, Минск 2001 г., с. 227.

[18] *Цофим* - молодежная организация сионистов-социалистов, построенная по принципу скаутских.

[19] Обвинительное заключение по делу Нохима Большанова от 4 июня 1926 г., АУ КГБ ГО, д. 18942, л. 14.

В декабре 1925 г. на квартире Гефтера изъяли архив, знамя и гектограф Северо-Западного окружного штаба.[20]

Шаги, направленные на борьбу с сионистами, оказались неэффективными. Их арестовывали, брали подписку о прекращении политической деятельности, устраивали театрализованные и публичные суды, исключали из профсоюзов. Среди самих коммунистов раздавались призывы отказаться от администрирования, усилить политико-просветительную работу на родном языке, вовлекать учащихся в орбиту советского влияния. При этом карательные меры против инакомыслящих не снимались с повестки дня. Подчеркивалось, что репрессии должны осуществляться только силами ГПУ, которое информировало партийные комитеты о состоянии сионистского движения.

Особенно заметной была деятельность сионистов в Минском, Бобруйском, Гомельском и Мозырском округах республики. В период объявления *ноты Керзона*[21] они доказывали, что против Англии воевать нельзя, потому что она друг еврейского народа и добивалась освобождения Палестины.[22] Центральное бюро евсекции при ЦК ВКП(б) считало, что республика находится накануне нового натиска мелкобуржуазной стихии – борьбы за сохранение еврейской нации путем создания национального государства.[23] Из Жлобина сообщали, что сионистское движение приняло «неимоверные размеры» особенно в провинциальных городах, где его меньше преследовали. К сионистам пришли евреи, «выброшенные» из партии, и «подпольным путем» повели борьбу против советской власти. Еврейская молодежь раскололась на два лагеря, на сторону сионистов переходили комсомольцы.[24] В Комарине все еврейское население местечка оказалось под влиянием сионистов и требовало Советов без коммунистов.[25]

В Минске группа «молодых еврейских коммунистов» утверждала, что еврейская секция при ЦК КП(б)Б заражена ассимиляторскими предрассудками и не способна стать на новые рельсы в национальном вопросе. По их мнению, наделение евреев землей и создание единичных национальных советов остаются «жалкими» попытками решить жгучий еврейский вопрос и единственным спасением будет создание

---

[20] Там же, д. 18881, л. 221.

[21] Джордж Натаниел Керзон (1859-1925 гг.) - министр иностранных дел Великобритании, вице-король Индии (1899-1905), во время советско-польской войны требовал прекратить наступление Красной Армии на линии Гродно-Брест, предложенной в качестве восточной границы Польши.

[22] Отчет о работе еврейского бюро Гомельского губкома РКП(б) с марта 1923 по март 1924 г., ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, лл. 81-83.

[23] Резолюция о еврейской автономной территории Центрального бюро евсекции при Агитпропе ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1926 г., Там же, д. 2181, л. 71.

[24] Письмо Льва Синицина из Жлобина от 15 сентября 1926 г., НАРБ, ф. 4-п, оп. 10, д. 29, лл. 540-541.

[25] Доклад председателя евсекции Гомельского губкома Мандельсберга. Протокол ЦБ евсекции при ЦК РКП(б) от 12-14 мая 1925 г., ГАООГО, ф. 9, оп. 21, д. 439, л. 54.

рабочего *ишува*[26] в Палестине: «Бешенство, с которым [нас] преследует евсекция, доказывает нашу правоту. Мы смело бросаем вызов, не сомневаясь в победе».[27]

Наиболее активными были *hа-Шомер hа-цаир, hе-Халуц* и *Маккаби*. *hа-Шомер* насчитывал несколько тысяч человек. Эта организация ставила своей задачей подготовку гражданина будущего еврейского государства в Палестине, прививала любовь к родине, языку иврит, воспитывала патриотические чувства вместо классового самосознания. Центральный штаб *hа-Шомер* находился в Москве, а на периферии действовали дружины, которые делились на отряды и патрули, названные в честь героев еврейской истории. Вопросы принципиального характера решались съездом, а на местах – окружными собраниями. В организацию принимали детей 9–13 лет, а из достигших 16 лет (до 30) формировали отряды *шомеров*.

В Гомеле действовала дружина из пяти патрулей, объединявшая 50 чел. в возрасте 14–18 лет. Патрули имели скаутские уголки, в которых хранили инвентарь для походной жизни и библиотечку национальной литературы. Дружины поддерживали тесную связь с Гомельским окружным штабом, иногородними отделениями и пользовались влиянием на учащуюся молодежь.[28] В Быхове таким отрядом руководил Плоткин, в Ново-Белице – Шандалов, в Рогачеве – Гинзбург, в Бобруйске – Баршай, в Речице – Марголина и Сосновская. В Мозыре дружину *шомеров* из 25–30 чел. возглавлял Фридман. Представители окружного штаба часто выезжали для инструктажа активистов на местах.

Вторым по численности молодежным объединением был *hе-Халуц*, который отвечал за политическое воспитание «еврейских масс» для будущего национального центра в Палестине. Его лидеры добивались легализации под видом необходимости пролетаризации еврейских трудящихся. ЦК *hе-Халуц*, как и *hа-Шомер,* базировался в Москве, а в регионах действовали районные комитеты. Представители ЦК выезжали в Крым и другие районы Советского Союза для открытия филиалов. В *hе-Халуц* придерживались двух точек зрения на развитие ситуации в Палестине. Первые считали, что национальное строительство нужно основывать на идее коллективизма, а вторые – на необходимости индивидуального подхода. В Быхове отделение *hе-Халуц* объединяло 20 кустарей-ремесленников и учащихся. Наиболее активная группа действовала в Бобруйске (40–50 чел.), которая отправляла группы евреев в Палестину. Отделения организации существовали в Речице, Рогачеве, Мозыре, Калинковичах и др. местах. Всего в Гомельском округе насчитывалось шесть дружин *hе-Халуца* (350–400 чел.).

Большим авторитетом и популярностью пользовалась *Маккаби*. Эта общественная организация стремилась возродить еврейский народ в Палестине через

---

[26] *Ишув* - «поселение», *иврит*.

[27] Детская Палестина - еврейскому пролетариату. Заявление группы юных еврейских коммунистов Минска, 1926 г., НАРБ, ф. 4-п, оп. 10, д. 29, л. 404.

[28] Штаб дружины *hе-Халуц* в Гомеле включал Г. Голодца, А. Цирлину, М. Голдовского, Ю. Мозырянина, Л. Серебрянного и С. Белкину.

развитие физкультуры и спорта. Сеть спортивных клубов носила международный характер и объединялась в *Вельд Фербанд Маккаби*. В *маккавеи* (члены *Маккаби*) записывалась не только «мелкобуржуазная» и «кустарная» молодежь, но и еврейская «беднота» от 16 лет и старше. Подотделы *Маккаби* существовали в Речице (10–15 чел.), Ново-Белице (15), Мозыре (18), Быхове (20), Минске (25–30), Рогачеве (30–40), Калинковичах (40) и Бобруйске (50). Всего в Гомельском округе насчитывалось девять отделений союза, которые объединяли 250 чел.[29]

Коммунисты пытались закрыть сионистские организации, чтобы ослабить эмиграционные настроения. В этом они видели залог «правильного пути» для рабочей молодежи как части всемирного пролетариата в борьбе за великое будущее.

Положение сионистов в советской части Белоруссии коренным образом отличалось от ситуации во Второй Речи Посполитой. В Полесском воеводстве сионистские организации Пинска, Давид-Городка, Микашевичей, Ленина и Столина, находившихся по другую сторону границы от Турова, действовали легально. Они имели общую историю, но после 1921 г. оказались разделены «железным занавесом».[30]

Сионистское социалистическое движение в Польше представляла *Еврейская социал-демократическая рабочая партия* (Поалей Цион), контролировавшая организацию *Еврейская социалистическая молодежь*. Очень популярным был *hе-Халуц*, насчитывавший 252 группы (17 тыс. чел.). Под влиянием сионистов-ревизионистов находился *hа-Шомер hа-цаир* (12 тыс. чел.), выдвигавший в качестве приоритета подготовку еврейской молодежи к производительному труду в Палестине. Его члены 10–12 лет назвались *львятами*, 13–17 лет – *разведчиками*, а 17–20 лет – *старшими*. Организация делилась на гнезда, полки, отряды и дружины. Возрождению рабочей Палестины на принципах этики и социальной справедливости в духе Торы служила организация *hа-Поэль мизрахи*. Она объединяла 8 тыс. чел. в 170 группах и имела 26 хозяйств, в которых постоянно обучалось 500 курсантов.[31]

В Полесском воеводстве действовали юношеские организации *Бейтар* (Союз имени Трумпельдора) и *Фрейгант* («Вольность»). Первая добивалась еврейского присутствия в Палестине военным путем. Ее члены собирали средства на создание национальной армии, много внимания уделяли военной подготовке. Они выступали против *белой* (ополячивания) и *красной* (коммунизма) ассимиляции. Вторая – содействовала переселению в Палестину и имела целью построение там социализма.[32]

---

[29] Доклад о состоянии еврейских национально-палестинских организаций в Гомельском округе и идейной борьбы с ними от 31 декабря 1923 г., ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, лл. 60-61.

[30] Полесское воеводство - см. Словарь терминов и понятий.

[31] А.Н. Свирид, «Еврейские молодежные сионистские организации Второй Речи Посполитой», *Моладзь Берасцейшчыны*, Брэст 1998 г., с. 57-59.

[32] Е.И. Пашкевич, «К вопросу о детском и юношеском движении на территории Полесского воеводства в 1939 г.», Там же, с. 87.

Сионистские организации в Польше не призывали к свержению правящего режима, а направляли все усилия на подготовку эмиграции и создание *ишува*. Они собирали средства для *Керен hа-Йесод* (Еврейский национальный фонд), проводили массовые демонстрации протеста против политики британского правительства в Палестине и арабских погромов в 1929 и 1936 гг. До середины 30-х годов сионисты были ведущей политической силой среди евреев Польши (в тот период крупнейшей еврейской общины в мире) и по популярности намного опережали своих оппонентов из *Бунд*а, *Агудат Исроэль* и *Фолькспартей*. После насильственной ликвидации сионизма в СССР польские сионисты стали центром мирового сионистского движения.

В противоположность сионистам, последователи *Бунда* в Польше и его молодежные объединения *Цукунфт* («Будущее»), *Скиф*, *Ютжня* («Заря») видели перспективу в коммунистических преобразованиях. Они брали пример с Советского Союза и серьезно рассчитывали на победу мировой революции.

Главным противником сионистов были польские националисты, которые считали евреев чужаками и требовали от правительства роста эмиграции. Националисты для повышения роли титульной нации в экономике и торговле бойкотировали еврейские товары и предприятия, не брезгуя экстремистскими методами, призывали лишить евреев политических прав. В условиях экономического кризиса 30-х годов эти призывы находили немало сторонников.[33]

Традиционно враждебные отношения СССР и Польши в межвоенный период по-своему отразились на судьбе сионистов в Белоруссии. Советские власти выдавали их за пособников польского правительства, официально разрешавшего эмиграцию в Палестину. Режим Пилсудского по указанию Сталина был объявлен «фашистским», и одно это должно было характеризовать сионистов как агентов польской разведки и международного империализма.[34] Евреи Турова в приграничной полосе испытали это на себе в полной мере.

В Мозырском округе

Наиболее подверженным сионистскому влиянию в республике считался Мозырский округ. С одной стороны, это объяснялось неразвитостью крупной промышленности и малочисленностью рабочих как наиболее ассимилированной части населения, а с другой – устойчивыми традициями еврейских мелкобуржуазных партий. Такая ситуация создавала благоприятную почву для сторонников сионистской идеи и причиняла большевикам чрезвычайное беспокойство.

По сообщению Мозырского окружного комитета КП(б)Б, сионисты и «клери-

[33] Е.П. Дмитрук, «Правые польские политические партии на территории Полесского воеводства в отношении еврейского вопроса», Там же, с. 64.

[34] *Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі*, Мінск 2002 г., с. 23.

калы» стремились распространить влияние на еврейскую бедноту. Они обвиняли большевиков в насаждении классовой ненависти, преследовании инакомыслия и тоталитарном правлении, называли Советский Союз «чужбиной» для евреев и отстаивали лозунг национального единства. Сионисты апеллировали к международному общественному мнению, сообщали о случаях нарушений гражданских прав и тяжелой экономической ситуации в республике.[35]

ГПУ БССР, характеризуя поведение антисоветских группировок в Мозырском округе, отмечало, что бывшие члены *Бунда* не выступали против советской власти, а склонялись к тому, чтобы стать ее сторонниками. *Поалей Цион*, *hе-Халуц* и *hа-Шомер hа-цаир*, наоборот, вели активную работу. Массовые аресты, проведенные зимой 1924 г., оказались неэффективными. Сионисты противопоставляли себя партии и комсомолу, проникали в рабочие, кооперативные организации и земледельческие коллективы. Наибольшим влиянием идея *палестинизма* пользовалась среди кустарей и учащейся молодежи. Рабочие обращались в местные Советы с требованием трудоустройства, а в противном случае грозили уйти к *hе-Халуц*, который обещал работу немедленно. Если на 1 октября 1924 г. в Мозырском округе насчитывалось 308 сионистов, то через год их количество достигло 650 чел. Советские руководители проявляли беспомощность и объясняли ситуацию тяжелым экономическим положением местечка.[36]

В середине 20-х годов в Мозырском округе действовало 14 отделений *hе-Халуц* и *hа-Шомер hа-цаир*. Репрессии не помогали, задержанные сионисты чувствовали себя мучениками, и это только поднимало их авторитет в глазах молодежи. По мнению партийных аналитиков, основная причина такой «живучести» заключалась в неумении властей отвечать на злободневные вопросы, помогать в трудоустройстве, организовывать досуг – поэтому «наши противники использовали энергию молодежи в своих целях».[37]

В апреле 1926 г. ЦК Компартии Белоруссии направил в округа инструктивное письмо о необходимости перестроить антисионистскую работу. В нем утверждалось, что евреи в Палестине выступают в роли приказчиков английских империалистов, угнетая арабов, борющихся за свое национальное и социальное освобождение.

По республике прокатилась волна арестов. Сионистские организации были разгромлены в Мозыре, Калинковичах, Петрикове, Люденевичах, Давыдовке, Озаричах, Лельчицах и Скрыгалове. При обыске у арестованных были обнаружены конспиративные документы, средства тайнописи, типографские принадлежности, печати, знамена, литература и пропагандистские материалы. В Гомеле арестовали Абрама Златина – начальника дружины *Цофим* и Любовь Рымареву – казначея

---

[35] «Поведение раввинов и сионистов в 1927-1928 гг.» *Из материалов Мозырского ОК КП(б)Б 1927-1928 гг.*, ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 683, л. 5.

[36] Там же, д. 260, л. 41.

[37] Там же, л. 34.

фонда *Керен Эзра*.[38] В Скрыгалове задержали Моисея Голода – члена районного комитета Сионистской социалистической партии (ССП), у которого изъяли чистые бланки организации со штампами, адреса корреспондентов и письма из Палестины.[39] В Хойниках схватили Лизу Ховштейн, руководителя левого *hа-Шомер hа-цаир*,[40] в Мозыре – Нехемия Полесского, активного члена *hе-Халуц*,[41] в Озаричах – Фриделя Лиокумовича, Моисея Зеленко, активистов правого *hе-Халуц*, в Давыдовке – Лейзера Хайтмана и Зелика Фарбера из *Цеирей Цион*,[42] в Лельчицах – Хаима Лельчука, руководителя ячейки *Еврейской коммунистической рабочей партии*,[43] в Петрикове – Нохима Юдковича,[44] в Речице – Льва Гефтера, Риву Зеличенок, Бориса Фейгина и еще семь человек.[45] Нелегальные группы *Еврейского социалистического Союза молодежи* (ЕССМ) были раскрыты в Минске и Слуцке, восемь руководителей которого были сосланы в Нарымский край.[46]

Заместителя начальника штаба Северо-Западного окружного легиона *hа-Шомер hа-цаир* Нохима Шейхета и адъютанта начальника легиона в Калинковичах Мордуха Рабиновича (Эфроси) арестовали в Мозыре. У них изъяли переписку, циркуляры, приказы, инструкции главного штаба *hа-Шомер hа-цаир* и Центрального бюро сионистско-социалистической партии, каучуковую печать и 757 сионистских листовок к 1 Мая на русском и идиш весом 28 килограммов.[47]

Сионисты не сдавались, многие из них стойко держались на допросах, отказывались от сотрудничества со следствием, использовали малейшую возможность выйти на волю. Для этого они пользовались неосведомленностью чекистов в особенностях сионистской политической деятельности, бравировали социалистической терминологией.

В мае 1926 г. задержали начальника легиона Мозырской организации *hа-Шомер hа-цаир* Матуса Свидовского, который не признал вину, но при этом уверял, что найденное удостоверение районного бюро связи *hа-Шомер hа-цаир* на его имя якобы ему не принадлежит. Дело приостановили за недостаточностью улик и обвиняемого освободили из-под ареста. В следующий раз Свидовский бежал из Бобруйского исправдома.[48] Мейше-Хаим Портной, руководитель отделения ССП в Озаричах, у которого обнаружили «антисоветскую» литературу – книгу «Сирия и Палестина»,

---

[38] АУ КГБ ГО, д. 18491, л. 89.

[39] Там же, д. 18482, л. 12.

[40] Там же, д. 18477, л. 22.

[41] Там же, д. 18460, л. 16.

[42] Там же, д. 18941, л. 49.

[43] Там же, д. 18460, л. 76.

[44] Там же, д. 18475, л. 11.

[45] Там же, д. 18881, лл. 220-223.

[46] ЦА КГБ РБ в Минске, д. 34751 в двух томах, т. 1, л. 146.

[47] *Из обвинительного заключения Шейхета и Рабиновича*, АУ КГБ ГО, д. 18890, л. 42.

[48] Там же, д. 18940, л. 42.

газету *Давар* и журнал *Гайсо* на иврите, порвал протокол допроса и бросил на пол бюст Ленина. Портной не признал себя виновным и категорически отказался от подписки о разрыве сионизмом с последующей публикацией в прессе.[49]

Сионисты протестовали против неслыханных гонений, объявляли голодовки, обращались с петициями в органы юстиции, прокуратуру, СНК, ЦИК СССР и ЦК ВКП(б). Летом 1926 г. Шолом Муравчик, Янкель Швец и Шлёма Айзенберг из Люденевичей объявили голодовку в доме предварительного заключения в Житковичах. Они требовали ускорить рассмотрение дела и освободить их как невиновных. Муравчик и Швец писали, что были единственными кормильцами в своих семьях и просили вмешательства прокурора. Юдель Левин, Мотель Рабинович, Нохим Шейхет, Иона Шубов и Матус Свидовский из Мозырского *исправдома* (тюрьмы) направили заявление протеста в ЦК МОПР,[50] а копии – верховному прокурору и в Совет национальностей ЦИК БССР. Они писали, что *hа-Шомер hа-цаир, hе-Халуц* и другие левые сионистские партии социалистического направления хотели идти рука об руку с советской властью. По их словам, ГПУ действует как «самая рьяная западная охранка». В тюрьме с политическими заключенными обращались грубо, сажали к уголовникам, помещали в карцер. Сионисты из Мозыря клеймили режим тюрем, преследований, ссылки в *гиблые* края, где сотни юношей теряли силы и здоровье, ожидая решения своей судьбы: «Мы не считаем себя контрреволюционерами, требуем открытого суда, освобождения и легальной деятельности». Из Москвы письмо было переслано в ОГПУ БССР с резолюцией председателя ЦК МОПР Лепешинского,[51] который просил принять во внимание молодость обвиняемых (16–18 лет) и рассмотреть возможность условного наказания. Несмотря на это, авторы письма были осуждены на три года ссылки в Среднюю Азию.[52]

Власти старались заставить арестованных покаяться и заявить о прекращении сионистской деятельности. В обмен предлагалась амнистия и снятие ограничений на проживание в любом районе страны. Нашлись такие, кто перешел на сторону режима, полагая, что шансов на победу не осталось. Самуил Голодец, бывший руководитель еврейского скаутского движения Гомеля и председатель Гомельского окружного комитета *Маккаби*, возглавил комиссию по самоликвидации *hа-Шомер hа-цаир, hе-Халуц* и *Маккаби*.[53] Марк Найштудт, начальник Северо-Западного окружного штаба *hа-Шомер hа-цаир*, на допросе в ГПУ отрицал свою причастность к сионизму, но потом дал подробные показания. Найштудт раскрыл структуру организации, сообщил сведения о количественном и качественном ее составе и политических планах, мотивируя это «бесполезностью борьбы с ними со сто-

---

[49] Из обвинительного заключения по делу Портного от 30 декабря 1926 г., Там же, д. 15850, л. 23.

[50] МОПР - Международная организация помощи борцам революции, создана в 1922 г.

[51] Пантелеймон Николаевич Лепешинский (1868-1944 гг.) - политический деятель, доктор ист. наук, председатель ЦК МОПР (с 1925).

[52] *Заявление сионистов из Мозырской тюрьмы 1926 г.*, АУ КГБ ГО, д. 18959, л. 44.

[53] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, л. 59-61.

роны ГПУ» и неизбежность победы *hа-Шомер* над своими конкурентами среди молодежных сионистских организаций БССР.[54]

Моисей Зеленко, Лейзер Хайтман, Моисей Фрейнклах и Зелик Фарбер, руководившие группами правого *hе-Халуца* в Озаричах и Давыдовке, после ареста в октябре 1926 г. подали декларацию в прессу об идейном разрыве с сионизмом. За это их вернули из ссылки в Казахстане.[55] По той же причине в августе 1927 г. освободили Нохима Юдковича, отбывшего срок в Петропавловске Акмолинской области (Казахстан) и вернувшегося в Петриков.[56]

Высылка в Палестину

Широкое преследование сионистов, особенно в приграничных областях, не приносило пользы. Председатель ОГПУ СССР Ф.Э. Дзержинский[57] не был сторонником ускоренной ассимиляции. Он не боялся критики сионистами советских порядков, полагая, что настоящие пролетарии за сионистами не пойдут. Дзержинский считал, что сионисты, обладавшие большим влиянием в Польше и Америке, принципиально могли бы стать друзьями большевиков.[58] В 1925 г., будучи председателем ВСНХ СССР, он считал, что Палестина, где большая часть еврейского населения связана с Россией множеством нитей экономического, семейного и культурного характера,[59] представляет выгодный рынок сбыта. СССР ввозил туда строительные материалы, нефтепродукты, лес, уголь, сахар и другие товары. В общем объеме советской торговли со странами Ближнего Востока Палестина занимала второе место после Египта.[60]

Это было время, когда советская власть предпочитала бескровно избавиться от своих назойливых критиков. Режим заигрывал с международным общественным мнением в условиях дипломатической блокады СССР. Партия хотела, чтобы служба безопасности сохранила репутацию органа государственной власти, не

---

54 АУ КГБ ГО, д. 18881, л. 221.

55 Там же, д. 18941, л. 64.

56 Там же, д. 18475, л. 18.

57 Феликс Эдмундович Дзержинский (1877-1926 гг.) - председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК, 1917-1922), Объединенного государственного политического управления (ОГПУ, 1922-1926), одновременно председатель Высшего Совета народного хозяйства СССР (с 1924).

58 Письмо Ф.Э. Дзержинского В.Р. Менжинскому и Г.Г. Ягоде от 31 мая 1925 г., В. Измозик, «Ф.Э.Дзержинский, ОГПУ и сионизм в середине двадцатых годов», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1995 г., № 1(8), с. 144.

59 Российский государственный архив экономики, ф. 480, оп. 7, д. 422, л. 84.

60 *Страны Востока.* Экономический справочник. В 3 томах, т. 1 «Ближний Восток», Москва 1934 г., с. 305.

только карающего своих политических оппонентов, но и наставляющего их на «правильный» путь.

Палестина воспринималась в Москве как плацдарм английского империализма на Ближнем Востоке, а сионизм – как мелкобуржуазная и националистическая доктрина антисоветского и антиарабского толка. В апреле 1920 г. Лига Наций выдала Великобритании мандат на управление Палестиной, который предусматривал «национальный дом для еврейского народа». Палестина переживала экономический кризис. Правительство в Лондоне рассчитывало привлечь сюда состоятельных евреев-эмигрантов для создания новых рабочих мест. Неимущие репатрианты угрожали нарушить зыбкое равновесие на рынке труда между арабскими и еврейскими жителями. Английское посольство в Москве требовало уплаты за въездную визу 1000 фунтов стерлингов (5000 руб.), тогда как сионистские организации предлагали организовать отъезд бесплатно.[61]

Непривычный климат, малярия, незнание языка, новые условия жизни и другие неизбежные препятствия, сопутствовавшие эмиграции, должны были остановить поток желающих покинуть страну. ГПУ использовал в пропагандистской работе письма о тяжелом материальном положении в Палестине. Публикация выдержек из этой корреспонденции в прессе и оглашение на публичных собраниях должны были разоблачить «обман сионистских зазывал». Антисионистскую пропаганду партийным комитетам КП(б)Б рекомендовалось сочетать с освещением «положительной» работы Советов по улучшению материального положения еврейской бедноты.[62]

Несмотря на это, родственники арестованных сионистов обращались к властям с просьбой о замене ссылки в отдаленные регионы страны выездом в Палестину. Часть этих заявлений удовлетворялась для создания имиджа гуманности советского государства. В марте 1925 г. Б.Е. Эфрон просил прокурора БССР Катаняна заменить своему сыну Израилю-Файвелю ссылку на три года в Зырянский край (Якутия) выездом в Палестину. Эфрон ссылался на то, что советская власть «не карает, а учит», и на первый раз достаточно будет условного наказания. Отец выражал надежду, что «нарост сионизма» отпадет, и его сын окажется идеальным коммунистом. Израиль-Файвель страдал туберкулезом, и суровый климат Якутии мог вызвать рецидив болезни: «Ссылка единственного сына станет нам, его родителям, смертным приговором».[63]

Мендель Канторович просил коллегию ОГПУ принять во внимание свою молодость (17 лет), тяжелое материальное положение родителей и заменить трехлетнюю

---

[61] Оплату расходов на въездную визу английского посольства в СССР и затраты на первичное устройство репатриантов брала на себя Всемирная сионистская организация.

[62] Инструктивное письмо ЦК КП(б)Б окружкомам, райкомам партии, окревбюро, ЦК и окружкомам ЛКСМБ о методах сионистской агитации и пропаганды, апрель 1926 г., НАРБ, ф. 4-п, оп. 21, д. 91, лл. 40-41.

[63] Прошение Бориса Эфрона из Минска об освобождении сына от 14 марта 1925 г., ЦА КГБ РБ в Минске, д. 34751, т. 1, л. 175.

ссылку в Киргизский край высылкой в Палестину, где у него есть родственники, которые помогут устроиться.[64] Мина Кауфман в качестве довода указывала на свою молодость и слабое здоровье, бедность родителей и то, что единственные люди, способные ей помочь, находятся в Палестине, где она надеется продолжить образование.[65] С аналогичной просьбой к *чекистам* обратились Абрам Черняк, Давид Каган и Моисей Кац, которые писали, что высылка в Сибирь обрекает их на непосильные страдания, а в Палестине живут родные, которые поддержат материально.[66]

С письмом о помиловании к секретарю евсекции при ЦК КП(б)Б Бейлину обратился брат Абрама Черняка из местечка Корма – врач П. Черняк. Он писал, что Абрам не политический преступник, но его изолировали на три года в Усть-Сысольске,[67] где он, «нервный и больной», оказался обреченным на бессмысленное безделье. Абрам изучал экономические науки, ликвидировал безграмотность на селе и «страдал за нашу власть». Ходатай ссылался на личное знакомство с П.Н. Лепешинским и председателем Верховного суда БССР А.Н. Винокуровым, отбывавшим царскую ссылку в Корме. П. Черняк просил Бейлина, слово которого он называл «веским и правдивым», выхлопотать для брата замену ссылки выездом в Палестину.[68] Особое Совещание Коллегии ОГПУ 16 января 1926 г. изменило меру наказания А. Эфрону, И. Эйдельман, М. Кац, М. Канторович и заменило ссылку в отдаленные районы СССР депортацией в Палестину.[69]

В 1927 г. снисхождение было проявлено к Фаине Фрейдиной из Гомеля и Вениамину Левину из Давыдовки. Фрейдиной, которую отправили в Казахстан на три года, ввиду ее несовершеннолетия (17 лет) сократили срок наказания на одну треть.[70] За Вениамина Левина, сосланного на три года в Чимкент Сырдарьинской области, просили его родители. Они сообщали в ЦИК СССР, что, будучи больными стариками, не способными себя обеспечивать, обречены на одиночество после ареста сына как единственного работника. Принимая это во внимание, в мае 1928 г. Левина досрочно освободили.[71] За недоказанностью обвинения прекратили дело против Янкеля Швеца из Люденевичей[72] и Фриделя Лиокумовича из Озаричей и некоторых других.[73]

---

[64] Письмо Менделя Канторовича о высылке в Палестину из Центрального исправительного дома в Минске от 20 марта 1925 г., Там же, л. 182.

[65] Письмо Мины Кауфман о высылке в Палестину от 25 марта 1925 г., Там же, л. 187.

[66] Там же, лл. 190-192.

[67] Усть-Сысольск - Сыктывкар (с 1930), столица Республики Коми.

[68] Письмо о помиловании П. Черняка А.Г. Бейлину от 13 мая 1925 г., ЦА КГБ РБ, д. 34751, т. 1, л. 231.

[69] Там же, лл. 272-279.

[70] Там же, д. 18458, л. 37.

[71] Письмо Симона-Янкеля Левина из д. Давыдовка от 29 июня 1927 г., Там же, д. 18958, л. 40.

[72] Выписка из протокола Особого Совещания при коллегии ОГПУ 10 февраля 1926 г., Там же, д. 19337, л. 272.

[73] Там же, д. 18941, л. 49.

Ряду сионистов после отбытия наказания в 1928–1929 гг. разрешили выехать в Палестину без права возвращения. Матус Свидовский из Мозыря после ссылки в Алма-Ату (Казахстан) избрал местом жительства Курск. Год спустя он получил документы и отбыл навсегда в Палестину. Этой возможностью воспользовались Нохим Большанов из Озаричей, Израиль Мадорский и Лев Гефтер из Речицы, Давид Айбиндер из Житковичей и сионисты, выходцы из других местечек Белоруссии.[74]

Получить разрешение на выезд в Палестину помогала Екатерина Павловна Пешкова, бывшая жена Горького. В течение многих лет она являлась председателем *Политического Красного Креста* – организации бескорыстной помощи политическим заключенным. До 1926 г. за пределы СССР было отправлено 152 сиониста, в концлагеря сроком на три года попали 15 сионистов, а в Сибирь, на Урал и в Среднюю Азию было сослано 132 чел.[75] Всего за 1925–1926 гг. в Палестину репатриировалось 8157 советских евреев.

Во второй половине 20-х годов власти приступили к ликвидации всех сионистских движений, как легальных, так и нелегальных. На принятие этого решения повлияло ужесточение политической ситуации в стране, особенно после смерти Ф.Э. Дзержинского. У спецслужб появились новые причины для борьбы с сионизмом. Большую опасность, по их мнению, представляли пять тысяч российских «белоэмигрантов», осевших в Палестине,[76] которых британская разведка стремилась привлечь к антисоветской деятельности среди мусульманского населения Средней Азии.

Резко сократилось количество приговоров, замененных высылкой из страны. Начальник секретного отдела ОГПУ Т.Д. Дерибас[77] требовал не выпускать за границу сионистских активистов, чтобы это не истолковывали как поощрение противников советской власти. Практика замены ссылки за сионистскую деятельность в отдаленные районы СССР депортацией в Палестину была изменена. Отныне она распространялась в первую очередь на рядовых сионистов и руководителей среднего звена, тогда как членам Центрального бюро, окружных и районных комитетов, как правило, отказывали. Заключению в концентрационный лагерь подлежал преимущественно актив сионистских партий.

В конце 20-х годов преследования усилились. В 1928 г. власти распустили

---

[74] Там же, д. 18881, л. 228.

[75] Справка о работе с сионистами Т.Д. Дерибаса и начальника IV отделения Секретного отдела ОГПУ Генкина от 29 мая 1929 г., Российский государственный архив социально-политической истории в Москве, ф. 76, оп. 3, д. 326, л. 5.

[76] С.С. Ипполитов, С.В. Карпенко, Е.И. Пивовар, «Российская эмиграция в Константинополе в начале 1920-х годов», *Отечественная история*, 1993 г., № 5, с. 78.

[77] Терентий Дмитриевич Дерибас (1883-1938 гг.) - начальник секретного отдела ВЧК-ОГПУ (1921-1934), управления НКВД по Дальневосточному краю (с 1934), комиссар государственной безопасности I ранга, арестован (1937), расстрелян (1938), реабилитирован (1958).

Поалей Цион и *hе-Халуц*, разгромили почти все их нелегальные отделения. Выезд за границу оставался еще открытым с 1927 по 1936 г., и за это время успело выехать 30 тыс. 145 сионистов.[78] С начала 30-х годов сионистское движение в Советском Союзе прекратило существование. Многие бывшие его участники погибли в ходе сталинских репрессий 1937–1938 гг.

Сионисты в Турове

С началом НЭПа сионистские группы в Турове обрели второе дыхание. Это были отделения *Поалей Цион*, *hа-Шомер hа-цаир* и *hа-Цофим*. Наиболее активных сионистов возглавлял Глеберзон. Они добивались легализации своей деятельности, предпринимали попытки проникнуть в еврейские земледельческие коллективы и общества кустарей.[79] Пропагандистская литература поступала в Туров из Житковичей, Калинковичей и Копаткевичей. Еврейскую молодежь привлекала романтика. Сионисты устраивали походы, ночевки в лесу, разучивали еврейские песни, проводили дискуссии о положении в Палестине, обсуждали свои ближайшие задачи, проводили военно-спортивные игры, марши с соблюдением конспирации.[80]

Идейным вдохновителем *hе-Халуц* в Турове являлся Шлёма Айзенберг, которому помогали Мотель Кравец, Зелик Слуцкий и Янкель Швец. Они делали доклады по истории и практике сионизма, говорили о будущем евреев в Палестине, делились новостями, обсуждали вопросы еврейского национального строительства. Одновременно была создана группа ЦСЮФ,[81] которая установила связь с Гомелем.

Шлёма Айзенберг имел репутацию стойкого сиониста-нелегала. Он родился в 1900 г. в Люденевичах в семье кузнеца, получил среднее образование, вступил в пинскую организацию *hе-Халуц* (1918), добился визы от английского консула на легальный въезд в Палестину (1920) и отправился туда через Чехословакию, Австрию и Италию. Шлёма пробыл в Палестине до 31 декабря 1922 г., но из-за тропической лихорадки вынужден был нелегально вернуться в Белоруссию через Одессу. Первый раз Айзенберга арестовали в Варшаве (1921) как русского подданного, второй раз в Кельцах (1922) за принадлежность к сионистам, третий раз в Палестине (1923) за хранение оружия, четвертый раз в Минске (1924) за участие в нелегальном съезде *hе-Халуц* в СССР.[82]

---

[78] Ю. Марголин, «Русско-еврейская эмиграция в Израиль», *Книга о русском еврействе, 1917-1967 гг*. Под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.А. Аронсона и А.А. Гольденвейзера, Нью-Йорк 1968 г., с. 427.

[79] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, лл. 81-83; ф. 69, оп. 1, д. 248, л. 25.

[80] Материалы по утверждению Лазаря Дроздинского на звание «Узник Сиона» от 26 июня 1979 г., Архив автора.

[81] ЦСЮФ - Сионистский социалистический югендфербунд («Сионистский социалистический союз молодежи»).

[82] Из постановления по делу Ш.З. Айзенберга от 1925 г., АУ КГБ ГО, д. 19337, л. 239.

По оценке ГПУ, наиболее заметную работу сионисты проводили в Петриковском, Лельчицком и Туровском районах.[83] Они пользовались сочувствием учителей еврейских школ, выходцев из мелкобуржуазных слоев общества.[84] Мозырский окружком партии, опасаясь распространения «тлетворного» влияния сионистов, дал указание не позволять «беспартийной массе» знакомиться с иностранной прессой и литературой, очистить школу от учителей-сионистов и запретить иврит.[85] В Турове еврейской школой заведовал бывший член *Поалей Цион* Яков Шнайдман, которого на этом основании не приняли в КП(б)Б.[86] Было приостановлено даже открытие новых советских школ на идиш, несмотря на их острый недостаток. Из лояльных педагогов, коммунистов и профсоюзных уполномоченных предлагалось организовать сеть информаторов еврейского бюро.[87]

Сионистское влияние ощущалось не только в еврейской, но и в белорусской школе, которую посещали еврейские дети. В принадлежности к сионистам уличили педагогов Биндмана, Гренадера, Гозмана, Головея, Марголина, Ратнера, Фарбера и Якиревича. В антисоветских настроениях обвинили учителя Лиса.[88] Отношение педагогов-белорусов к сионистам было пассивным. В Турове учитель Голиневич не возражал, когда учащиеся-евреи не писали в субботу, не устраивал диспутов о «вреде» сионизма и не изымал «подрывную» литературу, за что райком партии поставил Голиневичу на вид и потребовал больше изучать местные условия, разоблачать сионистов.[89]

Весной 1926 г. в Турове состоялось совещание непартийного актива, на котором обсуждались меры по усилению идеологической борьбы с сионизмом.[90] Нежелательные элементы обнаружили в местечковом комитете взаимопомощи, куда «пролезли» Розенфельд и Гузманович. «Примазавшимися» к советской власти считались сыновья нэпманов Райзмана и Гобермана. Коммунисты отмечали, что еврейская беднота попала в кабалу к богатым из-за отсутствия кредита в потребительской кооперации.

По итогам совещания было решено созвать общее собрание еврейских жителей Турова и посвятить его национальной политике советской власти, усилить наблюдение за работой комитета взаимопомощи, очистить кооперативные общества

---

[83] Церковные дела и антисоветские группировки в Мозырском районе. Сообщение ГПУ за 1924-1925 гг., ГАООГО, ф. 69, оп. 1. д. 959, л. 16.

[84] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1578, л. 5.

[85] Там же, д. 1, л. 2.

[86] Там же, ф. 2728, оп. 1, д. 12, л. 14.

[87] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1578, л. 6.

[88] Протокол совещания евреев-коммунистов Турова от 15 мая 1926 г., Там же, ф. 69, оп.1, д. 248, л. 39.

[89] Там же, ф. 69, оп. 1, д. 82, лл. 206-208; ф. 42, оп. 1, д. 226, л. 91.

[90] На заседании 15 мая 1926 г. присутствовали: Ефимов, Замдвайс, Каплан, Карпман, Кригер, Левицкий, Либман, Лельчук, Рейдер, Рубинчик, Хазанов, Хвоенский, Фридман, Швец, Шнайдман и Шпаковский.

местечка от «подозрительных лиц», увеличить распространение периодической печати на идиш. В дополнение к этому было предложено активизировать совместную работу с евреями Тонежа и Перерова, шире привлекать детей в пионерские отряды и «подыскать ребят для выслеживания сионистов».[91]

Подобные меры были приняты в целом по БССР. Идеологический пресс в сочетании с административными запретами, ограничениями частной инициативы, укреплением кооперации, расширением еврейского землеустройства и аресты ГПУ дали свои результаты. К концу 1926 г. количество организованных сионистов сократилось в республике почти в два раза – с 3100 до 1500 чел. По отдельным округам в *hе-Халуц* сохранилась только треть его состава.[92]

В 1927 г. прекратила существование группа *hе-Халуц* в Турове, в которой состояли сын владельца паровой мельницы Абрам Гоберман, сын торговца Мовша Калманов, сын «лишенца» Нафтоли Кеслин, сын бывшего приказчика Пинхус Марголин, сын «лесопромышленника» Лазарь Дроздинский. Все они покинули родное местечко под предлогом учебы. Калманов, Кеслин и Марголин поступили в еврейский педагогический техникум в Гомеле, Гоберман стал студентом механического техникума в Ленинграде, а Дроздинский отправился учиться на зуботехника в Киев.[93]

Последний всплеск сионистской активности в местечке был отмечен в 1929 г. Во время летних каникул бывшие товарищи съехались навестить родителей и друзей. В этой компании оказались Абрам Гузман, Лазарь Дроздинский, Мовша Луцкий, Сендер Лельчук, Самуил Брегман, Файвель Манусевич, Янкель Шнайдман, Самуил Брегман, Мовша Шнейдерман и другие – всего 21 чел. Они собирались дома у кого-нибудь из барышень, куда Сергей Шотт и Иван Голец приносили музыкальные инструменты. Молодые люди были переполнены впечатлениями о жизни в большом городе. Услышанное и увиденное будоражило их воображение. Они были предельно откровенны, не предполагая возможные последствия.[94]

Отказ от политики НЭПа, дискуссии в партии, борьба с троцкистской оппозицией, запрет частной торговли и предпринимательства, переход к коллективизации сельского хозяйства, слухи о причинах смерти Ленина, события в Палестине – эти и другие темы горячо обсуждались. Сходки насторожили власти. Бюро Туровского райкома комсомола решило проверить догадки о возникновении сионистской группы. Для этого Исааку Шнайдману и Файвелю Манусевичу было поручено войти в доверие к «вольнодумцам» и собрать информацию.

Спустя неделю, 20 августа 1929 г., провокаторы подготовили письменный отчет, который был передан органам госбезопасности. В нем сообщалось, что бывшие члены *hе-Халуц* и лица, исключенные из комсомола, дискредитировали советскую власть

---

[91] ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 248, л. 40.

[92] НАРБ, ф. 4-п, оп. 10, д. 53, лл. 66-68.

[93] Протокол допроса Мовши Луцкого, 1912 г. р., от 25 ноября 1929 г., Мозырь, АУ КГБ ГО, д. 17373, л. 18.

[94] Выписка из показаний Янкеля Клугермана от 5 октября 1929 г., Там же, л. 8.

и подрывали авторитет партии и комсомола. Собравшиеся пели сионистские песни «В сердцах наших живет надежда о Палестине» и «Атиква».[95] Агентурное наблюдение было усилено и выяснены новые подробности. Обсуждались также сообщения о голоде, неправильной налоговой политике, о партии, которая защищает интересы рабочих за счет деревни. Особо выделялась тема преследования евреев, которых заставляли переходить к земледелию, вместо того чтобы искать для них более легкую работу.[96]

Сионисты в Турове не имели шансов продержаться относительно долго. Пограничное местечко было изолировано от внешнего мира, переписка и передвижение затруднены. В начале октября 1929 г. уполномоченный Мозырского окружного отдела ГПУ Симановский вынес постановление о заключении под стражу руководителей «антисоветской группы» в Турове.[97] Обвинения, предъявленные местечковым сионистам, выглядели следующим образом:

– *контрреволюционная агитация:* построение коммунизма – это утопия, у власти находятся бюрократы и антисемиты, спекулирующие на экономических трудностях. Советская страна «по случаю большого уважения к Германии и капиталистической Европе» вывозит все за границу, обрекая на голод рабочий класс и крестьянство. В связи с закрытием частной торговли хвосты очередей растут с каждым днем, селедка гниет в подвалах, а в постное время ее не хватает. За границей свиней кормят сахаром, а в СССР его нет и для чая;

– *клевета в адрес руководителей партии и правительства*: Ленин умер преждевременно из-за венерической болезни (сифилиса), Крупская – развратная женщина, недостойным поведением отличались Сталин, Луначарский и Чичерин;

– *нарушение национальной политики:* с антисемитизмом власти не борются – тогда как еврейский шовинизм отсутствует, любой «тихий» крестьянин может зарезать еврея. Троцкий прав, когда говорит, что вместе с крестьянами сделать ничего нельзя. Евреев заставляют заниматься непосильным трудом (земледелием) и дают только малопригодные земли, а в газетах сообщают, что сотни семей устроились прекрасно, тогда как люди пухнут от голода;

– призыв к созданию *национального государства как убежища для евреев*: требование создания самостоятельной пролетарской республики, где допускалась бы свобода слова, собраний, труда и торговли;

– *преследование еврейской традиции*: в городах синагоги переполнены, а в Турове каждый «пацан» позволяет себе насмехаться над раввином, человеком более разумным. Обряд обрезания советский закон преследует, чтобы искусственно ограничить рождаемость евреев;

– *подрыв авторитета местных органов власти:* самый большой бюрократ – это секретарь Туровского РК КП(б)Б Сенько, а заведующий отделом пропаганды и агитации

[95] Докладная записка секретаря Туровского РК КСМ Кунявского Мозырскому ОК КСМ, Там же, д. 16687, л. 23.

[96] Выписка из показаний Файвеля Манусевича от 28 октября 1929 г., Там же, д. 17373, л. 9.

[97] Из постановления на арест Л.О. Дроздинского от 10 октября 1929 г., Там же, л. 1.

райкома партии Фрайман «уже дождался социализма» – когда в местечке ни у кого не было сахара, его жена сварила по полпуда малинового и клубничного варенья.

Первым взяли Лазаря Дроздинского. Вначале Лазарь все отрицал, заявлял, что не состоял ни в каких сионистских организациях и ничего о них не слышал, политических вопросов не затрагивал, ничего антисоветского не говорил, запрещенных книг не читал и в Туров не привозил, и виновным в предъявленном обвинении себя не признал.[98] Дроздинскому исполнился 21 год, его отец Ошер до 1917 г. занимался лесным промыслом, а потом выпекал хлеб на продажу, мать Тамара оставалась домохозяйкой, брат Миша (14 лет) учился в школе, сестра Бэлла (16) была глухонемой от рождения, а младшей Кларе только исполнилось семь лет. Весной 1928 г. Лазарь окончил туровскую семилетку и уехал в Киев, где устроился учеником зубного техника. Летом 1929 г. он приехал к родителям в отпуск, где встретился с друзьями.[99]

Вторым арестовали столяра Якова Клугермана (19 лет). Его мать держала в Турове пивную от Белпищетреста[100] на комиссионных началах. В 1928 г. она была лишена права голоса, а Якова исключили из комсомола. Юноша переживал, добивался восстановления, а когда это не удалось – порвал комсомольский билет и, следуя примеру Дроздинского, поехал в Киев учиться на зуботехника. В июле 1929 г. в связи со смертью своего наставника Меира Бромберга Яков вернулся в Туров и помогал матери в лавке. Участие в сионистской организации Клугерман отрицал.[101]

Третьим арестованным стал Сендер Лельчук (18 лет), отец которого до революции имел свое дело по заготовке и сплаву древесины, а после 1917 г. работал десятником Боровского участка Мозырского отделения *Лесбела.*[102] Летом 1928 г. Сендер окончил школу и отправился в Ленинград. Однако ни одно учебное заведение его не приняло как сына бывшего «лесопромышленника», лишенного избирательных прав. Молодой человек вернулся в Туров и устроился приемщиком леса.[103]

Самым младшим оказался четвертый арестованный – Мовша Луцкий (17 лет). Луцкие приехали в Туров из Озеран, жили бедно, перебиваясь случайными заработками. Все их имущество составляли примитивная изба, сарай и корова. В 1927 г. Мовшу исключили из комсомола «за растрату в ученической кооперации». Потом он сошелся с «сионистами», доводы которых показались ему убедительными. После ареста Луцкий отрицал принадлежность к подпольной организации и вину не признал.[104]

Дознанием руководил начальник Мозырского окружного отдела ГПУ Левин. Из материалов дела следовало, что Дроздинский, Клугерман, Лельчук и Луцкий зани-

---

98 Протокол допроса Дроздинского от 24 декабря 1929 г. в Мозыре, Там же, д. 17373, л. 13.

99 Анкета арестованного Л.О. Дроздинского, Там же, л. 12.

100 Белпищетрест - Белорусский республиканский трест пищевой промышленности.

101 Протокол допроса Янкеля Клугермана, АУ КГБ ГО, д. 16687, л. 14.

102 *Лесбел* – см. Словарь терминов и понятий.

103 Протокол допроса Сендера Лельчука от 25 ноября 1929 г., АУ КГБ ГО, д. 16687, л. 45.

104 Протокол допроса Мовши Луцкого от 25 октября 1929 г., Там же, л. 16.

мались подстрекательством. Они перетянули на свою сторону комсомольцев Гузмана и Шнайдмана, которых настолько «идейно разложили», что их пришлось исключить из комсомола. Сионисты утверждали, что советская власть вместо помощи крестьянам «выкачивала» из деревни все что можно, власть в стране захватила кучка «бандитов», которые искажают правильную линию и не дают поднять голову «беднячеству» и «темному люду». Они высмеивали комсомольцев и называли их «мусором».[105]

Тем временем в Турове власти проводили профилактическую работу. Было организовано открытое собрание актива и населения местечка на тему «Контрреволюционная роль сионистских организаций и приносимый ими вред для еврейского населения».[106] Выступавшие ораторы, подготовленные заранее, «решительно осудили» вылазку врагов-националистов и антисоветчиков.

Судебное следствие и вынесение приговора происходили за закрытыми дверями. Арестованных сионистов признали «социально опасным элементом» и постановили выслать из пограничной полосы. Однако для официального обвинения материалов дела не хватало. Собранные сведения были получены от негласных информаторов, которые нельзя было использовать в открытом процессе, и следственные материалы были переданы в Особое Совещание при Коллегии ОГПУ для получения санкции на внесудебное разбирательство.[107] Сионистам предлагали письменно отказаться от своей деятельности в обмен на освобождение, но те отказались. В декабре 1929 г. ОГПУ назначило Клугерману, Луцкому и Лельчуку ссылку на три года каждому в Северный край.[108] Мовше Луцкому сделали снисхождение, учитывая, что юноша не достиг совершеннолетия, – срок ссылки сократили на треть.

Дело Дроздинского выделили в отдельное производство и направили в секретный отдел Политуправления ГПУ по Белорусскому военному округу для высылки за пределы Белоруссии. Наказание усугубило наличие родственников за границей: две тети Лазаря жили в г. Сент-Луис в США, а два дяди – в Польше.[109] Приговор вынесли в марте 1930 г., Лазаря сослали в Новый Ургенч в пустыне Кара-Кум. Там юноша познакомился с единомышленниками из Актюбинска, Кзыл-Орды, Семипалатинска и Ташкента. В июле 1932 г. Дроздинского арестовали вторично по обвинению в оказании помощи сионистам других ссылок, организации побега и даже в связях… с *басмачеством*.[110] Лазарю добавили дополнительно три года ссылки и отправили этапом в Красноярск.

---

[105] Выписка из показаний свидетеля Меира Лутина от 18 октября 1929 г., Там же, д. 17373, л. 10.

[106] ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 14, л. 166.

[107] Обвинительное заключение по делу Клугермана, Луцкого и Лельчука от 26 ноября 1929 г. в Мозыре, АУ КГБ ГО, д. 16687, л. 53.

[108] Протокол заседания Особого Совещания при Коллегии ОГПУ от 15 декабря 1929 г., Там же, л. 64.

[109] Б. Быховский, «Семьдесят из ста», *Еврейский камертон*, 11 июля 1997 г.

[110] *Басмачество* (от *басмак* - «совершать налет», *тюрк.*) - вооруженное движение против советской власти в Средней Азии (1918-1935).

Дроздинскому объявили, что после отбывания наказания он будет лишен права проживать в Москве, Ленинграде и дополнительно ряде указанных областей и округов, на Украине, в Крыму и Белорусском военном округе и прикреплен к определенному месту жительства сроком на три года. С тех пор Туров оказался закрыт для Дроздинского. После своего освобождения в 1935 г. он с женой и трехмесячным сыном попытался посетить родное местечко, но их выслали в 24 часа. Родители Лазаря переехали из Турова в Курск. Младшую дочь Клару они постарались оградить от еврейской традиции, полагая, что это убережет девушку от беды, постигшей старшего брата.[111]

О деятельности группы Дроздинского как сионистской в Турове летом 1929 г. можно говорить лишь условно. Они не предприняли никаких спланированных действий, организационных мероприятий, не выдвигали политических лозунгов или экономических требований, не сделали шагов к налаживанию связей с единомышленниками в Мозырском округе или республике в целом. Действия молодых людей нельзя было назвать нелегальными, потому что своих взглядов они не скрывали и о конспирации не думали.

Вся вина бывших членов *hе-Халуц* заключалась в выражении недоверия политике Коммунистической партии и мероприятиям советской власти. Они предали гласности перипетии политической жизни в столице. Эту «крамолу» усугубило неуважение к личностям советских вождей, что было расценено как покушение на чистоту идеалов диктатуры пролетариата. Подобные «грехи», умноженные на сионистское прошлое, превратили Дроздинского и его товарищей в контрреволюционеров, способных на опасные для режима действия.

Справедливость в отношении арестованных идеалистов из Турова была восстановлена только спустя десятилетия.[112] Для этого должна была наступить другая эпоха, родиться и вырасти новое поколение людей, которые совершенно иначе смогли взглянуть на стремление евреев к национальному дому.

* * *

За сорок лет, минувшие с тех пор, когда жители Турова познакомились с идеями сионизма, изменилось очень многое. Они прошли путь от абстрактного понятия о возвращении евреев на землю праотцев в Палестине до политических организаций, имевших конкретную программу действий. Большевистская буря круто

[111] Письмо Клары Дроздинской от 13 марта 2000 г. из Ариэля (Израиль), Архив автора.

[112] Решение, вынесенное внесудебным органом по делу Дроздинского, Клугермана, Лельчука и Луцкого, было отменено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 1930-1940 и 1950-х годах», все названные лица реабилитированы. Справка прокуратуры Гомельской области от 16 ноября 1989 г., АУ КГБ ГО, д. 16687, л. 66-68; д. 17373, л. 30.

изменила судьбу российских евреев. Национальные партии стремительно возникали и сходили с политической сцены, не успевая даже приблизиться к декларированным целям и задачам. Дольше всех продержались сионисты-социалисты, которые пошли на все мыслимые компромиссы, чтобы сохранить главное – возможность выезда в Палестину. Они признали правоту диктатуры пролетариата, пообещали возглавить арабо-еврейское рабочее движение на Ближнем Востоке и построить социалистическое общество в Палестине.

Несмотря на это, сионисты оказались неугодными советской власти за независимость своих взглядов, критику экономических преобразований нового режима и неверие в перспективу решения еврейского вопроса в СССР. Города и местечки Белоруссии, как бывшая черта оседлости, превратились в арену противостояния между сионистами и коммунистами. Интернационализм коммунистов оказался несовместимым с национальной идеей сионистов, отстаивавших собственный путь развития государственности для евреев. Спор между ними вскоре перерос в борьбу за выживание.

Эхо этих событий докатилось до Турова. Сионистские агитаторы, приезжавшие в местечко из Мозыря, Минска и других мест, искали и находили себе сторонников. Они привозили известия о событиях в Палестине, возобновившейся эмиграции на Ближний Восток, обещаниях Англии создать национальный очаг евреев на их исторической родине. Неопределенность положения в Советской России, произвол новых властей и память о трагических последствиях погромов гражданской войны делали сионистские призывы популярными.

Однако силы в этом противостоянии оказались неравными. Давление на сионистов, не стремившихся к свержению советской власти, а предлагавших только отпустить своих приверженцев строить собственное будущее в Палестине, оказалось беспрецедентным. Коммунисты, опираясь на рычаги государственной власти, в течение нескольких лет подавили сионистов. Сопротивление горстки храбрецов, объявленных режимом контрреволюционерами и врагами еврейских трудящихся, было обречено.

Закат хедера

В сентябре 1918 г. Государственный комитет по просвещению постановил прекратить занятия в хедерах и иешивах. Однако до окончания гражданской войны во многих местах Белоруссии они функционировали явочным порядком. Поэтому в апреле и в сентябре 1921 г. Наркомпрос издал специальный приказ о запрещении работы учебных заведений, в основу деятельности которых была положена еврейская традиция.[1]

После всех потерь и невзгод, выпавших на долю Турова в годы революции и гражданской войны, возобновление работы хедера могло стать признаком мирной жизни. Восстановленная община должна была не только накормить голодных, отстроить жилища, возродить синагогу, но и позаботиться о детях, которым следовало учиться. Однако неожиданно препятствие возникло там, где его меньше всего ожидали. Советская власть, выступавшая от имени «беднейших слоев трудящихся и эксплуатируемого народа», заявила о категорическом неприятии традиционного еврейского образования при социализме. Большевики поставили хедер и меламедов в один ряд с синагогой, раввинами и «прочими клерикалами», несовместимыми со светским мировоззрением и образом жизни. Православные приходские школы, епархиальные училища и духовные семинарии на основе Закона об отделении школы от церкви уже были превращены в светские учебные заведения. Однако эта реформа почти не коснулась хедера, который не имел ничего общего с обычной школой. Нельзя было дом или квартиру меламеда, где велись занятия, превратить в школьное здание, а его самого – в советского педагога. Оставалось только закрыть хедер, а детей распределить по другим учебным заве-

[1] *Народное образование в СССР*. Сборник документов, 1917-1973 гг., Москва 1974 г., с. 7-9; *Дер Векер* (Минск), 7 сентября 1921 г.

дениям. Однако открыть одновременно тысячи светских школ было невозможно. Поэтому местные власти до поры до времени смотрели на хедеры сквозь пальцы, надеясь на постепенное их вытеснение.

Возвращение хедера

В начале 20-х годов в Турове существовало около десяти хедеров, которые посещало более 30% еврейских детей школьного возраста.[2] Занятия при четырех синагогах проводили семь меламедов. В большинстве это были люди среднего возраста, полные сил и энергии, с детства впитавшие законы еврейской традиции. Нота-Ошеру Букчину, Ноте Фруману и Гиршу Гохману исполнилось по 30 лет, Неваху Вайнблату – 32 года. Старшее поколение меламедов представляли Гирш Дегтярь 50 лет и Ицко-Вольф Фруман 58 лет. Самым пожилым был Симон Велицкин 65 лет.[3] В Вереснице, недалеко от Турова, хедер организовал Израиль Чечик 28 лет, меламеды учили детей в Запесочье, Тонеже и Ричеве.

Хедер представлял собой своеобразную начальную школу, которая располагалась на дому у меламеда. Главное внимание в ней уделяли не общеобразовательным предметам – письму, чтению, счету, а еврейской традиции. Тексты были написаны на иврите или арамейском языке, хотя в быту употреблялся только идиш. Обучение оставалось платным, но деньги за детей бедняков и сирот вносила община.

Большинство мальчиков, посещавших хедер, происходили из семей ремесленников-кустарей и рабочих по найму. У каждого меламеда обучалось около 20 учеников плюс 15 детей вдов, круглых сирот и неимущих, на учение которых двое «домохозяев» по поручению синагоги в Турове собирали деньги. Полгода обучения стоило 15 руб., некоторые родители оплачивали хедер деньгами, присланными из Америки; с детьми из наиболее состоятельных семей занятия проводились индивидуально.[4]

Хедер 20-х годов отличался от дореволюционного организацией и содержанием своей работы. Среди меламедов появились «современники», которые в дополнение к традиции обучали детей арифметике, идиш, географии и даже русскому языку.

Продолжительность занятий в хедере составляла от 5 до 6 часов в день. Обучение велось нелегально, вместо 25–30 чел. меламеды собирали одновре-

[2] Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 499, оп. 1, д. 22, л. 5.

[3] Подсчитано по: *Список верующих прихожан Главной, Койдановской, Столинской и Набережной синагог в Турове по состоянию на сентябрь 1924 г.*, Зональный государственный архив (ЗГА) в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 55, лл. 112-144.

[4] И. Рахозельский, «Некоторые моменты клерикальной работы». *Евсекция, докладные записки и другие материалы по борьбе с клерикализмом, сионизмом и пр., 1925-1927 гг.*, Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 4, оп. 10, д. 46, лл. 163-165.

менно не более 3–4 мальчиков и девочек. Однако утаить хедер было трудно. И. Рахозельский, готовивший отчет о состоянии еврейской работы в Турове, отмечал, что далеко не все еврейские дети школьного возраста посещают советскую школу: «если хорошо присмотреться», можно увидеть детей, которые идут по местечку попарно, а чтобы не вызвать подозрение, имеют русскую книгу и тетрадь. Учебники религиозного характера хранились у меламеда, а второй комплект – дома у ученика. Особенно много детей посещали хедер летом, когда в советской школе начинались каникулы.[5]

Многие родители не видели ничего предосудительного в хедере. Они были уверены в своей правоте, поскольку Конституция СССР не запрещала обучения детей еврейской традиции и ивриту. На этом основании можно было услышать: «Дети должны научиться молитве, а потом пусть и не молятся». Проверяющие от евсекции при Мозырском окружном комитете КП(б)Б свидетельствовали, что в Турове каждый родитель старается отдать своего ребенка в хедер, чтобы тот не стал *гоем* (неевреем).[6]

Деятельность хедера оказывала влияние на работу местечковой советской школы. В июне 1923 г. заведующий Мозырским уездным отделом народного образования Долгополов докладывал, что в Турове администрация и педагоги советской семилетней школы (общей для белорусских и еврейских детей. – *Л. С.)* не борются с иудейским влиянием, а приспособились к нему. Большинство учеников отказываются писать в субботу, а школьный совет этому попустительствует, расписание уроков составлено так, что письменных заданий в этот день нет. Во главе «субботников» (учеников, отказывавшихся писать в субботу. – *Л. С*.) стоят учащиеся 17–18 лет, примеру которых следуют младшие классы. Долгополов потребовал воздействовать на «главарей» проведением бесед, а в случае их «упорства и фанатизма» исключать из учебного заведения.[7] Секретарь Тонежской ячейки КП(б)Б сообщал о наличии в деревне еврейского хедера. Ознакомиться с вопросом на месте и подготовить сообщение к заседанию райкома партии поручили тов. Турко.[8] Однако дальше общих заявлений дело не пошло.

В 1925–1926 гг. секретарь Туровского РК КП(б)Б Бабицкий поручил учителям составить план мероприятий по борьбе с хедерами и провести разъяснительную работу, опираясь на разницу в успеваемости учащихся в хедере и советской школе.[9] Инициатива преследования хедера исходила из Минска и Мозыря. Идеологи Компартии Белоруссии и руководители Народного комиссариата просвещения настаивали на «решительных мерах», чтобы препятствовать возникновению

[5] «О борьбе против влияния хедеров на еврейских детей, 1928 г.», Материалы Мозырского ОК КП(б)Б, ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 892, л. 31.

[6] Там же, л. 32.

[7] О своем «открытии» Долгополов сообщил в НКП БССР, НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 226, л. 91.

[8] Протокол заседания Туровского РК КП(б)Б 21 марта 1926 г., ГАООГО, ф. 3952, оп.1-а, д. 9, л. 15.

[9] План работы Туровского РК КП(б)Б на апрель-июнь 1925 г., Там же, д. 14, л. 77.

новых учебных заведений на древнееврейском языке, которые неизбежно станут опорными пунктами сионизма и возрождения хедера.[10]

Однако систематическая антирелигиозная работа в Турове не велась и «имелись слухи», что значительное количество детей еще посещают меламедов, но выяснить местонахождение хедеров властям не удавалось. В хедере дети учились молиться, но через год или два поступали в советскую еврейскую школу.[11] В 1927 г. уполномоченный Мозырского окружного отдела народного образования Корпман отмечал, что в Турове продолжают работать хедеры, точное число которых определить трудно: известны шесть меламедов, которые ведут занятия с немногочисленными группами.[12]

Вопрос о хедерах был внесен в план общества «Безбожник»: разъяснять несовместимость религиозного и светского воспитания, добиваться посещения занятий в субботу и еврейские праздники. Возглавить эту работу поручили еврейским педагогам – комсомольцам и коммунистам. Партийные органы требовали, чтобы родители перестали посылать детей одновременно в школу и хедер.

Власти на словах рекомендовали избегать администрирования, нажима и принуждения, откровенных запретов и гонений на верующих, хотя на деле не отказывались от насилия. Одновременно партийные инстанции требовали от «соответствующих органов» приступить к ликвидации хедеров.[13]

Борьба с хедерами

Противостояние с хедерами стало частью общей атеистической кампании. В ее основу был положен циркуляр Народного комиссариата просвещения, в котором предлагалось усилить надзор за деятельностью существующих хедеров и иешив. Все меламеды обязаны были регистрироваться в отделах народного образования при исполкомах местных Советов. Преподавание религиозных дисциплин детям до 18 лет вне стен религиозных учреждений не должно было превращаться в «форму регулярных учебных занятий», а иешивы требовалось закрыть немедленно.[14]

Во время традиционных еврейских праздников «безбожники» проводили демонстрации, читали лекции, устраивали импровизированные суды над теми, кто не

---

[10] Протокол Гомельского губернского партийного совещания от 27 марта 1927 г., ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1578, л. 5.

[11] Материал по обследованию состояния Турова Мозырского округа БССР 1927/28 г., НАРБ, ф. 6, оп. 1, д. 2564, л. 149.

[12] О состоянии еврейской работы в Туровском районе на 1 мая 1927 г. ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 689, л. 21.

[13] «О борьбе против влияния хедеров на еврейских детей, 1928 г.», Материалы Мозырского окружного комитета КП(б)Б, Там же, д. 892, л. 31.

[14] Циркуляр НКП РСФСР от 25 апреля 1921 г., НАРБ, ф. 4-п, оп. 10, д. 94, л. 37.

хотел отказаться от синагоги. В 1921–1922 гг. широкий размах получили массовые проверки хедеров в Минске, Витебске, Гомеле, Чаусах и Рогачеве.[15] В мае 1922 г. Гомельский губернский комитет партии предложил еврейской секции при отделе народного образования закончить регистрацию хедеров, подлежавших закрытию, в двухнедельный срок. Члены бюро евсекции Фарберг и Перель ознакомили губком с материалами для определения статуса суда над меламедами, носившего пропагандистский характер.[16]

Суды над хедерами стали распространенной практикой. Они прошли в Полоцке, Мозыре и Гомеле. Самый большой процесс евсекция провела в Витебске, где в январе 1921 г. судили сразу 49 меламедов. Было установлено, что из 1358 детей, посещавших 35 хедеров, 400 мальчиков утром шли в советские школы, а после обеда – в хедеры. В одних хедерах преподавание велось на идиш, в других – на иврите. Против меламедов были выдвинуты вымышленные обвинения, что послужило основанием для закрытия хедеров и перевода учащихся в советские еврейские школы.[17]

Судебный процесс в Витебске послужил сигналом к аналогичным действиям в других городах и местечках республики. Для обследования хедеров отделы народного образования привлекали комсомольцев, учителей, членов комиссий по культурно-просветительной работе при профессиональных союзах и женских отделах. Осенью 1921 г. съезд работников просвещения в Минске принял решение о всеобщей борьбе с хедерами. Профсоюзы начали выяснять, кто из родителей посылает детей в хедер. Подобные кампании проводились в Бобруйске, Гомеле, Могилеве, Слуцке, Мозыре и других городах. В Мозыре была устроена детская демонстрация, направленная против хедеров, оставившая, по словам очевидцев, «неизгладимое впечатление». Власти старались склонить на свою сторону женщин, которые прежде считались преданными защитницами традиционного образования. Вопрос о хедере был поставлен на обсуждение конференции женщин-работниц и домашних хозяек, определивших хедер как «тюрьму, притуплявшую детские души».[18]

Преследование меламедов в БССР получило международный резонанс. Возмущение выражали евреи Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Вильно, которые направляли письма протеста даже на Генуэзскую конференцию.[19] Свое

---

[15] М. Фрумкина (Эстер), *Долой раввинов.* Очерк антирелигиозной борьбы среди еврейских масс, Москва 1923 г., с. 23-24.

[16] Протокол совещания при секретариате евсекции Гомельского губкома РКП(б) от 7 мая 1922 г., ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1228, л. 9.

[17] Abram L., I. Khinchin, K. Kaplan. *Der Mishpet Ibern Kheyder* («Суд над хедером»), Витебск 1922 г., с. 45-49, 87-88.

[18] Л. Смиловицкий, «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921-1941 гг.», *Новая еврейская школа,* Санкт-Петербург, 2002 г., № 11, с. 176.

[19] *Генуэзская конференция* (10 апреля - 19 мая 1922 г.) по экономическим и финансовым вопросам с участием 29 европейских государств и 5 британских доминионов обсуждала вопрос о признании де-юре Советской России.

негативное отношение к политике ликвидации хедеров и иешив высказал Максим Горький в Италии. Однако большевики игнорировали международное общественное мнение. Советские газеты писали, что «вой» буржуазии их не смущает и железная рука революционного закона настигнет «мракобесов».[20] Атеисты сравнивали хедеры с толстым слоем плесени, которая копилась тысячелетиями, а сейчас слетает под натиском революционной бури. В мае 1922 г. СНК БССР потребовал закрыть все хедеры на территории республики. За попытку возрождения хедера власти угрожали предать виновных суду и отправить в концентрационные лагеря.[21]

Однако сломить сопротивление верующих оказалось непросто. В защиту хедера выступили деятели культуры и рядовые граждане. Жалобы и петиции приходили в Наркомпрос, ЦИК, СНК и ЦК КП(б) Белоруссии. В Витебске верующие нападали на коммунистов, демонстративно нарушавших традицию, в Гомеле и Мозыре раввины призывали сохранить хедер во что бы то ни стало.[22]

Сопротивление

Экономическая стабилизация, вызванная НЭПом, придала хедеру второе дыхание. Отделы народного образования исполкомов Советов отмечали, что «еврейские клерикалы» активизировали свою деятельность и стараются оторвать еврейскую бедноту от советской власти. Они поддерживают уже существующие и открывают новые хедеры, способствуют росту количества учащихся.

В 1924 г. секретарь Мозырского уездного комитета Кугель и секретарь евсекции Косовер разослали всем секретарям *волкомячеек*[23] секретное указание об активизации борьбы с хедерами, которые существуют, несмотря на все запреты – «нет ни одного местечка, где они не продолжали бы работать». Партячейкам поручалось бороться «с этим злом», сохраняя, однако, осторожность. Для этого рекомендовалось: выделить сотрудника, владеющего идиш; привлекать к атеистической пропаганде просоветски настроенную молодежь; обнаруживать хедеры, сообщая сведения о них в евбюро и районный отдел народного образования; улавливать моменты, компрометирующие хедеры, и заносить их в протокол.[24]

Многие «батьки» («родители», *белорус*.) отказывались игнорировать хедер и отдавали детей меламеду, который готовил их к школе. «Живучести» хедеров во многом способствовало отсутствие в большинстве школ нулевого (подгото-

---

[20] М. Левитан, «Культурные достижения еврейских масс РСФСР», *Жизнь национальностей*, январь 1923 г., с. 247.

[21] *Дер Векер*, 22 января 1922 г.; *Октябрь*, 19 января 1927 г. (*идиш*).

[22] А. Скир, *Духовная культура евреев Беларуси*, Минск 1995 г., с. 61.

[23] *Волкомячейка* - первичная волостная партийная организация.

[24] НАРБ, ф. 4-п, оп. 10, д. 25, л. 16.

вительного) класса, что приводило к меламеду.[25] Весной 1927 г. еврейские дети школьного возраста, 8–15 лет, насчитывали в Турове 550 чел. Из них в еврейской школе-четырехлетке обучались 170 учащихся, белорусской семилетке – 160 чел., в школе Запесочья – 10 чел., хедеры посещали от 150 до 170 чел., а другие их ровесники нигде не учились.[26]

Разгром

Властям республики не удавалось окончательно склонить на свою сторону общественное мнение. В еврейских общинах тайно собирали деньги для оказания помощи меламедам, продолжавшим работать нелегально. Весной 1929 г. заведующий отделом Мозырского окружного комитета КП(б)Б Кривошей сообщал о том, что в Турове 38 учащихся еврейской школы и один ученик белорусской семилетней школы одновременно «обучаются религиозным наукам». Все учителя об этом хорошо знают, но не принимают никаких мер.[27]

Нарекания со стороны режима раздавались в адрес комсомольских и партийных *ячеек* Турова и Мозыря, которые не обращали достаточно внимания на влияние еврейской традиции на детское сознание. Нуждавшимся учащимся не оказывалась материальная помощь, не велась разъяснительная работа с родителями по привлечению учеников в советскую школу. Партийные органы, принимая во внимание, что часть семей зависела от помощи синагоги, требовали мобилизовать пионеров и комсомольцев на сбор денег, одежды и обуви для еврейской бедноты. Местным органам власти поручили «предусмотреть меры помощи» сиротам и вдовам, а директорам школ – «больше уделять внимания» обеспечению детей из нуждающихся семей письменными принадлежностями и учебниками.[28]

Наибольшее упорство проявили последователи движения ХАБАД.[29] В 1930 г. евсекция при ЦК Компартии Белоруссии выступила с заявлением о том, что «еврейская черная сотня» не только не подчиняется приказу о закрытии хедеров и иешив, но и открывает новые религиозные учебные заведения.[30] Летом 1933 г. газета *Дер юнгер ленинец* в Минске ставила в пример пионеров, которые помогали

---

[25] Отчет о еврейской работе в Турове по состоянию на 23 января 1926 г., ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 22, л. 5.

[26] Там же, ф. 2728, оп. 1, д. 14, л. 9.

[27] Там же, ф. 69, оп. 2, д. 565, л. 13.

[28] Там же, оп. 1, д. 892, л. 32.

[29] Иосиф Ицхак Шнеерсон (1880-1950 гг.) - шестой цадик любавичского хасидизма, организовал нелегальную систему религиозного еврейского образования в СССР, превратил ХАБАД в ядро сопротивления атеизму и ассимиляции.

[30] А. Розин, «Еврейское население в Минске, 1917-1941 гг.», *Минск - Ир вэ-эм* («Минск - город и мать»), Иерусалим 1985 г., т. 2, с. 73 (*иврит*).

разоблачать «контрреволюционный хедер».[31] В некоторых местечках республики подпольные еврейские школы продержались до конца 30-х годов. Ликвидация традиционного образования как основного канала передачи еврейской традиции и запрет на изучение иврита нанесли тяжелый урон еврейской культуре в республике и Советском Союзе в целом.[32]

* * *

Хедер, вернувшийся после окончания гражданской войны, не мог существовать долго. Еврейская традиция, основы которой передавались детям с его помощью, потеряла непререкаемый характер. Распад общины, вызванный последствиями революции, погромов и изменением экономического уклада, с неизбежностью отразился на еврейском образовании. Объективные причины этого упадка дополнил субъективный фактор. Хедер утратил прежнее монопольное положение, существовавшее до 1917 г., когда ему как массовой школе для еврейских детей не было замены. Для того чтобы эта борьба не была воспринята еврейским населением как проявление антисемитизма, большевики предложили альтернативу в виде советской школы на идиш. Ликвидацию хедера проводили сами евреи – коммунисты, комсомольцы и другие советские активисты под руководством еврейской секции при ЦК Компартии Белоруссии. Одни из этих людей искренне восприняли идеалы советской власти, обещавшей действовать во благо еврейских трудящихся, другие стали попутчиками, примкнувшими к сильной стороне в неравном поединке.

Советская школа пользовалась безраздельной поддержкой режима, получала экономическую и методическую помощь. Масштабы ее работы не шли ни в какое сравнение с возможностями хедера, державшегося на самоокупаемости. Даже обновленный хедер, включавший в свою программу изучение арифметики, географии, идиш и русского языка, не мог спасти положение.

Однако, несмотря на гегемонию светской школы, власти не отказались от открытого преследования, став на путь запретов и угроз. Продолжение существования хедера в полулегальных условиях представляло собой феномен сопротивления верующих наступлению на их права, протест против разрушения традиционного уклада.

Закат хедера означал не только конец эпохи традиционного еврейского образования, но и исчезновение питательной среды для синагоги, смену прежних идеалов и ориентиров для целого поколения еврейской молодежи.

---

[31] *Дер юнгер ленинец* («Молодой ленинец»), 4 августа 1933 г.

[32] НАРБ, ф. 42, оп. 21, д. 1099, л. 9.

Советская школа на идиш

Советская школа в еврейском местечке стала предвестником преобразований, которые большевики наметили в культурном и экономическом развитии республики. Она была призвана служить не только целям просвещения и ликвидации неграмотности, подъема общего культурного уровня населения, но и инструментом политического воздействия. Новый тип учебного заведения был задуман как массовая школа с бесплатным и обязательным обучением детей обоего пола, основанная на классовом принципе, исключавшем религиозное влияние, и сопровождаемая общественно-полезным трудом. Она должна была обеспечить доступ к профессиональному образованию подрастающего поколения и высшему учебному заведению социалистического образца.

Основные положения программы советского среднего образования были сформулированы в начале 20-х годов. Руководитель еврейского бюро при Народном комиссариате просвещения Михл Левитан[1] заявлял, что единая трудовая школа на идиш есть важнейший элемент коммунистического воспитания еврейской молодежи, основной путь борьбы с религией, националистическими и сионистскими предрассудками, средство утверждения атеистического и интернационального мировоззрения.

Идиш как язык обучения

Языком обучения в советской школе стал идиш, который считался языком трудящихся масс. По переписи 1920 г., на идиш в БССР говорил 91% еврейского

[1] Михл Левитан (1882-1937 гг.) - активист *Поалей Цион*, один из инициаторов борьбы за создание еврейских школ, заместитель наркома просвещения УССР (с 1925), редактор газет *Дер Штерн* и *Ди Ройте Велт*, автор учебников для еврейской школы, репрессирован.

населения.[2] Перевод детей из религиозных школ в светские учебные заведения атеистического направления стал большим испытанием для учащихся и родителей.

Вместе с тем будущее самого идиш оставалось проблематичным. Наиболее радикальные элементы в руководстве партии утверждали, что в интересах революции евреи могут пренебречь своим языком. С.М. Диманштейн[3] отмечал, что коммунисты не фанатики идиш: «Возможно, что в близком будущем более богатые языки вытеснят повсюду еврейский язык, и мы не прольем ни слезинки по этому поводу».[4] Тем не менее в феврале 1921 г. вторая сессия Советов ЦИК БССР поручила Народному комиссариату просвещения обеспечить всем национальностям в республике возможность получать образование на родном языке.[5]

Первые 62 советские школы на идиш появились в Белоруссии в 1920 г., трудность их открытия официальные источники объясняли последствиями польской оккупации.[6] Постепенно количество таких школ увеличивалось – в 1921 г. добавилось еще 38 школ. В 1922 г. в республике насчитывалось 106 еврейских школ, которые посещали 10 тыс. 745 учеников. В 1924/25 учебном году количество учащихся возросло до 19 тыс. 83 чел., а в 1925/26 – до 22 тыс. 90 чел.[7]

Большинство начальных школ в БССР приступили к работе в местечках и сельской местности, а семилетние – в городах. В 1926 г. их посещали 27 тыс. 124 учащихся, что составляло 46,1% всех еврейских детей и подростков школьного возраста, которым преподавали 1356 учителей.[8] Идиш как язык обучения был введен в 19 из 24 учебных заведений системы профессионального образования БССР. Приступили к работе на идиш девять торговых школ и два индустриальных техникума, четыре еврейских отделения на вечерних и шесть отделений на дневных рабочих факультетах, готовивших к поступлению в высшее или среднее специальное учебное заведение, а также еврейские отделения в педагогических институтах

---

[2] В. Зингер, «Еврейское население СССР в таблицах и диаграммах». Табл. 24, Москва 1930 г.; Белорусская Академия наук, Еврейский сектор: *Бюллетень Евреи в БССР*, Минск 1929 г., с. 11 (*идиш*).

[3] Семен Маркович Диманштейн (1886-1937 гг.) - глава Еврейского комиссариата при Наркомнаце, редактор *Дер Эмес* (1918), председатель еврейской секции при ЦК РКП(б), нарком труда в Литовско-Белорусской ССР (1919), заведующий национальным сектором ЦК ВКП(б) (1924), директор Института национальностей при ЦИК СССР (1930), редактор журнала *Трибуна еврейской общественности* (1936), репрессирован.

[4] М. Юдель, «Еврейская школа в Советском Союзе», *Книга о русском еврействе 1917-1967 гг.* Под ред. Я.Г. Фрумкина и др., Нью-Йорк 1968 г., с. 234.

[5] *Народная адукацыя і педагагічная навука у Беларусі, 1917-1945 гг*., Мінск 1993 г., с. 74-75.

[6] *Дер Векер,* 8 августа 1921 г.

[7] I. Dardak, «Unzere Dergreikhungen far 15 Yor Oktiaber ofn Gebit fun Folk Bildung» («Наши достижения к пятнадцатилетию Октября в сфере народного образования», *идиш*), *Almanak Tsum 15 Yorteg fun der Oktiaber Revolutsie, Sotsial-Ekonomisher Zambluch*, Minsk 1932, z. 146-147, 152.

[8] *History of Jewish Education in the Soviet Union 1918-1948*. By Elias Shulman, New York 1971, p. 92.

в Витебске и Минске.[9] В 1924–1925 гг. из общего количества школ для взрослых в республике на белорусском языке работало 3%, на польском – 0,2%, а на идиш – 15%.[10] На идиш работали четыре профессионально-технические школы, тогда как на белорусском языке к тому времени еще не существовало ни одной.[11]

Успех идишизации школьного образования мог вызвать обвинения в еврейском национализме, пренебрежении к белорусам как титульной нации. Поэтому при любой возможности члены евсекции подчеркивали, что учебные заведения на идиш ничем не отличаются от других советских школ, преданы идеям партии Ленина–Сталина, а еврейское местечко после революции неузнаваемо изменило свой облик.

Начальная школа на идиш

До революции в Турове действовало несколько учебных заведений с ограниченным количеством учащихся. Это были: общее четырехклассное училище на 12 учеников, земское училище (60 учеников и два учителя), церковно-приходская школа (80 учеников и два учителя) и женская церковная начальная школа (40 учениц и один педагог). Большинство еврейских детей посещали реформированный хедер, где наряду с уроками иврита и Торы они постигали азы арифметики, идиш и русского языка.[12]

В декабре 1920 г. в Турове открыли две советские школы – первой и второй ступени. Школа первой ступени имела четыре класса, являлась чисто еврейской, вела обучение на идиш и занимала одноэтажный деревянный дом бывшей почты. Школа второй ступени, рассчитанная на семь классов, являлась общей для белорусских и еврейских детей (директор Лаппо).

Еврейская школа размещалась в каменном здании в центре местечка, но ее помещение было тесным и требовало ремонта, поэтому большую часть классов она арендовала у семилетки. По вечерам учащиеся школы-четырехлетки ожидали, когда их товарищи из школы второй ступени уйдут, чтобы занять их места. Школу на идиш в Турове посещали 180 детей – 100 девочек и 80 мальчиков. Это составляло 33% всех еврейских детей школьного возраста в местечке; еще 23% детей из еврейских семей учились в белорусской семилетке, 34% – ходили в хедеры, а 10% – не обучались нигде. По социальному положению родителей 93 учащихся были выходцами из семей кустарей, 37 – «торговцев», 11 – рабочих, девять – служащих, один – земледельцев.[13]

---

[9] I. Dardak, Op. cit., z. 148.

[10] *Полымя* (Минск), 1925 г., № 5, с. 189.

[11] Там же, 1925 г., № 4, с. 119, 129, 131, 133.

[12] *Чырвоная Тураўшчына*, 7 кастрычніка 1936 г.

[13] Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 499, оп. 1, д. 22, л. 5.

Школьному раб. тов. Лаппо

14

От Туровского Райнаробраза

Сим извещается Вам, что Вы назначены заведывающим Туровской школы II ступени, а потому предлагается Вам немедленно вступить в исполнение своих обязанностей и приступить к организации школы и открытию занятий. С прежними старос[illegible] сговорить

Завраймаробразом

Делопроизводитель [illegible]

14/XII 1920 года.

14/XII 1920

Распоряжение районного отдела народного образования
о назначении учителя Лаппо
заведующим школой 2-й ступени в Турове от 14 декабря 1920 г.

Еврейская школа не имела собственного инвентаря и учебных пособий, а один учебник приходился на четырех учеников. Материальная поддержка, которая периодически поступала через филантропические организации США, была мизерной, а возможности родителей учеников очень скромными. При школе работали пункт ликвидации неграмотности, где обучалось 30 слушателей, отделения общественных организаций: МОПР, Осоавиахим[14], ОЗЕТ (*Общество содействия землеустройству трудящихся евреев*), ДН (*Долой неграмотность*), – членство в которых было массовым: 165 из 180 учащихся.[15]

Летом 1924 г. местечковый национальный Совет сделал попытку отнять один из четырех еврейских молитвенных домов Турова под школу на идиш. Верующие обратились с жалобой в Мозырский окружной исполком. Спорное помещение не подходило для нужд образования из-за недостатка площади и санитарного состояния. Взамен предлагалось воспользоваться брошенной усадьбой помещика Нарейко с большим двором и садом или построить новое помещение. Положение о еврейской школе обсуждалось на заседании туровской ячейки КП(б)Б и собрании членов профсоюза кустарей Турова. В октябре 1924 г. дело об отчуждении молитвенного дома слушал народный судья 4-го участка Мозырского округа. Помещение было признано бесхозным и передано школе. Верующие обжаловали приговор в Верховном суде республики, но получили отказ.[16] К началу 1925 г., по оценке властей, внешний вид еврейской школы был удовлетворительным, педагогический коллектив в туровских условиях приемлемым, обучение проводилось на идиш, а белорусский язык преподавался как обычный предмет. Отношение родителей к школе считалось терпимым, рабочих – удовлетворительным, кустарей – неопределенным, а нетрудового элемента – негативным.[17]

Планы Еврейского комиссариата по открытию советских учебных заведений на идиш встретили сопротивление образованной части еврейства. Заместитель председателя евсекции при ЦК РКП(б) Самуил Агурский[18] вспоминал, что вначале из-за саботажа еврейской интеллигенции эта задача казалась невыполнимой: «Найти образованного лояльного работника было чрезвычайно сложно».[19]

В педагогические коллективы республики входили представители основных

---

[14] *Осоавиахим* - Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству, 1927-1948 гг.

[15] Там же, д. 967, л. 8.

[16] Зональный государственный архив (далее ЗГА) в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 107, лл. 39-40. Подробнее об этом см. в главе «Разгром еврейской религии».

[17] Справка Туровского РК КП(б)Б Мозырскому окружкому партии от 12 января 1925 г., ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 15, л. 21.

[18] Самуил Хаимович Агурский (1884-1948 гг.) - заместитель председателя евсекции при ЦК РКП(б), член-корреспондент АН БССР, директор Института еврейской пролетарской культуры БССР, репрессирован (1938).

[19] Samuil Agurskii, *Der Yiddisher Arbeter in der Komunistisher Bavegung 1917-1921*, Minsk 1925, z. 28.

социальных слоев, допущенных к преподаванию. Среди учителей преобладали служащие и причисленные к ним интеллигенты. За ними шли выходцы «из единоличников», представители свободных профессий. Далее следовали происходившие из семей «торговцев» и посредников, которые до 1917 г. составляли почти половину всех евреев края. Учителя из рабочих и земледельцев стояли на предпоследнем месте, несмотря на то, что имели предпочтение. Завершали список выходцы из семей служителей культа – раввинов, меламедов, синагогальных служек, старост, *шойхетов*, *моэлей*. Допуск их в школу являлся вынужденной мерой, вызванной острой нехваткой грамотных работников. Многих из этих людей власти вынудили публично отречься от религии и даже от верующих родителей.

На 15 декабря 1920 г. в список школьных работников Туровской еврейской трудовой школы первой ступени вошли: заведующий Абрам-Кива Шаевич Марголин (1898 г. р.), секретарь Абрам Исаакович Тепленький (1893 г. р.), учителя – Иосиф Аболевич Сорокин (1897 г. р.), Мордух Менделевич Городецкий (1897 г. р.), а в первом полугодии 1921 г. к ним присоединились Залман Аронович Букчин (1893 г. р.) и Арон Мордухович Коробочко (1899 г. р.). Большинство педагогов имели специальное образование. Марголин окончил Нежинское коммерческое училище, Городецкий – Киевскую учительскую семинарию, Гренадер – частные еврейские педагогические курсы д-ра Левина в Прилуках, а Коробочко – реальное училище в Пинске.[20]

В советскую еврейскую школу подали заявления несколько бывших меламедов Турова. Хаим Гиршевич Брегман даже собирал подписи родителей учеников, которые должны были свидетельствовать о его серьезном отношении к своим обязанностям. Зимой 1920 г. жители Турова И. Ламден, И. Муравчик, Я. Шустерман, М. Лайхтман, М. Шифман и Г. Гренадер подтвердили, что Х.Г. Брегман преподавал их детям еврейские предметы, и они им были весьма довольны.[21] Другая группа родителей ходатайствовала в пользу Хаи Брегман и Янкеля Шифмана. Они писали, что Хая и Янкель работают в школе с сентября 1918 г., отличаются преданностью делу народного просвещения и являются «нашими» единственными и незаменимыми учителями.[22] Тогда же в отдел народного образования Турова поступило заявление Шейндл Головей с просьбой оставить ее на прежней должности в школе, где она преподавала с 1 сентября 1920 г.[23] Хаю Брегман и Янкеля Шифмана

[20] Список школьных работников Туровской еврейской трудовой школы первой ступени на 15 декабря 1920 г., ЗГА в Мозыре, ф. 293, оп. 1, д. 96, л. 4.

[21] Письмо в отдел народного образования Туровского волисполкома от 11 декабря 1920 г., Там же, л. 20.

[22] Коллективное письмо жителей Турова - Гирша Глозмана, Арона Чарного, Двейры Шифман, Эстер Карлинской, Фрадл Брегман, Шлёмы Бокова, Рувина Шифмана, Нохима Гительмана, Абрама Фурмана, Гирша Дегтяря и Эбера Головея от 12 декабря 1920 г., Там же, л. 34.

[23] Заявление Шейндл Головей в отдел народного образования Турова от 19 декабря 1920 г., Там же, л. 24.

направили в школу первой ступени, а Хаима Брегмана и Шейндл Головей – в школу второй ступени, присоединив к уже работавшим там: Иосифу Сорокину, Ноте Фруману, Рахиль Глозман и Мордуху Кожангородецкому.[24]

В 1926 г. заведующим еврейской школы-четырехлетки стал Иосиф Абрамович Шнайдман.[25] До 1922 г. он состоял в Еврейской Коммунистической партии (*Поалей Цион*), обладал независимым характером, критически оценивал действительность. На учительской конференции в Турове осенью 1926 г. Шнайдман доказывал, что крестьянство не является классом, учительство не пользуется доверием большевиков, а выходцам из других партий крайне затруднен прием в ВКП(б).[26]

Еврейская семилетка

В 1927/28 учебном году еврейскую четырехлетнюю школу преобразовали в семилетку. Это было вызвано ростом числа выпускников четырехлетней школы на идиш, для которых не хватало мест в белорусской школе. Предполагалось, что подобное решение продемонстрирует торжество советской национальной политики в пограничном населенном пункте.

Директором назначили Якова Рафаиловича Кантора, которого прислали в Туров из Минска. Его жена Лея стала работать в библиотеке. Кантор был невысокого роста, носил пенсне, преподавал математику и был разносторонне образованным человеком. Р.Г. Шустерман вспоминал, что, когда болели учителя географии, русского языка и литературы, их с успехом заменял директор. Он же вел кружок политграмоты, читал ученикам новости из газет на разных языках.[27]

Всего в школе Турова работали восемь учителей. Одни из них получили свои знания до 1917 г., а другие – в советских учебных заведениях. Педагоги с дореволюционным стажем прошли переподготовку на курсах повышения квалификации в Мозыре и Минске. Профессиональный уровень преподавателей считался удовлетворительным. Среднее образование получили три педагога, среднее специальное – четыре, а один – высшее. Однако специальную педагогическую подготовку имели не все. Иосиф Шнайдман окончил Кобелянское коммерческое училище, а Вера Фердман – женскую гимназию. Социальный и профессиональный состав учителей еврейской семилетней школы в Турове представлен в табл. 1.

[24] Заявление Шейндл Головей в отдел народного образования Турова от 19 декабря 1920 г., Там же, л. 104.

[25] Протокол бюро туровской ячейки КП(б)Б от 27 октября 1925 г., ГАООГО, ф. 2728, оп. 1, д. 12, л. 14.

[26] *Сведения информационной сети ОГПУ по Турову от 28 ноября 1926 г.,* Еженедельная сводка по Мозырскому округу на 8 декабря 1926 г., Там же, ф. 69, оп. 2, д. 90, л. 585.

[27] Письмо Р.Г. Шустермана от 25 июля 2006 г. из Кфар-Сабы (Израиль), Там же.

Таблица 1

Сведения о педагогах еврейской семилетней школы в Турове на 1928/29 уч. г.[28]

Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Социальное происхождение	Образование	Место учебы	Педагогический стаж	Стаж в туровской школе
Бородянская Хая Файвелевна	1903	из крестьян	среднее специальное	Минский евпедтехникум	с 1919	с 1921
Глозман Гирш Йоселевич	1896	из торговцев	среднее специальное	высшее начальное училище	с 1921	с 1921
Лис Яков Даниилович	1893	из служащих	среднее	Гродненская казенная гимназия	с 1918	с 1921
Пинская Блюма Нохимовна	1900	из торговцев	высшее	БГУ им. В. И. Ленина	с 1927	с 1927
Полищук Хэма Нохимовна	1906	из рабочих	среднее специальное	Минский евпедтехникум	с 1927	с 1927
Фердман Вера Соломоновна	1903	из семьи служителя культа	среднее	женская гимназия	с 1922	с 1927
Шнайдман Иосиф Абрамович	1897	из торговцев	среднее специальное	коммерческое училище	с 1919	с 1923

[28] Составлено по: ЗГА в Мозыре, ф. 221, оп. 1, д. 27, л. 258.

В основном это были люди до 28 лет. Моложе всех была учительница 22 лет, а старше всех 35-летний педагог. По социальному происхождению в коллективе учителей преобладали выходцы из торговцев – три, из советских служащих, крестьян, рабочих и служителей культа – по одному человеку. К новому поколению принадлежали Хэма Полищук и Хая Бородянская, выпускницы еврейского педагогического техникума в Минске, и Блюма Пинская, которая окончила еврейское отделение педагогического факультета Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. Гирш Глозман имел за плечами четыре класса Высшего начального училища и педагогический техникум в Петрикове, а Яков Лис выдержал экзамены на право работы при Виленском еврейском учительском институте.[29]

В начале 30-х годов в Туров приехали учителя Гинзбург, Кабинецкая, Рухман. Ботанику преподавала Зайчик, русский язык и литературу – Садовская, историю – Иткина, химию и биологию – Гарелик, географию – Миневич.[30] Соотношение еврейских и белорусских учащихся к концу 20-х годов представлено в табл. 2.

Таблица 2
Национальный состав учащихся школ в Турове на 1928/29 уч. г.[31]

Учебное заведение	Всего учащихся	В том числе		
		белорусы	евреи	
			чел.	*%*
Белорусская семилетка	485	393	92	19,00
В том числе:				
первый концентр	263	244	19	3,90
второй концентр	222	149	73	15,05
Еврейская семилетка	276	–	276	100
В том числе:				
первый концентр	225	–	225	100
второй концентр	51	–	–	–
Трехкомплектная школа	114	111	3	2,60
Итого	**875**	**504**	**371**	**42,40**

29 Итоги обследования работы еврейских семилетних трудовых школ, 1928-1929 гг. Протокол заседания Мозырской окружной конференции по народному образованию от 1 декабря 1929 г., Там же, лл. 248-257.

30 Письмо С.З. Козорез от 31 декабря 1999 г. из Линна (Массачусетс, США), Архив автора.

31 Табл. 2 и 3 составлены по: ГАООГО, ф. 2736, оп. 1, д. 3, лл. 53-59.

Из общего количества учащихся (875 чел.), посещавших все типы школ в Турове, евреи составляли 42,4%, или 371 чел. В семилетке на идиш занималось 276 еврейских детей, или 100%, а в белорусской – 92 еврея, или 19%. В трехкомплектную начальную школу Турова ходили почти исключительно дети крестьян – 97,4%. В белорусскую школу еврейские родители отдавали детей по ряду причин: отсутствие мест в еврейской семилетке, удаленность ее от местожительства, желание дать образование на русском языке, чтобы продолжить учебу за пределами республики (как правило, в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове и др.). Белорусскую школу посещали дети советских и партийных работников, специалистов народного хозяйства, прибывших в Туров из-за пределов БССР. Они плохо понимали идиш, а их родители часто ожидали перевода на новое место работы.

Советская власть ревностно соблюдала уравнительные принципы при распределении доходов и старалась нивелировать имущественное различие, внимательно отслеживая социальный статус и материальное положение школьников. Социальная и имущественная характеристика родителей туровских школьников в 20-е годы представлена в табл. 3.

Таблица 3
Социальный состав родителей учащихся школ в Турове на 1928/29 уч. г.

Учебное заведение	Кол-во учащихся	Родители учащихся								
		рабочие	батраки	бедняки	середняки	богатые	служащие	единоличники	торговцы	другие
Белорусская семилетка	485	23	33	123	137	68	62	18	–	16
В том числе:										
первый концентр	263	19	27	20	100	58	35	–	–	2
второй концентр	222	4	6	103	37	10	27	18	–	14
Еврейская семилетка	276	17	–	116	19	–	14	31	67	2
В том числе:										
первый концентр	225	13	–	116	19	–	9	–	56	2
второй концентр	51	4	–	–	–	–	5	31	11	–
Трехкомплектная школа	114	–	–	46	60	2	4	1	1	–
Итого	**875**	**40**	**33**	**285**	**216**	**70**	**80**	**50**	**68**	**18**

Среди белорусов ученики из семей бедняков и батраков составляли 32,1%, тогда как у евреев – 42% (без батраков). Выходцев из «богатых» семей (наиболее состоятельных родителей) в белорусской семилетке обучалось – 32,6%, а из евреев к этой категории не принадлежал никто. В то же время ни один из детей белорусов не являлся выходцем из семей торговцев, а у евреев к ним принадлежали 24,3% учащихся. Однако в своем большинстве так называемые торговцы (33 семьи) не могли считаться состоятельными, потому что держали патенты второго и третьего разрядов (мелкие лавки и киоски). Евреи преобладали среди выходцев из единоличников (11,2%) по сравнению с их белорусскими сверстниками (3,7%), поскольку их родители были заняты кустарными промыслами и отказывались от кооперации. Таким образом, имущественное положение белорусских и еврейских школьников оказывалось сходным. Их семьи были тесно связаны хозяйственными узами и взаимными услугами.

В начале 30-х годов еврейская школа в Турове работала успешно, а количество ее учащихся увеличилось с 276 чел. в 1928 г. до 319 учащихся (153 девочки и 166 мальчиков) в 1932 г.[32] Главным объяснением заметного роста учащихся стал закон 1929 г. «Об обязательном всеобщем среднем образовании», который требовал, чтобы все дети школьного возраста были охвачены системой советского обучения.

Профессиональное обучение

В дополнение к учебным заведениям Народного комиссариата просвещения еврейские подростки получали образование в системе профессионального образования, фабрично-заводских семилетних школах (ФЗС) и школах крестьянской и рабочей молодежи (ШКРМ). Они принимали юношей и девушек после окончания 4-го класса (или первого концентра) для завершения семилетнего образования и одновременного приобретения профессии квалифицированного рабочего, строителя, текстильщика, обувщика, швейника, кожевника, слесаря или столяра. В ШКРМ готовили культурного и политически подготовленного крестьянина, «передовика-землероба», кооператора.

В Турове школа крестьянской и рабочей еврейской молодежи существовала с 1925 г. параллельно еврейской и белорусской семилеткам. Туда шли «переростки» – дети старшего школьного возраста, которые не могли вовремя начать учиться и хотели восполнить этот пробел. В разное время в ШКРМ обучалось от 80 до 110 подростков.[33]

Качество учебных занятий не всегда отвечало предъявляемым требованиям, нередко программы по химии, географии, белорусскому языку и литературе не

32 ГАООГО, ф. 2728, оп. 1, д. 21, л. 14.

33 Отчет о еврейской работе в Турове, ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 22, л. 6.

выполнялись. Слабая успеваемость объяснялась неподготовленностью многих учащихся по базовым предметам, пропусками занятий без уважительных причин. Связь с подшефными предприятиями – комбинатом местной промышленности в Турове и колхозом «Новая жизнь» была формальной, отсутствовала помощь со стороны местечкового Совета. Ряд педагогов (Каплан и Френкель) приходили на занятия без должной подготовки, учительница Гренадер болезненно реагировала на критику.

В феврале 1934 г. Мозырский окружной отдел народного образования для улучшения работы ШКРМ направил в Туров двух педагогов по специальным дисциплинам, организовал обмен опытом с белорусской школой крестьянской молодежи. Начали проводиться вечера интернациональной дружбы, собрания, экскурсии, которые освещались через газету *Чырвоная Тураўшчына* на идиш и белорусском языке.[34] Однако в целом результаты профобуча остались неудовлетворительными. Это был промежуточный этап между общеобразовательной и средней специальной школой, который должен был уступить место упорядоченному профессиональному обучению. В конце 30-х годов школу рабочей и крестьянской молодежи в Турове закрыли.

Учебный процесс

Советская школа на идиш была национальной только по форме. Ее еврейский характер обуславливался языком обучения. Русский язык считался непрофилирующим предметом. Дети приходили в школу с определенными навыками русской речи, которую они слышали на улице, дома, использовали в общении со сверстниками, это облегчало его освоение. На русский язык отводилось шесть часов в неделю во втором и третьем и восемь часов – в четвертом классе.[35]

Учащиеся изучали произведения Менделе Мойхер-Сфорима, Шолом-Алейхема и Ицхака Лейбуша Переца на языке оригинала. Представление о программе, составе авторов и темах еврейской литературы дает школьный учебник, выпущенный в начале 30-х годов в Минске. Хаим Орланд подготовил для него раздел о творчестве Менделе Мойхер-Сфорима, Авраам Абчук – об Ицхаке Лейбуше Переце, Моше Кульбак – о Морице Винчевском, Перец Маркиш – об Иосифе Бовшовере, Давид Гофштейн – о Давиде Бергельсоне, Арон Кушниров – об Ицике Фефере, Даниэль Меерович – об Изе Харике, а Эзра Фенинберг – о Хаиме Гильдине.[36] Учащихся не знакомили с еврейской историей, культурой, традициями. Зачастую учебные заня-

[34] Там же, д. 39, лл. 35-36.

[35] Протокол заседания Мозырской окружной конференции по обследованию деятельности еврейских семилетних трудовых школ от 30 октября 1928 г., ЗГА в Мозыре, ф. 221, оп. 1, д. 27, л. 249.

[36] Y. Ravin, V. Shatz, Literatur: lernbukh farn 4tn shulyor, Minsk 1933.

тия проводились с вульгарно-социологических позиций. Традиционные еврейские праздники Рош ха-Шана, Йом-Кипур, Суккот, Пурим, Песах использовались как повод для проведения антирелигиозных кампаний, детям внушали неповиновение родителям.

Наиболее серьезные перемены произошли в школе после постановления ЦК КП(б) Белоруссии от 5 сентября 1931 г. «О пересмотре учебных программ средней общеобразовательной школы». Окончательно было изъято все, что имело отношение к еврейским писателям за пределами Советского Союза. Табу было наложено не только на писателей, языком творчества которых служил иврит, но и на известных идишистов. Учащихся перестали знакомить с произведениями Моше Лейба Гальперина, Мани Лейба, Ицика Мангера, Ламеда Шапиро, Исаака Башевиса Зингера, Залмана Шнеура, Моше Надира, Яакова Глатштейна, Иешуа и Авраама Лесиных.

Приоритет был отдан техническим знаниям, улучшению преподавания математики, естествознания и географии. Все учебники на идиш были переполнены восхвалениями хода строительства социализма, но при этом отсутствовало само упоминание о евреях. Советская школа окончательно утратила национальный характер и превратилась в учебное заведение с преподаванием «классово выдержанных» предметов на идиш. Лакуны в учебном процессе заполняли изучением истории еврейского рабочего движения.[37]

К середине 30-х годов в Турове еврейскую неполную среднюю школу посещали 220 учащихся, а начальную – 110 чел.[38] Качество преподавания не всегда отвечало предъявляемым требованиям. Этому было много причин, главной из которых служило отсутствие мотивации к учебе, политическое напряжение в обществе, связанное с массовыми арестами и непопулярными мерами советской власти в хозяйственной и культурной жизни. Все это оставалось в тени, тогда как вслух говорили только о формальных показателях в учебе.

В июле 1936 г. райком партии в Турове заслушал итоги учебного года в еврейской неполной средней школе. Несмотря на некоторые успехи в преподавании математики, истории и географии, был отмечен ряд серьезных упущений. Не все учащиеся справлялись с учебной нагрузкой, многие были оставлены на второй год или получили переэкзаменовку на лето. Общая средняя успеваемость составляла только 74,4%. Русский и белорусский язык преподавала Зильберман, не имевшая специального гуманитарного образования. Школа на идиш вызывала нарекания со стороны родителей, часть из которых предпочитали белорусскую школу.

Райком партии рекомендовал отстранить от преподавания русского языка и литературы Зильберман и заменить учителей начальных классов Зайчика и Брискина. Учитывая необходимость развития средней общеобразовательной национальной

[37] Л. Смиловицкий, «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921-1941 гг.», *Новая еврейская школа* (СПб), 2002 г., № 11, с. 196: http://www.ort.spb.ru/nesh/njs11/smilov11.htm

[38] В. Хочинский, «Старый и новый Туров», *Чырвоная Тураўшчына*, 7 кастрычніка 1936 г.

школы в Туровском районе, в Наркомпрос БССР было направлено ходатайство об открытии 8-го класса в еврейской школе в 1936/37 учебном году. Заведующему отделом культуры Позовскому, заведующему районо Муравину, секретарю РК ЛКСМБ Кучеру поручили провести беседы с родителями учащихся еврейской школы о мероприятиях по улучшению работы школы, а ее ремонт и подготовку классов закончить к началу учебного года.[39]

Воспитательная работа

Главным направлением школьной работы стало воспитание «нового человека» как энтузиаста социалистического строительства, беззаветно преданного делу партии. По свидетельству Нафтоли (Анатолия) Зарецкого (1923 г. р.), мальчиков и девочек из Турова воспитывали фанатично преданными «делу Ленина–Сталина», за которое они должны были, если понадобится, не пожалеть самой жизни.[40] Общечеловеческие идеалы оказались отодвинутыми на задний план. Классовый подход применяли к любым аспектам действительности, даже если в роли «буржуев» выступали родители.[41]

18 января 1930 г. Центральное еврейское бюро при ЦК КП(б) Белоруссии раскритиковало состояние преподавания обществоведения в еврейских школах. Педагоги недостаточно уделяли внимания вопросам классового расслоения деревни, коллективизации, «замазывали» роль партии и не вели антирелигиозную работу. Этим якобы воспользовались «враждебные элементы», которые перенесли классовую борьбу в стены школы – устами детей критиковали политику партии и агитировали против Советской власти.[42]

Коммунистическое воспитание предполагало подготовку к беспощадной борьбе с «пережитками национализма». В повседневной жизни эти лозунги оставались на бумаге. В марте 1935 г. райком партии Турова указывал на притупление классовой бдительности. Свидетельством этому служили случаи расшифровки аббревиатуры МТС (машинно-тракторная станция) как «могила товарища Сталина». В декабре 1935 г. на сборе пионерских отрядов местечка, посвященном годовщине убийства С.М. Кирова, со стороны еврейских учащихся не нашлось ни одного выступающего. Некоторые ученики посещали синагогу, а их учителя на это никак не реагировали.[43]

---

39 Постановление бюро Туровского РК КП(б)Б от 13 июля 1936 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 267.

40 Письмо Анатолия Иосифовича Зарецкого от 27 мая 2002 г. из Кирьят-Шмоны (Израиль), Архив автора.

41 S. Dubnov. *Divrei Yimei Am Olam.* Tel Aviv 1940, vol. 11, p. 26.

42 Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 4, оп. 14, д. 1, лл. 124-125.

43 Я. Лившиц, «Укрепить интернациональное воспитание в школах», *Чырвоная Тураўшчына*, 13 сакавіка 1935 г.

Много внимания уделялось внеклассным мероприятиям – не только организации досуга школьников, но и контролю за их поведением вне школы. Это были однодневные экскурсии, военизированные походы, концерты художественной самодеятельности, спортивные мероприятия, отдых в пионерском лагере, просмотр кинофильмов. В 1933–1938 гг. в летние месяцы детей вывозили в пионерский лагерь, одна смена охватывала 60 чел. и продолжалась 25 дней. Дополнительные лесные лагеря отдыха были организованы при колхозах «Красный путиловец», «Ворошилова», «Новый путь» (смена на 20 чел. в течение 10 дней). В 1934–1936 гг. в экскурсии в Киев принимали участие 15 пионеров, трехдневном военизированном походе по маршруту Туров–Тонеж – 100 чел. Популярностью пользовались экскурсии по изучению родного края на лодках от Турова до Погоста, событием стала автомобильная поездка на смолокуренный завод в Люденевичах. Все пионерские отряды района участвовали в олимпиаде художественного творчества. На спартакиаду по волейболу и водному спорту в Туров приезжали команды из Житковичей и Петрикова, два раза в месяц в школе демонстрировали звуковую и немую киноленты.[44]

Проявления антисемитизма

Работе школы препятствовал антисемитизм. Эксцессы на национальной почве вспыхивали время от времени, как искры пламени из-под золы. Поскольку детское сознание только отражало действительность, можно предположить, что таким образом оно передавало настроения в окружающей нееврейской среде.

Слово «жид», заимствованное белорусским языком из польского, превратилось в оскорбительное, задевавшее национальное достоинство евреев. В 1925 г. Мозырский окружной комитет КП(б)Б потребовал от местных органов власти отказаться при ведении документации на белорусском языке от употребления слова «жид», заменив его словом «еврей».[45]

В 1928 г. Секретариат ЦК КП(б) Белоруссии заслушал доклад фракции Центрального правления союза Белрабпроса (профсоюза работников просвещения БССР) о работе в школе. Среди отмеченных недостатков назывались пережитки шовинизма, антисемитизма и религиозных настроений.[46] Не стал исключением и Туров. По сообщению осведомителей Мозырского ОГПУ, сотрудник Туровского райисполкома Мушинский в присутствии детей говорил о засилье «жидовской власти»: хорошо живут только коммунисты, но недалеко время, когда с ними рас-

---

[44] ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 190.

[45] *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б за время с 1 октября 1924 года по 1 октября 1925 года*, Мозырь 1925 г., с. 75.

[46] НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 70, л. 333.

УЗМАЦНІЦЬ ІНТЭРНАЦЫЯНАЛЬНАЕ ВЫХАВАННЯ У ШКОЛАХ

Адным з важнейшых на[illegible] нашых, савецкіх школ ёсць камуністычнае, інтэрнацыянальнае выхаванне дзяцей, заваяванне у іх[illegible] свядомасці інтэрнацыянальна-класавай салідарнасці, узброіць іх у школе, у піонер-атрадзе к бязлітаснай барацьбе супроць усякіх рэшткаў нацыяналістычных перажыткаў быта — дома, у мястэчку, у вёсцы.

Азнаёміўшыся с становішчам інтэрнацыянальнага выхавання дзяцей у Тураўскай беларускай НСШ, яўрэйскай НСШ і Запясоцкай школай патрэбна адзначыць, што інтэрнацыянальна—выхаваўчая работа ў гэтых школах не стала асноўным стрыжнем у выхаванні ў камуністычным духе нашага маладога падрастаючага пакалення.

У школах мала робіцца дакладаў, гутарак, вечароў на тэмы аб пралетарскім інтэрнацыяналізме, аб інтэрнацыянальным выхаванні дзяцей.

У Тураве мяецца яўрэйская НСШ, але моцнай сувязі з беларускімі школамі яна не мае. Паміж яўрэйскай школай і беларускай узорнай заключан соцдагавор, але ён толькі на паперы. Соцдагавор не правяраецца, сумесных вечароў прысвечаных праверцы соцспаборніцтва не праводзіцца.

Нядаўна адбыўся сумесны збор атрада яўрэйскай і беларускай школы. Пасля даклада тав. [illegible], аб зверскім забойстве аднаго з лепшага бальшавіка, саратніка тав. Сталіна-тав. Кірава рукамі контррэвалюцыйнай трацкісцка-зіноўеўскай апазіцыяй, піонеры выступалі з дакладамі, пасля даклада былі спевы, музыка і танцы, але з яўрэйскай школы ні адзін вучань не прыняў удзелу у выступленнях.

Антырэлігійная работа ёсць частка інтэрнацыянальнага выхавання дзяцей, але ў многіх школах антырэлігійная работа зусім слаба разгорнута. У Запясоцкай школе антырэлігійная работа зусім не праводзіцца. У тых школах, дзе маюцца гурткі СВБ працуюць не планава. А між тым асобныя вучні ходзяць у царкву і ў сінагогу. Вучаніца другога класа запясоцкай школы Буда Марія, з Тураўскай беларускай узорнай школы Дамашкевіч Маша з трэцяга класа ходзяць у царкву, а з яўрэйскай школы вучань трэцяга класа Розенфельд ходзіць у сінагогу. Бацькі гэтых вучняў заставляюць іх выконваць рэлігійныя абрады.

Грамадская думка вакруг гэтага не была создана дастаткова. РК КСМ таксама не правёў шырокай работы, каб вырваць з рэлігійнага дурмана гэтых вучняў.

Праца з бацькамі [illegible] участкам работы школы. Не распрацавана ідэя Серпухоўскіх бацькоў. Вельмі рэдка праводзяцца сходы бацькоў, не ўзнята сярод вучняў на належны узровень класавая пільнасць. Контррэвалюцыйная расшыфроўка слова МТС асобнымі вучнямі гаворыць за тое, што сярод вучняў мяецца прытупленне класавай пільнасці. Ёсць выпадкі антысеміцкіх і шавіністычных выступленняў з боку вучняў напрыклад: [illegible] з Тураўскай узорнай беларускай школы.

Школы не трымаюць сувязь з дзецьмі працоўных капіталістычных краін, гэта мінус у рабоце па інтэрнацыянальна—класаваму выхаванню дзяцей. Дзеці капіталістычных краін павінны ведаць, што толькі савецкая улада і камуністычная партыя [illegible] увагі і клапату, каб дзеця была рада[illegible] вучыцца, працаваць і жыць.

У бязлітаснай барацьбе супроць ўсякіх класава ворожых выступленняў шляхам разгортвання інтэрнацыянальнай работы, выхаваем нашых дзяцей, у духе свядомых і актыўных змагароў за сацыялізм.

Я. Ліўшыц

Раўліт № 20 тыр. [illegible] м. Тураў. БССР, друк. газ. „Ч. Т."

Репортаж Я. Лившица «Укрепить интернациональное воспитание в школах»
Чырвоная Тураўшчына, 13 сакавіка 1935 г.

правятся. Подобную «агитацию» Мушинский допускал неоднократно, утверждая, что «коммунисты-жиды *повсюду мучают бедных людей*» (курсив мой. – *Л. С.*).[47]

В туровской семилетней школе ряд учеников позволяли себе антисемитские выпады. В 1929 г. учащийся Радзивилл заявил директору, что белорусам ставят отметки ниже, чем евреям. Еврейские школьники в долгу не оставались: ученица Брегман назвала его «мужиком» и «свиньей». Происшествие спустили на тормозах, но когда подобные случаи становились достоянием гласности, дело могло дойти и до суда.[48]

Противостояние антисемитизму облегчалось тем, что на ответственных участках работы в партийных, советских инстанциях, потребительской кооперации, органах милиции и суда, хозяйственных и административных должностях было занято много евреев. Первым секретарем райкома партии в Турове был Гирш Лейбович Дворкин, судьей – Ноах Зунделевич Вайсборд, начальником таможни – Яков Давидович Дунтау, председателем районного отделения Союза потребительской кооперации – Иосиф Моисеевич Хазанов, секретарем райисполкома – Иосиф Иосифович Рубинчик, заведующим лесопильным заводом – Исаак Мовшевич Разумовский, председателем Туровского сельского Совета – Ноах Абрамович Фридман и др.[49] Это свидетельствовало не о «засилье» евреев в местечке, а об их профессиональной квалификации, опыте работы и заинтересованном отношении к делу.

В ноябре 1928 г. была проведена масштабная кампания по борьбе с антисемитизмом в республике. Первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Гамарник увязывал усиление великорусского, белорусского, еврейского и польского шовинизма с нарастанием классовой борьбы. Если раньше местный национализм считался реакцией на «великорусский» шовинизм, то в соответствии с новым подходом принято было считать, что антисемиты – это агенты кулаков и попов, а еврейские шовинисты – наймиты нэпманов и раввинов.[50] Недооценка еврейского национализма объявлялась «правым» уклоном в еврейской среде, а выпячивание антисемитизма – проявлением мелкобуржуазного влияния. Ответственность за национализм возлагалась на социально враждебные «силы». Если раньше злостные антисемиты ходили в хулиганах, то отныне они превратились в «контрреволюционный элемент».

Конституция СССР 1936 г. объявила о полном решении национальной проблемы в стране победившего социализма. Антисемитизм как явление почти полностью исчез со страниц периодических изданий. Власти вспоминали теперь о нем, когда хотели подчеркнуть бесправие евреев в США, Англии, Польше или в Германии и подчеркнуть счастливую жизнь евреев в Советском Союзе. Начиная с августа

---

47 Еженедельная сводка Мозырского ОГПУ, 16 октября 1926 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 2, д. 90, л. 434.

48 А. Беляев, «Интернационально-классовое воспитание - на большевистские рельсы», *Коммунистическое воспитание,* 1930 г., , № 11-12, с. 20-21.

49 Подробнее об этом см. в главе «Коммунисты и комсомольцы».

50 *Дер Эмес*, 12 декабря 1928 г., с. 3.

1939 г., когда был подписан Пакт о ненападении между СССР и Германией, эта тема совершенно исчезла из поля зрения читателя. Однако антисемитизм не пропал, что нашло отражение в отчетах и деловой переписке партийных и советских инстанций «сверху донизу», не подлежащей широкой огласке.

Поиск виноватых

К середине 30-х годов развеялся миф об исключительном характере законов экономической жизни при социализме. Волюнтаризм привел к голоду и хозяйственной разрухе, заметному падению жизненного уровня. Тяжелое экономическое положение вызвало негативную реакцию населения, что немедленно отразилось на работе учебных заведений. Стараясь избежать возможных разоблачений, режим готовил упреждающий удар.

В ход был пущен тезис о вредительстве в народном образовании. В Полесской области в 1936 г. работала 61 национальная школа, и среди них – 22 еврейские, 21 русская, 13 украинских, четыре немецкие и одна латышская. В документах Наркомпроса БССР утверждалось, что среди еврейского учительства существовал «национальный демократизм», зачастую принимавший форму сионизма. Учителя были недовольны тяжелым экономическим положением местечка, а некоторые педагоги выражали «своеобразную тоску» по еврейской государственности. Отделам народного образования вменялось в вину то, что они не развернули большевистскую критику и самокритику, вовремя не вскрыли «враждебные гнезда» и не противодействовали противникам Советской власти.[51]

Летом 1938 г. начальник Полесского областного управления НКВД Кауфман[52] докладывал секретарю Полесской области Маркину[53] о засоренности врагами школ области. С точки зрения службы безопасности, сомнительные элементы составили в Паричском районе – 34 чел., в Брагинском – 36, Глусском – 11, Домановичском – 10, Ельском – 28, Житковичском – пять, Копаткевичском – семь, Комаринском – 37, Мозырском – 23, Наровлянском – 18, Петриковском – 26, Хойникском – 27, Лельчицком – одного и Туровском – 11 чел. Всего по Полесской области НКВД взял на учет 274 учителя (7%). Из них были объявлены троцкистами три чел., «правыми уклонистами» – один, исключенными из ВКП(б) – 19, национал-фаши-

---

[51] НАРБ, ф. 4, оп. 5, д. 1459, лл. 10-31.

[52] Залман Исаакович Кауфман (1900-1938 гг.) - уроженец Гомеля, из рабочих, окончил частную гимназию (1918), член партии с 1921 г., в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1922 г., начальник Паричского (1931-1933) и Речицкого (1934-1935) районных отделений НКВД, начальник УНКВД Полесской области (20.5.1938-1.1.1939), Н.В. Петров, К.В. Скоркин, *Кто руководил НКВД 1934-1941 гг*. Москва 1999 г., с. 228.

[53] Дмитрий Федорович Маркин - первый секретарь Полесского ОК КП(б)Б с 28 мая 1938 г.

стами – три, кулаками – 76, «бывшими людьми»[54] – 43, служителями религиозных культов – 23, членами семей репрессированных – 49, членами других организаций, проявляющих себя антисоветски, – 57 чел.[55]

По утверждению госбезопасности, «агенты фашизма» – троцкисты, бухаринцы и «националисты» – в Полесском областном отделе народного образования стремились вытеснить русский язык, насаждали польских шпионов в белорусских школах, чтобы в конечном итоге оторвать БССР от братской семьи народов – Союза ССР.

Во второй половине 30-х годов началась общая кампания по ликвидации национального строительства. Все достижения прежних лет были поставлены под сомнение. В Полесской области в 1938 г. закрыли 13 польских школ, а три немецкие реорганизовали в белорусские, были восстановлены четыре белорусские школы, закрытые в 1936–1937 гг.[56]

Стремительный упадок советской еврейской школы начался в 1936–1937 гг. Почти все проявления еврейской культурной жизни были объявлены националистическими. Русификация учебных заведений подавалась как образец пролетарского интернационализма. Гонениям подвергли деятелей еврейской культуры и искусства, ученых, экономистов, военных, включая и работников еврейской секции при ЦК Компартии Белоруссии.

Главное управление литературы и издательств (Главлит) БССР подготовило в 1937 г. обширный список литературы (266 авторов), подлежавшей изъятию. Опасными были признаны произведения, которые еще недавно рекомендовали в учебных заведениях, сети партийной учебы и политического просвещения: С. Агурский, *Революционное движение в Белоруссии* (1925), С. Вольфсон, *Исторический материализм* (1931), Ю. Дардак и Ю. Дорофеев, *Классовая борьба в школе* (1933), А. Кучар, *Великая перестройка* (1931), Ю. Майзель и М. Шаповалов, *Краткий очерк истории КП(б)Б* (1929), А. Оликер и С. Розенблюм, *Очерки истории комсомола Белоруссии* (1926) и др.[57]

Роковым для школы на идиш стал 1938 г. В газетах констатировалось положение, что родители перестали отдавать детей в национальные учебные заведения. Причин этому было несколько. В еврейской школе изучали одновременно идиш, белорусский, русский, а в старших классах еще и английский, немецкий или французский. Скоро выяснилось, что внимания русскому языку уделялось недостаточно. К концу 30-х годов различие между еврейскими, русскими и белорусскими школами свелось только к языку обучения. Часть родителей отдавала предпочтение русскому языку, а другая – идиш, которым традиционно пользовались в семье.

---

[54] *Бывшие люди* - лица, владевшие до 1917 г. недвижимостью, имевшие частный бизнес, представители интеллигенции или чиновничества.

[55] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 30, л. 138.

[56] Там же, д. 7, лл. 208, 215.

[57] Л. Смиловицкий, «Книга в годы сталинских репрессий», *Кніга, бібліятэчная справа і бібліяграфія Беларусі.* Сборнік артыкулаў. Центральная навуковая бібліятэка АН Беларусі, Мінск 1993 г., с. 128-133.

Ликвидация синагог и осуждение традиции неизбежно сказывались на системе образования. Агитация в поддержку еврейского национального образования считалась опасным «уклоном». Школу покидали лучшие учителя, классы пустели, аналогичные процессы охватили дошкольные учреждения.[58]

Летом 1938 г. Наркомпрос БССР принял к исполнению постановление бюро ЦК Компартии республики от 3 июля 1938 г. «О реорганизации еврейских школ в Белоруссии в белорусские школы».[59] Под предлогом избытка преподавателей на идиш Витебское еврейское педагогическое училище слили с Минским и расформировали. Подобным образом поступили с национальными отделениями при педагогических и учительских институтах и Белгосуниверситете.[60]

Достоверная статистика о работе еврейской школы в Советском Союзе после 1935 г. не публиковалась, и о наличии национальных школ можно судить только по отрывочным сообщениям периодических изданий. Московская газета *Дер Эмес* в 1937–1938 гг. писала о закрытии еврейских школ, но в то же время призывала готовиться к новому учебному году.[61] В июне 1938 г. она рассказывала о системе народного образования в Белоруссии, а в июле поместила репортаж, в котором главное внимание обращалось на малочисленность еврейских классов.[62] Вместе с тем, в Бобруйске, Быхове, Витебске, Гомеле, Минске, Житковичах и ряде других мест родители не допустили реорганизации еврейских школ, которые продолжили работу в 1938/39 учебном году. В некоторых местах (Осиповичи, Мозырь, Гомель) еврейские школы продолжали работать до конца 1939 г., как и детские дома на идиш – в Могилеве, Бобруйске, Борисове, Полоцке и Речице. Однако к началу января 1940 г. в восточной части республики не осталось ни одного еврейского учебного заведения.[63]

Упразднение школы на идиш оказалось полной неожиданностью для учителей, учащихся, родителей и органов местной власти. В начале лета 1938 г. Туровский райком партии, подведя итоги учебного года, повторил свое ходатайство перед Народным комиссариатом просвещения республики об открытии в Турове в 1938/39 учебном году восьмого класса еврейской школы на том основании, что белорусская десятилетка перегружена и не может принять выпускников седьмого класса. Вместо этого в начале августа 1938 г. педагогов вызвали в Мозырь и сообщили о слиянии школ на идиш с белорусскими и русскими. Очевидным стал отказ от общего сталинского

---

[58] «The Jewish Intelligentsia and the Liquidation of Yiddish Schools in Belorussia, 1938». Documents introduced and annotated by Viacheslav Selemenev and Arkadii Zeltser, *Jews in Eastern Europe*, vol. 43 (2000), pp. 78-97.

[59] НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 407, л. 299-а; д. 575, л. 287.

[60] Там же, оп. 17, д. 19, л. 30; *Чырвоная змена*, 18 верасня 1938 г.

[61] *Дер Эмес*, 24 июня 1937 г.; 17 февраля и 26 августа 1938 г.

[62] Там же, 22 июня и 8 июля 1938 г.

[63] И. Герасимова, «Еврейское образование в Беларуси в 20-е и 30-е гг. XX в.», *Евреи Беларуси*. История и культура. Вып. 2, Минск 1998 г., с. 70-71.

положения о том, что при социализме каждый народ получит возможность развивать свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию.

Известие о закрытии школы на идиш вызвало противоречивую реакцию среди населения Турова. Мнения разделились: одни выражали согласие и понимание, другие, напротив, возражали. Большинство жителей предпочли сдержанность, сознавая, что протест обречен. Залман Гренадер вспоминает, что школу в Турове закрыли по «желанию трудящихся». Евреи боялись выражать недовольство: «Такое было время, каждый день кого-нибудь сажали».[64] Это мнение поддерживает Софья (Гинзбург) Козорез: «Одни радовались закрытию еврейской школы, другие оставались равнодушными».[65]

Абрам Розенфельд подтверждает, что распоряжения властей воспринимались как должное: заявлять откровенный протест боялись – царила атмосфера всеобщего страха.[66] Об этом же говорит и Янкель Рехтман: еврейскую школу закрыли без особого повода, существовало указание сверху, любые другие «мнения» были опасны.[67]

Басшева (Лейтман) Пейсахович свидетельствует: учащихся в туровской еврейской школе не хватало, и власти использовали это как предлог, чтобы дети пошли в белорусскую школу: «Конечно, евреи были очень недовольны».[68] С ней согласна Рая (Хейфец) Нейман – евреи были возмущены.[69] Илья Гоберман, напротив, считал, что никто не возмущался, советскую власть уважали.[70] На настроениях евреев сказалась поправка к Конституции республики о лишении идиш (наряду с польским) статуса государственного языка, принятая 26 июля 1938 г.[71]

Большинство родителей-евреев отдавали предпочтение обучению в школе на русском языке как более перспективному. Решение о переводе идишистских школ на белорусский вызвало недовольство части семей. В качестве уступки в Турове появилась и русская семилетняя школа.

В белорусской школе

В 1936 г. в Турове было введено в строй новое типовое здание белорусской средней общеобразовательной школы – трехэтажное, кирпичное, с широкими коридорами, высокими потолками и светлыми классами. В 1938/39 учебном году туда начали принимать еврейских детей. Однако большинство учащихся

---

64 Письмо Залмана Давидовича Гренадера от 18 ноября 2000 г. из Тель-Авива, Архив автора.

65 Письмо Софьи Зиновьевны Козорез от 31 декабря 1999 г. из Линна (Массачусетс, США), Там же.

66 Письмо Абрама Гиршевича Розенфельда от 1 декабря 1999 г. из Тель-Авива, Там же.

67 Письмо Янкель Мордхе-Берл Рехтмана от 29 июля 2002 г. из Карлсруэ (Германия), Там же.

68 Письмо Басшевы Пейсахович от 10 января 2003 г. из Кирьят-Аты (Израиль), Там же.

69 Письмо Раисы Моисеевны Нейман от 14 ноября 2004 г. из Тель-Авива, Там же.

70 Письмо Ильи Григорьевича Гобермана от 17 сентября 2000 г. из Хайфы (Израиль), Там же.

71 Первая сессия первого созыва Верховного Совета БССР, *Звязда*, 28 ліпеня 1938 г.

остались в старом одноэтажном помещении на Замковой горе. Школу на идиш переименовали во вторую белорусскую и расширили с семи до десяти классов. Педагоги бывшей еврейской школы теперь вели занятия на белорусском языке. Кантор преподавал алгебру и геометрию, Бруй вел уроки географии, Марголина – немецкий язык, Каменецкая и Рухман – историю, Брискина – литературу, Эбер-Шая – физику, пионервожатой осталась Славкина.[72]

Однако учащихся за счет белорусских детей стало намного больше. Классы расширили и уплотнили с 20–25 до 45–50 чел., за одной партой сидели не менее трех учеников. Поскольку уровень преподавания в школе на идиш был выше, каждому учащемуся-еврею поручили шефство над белорусом-одноклассником.[73]

Директором первой белорусской десятилетней школы в Турове стал Борис Филимонович Сивко, которого после отъезда в Речицу в 1937 г. сменил Иван Николаевич Дворецкий, а завучем был Янка Антонович Окрут, в свою очередь, заменивший Дворецкого в 1939 г.[74]

Многие учащиеся испытывали трудности с языком обучения. Навыков русской речи не хватало. Большинство в обиходе пользовались идиш, поэтому быстро перестроиться было сложно. Наркомпрос БССР временно разрешил изучать идиш факультативно и не изымать из школьной библиотеки еврейские учебники.

Вульф Чечик (1919 г. р.) окончил первую белорусскую трудовую десятилетку в 1936 г. Вместе с ним учились перешедшие из еврейской семилетки: Ицхок Глинер, Есул Кагнер, Ицхак Шнайдман, Ентул (Лена) Шустерман, Тейбул (Таня) Голуб, Нисон Лис, Гершул Лельчук, Лейбул Зингман и др.[75] В 1939 г. среди выпускников белорусской школы были Гершл Чечик, Велвл Глозман, Иссер Гительман, Роза Лельчук, Маня Лис, Хаим Пинчук, Фельдман, Шифман, Старобинский, Головей, Шнайдман, Шустер, Келлер, Гоникман и др. В классе Сони Гинзбург учились Арон Шифман, Роза Лельчук, Сара и Сролик Чечики, Ида Ламден, Меир Лифшиц, Исроэл Шапиро, Гершл Фурман, Дора и Ошер Шифманы, Басшева Лейтман; в классе Бориса Шляпинтоха – Рая Гоникман, Янкель Глинер, Саша Фишман, Меир и Шлейме Фуксманы, Янкель, Йосель и Велвл Шляпинтохи.[76]

Успеваемость многих еврейских детей была выше, чем у их белорусских сверстников. Круглыми отличниками были Боня (Борис) Гренадер, сын главного бухгалтера конторы лесосплава, и Хаим Брегман, сын бывшего резника синагоги.[77]

---

[72] Письмо Тайбы Шмуйловны (Шифман) Левиной от 24 октября 2003 г. из Нетании (Израиль), Архив автора.

[73] Запись беседы с Рафаилом Шустерманом 12 марта 2007 г. в Иерусалиме, Там же.

[74] Окрут женился на учительнице-еврейке.

[75] Письмо Вульфа Соломонович Чечика от 24 июля 2002 г. из Нью-Йорка, Там же.

[76] Письмо Бориса Гиршевича Шляпинтоха от 14 октября 2002 г. из Чикаго (США), Там же.

[77] Письмо Рафаила Григорьевича Шустермана от 25 июля 2006 г. из Кфар-Сабы (Израиль), Там же.

В 1940 г. по окончании белорусской школы аттестаты с отличием вручили Меиру Марголину, Мойше Коробочке и Абраму Райхману.[78]

Накануне советско-германской войны в Турове работали две белорусские средние школы и одна русская семилетка, где обучалось около тысячи учащихся. Педагогический коллектив насчитывал 40 учителей, тогда как в 1913 г. в пяти учебных заведениях разного типа 14 педагогов обучали 360 учащихся. Это свидетельствовало не только об успехах школьного обучения, но и о росте самого местечка, изменении экономических возможностей и культурных потребностей его жителей.[79]

Общественный резонанс

В конце 30-х годов образование на идиш переживало кризис. Еврейские школы во многих местечках и даже городах не были укомплектованы. Закрытие национальных школ в БССР имело свою специфику. Прежде всего это коснулось пограничных районов, где накануне были упразднены польские, литовские, немецкие, цыганские национальные учебные заведения, несмотря на то, что они работали по советским учебным программам. Решение о закрытии школ на идиш до последнего момента (июль 1938 г.) было известно узкому кругу лиц, поэтому, когда его обнародовали накануне нового учебного года, это застало врасплох всех – администрацию школ, педагогов, родителей и самих учащихся.[80]

Сообщение об упразднении школы на идиш вызвало противоречивую реакцию. Многие отказывались верить, что акция была заранее спланирована высшим руководством партии и государства. Люди расценивали подобный шаг как произвол чиновников, который вызовет негативный отклик со стороны всего еврейского населения. Парадокс советской национальной политики конца 30-х годов заключался в том, что при усилении роли русской культуры и языка подчеркивалось внимание к титульным нациям союзных республик. В рамках компенсации такой политики в Белоруссии допускались незначительные уступки белорусскому языку за счет национальных меньшинств. Этим объясняется упразднение национальных Советов (польских, немецких, литовских, еврейских и др.) в пользу белорусских, отказ от статуса идиш как государственного языка, закрытие школ, учреждений науки и культуры национальных меньшинств.

Негативная реакция населения оказалась сильнее, чем ожидалось. Это вынудило заведующего отделом школ и науки ЦК КП(б)Б Киселева осенью 1938 г.

---

[78] Письмо Меира Абрамовича Марголина от 14 декабря 2002 г. из Хайфы (Израиль), Там же.

[79] По материалам краеведческого музея Турова.

[80] «The Liquidation of Yiddish Schools in Belorussia and Jewish Reaction». Documents introduced and annotated by Viacheslav Selemenev and Arkadii Zeltser, *Jews in Eastern Europe*, Spring 2000, No 1(41), pp. 74-111.

подготовить на имя секретарей ЦК ВКП(б) докладную записку «Об ошибках и недостатках, допущенных при реорганизации бывших еврейских школ в БССР». Однако выводы, которые были сделаны, свидетельствовали больше о поисках нерадивых исполнителей, чем о признании несостоятельности самой идеи отказа от школы на идиш.[81]

Из республиканской периодической печати исчезла практика параллельных публикаций на идиш и белорусском языках, были сокращены тиражи книг на идиш, закрыты еврейские кружки, отделения общественных организаций и союзов, приглушена художественная самодеятельность, редкостью стали доклады и собрания на идиш.

Жизненные пути бывших учащихся еврейской школы сложились по-разному. Покинув родные края, они оказались оторванными от национальных корней – ушли в армию, уехали на учебу, поступили на производство. Отсутствие среды и перспективы национального развития повлияло на самосознание молодых людей. Идея интернационального равенства казалась очень привлекательной. Она обещала тем, кто ее принимал, политику «открытых дверей» и неограниченных возможностей.

В предвоенные годы режим отменил понятие «лишенец», раскулаченных вернули из ссылки в места прежнего проживания, была дана команда прекратить необоснованные массовые репрессии. Многих ввела в заблуждение Конституция 1936 г., провозгласившая победу социализма в одной отдельно взятой стране, социальную гармонию и взаимопонимание народов под руководством Коммунистической партии.

Память о еврейской школе сохранилась в сознании учеников как неповторимая пора детства и юности, когда идиш был естественной средой, языком дома и семьи, улицы и друзей. Однако советская политика ограничений и запретов вызвала необратимый процесс. Большинство бывших выпускников школы на идиш не сочли нужным сохранить и передать язык своих родителей детям и внукам. Идиш в Белоруссии постепенно угасал, отходя в область предания, а его место занял русский, объявленный государственным и языком межнационального общения.

* * *

Отказ от национальной школы явился закономерным этапом развития общества по той модели, которая была навязана Сталиным и его сторонниками. Школа на идиш сыграла роль собирателя национальных сил, популяризатора идей советской власти и проводника коммунистической идеологии. Дальнейшее ее существование требовало дополнительных вложений (обновление материальной базы, подготовка

[81] Примером могут служить такие положения, содержавшиеся в Справке, как: «…Недобитые до конца враждебные националистическо-бундовские элементы давали совет педагогам и учащимся закрытых еврейских школ ехать в Биробиджан, т. к. в БССР они останутся без работы, а ученики - безграмотными», НАРБ, ф. 4-п, оп. 21, д. 1314, л. 124.

учительских кадров, разработка новых учебников и пособий), что было проблематично в условиях дефицитной экономики. Она стала препятствием для искусственного ускорения процесса ассимиляции и могла нарушить непроницаемость «железного занавеса» в условиях капиталистического окружения СССР.

С точки зрения режима, школа на идиш отвлекала интеллектуальные силы от социалистического строительства. Упразднение национальных учебных заведений, наряду с национальными Советами, прессой и культурно-просветительными учреждениями, должно было устранить поле для нежелательных дискуссий. Даже ограниченный нигилизм, питаемый национальным самосознанием, мог обернуться угрозой единомыслию.

Еврейские школы повторили судьбу польских, литовских, латышских, немецких и цыганских школ БССР, которые были ликвидированы в первую очередь. Еврейская интеллигенция, родители и учащиеся не подозревали об истинных мотивах подобного шага, который казался им нелогичным. Однако в условиях тоталитарной власти выразить протест публично было невозможно.

Наступление на национальную школу было задумано как начало форсированного решения национального вопроса. Считалось, что при строительстве социализма более унифицированный язык, роль которого отводилась русскому, намного удобнее. Ликвидация школы на идиш нанесла непоправимый урон еврейской культуре и лишила ее будущего.

Упразднение школы на идиш было временно приостановлено осенью 1939 г., когда Советский Союз, по договоренности с Германией, оккупировал восточную часть Польши, в составе которой с 1920 г. оказалась Западная Белоруссия. Окончательно еврейские учебные заведения прекратили существование с началом немецкой агрессии летом 1941 г. Они не возродились и после войны, поскольку восстановление культурно-национальной жизни нерусских народов СССР не входило в планы режима.

Экономическая и культурная жизнь

Переориентация экономики на военные нужды расшатала внутренний рынок и всю финансовую систему Белоруссии, разрушила экономическую структуру местечка, подорвала связи между городом и деревней. Идеи свободы и социальной справедливости, провозглашенные большевиками, разделяли многие, но репрессивная политика новой власти вызывала недовольство и глухое раздражение. Отношение евреев к большевикам оставалось противоречивым. Страх перед контрибуциями, обысками и расстрелами сменялся пониманием того, что падение советской власти вернет в местечко погромы. Большинство туровцев были озабочены одним – выжить; их поддерживала надежда, что возврат к мирной жизни заставит большевиков отойти от политики разрушения старого мира в пользу созидания.

От «военного коммунизма» к НЭПу

Государство должно было заново строить институты власти. Политика на местах во многом зависела от местных руководителей. Вся полнота власти в местечке принадлежала военно-революционному комитету, опиравшемуся на военный гарнизон и пограничную заставу. В феврале 1921 г. комендант Турова доносил председателю ревкома нейтральной зоны местечка, что «пока все благополучно и спокойно». Караулы (по два чел.), посты и патруль (10 чел.) выставлены на Фронтовой улице, около имения Нарейко и Преображенской церкви. При гауптвахте и комендантском управлении наготове пулеметы «максим».[1] Специальный отряд для подавления недовольных в случае необходимости готов. В марте 1921 г.

[1] Рапорт коменданта Турова от 15 февраля 1921 г., Зональный государственный архив (далее ЗГА) в Мозыре, ф. 293, оп. 1, д. 83, л. 59.

председатель ревкома Турова приказал начальнику гарнизона прибыть с отрядом особого назначения во главе с товарищами Тенцом, Котиком и Рабинером и двумя пулеметами для ликвидации беспорядков, возникших из-за передачи мельницы в Скородненскую волость. Зачинщиков нужно было арестовать, а при сопротивлении применить самые решительные меры вплоть до расстрела.[2]

В июле 1921 г. на пост коменданта Турова заступил помощник военного комиссара 161-го батальона войск ВЧК Козлов. Все военные и гражданские лица, команды и отряды, прибывавшие в местечко, должны были являться в комендатуру для регистрации, а владельцы гостиниц, постоялых дворов, съемных квартир ежедневно вписывать всех новых постояльцев в регистрационную книгу с приложением документов до 14:00. Виновные в неисполнении приказа рисковали оказаться перед судом военно-революционного трибунала. Для борьбы с «разными контрреволюционными элементами» ввели комендантский час. В связи с этим находиться вне дома разрешалось только до часу ночи. Нарушители подлежали аресту и отправке в Мозырь и Минск, где в качестве наказания участвовать в «трудовых двухнедельниках».[3]

Сельсоветы деревень Черничи, Погост, Кремно, Слепцы, Семурадцы, Сторожовцы, Заятелье, Вересница, Буразь, Люденевичи, Хильчицы, Ричев, Рудня, Тонеж, Прибыловичи, Глушкевичи, согласно приказу, усилили охрану телефонных проводов, проходящих по их полям. В случае повреждения необходимо было найти злоумышленников и выдать их властям, иначе ответственность возлагалась на местных жителей. При неявке призывников 1896–1900 г. р., подлежавших набору в Красную Армию, сельсоветы обязаны были в течение трех дней представить замену из «честных граждан». Всех подозрительных лиц требовалось арестовывать и предавать суду как контрреволюционеров, дезертиров, задерживать или сообщать о них коменданту, укрыватели приравнивались к лицам, потворствующим бандитам. Запрещалось переводить через границу спекулянтов и других лиц. Следовало строго следить за деревенскими и вольно шатающейся публикой, не пускать на ночлег военных или гражданских без разрешения председателя сельсовета. Жители Турова и окрестных деревень вынуждены были сдать оружие и военное имущество, чтобы избежать обвинения в бандитизме. За населением оставили право письменно сообщать коменданту о любых злоупотреблениях местных властей или красноармейцев.[4]

Напряженная ситуация в местечке сохранялась довольно долго. Близость границы, надежно закрыть которую было трудно, таила постоянную опасность. Еще кровоточили раны погромов, шла оживленная контрабандная торговля. Из-за кордона приходили известия, выставлявшие советскую власть в невыгодном свете,

---

[2] Приказ председателя ревкома Турова начальнику гарнизона м. Туров от 4 марта 1921 г., Там же, л. 63.

[3] Приказ военного коменданта Турова от 11 июля 1921 г., Там же, ф. 126, оп. 1, д. 85, л. 113.

[4] Приказ по гарнизону Турова от 14 августа 1921 г., Там же, л. 121.

4/3 21 г. Начальнику гарнизона

С получением сего предпи-
сываю Вам немедленно выехать
вместе с отрядом особого назна-
чения в м. Скороднее которого поруче-
но т.т. Тенц, Котик и Ровинер с
ним представители для ликвидации
беспорядков возникших на почве
при передаче имущества в Скородн-
скую волость. При ликвидации
таковых зачинщиков арестовать
а к сопротивляющимся лицам
применить самые решительные
меры вплоть до расстрела.

Предревкома

Секретарь

Приказ председателя Туровского ревкома от 4 марта 1921 г.
начальнику гарнизона местечка Туров
о ликвидации беспорядков в Скородненской волости

а зачастую просто слухи, которые будоражили воображение обывателя. Все это не позволяло отменить в Турове комендантский час и даже ужесточало его требования. В октябре 1923 г. комендант запретил любое передвижение пеших и конных по местечку и его окрестностям с 23 часов ночи до 6 часов утра. Для проведения любых собраний, митингов, вечеров, спектаклей и других «массовых сборищ» требовалось специальное разрешение пограничников. Местных жителей обязали докладывать о каждом незнакомце, спрашивать документы, а подозрительных лиц задерживать и препровождать на заставу.[5]

Таблица 1
Арестованные в Турове с 3 февраля по 1 марта 1921 г.[6]

Причина ареста	**Число арестованных**	
	чел.	*%*
Бандитизм	1	1,3
Без документов	5	6,6
В административном порядке	18	23,7
В качестве заложников	2	2,6
Воровство	1	1,3
Пленные-перебежчики	15	19,7
Принадлежность к балаховцам	2	2,6
Укрывательство дезертиров	2	2,6
Самогоноварение	4	5,3
Спекуляция	13	17,1
Шпионаж	13	17,1
Итого	**76**	**100**

Аресты в Турове производили начальник пограничного поста, военный комендант, председатель ревкома или заведующий райпродотделом. Большинство провинившихся отправляли в помещение местной гауптвахты. В основном за неподчинение приказам и распоряжениям местных органов власти, нарушение

5 Приказ по гарнизону Турова от 17 октября 1923 г., Там же, л. 289.
6 Составлено по сводкам об арестованных в Турове за февраль-март 1921 г., Там же, лл. 45-50.

комендантского часа, невыход на общественные работы, непредоставление инструмента и гужевого транспорта для выполнения трудовой повинности и т. д. На втором месте оказались пленные-перебежчики, стекавшиеся со всей округи в Туровскую волость, примыкавшую к государственной границе. Рижский мирный договор 1921 г. разделил Полесье, которое в рамках Российской империи было единым целым. Давид-Городок, Микашевичи, Ленин и другие местечки, соседствующие с Туровом, стали уже «Польшей». Взятые под стражу за шпионаж и спекуляцию разделили третье место. Мотивы, позволявшие заподозрить в пособничестве польской стороне, откровенно враждебной Советской России, оставались расплывчатыми. Это могли быть лица, на которых пало подозрение в информировании польских военных о положении в Турове или в предоставлении крова незнакомцам при нелегальном переходе границы. Обвинение в спекуляции получить было так же легко, как и за торговлю контрабандным товаром. По частотности причин задержаний далее шли участники набегов Булак-Балаховича и бандформирований. За воровство был арестован всего один человек, что тоже имело свое объяснение: в разоренном дотла местечке взять было нечего, а похитителя легко настичь – среди болот и лесов далеко не убежишь.

Контрабандисты

После окончания гражданской войны много сил у туровских пограничников отнимала борьба с контрабандой. Через границу пытались нелегально переправить все, что можно было выгодно продать или обменять. В условиях общего дефицита промышленных и продовольственных товаров, острой нехватки предметов повседневного спроса и сырья для ремесленников бороться с этим явлением было чрезвычайно трудно. Местные жители отчаянно искали выход из положения, стремились найти заработок, чтобы прокормить свои семьи. Через границу везли кожу для ремесленников, ткани для портных, инструмент для кузнецов, галантерейные товары, щетину, канцелярские принадлежности, головные уборы и т. д. Большинство туровцев подрабатывали контрабандой от случая к случаю, и только немногие занимались этим профессионально. Часто риск был оправдан, реализация даже одной средней партии товара приносила барыш, которого хватало, чтобы залатать дыры в семейном бюджете в течение трех– шести месяцев. Зачастую «контрабанда» представляла собой несколько безобидных предметов одежды или небольшое количество продуктов. Некоторые жители Турова пытались провезти на продажу из Пинска или Давид-Городка, которые находились по ту сторону польской границы, предметы дефицита и немного заработать на разнице цен. В январе 1921 г. пограничный патруль задержал при попытке пройти в нейтральную зону Рахиль Фридман, у которой были обнаружены две шали и три платка. «Товар» изъяли,

а нарушительницу отправили на гауптвахту.[7] В августе 1923 г. Мемке Глозман назначили штраф 200 руб., который она не могла оплатить. В прошении на имя начальника пограничного поста в Турове женщина умоляла отменить штраф, мотивируя тем, что ее муж *шкраб* (школьный работник) и получает всего 276 руб. жалованья, на которое семья еле сводит концы с концами.[8]

Предметы контрабанды скапливались на складе Житковичской таможни, которая периодически распродавала их с аукциона. Представление об ассортименте и количестве изъятых товаров можно получить в табл. 2.

Таблица 2

Ассортимент и количество товаров, выставленных Житковичской таможней на аукцион, проводившийся 10 сентября 1923 г. и 15 января 1924 г.[9]

Товар	Количество
Бумажная ткань	80 аршин
Галантерея	3 пуда 21 фунт[10]
Головные платки	53 шт.
Инструменты разные	1 пуд 23 фунта
Канцелярские принадлежности	20¼ фунта
Кожаные изделия	1 пуд 20 фунтов
Колониальный товар (кофе, пряности)	1 пуд 10 фунтов
Краска анилиновая	4 пуда 30 фунтов
Лисьи шкурки	65 шт.
Мануфактура	627 аршин
Пушнина	1 пуд 4 фунта
Одежда из бумазеи	28¼ фунта
Чай	2 пуда
Шерстяная ткань	67 аршин
Щетина	21 пуд 31 фунт

7 Рапорт командира 2-го батальона войск ВЧК на имя коменданта Турова от 11 января 1921 г., Там же, ф. 293, оп. 1, д. 83, л. 24.

8 Прошение Мемки Глозман начальнику пограничного поста в Турове от 5 августа 1923 г., Там же, ф. 126, оп. 1, д. 85, л. 698.

9 Составлено по: ЗГА в Мозыре, ф. 126, оп. 1, д. 85, лл. 206, 360.

10 *Фунт* - русская мера веса, равная 409,5 грамма, применявшаяся до введения метрической системы мер.

Как следует из табл. 2, наибольшим спросом в Турове пользовалась анилиновая краска, за ней шли мануфактура и галантерея, кожаные изделия и инструменты. Всегда можно было найти покупателей на пряности, которые необходимы для приготовления большинства блюд еврейской кухни. Чай и кофе покупали реже, но и они не залеживались. Из Турова в Польшу нелегально провозили щетину, пушнину, сушеные грибы, лекарственные травы. Постепенно контроль на границе усилился, меры взыскания стали строже, и поток контрабанды уменьшился. Однако главная причина состояла в том, что стабилизация политической и хозяйственной жизни позволила приобретать необходимые товары через торговую сеть и потребительскую кооперацию легально.

Регистрация недвижимости

Становление налоговой системы потребовало наладить учет недвижимости. Туровский волостной исполком летом 1923 г. обязал всех домовладельцев зарегистрировать свои дома, представив купчую и другие документы, подтверждающие право собственности. Незарегистрированные дома объявлялись бесхозными и переходили в ведение местных органов власти. Плата при регистрации была дифференцированной. За деревянный дом на одного хозяина требовалось внести пуд ржи, на два и более – два пуда, за каменный дом на одного хозяина – два пуда, за каменный дом на двух хозяев и более – три пуда. За дома, где имелись лавки, мастерские, чайные, постоялые дворы и другие, – четыре пуда ржи.[11]

Следующим шагом местной власти стало составление списка туровских владельцев и арендаторов мелких производств и торговых лавок в июне 1924 г.[12] Еще через два месяца финансовый отдел Мозырского уездного исполкома выслал новое распоряжение с пометкой «весьма спешно». Документ касался обложения земельной рентой частных владений. С этой целью предлагалось разбить местечко на четыре района: торговый, торгово-жилой, жилой и редконаселенная окраина. К торговому району отнесли центральную часть местечка, указывая фамилию и имя владельцев домов (каменных, деревянных, одноэтажных и двухэтажных). Рентная ставка возрастала пропорционально: если участок под дом на окраине считали за одну условную единицу, то в торговой части – как четыре единицы. Окружная оценочная комиссия, не располагая необходимыми сведениями, возложила эту работу на местные исполкомы Советов под личную ответственность председателей. При этом следовало подробно указать все улицы и площади. В случае неподачи своевременных сведений оценочная комиссия грозила провести

[11] Распоряжение зав. коммунальным отделом Мозырского уездного исполкома Шклярмана от 7 июля 1923 г., Там же, д. 238, л. 16.

[12] Список владельцев торговых лавок в Турове на 25 июня 1924 г., Там же, д. 266, лл. 41-70.

разбивку местечка на районы самостоятельно, а неизбежные при этом просчеты списать на волисполкомы.[13]

Однако это показалось недостаточным. Для новых советских учреждений срочно требовалась площадь, которую в местечке можно было найти, только потеснив законных хозяев. Коммунальный отдел в Мозыре разъяснял Туровскому волисполкому, что в случае необходимости он имеет право занять для своих нужд 30% жилой или нежилой площади частных владельцев. При этом собственникам выплачивали за отторгнутую площадь сущие гроши: полкопейки золотом за один квадратный аршин с членов профсоюза или учреждения, а для воинской части – бесплатно.[14] Дальнейшие шаги не заставили себя ждать. Волостной исполком приступил к выдаче ордеров на принудительное подселение, что показано в табл. 3.

Участники гражданской войны, которым поручили наладить в Турове мирную жизнь, настолько уверовали в неотразимость метода «бури и натиска», что пытались аналогичным образом навести порядок на улицах местечка, утопавшего в грязи. В феврале 1921 г. приказ № 2 военного коменданта Турова гласил: «Всем домохозяевам, владельцам гостиных домов и съемных квартир в трехдневный срок с момента опубликования приказа провести очистку домов, дворов, тротуаров и улиц от мусора и снежных заносов, которые свезти за город и свалить в кучи. Виновные в неисполнении приказа к указанному сроку будут подвергнуты штрафу на первый раз от 3 тыс. до 5 тыс. руб., второй раз от 5 тыс. до 10 тыс., третий от 10 тыс. – 15 тыс. руб.».[15] Однако туровцы не спешили его выполнять, и в мае 1921 г., когда с наступлением весны санитарное положение ухудшилось, комендант повторил приказ. Всем домовладельцам Турова, которые не выходили ежедневно к семи утра чистить улицы и мостовые перед своими домами, пригрозили арестом на 10 суток.[16]

Методы внеэкономического принуждения широко использовались для внеочередных поборов. В феврале 1921 г. *кожзаводчикам* (хозяевам кожевенных кустарных мастерских) Турова поступило из Мозыря распоряжение в трехдневный срок предоставить дополнительную готовую продукцию из расчета: за одну пару сапог – по 2,5 пары ботинок для детей 8–15 лет. В случае отказа следовала угроза взыскать с помощью милиции недоимки в двойном размере. Срочность объяснялась получением заказа на изготовление обуви для детей, прибывающих из голодающих губерний России. Для исполнения Туровскому волисполкому рекомендовалось «принять все необходимые меры».[17]

---

[13] Указание Мозырского финотдела Туровскому волисполкому об обложении земельной рентой частных владений в местечке Туров от 13 сентября 1924 г., Там же, ф. 126, оп. 1, д. 266, л. 33.

[14] Там же, д. 238, л. 5.

[15] Приказ военного коменданта Турова от 10 февраля 1921 г., Там же, ф. 293, оп. 1, д. 83, л. 4.

[16] Приказ военного коменданта Турова от 12 мая 1921 г., Там же, л. 44.

[17] Распоряжение Мозырского уездного исполкома Туровскому волостному Совету от 11 февраля 1922 г., Там же, д. 61, лл. 7, 7-об.

Таблица 3

Список помещений в Турове, реквизированных для советских учреждений в 1924 г.[18]

Фамилия и имя владельца	Помещение	Адрес	Кто занял
Брегман	часть дома	Красная площадь	канцелярия погранпоста
Брегман Носко	большая комната с отдельным входом	Красная площадь	Туровский районный сельсовет
Гендельман	одна комната	Красная площадь	красноармейцы
Гизунтерман	одна комната	не указан	комендантский участок № 2
Гительман Мовша	две комнаты и большой зал	не указан	уполномоченный 16-го погранотряда ОГПУ В. Калиновский с семьей
Глинер Фейга	сарай	Красная площадь	пост таможни
Гозман	одна комната	ул. Комсомольская	райисполком
Лельчук Итка	одна комната	Красная площадь	комендант участка № 2 16-го погранотряда
Лифшиц Файвель	большая комната	не указан	райсельсовет Турова
Марголин Гирш	две комнаты	ул. Луначарского	участок № 2 16-го погранотряда
Марголин Моисей	одна комната	Красная площадь	управление коменданта участка № 2 16-го погранотряда
Жолквер	амбар	не указан	сельхозкооперация Турова
Райхман Ривка	две комнаты с отдельным входом	ул. Озеранская	канцелярия второго сельсовета Турова
Чечик Самуил	четыре комнаты	не указан	правление волисполкома
Чечик Шмуйло	одна комната	Красная площадь	техник Соскевич
Шнайдман Мовша	комната с отдельным входом	не указан	воинский склад и караул
Этингер	каменная лавка	ул. Ленина	волостной исполком
не указан	лавка № 18	ул. Ленина	2-я рота 16-го погранотряда

[18] Составлено по: ЗГА в Мозыре, ф. 126, оп. 1, д. 266, лл. 54-67.

Такой подход использовали и для ремонта грунтовых и проселочных дорог, мостиков, плотин и гатей. В августе 1923 г. Мозырский уездный исполком издал специальное постановление. В нем сообщалось, что, поскольку за семь лет все дороги и другие дорожные объекты пришли в крайне неудовлетворительное состояние и возможности восстанавливать их за государственный счет нет, волостные и сельские исполкомы Советов, начальники местных отделений милиции обязаны незамедлительно обеспечить их починку собственными силами.[19] Все граждане сельсовета, проживающие в округе, должны были принять участие в ремонте, после окончания работ следить за состоянием и немедленно исправлять повреждения в случае необходимости. Неисполнение постановления наказывалось крупным штрафом или привлечением к принудительным работам на срок до трех месяцев.[20]

В целях восстановления рыбного хозяйства, являвшегося крупной отраслью хозяйства Мозырского Полесья, было решено ввести особые правила разведения рыб, ловли и торговли. Запрещался лов рыбы с 15 апреля по 10 июня любыми орудиями и приспособлениями, за исключением удочки (для судака и линя по 15 июня), а запрет на лов осетра, лосося, стерляди и форели вообще не имел ограничения. Нельзя было добывать икру, продавать, покупать и принимать к перевозке свежую рыбу с 15 апреля по 10 июня (для судака и линя по 15 июня). Существовал запрет на промысел при помощи одурманивающих, ядовитых и взрывчатых веществ, любых других приспособлений, ранящих и убивающих рыбу, использование неводов и сетей, длина которых превышает половину протяженности водоема. Возводить плотины, дамбы или дороги у водяных мельниц из любых материалов можно было только из дерева, фашин[21], земли и камней. Категорически воспрещалось вымачивание льна и конопли в реках, озерах, прудах и затонах, а также загрязнение их химическими продуктами и отбросами. В заповедниках и искусственных прудовых хозяйствах всякая ловля рыбы, за исключением ужения, находилась под запретом, как и проезд по этой территории с рыболовецкими снастями.[22] Последствия такой политики в области охраны рек и водоемов позволили в сжатые сроки восстановить в Мозырском крае потенциал рыбного промысла.

---

[19] Исключение делалось только для мостов, длина которых превышала 5 саженей (10,7 м).

[20] Постановление Мозырского уездного исполкома от 27 августа 1923 г., ЗГА в Мозыре, ф. 216, оп. 1, д. 238, л. 31.

[21] *Фашина* - пучок хвороста, камыша, перевязанный прутьями или скрученный проволокой (применяется для укрепления насыпей, плотин, дорог и т. п.).

[22] «О порядке разведения, ловли и торговли рыбой». Обязательное постановление Мозырского окружкома, от 1 марта 1926 г., Там же, л. 51.

Социальный и демографический состав населения

Население Турова традиционно делилось на еврейское и белорусское. Евреи жили в центре, а белорусы – на окраинах. Подобное разграничение сохранялось довольно долго. В 1923 г. в центральной части местечка проживали почти исключительно евреи – 2207 евреев и 46 белорусов из 6217 чел. общего населения Турова.[23] Кроме евреев и белорусов в Турове жили семь русских, 32 поляка, три украинца и один немец.[24]

Война, экономический кризис и советские ограничения развития частного хозяйства существенно повлияли на численность еврейского населения. Если в 1897 г. евреи в Турове составляли 52,3% всех его жителей, то к 1923 г. – 35%. Общая картина изменения количественного состава еврейского населения в Турове и Мозырском округе к началу 20-х годов представлена в табл. 4.

Таблица 4
Доля еврейского населения в Турове и Мозырском округе в 1897 и 1923 гг.[25]

Местность	1897 г.			1923 г.		
	все население, *чел.*	евреи		все население, *чел.*	евреи	
		чел.	%		*чел.*	%
Туров	4290	2252	52,3	6217	2207	35,5
Мозырский округ	25 518	16 128	63,2	39 777	18 680	47,0

Данные таблицы показывают, что уменьшение еврейского населения в Турове в целом соответствовало общей тенденции по Мозырскому округу, еврейское население которого с 1897 по 1923 г. сократилось с 63,2% до 47%. Количество членов семьи у евреев и белорусов было примерно одинаковым. В 1926 г. в Турове проживало всего 989 семей: 435 еврейских и 553 белорусских. Если у евреев на одну семью приходилось в среднем 5,2 чел., то у белорусов – 5,6 чел. Это косвенно подтверждало почти идентичный уровень жизни и материального благосостояния евреев и белорусов в Турове.[26]

---

23 *Отчет-справочник Мозырского окружного исполнительного комитета БССР*, Минск 1925 г., с. 12.

24 *Статистический ежегодник, 1923-1924 гг.*, Минск 1925 г., с. 8.

25 Составлено по: *Еврейское население СССР. Движение за время с 1897 по 1923 г. и распределение по республикам и поселениям*. Под ред. З.Л. Миндлина, Москва 1927 г., с. 34-35.

26 *Асноўныя вынікі работы Ураду БССР да перавыбараў Саветаў 1928-1929 гг.*, Мінск 1930 г., с. 26.

К концу 20-х годов на структуре населения еврейского местечка отразились кооперирование, развитие крупной промышленности, землеустройство и переселенческая политика, которые нарушили его замкнутость. Этот процесс был усилен в связи с курсом на свертывание НЭПа. Традиционный образ жизни потерял привлекательность, большие города и стройки сулили новые перспективы, и людей в местечке становилось все меньше. Большинство тех, покидал родные места, составляли евреи (см. табл. 5).

Таблица 5
Население местечек Мозырского и Гомельского округов в 1926–1931 гг.[27]

Местечко	Год	Всего, *чел.*	В том числе						
			белорусы	русские	евреи		поляки	украинцы	другие
					чел.	*%*			
Корма	1926	1747	461	30	1248	71,4	7	1	–
	1931	922	223	7	690	74,8	0	1	1
Наровля	1926	2513	991	49	1357	54	59	30	27
	1931	1708	818	9	813	47,6	31	31	6
Подобрянка	1926	1218	40	49	1127	92,5	–	1	1
	1931	915	81	1	832	91		1	–
Туров	1926	5393	3121	71	2171	42,3	6	17	7
	1931	5060	3238	13	1788	35,3	3	18	–

Несмотря на то, что евреи еще прочно удерживали второе место после белорусов среди населения местечек Полесья, их доля неизменно таяла. Если в 1926 г. в Турове евреи насчитывали 2171 чел., или 42,3%, то к 1931 г. – 1788 чел., или 35,3%. Бурные события политической жизни, изменение в общественном статусе евреев и экономическом укладе стимулировали это явление. То же самое переживали другие местечки Мозырского и Гомельского округов. В 1928–1931 гг. из 217 чел., покинувших Туров, было 81,3% евреев, Наровлю – 82,5%, Корму – 85,7%, Подобрянку – 100%.[28] Мигранты направлялись главным образом в промышленные центры Российской Федерации, такие, как Ленинград, Москва, Харьков, Киев и города БССР. Отъезд из местечка требовал

[27] Табл. 5 сост. по: Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 701, оп. 1, д. 101, л. 548.

[28] НАРБ, ф. 701, оп. 1, д. 101, лл. 543, 548.

перемены традиционного образа жизни, отказа от собственности, немалых усилий для устройства на новом месте. При этом евреи показали себя наиболее мобильным слоем населения, способным решиться на ломку стереотипов и перестроиться.

В социальном отношении еврейское население Турова можно разделить на четыре основные категории:

1. *Ремесленники-кустари* составляли наиболее многочисленную группу. По официальным данным, к ним принадлежали 156 из 435 еврейских семей Турова. Это были 42 сапожника, 34 портных, 16 плотников и столяров, 14 извозчиков, 13 кузнецов, девять кожзаводчиков, четыре лесника, по семь шапочников и заготовщиков, по два шорника, владелец волночесок, один парикмахер, жестянщик, маслобойщик и фотограф. Кустари были заняты, в основном, на сезонной работе и нанимали в помощь около 50 рабочих (главным образом, кузнецы). По материальному положению они не были однородны. Половина из них считались бедными и едва сводили концы с концами, зарабатывая от 20 до 25 руб. в месяц, 35% – средними (до 50 руб. в месяц) и только 15% имели доход выше среднего уровня – свыше 100 руб. в месяц.[29]

Заработок ремесленников зависел от покупательной способности крестьян и жителей местечка. Большинство предпочитало работать на заказ, а не на рынок; это порождало безработицу. В лучшем положении оказались кузнецы, квалифицированные сапожники и кожевенники, в наиболее трудном – портные и стекольщики. Они были вынуждены искать заработок в окрестных деревнях, получая вознаграждение чаще всего продуктами, а не деньгами. Небольшое количество заказов не позволяло привлечь к работе членов семей.

Главную трудность представляли налоги, нехватка оборотных средств, отсутствие инструментов, изношенность инвентаря, нехватка сырья и исходных материалов. В 1925 г. у среднего кустаря уходило на покрытие насущных потребностей – содержание квартиры, покупку дров для отопления, уплату налогов, членских взносов и пр. – от 15 до 20 руб. При этом главными статьями расхода в месячном бюджете оставались патент (8 руб.) и подоходный налог (7,5 руб.). Положение усугублялось неразвитостью производственной кооперации: нелегко было найти сырье нужного качества и по приемлемой цене, выполнить работу в срок, наладить сбыт готовой продукции, обеспечить бесперебойный заказ на будущее и т. д. В такой ситуации преимущество было за ремесленниками, которые имели средства для оборота. Они старались снижать затраты производства и заготавливать сырье по более выгодной цене. Без оборотных средств не обходились даже профессионалы, которые не выдерживали конкуренции и покидали рынок. С другой стороны, ремесленники, использовавшие наемный труд, не могли позволить себе отказаться от непосредственного участия в производственном процессе.[30]

С объявлением НЭПа кустарными промыслами занялось избыточное сельское

---

[29] Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 499, оп. 1, д. 22, лл. 5-6.

[30] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 77.

население. Курс на отрыв крестьян-середняков от кулачества заставил власти отказаться от взгляда на ремесленника-одиночку как нетрудовой элемент. Кустари получили разрешение участвовать в деятельности советских и общественных учреждений, их агитировали вступать в партию, принимали в профсоюзы. Евсекция разделила кустарей на бедных, средних и зажиточных, сделав вывод: чем кустарь богаче, тем он дальше от советской власти.

2. *Торговцы* как социальная группа занимали после кустарей второе место в Турове. Они делились на лавочников и коробейников. Лавочники (33 семьи) держали преимущественно патенты второго и третьего разрядов и владели 26 лавками. Среди них 25% считались бедными, 40% – средними, а 35% – зажиточными. Коробейники (60 семей) занимались мелочной торговлей и посредническими операциями. По уровню материального достатка они, в свою очередь, делились на бедных – 60%, средних – 30% и зажиточных – 10%.[31]

Становление нового экономического уклада проходило через торговлю, которая играла роль общего знаменателя в отношениях между производителем и потребителем. Стабильный товарообмен служил гарантией хозяйственного развития, открывал перспективу роста. Когда налоговое законодательство становилось более придирчивым, покупательская способность населения снижалась, и доходы торговцев падали. В 1923–1925 гг. многие местечковые жители переориентировались на неофициальную торговлю и посредничество. Либерализация экономической и социальной политики 1925 г. улучшила экономическое положение деревни и подняла доходы от торговли. Летом 1926 г. доля евреев в торговле Туровского района составила не менее 50%.[32]

Считалось, что торговцы и лавочники были состоятельнее остальных категорий местечка. Вместе с тем торговый ассортимент лавок, при всей своей «широте» и отсутствии четкой специализации, был ограничен.[33] В Турове владелец подобного «предприятия» имел большие накладные расходы. За полгода он платил: 10 руб. – за патент, 12,5 руб. – подоходный налог, 3 руб. – уравнительный налог,[34] 1,5 руб. – штраф за непредставление в срок оборотного листа фининспектору, 6 руб. – отделу коммунального хозяйства местного Совета за торговую будку, 60 коп. – за охрану,

---

[31] Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 3952, оп. 1-а, д. 16, л. 76.

[32] Там же, л. 78.

[33] Большинство торговцев имели минимальные запасы; в типичной лавке предлагали: три стекла для лампы, два глиняных горшка, восемь гребешков, одну жестяную терку, полфунта краски, шесть жестяных кувшинов, 12 листов папиросной бумаги, одну тарелку, шесть дюжин пуговиц, шесть фунтов хозяйственного мыла, одно зеркало, две нитки стеклянных бус, четыре воронки и т. д.

[34] Уравнительный налог предполагал дополнительные отчисления, которые налагались на наиболее «крепких» хозяев, для того чтобы уравнять экономические возможности ремесленников, предотвратить разорение большинства из них, не дать монополизировать рынок товаров и услуг на местном уровне.

а всего 32 руб. 10 коп.[35] Частники должны были устоять в конкурентной борьбе с государственной и кооперативной торговлей. Они выдерживали соперничество за счет гибких форм ведения дела и качества обслуживания клиентов, получения товара в кредит, использования многолетних связей с потребителями. Нередко крестьяне шли к мелкому торговцу в трудное для него время, чтобы спасти его от разорения. Однако постепенно частная торговля теряла позиции и уступала первенство кооперативной и государственной.

3. *Рабочие и служащие* составляли третью категорию еврейского населения в местечке (86 семей). Евреи пошли в строители и чернорабочие, совершенно новые для себя и еврейского населения в целом занятия. Между тем именно они были востребованы в те годы, поскольку местечко перестраивалось и благоустраивалось. Еврейские рабочие оставались одиночками, страдали от текучести и нестабильной ситуации на рынке труда, вызванной сезонным характером их работы. Особенно это касалось строителей и тех, кто был занят на переработке фруктов. Многие рабочие держали огороды и домашних животных, что служило существенным подспорьем к небольшой зарплате, говорило о неразвитости рынка и слабости местной экономики.

Для укрепления рабочих коллективов власти привлекали местечковые профсоюзы, которые имели иную социальную структуру, чем в городе. Поскольку наемные работники явно уступали кустарям, торговцам и другим группам населения, было принято решение образовать единый центр *Рабземлес*.[36] Туда наряду со служащими включили строителей, чернорабочих, сезонников, учеников кустарей и других малооплачиваемых работников. В Турове в 1926 г. профессиональные межотраслевые союзы объединили 175 евреев, включая 50 членов союза строителей, 34 члена союза советских служащих, 23 члена союза народного образования, три члена Медсантруда и 65 чел. из Рабземлеса.[37] Однако большинство членов местных союзов не пользовались необходимым авторитетом, а служащие фактически являлись отдельной социальной группой, связанной с ними лишь формально.

В материальном отношении рабочие и служащие были обеспечены лучше большинства ремесленников, занятых индивидуальной трудовой деятельностью. Средний месячный заработок последних в Турове составлял 35 руб., однако рабочий день был нормирован восемью часами, тогда как кустари трудились весь световой день. Рабочие и служащие не платили за патент и увеличенный подоходный налог, не тратили деньги на инструменты и сырье, не искали заказчиков, не заботились о сбыте готовой продукции и т. д.[38]

4. *Лица неопределенных профессий и получавшие материальную помощь из США* составляли около 100 семей, которые имели одного кормильца или где глава

---

[35] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 78.

[36] *Рабземлес* - профессиональный союз работников земли и леса СССР.

[37] НАРБ, ф. 6, оп. 1, д. 2564, лл. 148-149.

[38] ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 22, л. 5.

семьи был инвалидом и не мог полноценно трудиться, вдовы и нищие. Большинство из них находились на иждивении детей и близких, присылавших пожертвования из Америки.[39] Этих денег не хватало, и приходилось промышлять нелегальной торговлей. В Турове насчитывалось немногим более 20 безработных, в основном малоквалифицированные рабочие. Им выдавали пособие страховой кассы из расчета 4 руб. в месяц. Найти работу было трудно, и большинство искали ее за пределами местечка.[40]

Особую категорию составляли *лишенцы*. Согласно Конституции 1918 г., избирательных прав лишили людей, которые использовали наемный труд для извлечения прибыли, живших на нетрудовые доходы (процент с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества), торговцев и посредников. К лишенцам причислили служителей религиозных культов, бывших чиновников и членов их семей.[41] В 1924 г. в Турове правом голоса обладали 964 еврея, а у 258 чел. (26,8%) такого права не было. Выборы 1925 г. в местечке признали действительными, несмотря на то, что в голосовании участвовало менее половины всех избирателей.[42] Лишенцев и членов их семей отстраняли от политической жизни, не принимали на государственную службу. Они не могли рассчитывать на ссуды и кредиты, а их детям был закрыт доступ в средние специальные и высшие учебные заведения, на военную службу, в милицию и т. д.

Пытаясь уберечься от этой напасти, евреи запасались справками, где указывалось, что они живут на трудовые доходы и не имеют отношения к эксплуатации наемного труда. В мае–декабре 1925 г. Самуил Чечик просил первый (еврейский) сельсовет Турова выдать его дочери Соне, студентке медицинского факультета в Минске, справку о том, что она не пользуется родительской поддержкой ввиду бедности и инвалидности отца; Эбер Головей – о том, что его сын Вульф занят учебой и не помогает отцу в торговле; Сара Тепленькая – что ее отец является членом Союза совторгслужащих, а Эстер Файнберг – что она вдова, не владеет никаким имуществом, живет за счет того, что получает от своих детей причитающуюся ей долю за мельницу в селе Погост и «с пониманием относится к беднякам местечка».[43]

Количество лишенцев среди еврейского населения БССР оказалось гораздо больше, чем среди неевреев. Это объяснялось процентным соотношением евреев среди предпринимателей, торговцев и посредников, кустарей, лиц, живущих на «нетрудовые доходы», духовенства и лиц, находившихся под их опекой, «люмпе-

---

[39] ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 16, лл. 76-78.

[40] Обзор состояния Житковичского, Туровского районов, подконтрольных 18-му погранотряду войск ОГПУ Западного края с 1 января по 1 марта 1925 г. Там же, ф. 69, оп. 2, д. 27, л. 180.

[41] *История советской Конституции.* Сборник документов, 1917-1957 гг., Москва 1957 г., с. 85.

[42] Отчет о еврейской работе в Турове по состоянию на 23 января 1926 г., ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 22, лл. 5-6.

[43] ЗГА в Мозыре, ф. 124, оп. 1, д. 19, лл. 25, 26, 139, 149.

нов» и др. Занятость евреев, лишенных избирательных прав в Турове во второй половине 1920-х гг., представлена в табл. 6.

Таблица 6
Евреи-лишенцы Турова в 1927–1928 гг.[44]

Социальная группа	Численность	
	чел.	*%*
Единоличники	60	18,2
Лавочники и торговцы	224	67,9
Предприниматели	31	9,4
Служители культа	15	4,5
Итого	**330**	**100**

Приведенные данные показывают, что большинство туровских евреев, лишенных советской властью избирательных прав, принадлежали к занятым в торговле – 224 чел. (67,9%): это были лавочники, торговцы и коробейники. За ними следовали предприниматели, имевшие собственное дело (владельцы ветряных мельниц, лесопромышленники, хозяева гостиных домов), – 31 чел. (9,4%), далее – единоличники, отказавшиеся от кооперации и занятые индивидуальной трудовой деятельностью (арендаторы садов, конюхи, пекари и мясники), – 60 (18,2%), и на последнем, четвертом, месте находились служители культа (раввины и резники) – 15 (4,5%). Лишенцы в Турове составляли более четверти всех еврейских жителей местечка, что намного превышало средний показатель по республике (около 20%). Центральное бюро евсекции при Агипропе ЦК ВКП(б) сделало вывод, что лишенцы в Белоруссии являются серьезным препятствием к проведению советских мероприятий, заслуживают пристального внимания и бескомпромиссной борьбы.[45]

Евреи, унаследовавшие с дореволюционного времени повышенную чувствительность к любому исходившему от государства неравенству, болезненно реагировали на сам факт поражения в правах. С 1918 по 1924 г. это неравенство в основном оставалось символическим и не имело ощутимых последствий. Однако во второй половине 20-х годов ситуация резко ухудшилась. Лишенцы потеряли право на «заборную книжку» для получения продуктов питания после введения в 1928 г. карточной системы. Им отказывали в бесплатной медицинской помощи и социальном страховании,

[44] Составлено по: НАРБ, ф. 6, оп. 1, д. 2564, лл. 147-148.
[45] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 83.

а детей исключали из школы. Вплоть до пересмотра положения о лишенцах в 1930 г. эта категория граждан была настроена к советской власти негативно.

Кооперация

Экономические трудности обостряли межнациональные противоречия в местечке. Выходом могла стать кооперация, однако власти видели в ней прежде всего средство для ослабления частника, и только потом – объединения, отвечавшего интересам производства.

В Турове существовали швейные и пищевые, кожевенные, обувные и деревообрабатывающие товарищества, артели металлистов, транспортников, по сбору утиля и многопрофильные объединения. Последние включали кустарей, которых было недостаточно, чтобы создать собственную артель, или оставшихся членов распавшихся артелей (обычно это были парикмахер, фотограф, часовщик, шорник, бондарь, стекольщик, печник и некоторые другие). Члены кооператива вносили вступительный взнос в виде денежного пая, недвижимости или орудий труда. В 1925 г. в Мозырском округе в десяти местечках насчитывалось 16 кооперативов, которые были представлены почти исключительно евреями – 852 из 873. В Турове 105 кустарей объединялись в два товарищества.[46] Советская статистика кооперативов неточна и требует тщательной проверки. Нередко группы ремесленников, связанные родственными узами или дружескими отношениями, изъявляли желание открыть артель. Они выбирали председателя, утверждали Устав, но на деле все оставалось по-старому: кредит или скидку на приобретение сырья они делили между собой – и продолжали вести индивидуальную трудовую деятельность.

В зависимости от основных экономических функций кооперативы делились на три основных вида: кредитные, производственные и потребительские. Наиболее распространенной была кредитная кооперация, предполагавшая объединение капиталов для выдачи ссуд на определенный срок под низкий процент. В Белоруссии к ним относились ссудосберегательные кассы и товарищества, общества кустарей и взаимопомощи.

В Турове ссудосберегательная касса объединяла 179 пайщиков. В течение 1926 г. она выдала своим членам ссуды на сумму 14 тыс. 755 руб. Средняя ссуда не превышала 40–45 руб., а получателями являлись в основном малоимущие члены. Кассе был открыт кредит в отделении Госбанка на 3 тыс. руб. Пайщики могли отовариваться в лавке кустарно-промышленной кооперации, где цены были снижены на 3%, ее годовой оборот достиг 5 тыс. 160 руб.[47]

Несмотря на это, большинство портных, сапожников, кузнецов, гончаров,

---

[46] ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 256, л. 19.

[47] «О состоянии евработы по Туровскому району». Доклад Корпмана от 1 мая 1927 г., Там же, д. 689, л. 21.

шорников, стекольщиков, скорняков, извозчиков, плотников не могли найти работу. Официальная экономическая и социальная политика предусматривала исключение из кооперации лиц, использовавших в прошлом наемный труд. Как правило, это были наиболее квалифицированные и инициативные работники, изоляция которых подрывала финансовую основу кооперации. В 1927 г. в артелях Турова работало 112 евреев, в том числе: в сапожной (32 чел.), швейной (26 чел.), чулочной (21 чел.), овчинной (13 чел.), садоводов и огородников (12 чел.) и кузнечной (8 чел.). Более 60 ремесленников отказались от кооперации: 25 закройщиков, 14 швейников, пять жестянщиков, четыре парикмахера, три шорника, два шапочника, два красильщика, два лодочника, один чесальщик шерсти, один стекольщик, один колесник и один фотограф. Они привыкли рассчитывать только на себя, не хотели делиться секретами профессионального мастерства, передававшимися по наследству, опасались конкуренции и утраты самостоятельности.[48]

Перемены в налоговой политике после 1925 г. сказались на местечковых товариществах. В их состав разрешили привлекать кустарей, использовавших наемный труд (не более трех работников). В Турове членами ссудосберегательной кассы стали не только ремесленники, но и служащие, земледельцы, лица неопределенных занятий, даже мелкие торговцы и почти 40% (!) кустарей. Товариществами руководили служащие и зажиточные кустари, а беднота играла представительскую роль.

Популярность кредитной кооперации определялась степенью заинтересованности населения. Чаще всего она имела отношение к доставке сырья. Зажиточный кустарь мог получить сравнительно большую партию непосредственно в Мозыре, что для бедных и средних кустарей оказывалось не по средствам. Если местная кредитно-потребительская кооперация не доставляла сырье в местечко, выгоднее было обратиться за кредитом к частному посреднику. Наладить сбыт готовой продукции мешала бедность, несмотря на то, что такие предложения часто поступали.

Внимание туровцев к кооперативным товариществам определялось экономическими и социальными выгодами. Расширение доступа кустарям, которые нанимали до трех работников, и мясникам, введение льгот на коммунальные услуги и предоставление членам общества возможности посещать учебные заведения сделали их более массовыми.

Во второй половине 20-х годов СНК БССР принял государственную программу оздоровления местечка. Она предусматривала подъем кустарных промыслов, развитие местной промышленности, образование новых артелей, помощь в землеустройстве, проведение мелиорации, переселение за пределы республики и другие мероприятия.[49]

Кооперирование кустарной промышленности стояло на повестке дня Мозырского окружного съезда Советов в марте–апреле 1927 г. и IX Всебелорусского съезда

[48] НАРБ, ф. 6, оп. 1, д. 2564, лл. 148-149.

[49] *Два гады нацiянальнай работы ў БССР*, Менск 1929 г., с. 154-159.

Советов в мае 1929 г.[50] Предусматривалось укрепить статус мелких производителей, расширить сеть артелей, создать новые рабочие места для молодежи и женщин, повысить квалификацию работников. Ремесленников привлекали в фабрично-заводскую промышленность, открывали садово-огороднические, птицеводческие товарищества и фермы по разведению скота, домашней птицы и кроликов. Часть артелей считалась интернациональными, хотя по-прежнему большинство их членов были евреи. В Турове в артели овчинников состояло 15 чел., в том числе 13 евреев и два белоруса, в артели сапожников – 37 чел. (32 еврея и пять белорусов), в артели швейников – 27 чел. (26 евреев и один белорус), в артели чулочников – 25 чел. (21 еврей и четыре белоруса).[51]

В начале 30-х годов артели страдали от нехватки заказов. Государство предпочитало теперь снабжать дефицитным сырьем фабрики, а в артели его почти не поставляло. В результате начался массовый переход кустарей на положение индивидуально работающих. Артели не выдерживали конкуренции предприятий, основанных на машинном производстве. Готовый костюм в магазине стоил столько же, сколько в артели платили только за работу. Тяжелым было положение кузнечных и слесарных кооперативов, которые оставались не у дел, так как все заказы выполняли мастерские МТС и колхозов. В такой ситуации кооперативы распадались или вынуждены были привлекать кустарей-неевреев. Существовал и другой путь выживания. Артели превращались в фиктивные предприятия для прикрытия заработков, связанных с посредническими или меновыми операциями. Сборщики утильсырья в Турове, имея заработок всего 50 руб., приторговывали нелегально на поездках в деревню. То же самое происходило и в других артелях. Когда кустари не получали сырья по каналам государственного снабжения, они закупали его по рыночным ценам. Время, проведенное в артели, в таком случае рассматривалось как второстепенное, а центр тяжести переносился на частные заказы на дому. Иногда это случалось даже и при полной загруженности артели. Артельщики были заинтересованы в том, чтобы индивидуальный заказ из материалов заказчика попал в артель, и выполняли его дома, чтобы не платить налоги.

Не все кустари-одиночки стремились попасть в артели, некоторые работали на материале заказчиков и не зависели от планового сырья. Одиночки не выплачивали промышленного налога и бюджетной наценки, как делали члены артелей. Кустарь-одиночка покупал сырье по коммерческим ценам на местном рынке, что не мог себе позволить артельщик. Поэтому многие кустари, даже будучи членами артелей, игнорировали их, строя работу на рыночных принципах. Однако главными соперниками кустарей были не артели, а городская фабрика – когда ее продукция достигала местечка, спрос на изделия кустарей падал, что заставляло их искать другое занятие.

В 1930 г. при Госплане республики была образована комиссия для определения

---

[50] *Девятый Всебелорусский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.* Стенографический отчет, Минск 1929 г., с. 387.

[51] НАРБ, ф. 6, оп. 1, д. 2564, л. 148.

основных тенденций хозяйственного развития местечек. С этой целью в марте–апреле 1931 г. работники ЦИК БССР совместно с еврейским сектором Академии наук объездили местечки Гомельского и Мозырского округов и классифицировали их. Пограничные местечки представлял Туров, сельского типа – Корма, фабричные – Наровля, а местечки с развитой кустарной промышленностью – Подобрянка.[52] В результате правительство республики поставило задачу окончательного включения местечек в общую хозяйственную структуру республики к концу второй пятилетки (1937 г.).

Лесное хозяйство

Туровские леса отличались качеством древесины и богатством животного мира. Они давали строительный материал, топливо, ягоды, грибы и лекарственные травы. В 1927 г. четыре лесничества, расположенные на территории сельсоветов в Турове, Озеранах, Тонеже и Глушково, имели 94 тыс. 664 десятины леса. В туровских лесах преобладали дубовые, хвойные, ольховые, лиственные деревья с оборотами рубки: дуб – 180 лет, сосна – 120 лет, ольха – 80 лет, лиственные породы – 60 лет. Главным потребителем древесины являлся Лесбел. Местным жителям продавали «мертвый» лес, который оставался в большом количестве после лесных пожаров. В годы революции и войны леса почти не пострадали, массовые порубки и распашки составили только 3% от общей площади лесничества. Вырубки покрывались подростом, но этому препятствовали самовольный выпас скота, распашки и лесные пожары. Сплавные и осушительные каналы десятки лет не очищались и требовали ремонта. Высокие цены на древесину позволяли поддерживать рентабельность лесоразработок, выплачивать зарплату лесникам и лесозаготовителям и субсидировать продажу леса местным жителям.[53]

В 30-е годы активно действовало Туровское лесное промышленное хозяйство (леспромхоз). На его Озеранском и Переровском участках велась разработка дуба, ясеня и ольхи, из которых готовили *клепку*,[54] фанерные *кражи* (крепления) и *пиловочник* (пиломатериалы). Большим спросом пользовались деревянные бочки и чаны – емкости для закваски и солений, которые вкапывали в землю, кадки объемом до ста литров в форме усеченной пирамиды, небольшого размера кадушки, ушаты – бочки с выдвинутыми двумя досками с отверстиями, в которые пропускали палку для переноски, шайки для стирки, мытья в бане, кормления и поения скота, ведра емкостью около 10 л, коромысла и другие предметы сельского быта. На эти цели прежде всего шли липа, бук, дуб, осина. Обручи делали из орешника, черемухи или можжевельника.

---

52 *Свод законов БССР*, 1932 г., № 16, ст. 64, 11 мая 1932 г.

53 ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 13, л. 175.

54 *Клёпка* - доски, предназначенные для бондарных изделий, изготовленные специальным способом.

Главное направление работы леспромхоза было связано с добычей сосновой *живицы* как сырья для производства канифоли и скипидара (терпентинного масла), необходимого при изготовлении каучука, олифы и лаков. До 1917 г. большую часть скипидара из Полесья экспортировали в Германию, Польшу и Чехию. Сосновые леса вокруг Турова как нельзя лучше были пригодны для сбора живицы, несмотря на то, что это был тяжелый ручной труд. Оставалось еще смолокурение и углежжение, но их все больше вытесняла *подсочка* – получение живицы путем нанесения на ствол хвойного дерева надрезов. Добыча живицы носила сезонный характер – с конца мая по сентябрь. Существовал запрет вырубки леса, не прошедшего подсочки. Востребована была и другая лесохимическая продукция – уголь, смола и дёготь берестовый.

Новое дыхание получило собирательство. Скудость продовольственного рынка сделала грибы и ягоды выгодным товаром. В мае 1924 г. заведующий окружного отделения Госторгбела[55] Шмулевич призвал жителей местечек Мозырского Полесья сдавать растительное и животное сырье государству на выгодных условиях. В обращении говорилось, что советское правительство стремится защитить интересы потребителей от частных перекупщиков, которые «завлекают в свои сети, одурачивают и наживаются». Продавать предлагалось только Госторгу, чтобы иметь двойную выгоду – «приобретете товар дешевле, лучшего качества и окажете содействие развитию своей деятельности в пользу вашу, рабочих и государства». В обмен предлагались приспособления к мельничным камням, инструменты, краски, лаки, топоры, подошвенная кожа, бакалейные товары (чай, сахар, кофе, мука, крупа, перец, пряности и т. п.), мыло и другие товары повышенного спроса.[56]

Госторгбел вел заготовку растительного сырья через кооперацию собственными силами и привлекая *прасолов*.[57] Действовали заготовительные пункты с выездом агентов по округу, на ярмарки, где закупку делали непосредственно у производителей. При этом важно было опередить конкурентов. Низовая кооперация под давлением Окрсельсоюза[58] вынуждена была сдавать свои заготовки Кожсиндикату[59] в соответствии с заключенными договорами с Белкоопсоюзом[60] и Белсельсоюзом.[61] Отделения Госторгбела полностью охватывали Мозырский округ, за исключением Калинковичского, Озаричского, Копаткевичского районов, откуда часть сырья поступала еще в Гомель. За пять месяцев, с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1926 г., заготовки были выполнены на 68,5%.

---

[55] *Госторгбел* - государственная импортно-экспортная торговля БССР.

[56] Объявление Мозырского госторга БССР от 3 мая 1924 г., ЗГА в Мозыре, ф. 126, оп. 1, д. 85, л. 20.

[57] *Прасол* - оптовый скупщик рыбы, мяса, скота и другого сельскохозяйственного сырья.

[58] *Окрсельсоюз* - окружной союз потребительских обществ.

[59] *Кожсиндикат* - объединение предприятий Белорусского государственного кожевенного треста.

[60] *Белкоопсоюз* - Белорусский кооперативный союз потребительских обществ.

[61] *Белсельсоюз* - Центральный Белорусский союз сельскохозяйственных товариществ.

Таблица 7
Растительное сырье, заготовленное Мозырским отделением Госторгбела с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1926 г.[62]

Вид	**Количество,** *кг*	**Сумма,** *руб.*
Бобровая струя[63]	0,390	105
Воск	595	1291
Грибы маринованные	50525	23606
Грибы сушеные	65412	98183
Конский волос	3124	3152
Кудель	1059	220
Семя льняное	22220	2463
Черника	1169	1359
Щетина	19064	89054

Таблица 8
Животное сырье, заготовленное Мозырским отделением Госторгбела с 1 октября 1925 г. по 1 апреля 1926 г.

Вид	**Количество,** *шт.*	**Сумма,** *руб.*
Барсуки	42	60
Белки	15500	6816
Волки	24	177
Выдры	8	238
Зайцы	9106	5364
Куницы	111	2203
Лисицы	1868	2309
Норки	27	156
Хорьки	3776	10211

[62] Табл. 6 и 7 составлены по: ЗГА в Мозыре, ф. 216, оп. 1, д. 238, л. 89.

[63] *Бобровая струя* (кастореум) - сырье животного происхождения; маслянистое блестящее вещество, которым зверек смазывает свою шерстку, чтобы защитить ее от внешних раздражителей; в четыре раза дороже бобровой шкурки; применяли при лечении нервных и сердечно-сосудистых болезней, мигрени, заживлении ран, параличах.

В дополнение к животному и растительному сырью широко проводились закупки лекарственных растений. Население в неограниченном количестве призывали сдавать ликоподий[64] (июль–август) и липовый цвет (июнь), испанскую мушку (май–июнь), корень одуванчика очищенный светлый (сентябрь), полынь без стеблей (июль–август, сентябрь), сосновые почки (май), тмин (июль), ягоды бузины черные (июль) и даже муравьиные яйца. Все перечисленные предметы сбора должны были быть свежего урожая, хорошего качества и высушенные. Их принимали на складе отделения Госторга в Мозыре на площади Свободы, рядом с мясными лавками.[65]

В Полесской области заготавливали самое большое количество грибов в республике. В Турове и других местечках Мозырского Полесья открылись грибоварочные пункты, на которые жители несли свою «добычу». На втором месте по сбору после грибов стояли ягоды: черника, голубика, брусника, клюква. Способ переработки оставался традиционным: варка, соление, квашение. Белкоопсоюз обеспечивал местную промышленность сырьем для переработки, а предприятия общественного питания, в свою очередь, расширяли свой ассортимент.

Туровский леспромхоз готовил для себя кадры специалистов в школе фабрично-заводского обучения, при которой существовало отделение лесорубов и возчиков. В 1933–1935 гг. он построил общежитие для лесорубов, баню и прачечную, расширил кладовые и сушилки. Лесокомбинат в Турове располагал собственной пожарной службой, которую возглавлял Мотель Каплан.[66] Недостатки и просчеты списывали на вредителей. Осенью 1936 г. начальник Мозырского окружного отделения НКВД Шалевич и оперуполномоченный Вельяонц докладывали о бесхозяйственности в Туровском леспромхозе. В лесу оставалось много брошенной древесины, в том числе и ценных пород. Значительные участки были заняты сухостоем, валежником, неубранными колодами и бревнами, что создавало опасность пожаров. Лесничество, не обладавшее правом распоряжаться отходами производства, возражало против «самозаготовок» населения из этих остатков, которые под открытым небом гнили.

Сотрудники НКВД объявили виновными «в сознательном нанесении ущерба государству» начальника лесозаготовительного участка Рошаля, старшего десятника по разработке экспортного лесоматериала Красильщикова и ответственного за разработку дров и ольховых колод Чижика. В попустительстве им обвинили директора Туровского леспромхоза Буценкова и его заместителя Гительмана.[67]

В предвоенные годы потребность в строительном лесе резко возросла. В 1940 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О введении платной трудовой

---

64 *Ликоподий* - растение, используемое в медицине (для обсыпки пилюль).

65 Объявление о закупках лекарственных растений в Мозырском округе, 1924 г., Там же, ф. 156, оп. 1, д. 21, л. 97-об.

66 Сводка о производственном обучении в Турове в 1933-1936 гг., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 154, лл. 49-50.

67 Докладная записка секретарю Мозырского ОК КП(б)Б Ананьеву от 26 октября 1936 г., Там же, ф. 69, оп. 3, д. 16, лл. 192-194.

и гужевой повинности на лесозаготовках», в котором ставилась задача ускорить организацию работ.[68] Продукция леспромхоза поступала на Мозырский деревообрабатывающий комбинат, Пинскую фанерную фабрику и предприятие Ново-Белицы.

На 1941 г. в районе Турова планировалось добыть 136 тонн сосновой смолы-живицы, провести изыскательские работы по прокладке узкоколейной железной дороги, строительству поселков лесорубов, чтобы обеспечить механизированную эксплуатацию лесных ресурсов в глубинных, ранее непроходимых участках. В этой работе участвовали сотни людей, а планы заготовки древесины исчислялись десятками тысяч кубических метров.[69] Эта работа была прервана войной с Германией.

Наступление на «частника»

Советская власть опасалась экономической и политической конкуренции частного капитала. Однако прямой конфронтации допустить было нельзя, поскольку торговля представляла собой традиционное занятие евреев и давала средства к существованию большей части населения местечка.

До революции в Турове насчитывалось 37 магазинов и лавок с годовым оборотом 225 тыс. руб., из которых к 1924 г. возобновили работу всего десять частных торговых предприятий. Дополнительно к ним в октябре 1925 г. открылось пять бакалейных лавок и одна чайная (закусочная), а всего – 26 торговых «точек» и три чайные. Цены на хлеб зависели от того, где делали помол и выпечку. На мельнице Арона Гобермана за пуд муки просили от 1,5 до 1,75 руб., а на мельнице Туровского райисполкома – 1,10 руб., но хлеб там продавали редко и только беднякам, крестьянам и служащим.[70]

Официально частная деятельность регламентировалась в БССР по пяти разрядам на основании уровня денежного оборота предпринимателя и товаров, которые предлагались на продажу. К наиболее низкому *первому* разряду относили торговцев с лотков и вразнос. Они могли продавать на рынке или других местах с рук; ко *второму* – торговавшие сами или при помощи одного из членов семьи со столов и подвод (телег); к *третьему* – державшие лавки или магазины, к *четвертому* и *пятому* разрядам – полуоптовая и оптовая торговля, составлявшие абсолютное меньшинство. Подобное деление по разрядам существовало для кустарей и частных предпринимателей.[71]

---

[68] «О состоянии массово-политической работы на лесозаготовках в Туровском районе». Постановление бюро Полесского ОК КП(б)Б от 29 января 1941 г., Там же, ф. 702, оп. 1, д. 153, лл. 18-20.

[69] ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 1, д. 25, л. 279.

[70] Информационная двухнедельная сводка Управления 18-го пограничного отряда войск ОГПУ Западного края от 28 ноября 1925 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 2, д. 27, лл. 605, 668.

[71] А. Зельцер, *Евреи советской провинции: Витебск и местечки, 1917-1941 гг.*, Москва 2006 г., с. 83.

Количество торговцев из-за государственного давления постоянно уменьшалось. Это отражалось на положении связанного с ними населения – в местечках заметно обеднел ассортимент товаров, продажа которых осталась доступной лишь состоятельным жителям. Многие мелкие торговцы и кустари утратили частный кредит, часть из них предпочла более дешевый мелкий промысел. Другие остались без работы или занялись неофициальной торговлей. К 1927 г. оборот частной торговли в Турове составлял 504 тыс. 350 руб., количество торговавших уменьшилось, а 11 лавочников из 63 объединились в *спулку*.[72] Они отпускали продукцию в кредит, снабжали товарами мелких торговцев, следили, чтобы цены оставались ниже кооперативных. Некоторые из «купцов» (Марголин и Брегман) покупали лесоматериалы, которые хранили в сельскохозяйственном товариществе. Готовую продукцию они держали на заводском складе, что позволяло избегать налогообложения. Абрам Ратнер и Залман Красильщиков скупали и перепродавали скот в таких размерах, что почти монополизировали его заготовку в масштабах района. Однако при уплате налога они занижали размеры сделок, чтобы увеличить прибыль.[73]

В конце 20-х годов наступление на частника началось повсеместно. Конкуренцию устраняли путем усиления налогового пресса, штрафов, административного давления и запугивания, а не за счет расширения ассортимента товаров и услуг, повышения качества обслуживания, снижения цен. К 1928 г. в Турове из 351 хозяина, лишенного права голоса, бывших торговцев 1-го и 2-го разрядов было 79 чел., 3-го разряда – 125, продавцов мяса – 44, коробейников – 20, владельцев ветряных мельниц – 19, лесопромышленников и арендаторов садов – по пять, владельцев гостиных дворов – семь; всего – 304 чел.[74]

В 1930 г. почти все предприятия торговли в Турове закрылись (упорно держались только последние две лавки). Их место заняли кооперативные магазины – пять общих, три мясных, столовая общественного питания и пекарня. Годовой оборот в системе потребительской кооперации составил 450 тыс., сельскохозяйственной – 50 тыс. и индивидуально-трудовой – 75 тыс. руб.[75] К 1932 г. количество пайщиков, объединенных кооперацией, достигло 10 тыс. чел., частная торговля была ликвидирована.[76] *Крамниками* (продавцами) в Турове работали: Гизунтерман, Каплан, Шифман, Шляпинтох, Финберг. В 1935 г. победителем социалистического соревнования был назван заведующий районным магазином Шифман, который перевыполнил план (более 569 тыс. руб.).[77] По итогам 1936 г. «ударником прилавка»

---

72 *Спулка* - «сообщество, товарищество», *белорус*.

73 Еженедельная информсводка ГПУ Мозыря, ГАООГО, ф. 69, оп. 2, д. 90, лл. 538, 578; оп. 1, д. 689, л. 21.

74 Материал по обследованию Турова за 1927-1928 г., НАРБ, ф. 6, оп. 1, д. 2564, лл.147-149.

75 М.Е. Бруй, «Сучасны Тураў», *Наш край*, 1930 г., № 5-6, с. 59-62.

76 *Чырвоная Тураўшчына*, 3 ліпеня 1932 г.

77 Там же, 2 студзеня 1936 г.

был объявлен Гоникман, магазин которого оставался открытым с девяти утра до девяти вечера.[78]

Прежние частные лавки ассоциировались с суетой, грязью и обманом, а магазины советской торговли должны были стать совсем другими. Вместе с тем государственная и кооперативная торговля не справлялась с потребительским спросом. Отсутствие конкуренции, плохое снабжение и дефицит многих товаров вели к очередям. Приоритет в снабжении перешел к индустриальным центрам, местечко уже не решало, что привезти и продать. Людям приходилось ехать в другой город или покупать втридорога. Часть бывших торговцев теперь старались извлечь выгоду иначе – продажей из-под полы: дефицитные товары негласно расходились по родственникам и друзьям, а то, что осталось, выкладывали на прилавок.

Товарный голод власти объясняли происками частников и спекулянтов, которые сознательно вредили делу социалистической торговли. В 1932 г. газета *Чырвоная Тураўшчына* писала, что бывшие торговцы злоупотребляли доверием кооперации: «злодей сидит на злодее и спекулянтом погоняет». Продавец Арон Лайхтман похитил 10 килограммов сахара, которые собирался отвезти в Киев. Мотель Брегман из магазина в д. Букча уступил «частнику» Лейзеру Гоберману три пуда муки, предназначенной для лесорубов. Гирш и Аба Шустерманы, перевозившие продукты из Турова в Заготзерно, присвоили по дороге 237 кг ячменя. В газете содержался призыв решительно очистить кооперативную и колхозную торговлю от частника и спекулянта.[79]

Однако перераспределение и нормирование дефицитных товаров, характерные для советской торговли, только вызывали ажиотаж. Население скупало товары повышенного спроса, не надеясь на то, что они долго останутся на прилавке. В продаже часто отсутствовали белый хлеб, сухари, кондитерские изделия, зубной порошок, бельевая сода, зубные щетки, гуталин, граненые стаканы, топоры и ножи. План расширения торговой сети выполнялся медленно. В Туровском районе планировалось открыть три сельских магазина и две лавки, но строительство их все не начинали. Ряд магазинов оставался в антисанитарном состоянии – в них было неубрано, пыльно, отсутствовал прейскурант цен, не велась борьба против «жуликов и спекулянтов».[80]

Рынок в местечке стал совершенно другим: если раньше он был центром его экономики, обеспечивал продуктами, товарами и услугами, то в 30-е годы продолжает существовать только номинально. Продукция сельского хозяйства идет из колхозов в города централизованно, а на местечковый рынок попадают только ее излишки. Местечко покупает меньше картофеля и овощей, а недостаток восполняет благодаря приусадебным участкам. С отменой в 1935 г. карточек на хлеб,

---

[78] Там же, 31 снежаня 1936 г.

[79] «Очистить кооперацию от спекулянтов, бывших контрабандистов, самообеспеченцев и злодеев», Там же, 14 ліпеня 1932 г.

[80] Протокол заседания бюро Полесского ОК КП(б)Б от 28 мая 1939 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 53, л. 77.

а затем и на другие продукты роль рынка стала еще менее значимой. Необходимые товары можно было найти в магазинах по фиксированным ценам. Правда, новые булочные, овощные, мясные ларьки не всегда могли обеспечить население, поскольку при централизованном снабжении не спрос определял предложение; с промышленными товарами ситуация была еще хуже.

В довоенном Турове периодически устраивались рыночные дни с павильонами и ларьками, ярмарки с участием артелей, районного союза потребителей, советской торговли. На них продавались обувь, одежда, мануфактура, организованно прибывали колхозники с плакатами, сообщавшими о том, какие продукты и по какой цене они везут. Это была продажа товаров по установленным ценам, а не равноправный обмен между местечком и селом, соприкосновение еврейского мира с нееврейским, как в прежние времена.

Не лучше обстояли дела с организацией общественного питания. Столовая-чайная в Турове могла принять от 100 до 150 чел., а ресторан 300–350 чел., однако их санитарное состояние, уровень обслуживания и качество приготовления пищи вызывали справедливые нарекания. На жалобы посетителей никто не реагировал, в блюдах находили посторонние предметы – крошки дерева, мочалки, мух и пр. В июле 1938 г. из-за антисанитарного состояния ресторан был временно закрыт.[81] Объяснение этим недостаткам власти видели в отсутствии проверенных людей, а не в объективных причинах общего характера. Зимой 1939 г. бюро Полесского обкома КП(б)Б отметило невыполнение постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 25 января 1939 г. «О состоянии торговли в Туровском и Житковичском районах».[82] Вина за это была возложена на руководителей облпотребсоюза, не организовавших работу по охране общественной и кооперативной собственности, медленно рассматривавших дела, которые нужно было передать следственным органам.[83]

Национальный совет

Хозяйственное и культурное развитие местечка находилось в компетенции местного Совета. Национальная политика большевиков должна была укрепить их власть на национальных окраинах и усилить привлекательность СССР за рубежом. С этой целью предполагалось перевести делопроизводство местных органов власти на национальные языки, а решение насущных вопросов передать этническим коммунистам. Тезис об искуплении вины русских перед другими национальными группами, населяющими Россию, за неравенство при царизме создавал благоприятные условия для реформирования. Основные положения националь-

[81] Состояние общественного питания по Полесской области в 1938-1939 гг., Там же, д. 64, л. 80.

[82] Там же, ф. 702, оп. 1, д. 53, л. 78.

[83] Подробнее об этом см. в главе «Репрессии».

ной стратегии периода НЭПа были сформулированы в 1921 г. Излишнее усердие местных властей в реализации национального вопроса могло быть расценено как «буржуазный национализм», а невнимание к национальным проблемам, наоборот, – как «великорусский шовинизм».

Отсутствие единой концепции национальных советов в первые годы их существования подталкивало руководителей на местах к самостоятельному определению характера совета – «этнический» или «национально-административно-территориальный». Первый предполагал создание двух раздельных советов в одном местечке (еврейский и белорусский). Второй – переименование местечкового совета в национальный с преобладанием населения по тому или иному национальному признаку (свыше 60% жителей).

В Белоруссии национальные советы, образованные по решению второй сессии ЦИК БССР 6-го созыва 17 июля 1924 г., были призваны обеспечить полноценное развитие меньшинств наряду с титульной нацией республики и сразу повели борьбу против трактовки местечка как «гнезда спекулянтов».[84] Туров был поделен на три сельских совета – еврейский, смешанный еврейско-белорусский и белорусский. Первый стал прообразом еврейского местечкового совета и к началу 1926 г. объединял 460 хозяйств (2246 чел.).[85]

Открытие национального совета вызвало горячее одобрение жителей. В телеграмме Мозырскому окружкому КП(б)Б сообщалось, что еврейские рабочие, служащие и единоличники Турова, выслушав известие о придании первому туровскому сельсовету статуса национального еврейского, сердечно приветствовали партию и правительство, проводящих в жизнь политику в интересах национальных меньшинств всех народов СССР. Делался далеко идущий вывод о том, что в итоге это приведет к равноправию «всех народов мира».[86]

Председателем совета был избран Невах Абрамович Фридман. Первый состав совета (1924 г.) состоял из одиннадцати членов – двух коммунистов, одной комсомолки и восьми беспартийных. Почти все они входили в общество кустарей или являлись учителями местечковой школы. Совет пользовался авторитетом как среди евреев, так и неевреев. Документацию перевели на идиш, хотя значительная часть деловой переписки оставалась на русском языке, при исполкоме завели библиотечку на идиш (50 книг).[87] Через год количество депутатов национального совета выросло до 20 чел., профессиональный и социальный уровень которых представлен в табл. 9.

---

[84] А. Сташевский, «Деятельность Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», *Советское строительство,* 1927 г., № 5, с. 132.

[85] Материал по обследованию Туровского еврейского национального сельского Совета за 1926 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 967, л. 7.

[86] Там же, д. 248, л. 31.

[87] Там же, ф. 3952, оп. 1-а, д. 16, лл. 76-78.

Таблица 9
Список депутатов национального туровского еврейского местечкового совета на 31 декабря 1925 г.[88]

Фамилия, имя и отчество	Год рожд.	Партийность	Образование	Социальное происхождение	Членство в профсоюзе
Выгонский Симха Монусович	1893	б/п	неграмот.	кустарь	об-во кустарей
Глинер Иосиф Абрамович	1894	КСМ	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Глозман Зелик Гиршевич	1897	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Гоникман Ицко Меирович	1889	КСМ	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Гутман Рувен Гиршевич	1887	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Запесоцкая Геня Пиневна	1905	КСМ	низшее	кустарь	об-во кустарей
Калюжный Меир Мовшевич	1894	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Карлинская Дыня	1883	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Кузнецова Хана Рувиновна	1899	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Пильщик Ицко Симонович	1887	б/п	малограм.	рабочий	союз кожевен.
Пинчук Мордух Йоселевич	1893	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Суховицкая Эстер-Фрума Гиршевна	1903	б/п	малограм.	кустарь	союз кожевен.
Флейтман Файвель Аронович	1894	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Фридман Невах Абрамович	1898	канд. КП(б)Б	домашнее	рабочий	совторгслуж.
Фруман Миндля Ицковна	1902	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Фуксман Калман Эльевич	1892	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Хазанович Симон Менделевич	1898	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Хочинская Хая-Двейра Ароновна	1885	б/п	неграмот.	кустарь	об-во кустарей
Чечик Эбер-Шая Иосифович	1896	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей
Шифман Фроим Юделевич	1892	б/п	малограм.	кустарь	об-во кустарей

[88] Составлено по: ЗГА в Мозыре, ф. 124, оп. 1, д. 19, л. 149.

Депутаты Туровского еврейского местечкового совета в 1925 г., за исключением двух рабочих, состояли из кустарей: портные и сапожники, кузнецы и плотники, шорник, гончар, бондарь, жестянщик, шапочник, стекольщик и слесарь, – которые входили в соответствующие профсоюзы. Из 20 депутатов шесть были женщины, в партийном отношении – три комсомольца, один кандидат в члены КП(б)Б, а остальные «сочувствующие». Образование народных избранников в Турове говорило само за себя. Большинство (16 чел.) определило свой уровень знаний как «малограмотный», по одному депутату имели «домашнее» и «низшее» (2 кл.) образование, а двое вообще не умели читать и писать. Это были люди, имевшие жизненный опыт, активные и готовые к переменам.

Основная работа совета проводилась в рамках четырех комиссий: образовательной и здравоохранения, дорог и благоустройства, общественно-кооперативной и земельно-лесной. Первая комиссия курировала школы и охрану здоровья, занималась ликвидацией неграмотности, улучшением санитарного состояния местечка, следила за работой больницы. Вторая – добилась строительства бани, ремонта двух мостов и тротуаров, открыла новое помещение под еврейскую школу. Третья – привлекала кустарей в кооперативные организации, помогала семьям красноармейцев. Четвертая отвечала за устройство пастбища, устанавливала потребность жителей в лесоматериалах.[89]

Сначала местечковый совет существовал как чисто национальное образование. В его выборах участвовали только евреи, а белорусы прикреплялись к другим сельсоветам. Это вызывало организационные неудобства, и 24 февраля 1927 г. Мозырский окружком преобразовал туровский национальный совет в еврейско-белорусский (31 белорус и 19 евреев). Работа нового совета велась на белорусском языке, секретарем был избран еврей, который помогал оформлять документы тем, кто понимал только идиш.[90]

Выполнение распоряжений местных органов власти обеспечивала милиция, штат которой в Турове состоял из начальника районного отделения, агента уголовного розыска, трех старших и трех младших милиционеров – белорусов из крестьян, за исключением одного рабочего-еврея. Материальное обеспечение служителей порядка оставалось незавидным и влекло за собой злоупотребления служебным положением. Туровские милиционеры учились редко и неохотно, ссылаясь на профессиональную загруженность. Собрать их вместе для ведения политических занятий или воспитательных мероприятий было проблематичным. Туровский народный суд редко проводил выездные сессии, несмотря на то, что населенные пункты находились на расстоянии от 35 до

[89] ЗГА в Мозыре, ф. 2736, оп. 1, д. 3, л. 48.

[90] Там же, ф. 60, оп. 1, д. 697, л. 38.

60 верст от местечка, и окрестным крестьянам приходилось для судебного разбирательства приезжать в Туров.[91]

Национальные советы, как органы местной власти, накопили важный опыт. Евреи принимали в их работе самое активное участие, занимали многие ответственные должности. Первыми секретарями райкома партии в разное время были Бабицкий и Дворкин, прокурором – Качеровский, начальником Осоавиахима – Рейсер, председателем райисполкома – Зильбер, директором машинно-тракторной станции – Вихнес, главным бухгалтером районного отделения Государственного банка – Зингман и др.

Практика советского национального строительства достигла апогея к концу 20-х годов. В 1929 г. в республике насчитывалось 72 национальных совета. Однако профессиональных кураторов не хватало: на четыре округа республики (Бобруйский, Минский, Гомельский, Витебский) приходилось всего четыре еврейских инструктора вместо необходимых 16 чел. По три сотрудника было в Минском округе (Борисов, Червень, Койданово), Бобруйском (Жлобин, Рогачев, Слуцк), Витебском (Сенно, Городок, Чашники), Гомельском (Ветка, Брагин, Речица), Могилевском (Климовичи, Мстиславль, Шклов), по два – в Мозырском (Калинковичи с населением 3200 евреев и Туров – 2200), Оршанском (Горки и Дубровно) и один в Полоцком (Дрисса). Вокруг этих городов существовали многочисленные еврейские местечки, деревни и колхозы, которые были предоставлены самим себе. Всего в БССР для работы с еврейским населением не хватало восьми секретарей бюро, четырех инструкторов и 20 уполномоченных.[92]

Экономический и политический кризис, поразивший общество в 30-е годы, пагубно отразился на национальной политике. В июне 1930 г. XIII съезд Компартии Белоруссии выдвинул задачу борьбы с национализмом и великодержавным шовинизмом. Резкая перемена курса отрицательно сказалась на деловой активности, внесла замешательство в культурную и общественную жизнь. Лозунги национального равноправия не подкреплялись практическими шагами, советы стремительно теряли самостоятельность. В марте 1931 г. Президиум ЦИК БССР сократил ставки ответственных секретарей для национальных комиссий, оставив их только для тридцати районных и трех городских национальных советов. Как и в Жлобинском, Житковичском, Наровлянском, Мозырском, Хойникском районах, в Турове национальная комиссия была сохранена.[93]

Начиная с 1934 г. национальные образования начали объединять с белорусскими. Большинство актов по реорганизации советов не были мотивированы, а в отдельных случаях ложно утверждалось, что их составляли из соображений вредительства. В первую очередь это коснулось польских советов, ликвидация

[91] ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 16, лл. 23-32, 88.

[92] Штаты еврейских работников БССР в 1929 г., НАРБ, ф. 4-п, оп. 10, д. 117, л. 39.

[93] В.П. Пичуков, М.И. Старовойтова, *Гомельщина многонациональная* (20-30-е гг. XX века). Вып. 1, Гомель 1999 г., с. 58; НАРБ, ф. 701, оп. 1, д. 107, лл. 20-23.

которых преподносилась как торжество советской национальной политики, покончившей с насильственной полонизацией.[94] В 1936 г. при Туровском местном совете формально еще существовали девять комиссий: финансовая, торговая, животноводческая, полеводческая, заготовительная, культурно-бытовая, соблюдения революционной законности, дорожно-строительная и коммунальная, – за работу которых отвечали Хая Зильберман, Гирш Флейтман, Евсей Межник и Моисей Молчан. Однако, за исключением финансовой и животноводческой, комиссии фактически бездействовали.[95]

Существование национальных советов в Белоруссии, еврейских и нееврейских, к концу 30-х годов превратилось в формальность. Работа на идиш существенно ослабла, в Турове она никогда не достигала задуманных размеров, несмотря на поддержку государственных органов. Большинство комиссий местечкового совета работали на белорусском и русском языках, в лучшем случае идиш использовали наряду с русским. Союзная Конституция 1936 г. и Конституция БССР 1937 г. не оговаривали существование национальных советов и районов, поэтому для их упразднения не требовалось особых законодательных шагов. Ликвидация территориально-управленческих образований национальных меньшинств была поручена Г.М. Маленкову. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 7 декабря 1937 г. послужило общим сигналом к ликвидации национальных советов, что, как правило, мотивировалось изменениями демографической ситуации в местечке и экономической нецелесообразностью.[96]

В годы сталинских чисток 1937–1938 гг. многие руководители советов были обвинены в шпионаже, национализме и контрреволюционной деятельности и репрессированы. Последний указ Президиума Верховного Совета БССР о ликвидации национального совета был подписан 20 апреля 1939 г.[97] Одновременно произошло упразднение всех учреждений национального образования – от детского сада до высшей школы. Государство отняло у национальных меньшинств даже ограниченные возможности культурной автономии, оставив их только за титульной нацией – белорусами.[98]

---

[94] Р. Лазько, «Пытанне аб польскай меньшасці ў Беларусі ў кантэксце савецка-польскіх адносін 1920-1930 гг.», *Нацыянальные меньшасці Беларусі*. Кн. 2. Брэст-Мінск-Віцебск, 1996 г., с. 61; M. Iwanow, «Pierwszy narod ukarany», *Polacy w Zwiazku Radzieckim, 1921-1939*, Warszawa-Wroclaw 1991, s. 368.

[95] *Чырвоная Тураўшчына,* 21 мая 1936 г.

[96] Г.В. Костырченко, *Тайная политика Сталина.* Власть и антисемитизм, Москва 2001 г., с. 132.

[97] *Законы Белорусской ССР и Указы Президиума Верховного Совета БССР за 1938-1955 гг.*, Минск 1956 г., с. 81.

[98] А. Лейзеров, «Национальная политика в Беларуси в первые годы советской власти (1920-1939 гг.)», *Беларусь у ХХ стагоддзі*, Мінск 2002 г. Вып. 1, с. 104-109.

Белорусизация

Большое влияние на жизнь местечка оказала политика *белорусизации* – широкая программа национально-государственного и культурного строительства в БССР, развернутая в 20-е годы.[99] План белорусизации был утвержден летом 1924 г. и предполагал развитие культуры титульной нации через учебные заведения, издание книг, научную и краеведческую работу путем выдвижения белорусов на руководящие посты, перевод партийного, государственного, профессионального, кооперативного аппарата и армии на белорусский язык и другие шаги.[100]

Новая политика предусматривала заботу о разных национальностях, которые признавались равноправными. Разрешалось создавать школы, театр, прессу на русском, польском, идиш, украинском, литовском, немецком и других, обращаться в государственные инстанции на родном языке, но белорусский получал преимущество.[101] Инициаторы этой политики полагали, что идиш, которому приходилось бороться за свое признание, в отличие от русского и польского языков, не составит конкуренции белорусскому языку и евреи не послужат фактором русификации.[102] Отправным моментом была объявлена *коренизация*, или осуществление пропорционального представительства в органах государственной власти всех национальностей, населявших БССР, которая обеспечила бы значительный рост белорусов во всех звеньях управленческих структур республики. Это касалось не только кадровой политики (путем назначений), но и общественных организаций (выборы), где кандидатов подбирали по национальному признаку. Отношение местных работников к белорусизации рассматривалось как лояльность к политике партии. Форсированный переход на белорусский язык, наоборот, мог расцениваться как национально-демократический уклон, а отставание – как саботаж национальной политики.

Мозырский окружной комитет КП(б)Б осенью 1925 г. отмечал, что население встречает новшества «хорошо». Однако допускалась оговорка, что белорусы воспринимали эту политику «без особого энтузиазма, но и без враждебности».[103] Январский (1925 г.) пленум окружкома постановил добиться белорусизации местных партийных комитетов до 1 августа текущего года. Обязательное изучение белорусского языка вводилось в учебных заведениях, делопроизводство –

[99] Леанід Лыч, Ўладзімір Навіцкі, *Гісторыя культуры Беларусі,* Мінск 1995 г., с. 196-210.

[100] *Практическое решение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике,* ч. 1, Белорусизация, Минск 1927 г., с. 9.

[101] *Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК*, Минск 1973 г., т. 1, с. 96.

[102] A. Greenbaum, *Jewish Scholarship and Scholary Institutions in Soviet Russia, 1918-1953*, Jerusalem 1994, p. 30.

[103] *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б за время с 1 октября 1924 г. до 1 октября 1925 г.*, Мозырь 1925 г., с. 62.

в исполнительных комитетах советов, общественных организациях, *Рабпросе*,[104] Рабземлесе и кооперативных организациях.

Еврейское бюро Мозырского окружкома КП(б)Б 29 июля 1925 г. поручило инспекторам по делам еврейской культуры усилить разъяснительную работу в местечках. Однако осуществить эти мероприятия в установленный срок не удалось. Причиной послужило отсутствие в Мозырском округе «ответственных товарищей» со знанием белорусского языка, дефицит учебников и популярной литературы и общая культурная отсталость населения.[105] Белорусские крестьяне, испытавшие в течение столетий полонизацию и русификацию, не успели осознать себя единым народом с историческими корнями и преемственностью. «Простую мову» они противопоставляли «панской» – русской или польской. Поляки, латыши и особенно евреи, составлявшие большинство в городах, готовы были принять скорее русский как язык высокой письменной культуры, чем белорусский – «мужицкий», «выдуманный» и «искусственный». Многие воспринимали белорусизацию как пропагандистскую кампанию.[106]

Режим, со своей стороны, не собирался уступать. Наиболее действенным способом переучивания считался перевод делопроизводства на белорусский язык. К лету 1925 г. на него перешли Мозырский окружной и районные комитеты партии, часть сельских и городских ячеек. Затем наступила очередь исполкомов советов, профессиональных союзов (окружные и районные отделения), кооперативных организаций потребительских обществ. Кружки белорусоведения открыли при окружном исполкоме и его отделах – милиции, здравоохранения, социального обеспечения, заготовительных и некоторых других организациях и союзах. В результате доля белорусов в руководящих инстанциях заметно повысилась. К концу 1925 г. среди семи членов бюро Мозырского окружного комитета КП(б)Б из пяти евреев остался один (остальные белорусы), окружкома ЛКСМБ из девяти евреев – шесть (всего 18 чел.), в райисполкомах – 12 евреев и 118 белорусов, в районных профессиональных бюро – 36 евреев и 46 белорусов.[107]

В сентябре 1926 г. ЦИК и СНК БССР обязали овладеть белорусским языком всех работников умственного труда, независимо от занимаемых должностей. Оговаривались меры воздействия на людей, уклонявшихся от этой обязанности, вплоть до увольнения с занимаемых должностей. Следующим шагом стал запрет приема на работу служащих, не владевших белорусским языком. От проверки освобождались только рабочие, занятые на производстве, и лица физического труда, для которых предусматривались курсы белорусского языка.[108]

---

[104] *Рабпрос* - Союз работников просвещения, профессиональная организация учителей в 1920-е гг.

[105] *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б*, с. 64.

[106] А. Зельцер, «Белорусизация 1920-х гг.: достижения и неудачи», *Евреи Беларуси. История и культура.* Вып. III-IV, Минск 1998 г., с. 70.

[107] *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б,* с. 69.

[108] *Практическое решение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике,* с. 12.

В Турове экзамен по белорусскому языку в числе первых выдержали делопроизводитель райисполкома Гурский, работник народного суда Марголин, председатель потребительского общества Хвоинский, счетовод Меклин и заведующий избой-читальней Карпман.[109] Ряду служащих вынесли взыскание за неудовлетворительные итоги на экзамене. Сотруднику Туровского исполкома Семену Фридману объявили выговор, а акушерку туровской больницы Надежду Белянину отстранили от работы. Правда, эти решения вскоре сочли поспешными, и окружная комиссия из Мозыря их отменила. Фридману выговор заменили предупреждением, подчеркнув, что отказ от изучения белорусского языка повлечет его увольнение с работы. Ходатайство Беляниной было удовлетворено в связи с преклонным возрастом (62 года).[110]

В начале 1927 г. промежуточные итоги белорусизации в Мозырском округе подвела комиссия Цыганкова. Ее представители посетили 28 организаций и учреждений, которые включали все основные службы окружного государственного аппарата. Пристальное внимание было уделено национальному составу работников через призму отношения к родному языку, что помогало выяснить перспективы белорусизации. Общая картина этой работы представлена в табл. 10.

Как свидетельствует табл. 10, в 1927 г. из всех 897 управленцев Мозырского округа родным языком считали идиш – 26,6%, польский – 1,6%, русский – 67,8% и другие языки – 4%. Поскольку среди работников государственного аппарата белорусы имели значительный перевес, можно предположить, что большинство сотрудников, назвавших родным языком русский, являлись белорусами.

Евреи преобладали в центрально-ревизионной комиссии, конторе Лесбела, финансовом и некоторых других отделах исполкома Мозырского округа; белорусы имели значительное преимущество в милиции, суде, прокуратуре, ГПУ, исправительных учреждениях, отделениях Белсельбанка и Госбанка. Представители других национальностей, в основном украинцы, немцы и латыши, больше всего были заняты в здравоохранении, теплоснабжении, финансовом хозяйстве.

В Турове белорусизация нашла отражение в работе национального совета. На белорусский язык перешли аппарат исполкома Совета, его коммунальный отдел и земельные учреждения, на русский и белорусский языки – народный суд, а лесничество, финансовый отдел, бухгалтерия, потребительская кооперация, сельскохозяйственные товарищества; судебная, земельной комиссии и милиция остались на русском языке.[111]

[109] Список сотрудников учреждений Туровского района, ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 695, лл. 127-130.

[110] Там же, д. 1699, л. 17.

[111] ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 695, л. 126.

Таблица 10
Состав сотрудников Мозырского окружного исполкома Совета депутатов по отношению к национальному языку в 1927 г.[112]

Учреждение	Идиш	Польский	Русский	Другие
Белсельхозбанк	–	–	8	–
Военный комиссариат	1	2	15	1
Военный отдел	2	–	4	–
Горсовет	1	–	3	–
Госбанк	2	–	10	–
Госстрах	1	–	5	–
Госторговля	10	1	10	–
ГПУ	3	–	16	–
Исправдом (тюрьма)	2	–	28	1
Красный Крест	6	–	6	1
Лесбел	30	1	43	2
Милиция	8	–	28	1
Окрсоюз сельхозкооперации	25	–	46	3
Отдел земледелия	10	1	61	8
Отдел здравоохранения	6	1	12	6
Отдел наробраза	6	1	16	1
Отдел нар. хозяйства	17	1	31	2
Отдел соцобеспечения	5	1	7	–
Отдел торговли	–	1	3	–
Отдел финансов	23	–	63	4
Почтово-телеграфная контора	1	1	40	2
Прокуратура	1	–	–	–
Редакция газеты *Савецкая вёска*	3	–	–	–
Ремонтная контора	3	–	–	1
Секретариат окружкома	1	2	2	1
Сельхозкредит	3	–	–	1
Сельхозотдел	13	–	–	–
Статбюро	9	–	–	–
Суд	7	–	–	1
Центральный райком	41	–	49	–

[112] Составлено по: НАРБ, ф. 701, оп. 1, д. 50, л. 66.

Самым большим достижением белорусизации считалась сфера народного образования. В середине 20-х годов из 267 школ Мозырского округа занятия на белорусском языке проводились в 171 школе, на русском и белорусском – 96, идиш – 11, польском – три и немецком – одна. На курсы повышения квалификации в Могилев, Гомель и Минск было командировано семь еврейских и три польских учителя.[113] В Турове работали еврейская и русская школы-семилетки, белорусская четырехлетка и общеобразовательная средняя школа-десятилетка.

Вместе с тем учителя оказались недостаточно подготовленными. Хорошо владели белорусским языком только 65 педагогов, а 189 вели уроки одновременно на русском и белорусском. На идиш преподавали 30 учителей, на польском – пять и немецком языке – один. Учебниками и наглядными пособиями небелорусские школы были укомплектованы на 50%, еврейские – на 55%, польские – на 70%. Белорусские газеты выписывали всего 8% населения, на идиш – 5,5% и польском – 0,5%.[114]

Евреи оказались чувствительны к тому вниманию, которое власти уделяли языковой проблеме. Предпочтение, отдававшееся белорусскому языку, несмотря на прошлое «равное» угнетенное положение языков национальных меньшинств, вызывало их недовольство. Причем не только среди интеллигенции и служащих, которым для сохранения места службы приходилось доказывать знание белорусского языка, но и у рабочих, для которых изучение языка было необязательным. Несоответствие между провозглашенным равенством языков и реальным приоритетом белорусского над другими языками, включая идиш, хорошо понимали в высших эшелонах руководства республики. Отсутствие устоявшихся литературных норм белорусского языка и преобладание в городе этнографической основы (крестьянский образ жизни, одежда и фольклор), тоже мало способствовали росту популярности белорусской культуры среди местечковых евреев. К тому же бытовало мнение, что белорусизация – это политический маневр властей, от которого со временем откажутся.[115]

К концу 20-х годов эта политика исчерпала свой потенциал. Национальная интеллигенция считала белорусизацию половинчатой, а крестьянство – частью культурной политики, проводившейся одновременно с наступлением на религию. Принудительные методы вызвали недовольство среди национальных меньшинств. Работники советского и партийного аппарата опасались выражать свои взгляды, чтобы не заслужить обвинения в национализме. Негативные последствия форсирования этой политики становились все более очевидными. Зимой 1928 г. закрытое партийное собрание в Турове отмечало, что немалая часть коммунистов пренебрегает белорусским языком и отказывается его изучать.[116]

---

[113] Подробнее об этом см. в главе «Советская школа на идиш».

[114] *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б,* с. 70.

[115] А. Зельцер, *Евреи советской провинции: Витебск и местечки, 1917-1941 гг.*, Москва 2006 г., с. 144-145.

[116] ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 37, л. 33.

С началом индустриализации все громче раздавались требования подчинения национальных интересов общегосударственным. Местный национализм расценивали как грозную опасность, его нельзя уже было объяснить реакцией на угнетение со стороны самодержавия. В феврале 1929 г. XIII съезд Компартии Белоруссии указал на необходимость решительной борьбы с любыми проявлениями национального демократизма.[117] К середине 30-х годов политика белорусизации уступила место русификации, которой отводилась роль гаранта лояльности к общесоюзному Центру.

Культурная жизнь

Культура оставалась одним из главных способов национального самовыражения. Большинство жителей местечка воспринимали ее эмоционально, плохо понимая теоретические новации, о которых говорили еврейские интеллигенты. Между общей и национальной культурой существовала тонкая грань, которую необходимо было учитывать. Наиболее плодотворно развивалось еврейское декоративное искусство в силу религиозного запрета изображать человека или переносить его черты на животных, зверей и птиц.

Туров оставался местечком со своим колоритом и мало напоминал город. Уровень его культуры соответствовал общему хозяйственному развитию. Послереволюционные преобразования, охватившие все сферы жизни местечка, затронули и культуру, которую большевики активно использовали как инструмент формирования нового человека. Партийный подход здесь менялся в соответствии с общими переменами в советском обществе, включая национальную политику. Курсанты еврейского сектора губернской партийной школы и еврейского педагогического техникума Гомеля, обследовавшие Туров в 1923 г., отмечали влияние раввинов и сионистов. По их словам, многие еврейские семьи жили по-старому, как до революции. Увеличение торговых посредников, «спекулянтских элементов», сокращение рабочих мест и людей, занятых производительным трудом, настраивали жителей против советских инициатив.[118]

Роль центра общественной жизни местечка был призван играть клуб, или дом социалистической культуры, который власти хотели противопоставить синагоге. Предполагалось, что это будет новое место встречи и общения его жителей. В прежнем местечке синагога была таким центром для членов религиозной общины, а посещение ее подчеркивало отличие еврейского мира от нееврейского. Клуб создавался на деньги государства или за счет местного бюджета и служил популяризации в массах нового образа жизни. В его стенах проходили литературные встречи, где читались произведения Шолом-Алейхема, Изи Харика, Переца Маркиша, Давида Бергельсона, вечера, посвященные юбилеям деятелей культуры

[117] М. Касцюк, *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*, Мінск 2000 г., с. 139.
[118] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 1229, л. 80.

и искусства. Самодеятельные театры и драмкружки ставили пьесы еврейских писателей. В программе существовал определенный набор произведений, показывавших тяжелую жизнь евреев при царе и их превращение в счастливых строителей социализма. Советская культура на идиш была направлена на воспитание нового еврея, члена социалистического общества.

В Турове народный дом открыли в 1921 г., сначала он был занят крестьянами. Отсутствовала литература на идиш; исключение составляли отдельные номера *Дер Векер* и *Дер Эмес*. Кружков для взрослых не было, в том числе мероприятий для женщин, а шефская работа велась только с пионерами и была неинтересной, обыденной. Для нужд еврейской части населения требовалось отдельное помещение.[119]

Постепенно активность еврейского населения росла как отклик на запросы повседневной жизни. Ликвидацию неграмотности проводили под лозунгом «Грамотный, научи неграмотного!» Туров поделили на участки, за которыми закрепили ответственных из числа учителей и общественников. Курсы ликбеза действовали при избе-читальне, школе и клубе пограничников.[120] Заслуженной популярностью пользовался драмкружок. Самодеятельные артисты пытались компенсировать отсутствие кинематографа и театра, заезжих цирковых групп и бродячих скоморохов. В небольших театральных инсценировках они выражали отношение к текущим событиям. В 1922 г. в Турове было поставлено семь спектаклей: три на идиш и по два на русском и белорусском языках. В 1925 г. в трех драмкружках участвовало 25 чел., которые поставили 14 спектаклей (семь на идиш, три на русском и четыре на белорусском языке).[121] При пожарной команде существовал любительский духовой оркестр, состоявший в основном из еврейской молодежи.[122]

Новая культура бросала вызов традиционной еврейской музыке, мелодиям синагоги и идишистскому фольклору. Были созданы еврейские ансамбли, которые разъезжали по местечкам с исполнением вокальной классики на идиш и произведениями на музыку советских еврейских композиторов. Сара Фибих, дававшая такие концерты в местечках, знакомила слушателей с песнями, родившимися в местечках бывшей черты оседлости, а также с новой еврейской массовой песней на стихи еврейских пролетарских поэтов. Пресса того времени рекомендовала бороться со старой песней и мелодиями, имевшими националистическую и клерикальную окраску, укоренившуюся в классовых врагах, путем исполнения советских песен, проникнутых духом интернационализма и большевистской дисциплины.[123]

---

[119] ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 22, л. 5-6.

[120] А.Ф. Вишневский, А.М. Литвин. *Туров,* Минск 1980 г., с. 26.

[121] ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 15, л. 21; д. 16, л. 59-61.

[122] В оркестре Турова были Зиновий, Хаим и Сролик (Израиль) Вагеры, братья Гершл и Лейзер Храпунские, Янкель по прозвищу *Дер Дойч*, Калюжный и др. Руководил оркестром Залман Гинзбург, брат которого служил военным дирижером в Житковичах, Письмо Зиновия Вагера от 25 июля 2001 г. из Пинска, Архив автора.

[123] *Октябрь*, 23 октября 1935 г.

Стары і новы Тураў

Цяжка ўспомніць жыццё працоўных старога Турава.

Старыя паўразбураныя хаткі з выбітымі вокнамі — заստаўленыя трапкамі, гразныя, брудныя вуліцы, двары. Біндман, Жоўнер, Гутман — гандляры трымаўшыя лаўкі займаліся абрабаваннем працоўных мас мястэчка, вось чым характэрны быў стары Тураў.

Ці меў магчымасць працоўны Турава ў стары час купіць і адзець добры касцюм, хромавыя боцікі, боты і інш? Зразумела не. — Абарваныя світкі, лапці і папабрытыя — вось якімі былі працоўныя.

Што можна было заўважыць у стары час калі ўвойдзеш у хату працоўнага: — чорныя не пабеленыя сцены, стол без клёнкі, старыя разрушаныя скамейкі, якія перадаюцца ад дзядоў па спадчыне. Аблезлая шафа, і КАЛЯ ПЕЧЫ СТАЯЎШАЯ МАТКА, А КАЛЯ ЯЕ 5-6 МАЛЫХ ДЗЯЦЕЙ ПЛАКАЎШЫХ І ПРАСІЎШЫХ ЕСЦІ.

Велізарныя паборы, памогі пана Нарэйка і царскіх памешчыкаў улад здзекі і пагады земскага начальніка — вось „жыццё“ старога Турава.

У школе, якая мелася ў Тураве, вучыліся сыны кулакоў і гандляроў. Працоўных вучылі толькі богу маліцца і пакорлівасці багачам.

Але зусім другая карціна зараз.

19 год як працоўныя вялікага Савецкага Саюза і ў тым ліку працоўныя Тураўшчыны скінулі з сябе кайданы.

Змянілася аблічча людзей — змяніўся і твар мястэчка. Калгаснікі, рабочыя, служачыя, інтэлігенцыя выходзяць на вуліцы добра і чыста апранутымі. Стары Тураў становіцца культурным цэнтрам нашага раёна.

Прыгожыя пабудаваныя дамы, абсталяваныя па гарадскому тыпу магазіны, у вітрынах якіх красуюцца розныя тавары чыстыя вуліцы, шырокія тратуары, электрычныя лямпы — вось чым характэрны новы Тураў.

У кожнай хаце працоўнага гарыць лямпачка Ільіча.

Пасля работы працоўныя добра адзетыя ідуць у клуб глядзець новыя гукавыя кінофільмы: „Радзіма кліча“, „Чапаеў“, „Шукальнікі шчасця“ „Мы з Кранштата“ і інш.

Творы вялікага рускага паэта Пушкіна — творы Лермантава, Якуба Коласа, Горкага і іншых пісьменнікаў сталі здабыткам шырокіх мас працоўных Турава.

Усе дзеці Турава ахоплены вучобай, пабудавана трохпаверхавая поўная сярэдняя школа, у якой навучаецца каля тысячы дзяцей, маецца яўрэйская НСШ якая налічвае звыш 200 чалавек і пачатковая школа у якой навучаецца 110 дзяцей. Дзіцячыя сады, яслі і т. д.

З кожным днём яшчэ больш і больш расце культура працоўных Турава. Зайшоўшы цяпер у хату рабочага і калгасніка кідаецца ў вочы радыё, чыстыя камнаты, на вокнах гардзіны і занавескі, венскія стулы, нікеліраваныя краваці і іншыя абсталяванні.

Жыццё стала лепш, жыццё стала весялей. За нашае шчаслівае жыццё, за брацкі саюз народаў СССР, за права жанчыны, за павышэнне культуры і палепшэнне добрабыту працоўных клапоціцца наша камуністычная партыя і наш родны бацька тав. СТАЛІН.

Працоўныя Турава горача дзякуюць нашу партыю і вялікага Сталіна.

Як зеніцу вока мы будзем берагчы нашых правадыроў і нашу радзіму.

И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споем боевую
И встанем грудью за родину свою.

Хачынскі В.

Репортаж В. Хочинского «Старый и новый Туров»
Чырвоная Тураўшчына, 7 кастрычніка 1936 г.

В 1926 г. краеведы Турова образовали при школе товарищество, которое объединило 44 энтузиаста. Отдельным направлением работы стала микротопонимика. До революции улицы Турова не имели официальных названий, а отдельные кварталы местечка получали наименования стихийно. Исторические улицы Турова назвали по-новому: улица Фронтовая стала носить имя Ленина, Вал – ул. Широкая, Ров – ул. Карла Либкнехта, Канава – ул. Войкова, Зеленая – ул. Пионерская, Кондоровка и Дрожжицкая – ул. Кирова, Костюковка – ул. Красноармейская, Болотная – ул. Колхозная и др.[124]

В 1928 г. в Турове благодаря деятельности товарищества открылся краеведческий музей, сотрудники которого помогали работе археологических экспедиций, приезжавших в Туров. В 1932 г. построили новое здание Дома социалистической культуры, гостиницу, столовую, общепит и баню.[125]

Идеологи еврейского и белорусского возрождения полагали, что национальная культура должна быть обязательно связана с местной природой, архитектурой, национальным характером. В 1936 г. Туров посетила Полесская экспедиция Академии наук Белоруссии, которая собирала материалы по истории, этнографии, географии, природе, животному и растительному миру Мозырского региона. Самобытность еврейской жизни в Турове обратила на себя внимание ученых. Владиславу Голубку принадлежали слова: «У вас в Турове, словно в Палестине».[126]

В первой половине 30-х годов провозглашенная партией *культурная революция* вылилась в обвинение творческой интеллигенции в «национал-демократизме» – выпячивании национального за счет интернационального, игнорировании классового начала. Это пагубно отразилось на еврейской культуре в целом. Любые обращения к народному творчеству, декоративному орнаменту, не говоря уже о библейских сюжетах, могли быть расценены как идеализация старого местечка, что было чревато серьезными обвинениями в национализме.

Новая культура внедрялась сверху, ее содержание должно было соответствовать установкам сталинского государства. Местечко уже не создавало культурные ценности, а превратилось в их потребителя. Внутри еврейской общины нельзя было достичь социального успеха. Главной стала необходимость учиться, чтобы стать успешным строителем социализма, а не постигать Тору и Талмуд, чтобы быть «хорошим» евреем. Молодежи 30-х годов нечего было отвергать, она не была традиционной. Юноши и девушки, как и часть людей среднего возраста, были пронизаны советской идеологией и, как правило, предпочитали культуру на русском языке. Видное место в общественной жизни занимала новая песня, особенно на мероприятиях в честь пролетарских праздников и юбилеев. Демонстрации, митинги с оркестром и знаменами, торжественные заседания, посвященные Международному

---

124 М.Е. Бруй, «Тураў і наваколле», *Белорусская лингвистика*, 1974 г., № 5, с. 7.

125 *Тураўшчына: мінулае, сучаснасць, будычыня*. Вып. 1, Мінск 2000 г., с. 41-43.

126 Владислав Голубок (1882-1937 гг.) - белорусский драматург, театральный деятель и этнограф. См.: Л.Д. Гительман, *О времени и о себе*, Минск 2001 г., с. 14.

дню молодежи, 7-му Ноября, 1-му Мая, сопровождались коллективным пением. Политическая культура создавалась как массовая, новые ритуалы и праздники, вера в светлое будущее, начертанное партией и лично Сталиным, привлекали людей разных национальностей, включая евреев.

Советские праздники часто сопровождались спортивными маршами и показательными выступлениями физкультурников. Образ спортсмена, физически развитого человека, способного строить социализм и защищать Родину, был прочно внедрен в сознание советских людей 30-х годов. В Турове построили стадион (зимой – каток), водную станцию, молодые люди играли в волейбол, футбол, сдавали нормы ГТО, на значок «Ворошиловский стрелок», катались на лыжах и коньках, при школах и клубах заработали физкультурные кружки. Спорт и культ физического развития разительно отличали новое местечко. Спортом занималась в основном молодежь, и евреи не отставали от своих белорусских сверстников. Новым ритуалом были обставлены проводы на действительную службу в Красную Армию, считавшуюся радостным событием, воспитывался героический образ бойца – защитника советской Родины.

Изменилось и представление местечкового жителя об окружающей действительности. Радио принесло в местечко нееврейский мир. Репродукторов еще не было в каждом доме, но на улицах стояли громкоговорители. Вещание шло в основном на русском или белорусском языках, трансляция на идиш велась, но в гораздо меньшем объеме. Как правило, это были репортажи, посвященные годовщине Октябрьской революции, подготовке выборов в Верховные Советы БССР и СССР, или литературные передачи. Преобладали произведения М. Горького, русских и белорусских писателей, меньше еврейских. Открытость местечка вела к тому, что теперь его волновали те же политические события, что и других советских людей, живущих в центре страны. Если раньше еврейская община в Турове собирала деньги на Палестину (халука), то теперь жители местечка тоже подписываются на заем в помощь борцам с фашизмом в Испании, выступают в поддержку национально-освободительного движения в Китае. Они знают о подвиге челюскинцев и убийстве Кирова, о суде над троцкистско-бухаринской «бандой вредителей и террористов», о политике партии в различных вопросах. Теперь это были не легенды, пересказываемые редкими приезжими, а политическая информация, специально сообщаемая в прессе, на «летучках» и лекциях.

К середине 30-х годов меняется внешний вид Турова – ремонтируют старые дома и строят новые. В центре местечка поставлен неизменный памятник Ленину, откуда расходятся центральные улицы. Тротуары мостят булыжником или асфальтируют, строят колодцы, осушают болотные окраины. На месте прежней рыночной площади сажают деревья, разбивают парк. Прокладывают шоссейные дороги, возводят общественные здания, включая гостиницу, баню, почту, школу, больницу, столовую и ресторан, клуб, электростанцию, учреждения местных органов власти – райкома партии, райисполкома, милиции, погранзаставы. Место множества мелких частных лавочек, ларьков, киосков и палаток заняли магазины и павильоны советской и кооперативной торговли. Другим стал и облик вечернего местечка – сюда

пришло электричество. Многие пожилые евреи оставались консервативными, они хотели бы дожить свой век при керосиновых лампах, но молодежь уже проводит «лампочки Ильича». Еще можно увидеть то, что осталось от прежнего местечка: сохранились лачуги, разбитые тротуары, как прежние частные лавки выглядят многие магазины и чайные, петляют на окраинах узкие неухоженные улочки.

* * *

К окончанию гражданской войны Туров напоминал тяжелобольного, борющегося за свою жизнь. Война и погромы привели местечко к полному разорению, торговцам нечего было продавать, ремесленники не могли достать сырья – тысячи людей остались без средств к существованию. Коммунисты смотрели на местечко как на отсталую провинцию, гнездо буржуазии и клерикалов.

Короткое возвращение к капитализму в виде НЭПа заставило советскую власть временно сменить гнев на милость: она решила мириться с местечковыми кооперативами до того момента, пока кустари не станут настоящими пролетариями. Это было выражением бухаринской[127] линии партии на поощрение мелких производителей при постепенном переходе к социализму (1924–1928). Возникло множество артелей – потребительских, производственных, торговых, – созданных самими ремесленниками или навязанных им. Республиканские, окружные и районные организации финансировали кооперативы, кредитные ассоциации, объединения, и положение кустарей улучшилось.

Однако к концу 20-х годов экономическая ситуация вновь ухудшилась. Свертывание НЭПа, налоговый пресс и расширение государственного сектора вытеснили еврейских торговцев и посредников с рынка труда и услуг, окончательно разорили ремесленников. Наиболее активная часть еврейского населения искала выход в миграции, которая приобрела массовый характер и прекратилась только к середине 30-х годов. Еврейское население осело, положение стабилизировалось.

Проблему лишенцев, которые составляли в Турове свыше трети всех избирателей, решила Конституция 1936 г. – уравняв всех советских граждан и отменив поражение в правах. Самой большой группой еврейских трудящихся стали наемные работники. Первое место принадлежало кустарям, второе – служащим, третье – рабочим, четвертое – землепашцам и огородникам. Лица свободных профессий вошли в состав служащих. Торговцев осталось очень мало, их капитал насчитывал гроши. Самые несговорчивые имели патенты на торговлю и ценой больших

[127] Николай Иванович Бухарин (1888-1938 гг.) - политический деятель, академик АН СССР (1928), член Политбюро ЦК ВКП(б), в конце 1920-х выступил против чрезвычайных мер при осуществлении коллективизации и индустриализации, что было расценено Сталиным как «правый уклон» в партии, репрессирован (1936).

усилий пытались выжить под прессом налогов и государственной торговли, не играя заметной экономической роли в местечке. Другая их часть включала группу лиц без определенных занятий, нелегально приторговывая и получая помощь от родных из Америки.

Другим стал внешний и культурный облик Турова. К середине 30-х годов местечко расстроилось и похорошело. На его улицах чаще слышалась русская речь. Идиш, который остался единственным легальным выражением национального самосознания, потерял прежнюю роль. Его не спасли существенная модернизация языка и новая орфография. В глазах советских евреев он ассоциировался со старыми временами, нищей местечковой жизнью и забитостью. Тогда как русский язык нес образование, престиж, перспективы, а русская культура воспринималась как превосходящая идишистскую. Многие евреи, сохраняя идиш дома, предпочитали общаться с внешним миром на неродном языке, выступали на собраниях по-русски, читали русские газеты. Ассимиляция евреев местечка вела к отказу от невостребованной культуры на идиш. Угасание было характерно и для остальных национальных культур, став отражением нового государственного подхода. После провозглашения в 1936 г. построения в СССР социализма поощрение национальных культур уступило место политике интернационализма с выявленными русификаторскими тенденциями.

Здравоохранение

Интервенция и гражданская война выхолостили скромные дореволюционные достижения в области медицины. Прежняя система охраны здоровья, основанная на земствах, распалась. Участились случаи инфекционных заболеваний, вызванные недоеданием и голодом, отсутствием профилактических мер и несоблюдением санитарных норм. Общее неблагополучие отразилось на младенческой смертности, повлекло преждевременное старение и сокращение продолжительности жизни. Это грозило возникновением демографической «ямы» – разрывом непрерывности воспроизводства населения, чреватым необратимыми последствиями для будущих поколений.

В начале 20-х годов охрана здоровья в Турове переживала период становления. Нужно было заново укомплектовать кадры, возродить сеть лечебных учреждений, укрепить материальную базу, обеспечить жителей медикаментами и санитарно-просветительской литературой, наладить контроль над водными ресурсами и санитарным состоянием местечка и окружающих деревень, привить население от малярии и оспы, решить другие неотложные вопросы охраны здоровья.

Становление системы здравоохранения

Народный комиссариат здравоохранения БССР был образован в декабре 1920 г. по решению II съезда Советов и приступил к созданию единой системы медицинского обслуживания населения. Все частные медико-санитарные учреждения, включая больницы, лазареты и аптеки, были национализированы и переданы в распоряжение Наркомздрава и уездных медико-санитарных отделов Советов. Каждый отдел состоял из четырех подотделов: лечебного, санитарно-эпидемиологического, школьного и фармацевтического. Дело тормозила

нехватка медицинских кадров, врачи вынуждены были работать одновременно в нескольких учреждениях.

Первое время главное внимание было сосредоточено на ликвидации последствий войны. Более других пострадали Минская и Могилевская губернии, среди которых особенно выделялся Мозырский уезд. Участковые больницы в Мозыре, Петрикове и Турове были разрушены, в плачевном состоянии находились фельдшерско-акушерские пункты. В 1920 г. начальник Мозырского уездного отдела здравоохранения, возвращаясь из командировки в Минск, вез с собой всю помощь – несколько халатов и наволочек, семь катушек ниток, 50 жестяных кружек и несколько рулонов обоев. В январе 1921 г. СНК БССР принял постановление о срочной помощи населению Мозырского уезда, пострадавшему от налетов банд Булак-Балаховича. Гуманитарный груз был размещен в трех вагонах: мыло, медицинский инвентарь, хозяйственная утварь, детское питание. Однако эта скромная поддержка не могла облегчить тяжелое материальное положение населения.[1]

В условиях первых лет советской власти правительство провозгласило принцип охраны жизни и здоровья граждан в числе важнейших задач государственной политики. Решить ее можно было, только опираясь на активное участие самого населения. Появились новые формы санитарно-просветительной работы: комиссии по оздоровлению труда и быта, пропаганда здорового образа жизни через массовые театральные представления и спортивные мероприятия и др.

В годы НЭПа

С переходом к НЭПу пришлось временно отказаться от принципа общедоступной медицинской помощи населению. Органы здравоохранения перешли на местный бюджет, сокращались сеть больниц и врачебный персонал. Органы власти часто переизбирались и с большим трудом вникали в нужды врачебно-санитарного дела, теряя преемственность. В Мозырском уезде в 1925 г. насчитывалось 52 наименования всех лечебных и санитарных учреждений, в том числе 10 небольших больниц, 34 фельдшерско-акушерских пункта, где были заняты 94 медработника. Посильную помощь в снабжении лекарствами и врачебным инструментарием оказало военное ведомство – больницы пополнялись за счет запасов армейских госпиталей.[2] Много внимания уделялось ликвидации последствий оспы, брюшного тифа и других инфекционных заболеваний. Контролю санитарной службы подлежали важнейшие составляющие окружающей среды и пищевые ресурсы;

---

[1] М.И. Барсуков, «Здравоохранение Белоруссии в национальном разрезе», *Беларуская медыцынская думка*, 1926 г., № 7-8, с. 3-12.

[2] М.Е. Абраменко, *Здравоохранение БССР. Становление советской системы, 1917-1941 гг.*, Гомель 2005 г., с. 70.

начались мероприятия по борьбе с бедностью, алкоголизмом, возросло внимание к охране труда, защите здоровья детей.

В Турове первую медицинскую помощь оказывали в больнице на Замковой горе и двух фельдшерских пунктах. Не было возможности охватить амбулаторным обслуживанием и зубоврачебной помощью население удаленных деревень и хуторов. Стационар располагал всего восемью койками, не хватало лекарств и сопутствующих материалов, само помещение требовало ремонта. Мужская палата представляла собой комнату, оштукатуренную глиной, с оббитыми стенами, плесенью и паутиной на потолке. Стояли металлические кровати, окрашенные в зеленый цвет, и лежаки на досках, матрацами служили тюфяки, набитые соломой. Санитарное состояние больницы и уход за пациентами не были налажены. Больные жаловались, что во время осмотра двери кабинета оставались открытыми, одним халатом пользовались все больные по очереди, специальной обуви не было, угарный газ от печного отопления таил в себе постоянную угрозу.[3]

Каменное здание больницы в Турове построили только в 1932 г. Оно имело приемный покой, две больничные палаты, подсобные помещения, три медицинских кабинета для амбулаторного приема и фельдшерский пункт.[4] К началу 1941 г. Туровский район обслуживали две больницы, в которых было занято 10 врачей и 32 фельдшера и медсестры – средний персонал.[5]

Кадры

Мозырский уездный отдел здравоохранения приступил к работе в 1920 г. Участковые медработники могли существовать, только получая поддержку от населения, которое снабжало их продуктами питания и дровами. Однако многие врачи занимались частной практикой в городах и не хотели ехать в сельскую местность.[6] Нередко деятельность медиков носила характер самопожертвования. Заразившись сыпным тифом от больного, скончался один из первых организаторов здравоохранения на Полесье Г. Сает, а вслед за ним от тифа умерли заведующий уездным здравотделом И. Бабицкий, врач участковой больницы в Житковичах Д. Крейнес.[7]

Медицинский персонал в Турове состоял из доктора, фельдшера и медицинской сестры. Постоянного врача не было, а его помощники не обладали необходимой

---

[3] «О работе больницы в Турове», *Чырвоная Тураўшчына*, 11 мая 1931 г.

[4] Там же, 3 ліпеня 1932 г.

[5] *Туровской больнице - 100 лет.* Доклад Г.С. Рыженковой в Турове 26 декабря 2006 г., Архив автора.

[6] Е.Ю. Зеликсон, «Краткий обзор здравоохранения Белоруссии и его ближайшие задачи, 1921-1923 гг.», *Беларуская медыцынская думка*, 1924 г., № 1-2, с. 1.

[7] Государственный архив Могилевской области, ф. 33, оп. 1, д. 378, л. 252.

подготовкой и знаниями. В 1920 г. в числе первых врачей больных принимала Елизавета Лившиц вместе с фельдшерами Антоном Сытько и Василием Балбуцким, акушеркой Надеждой Беляниной, которым помогали кухарка, сиделка и сторож – Евдокия, Мария и Борис Струки.[8] Амбулаторное обслуживание и санитарная профилактика получили развитие только в 1924 г. после прибытия в Туров врача Рапопорта, который организовал пропаганду санитарии и гигиены, начал прививать население местечка от оспы.[9]

Самоокупаемость как принцип организации медицинского обслуживания тормозила работу медиков. Бюджетное финансирование было сведено к минимуму, и в волостном исполкоме отчаянно искали возможность компромисса. Отсутствие четкого контроля приводило к злоупотреблениям. Летом 1925 г. прокурор Мозырского округа Краузе получил сообщение о том, что врач туровской больницы Аркадий Либер[10] ограничил срок приема пациентов полутора часами в день, вымогает мзду, отказывает в бесплатной помощи, консультации или лечении. В ходе следствия выяснилось, что заместитель председателя Туровского райисполкома Левкович ввиду свирепствовавшей в районе эпидемии тифа и малярии и отсутствия в больнице врача вынужденно принял условия, продиктованные Либером. После того как сын медсестры Симкович поместил в газете разоблачительный материал, доктор угрожал ей увольнением. Когда злоупотребления вскрылись, договор с Либером расторгли.[11]

Возможности местных властей в Турове по поддержанию даже минимального уровня охраны здоровья были ограниченными. Окружной отдел здравоохранения в Мозыре не субсидировал оплату лекарств и работу медиков. Врач и фельдшер вынуждены были рассчитывать на подношения со стороны пациентов – от 10 до 15 руб. за визит. Особенно «грешил» фельдшер больницы Сытько. Это отталкивало людей от медиков, заставляя обращаться к «шептунам». Большинство жителей предпочитали средства народной медицины, пользовались настоями и травами. Весной 1925 г. Туровский райисполком совместно с председателями сельских Советов, лесничим и врачом местечковой больницы провел совещание, на котором говорилось о слабой постановке работы в сельской местности. Было принято решение организовать выезды врача и медицинских работников из Турова в отдаленные районы, расширить вакцинацию жителей, открыть санитарный уголок при народном доме.[12]

---

8 «Как живешь, Туровская больница?», *Новае Палессе*, 9 снежаня 2006 г., с. 2.

9 Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 3952, оп. 1-а, д. 13, лл. 85-87.

10 Аркадий Наумович Либер-Виртман, 1897 г. р., - уроженец местечка Сквир Киевской губернии.

11 Обвинительное заключение о превышении служебных полномочий и отказе в медицинской помощи врача туровской больницы от 27 августа 1925 г., Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 750, оп. 1, д. 395, л. 10.

12 Резолюция по докладу врача туровской больницы Рапопорта от 5 марта 1925 г., ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 13, лл. 85-87.

Летом 1926 г. туровский еврейский национальный совет определял уровень медицинских услуг в местечке как «удовлетворительный». Пациенты оплачивали труд доктора и фельдшеров деньгами или продуктами, а членам комитета взаимопомощи медицинские услуги оказывались безвозмездно. Основные нарекания высказывались в адрес зубного врача (фамилия не сохранилась. – *Л. С.*). Это был человек без опыта, не имевший нужных инструментов и обезболивающих средств. Как достижение отмечалась ежедневная очистка улиц и дворов от мусора. В отношении нетрадиционной медицины в документе говорилось, что знахарство в местечке «еще развито», а борьба с ним на должном уровне не ведется.[13]

Сфера медицинских услуг находилась в поле зрения госбезопасности, которая отвечала за все вопросы, определявшие настроения людей. Осенью 1926 г. в информационной двухнедельной сводке 18-го пограничного отряда войск ОГПУ Западного края отмечалось недовольство населения частой сменой врачей при туровской больнице. Медикаментов не хватало, рабочие, имевшие страховку, требовали бесплатных лекарств, на что заведующий аптекой отвечал, что кредит Мозырской окружной страховой кассы (35 руб.) давно израсходован.[14]

В силу специфики советской жизни, отсутствия критики и независимой экспертизы зачастую принимались решения, продиктованные конъюнктурными соображениями. В ноябре 1929 г. инспектор Мозырского окружного отдела здравоохранения Э. Харлап обратился в Наркомздрав БССР с докладной запиской, в которой сообщал об отсутствии классового принципа при оказании помощи в сельской местности. По его словам, бедняки, середняки и кулаки получали равную медицинскую помощь. Харлап предлагал не оказывать ее в полном объеме всем «нетрудовым элементам» и лицам, лишенным права голоса.[15]

Инфекционные заболевания

Через Белоруссию на родину возвращались массы военнопленных, здесь пересекались потоки беженцев и голодающих из районов, охваченных засухой, что неизбежно сказывалось на общей эпидемиологической ситуации. В 1921 г. заболеваемость сыпным и возвратным видами тифа составила в БССР 530 случаев на 10 тыс. населения. Резко подскочили показатели по дизентерии, холере и брюшному тифу, натуральной оспе и малярии. Исключительно сложная ситуа-

[13] Справка о работе национального Совета в Турове от 28-29 июля 1926 г., Там же, ф. 69, оп. 1, д. 248, л. 49.

[14] Сводка Мозырского отделения ОГПУ от 24 сентября 1926 г., Там же, оп. 2, д. 90, л. 331.

[15] А.Ф. Кривощекий, «История организации здравоохранения на Гомельщине», *Здравоохранение Белоруссии*, 1968 г., № 12, с. 24-28.

ция сложилась в нейтральной зоне у советско-польской границы, пролегавшей в 8–10 км от Турова, где материальная база здравоохранения была полностью утрачена.[16] Наибольшую опасность представляли детские инфекционные заболевания: коклюш, скарлатина, дифтерит и гепатит (желтуха). Взрослые чаще страдали от оспы, рожи, дизентерии, туберкулеза и тифа. Несмотря на это, профилактические меры не всегда принимались своевременно.

Через десять лет ситуацию с инфекционными заболеваниями осложнила коллективизация. Она породила голод, который всегда являлся питательной средой для инфекций. В 1933–1934 гг. наибольшее число вспышек пришлось на Гомельский, Наровлянский, Мозырский районы. Причинами послужили: неустроенность базаров, несвоевременный вывоз коммунальных отходов, игнорирование требований санитарии и др. В документах того времени не указывалась главная причина бедствия – хроническое недоедание. Неблагополучная эпидемиологическая ситуация сохранялась и в последующий период. В 1935 г. в Мозырском округе заболело тифом 303 чел., в Петриковском районе – 79 чел., Лельчицком – 28 чел. Осенью 1936 г. в Мозырский окружной комитет партии и исполком окружного Совета поступило заключение райотдела НКВД о том, что борьба с эпидемическими заболеваниями в Туровском районе пущена на самотек. *Заразный барак* (инфекционное отделение) больницы не был изолирован в соответствии с правилами. Больные свободно перемещались из одной палаты в другую. Пациенты с подозрением на инфекционный вирус общались с родственниками и знакомыми. Санитарки не имели медицинских халатов, уходили домой в той же одежде, в которой обслуживали больных. Белье, предназначенное для дезинфекции, хранилось в кладовой комнате напротив кухни и отправлялось в стирку без упаковки. В палатах не производилась влажная уборка с дезинфицирующими средствами, отсутствовали емкости для кипячения питьевой воды. Не было прикроватных тумбочек, и дети, получившие продуктовую передачу из дома, хранили ее под подушкой.[17]

Вопрос о работе больницы заслушало бюро Туровского РК КП(б)Б. Общее положение было признано неудовлетворительным, профилактические мероприятия проводились эпизодически, санитарные секции при сельсоветах бездействовали, инспекторы при колхозах не работали, повышение квалификации среднего и начального медицинского персонала налажено не было, отсутствовала согласованность, не была изжита грубость по отношению к пациентам.[18]

---

[16] Г.С. Липманов, «Тиф и беженцы», *Бобруйские медицинские известия*, 1922 г., № 1-2, с. 39-41.

[17] Спецсообщение НКВД секретарю Мозырского ОК КП(б)Б Ананьеву от 11 октября 1936 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 3, д. 16, л. 154.

[18] Постановление бюро Туровского РК КП(б)Б от 13 декабря 1936 г., Там же, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 90.

Органы госбезопасности обвинили в недостатках медицинского обслуживания заведующего Туровским районным отделом здравоохранения Гершмана и главного врача больницы Лаптейко. Начальник Мозырского окружного отдела НКВД Шалевич рекомендовал прокурору возбудить уголовное дело.[19] Райком партии, со своей стороны, потребовал обеспечить контроль над общественным питанием и кухнями в дошкольных учреждениях, добиться соблюдения санитарных норм доярками и работниками маслозавода, организовать лекции на медицинские темы, открыть краткосрочные курсы санитарных инспекторов, чтобы прививать населению навыки гигиены в быту. Заведующему райздравом Гершману и председателю райисполкома Шершневу предложили ходатайствовать перед наркомом здравоохранения БССР о направлении дополнительных медицинских кадров в Туровский район как пограничный и поэтому заслуживающий внеочередного финансирования.[20]

Несмотря на принятые меры, неблагополучная эпидемиологическая ситуация в Турове сохранялась и в последующий период. Соседство с обширными заболоченными землями вызывало частые заболевания малярией. В связи с хозяйственными трудностями сократился объем проводимых мероприятий по благоустройству полезных водоемов. Квалификация медработников оставалась низкой. Зачастую фельдшеры, замещавшие врачей, не могли распознать симптомы тифа и ставили диагноз «грипп». Иногда заболевание распространялось через лечебно-профилактическое учреждение.

Переломить ситуацию было трудно, поскольку в Полесской области она осложнялась вспышками туберкулеза. В Брагинском районе в 1938–1939 гг. было отмечено 70 случаев, Василевичском – 35, Хойникском – 150, Мозырском – 21, Домановичском – 15, Глусском – 89, Лельчицком – 23 и т. д. Беда застала врасплох – туберкулезные пункты, больницы, санатории и диспансеры в районах отсутствовали, а единственный тубдиспансер в Мозыре был рассчитан всего на девять койко-мест.[21]

В Туровском районе туберкулезные пункты не открыли из-за отсутствия специалистов, а средства, выделенные из бюджета для этой цели, использовали не по назначению. Профилактическая работа была запущена, учет заболеваемости поставлен плохо, медицинская статистика не велась.[22]

[19] Постановление бюро Туровского РК КП(б)Б от 13 декабря 1936 г., Там же, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 155.

[20] Письмо второго секретаря Туровского РК КП(б)Б Шнейдермана в Мозырский ОК КП(б)Б от 20 декабря 1936 г., Там же, оп. 3, д. 16, л. 155.

[21] Там же, л. 156.

[22] «О борьбе с туберкулезом по Полесской области по состоянию на 25 июля 1939 г.». Докладная записка начальника УНКВД по Полесской области Тупицына, ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 63, л. 151.

Санітарнае становішча і парадак Турава

Калі пагледзець на твар вуліц, мястэчка Тураў, якое санітарнае становішча, то нельга разлічыць са старымі гарадамі і мястэчкамі мінулых гадоў, з іх непраходнай граззю, ў якіх тулілісь рабочыя і сяляне.

З года ў год растуць асігнаванні па бюджэту на добрабыт мястэчка па прывядзенне яго ў культурны, чысты выгляд. Але ж гэтыя сродкі з-за злачынных адносін некаторых работнікаў, мястэчковага совету, гэтыя сродкі трацяцца ў пустую і не дасягаюць сваіх мэт.

Возмем к прыкладу: самыя элементарныя пытанні—чыстата вуліц, двароў, калодцаў. Каб утрымліваць мястэчка ў чыстаце патрэбна падмятаць вуліцы, ўбіраць граззь, вывозіць нечыстоты і г. д.

Здаецца непатрэбна асаблівых капітальных укладанняў, патрэбна толькі клапатлівая, гаспадарчая рука мессовета, каб штодзённа адчувалася на вуліцы і двары. А што атрымліваецца? Мессовет спасылаючыся на санітарнага урача Лазаковіча лічыць сябе непатрэбным займацца пытаннем санітарнага становішча.

На кожнай вуліцы, перавулку, ускраіне Турава шмат смецця, граз, розьнага бруду. Асабліва агіднае становішча на вуліцах: „Комсомольскай“, „Урыцкага“, „Малым Перавулкам“ і г. д., што адбіваецца на арганізм чалавека, ад чаго атрымліваецца вялікая колькасць захворванняў насельніцтва.

Мяецца адна невялікая лазня, якая зусім нездавальняюча працуе і не поўнасцю абслугоўвае насельніцтва, з прычыны той, што лазня працуе толькі два разы ў тыдзень. Гасцініца таксама знаходзіцца не ў лепшым становішчы.

З такой безадказнасцю да прывядзення мястэчка ў культурны выгляд трэба закончыць. Мы маем усе магчымасці, каб прывесці ў парадак вуліцы, двары, пабудаваць новыя тратуары, прывесці ў культурны выгляд крамы.

Для гэтага патрэбна адно, не балбатаць, а штодзённа змагацца за навядзенне чыстаты і культурнага выгляду мястэчка, заняцца азеляненнем вуліц і двароў.

Узмацніць барацьбу супроць тых, якія парушаюць дырэктывы накіраваныя на палепшэнне санітарнага становішча. Санітарнаму ўрачу, Лазаковічу, асаблівую увагу патрэбна звярнуць на санітарнае становішча мястэчка.

А. С. Аўрамец.

Райліт № 61 тыр. 2000 — м. Тураў друк. газ. „Ч. Т“

Заметка А.С. Аврамца «Санитарное состояние и порядок в Турове»
Чырвоная Тураўшчына, 24 мая 1935 г.

Борьба с малярией

Местечки Мозырского района, расположенные среди низин и болот, серьезно страдали от малярийного комара. Летом 1924 г. секретарь ЦК Компартии Белоруссии Асаткин информировал Народный комиссариат здравоохранения республики о том, что большая часть населения Мозырского округа болеет малярией. Для борьбы с недугом требовался хинин, запасы которого были ограничены.[23]

Только к началу 30-х годов наметилась тенденция к улучшению, был накоплен важный опыт, заработали антималярийные станции. В 1936 г. на эти цели Туровскому району было выделено 27 тыс. руб., что в два раза больше, чем в 1935 г., прививками хинина было охвачено 2132 чел., местные жители покрыли сетками 700 окон, окурили 588 зимовок комаров и обработали 86 водоемов, зараженных личинками малярийного комара. В результате уровень заболеваемости малярией заметно снизился. В мае–июле 1936 г. в Туровском районе инфицированных малярией стало в три раза меньше по сравнению с аналогичным периодом 1935 г.[24]

Болезни глаз

Определенный успех был достигнут в лечении глазных заболеваний. В 1914 г. Минская губерния занимала одно из первых мест по числу трахоматозных заболеваний, и сюда периодически выезжали глазные отряды по линии российских благотворительных обществ. В силу своих возможностей они оказывали помощь больным и готовили местных врачей.

Первый советский трахоматозный центр на 60 мест открылся в Минске в 1921 г. В это время квалифицированные врачи-окулисты имелись лишь в четырех окружных городах республики, всего девять человек. Остальные шесть округов были лишены специализированной медицинской помощи.[25] Борьба с недугом требовала безотлагательного вмешательства, поскольку на 10 тыс. населения приходилось 129 больных, главным образом детей. В 1923 г. приемные покои для больных трахомой открылись в Бобруйске, Борисове, Игумене и Слуцке. В Мозырский район глазные отряды начали приезжать с 1924 г. Они обследовали население, вели амбулаторный прием и санитарно-просветительную работу. Однако прибытие окулистов в полесскую глубинку оставалось редкостью. О характере и масштабах распространения болезней на Полесье можно судить по отчету врача мозырской окружной больницы Н.А. Лосева, который посетил Туровский район

---

[23] НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 21, л. 14.

[24] *Чырвоная Тураўшчына*, 6 верасня 1936 г.

[25] Т.В. Бирич, Д.В. Кантор, «Достижения офтальмологии в СССР», *Здравоохранение Белоруссии*, 1968 г., № 12, с. 36-38.

в 1927 г. В годы первой пятилетки в республике действовали более 20 глазных отрядов, сформированные из работников Минской трахоматозной больницы и Гомельского научно-исследовательского института глазных болезней. К концу 30-х годов количество заболеваний в БССР пошло на убыль и снизилось до 40 случаев на 10 тыс. чел.[26]

Аптечное дело

В первые годы советской власти система руководства аптечным делом отсутствовала. Аптеки открывали стихийно – решением уездных, а затем районных отделов здравоохранения исполкомов Советов. НЭП потребовал сдачи аптек в аренду, и в июле 1922 г. СНК БССР принял постановление о торговле аптекарскими товарами и оптовой продаже медикаментов. Коллегия Наркомздрава БССР образовала единый аптечный центр с отделениями по округам только в январе 1927 г. До середины 30-х годов медикаменты и лекарственные препараты поступали в Туров из Гомеля и Минска, пока не было образовано самостоятельное Полесское областное управление, объединившее 30 аптек. Однако снабжение налаживалось с трудом, базы и склады не располагали специальным оборудованием. Пограничные районы зачастую оставались без медикаментов и товаров первой необходимости. В 1936–1938 гг. трудно было найти стрептоцид, денатурат, вату, бинты и спирт. Аптеки Турова, Скрыгалова, Наровли, Ельска, Петрикова и Лельчиц имели сыворотку, срок годности которой истек.

В 1938 г. по вине Главного аптечного управления БССР аптеки Полесской области оказались без запаса минеральной воды, которую завозили осенью. Плохо был поставлен контроль за хранением и выдачей по рецептам врача ядовитых и сильнодействующих препаратов. В аптеках Копаткевичей, Юревичей, Петрикова, Василевичей, Хойников учет оставался запутанным, а расход лекарств не контролировался.

В обстановке подозрительности и шпиономании конца 30-х годов главную вину за неудовлетворительное состояние аптечного дела власти возлагали на злоумышленников. В январе 1939 г. начальник УНКВД по Полесской области Кауфман и оперуполномоченный 4-го отделения госбезопасности Дьячков докладывали секретарю Полесского ОК КП(б)Б Маркину о засоренности аптек антисоветскими элементами. Госбезопасность составила список лиц, имевших «сомнительное» прошлое, которые на этом основании не могли быть лояльными советской власти (табл. 1).

[26] М.Е. Абраменко, Указ. соч., с. 168.

Таблица 1
Состав руководящих кадров аптечного управления Полесской области на 1 января 1939 г.[27]

Фамилия, имя и отчество	Нацио-нальность	Место работы и должность	Компрометирующие данные
Быховская Рахиль Наумовна	еврейка	Лельчицы	из торговцев, брат в Польше
Гольдефт Юдель Давидович	еврей	Полесское облаптекоуправление, зам. управляющего	отец и брат в Латвии, хозяева аптек
Жиприс Соня Наумовна	еврейка	секретарь аптекоуправления	из торговцев, муж репрессирован
Зак Шмая Гилелевич	еврей	Василевичи	бывший торговец, клерикал
Отчик Мария	белоруска	Тонеж	репрессирован отец в 1937 г.
Прасов Абрам Исаакович	еврей	Хойники	из торговцев, вернулся из Германии в 1921 г.
Райхлин Меир Левикович	еврей	Туров	бывший владелец аптеки в Червене, брат в Палестине, сестра в США
Савенко Анна	белоруска	Мозырь	муж служил в полиции
Семенюк Георгий Анисимович	русский	Юревичи	служил в армии Врангеля
Тайбин Марк Вульфович	еврей	Лельчицы	бывший меламед, из торговцев, брат в Польше
Ундрес Хая Гиршевна	еврейка	Скрыгалов	мать и сестра в Китае
Файнштейн Арон Исаакович	еврей	Петриков	клерикал, муж дочери арестован
Филиппович Надежда Федоровна	белоруска	Житковичи	уроженка Польши
Хейфец Арье Кивович	еврей	Щедрин	бывший владелец аптеки в Рогачеве
Цейтлина Ревекка Яковлевна	еврейка	Василевичи	из торговцев, муж – активный клерикал

[27] Составлено по: ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 61, л. 204.

Национальный состав потенциальных вредителей, взятых на подозрение НКВД, говорил сам за себя. Среди 14 заведующих аптеками Полесской области оказалось три белоруса, один русский и 10 евреев. Некоторые из фармацевтов имели родственников за границей – в Польше, Прибалтике, Палестине или учились за рубежом, другие в прошлом были владельцами аптек, третьи являлись членами семей репрессированных и т. д. Этого было достаточно, чтобы заподозрить аптечных работников в неискренности и потенциальном двурушничестве. Однако заменить старые кадры было некем, потому что изготовление лекарств и медицинских препаратов оставалось настолько деликатным и важным делом, что простое административное перемещение могло иметь катастрофические последствия. В 1937 г. в Полесскую область прибыла небольшая группа молодых фармацевтов, выпускников советских учебных заведений, без опыта практической работы. Действовать самостоятельно без наставников они не могли, и в связи с этим 10 аптек области оставались недоукомплектованными.

Предвоенные годы

Советская медицина развивалась под воздействием экстенсивных факторов. После событий сентября 1939 г. в западных районах Белоруссии была создана система здравоохранения по образцу БССР. Это выразилось в расширении сети лечебных и санитарных учреждений, увеличении числа кадров медицинских работников. Врачебная помощь стала более доступной для большинства населения. В 1940 г. расходы на нужды охраны здоровья в Полесской области выросли на 12,2% и составили 19,1 млн руб. Устойчивое финансирование обеспечило работу 35 больниц, 81 лаборатории и поликлиники, 26 фельдшерско-акушерских пунктов, 16 женских и детских консультаций.[28]

Далекой от завершения оставалась борьба с малярией и другими инфекционными заболеваниями. В 1939 г. во время работы Всебелорусского противоэпидемического совещания абсолютные цифры в целях сохранения секретности сообщались лишь в процентах. В целом по БССР они были неутешительными. Наиболее резкий скачок заболеваемости наблюдался в Полесской области: брюшным тифом – на 14,3%, дифтерией – на 25%. Рост по республике дала корь – 62%, в то время как показатели этой болезни в целом по СССР снизились на 10%. Особенно тревожное положение сложилось с корью в Полесской области – 155,8%. На распространении этой болезни сказалась неинформированность населения о возникшей опасности и слабая лабораторная база. Положение стабилизировалось, когда, органы здравоохранения сумели перестроить свою работу, начали больше уделять внимания санитарному состоянию населенных пунктов и водоснабжению. В сентябре 1939 г. СНК БССР принял постановление об упорядочивании водоснабжения и канализации на тер-

[28] Государственный архив Минской области, ф. 1754, оп. 3, д. 12, лл. 8, 20.

ритории республики, гораздо больше стали строить бань, регулярными сделали санитарные проверки на производстве, в учреждениях и учебных заведениях, было пересмотрено отношение к утилизации коммунальных отходов.[29]

* * *

За двадцать лет советской власти в результате больших усилий в Турове были ликвидированы наиболее опасные инфекционные болезни – оспа, тиф и холера. Стало более успешным лечение трахомы, малярии, дизентерии, заболеваемость которыми заметно снизилась. Туровская больница оказывала консультации и помощь по охране материнства и детства. Медицинское обслуживание строилось по участковому принципу, осуществлялось по месту жительства; расширилась диспансеризация, заработала система санитарно-просветительной и профилактической работы с населением.

В республике утвердилась государственная система здравоохранения с централизованным управлением, общим планированием и финансированием. Медицинская помощь предусматривалась для всех граждан без исключения, а обращение к врачу стало нормой. Однако бесплатная медицина существовала за счет перераспределения общественных фондов потребления, т. е. недоплаты работникам за их труд и вычетов в виде налогов. Акцент делался на количестве, а не качестве медицинского обслуживания. В стране с неразвитыми производительными силами оказание безвозмездных медицинских услуг тормозило обновление здравоохранения. Главная трудность заключалась в низком жизненном уровне населения. Оставались нерешенными проблемы детской заболеваемости и высокой смертности. Экономическое обоснование в области советской медицины уступило место пропаганде о превосходстве советского строя.

[29] М.Е. Абраменко, Указ. соч., с. 129.

Борьба с пожарами: советский подход

Окончание гражданской войны и возврат к мирной жизни не отодвинули угрозу пожаров. Туров оставался деревянным, как и сто лет назад, и во многом беззащитным перед стихией (молнии, лесные и торфяные пожары). Небрежность человека в обращении с огнем (нарушение правил хранения горючих материалов, шалости детей) усугубляла возможность беды, которая не разбирала правых и виноватых. В 20-е и 30-е годы причиной несчастья мог стать социальный протест, когда отчаявшиеся хозяева поджигали свое имущество, подлежавшее национализации, или общественные постройки для сведения счетов.

Борьба с пожарами требовала общих усилий и мобилизации всех доступных средств. В советское время усиление государственного вмешательства в общественную и частную жизнь неизбежно отразилось на подходе к решению этой проблемы. Жесткая административная вертикаль, пронизавшая сверху донизу институты местной власти, страх перед карательными органами, которые режим сделал ответственными за пожарную безопасность, по мнению властей, должны были помочь бороться и побеждать стихию огня.[1]

«Государево око»

Реформирование пожарной охраны в Белоруссии было начато в январе 1919 г. После гражданской войны общее состояние было плачевным: значительное количество лошадей, основной тягловой силы на пожаре, погибло во время военных действий, пало от голода и болезней; механизированные средства тушения отсутствовали; брезента, пожарных рукавов, огнетушителей не хватало; квалифици-

[1] С.В. Голубев, Ф.Б. Зильберштейн, В.С. Савельев, *Пожарное дело в СССР*, Москва 1968 г., с. 11.

рованных кадров пожарных не осталось. Первые усилия были направлены на сбор, ремонт и изготовление инвентаря, восстановление существовавших прежде и создание новых пожарных команд и дружин. Законодательной основой этой работы стал декрет СНК РСФСР от 18 апреля 1918 г. о государственных мерах борьбы с огнем. Эта дата впоследствии долгие годы отмечалась как День советской пожарной охраны.[2]

В мае 1921 г. была принята инструкция о порядке осуществления трудовой повинности по борьбе с пожарами.[3] В округах республики прошли совещания руководителей пожарных отделов исполкомов местных Советов. Главное внимание уделялось охране запасов продовольствия. В связи со сбором продовольственного налога пожарная служба обязывалась обеспечить безопасность ссыпных пунктов и заготовительных контор. Противодействие огню, наряду со стихийными бедствиями и эпидемиями, возложили на службу государственной безопасности. С этой целью были сформированы особые *тройки* из представителей пожарного отдела ОГПУ,[4] Наркомтруда и Белпожаротдела (Белорусского пожарного отдела). Аналогичные органы возникли при пожарных отделах окружных, районных и волостных исполкомов Советов, все распоряжения которых считались обязательными.[5]

В Белоруссии пожарную тройку возглавил бывший председатель Мозырского ревкома (до 1920 г.), заместитель полномочного представителя ГПУ по Западному краю И.К. Опанский.[6] Сотрудники ОГПУ должны были выяснять, действительно ли происшествие с огнем носило стихийный характер или произошло по злому умыслу, какие были приняты меры предосторожности или имела место халатность, наконец, насколько эффективно действовали ответственные лица во время ликвидации пожара. До начала 30-х годов существовала следующая схема принятия решения: спецслужба ставила в известность партийную инстанцию, которая, в свою очередь, направляла запрос в государственный орган для выяснения обстоятельств дела. В ноябре 1924 г. в докладной записке госбезопасности, направленной в ЦК КП(б)Б, отмечалось, что в течение нескольких месяцев Белоруссия понесла тяжелые убытки от стихии огня. С 1 по 30 октября в республике произошло 2665 возгораний, которые уничтожили 11 тыс. 716 строений. Для компенсации частичных потерь Госстрах[7] выплатил пострадавшим организациям и частным лицам 400 тыс. руб. при оценке ущерба в 30%. Причины пожаров оказались самыми разнообразными: от неисправности печей возникло 15,8% возгораний, дымоходов – 5,6%, от

---

[2] Л.М. Шапиро, *Пожарная охрана в прошлом и настоящем*, Москва 1938 г., с. 6.

[3] Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 44, д. 1, д. 45, л. 419.

[4] ОГПУ - Объединенное государственное политическое управление.

[5] НАРБ, ф. 516, оп. 1, д. 246, л. 54.

[6] Иосиф Казимирович Опанский (1897-1927 гг.) погиб в железнодорожной аварии.

[7] *Госстрах* - Главное управление государственного страхования при СНК (Совете Министров с 1946) БССР.

неосторожного обращения с огнем – 15,8%, от удара молнии – 9%, от поджогов – 30,6% и от невыясненных причин – 23,2%.[8]

Особенно часто к пожарам приводили умышленные поджоги. Это могли быть намеренные действия для получения страхового вознаграждения или результат вражды, мести, проявления хулиганства, беспечности, детской шалости, халатности, воровства, болезни (психического отклонения). На общем состоянии пожарной безопасности сказывались бытовые условия, экономическая и общекультурная отсталость населения, злоупотребление алкоголем. Заслон поджогам должны были поставить добровольные ночные караулы. НКВД требовал организовывать их силами местных жителей с апреля по октябрь. На окраинах городов на каждые 50 дворов приходилось по четыре караульных, а в местечках – по два караульных и паре лошадей. Караульные, заметив неаккуратное обращение с огнем, обязаны были вмешаться, сделать соответствующую запись в дневнике и доложить пожарному старосте. В то же время оговаривалось, что караульщик не доносчик, а общественный наблюдатель. Он не может нарочито заходить в избу, подглядывать – «пусть смотрит в оба, но открыто, как уполномоченный общества».[9]

В местах, где отсутствовали пожарные инспекторы, наблюдение и руководство возлагалось на членов райисполкома или сельсовета. Из числа местных жителей избирался пожарный староста, который держал связь с ближайшей пожарной дружиной. Староста следил за тем, чтобы был обеспечен запас воды, проверял колодцы и пруды, отвечал за состояние подъездных путей и сооружение искусственных водоемов. В случае необходимости к тушению пожара привлекались расположенные поблизости воинские части.[10]

В начале 20-х годов одна пожарная дружина предусматривалась на каждые 200–300 дворов, а в целом по республике должно было действовать не менее 2 тыс. дружин. Вместо этого функционировала только их треть. Пожарная охрана не была централизована, а инспекция по борьбе с огнем при ВСНХБ[11] оказалась неспособной следить за претворением в жизнь принятых решений. Борьбу с огнем затрудняло отсутствие специальных средств тушения и инвентаря. Не хватало насосов, пожарных рукавов, помп, специальной одежды, касок и средств передвижения. Сельские и районные добровольные дружины вынужденно пользовались орудиями и инструментом, приспособленными к тушению огня.[12]

Для исправления положения был образован институт городских и районных пожарных инспекторов, на содержание которого ассигновалось 30 тыс. руб. в год.

8 НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 21, л. 13.

9 М. Поляков, *О борьбе с пожарной опасностью*. Вып. 2, изд-е Госстраха, Москва 1923 г., л. 8.

10 Инструкция пожарного отдела УКХ при НКВД БССР, 1925 г., Зональный государственный архив (ЗГА) в Мозыре, ф. 64, оп. 1, д. 157 лл. 292, 340-342.

11 ВСХНБ - Высший Совет народного хозяйства БССР, государственный орган административно-командного управления экономикой (1923-1932).

12 *Пожарное дело*, 1925 г., № 8, с. 25.

В середине 1924 г. СНК БССР поручил отпустить для приобретения пожарного инвентаря кредит на 75 тыс. руб. в счет будущих процентных отчислений от Госстраха. Инспекцию при ВСНХБ упразднили, передав охрану, контроль, наблюдение и руководство делом пожарной безопасности в ведение Центрального политического отдела Управления коммунального хозяйства (УКХ) Народного комиссариата внутренних дел республики. При нем был открыт Белпожаротдел, который возглавил Г.Е. Каплан. Средства, отпускаемые ранее на содержание инспекции, направили на улучшение материальной базы пожарных депо, снабжение дружин и профессиональных городских пожарных команд. В 1924–1925 гг. начался выпуск специализированных периодических изданий: *Пожарный*, *Пожарная техника*, *Пожарное дело*.[13]

В декабре 1924 г. был утвержден Устав Всебелорусского пожарного общества. Он позволял обращаться в государственные органы за содействием в развитии пожарной охраны, устраивать лотереи, вечера и базары, собирать пожертвования. Первоочередной задачей было привлечение в ряды Общества новых членов. Вступительный взнос для городских пожарных равнялся 10 руб., местечковых – 5 руб., а ежемесячный взнос за каждого дружинника – 20 коп. Вводились льготы: бесплатное служебное помещение, жилье и возможность безвозмездно пользоваться пахотными и сенокосными угодьями, освобождение от промыслового налога, отпуск по сниженным ценам строительного леса и некоторые другие. Для поощрения за самоотверженность и отвагу при пожаре, долговременную и безупречную службу существовала система ценных подарков, денежных выплат, похвальных листов и наградных знаков. На бронзовый знак отличия можно было претендовать после трех лет службы в пожарном ведомстве, на серебряный – после шести лет, на золотой – после 20 лет службы. За особые заслуги при тушении пожара, ликвидации последствий бедствий – наводнений, ураганов, строительных катастроф или химических аварий, сопряженных с опасностью для жизни, отличившихся пожарников представляли к ордену Трудового Красного Знамени. Сведения о награжденных публиковались в Бюллетене НКВД.[14]

Членам пожарных расчетов вменялось в обязанность выезжать по вызову, оказывать помощь пострадавшим, нести дежурства в общественных местах. Сведения о пожарах систематизировали. По следам каждого происшествия составляли протоколы, в которых отмечали место, время, причины возгорания, количество пострадавших и нанесенный материальный ущерб. Такой акт готовил работник страхового общества, начальник пожарной дружины или председатель сельсовета.

Для борьбы с крупными пожарами предусматривалась координация действий ряда пожарных дружин и использование железнодорожного транспорта. В январе 1928 г. правление Западных железных дорог в Гомеле выделило подвижной

---

[13] НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 21, л. 42.

[14] ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 202, л. 20.

состав из двух крытых вагонов и одной платформы, где помещались команда из 30 дружинников, три пожарные машины, емкости с водой для конной тяги, шесть лошадей и пожарный инвентарь (багры, лестницы, насосы и помпы). Станциями отправления, в зависимости от места возгорания, были определены: Калинковичи, Птичь, Копцевичи и Житковичи.[15]

Деятельность советских учреждений по борьбе с пожарами постоянно контролировали спецслужбы. Они интересовались выполнением плановых показателей и общим состоянием дел в этом направлении. Информационные сводки, докладные записки, аналитические отчеты, необходимая статистика были скрупулезно выполнены, а специалисты предприятий, которые их готовили, давали подписку о неразглашении сотрудничества с НКВД.

К 1928 г. в Белоруссии сложилась единая система надзора. Она включала профессиональные городские и районные пожарные части, добровольных помощников из числа рабочих и служащих. В сентябре 1931 г. органы пожарной охраны были переданы из ведения УКХ НКВД в только что образованный Наркомат коммунального хозяйства БССР (НККХ).[16] Административные и уголовные меры за невыполнение противопожарных указаний еще больше ужесточились. Местным органам власти предписывалось возбуждать уголовные дела за халатное отношение к мерам пожарной безопасности. Правительственный орган по борьбе с огнем в масштабах республики возглавил Н.М. Голодед.[17] В городах и районах пожарные тройки подчинялись председателям Советов, была открыта единая телефонная линия 01. Расследования о пожарах шли под наблюдением прокурора не дольше пяти дней, а народные суды рассматривали дела о пожарах в течение двух дней.[18]

В Мозырском округе

В 1923 г. в состав пожарной тройки Мозырского округа вошли: представитель окружного исполкома Ластовский, ГПУ – Лучина и Госстраха – Видасов.[19] Количество пожарных старост во всех населенных пунктах округа, включая хутора, достигло 500 чел. Добровольной пожарной дружиной города или местечка ведал пожарный исполком в лице председателя, секретаря и кассира. Он отвечал за тушение пожаров, мобилизацию средств, соблюдение прав и обязанностей членов пожарной команды.[20]

---

[15] О передвижении по железной дороге пожарных команд, Там же, ф. 60, оп. 1, д. 202, л. 28.

[16] Собрание законов (далее СЗ) БССР, 1931 г., № 29, п. 199.

[17] Николай Матвеевич Голодед - председатель СНК БССР (1927-1937).

[18] СЗ БССР, 1932 г., № 53, ст. 319.

[19] ЗГА в Мозыре, ф. 64, оп. 1, д. 157, л. 31.

[20] Инструкция об организации сельских и местечковых добровольных пожарных дружин Мозырского округа от 9 июля 1923 г., Там же, ф. 216, оп. 1, д. 238, лл. 21, 21-об.

Профилактике пожаров служили месячники *пожохраны*, когда устраивались передвижные выставки, читались лекции, демонстрировались образцы пожарного инвентаря, распространялись плакаты и тематическая литература. В декабре 1924 г. Мозырский окружной коммунхоз обязал районные тройки ежемесячно представлять отчеты о проделанной работе с приложением копий принятых решений для последующей передачи в УКХ НКВД.[21] У пожарных еще не существовало единой формы и знаков отличия, и некоторые организации устанавливали их для себя произвольно, что создавало заметный разнобой. Это вынудило НКВД потребовать, чтобы впредь, до принятия в БССР формы и знаков отличия, использовать лишь те, что были приняты ЦПО НКВД РСФСР.[22]

Весной 1925 г. состоялось Мозырское окружное совещание пожарных работников. Были заслушаны доклады с мест, о текущем положении и ситуации по охране государственной собственности и имущества граждан в целом по республике. К тому времени в округе насчитывалось 60 пожарных организаций и около 600 пожарных старост. Мозырские пожарные продемонстрировали делегатам свое умение бороться с огнем. Основным источником финансирования противопожарных мероприятий округа был фонд Госстраха. Пожарный инвентарь отпускали на льготных условиях – за половину стоимости, используя беспроцентный кредит до пяти лет.

Следующим шагом стал контроль над работой трубочистов, наблюдение за состоянием дымоходов. Неисправности печей и труб, устройств подогрева в банях, хозяйственных постройках, кузницах, *овинах*[23] становились причиной почти половины всех несчастий, связанных с огнем. Несоблюдение правил противопожарной безопасности случалось в мелких мастерских, красильнях, овчинных, деревообрабатывающих, сапожно-валяльных, гончарных, кирпичных, слесарных и других кустарных производствах.

В 1924 г. окружному отделу коммунального хозяйства в Мозыре было передано монопольное право на «трубочистное дело» в местечках. К чистке дымоходов допускались только члены артели трубочистов. Всякая самодеятельность в этом отношении строго воспрещалась. Трубочисты выдавали домовладельцам свидетельство о проведенной профилактике, которое те должны были хранить не менее полугода для предъявления пожарному инспектору. За нарушение постановления виновные привлекались к ответственности в административном порядке: штрафу 300 рублей или принудительным работам до трех месяцев.[24]

В середине 20-х годов по статистике на каждых 100 пожаров – 92 приходилось

---

[21] Инструкция об организации сельских и местечковых добровольных пожарных дружин Мозырского округа от 9 июля 1923 г., Там же, ф. 64, оп. 1, д. 157, л. 141.

[22] ЦПО НКВД РСФСР - Центральный пожарный отдел НКВД РСФСР, Там же, л. 177.

[23] *Овин* - помещение для сушки снопов перед молотьбой; снопы раскладывали на настиле, под которым разводили огонь.

[24] Обязательное постановление Мозырского окружкома от 3 декабря 1924 г., ЗГА в Мозыре, ф. 64, оп. 1, д. 157, л. 2.

на сельскую местность.[25] Зимой 1925 г. в местечки Мозырского округа были разосланы рекомендации по борьбе с огнем. Они касались не только чистки печей и труб, но и правил освещения, обращения с огнеопасными веществами и жидкостями (спирт, бензин, керосин) и даже пользования самоварами. Категорически запрещалось в ночное время входить в сараи и гумно с керосиновыми лампами, факелами, горячими щепами и свечами без фонаря. Предусматривались меры предосторожности в клубах, избах-читальнях и других местах общественного пользования.[26] На каждые пять дворов требовалось заготовить бочку с водой, ведра и исправную лестницу. Из наиболее «распорядительных» жителей, пользующихся уважением, рекомендовалось выбрать пожарного старосту и его помощника сроком на один год. В удобном месте – в центре местечка следовало соорудить пожарный сарай, помещение для хранения инвентаря: бочек, багров, лопат, ведер, топоров. По тревоге все население местечка должно было активно участвовать в тушении пожара, владельцы лошадей – безвозмездно предоставлять гужевой транспорт для подвоза воды. Старостам поручалось регистрировать каждое нарушение пожарной безопасности с обязательной передачей копии в волостной исполком Совета.[27]

Страшную опасность по-прежнему таили лесные пожары. Они уничтожали обширные массивы зеленых насаждений, животный мир, угрожали жизни людей, разрушали мосты и переправы.[28] Поэтому все население местечка в возрасте от 17 до 55 лет в случае пожара обязано было немедленно прибыть на тушение огня в порядке отправления трудовой повинности. Жители окапывали горящую местность вокруг канавами шириной 2,5 и глубиной 0,5 аршина. Вырытую землю выбрасывали обязательно на сторону огня. Сухостой, охваченный огнем, срубали топорами или спиливали. В случае отказа власти грозили нарушителям штрафом или принудительными работами.[29] В декабре 1933 г. СНК БССР принял постановление о мерах по охране торфяных болот от пожаров. Главное внимание уделялось раннему обнаружению пожаров, патрулированию территории, установке наблюдательных вышек и профилактической работе с населением.[30]

Для координации общих усилий в Мозырском округе было создано межведомственное пожарное совещание. К октябрю 1925 г. в каждом местечке действовали добровольные пожарные дружины, были выделены деньги на ремонт служебного

[25] О борьбе с пожарами. Письмо Мозырского окружкома от 30 апреля 1925 г., Там же, л. 105.

[26] Полезные противопожарные наставления Мозырского окружкома от 8 января 1925 г., Там же, л. 6.

[27] Там же, ф. 126, оп. 1, д. 244, л. 7.

[28] О лесных пожарах. Письмо Мозырского окрисполкома Туровскому волисполкому от 15 мая 1925 г., Там же, л. 139.

[29] Приказ заведующего коммунальным отделом Мозырского окружного исполкома Я. Канторовича о пожарной охране в местечках и деревнях от 16 мая 1923 г., Там же, ф. 126, оп. 1, д. 244, л. 7.

[30] НАРБ, ф. 7, оп. 1, д. 865, л. 4.

инвентаря, в летние месяцы существовала постоянная вахта из дежурных. Количество добровольных пожарных дружин по округу увеличилось за год с 20 до 55, общую картину этой работы можно видеть в табл. 1.

Таблица 1
Пожарные дружины в Мозырском округе
с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г.[31]

Показатель	1 октября 1924 г.	1 октября 1925 г.
Количество пожарных дружин	20	55
Число членов пожарных дружин	882	1742
Наличие рабочих лошадей	9	12
Наличие пожарного инвентаря	51	84

Основной причиной слабой оснащенности пожарных был недостаток финансирования. Дружина могла покрыть за счет субсидии от государства только часть своих расходов. Она собирала пожертвования с публичных выступлений, концертов, театральных постановок и лекций, сумм, поступающих за дежурство на общественных мероприятиях, игру пожарного оркестра. Деньги расходовались на содержание депо, устройство противопожарных приспособлений, обмундирование, починку и приобретение инвентаря, выдачу пособий, наград и поощрений отличившимся членам ДПД и другие нужды, имевшие отношение к выполнению прямых обязанностей дружины. В среднем в 1928 г. затраты на обеспечение противопожарной безопасности в расчете на одного жителя не превышали в городах 70–90 коп., а в сельской местности – 4 коп. в год. Первый пятилетний план предусматривал в БССР увеличение расходов на борьбу с огнем на 40%.[32]

Осознание опасности пожаров заставляло руководство искать дополнительные резервы. В течение года число пожарных дружин в Мозырском округе увеличилось на 35, а самих дружинников – на 860 чел., больше стало рабочих лошадей и инвентаря (багров, лопат, ломов, ведер). От Госстраха на нужды округа поступило 11 пожарных труб с рукавами и брандспойтами. С 1924 до 1925 г. такими силами были встречены 57 пожаров, из которых восемь произошли в Мозыре, 49 – в округе.[33]

---

[31] Составлено по: *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б за время с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г.,* Мозырь 1925 г., с. 79.

[32] В. Яковчук, *Пожарная служба Беларуси: история развития*, Минск 2005 г., с. 162.

[33] *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б*, Мозырь 1925 г., с. 80.

В Турове

Пожарная команда в местечке была сформирована в 1918 г., но отдельные ее члены занимались тушением пожаров еще до революции. В период гражданской войны дружина бездействовала. За 1919–1921 гг., когда местечко сотрясали погромы и разбои, она фактически распалась. Когда насилие прекратилось и порядок был восстановлен, неизбежно вновь встал вопрос о защите от пожаров. В 1922 г. добровольная пожарная дружина Турова насчитывала 35 чел., из них пять человек вступили в нее в 1916 г., два – в 1917 г., 14 – в 1918 г. и шесть – в 1922 г.[34] Первые несколько лет туровские пожарники были предоставлены сами себе. Помощь и контроль со стороны Мозырского окружкома оставались минимальными. Жители местечка сами решали, кто и на каких условиях будет нести пожарный караул, предупреждать их об опасности и тушить пламя. Начальником пожарной команды в Турове избрали портного Шая Котика. Пожарники следили за чисткой дымоходов: за каждую трубу в жилом доме взималось от 1 до 1,5 пуда ржи в год, в кузницах – три, на мельницах – десять. Плату следовало вносить в два этапа: первую – до 20 августа, а вторую – до 20 октября. Арендаторы, владельцы муниципализированных и жильцы бесхозных домов вносили ее наравне с остальными. Лица, уклоняющиеся от чистки труб, рассматривались исполкомом как потворствующие пожару.[35]

Затем профилактика пожаров упорядочилась. В мае 1925 г. комиссия в составе председателя Туровского волостного исполкома Махнача и его членов тов. Рака, Котова, Литвака приступила к официальной записи желающих в добровольную пожарную дружину. Кандидатов просили представить справку из сельсовета о политической благонадежности и отношении к воинской повинности. [36] Пожарным старостой Турова стал Арон Чарный и его заместителем Арон Старобинский. Пожарный исполком отвечал за состояние материальной части дружины, а начальник дружины Мордух Пинчук – за личный состав и согласованные действия на пожаре.[37] Пожарная дружина насчитывала 52 чел., из которых евреи составляли подавляющее большинство – 48 чел. Социальный, профессиональный и возрастной состав туровских пожарных представлен в табл. 2, 3 и 4.

---

[34] Список личного состава туровской пожарной охраны, 1922 г., ЗГА в Мозыре, ф. 209, оп. 1, д. 3, л. 3.

[35] Обязательное постановление Туровского волисполкома от 8 августа 1923 г., Там же, ф. 126, оп. 1, д. 244, л. 12.

[36] Объявление о записи в пожарную дружину в Турове от 29 мая 1925 г., Там же, л. 10.

[37] Там же, ф. 64, оп. 1, д. 157, лл. 58, 91.

Таблица 2
Профессиональный состав Туровской добровольной пожарной дружины в 1925 г.[38]

Род занятий	Количество	Род занятий	Количество
Заготовщик	3	Профработник	1
Извозчик	3	Сапожник	9
Кожевенник	8	Служащий леспромхоза	1
Кочегар	1	Сторож	2
Кузнец	3	Рыбак	1
Мясник	6	Торговец	1
Парикмахер	1	Член волисполкома	2
Портной	7	Шапочник	3
		Итого	**52**

Таблица 3
Возрастной состав Туровской добровольной пожарной дружины в 1925 г.

Возраст, *лет*	**Количество**	
	чел.	*%*
До 20	–	–
20–25	15	28,8
26–30	17	32,7
31–35	17	32,7
Старше 35	3	5,8
Итого	**52**	**100**

[38] Табл. 2, 3 и 4 составлены по: ЗГА в Мозыре, ф. 126, оп. 1, д. 232, лл. 229-230.

Таблица 4
Социальный состав Туровской добровольной пожарной дружины в 1925 г.

Социальная принадлежность	Количество	
	чел.	*%*
Крестьянин	–	–
Кустарь	37	71,2
Рабочий	8	15,4
Служащий	6	11,5
Торговец	1	1,9
Итого	**52**	**100**

Большинство пожарников составляли семейные люди – 32 чел. (61,5%), возраст которых колебался от 20 до 37 лет. Единственным ветераном был сторож еврейской школы Гилель Зайчик, 1865 г. р., состоявший в пожарной охране Турова с 1895 г. По роду занятий среди пожарных местечка преобладали кожевенники, сапожники, портные, мясники и кузнецы, за которыми следовали извозчики, шапочники и заготовщики. В социальном отношении больше всего было кустарей – 71,2%, рабочих – 15,4% и служащих – 11,5%. Среди пожарников местечка 15,4% были комсомольцами, а остальные оставались беспартийными.[39] К 1927 г. состав пожарной дружины увеличился до 58 чел., среди которых было уже 8 коммунистов и 50 сочувствующих, на должность старосты заступил Ефименко.[40]

Социальное происхождение было очень важным в советских условиях. В декабре 1924 г. в характеристике Гиделя Зайчика, выдвинутого на поощрение в Минск, подчеркивалось, что кандидат не только проявил себя с самой лучшей стороны, первым приходил по тревоге, самоотверженно тушил пожары, но и имел пролетарское происхождение, являлся членом Союза совторгслужащих.[41]

В пожарной дружине Турова состояли торговец Борух Кундо, рыбак Вульф Койфман и мясники Янкель Брегман и Айзик Шифман. Осенью 1925 г. Мозырский окружной отдел коммунального хозяйства после получения секретного циркуляра

---

[39] Годовой отчет Туровского местечкового национального совета за 1925 г., ЗГА в Мозыре, ф. 124, оп. 1, д. 19, л. 166.

[40] О работе национального Совета в Турове по состоянию на 29 июля 1926 г., Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 69, оп. 1, д. 248, л. 49.

[41] ЗГА в Мозыре, ф. 64, оп. 1, д. 157, лл. 359-361.

НКВД потребовал исключить их из состава туровской пожарной дружины. Это мотивировалось тем, что люди, лишенные избирательных прав, якобы способны разлагающе влиять на членов добровольной пожарной дружины.[42] В ответ председатель Туровского первого сельсовета сообщал, что Б. Кундо является «нетрудовым элементом» без определенных занятий, В. Койфман помогает отцу в рыбной торговле, Я. Брегман нигде не работает, а А. Шифман остается «соучастником» кожевенного завода (мелкого кустарного производства, использующего наемную силу). Все они были лишены избирательных прав и «вычищены» из местечковой пожарной команды.[43]

Из шести дружин района Туровская добровольная пожарная дружина считалась наиболее подготовленной и оснащенной. Радиус ее обслуживания составлял пять верст, а количество дворов – 1900 (11 тыс. жителей). При этом пожарные не имели ни одного автомобиля или бензиново-моторного насоса, пользовались только четырьмя ручными насосами, семью выдвижными и семью механическими лестницами. В их распоряжении было 24 пожарных рукава, четыре ствола для подачи воды, семь багров, четыре кирки, две лопаты, шесть ведер, две медные каски, один пожарный пояс, сигнальная труба, рупор для передачи команды и одна повозка. Инвентарь хранился в пожарном сарае площадью 216 кв. м в центре местечка.[44]

Вместе с тем внимания дисциплине в туровской дружине уделялось мало, разъяснительная работа с населением велась нерегулярно, хотя, как сообщалось в отчетах пожарного старосты, «трубы в домах периодически чистили». На летние месяцы назначалось дежурство, но без лошадей. Учений дружинники не проводили, состояние пожарного инвентаря не всегда было удовлетворительным. Для сбора средств на приобретение инвентаря и текущие расходы пожарной дружины проводились благотворительные концерты. За 1925 г. на эти цели было собрано 170 руб. 97 коп., а израсходовано 143 руб.[45]

Как и в предыдущие годы, главную опасность по-прежнему представляли лесные пожары. Чаще всего они возникали стихийно или в результате небрежности человека, и бороться с ними было чрезвычайно сложно. Противостояние огню отнимало много сил и времени, требовало денежных вложений, найти которые в скудном местечковом бюджете было очень непросто. В 1925 г. за отказ выйти на тушение лесного пожара волостной исполком Турова оштрафовал 37 чел., за неисправность труб и дымоходов взыскания были наложены на 51 чел., за уклонение от несения ночного караула наказаны 22 чел.[46]

---

[42] ЗГА в Мозыре, ф. 126, оп. 1, д. 232, л. 231.

[43] Там же, л. 233.

[44] Перечень инвентаря туровской пожарной дружины на 1 мая 1925 г., Там же, ф. 64, оп. 1, д. 157, л. 203.

[45] ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 248, л. 49.

[46] Ведомость административных взысканий по Туровскому району с 1 января 1925 г. по 1 января 1926 г., ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 154, л. 50.

Усиление противопожарных мер, 1930-е гг.

Наиболее эффективным способом в борьбе с пожарами власть видела в повышении требований к местной администрации и усилении карательной практики. Однако это не всегда помогало. К середине 30-х годов в Турове, несмотря на ряд принятых мер по укреплению противопожарной безопасности, общее положение было далеким от удовлетворительного.

Начальник Мозырского окружного отдела НКВД Каплан и оперуполномоченный экономического отдела Вельяонц объясняли подобную ситуацию отсутствием внимания со стороны районных организаций и сельских советов к охране социалистического имущества. Весной 1936 г. в информационной записке в ЦК КП(б)Б они отмечали, что Туровский райисполком не разработал меры по привлечению населения к тушению пожара. Отсутствовал план использования автомобильного и гужевого транспорта, не была обеспечена охрана скотных дворов, конюшен, складов и свинарников. Общие собрания колхозников и единоличников о совместных действиях на случай пожара не проводились.

Серьезная критика была высказана в адрес земельного отдела Туровского райисполкома, который недооценивал значимость пожарной охраны в колхозах. Из 36 колхозов Туровского района пожарные депо в удовлетворительном состоянии имели только пять хозяйств, а в остальных такие депо отсутствовали. Пожарный инвентарь был рассредоточен по разным местам: машины с насосами хранились при канцелярии, а брезентовые рукава – у начальника пожарной команды и т. д.[47]

Летом 1936 г. бюро Туровского РК КП(б)Б отметило «определенные положительные сдвиги» в вопросе пожарной безопасности. На краткосрочных курсах был подготовлен 31 начальник добровольной пожарной дружины колхозов и предприятий местной промышленности, при депо было назначено дежурство «людей и лошадей», заведена практика инспекции колхозов, состоялось 52 собрания трудящихся района, 46 заседаний правлений колхозов, открыты 11 новых пожарных депо.

Вместе с тем эта работа была далеко не завершена. Больше других отставали колхозы «1-е Мая», «Победа», «Чырвоная Тураўшчына», «Красный дозор». Там отсутствовал необходимый инвентарь (ломы, топоры, ведра, багры) и не проводились рейды и дежурства. В самом Турове строительство нового здания для пожарного депо затягивалось, а кредит Госстраха (3500 руб.), выделенный на эти цели, не реализовали. Жидкие смазочные материалы хранились с нарушениями правил техники безопасности – в неприспособленных погребах в *лесхимхозе*,[48] *райзаге*[49] и райисполкоме. Не проводилась регулярная очистка дворов, улиц и складских

[47] «О противопожарных мероприятиях в Туровском районе». Докладная записка на имя секретаря оргбюро ЦК КП(б)Б Ананьева и председателя оргкомитета ЦИК БССР Дубиной от 14 марта 1936 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 3, д. 16, л. 51.

[48] *Лесхимхоз* - районное отделение Наркомата лесной и химической промышленности БССР.

[49] *Райзаг* - районная заготовительная контора.

помещений Турова от захламленности, недостаточно велась борьба с безнадзорностью детей, которые часто становились виновниками пожаров.[50]

Понимая, какие последствия ожидают нарушителей после того, как в дело вмешивался НКВД, были предприняты срочные меры. Первый секретарь райкома партии Домбровский потребовал закончить строительство пожарного депо в Турове не позднее 30 октября 1936 г. Категорически запрещалось курение в местах складирования готовой продукции, на зерноскладе, заправочной станции, в местах хранения бензина и горюче-смазочных материалов. Была запрещена установка временных железных или кирпичных печей без разрешения пожарного инспектора, принимались «решительные меры» по предотвращению пожаров в лесу.[51]

Однако гарантии от несчастий, вызванных огнем, не существовало. Пожар мог начаться от удара молнии или поджога. *Вахта* (патруль), совершавшая обход Турова летом 1935 г., обнаружила поджигателя, который был признан психически больным. В том же году сгорел дом Ёшки Чечика на ул. Урицкого. Огонь перекинулся из конюшни, которая загорелась от непогашенной папиросы сторожа. В течение 1936 г. имели место три пожара – в Озеранах, Бережцах и в лесу на площади 4,6 гектара. Весной 1938 г. в полдень возник пожар в Турове на ул. Рабочей. Стоял первый день Пасхи, люди готовились к празднику, который обернулся бедой – сгорели дом Фридманов и школа-четырехлетка. Тайба Шифман вспоминает, что после этого случая дети долго боялись «красного петуха».[52] Младшая сестра Тайбы – Поля на некоторое время потеряла дар речи и чуть не стала заикой.[53] Зимой 1939 г. по вине жителей Даниила Довбана и Петра Домнича сгорело здание сельсовета в Перерове, убыток составил 19 тыс. руб. Причиной пожара стала неисправность печей. Виновные были приговорены Туровским народным судом к принудительным работам.[54]

В августе 1939 г. ЦК Компартии Белоруссии принял постановление, направленное на активизацию борьбы с пожарами. В документе, подписанном П.К. Пономаренко, недавно прибывшим из Москвы, говорилось о невыполнении принятых решений ЦК КП(б)Б и СНК БССР об усилении противопожарных мероприятий. Эту работу затрудняли неподготовленность и малочисленность пожарных команд, плохая организация и примитивная техническая оснащенность. Особое место уделялось лесным и торфяным пожарам, которые привели к большим потерям в Белыничском, Березинском, Кричевском, Василевичском и Туровском районах. Разъяснительные

---

[50] Постановление бюро Туровского РК КП(б)Б от 3 июля 1936 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 258.

[51] Последний пункт программы райкома партии о мерах предупреждения стихийного возгорания в лесу, на наш взгляд, носил декларативный характер, поскольку возможности его исполнения не было.

[52] «Красный петух», «подпустить красного петуха» - образные выражения, обозначающие пожар.

[53] Письмо Тайбы Левиной (Шифман) от 3 июля 2002 г. из Нетании (Израиль), Архив автора.

[54] Письмо на имя секретаря Полесского ОК КП(б)Б Кудрякова о пожаре в Перерове от 17 февраля 1940 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 126, л. 73.

мероприятия среди населения не дали результата, средства массовой информации проявили пассивность. Партийные инстанции видели причину неэффективных действий в том, что прокуратура не привлекала к уголовной ответственности лиц, «злостно нарушавших» пожарные инструкции, а разбор в суде их дел непозволительно затягивался.[55]

ЦК КП(б)Б потребовал от местных органов власти переукомлектовать кадры пожарной охраны, запретить посылать дружинников в командировки по посторонним вопросам, обеспечить установку громоотводов на общественных зданиях и проследить, чтобы пожарный инвентарь использовался только по назначению.

Одновременно правительство поручило наркому внутренних дел республики Л.Ф. Цанаве поставить вопрос перед НКВД СССР о выделении из общесоюзного фонда механизированных средств тушения огня, перед наркомом юстиции и прокуратурой БССР – провести показательные процессы по наиболее характерным делам виновников пожаров. Персональная ответственность за исполнение этого решения была возложена на первых секретарей обкомов, горкомов партии и председателей исполкомов Советов, начальников местных органов НКВД.[56]

В Полесской области не прекращались болотные и торфяные пожары, которые в летние месяцы охватывали большую территорию. Серия непредвиденных возгораний в Туровском районе имела место в 1939 г. В полдень 13 августа занялись торфяники недалеко от польской границы, которые смогли потушить только к 17 августа, а спустя неделю возникло еще два пожара. Первый – в районе Обозов-Камышин – охватил 450 гектаров сенокоса, покрытого лесом. Его тушили 300 жителей местных деревень. Второй – у д. Корма – уничтожил 40 гектаров лесного фонда. Оба пожара находились на одной линии на расстоянии шесть километров друг от друга.

25 августа в полдень загорелся лес в районе государственной границы на урочище Годичен в колхозе «На страже», где пожар уничтожил 60 гектаров леса. Несмотря на то, что в его ликвидации принимали участие 220 чел., потушить огонь удалось только 29 августа.[57] Следующий пожар случился у д. Милевичи, где он уничтожил 25 гектаров кустарника и мелкого леса, а 21 августа в районе Переров–Озераны от огня погибло 50 гектаров строевого леса. На границе с Лельчицким районом возле д. Дзержинск в ночь с 24 на 25 августа пожар погубил 200 гектаров лесного массива. В двух километрах от д. Хлупинская Буда Переровского сельсовета ночью 26 августа пожар одновременно возник в четырех местах и охватил 17 гектаров лиственного леса.[58]

---

[55] «Об усилении мер борьбы с пожарами в Белорусской ССР». Постановление ЦК КП(б)Б 27 августа 1939 г., Там же, д. 44, лл. 354-355.

[56] Там же, лл. 356-357.

[57] Выяснилось, что причиной возгорания в сухую погоду стала халатность пограничного наряда красноармейцев Букчанской комендатуры, которые бросили в траву непогашенную спичку.

[58] «Пожары в Полесской области». Информационная сводка за 1939 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 63, лл. 290-292.

Предвоенные годы

Выражением общественного признания роли и заслуг пожарной службы стало усиление социальной защиты пожарных. К 1937 г. заработная плата дружинников выросла на 80% по сравнению с началом 30-х годов, им стали выдавать бесплатное обмундирование, отпуск увеличили с одной до трех недель.[59] Для члена добровольной пожарной дружины ввели обязательное страхование на случай смерти или увечья при исполнении служебного долга. При гибели пожарного семья получала единовременное пособие 3 тыс. руб., а в случае инвалидности – от 500 до 2 тыс. руб.[60] К 1939 г. был принят единый общесоюзный стандарт, регламентировавший систему противопожарной безопасности в ходе строительства. Больше внимания стали уделять разъяснительной работе, агитации и пропаганде по борьбе с огнем, издавать тематические брошюры и книги. На экраны вышли первые фильмы о предотвращении пожаров, с 1936 г. начали проводить соревнования по пожарно-прикладному спорту.[61]

Однако стихия огня продолжала держать людей в напряжении. Очень важно было как можно раньше обнаружить очаг возгорания, чтобы успеть локализовать распространение огня. На борьбу поднимались все, кто был способен оказать посильную помощь. Но избежать потерь, включая человеческие жертвы, удавалось не всегда. 12 февраля 1941 г. пожар вспыхнул в сапожной артели Турова. Огонь уничтожил две тонны лозы, собранной для выработки кожи, убыток составил 1910 руб.[62] 7–10 марта 1941 г. в районах Полесской области из-за неосторожного обращения с огнем при сушке льнотресты в жилых помещениях погибло девять детей. В Туровском районе сгорело колхозное гумно и умер от ожогов механизатор машинно-тракторной станции.[63] 17 марта в д. Семурадцы от искры из трубы отопления сгорел дом Петра Бобрика (убыток составил 4380 руб.),[64] а 2 апреля в Слепцах пожар уничтожил дом Л.Ш. Шнайдера (убыток 1200 руб.).[65]

На рубеже 30–40-х годов борьба с возгораниями все больше принимала централизованный характер. 2 ноября 1939 г. СНК СССР утвердил постановление «Об усилении мер по борьбе с пожарами и проведению массовой агитационной работы среди населения по охране социалистической собственности и личного имущества граждан». Решение союзного правительства носило обязательный характер. Полесский облисполком продублировал его для председателей районных

---

[59] *Пожарная техника*, 1935 г., № 6, с. 12.

[60] Собрание постановлений СНК СССР, 1939 г., № 56, ст. 548.

[61] В. Яковчук, Указ соч., с. 66.

[62] *Сводка о пожарах в Полесской области на 1-15 февраля 1941 г.*, ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 160, л. 7.

[63] Там же, л. 22.

[64] Там же, л. 66.

[65] Там же, л. 70.

исполкомов и сельских Советов. Организацию добровольных пожарных дружин при сельсоветах и колхозах планировалось завершить к началу апреля, а начальников дружин назначить не позднее середины апреля 1941 г. Предлагалось исключить «пожарные команды», существовавшие только на бумаге.

На переподготовку дружинников области было ассигновано 35 тыс. руб. Все исполкомы Советов, где помещения пожарных депо отсутствовали, обязывались срочно начать их строительство, а в старых – провести ремонт. Проверке состояния противопожарной безопасности подлежали все помещения государственных учреждений, школы, больницы, ветеринарные лечебницы и другие здания общественного пользования. Постановление предусматривало помощь населению в подвозе кирпича для печей и дымоходов, в производстве бочек, багров, топоров, колес, пожарных насосов, чтобы иметь не менее десяти емкостей с водой и по одному ручному насосу в каждом сельсовете.

Пруды для тушения пожара в местечках должны были иметь объем не менее 24 кубометров, планировалось возвести наблюдательные вышки для обзора местности. Эти мероприятия следовало сопровождать разъяснительной работой с населением, печатать листовки, плакаты, лозунги, проводить радиобеседы, направлять агитбригады в отдаленные деревни, на что Госстрах выделил 8 тыс. руб.[66] Постепенно был совершен переход с конной тяги на механическую, что значительно сократило время прибытия к месту пожара. Насосы, установленные на автомашине взамен паровых труб, не требовали предварительного поднятия пара и могли создавать большое давление, подавая значительно больше воды.

После ввода частей Красной Армии на территорию Западной Белоруссии 17 сентября 1939 г. принципы советской системы пожарной безопасности были распространены на западные районы республики. Все трудоспособные граждане, начиная с 18 лет, были обязаны принимать активное участие в борьбе с огнем. Пожарные из Турова выезжали в Давид-Городок и Кожан-Городок, стажировались в Пинске.[67]

Советское руководство ставило задачу не только провести ревизию противопожарного потенциала, но и одновременно осуществить негласную ревизию мобилизационной готовности всех коммунальных служб на случай начала военных действий на западной границе. Ухудшавшаяся политическая обстановка на границе с Польшей, оккупированной Германией, запрет на публикацию сведений о возможных боевых действиях заставляли искать новые формы укрепления приграничных районов. Осуществлялись интенсивные проверки и ремонт подъездных путей, уточнялось наличие автомобильного и гужевого транспорта, проводилась мобилизация кадров пожарных работников, которые подлежали призыву в Красную

---

[66] «О проведении противопожарных мероприятий в ходе подготовки весенне-летнего периода». Постановление Полесского обкома партии от 14 февраля 1941 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 3, д. 20, л. 57.

[67] НАРБ, ф. 7, оп. 1, д. 893, л. 173.

Армию на случай войны. Ответственным лицам в государственных учреждениях и местных органах власти подбирались дублеры.[68]

* * *

В 1918–1941 гг. государство в значительной степени приняло на себя заботу об организации пожарной безопасности, ее материально-техническое обеспечение. Органы пожарной охраны подчинялись НКВД, регулировались едиными правовыми нормативами и правилами, имели общую стратегию и тактику предотвращения пожаров и борьбы с огнем. Были заложены основы профилактики и добровольного участия населения в этой работе. Борьба с пожарами представляла одну из немногих точек соприкосновения индивидуальных и общественных интересов, требовала мобилизации всех доступных ресурсов. Причины возникновения пожаров в целом не изменились. В меньшей степени они зависели от природных явлений, а в большей – от обращения с легковоспламеняющимися материалами и отношения к мерам пожарной безопасности. Отличительной приметой времени стал рост поджогов как форма социального протеста.

Предупреждение пожаров режим возложил на службу государственной безопасности. Обвинительный уклон, существовавший в основе деятельности карательных органов, требовал активного поиска виновных, на которых можно было списать причины случившейся беды. На результатах борьбы с пожарами сказалась модернизация способов тушения огня. К концу 30-х годов чаще применялись механизированные средства, пожарные расчеты снабжались помпами и насосами фабричного производства, появились огнетушители, более совершенные брандспойты и пожарные машины. В практику подготовки пожарных начали внедряться элементы соревнования по пожарно-прикладному спорту между районами и отдельными населенными пунктами.

Вместе с тем продолжал действовать остаточный принцип, при котором пожарные команды отвлекались на решение посторонних задач вместо того, чтобы совершенствовать профессиональное мастерство. Накануне второй мировой войны правительство все больше рассматривало пожарные дружины как составную часть гражданской обороны для укрепления тыла в условиях отражения возможного нападения противника. В целом отношение к пожарам показывало уровень обыденного сознания людей, понимание, как можно бороться с этой неотвратимой бедой общими усилиями.

---

[68] Подробнее об этом в главе «Фронт, партизаны. Гибель общины».

Землеустройство и коллективизация

Жизнь на земле, которая кормила и одевала, была знакома евреям так же хорошо, как и белорусским крестьянам. Засухи и наводнения, неурожайные годы неминуемо отражались на местечке, связанном с деревней неразрывными узами. Падало количество заказов, выполненная работа не оплачивалась, цены на сырье и продукты питания взлетали. Местечко служило центром экономического притяжения крестьян. Земледелие велось экстенсивным способом и усугублялось семейными разделами. Большая часть сельскохозяйственных угодий, леса и сенокосы до революции принадлежали помещикам[1], церкви[2], казне, и только незначительная часть – крестьянам[3], которые вынуждены были обрабатывать поляны, удаленные от основной усадьбы, среди болот и лесов. В 1918 г. помещики распродали свою собственность и выехали за рубеж.[4]

---

[1] В Турове помещик Нарейко имел 231 га пашни, сенокосы и 100 га леса вокруг деревень Буразь и Вересница; во владение помещика Наркутского входили деревни Лутки, Коротичи; князю Радзивиллу принадлежали лесные дачи Бережецкая, Букчанская, Радзивилловская - 39 тыс. 172 га из 96 тыс. 947 га всех туровских лесов, По материалам Туровского краеведческого музея.

[2] Священник Вечерко был собственником 144 га земли вокруг Турова, Там же.

[3] До 1917 г. крестьянам принадлежали 33,8 тыс. из 142 тыс. 453 дес., находившихся в севообороте в Туровской и Тонежской волостях. Доклад евбюро при Мозырском окружкоме КП(б)Б 13 ноября 1925 г., Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 3952, оп. 1-а, д. 13, л. 173.

[4] *Память*. Историко-документальная хроника Житковичского района, Минск 1994 г., с. 232.

Близость границы

Туровский район с южной стороны примыкал к Лельчицкому, с востока – к Петриковскому, с севера – к Житковичскому районам Мозырского округа. С запада в десяти верстах от Турова проходила граница с Польшей. Близость границы ставила жителей в невыгодные условия. После недавней гражданской войны экономические связи местечка были нарушены, товарооборот подорван. Свобода передвижения ограничивалась определенным временем суток. В нейтральной полосе оставались «белые банды», которые держали в напряжении всю округу. Люди замкнулись и ушли в себя. Попасть в Туров можно было, имея специальный пропуск комендатуры, где указывались цель посещения и лицо, поручившееся за благонадежность приезжего и сроки пребывания в пограничной зоне. Комендантский час отрицательно сказывался на ведении сельского хозяйства. Избыток продуктов из деревни не поступал на рынок, базары и ярмарки не проводились. В результате цены сильно колебались, крестьяне должны были ходить по домам и предлагать продукты своего труда, чтобы выручить хоть какие-то деньги.[5]

Природные и климатические условия

Болотистая местность, разливы Припяти, чересполосица и отсутствие хороших дорог ставили землепашцев в трудное положение. Постоянно существовала угроза потери урожая. В период весеннего половодья отдельные селения уходили под воду, и люди с нехитрым скарбом и скотом спасались в лесах. Проблема землеустройства была одной из самых насущных. Некоторые деревни располагались на песчаных буграх, а их пахотные земли были разбросаны островками и не имели удобного подъезда с дороги. В Туровском районе на одно хозяйство в среднем приходилось по девять десятин сенокоса, пашни и выгона. Северная часть района была перенаселена за счет южной, где песчаные почвы почти не плодоносили. Если в северной части средний урожай ржи доходил до 80 пудов с одной десятины, то в южной – только до 25 пудов.[6] Резервный земельный фонд из бывших помещичьих и церковных уделов насчитывал 2,5 тыс. десятин, являвшихся предметом постоянных споров.

Туровский район был образован в 1925 г. из Туровской и Тонежской волостей. Он делился на восемь сельсоветов, объединявших 67 населенных пунктов (31 деревню и 36 хуторов), и охватывал 1841 квадратную версту. Пашня составляла едва одну

---

[5] Экономическое состояние и перспективы Турова, 1925-1926 гг., Материалы Мозырского ОК КП(б)Б, ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 16, л. 48.

[6] Доклад об экономическом состоянии Туровского района от 13 ноября 1925 г., Там же, д. 13, л. 174.

пятую часть всех угодий, неудобная земля – третью часть, а остальная площадь была покрыта лесами.[7] В целом по Мозырскому округу половину всех пахотных земель составляли песчаные почвы, 40% – легкий *суглинок*[8] и 10% – *подзол*[9]. Из сенокосных угодий 35% было расположено на болотах. В социальном отношении сельские труженики делились на бедняков (81,6%), середняков (17,4%) и зажиточных (1%).[10]

Климат в Туровском районе был переходным от континентального к влажному. Безветрие выдавалось редко, осенью и зимой преобладали северо-восточные и западные ветры, весной – восточные, летом – западные. Число дождливых дней в году достигало 150, светлых и ясных – 42. Наибольшее количество осадков выпадало в летние месяцы и мешало сбору урожая. Летом бывали туманы, плохо влиявшие на рост гречихи. Дожди, как правило, шли обложные, сильные ливни случались редко, но внезапный дождь с градом мог уничтожить посевы. Толщина снежного покрова из-за мягкого климата была незначительной. Снег задерживался не дольше трех месяцев, а иногда таял среди зимы на две-три недели. Зимой морозы достигали 29 градусов, а летом мучила 34-градусная жара.[11] Жители Турова привыкли выращивать урожай, ориентируясь по приметам – своеобразным намекам, которые природа давала людям в виде «капризов» погоды.

Основные виды занятий на земле

Крестьянское хозяйство вокруг Турова складывалось из полеводства и животноводства. Поля обрабатывали примитивным способом. Бессистемные посевы, малоземелье в северной части района и бедные почвы в южной делали полеводство малопродуктивным. Основой питания большинства населения оставались рожь и пшеница, которые составляли значительную долю в посевах.[12]

Обилие естественных лугов и выгонов позволяло держать много скота, но

[7] Отчет Туровского райисполкома Мозырскому окружкому за 1925 г., Зональный государственный архив (ЗГА) в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 869, лл. 47-53.

[8] *Суглинок* - глина низкой пластичности, содержащая 30-40% примеси песка.

[9] *Подзол* - малоплодородная почва под хвойными и смешанными лесами.

[10] Отчет Мозырского ОК КП(б)Б с 10 августа до 10 декабря 1924 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 959, лл. 5-7.

[11] Доклад об экономическом состоянии Туровского района от 13 ноября 1925 г., Там же, ф. 3952, оп. 1-а, д. 16, л. 175.

[12] В 1918 г. посевная площадь в Туровской и Тонежской волостях использовалась на 83,5%, в 1920 г. - на 80%, в 1924 г. - на 83% и только к 1925 г. достигла довоенного уровня. Соотношение культур в севообороте было следующим: 40% ржи, 10% пшеницы, 20% картофеля, 10% овса, 10% ячменя, 5% гречихи, 2% проса, 2% льна, 1% конопли.

крестьяне были заинтересованы не столько в молоке, масле, сыре или мясе, сколько в органических удобрениях. Лошади на Полесье были особой породы. Низкорослые, слабосильные, с плохо развитыми костяком и мышечной системой, нетребовательные к кормам, они хорошо переносили сырой болотистый климат и редко болели. Снижение общего поголовья скота продолжалось до 1921 г., а потом начался его рост.[13] Однако из-за отсутствия продуктивных производителей коневодство оставалось убыточным. Болотистая местность не давала перспектив для развития овцеводства, животные часто гибли. В 1923 г. в отдельных деревнях вокруг Турова в результате падежа не осталось ни одной овцы. Домашней птице отводилась в подсобном хозяйстве вспомогательная роль. Только к северу от местечка, где находилось много водоемов, птицеводство приносило доход. В 1924 г. в Турове и вокруг него насчитывалось 8508 шт. птицы, в 1925 г. – 23 тыс. 44 шт.

Результаты садоводства и огородничества были скромными. Сады занимали всего 42 дес. в районе и находились при бывших помещичьих усадьбах. Близость грунтовых вод и отсутствие удобного рынка сбыта не позволяли увеличить их площади. Пчеловодство было распространено главным образом в лесных массивах. Некоторые крестьяне разводили пчел дедовским способом – в колодах, но больше для прокорма семьи, чем на продажу. Расширение этого промысла останавливал недостаток медоносных растений.[14]

«Еврейский фактор»

Евреи давно восприняли навыки работы на земле и, когда им это позволяли власти, успешно ее возделывали. Они арендовали сады, выращивали и продавали овощи и фрукты, готовили сыры и колбасы, теребили шерсть, заготавливали и сплавляли лес, курили смолу, делали лодки, плели сети, ловили рыбу. Однако для большинства евреев земледелие служило не единственным источником дохода. Многие одновременно продолжали заниматься извозом, торговлей и ремеслом, производством кирпича и обжигом извести. В Турове была принята практика найма белорусов-крестьян для помощи в покосе, обработке огородов и уборке урожая зерновых и картофеля.

Еврейское землепользование имело несколько направлений: приместечковое, еврейские колонии, единоличные и коллективные хозяйства. В январе 1925 г. в Туровском районе евреи составляли 2942 чел., или 12% всего населения. В самом местечке из 2114 евреев сельскому хозяйству посвятили себя единицы. Несмотря

[13] В 1925 г. в Туровском районе насчитывалось 10 тыс. 641 голова взрослого скота и 3125 голов молодняка, тогда как в 1917 г. было соответственно: 6 тыс. 777 и 1548 голов продуктивного скота.

[14] Доклад об экономическом состоянии Туровского района от 13 ноября 1925 г., ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 13, л. 176.

на это, домашние животные были у многих – стадо коров еврейской общины местечка насчитывало 260 голов и 971 овцу.[15]

Земледелием занимались в основном евреи, жившие в деревнях. В Туровской волости пахали и сеяли по примеру крестьян 345 евреев. В Семурадцах из одиннадцати евреев землепашцами были десять, и только один занимался ремеслом. В Озеранах – 65 евреев-землепашцев, шесть кустарей и один служащий, в Перерове – 69 землепашцев и два ремесленника. В Сторожовцах, Дворце, Запесочье, Хлунине, Слепцах, Погосте и Малом Малешове евреи занимались исключительно земледелием. Распределение евреев-землепашцев в Туровской волости показано в табл. 1.

Таблица 1
Численность еврейского населения Туровской волости на 1 февраля 1924 г.[16]

Населенный пункт	**Евреи,** *чел.*	**Населенный пункт**	**Евреи,** *чел.*
Вересница	6	Семурадцы	11
Дворец	17	Слепцы	48
Запесочье	4	Сторожовцы	10
Малый Малешов	18	Хильчицы	7
Озераны	72	Хлунин	7
Перерoв	71	Хочень	4
Погост	44	Черничи	10
Ричев	16	**Итого**	**345**

В Мозырском округе существовали немногочисленные деревни с исключительно еврейским населением, образ жизни которых напоминал принятый у местных крестьян. Евреи усвоили белорусский язык, «мужичьи» нравы и ходили в лаптях, за это в местечке их дразнили «лапотниками», что означало невежду, деревенщину, малообразованного, плохо знакомого с религиозной традицией.[17] Между евреями и белорусами существовала взаимовыручка, и многие работы они делали сообща. В субботу и еврейские праздники белорусы исполняли роль *шабес гоев*, чтобы их соседи не нарушали Моисеев закон.

В хозяйственном и культурном отношении волостные евреи были тесно связаны

15 Там же, д. 15, л. 21.

16 Составлено по: ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 19, л. 56.

17 А. Лежнев, *Деревянный ключ*, Москва 1932 г., с. 91.

с Туровом. Они привозили свою продукцию на базары и ярмарки, поставляли сырье и исходные материалы, давали заказы на изготовление сельскохозяйственного инвентаря. Состав населения еврейских деревень Мозырского округа представлен в табл. 2 и 3.

Таблица 2
Еврейские деревни Мозырского округа в 1924 г.[18]

Деревня	Кол-во семей	Число душ	В том числе	
			работников	иждивенцев
Антоновка	19	124	61	63
Ситня	49	236	170	66
Редька	31	203	86	117
Черемошня	10	73	39	34
Итого	**109**	**636**	**356**	**280**

Таблица 3
Площадь земельных угодий и поголовье скота
в еврейских деревнях Мозырского округа в 1924 г.

Деревня	Всего земли, *га*	В том числе			Кол-во лошадей	Кол-во коров
		пашня	луга	огороды		
Антоновка	128	31	20	–	12	47
Ситня	276	55	35	–	27	92
Редька	252	207	19	9	14	49
Черемошня	104	71	13	4	8	26
Итого	**760**	**364**	**87**	**13**	**61**	**214**

Всего в четырех еврейских деревнях округа: Антоновке, Редьке, Ситне и Черемошне – 109 еврейских семей (636 чел.) обрабатывали 760 дес. земли. Пашня в составе сельскохозяйственных угодий составляла 364 дес., или 48%, а заливные луга, игравшие роль естественных пастбищ, – 87 дес. (11,5%). Еврейские землепашцы в Мозырском округе имели в собственности 214 коров и 61 лошадь. Работой на

[18] Табл. 2 и 3 составлены по: ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 694, л. 39.

земле было занято все взрослое население – 356 чел., или 60% жителей деревень. Старики, не потерявшие способности трудиться, и дети, научившиеся обращаться с простейшими орудиями труда, помогали родителям.

Политика землеустройства

В начале 20-х годов партийное и советское руководство рассматривали землеустройство как ведущее направление в борьбе с перенаселением местечка. Скептики называли бывшую черту оседлости инвалидным домом Европы – тесные каморки, где располагалось примитивное ремесло, имевшее выход на ограниченный местный рынок, и «копошилась» ущербная мелкая торговля.[19] В Белоруссии существовали объективные трудности для претворения этого плана, вызванные нехваткой пригодных для возделывания наделов земли. Свободные участки находились большей частью в отдаленных местах. Евреи предпочитали жить в местечке или недалеко от него, тогда как крестьяне тяготели к хуторам. В первую очередь власти стремились удовлетворить запросы белорусов.

Перевод евреев на землю способствовал бы сближению их с белорусами, преодолению стереотипа неприспособленности местечкового жителя к сельскому хозяйству как следствие царских запретов и ограничений. Первыми в 1922 г. на призыв перейти к землепользованию в Турове откликнулись 14 молодых людей, организовавших коммуну. Их возраст и юношеский максимализм объясняли многое. Четырем коммунарам исполнилось 19 лет (Берко Коробочко, Израиль Рабинович, Мовша Чечик, Залман Марголин), трем – 16 лет (Гершон Фридман, Самуил Старобинский, Гец Шнайдман), а остальные пять были в возрасте от 15 до 21 года (Абрам Чирин, Бейрах Гренадер, Бейнус Шляпинтох, Нота Дехтярь и Лейзер Гительман). Единственными взрослыми оказалась в коммуне супружеская пара Невах и Ципа Лайхтманы, имевшая маленьких детей. Неваху исполнилось 25 лет, а его жене Ципе – 22 года. Однако вскоре двое юношей, 15 и 16 лет, передумали и вышли из коммуны.[20] Когда первая коммунистическая эйфория и уравнительный принцип распределения исчезли, доходы начали распределять по количеству «едоков» и рабочих рук.

ЦИК и СНК БССР 25 июня 1924 г. приняли постановление «О землеустройстве трудящихся евреев». Председателем Белкомзета[21] стал заместитель наркома земледелия Дмитрий Прищепов.[22] Специальная комиссия приравняла евреев

---

[19] Л. Лежнев, Указ. соч., с. 92.

[20] Материалы евсекции в Мозыре за 1922 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 248, л. 15.

[21] *Белкомзет* - Белорусский комитет по земельному устройству трудящихся евреев СССР.

[22] Дмитрий Филимонович Прищепов (1896-1940 гг.) - уроженец Крупского района Могилевской области, нарком земледелия БССР (1926-1929), сторонник фермерского развития сельского хозяйства, арестован (1930), 22 ноября 1939 г. приговорен к высшей мере наказания, умер в тюремной больнице, реабилитирован (1988).

к безземельному и малоземельному крестьянству.[23] Переселение на землю и превращение разоренных местечковых ремесленников и торговцев в крестьян давались с трудом. Они начинали заново, с землянок, первой в жизни борозды, экономии на всем и полуголодном ожидании первого урожая. Женщины и старики трудились наравне с молодыми мужчинами, подростки учились ездить верхом.

Большинство евреев, выразивших желание обратиться к сельскому хозяйству, сделали свой выбор из прагматических соображений в условиях экономического кризиса и усиления налогового пресса. Охотнее других в сельскохозяйственные артели записывались малоимущие. В Мозырском округе добровольцам выделили землю в апреле 1925 г. В июне следующего года еврейские коллективные хозяйства имели 652 дес. пахоты, 514 дес. сенокосов, 49 дес. садов и усадеб, общественное стадо насчитывало 174 головы рогатого скота, 65 лошадей и волов.[24] Ход землеустройства в округе по отдельным районам представлен в табл. 4.

К 1926 г. еврейские колхозы существовали только в четырех из десяти районов Мозырского округа. Они объединяли 284 чел., которые обрабатывали 1344 дес. земли, включая 632 дес. пашни. Все внимание было отдано обработке общественного поля, а приусадебные участки оставались мизерными (17,2 дес.). Это происходило не потому, что затраты на коллективное землепользование покрывали все потребности, а из-за нехватки сил и ресурсов. Названия первых колхозов отражали оптимизм их членов и надежду на скорые перемены в будущем: «Прогресс», «Культура», «Судьба», «Возрождение», «Звезда», «Вперед» и др.[25]

В сельскохозяйственных артелях за пределами местечка евреев привлекала возможность скорее сообща приспособиться к незнакомому труду, получить больше земли, ссуду на выгодных условиях и агротехническую поддержку. Совместная жизнь и работа позволяли соблюдать национальные и религиозные традиции, сохранять привычный образ жизни. Одним из мотивов вступления в артель было стремление уменьшить дискомфорт, возникавший из-за понижения социального статуса после перехода на положение *ишувника* (деревенского еврея). Для нужд еврейского землеустройства в Турове (в лесных кварталах), Наровле, Житковичах (в заболоченных местах) выделили по 100 десятин, Лельчицах и Озаричах – по 50, Ельске и Петрикове – по 150, Калинковичах и Юревичах – по 200, а всего по Мозырскому округу – 1200 десятин земли. Большинство участков нарезали в границах округа, недалеко от районных центров, где концентрировалось еврейское население.[26]

---

23 *Зборнік чынных законаў БССР за 1921-1924 гг.*, Мінск 1924 г., с. 138-143; М.А. Беспалая, *Беларуская вёска ў першыя гады НЭПа, 1921-1923 гг.*, Мінск 1999 г., с. 32.

24 ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 258, лл. 84, 134.

25 L. Smilovitsky. «The Jewish Farmers in Belarus During the 1920s», *Jewish Political Studies Review* (Jerusalem), vol. 9, 1997, No 1-2, pp. 59-72.

26 ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 893, л. 14.

Таблица 4
Еврейские колхозы Мозырского округа в 1926 г.[27]

Коллективное хозяйство	Населенный пункт	Район	Площадь всех угодий, *дес.*	В том числе		Кол-во членов
				пашня	усадьбы и огороды	
Звезда	Осовец	Осовецкий	163	72	3	40
Возрождение	Липово	Наровлянский	100	55	1	34
Вперед	Сидельники	Мозырский	160	67	1,2	36
Красный маяк	Романовка	Наровлянский	438	235	6	65
Красный пахарь	Митьки	Мозырский	180	80	3	31
Культура	Острожанка	Лельчицкий	134	43	2	35
Прогресс	Физинки	Наровлянский	89	40	1	18
Судьба	Давыдовка	Озаричский	80	40	–	25
Итого			**1344**	**632**	**17,2**	**284**

Первые еврейские коллективные хозяйства специализировались на молочном животноводстве и садоводстве. Породистый скот закупали на Волыни и в немецких колониях. Летом 1927 г. в 148 еврейских колхозах республики имелось 1210 лошадей, волов и быков, 3037 коров и 125 овец. Однако евреи по-прежнему избегали свиней, которых у них насчитывалось всего 114. По оценке газеты *Трибуна еврейской советской общественности*, еврейские землепашцы в БССР, раньше других осмелившиеся нарушить традицию, не могли побороть суеверие, связанное с «нечистой» свиньей.[28]

Наряду с коллективным владением скотом евреи-колхозники республики продолжали содержать большое личное стадо. В частном пользовании оставались 133 лошади из 997 и 1064 коровы из 1907. Хозяйки норовили отдать своей скотине лучшие корма в ущерб общественным. Наиболее обеспеченные колхозники покупали новых домашних животных. По мнению властей, это углубляло неравенство между членами коллективов, вело к зависти и недоброжелательству, ненужным трениям. Партийные и советские органы добивались отказа от индивидуального

[27] Составлено по: ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 694, л. 39.

[28] «Еврейское землеустроение в Белоруссии», *Трибуна еврейской советской общественности*, 1928 г., № 19, с. 21.

владения «живым инвентарем», призывали продавать его колхозам, чтобы достигнуть полного обобществления.[29]

В еврейских хозяйствах развивали подсобные промыслы, там располагали мельницами, маслобойками, сукновальнями, сыроварнями и другими механизмами и приспособлениями.[30] В полеводстве предпочитали рожь (21%), овес (17%), гречиху, просо, картофель (15%) и семенные травы (24%). В 1928 г. было засеяно 1254 гектара, а в 1929 г. – 1361. Пшеница составила всего 1,2%, ячмень – 1,9%, корнеплоды, конопля, лен, бобовые и просо – 1%.[31] Сборы урожая вначале были скромными, но постепенно они росли, что можно проследить в табл. 5.

Таблица 5
Урожайность в первых еврейских колхозах БССР в 1927–1928 гг., *ц/га*[32]

Сельхозкультура	1927 г.	1928 г.
Картофель	98,85	114,7
Рожь	7,50	8,9
Ячмень	9,45	10,1

К апрелю 1927 г. в Мозырском округе восемь еврейских колхозов располагали 1254 дес. земли, а 250 индивидуальных хозяйств имели свыше 800 дес.[33] Окружные агрономы отмечали, что «тяга евреев-бедняков к земле велика». В следующие два года в округе были созданы дополнительные еврейские коллективные хозяйства, в которых трудилось 230 семей. Затем власти приступили к интернационализации сельхозартелей – укрупнению и доукомплектованию за счет населения окрестных деревень. В Наровлянском районе возникли хозяйства «Вперед» и «Красный маяк», в Петриковском – «Зорька», а в Озеранском сельсовете Туровского района – «1-е Мая».[34]

29 «Еврейское землеустроение в Белоруссии», *Трибуна еврейской советской общественности*, 1928 г., № 19, с. 21.

30 К 1927 г. еврейские коллективные хозяйства БССР имели 39 маслоделен, 15 сыроварен и 37 производств по переработке сельхозпродукции (мельницы, крахмальные фабрики и т. п.). См.: М. Каменштейн, *Советская власть, еврейское землеустроение и ОЗЕТ*, Москва 1928 г., с. 40.

31 Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 11, оп. 1, д. 187, л. 34.

32 Составлено по: НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 187, л. 36.

33 *Полесская правда*, 17 апреля 1927 г.

34 Отчет о землеустройстве и переселении евреев Мозырского округа за 1928-1929 гг., НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 179, л. 10.

Летом 1929 г. «1-е Мая» объединило четыре еврейские семьи (13 чел.), которые на шести лошадях обрабатывали 70 гектаров земли. Артельщики с трудом сводили концы с концами, а их задолженность Наркомзему насчитывала 2800 руб.[35] Через год артель имела уже 280 гектаров, которые обрабатывали 14 семей (пять еврейских и девять нееврейских).[36]

Постепенно евреи овладевали непривычным занятием и приобретали опыт. Опираясь на поддержку государства, международных благотворительных фондов, используя достижения агрономии, они уверенно продвигались вперед. Динамика роста еврейских коллективных хозяйств Белоруссии досталинского периода представлена в табл. 6.

Таблица 6
Количество еврейских коллективных хозяйств БССР в 1918–1929 гг.[37]

Год	Артели и кооперативы	Год	Артели и кооперативы
1918	9	1924	50
1919	28	1925	79
1920	38	1926	95
1921	38	1927	145
1922	39	1928	204
1923	41	1929	237

Первые девять еврейских колхозов напоминали коммуны. Они просуществовали недолго и распались после начала иностранной интервенции. Однако уже в 1919 г. идея перехода на землю из перенаселенных местечек возродилась и привела к образованию 28 хозяйств. Постепенно новая инициатива находила сторонников, и к 1920 г. еврейских сельхозартелей стало 38. В условиях продразверстки *военного коммунизма* их рост на несколько лет замер. НЭП оживил еврейские коллективные хозяйства и довел их количество сначала до 95 (1925 г.), а потом и 204 (1928 г.). Накануне всеобщей коллективизации в БССР насчитывалось 237 еврейских хозяйств, основанных на рыночных отношениях.[38]

Большую помощь «Комитету по землеустройству трудящихся евреев» (Комзет)

[35] Материалы евсекции за 1929 г., Там же, д. 187, л. 121.

[36] Список интернациональных сельхозколлективов БССР на 1 июня 1930 г., Там же, л. 140.

[37] Составлено по: НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 187, л. 34.

[38] Л. Смиловицкий, «Досталинские колхозы», *Человек и экономика* (Минск), 1991 г., № 7, с. 34-35.

как государственной организации[39] оказывало «Общество по земельному устройству трудящихся евреев» (ОЗЕТ) – общественная организация, количество членов которой возрастало год от года.[40] В Туровском районе ОЗЕТ организовали летом 1926 г. Общее собрание жителей местечка, записавшихся для получения наделов земли, избрало бюро из семи человек. Для укрепления партийного влияния к отделению ОЗЕТ в Турове прикрепили трех коммунистов – Фридмана, Хазанова и Зборовского. Комфракция ОЗЕТ была образована и при райисполкоме.[41] Для сбора пожертвований еврейским крестьянам ОЗЕТ устраивал лотереи, коммерческие предприятия – от книжных и газетных киосков до производства мацы.[42]

Белоруссия по проведению кампании землеустройства опережала другие регионы Советского Союза. К 1928 г. на земле объединились 8,5 тыс. еврейских семей, или 13% всего еврейского населения БССР. Они обрабатывали 50 тыс. гектаров земли, и их хозяйства отличались большей продуктивностью, чем белорусские. Первый пятилетний план развития народного хозяйства республики выдвинул задачу выделить 75 тыс. гектаров заболоченных земель, чтобы поселить на них 12 тыс. 800 еврейских семей.[43] Республиканская газета *Октябрь*, выходившая на идиш, выпускала два раза в месяц специальное приложение *Еврейский крестьянин*. В Минске к 10-й годовщине Октябрьской революции открыли выставку достижений еврейского сельского хозяйства, а на демонстрации 7 ноября 1927 г. еврейские колхозники шли отдельной колонной.[44]

Вместе с тем для большинства евреев, обратившихся к сельскому хозяйству, этот шаг был вынужденным. Еврейское земледелие оставалось распыленным и мелким, а его общее экономическое состояние тяжелым, притока новых членов не происходило. Удобных наделов не хватало, требовались мелиорация и удобрение полей на месте высеченных лесов. Выделенные для евреев участки раньше принадлежали нерентабельным и распавшимся совхозам. Земля на них была истощена, сады запущены, скота не хватало.

Евреи не столько испытывали тягу к земле, сколько желание приобрести

---

[39] Комзет был образован 24 августа 1924 г. при Президиуме Совета Национальностей ЦИК СССР для «продуктивизации» еврейского населения, в первую очередь привлечения к земледельческому труду.

[40] БелОЗЕТ насчитывал в своих рядах в 1926 г. - 4 тыс. чел., 1927 г. - 6 тыс., в 1928 г. - 18 тыс., а к 1929 г. - 50 тыс. чел., четверть из которых составляли рабочие. См.: *Трибуна еврейской советской общественности*, 1929 г., № 2, с. 17.

[41] Об организации общества ОЗЕТ в Туровском районе. Постановление бюро Туровского РК КП(б)Б от 20 июля 1926 г., ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 9, л. 51.

[42] «Ресурсы ОЗЕТа и коммерческие предприятия», *Трибуна еврейской советской общественности,* 1928 г., № 20, с. 4.

[43] К 1928 г. еврейские земледельцы в БССР были распределены по 206 колхозам и 40 поселкам единоличников, *Трибуна еврейской советской общественности,* 1928 г., № 19, с. 21.

[44] А. Фридман, «Сказ про то, как Абрам за плугом ходил. Подлинная история еврейского сельского хозяйства в Советской Беларуси», *Берега*, 1999 г., № 3, с. 6.

«огородик» возле дома. Несмотря на то, что в 1926–1927 гг. на землеустройство в Туровском районе отпустили 100 десятин земли, селиться на ней было некому.[45] Из 60 семей евреев в Турове, изъявивших желание перейти на землепользование в связи с облегчением налогов, почти четвертая часть переменила свое решение. Бывшие приказчики, извозчики, мелкие торговцы, лесники, ремесленники страдали из-за отсутствия навыков работы на земле. В лучшем положении оказались бывшие арендаторы и огородники, но они составляли меньшинство.[46]

Итоги еврейского землеустройства подводились на первом (1924 г.) и втором (1928 г.) Всебелорусских съездах евреев-крестьян. Степень полного обобществления в хозяйствах достигла 60%, частичного – 6%, а в полеводстве полного – 24%. В отчетах окружных агрономов Наркомзема БССР отмечалось, что агрикультурные мероприятия в колхозах воспринимают лучше, проводится интенсивное хозяйственное и жилищное строительство, растет благосостояние членов артелей.[47] К 1928 г. в Белоруссии евреев-крестьян насчитывалось в три с половиной раза больше, чем в Палестине, и в два раза больше, чем в Крыму.[48]

Вместе с тем не была преодолена текучесть членов еврейских «коллективов», молодежь покидала колхозы в поисках заработков, уходила на стройки в большие города или уезжала на учебу. Недостаточно бережным оставалось отношение к машинам и механизмам, не было изжито администрирование. Дело осложняли нестабильность урожаев, нехватка удобрений и кормов. Плохо удовлетворялись культурные запросы бывших жителей городов и местечек, переселившихся на землю. По уровню жизни сельскохозяйственные коллективы мало отличались от местечка, а санитарные условия были даже хуже. Земледельцы страдали от произвола налоговых чиновников и властей. Несмотря на «сносные», по мнению Советов, отношения с крестьянами, временами случались поджоги имущества артелей или выпас скота на полях, засеянных евреями.

К началу 30-х годов ОЗЕТ в связи с переменой общего экономического курса в стране изменил свое лицо. В мае 1928 г. в Общество закрыли доступ лишенцам и начали усиленно привлекать неевреев. Любая коммерческая деятельность оказалась под запретом. Это превратило ОЗЕТ в массовую советскую организацию. Если раньше она помогала еврейским земледельцам бороться с бюрократией, получать кредиты, защищала их права в суде, делала достоянием гласности недостатки землеустройства, то в последующие годы на смену старым кадрам пришли партийные выдвиженцы и функционеры. ОЗЕТ утратил национальный характер, к середине

---

[45] Там же, ф. 2728, оп. 1, д. 10, л. 7.

[46] Ch. Shmeruk, *Jewish Community and Jewish Agricultural Settlement in Soviet Belorussia, 1918-1932*. Ph. D. Thesis, Hebrew University of Jerusalem, 1961, p. 13.

[47] Потребительская корзина на одну семью в еврейском колхозе в 1928 г. составляла 31 руб. в месяц.

[48] «Итоги съезда евреев-крестьян БССР», *Трибуна еврейской советской общественности,* 1928 г., № 3, с. 16.

30-х годов его сеть начала распадаться. Центральное белорусское руководство в Минске выражало недовольство тем, что ОЗЕТ мешал вербовке переселенцев в Биробиджан. Окончательно его упразднили в соответствии с постановлением СНК СССР от 11 мая 1938 г.[49]

Практика национального строительства, существовавшая в СССР до середины 30-х годов, требовала использования евреями сельскохозяйственной «ниши» как примера торжества ленинско-сталинской политики в деревне. В 1936 г. в Мозырском округе 34 национальных колхоза объединяли 1708 крестьянских дворов, в том числе: еврейских – три колхоза (109 дворов), польских – 15 (798), украинских – восемь (445), немецких – восемь (851).[50] Они были построены по принципу отказа от частной собственности в пользу общественного сектора и искусственно поддерживались государством. Все эти хозяйства находились под жестким контролем партийных комитетов, были подотчетны в своих действиях перед Советами и не обладали экономической свободой.

Противники землеустройства

Идея массового перевода евреев на землю имела не только сторонников, но и оппонентов. Она вызвала скепсис у одних и острое неприятие у других. Категорическими противниками политики землеустройства выступили сионисты. Они доказывали, что запрет купли–продажи земли станет препятствием к ее рациональному использованию, отсутствие частной собственности на землю не позволит распоряжаться плодами собственного труда. Сионисты обвиняли евсекцию в связях с ГПУ (НКВД) и заявляли, что при новом стечении обстоятельств землю конфискуют со всем имуществом. Для борьбы с сионистами ЦК КП(б)Б требовал активизировать процесс землеустройства, снизить налоги, провести разъяснительную работу, приспосабливая ее к нуждам населения местечка.[51]

Наделение евреев землей неоднозначно восприняли за пределами БССР. Депутат Польского сейма от Западной Белоруссии Еремич доказывал, что землеустройство евреев проводилось за счет остального населения, что евреев переселяли в Крым («на курорт!»), а крестьян-белорусов отправляли на Дальний Восток.[52]

При организации еврейских хозяйств возникали споры с нееврейским населением. Со стороны крестьян раздавались упреки в адрес землемеров, которые отдавали преимущество еврейским семьям, изъявившим желание заняться сельскохозяйственным трудом. Ревность крестьян не принимала во внимание, что

[49] «OZET and the Soviet Self-Criticism Campaign of 1937», Publication by A. Zeltser, *Jews in Eastern Europe*, 1999, No 3(40), pp. 62-63.

[50] Отчет о работе Мозырского окружкома партии в 1936 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 3, д. 56, л. 43.

[51] НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 14, л. 159.

[52] А. Фридман, Указ. соч.

льготы носили временный характер, чтобы поддержать в новом деле людей без опыта и традиции возделывания земли. Во время раздачи участков в Мозырском округе можно было услышать: «Жыдам адводзюсць самы агурчак (самы асяродак маентку), а нас садзять на пустэшу, ды ім даюць яшчэ грошi, а нам нічога не даюць. Жыдоў перасяляюць у цеплы край [Крым] i даюць 1500 руб. дапамогі, а нас гонюць у Сібір, ды патрабуецца яшчэ каб меў некалькі соцен гатоўкі».[53]

Еврейская сельскохозяйственная артель, находившаяся на границе Туровского и Житковичского районов (19 семей и девять одиночек), построила коровник на 240 голов, конюшню, амбар, силосную каменную башню, цементный и дубовый колодцы. Эти успехи вызвали недовольство местных крестьян, которые говорили: «Каб не яўрэі, дык бядняку засталося б больш зямлі».[54]

Власти предпочитали объяснять межнациональные противоречия «происками кулачества» и использованием наемного труда в ряде хозяйств. Вместе с тем материально-технический потенциал создаваемых хозяйств оставался бедным, и их относительно устойчивое существование было возможно только при государственных дотациях.[55]

Предметом конфликта в Турове стало пастбище. Выпасы для скота удовлетворяли нужды белорусской части населения местечка только на четверть. Весной 1926 г. крестьяне категорически отказывались пустить местечковый скот на свои выгоны и потребовали от евреев уплатить за каждую корову 10–15 руб. за лето. Завязался большой спор, который вылился в национальный конфликт. Секретарь Туровского РК КП(б)Б Крипец сообщал секретарю Мозырского окружного комитета партии Сосновскому и секретарю ЦК КП(б)Б Криницкому, что возникла угроза «форменного» погрома, поскольку «темные элементы начали забирать верх над толпой», встретив сочувствие крестьян.[56]

Для того чтобы разрядить обстановку, сельсовет попытался распределить по общим выпасам пятьдесят коров местечковой бедноты, но «крестьянская масса» не согласилась, и дело передали на решение земельной судебной комиссии. Туровский райисполком уступил давлению и постановил, что белорусы были заняты исключительно сельским хозяйством и на этом основании имели преимущество. Евреям местечка отказали в пастьбе на общих угодьях. На выгон допустили не более 70 голов скота местечковой бедноты и кустарей, а остальной скот евреи должны были гнать за Припять, в лес, или держать в хлевах. Положение местечкового населения ухудшилось, и для решения проблемы потребовалось вмешательство Мозырского окружного земельного отдела.[57]

---

53 Там же.

54 Ю. Снітко, *Шляхі калектывізацыі*, 1931 г., № 8, с. 12.

55 Акт обследования деятельности Мозырского окружного исполкома и его отделов инструкторами ЦИК БССР И. Шапило и А. Корф в апреле 1925 г., ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 692, л. 124.

56 ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 9, л. 21.

57 Там же, д. 16, лл. 46-48.

Хозяйственное укрепление местечка

К десятилетию Октябрьской революции (1927 г.) Совнарком БССР издал декрет, который намечал оздоровление обнищавшего местечка. С этой целью планировали: 1) создание дополнительного земельного фонда, землеустройство, агрономическую помощь, 2) укрепление кустарной кооперации и организацию новых артелей, 3) обеспечение местечка строительными материалами и кредитами. Госплану республики было поручено разработать и представить на утверждение правительства план осуществления этих мероприятий.[58]

В советской части Белоруссии насчитывалось 28 городов, 56 местечек городского и 117 сельского типа. В Мозырском округе городами считались Мозырь, Калинковичи и Петриков. К местечкам городского типа относились Житковичи, Наровля, Копаткевичи и Туров, а сельского – Озаричи, Журавичи, Скрыгалов, Лельчицы, Ельск и Копцевичи.[59]

В 1928 г. в Турове проживало 1016 семей, из которых 463 были еврейскими. Земледелием занимались 556 дворов, и среди них было только два еврейских. Евреи оставались портными (35 семей), рабочими по найму (40), сапожниками (51), занимались «разными» мелкими ремеслами (53), пытались торговать (33). Однако самую большую категорию составляли те, кто не имел определенных занятий, – 92 семьи.

Многие из евреев, которых перестало кормить ремесло, были согласны заняться сельским хозяйством, но свободной земли вокруг Турова не было. Лесной массив на левом берегу Припяти в две тысячи гектаров весной и осенью покрывался водой и не мог быть использован. Окружной земельный отдел совместно с *Кустпромсоюзом*[60] намечали организовать рыболовецкую артель, которая объединила бы до 40 еврейских семей и новые товарищества кустарей на 145 семей. Однако от идеи рыболовецкой артели пришлось отказаться, так как все водоемы находились в пользовании белорусских крестьян, страдавших малоземельем, а рыбная ловля служила им весомым подспорьем.

Выход был найден с помощью Народного комиссариата земледелия республики, который выделил Мозырскому округу 3 тыс. гектаров из своих резервов. Новые участки находились в 5–6 км от железнодорожной станции Маляровка: 600 гектаров лесных вырубок, где предполагалось устроить 200 гектаров пашни. На хозяйственное устройство Турова было выделено 35 тыс. 750 руб., но только часть этой суммы подлежала возврату (46%), а остаток превращался в подарок. Планирование местечка потребовало 2 тыс. рублей, наем рабочих по земельному устройству – 400 руб., раскорчевка двухсот гектаров – 14 тыс. руб. Безвозвратными

[58] «О хозяйственном устройстве местечек БССР». Постановление СНК БССР от 4 ноября 1927 г.; М. Каменштейн, *Советская власть, еврейское землеустроение и ОЗЕТ*, Москва 1928 г., с. 55-56.

[59] Список городов и местечек Мозырского округа на 1929-1930 гг., НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 187, л. 19.

[60] *Кустпромсоюз* - Белорусский союз кустарно-промысловой кооперации.

стали суммы, отпущенные на постройку жилья для 20 семей, приобретение инвентаря, семян и домашних животных (40 коров и 10 лошадей).[61]

В рамках программы по хозяйственному укреплению местечка в Турове были проведены мероприятия для перевода на землепользование 100 семей. Они включали в себя осушение заболоченных участков и мелиоративные работы, чистку от кустарника и молодого леса, возведение жилья, строительство помещений для скота, приобретение орудий труда и семенного материала. Динамика расходов за 1928–1931 гг. представлена в табл. 7.

Таблица 7
Хозяйственные расходы еврейских семей, перешедших к землепользованию в 1928–1931 гг., *руб.*[62]

Статья расходов	Общая стоимость	В том числе		
		1928–1929 гг.	1929–1930 гг.	1930–1931 гг.
Раскорчевка 100 га	50 000	10 000	25 000	15 000
Строительство жилья	30 000	6000	15 000	9000
Приобретение скота	42 500	8500	21 250	12 750
Устройство садового питомника	2800	1300	1500	–
Итого	**125 300**	**25 800**	**62 750**	**36 750**

Как следует из табл. 7, самые большие средства были затрачены на создание пригодных для землепользования участков (50 тыс. руб.). Это было вызвано тем, что выкорчевывание деревьев и освоение целины были самой трудоемкой работой, за которую платили по 50 руб. за гектар. На втором месте шли расходы по обзаведению общественным стадом (42,5 тыс.руб). Строительство жилья для новоселов (30 тыс. руб.) стояло на третьем месте, а затраты на садовый питомник замыкали смету. Садоводством и огородничеством занимались 12 семей.

В дополнение к этим расходам по хозяйственному укреплению местечка для нужд единоличных хозяйств Турова, объединенных в пять артелей (портняжная, кузнечно-слесарная, смолокуренная, кирпичная и столярная), было потрачено за три года еще 23 тыс. 300 руб.[63]

---

[61] Заключение Мозырского окружного земельного отдела по хозяйственному устройству местечка Туров за 1929 год, НАРБ, ф. 11, оп. 2, д. 9, лл. 230, 236.

[62] Составлено по: НАРБ, ф. 11, оп. 2, д. 9, л. 223.

[63] НАРБ, ф. 11, оп. 2, д. 9, л. 224.

Сталинская коллективизация

До начала коллективизации большинство индивидуальных крестьянских хозяйств имели экстенсивный характер. На весь Туровский район приходился один трактор, и землю обрабатывали при помощи сохи и плуга. Единоличники пользовались «чересполосицей» и не могли увеличить производительность. К 1929 г. вокруг Турова было образовано 36 колхозов, а хуторы в Воронине, Ридче, Садах и Озеранах слили с деревнями. Вначале коллективные хозяйства имели узкую специализацию. В колхозе «Ленинский путь» (Хлупин) отдавали предпочтение разведению крупного рогатого скота, в колхозе «Труд» (Тонеж) – птицеводству, в колхозе им. Калинина (Сторожовцы) – кролиководству и т. д.[64]

Колхоз «Новая жизнь» в Турове, организованный в октябре 1929 г., объединил 20 крестьянских хозяйств (94 чел.). Они обрабатывали 383 гектара земли, имели всего две лошади и десять коров. Это было белорусское хозяйство, в котором работало 11 евреев.[65] Одним из первых вступил в колхоз сапожник Соломон Райхман, кузнечным делом занимались Гершун Гоберман и Лазарь Храпунский.[66]

В октябре 1930 г. пленум ЦК КП(б)Б поставил задачу форсировать коллективизацию национальных меньшинств. До «кулацких» хозяйств были доведены твердые задания на сдачу сельхозпродукции, которые намного превышали их возможности, начались декады «сталинского призыва». Это привело к конфискации имущества в Турове у 160 еврейских семей.[67] Коллективизация сопровождалась насилием и утратой экономической свободы, небрежным отношением к общественному имуществу и вызвала антиколхозное движение.[68] В декабре 1930 г. начальник Туровского пограничного отряда Стабин сообщал, что «экономически безоружный кулак» перешел в решительный бой, а середняки и некоторая часть бедноты, вместо того чтобы поддержать советскую власть, проявили «жалость». Они спрашивали, почему рабочие, «жиды» и служащие не шли в колхозы и требовали: «Распределите землю поровну, и не будет бедных». Жены бедняков вместе с кулацкими семьями активно выступили против коллективизации. В Боровом с крыши сельсовета сорвали и сожгли красный флаг, по адресу комсомольцев и коммунистов раздавались угрозы. Стабин констатировал, что без решительных мер восстановить порядок невозможно.[69]

---

64 «Хозяйственное развитие Туровщины», *Чырвоная Тураўшчына*, 3 ліпеня 1932 г.

65 Обследование экономического положения местечка Туров в 1929-1930 гг., НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 186, л. 82.

66 Запись беседы с Григорием Райхманом 17 ноября 2001 г. в Кирьят-Бялике (Израиль), Архив автора.

67 *Известия заграничного отдела сионистов-социалистов*, 1929 г., № 3, с. 6, Central Zionist Archive in Jerusalem, F30/64.

68 НАРБ, ф. 701, оп. 1, д. 101, л. 260.

69 *На крутым павароце.* Ідэалагічная барацьба на Беларусі у 1929-1931 гг. Дакументы, матэрыялы, аналіз, Мінск 1999 г., с. 209-212.

Особенно негативно в деревне встречали городских и местечковых евреев, которых направляли оказывать «пролетарскую поддержку» колхозному движению. Часто это имело плачевные последствия. В 1931 г. в Сторожевцах Туровского района колхозные активисты угрожали отправить несговорчивых людей на Соловки, загоняли личный скот на колхозный двор. Среди агитаторов оказался новоиспеченный коммунист Борухин, бывший портной из Турова с характерной еврейской внешностью, плохо говоривший по-русски. «Голосившие в крик» бабы схватили портного, посадили верхом на огромную свинью, привязали и погнали по деревне. Позор, который пережил Борухин, вынудил его навсегда покинуть родные места.[70]

Однако не всегда приезд городских шефов заканчивался бескровно. В Турове обсуждали трагическое происшествие в Княжицах Могилевского района, где крестьянин схватил за волосы учительницу-еврейку, агитировавшую за вступление в колхоз, и сорвал скальп. Несчастная упала, залившись кровью, и потеряла сознание. Ударили в набат, вызвали милицию, женщину отвезли в больницу, где она скончалась.[71]

К лету 1932 г. из 4 тыс. индивидуальных крестьянских хозяйств Туровского района было коллективизировано 1600. Посевная площадь социалистического сектора составила почти 45% всех угодий района. Для повышения квалификации механизаторов в Турове открыли сельскохозяйственную школу с пятимесячным курсом обучения, более половины слушателей которой составляли женщины.[72]

Голод 1932–1934 гг.

Политика всеобщей коллективизации, отрицавшая материальную заинтересованность работников в результатах своего труда, обернулась народной трагедией. Известия о голоде в Белоруссии поступали в Минск с лета 1932 г. В Туровском районе обеспечение хлебом нуждавшейся части колхозников прекратилось. В колхозах «Малый Малешов» (130 семей), «Дзержинский» (140) и ряде других люди остались без хлеба и просили подаяние. В конце сева многие колхозники не могли выйти в поле из-за физической слабости. Непринятие решительных мер со стороны властей грозило массовым бегством из сельской местности. Работники Наркомата рабоче-крестьянской инспекции обнаружили, что при составлении плана государственных поставок Туровского района из-за неучета вымоченных посевов у населения отняли последний хлеб (Тонеж, Букча).[73]

---

[70] Письмо Вольфа Чечика от 20 июня 2000 г. из Бруклина (США), Архив автора.

[71] Запись беседы с Тимофеем Яковлевичем Телешем 11 марта 1990 г. в Минске, Там же.

[72] Туровская МТС располагала 15 тракторами, девятью молотилками, шестью льнотеребилками и 24-рядными сеялками. Колхозное стадо состояло из 778 коров, 465 свиноматок, действовали четыре птицефермы и одна ферма по разведению кроликов, *Чырвоная Тураўшчына*, 3 ліпеня 1932 г.

[73] І. Раманава, «Зона». Беларускае памежжа па савецкі бок дзяржаўнага кардону у 1930-ыя гады, *Спадчына*, 2001 г., № 1-2, с. 38.

С лета 1933 г. сигналы о голоде стали многочисленными. В Гомельском округе продуктов питания не было в 45 колхозах из 93. В колхозе «Вольная праца» от голода умерли четыре человека, в колхозе «Воля» – три, «Пески» – два, многие начали пухнуть. В Житковичском районе в бедственное положение попали 4,5 тыс. чел. Потребление хлеба нового урожая началось еще с его обмолота в августе. Многие семьи израсходовали хлеб к январю, до окончательного распределения урожая. В ряде колхозов съели хлеб, отложенный на семена, и поэтому весной нечего было сеять.[74]

Отсутствие продуктов питания вызвало забой домашнего скота. В начале 1934 г. в Туровском районе осталось 85% коней, 88% крупного рогатого скота и 55% овец по сравнению с 1931 г. Общественное стадо в районе уменьшилось в январе на 164 головы, феврале – на 218, в марте – на 257. Сокращение поголовья происходило из-за нехватки кормов, сознательного увечья животных или утаивания приплода с последующим забоем. Крестьяне горько шутили: «Дожили, что едим мясо с хлебом – вместо хлеба с мясом». Четвертая часть всех единоличных хозяйств имели недостаточно тягловой силы, а в 29% хозяйств она отсутствовала.[75]

Голодающие выкапывали незрелый картофель, срывали неспелые плоды и колосья – в пищу шло все, что притупляло голод. Все кражи власти объясняли действиями антисоветских и разложившихся элементов. На 25 апреля 1934 г. из 3500 уголовных дел, которые ожидали рассмотрения в народном суде Туровского района, большинство составляли дела о хищении скота и продуктов питания. Режим скрывал и отрицал голод. В 1938 г. НКВД, подводя итоги разгрома «антисоветского подполья в республике», сделал вывод о сознательном вредительстве в области сельского хозяйства. В Полесье якобы план экономического развития региона был составлен без учета природных условий. По ложному обвинению безвинно пострадали инициаторы колхозного движения. «За организацию голода» расстреляли десять руководителей Народного комиссариата земледелия БССР, была репрессирована значительная часть республиканских, областных и районных руководителей.[76]

Ликвидация хуторов

Во второй половине 30-х годов значительное количество хозяйств в БССР находилось в отдалении от поселков и деревень, на хуторах. В октябре 1937 г. 160 тыс. хуторских дворов составляли почти пятую часть всех занятых в сельском хозяйстве.[77] 50 тыс. хуторов были основаны здесь в начале XX века в ходе *столыпинской* реформы, а в 20-е годы их количество резко возросло. Нарком зем-

[74] І. Раманава, «Голад 1932-1934 гг. і БССР», *Спадчына*, 2003 г., № 1, с. 86.
[75] Там же, с. 87.
[76] Там же, с. 90.
[77] НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1098, л. 78.

леделия Дмитрий Прищепов видел в хуторах начало будущих богатых хозяйств: «Белоруссия станет Данией на Востоке Европы».[78]

Всеобщая коллективизация объявила хутора незаконными. По оценке наркома внутренних дел БССР Бермана,[79] хуторские хозяйства являлись серьезным политическим и экономическим препятствием становлению новых отношений в деревне. Хутора со всех сторон были окружены колхозной землей. Выпасов для скота не было, случаи потравы колхозных полей рассматривались как вредительство. В колхозах вводилась жесткая дисциплина. Было решено начать перевод жилых и хозяйственных построек хуторян в колхозы, чтобы к 1937 г. «стянуть» в Белоруссии не менее 13 тыс. хуторов.[80]

Переезд с хуторов должен был осуществляться якобы добровольно. Больше всего желающих привлекал обещанный кредит. Хуторяне использовали его, чтобы укрепить хозяйство, но со сменой места жительства не спешили. Охотно переселялись бедные и многодетные семьи, которые фактически бесплатно получали дом и возможность отправить детей в школу. В то же время переезд требовал больших расходов. Значительная часть тех, кто жил на хуторах, отказывались вступать в колхоз. В январе 1937 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О льготах для единоличников Белорусской ССР, которые вступают в колхоз». С хуторян списывали недоимки, наделяли приусадебными участками и оставляли урожай с полей в три гектара. Предполагалось, что это заинтересует местных жителей и поможет коллективизации.[81]

К 1938 г. планировалось «стянуть» все хутора, расположенные в восьмикилометровой пограничной полосе Мозырского округа, куда входили Туровский и Житковичский районы. Однако этот план не выполнялся. Добровольно переезжали только крестьяне, дома которых находились в аварийном состоянии, или молодые семьи, желавшие отделиться от родителей. Многие, получив извещение о переселении, предпочитали распродать имущество и навсегда покинуть родные края.

Вокруг Турова «стягиванию» в колхозы подлежали 85 хуторов.[82] Люди шли на это неохотно, в Ридче из 14 хуторских хозяйств на вступление в колхозы подали заявления только девять. Инициатором отказа явился Казимир Городский, отец которого был арестован НКВД как бывший эсер и «шпион». Григорий Сущик

---

[78] Т.С. Протько, *Становление тоталитарной системы в Беларуси, 1917-1941 гг.,* Минск 2002 г., с. 555.

[79] Борис (Борух) Давидович Берман (1901-1939 гг.) - уроженец Читинской области, член ВКП(б) с 1923 г., нарком внутренних дел БССР (1937-1938), организатор массовых репрессий, приговорен к расстрелу 22 февраля 1939 г.

[80] Председатель СНК БССР Н.М. Голодед планировал «стянуть» 50 тыс. хуторов, что оказалось нереальным, НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1098, л. 92.

[81] Т.С. Протько. Указ. соч., с. 558.

[82] Докладная записка начальника областного Управления НКВД Кауфмана от 20 мая 1938 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 35, л. 25.

с хутора Груздь Букчанского сельсовета заявлял: «Чем я мешаю? Жил на хуторе, живу и никуда не пойду, делайте что хотите!» Екатерина Сидельник: «Хотят всех согнать в колхоз, сделать безбожниками. Я на это не согласна, скоро ли конец придет этим порядкам?»[83] Хуторяне зло шутили, что ВКП(б) – это не что иное, как второе крепостное право (большевиков).[84]

Несмотря на давление со стороны властей, хутора не исчезали. В 1938 г. руководство БССР выступило с инициативой их полной ликвидации. Секретарь ЦК КП(б)Б Пономаренко направил в Москву просьбу выдавать кредиты только при условии уничтожения хутора, что и было одобрено. С помощью милиции и спецслужб дело сдвинулось. В 1939 г. в республике переселили свыше 100 тыс. дворов, в том числе в Полесской области – 13 тыс. 158 семей, для которых в колхозах построили 7160 домов.[85]

Строительство нового жилья продолжалось непрерывно, были выделены каменщики, печники, столяры, значительное количество транспортных средств и топлива. Однако решение этой проблемы вызвало серьезные препятствия. Власти, разрушив хутора, занимались урожаем и мало обращали внимания на переселенцев. В спешке для новых поселков выбрали неудачные участки – в низинах, далеко от дорог. При этом порой не принимали во внимание санитарные нормы и противопожарную безопасность. После 17 сентября 1939 г. была поставлена аналогичная задача в западной части Белоруссии. В соседние с Туровом районы Пинской области направили землемеров и политработников. Выполнение этой программы встретило много препятствий, а окончательному решению проблемы хуторов помешала война.

Временная стабилизация

К концу 30-х годов в сельском хозяйстве республики наступила некоторая стабильность, но цена ее оказалась непомерно высокой. Принудительный перевод деревни на коллективное хозяйствование сопровождался разрушением сложившихся производственных отношений. Административный нажим и методы запугивания, утрата личной заинтересованности намного снизили производительность труда. Поддерживать на минимальном уровне рентабельность коллективных хозяйств позволяли только государственные субсидии, низкая оплата труда и минимальные затраты на социальные нужды.

В первой половине 1938 г. уровень коллективизации в Туровском районе (86,5%) превысил общий показатель по Полесской области в целом (84,1%). В районе на-

---

83 Докладная записка Кауфмана от 20 мая 1938 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 35, л. 133.

84 Л. Смиловицкий, «Второе крепостное право (большевиков). Кое-что о коллективизации», *Родник*, 1991 г., № 9, с. 14-15.

85 НАРБ, ф. 4, оп. 28, д. 517, л. 8.

считывалось 36 колхозов и 576 единоличных хозяйств.[86] Права выхода из колхозов не существовало, за исключением случаев нарушения Устава сельхозартели. Однако это не говорило о том, что колхозники были довольны своим положением. Эпоха раскулачивания, арест имущества сделали свое дело – запуганные люди не протестовали. Начался падеж скота из общественного стада. За 1937 г. от плохого ухода и недосмотра в колхозах Туровского района погибло 240 голов крупного рогатого скота. У единоличников еще оставалось 1895 гектаров земли, 418 лошадей.[87] Хуторянам, которые отказывались записываться в колхоз, резко повышали сельхозналог или раздавали землю для посева за 5–7 км от места жительства. Это вызывало раздражение и неприятие советской власти. Среди противников коллективизации было много разоренных хозяев. В Борках не имели коней 37 единоличников, коров – 26, 13 человек отказались получать паспорта, а 30 чел. были репрессированы.[88]

Увеличение экстенсивных показателей и силовой нажим привели к незначительному росту производственных показателей. Среди передовых значился Туровский район. Урожайность ведущих сельскохозяйственных культур здесь была выше, чем в других хозяйствах Полесской области. Сравнительный анализ роста урожайности можно сделать по данным, представленным в табл. 8.

Таблица 8
Средняя урожайность сельхозкультур в колхозах Туровского района и Полесской области в 1936–1937 гг., *ц/га*[89]

Сельскохозяйственная культура	Туровский район		Полесская область	
	1936 г.	1937 г.	1936 г.	1937 г.
Картофель	147	139	88	120
Конопля и пенька	3,6	1,53	1,8	2,5
Льноволокно	1,9	1,90	1,9	1,8
Овес	8,6	10,80	6,1	6,3
Озимая рожь	8,5	10,14	6,7	7,0
Пшеница	12,3	16,43	7,8	8,3
Ячмень	13,4	14,9	7,9	7,7

[86] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 154.

[87] Там же, д. 35, л. 25.

[88] «О положении в Туровском и Житковичском районах». Сводка НКВД в отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б от 14 мая 1937 г., Там же, ф. 69, оп. 4, д. 59, лл. 199-205.

[89] Составлено по: НАРБ, ф. 11, оп. 2, д. 9, л. 223.

В 1937 г. в Туровском районе собирали озимой ржи 10,14 центнера с одного гектара, тогда как в целом по области – 7 центнеров, пшеницы соответственно – 16,43 и 8,3 ц, ячменя – 14,9 и 7,7 ц, картофеля – 139 и 120 кг. Сбор льноволокна был минимальным из-за большой влажности. Только по одному показателю колхозники Турова уступали соседям – пеньке из конопли. Настроения в колхозе считались удовлетворительными. За один трудовой день работники получали по 1760 г зерна, 5 кг картофеля и 53 коп. деньгами.[90] Достигнутые успехи отметили в Минске. Власти, остро нуждавшиеся в положительных примерах, ходатайствовали перед общесоюзным руководством о премировании передовиков.

В 1938 г. в Полесской области за успехи в области сельского хозяйства наградили орденами и медалями 60 чел., в том числе в Наровлянском и Житковичском районах – по одному человеку, Копаткевичском и Паричском – по два, Василевичском, Глусском, Петриковском – по три, Ельском, Домановичском, Брагинском, Комаринском – по четыре, Лельчицком – пять, Мозырском – шесть, Хойникском – десять.[91]

В Туровском районе наградили десять человек, первого секретаря райкома партии Бондаренко удостоили ордена Ленина, а всего по Полесской области наградили более 30 чел.[92] В соответствии с принятой практикой, в ответ были составлены благодарственные телеграммы верноподданнического содержания. Телеграмму на имя Сталина подписали первый и второй секретари Туровского РК КП(б)Б Петр Бондаренко и Гирш Дворкин, председатель Запесоцкого сельсовета Янкель Пуховицкий, председатель Туровского райисполкома Леон Напреев.

В телеграмме указывалось, что труженики Турова обязаны успехами лично Сталину, которого они называли своим дорогим отцом и учителем, гением человечества. Именно под его руководством Полесье из отсталой, нищей окраины России превратилось в «зажиточную и культурную» область орденоносной Белоруссии – «жить стало лучше, жить стало веселее». Коммунисты и беспартийные заверяли, что они с еще большей энергией продолжат борьбу за успешное осуществление боевых задач, поставленных в третьей сталинской пятилетке: «Мы отдадим все силы и способности служению нашему свободному советскому народу, за дело великой Коммунистической партии, любимого отца и друга товарища Сталина».[93]

Власти пропагандировали результаты, достигнутые в колхозах, чаще всего внеэкономическими способами. По итогам за 1938–1940 гг. лучшие хозяйства Туровского района были выдвинуты для участия во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве зимой 1940/41 г. Это должно было подтвердить преимущество коллективного способа хозяйствования перед индивидуальной

---

[90] ГАООГО, ф. 69, оп. 4, д. 59, л. 200-201.

[91] Постановление Полесского облисполкома о награжденных за хорошие показатели в сельском хозяйстве в 1938 г., Там же, ф. 702, оп. 1, д. 79, л. 161.

[92] Бондаренко был удостоен ордена Ленина за успехи в развитии сельского хозяйства Туровского района 28 февраля 1939 г., НАРБ, ф. 4, оп. 23, д. 400, л. 5.

[93] Письмо из Турова Сталину в связи с награждениями, 1938 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 79, л. 7.

практикой, которая не была до конца изжита на Полесье и в республике в целом. Урожайность зерновых культур и картофеля за три года до советско-германской войны представлена в табл. 9.

Таблица 9
Урожайность зерновых и картофеля в колхозах Туровского района с 1938 по 1940 г., *ц/га*[94]

Коллективное хозяйство	Зерновые	Картофель
Зорка	15,7	–
Калініна	15,0	152,0
Кастрычніцкая перамога	13,3	164,5
Новае жыццё	14,1	177,0
Чырвоны дазор	13,3	–
Чырвоная Тураўшчына	15,3	104,0
1-е Мая	12,2	–
6-й з’езд Саветаў	12,6	160,6

Однако в большинстве хозяйств положение было далеким от удовлетворительного. Начальник УНКВД по Полесской области Тупицын докладывал о плохой подготовке колхозов к зиме. Не были заготовлены удобрения и корма, не хватало специалистов и техники. МТС Турова не обеспечивала своевременного ремонта тракторов. Мастерская была рассчитана на 27 тракторов, а могла обслуживать только 10; не хватало запасных частей, инструмента. Труд ремонтников был плохо организован, график работ и горячее питание отсутствовали.[95]

Летом 1939 г. в Полесской области проводилась кампания подписки на заем «Третья пятилетка». Заем должен был не только мобилизовать «свободные» ресурсы для нужд экономики, но и подтвердить лояльность населения. Личные сбережения оставались очень скромными, люди отказывали себе в самом необходимом, но уклониться не смели. В августе 1939 г. рабочие и служащие области были охвачены подпиской поголовно, а население деревни, страдавшее от постоянных поборов, только наполовину.

[94] Составлено по: ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 3, д. 20, л. 114.

[95] Рапорт капитана госбезопасности Тупицына от 15 октября 1939 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 64, л. 128.

Отказ участвовать в займе преподносился НКВД как саботаж. В Туровском районе колхозник Николай Якубовский (д. Погост) называл «дураками» людей, подписывавшихся на заем: «Все равно берут “нахалом”, не знают, на чем мужика обыграть». Иван Ильеня спрашивал, почему он должен укреплять страну и после этого ходить «голым»? В Хильчицах колхозник Левкович просил записать на него 500 руб. На вопрос, где он возьмет деньги, Левкович с иронией отвечал, что продаст дом и выплатит. Афанасий Кулевец: «Правители гроши собирают, а с ними куда угодно можно сбежать». Елизавета Курбан из Вересницы: «Пошли вы к чертовой матери с вашими властью, вождями и займами!» Конюх Петр Костюк из Слепцов Озеранского сельсовета показывал на порванные штаны и кричал, что он ничего не заработал, дома у него – трое голодных детей, советская власть не помогает, и он ей помогать не будет. Костюк делал вывод, что ему все равно, какая власть – советская или царская. По словам Николая Чижика, жена угрожала зарезать его ночью, если он подпишется. Однако дальше всех пошла Ольга Щекатович, которая предположила, что список будет храниться, а «когда власть переменится, то станет ясно, кто помогал коммунистам, и всех повесят».[96]

Нехватка продуктов питания заставляла власти ужесточать контроль над выполнением государственных поставок сельскохозяйственной продукции. В сентябре 1940 г. 17 районов Полесской области должны были сдать 70 тыс. пудов хлеба, в том числе по Туровскому району – 3960 пудов.[97]

Планы на будущее

К началу 40-х годов рост производства продуктов питания стал возможен только за счет экстенсивных факторов – расширения посевных площадей. Отсутствие свободных территорий предполагало широкие мелиоративные работы. Весной 1941 г. бюро Полесского обкома партии приняло программу мероприятий по реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б)Б «Об осушении болот Белорусской ССР и использовании осушенных земель колхозами для расширения посевных площадей и сенокосов».[98]

Общий объем затрат на эти цели составил 24 тыс. 905 руб., из которых 14 тыс. 869 руб. поступали из госбюджета. Выделялись средства на мелиорацию, ремонтные, эксплуатационные и изыскательские работы, приобретение механизмов и оборудования, гражданское строительство. Колхозам области предоставили

---

[96] Письмо начальника УНКВД Барона секретарю Полесского ОК КП(б)Б Маркину от 12 августа 1939 г., Там же, д. 63, лл. 202-203.

[97] О государственных закупках хлеба в 1940 г. в Полесской области. Постановление бюро Полесского ОК КП(б)Б от 18 сентября 1940 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 3, д. 15, л. 267.

[98] Протокол бюро Полесского ОК КП(б)Б от 2 апреля 1941 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 153, лл. 255-260.

долгосрочные кредиты на 653 тыс. руб. для мероприятий, связанных с осушением болот. По Туровскому району на осушение 500 гектаров земли под луга, пастбища и пашню выделили 11 тыс. руб. Всего по 15 районам Полесской области необходимо было ввести в севооборот 10 тыс. гектаров земельных угодий.

Раскорчевка и вспашка целины осушенных земель были признаны первоочередными задачами для машинно-тракторных станций. Они получили дополнительную специальную технику: 15 болотных тракторов, 70 болотных плугов, 120 дисковых борон и т. д. Началась разработка проектов мелиорации и трассы осушительных каналов. В мае 1941 г. секретарь обкома КП(б)Б Левицкий докладывал в Минск, что коммунисты Полесья возглавили политический и трудовой подъем трудящихся, чтобы с честью выполнить «сталинское задание».[99]

На 1941 г. были намечены меры по укреплению энергетической базы региона. Это предусматривало расширение добычи торфа по семи районам области, включая Туровский, которому было поручено добыть 5 тыс. тонн.[100] В Турове началось строительство нефтехранилища, которое планировалось ввести в строй в сентябре 1941 г.[101]

Важным дополнительным ресурсом продовольственной базы считался рыбный промысел. В соответствии с постановлением СНК БССР от 25 января 1941 г., Полесский облисполком утвердил планы озерно-речного улова рыбы по районам области в размере 5750 центнеров, в том числе по Туровскому району – 700 центнеров. Из десяти рыбных хозяйств области Туровский рыбхоз занимал третье место по улову после Житковичей (1760 ц) и Петриковского (1000 ц) районов.[102]

Полесская область считалась перенаселенной относительно обрабатываемой земли. Неразвитость промышленной базы и недостаток свободных сельскохозяйственных угодий, которые можно быстро включить в хозяйственный оборот, приводили к скрытому перенаселению. Из таких мест государство рекрутировало трудовые ресурсы для малозаселенных районов Советского Союза. Перераспределением людских ресурсов руководил Госплан. В феврале 1941 г. в соответствии с его рекомендациями из Полесской области в многоземельные районы СССР нужно было перевезти 5,5 тыс. хозяйств. Из них 4,5 тыс. семей предполагалось направить в первом квартале 1941 г., а в четвертом квартале 1941 г. – 950 семей. Переселение должно было затронуть 16 районов области. По Туровскому району требовалось подобрать 300 семей.[103] Эта программа имела в основном отношение к нееврейской части населения Белорусского Полесья.

---

[99] Там же, лл. 261-262.

[100] План торфоразработок на 1941 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 1, д. 25, л. 183.

[101] Там же, оп. 3, д. 15, л. 302.

[102] План улова рыбы по Туровскому району на 19 апреля 1941 г., Там же, д. 240, л. 14.

[103] Там же, д. 20, л. 33.

* * *

Путь, пройденный от землеустройства до сплошной коллективизации, вместил в себя целую эпоху преобразований. Перевод евреев на землю, задуманный как способ преодоления перенаселения местечка, обеспечение его жителей сырьем для подсобных промыслов и продовольствием, не удался из-за резкой перемены курса.

Социалистические преобразования в деревне стали неизбежным шагом для государства диктатуры пролетариата, опасавшегося утраты экономического влияния и политического перерождения. Запрет частной инициативы и административный нажим привели деревню к разорению, падению жизненного уровня и голоду. Еврейские хозяйства перестали быть рентабельными и утратили большинство своих членов. К середине 30-х годов колхозы фактически слились с белорусскими и незаметно сошли на нет.

Идея привлечения еврейского населения местечек к производительному труду в области сельского хозяйства осталась нереализованной. Принудительное обобществление земли привело к утрате опыта землепользования, заставило жителей местечка отказаться от подсобных промыслов, подтолкнуло к переселению в Крым, в большие города, уходу на стройки промышленных гигантов или учебу. На передний план был выдвинут Биробиджанский проект. Государство пообещало евреям за освоение районов Дальнего Востока и укрепление границы с Китаем создать автономную еврейскую республику. Однако евреи из Турова в этом уже не участвовали. Их потенциал, как и многих других местечек Белоруссии, был исчерпан программой землеустройства в рамках ОЗЕТ.

В поисках счастья – в Крым

Преодолеть хронический дефицит сельскохозяйственных ресурсов за счет мелиорации, освоения брошенных и малопродуктивных угодий разорившихся коммун и совхозов или резервного фонда Народного комиссариата земледелия в Белоруссии оказалось невозможным. Появление еврейских поселений, пусть даже и на бросовых землях, вызывало зависть и недовольство крестьян, усиливая общее напряжение. Единственным выходом оставалось направить поток переселенцев из местечка за пределы республики, что и было сделано.

Вскоре это стало самостоятельным направлением политики землеустройства. Найти неосвоенные земли удалось в Северном Крыму. После 1917 г. сельскохозяйственные коммуны на полуострове, выдававшемся в Черное море, основали молодежное сионистское движение *hе-Халуц*, левая фракция которого легально работала в СССР в течение десяти лет. Как правило, эти земледельческие колонии имели ивритские названия: *Тель-Хай* («Холм жизни»), *Мишмар* («Страж»), *Авода* («Работа»), *Мааян* («Источник»), *Хаклай* («Крестьянин»), *Хейрус* («Свобода») и др.[1] Одновременно раздавались голоса в поддержку еврейского землеустройства целинных земель Казахстана, но крымский вариант оказался предпочтительнее. Секретарь Центрального бюро еврейской секции при ЦК КП(б)Б Абрам Бейлин[2] призывал «не разбрасываться по всему земному шару – Советскому Союзу, а остановиться на одном направлении и обратить на него все внимание, силы и средства».[3]

---

[1] С запретом *hе-Халуца* (1928 г.) все созданные им коммуны ликвидировали, превратив их в колхозы, а лидеров репрессировали.

[2] Абрам Григорьевич Бейлин (1886-1980 гг.) - партийный и государственный деятель, секретарь Центрального бюро еврейской секции при ЦК КП(б)Б (1927-1929), репрессирован.

[3] Т.В. Царевская, «Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине», *Отечественная история*, 1999, № 2, с. 121-125.

Количество желающих превзошло все ожидания. У евреев зародилась надежда покончить с нуждой и обеспечить достойное будущее своим детям. Государственные кредиты и помощь международных еврейских благотворительных центров открывали новые перспективы. Наконец, переход к сельскому хозяйству позволял поднять социальный статус, что было принципиально важно в условиях диктатуры пролетариата.[4]

Инвестиции из-за границы

Создание советских земледельческих колоний в Крыму путем переселения евреев из местечек бывшей черты оседлости началось в 1923 г. Первые 34 колонии заняли 15 тыс. десятин в степной части полуострова.[5] Эти преобразования требовали огромных инвестиций. В декабре 1924 г. СНК СССР и *Американское еврейское объединение агрономических корпораций* (Агро-Джойнт) подписали соглашение о финансировании переселения евреев в Крым.[6] Планирование, контроль и регулирование взяли на себя государственные и общественные организации (Комзет и ОЗЕТ), а на иностранных партнеров было возложено финансовое обеспечение и создание инфраструктуры, включая образование и культуру.

Каждая из сторон преследовала свои интересы. Джойнт видел задачу в оказании помощи евреям диаспоры, терпящим бедствие. Советское правительство получало политическую и экономическую выгоду – появилась возможность широкого хозяйственного освоения нетронутого экономического района с применением передовых технологий США.

Землеустройство в Крыму обещало евреям обретение национального очага не в далекой Палестине, а в пролетарском советском государстве. В действительности, переселение евреев в Крым, как и в другие части СССР, преследовало решение только экономических задач путем привлечения еврейского населения к участию в социалистическом строительстве.

Объясняя, почему капиталистические страны жертвовали деньги на еврейское землеустройство, власти уклончиво отвечали, что еврейская буржуазия боялась утратить влияние на два миллиона еврейских эмигрантов из России, тесно связанных с трудящимися массами первой в мире страны строящегося социализма.

---

[4] *By the Shores of the Black Sea. Jewish Farmers in the USSR, 1922-1941*, Materials of Exhibition. Beith Hatefutsot The Nahum Goldman Museum of the Jewish Diaspora, Tel Aviv University, 2005.

[5] Michael Beizer, Mikhail Mitsel, *The American Brother. The «Joint» in Russia, the USSR and CIS*, Jerusalem-Moscow 2004, p. 66.

[6] *Агро-Джойнт* (Agro-Joint) был дочерним предприятием Джойнта (American Jewish Joint Distribution Committee). Первое соглашение с советским правительством Джойнт подписал в 1920 г., направляя помощь через «Еврейский общественный комитет пострадавшим от погромов» и «Американскую администрацию помощи» («American Relief Administration»).

Деятельность Агро-Джойнта конкурировала с международным сионистским проектом по заселению Палестины и вела к потере части средств, собираемых среди евреев США. Несмотря на это, Джойнт и его спонсоры предпочитали колонизацию в Крыму, которая обходилась намного дешевле. Одновременно существовала договоренность о том, что принадлежность к сионистским партиям и группам не послужит препятствием к участию в советских переселенческих объединениях.[7]

В 1928 г. 25 семей из Палестины, воодушевленные идеей еврейских поселений, прибыли в Крым. В Евпаторийском районе они основали коммуну «Войо-Нова» (Vojo Nova, «Новый быт», *эсперанто*). Это были члены крайне левого Рабочего батальона, отказавшиеся от сионизма, во главе с Менделем Элькиндом. Агро-Джойнт помогал «Войо-Нова», как и коммунам *hе-Халуца*.[8]

Наряду с Джойнтом землеустройству помогали «Еврейское колонизационное общество» (ЕКО),[9] «Общество распространения ремесла и земледелия среди евреев» (ОРТ),[10] «Еврейский колонизационный фонд в Йоханнесбурге» (Южная Африка), «Объединенный фонд содействия еврейской колонизации в России» (Великобритания). Фонды в поддержку землеустройства в СССР были образованы в США и Дании (ИКОР), Латвии (ОСЕК), Аргентине (ПРОКОР) и даже в Тель-Авиве – «Палестинское общество содействия еврейскому земледелию в Советском Союзе» (АГРУ). Они строили поселки и принимали переселенцев, завозили современную сельскохозяйственную технику, высокие сорта семян и племенной скот. Осенью 1926 г. газета *Красный Крым* писала, что никакие трудности не могли остановить еврейских колонистов, которые проявляли недюжинную энергию и выдержку. Агрономы оценивали новых поселенцев очень высоко, их мотивация и общий культурный уровень должны были компенсировать недостаток опыта работы на земле.[11]

Сельскохозяйственная колонизация Крыма была рассчитана на приезжих. Коренное еврейское население проживало в городах и в освоении степных районов не участвовало.[12]

---

7 Письмо Урисона Джозефу Розену от 2 августа 1925 г., Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 4, оп. 10, д. 39, л. 160.

8 В начале 1930-х годов «Войо-Нова» превратили в колхоз, а М. Элькинда изгнали, в 1938 г. его расстреляли в Москве, реабилитирован в 1958 г. См.: Гётц Хиллиг, *«Войо-Нова» в Крыму - забытая сельхозкоммуна (кибуц)*, Марбург 2005 г., с. 59.

9 Основано в 1891 г. в Лондоне на средства барона М. Гирша (Jewish Colonization Association).

10 Образовано в 1880 г. в Петербурге С.С. Поляковым, после первой мировой войны преобразовано во всемирный ОРТ с центром в Берлине (Association for Handicrafts and Agricultural Labour among the Jews).

11 *Красный Крым*, 29 октября 1926 г.

12 По переписи 1926 г., евреи проживали в Симферополе (18 тыс. 869 чел.), Севастополе (6038), Феодосии (3807), Керчи (3621), Евпатории (2659) и Ялте (2392).

«Белорусская страница»

За устройство евреев из белорусских местечек в степях Крыма отвечали Народный комиссариат земледелия, Белкомзет и БелОЗЕТ. Государственные органы республики обеспечивали хозяйственное устройство новых земледельцев. Белкомзет заботился об агрономическом и техническом обслуживании, а БелОЗЕТ мобилизовал «общественные симпатии, энергию и средства» в республике и за ее пределами для содействия в проведении еврейского землеустройства.

В Мозырском округе регистрация желающих среди евреев перейти к земледелию, проведенная в октябре 1924 г. в 14 местечках, зафиксировала 513 семей (2569 чел.), из которых больше половины хотели поехать в Крым.[13] В 1926 г. переселенцам из Белоруссии было выделено 5265 десятин земли. Для их обустройства Агро-Джойнт, ЕКО и ОРТ выделили 120 тыс. руб., отдельно передали 10 тыс. руб. для Гомельской губернии, входившей в состав Российской Федерации.[14] Всего с 1924 по 1927 г. в Крым переехали около 1300 семейств, а на следующие три года планировалось переселить еще одну тысячу еврейских семей.[15] Колонисты получали в свое распоряжение заброшенные земли безводной части Крыма, но благодаря передовым методам ведения хозяйства и западной технике им удалось быстро вдохнуть жизнь в эту пустошь. Бурились артезианские колодцы, очищались поля, налаживалось искусственное орошение,[16] внедрялось виноградарство.[17] К осени 1928 г. было поднято 68 тысяч гектаров целины.

ОЗЕТ, в отличие от зарубежных организаций, стремившихся создать благоустроенные и развитые хозяйства, строил еврейские поселения скромно (зачастую дома с соломенными крышами), чтобы они не выделялись на фоне соседних нееврейских деревень. В еврейских колхозах работали паровые молотилки, сортировочные машины и веялки, пять небольших заводов по переработке молочных продуктов, маслобойные, кожевенные, черепичные заводы, развивалось промышленное птицеводство. В поселки проводили электричество и радио, на курсах трактористов и в сельскохозяйственных школах готовили квалифицированные кадры.[18]

К началу 30-х годов под еврейские поселения в Крыму было отпущено более 300 тыс. гектаров земли, главным образом в Евпаторийском и Джанкойском

---

[13] *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б за время с 1 октября 1924 года по 1 октября 1925 года*, Мозырь 1925 г., с. 71.

[14] Э. Иоффе, Б. Мельцер, *Джойнт в Беларуси*, Минск 1999 г., с. 62.

[15] «Еврейское землеустройство в Белоруссии», *Трибуна еврейской советской общественности*, 1928 г., № 19, с. 21.

[16] Колодцерубильные машины из Америки позволяли устраивать артезианские и шахтные колодцы глубиной 80-120 м.

[17] Виноградники колхоза «Соцвег» («Социалистическая дорога») ежедневно отправляли в санатории Евпатории 1200 кг ягод.

[18] *Воспоминания жителей еврейских поселений в Крыму*, Симферополь 2004 г., с. 147.

районах, объединенных в Фрайдорфский национальный район. В 1935 г. был образован второй еврейский национальный район – Лариндорфский, где сосредоточилось более 60% еврейского населения Крыма.

Из Турова – в Крым

Идею освоения целинных и залежных земель в степях Крыма с энтузиазмом восприняли в Турове. Людей не пугали засушливые степи северной части полуострова, которые разительно отличались от климата болот и лесов Припятского Полесья. Трудно предположить, что еврейские семьи верили на слово вербовщикам Комзета и агитаторам ОЗЕТа. Перед тем как сняться с места, большинство семей в складчину посылали «гонца», который сообщал об условиях, ожидавших новоселов в Крыму. Если разведка сулила удачу, будущие переселенцы продавали дом, нехитрое имущество и покидали местечко.

Интерес к переселению в Крым заметно рос, к представителям ОЗЕТ обращались евреи из самых «медвежьих» уголков Полесья. Первыми в путь отправились пятьдесят семей из Житковичей, Давыдовки, Калинковичей, Копаткевичей и Турова. Для того чтобы оценить значимость этого шага, нужно помнить, что для большинства жителей, никогда не покидавших пределов Мозырского округа, поездка в Крым была почти кругосветным путешествием. С другой стороны, отважившиеся на подобный шаг, не имели «цепей», которые удерживали бы их на старом месте. Главное богатство – детей и собственные рабочие руки, умение и желание трудиться – они увозили с собой.

Несмотря на то, что часть переселенцев возвратилась, оставшиеся смогли прижиться. Тяга к переменам не ослабевала, и освободившиеся места занимали новые добровольцы.[19] В мае 1927 г. в Крым выехали дополнительно четыре семьи из Турова, а еще 37 – изъявили готовность к переезду. В основном это были кустари-ремесленники, которые опасались остаться без заказов.[20] Зимой 1928 г. еврейское бюро при Мозырском окружном комитете партии распределило дополнительные *наряды* (направления на организованное переселение) для жителей Турова (25 мест), Петрикова (15) и Лельчиц (10).[21]

Смена места жительства была вызвана не только желанием встать на ноги экономически, но и поднять социальный статус. Государство диктатуры пролетариата считало полноценными гражданами только тех, кто имел отношение к производительному труду. Бывшие торговцы и предприниматели, коммерческие

---

[19] Деятельность ОЗЕТ в Мозырском округе за 1926 г., Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 69, оп. 1, д. 260, л. 66.

[20] Доклад о состоянии еврейской работы по Туровскому району на 1 мая 1927 г., Там же, д. 689, л. 21.

[21] Письмо секретаря евбюро при Мозырском ОК КП(б)Б Пасманика от 7 февраля 1928 г., Там же, ф. 4286, оп. 1-а, д. 75, л. 2.

посредники, лица без определенных занятий, деятели культа и все, кто так или иначе использовал наемный труд, подлежали классовой «перековке». Нетрудовые элементы были лишены избирательных прав, их детей не принимали на учебу и государственную службу. В 1927 г. из 2269 евреев (41,9% всего населения), проживавших в Турове, право голоса имели 813 чел., а 351 чел. считались лишенцами.[22] Переход к сельскому хозяйству вдалеке от родных мест помогал исправить эту несправедливость. Социальный состав переселенцев из Мозырского округа во второй половине 20-х годов представлен в табл. 1.

Таблица 1
Социальная характеристика глав семей, переселившихся из Мозырского округа, на 18 апреля 1927 г.[23]

Статус или род занятий	БССР	Мозырский округ
Рабочий	32	14
Служащий	12	7
Ремесленник	104	27
Земледелец	38	3
Огородник	7	–
Извозчик	13	3
Торговец	96	23
Служитель культа	2	1
Свободная профессия	2	–
Другое занятие	63	7
Итого	**369**	**85**

Весной 1927 г. по одиннадцати округам БССР изъявили желание переселиться в Крым 369 семей. Самыми многочисленными из переселенцев в целом по республике стали ремесленники (28,2%) и торговцы (26%), а рабочие и служащие составили соответственно – 8,7 и 3,3%. В Мозырском округе эта тенденция оказалась еще более выраженной: ремесленники (31,8%) и торговцы (27%). Разоренные торговцы стремились выйти из поля зрения ГПУ. Евсекция рассылала письма в

[22] Материал обследования местечка Туров за 1927/28 г., НАРБ, ф. 6, оп. 1, д. 2564, л. 147.
[23] Составлено по: НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 47, л. 102.

адрес советских учреждений с требованием усилить бдительность при подборе кандидатов для переселения.

Товарищества для переезда в Крым готовил ОЗЕТ. Это помогало преодолевать трудности в дороге и лучше подготовиться к приему новоселов. Собирались сведения о количестве «едоков» и трудоспособных, рабочем резерве, чтобы использовать сразу по прибытии на место, наличии профессий и специальностей, многие из которых предстояло сменить. В феврале 1928 г. комиссия ОЗЕТ при Туровском райисполкоме[24] утвердила состав трех переселенческих товариществ. В два из них, «Горапашник»[25] и «Красный пахарь»,[26] вошли по семь глав семейств, а в «Красный дворец» – одиннадцать.[27] Одновременно комиссия аннулировала свое решение в отношении некоторых жителей Турова, отказавшихся от переселения.[28]

В связи с сохранением большого наплыва желающих (90 семей) евреи Турова обратились с ходатайством в Мозырский ОЗЕТ увеличить число нарядов.[29] Профессиональный и социальный состав переселенцев Туровского района представлен в табл. 2 и 3.

Таблица 2
Характеристика трудноспособности еврейских переселенцев из Туровского района на 1928 г.[30]

Социальный статус	«Горапашник»	«Красный дворец»	«Красный пахарь»
Члены товарищества	39	72	45
В том числе: трудоспособные	18	38	21
частично трудоспособные	5	6	1
нетрудоспособные	16	28	23

[24] В состав комиссии входили члены ОЗЕТа Санец, Шнайдман, Карлинский и представитель Комитета взаимопомощи Турова Шустерман.

[25] Лейба, Липа, Ицко и Алтер-Лейб Гительманы, Хаим Лейзерович Гоникман, Шимон Ицкович Вагер, Ицко Шифман.

[26] Арон Старобинский, Мордух Фридман, Алтер Фельдман, Йосель Рашап, Борух Шапиро, Лейзер Шифман, Нота Фруман.

[27] Шлёма и Хаим Чечики, Ошер Шухман, Беньямин, Израиль и Ицко Лельчуки, Юдель Красильщик, Эля Пюдзик, Борух-Лейб Старобинский, Айзик и Довид Гизунтерманы.

[28] От переселения в Крым 19 января 1928 г. отказались: Мойше Луховицкий, Шлёма Чечик, Айзик Храпунский и Йосель Зингман.

[29] Протокол заседания комиссии ОЗЕТ при Туровском райисполкоме от 14 февраля 1928 г., НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 127, л. 8.

[30] Табл. 2, 3, 4 и 5 сост. по: НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 127, лл. 65, 77, 86.

Таблица 3
Социальный состав еврейских переселенцев из Туровского района в 1928 г.

Социальный статус или профессия	«Горапашник»	«Красный дворец»	«Красный пахарь»
Извозчики	3	1	2
Огородники	–	1	–
Рабочие	2	2	1
Ремесленники	2	2	5
Служащие	–	–	–
Служители культа	–	–	–
Торговцы	2	–	2

В трех переселенческих товариществах из общего количества 157 чел. работоспособные (49%) и частично трудоспособные (7,6%) составляли больше половины. Большинство были ремесленниками, извозчиками и рабочими. Среди прибывших не оказалось управленцев, людей свободных профессий или служителей культа. Многие переселенцы не имели образования и перебивались случайными заработками.

Основную часть нетрудоспособных членов товариществ составляли дети. Возрастной и половой состав переселенцев Туровского района в 1928 г. показан в табл. 4 и 5.

Таблица 4
Состав еврейских переселенцев из Туровского района по полу в 1928 г.

Пол	«Горапашник»	«Красный дворец»	«Красный пахарь»
Мужчины	21	40	26
Женщины	18	32	19

Таблица 5
Состав еврейских переселенцев из Туровского района по возрасту в 1928 г.

Возраст, *лет*	**«Горапашник»**	**«Красный дворец»**	**«Красный пахарь»**
1–13	16	28	21
14–17	4	12	5
18–60	18	32	18
старше 60	1	–	1
И т о г о	**39**	**72**	**45**

В трех переселенческих товариществах взрослые (18–60 лет) составили 58 чел., или 73%. Пятую часть товариществ насчитывали дети, не достигшие 14 лет (20,8%). Они не могли участвовать в производительном труде, им предстояло учиться и выполнять только вспомогательные обязанности. Подростки до 17 лет, на которых рассчитывали взрослые, составили всего 6%. Это означало, что трудовую смену нужно было ждать еще несколько лет. Людей преклонного возраста, старше 60 лет, было только два человека. Можно предположить, что отправиться в дорогу их заставило больше желание не расставаться с родными, чем способность внести полноценный вклад в общее дело.

В Крым ехали люди, полные сил, не сомневавшиеся, что они пустят корни на новом месте. Средний возраст глав семейств не превышал сорока пяти лет. Большинство детей подошли к подростковому возрасту или находились накануне совершеннолетия, они были приучены к труду и закалены. Каждый из членов семей опирался на родственников и подчинял личные интересы воле старших, несших ответственность за судьбу рода. Примером могут служить семьи Хаима и Шлёмы Чечиков.

Хаим и Хава Чечики (46 лет) имели шестерых детей: трех сыновей – Боруха, Берку и Ошера (8, 11, 17 лет) и трех дочерей – Риву, Соню и Этку (13, 18 и 23 года). Шлёма Чечик, родной брат Хаима, был вдовцом (41 год) и заботился о своих шестерых детях: четырех сыновьях – Берке, Ошере, Абраме и Шлёма-Гирше (1, 14, 16 и 17 лет) и двух дочерях – Саре и Стысе (6 и 12 лет).[31] Хаим и Шлёма Чечики, главы семейств, не имели определенных профессий и принимались за любую работу, чтобы прокормить семьи.

Денежные суммы, собранные переселенцами на свое обустройство, были скромными. В товариществе «Красный пахарь» они составили всего 480 руб.,

---

[31] Сводные карточки переселенческих товариществ в Мозырском округе за 1928 г., НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 127, лл. 7, 67.

«Горапашник» – 830 руб., а «Красный дворец» – 910 руб.[32] Главной надеждой оставался кредит, который предоставлялся на срок от трех до десяти лет. Колонисты подписывали обязательство банку для покрытия долга под 6% годовых. Выплата кредита начиналась со второго года и достигала 15% от суммы долга. Исключение составлял тракторный кредит, который необходимо было погашать с первого года. Высокие проценты и сроки платежей оказались непосильным бременем, и поэтому СНК СССР постановлением от 31 декабря 1927 г. установил для всех категорий переселенцев льготные условия кредитования. Но этих средств не хватало, и в дополнение к государственным кредитам и личным сбережениям переселенцев ОЗЕТ доплачивал на устройство каждой семьи по 600 руб., а часть суммы получали от заграничных еврейских организаций.[33]

Переселенцы встречали много трудностей, а вместо «гибкости и теплого подхода» – «казенщину, шаблон, бюрократизм». Дело усугубляли неурожай, отсутствие кормов, недостаток материальных средств и оторванность от культурной жизни. По этим и другим причинам часть колонистов поворачивала обратно. Весной 1928 г. председатель Центрального бюро евсекции при ЦК КП(б)Б Бейлин конфиденциально сообщал в Москву Чемерисскому[34] о почти 40% переселенцев, возвратившихся в Белоруссию из Крыма. По его словам, «местечковый трудовой элемент» – *лозокруты*[35], извозчики, кустари и ремесленники невысокой квалификации напрасно «обивали пороги» в конторах ОЗЕТа и Комзета, чтобы их трудоустроили.

Бейлин настаивал на срочном расследовании и подчеркивал, что промедление неизбежно отразится на всей работе по еврейскому землеустройству. Он предлагал передать этот вопрос на рассмотрение Рабоче-крестьянской инспекции и прокуратуры.[36]

Судьбы переселенцев

Айбиндеры

У Шлейме-Хаима и Мемке родились четыре девочки – Голда, Рая, Шпринца, Дора и шесть мальчиков – Яков, Берл, Борух, Лейбл, Абрам и Исаак. Шлейме-Хаим был *кацев* («мясник», *идиш*), а когда частную инициативу запретили, стал

[32] Сводные карточки переселенческих товариществ в Мозырском округе за 1928 г., НАРБ, ф. 11, оп. 1, д. 127, лл. 65, 77, 86.

[33] М. Каменштейн, *Советская власть, еврейское землеустройство и ОЗЕТ,* Москва 1928 г., с. 31.

[34] Александр (Соломон) Чемерисский (1880-1939 гг.) - уроженец Подольской области, один из основателей Независимой еврейской рабочей партии (1901), активист Бунда, член руководства евсекции при ЦК ВКП(б), репрессирован (1939).

[35] *Лозокруты* - рабочие, стягивавшие бревна плотов при помощи канатов, которые изготавливали из лозы.

[36] Письмо Бейлина Чемерисскому от 15 мая 1928 г., НАРБ, ф. 4-п, оп. 10, д. 91, лл. 59-62.

заниматься извозом. В 1929 г. отца семейства объявили эксплуататором и лишили гражданских прав. Старшие дети Голда и Яков решили уехать в Крым, чтобы поднять свой социальный статус. Голда устроилась работать на швейную фабрику в Симферополе, а Яков вернулся и поступил учетчиком на лесной склад в Житковичи. Затем в Крым уехали Борух и Шпринца. Борух поступил в сапожный цех на Симферопольский кожевенный завод, откуда через год его направили учиться в техникум легкой промышленности в Москву. Шпринца хотела быть врачом и поступила в Крымский медицинский институт.

С родителями остались жить Раше, Берл, Лейбл, Абрам и Дора, но потом и их пути разошлись. Раше приняли в артель чулочников, Берл пошел в бригаду столяров Пейсаха Бермана, Лева стал кровельщиком в бригаде Иче Фейгельмана из Калинковичей. Абрама взяли в школу ФЗО в Ленинграде, Исаака призвали на срочную службу в Красную Армию, а с родителями осталась одна младшая дочь Дора.

С началом войны шесть сыновей Шлейме-Хаима и Мемке Айбиндеров ушли на фронт. Исаак оборонял Москву, Берла мобилизовали в железнодорожные войска, Яков воевал в пехоте, а потом в санитарном батальоне, погиб в апреле 1944 г. Боруха взяли в морскую пехоту в Севастополе, и он пал смертью храбрых в июле 1942 г. Лева был ранен, но после излечения поступил в офицерское училище. Неизвестной осталась судьба Абрама, призванного в первые дни войны, но пропавшего без вести. По рассказам, его воинский эшелон попал под бомбежку между Калинковичами и Мозырем. Из всей семьи – родители погибли в Крыму – остался один Берл, которого в 1944 г. направили восстанавливать железнодорожное хозяйство в Эстонию, где он осел.[37]

Глозманы

Мордхе-Йосель и Ципа переехали из Турова в Крым летом 1929 г. после того, как были объявлены лишенцами.[38] Из девяти детей с родителями уехали Полина, Файвель и Вихне. В Фрайдорфском районе они вступили в колхоз им. Сталина, работали в поле, теребили шерсть, делали сыры и колбасы. Файвл работал трактористом, Вихне – в вязальной мастерской Симферополя.

В Турове остался сын Мордхе и Ципы – Гирш[39] с женой Мемке, занимавшие одну из восьми комнат в родительском доме в центре местечка. Для того чтобы скорее их выселить, в доме разрушили печь. Стояла лютая зима, дочь Гирша

[37] Запись беседы с Берлом Айбиндером 23 и 30 августа 2000 г. в Иерусалиме, Архив автора.

[38] До 1917 г. Мордхе-Йосель арендовал сады, что явилось основанием объявить его эксплуататором и лишить собственности, дом Глозманов был реквизирован под отделение леспромхоза в Турове.

[39] Гирш Йоселевич Глозман (1896-1970) - окончил высшее начальное училище и три группы 2-й ступени общеобразовательных курсов с педагогическим уклоном, учитель еврейской школы в Турове в 1921-1929 гг., секретарь Туровского районного отделения МОПР.

и Мемки, шестилетняя Дора, умерла от воспаления легких. После этого молодые родители присоединились к Мордхе-Йоселю и перебрались в Крым. Итке вышла замуж и переехала сначала в Петриков, а затем в Харьков. В Турове осталась одна Рошка. В 1933 г. Гирш поступил в Крымский педагогический институт и заочно окончил физико-математический факультет. По его стопам пошла Полина. Шимон и Эшке уехали в Орджоникидзе (Владикавказ), Шай окончил бухгалтерские курсы и перебрался в Киев. Когда разразилась война, Глозманы эвакуировались. Через Керчь они пробирались до Орджоникидзе, а оттуда – в Таджикистан. Мордхе-Йосель умер в 1943 г. в Сталинабаде,[40] Файвл был призван в Красную Армию и погиб,[41] Рошку с ее дочерьми Полиной и Рахилью убили нацисты в Турове.

Губерманы

Лейзер и Фрума Губерманы родили восемь детей: Фейгу, Дору, Иду, Броню, Клару, Мойше, Меира и Риву. Лейзер на паях со своим братом Абрамом держал в Турове паровую мельницу. Их отец, Арон Губерман, до революции служил управляющим у помещика Нарейко, имел паровую мельницу в Запесочье. Ему принадлежал один из немногих каменных домов в местечке. В полуподвальном этаже располагалась пекарня, а наверху – жилые комнаты. В 1918 г. дом реквизировали большевики и устроили в нем районный исполнительный комитет Турова, оставив прежним хозяевам только проходную комнату.

Содержать семью становилось все труднее, надежды на лучшее будущее не оправдывались, и Губерманы подались в Крым. Они жили в Фрайдорфском районе, д. Аманша, и работали в еврейском колхозе им. Сталина. Когда дети подросли, Фейгу отправили в Киев, где жила сестра Лейзера – Брандл (Броня), а Дору и Иду – в Москву, где их приютили сестра и брат Лейзера – Эстер и Абрам. Ида была очень способной и поступила в 1-й Московский медицинский институт. В 1937 г. в Москву приехала Клара, которая тоже стала учиться на врача.

В 1941 г. судьба Губерманов резко изменилась. Дору вместе с отделением Госбанка, в котором она работала, эвакуировали в Казань, и туда приехали Клара и Ида. В 1942 г. Иду как молодого специалиста направили врачом в ГУЛАГ[42] в г. Молотов (Пермь). Клара получила диплом Молотовского медицинского института и была призвана в армию.[43] В Крыму от рук нацистов погибли Лейзер, Фрума и их дети – Мойше,

---

40 Письма Сони Глозман от 15 и 22 января 2000 г. из Иерусалима, Архив автора.

41 Файвель Йоселевич Глозман (1912-1941) был призван РВК г. Орджоникидзе, погиб в немецком плену в г. Прилуки.

42 ГУЛАГ - Главное управление исправительно-трудовых лагерей при НКВД СССР.

43 Клара Губерман - ст. лейтенант медицинской службы, находилась в санитарном батальоне 36-й Армии (хирургическое отделение и рентгенология), госпитале № 9 Читинской области РСФСР; в 1946 г. вернулась в Москву и работала участковым врачом в районной поликлинике, выехала в Израиль в 1990 г.

Меир, Броня, Рива. По рассказам очевидцев, 4 января 1942 г. во время акции уничтожения Лейзер схватил Риву и бросился с ней в колодец, чтобы разом покончить счеты с жизнью, его примеру последовали и некоторые другие евреи.[44]

* * *

Идея освоения голодных степей Крыма силами еврейских колонистов казалась многим плодотворной. Мысль о том, что существует место, где еврейский народ после двух тысячелетий изгнания может полноценно жить и трудиться, помогала советскому режиму камуфлировать классовую основу социалистических преобразований.

Результаты колонизации Крыма оказались впечатляющими: за десять лет около 100 тыс. советских евреев переселились на землю, образовав десятки сельскохозяйственных поселений. Почти все из них были радиофицированы и электрифицированы. В каждом районе работали школы, клубы, библиотеки, педагогический и сельскохозяйственный техникумы на идиш, передвижной еврейский театр, выходила на идиш газета *Ленинвег*. Члены еврейских колхозов занимались освоением степных земель и сельским хозяйством, но сохраняли атмосферу еврейского местечка. В колхозах были свои стахановцы, победители социалистического соревнования, но дух еврейской общины – *идишкайт*, взаимовыручка, милосердие и сострадание – оставался жив.

Дальнейшему успеху помешали коллективизация и интернационализация колхозов.[45] Усилилась антирелигиозная борьба, выразившаяся, в частности, во внедрении свиноводства в еврейские хозяйства. В результате молодежь потянулась в большие города на учебу и на стройки первых пятилеток.[46] Число еврейских крестьян пошло на убыль. Война стала трагедией евреев Крыма. Все, кто не успел своевременно эвакуироваться или не был призван в Красную Армию, погибли в годы немецкой оккупации.[47] После войны ни один еврейский колхоз в Крыму воссоздан не был.

---

[44] Запись беседы с Кларой Гоберман 18 октября 2002 г. в Мигдаль hа-Эмеке (Израиль), Архив автора.

[45] С 1936 г. Фрайдорфский район вместо еврейского стали именовать в советской печати «многонациональным».

[46] В начале 1941 г. еврейское население Крыма составляло около 70 тыс. чел., проживавших, в основном, в городах, в 86 еврейских колхозах осталось не более 17 тыс. чел., Dekel-Chen, Jonathan, «Soviet Jewish Agricultural Colonists, 1937-1945», *Jews in Eastern Europe*, 2001, No 46, pp. 34-57.

[47] «Уничтожение еврейского населения в Крыму в 1941-1942 гг.», Публикация А. Круглова, *Вестник Еврейского университета*, 1997, № 2(15), с. 216-233.

Периодическая печать

Значение периодической печати для большевиков трудно было переоценить. Советская власть нуждалась в трибуне больше, чем в средстве передачи информации и выражения общественного мнения. Одновременно газеты и журналы стали зеркалом, отражающим советскую действительность, которую режим хотел приукрасить. На их страницах запечатлены летопись событий, политическая борьба и динамические перемены в обществе. 10 ноября 1917 г. Совет народных депутатов принял устрашающий Декрет о печати, а в конце года был учрежден «Революционный трибунал печати», вводивший репрессивные меры против «контрреволюционной» прессы. Только начавшаяся гражданская война отвлекла режим от создания института цензуры, которую в полном объеме ввели в 1922 г.[1]

Советская пресса демонстрировала нетерпимость к любой оппозиции и тем самым разоблачала слабость Коммунистической партии и утопизм идеи марксистских преобразований, игнорировавших опыт мирового развития. Отношение к небольшевистской прессе стало предвестником политического курса страны в недалеком будущем – расправы с оппозицией, чисток собственных рядов и репрессий против недавних соратников.

Специфика советской периодики заключалась в отсутствии толерантности и предельной централизации заранее заданных позиций. Необходимые составляющие независимой прессы: объективность, беспристрастность, оперативность, доступность и обратная связь с читателями – оказались неприемлемыми для большевиков. Аксиомой стала формула В.И. Ленина о том, что в условиях диктатуры пролетариата газета является, прежде всего, коллективным пропагандистом, агитатором и организатором.

---

[1] В 1922 г. был образован *Главлит СССР* - Главное управление по делам литературы и издательств, имевший отделения в каждой из национальных республик.

Белорусский «полигон»

Партийные органы относились к прессе как важнейшему средству идеологического влияния. В БССР с начала 20-х годов существовали только прокоммунистические издания. Тиражи республиканских газет устанавливались решением бюро ЦК КП(б)Б. В марте 1921 г. *Зьвязде* разрешили тираж шесть тысяч экземпляров, *Дер Штерн, Дер Веккер*, *Савецкая Беларусь* – по две тысячи на каждую, *Белорусской деревне* – 15 тыс. и т. д. Определялись формат и периодичность издания – *Савецкая Беларусь* и *Штерн* издавались три раза в неделю на четырех полосах и четыре раза – на двух.[2] Сначала газеты распространялись без взимания платы, а потом стали поступать в розничную продажу, для государственных учреждений – по безналичному расчету. Централизованно решался вопрос о дотации издания и определялась стоимость подписки. Редакторы республиканских газет назначались на должность после утверждения ЦК Компартии республики.

От редакций газет и журналов требовалось неукоснительно соблюдать «генеральную линию» партии, подкреплять публикации примерами, доступными для понимания читательской «массы». Партийные комитеты рекомендовали органам печати темы статей для обязательного освещения. В августе 1930 г. наряду с республиканскими и окружными газетами были образованы районные газеты, так называемые «районки». К концу 1931 г. в Белоруссии выходило свыше 30 районных и городских газет общим тиражом 205 тыс. экз.[3], в 1932 г. – 27 журналов и 201 газета, в том числе 13 общесоюзных и республиканских, 75 районных и 113 многотиражных. На предприятиях, в совхозах и колхозах, учреждениях и учебных заведениях получила распространение стенная печать. К началу 1933 г. в БССР работали 83 типографии, включая 67 районных,[4] а с образованием машинно-тракторных станций их дополнили газеты политотделов МТС.[5] Отклонение издания от заданной линии партии наказывалось сменой редакторов, ответственных секретарей редакции и увольнением сотрудников.

Газеты и журналы находились в центре идеологической работы. В каждом округе и районе были открыты избы-читальни и красные уголки, проводились собеседования, созывались беспартийные конференции, устраивались выставки, конкурсы плаката и карикатуры, работали кружки и самодеятельные коллективы, которые брали информацию из газет и бюллетеней, журналов и рекомендательных списков литературы.[6]

---

[2] Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 4, оп. 1, д. 158, л. 29.

[3] С.В. Марцелев, *На путях строительства социализма: Печать Белоруссии в 1926-1937 гг.*, Минск 1972 г., с. 10.

[4] И.А. Ковалев, *Идеологическая работа КПБ в период создания фундамента социализма*, Минск 1970 г., с. 257.

[5] В 1934 г. газеты выходили в 67 из 76 МТС разовым тиражом 67 тыс. экз. Сведений об издании многотиражной газеты при политотделе туровской МТС пока не найдено.

[6] *Очерки истории идеологической деятельности КПСС, 1917-1937 гг.*, Москва 1985 г.; *Очерки истории идеологической деятельности КПСС, 1938-1961 гг.*, Москва 1986 г.

«Еврейское лицо» периодической печати

Февральская революция смела плотину искусственных ограничений и запретов для еврейских газет и журналов, альманахов, бюллетеней и других видов общественной информации. В апреле 1917 г. Временное правительство приняло закон о печати, составленный в духе самых либеральных западно-европейских традиций, – предварительная цензура была отменена. Освобожденные от прежних оков, еврейские издательства развернули бурную деятельность, выпуская печатную продукцию на русском языке, идиш и иврите.[7]

После захвата власти большевиками в октябре 1917 г. отношение к периодической печати изменилось. Борьбу с непролетарской прессой возглавили евсекции при ЦК национальных компартий. Они противопоставляли «сионистским изданиям» литературу на языке «еврейских трудящихся» – идиш. Центральное бюро евсекций при ЦК РКП(б) в 1918 г. начало выпускать газету *Дер Эмес*. «Евсеки» часто опережали официальную цензуру и были главным гонителем негосударственной прессы. В 1923 г. в отчете ЦБ говорилось, что еврейской буржуазии при помощи печати удалось создать важные опорные пропагандистские пункты и укрепить свои идеологические позиции.[8]

К середине 20-х годов авторитет советской еврейской прессы укрепился, о чем свидетельствовала реакция партийных, советских и хозяйственных органов на выступления газет. Направлениями публицистики стала борьба за режим экономии, революционную законность и рационализацию производства и управленческого аппарата. М.Я. Фрумкина (Эстер)[9] отмечала в 1926 г. на совещании партийных работников в Гомеле появление новых органов печати на идиш. В Харькове это была *Ди ройте Вельд*, в Москве – журнал *Пионер*. В Белоруссии издавались двухнедельная газета *Пионер Веккер* и литературный журнал *Дер Штерн* (Минск) – орган детского движения в республике, еженедельная газета *Коммунистишер Вег* (Гомель). Газета *Ройте Нодель*, орган профсоюза швейников, начала выходить в Минске, но была переведена в Харьков.

Увеличились тиражи периодических изданий: *Дер Эмес* поднялась с 5 тыс. до 11 тыс. экз. к лету 1926 г., *Октябрь* (Минск) – с 5 тыс. до 6,5 тыс., *Юнгвальд* – с 2 тыс. до 3 тыс. экз., *Пионер* – до 4,5 тыс. экз. Газеты стали планомерно освещать

---

[7] А.В. Блюм, *Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917-1991 гг.*, Санкт-Петербург 1996 г., с. 28.

[8] Г. Эйстрах, «Еврейские секции Компартии. По материалам бывшего Центрального партархива», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1994 г., № 2(6), с. 36.

[9] Мария Яковлевна Фрумкина (парт. псевд. Эстер; 1880–1941 гг.) - активная участница еврейского рабочего и коммунистического движений, публицист, деятельница еврейского образования. Арестована в 1938. Не признала сфабрикованных обвинений. В 1940 г. приговорена к восьми годам заключения. Умерла в Карлаге.

общие вопросы и политические кампании. В этом отношении больше всего такому назначению соответствовала *Дер Эмес*, которая оперативно помещала материалы по основным вопросам социалистического строительства. Качественный рост переживали журналы *Пионер* и *Юнгвальд*, которые, по мнению партийных комитетов, превращались в солидные ежемесячные издания.[10]

Газеты опирались на движение *рабселькоров*[11] в городах и сельской местности. *Дер Веккер* располагала сетью в полторы тысячи внештатных корреспондентов, а для *Дер Эмес* писали 752 рабселькора, не отставали от них по количеству внештатных корреспондентов *Октябрь* и *Штерн.*

Вместе с тем еврейская советская пресса переживала трудности роста. Газеты недостаточно знакомили читателей с предысторией поднятых проблем, не имели заранее продуманного плана, отражали политические события «кампанейски» – не систематически, без какой бы то ни было последовательности, от случая к случаю. Заметно не хватало живого, «легкого» материала для массового читателя. За исключением проблемы землеустройства, газеты маловыразительно освещали перемены в социальном и экономическом укладе еврейского населения страны. Большую проблему составляло небрежное отношение к идиш, недостаток редакторов и корректоров, обилие русских штампов. Наиболее грамотным изданием считалась *Дер Эмес*, значительно меньше – *Октябрь*. На последнем месте по уровню языка стояли органы пионерской и комсомольской печати, особенно *Юнгер Арбейтер*, выходившая в Минске.

Отделы агитации и пропаганды партийных комитетов, курировавшие состояние периодической печати, пытались поднять уровень профессионализма издательских работников и журналистов, созывали совещания редакторов. Газеты на идиш опаздывали с постановкой общих вопросов и реакцией на отклики читателей по сравнению с общесоюзной прессой на русском языке. Они были перегружены материалами журнального характера, не хватало связи с предприятиями крупной промышленности, где было много еврейских рабочих. *Дер Эмес* критиковали за эпизодичность и недостаток статей по советскому строительству, журнал *Октябрь* – за то, что он «грешил» монотонностью. Целый ряд периодических изданий во время съездов и конференций «бездумно» отдавали свои полосы под протоколы и отчеты вместо передачи основного содержания выступлений и принятых решений.[12]

---

[10] Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО), ф. 1, оп. 1, д. 2181, лл. 141-142.

[11] *Рабселькоры* - рабочие и сельские корреспонденты - местные энтузиасты, выполнявшие на общественных началах роль внештатных корреспондентов, распространенное явление конца 20-х и начала 30-х годов.

[12] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 143.

В Турове

В условиях оторванности местечек от больших городов, неразвитости инфраструктуры, примитивной радиофикации и нерегулярной разъяснительной работы значение периодических изданий трудно было переоценить. Газеты, даже в том виде, который они имели в начале 20-х годов, без преувеличения, играли роль «пуповины», питавшей новостями Туров и его округу. Регулярность поступления газет и журналов к читателям, характер, тональность и направленность публикаций определяли общественный климат и ход культурной жизни.

В 1922 г. в Туров поступали республиканские периодические издания: *Зьвязда*, *Белорусская деревня*, *Беднота*, *Молот* – и общесоюзные: *Правда*, *Известия* и *Труд*. Через два года их дополнили: *Советская Белоруссия*, *Малады араты* («Молодой пахарь», *белорус.*), *Рабочая газета*, *Кочегар депо*, *Крестьянская газета*, *Безбожник, Молодой ленинец*, *Красная звезда*, *Огонек*, *Юный строитель*, *Большевик*, *Полесская газета*, *Белорусский кооператор*, *Батрак*, *Фабзавком*, *Прожектор*, *Медицинский вестник* и др. – всего 32 наименования.[13]

Еврейская периодика в Турове была представлена изданиями *Дер Эмес*, *Октябрь*, *Дер Штерн*, *Пионер Веккер*, *Юнгер Арбейтер* и *Коммунистишер Вег*.[14] Партийные и советские органы заботились о расширении круга читателей. Туровская волостная коммунистическая ячейка получала три экземпляра газеты *Дер Веккер* бесплатно. Один из них оставался в избе-читальне, а два других – расклеивали на видных местах.

В декабре 1922 г. указание поддержать *Дер Эмес* получили все *агитпропы*.[15] Перед ними поставили задачу сделать газету самоокупаемой и увеличить тираж в три раза: «Напрягайте все усилия по разверстке газеты на местах, выделяйте товарищей, которые должны заняться этим практически». Приобретать *Дер Эмес* обязаны были все профсоюзы, фабрично-заводские комитеты, кооперативные организации и учреждения. Массовые групповые подписки оформляли на год вперед, открыли розничную продажу. Туровскую волостную партячейку заставили подписаться на 25 комплектов *Дер Эмес* в год.[16] В 1925 г. в местечке проводили кампанию по подписке на газету *Октябрь*, тираж которой по республике было намечено довести до 20 тыс. экз.[17]

Политическая активность еврейского населения в Турове, по оценке Мозырского

---

[13] ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 5, л. 60.

[14] *Октябрь* - до 1924 г. выходил под названием *Дер Веккер*.

[15] *Агитпропы* - отделы агитации и пропаганды при комитетах РКП(б), отвечавшие за идеологическую работу с населением.

[16] Письмо секретаря ЦБ евсекции Мережина и зам. завотделом агитации и пропаганды нацменьшинств при ЦК РКП(б) Лобова «Всем агитпропам» в декабре 1922 г., ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 5, л. 53.

[17] Там же, ф. 2728, оп. 1, д. 19, л. 25.

агитпропа, благодаря периодическим изданиям выросла, повысили активность профсоюзы и национальный совет. Изменилась общая осведомленность жителей местечка о правах и обязанностях национальных меньшинств. В то же время культурная работа из-за отсутствия еврейской избы-читальни отставала. В народном доме Турова не хватало литературы на идиш, за исключением единственной газеты *Октябрь*. Большинство читателей составляли кустари, которые выписывали центральные республиканские и союзные периодические издания на русском языке. Стенной печати на регулярной основе не существовало.[18]

С помощью газет достоянием гласности становились актуальные проблемы района, округа и республики в целом, распространялся передовой технический опыт, велась культурная и разъяснительная работа, сообщалась важная информация. Однако, поскольку свободной прессы в советских условиях быть не могло, все периодические издания выражали установку партийных, советских и профсоюзных органов.

Небольшевистские издания

Советские пропагандисты не были единственными, кто боролся за общественное мнение. Наряду с коммунистическими изданиями в руки читателей Турова попадали печатные материалы сионистов, бундовцев, национальных еврейских партий и организаций. Эти издания критиковали официальную политику, указывая на диктат большевиков, подавление оппозиции, пагубность запрета на частную собственность, отрицание опыта мировой цивилизации, гонения на религию и т. д.

Несоветские газеты и бюллетени раздражали власти своей аргументацией, примерами из жизни и апелляцией к здравому смыслу. Даже единичные неподцензурные разрозненные номера газет и журналов еврейских политических партий, добровольных обществ и клубов, разбросанных по БССР и стране в целом, волновали воображение. Вдумчивому читателю они давали представление о диапазоне еврейской истории, традиции, национальной мысли. Это впечатление в условиях Полесья многократно усиливало полученный резонанс.

Место дискуссии в начале 20-х годов заняли административный нажим, аресты и высылки. Сотрудники Мозырского, Гомельского и Минского отделов ГПУ изымали попавшие в Туров, Калинковичи, Озаричи, Лельчицы и Речицу газеты с Украины[19],

---

[18] Отчет о еврейской работе в Турове по состоянию на 23 января 1926 г., Там же, ф. 499, оп. 1, д. 22, лл. 5-6.

[19] *Бюллетень Комитета Объединенной еврейской социалистической партии*, Полтава 1917 г.; *Еврейская будущность*: Орган сионистской социалистической мысли. Двухнедельный журнал, Киев 1918 г.; *Бюллетень Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев России*, Киев 1918-1919 гг.

из Петрограда,[20] Москвы[21] и даже Парижа.[22] Однако наиболее востребованными оставались местные неофициальные издания из Минска, Гомеля, Витебска и Могилева.[23] Особое значение имели редкие номера газет на иврите, доставленные с оказией из Палестины, – *Давар* и *Хадашот*.

Когда подпольные типографии были разгромлены, появились рукописные журналы и газеты. Лишенные профессиональной базы, техники и бумаги, активисты переписывали их от руки или тиражировали на ротаторе. Полиграфическое качество этих материалов не выдерживало критики. Однако их содержание, обобщающие статьи, лаконичная информация с мест, аналитические обзоры представляли ощутимую крамолу в глазах советской власти. Авторы осуждали экономическую и культурную политику режима, противопоставляли теорию классовой борьбы идее национального развития.

Все эти издания были обречены. С ликвидацией последних политических групп, сопровождавшихся арестами и высылками участников, эти журналы исчезли из повседневной жизни и сохранились только в архивах службы безопасности.

Чырвоная Тураўшчына

Большим событием для жителей местечка стал выпуск в 1931 г. собственной газеты *Чырвоная Тураўшчына* («Красная Туровщина», *белорус.*). Первые четыре ее номера напечатали в Мозыре, потом доставили в Гомель и только оттуда в Туров. Последующие номера весной, при разливе Припяти, приходилось привозить в Туров на лодке за много километров. Газета выходила один раз в 10 дней, поэтому информация поступала к читателям с опозданием. Когда в июне 1931 г. в Турове открылась собственная местечковая типография, десятки любопытных стояли под окнами и наблюдали за работой печатного станка. За 1931–1932 гг. вышло 54 номе-

---

[20] *Еврейская рабочая хроника*: Еженедельная газета ЕСДРП, Петроград 1917-1918 гг.; *Евкомол*: Орган ЦК Еврейского коммунистического союза молодежи, Москва 1921 г.; *Еврейская работница*, ЦК ЕКП (*Поалей Цион*), Москва 1921 г.

[21] *Борьба*: Издание ЦК еврейской социал-демократической рабочей партии, Москва 1918-1920 гг.; *Бюллетень ЦК Бунда*, Москва 1923 г.; *hе-Хавер*. Двухнедельный журнал сионистской учащейся молодежи, Минск 1917-1918 гг.; *hе-Халуц*: Орган ЦК Всероссийской трудовой организации *hе-Халуц,* Москва 1924-1926 гг.

[22] *Бюллетень еврейского комитета помощи*, Париж 1921 г., параллельный текст на французском, русском и идиш; *Еврейская трибуна.* Еженедельный журнал, Париж 1920-1924 гг.

[23] *Бюллетень hе-Хавера.* Орган районной организации сионистской учащейся молодежи, Минск, 1919 г.; *Голос рабочего.* Орган комитета Бунда, Гомель, 1919-1920 гг.; *Наш путь.* Орган районного комитета Объединенной еврейской социалистической партии, Гомель 1917 г.; *На страже.* Орган сионистской демократической молодежи, Витебск 1917 г.; *Еврейское слово.* Орган областной сионистской организации, Могилев 1917 г.

МАЗЫРСКАМУ АК КП(б)Б

Копія:- АДДЗЕЛУ ДРУКУ І ВЫДАВЕЦТВАЎ ЦК КП(б)Б

На Ваш №- 159/с ад 27/XII-37г.

Тураўскі РК КП(б)Б паведамляе, што пастановай РК КП(б)Б ад 23/XI-37г. прат. №- 22 намеснікам рэдактара райгазеты "Чырвоная Тураўшчына" зацверджаны Леўковец Барыс Грыгоравіч - член партыі з 1926г., працуючы зараз намеснікам рэдактара Райгазеты "Чырвоная Тураўшчына".

[illegible] аб ім [illegible] тады ж дасылае АДПВ ЦК КП(б)Б.

Заведзена праверка усяго складу работнікаў рэдакцыі і друкарні, і выяўлены ў рэдакцыі як чуждыя элементы наступныя асобы

[illegible] - як выходзец з чужой сям'і - гандляра бацька да [illegible] пазбаўлены права голасу, судзімага і высланага.

[illegible] За сувязь з высланымі за антысавецкую дзейнасць.

[illegible] За набор антысавецкіх слоў.

[illegible] За сувязь з чужымі - радней, высланай за шпіёнскую і антысавецкую дзейнасць.

[illegible] пры гэтым дасылаем характарыстыкі на работнікаў рэдак[illegible] газеты "Ч.Т." на: Леўкоўца, Бандарчука, Клыму і [illegible].

САКРАТАР ТУРАЎСКАГА РК КП(б)Б (ДАМБРОЎСКІ)

Сообщение секретаря Туровского РК КП(б)Б А.И. Домбровского от 27 декабря 1937 г. о борьбе с вредителями в редакции газеты «Чырвоная Тураўшчына»

ра газеты, тираж которой достиг 2,5 тыс. экз. Кроме того, в качестве приложения был напечатан 31 бюллетень по итогам уборки урожая. Начиная с марта 1933 г. *Чырвоная Тураўшчына* начала помещать корреспонденции на белорусском языке и идиш одновременно. Считалось, что выход газеты на идиш в Турове, пограничном местечке, будет иметь политическое значение, привлечет еврейскую часть его жителей к решению хозяйственных и культурных задач.

С одной стороны, газета могла послужить трибуной для выражения своего мнения, а с другой – создавала иллюзию участия в общественной жизни. На деле это была фикция, потому что тематику и содержание издания диктовали партийные инстанции. Первые три года читатели *Чырвонай Тураўшчыны* посылали заметки почти исключительно под псевдонимами, которые говорили сами за себя: Ухо, Око, Зуб, Жало, Шило, Перо, Свой, Наблюдатель, Колхозник, Бригадир, Видевший, Ученики, Курбан («Жертва», *иврит*), Селькор, Нетерпеливый, Знающий, Знакомый, Очевидец и др. С одной стороны, авторы таким путем сохраняли инкогнито, а с другой – могли выступать одновременно в нескольких лицах. С рабселькора-

ми велась большая работа: за три месяца 1935 г. в Туровском районе состоялось 19 слетов внештатных корреспондентов, два совещания редколлегии и было разослано 365 писем на места.

Деятельность газеты серьезно осложнилась после начавшихся в середине 30-х годов репрессий. По иронии судьбы, сотрудников редакции, призывавших своих читателей очиститься от враждебных помыслов и преданно служить советской власти, самих сделали виноватыми. 13 декабря 1935 г. бюро райкома партии обвинило *Чырвоную Тураўшчыну* в пассивности. Главного редактора обязали освещать работу первичных партийных организаций, жизнь и учебу коммунистов. Членам редакции было указано выезжать в колхозы для непосредственного, «живого» руководства рабселькорами и низовой печатью, шире освещать международные события и особенно положение в Польше.[24]

Однако принятые меры не помогли, и общая ситуация стремительно ухудшалась. Бюро Мозырского окружкома партии в августе 1936 г. заслушало закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». В ходе обсуждения речь зашла о работе периодических изданий, которые освещали события в стране. Один из руководителей округа, Гольдшварц, назвал положение газет исключительно тяжелым. По его мнению, причина крылась в политической близорукости членов редколлегий, которые старательно обходили «острые углы». Для исправления ситуации предлагалось укрепить редакции «выдержанными» коммунистами.[25]

События 1937 года несказанно усилили напряжение в обществе. Обвинения и исключения, аресты и выселения следовали одно за другим. Газетное поле *Чырвонай Тураўшчыны*, образно говоря, стало красным от крови разоблаченных врагов. Однако это не спасло саму редакцию от подобной участи. В июне 1937 г. Отдел печати и издательств при ЦК Компартии Белоруссии запросил Мозырский окружком КП(б)Б о ходе проверки «сталинских кадров» периодической печати. 27 июля 1937 г. секретарь Туровского РК КП(б)Б Домбровский рапортовал о чистке районной газеты. Пострадал Я.И. Лившиц как выходец из семьи торговца, лишенного права голоса, судимого и высланного. По той же причине уволили с работы З.И. Кулевца, В. Сенько – за набор антисоветских слов, а С. Блоцкого – за связь с родственниками, высланными «за шпионскую деятельность». В обновленном составе редакции газеты остались работать только Левковец и Бондарчук, Кляев и Покинько.[26]

В связи с репрессиями 1936–1937 гг. газета в Турове выходила нерегулярно и еще ни один раз вынуждена была менять своих редакторов.

---

[24] О газете *Чырвоная Тураўшчына*. Протокол бюро Туровского РК КП(б)Б от 13 декабря 1935 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 64.

[25] Протокол закрытого заседания бюро Мозырского окружкома партии от 3 августа 1936 г., Там же, оп. 3, д. 1, л. 19.

[26] Протокол бюро Туровского РК КП(б)Б от 8 августа 1937 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 4, д. 20, л. 713.

Ленінскіе заветы

В августе 1937 г. *Чырвоную Тураўшчыну* переименовали в *Ленінскіе заветы*, тираж ее составил 60 тыс. экз., а периодичность – 15 номеров в месяц.[27] Полиграфическая база газеты была усовершенствована, однако содержание оказалось выхолощенным еще больше. Газета полностью утратила местную проблематику и колорит, превратилась в средство передачи постановлений партийных и советских органов власти.

Районные и областные издания подвергались небывалому идеологическому давлению. Публикации планировались и утверждались заранее. Авторам не позволялось высказывать собственное мнение, дискуссии воспрещались. Каждый номер газеты открывала передовица, которую писал ответственный редактор, оглашая главную тему дня. Основная газетная площадь была отдана производственной тематике, что делало издание скучным, монотонным. Много и подробно освещались ход подготовки к севу, уборка и сохранение урожая, шефская помощь города, субботники и воскресники, пропагандировался здоровый образ жизни. Периодически публиковались сообщения о совещаниях руководителей общественных организаций, списки награжденных и рассказы о передовиках.

Газета *Ленінскіе заветы,* в отличие от *Чырвонай Тураўшчыны,* превратилась в бесконфликтное издание. Общее направление определяла пропаганда успехов и достижений на пути строительства социализма. Недостатки освещались только в связи с нарушениями советского трудового законодательства, невыполнением договорных обязательств, расхищением социалистической собственности (казнокрадством) и мошенничеством. Газете было позволено «выводить на чистую воду» нерадивых хозяйственников, чиновников и партийных бюрократов среднего звена, которых уличали в местничестве.

Редакция газеты полностью перешла на белорусский как язык титульной нации в республике. Вкладыши на идиш, практиковавшиеся в первой половине 30-х годов, исчезли навсегда. Редко встречались заметки по краеведению и уникальной истории Турова. За пределами газетных публикаций остались самобытная культура Полесья, природа, фольклор. Ничто не напоминало о репрессиях, разоблачениях и арестах НКВД. Термины «враги народа», «вредители», «иностранные шпионы» и т. п. бесследно пропали со страниц газеты.

Информация о международных событиях перепечатывалась из общесоюзной прессы и не предусматривала комментариев или отклика читателей. Новым направлением идеологического воздействия стали памятные даты российской истории, юбилеи деятелей русской культуры и «красные» даты советского календаря – 23 февраля, 8-е Марта, 1-е Мая, 7 ноября, а после аннексии Западной Белоруссии (Восточной Польши) в 1939 г. – 17 сентября. В 1938 г. *Ленінскіе заветы* печатали материалы о том, как в Турове отмечали 20-летие Красной Армии и Военно-

[27] Там же, ф. 702, оп. 1, д. 32, л. 7.

морского флота, ВЧК–ОГПУ–НКВД. В 1939–1941 гг. в газете рассказывалось о торжественных собраниях, посвященных столетию со дня рождения историка В.О. Ключевского и композитора П.И. Чайковского, 120-летию Н.А. Некрасова, 140-летию А.С. Пушкина, столетию со дня смерти М.Ю. Лермонтова и других юбилеях деятелей культуры и науки.

По газетным материалам нельзя было составить впечатление о местечке и его жителях, настроении, хлопотах, заботах и радостях. Исчезли псевдонимы, внешне «районка» все больше копировала старших сестер – *Полесскую правду*, *Советскую Белоруссию*, *Зьвязду* или *Известия*. Работа редакции была поставлена так, чтобы не столько объективно отразить положение вещей, вовремя откликнуться на актуальное событие, волновавшее читателей, сколько соответствовать полученным директивам, исполнить в срок указание партийного комитета, исполкома Совета, наркомата. Это неизбежно вело к утрате доверия читателей, которые воспринимали газету как официальный рупор власти. Вместе с тем газеты боялись. Попасть на ее страницы в негативном свете означало такие неприятности, как понижение в должности, увольнение с работы, отчисление из учебного заведения и исключение из партии или комсомола.

В последний раз перед войной *Ленінскіе заветы* в Турове вышли 18 июня 1941 г.[28]

* * *

За два десятилетия своего существования периодическая печать в Турове проделала путь от рождения до упадка. Диктатура партии «убила» прессу, сделала ее зависимой и необъективной. *Чырвоная Тураўшчына* послушно выполняла указания сверху. Вместо дискуссионной трибуны она превратилась в средство устрашения и гонений. С ее помощью власти навязывали населению диктат печатного слова и нерушимую волю партии. Газета, будучи послушным пропагандистским инструментом, создавала такую картину советской действительности, которая устраивала власть имущих. *Чырвоную Тураўшчыну* заменили на *Ленінскіе заветы*. Новая газета оказалась целиком искусственным изданием, лишенным «вкуса, цвета и запаха». Лицемерие и двойной стандарт стали нормой, газету распространяли принудительно, по подписке. Туровцы могли найти в ней новости местного масштаба, но не ответы на наболевшие вопросы. В этом отношении *Ленінскіе заветы* стали слепком той власти, которая распоряжалась судьбой местечка и его жителей перед началом войны с Германией.

---

[28] *Газеты Белорусской ССР, 1917-1975 гг*. Библиогр. указатель в двух частях, ч. I, Минск 1984 г., с. 84.

Конституция 1936 г.

Вторая половина 30-х годов ознаменовалась событием, которое внешне представляло разительный контраст необоснованным массовым репрессиям, захлестнувшим страну. 5 декабря 1936 г. Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов принял новую Конституцию страны – «самую демократическую в мире», по выражению Сталина. В обсуждении ее проекта за пять месяцев приняло участие 55 млн чел., которые внесли свыше 170 тыс. поправок. Изменялись избирательная система, структура центральных представительных органов, административно-территориальное деление страны. Вместо неполного избирательного права вводилось прямое тайное голосование, ликвидировались ограничения и неравенство. В выборах могли принять участие все совершеннолетние (с 18 лет) граждане, включая «бывших эксплуататоров».

Конституция объявлялась гарантом социалистической законности. Это происходило в самый разгар творимого беззакония, и поэтому статьи о гражданских свободах и правах личности казались совершенно неожиданными. Торжественно объявлялось об открытости всех судебных процессов, о праве обвиняемых на защиту, свободе печати и собраний, неприкосновенности личности, жилища и переписки. Вместе с тем выборы в любые представительские учреждения были безальтернативными. Единого кандидата от блока беспартийных и коммунистов тщательно подбирали партийные органы, что сводило все новшества на нет.

В Белорусской ССР это была уже третья конституция (1919, 1927 и 1937 гг.). Редакция 1937 г. почти целиком соответствовала общесоюзной Конституции 1936 г. Она констатировала, что советское государство является социалистическим, основано на общественной собственности на средства производства и принадлежит рабочим и крестьянам. Труд объявлялся делом чести каждого работоспособного гражданина. Политическую основу государства составляли Советы депутатов трудящихся, тогда как ранее – Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Изменение названия указывало на существование только дружест-

венных классов: рабочих и крестьян. Высшим органом государственной власти объявлялся Верховный Совет.

Конституция провозглашала суверенитет Белоруссии и добровольное ее вхождение в состав Советского Союза на равных с другими республиками правах. Вместе с тем республика не могла вступать в независимые отношения с иностранными державами и иметь собственную армию, а ее основные источники доходов, как и денежная система, регулировались в Москве.

Конституция 1936 г., сразу получившая название Сталинской, закрепляла равные права граждан независимо от национальности, расы, пола, определяла право на труд, отдых, образование и материальное обеспечение. Она обязывала соблюдать дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять социалистическую собственность как «священную и неприкосновенную основу советского строя». Служба в Красной Армии рассматривалась как почетный долг каждого гражданина.[1]

Однако советская демократия в условиях сталинской диктатуры была формальным актом. Нельзя было создать новую политическую партию, разрешалось объединять общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные, молодежные, спортивные, культурные, технические или научные. Никакой альтернативы социализму не могло быть принципиально. Свобода слова, собраний, шествий, печати осуществлялись с одобрения партийных комитетов КП(б)Б. Коллегиальность в руководстве советских организаций осталась на уровне выполнения предложенных партийными комитетами директив, формально одобренных исполкомами Советов.

Выборы законодательных органов

Верховный Совет, предусмотренный Конституцией, был сформирован только спустя год, зимой 1937 г. Это было мрачное время, один за другим следовали политические процессы над старыми большевиками, объявленными шпионами, предателями или вредителями. Из 30 членов комиссии, которые вместе со Сталиным отвечали за составление нового Основного Закона, 20 чел. были репрессированы – 17 арестованы и казнены, один покончил с собой и двое полностью отстранены от участия в общественной жизни.[2]

К моменту выборов в высший законодательный орган государство установило

---

[1] Проект Конституции 1936 г. был фактически целиком написан Н.И. Бухариным и К.Б. Радеком, но после их ареста присвоен И.В. Сталиным.

[2] Джузеппе Боффа. *История Советского Союза. В двух томах*. Том 1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917-1941 гг., Москва 1994 г., с. 468.

полный контроль над гражданами. 12 декабря 1937 г. по всей республике на участки для голосования пришли 97,4% всех избирателей, обладавших правом голоса. Из них за кандидатов в верхнюю палату Верховного Совета СССР, Совет Союза, высказалось 98,7%, а в Совет Национальностей – 98,3%. На таком же уровне оказалась избирательная активность и в республиканские законодательные органы. Так, 26 июня 1938 г. за Верховный Совет БССР «голосовало» 99,65% избирателей, из которых за блок коммунистов и беспартийных высказались 99,19%. Подобные результаты были получены на выборах в местные Советы БССР 24 декабря 1939 г. В условиях тайного голосования всеобщее «единодушие» наглядно говорило об отсутствии свободного волеизъявления. Советы не имели реальной власти. Они подчинялись исполнительным комитетам, работники которых, как правило, назначались сверху по согласованию с партийными органами.[3]

Роль агитаторов

Евреи Турова приняли участие в подготовке будущих выборов. Их привлекали к работе как агитаторов и пропагандистов в трудовых коллективах, колхозах, МТС, учебных заведениях, культурных учреждениях и общественных организациях. Состав агитаторов Туровского района в сравнении с аналогичным в Полесской области показан в табл. 1 и 2.

Таблица 1
Социальный состав агитаторов Туровского района и Полесской области на 1 декабря 1937 г.[4]

Агитаторы	Туровский район	Полесская обл.
Рабочие	–	265
Служащие	181	3022
Артельщики	–	125
Колхозники	99	2283

[3] М. Касцюк, *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*, Мінск 2000 г., с. 119.

[4] Табл. 1 и 2 составлены по: Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 4-п, оп. 21, д. 1303, л. 127.

Таблица 2
Партийная принадлежность агитаторов Туровского района и Полесской области на 1 декабря 1937 г.

Агитаторы	Туровский район	Полесская обл.
Члены КП(б)Б	51	497
Канд. в члены КП(б)Б	18	275
Комсомольцы	119	2239
Сочувствующие	10	219
Беспартийные	82	2465

Туровский район обслуживали десять агитколлективов, которые включали в себя 280 чел. По социальному происхождению большинство агитаторов принадлежали к служащим – 181 чел., или 64,6%, за ними следовали колхозники – 99 чел., или 35,4%, а рабочих и кустарей-ремесленников среди агитаторов в Турове не оказалось. Евреи-агитаторы относились к категории служащих. Это были учителя и медики, культпросветработники и сотрудники местных органов власти, члены суда и работники кооперации, которых райком партии мобилизовал на подготовку выборов.

По партийной принадлежности самыми многочисленными среди агитаторов оказались комсомольцы – 119 чел., или 42,5%, за ними шли коммунисты – 51 чел., или 18,2%, составляя половину всей Туровской районной партийной организации. Объем работы агитколлективов был обширный. Он предполагал составление и сверку списков избирателей, выявление потенциальных «трудных случаев», обеспечение наглядной агитацией, оборудование избирательных участков и т. д. Для того чтобы справиться к сроку, агитколлективам помогал беспартийный актив – 82 чел., или 29,3%, и сочувствующие КП(б)Б – 10 чел., или 3,6%. «Армией» агитаторов дирижировал Туровский райком партии, выполнявший указания из Мозыря и Минска. Это была отлаженная работа, где одна «шестеренка» цеплялась за другую.

Большое значение имел национальный состав агитаторов, отражавший специфику Полесского региона. Этот момент обязательно учитывался властями, которые заранее подбирали агитколлективы и их руководителей. «Ставки» были настолько велики, что необходимо было предугадать любой сценарий развития событий при «тайном» голосовании. Национальный состав районных агитколлективов Полесской области представлен в табл. 3.

Таблица 3
Национальный состав агитаторов Полесской области на 1 декабря 1937 г.[5]

Район	Всего	В том числе					
		белорусы	евреи	русские	поляки	украинцы	другие
Брагинский	445	394	29	9	–	9	2
Василевичский	362	312	17	21	–	4	8
Глусский	353	316	16	11	–	11	–
Домановичский	365	307	44	6	1	4	3
Ельский	369	316	42	11	–	–	10
Житковичский	325	262	40	5	3	12	3
Комаринский	290	216	23	4	–	42	5
Копаткевичский	405	298	54	44	4	4	1
Лельчицкий	252	226	24	2	–	–	–
Мозырский	664	498	127	35	–	–	4
Наровлянский	386	226	24	2	–	–	–
Паричский	356	301	51	1	2	1	–
Петриковский	480	429	44	–	2	5	–
Туровский	280	234	42	2	2	–	–
Хойникский	363	297	4	12	–	3	4
Итого	**5695**	**4632**	**581**	**165**	**14**	**95**	**40**

По понятным причинам подавляющее большинство среди агитаторов составляли белорусы. В Туровском районе они насчитывали 234 чел., или 83,6%. За ними следовали евреи – 42 чел., или 15%, среди русских и поляков было всего по два агитатора, или 0,7%. Подобная картина примерно соответствовала пропорциям в национальном составе населения Туровского района. В Полесской области в целом доля белорусов среди членов агитколлективов равнялась 81,3%, евреев – 10,2%, русских – 2,9%, украинцев – 1,7% и других национальностей – 1,0%. Эти цифры незначительно отличались в каждом из районов области, но общая тенденция сохранялась. Белорусы и евреи разделяли между собой соответственно первое и второе места, намного опередив другие национальности.

[5] Составлено по: НАРБ, ф. 4-п, оп. 21, д. 1303, л. 127.

Таблица 4
Состав агитаторов Полесской области по уровню образования на 1 декабря 1937 г.[6]

Район	Всего	В том числе имеющие образование			
		высшее	среднее	начальное	до 4 классов
Брагинский	445	2	201	194	48
Василевичский	362	11	155	187	9
Глусский	353	4	144	179	26
Домановичский	365	15	179	152	19
Ельский	369	16	137	203	13
Житковичский	325	12	113	181	19
Комаринский	290	4	79	201	6
Копаткевичский	405	5	126	260	14
Лельчицкий	252	–	102	135	15
Мозырский	664	35	366	233	30
Наровлянский	386	2	132	241	11
Паричский	356	9	126	203	18
Петриковский	480	14	187	251	28
Туровский	280	4	168	95	13
Хойникский	363	8	193	138	24
Итого	**5695**	**141**	**2408**	**2853**	**293**

Из пропагандистских соображений агитационные материалы печатали на основных языках проживавшего в Полесской области населения – белорусском, русском, украинском, польском и идиш. Независимо от языка все материалы по своему содержанию и идеологической направленности были идентичными. Еврейские агитаторы с успехом использовали знание идиш, на котором говорило подавляющее большинство еврейского населения республики. Особенно важным это оказалось при общении с людьми преклонного возраста, плохо владевшими русским и белорусским языками.

[6] Составлено по: НАРБ, ф. 4-п, оп. 21, д. 1303, л. 127.

Общий кругозор членов агитколлективов был невысоким. Пропагандисты черпали сведения из периодической печати и устных инструктажей. Среда, из которой партийные комитеты рекрутировали агитаторов, не располагала образованными людьми. В лучшем случае наиболее способные из них интерпретировали полученную информацию в заранее заданных рамках. Однако это не сказывалось на работе пропагандистов, поскольку аудитория, к которой они апеллировали, была в основном малограмотной. Тем не менее лекторы и слушатели понимали друг друга. Можно предположить, что более высокий интеллектуальный уровень послужил бы барьером и, наоборот, затруднил бы эту работу. Степень образованности членов областных агитколлективов представлена в табл. 4.

Законченное среднее образование считалось большим достижением, а высшее – становилось исключением из общего ряда. Острый дефицит грамотных работников заставлял использовать агитаторов даже с начальным (4 класса) и низшим (не более 2 классов) образованием. Они обращались к аудитории на доступном языке, приводя понятные примеры из жизни. В Туровском районе большинство агитаторов имели среднее образование и аттестат зрелости – 60%, начальное – 33,9%, низшее – 4,6%, а высшее только – 0,7%. По количеству агитаторов с аттестатом зрелости ситуация в Турове была лучше, чем в целом по области, соответственно: 60 и 42,3%. Начальное образование в Полесской области имели 50% всех агитаторов, низшее – 5,1%, а высшее – 2,5%.

К осени 1937 г. почва для контролируемого народного волеизъявления на Полесье была подготовлена. Под руководством партийных комитетов пропагандистские мероприятия дали необходимые результаты, спектакль был отрепетирован, и оставалось его только сыграть.

Выборы 1937 г. в Турове

В начале ноября 1937 г. в Мозыре состоялось окружное предвыборное совещание представителей общественных организаций (641 делегат), на которое от Турова прибыло 42 чел. Выступивший передовик производства Бабак заявил, что все трудящиеся «красной Туровщины»[7] присоединили свой голос по выдвижению кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР лучшего из лучших, родного и дорогого отца И.В. Сталина. В ответ из зала раздались аплодисменты, крики «ура», лозунги со здравницами. В Совет Союза Верховного Совета Бабак предложил «испытанного большевика», наркома тяжелой промышленности СССР Л.М. Кагановича – «великого организатора побед на железнодорожном транспорте, верного ученика-сталинца». Аплодисменты перешли в овацию, усиленные крики «ура». Кандидатом в депутаты Совета Национальностей от Туровского района стал исполнявший обязанности секретаря ЦИК БССР Ермак.

[7] *Красная Туровщина* - имеется в виду просоветская Туровщина.

Собравшиеся в Мозыре пообещали, что 12 декабря 1937 г. они отдадут голоса тому, кто произнес большевистскую клятву над гробом Ленина. Вслед за этим «великое и громкое "ура" прозвучало в честь Сталина – первого маршала передового авангарда трудящихся». Весь зал скандировал стоя: «Да здравствует величайший из племен и эпох товарищ Сталин!», оркестр исполнил «Интернационал».

Были направлены письма и телеграммы Сталину, Ворошилову, Кагановичу и Ежову, которых окружное предвыборное совещание «по поручению всех трудящихся» просило о согласии баллотироваться кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР по Мозырскому избирательному округу.[8]

Трудно утверждать, сколько людей поверили в хорошо поставленный спектакль, но такие, без сомнения, были. 12 декабря 1937 г. большинство избирателей Турова явились организованно, со знаменами и гармониками. Первые пришли уже в пять часов утра, а людей преклонного возраста доставили к избирательным урнам на лучших колхозных лошадях и машинах. Престарелые выборщики проявили наибольшую активность. Глозман (101 год) заявил, что он голосовал первый раз в жизни, а раньше не имел права, поскольку не владел имуществом и домом. Глозман добавлял, что после выборов у него «молодое» сердце, хочется жить и жить.[9]

Отношение к Конституции

В действительности ситуация не была столь радужной. Секретарь Туровского РК КП(б)Б Бондаренко и начальник секретного политического отдела Мозырского НКВД младший лейтенант госбезопасности Роговин в информационных сводках о настроениях людей, направленных в Минск, отмечали противоречивость оценок как самой Конституции, так и состоявшихся выборов. Особое внимание они уделили «контрреволюционной» агитации противников советской власти, основные направления которой можно классифицировать следующим образом:

Проявление недовольства

Парфен Дедовец из Турова хвалился, что ему законы (советские) нипочем, и голосовать он не будет, так как это пустое дело. Кустарь-одиночка (фамилия и имя в документе не указаны) из Наровли говорил, что новая Конституция – это сплошной обман. Она разрешает ведение единоличного хозяйства, но как его вести,

[8] Протокол окружного предвыборного совещания представителей общественных организаций в Мозырском округе от 3 ноября 1937 г., Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 69, оп. 4, д. 59, л. 680.

[9] *Об итогах выборов в Верховный Совет СССР по Туровскому району*. Докладная записка секретаря Туровского РК КП(б)Б Бондаренко от 16 декабря 1937 г., Там же, лл. 574-575.

если дают самые худшие земли? Милиционер и сельсовет не могут арестовать без прокурора, но разве прокурор от другой власти? Один скажет – другой сделает. Отняли у крестьян землю и вручают колхозам в вечное пользование, а ты ходи голый и голодный. Другое дело, если бы пришли немцы-фашисты. Они народ культурный и нам вернули бы землю и собственность. Колхозник деревни Старое Высокое Ельского района возмущался: «Разве это Конституция, когда в СССР ничего нет – ни хлеба, ни мануфактуры? Только пишут в газетах о хорошей жизни в колхозах, зато в царское время никакой Конституции не было, а жилось хорошо».[10]

Отношение к советской власти

Андрей Акулич из Турова советовал не принимать участия в голосовании 12 декабря 1937 г. Акулич и его соседи, Д. Савинов и П. Гужковец, говорили, что на выборы не идут, потому что им советская власть не нужна. Федор Забелич интересовался: почему выборы безальтернативные? Мария Земляник заявила, что советская власть ей ничего не дала, поэтому она не голосует. Ульяна Седельник, по ее словам, каждый день плачет, что советская власть ее ограбила и посадила мужа. На Тонежском избирательном участке неизвестный зачеркнул в бюллетене «единого кандидата» и сделал запись: «Я голосую за Троцкого». На избирательном участке д. Букча была попытка поджога. Порфирий Маркевич из д. Сторожовцы говорил, что не пойдет на выборы и не пустит своих совершеннолетних детей.

Религиозные мотивы

Значительное количество «отказников» в Турове составили верующие, которые игнорировали выборы в знак протеста против политики режима. Уборщица средней школы (фамилия в документе не приводится) говорила, что перепись проводят для того, чтобы записать всех в безбожники. Единоличница Ульяна Житковец, отказавшаяся от получения паспорта, заклинала: «Кто пойдет голосовать и возьмет бюллетень, будет изморен голодом. 12 декабря 1937 г. все кончится гибелью, поэтому нельзя голосовать». Емельян Русый из д. Запесочье утверждал, что явившихся на выборы будут загонять в кабины, спрашивать, в кого они веруют, а потом клеймить печатью и заставлять верить в антихриста. Колхозница Евдокия Радецкая из д. Вересница поучала, что выбирать значит продать себя дьяволу (в Вереснице отказались от выборов 10 чел.). Петр Полубец из Турова был более категоричным: «Пусть порежут на куски, я их законам не подчиняюсь и голосовать не буду».[11]

---

[10] Там же, д. 21, л. 10.

[11] Специальное сообщение начальника Мозырского НКВД капитана Д. Каплана, Там же, л. 140.

Антисемитизм

В ходе голосования стали известны случаи крайней национальной нетерпимости, включая юдофобию. 27 ноября 1939 г. Анна Русая из Запесочья не стеснялась в выражениях: «На черта мне ваша советская власть, на черта мне ваш вождь сдался? Вы – жидовские посланники. Не буду голосовать за такую власть!»[12] Единоличник деревни Кочище Ельского района, агитируя против Основного Закона, говорил: «Вот дураки, приняли жидовскую Конституцию и думают, что теперь при ней легче станет жить!»[13] Евдокия Лебединская разжигала национальную рознь в Турове между белорусами и евреями, она пугала, что с людей, которые пойдут голосовать, снимут отпечатки пальцев, а душу продадут дьяволу, что 12-е число – это якобы день рождения Ирода с 12 головами, который будет избираться на царство![14]

Еврейский клерикализм

Не остались в стороне и еврейские верующие. Они были вынуждены действовать с оглядкой, находясь под пристальным вниманием со стороны властей. Единственным человеком, который позволил себе высказаться откровенно, оказался туровский раввин Мовша Медведский.[15] Как сообщил осведомитель НКВД, раввин в присутствии «клерикала» Боруха Луцкого и некоторых других прихожан дал оценку проекту Конституции, обсуждавшемуся в газетах. Медведский сказал, что Основной Закон – это формальность для отвода глаз: «В Конституции сказано о свободе слова, печати, но это существует только на бумаге, а на деле ее нет. В СССР никто не имеет права открыто говорить, что он думает. За границей, хотя свобода и ограничена, но каждая партия имеет свою газету, а у нас скажи хоть слово, так тебя посадят. Выбирать в Советы будут тайно, но за каждым будет установлена слежка. Под нажимом выберут тех, кого выставит партия, а не народ».[16] Слова Мовши Медведского оказались пророческими, они были произнесены в синагоге в узком кругу, но очень скоро стали достоянием гласности. Власти, зная о влиянии раввина, арестовали его по обвинению в антисоветской пропаганде.

---

[12] Специальное сообщение Д. Каплана, ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 64, л. 257.

[13] Там же, ф. 69, оп. 4, д. 21, л. 11.

[14] Сообщение Бондаренко от 5 декабря 1937 г. в Мозырский ОК КП(б)Б, Там же, д. 59, л. 539.

[15] Мовша Овсеевич Медведский (1869-1937 гг.) - раввин Набережной синагоги в Турове, Зональный государственный архив (ЗГА) в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 55, л. 139.

[16] Отчет Мозырского окружкома по Туровскому району за 1936 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 3, д. 56, л. 38.

Итоги выборов

Однако об открытом выражении недовольства, не говоря уже об организованном сопротивлении, не могло быть и речи. Силы были несопоставимые. Часть еврейского населения в Турове искренне заблуждалась. Периодическая печать, культурно-просветительные учреждения и школа, профсоюзы, партия и комсомол неустанно твердили, что эра новой жизни не за горами, нужно только подтянуть пояса, преодолеть капиталистическую блокаду, и «дети будут жить при коммунизме».

Секретарь Туровского РК КП(б)Б Бондаренко докладывал в декабре 1937 г., что, несмотря «на происки врагов», выборы в Верховный Совет СССР прошли на высоком идейно-политическом уровне. Из всех избирателей по Туровскому району (12 тыс. 703 чел.) в голосовании приняли участие 12 тыс. 251 чел. В Турове за кандидатов блока коммунистов и беспартийных в Совет Союза отдали свои голоса 12 тыс. 246 чел., или 96,4%, в Совет Национальностей – 12 тыс. 152 чел., или 95,65%. От голосования отказались 300 чел., или 2,36%, а 152 чел. не участвовали по болезни, или 1,19%.[17] Поставленная цель была достигнута, по результатам выборов сформировали новые органы власти, которые выступали от имени народа. Партийные комитеты получили надежное прикрытие со стороны Советов и упрочили свое положение. В Белоруссии стала действовать обновленная – сталинская – модель государственного социализма.

Национальный нигилизм

Главным лозунгом кампании по выборам в Верховный Совет служил призыв крепить «сталинскую» дружбу народов как залог стабильности и процветания советского государства, необходимое условие будущих побед на экономическом и культурном фронте, укрепления обороноспособности СССР. Любые проявления национального самосознания объявлялись «буржуазным национализмом» и преследовались. «Советский народ» как новое понятие исторической общности людей оказался лишенным национальных корней. Заметное преимущество было отдано русской культуре, наследию «старшего брата», подтягивающего до своего уровня отстающие народы. Советскую историческую науку увязали с историей ВКП(б), на постулатах которой формировалось интернациональное самосознание советского человека.

В новых паспортах запись о национальности формально говорила о принадлежности к той или иной этнической общности. Нерусские языки вытеснялись из сферы культуры, управления, производства и массовой информации в пользу русского. Формированию управленческой элиты препятствовали номенклатурные

[17] Там же, оп. 4, д. 59, л. 575.

перестановки. Разрушению общин способствовало изменение административно-территориального деления в районах смешанного и компактного проживания национальных меньшинств. В 1938 г. Мозырский округ был преобразован в Полесскую область, а большинство Советов, действовавших на его территории (еврейских, польских, немецких и латышских), упразднили.

Результаты принудительного решения национального вопроса в Белоруссии сказались во время войны. В годы оккупации часть населения, недовольная политикой советского правительства, высказалась за создание белорусского государства под протекторатом Германии, пообещавшей полную свободу развитию белорусского языка и культуры.

* * *

Конституция СССР 1936 г. и выборы в Советы нового образца были призваны обеспечить политическую легитимацию сталинской модели социализма. Новая Конституция была использована как мощный инструмент дезинформации и фальсификации советской действительности. Ее создатели знали, что их некому призвать к ответственности, потому что механизм контроля над соблюдением норм Основного Закона не предусматривался. Национальные особенности народов, объединенных в единое государство «рабочих и крестьян», несмотря на их разительные отличия, нивелировались.

Теория и практика советского эксперимента противоречили опыту человеческой цивилизации. В условиях международной изоляции СССР у мирового сообщества отсутствовали рычаги воздействия на политику советских руководителей. Тоталитарное общество, окончательно оформившееся через двадцать лет после большевистского переворота 1917 г., вступило в новую фазу. На повестку дня выдвигались планы экспорта революции за пределы Советского Союза. Это вызывало серьезное беспокойство на Западе и стало одной из главных предпосылок прихода нацизма к власти в Германии демократическим путем. Последовавшие вскоре события сделали неизбежным столкновение двух диктаторских режимов, повлекших за собой вторую мировую войну.

Коммунисты и комсомольцы

Проводником советской политики в Турове были коммунисты, которым помогали комсомольцы. Компартия Белоруссии, как часть Всесоюзной Коммунистической партии, выполняла функции государственного управления и принимала решения по всем вопросам экономической, культурной, социальной и политической жизни республики. Использование средств местных Советов позволило значительно увеличить штат освобожденных работников.

Роль первичных партийных организаций (ячеек) сводилась к беспрекословному исполнению полученных распоряжений. Освобожденные работники становились толкователями «воли партии». Все решения высшей инстанции были обязательными для нижестоящих. Каждое постановление претворялось в жизнь, и только после этого могла быть подана апелляция. Главным в жизни коммуниста считались интересы организации. Арон Сольц,[1] которого называли «совестью партии», в 1925 г. утверждал: «Нужно много раз подумать, прежде чем решиться брать жену из чужого класса, поскольку партактивист попадает под враждебное нам влияние».[2]

Существовало понятие партийных чисток. В 1921 г. из Компартии Белоруссии было исключено 20% ее членов, в 1923–1924 гг. – более 5% (в основном интеллигенция), в 1929 г. – 15,5%, в 1933 г. – 18,2%.[3] Чистки делали партию идеоло-

---

[1] Арон Александрович Сольц (1872-1945 гг.) - член Верховного суда СССР, старший помощник Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского, с которым расходился во взглядах на методы ведения следствия, в знак протеста (февраль 1938) объявил голодовку, помещен в психиатрическую лечебницу и уволен из Прокуратуры СССР.

[2] Л.Л. Рохлин, *Труд, быт и здоровье партийного активиста*, Харьков 1931 г., с. 90.

[3] *Чистка КП(б)Б в 1933 г. Итоговые материалы республиканской комиссии по чистке*, Минск 1934 г., с. 5.

гически однородной, и деятельности ее руководящих органов был придан статус государственной тайны. Протоколы райкомов и горкомов считались секретными, а окружкомов и ЦК партии – совершенно секретными, независимо от повестки дня. Их нельзя было передавать или копировать, показывать беспартийным. «Конспиративные» документы рассылались специальной фельдъегерской почтой, состав которой утверждался ГПУ.

Основа партийного могущества

Членство в партии выделяло представителей гражданского общества из среды трудового коллектива, которые оказывались в роли избранных. Руководящая пирамида складывалась из членов парткомов, райкомов, окружкомов (с 1938 г. обкомов), ЦК партии – освобожденных функционеров. Основой ее могущества являлся институт *номенклатуры*,[4] который осуществлял контроль за кадровыми назначениями в аппарате управления. Принадлежность к номенклатуре позволяла получить должность с максимальными материальными благами и находиться в составе руководящих работников. Попасть в заветный список было очень заманчиво для желавших сделать карьеру. В августе 1926 г. ведомственная номенклатура, состоявшая на учете в отделе распределения ЦК КП(б)Б, включала инструкторов окружкомов и секретарей райкомов, заведующих окружными отделами партии, председателей райисполкомов, руководителей таможен, окружных агрономов и др. С декабря 1930 г. в список номенклатурных работников вошли директора совхозов, председатели колхозов, заведующие конторами Белмяса, Союзхлеба[5], леспромхозов, руководители районных контор госбанка, секретари РК, ГК, ОК и ЦК ЛКСМБ.[6]

Коммунистическая партия была тесно связана с другими элементами гражданского общества – профессиональными союзами и общественными организациями, – ядром которого она считалась по Конституции 1936 г. и на которое оказывала постоянное влияние. Роль КП(б)Б как руководящей и централизующей силы строилась на использовании информации спецслужб, охватывавшей все стороны жизни республики. В 20-е годы это были сообщения и доклады, отражавшие реакцию населения на ход политических и хозяйственных кампаний, в 30-е – сведения больше касались социальных и экономических проблем.[7]

В партии «нового типа» особая роль отводилась вождям – лицам, входившим

---

[4] См. Словарь терминов и понятий.

[5] Там же.

[6] Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 4, оп. 5, д. 327, л. 9.

[7] Т. Протько, *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси, 1917-1941 гг.,* Минск 2002, с. 73.

в Политбюро ЦК ВКП(б).[8] К началу 30-х годов ВКП(б) имела только одного лидера – Сталина, которого официально называли «отцом народов», «великим» и «гениальным».

В Компартии Белоруссии местные вожди занимали должности не более двух лет. Кандидаты подбирались очень тщательно и утверждались в Москве с последующим формальным «избранием» в Минске. Постоянная смена первых секретарей не давала возможности укрепиться местному лидеру – вождь в стране должен был оставаться один. Секретари ЦК Компартии республики, как правило, не доживали своих лет, умирали насильственной смертью: подавляющее большинство из них (9 из 12) были расстреляны.[9] Накануне второй мировой войны партия превратилась в совершенный инструмент для управления обществом в интересах узкого круга ее высших руководителей.

Борьба с политическими конкурентами

Строительство советского общества началось в условиях многопартийности. Однако ревность Коммунистической партии к своим конкурентам положила этому конец. Небольшевистские партии выдвигали лозунги и программы, которые могли показаться более привлекательными. КП(б) Белоруссии, используя монополию государственной власти, добивалась слияния с нею одних партий, роспуска других и запрета третьих.

Первой в августе 1920 г. с политической сцены исчезла «Белорусская коммунистическая организация» (БКО). За ней в марте 1921 г. последовал «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» (*Бунд*). По предложению Коминтерна членов *Бунда* «автоматически» включили в Коммунистическую партию путем передачи списков зарегистрированных членов. Всего в КП(б)Б было принято 418 «бундистов», тогда как только минская организация *Бунда* имела 1300 членов, гомельская – 600, а мозырская – 200. Часть бывших бундовцев перешла в сионистские организации, которые остались на нелегальном положении, но большинство прекратили политическую деятельность.[10]

---

[8] До середины 20-х годов «вождями революции» считались В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и А.И. Рыков.

[9] Владимир Александрович Асаткин (1885-1937 гг.), Вацлав Антонович Богуцкий (1884-1937 гг.), Алексей Алексеевич Волков (1890-1941 гг.), Даниил Иванович Волкович (1900-1937 гг.), Яков Борисович Гамарник (1894-1937 гг.), Константин Вениаминович Гей (1896-1939 гг.), Михаил Федорович Гикало (1897-1938 гг.), Вильгельм Георгиевич Кнорин (1880-1938 гг.).), Станислав Викентьевич Косиор (1889-1939 гг.), Викентий Семенович Мицкявичюс-Капсукас (1880-1935 гг.), Александр Федорович Мясников (1886-1925 гг.), Василий Фомич Шарангович (1897-1938 гг.).

[10] Р.П. Платонаў, *Беларусь у міжваенны перыяд. Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц*, Мінск 2001 г., с. 88.

В июне 1924 г. решение о самороспуске приняла *Белорусская партия социалистов-революционеров* (БПС-Р). Несколько сот белорусских эсеров были приняты в КП(б)Б.[11]

Еврейская социал-демократическая рабочая партия (*Поалей Цион*, «Трудящиеся Сиона») заявила в 1923 г. об отказе от сионистской идеологии и раскололась. Ее левая часть вошла в РКП(б), а правая – создала *Еврейскую коммунистическую рабочую партию*. Вместе с тем новые партии не отказались от сионистской идеи «перемещения еврейских масс на Ближний Восток», чтобы создать могучее еврейско-арабское рабочее движение, «способное к революционной борьбе против английского империализма».[12] В 1926 г. ЦК КП(б)Б определил *Поалей Цион* как «сионистскую мелкобуржуазную организацию», не имеющую ничего общего с коммунизмом. В 1927 г. секретарь евбюро при ЦК Компартии республики А.Г. Бейлин назвал ЕКРП «полуфашистской» и «контрреволюционной», и вскоре после этого ее деятельность была официально запрещена.[13]

Несмотря на устранение политических конкурентов, их влияние на коммунистов сохранилось. Выходцы из бывших антисоветских партий в 1924–1925 гг. составляли в КП(б)Б 12,3%, а в отдельных организациях Мозырского округа – 17%. Удельный вес выходцев из небольшевистских партий в республиканском активе КП(б)Б составлял 40%, а в округах – 25%.[14] Это заставляло «верхи» Компартии Белоруссии постоянно напоминать партийным комитетам осторожно относиться к приему новых членов, имевших «темное политическое прошлое».

В августе 1923 г. Мозырский уездный комитет партии рассмотрел четыре заявления о приеме в РКП(б) от бывших членов *Поалей Цион* из Турова. Евзер Храпунский работал столяром на производстве, Иосиф Шнайдман учительствовал в еврейской школе. Оба они были приняты в партию. Однако кустарю Якову Литваку, которого уличили в совершении религиозного обряда (обрезание сыну), и «хлебопашцу» Зяме Котикову отказали.[15] В августе 1924 г. Наум Фридман, секретарь Туровской волостной партийной организации, сообщал в Мозырь, что народный судья Туровского участка Н.З. Вайсборд в прошлом состоял в *Бунде*, а в 1921 г. исключался из РКП(б) за «левизну, близкую анархизму». Центральная Контрольная Комиссия (ЦКК) КП(б)Б, учитывая, что Вайсборд человек политически грамотный и хорошо зарекомендовал себя на практической работе, отменила исключение и перевела его на один год из членов в кандидаты партии.[16] Осенью

---

[11] НАРБ, ф. 60, оп. 3, д. 798, лл. 35-39.

[12] Г.В. Костырченко, *Тайная политика Сталина*. Власть и антисемитизм, Москва 2001 г., с. 81.

[13] *XI съезд Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии: Стенографический отчет*, Минск 1928 г., с. 165-166.

[14] *Известия ЦК РКП(б),* 1925 г., № 3-4; *Зьвязда*, 12 лістапада 1925 г.

[15] Протокол заседания Мозырского уездного комитета РКП(б) от 7 августа 1923 г., Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 499, оп. 1, д. 12, л. 22.

[16] Там же, ф. 499, оп. 1, д. 15.

1925 г. в партию не приняли заведующего еврейской школой в Турове Якова Шнайдмана на том основании, что с 1917 по 1922 г. он состоял в *Поалей Цион*.[17] Заготовителя Туровского *райсоюза* «сиониста» Фроима Шифмана в 1936 г. исключили из партии за намерение выехать в Америку в 1922 г.[18]

Национальная политика партии

В начале 20-х годов советское государство переживало «экспериментальный» период, и столкновения мнений не считались крамолой. Работа с еврейской частью населения была возложена на еврейские секции при ВКП(б)–КП(б)Б. От их имени выступали еврейские уполномоченные, отвечавшие за ведение национальной работы. Многие деятели евсекции вышли из национальных партий социалистической ориентации, в основном из *Бунда*. Они приложили максимум усилий в борьбе с иудаизмом, традицией и сионизмом, превзойдя в этом ожидания советских руководителей.

Полной ясности о принципах работы на «еврейской улице» в партийных кругах не было. Большевики руководствовались положением Сталина о том, что евреи не являются нацией на том основании, что у них отсутствуют территория и общность экономической жизни. Ленин предсказывал в свободной от гнета капитала России в перспективе полную ассимиляцию евреев. Одни коммунисты считали невозможным членство в Коммунистической партии выходцев из *Бунда* и сионистских партий, другие были против перевода работы партийных и профсоюзных ячеек на идиш, третьи – «сползали» с классовой на национальную позицию, доказывая необходимость сохранения еврейской нации как общенациональную задачу.[19]

В 1926 г. еврейские члены Компартии Белоруссии насчитывали 2922 чел., что составило 23,5% евреев в КП(б)Б в целом. Количественный рост партии за 1922–1926 гг. достиг 188%, а евреев в ее рядах – 141%. Такое увеличение объяснялось притоком свежих сил после двух *ленинских призывов*[20] за счет промышленного пролетариата. Этот рост продолжался параллельно увеличению количества евреев в профсоюзах. Вместе с тем в большинство сельских первичных парторганизаций евреи не входили и высказывалась критика в адрес коммунистов, которые уклонялись от работы среди еврейского населения местечек.

Институт еврейских уполномоченных много сделал в организации «ев-

---

[17] Там же, ф. 2728, оп. 1, д. 12, л. 14.

[18] Там же, ф. 702, оп. 1, д. 52, л. 192.

[19] Тезисы к докладу М.Я. Фрумкиной (Эстер) о партпросветработе в 1926 г., Там же, ф. 1, оп. 1, д. 2181, лл. 92, 97-98.

[20] *Ленинский призыв* - массовый прием рабочих в партию в 1924 г. в связи с кончиной В.И. Ленина.

рейской улицы».[21] В целом по СССР уполномоченные-коммунисты насчитывали две тысячи функционеров, и одна тысяча была занята на комсомольской работе. Кадры еврейских работников пополнялись выпускниками советских учебных заведений, курсов и вузов. Обязанности еврейского уполномоченного по Туровскому району исполнял Корпман. В то же время степень подготовленности уполномоченных оставляла желать лучшего, а курсы переподготовки проводились нерегулярно.[22]

Партийная работа в Мозыре и Турове

Секретарь Мозырского окружного комитета КП(б)Б Файланд и секретарь евсекции при окружкоме Левит на основе циркуляра Главбюро евсекции при ЦК КП(б)Б от 20 августа 1924 г. потребовали от всех райкомов партии выделить уполномоченных по работе среди евреев, не владевших русским языком.[23]

К февралю 1924 г. в Турове проживало 2114 евреев, или 35,5% всего населения местечка, и еще 335 евреев – в деревнях Туровской волости.[24] Они вели традиционный образ жизни, стараясь справиться с последствиями гражданской войны. Советская власть, защитившая еврейское население от погромщиков, пользовалась уважением. Свои плоды начал приносить НЭП – местечко оживало: экономическая активность выросла, возобновились базары и ярмарки, была разрешена частная торговля, заработали мельницы и кустарные производства, верующие отстроили синагоги, дети посещали хедеры.

Все это будоражило умы и оставляло коммунистам, опасавшимся буржуазного перерождения, непочатый край работы. Из Минска и Мозыря в Туров поступали указания противодействовать *нэпманам*, стремившимся экономически побороть советскую власть.

К середине 20-х годов партийные организации БССР оставались малочисленными. В Мозырской окружной партийной организации в 1924 г. насчитывались всего 341 член ВКП(б) и 279 кандидатов. В списке членов и кандидатов туровской партячейки было 40 коммунистов, в том числе 17 евреев (42,5%): Лев Зельмах, Шая Котик, Д.И. Коник, Шестаковский, Шпитальник, Арон Шурц, Иосиф Израилевич, Ф. Фридман, Хаим Ламдин, Гирш Шифман, Владимир Турецкий, Моисей Буссень,

---

[21] Г. Эйстрах, «Еврейские секции Компартии. По материалам бывшего Центрального партархива», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1994 г., № 2(6), с. 35-45.

[22] ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, лл. 65-68.

[23] Там же, ф. 3952, оп. 1-а, д. 2, л. 104.

[24] В 1924 г. евреи проживали в деревнях: Озераны - 72, Переров - 71, Слепцы - 48, Погост - 44, Малый Малешов - 18, Дворец - 17, Ричев - 16, Семурадцы - 11, Сторожовцы и Черничи - по 10, Хлунин и Хильчицы - по 7, Вересница - 6, Запесочье и Хочень - по 4 еврея, Там же, ф. 499, оп. 1, д. 19, л. 56.

Циля Романовская, Самуил Лейбович, Даниил Дейч, Штифман и Илья Рубинчик.[25] К декабрю 1925 г. в парторганизацию влились Меир Лейтман, Евель Каплан, Иосиф Рубинчик, Неах и Самуил Фридманы.[26] Максимализм молодости и желание во что бы то ни стало переделать мир заставляли верить, что еще при жизни они увидят плоды своих трудов. Отсутствие жизненного опыта, образования, знаний и навыков партийной работы с лихвой окупались энтузиазмом.

Сначала планы туровских коммунистов были скромными. На зимний период 1924 г. они наметили проведение агитации среди рабочих и ремесленников, подписку на газету *Дер Веккер*, созыв общего собрания еврейского трудового населения, чтение докладов на идиш, создание кружка политграмоты, популяризацию национальной политики советской власти и созыв конференции еврейских рабочих.[27] Несмотря на молодость, евреи-коммунисты играли заметную роль в жизни Турова. Возрастной, социальный и образовательный уровень евреев – членов партии представлен в табл. 1 (см. с. 488).

Обращает на себя внимание, что в 1926 г. среди 18 коммунистов не было ни одной женщины. Стереотип места жены за спиной у мужа, как и забота о доме и детях, не был преодолен. Образование руководителей было минимальным – семеро окончили начальную школу (четыре класса), семеро – обучались на дому, а трое – предпочли не отвечать на этот вопрос в анкете. Не исключено, что под домашним образованием подразумевался хедер, обязательный для всех еврейских мальчиков до 1917 г.

Большинство ответственных работников Турова (восемь человек) по социальному происхождению числились из «рабочих». Однако, поскольку промышленных предприятий в Турове не существовало, здесь, вероятно, имелись в виду наемные работники кустарных производств или прибывшие из других мест. Ремесленники занимали второе место (шесть человек), а из служащих был только один. Партийный стаж был минимальным, ветеранами считались Свидовский и Зборовский (семь лет), Хвоенский (шесть лет), а у остальных он не превышал от года до трех лет. Несмотря на это, коммунисты в Турове занимали такие должности, как судья, начальник милиции, таможни, председатель сельсовета, председатель районного отделения Союза потребительской кооперации, секретарь профбюро, заведующий лесопильным заводом, и оказывали существенное влияние на жизнь местечка и близлежащей округи.

Служебные характеристики говорили сами за себя. В личном деле Зборовского, начальника Туровского НКВД, указывалось, что он «партийно устойчив», выдержан, дисциплинирован, инициативен, кругозор имеет общий, хладнокровен. О Рубинчике, секретаре райисполкома в Турове, наоборот, говорилось, что, наряду с исполнительностью, усидчивостью и работоспособностью, он вспыльчив, и поэтому его рекомендуют на административную, а не руководящую работу.

[25] Там же, ф. 499, оп. 1, д. 14, лл. 5-6.

[26] Там же, д. 21-а, л. 6.

[27] Там же, ф. 3952, оп. 1, д. 10, л. 40.

Таблица 1
Евреи-коммунисты среди ответственных работников Турова в 1926 г.[28]

Фамилия и имя	Год рождения	Социальное происхождение	Партийный стаж	Образование	Место работы и должность
Вайсборд Неах	1895	из служащих	с 1923	начальное	судья
Гоберман Михаэль	1903	из рабочих	с 1925	домашнее	безработный
Дехтярь Нота	–	–	–	–	–
Деречин Давид	1905	из кустарей	с 1926	домашнее	кузнец
Дунтау Яков	1892	–	–	начальное	начальник таможни
Зборовский Вячеслав	1895	из рабочих	с 1919	начальное	начальник милиции
Каплан Евель	1903	из рабочих	с 1924	начальное	райпотребсоюз
Котик Шая	–	–	–	–	–
Котик Яков	1893	из кустарей	с 1923	студент	учащийся
Кузьмич Иосиф	1885	из рабочих	с 1922	начальное	окружком КСМ
Либман Самуил	1886	из рабочих	с 1925	домашнее	кожевенник
Разумовский Исаак	1886	из рабочих	с 1923	начальное	зав. лесопильным заводом
Рубинчик Иосиф	1897	из кустарей	с 1925	начальное	райисполком
Свидовский Вульф	–	из кустарей	с 1919	начальное	политпомощник
Хавин Иосиф	1898	из рабочих	с 1923	домашнее	профбюро
Хазанов Иосиф	1903	из рабочих	с 1924	домашнее	председатель райпотребсоюза
Хвоенский Борис	1901	из кустарей	с 1920	домашнее	милиционер
Фридман Неах	1898	из кустарей	с 1924	домашнее	председатель сельсовета

[28] Составлено по: ГАООГО, ф. 2728, оп. 1, д. 4, лл. 2-20.

Комсомольская организация

Комсомольская организация Турова к 1922 г. насчитывала всего 25 членов, из которых 16 были евреи. Первыми в комсомол записались Иехезкель Хочинский, Исаак Ламден, Меир Швец, Пинхус Рейдер, Неах Фридман, Гирш Шустерман, Михель и Лейба Райхманы, Михель и Давид Гоберманы, Моисей Буссень, Самуил Марголин, Софья Шапиро, Илья Рубинчик и Мира Гоникман.[29] Немного позднее в комсомол вступили и другие жители Турова.[30] К 1925 г. Туровская районная организация КСМ состояла из трех ячеек – одной местечковой и двух деревенских, всего около 60 членов. Причем 40% из них – рабочие, 41% – крестьяне и 19% – «прочие». Кроме того, к ней были прикреплены для учета девять красноармейцев пограничной заставы. Общеобразовательный уровень комсомольцев оставался низким, а два человека вообще не умели писать и читать. Политпросветработа проводилась через кружки, а наиболее грамотные читали «серьезную» литературу.[31]

К 1926 г. Туровская районная организация выросла до 103 комсомольцев (91 юноша и 12 девушек). По национальной принадлежности преобладали белорусы (56,3%), за которыми следовали евреи (42,7%), а из русских был только один. Две комсомольские ячейки действовали в самом местечке и две – в районе. Силами комсомольцев было открыто пять кружков политграмоты на район и один – в Турове (еврейский), однако их посещаемость оставляла желать лучшего. Секретарем комсомольской организации в Турове в 1929 г. был избран Гительман.[32]

В середине 20-х годов бурный рост комсомольских организаций среди еврейской молодежи в республике продолжался.[33] Юноши и девушки из еврейских семей пришли в систему профессионально-технического обучения – школы, курсы. Местечковые ячейки комсомола приспосабливались к запросам несоюзной молодежи. Центр тяжести сместился в сторону экономической работы, усилилась активность в отделениях ОЗЕТ. Были установлены штатные единицы для еврейских пионерских инструкторов, что позволило добиться роста числа пионерских отрядов на идиш, регулярными становились курсы по подготовке еврейских пионерских работников и т. д.

---

[29] ГАООГО, ф. 499, оп. 1, д. 14, лл. 11-12.

[30] Эстер Швец, Шлёма Рейдер, Иехиель и Ицко Хочинские, Зелик Зайчик, Иосиф Либман, Харик Замдвайс, Лейзер Шустерман, Иосиф Шнайдман, Яков Перкин, Софья Юдкович, Моше Лехчин, Самуил Глозман, Михаил Гоберман, Гирш Флейтман, Михаил Чуднер и Иосиф Слепчин. Запись, сделанная П.А. Щекатовичем 8 июня 1968 г. Материалы Туровского краеведческого музея.

[31] О состоянии организации КСМ в Турове в 1924 г., ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 5, л. 3.

[32] Там же, ф. 499, оп. 1, д. 22, л. 40.

[33] На 1 января 1924 г. количество еврейских членов ВЛКСМ составило 19 тыс. 815 чел., на 1 января 1925 г. - 48 тыс. 111 чел., на 1 января 1926 г. - 68 тыс. 207 чел., на 1 июня 1926 г. - 90 тыс. 197 чел. К концу 1926 г. в ЛКСМ Белоруссии евреи насчитывали 12 тыс. 380 членов, Там же, ф. 1, оп. 1, д. 2181, лл. 92, 97-98.

Вместе с тем работа среди еврейской молодежи на фабриках и заводах отставала. Почти не чувствовалась активность комсомольцев на частных предприятиях и среди безработной молодежи. По-прежнему недостаточным было руководство работой в «старых»[34] еврейских колониях. При организации местечковых ячеек допускались отклонения от производственного принципа, и тогда они делились по национальности. Слабо шла работа на идиш в *юнсекциях*, рабочих клубах. Издательская деятельность не поспевала за возрастающей потребностью в литературе для детей и юношества. Одновременно партийные комитеты беспокоил рост «националистических» настроений и усиление «происков еврейских клерикалов», которые тоже вели борьбу за молодежь.

К середине 30-х годов ЛКСМ Белоруссии превратился в бюрократическую структуру, отвечавшую за работу с молодежью. Комсомольские «вожаки» во всем брали пример с партийных «вождей», подражая им до мелочей. Члены РК, ГК, ОК комсомола, будучи в составе номенклатуры ЦК КП(б)Б, находились на обеспечении государства, которому служили верой и правдой. Оклады работников Туровского райкома комсомола говорили сами за себя: секретарь РК ЛКСМБ (Кез) получал в месяц 550 руб., заведующие отделами пропаганды и агитации (Гительман), пионеров и школьной молодежи (Короткевич) – по 425 руб., заведующие отделами учета (Легчина), отделом кадров и оргинструкторской работы (Козел), военным и физкультурным отделом (Сахно) – по 400 руб.[35] Оклад секретаря райкома партии почти в пять раз превышал среднюю зарплату рабочего на предприятии.

Комсомольские организации охватывали все основные социальные слои и учащуюся молодежь, призывали своих членов показывать пример несоюзной молодежи, служили ушами и глазами НКВД. Социальный и профессиональный состав организации ЛКСМБ Полесской области и Туровского района накануне советско-германской войны показан в табл. 2.

В Туровском районе члены ЛКСМБ без учета школьных организаций насчитывали 783 чел., в Полесской области – 18 тыс. 938 чел. Подавляющее большинство комсомольцев составляли белорусы: в Туровском районе – 81,7%, в Полесской области – 94,4%. Эти показатели резко отличались от аналогичных в первой половине 20-х годов, когда ячейки Коммунистического Союза молодежи (КСМ) состояли почти исключительно из евреев местечек, а деревенская молодежь была представлена незначительно. К началу 40-х годов политика коренизации[36] принесла плоды, и комсомольские организации республики на периферии состояли почти исключительно из колхозной молодежи, которая хорошо вписывалась в советскую государственную модель.

---

[34] Имелись в виду еврейские сельскохозяйственные поселения, существовавшие до 1917 г.

[35] Оклады работников Туровского РК ЛКСМБ на 27 мая 1940 г., ГАООГО, ф. 703, оп. 1, д. 2, л. 200.

[36] См. главу «Экономическая и культурная жизнь».

Таблица 2
Социально-профессиональный состав организаций ЛКСМБ Туровского района и Полесской области с 1 октября 1940 по 1 апреля 1941 г.[37]

Категория	Туровский район		Полесская область	
	чел.	*%*	*чел.*	*%*
Рабочие	10	1,3	2499	13,2
Колхозники	354	45,2	8704	46,0
Служащие	265	33,8	5461	28,8
Инженеры и техники	1	0,1	67	0,4
Учителя	136	17,4	2034	10,7
Врачи	10	1,3	95	0,5
Агрономы	7	0,9	78	0,4
Итого	**783**	**100**	**18 938**	**100**

Женщины, представлявшие в первых ячейках КСМ абсолютное меньшинство, к концу 30-х годов насчитывали в Туровском районе и Полесской области соответственно – 41,5 и 46,7%. Близкими были пропорции числа колхозников – 45,2 и 46,0%, агрономов – 0,9 и 0,4%, врачей – 1,3% и 0,5%, инженеров и техников – 0,1 и 0,4%. Однако число рабочих в Турове по понятным причинам было намного меньше – 1,3% по сравнению с 13,2% в Полесской области.

Для предвоенной поры было характерно отсутствие новаторских предложений, любое нововведение исходило сверху после согласования в партийных комитетах, инициативы на местах не существовало. Быть комсомольцем означало подтвердить лояльность режиму и подготовить условия для карьерного роста – отправиться на учебу в город и в перспективе занять престижную должность.

Исключение из комсомола оставляло пятно в биографии, своеобразную «черную метку», служившую последним предупреждением перед общественным остракизмом. На общем климате организации благотворно сказалось окончание «охоты на ведьм» и партийных чисток 1935–1939 гг. Исключения почти прекратились, с октября 1940 г. по январь 1941 г. в Туровском районе комсомольских билетов лишили только трех человек. В целом по Полесской области за это время было исключено 108 чел., в том числе как «шкурники» – пять, «морально разложившиеся» – шесть, нарушители дисциплины – 85, по другим причинам – 12 чел., а с формулировкой «враждебный элемент» – ни одного.

[37] Табл. 2 и 3 составлены по: Квартальные отчеты комсомольских организаций Полесской области с октября 1940 г. по апрель 1941 г., ГАООГО, ф. 703, оп. 1, д. 41, лл. 20-21.

Большинство комсомольцев были охвачены системой среднего образования и профессиональной ориентации. Учиться стало престижно, неграмотных не осталось.

Юноши и девушки в ЛКСМБ заметно отличались от несоюзной молодежи. Они были серьезнее и собраннее, многие хотели продолжить образование. Лучших из них партия рассматривала как «сталинских соколов», готовых к будущим подвигам во имя социалистической родины. Идеологическая функция КСМ была одной из важнейших.[38] Оказаться вне рамок комсомола для учащейся молодежи становилось все труднее. Образовательный уровень комсомольцев в Полесской области представлен в табл. 3.

Таблица 3
Состав организаций ЛКСМБ Туровского района и Полесской области по уровню образования с 1 октября 1940 по 1 апреля 1941 г.

Категория	Туровский район		Полесская область	
	чел.	*%*	*чел.*	*%*
Учащиеся школ	202	22,8	6634	19,6
Имеющие высшее образование	18	2,0	нет данных	–
Студенты вузов	нет данных	–	53	0,3
Учащиеся техникумов и рабфаков	нет данных	–	322	1,0
Имеющие среднее образование	170	19,2	4076	12,0
Имеющие неполное среднее образование	38	4,3	13548	40,0
Имеющие начальное образование	376	42,4	7318	21,6
Грамотные без начального образования	58	6,5	1352	4,0
Остальные	25	2,8	472	1,5
Итого	**887**	**100**	**33875**	**100**

Изменился возрастной и образовательный портрет комсомольских организаций. В Туровском районе школьная молодежь до 17 лет насчитывала 109 чел., или 10,8%, в Полесской области – 7752 чел., или 34,5%, тогда как количество молодых людей в комсомоле старше 26 лет в Турове и области разительно отличалось – 170 и 1815,

[38] 25 апреля 1940 г. заведующим отделом агитации и пропаганды Туровского РК ЛКСМБ был утвержден Авигдор Кивович Гительман (1914 г. р.), ГАООГО, ф. 703, оп. 1, д. 24, л. 139.

или соответственно 16,8 и 8%. Процентное соотношение по таким показателям, как «начальное» и «среднее» образование, почти совпадало. Ряд комсомольских организаций Туровского района считались тупиковыми с точки зрения перспектив роста: НКВД – пять человек, леспромхоз – шесть, больница – пять, кирпичная артель – восемь, пожарная – три.[39]

Пионерская организация

Работа среди детей считалась важнейшей обязанностью комсомола. Евсекция предлагала вести ее на родном языке. Окружные и районные комитеты КСМ требовали выдвижения и подготовки еврейского пионерского актива, увеличения числа мероприятий среди «неорганизованных» детей, установления связей между организациями города и местечка.[40] Середина 20-х годов была отмечена стремительной активизацией пионерского движения, которое становилось все более популярным.[41]

По мнению еврейского бюро при ЦК КП(б)Б, усилившееся влияние комсомола на широкие массы еврейской трудящейся молодежи города, местечка и деревни привело к значительному ослаблению детских и юношеских сионистских группировок.[42] Вместе с тем подбор кандидатов для работы с пионерами не всегда оказывался удачным. Три комсомольца уехали из Турова в Мозырь на краткосрочные курсы, но потом отказались от работы с детьми. Несмотря на трудности, тяга к вступлению в пионеры в отдельных деревнях ощущалась. Секретарь РК КП(б)Б Турова Бабицкий отмечал, что при необходимых усилиях пионерское движение возможно.[43]

Общественная жизнь

Туров, несмотря на оторванность от внешнего мира, отсутствие современных средств связи, все же имел представление о главных событиях международной жизни. Отголоски далеких политических бурь доходили и до глухого местечка в Мозырском Полесье.

---

[39] Список малочисленных организаций ЛКСМБ по Туровскому району, Там же, д. 41, л. 95.

[40] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 127.

[41] Если на 1 января 1924 г. в СССР насчитывалось 10 тыс. пионеров, то на 1 января 1925 г. - 72 тыс. 882 чел., на 1 января 1926 г. - 112 тыс. 480 чел., а еще через полгода, 1 июня 1926 г., - 132 тыс. чел., Там же, лл. 92, 97-98.

[42] На 1 января 1924 г. количество еврейских членов ВЛКСМ составило 19 тыс. 815 чел., на 1 января 1925 г. - 48 тыс. 111 чел., на 1 января 1926 г. - 68 тыс. 207 чел., на 1 июня 1926 г. - 90 тыс. 197 чел., Там же.

[43] Доклад Бабицкого о деятельности Туровского РК КП(б)Б за декабрь 1924 г. - март 1925 г., Там же, ф. 3952, оп. 1-а, д. 16, лл. 23-32.

Коммунистическая партия трактовала политические события исключительно с позиций классовой борьбы. В апреле 1925 г. партийные ячейки туровского Совета и пограничной комендатуры ГПУ обсуждали произошедшее в столице Болгарии. После взрыва православного собора в Софии погибло около 150 чел. царского окружения и почти 400 чел. было ранено. Правительство Цанкова[44] запретило в стране Коммунистическую партию и расстреляло около 500 революционеров. Международная пресса искала в болгарских событиях советский след. Коммунисты Турова совместно с беспартийными (130 чел.) заявили «энергичный» протест против массовой расправы болгарских «белогвардейцев» и призвали еще теснее сплотиться вокруг Российской Коммунистической партии.[45]

17 июня 1925 г. по той же схеме состоялся общий митинг населения Турова как отклик на события в Китае, на котором присутствовало свыше 400 человек. Выступавшие говорили о пробуждении многомиллионного китайского народа, которое наводит ужас на мировую буржуазию: «Империализм сбросил черную маску, но еще держится на штыках наемных солдат и полиции». В резолюции митинга содержался призыв к членам профсоюза, рабочим, крестьянам, красноармейцам, коммунистам и комсомольцам Турова встать на защиту китайского народа под лозунгами: «Долой мировой империализм!», «Прочь руки от пробуждающегося Китая!», «Да здравствует свободный союз серпа и молота в великом Китае!»[46]

Подобные мероприятия практиковались в связи с каждым политическим событием, если поступало указание из Минска. Когда в 1936 г. началась гражданская война в Испании, райком партии в Турове организовал митинг и собрание трудовых коллективов. 8 августа 1936 г. в колхозе им. Яковлева Озеранского сельсовета население заставили внести в фонд обороны 45 руб., сотрудники НКВД отчислили 69 руб. К ним присоединились рабочие Туровского лесосплава, собравшие 340 руб.[47]

Большое значение придавалось общественным организациям и добровольным обществам, контроль за которыми осуществлял отдел агитации и пропаганды ЦК КП(б)Б. В рамках добровольных объединений создавались коммунистические фракции и велась регулярная отчетность. Новые советские общества дополняли государственные структуры. Им не рекомендовалось поддерживать связи с коммерческими и хозяйственными предприятиями.[48]

---

[44] Александр Цанков (1879-1959 гг.) - организатор государственного «фашистского» переворота в Болгарии в 1923, премьер-министр (1923-1926), основал партию *Национально-социальное движение*.

[45] Из протокола объединенного общего собрания ячеек КП(б)Б Туровского сельского и комендатуры ГПУ в Турове от 27 апреля 1925 г., ГАООГО, ф. 2728, оп. 1, д. 3, л. 17.

[46] Из резолюции митинга-протеста по поводу китайских событий в Турове 17 июня 1925 г., Там же, ф. 3952, оп. 1-а, д. 12, лл. 905.

[47] *Чырвоная змена*, 15 жнівня 1936 г.

[48] *Советская Белоруссия*, 16 января 1926 г.

Працоўныя Тураўшчыны дапамагаюць антыфашысцкім байцам Іспаніі

Калгас імя Якаўлева

У жніўні ў калгасе імя Якаўлева, Азяранскага сельсовета, адбыўся сход калгаснікаў, прысвечаны [illegible] падзеях у Іспаніі.

Выступаючыя калгаснікі: Кузьміч Андрэй, Шруб П., Мурашка Патро, Мурашка Сцяпан у сваіх выступленнях гаварылі, што калгаснікі разам з усімі працоўнымі Тураўшчыны, выказваюць сваю брацкую салідарнасць іспанскаму народу, які гераічна змагаецца з [illegible] — фашыстамі.

Калгаснікі Сасковіч [illegible] і Якубоўскі Трахім унеслі па 2 рублі ў фонд іспанскаму народу. На гэтым-жа сходзе было сабрана 45 руб.

Для правядзення збору сродкаў у дапамогу іспанскаму народу на ўсе брыгады выдзеліці 3-х чалавек.

Калектыў РО НКУС

На мітынгу супрацоўнікаў Тураўскага РО НКУС прынята рэзалюцыя, у якой гаворыцца:

„Мы работнікі РО НКУС, горача вітаем лепшых сыноў іспанскага народа, якія са зброяй у руках гераічна змагаюцца супроць злейшага ворага чалавецтва — фашызма.

Мы працягваем брацкую руку дапамогі іспанскаму народу, які адстойвае сваю незалежнасць і ў знак інтэрнацыянальнай брацкай салідарнасці адлічваем паўпрацэнта месячнай заработнай платы ў суме [illegible] рублёў у фонд іспанскаму народу".

Калектыў РО НКУС узяў на сябе абавязак [illegible] шэфскую работу.

Калектыў рабочых і служачых леса і сплава

Рабочыя і служачыя леса і сплава адлічылі ў фонд дапамогі іспанскаму народу паўпрацэнта месячнай заработнай платы, што складае [illegible] рублёў [illegible] кап.

Букча

Рабочыя Букчанскага спірта-парашковага завода ў знак брацкай салідарнасці з іспанскім народам адлічылі аднадзённы заработак.

Информационное сообщение
«Трудящиеся Туровщины помогают антифашистским бойцам Испании»
Чырвоная Тураўшчына, 17 жнівня 1936 г.

Главной задачей Красного Креста стала санитарная подготовка населения, общество «Долой неграмотность» обучало грамоте, *Автодор* содействовал развитию автомобилизма и улучшению дорог. *Осоавиахим* отвечал за военную подготовку, проводил Недели обороны, конкурсы на лучшего стрелка, учения с применением средств защиты от химического нападения.

Всеобщей симпатией пользовался МОПР. В 1924 г. в Мозырском округе в его ряды записалось 4713 членов. В Турове количество членов МОПР насчитывало 45 чел., а в Туровском районе – 300 чел. В феврале 1925 г. секретарь ячейки МОПР в Турове Гирш Глозман докладывал о положении революционеров в капиталистических странах и необходимости противодействия «белому террору». Комитет МОПР пытался вовлечь в свои ряды крестьян, но успех оказался минимальным. Общие собрания проводились ежемесячно, но их посещали «неаккуратно» и большая часть членов отсутствовала.[49] Примерно таким же образом в Турове действовало «Общество друзей воздушного флота» (ОДВФ), председателем которого

---

[49] Отчет ячейки МОПР в Туровском районе 10 февраля 1925 г., ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 13, л. 48.

был избран Чумак, секретарем – Лис, а за организацию районных ячеек отвечал Козловский.[50] В 1927 г. при обществе кустарей Турова отделение общества «Долой неграмотность» насчитывало 20 членов.[51]

Деятельность большинства этих организаций носила формальный характер и не оказывала заметного влияния на общественное мнение. Однако членство в них вменялось в обязанность рядовым коммунистам и комсомольцам. Наиболее успешным объединением в Мозырском округе являлся Осоавиахим. Его членами считали себя 4300 чел., они открыли тир и собрали средства на самолет «Красный мозырянин».[52] В 1927 г. 55% всех коммунистов республики состояли в Осоавиахиме, но их активность проявлялась в основном на собраниях в виде призывов к действию...[53] Для увеличения массовости общественных объединений ввели коллективное членство, когда в них заставляли вступать целые учреждения, предприятия, кооперативы и профсоюзы.

Однако это не спасало положение, и часто общества существовали только на бумаге или быстро обюрокрачивались. В 1932–1937 гг. «добровольные» общества закрывались в массовом порядке. Делалось это исподволь – путем слияния организаций, сыгравших свою роль, ставших «ненужными» социалистическому строительству или дублировавших друг друга. В 1932 г. «Союз воинствующих безбожников», «Общество борьбы с алкоголизмом» и «Долой неграмотность» были слиты в новую организацию «За здоровый быт», о деятельности которой после 1934 г. ничего не известно. В 1934–1936 гг. закрылись общества друзей радио, пролетарского туризма, Автодор, эсперантистов. К концу 30-х годов в Турове остались только Красный Крест, Осоавиахим, оборонный и физкультурный кружки.

Политическое просвещение

Партийные и комсомольские организации обеспечивали идеологическое прикрытие всех мероприятий советской власти – от кооперирования кустарей, колхозного строительства, культурной революции до хозяйственных кампаний.

Труднее пришлось комсомольским организациям, у которых было меньше прав, чем у коммунистов. Они часто играли роль объекта для экспериментов, на котором партийные организации и комитеты отрабатывали очередную кампанию. Молодые люди легче поддавались на громкие лозунги и обещания быстрых успехов, охотнее верили в непогрешимость вождей. В случае неудачи провал легко списывали на неопытность рядовых участников.

---

[50] Отчет ячейки МОПР в Туровском районе 10 февраля 1925 г., ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 13, л. 49.

[51] Там же, ф. 69, оп. 1, д. 689, л. 22.

[52] *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б за время с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г.*, Мозырь 1925 г., с. 85.

[53] НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 116, л. 59.

В 1935 г. положение в Туровской комсомольской организации оказалось предметом рассмотрения на XI пленуме ЦК ЛКСМБ в Минске. Охват комсомольской учебой был признан формальным – политзанятия срывались, работа с пропагандистами велась недостаточно, большинство комсомольцев не ориентировались в политической обстановке на международной арене, не хотели заниматься самообразованием, не выписывали периодические издания. Рост организации остановился, не были изжиты случаи «контрреволюционных» проявлений – антисемитизма, шовинизма и соблюдения религиозных обрядов. Неудовлетворительной оставалась работа с детьми, и особенно с пионерами.[54]

В допущенных промахах обвинили секретаря Туровской районной комсомольской организации Кучера, которому объявили строгий выговор. В последующие два года мало что изменилось. Формула Ленина о приоритете учета и контроля в ходе построения социализма была доведена почти до абсурда. Огосударствление всех видов деловой активности сковало личную инициативу. Постоянные призывы к критике и самокритике, разоблачение бывших руководителей, объявленных врагами народа, дезориентировали. Это привело к тому, что политическая агитация стала формальной и мало кого убеждала.

14 ноября 1938 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации пропаганды в комсомоле», которое в Турове выполнили плохо: 260 комсомольцев Туровского района не занимались политической работой, в колхозе «Чырвоны путiлавец» из 38 комсомольцев историю ВКП(б) изучали всего два человека, в колхозе им. Ворошилова соответственно 22 и 5 чел., «Чырвоны рубеж» – 25 и 6 чел. Работу пропагандистов никто не контролировал, изучение политической грамоты было признано поверхностным, навыки самостоятельной работы над политической литературой отсутствовали. Полесский ОК ЛКСМБ обязал туровских комсомольцев направить в колхозные клубы, дома социалистической культуры и библиотеки лучших активистов для организации работы по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)».[55]

В 1938 г. страна отмечала юбилей – 20-летие Красной Армии. Это совпало с окончанием громких судебных процессов в Москве по делу бывших видных деятелей большевистской партии – соратников Ленина. Газеты были переполнены сообщениями об успехах советской разведки, разоблачавших один шпионский заговор за другим. Жителей Турова обязали выслушать ряд лекций и бесед, посвященных праздничной дате. Одни темы явились продолжением единого цикла: «XX лет РККА и ВМФ», «XX лет ВЧК–ОГПУ–НКВД», «О некоторых методах коварной деятельности иностранной агентуры», другие стояли особняком: «О международном положении», «О дне авиации», «О деятельности и творчест-

[54] О работе комсомольской организации Туровского района. Протокол заседания бюро Туровского РК КП(б)Б от 13 декабря 1935 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 66.

[55] Доклад секретаря Полесского ОК ЛКСМБ Ривкинда 16 апреля 1939 г., Там же, ф. 703, оп. 1, д. 10, л. 76.

ве Максима Горького». Однако все они имели общий знаменатель – воспитание преданности Коммунистической партии Советского Союза.

Особого накала пропагандистские «страсти» достигли в системе политпросвета к 60-летию со дня рождения И.В. Сталина (21 декабря 1939 г.), «великого отца народов СССР». 12 декабря 1939 г. Полесский областной комитет КП(б)Б дал указание всем партийным и комсомольским организациям провести беседы о жизни и деятельности вождя. Повсеместно проходили инструктивные совещания, подбирались активисты для помощи сельским организациям. Отделы пропаганды и агитации созвали «теоретическую» конференцию. В клубах, избах читальнях, библиотеках, домах культуры были открыты фотовыставки, посвященные Сталину.[56]

Туровский райком партии организовал изучение краткой биографии Сталина, которая предусматривала такие темы, как «Без Ленина под руководством Сталина по ленинскому пути», «Сталин – организатор социал-демократической организации Закавказья», «Революционная деятельность Сталина в первой русской революции», «Борьба Сталина за создание марксистской партии».[57] В помощь докладчикам предлагалась дополнительная литература.[58] Все усилия пропагандистской партийной машины были направлены на персонификацию роли Сталина в истории большевистской революции и советского государства, чтобы затмить вчерашних соратников, объявленных врагами на недавних процессах.

Военно-патриотическое воспитание

Ожидание войны с Германией, несмотря на подписанный 23 августа 1939 г. Договор о ненападении, висело в воздухе, и тревога не оставляла людей. Общее ухудшение международной обстановки выдвинуло задачу переориентации идеологической работы на нужды обороны. С одной стороны, это позволяло проверить готовность советской молодежи к защите социалистического отечества, с другой – мобилизовать резервы для будущих военных действий. 22 июня 1940 г. бюро Полесского ОК ЛКСМБ по поручению обкома партии отобрало на оборонное строительство в Западной Белоруссии 500 комсомольцев из числа стахановцев и ударников, идеологически выдержанных, физически здоровых и морально устойчивых. В разнарядке по каждому району области числились: Брагин – 45 чел., Глуск, Калинковичи, Паричи – по 40 чел., Домановичи, Мозырь,

[56] *Об ознаменовании 60-летия со дня рождения Сталина*. Постановление Полесского ОК ЛКСМБ от 12 декабря 1939 г., Там же, л. 297.

[57] Там же, д. 7, л. 48.

[58] М.И. Калинин, *К 60-летию со дня рождения Сталина*, Москва 1939 г.; Е. Ярославский, *О товарище Сталине*, Москва 1939 г.; *Краткий курс истории ВКП(б)*, гл. 4, п. 1, И.В. Сталин, *О Ленине*, Москва 1935 г.

Наровля, Хойники – по 35 чел., Василевичи, Ельск, Житковичи, Копаткевичи, Лельчицы, Октябрь, Петриков – по 30, Комарин – 20 чел. Для Турова была выделена квота в 25 чел. Выезд комсомольцев необходимо было завершить к 15 июля 1940 г.[59]

Внешне участие комсомольцев Туровского района в оборонной работе было значительным. В 1939 г. в кружки ПВХО (противовоздушной и химической обороны) записалось 154 чел., ГСО (Готов к санитарной обороне) – 707 чел. В дополнение к этому были проведены военно-тактическая игра, посвященная 20-летию РККА, в которой участвовало 550 чел., соревнования по стрельбе и поход в противогазах.[60]

В марте 1941 г. райком ЛКСМБ в Турове отчитался по результатам военной учебы комсомольцев в соответствии с решением ЦК ЛКСМБ о физической подготовке и овладении военными знаниями. В учебных командах Туровского района были заняты 444 комсомольца, а 88% всех комсомольцев бежали лыжный кросс. Среди недостатков было указано: только 68% членов Осоавиахима откликнулись на призыв участвовать в этом мероприятии, к санитарной обороне недостаточно привлекались девушки, штаты начальников санитарных постов не были укомплектованы полностью, соцсоревнование между республиканскими организациями БССР и УССР на лучшую постановку военно-физкультурной работы на бюро райкома не обсуждалось.

Полесский обком партии рекомендовал ввести обязательную военную подготовку комсомольцев, привлекать девушек в кружки ГСО, работать на тракторе, в систему связи и др., организовывать лекции, доклады и беседы на военно-исторические темы, овладевать основами военного дела, совершать длительные походы и т. д. Пропагандистская и массовая работа должна была обеспечить подготовку бойцов, владеющих воинскими специальностями, физически закаленных и способных переносить суровые условия боевой обстановки.[61]

Все эти меры представляли собой дежурный набор для ответа в вышестоящие инстанции. На деле аппаратная «игра» между отдельными ведомствами и службами, ответственными за идеологическое направление, давно практиковалась в Минске и Москве. Истинное положение вещей о мобилизационной готовности населения приграничных районов знал только узкий круг лиц, и о нем докладывалось лично Сталину, который не планировал войну с Германией на ближайшие десять лет.

---

[59] О посылке на оборонное строительство в западные районы БССР. Постановление бюро Полесского ОК ЛКСМБ от 22 июня 1940 г., ГАООГО, ф. 703, оп. 1, д. 24, л. 233.

[60] Там же, ф. 702, оп. 2, д. 5, л. 127.

[61] О военной учебе комсомольцев в Туровском районе. Протокол заседания бюро Полесского ОК ЛКСМБ от 14 марта 1941 г., Там же, ф. 703, оп. 8, д. 6, лл. 118-119.

Чистка партийных рядов

В 1935 г. по команде из Мозыря в Турове, как и по всей стране, приступили к проверке партийных документов, инициированной Сталиным. Каждая организация должна была отреагировать на Письмо ЦК ВКП(б) от 13 мая 1935 г. Главной целью кампании считалось очищение первичных организаций от «разложившихся элементов, обманным путем пролезших в партию». В Турове к этому отнеслись с прохладцей и никаких «врагов, жуликов или проходимцев» не обнаружили. Однако к середине 30-х годов требования изменились кардинально – сверху требовали «крови».

После постановления ЦК КП(б)Б в августе 1935 г. по результатам проверки партийных документов в Лельчицкой, Узденской, Глусской, Петриковской парторганизациях бюро Туровского райкома признало, что не оценило важности этого мероприятия в районе, где в прошлом действовали «контрреволюционные» сионистские организации, отряды «белопольских» оккупантов и банды Булак-Балаховича, и обещало исправить положение. На общем районном партийном собрании 3 сентября 1935 г. коммунисты Турова покаялись, что, несмотря на «исключительную засоренность» района враждебными элементами, контрабандистами и дезертирами Красной Армии, никто не разоблачен.

В итоге был получен огромный компрометирующий материал. 19 сентября 1935 г. оргбюро Мозырского окружкома партии отметило, что в ходе повторной проверки в Турове из 157 коммунистов был исключен 31 чел., или 19,7% всех членов первичной партийной организации, за семейственность, слабую критику и самокритику, неудовлетворительную постановку организационно-партийной работы.

Две трети всех исключенных из комсомола составили бывшие руководители Туровского района – девять председателей колхоза, два председателя сельсовета и четыре работника кооперативов. «Врагами» оказались: директор районного магазина в Турове Залман Гренадер – как бывший торговец и лишенец; заведующий торговым отделом райсоюза в Турове Мовша Шнайдман – как связанный с враждебными элементами, тесть которого был «крупным» контрабандистом; председатель сельсовета Кочко; начальник паспортного стола Иосиф Санеп – как «выходец из чуждой семьи, отец и брат которого занимались шпионажем».[62]

По состоянию на 8 июня 1936 г. в результате обмена документов в Туровской районной партийной организации из 80 членов и 36 кандидатов в члены ВКП(б) только 75 получили партийные билеты и 29 кандидатские карточки, при этом 12 чел. проверку не прошли.[63] Однако сделанные разоблачения не удовлетворили руководство. 22 августа 1936 г. ЦК КП(б)Б опубликовал в газете *Звязда* результаты проверки Чаусской, Гресской, Лельчицкой, Узденской и Петриковской партийных

---

[62] Об итогах проверки партийных документов по Туровской партийной организации. Постановление пленума Туровского РК КП(б)Б от 13-14 ноября 1935 г., Там же, ф. 69, оп. 1, д. 1154, лл. 4-6, 27.

[63] Там же, л. 239.

организаций. Потеря партийных документов преподносилась как хищение их классово-чуждыми элементами для последующего использования во враждебной работе. 31 августа 1936 г. бюро Туровского РК КП(б)Б обсудило итоги проверки и лишило партийных билетов еще трех человек.

В целом за 1935–1937 гг. партийная организация Турова потеряла 35 коммунистов, из которых пятеро вступили в ВКП(б)Б в рядах Красной Армии, восемь прибыли в Туров из других мест, а 22 – «пролезли» в партию из числа местных жителей.[64] Мотивами для исключения послужили: связь с «врагами народа» (десять человек), агитация в пользу Троцкого и Бухарина (два человека), служебные преступления (девять человек), сокрытие социального происхождения (пять человек), соблюдение религиозных обрядов (четыре человека), антисоветские разговоры (три человека) и нарушение революционной законности (два человека).[65]

Кампания по разоблачению «троцкистских и бухаринских и других двурушников» после Январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б) дала ошеломляющие результаты. Чистка «национал-фашистских псов», пробравшихся с корыстными целями в ряды партии, привела к невиданному избиению кадров. Среди руководителей Полесской области было обнаружено 57 «врагов народа», в том числе пять секретарей райкомов партии, 24 члена райкомов, 10 секретарей парткомов и 18 парторгов. Партийные и советские структуры области лишились 245 коммунистов – 182 были объявлены «врагами народа» и 63 чел. имевшими с ними связь, а всего областная партийная организация за 1936–1938 гг. не досчиталась 659 из 2170 коммунистов, или 30,4%![66]

Огромный урон нанесла чистка районным партийным организациям Мозырского округа, о чем свидетельствуют данные табл. 4 (см. с. 502).

Всего в девяти районах Мозырского округа за 1936–1937 гг. было репрессировано 165 коммунистов. Наиболее пострадали Лельчицкий район (28,6%), Ельский (15,9%), за которыми следовали Копаткевичский, Домановичский и Туровский районы, разделившие третье место в округе по количеству «вредителей» с партийными билетами (13,4%).

В Турове с июля 1937 г. по май 1938 г. были освобождены от работы и исключены из партии руководители первичных партийных организаций: секретарь парткома Кашпей, два члена парткома – Гращенко и Орлов, семь парторгов – Тетерич, Велешин, Дроздов, Король, Бруянков, Вихнес, Бохрович. В качестве врагов народа были разоблачены два коммуниста (Шапиро и Кацевич) и четыре кандидата в члены партии (Рай, Румас, Рункевич и Моисеенко), за связь с «врагами народа» исключили восемь коммунистов и одного кандидата в члены ВКП(б).

---

[64] О выполнении решений Январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б) по Туровской районной партийной организации. Докладная записка Туровского РК КП(б)Б, Там же, оп. 2, д. 5, лл. 9, 25.

[65] Там же, л. 124.

[66] Отчет о работе Оргбюро при ЦК КПБ (б) по Полесской области с 10 марта по 10 мая 1938 г., Там же, ф. 702, оп. 1, д. 7, лл. 6-7, 29.

Таблица 4
Изменения в составе парторганизации
Мозырского округа на 1 января 1938 г.[67]

Район	**Коммунисты**	**В том числе**			
		женщин	**исключено**		**принято**
			чел.	%	
Домановичский	119	9	16	13,4	5
Житковичский	147	14	1	0,7	7
Ельский	132	12	21	15,9	5
Копаткевичский	125	11	17	13,6	3
Лельчицкий	98	6	28	28,6	1
Мозырский	531	57	51	9,6	5
Наровлянский	121	13	4	3,3	4
Петриковский	185	20	12	6,5	7
Туровский	112	9	15	13,4	7
И т о г о	**1570**	**151**	**165**	**10,5**	**44**

Аресты приводили к цепной реакции: виновными становились бывшие коллеги, сослуживцы, друзья и просто случайные люди. Избежать обвинения в контактах с арестованным «врагом народа» было невозможно, что хорошо понимали в НКВД. За связь с классово чуждыми элементами были исключены из партии Виктор Велешин, Борух Вихнес, Хотя Кучер; за развал работы в первичной организации и зажим критики – Павел Дроздов и Афанасий Шарендо.[68]

Описанные события в Турове оказались лишь малой частью того потрясения, которое пережила компартия республики в целом. Управление госбезопасности при НКВД БССР в информационном отчете «Итоги разгрома антисоветского подполья в Белорусской ССР» по материалам следствия 1937–1938 гг. сообщило о ликвидации заговора, возглавляемого видными партийными, советскими работниками, деятелями культуры и науки.[69] В целом с 1 января 1932 г. по 1 января 1938 г. компартия республики потеряла 45,6% своих

[67] Составлено по: ГАООГО, ф. 69, оп. 2, д. 5, л. 16.

[68] Материалы для отчета ЦК КП(Б)Б по Туровскому району за 1937-1938 гг., ГАООГО, ф. 702, оп. 2, д. 2, лл. 161-162.

[69] *Правда истории: память и боль*. Сост. Н.М. Жилинский, Минск 1991 г., с. 81.

членов,[70] репрессированными оказались секретари ЦК КП(б)Б, председатели СНК и ЦИК БССР. Одни из них были ложно обвинены в контрреволюционной деятельности и казнены, а другие, такие, как Гамарник, Голодед и Червяков, доведены до самоубийства.[71]

Восстановление в партии

В январе 1938 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Этот ход был придуман, чтобы возложить вину за «избиение кадров» на местные партийные инстанции. Коммунистическая партия, построенная по военному образцу, строго централизованная и не допускавшая разногласий, оказалась заложницей своего Центрального Комитета, беспрекословно подчинявшегося Сталину.

Директивы, исходившие из Москвы, были обязательными для национальных компартий. Уже 23 января 1938 г. во всех районах Мозырского округа состоялись партийные собрания, которые прошли на «высоком идейно-политическом уровне» при большой активности коммунистов. В Турове из 70 коммунистов выступили 18, большинство из них отмечали массовые исключения из партии без тщательной проверки и бездушное бюрократическое отношение к исключенным. Основная вина была возложена на арестованного секретаря Мозырского окружкома партии Левина, который был изобличен как «изменник родины». Левин якобы умышленно возводил клевету на честных коммунистов, сеял недоверие в рядах партийных организаций и тем самым пытался отвести удар от действительных врагов.

Из Мозырской окружной партийной организации в целом за 1937–1938 гг. было исключено 185 коммунистов, или 11,8%. Больше всего пострадали Туровская (31,3%) и Лельчицкая (28,6%) районные организации, за ними шли Ельск, Копаткевичи и Домановичи. По Туровскому району большинство коммунистов были обвинены в «контрреволюции» – связи с «врагами народа», троцкистами и бухаринцами, в недонесении на родственников, в неискренности перед партией, и только незначительная часть в «пассивности» – 5,7% и в малозначительных проступках – 14,3%. По Полесской области в целом за это же время было исключено 659 коммунистов, из которых «за пассивность» – 11,5%, а малозначительные проступки – 10,8%.[72]

[70] Подсчитано по: *Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах 1918-1978 гг.*, Минск 1978 г., с. 98-103.

[71] Н.М. Голодед во время допроса 21 июня 1937 г. выбросился из окна пятого этажа здания НКВД в Минске и разбился; А.Г. Червяков 16 июня 1937 г. застрелился в своем кабинете во время перерыва между заседаниями XVI съезда КП(б)Б; Я.Б. Гамарник 31 мая 1937 г. застрелился в Москве.

[72] ГАООГО, ф. 69, оп. 2, д. 5, л. 16.

Таблица 5
Коммунисты Турова, восстановленные в партии после Январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б)[73]

Фамилия, имя и отчество	Национальность	Формулировка при исключении
Белко Филипп Леонович	белорус	нарушение революционной законности
Бычков Иван Акимович	белорус	связь с врагами народа
Велешин Виктор Нафтольевич	еврей	связь с классово чуждыми элементами, зажим критики
Вихнес Борух Беркович	еврей	связь с врагами народа
Дроздов Павел Сильвестрович	белорус	развал первичной парторганизации, связь с антисоветскими элементами, зажим критики
Ильинок Максим Константинович	русский	связь с врагами народа, засорение аппарата классово чуждыми элементами
Кузьмич Андрей Кононович	белорус	халатное отношение к служебным обязанностям
Кучер Хотя Муньевич	еврей	связь с врагами народа
Левковец Борис Григорьевич	белорус	связь с врагами народа, наличие «беспаспортных» и высланных родственников
Плецкий Михаил Игнатович	белорус	передоверие руководства сельхозартели классово чуждым элементам
Рошаль Мотель Аронович	еврей	совершение религиозного обряда
Сацевич Мефодий Федорович	белорус	укрывательство врагов народа
Скалозуб Иван Никифорович	белорус	расхищение соцсобственности
Телятко Василий Сидорович	белорус	идеализация Бухарина
Шарендо Афанасий Тимофеевич	белорус	антипартийные действия

[73] Составлено по: ГАООГО, ф. 69, оп. 2, д. 5, л. 124.

За 1937 г. и январь 1938 г. в Мозырский окружком поступило 88 апелляций, из которых было рассмотрено 38. В результате шесть человек восстановили в партии, а четыре апелляции вернули на доработку. Коммунисты требовали ускорить работу с апелляциями и исправить допущенные ошибки.[74] К середине мая 1938 г. из Турова поступило 17 апелляций коммунистов, из которых было удовлетворено 15, а по Полесской области – 409 апелляций и 272 удовлетворено.[75] Персональный состав коммунистов, восстановленных в Туровской парторганизации, можно видеть в табл. 5.

В 1938 г. накал страстей ослабел, с января по сентябрь из туровской парторганизации было исключено «только» три человека. Все апелляции разбирались от семи до десяти дней. В отношении коммунистов, подвергнутых травле в периодической печати, после восстановления в партии были помещены в газетах опровержения. Простили Вилешина, а показательный процесс, устроенный над ним, признали ошибкой. С объявлением строгого выговора в партии восстановили Ильинка, вернули партийный билет Скалозубу. Справедливость была восстановлена в отношении Вихнеса, исключенного за связь с разоблаченными «врагами народа» Червяковым[76], Гершоном[77], Клысом, Гольштоком.

Была установлена истина и в запутанном деле Лейбы Шапиро. В 1937 г. ему был вынесен строгий выговор за нарушение революционной законности и перегибы в вопросах заготовок. 23 августа 1938 г. Шапиро исключили из партии за притупление классовой бдительности, бесхозяйственность, связь с враждебными элементами и вскоре арестовали. Однако эти обвинения не подтвердились, и уголовное дело против Лейбы прекратили. 13 ноября 1939 г. Туровский райком КП(б)Б удовлетворил апелляцию Шапиро и восстановил его в партии.[78] Наиболее сложные дела по реабилитации коммунистов решали в Минске. Бывшего секретаря Туровского райкома комсомола Хотю Кучера восстановили в партии по решению Центрального Комитета Компартии республики.

Аналогичные процессы прошли в это время и в других местах. Не подтвердились обвинения против председателя швейной артели в Хойниках Хаима Слеповского – в невыполнении хлебопоставок и утаивании пребывания в сионистской организации *Цеирей Цион*.[79] Некоторые обвинения были сняты в силу их абсурдности. Бюро Полесского обкома 5 марта 1939 г. отменило решение Мозырского РК КП(б)Б об

---

[74] *О ходе реализации решений Январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б).* Постановление бюро Мозырского окружкома КП(б)Б от 28 января 1938 г., Там же, д. 5, л. 18.

[75] *О выполнении решений Январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б) на 15 мая 1938 г. в Полесской областной парторганизации*, Там же, ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 29.

[76] Вихнес в период работы инструктором Отдела национальностей ЦИК БССР в 1933-1934 гг. пользовался особым доверием со стороны Червякова, Там же, оп. 4, д. 70, л. 307.

[77] Гершон подарил Вихнесу книгу *Комсомолец Пинска*, на которой сделал надпись: «Вихнесу, старому соратнику и другу от автора».

[78] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 56, лл. 215.

[79] Там же, л. 216.

исключении С.Л. Ярошевича за сокрытие собственных наград, полученных в царской армии (кресты Святого Георгия за храбрость).[80] Само собой рассыпалось дело против электрика Мотеля Эдельштейна, исключенного за защиту отца, «изъятого НКВД».[81] Реабилитированных коммунистов вернули на прежние должности. В то же время никто из доносчиков не был привлечен к ответственности.

«Зализывание ран»

После четырех лет свирепых чисток ЦК ВКП(б) распорядился проверить численность уцелевших коммунистов. Партийные комитеты получили указания сделать подробный подсчет в районных, городских, областных и республиканских парторганизациях. Партийной переписи подлежали все коммунисты, стоявшие на учете. Требовалось указать их социальную и национальную принадлежность, пол, возраст, уровень образования, количество исключенных из партии и подавших апелляции. Полученные сведения обобщались в Минске и Москве для выработки новых рекомендаций. Эта статистика имела гриф «совершенно секретно» и была доступна только заведующим отделами и секретарям, начиная с областных комитетов партии и выше. Собранные данные рисовали обстановку без прикрас, которая разительно отличалась от пропагандистских материалов советской периодической печати. Национальный состав партийных организаций в Полесской области к концу 30-х годов представлен в табл. 6.

Евреи составляли почти четвертую часть всех коммунистов Полесской области. Наиболее высокая их активность была отмечена в Мозырском районе. Это был центр Полесской области, место большинства учреждений и управленческих структур, обеспечивавших жизнедеятельность всего региона. На предприятиях и судоверфи города, в речном порту трудилось намного больше рабочих, чем в других районных центрах, в которых располагались только предприятия местной промышленности. Вслед за Мозырским районом наибольшее число коммунистов-евреев насчитывали партийные организации Наровли (35,7%), Паричей (27,4%), Домановичей (26,3%) и Василевичей (24%). Такие пропорции объяснялись традиционно высокой плотностью еврейского населения в местечках, превратившихся в районные центры.[82]

Из 15 районов Полесской области Туровская партийная организация по количеству евреев занимала восьмое место. Евреи отличались высокой социальной активностью. В 1936 г. в Туровском РК КП(б)Б среди тринадцати коммунистов было три еврея: Соломон Шнейдерман (2-й секретарь), Хася Эстрина (заведую-

[80] Постановление бюро Полесского ОК КП(б)Б от 5 марта 1939 г., Там же, д. 52, л. 36.

[81] Там же, ф. 703, оп. 1, д. 10, л. 94.

[82] M. Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic profile*, Jerusalem 1998, p. 232.

щая сектором учета) и Хотя Кучер (секретарь райкома комсомола). В первичной парторганизации при Туровском местном Совете из восьми коммунистов было четыре еврея: Хая Зильберман, Гирш Флейтман, Евсей Межник и Моисей Молчан.[83]

Таблица 6
Национальный состав партийной организации Полесской области на 1 мая 1938 г.[84]

Район	Всего, *чел.*	В том числе							
		русские	украинцы	белорусы	евреи		немцы	поляки	другие
					чел.	%			
Брагинский	86	4	2	59	17	19,8	–	2	2
Василевичский	75	3	2	51	18	24,0	–	1	–
Глусский	127	12	–	86	23	18,1	–	–	6
Домановичский	118	3	3	77	31	26,3	–	4	–
Ельский	123	9	5	76	21	17,0	5	5	2
Житковичский	149	23	4	94	25	16,8	–	2	–
Комаринский	79	8	9	45	13	16,5	–	4	–
Копаткевичский	105	7	3	65	29	27,6	–	1	–
Лельчицкий	96	8	1	59	11	11,5	–	1	16
Мозырский	516	60	24	223	192	37,2	–	11	6
Наровлянский	115	9	6	47	41	35,7	4	7	1
Паричский	106	6	2	66	29	27,4	–	2	1
Петриковский	185	11	4	131	26	14,0	–	10	3
Туровский	101	12	2	67	19	18,8	–	1	1
Хойникский	189	12	5	117	25	13,2	–	12	18
Итого	**2170**	**187**	**72**	**1263**	**520**	**23,9**	**9**	**63**	**56**

[83] ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 153.
[84] Составлено по: ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 50.

В соответствии с марксистской доктриной, партия «нового типа» обязана иметь пролетарское лицо. Поскольку на периферии рабочих было немного, партийные ряды пополнялись за счет крестьянства как «дружественного класса» и классовой «прослойки» (интеллигенции) – служащих. Отделы руководящих партийных кадров внимательно следили за соблюдением заданных пропорций. Социальный состав партийной организации Полесской области к весне 1938 г. представлен в табл. 7.

Таблица 7
Социальный состав партийной организации Полесской области на 1 мая 1938 г.[85]

Район	Всего, *чел.*	В том числе					
		рабочие		крестьяне		служащие	
		чел.	*%*	*чел.*	*%*	*чел.*	*%*
Брагинский	86	32	37,2	49	57,0	5	5,8
Василевичский	75	50	66,6	25	33,3	–	–
Глусский	127	53	41,7	40	31,5	24	18,9
Домановичский	118	50	42,4	59	50,0	9	7,6
Ельский	123	52	42,3	63	51,2	8	6,5
Житковичский	149	83	55,7	53	35,6	13	8,7
Комаринский	79	29	36,7	48	60,8	2	2,5
Копаткевичский	105	58	55,2	38	36,2	9	8,6
Лельчицкий	96	29	30,2	42	44,1	25	26,0
Мозырский	516	353	68,4	105	20,3	58	11,2
Наровлянский	115	64	55,7	35	30,4	16	13,9
Паричский	106	50	42,7	51	48,1	5	4,7
Петриковский	185	108	58,4	60	32,4	17	9,2
Туровский	101	50	49,5	38	37,6	13	12,9
Хойникский	189	82	43,4	75	39,7	32	16,9
Итого	**2170**	**1143**	**52,6**	**781**	**35,9**	**236**	**10,9**

[85] Составлено по: ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 52.

В 1938 г. из 2170 членов и кандидатов в члены КП(б)Б Полесской области выходцы из рабочих насчитывали 1143 чел. (52,6%), из крестьян – 781 (35,9%), служащих 236 (10,9%). Однако по отдельным районам эти пропорции не всегда выдерживались. Только девять из 15 районов сохраняли численное преимущество рабочих над крестьянами. Больше всего выходцев из рабочих семей насчитывалось среди коммунистов Мозырского района – 68,4%. Туров в этом отношении представлял «золотую середину»: 49,5% коммунистов имели пролетарское происхождение, 37,6% – крестьянское и 12,9% относились к служащим. К рабочим причислили тех, кто был занят в местной промышленности (кирпичной, мукомольной, сапожной, портняжной, кузнечной, строительной артелях), леспромхозе, сплавной конторе и на пристани Припяти,[86] обеспечивавшей транспортные грузоперевозки по Днепру.

Однако если рассматривать не происхождение, а конкретное место работы членов партии, то данные выглядят следующим образом: среди коммунистов Туровского района (101 чел.) числилось шесть рабочих, 15 колхозников, 80 служащих. Для сравнения: в Полесской области (2076 чел. – без г. Мозырь) среди коммунистов было 187 рабочих, 266 колхозников и 1623 служащих. Обращает на себя внимание огромный перевес служащих среди коммунистов в Туровском районе (78,2%) и Полесской области в целом (74,8%)![87] Прежние критерии устарели, и партия стремительно меняла свое лицо. Молодые коммунисты с «рабочей косточкой», получившие образование в советских учебных заведениях, заменили «старую гвардию», совершившую Октябрьский переворот в 1917 г. Лицемерие состояло в том, что, несмотря на кардинальные перемены в социальном составе, вожди продолжали говорить о пролетарском характере ВКП(б) и ведущей роли рабочего класса. Это была откровенная манипуляция общественным сознанием.

Рост партийных рядов только частично был восстановлен за счет коммунистов, подавших апелляции. В июне 1938 г. заведующий ОРПО Полесского обкома партии Каган докладывал ЦК КП(б)Б об итогах выполнения решений Январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б) о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из партии и мерах по устранению этих недостатков. По отдельным районам области эта работа представлена в табл. 8 (см. с. 510).

Общее количество заявлений от коммунистов Полесской области на пересмотр персональных дел после Январского Пленума 1938 г. составило 63,9% всех апелляций. Со 130 чел. обвинения сняли, 83 коммуниста получили различные взыскания, 19 чел. перевели из членов ВКП(б) в кандидаты или сочувствующие. Исключения подтвердили для 190 чел. В Туровской районной парторганизации подали апелляции почти половина исключенных коммунистов (17 чел.), одиннадцати из которых вернули партийные билеты.

[86] Начальником Туровского сплавучастка в 1936 г. работал Гинзбург, Там же, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 174.

[87] Там же, ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 49.

Таблица 8
Итоги рассмотрения апелляций коммунистов, исключенных из Полесской областной парторганизации, на 1 июня 1938 г.[88]

Район	Всего исключено	Подано апелляций	Восстановлено		Переведено в кандидаты или сочувствующие КП(б)Б	Подтверждено исключение
			без взысканий	с взысканиями		
Брагинский	29	27	3	9	3	14
Глусский	41	36	13	5	2	17
Домановичский	44	24	5	2	3	14
Ельский	36	11	5	4	–	2
Житковичский	68	28	10	5	–	13
Комаринский	29	23	10	5	2	6
Копаткевичский	38	31	6	5	1	18
Лельчицкий	47	16	6	2	1	8
Мозырский	137	103	37	20	–	36
Наровлянский	37	26	6	4	–	16
Паричский	33	24	6	4	2	10
Петриковский	30	40	13	7	4	24
Туровский	35	17	5	6	1	9
Хойникский	55	13	5	5	–	3
Итого	**659**	**419**	**130**	**83**	**19**	**190**

В декабре 1938 г. в Минске состоялся пленум ЦК Компартии Белоруссии по итогам выполнения решений Январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б). В принятом постановлении, подписанном П.К. Пономаренко, отмечалось, что коммунисты республики, «вооруженные мудрыми указаниями тов. Сталина», провели большую работу по исправлению грубейших ошибок, допущенных при исключении из партии. С января по октябрь 1938 г. в БССР было рассмотрено 7517 апелляций, что позволило восстановить в партии 3126 чел. Далее говорилось об устранении огульного подхода к решению вопроса о членстве в партии, о росте ответственно-

[88] Составлено по: ГАООГО, ф. 69, оп. 2, д. 5, л. 129.

сти и повышении политической бдительности, направленной на «выкорчевывание врагов народа, пробравшихся в ряды партии».[89]

Прием новых членов

Потери в партии предполагалось восполнить новыми членами. Однако после перенесенных потрясений желающих осталось немного. Резервы были исчерпаны, заманить людей, на которых можно было бы взвалить груз дополнительных обязанностей, оказалось нечем. Многие из кандидатов, ранее подавших заявления о приеме в партию, просрочили стаж, так как прием был приостановлен в связи с чистками. В Житковичском районе таких кандидатов насчитывалось 16, Туровском – 13, в Василевичском – 30. Не удивительно, что в апреле 1939 г. бюро Полесского обкома партии отмечало ход кампании по «вербовке» новых коммунистов в партию как неудовлетворительный.

Таблица 9
Евреи Туровского района, принятые в ВКП(б) в первой половине 1939 г.[90]

Фамилия и имя	Год рождения	Место рождения	Социальное происхождение	Образование	Место работы
Бородоцкий Янкель	1910	Туров	из кустарей	низшее	заведующий столовой
Гительман Дора	1912	Туров	из кустарей	низшее	библиотекарь школы
Зильбер Мовша	1903	д. Скородное	не указано	низшее	зам. председателя РИК[91] Турова
Райхман Ида	1914	д. Озераны	из кустарей	незаконченное среднее	пионервожатая
Храпунский Гершун	1908	д. Букча	из кустарей	низшее	предс. правления кустарной артели
Храпунский Лазарь	1902	д. Букча	из кустарей	низшее	инспектор райуползага[92]

[89] О восстановлении исключенных в КП(б)Б. Постановление пленума ЦК КП(б)Б по докладу Прохорова о выполнении решений Январского (1938 г.) Пленума ЦК ВКП(б) от 2-4 декабря 1938 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 4, л. 129.

[90] Составлено по: ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 52, лл. 43, 92-93.

[91] РИК - районный исполнительный комитет (райисполком).

[92] *Райуползаг* - районный уполномоченный по заготовкам.

Положение изменилось только после XVIII съезда ВКП(б), признавшего репрессии против большинства коммунистов ошибочными, пообещавшего наказать виновных и обеспечить личную безопасность уцелевшим. За первые четыре месяца 1939 г. в Житковичском районе в партию приняли пять человек, Василевичском – 41 чел.[93] В самом Турове в партию вступило шесть коммунистов-евреев, социальный, образовательный и профессиональный уровень которых показан в табл. 9 (см. с. 511).

Большинство, пять из шести, «новоиспеченных» туровских коммунистов были из кустарей и имели только низшее (не более двух классов) образование. Все они занимали ту или иную должность и не смели отказаться от вступления в партию. Всего в Туровском районе за четыре месяца 1939 г. в партию приняли 56 чел. Ситуация, в которой члены семей репрессированных и исключенных из партии становились фактически заложниками режима, не оставляла выбора. Наученные горьким опытом, они предпочли быть послушными исполнителями воли партийных комитетов. Вместе с тем даже формальное членство в партии позволяло режиму говорить от имени трудящихся и заставлять выполнять задуманные планы.

* * *

В межвоенный период большевики сумели внедрить в патриархальную жизнь Турова эмбрион идеи всеобщего равенства и принудительного счастья. Он быстро вырос и расправился со своими оппонентами – раввинами, бундовцами, сионистами и нэпманами. Местечковая ячейка превратилась в районную партийную организацию, которая управляла духовной, культурной и экономической жизнью Мозырского Полесья. Коммунисты сделали своими соучастниками комсомол, профсоюзы, добровольные общества, культурно-просветительные учреждения и учебные заведения. Выступая от имени «простого народа», активисты-общественники помогали органам госбезопасности чинить расправу над неугодными советской власти людьми.

В 30-е годы многие коммунисты Турова, послушно исполнявшие роль вершителей судеб, сами угодили под каток репрессий. Чистки, разоблачения, покаяния, исключения и аресты невинных людей надолго парализовали деловую активность, посеяли недоверие и страх. В этом отношении Туров оказался рядовым участником событий, развернувшихся в предвоенное десятилетие в БССР и стране в целом.

К началу 40-х годов в СССР было образовано закрытое агрессивное общество, в котором права личности оказались вторичными по отношению к интересам государства. Несмотря на это, многие туровские евреи, сравнивая перемены, произошедшие в местечке спустя четверть века после революции, искренне верили, что КП(б)Б сделала их счастливыми людьми.

[93] Протокол заседания бюро Полесского ОК КП(б)Б от 25 апреля 1939 г., Там же, д. 52, л. 195.

Разгром еврейской религии

В начале 20-х годов религия еще занимала умы жителей местечка, несмотря на то, что революция и война поколебали духовное равновесие и вызвали общее брожение. Устои общинной жизни вступили в противоречие с кардинальными переменами в стране, потеряли былую привлекательность и нуждались в коренном обновлении.

В Туровском районе действовало шесть синагог, при которых было три раввина и четыре резника.[1] Синагога оставалась местом собраний, молитвы и изучения Торы. Однако большинство еврейских жителей обращались к раввинам в поисках ответов на злобу дня. Природная изоляция Турова налагала дополнительную ответственность на синагогу как оплот традиционного образа жизни. Соседствуя с церковью, синагога способствовала толерантности и гражданскому миру между белорусами и евреями, русскими и поляками. Авторитет традиции нельзя было отменить единовременным декретом. Привлечь на свою сторону синагогу было невозможно не только потому, что это противоречило постулату марксизма о религии как опиуме для народа, но и из-за неприятия самими раввинами большевистского режима.

Определение курса «ликвидаторов»

Власти и верующие понимали несовместимость атеизма и религии, но вынуждены были мириться с существующим положением. Однако это равновесие было очень хрупким. 20 января 1918 г. ВЦИК принял декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществ», которым провозгласил отделение церкви от

---

[1] «Сводка об элементах, враждебных советской власти в Туровском районе (“темные силы деревни”) за 1924 год». Материалы Туровского райкома партии, Государственный архив общественных организаций Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 3952, оп. 1-а, д. 16, л. 39.

государства и школы от церкви.[2] Все имущество религиозных обществ объявлялось народным достоянием. Культовые здания передавались верующим в бессрочное и бесплатное пользование, но считались отныне государственной собственностью. В отношении синагог и еврейских молитвенных домов это было особенно кощунственно, потому что, в отличие от церквей, они были построены исключительно на пожертвования верующих, без какого-либо участия государства. Отправление культа разрешалось религиозным общинам, насчитывавшим не менее 20 чел., имевшим полномочия общественных организаций.

Государство лишило религиозные общины права юридического лица и установило тотальный контроль над жизнью верующих, угрожая суровыми карами в случае неповиновения. В августе 1920 г. Наркомат юстиции разослал исполкомам местных Советов распоряжение о том, что в случае обнаружения «шарлатанства, фальсификаций, направленных на эксплуатацию темноты» необходимо возбуждать судебное преследование. В декабре 1921 г. был принят декрет СНК БССР о церковных ценностях, которые подлежат изъятию в пользу государства.[3]

Всем религиозным общинам любого вероисповедания, насчитывавшим более 50 верующих, было приказано составить в присутствии священнослужителя инвентарную опись в золотых довоенных рублях, в которую входили земля, постройки, детали внутреннего и внешнего украшения молитвенных домов, предметы для совершения обрядов. Лица, виновные в сокрытии имущества, попадали под суд. При этом органам местной власти запрещалось продавать или передавать имущество верующим.[4]

Изъятие ценностей начали с синагог, в ходе которого конфликтов и столкновений с верующими и раввинами не произошло.[5] Еврейская традиция осуждала внешнюю роскошь, и поэтому убранство синагог и молитвенных домов всегда было намного скромнее, чем в церквах и костелах. В Турове это событие прошло и вовсе незамеченным, так как то немногое, что могло привлечь внимание реквизиторов, уже разграбили польские солдаты и повстанцы Булак-Балаховича в 1920 г.

На передний план выдвинулась задача борьбы государства с общественным влиянием религиозных конфессий, чтобы обеспечить «идейно-бытовое перевоспитание огромного человеческого материала». Для этого было необходимо всецело подчинить массы идее социалистического переустройства и освободить от «вредного» влияния религии. Еврейские верующие упрямились, и режим изменил тактику красногвардейского натиска на временную осаду.

---

[2] *Декреты Советской власти*, Москва 1959 г., т. 2, с. 374.

[3] *Наука и религия*, 1992 г., № 1, с. 16.

[4] *О порядке проведения в жизнь декрета* «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Постановление Народного комиссариата юстиции БССР от 18 января 1922 г., Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 750, оп. 1, д. 20, л. 1.

[5] Отчет в Москву секретаря Центрального бюро КП(б)Б Вильгельма Кнорина от 4 мая 1922 г., Там же, ф. 4, оп. 1, д. 410, лл. 12-13.

Религиозная жизнь

Синагоги

В Турове было четыре синагоги: две принадлежали *митнагидскому*[6] направлению, а в двух других молились койдановские и столинские хасиды.[7] Двухэтажная каменная Главная синагога находилась в центре Турова, на Красной площади, в том месте, где в настоящее время разбит городской парк. Вторая синагога, Набережная, была деревянной и стояла на берегу Струмени, третья – Столинская и четвертая – Койдановская располагались на современных улицах Урицкого и Комсомольской.

В заявлении верующих Турова в Мозырский исполнительный окружной комитет осенью 1924 г. разъяснялось, что еврейское молитвенное общество состоит из трех «отделений», каждое из которых принадлежит к особому «толку» (направлению) иудаизма и несовместимо с другими. Сторонники одного не вмешиваются в дела другого. Все религиозные и хозяйственные вопросы решаются внутри каждой из общин в отдельности. Только в исключительных случаях проблему выносят на общее собрание, и тогда принимается точка зрения большинства, если оно составляет не менее пятой части всех верующих Турова.[8]

Члены еврейской общины построили здание каждого молитвенного дома (синагоги) на собственные сбережения и распределили между собой постоянные, закрепленные места для молитвы. Верующие самостоятельно заботились о содержании синагог и своевременном проведении ремонтных работ, а также поддерживали порядок на еврейском кладбище. Община имела право назначать и содержать раввина, резников и погребальное правление. По заведенной традиции неверующие не вмешивались в дела синагоги.

Управление

На общественных началах в синагогах действовал исполнительный орган из трех человек, который ежегодно обновлялся. Казначей отвечал за финансовую часть, староста заведовал хозяйством, а «ученый» член правления разъяснял вопросы веры. Синагога назначала *хазана* (кантора) и *габая* (синагогального старосту).

---

[6] *Митнагиды* (в ашкеназском произношении *миснагдим* - ед. число *митнагед* - букв. «оппоненты», *иврит*) - название, которое приверженцы хасидизма дали его противникам из среды раввинов и руководителей еврейских общин.

[7] *Хасиды* - последователи хасидизма, широкого народного религиозного движения, возникшего в иудаизме в Восточной Европе в XVIII веке во главе с *цадиками* («праведниками, духовными вождями», иврит).

[8] «Об отчуждении молитвенного дома в Турове». Письмо верующих в Мозырский окружком КП(б)Б от 31 сентября 1924 г., Зональный государственный архив (ЗГА) в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 107, л. 39.

Общее собрание выделяло уполномоченных, которые представляли верующих перед местными властями и государственными учреждениями.[9]

Летом 1924 г. Мозырский окружной исполком обязал верующих представить для регистрации Устав религиозного еврейского общества, который на общем собрании прихожан четырех синагог подписали почти 800 верующих старше 18 лет. Уполномоченными Туровского религиозного общества выбрали Меира Абрамовича Чечика и Мовшу Залмановича Кундо, хазаном – Меира Фишмана, а ученым членом правления – Нафтоли Меклина.

К 1927 г. жизнью еврейских верующих руководил исполнительный комитет под председательством Ратнера, секретаря Эттингера и нескольких «домохозяев».[10] В комитет входила раввинская комиссия из пяти представителей от советов четырех синагог. Советы синагог включали двух ростовщиков, подрядчиков-строителей, восемь лавочников и восемь кустарей. Это были авторитетные люди, которые имели влияние на жителей Турова. Всякий раз, когда возникала необходимость решать неотложные вопросы, комитет заставлял с собой считаться. В 1926 г. власти с большим трудом воспрепятствовали легализации его положения и желанию стать полномочным членом местечкового Совета.

Финансирование

Религиозная община имела независимые денежные средства, так как собирала членские взносы, принимала добровольные пожертвования, получала плату за совершение религиозных и погребальных обрядов и пользование *миквой*. В Турове в пользу синагоги от каждой семьи поступало по пять копеек, независимо от ее материального положения и социального статуса. Обычными были сборы на общественные нужды – за слушателей в *ешиботы* (иешивы), на устройство праздничных вечеров, посвященных памятным датам еврейского календаря. При синагогах существовала «коробка», куда за резку одной куры положено было платить 8 коп., за теленка – 50 коп., за снятие шкуры – два рубля. В Столинской синагоге *шхитой* занимались резники Мовша Ошерович Найдич и Янкель Мовша-Бер Шифман, а в Главной синагоге – Хаим-Год Ицкович Вагер, специально обучавшиеся этому ремеслу.

Часть коробочных денег шла на содержание раввинов; в 1925 г. таким путем было собрано 200 руб. Жены раввинов продавали дрожжи и свечи. Когда инспектор евсекции Рахозельский из Мозыря спросил, почему верующие в Турове покупают эти товары в синагоге, а не в кооперативном магазине, то услышал в ответ, что раввинам нужно дать источник существования.[11]

---

[9] «Об отчуждении молитвенного дома в Турове». Письмо верующих в Мозырский окружком КП(б)Б от 31 сентября 1924 г., ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 55, лл. 93-94.

[10] Ратнер и Эттингер характеризовались как «процентники» (ростовщики).

[11] ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 55, л. 165.

Помощь из Америки

Основу финансовой поддержки общины составляли американские пожертвования. Деньги из США поступали на адреса бывших туровских «воротил»[12] – от 300 до 500 долл. в год. Как правило, этому предшествовало обращение раввина к выходцам из Турова, проживавшим в Нью-Йорке, Детройте, Чикаго и Сан-Франциско.

Американская помощь была ощутима не только в Турове. В 1925–1926 гг. в Копаткевичах двадцать семей ежемесячно получали от 20 до 600 руб. (после обмена долларов). За это же время в Житковичи, Лельчицы, Паричи, Калинковичи и Озаричи из США поступило 50 тыс. руб. В 1929 г., по свидетельству заведующего орготделом Мозырского окружного комитета партии Кривошея, материальная помощь из Америки на религиозные цели составила в Турове 700 долл., вокруг которых «путались *клерикалы*[13] и сионисты, искавшие подход к еврейской бедноте, что им время от времени удавалось».[14]

В Турове распределением американских денег занимался бывший руководитель ячейки *Бунда* Розенфельд. На помощь родственников за границей в Турове жили 95 семей.[15] Большая часть средств шла на нужды синагоги, а оставшаяся – на бывших хозяев, затем на «горлопанов», которые любили «бузить». В последнюю очередь наделяли «патентованную» бедноту. Единовременное пособие, выдававшееся от имени синагоги, для разорившегося торговца могло составлять от 15 до 20 руб., а «бедняка» – от 1,5 до 2 руб. Деньги из Америки шли на уход за кладбищем, содержание синагоги или миквы и тому подобные нужды.[16]

Власти стремились присвоить деньги из Америки. В Скрыгалове и Калинковичах синагогальные средства отняли и направили на «культурные» нужды, в Наровле на 300 долл., предназначавшихся для миквы, построили светскую школу.[17]

Соблюдение традиции

В еврейских домах Турова хранили пасхальную посуду, по очереди пекли мацу. Кладовые комнаты были устроены так, чтобы часть крыши открывалась и можно

---

[12] В данном случае речь идет о бывших влиятельных членах общины, имевших до 1917 г. успешное частное предприятие в Турове.

[13] *Клерикалы* - так идеологи ВКП(б) называли деятелей культа или религиозных активистов - организаторов и защитников еврейской традиции.

[14] Из письма В.П. Кривошея в адрес Туровского РК КП(б)Б от 6 апреля 1929 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 2, д. 565, л. 13.

[15] «О состоянии еврейской работы по Туровскому районе на 1 мая 1927 г.». Материалы Мозырского окружкома КП(б)Б, Там же, оп. 1, д. 689, л. 21.

[16] *Бузить* - «скандалить» (*белорус*.).

[17] *Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б за время с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г.*, Мозырь 1925 г., с. 144.

было видеть небо; в течение семи дней *Суккота* там устраивали трапезы, в *Йом-Кипур* взрослые и дети старше тринадцати лет постились. Многие ходили в синагогу, смешанные браки были редкими. Устойчивым обычаем осталось обрезание, которое продолжали делать даже комсомольцы.[18]

Много внимания требовал вопрос о микве, для решения которого существовала отдельная общественная комиссия из верующих. В Турове получил огласку случай в Паричах, где продолжительное время отсутствовала баня, от чего страдало все местечко. Власти предлагали взять деньги на ее строительство из американских пожертвований и частично собрать на месте, но раввин поставил условие – сначала миква, а потом баня. В Копаткевичах, когда средств на микву не хватило, общину обложили хлебным налогом.[19] В Турове председатель райисполкома договорился с комитетом верующих собрать сумму, необходимую для капитального ремонта бани, использовавшейся одновременно как миква.[20]

Верующие согласились с решением Туровского волисполкома, который регламентировал работу общественной бойни. В 1923 г. власти заставили резников дать подписку об отказе от индивидуальной трудовой деятельности. Плата за убой вола составляла три рубля золотом, коровы – два рубля, теленка – 50 копеек. Аренда бойни предоставлялась красноармейцам бесплатно, членам профсоюза за три пуда ржи, всем остальным – за восемь пудов ржи в год.[21]

Благотворительность

Обычай *цдака* был основан на благотворительности. Кооперативные кассы взаимопомощи были организованы плохо,[22] поэтому в некоторых местечках (Лапичи, Паричи) эту обязанность приняли на себя такие общества, как *Гмилус Хэсэд*. При Койдановской синагоге в Турове благотворительная касса выдавала нуждавшимся мелкие кредиты в 50–60 руб. В городах и местечках Белоруссии существовали специальные сборщики взносов от синагоги, на которые содержали дом инвалидов, ночлежку и оплачивали питание больным. В Турове синагога посылала по домам в определенные дни недели женщин просить *hа-недове*. Когда денег не хватало, община призывала добавить по 10–20 коп. Перед Песахом в 1927 г. в Турове в виде

---

[18] Письмо Татьяны Левиной от 20 мая 2002 г. из Хайфы (Израиль), Архив автора.

[19] «О еврейской автономной территории». Резолюции Центрального бюро евсекции при Агитпропе ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1926 г., ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 78.

[20] НАРБ, ф. 4, оп. 10, д. 46, л. 164.

[21] ЗГА в Мозыре, ф. 216, оп. 1, д. 238, лл. 34, 34-об.

[22] Комитет взаимопомощи при местечковом Совете Турова объединял 400 чел., членские взносы вносились нерегулярно, средняя сумма ссуды не превышала 10 руб., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 689, л. 22.

мехирас хомец[23] было собрано 100 руб., в пользу нуждавшихся – 180 руб., на ремонт синагог – 250 руб., а из Америки прислали 300 долл.[24] Для слепого Залмана по прозвищу Дер Блиндер община построила двухкомнатный домик.[25]

По мнению властей, верующим помогали торговцы, которые влияли на бедноту путем выдачи мелких кредитов и скидок на товары; в ряде случаев их считали подлинными руководителями местной жизни. Оказание помощи иногда имело политическую подоплеку: коммунисты или комсомольцы не могли рассчитывать на поддержку синагоги. Главу одной из семей в Калинковичах убили погромщики, и вдова существовала на помощь от общины. Когда ее сын вступил в комсомол и позволил себе критику в адрес синагоги, то назавтра к матери пришли из общины и дали понять, что она должна повлиять на сына, иначе ей придется «кушать речи сына, а не хлеб».[26]

Портрет верующих

Социальный и профессиональный состав

В Турове проживало 460 еврейских семей, или 2207 чел., из которых 790 являлись членами религиозной еврейской общины и представляли почти полностью взрослое работоспособное население местечка.[27] На них падала забота обеспечить средствами существования не только свои семьи, но и других нуждавшихся жителей, детей и стариков.

Самыми уважаемыми считались люди, имевшие отношение к торговле и ремеслу, поскольку они обеспечивали устойчивые связи с множеством крестьянских единоличных хозяйств от НЭПа до сталинских реформ. К «торговцам» относились лавочники, мешочники, коробейники, коммивояжеры и всевозможные посредники – всего 66 чел. «Судовладелец» Лейб Файвелевич Лельчук, молившийся в Койдановской синагоге, имел несколько парусных лодок. Он периодически брал в аренду небольшие озера и пруды, рыбачил сам с сыновьями, а когда не справлялся – звал на помощь крестьян и местечковых жителей. Состав верующих Турова по профессиональному признаку и социальному положению в середине 20-х годов представлен в табл. 1 и 2.

---

23 *Мехирас хомец* - символическая продажа квасного накануне пасхальной недели в соответствии с еврейской традицией.

24 Доклад еврейского уполномоченного по Туровскому району Корпмана о состоянии работы на 1 мая 1927 г., Там же, д. 689, л. 21.

25 Письмо Нафтоли Зарецкого от 10 октября 1999 г. из Кирьят-Шмоны (Израиль), Архив автора.

26 ГАООГО, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 79.

27 *Еврейское население СССР. Движение за время с 1897 по 1923 г. и распределение по республикам и поселениям.* Под ред. З.Л. Миндлина, изд-е ЦК ОРТ, Москва 1927 г., с. 34-35.

Таблица 1
Профессиональный состав верующих евреев в Турове на 1 сентября 1924 г. [28]

Род занятий	Всего, *чел.*	В том числе			
		Главная	**Набережная**	**Койдановская**	**Столинская**
Жестянщики	6	–	2	4	–
Заготовщики	5	4	–	–	1
Извозчики	17	15	2	–	–
Кожевенники	17	3	1	1	12
Кузнецы	20	4	7	4	5
Лесопромышленники	5	–	–	1	4
Меламеды	11	–	–	4	7
Мельники	4	–	–	–	4
Мясники	29	7	16	6	–
Печники	5	3	2	–	–
Портные	30	18	9	1	2
Приказчики	6	–	3	1	2
Раввины	3	–	1	2	–
Резники	4	1	1	1	1
Рыбаки	7	1	3	–	3
Садовники	5	1	3	1	–
Сапожники	44	25	9	10	–
Столяры, плотники	14	4	6	4	–
Сторожа	5	1	2	2	–
Торговцы, лавочники	65	2	12	13	38
Шапочники	8	5	–	1	2
Шорники	3	2	1	–	–
Обладатели редких профессий	34	4	13	6	11
Домохозяйки	339	103	91	56	89
Итого	**686**	**203**	**184**	**118**	**181**

[28] Табл. 1 и 2 составлены по: ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 55, лл. 93-146.

Таблица 2
Социальный состав верующих евреев в Турове на 1 сентября 1924 г.

Род занятий	Всего, *чел.*	В том числе			
		Главная	**Набережная**	**Койдановская**	**Столинская**
Рабочие	5	3	–	–	2
Бедняки (неимущие)	16	1	10	5	–
Служащие	13	5	2	3	3
Лица неопред. занятий	14	–	–	–	14
Безработные	17	4	3	3	7
Иждивенцы, инвалиды	44	21	4	11	8
Итого	**109**	**34**	**19**	**22**	**34**

Из молившихся в туровских синагогах ремесленников наиболее широко были представлены сапожники (44 чел.), портные (30), мясники (29), кузнецы (20), кожевенники и извозчики (по 17). Им уступали столяры и плотники (14), шапочники (8), рыбаки (7), жестянщики (6), печники (5), мельники (4) и шорники (3), спрос на услуги которых был менее устойчивым.

Много верующих было занято на сезонных работах и неквалифицированным трудом. Временными заработками перебивались разорившиеся ремесленники и лавочники, те, кто не имел специальности или поменял профессию, кустари, потерявшие клиентуру или не нашедшие заказов и сырья по приемлемым ценам. Чернорабочих и «бедняков» (не владевших никакой собственностью) среди них было 16 чел., рабочих – пять, лиц неопределенных занятий – 14. Самыми неблагополучными считались иждивенцы, инвалиды (44) и безработные (17 чел.). Часть иждивенцев имела попечителей в лице детей, родных и близких, а наиболее обездоленные существовали за счет благотворительности и подаяния.

В Турове 34 мастера владели девятнадцатью редкими специальностями. Среди них к Главной синагоге принадлежали – красильщик (маляр), маслобойщик, парикмахер и часовой мастер, к Набережной – бондарь, гонтарь,[29] краснодеревщик, переплетчик и фельдшер. В Койдановской синагоге это были кирпичник[30] и меха-

[29] *Гонтарь* - мастер по производству тонких еловых или осиновых дощечек для покрытия крыши (кровли).

[30] *Кирпичник* - производитель кирпича кустарным способом.

ник, а в Столинской – конюх, крупотер,[31] пекарь, письмовод (почтальон), слесарь, стекольщик и ситник.[32]

Еврейская община имела свои «белые воротнички» – доморощенных управленцев в лице приказчиков (6 чел.) и служащих местных органов власти (13), которые занимались организационными вопросами (бухгалтер, писарь, секретарь, счетовод и таможенник).

Пол и возраст

В Туровской, как и большинстве других религиозных общин в республике, мужчин (53,7%) было больше, чем женщин (46,3%), а перечисленными профессиями обладали исключительно мужчины. Женщины чаще всего были заняты домашним хозяйством, рождением и воспитанием детей. В отсутствие мужчин, часто покидавших родные стены в поисках заработка, они брали на свои плечи остальные обязанности. Женщины являлись наиболее ревностными хранительницами традиции и, как правило, к переменам были настроены консервативно. В целом по Турову домохозяйки насчитывали 339 чел., или 42,9% от всех посетителей синагоги. Подобная пропорция почти не менялась в каждой из четырех синагог Турова: Койдановской – 40,3%, Столинской – 42%, Главной – 43,5% и Набережной – 45%. Состав туровских верующих евреев в середине 20-х годов по полу и возрасту представлен в табл. 3 и 4.

Среди верующих выделялись три основные группы, которые объединяли людей наиболее продуктивного возраста: 26–35, 36–45 и 46–55 лет, составлявшие соответственно 21,1, 19,9 и 19,5% от всех молившихся в синагогах. В основном они имели устойчивые занятия и выступали в роли кормильцев. К этим верующим примыкала старшая возрастная группа 56–65 лет (17,8%). Как правило, это были авторитетные лица с богатым жизненным опытом, состоявшиеся как мастера своего дела. Верующие преклонного возраста, 66–75 лет, насчитывали 10% всех верующих евреев, а немощные старики старше 75 лет составляли всего 1,3%.

Десятую часть всех верующих в Турове составляла молодежь от 18 до 25 лет. Однако в Койдановской и Столинской синагогах молодые люди насчитывали 6,5 и 7,6%, а в Главной и Набережной соответственно – 15 и 20,8%. Все они родились до революции и получили традиционное воспитание. Пример родителей и дедов, не представлявших себя вне общины, должен был обеспечить ориентиры на будущую жизнь. При этом именно молодежь оказалась подвержена стреми-

[31] *Крупотёр* - специалист по изготовлению крупы из зерен.

[32] *Ситник* - пекарь, выпекавший хлеб повышенного качества из просеянной через сито пшеничной муки.

тельным переменам в политической и культурной жизни, которые были вызваны революцией и войной. Она стояла перед трудным выбором жизненного пути в условиях советской власти.

Таблица 3
Состав верующих евреев Турова по возрасту на 1 сентября 1924 г.[33]

Возраст, *лет*	**Всего**		**В том числе,** *чел.*			
	чел.	*%*	**Главная**	**Набережная**	**Койдановская**	**Столинская**
18–25	83	10,5	36	22	9	16
26–35	167	21,1	51	42	17	57
36–45	157	19,9	61	30	28	38
46–55	154	19,5	42	48	23	41
56-65	141	17,8	30	35	36	37
66–75	78	9,9	12	24	20	22
75 +	10	1,3	5	1	6	1
Всех возрастов	**790**	**100**	**237**	**202**	**139**	**212**

Таблица 4
Состав верующих евреев Турова по полу на 1 сентября 1924 г.

Пол	**Всего**		**В том числе,** *чел.*			
	чел.	*%*	**Главная**	**Набережная**	**Койдановская**	**Столинская**
Мужчины	424	53,7	123	108	80	113
Женщины	366	46,3	114	94	59	99
Всех верующих	**790**	**100**	**237**	**202**	**139**	**212**

[33] Табл. 3 и 4 составлены по: ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 55, лл. 93-146.

Имущественный ценз

Еврейские верующие в Турове сохранили следы былого имущественного неравенства. Каждую из четырех синагог посещали люди, которые наследовали членство в общине – от отца к сыну. Это было связано не только с традиционным противостоянием *миснагидов* и *хасидов*, но и своеобразным имущественным цензом. В Столинской синагоге Турова молились 39 торговцев и лавочников, два приказчика, лесопромышленник, лесоторговец и судовладелец. Там не было людей неимущих, чернорабочих, печников, мясников, жестянщиков, извозчиков, садовников, сапожников, сторожей или шорников. Несмотря на то, что они использовали труд наемных работников, масштабы хозяйственной инициативы были ограничены нехваткой оборотных средств и запретами властей.

Благодетелями среди верующих в Турове считались Борух Янкелевич Фельдман (Койдановская синагога), Ошер Эльевич Дроздинский, Арон Абрамович Кац, Янкель Овсеевич Марголин и Носон Залманович Брегман (Столинская синагога). Их состояние было сильно подорвано войной и революцией, однако репутация уважаемых людей, жертвовавших на нужды общины, осталась.

Главную синагогу называли часто «пролетарской». Ее посещали рабочие и кустари-ремесленники – три печника, четыре столяра, четыре кузнеца, семь мясников, 15 извозчиков, 18 портных, 25 сапожников и т. д. Набережная и Койдановская синагоги считались смешанными. В них молились соответственно: жестянщики – два и четыре чел., кузнецы – семь и четыре, мясники – 16 и шесть, портные – девять и один, сапожники – девять и десять, плотники – шесть и четыре, торговцы – 12 и 13 чел. К Набережной синагоге относились десять «бедняков», а к Койдановской – пять чернорабочих и три безработных.[34]

Борьба с религией

Идеологическое противостояние

Оценки влияния синагоги на жизнь туровцев в середине 20-х годов были противоречивыми. С одной стороны, сохранились свидетельства о том, что оно ослабло и трудящиеся относились к раввинам недоброжелательно, смотрели как на «ничтожества» и отживших «фанатиков».[35] С другой стороны, «отрава» иудаизма не была искоренена, молодежь посещала синагоги и молитвенные дома вместо

[34] Подсчитано по: *Список верующих четырех синагог в Турове по состоянию на сентябрь 1924 г.*, ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 55, лл. 93-146.

[35] «О политических настроениях еврейского населения в Турове к лету 1926 г.». Материалы Мозырского ОК КП(б)Б, ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 16, лл. 76-78.

вечеров, организованных комсомольцами. *Религиозники* «охотились за душами» детей и молодежи в пионерских организациях и хедерах.[36]

В 1926–1927 гг. ЦК КП(б)Б отмечал значительный рост «клерикалов», расширение сети хедеров и иешив, рост числа прихожан в синагоге, интерес к выступлениям *магидов* (проповедников), благотворительную деятельность филантропических организаций и наличие большой массы деклассированной бедноты, остававшейся под влиянием религии.[37]

Религиозные общины существовали почти во всех городах и местечках с еврейским населением. Деятели культа, по мнению коммунистов, пытались объединить противников режима, включая сионистов и бундовцев. Синагога считалась единственной легальной формой активности, которая позволяла верующим выйти на общественную арену. К еврейской традиции уважительно относилась часть интеллигенции (адвокаты, экономисты, педагоги, медики, инженеры), не признавшая советскую власть. Коммунисты видели в ней агентуру крупной международной еврейской буржуазии, которая искала «смычки» со своими сторонниками в СССР.

Партийные идеологи призывали опираться не только на естественно-научную пропаганду, разъяснять роль и сущность религии на лекциях, в кружках и беседах, но и изолировать колеблющиеся слои населения от клерикального влияния, чтобы в конечном итоге «подавить, деморализовать, взорвать изнутри».[38]

Антирелигиозная работа в Туровском районе имела свои особенности. Здесь проходила государственная граница с Польшей. Недалеко находился Коростеньский округ Украины, имевший репутацию «оплота» еврейского клерикализма. «Гнезда» еврейского ортодоксального движения существовали в Калинковичах и Петрикове. Власти беспокоило укрепление нэпманов и кулаков в местечке, которые «маскировались» под кустарей и «остатки» распавшихся сионистских групп, ожидавших возможности легализовать свою работу. Все это усугубляла экономическая отсталость местечек, которая особенно была заметна в Копаткевичах и Озаричах.

Весной 1927 г. еврейское бюро при Мозырском окружном комитете КП(б)Б требовало активнее привлекать местечко к советскому строительству, на выборах руководителей обществ кустарей – обеспечить подбор кандидатур в руководящий состав, работу комитета взаимопомощи и ссудосберегательных товариществ сделать центром оказания поддержки беднейшим слоям местечка. К раввину следовало относиться как к покровителю кулачества, а не как к религиозному авторитету, общинному лидеру в местечке и создавать атмосферу нетерпимости

[36] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 2181, л. 62.

[37] На это время пришелся пик активности подпольной организации любавичских хасидов под руководством шестого Любавичского ребе Йосефа-Ицхака Шнеерсона (1880-1950 гг.), летом 1927 г. он был арестован и приговорен к смертной казни, которую вскоре заменили ссылкой сначала на север на 10 лет, а затем в Кострому на три года, но в итоге позволили выехать за пределы СССР.

[38] *Материалы и выводы о еврейском клерикализме, 1926-1927 гг.*, НАРБ, ф. 4-п, оп. 10, д. 46, лл. 131-132.

вокруг синагоги. Совету Турова запретили вступать с верующими в переговоры по общественным вопросам, сдавать в аренду бани и скотобойни, рекомендовали не собирать коробку, не продавать дрожжи, свечи, керосин и следить за повышением цен на эти предметы со стороны раввинов.[39]

Особые нарекания вызывали магиды, которые в течение одной зимы посещали Мозырский округ от пяти до шести раз. Сенсацию вызывало появление «старцев-чудотворцев» (*а-гутер ид*), к которым шли за советом много верст. В Турове получил огласку случай, когда в Глуске Бобруйского округа приезд «святого старца» сорвал перевыборы Совета и работу школы-передвижки. В местечки приходили странствующие хазаны, которые называли себя принадлежащими к «трудовым коллективам канторов». Появление магидов и хазанов превращало синагоги в своего рода клубы, где собираются «толпы», и это влияло и на «отсталых трудящихся». Заезжие проповедники неизбежно касались вопросов национальной политики партии, отношения к оппозиции ВКП(б) и т. д. Их выступления часто имели иносказательную, аллегорическую форму, но слушатели живо воспринимали услышанное.

Местные власти обязывали магидов предъявлять тезисы выступления перед аудиторией, однако это мало помогало. Совещание по работе среди национальных меньшинств при *агитпропе* Гомельского горкома 10 марта 1926 г. обвинило магидов в контрреволюции и просило губернский отдел культурно-просветительной работы проверять у магидов разрешение проповедовать.[40] Партийные комитеты требовали противодействовать магидам, не отказываясь от применения к ним репрессивных мер как к антисоветским подстрекателям.[41]

В 1927 г. в Турове «гастролировал» Пейсахович, слушать которого «сбегалось» все еврейское население, включая молодежь и даже некоторых комсомольцев. Он пробыл в местечке неделю и ежедневно собирал «массу народу», несмотря на платный вход. Тематика лекций Пейсаховича отвечала запросам слушателей: «Религия против капитала», «Божество», «Тора и социализм», «Тора и новый быт», «Палестина», «Женщина и гигиена» и др.

Учитывая настроение аудитории, Пейсахович сначала отмечал заслуги советской власти, а потом рассуждал, что Тора – это лучшее марксистское издание. Она учит, что придет время, когда «мечи перекуют на орала», все будут равны – сильный и слабый (лев и овца). Большевики при царском строе собирались в «темных норах», так и нужно поступать, если необходимо в условиях преследования властей обучать ребенка Торе. Как можно говорить о новом быте, если евреи живут в изгнании, отсутствуют хедеры и иешивы для подготовки наставников? Нельзя запрещать хедеры, потому что в Конституции не сказано, что отцу запрещено обучать сына

[39] «Меры по борьбе с клерикализмом». Отчет еврейского бюро Мозырского окружкома с 15 марта 1926 г. по 15 апреля 1927 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 685, л. 50.

[40] Постановление нацменсовещания при агитпропе Гомельского горкома от 10 марта 1926 г., Там же, оп. 4, д. 352, л. 46.

[41] Там же, л. 51.

Торе. Землеустройство евреев – большое достижение советской власти, но еще лучше иметь собственное отечество. Пейсахович приводил историю с «богачом» Кейрахом, которого земля поглотила по воле Б-га, как пример того, что Всевышний поднял еврейский народ против капитала. Затрагивая тему гигиены женщины, он объяснял смысл и пользу соблюдения еврейских законов семейной чистоты («тайрес hа-мишпохо», *иврит*). Из этого следовал вывод о том, что необходимо верить в Б-га как олицетворение скрытой силы, которая руководит людьми, и что только верующие способны построить справедливое будущее.[42]

Атеистическая работа

Контроль над верующими в Турове был возложен на пограничников. В декабре 1924 г. начальник погранотряда № 16 Андерсон сообщал, что в местечке не велось антирелигиозной пропаганды и культурной работы, вследствие чего половина из 65 рабочих оставались религиозными. Пограничники просили Туровский райком партии обратить на это внимание и сообщить о плане мероприятий.[43] Однако через полтора года ситуация мало изменилась. В марте 1926 г. новый начальник погранотряда Сенкевич сообщал особому отделу ГПУ в Житковичах, что в Турове большинство рабочих на паровом заводе остаются религиозными, регулярно посещают синагоги и отправляют традиционные обряды.[44]

Еврейское бюро при Мозырском окружном комитете КП(б)Б выработало рекомендации по проведению антирелигиозной кампании к праздникам Рош hа-Шана и Йом-Кипур. Кампания должна была разъяснить, что сохранение старых нравов и законов усилит духовное рабство, укрепит клерикализм, раввинов, резников и других «паразитов духовного звания». Максимум внимания предлагалось уделить женам рабочих как наиболее отсталому «элементу». Активное участие в антирелигиозной кампании обязаны были принять евреи коммунисты и комсомольцы, учителя и другие работники культуры. В ходе антирелигиозной кампании было проведено три беседы против еврейской Пасхи, против православной Пасхи – две и праздника Троицы – одна.[45] При этом констатировалось, что в борьбе с клерикализмом и сионистскими организациями «взаимопонимание с ГПУ и окружным судом было полным».[46]

Вместе с тем атеистическая пропаганда проводилась вяло, оживляясь только перед религиозными праздниками. Коммунисты считали, что снижение наступательного уровня в антирелигиозной борьбе нанесло большой ущерб идеологиче-

---

[42] «Туров. Некоторые моменты клерикальной работы». *Евсекция, докладные записки и другие материалы по борьбе с клерикализмом, сионизмом и пр., 1925-1927 гг.*, НАРБ, ф. 4, оп. 10, д. 46, л. 164.

[43] ГАООГО, ф. 3992, оп. 1-а, д. 4, л. 146.

[44] Там же, ф. 499, оп. 1, д. 19, л. 123.

[45] Там же, ф. 3952, оп. 1-а, д. 2, л. 32.

[46] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 1578, л. 35.

ской работе, тогда как в «противоположном лагере», наоборот, это противостояние усилилось.[47]

Наиболее беспокойным временем были традиционные праздники, когда «классовый враг» в лице синагоги использовал религию для вредительства социалистическому строительству. Осенние еврейские праздники, как правило, выпадали на период уборки урожая и сдачи его государству, проведение озимого сева и других важнейших сельскохозяйственных кампаний. Отдел агитации и пропаганды ЦК Компартии Белоруссии требовал развернуть массовую работу по разоблачению содержания Рош hа-Шана, Йом-Кипур как переклички советских клерикалов с «черносотенными фашистами» за пределами страны для подготовки интервенции против Советского Союза.

По всей республике на предприятиях, в артелях, колхозах и совхозах, МТС проводились беседы и читались доклады на темы «Контрреволюционная сущность осенних религиозных еврейских праздников», «Национальная враждебность и религия», «Религия и фашизм», проходили интернациональные вечера евреев совместно с представителями других национальностей. Общие собрания евреев и белорусов принимали резолюции о выходе на работу всем коллективом без исключения во время религиозных праздников.

В 1925–1928 гг. в учебных и детских учреждениях проводились антирелигиозные вечера и утренники для еврейских и белорусских детей, созывались женские беспартийные конференции и субботники, было объявлено соревнование за коммунистическое отношение к работе, подписка на антирелигиозное периодическое издание *Дер Эпикейрэс*.[48] В канун осенних еврейских праздников 1928 г. в Турове для атеистической работы привлекали профсоюзные, кооперативные и общественные организации, проводили демонстрации и митинги с раздачей бесплатных угощений на Йом-Кипур.[49]

Такое массированное воздействие не прошло без следа. Часть молодых людей, не видя перспективы, отошла от религии. В Турове бурно обсуждали известие о том, что дочь резника Мордуха Фридмана – Хана, 17 лет, отказалась от семьи. В заявлении, поданном в райком комсомола в октябре 1928 г., девушка писала, что социальное происхождение является преградой на жизненном пути, и в доме родителей она не может получить воспитание, которое необходимо молодому поколению. На этом основании Хана просила послать ее в Биробиджан, чтобы она могла приблизиться к пролетарской семье советских народов.[50]

---

[47] «Выводы Центрального бюро евсекции при Агитпропе ЦК ВКП(б), сделанные 4 сентября 1926 г.», Там же, д. 2181, л. 62.

[48] «О мерах по борьбе с религиозными праздниками», сентябрь 1933 г., НАРБ, ф. 261, оп. 1, д. 20, л. 24.

[49] «О проведении антирелигиозной демонстрации 14 октября 1929 г.», Протокол заседания бюро Туровской ячейки КП(б)Б от 12 сентября 1929 г., ГАООГО, ф. 2728, оп. 1, д. 16, л. 27.

[50] Заявление Ханы Фридман из Ельска от 6 октября 1928 г., Там же, ф. 69, оп. 1, д. 893, л. 16.

Союз воинствующих безбожников

Расширение атеизма сопровождалось новыми ограничениями для верующих. Лекции, беседы, обсуждения в синагоге разрешались только на библейские темы, любые высказывания о событиях в стране расценивались как вмешательство в государственные дела, а критические замечания – как антисоветские выпады. В 1924 г. Наркомат юстиции БССР передал контроль за религиозной пропагандой милиции.

В апреле 1925 г. по всей стране была создана массовая антирелигиозная организация – «Союз безбожников» (СБ) под председательством Емельяна Ярославского.[51] В Белоруссии СБ был организационно оформлен в феврале 1926 г., хотя на местах низовые ячейки появились гораздо раньше.[52]

В Турове «Общество безбожников» организовали в июле 1925 г. В списке желающих оказалось 28 чел., в том числе два еврея – Лазарь Меклин и Борис Хвоинский.[53] В августе в члены районного общества друзей газеты *Безбожник* при Туровском народном доме записалось уже 40 чел., среди которых евреи составили девять человек (22,5%).[54] Члены Общества оборудовали в библиотеке тематический антирелигиозный уголок, выделили ответственных за проведение разъяснительной работы среди крестьян, кустарей, рабочих, учителей и женщин. Одновременно в Турове заработали кружки: антирелигиозный, естествознания, корреспондентов и драматический.[55]

Задачи антирелигиозной борьбы были сформулированы в Тезисах совещания по агитации и пропаганде при ЦК Компартии Белоруссии в августе 1927 г. Вести атеистическую работу предлагалось «умно»: начинать не с выпадов и осмеивания обрядов, а с внедрения знаний общественных и естественных наук. Предлагалось придавать пропаганде конкретный характер, не выступать против религии «вообще» и не давать повода какой-то отдельной национальности говорить, что большевики преследуют людей за веру.[56]

Совещание признало необходимым укрепить «Союз безбожников». Окружным и районным комитетам партии было поручено организовать семинары при Комвузе и педагогических техникумах. Народный комиссариат просвещения усилил ан-

---

[51] Емельян Ярославский (Миней Израилевич Губельман; 1878-1943 гг.) - академик (1939), секретарь Центральной Контрольной комиссии при ЦК ВКП(б), активный борец с религией.

[52] В этом же году были образованы районные и окружные советы «Союза безбожников», НАРБ, ф. 4-п, оп. 7, д. 80, л. 11.

[53] ГАООГО, ф. 3952, оп. 1-а, д. 7, л. 2.

[54] Иосиф Рубинчик (27 лет, слесарь), Борис Хвоинский (24, столяр), Иосиф Хавин (26), Самуил Липман (22, сапожник), Исаак Пильщик (35, маляр), Рая Лайхтман (18), Гирш Лайхтман (17), Бина Рубинчик (20) и Эстер Швец (19), Там же, л. 3.

[55] ГАООГО, ф. 2736, оп. 1, д. 7, лл. 2-3, 12, 15-16.

[56] *Перед крутым поворотом.* Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925-1928 гг.). Отражение времени в архивных документах. Под ред. Р.П. Платонова, Минск 2001 г., с. 252, 264.

тирелигиозную пропаганду в учебных заведениях. ЦК КП(б)Б обязал наркоматы здравоохранения и земледелия «внедрять новый быт».

Разъяснительную работу с населением партийные органы сосредоточили в газетах *Зьвязда* на белорусском языке, *Октябр* на идиш, *Орка* («Соха») на польском и *Латвешу Зимнекс* («Латвийский хлебороб») на латышском языке. Редакция газеты *Беларуская вёска* начала издавать массовое антирелигиозное приложение, а газета *Рабочий* – журнал *Безбожник у станка* по сниженным ценам. Минская и Гомельская радиостанции подготовили цикл антирелигиозных передач (рассказы, частушки, музыкальные номера). Белорусское государственное издательство включило в план выпуска массовую антирелигиозную литературу на белорусском, идиш, польском и литовском языках.

Была изменена тактика проведения массовых диспутов. Поскольку при недостаточной подготовке они не достигали своей цели, а расширяли возможности сторонников религии возражать властям, диспутов было рекомендовано избегать или тщательно их готовить.[57]

В помощь «Союзу безбожников» была мобилизована большая группа авторов, которая в сжатые сроки подготовила учебную и популярную литературу, отражавшую партийную точку зрения на борьбу с религией как народным дурманом. В 1930 г. в Минске на складе акционерного издательства общества «Безбожник» выдавали следующую литературу: Шейнман *О раввинах и синагогах*, Копиевский *Антирелигиозный юмор*, Новиков *Как наука разрушает веру в душу*, Амосов *За безбожную детвору*, сборник пьес и политической буффонады Киршница, *Контрреволюционная работа раввинов* (на идиш), хрестоматия *Антирелигиозное воспитание в школе*, Рейснер *Классовые основы религии*, Атрощенко *Безбожный посев* и др.[58] Темами для антирелигиозных докладов и лекций в республике стали: «Существуют ли в СССР гонения на религию?», «Почему религия защищает частную собственность?», «Религиозники в борьбе за молодежь», «Как относится религия к женщине?», «Церковь и фашизм», «Учит ли добру религия?»[59]

С июня 1929 г. организация изменила свое название на «Союз воинствующих безбожников» (СВБ), что должно было подчеркнуть усиление натиска на верующих. По всей республике были объявлены соревнования по антирелигиозной работе. В октябре 1930 г. окружные советы СВБ Гомеля и Бобруйска подписали договор по атеистической пропаганде. Они обязались в течение года увеличить количество своих членов на 100% и набрать 30 тыс. чел., организовать антирелигиозные ячейки при колхозах, совхозах, на предприятиях и учреждениях, группы юных безбожников в школах и техникумах, подписаться на газету *Безбожник* (1250 экз.), журналы *Безбожник* (500 экз.) и *Антирелигиозник* (125 экз.), собрать средства для тракторной колонны «Воинственный безбожник», изучать религиозные движения в округах.[60]

[57] НАРБ, ф. 4-п, оп. 7, д. 151, лл. 68-86.
[58] Там же, ф. 261, оп. 1, д. 2, лл. 17, 84.
[59] Там же, л. 147.
[60] ГАООГО, ф. 265, оп. 1-а, д. 1, лл. 24-24-об.

При содействии властей Союз стремительно рос: если в 1926 г. в его первичных организациях по республике насчитывалось 4,5 тыс. членов, в 1929 – 50 тыс.,[61] то в 1932 – 217 тыс., из которых 102 тыс. составляли «юные безбожники» – пионеры и октябрята. Всего по СССР входили в СВБ 5 млн чел.[62]

Религиозной традиции противопоставлялась советская обрядность, новорожденным придумывали новые имена, связанные с революционными праздниками, событиями, международными организациями и политическими деятелями: *Бебилина*[63], *Владлен* (Владимир Ленин), *Велимир* (Владимир Ленин и мировая революция), *Гертруда* (герой труда), *Иволен* (инициатива, воля и энергия), *Интерна* (Интернационал), *Искра, Искремас* (искусство революции – массам), *Кацета*[64], Ким (Коммунистический Интернационал молодежи), *Лагшиварг* (лагерь Шмидта[65] в Арктике), *Красарм* (Красная Армия), *Леомар* (Ленин – оружие марксизма), *Марксина*, *Марэн* (Маркс и Энгельс), *Марлен* (Маркс и Ленин), *Мюда* (Международный юношеский день), *Нинель*[66], *Пятвчет* (пятилетку в четыре года), *Ревдет* (дитя революции), *Ревмира* (мировая революция), *Рената* (революция, наука и труд), *Рэм* (революция, электрификация и мир), *Сталина* (Сталин), *Стив* (Сталин Иосиф Виссарионович), *Эдиль* (Это девочка имени Ленина) и др.[67] Вместо крещения и венчания в церкви, хупы в синагоге проводили *октябрины* и *красные свадьбы* в присутствии советского начальства с пением революционных песен. Замеченные в нарушении революционных обрядов могли быть исключены из комсомола и партии.

Сопротивление верующих

Нажим на верующих рождал обратную реакцию. Синагоги служили местом обсуждения выдвинутых кандидатов в Советы, религиозные деятели обещали беднякам устройство на работу, помощь на праздники, снабжение дровами (очень актуальный вопрос в местечке). Руководители общин давали деньги в кредит на более выгодных условиях, чем в ссудосберегательных кассах. В Любани раввин и резник заплатили налог, возложенный на бедного *фурмана* (извозчика), в Жлобине –

---

[61] *У дапамогу партвучобе*, Мінск 1929 г., № 8-9, с. 87.

[62] Т.С. Протько, *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси, 1917-1941 гг.*, Минск 2002 г., с. 286.

[63] Август Бебель (1840-1913 гг.) - руководитель II Интернационала, борец против милитаризма, поборник эмансипации женщин.

[64] Клара Цеткин (1857-1933 гг.) - деятель германского и международного рабочего движения.

[65] Отто Юльевич Шмидт (1891-1956 гг.) - один из организаторов освоения Северного морского пути, академик (1935), вице-президент Академии наук СССР (1939-1942).

[66] *Нинель* читается как «Ленин» справа налево.

[67] А.В. Суперанская, *Имя через века и страны*, Москва 1990 г., с. 67; Израиль Малер, Пинхас Гиль, *Краткий словарь еврейских имен*, Иерусалим 1985 г., с. 9.

за постройку новой крыши, сорванной с дома вдовы во время бури после того, как местные советские органы проигнорировали это несчастье. В Паричах *хевра кадиша*[68] хоронила усопших за символическую плату.

В Бобруйске, Глуске и Рогачеве партийные органы отмечали, что синагога активно воздействует на молодежь. В дни еврейских праздников молодые люди участвовали в обрядах, одевались нарядно, ставили хупу, рабочие допускали обрезание своим детям под предлогом гигиены. Хазаны и магиды, по мнению чиновников, исполняли запрещенные песни шовинистического содержания (Туров, Любань, Старые Дороги). Они обсуждали советскую действительность, заявляли, что восьмичасовый рабочий день нужен для того, чтобы на девятом часу можно было пойти молиться Б-гу. Были отмечены случаи молитв за правильную национальную политику, утверждалось, что благодаря этому Москва и Ленинград стали центрами иудаизма.[69]

В Турове, Лельчицах, Копаткевичах и Озаричах существовал *Бикур хейлим*,[70] представители которого собирали по домам средства для больных и инвалидов. Многие говорили, что эта помощь спасала от голода. Раввин и габай созывали собрания синагоги одновременно с политзанятиями кружка кустарей, что приводило к срыву последних. Когда исполкомы Советов местечек из санитарных соображений постановили забивать скот на бойне, а не по домам, кустари выступили в защиту резников и мясников, потребовав отменить это решение.[71]

Противостояние антирелигиозному нажиму граничило порой с нарушением законодательства. В декабре 1928 г. райисполком Турова отмечал, что подрядчик Чечик самовольно передал на ремонт синагоги 13 бочек цемента, которые предназначались для бетонного пола скотобойни. Дело Чечика поступило в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности.[72]

Закрытие синагог

Экономические и политические меры противодействия религии не дали результата. Верующие не собирались отказываться от синагоги. Тогда для усиления давления на них власти резко ограничили полномочия общин. В апреле 1929 г. ЦИК и СНК СССР постановлением «О религиозных объединениях» запретили

---

[68] *Хевра кадиша* (иврит) - погребальное братство, добровольное объединение верующих при синагоге, хоронившее усопших евреев в соответствии с требованиями традиции.

[69] НАРБ, ф. 4-п. оп. 10, д. 46, лл. 193-195.

[70] *Бикур хейлим* - букв. «посещение больных» (*идиш*), добровольное объединение верующих по оказанию помощи больным и выздоравливающим за счет общины.

[71] Письмо инструктора еврейского бюро Мозырского окружкома Ляндриса от 25 мая 1928 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 685, л. 62.

[72] Там же, ф. 2736, оп. 1, д. 5, л. 3.

при синагогах кассы взаимопомощи, кооперативы, использование имущества молитвенных обществ в целях, не связанных с отправлением традиции, сбор *цдаки*, проведение детских, юношеских, женских молитвенных собраний, как и любых других. Религиозные общины лишили права организовывать экскурсии, оказывать медицинскую помощь, заниматься благотворительностью и т. д.[73]

Следующим шагом стало закрытие синагог, которое планировалось в русле общей атеистической политики. Власти пугало, что синагоги служат не только религиозным, но и социальным институтом в жизни общины. Центральная Комиссия по отделению церкви от государства ЦИК БССР начала сбор подписей нерелигиозной части населения с требованием закрыть молитвенные здания. Предлогом для экспроприации служили жилищный кризис, нехватка помещений для культурно-просветительной работы, учебных заведений, хозяйственных нужд и т. д. Общие собрания неверующих, используя численное превосходство, просили местные Советы передать культовые здания под клуб, школу, библиотеку, склад, кооператив или предприятие. В отсутствие необходимого количества подписей просьба отклонялась до следующего раза. Помещения синагог и молитвенных домов сносили или использовали не по назначению, не ремонтировали, в результате чего они ветшали и разрушались.

К началу 30-х годов в республике оставалось значительное количество объединений верующих, наиболее крупные из них составляли православные, иудеи, католики и протестанты. Общая картина соотношения религиозных конфессий, действовавших на территории Белорусской ССР, показано в табл. 5 (см. с. 534).

Наибольшее количество молитвенных зданий принадлежало православным верующим, которые до 1917 г. представляли государственную религию. За ними шли синагоги, а третье и четвертое места делили между собой католики и сектанты (в основном, баптисты и раскольники-староверы). В Мозырском округе к началу 30-х годов в пользовании 99 общин всех религиозных культов сохранились 133 церкви, костела и синагоги, или 7,6% от всех молитвенных помещений в республике. В распоряжении 22 иудейских обществ оставалось еще почти 20 синагог и молитвенных домов. Однако большинство верующих уже были вынуждены отдавать предпочтение *миньянам* в частных домах.

Вторая пятилетка развития народного хозяйства СССР (1932–1936) была объявлена «безбожной» и направлена на полное искоренение религии. На 1932 г. планировалось закрытие иешив и духовных семинарий по подготовке священнослужителей, на 1933 г. – ликвидация монастырей, отказ от обрядности, запрет религиозной литературы, на 1934 г. – депортация служителей культа, на 1935 г. – перестройка молитвенных зданий для нужд культуры и образования, на 1936–1937 гг. – закрепление достигнутой победы атеизма.[74]

---

[73] *Бюллетень СНК БССР*, Минск 1930 г., № 5, с. 7.

[74] Протько, *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси,* с. 297.

Таблица 5
Религиозные объединения в БССР на 1 января 1930 г.[75]

Округ	Всего общин	В том числе				Здания в пользовании общин
		православные	католические	иудейские	сектанты ЕХБ и др.	
Бобруйский	267	143	18	99	7	284
Витебский	238	126	8	77	27	157
Гомельский	216	151	8	41	16	216
Минский	249	129	29	89	2	249
Могилевский	327	192	19	99	17	327
Мозырский	99	67	4	22	6	133
Оршанский	203	115	10	72	6	186
Полоцкий	157	90	15	48	4	195
Итого	**1756**	**1013**	**111**	**547**	**85**	**1747**

В Турове закрыть синагогу попытались осенью 1929 г. Начать было решено с купеческой Койдановской синагоги, составлявшей гордость верующих, – второй по величине в Мозырском округе после синагоги в Мозыре. 17 октября 1929 г. Центральная Комиссия по отделению церкви от государства в составе Кроля (НКВД), Беговина (Наркомюст) и Гирко (Наркомпрос) постановила расторгнуть договор на содержание синагоги, а ее помещение передать под культурно-просветительное учреждение.[76]

Предлогом для закрытия послужило обвинение верующих, которые на молитвенных собраниях якобы позволяли себе недопустимые высказывания, не связанные с религиозными обрядами, разжигали национальную вражду, читали контрабандно доставленные иностранные печатные издания и т. д. На этом основании Центральная Комиссия попыталась утвердить решение о закрытии синагоги и роспуске еврейской общины в Турове.

Это вызвало настоящую бурю возмущения. От синагоги была выдвинута группа «ходоков», которая посетила сначала Мозырь, а потом Минск. Верующие

[75] Составлено по: НАРБ, ф. 261, оп. 1, д. 13, л. 5.
[76] НАРБ, ф. 750, оп. 1, д. 567, л. 27.

заявляли, что они лояльные граждане, политикой не занимаются, проводят свои мероприятия только в рамках еврейской общины, не привлекая учащуюся молодежь. Протест верующих был настолько значительным, что закрытие синагоги в Турове отложили. Центральная Комиссия ЦИК 17 декабря 1929 г. постановила временно воздержаться от такого шага до представления Мозырской окружной комиссией дополнительного материала, затребованного от Туровского райисполкома. Однако закрыли синагогу в поселке Тапежи Туровского района.[77] Подобная судьба постигла синагоги Мозырского округа – в Лельчицах, Наровле, Петрикове, Брагине, Калинковичах, Копцевичах, Подобрянке и Хойниках. Только в одном Мозыре с 17 октября по 17 декабря 1929 г. у верующих отняли четыре синагоги: две на улицах Чернобыльская и Кимберовка, синагогу Бер-Лейба и Погребальную.[78]

В целом по республике картина лишения еврейских верующих молитвенных зданий на рубеже 20–30-х годов представлена в табл. 6.

Таблица 6
Количество синагог, изъятых у верующих евреев БССР с 1928 по 1930 г.[79]

Округ	1928 г.	1929 г.	1930 г.	Всего
Бобруйский	3	4	7	14
Витебский	1	7	3	11
Гомельский	1	4	3	8
Минский	3	11	15	29
Могилевский	2	9	14	25
Мозырский	–	3	15	18
Оршанский	2	5	9	16
Полоцкий	3	2	2	7
Итого	**15**	**45**	**68**	**128**

К 1930 г. самое большое количество синагог и молитвенных домов оставалось у верующих Могилевского (18,7%), Бобруйского (16,3%) и Минского (14,3%) округов. 547 иудейских общин, сохранившихся к этому времени в советской части

[77] Там же, л. 29.
[78] Там же, лл. 13, 16, 23, 34.
[79] Составлено по: НАРБ, ф. 261, оп. 1, д. 13, л. 4.

БССР, составляли только половину дореволюционного потенциала *литваков* (белорусского еврейства). За три года после начала кампании ликвидации культовых помещений в восьми округах было закрыто 128 синагог из 704, существовавших до прихода большевиков к власти.[80] Если учесть, что Рижский мирный договор (март 1921 г.) оставил западные районы республики в пределах Польского государства, то доля отнятых у еврейских общин советской Белоруссии молитвенных зданий была очень велика.

Больше всего синагог закрыли в Минском и Могилевском округах. В Мозырском округе не стало 18 синагог, или 14%. Основные изъятия пришлись на 1930 г., когда маховик антирелигиозной кампании был полностью раскручен. Жители местечек, напуганные масштабами коллективизации, выселениями кулаков, преследованиями состоятельных хозяев, лишенцев, активистов синагоги и деятелей культа, не решались энергично протестовать. Особенность еврейской традиции состояла в том, что она позволяла существовать в отсутствии формальной синагоги и давала возможность верующим пожертвовать молитвенным помещением для сохранения общины.

Усиление натиска

С 1930 по 1936 г. все синагоги в Турове закрыли. Помещение Главной синагоги передали под клуб кустарей. Однако потребовалась серьезная перепланировка для общественных мероприятий, и в ее здании устроили зерносклад. Возмущенные верующие заявляли, что Б-г не простит такого святотатства. Затем верхний этаж этой синагоги приспособили под контору районного отделения Союза потребительской кооперации, а нижний – под магазин.[81] Набережная синагога на берегу Струмени во время войны сгорела, уцелело только здание синагоги на ул. Урицкого.[82] Несмотря на это, верующие Турова продолжали собираться в миньянах, а в деревнях Тонеж и Букча Туровского района еще сохранилось по одной синагоге.

Помещения бывших еврейских молитвенных домов в Люденевичах и Житковичах использовали под хлебные склады, хлебопекарню и столярные мастерские, а в Бялево забросили совсем, в Пуховичах – сняли крышу: колхоз обещал перестроить здание под детские ясли, но не нашел средств, и полуразрушенное здание осталось гнить под открытым небом. Верующие для отправления своих нужд шли в Туров. Только здание церкви в Ляховичах использовали под клуб.

Подобная участь постигла верующих окрестных местечек. В Житковичском

[80] НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 443, л. 68.

[81] После войны белорусы разобрали Главную синагогу Турова на кирпичи для печей и дымоходов.

[82] В 1945 г. помещение третьей синагоги на ул. Урицкого приспособили под пекарню, а потом под жилой дом, куда вселился главный врач туровской больницы. См.: Запись беседы с Михаилом Лельчуком 17 августа 2002 г. в Турове, Архив автора.

Загатоўкі кішсыравіны — закінуты ўчастак работы

Кішкі ад забіваемай жывёлы ўстановамі, калгасамі, калгаснікамі і працоўнымі аднаасобнікамі ў большасці не скарыстоўваюцца як належыць.

Загатоўкі кішсыравіны ў нашым раёне ўскладзены на РЗК, загожывёлы і іншыя арганізацыі. Але ніхто не хоча разумець важнасці гэтых загатовак, ніхто не займаўся пытаннем разгортвання растлумачальнай работы сярод насельніцтва.

Згодна абавязковай пастановы Тураўскага РВК ад 1 студзеня 1936 года № 1, райзаг (дырэктар Савін) павінен пабудаваць і абсталяваць у сельсаветах чатыры ўбойныя пляцоўкі. Гэты пункт пастановы не выканан. А дзе ёсць убойныя пляцоўкі, то таксама не працуюць.

У Тураве ёсць бойня, якая лічыцца пад ведамам комгаса, але з прычыны адсутнасці кваліфікаванага мясніка і лупільшчыка фактычна яна ачэйлічына і не працуе. Пры бойні ёсць мяснік для забою жывёлы ФРЫДМАН ХАІМ, лупіць свіней ён можа, а заўсёды кліча свайго брата Фроіма. А калі патрэбна біць жывёлу для рэлігійнага культа, ён кліча мясніка Ватэра. Такім чынам, Фрыдман Хаім ператварае дзяржаўную бойню ў рэлігійны дом. Апрача таго, Фрыдман мае вялікі прыбытак ад продажы кішак рэлігійнага забою (кошару), якія ён прадае па спекулятыўных цэнах.

Працуючы на бойні мясніком, Фрыдман корміць мясам цэлую плойму спекулянтаў — сваіх братоў і сваякоў. На днях ён атрымаў пісьмовае распараджэнне — самому кішак не загатаўляць, а здаваць для загатоўкі спецыяльна пастаўленаму для гэтага чалавеку. Выконваць гэта распараджэнне Фрыдман адмовіўся, ён заявіў:

— Нікому не падпарадкоўваюся. Гаспадар на бойні я, і ніякіх законаў не прызнаю.

Невядома, да якога часу гэты спекулянт будзе „гаспадарыць“ на бойні і да якога часу яго будуць там трымаць?

* * *

Кожнаму вядома, што падлягаемая забою жывёла павінна забівацца абавязкова на дзяржаўнай бойні і мяса клеймiцца ветурачом. Мы не будзем гаварыць аб тым, што на бойні забіваюць жывёлу толькі дзяржаўныя арганізацыі, а ўсе астатнія б'юць дома. Справа не ў гэтым.

На аснове цыркулярнага распараджэння НКЗ СССР за № 27.07, ветурач не мае права клеймiць мяса забітай жывёлы без прадстаўлення разам з мясам кішак, сэлязёнкі і іншых страўнічна-кішэчных органаў. Вось у гэтым-та і ўся справа. Кішкі ад забіваемай на бойні жывёлы зьбірае Фрыдман Хаім, большасць іх гніе, і ён выкідае іх. Але шмат хто забівае дома і вязе да ветурача для клеймення мяса, а кішак не прадстаўляюць. Ветурач Левін клеймiць мяса без кішак, чым парушае распараджэнне НКЗ СССР і пастанову РВК. Ён кожны раз абяцае больш так не рабіць, але абяцанні застаюцца абяцаннямі.

Кіраўнікі ўстаноў і працоўнае насельніцтва павінны памятаць, што кішсыравіна мае велізарнае значэнне ў нашай харчовай прамысловасці і для экспарту. У гэтым павінны прымаць удзел усе гаспадарчыя ўстановы і грамадскія арганізацыі. Выкананне гадавога плана загатоўкі кішсыравіны павінна быць забяспечана ў вызначаны тэрмін.

Пахомаў

Райліт 120. Тир. 2500 м. Тураў, друк. газ. „Ч. Т.“

Репортаж Пахомова «Заготовка животноводческого сырья – заброшенный участок работы»

Чырвоная Тураўшчына, 9 верасня 1936 г.

районе закрыли три синагоги и пять церквей, а раввинов и священников выслали как контрреволюционный элемент. Собственность религиозной общины передали пожарным дружинам, драматическим кружкам, сельсоветам, а частично – в металлолом или расхитили. Но евреи не успокоились, продолжали собираться в миньянах, не требовавших официального разрешения.

Второй секретарь Житковичского РК КП(б)Б Меркуль, давая характеристику состоянию антирелигиозного положения в районе, отмечал, что после закрытия синагог верующие основали два миньяна в частных домах, которые получили названия Богатый и Бедный. Первый находится в той части Житковичей, где раньше жили торговцы. Его постоянно посещают двадцать бывших собственников, дети которых служат в советских учреждениях. Пиня Арчик, Полещук и Борух Пиня до 1917 г. занимались лесным промыслом, а «спекулянт» Шляпинтох устроился в сельпо. Содержит синагогу (миньян) Хая Гренадер – бывшая торговка, получающая доллары из Америки, а ее сыновья раньше торговали и занимались контрабандой. Бедную синагогу (миньян) посещают в основном ремесленники и кустари промышленной артели (15–20 чел.). Наиболее активны сапожники Зарецкий и Старобинский, а инициатором выступает Вольф-Лейб Тепленький, бывший торговец скотом, ставший стекольщиком. Ему помогает клейщик обоев Исаак Танцман, имевший до 1929 г. собственный магазин. Бедный миньян сначала располагался в центре Житковичей в доме бывшего торговца Лельчука, а теперь переведен на окраину местечка в дом Берки Лайхтмана. Берко живет бедно, работает ночным сторожем, а за аренду помещения община платит ему 20 руб. в месяц.

Мацу верующие выпекали сами или получали от родственников из Ленинграда. За это отвечал сторож портняжной артели Сендерович, который как бедняк считался «вне опасности». Мацу употребляли «все евреи», даже те, кто не придерживался традиции. Резник Калман приходил из Люденевичей в Житковичи делать шхиту, в то время как его сын заведовал базой Мозырского окружного Союза потребительской кооперации.[83]

В 30-е годы антирелигиозная борьба проходила на фоне обострения экономических трудностей. Несостоятельность хозяйственных планов власти объясняли происками верующих, отказывавшихся принять политику партии. В апреле 1932 г. *Чырвоная Тураўшчын*а утверждала, что под «маской Пейсаха» зарубежная еврейская буржуазия и раввины контактировали с остатками националистических элементов, чтобы сорвать советскую пятилетку: «эти мракобесы» ослабляли классовую бдительность трудящихся, вредили борьбе за лучшее будущее.[84]

В Турове не стало миквы, бойню передали в ведение отдела коммунального хозяйства; резник Хаим Брегман превратился в трубочиста, а потом маляра. На все

[83] «Состояние антирелигиозной работы в Житковичском районе». Докладная записка второго секретаря Житковичского РК КП(б)Б Меркуля в отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б от 14 мая 1937 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 4, д. 59, лл. 199-200.

[84] *Чырвоная Тураўшчына*, 10 красавіка 1932 г., 14 красавіка 1933 г.

ДВУРУШНІК ЗІЛЬБЕРБРАНД ВЫКЛЮЧАН З ПАРТЫІ І КОМСАМОЛА

Ліквідацыя астаткаў капіталізма і класаў наогул патрабуе ад кожнага рабочага працоўнага, асабліва ад комуніста і комсамольца, яшчэ большага павышэння класавай пільнасці.

Комсамолец-комуніст Зільбербранд працаваў у рабкоме і парторгам у соўгасе „Зорка Захаду" на самай мяжы з фашысцкай Польшчай. Замест таго, каб павышаць класавую пільнасць, і весці рашучую барацьбу з класавымі ворагам і яго агітурай рэлігіозным дурманам, ён згубіў класавую пільнасць зросся з кулакамі, рабінамі і крамнікамі!

Будучы членам Ленінскага комсамола ён адарваўся ад комсамольскага жыцця, і ажаніўся на дачцы быўшага купмана гандляра Кнорыкала, які зараз з'яўляецца „пачотным" чалавекам у сінагозе.

Замест таго, каб парваць усякую сувязь з класава-варожымі элементамі, ён згубіў класавую пільнасць. Калі яго жонка радзіла сына, то ён пайшоў да яе бацькам і трымаўся там, пакуль не зрабілі дзікі рэлігійны абрад-абразанне.

Гэты дзікі рэлігійны абрад—абразанне утвараецца для нацыянальнай розніцы і нацыянальнага абмежавання і накіроўваецца супроць другіх нацый, гэта накіравана супроць пралетарскага інтэрнацыяналізма.

Двурушнік Зільбербранд думаў абмануць партыю і даказаць сваю невінаватасць адсутнасцю пры абразанні.. Для гэтай мэты ён напісаў у райком партыі заяву аб „сваёй невінаватасці". А бацька у гэты час у сінагозе хваставаўся: „глядзіце, які разумны мой зяць, зрабіў абразанне і сам аб гэтым напісаў у райком партыі, так што ён у партыі застаецца".

Двурушніцкі твар Зільбербранда выяўляецца яшчэ больш яскравым, калі мы гэтаму дададзім, што заява ў райком партыі напісана пасля таго, як чуткі і абурэнне па гэтай справе пайшло па мястэчку і па раёну. У заяве Зільбербранд пісаў, што у той дзень, калі зрабілі абразанне ён быў нібы на суботніку. Калі высветлілася, што ён не быў на суботніку, ён потым выдумаў, што працаваў у соўгасе па складанню кантарыса на 1935 год. Але гэта таксама выдумка. На працягу цэлага месяца у хаце бацькоў жонкі Зільбербранда было „не спакойна". Былі розныя гутаркі аб тым, на які дзень лепш, каб з Людзвінавічы Житкавіцкага раёна прыехаў „сотварыцель" абразання (мёэль), аб гэтым ведаў тав. Зільбербанд. Але ў заяве, якую ён падаў у РК КП(б)Б піша, што „я нічога не ведаю, і нічога не знаў". На урачыстым „вечары прысвечаным абразанню сына Зільбербранд падняў тост, разам з усімі „пачотнейшымі" людзьмі сінагогі і быў рад, што хаця і не на восьмой дзень як па „абычаю" то хоць на 45-дзень, а ўсё-ж зрабілі абразанне новараджанаму сыну.

За згубу класавай пільнасці і зрошчвання з класава-чужымі элементамі, за двурушніцтва райком комсамола вынеў Зільбербранда з складу пленума комсамола і выключылі яго з комсамола.

Райкомпартыі выключыў Зільбербранда з радоў партыі і зняў яго з работы.

Рабочыя Соўгаса адабрылі пастанову райкома комсамола і партыі аб выключэнні яго і з радоў комсамола і партыі і абяцаюць, яшчэ больш павысіць сваю класавую пільнасць, яшчэ больш згуртавацца вакол Ленінскага Сталінскай комуністычнай партыі.

Віхнес. Лівшыц.

Репортаж Вихнеса и Лившица
«Двурушник Зильбербранд исключен из партии и комсомола»
Чырвоная Тураўшчына, 27 лютага 1936 г.

просьбы возобновить шхиту он отвечал: «Если сами режете рыбу, то можете делать это и с птицей». Другого резника арестовали и выслали в Архангельскую область. Нелицеприятной критике подвергли мясника Хаима Фридмана, который, по словам районной газеты, превратил место бойни скота в «религиозный дом».[85]

Обряд обрезания фактически запретили. Советских служащих, коммунистов и комсомольцев, нарушивших запрет, наказывали. Председателя туровского рабочего комитета (профсоюза) Зильбербранда исключили из партии и отстранили от должности после того, как он сделал обрезание сыну. В решении Туровского райкома КП(б)Б говорилось, что Зильбербранд потерял политическую бдительность, женившись на дочери бывшего нэпмана, «заядлого клерикала» и «почетного члена синагоги». Молодому отцу вменили в вину, что он не порвал с классово-враждебными «элементами» и согласился на обряд, который ведет к национальной розни.[86]

На снисхождение не могли рассчитывать работники школы. Учительницу Блюму Марголину исключили из комсомола, когда она сделала обрезание своему первенцу. В школе ее оставили только потому, что увольнение грозило срывом учебного года. Н. Фрумана, библиотекаря и групповода Туровской образцовой средней школы, в газетном фельетоне назвали двуногим пауком, более «шкодным», чем обычные шестиногие пауки. Отец Фрумана был меламедом, и сын пошел по следам отца – «активно придерживался еврейской традиции».[87]

К середине 1937 г. верующие для соблюдения традиции искали обходные пути. Они приходили туда, где еще оставались синагоги и молельные дома, уцелели последние раввины, *моэли* и резники. Делать это часто приходилось тайком, чтобы не вызвать нарекания со стороны властей, неодобрительно относившихся к соблюдению традиции, или не подвести своих детей и близких, поступивших на государственную службу или обучавшихся в советских заведениях. Количество синагог и еврейских молитвенных домов в сравнении с христианскими храмами в Мозырском округе (без учета Житковичского района) представлено в табл. 7.

Во второй половине 30-х годов в Мозырском округе сохранилось 153 культовых здания. Из них наибольшее количество оставалось за православными верующими, с которыми режим еще считался после принятия новой Конституции и в преддверии выборов в Верховный Совет БССР 1938 г. На втором месте находились синагоги (22), а на третьем – костелы (9). Однако фактически еврейские верующие располагали только двумя синагогами и девятью молитвенными домами, а остальные были закрыты.

Обе синагоги действовали в Мозыре, а из девяти молитвенных домов округа – шесть находились в Туровском районе. Миньяны были устроены в частных домах, что не требовало официальной регистрации. Власти допускали подобное явление как временный компромисс, чтобы держать ситуацию под контролем.

---

[85] *Чырвоная Тураўшчына*, 9 верасня 1936 г.

[86] Там же, 27 лютага 1936 г.

[87] «Ему в школе не место», *Чырвоная Тураўшчына*, 21 сакавіка 1935 г.

Таблица 7
Количество культовых зданий в Мозырском округе на 4 августа 1937 г.[88]

Район	Церкви		Костелы	Синагоги		Еврейские молитв. дома
	всего	действующие		всего	действующие	
Домановичский	13	–	–	–	–	3
Ельский	7	–	2	2	–	–
Копаткевичский	12	–	–	–	–	–
Лельчицкий	14	–	–	1	–	–
Мозырский	32	8	1	12	2	–
Наровлянский	9	–	5	1	–	–
Петриковский	12	–	–	–	–	–
Туровский	14	–	1	6	–	6
Итого	**113**	**8**	**9**	**22**	**2**	**9**

Таблица 8
Служители религиозных культов
в Мозырском округе на 4 августа 1937 г.

Район	Попы	Раввины	Ксендзы
Домановичский	–	–	–
Ельский	2	1	–
Копаткевичский	2	–	–
Лельчицкий	–	–	–
Мозырский	2	–	–
Наровлянский	–	–	–
Петриковский	2	–	–
Туровский	–	1	1
Итого	**8**	**2**	**1**

[88] Табл. 7 и 8 составлены по: ГАООГО, ф. 69, оп. 3, д. 99, л. 29.

Наиболее уязвимыми оставались духовные лица, представлявшие главный объект для критики и нападок. Запрет на работу иешив, наложенный властями в начале 30-х годов, строго соблюдался. Приток новых сил, способных поддержать верующих, отсутствовал. Среди них все меньше оставалось людей старшего возраста, владевших ивритом, хорошо разбиравшихся в традиции и способных толковать Тору, тех, кто ориентировался в датах еврейского календаря и мог высчитать время наступления национальных праздников.

Вместе с тем власти не ограничивались пассивным ожиданием естественного затухания «религиозного дурмана» – преследования и высылки не прекращались. Общее число духовных лиц в каждом из районов Мозырского округа к лету 1937 г. представлено в табл. 8 (см. с. 541).

К концу лета 1937 г. после неоднократных чисток религиозных общин в Мозырском округе на свободе оставались только восемь православных священников и два раввина. Из двух раввинов, продолжавших служить верующим, один жил в Турове – Мовша Овсеевич Медведский (1869 г. р.), дни которого как руководителя общины также были сочтены.[89]

Провокации и аресты

Логику поведения властей в отношении верующих можно было предугадать. Следующим этапом развития событий стали аресты активистов синагоги и духовных лиц. Они оказались неизбежными после всех обвинений, предъявленных тем, кто продолжал верить в Б-га. Доказательства «вины» найти было нетрудно. Советская судебная система имела обвинительный уклон, а ее юридическая процедура была предельно упрощена для борьбы с противниками режима – адвокатура отсутствовала, а прокурорский надзор являлся формальностью.

В сентябре 1937 г. арестовали Мовша-Бейнуса Залмановича Кундо – габая Столинской синагоги, который руководил хасидской общиной вместе с Мовшей и Беркой Головеями. Несмотря на преклонный возраст Кундо (1859 г. р.), Особая тройка НКВД БССР в октябре 1937 г. приговорила его к десяти годам исправительно-трудовых лагерей.

Дело Кундо откровенно сфабриковали. В ноябре 1939 г. его жена Годэс жаловалась прокурору Полесской области, что ее мужу исполнилось 80 лет и отбывание наказания на Севере на протяжении семи месяцев серьезно отразилось на его здоровье. Годэс просила ускорить рассмотрение дела, так как для «больного старика каждый час имел громадное значение». Прокурор БССР опротестовал дело и передал его на доследование. В декабре решение тройки отменили, и Кундо

[89] ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 55, л. 139.

из-под стражи освободили.[90] Это был один из немногих счастливых случаев, когда власти пожалели старого человека, смерть которого в местах заключения показалась ненужной.

4 февраля 1938 г. арестовали габая Набережной синагоги Ицко Ицковича Муравчика (1862 г. р.), который возглавлял общину вместе с садовником Йоселем Глозманом и мясником Меиром Фишманом. Начальник Туровского отделения НКВД сержант госбезопасности Солонцев, составляя постановление на арест, назвал Муравчика бывшим торговцем и контрабандистом, организатором молитвенных домов в Турове. После закрытия синагоги в 1936 г. он «заведовал» еврейским кладбищем и выполнял обязанности раввина, когда Мовшу Медведского арестовали.

Муравчик давно был на примете у НКВД. От осведомителя стало известно, что он якобы говорил о скором нападении капиталистических стран на СССР: «Для всех будет лучше, если это сделает Германия, потому что немцы – культурный народ и стоят выше всех по обходительности». Муравчик будто бы рассказывал, что депутаты Верховного Совета получают много денег, им хорошо жить, но эти деньги из «нашего кармана». Осенью 1937 г. он заявлял, что кто не ходит три дня в синагогу, тот злодей. Все враги религии – наши враги, и придет время, когда мы должны их уничтожить (по адресу активистов советской власти). Во время ареста Ицко не признал себя виновным и отказался подписать протокол обыска под предлогом того, что в субботу не пишет.[91]

Отец Ицки Муравчика умер в 1865 г., и мальчик воспитывался у дедушки Иосифа в местечке Ленин, где работал шорником. До революции Ицко служил десятником на лесоразработках, после 1917 г. – зарабатывал рыболовством, а с 1930 г. считался иждивенцем и жил с женой Бейлей.[92] Престарелым родителям помогали сыновья Иосиф, Юдель, Яков и дочь Хава (Ева), которые жили в Ленинграде, а дочь Песя вышла замуж за Лейбу Лаховского и поселилась в Вереснице.

Председатель туровского Совета дал справку, что Муравчик жил куплей и перепродажей рыбы в деревне Вересница, а из имущества имел дом, сарай и корову. Избирательных прав его не лишали, что было косвенным свидетельством «пролетарского происхождения».

Сам Ицко на допросе показал, что он перебрался в Вересницу в 1889 г., женился и оставался до 1914 г., а потом переселился в Туров. До 1919 г. в Давид-Городке жила его мать, с которой он мог только переписываться. Антисоветскую агитацию и занятие контрабандой отрицал. После закрытия синагоги в 1936 г. Муравчик посещал миньян в доме Каплана, где читал вслух верующим Тору.

[90] Жалоба Годэс Кундо прокурору Полесской области от 9 ноября 1939 г., Архив управления КГБ по Гомельской области (далее АУ КГБ ГО), д. 10498, л. 301.

[91] Постановление на арест Ицко Муравчика от 6 февраля 1938 г., Там же, д. 5403, л. 1.

[92] Анкета арестованного Ицко Муравчика, Там же, л. 5.

В этом ему помогал Мовша Штильман, который иногда заменял Ицку и руководил службой.[93]

Одновременно с Муравчиком 4 февраля 1938 г. арестовали Мовшу Давидовича Штильмана как «активного клерикала».[94] Штильман родился в 1895 г. в местечке Ричев Туровского района и был самоучкой. Его жена Сара-Малка, как и большинство туровских женщин, оставалась домохозяйкой. С ними жил отец Мовши – Довид Израилевич, 80 лет, плотник. До революции Мовша клеймил (нумеровал) лес и, по его словам, торговлей не занимался, в 1919–1920 гг. служил в Красной Армии, после демобилизации жил в Турове, ссужал муку и мануфактуру. Вместе с Муравчиком они посещали молитвенный дом Каплана. Штильман отрицал антисоветскую деятельность и виновным по ст. 72-76 УК БССР себя не признал.[95]

Основные показания дал бывший духовный резник Хаим Гиршевич Брегман, у которого Муравчик в 1927 г. снимал комнату. Брегман признался, что был свидетелем, как Ицко и Мовша призывали бороться с закрытием синагоги. Муравчик говорил: «Нужно требовать сохранить синагогу, пойти в райисполком, а если нас не послушают, соберем деньги и пошлем делегацию в Минск, Москву». Осенью 1937 г. в молитвенном доме он поучал, что неверующие в Б-га – это злодеи, что «пришло время жертвовать собой и не падать духом, и все еще переменится, и религия восторжествует».

По словам Брегмана, Мовша Штильман заявлял, что в Польше жить лучше, чем при советской власти, что там нет гонения на религию и не препятствуют частной торговле, что скоро будет война, и порядки переменятся. В колхозах нет жизни, и на этом свете спасения не добьешься. Однако такие порядки не вечные. Мовша в прошлом торговал хлебом, мануфактурой и перепродавал контрабанду.

До революции Штильман был связан со столинскими хасидами, но после 1921 г., когда этот город остался за Польшей, связь прервалась. Муравчик помогал ставить хупу для Янкеля Чечика, изучал шхиту и просил Брегмана научить его готовить кошерное мясо.[96]

Показания Брегмана подтвердил маляр Иехезкель Стрелец, который припомнил, как Ицко Муравчик требовал отстаивать синагогу: «В других местах не трогают, а у нас хотят закрыть, это самоуправство местных властей».[97] В числе ходатаев, направленных общиной, оказался сапожник Евсей Штифман. Он вспомнил, что Муравчик призывал крепче держаться за религию, которая восторжествует.[98]

---

[93] Протокол допроса Ицко Муравчика от 13 февраля 1938 г., Там же, л. 8.

[94] Постановление на арест Мовши Штильмана от 2 февраля 1938 г., Там же, л. 11.

[95] Анкета арестованного Мовши Штильмана от 4 февраля 1938 г., Там же, л. 15.

[96] Протокол допроса свидетеля Хаима Брегмана от 10 февраля 1938 г., Там же, д. 5403, лл. 20-22.

[97] Протокол допроса Иехезкеля Пейсаховича Стрельца (1885 г. р.) от 10 февраля 1938 г., Там же, л. 23.

[98] Протокол допроса Евсея Фроимовича Штифмана (1865 г. р.) от 12 февраля 1938 г., Там же, л. 25.

Стандартные обвинения в адрес Муравчика и Штильмана на допросах повторили другие свидетели – Лазарь Храпунский[99] и Шевель Осовский.[100] Не исключено, что они просто подписали то, что им предложил Солонцев.

Верующие в Турове держались сплоченно, и, для того чтобы уличить подозреваемого в противоправной деятельности, власти использовали метод провокации. На роль осведомителя был выбран духовный резник Столинской синагоги Хаим Гиршевич Брегман, пользовавшийся безукоризненной репутацией. Неизвестно, что заставило его согласиться на роль *сексота*[101] – шантаж, запугивание, обещание материальных благ или убеждение послужить советской родине.

К весне 1938 г. потребовались новые доносчики. В мае Управление госбезопасности НКВД БССР возвратило в Туров следственное дело Муравчика и Штильмана для проведения очных ставок, чтобы найти дополнительные сведения о «еврейских клерикалах» для Специальной Коллегии Верховного суда республики.

Начальник НКВД Туровского района Солонцев высказался категорически против. Осведомитель «Бой» (Брегман) считался особо ценным информатором, по материалам которого осенью 1937 г. в Турове репрессировали шесть клерикалов и закрыли несколько молитвенных домов. Других фактов о контрреволюционной деятельности верующих «добыто не было». Евсей Штифман от очной ставки наотрез отказался. Клерикализм в Турове, по оценке госбезопасности, требовал «систематического освещения и разработки» – в местечке продолжали действовать три молитвенных дома, в дополнение к которым верующие собирались открыть четвертый на ул. Ленина. Солонцев предложил завербовать Штильмана, а для того чтобы тот остался вне подозрений – освободить вместе с ним из-под ареста Муравчика, учитывая его преклонный возраст (73 года).[102]

К этому времени на столе у Маркина, секретаря Полесского окружкома партии и депутата Верховного Совета БССР, лежало заявление Бейли Абрамовны Муравчик. Она писала, что Мовша Муравчик из пролетарской семьи, ловил рыбу неводом, служил сторожем лесных материалов на Припяти. Бейля настаивала, что арест был ошибкой: «Враг позавидовал нашей жизни и подал ложное заявление». Вся вина заключалась в исполнении еврейских обрядов *брит-мила*, хупа, шхита и обязанностей раввина. Арестовывать за подобные действия – явная несправедливость, потому что раввин и резник имеют особое образование, никто их заменить не может. Для придания большей убедительности Бейля сообщала, что они с мужем довольны

[99] Протокол допроса Лазаря Зеликовича Храпунского (1902 г. р.) от 9 февраля 1938 г., Там же, л. 27.

[100] Протокол допроса Шевеля Сендеровича Осовского (1909 г. р.) от 9 февраля 1938 г., Там же, л. 29.

[101] *Сексот* - секретный сотрудник службы госбезопасности, термин, принятый в 30-е годы.

[102] Рапорт на имя начальника четвертого отдела УГБ НКВД БССР ст. лейтенанта госбезопасности Ермолаева о согласовании вербовки Штильмана (не позднее 1 мая 1938), АУ КГБ ГО. Контрольно-наблюдательное производство по следственному делу 5403, л. 25.

советской властью: «Нам открылся целый свет, дети получили образование, и мы по старости имеем от них большую помощь. К труду мы уже не способны, но враг позавидовал и задумал разорить нашу старость». Женщина просила ускорить дело и освободить Ицку из-под ареста как честного человека.[103]

13 мая 1938 г. Солонцев докладывал, что Мовша Штильман пользовался репутацией благочестивого клерикала, но при первых допросах «сломался». Он просил освободить его и сказал, что будет делать и жить «как скажете – могу не ходить в миньян, молитвы не читать». Мовша поможет разоблачать клерикалов и разлагать группы верующих изнутри, закрывать молитвенные дома и не осуществлять обряды. Начальник туровских чекистов просил своих кураторов в Мозыре разрешить завербовать Штильмана и освободить его из-под стражи, а для отвода глаз отпустить Муравчика, но без вербовки.

Предложение из Турова было принято, и 8 июля 1938 г. оперуполномоченный госбезопасности по Полесской области сержант Трофимов составил постановление, что антисоветская деятельность Муравчика и Штильмана следствием не подтверждена, материалов недостаточно для привлечения к уголовной ответственности по ст. 72 и 76 УК БССР. На этом основании дальнейшее следствие по делу хасидов Столинской синагоги в Турове было закрыто, и обвиняемых из-под стражи освободили.

Постановление Трофимова утвердили начальник четвертого отдела УГБ по Полесской области младший лейтенант госбезопасности Барон и начальник областного управления НКВД лейтенант госбезопасности Кауфман.[104] Возвращение домой невинно арестованных было воспринято в Турове как должное. Семьи радовались окончанию страданий своих близких, понимая, какая участь им была уготована. Верующие считали, что снятие обвинения против синагоги в лице Муравчика и Штильмана – это добрый знак, ниспосланный им Б-гом. Вряд ли кто-то из них догадывался о действительных причинах счастливого избавления.

Судьба раввина Медведского

Последним действующим раввином в Турове оставался Мовша Овсеевич (бен Иегошуа) Медведский. Он родился в 1869 г. в семье раввина Иегошуа Медведского, который в течение тридцати лет являлся *даяном* (главой религиозного еврейского суда) Барановичей. Мовша оказался очень способным мальчиком и пошел по стопам отца. Он окончил иешиву и жил в Давид-Городке, пока не получил приглашение из Турова возглавить там общину при Набережной синагоге и переехал туда до 1917 г.[105]

---

[103] Заявление Бейли Муравчик секретарю Полесского ОК КП(б)Б Маркину от 1 июня 1938 г., Там же, л. 26.

[104] Постановление об освобождении Штильмана от 8 июля 1938 г., Там же, л. 31.

[105] ЗГА в Мозыре, ф. 60, оп. 1, д. 55, л. 139.

К тому времени Мовша был женат на Рахили Перской,[106] и у них родились пять дочерей: Мина, Сара, Броха, Двора и Соня.

Старшая Мина (1911 г. р.) осталась в Барановичах в доме своего дедушки Иегошуа, а ее сестры Сара и Броха жили у родителей Рахили в Давид-Городке. Двора и Соня отправились вместе с Мовшей в Туров. В марте 1921 г. между Туровом и Давид-Городком пролегла государственная граница, и связь между родными прервалась. Когда Мина выросла, она перебралась к сестрам Саре и Брохе в Давид-Городок. Перские владели там небольшой текстильной фабрикой, и девушки участвовали в ее управлении. Мина вступила в молодежную сионистскую организацию *Бейтар* и стала ее активным членом, а в 1933 г. совершила *алию*[107] в Палестину. Через два года ее примеру последовала Броха. Сестры жили в семье дедушки Иегошуа Медведского, который к тому времени занимал должность раввина в районе Нахалат Шив'а в Иерусалиме.[108]

Мовшу Медведского арестовали весной 1937 г. в Турове. Сведений о нем сохранилось мало. Следственное дело раввина исчезло из архива КГБ. Известно только, что когда престарелый раввин Айзик Мильчин умер, а раввин Койдановской синагоги Мойзес Мовшевич Гиршев уехал, то Мовша Медведский остался единственным духовным лицом в Турове. Он вел службу, разъяснял и помогал учить Тору, отправлял обряды и разрешал возникавшие споры верующих. За советом к Мовше шли евреи из Житковичей, Люденевичей, Петрикова, Лельчиц, Наровли и других мест.

Это был смелый человек, который не боялся давать оценку происходившим событиям. Осведомители НКВД доносили, что Медведский критически отзывался о Конституции 1936 г. и выборах в Верховный Совет БССР. Ему приписывали слова о том, что жизнь стала неспокойной и «все люди пребывают в тревоге». Он учил, что каждый религиозный еврей обязан знать Талмуд и готовиться стать раввином, так как раввинов везде арестовывают, а их нужно заменять. Мовша распределял посылки, приходившие в Туров от Общества помощи бедным евреям на Украине, через бывшего раввина Янкеля Кирзнера.[109]

Медведского обвинили в клевете на советскую власть и враждебной агитации, что послужило формальным поводом для ареста. Раввин считал, что в Турове брали под стражу и ссылали невиновных людей: «Какие это враги, если говорят только

[106] Рахиль Перская из семьи Шимона Переса (Перского), впоследствии государственного деятеля Израиля.

[107] *Алия* («восхождение», *иврит*) - возвращение на историческую родину евреев - в Палестину.

[108] Раввин гаон Иегошуа Медведский (1851-1935 гг.) - сын Баруха, называемый «даян из Столбцов», глава религиозного суда в Барановичах (1902-1932), был женат на Гене, отец Моше и Рейзл, раввин в Иерусалиме (1932-1935). Письмо Коби Горовица от 4 марта 2006 г. из Иерусалима, Архив автора.

[109] Протокол допроса свидетеля Хаима Брегмана 10 февраля 1938 г., АУ КГБ ГО, д. 5403, л. 22.

правду?» Медведскому приписывали слова о том, что в колхозе существовало настоящее «рабство». Крестьянину раньше приходилось плохо, но теперь еще хуже. Жизнь для всех безнадежная, «людей убывает и убывает», расстреливают тех, кто хочет хорошей жизни для всего народа.[110]

После ареста Мовши Медведского судьба его жены Рахили осталась неизвестной. За два года до исчезновения отца Двора вышла замуж и переехала из Турова в Хойники, а ее младшая сестра Соня в 1941 г. погибла в Минском гетто. После окончания войны оставшиеся в живых дочери раввина Медведского ничего не знали друг о друге. Двора умерла в Хойниках в 1986 г., а ее сестра Мина (Фришберг) в Тель-Авиве в 1994 г.[111]

Ликвидация общин

Меры, принятые режимом в отношении верующих, нуждались в идеологическом прикрытии. В 1938 г. начальник четвертого отделения УГБ УНКВД Барон сообщал, что в Полесской области существовала активная организация еврейских клерикалов, которая восстанавливала «отсталую часть» еврейского населения против советской власти. Заговорщиками якобы руководил раввин из Киева, связь с которым шла через Мозырь. По отношению к белорусам участники еврейского религиозного подполья проповедовали «усиленный шовинизм», доказывали, что евреи являются высшей нацией в мире, которую большевики хотят ассимилировать и тем самым уничтожить.

Верующие в Турове регулярно собирались в молитвенных домах, сопровождали свои обряды антисоветскими разговорами, «выпивками, закусками и песнопениями», вносили деньги на содержание контрреволюционного центра, отказывались работать в субботу. Они поддерживали связь с заграницей, откуда получали материальную помощь и посылки, перепродавали товары по завышенным ценам. Вырученные средства «заговорщики» использовали для подрывной деятельности.[112]

По оценке госбезопасности, в 1937–1938 гг. враждебные «вылазки» не прекращались. В Ельском районе бывшие раввины и резники «проникли» в кооперативный аппарат, в Глушковичах и Лельчицах заготовителем сельпо работал бывший резник, который тайно совершал религиозные обряды. Нелегальные молитвенные дома власти обнаружили в Хойникском, Василевичском, Брагинском и других районах округа. В Долгой Дубраве сельсовет готовил собрание на тему

[110] Протокол допроса свидетеля Хаима Брегмана 10 февраля 1938 г., АУ КГБ ГО, д. 5403, л. 23.

[111] Письмо Гении Слободской от 12 мая 2004 г. из Ашкелона (Израиль), Архив автора.

[112] «Клерикалы-контрреволюционеры в Турове и Мозыре в 1938 г.». Докладная записка Барона, ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 29, лл. 56-57.

о классовой сущности религии. Для представителя из райкома партии Тузова они четыре раза безуспешно пытались найти аудиторию слушателей. Единоличница Друк запрягла в плуг детей и пахала огород, в Рудне и Пуховичах проигнорировали торжественное первомайское собрание, которое совпало с Пасхой. В Житковичском районе жители спрашивали, если они за колхозы и советскую власть, то почему это мешает молиться Б-гу? В действительности, верующие не занимались политикой и тайной заговорщической деятельностью. Обращение их к Б-гу было часто последней надеждой вернуть утраченную справедливость.[113]

К концу 30-х годов стало ясно, что политика репрессий себя не оправдала, и режим вернулся к атеистической пропаганде. Общее ее состояние было признано неудовлетворительным. В Туровском районе об антирелигиозной работе вспоминали только перед Песахом или Рождеством. «Союз воинствующих безбожников» распался, дома культуры и красные уголки работали формально, райком партии не интересовался антирелигиозной тематикой.[114]

28 октября 1938 г. ЦК КП(б)Б принял постановление «Об укреплении антирелигиозной пропаганды в Белоруссии» за подписью П.К. Пономаренко. В нем отмечалось, что «церковники» используют самоустранение советских, комсомольских и профсоюзных организаций для контрреволюционной работы, а «Союз воинствующих безбожников» ведет себя пассивно. Все наркоматы и политико-просветительные учреждения обязывались включить в программу работы вопросы антирелигиозной пропаганды. От Наркомата просвещения потребовали организовать Центральный антирелигиозный музей, а при краеведческих музеях на местах – атеистические отделы. Был возобновлен выпуск газеты *Безбожник* три раза в месяц и увеличен тираж до 50 тыс. экз., переиздан учебник по антирелигиозной работе. СНК БССР выделил средства на содержание штата функционеров областных, районных советов СВБ и Центрального Совета Союза в Минске, проведения курса подготовки докладчиков и лекторов.[115]

В Мозырском округе «Союз воинствующих безбожников» возобновил свою работу летом 1937 г. Секретарь бюро СВБ Гольдшварц вместе с отделом культурно-просветительной работы подбирал докладчиков для районного и окружного лекториев из учителей, агрономов и врачей. Они запланировали проведение в каждом из районов области не менее двух лекций и докладов в месяц.[116]

В Туровском районе вопрос о борьбе с религией выдвинули на повестку дня партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. В районе заработали

---

[113] «Религиозные элементы в Житковичском районе и состояние антирелигиозной работы». Докладная записка в отдел пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б от 14 мая 1937 г., Там же, ф. 69, оп. 4, д. 59, лл.199-201.

[114] Там же, ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 114.

[115] Там же, д. 4, лл. 196-199.

[116] Постановление бюро Мозырского окружкома партии от 25 июня 1937 г., Там же, ф. 69, оп. 4, д. 2, л. 11.

15 антирелигиозных кружков и семинаров, начали устанавливать радиоточки, демонстрировать кино на атеистическую тему. Пропагандисты вели беседы о происхождении Земли, человека и религии. В 1938 г. в Турове было созвано совещание «безбожников», а газета *Ленінскіе заветы* поместила материалы о классовой сущности религии и разоблачала происки верующих.[117]

Общая картина атеистической активности в конце 30-х годов по отдельным районам области отражена в табл. 9.

Таблица 9
Антирелигиозные объединения в Полесской области на 1 мая 1938 г.[118]

Район	**Ячейки СВБ**	**Общее число членов**	**Охвачено,** *чел.*		
			беседами	**вечерами**	**всего**
Брагинский	12	140	–	–	–
Глусский	10	30	–	–	–
Домановичский	19	217	24	–	870
Ельский	24	285	42	11	4600
Житковичский	16	435	28	–	860
Комаринский	21	350	32	–	1600
Копаткевичский	6	124	59	–	4180
Лельчицкий	14	296	68	36	7300
Мозырский	26	615	96	–	9800
Наровлянский	11	190	38	12	3370
Паричский	47	300	58	–	3500
Петриковский	22	350	61	–	4200
Туровский	39	421	48	–	1940
Хойникский	40	830	48	–	2690
Итого	**307**	**4583**	**602**	**59**	**44910**

[117] Постановление бюро Мозырского окружкома партии от 25 июня 1937 г., ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 128.

[118] Составлено по: ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 129.

К маю 1938 г. в Полесской области 307 ячеек «Союза воинствующих безбожников» объединяли 4583 чел., которые провели в течение полугода 602 беседы и 59 тематических вечеров по разоблачению религии. Всего в области атеистическими мероприятиями было охвачено 44 тыс. 910 чел. Результаты работы СВБ в Туровском районе оказались более скромными: 39 первичных организаций (421 чел.) сумели организовать всего 48 бесед. Антирелигиозные лекции посетило 1940 чел., но ни на один тематический вечер люди не пришли. Не хватало радиотранслирующих устройств, кинопередвижек и фильмов, стенная печать оставалась невыразительной и скучной, концертов художественной самодеятельности с критикой церкви и синагоги не проводилось. Власти, ратуя на словах за преимущество разъяснительной работы и воспитательных мер, сбивались на путь администрирования и запретов, ущемляли гражданские права, запугивали, отказывались удовлетворять бытовые требования верующих и навязывали им свою волю.

К концу 30-х годов религиозные общины Белоруссии понесли серьезный урон. Многие евреи отказывались посвящать детей в таинства традиции, с большими предосторожностями соблюдали обет обрезания, выпекали мацу и отстаивали право не работать в субботу. В Турове не стало раввина, резники боялись делать шхиту, и соблюдать кашрут стало очень трудно. С верующими никто не считался, искать защиту было не у кого. Режим настолько уверовал в скорую победу, что в новой Конституции позволил признать формальное право граждан на религиозную свободу и отправление культа.

В 1939–1941 гг. внимание властей отвлекли события в Западной Белоруссии, связанные с *освободительным походом*[119] Красной Армии 17 сентября 1939 г. Основные силы были брошены на борьбу с еврейскими клерикалами, располагавшими там несравнимо большими возможностями. Часть верующих выбрала путь эмиграции – почти в полном составе выехали иешивы Барановичей, Бреста, Воложина, Клецка, Мира, Несвижа и Новогрудка, а другие – попытались приспособиться к новой реальности. До февраля 1941 г. преобладали пропагандистские приемы, а потом началась подготовка к депортациям и арестам раввинов и активистов синагоги.[120]

Это было завершение неравного противостояния. Борьба, облеченная внешне как отстаивание верующими традиции, была по сути столкновением духовного и светского мировоззрения. Государство использовало в своих целях общественные организации, учебные заведения, средства массовой информации и даже органы государственной безопасности. Подобный арсенал свидетельствовал о том, насколько

---

[119] *Освободительный поход* - присоединение к БССР западных областей республики, находившихся в составе Польши с 1920 г., в соответствии с секретными протоколами советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

[120] Е.С. Розенблат, «Мы религиозные евреи, каждый день должны ожидать ареста…», *Архив еврейской истории*. Под ред. О.В. Будницкого, т. 1, Москва 2004 г., с. 377-388.

серьезно режим оценивал опасность в лице религиозных конфессий. Расстановка сил не оставляла синагоге надежды на выживание, но верующие приняли этот вызов, потому что иначе не представляли свое существование.

Гибель последнего раввина

После ареста в 1937 г. и исчезновения раввина Медведского, закрытия Набережной синагоги, последней из четырех существовавших в Турове, верующие собирались в миньяне, которым руководил престарелый раввин Мовша Гиршевич Меклин. Это был пожилой человек (1849 г. р.), который много повидал на своем веку и пользовался большим уважением. Меклин разъяснял Тору, участвовал в службе, но шхиту и обязанности моэля выполнять уже не мог. Власти видели в нем человека, не способного доставлять большие хлопоты. Жена Меклина умерла, и о нем заботилась семья младшей дочери Йохевет.

Летом 1941 г. Мовше исполнилось 92 года, и, когда немцы подошли к Турову, он отказался эвакуироваться. По воспоминаниям его внучки Брохи Лайхтман, кругом все горело, местечко было в дыму, люди спешили на баржу, которую пригнали из Пинска, чтобы успеть отплыть. Раввин Меклин не захотел покинуть Туров, ссылаясь на то, что такого старого человека немцы не тронут. Мовша успокаивал, что вместе с ним остаются старший сын Авремул, дочь Сорэ-Итке с мужем Эбер-Шае и их четверо детей (все они погибли от рук нацистов в августе 1941 г.).[121]

В Бабьем Яре в Киеве в сентябре 1941 г. погибли члены семьи раввина Кирзнера, спаслись только выехавшие из Турова до начала войны – сын Йоханан, его жена Лея-Лиза (Слободянская) и их дети Роня и Иегошуа.[122]

* * *

Перемены, произошедшие в Турове за двадцать лет межвоенного периода, оказались необратимыми. Еврейская религиозная община, существовавшая более трех столетий, пришла в упадок, который она не переживала после самого страшного пожара. Огонь, выжигавший дотла дома, на этот раз унес с собой душу местечка. Синагоги закрыли, а раввинов изгнали или арестовали. Под запретом фактически оказалась традиция, определявшая весь образ жизни евреев. Духовный раскол прошел по многим семьям, противопоставив друг другу

---

[121] Исключение составили дочь раввина Меклина Йохевет, которая успела эвакуироваться из Турова, а также его сын Хаим и дети Авремуле - Лазарь и Арон, жившие до 1941 г. в Ленинграде. Письмо Брохи Лайхтман от 5 октября 2000 г. из Кирьят-Гата (Израиль), Архив автора.

[122] Letter from Lipa Roitman on October 16, 2006 <lipar@hotmail.com>, Там же.

родителей, детей и внуков. Отказ от синагог открывал путь к национальному нигилизму и ассимиляции.

Перемены носили принудительный характер и служили вынужденным компромиссом. Еврейскую религию в Турове убивали руками самих евреев. Сначала эта была евсекция, руководившая ячейками коммунистов и комсомольцев, потом – учителя и школьники, ставшие ушами и глазами райкома партии. Их сменили члены «Союза безбожников», «Долой неграмотность», МОПР и других общественных организаций.

Синагога была помехой, она напоминала о прошлом, ее духовные ценности противоречили идеалам классовой борьбы, звали к человеколюбию и снисходительности, учили отвечать за свои дела и беречь семью. За многие годы неравного противостояния верующие стали изгоями. Их права нарушались, вопреки записанной в новой Конституции свободе вероисповедания. Закрытие последней синагоги и арест раввина Медведского должны были означать финал неравной борьбы с режимом. Накануне войны с Германией в Турове еще тлели «угольки» надежды, которые берегли самые неуступчивые из верующих. Вместо советской власти их погасили нацисты. В августе 1941 г. они захватили местечко и уничтожили всех евреев, как верующих, так и атеистов.

Репрессии

Ускорение строительства социализма на рубеже 20–30-х годов привело к нарушению законов общественного развития, огромным диспропорциям в народном хозяйстве, падению уровня жизни и голоду. Официальная пропаганда объясняла экономическую катастрофу в стране обострением классовой борьбы, неизбежной при переходе от капитализма к коммунизму.

Против людей, недовольных политикой партии, были выдвинуты обвинения в контрреволюционной, антисоветской или националистической деятельности. По словам И.В. Сталина, «репрессии в области социалистического строительства, являются необходимым элементом наступления».[1] Газеты помещали материалы об усилении классовой борьбы, выявлении и устранении «врагов народа», занятых вредительством. В июле 1934 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), отвечавшее за политический сыск, реорганизовали в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), значительно расширив его полномочия. В декабре 1934 г. после убийства С.М. Кирова, послужившего формальным поводом для развязывания репрессий, ЦИК СССР изменил характер ведения следствия по преступлениям против деятелей советской власти. Слушание проходило без участия адвоката и прокурора, решение суда не подлежало кассационному обжалованию и помилованию.[2]

Жители Турова стали свидетелями противоречий и политических столкновений в союзном и республиканском руководстве. Партийные деятели, прикрывавшиеся теорией классовой борьбы, находили «врагов» не только в числе противников, но и среди «попутчиков», в соответствии со сталинской моделью социализма.[3]

---

[1] И.В. Сталин, *Сочинения,* Москва 1949 г., т. 12, с. 309.

[2] *Сборник законов СССР*, 1935 г. № 64, с. 459.

[3] *Они не молчали*. Сост. А.В. Афанасьев, Москва 1991 г.

Працоўныя Тураўшчыны далучаюць свой голас абурання

Я. Лiўшыц.

(„ПРАВДА“).

Прадлажэнні рабочага класа павінны панесці суровае пакаранне

Па даручэнню агульнага сходу: Быкаў, Сівец

Репортаж Я. Лившица «Трудящиеся Туровщины присоединяют свой голос возмущения».
Чырвоная Тураўшчына, 21 жнiвня 1935 г.

Национальный фактор не играл определяющей роли. Еврей доносил на еврея, белорус – на белоруса, поляк – на поляка, русский – на русского.[4] Когда очередная кампания разоблачения «врагов народа» заканчивалась, ее исполнителей делали козлом отпущения. Никто не чувствовал себя в безопасности, прежние заслуги не спасали. Не участвовать в происходящем означало заслужить обвинение в пассивности, что считалось не меньшим злом. Выйти из замкнутого круга было невозможно.[5]

Показательные мероприятия

Политический театр требовал публичного одобрения официального курса партии и государства. Массовые собрания трудовых коллективов, партийных и профсоюзных, молодежных и даже детских организаций принимали резолюции, отправляли письма и телеграммы верности идеалам партии Ленина–Сталина. Они осуждали и проклинали внутренних и внешних врагов советской страны, требуя не давать им пощады.

Летом 1935 г. газета *Чырвоная Тураўшчына* поместила корреспонденцию под названием «Трудящиеся Туровщины присоединяют свой голос возмущения». В ней сообщалось о солидарности жителей с постановлением Прокуратуры СССР о раскрытии «заговора» Троцкого, Зиновьева и Каменева, «убивших» Кирова и «покушавшихся» на Сталина.[6] Общее собрание подписало обращение к Военной коллегии Верховного суда СССР с просьбой сурово наказать изменников родины.[7]

В 1936 г. в Турове получили отзвук показательные судебные процессы, инсценированные в Москве по указанию Сталина. 3 августа 1936 г. туровских партработников пригласили на бюро Мозырского окружного комитета партии, на котором в присутствии представителей ЦК КП(б)Б Мышкина и Сигалова было зачитано закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока».[8] Секретарь окружкома Каплан подчеркивал, что враги использовали терпимое к ним отношение в своих «гнусных» целях, что аппарат НКВД должен быть «отточен» и сохранять бдительность.[9]

---

[4] Arkadi Zeltser, «Jews in Upper Ranks of the NKVD, 1934-1941», *Jews in Russia and Eastern Europe*, 2004, vol. 1(52), pp. 64-66.

[5] *Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма*. Сост. Ю.П. Сенокосов, Москва 1989 г.

[6] А.Я. Вышинский, *Судебные речи*. Изд. 3-е, Москва 1953 г., с. 382-384.

[7] *Чырвоная Тураўшчына*, 21 жнівня1935 г.

[8] *Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов.* Сборник документов и материалов. Под ред. А.Н. Яковлева, Москва 1991 г., с. 171-209.

[9] Протокол закрытого заседания бюро Мозырского окружкома партии, Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 69, оп. 3, д. 1, л. 16.

МОСКВА, КРЕМЛЬ ЦК ВКП(б) ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ.

Дорогой наш родной и любимый Иосиф Виссарионович!

Мы большевики пограничного Туровского района, Полесской области, БССР собравшись на свое отчетно-выборное районное партийное собрание шлем Вам, руководителю и вождю трудящихся всего мира, гениальному стратегу пролетарской революции, творцу самой демократической в мире Конституции, генеральному секретарю ЦК ВКП(б) пламенный большевистский привет!

Мы большевики Туровщины живя на рубеже двух миров, заверяем Вас т. СТАЛИН, что возложенные на нас задачи ЦК ВКП(б) выполним с честью.

Партийная организация Туровского района пришла к своему отчетно-выборному районному собранию еще более монолитной и сплоченной вокруг Ленинско-Сталинского ЦК ВКП(б).

Разгромив вражеские гнезда троцкистско-бухаринской банды и белорусских национал-фашистов, которые стремились оторвать нашу цветущую Белорусскую ССР от единой семьи народов СССР и отдать ее на разграбление польским и немецким фашистам, но им это не удалось и никогда не удастся, меч советской разведки уничтожил фашистских гадин.

Партийная организация вооружившись решениями февральско-мартовского и январского Пленумов ЦК ВКП(б) еще выше подняла большевистскую бдительность для окончательного очищения своих рядов от чуждых и враждебных элементов.

Готовясь к выборам в Верховный Совет БССР, мы никогда не забываем Ваших указаний о сочетании политических задач с хозяйственными вопросами и укреплении большевистской связи партийных организаций с массами, еще больше будем крепить блок коммунистов и беспартийных.

Желаем Вам дорогой наш Иосиф Виссарионович здоровья на долгие, долгие годы!

Да здравствует ВКП(б) – организатор и руководитель социалистических побед!

Да здравствует дружба народов СССР!

Да здравствует наш мудрый отец, вождь трудящихся всего мира товарищ СТАЛИН!

По поручению Райпартсобрания подписали члены президиума:

/БОНДАРЕНКО/
/ДВОРКИН/.-
/БЕЛЕНИК/.-
/СУХАДОЛЬСКАЯ/.-
/ШИРАНОВИЧ/.-
/ШАПРЕКО/.-
/СОЛОНЦОВ/.-

Телеграмма на имя Сталина из Турова, 1938 г.

В начале 1937 г. жители Мозырского округа писали в коллективном письме народному комиссару внутренних дел СССР Н.И. Ежову[10], что видят в его лице самого близкого соратника И.В. Сталина. Они отмечали, что имя Ежова наводит страх на врагов народа, а трудящиеся гордятся своим наркомом: «Подлые германо-японско-польские собаки, троцкистско-зиновьевские и бухаринские агенты, шпионы и диверсанты хотели вернуть капиталистов и помещиков, чтобы закабалить советский народ. Но славные *наркомвнудельцы* (курсив мой. – *Л. С.*) поймали врагов на месте преступления с поличным. Железной метлой вычищать советскую землю от фашистской сволочи».[11]

В мае 1938 г. из Турова была послана телеграмма Сталину как вождю мирового пролетариата, гениальному стратегу пролетарской революции, творцу самой демократической в мире Конституции. Составители заверяли «вождя трудящихся всего мира», что, «живя на рубеже двух миров», они с честью выполняют все возложенные задачи. Доблестный НКВД разгромил вражеские гнезда белорусских национал-фашистов, которые стремились вырвать Белоруссию из единой семьи народов и отдать на разграбление польским и немецким фашистам, однако меч советской разведки уничтожил «эту гадину».[12]

«Вредительство» в сельском хозяйстве

Массовая коллективизация закончилась в 1934 г. и имела трагические последствия – многие семьи потеряли своих кормильцев. Женщины, дети и старики, оставшиеся без средств к существованию, нищенствовали. В Туровском районе были необоснованно обложены налогами 223 единоличника из 939. За 1936–1937 гг. имели место 139 изъятий личной собственности и домашнего инвентаря, из которых 85 были признаны незаконными и отменены, а 78 хозяевам возвратили имущество (35 деньгами и 43 натурой). В 1937 г. в вышестоящие инстанции поступило 400 заявлений о неправильном налогообложении и изъятиях собственности в Туровском районе, из них 143 иска удовлетворили.[13]

Вину за беззакония возложили на местных функционеров, которые в действительности являлись только рядовыми исполнителями. Вместе с тем были отмечены случаи откровенного злоупотребления. 3 апреля 1936 г. заместитель председателя Запесочского сельсовета Герасим Товкач, члены сельсовета Григорий Левковец (д. Сторожовцы), Роман Чернявский и счетовод колхоза им. Калинина Александр Черный провели изъятие имущества у середняков-единоличников за неуплату

---

[10] Николай Иванович Ежов (1895-1940 гг.) - народный комиссар НКВД СССР (1936-1938), один из главных исполнителей массовых репрессий, в 1939 г. арестован и в 1940 г. расстрелян.

[11] ГАООГО, ф. 69, оп. 4, д. 59, л. 690.

[12] Там же, ф. 702, оп. 4, д. 32, л. 62.

[13] Там же, ф. 69, оп. 4, д. 46, л. 149.

„ЦК асабліва падкрэслівае важнасць барацьбы за захаванне ўраджаю ад раскрадвання як на корані, так і пасля уборкі, і абавязвае ўсе мясцовыя партыйныя і савецкія арганізацыі, у тым ліку палітаддзелы, цвёрда ажыццяўляць закон ад 7 жніўня 1934 г. „Аб ахове сацыялістычнай грамадскай уласнасці". **(З пастановы ЦК ВКП(б))**

СУРОВА КАРАЦЬ ЗЛАДЗЕЯЎ

Піонеры Тураўскай яўрэйскай непоўнай сярэдняй школы арганізавалі 4 групы „ЛК", кіраўнікамі груп вылучаны лепшыя дазорнікі: Рэхтман В., Глозман О., Фурман Г., Гозман С., Лельчук Р. Брыгады ўзялі шэфства па ахове ўраджаю калгаса „13-ы Кастрычнік".

З 20 чэрвеня піонеры-дазорнікі вышлі ў поле, пабудавалі дазорныя вышкі і кожны дзень займалі пасты на вышках. З самага ранняга дня расхаджваюць паміж калгасных пасеваў, ахоўваючы сацыялістычны ўраджай. Дзе-б хто не з'явіўся каля пасеваў—піонеры ўжо бачаць і бягуць да яго. Вялікі ўраджай злуе класавага ворага, ён працягвае сваю зладзейскую руку на знішчэнне ўраджаю калгасных пасеваў. Пільнасць юных дазорнікаў перашкаджае кулаку, зладзею знішчаць сацыялістычны ўраджай, ён накідваецца з нажом на піонера-дазорніка. Пагрозы кулака, зладзей не запугалі юных барацьбітоў, яны ловяць кулацкіх „парыкмахераў" і направляюць у праўленне калгаса.

Піонеры вялікую дапамогу аказалі калгасу ў ахове ўраджаю. Але-ж дапамогі калгас не аказвае.

Да гэтага часу не выяўлены зладзей, які кідаўся на піонера з нажом, калі патрэбна было ў той-жа час затрымаць зладзея і караць з усёй сур'ёзнасцю Савецкіх законаў.

Група дазорнікаў.

М. ТКАЧ.

Заметка «Сурово наказать злодеев»
Чырвоная Тураўшчына, 15 верасня 1936 г.

культсбора[14]. У Макара Акулича они отняли костюм и сапоги, Сергея Акулича – две пары сапог, пиджак, один пуд льняного семени, три пуда ржаной муки и большой сундук для одежды, у Артема Голоты – костюм, хромовые сапоги, бархатную рубаху и чемодан. После этого проверяющие распили спиртные напитки и продолжили обыски под предлогом поиска золота в домах Моисея Матараса, Федора Голоты, Трофима Левковца, Ксении Гром. Будучи в нетрезвом состоянии, они подрались, обвиняя друг друга в том, что золота не нашли.

Мозырский окружком партии квалифицировал эти действия как проявление засоренности местных органов власти классово чуждыми элементами.[15] За допущенные «перегибы» председателя заготовительной конторы Туровского района

[14] *Культсбор* - налог на нужды культуры.

[15] Специальное сообщение Мозырского окружного отдела НКВД от 30 апреля 1936 г. секретарю Оргбюро ЦК КП(б)Б Ананьеву и председателю ЦИК БССР Дубиной, ГАООГО, ф. 69, оп. 3, д. 16, л. 162.

Льва Музыканта исключили из партии,[16] а уполномоченного Наркомата заготовок по Туровскому району Лейбу Шапиро арестовали.[17] ЦК КП(б)Б и СНК БССР 9 июня 1937 г. приняли постановление о списании числившихся за колхозами, колхозниками и единоличниками недоимок по сельскохозяйственному налогу, самообложению, культсбору и другим платежам.[18]

Однако это не спасло положения. В январе 1938 г. Мозырский окружной комитет партии отметил, что Туровский район находится в состоянии хаоса. Утверждалось, что в отдельные организации проникли изменники родины, занявшие ответственные посты. В знак протеста против злоупотреблений властей 600 жителей Туровского района отказались от получения паспортов, а другие – от денежной компенсации за неправильно начисленные налоги.[19]

Нарушения в торговле и кооперации

В 1937 г. НКВД докладывал Полесскому обкому партии о многочисленных злоупотреблениях в сети государственной и кооперативной торговли. В Белкоопсоюзе,[20] районных и областных отделениях потребительской кооперации при планировании товарооборота служащие «заранее намечали» хронический дефицит предметов повседневного спроса. Завоз товаров по Туровскому району составил всего 75% от требуемого, а общий товарооборот оказался выполнен только на 81%. Власти объясняли сложившееся положение тем, что в потребительской кооперации «орудовали» антисоветские элементы. Среди руководителей кооперативной торговли по Паричскому району было «разоблачено» 34 вредителя, Мозырскому – 32, Копаткевичскому и Петриковскому – по 11, а Туровскому, Брагинскому и Житковичскому – по пять.[21]

Недовольство населения вызывали массовые перебои в снабжении хлебом и продуктами первой необходимости. В Туровском районе 10 сентября 1938 г. ржаная мука отсутствовала в 104 лавках, пшеничная – в 47, крупа – в 110, готовый хлеб – в 98, булочные изделия – в 125, сахар и соль – в 33, спички – в четырех. Низким оставалось качество выпечки хлеба. На заставу Туровского пограничного отряда три раза привозили хлеб с запеченными внутри посторонними предметами.

---

[16] Протокол заседания бюро Полесского ОК КП(б)Б от 26 ноября 1939 г., Там же, ф. 702, оп. 1, д. 55, л. 327.

[17] Там же, лл. 215-216.

[18] Ликвидация вредительства в налоговой сфере в Туровском районе за 1938 г., Там же, ф. 69, оп. 4, д. 42, л. 71.

[19] «О вредительской деятельности секретаря Туровского РК КП(б)Б Домбровского». Докладная записка в Мозырский ГК КП(б)Б, Там же, ф. 69, оп. 7, д. 42, л. 30.

[20] *Белкоопсоюз* - Белорусский республиканский Союз потребительской кооперации.

[21] «О недостатках в работе торгующих организаций Полесской области». Докладная записка на имя секретаря Полесского ОК КП(б)Б Д.Ф. Маркина, Там же, ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 101.

В декабре 1938 г. в хлебе нашли ключ, в январе 1939 г. – стекло, а в апреле – тряпку.[22] Обвинили в этом заведующего складом Туровской хлебопекарни Эли (Элиягу) Кузнеца, на совести которого якобы оказалась и намеренная задержка выдачи хлеба. За продажу мучных изделий сверх нормы, перерасход муки Кузнеца уволили с работы и отдали под суд.[23]

Начальник Управления НКВД по Полесской области капитан госбезопасности М.Н.Тупицын[24] сообщал о настроениях населения в связи с сокращением продажи хлеба. Несмотря на то, что в Туровском районе было распределено 65 тонн муки, а *райсоюз* открыл семь дополнительных буфетов при предприятиях, не все торговые точки получили хлеб своевременно, и с шести утра там выстроились очереди с «толканием и давкой». Тупицын приводил примеры «контрреволюционных» высказываний. Сапожник Меир Рейдер, после того как в ларьке распродали весь хлеб, говорил, что без своих запасов «сдохнешь с голоду». Рейдер заявлял, что пусть его расстреляют, если это неправда. В канцелярии хозяйства «Новая жизнь» колхозник Шилко сказал, что Гитлер руководил бы лучше.[25]

«Врагами» в сообщении Тупицына были названы директор Туровского *раймага* Залман Гренадер, заведующий торговым отделом Союза потребительской кооперации района Мовша Шнайдман и продавец Зандель Лайхтман. Гренадер оказался виновным как бывший торговец и лишенец, не порвавший связь с «тестем-контрабандистом», Шнайдман – как бывший участник «сионистской контрреволюционной организации» (до 1926 г.), Лайхтман – поскольку скрыл сведения об отце, высланном «за спекуляцию золотом и иностранной валютой» (1932 г.).[26] Из партии были исключены председатель пограничного сельсовета В. Файнберг – как выходец из семьи торговцев и «бывший сионист», В. Велешин – за укрывательство растратчиков и расхитителей кооперативного имущества.[27]

Товарный голод делал неизбежными злоупотребления в торговле. Подозрение пало на «работников прилавка» в Турове: Мовшу Шустермана, Мовшу Марголина, Израиля Молочника, Ёшку Чечика, агента по снабжению Мотеля Головея, повара ресторана Гирша Легчина. У Марголина нашли спрятанную под прилавком мануфактуру, у заместителя председателя Туровского *сельпо* Зарецкого и продавца Глозмана – 52 метра тканей, 15 пар носков, детские галоши, платья. В магазине д. Хильчицы Шифман торговал из-под полы, а заведующий базой Шляпинтох скрыл от переучета 43 метра шелка и других товаров на сумму 3026 руб.[28]

---

22 Там же, л. 199.

23 Там же, ф. 703, оп. 1, д. 24, л. 237.

24 Михаил Николаевич Тупицын (1906 г. р.) - начальник Полесского областного управления НКВД, член КП(б)Б с 1930 г., русский, образование среднее, вступил в должность 20 мая 1938 г.

25 ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 126, лл. 8-9.

26 Там же, ф. 69, оп. 1, д. 1154, лл. 4-6, 27.

27 Там же, оп. 4, д. 42, л. 37.

28 Там же, ф. 702, оп. 1, д. 79, л. 198.

В марте 1937 г. за допущенные ошибки в организации торговли и кооперации Мозырский окружной комитет КП(б)Б объявил выговор председателю Туровского райисполкома Шершневу и заведующему районным финансовым отделом Мисюку. Их обвинили в «политической слепоте, отрыве от масс и неспособности исправить перегибы». Окружком рекомендовал отстранить виновных от работы и просил ЦК КП(б)Б отозвать их из туровской парторганизации. Прокурор Кисельгоф просил привлечь к уголовной ответственности заместителя председателя Запесочского сельсовета Толпаса за грубое нарушение закона об изъятии собственности. Редактора газеты *Бальшавік Палесся* Гольдшварца обязали ярче освещать в печати агитационно-массовую работу в округе.[29]

Использование служебного положения

Исполнителями репрессий часто выступали люди малообразованные, а иногда и с сомнительным прошлым. Они брали под стражу невиновных на основании клеветнических доносов и часто из карьеристских побуждений. Однако когда эти «вершители судеб» лишались статуса неприкосновенности, то становились беспомощными приспособленцами.

В январе 1939 г. обязанности прокурора Туровского района поручили исполнять следователю Виктору Васильевичу Шеметовцу (1911 г. р.). Вскоре выяснилось, что его родной брат Алексей «разоблачен» как агент иностранной разведки, компрометирующий материал собрали и на тещу Шеметовца – Феклу Литвиненко. Среди населения Туровского района В.В. Шеметовец не пользовался авторитетом, поскольку допускал «самоснабжение», запугивание свидетелей, обещая «посадить» несговорчивых.[30]

В характеристике обкома комсомола сообщалось, что в 1935 г. Шеметовца исключали из комсомола, но потом восстановили с предупреждением. Работая следователем, Виктор отоваривался из-под прилавка, грубил посетителям, заявлял, что имел интимную близость со многими комсомолками (Герасимова, Глоуберман и др.). Туровский РК КП(б)Б поднял перед обкомом партии и облпрокуратурой вопрос о снятии Шеметовца с работы.[31]

В апреле 1939 г. первый секретарь Туровского РК КП(б)Б Г.Д. Дворкин[32] расценил поведение Шеметовца как нарушение революционной законности. Дело

---

29 «О политических ошибках руководства Туровского района». Постановление бюро Мозырского окружкома КП(б)Б 8 марта 1937 г., Там же, ф. 69, оп. 4, д. 1, лл. 85-86.

30 Там же, ф. 702, оп. 1, д. 30, л. 35.

31 «О снятии с работы и.о. прокурора Шеметовца в Турове». Протокол заседания бюро Полесского ОК ЛКСМБ, Там же, ф. 703, оп. 1, д. 10, л. 16.

32 Гирш Лейбович Дворкин (1907-1944 гг.) - уроженец Гомеля, портной (1924-1928), в партии с 1929 г., окончил курсы марксизма-ленинизма при ЦК КП(б)Б в Минске (1934-1936), инструктор Житковичского РК КП(б)Б (1936-1937), первый секретарь Туровского РК КП(б)Б (1938-1941).

Шеметовца потянуло «ниточку» разоблачений. Шеметовец и народный судья Туровского района Куликов сообщили комиссии по расследованию Полесского обкома партии о факте давления райкома партии на суд и прокуратуру. Дворкин указывал Куликову, как проводить судебное заседание, советовал дать отвод государственному обвинителю (Шеметовцу) по делу Зарецкого. Зарецкий держался на следствии вызывающе, пользуясь тем, что жена Дворкина взяла у него в магазине 35 метров мануфактуры.[33] Дворкин требовал от судьи Куликова лишать слова прокурора Шеметовца, если свидетели упоминали фамилии некоторых членов районного комитета партии. При объявлении приговора работники Туровского РК КП(б)Б Шабанов, Флейтман вместе с родственниками обвиняемого Зарецкого кричали, что народный суд ничего не стоит: «Мы им покажем, как нужно судить!» Руководство района спустило это дело на тормозах.

Далее выяснилось, что Дворкин требовал от Шеметовца санкции на незаконное выселение из квартиры Богая и привлечение к уголовной ответственности единоличников за невыполнение поставок сельхозпродуктов. Выводы комиссии оказались примирительными. Она не подтвердила обвинения против Шеметовца в нарушении правопорядка, хотя признала его отношение к комсомолкам неприемлемым. В то же время действия Дворкина, вмешивавшегося в работу суда, было оценено как «неправильное». Комиссия указала на «засоренность» Туровского райпотребсоюза вредителями и предложила отстранить от работы заведующего торговым отделом Гарбара.[34]

В октябре 1937 г. арестовали Иосифа Ароновича Молочникова, председателя артели «Утилькомбинат». Причиной послужило сведение с ним счетов со стороны секретаря Мозырского райкома партии Левина. В начале 1937 г. Левин прислал инструктора РК КП(б)Б Макаенка в артель за зимней обувью. Через четыре месяца председатель артели Молочников, не получив обещанные деньги за три пары валенок, официально обратился в райком партии с требованием уплаты. Инструктор райкома Макаенок заплатил, но пригрозил: «Ты меня еще вспомнишь!» – и дал указание собрать компрометирующий материал; вскоре Молочникова арестовали.[35]

За мнимое злоупотребление служебным положением уволили с работы и исключили из партии работника сберегательной кассы Турова Лейзера Шустермана. Репутацию симулянта создали кузнецу Лайхтману, который якобы пренебрегал общественной пользой и заботился о личном обогащении.[36]

---

[33] Йосель Ошерович Зарецкий - председатель сельпо Туровского района, исключен из комсомола Туровским РК ЛКСМБ за проявленную халатность, осужден на один год принудительных работ с вычетом 20% зарплаты; 27 июля 1939 г. восстановлен в ЛКСМБ, ГАООГО, ф. 703, оп. 1, д. 10, л. 179.

[34] «О результатах проверки заявлений на Дворкина, Куликова и Шеметовца». Доклад комиссии Полесского ОК КП(б)Б от 17-19 апреля 1939 г., Там же, ф. 702, оп. 1, д. 79, лл. 198-199.

[35] Там же, ф. 69, оп. 4, д. 44, л. 459.

[36] *Чырвоная Тураўшчына*, 2 сакавіка 1935 г., 29 верасня 1935 г.

В 1938 г. прокуратура Полесской области возбудила ряд дел в Мозырском, Брагинском, Глусском, Паричском и Туровском районах за дачу ложных показаний. В Туровском районе секретарь комсомольской ячейки Евдоким Маркевич совместно с Константином Маркевичем и членом сельсовета Павлом Карасем подали заявление прокурору Туровского района на Павла Мурашко по обвинению в контрреволюционной агитации. Однако в ходе расследования было установлено, что Мурашко не виноват. Донос Маркевичей и Карася стал местью за драку на вечеринке. Виновные признались в клевете и были приговорены к трем годам лишения свободы.[37]

Шпионаж и терроризм

Наиболее опасными стали обвинения в шпионаже и терроризме. Наличие внешней опасности отвлекало население от внутренних трудностей. Под прикрытием борьбы с иностранными разведками советский режим устранял всех, кто мог усомниться в политике партии. Большинство дел было сфабриковано, поиском истины судебные инстанции себя не утруждали.

В условиях нагнетания шпиономании особое значение придавалось пограничным республикам. Поскольку Белоруссия соприкасалась с «фашистской» Польшей, Туровский район считался передним краем борьбы.[38] Недостаток выявленных шпионов власти компенсировали вымышленными врагами. В этой роли часто оказывались случайные люди, попавшие в поле зрения органов безопасности. Одни из них имели родственников по ту сторону границы, другие ходили «за кордон» после окончания гражданской войны, когда Туров оказался в нейтральной зоне. Третьи были беженцами из Западной Белоруссии, нелегально попавшими в СССР в поисках «рая» для рабочих и крестьян.

В декабре 1937 г. арестовали Мотеля Меировича Каплана (1895 г. р.). Мотель, отец пятерых детей, был малограмотным, в 1933 г. его исключили из партии как «разложившийся элемент», а в 1936 г. осудили за растрату на два года условно. В 1937 г. Мотеля обвинили в нелегальном пересечении польской границы в целях получения контрабандного товара, где он будто бы стал польским агентом. 15 февраля 1938 г. Каплана приговорили к высшей мере наказания и 11 марта 1938 г. расстреляли в Мозыре, скрыв это от его родных.[39] 24 февраля 1941 г. жена

---

[37] «О фактах нарушения революционной законности в 1938 г.» Из докладной записки на имя секретаря Полесского ОК КП(б)Б Кудрякова, ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 126, л. 74.

[38] Leonid Smilovitsky, «A Belorussian Border Shtetl in the 1920s and 1930s: The Case of Turov», *Jews in Russia and Eastern Europe*, Summer, 2003, № 1(50), pp. 109-137.
www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/TurovShtetl.htm

[39] Архив управления КГБ по Гомельской области (далее АУ КГБ ГО), д. 14414, лл. 6, 18, 20.

Каплана Роза на свое обращение получила от прокурора ответ, что ее муж осужден по ст. 68 УК БССР и оснований для протеста не имеется.[40]

Вместе с Капланом в Турове арестовали Алтер-Боруха Лейзер-Мовшевича Старобинского, заготовителя конторы «Белплодовощ». Старобинский (1886 г. р.), отец восьмерых детей, считался бывшим торговцем, грамотным человеком и был лишен избирательных прав. Алтер-Боруха, подобно Каплану, якобы завербовали польские власти для сбора сведений о воинских частях Туровского пограничного района, он также был расстрелян. Родственники Старобинского не имели представления о вине близкого человека,[41] а причина смерти скрывалась.[42]

В 1937–1938 гг. в БССР выявляли польскую, немецкую и латвийскую «агентуру». По *польской линии* было осуждено 15 тыс. 741 чел., включая приговоренных по 1-й категории (расстрел) – 14 тыс. 34 чел., *немецкой* – осуждено 563 чел., *латвийской* – осуждено 1459 чел.[43] Отголосок этих событий почувствовали в Турове, когда в апреле 1938 г. сообщили о «раскрытии» польской повстанческой организации под руководством Семена Кацевича и Ивана Белко. В нее входили уроженцы д. Хильчицы Туровского района – колхозники Семен Птушко (1907 г. р.), Адам Козак (1899), Михаил Козак (1887), Григорий Шруб (1906), Антон Журко (1899), Тимофей Кацевич (1884), лесник Ричевского лесоучастка Степан Шруб (1906) и лесничий Ричевского лесничества Николай Кацевич (1896). Суд был скорым и неправым. Комиссия НКВД СССР и прокурор СССР 25 мая 1938 г. вынесли арестованным смертный приговор, который тотчас привели в исполнение.[44]

Однако не всегда органам государственной безопасности удавалось сломить волю арестованных. Некоторые подследственные отказывались давать призна-

---

[40] М.М. Каплан реабилитирован только 21 июня 1989 г. ЗАГС Житковичского райисполкома получил указание из КГБ БССР зарегистрировать смерть Каплана с указанием действительной причины смерти: *расстрел*.

[41] Только после жалобы Генеральному прокурору СССР 15 марта 1957 г. начальник учетно-архивного отдела КГБ при СМ БССР полковник Емельянов *устно* объявил Фейге Шлёмовне Старобинской, что ее муж Алтер в 1938 г. был осужден на десять лет ИТЛ и, отбывая наказание, 19 января 1941 г. умер от нефросклероза почек.

[42] Алтер Старобинский реабилитирован в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в 1930-1940 и начале 1950-х гг.». ЗАГС Житковичского райисполкома зарегистрировал смерть Алтер-Боруха Старобинского в Мозыре 16 марта 1938 г. в результате расстрела.

[43] НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1397, л. 22.

[44] В 1960 г. было установлено, что Семен Кацевич и члены его «организации» в Польше никогда не были и шпионской деятельностью не занимались. Военный трибунал Белорусского военного округа отменил постановление НКВД СССР и прокуратуры СССР от 25 мая 1938 г. и прекратил дело за недоказанностью предъявленного обвинения, АУ КГБ ГО, д. 8640, л. 153.

тельные показания и, несмотря на истязания и пытки, проявляли поразительное мужество. 11 декабря 1937 г. НКВД арестовал работника Туровского леспромхоза Янкеля Боруховича Гительмана (1895 г. р.) по обвинению в контактах с польской разведкой, которая якобы завербовала его еще в 1920 г. (!). Гительман будто бы был связан с «резидентом» польской разведки Федором Годоличем, которому сообщал сведения о численности погранотряда, гарнизона в Калинковичах, состоянии дорог, мостов, о поляках Житковичского и Туровского районов. По мнению следствия, «контрреволюционная шпионская» деятельность Янкеля была доказана. Обвинение было построено на признательных показаниях М.С. Матроса и П.Н. Матроса, И.Н. Раковца, В.Г. Фридмана и С.П. Дорожко, полученных в результате физического давления и угроз.

Гительман был на хорошем счету и зарекомендовал себя преданным и честным работником. Его неоднократно отмечали как лучшего по профессии и премировали. Янкель не имел родственников за границей и вел скромный образ жизни.[45] Его жена, Мира Беньяминовна, подала жалобу прокурору СССР, где писала, что мужа держали под стражей больше года без предъявления обвинения, и просила ускорить рассмотрение дела. Следователи НКВД Кашмель и Дубровский вместе с милиционером Ковалевским избили Янкеля до потери сознания. В сентябре 1938 г. Гительмана перевели в Бобруйскую тюрьму и посадили в «парилку». Это была узкая комната высотой два метра на две койки, без окон и вентиляции, куда загоняли не менее 20 чел. Камеру с цементным полом отапливали круглые сутки и не гасили свет. От жары у людей опухали ноги, а на теле появлялись волдыри. У дверей, где было больше воздуха, тюремщики ставили уголовников, которые избивали заключенных. Если кто-то из узников терял сознание, его вытаскивали, обливали водой и возвращали в камеру. Подследственных заставляли стоять до тех пор, пока они не давали признательные показания. Больше 20 дней «парилку» не выдерживал никто.[46]

Янкелю Боруховичу пригрозили, что поломают ребра, если он не подпишет признание. Протокол сочинил следователь Кашмель.[47] Однако, придя в себя, Гительман заявил прокурору, что признания были ложные. Якова Фридмана и Зелика Кацмана следователи заставили оговорить Гительмана. Фридман жил у матери Янкеля на квартире, и к нему приходили Вольпин и Кацман. В Польше Гительман никогда не был, контрабандой не занимался, с материалами следствия его ознакомили поверхностно.[48]

[45] Обвинительное заключение на Я.Б. Гительмана, Там же, д. 3198, лл. 90-91.

[46] Избиение Гительмана подтвердили сидевшие с ним в одной камере Красинский, начальник почты из Осиповичей, и Белкин, работник стеклозавода из м. Свислочь.

[47] Федор Константинович Кашмель - помощник оперуполномоченного Осиповичского отдела НКВД, уволен из органов госбезопасности 19 августа 1939 г.; до войны - начальник Кировского районного отделения НКВД БССР, АУ КГБ ГО, д. 3198, л. 147.

[48] Заявление Гительмана на имя прокурора 16 июня 1939 г., Там же, д. 3198, лл. 93-95.

Дело Гительмана направили на доследование, в ходе которого ничего, кроме личных признаний, не обнаружили. Несмотря на это, в августе 1939 г. Особое Совещание НКВД СССР осудило Гительмана за шпионаж на пять лет исправительно-трудовых лагерей, но в связи с войной этот срок ему увеличили до девяти с половиной лет. В июле 1947 г. Янкель освободился из лагеря, однако уже в марте 1948 г. его как «социально опасный элемент» приговорили к ссылке еще на пять лет, которую он отбыл до марта 1952 г.; реабилитация Гительмана последовала только через шесть лет.[49]

«Вредители» в руководстве Турова

В 1937–1938 гг. масштабы репрессий уже не поддавались разумному объяснению. Огульным обвинениям были подвергнуты работники партийного, советского и хозяйственного руководства в целом. Мозырский окружной комитет партии сообщал, что на ответственные руководящие посты «пробрались» классово-враждебные силы, которые занимаются вредительством «повсеместно». В Туровском районе, по мнению госбезопасности, враги действуют на МТС, а ее директор Максим Ильинок *упорно* не выполняет указания райкома о чистке кадрового состава от чуждых элементов. В результате тракторный парк находится в нерабочем состоянии, сеялки поломаны, автомашины неисправны, допускается большой перерасход горючего, общежитие рабочих запущено. В ходе «расследования» арестованы механик МТС Кошман и бухгалтер Шевчук.[50]

В состав «классово-чуждого элемента» зачислили редактора газеты *Чырвоная Тураўшчына* Бикашова, заместителя председателя Туровского райисполкома Орлова, секретаря райисполкома Кашпея, прокурора Барташевича, народного судью Фальмановича, секретаря Туровского райисполкома Зильберта и др.[51]

Подозрение в пособничестве вредителям пало на секретаря Туровской районной комсомольской организации Хотю Муньевича Кучера, имевшего тесную связь «с врагом народа» Бычковским и расстрелянным ветеринарным врачом Левиным. 4 октября 1937 г. Кучера исключили из партии за «развал комсомольской работы». Начальник УНКВД по Полесской области лейтенант госбезопасности Кауфман и младший лейтенант 4-го отделения УГБ УНКВД Барон просили заведующего

[49] 15 декабря 1958 г. Военный трибунал БВО по делу Янкеля Гительмана отменил постановление Особого Совещания при НКВД от 5 августа 1939 г. и постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 8 марта 1947 г., прекратив дело за недоказанностью обвинения, Там же, д. 3198, л. 164.

[50] ГАООГО, ф. 69, оп. 4, д. 2, л. 169.

[51] Докладная записка секретарю окружкома КП(б)Б Маркину от заведующего ОРПО Полесского ОК КП(б)Б, Кагана 24 февраля 1938 г., Там же, д. 42, л. 63.

ОРПО[52] Полесского обкома партии Кагана срочно выслать компрометирующий материал на Кучера.[53]

Первый секретарь Туровского райкома партии А.И. Домбровский докладывал о перерожденцах, оппортунистах, карьеристах и обманщиках, которые «затаились» среди трудящихся. Однако это не спасло самого Домбровского.[54] Партийное руководство Турова обвинили в благодушии и нежелании «выкорчевывать» врагов народа. Исполнявший обязанности секретаря Мозырского ОК КП(б)Б Маркин сообщал заведующему ОРПО ЦК КП(б)Б Беляеву, что Домбровский допускает семейственность, круговую поруку, зажим критики, неуважение к руководителям партии и правительства.[55] Первого секретаря Туровского райкома партии уличили в связях с «троцкистом» Горбуновым[56] и «врагами народа» Моисеенко и Рункевичем из Житковичей. Мозырский окружком обязал мобилизовать трудящихся Турова на выявление врагов по всему району, а дело Домбровского передать в НКВД.[57]

После отстранения Домбровского от должности в Туровском районе из партии было исключено 15 чел. Однако основной удар пришелся на второго секретаря районного комитета КП(б)Б Соломона Абрамовича Шнейдермана.[58] Соломон родился в местечке Пищая под Брест-Литовском, работал столяром, воевал в рядах в Красной Армии (1918), служил в милиции (1920), вступил в партию, работал на предприятиях Гомеля и Мозыря, учился в Москве, стал профессиональным партийным работником и в 1936 г. был направлен в Туров, где его избрали вторым секретарем Туровского райкома КП(б)Б.[59]

---

[52] *Отдел руководящих партийных органов* (ОРПО) был образован в 1934 г., в 1935 г. ОРПО при ЦК ВКП(б) возглавил Н.И. Ежов, а в 1936 г. - Г.М. Маленков.

[53] «О компромате на Кучера Хотю Муньевича». Запрос НКВД в Полесский ОК КП(б)Б от 31 августа 1938 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 29, л. 11.

[54] Антон Иосифович Домбровский (1905 г. р.) - уроженец Витебска, белорус, член ВКП(б) с 1925 г., слесарь (1918-1924), студент рабфака в Орше (1924-1928), председатель райисполкома Толочинского района (1929-1930), ЦК профсоюза работников связи БССР (1930-1933), политотдела Туровской МТС (1933-1935), первый секретарь Туровского РК КП(б)Б (февраль 1935 - октябрь 1937), директор Калинковичского и Паричского леспромхозов (1937-1941), НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1229, л. 94.

[55] В кабинетах секретарей Туровского РК КП(б)Б больше года отсутствовали портреты членов Политбюро ЦК ВКП(б) под предлогом того, что стены были выкрашены масляной краской и «не стоило их портить». Это было расценено как маскировка, которой Домбровский прикрывал нелюбовь к партии.

[56] Горбунов - секретарь Житковичского РК КП(б)Б в 1937 г.

[57] «О вредительской деятельности секретаря Туровского РК КП(б)Б Домбровского». Докладная записка П.В. Бондаренко Мозырскому ГК КП(б)Б от 14 января 1938 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 4, д. 42, лл. 30-32.

[58] «О политических ошибках руководства Туровского района». Постановление бюро Мозырского окружкома КП(б)Б, Там же, д. 1, л. 86.

[59] Соломон Абрамович Шнейдерман (1898-1938 гг.) - из рабочих, служил в советской милиции (1920), член ВКП(б) (с 1921), работал на деревообрабатывающем заводе им. Молотова (1922-1928),

Органы безопасности выяснили, что два брата Шнейдермана эмигрировали в Аргентину и Палестину, последние письма которых НКВД перехватил в 1934 г. Сестра жены Шнейдермана в 1926 г. приехала в СССР из Польши, а ее брат, Моисей-Лейзер Ицкович Райхман, нелегально перешел польско-белорусскую границу и попросил политического убежища в Белоруссии. В 1927 г. Райхман вызвал находившихся в Польше жену и детей (племянников Шнейдермана), которые затем поселились в Гомеле.[60]

Соломон Абрамович после отстранения от должности в Турове в 1937 г. почти год не мог найти работу. Он обивал пороги партийных учреждений в Мозыре, Гомеле и Минске, писал жалобы, требуя справедливого рассмотрения своего дела. Не исключено, что если бы он исчез на время из поля зрения НКВД, переехал в другую область или республику, где устроился бы на работу и переждал лихую годину, как делали многие, то уцелел бы. Вместо этого Шнейдерман напоминал властям о своих былых заслугах, клялся в преданности партии и обещал выполнить любое ее задание. 20 февраля 1938 г. Шнейдермана арестовали по обвинению в шпионаже и 20 сентября приговорили к «высшей мере социальной защиты» – расстрелу. Приговор был приведен в исполнение в Могилеве 1 октября 1938 г.[61]

Расправа с партийными руководителями в Турове была частью общей карательной политики партии и государства, выработанной Сталиным. В 1937–1938 гг. как врагов народа арестовали свыше сорока секретарей райкомов партии республики и в их числе: Котельникова Николая Петровича, бывшего секретаря Дриссенского РК КП(б)Б, Орещука Гавриила Архиповича (Петриков), Кузьмина Дмитрия Федоровича (Могилев), Костюкевича Григория Наумовича (Червень), Сосинова Евно Исааковича (Березино), Мелихова Дмитрия Ефимовича (Ельск), Скорохода Ефрема Демьяновича (Плещеницы), Кардаша Петра Трофимовича (Любань), Гавращенко Андрея Петровича (Чаусы), Бангайтиса Казимира Антоновича (Добруш), Тарасевича Антона Алексеевича (Ушачи), Фельдмана Самуила Израилевича, бывшего секретаря Пропойского райкома, Межуева Даниила Яковлевича (Богушевск), Тишкевича Владимира Викторовича (Кличев), Сердюкова Павла Ивановича (Брагин), Стакуна Михаила Осиповича (Гомель) и др.[62] Таким образом на местах устранили свидетелей и непосредственных исполнителей директив из Москвы. Большинство из них верой и правдой служили режиму, но заплатили за это жизнью.

окончил еврейское отделение Института народов Запада в Москве (1933), секретарь парткома фабрики «Октябрь» в Мозыре (1934-1936), второй секретарь Туровского РК КП(б)Б (1936-1937), Там же, ф. 34, оп. 4, д. 352, лл. 10, 13.

[60] При отступлении Красной Армии из Бреста Шнейдерман в составе отряда из 60 милиционеров выехал в Лунинец, а затем в Пинск, где был арестован по подозрению в дезертирстве, но затем оправдан и командирован в Мозырь, Там же, ф. 69, оп. 4, д. 352, л. 10.

[61] С.А. Шнейдерман реабилитирован посмертно 1 декабря 1958 г., АУ КГБ Могилевской области, д. 4398-СН.

[62] По состоянию на 25 августа 1938 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 25, л. 119.

После снятия А.И. Домбровского[63] и С.А. Шнейдермана партийную организацию в Турове возглавил П.Б. Бондаренко. Петр Бенедиктович был уроженцем села Молодуша Хойникского района Полесской области и к 32 годам прошел путь от чернорабочего до инструктора Ельского РК КП(б).[64] В наследство Бондаренко достались одни «практики». Это были доморощенные кадры, самоучки без образования, гордившиеся своей «рабочей косточкой». Профессиональный уровень, национальный и социальный состав руководителей, которые отвечали за положение в Туровском районе, представлены в табл. 1.

Среди семи членов бюро Туровского райкома партии было четыре белоруса, двое русских и один еврей. Все они – молодые выдвиженцы с минимальным партийным стажем, не превышавшим восьми лет. По социальному происхождению выходцев из рабочих насчитывалось двое, крестьян – трое и служащих – двое. Единственным человеком, имевшим среднее образование, был редактор районной газеты. Несмотря на отсутствие профессиональной подготовки, на руководителей партийной организации района ложилась большая ответственность. Частые перемещения с одной должности на другую считались правилом. Для того чтобы удержаться на плаву, функционерам требовалось незаурядное чутье. Однако и это не давало полной гарантии, самым уязвимым местом становилось поведение родственников.

В 1938 г. помощник начальника Управления НКВД по Полесской области лейтенант госбезопасности Духович и начальник 4-го отделения УГБ УНКВД Барон докладывали секретарю Мозырского окружкома партии Маркину, что не располагают компрометирующими материалами на секретарей Домановичского РК КП(б)Б Гусева и Алексеева и Наровлянского РК КП(б)Б Гимельштейна. В то же время сообщалось, что отец секретаря Туровского райкома партии Бондаренко до 1917 г. – бывший «сиделец» винной лавки в Хойниках, а муж его сестры, Иван Усхатов, арестован как участник контрреволюционной организации.[65]

---

[63] А.И. Домбровский избежал участи С.А. Шнейдермана, был назначен директором Калинковичского, а затем Паричского лесных промышленных хозяйств (1937-1941); 14 июля 1942 г. постановлением ЦК КП(б)Б Домбровского утвердили одним из 12 инструкторов Полесского областного подпольного партийного центра, НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1229, лл. 76, 94.

[64] Петр Бенедиктович Бондаренко (1905 г. р.) - окончил двухклассное земское училище в Хойниках (1918), рабочий лесозавода «Красный Бор» (1920-1927), красноармеец 7-й Самарской кавалерийской дивизии Белорусского военного округа (1927-1928), председатель Великоборского, Аревичского, Поселичского сельсоветов (1928-1932), заместитель председателя Хойникского райисполкома (1932), слушатель Коммунистического университета им. Ленина в Минске (1932-1933), заместитель председателя исполкома Ельска (1933-1934), инструктор Ельского РК КП(б)Б (1933-1935), начальник спецчасти исполкома Ельского РИК (1935-1937), первый секретарь Туровского РК КП(б)Б (1937-1939), Там же, оп. 121, д. 90, л. 17.

[65] «О секретаре Туровского РК КП(б)Б Бондаренко». Специальное сообщение НКВД о руководстве Домановичского, Наровлянского и Туровского районов на 1 ноября 1938 г., Там же, д. 29, л. 22.

Таблица 1

Состав членов бюро Туровского РК КП(б)Б на 1 мая 1938 г.[66]

Фамилия, имя и отчество	Год рожд.	Занимаемая должность	Национальность	Соц. происхождение	Член ВКП(б)	Образование
Беленчик Александр Михайлович	1907	3-й секретарь РК КП(б)Б	белорус	из рабочих	с 1930 г.	низшее
Бондаренко Петр Бенедиктович	1905	1-й секретарь РК КП(б)Б	белорус	из рабочих	с 1929 г.	низшее
Дворкин Гирш Лейбович	1907	2-й секретарь РК КП(б)Б	еврей	из рабочих	с 1929 г.	низшее
Кураков	1904	зав. военным отделом	русский	из служащих	с 1928 г.	низшее
Миронович Виктор Викентьевич	1908	редактор районной газеты	белорус	из крестьян	с 1931 г.	среднее
Напреев Леон Назарович	1910	председатель райисполкома	белорус	из крестьян	с 1931 г.	низшее
Солонцев Николай Сергеевич	1904	начальник райотдела НКВД	русский	из служащих	с 1928 г.	низшее

[66] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 28, л. 116.

Отец Бондаренко, Бенедикт, до революции имел три гектара земли, но не мог свести концы с концами и нанялся продавцом в казенную винную лавку, а после 1917 г. стал сторожем Хойникского леспромхоза. Петр Бенедиктович был старательным и исполнительным работником, родственников за границей и раскулаченных не имел, на арестованного шурина лично передал компрометирующий материал. Бондаренко оставили в покое, а в мае 1938 г. даже переизбрали на новый срок секретарем Туровского райкома партии.[67] В ноябре 1938 г. его рекомендовали первым секретарем Паричского РК КП(б)Б, чтобы заменить не справлявшегося с делами товарища, но в последний момент нашли другую кандидатуру.[68]

Обвинение в неискренности

Атмосфера всеобщей подозрительности и страха парализовала Туров. Соседи опасались заходить друг к другу, вздрагивали при стуке в дверь, особенно ночью. Во многих семьях готовились к выселению, женщины вязали теплые носки и сушили сухари. От ареста не спасали бывшие заслуги, правительственные награды и почетные звания. Планы на количество врагов народа в ЦК КП(б)Б по указке из Москвы составляли заранее и «спускали» в каждый район, город, область и республику. Наиболее распространенными обвинениями считались: наличие в прошлом частной собственности, пассивность при проведении мероприятий советской власти, контрреволюционные высказывания, восхваление Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Каменева и др., членство в небольшевистских партиях, недоносительство на родственников, сокрытие социального происхождения и т. д.

Дети бывших «эксплуататоров»

В первую очередь пострадали те, кто занимался предпринимательством, имел недвижимость или использовал наемный труд. Внешними атрибутами «богатства» могли стать дом под черепицей, ухоженная усадьба, несколько коров и лошадь. Коровы и овцы в Турове были у Боруха Гительмана, до этого работавшего «утюжником» (гладильщиком белья) в Америке. Он открыл магазин в Турове, где ему помогали жена и дети. Борух пользовался уважением, к нему прислушивались, приходили за советом и помощью. Отец начальника паспортного стола Шнайдмана арендовал сады и считался «богатым». Малер, секретарь партийной организации школы в Турове, происходил из семьи «зажиточного» торговца. Угроза ареста

[67] Автобиография П.Б. Бондаренко 1938 г., НАРБ, ф. 4, оп. 23, д. 400, л. 8.

[68] Заключение Полесского ОК КП(б)Б на П.Б. Бондаренко в ЦК КП(б)Б, ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 29, л. 25.

нависла над сапожником Менделем Вагером и сыном бывшего владельца скорняжной мастерской Рувой Гутмановичем.[69]

Небольшевистские партии

На 1 мая 1938 г. выходцы из небольшевистских политических партий в Полесской областной парторганизации составляли считанные единицы: социалистов-революционеров (эсеров) – один человек, бундовцев – четыре человека и из других еврейских партий – один человек.[70] Однако еще в 1922 г. картина была совершенно иная: Компартия Белоруссии приняла в свои ряды на добровольной основе бундовцев, эсеров, анархистов, сионистов и членов других партий (15%).[71] В 30-е годы видные бундовские лидеры, в том числе А.И. Вайнштейн, М.Г. Рафес, М.Я. Фрумкина (Эстер), были необоснованно репрессированы и погибли.[72]

Эти процессы нашли косвенное отражение в Турове. В 1937 г. Боруху Вихнесу, начальнику политотдела МТС Турова, вменили в вину членство в юношеской организации *Югенд Бунд*.[73] Фридману, секретарю парторганизации комбината местной промышленности Турова, припомнили участие в «националистической» организации *Евкомол*[74] (1918 г.). На этом же основании «балластом» объявили Шустермана. Шлёму Райхмана, бухгалтера колхоза «Новая жизнь», арестовали как бывшего бундовца, будто бы занимавшегося вредительством и антисоветской агитацией. Шлёма состоял в *Бунде* с 1904 г. до призыва в армию (1912 г.), после окончания гражданской войны вернулся в Туров и работал сапожником. В 1923 г. Райхмана, вместе с другими пятью бывшими туровскими бундовцами, вызвали в ЧК Мозырского уезда и предложили отказаться от «контрреволюционного» прошлого, чтобы «другие евреи не вступали в “эту партию”». Покаяние из Турова опубликовали в газете *Эмес*, издававшейся в Минске, но в 1938 г. это не спасло, и Райхмана осудили на десять лет лагерей.[75]

---

[69] *Чырвоная Тураўшчына*, 25 жнівня 1935 г.

[70] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 7, л. 51.

[71] По итогам партийной переписи 1922 г. КП(б)Б имела в своем составе: 11% бундовцев и меньшевиков, 0,8% эсеров и выходцев из других партий - 2,56%, *Страницы истории Компартии Белоруссии. Суждения, аргументы, факты*. Сост. Ю.П. Смирнов и Н.С. Сташкевич, Минск 1990 г., с. 286.

[72] *Бунд в Беларуси, 1897-1921 гг.* Документы и материалы. Сост. Э.М. Савицкий, Минск 1997 г., с.14.

[73] Постановление Туровского РК КП(б)Б от 21 сентября 1937 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 4, д. 70, л. 307.

[74] *Евкомол* - Еврейский коммунистический Союз рабочей молодежи (*Югенд Поалей Цион*).

[75] Заявление Райхмана в Прокуратуру СССР от 18 сентября 1958 г., АУ КГБ ГО, д. 8415, л. 13.

Недоносительство на родственников

Одним из наиболее аморальных обвинений стало недоносительство на родных, заподозренных властями в нелояльности. Святость родственных уз была принесена в жертву политической конъюнктуре и партийным распрям. Лейбу Шапиро хотели исключить из партии на том основании, что его мать была «торговкой» в 1926–1928 гг. и лишенной избирательных прав. Только учитывая, что Шапиро не жил с родителями (с 1924 г.) и оправдал себя на практической работе, ему объявили строгий выговор с предупреждением.[76] Под подозрение попал Лайхтман, секретарь комсомольской организации потребительской кооперации Турова, отца которого арестовали органы ОГПУ. Землемера Боруха Розенфельда обвинили в связях с бывшим членом Политбюро ЦК ВКП(б) Львом Каменевым (Розенфельдом) на том основании, что у них одинаковая фамилия.[77] Борису Левковцу инкриминировали наличие среди его родственников «беспаспортных» и «высланных», Мефодию Сацевичу – укрывательство врагов народа из Польши.[78] Иду Райхман уличили в неискренности, когда при получении рекомендации в партию она скрыла сведения о родных в Польше и в Америке и своем дяде Конике как «враге народа»;[79] родственников за границей нашли у комсомольского работника В.К. Гительмана и др.[80]

Подобная практика существовала и за пределами Турова. В Мозыре Либу Палицкую, заведующую складом фабрики «Красный Октябрь», исключили из партии за «хвостизм»[81] и связь с отцом-троцкистом.[82] Заведующего столовой этого же предприятия Ицку Миндлина подвергли наказанию за связь с братом-троцкистом,[83] а Абраму Вайсману, мастеру на фанерном заводе, вменили в вину «притупление классовой бдительности», поскольку он дал положительную рекомендацию «троцкисту» Шейнману.[84]

---

[76] «О выдаче партбилета нового образца Л.З. Шапиро». Протокол бюро Туровского РК КП(б)Б от 9 февраля 1936 г., ГАООГО, ф. 69, оп. 1, д. 1154, л. 234.

[77] Боруха продержали в Бутырской тюрьме полтора года. Для получения признания его подвергали побоям и издевательствам, морили голодом, помещали в карцер, заставляли стоять до потери сознания по колено в холодной воде. Несмотря на это, Розенфельд не подписал обвинение и был оправдан. Письмо Абрама Розенфельда от 1 декабря 1999 г. из Тель-Авива, Архив автора.

[78] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 13, л. 187.

[79] Ида Львовна Райхман (1914 г. р.) - уроженка д. Озераны Туровского района, из кустарей, образование незаконченное среднее, пионервожатая Тонежской средней школы, была принята кандидатом в члены КП(б)Б. Постановление Туровского РК КП(б)Б 13 марта 1939 г., Там же, д. 52, л. 92.

[80] Там же, оп. 2, д. 5, л. 127.

[81] *Хвостизм* - обиходное выражение тех лет, имевшее значение «отстающий, безынициативный, плохо воспринимающий новое, не стремящийся к переменам».

[82] Палицкая заявила на собрании, что рабочие падают у станка от голода, за это и другие «преступления» 26 июня 1937 г. ее исключили из партии, Там же, оп. 1, д. 52, л. 107.

[83] Там же, д. 52, л. 136.

[84] Там же, л. 137.

Антисоветская пропаганда

Отдельную группу подозреваемых составили лица, допускавшие «контрреволюционные» высказывания. Шляпинтох считал Троцкого «лучшим человеком», который желал добра трудящимся, но был исключен из партии и выслан из СССР как еврей, которых «у нас» не любят.[85] За антисоветскую агитацию в августе 1937 г. арестовали бухгалтера машинно-тракторной станции Шмуэля Шифмана, а Василия Телятко исключили из партии за «идеализацию врага народа Бухарина».[86] В проведении контрреволюционной агитации обвинили Шлёму Райхмана, который говорил, что колхозников взяли в «мешок» и они скоро завоют. После принятия новой Конституции Райхману приписывали слова о том, что «свободы не существует, коммунисты старались для себя, а народ голодает», что Гамарник[87] был большевиком и погиб потому, что не верил в построение социализма в одной стране и что «если следовать по пути, указанному Троцким, то жили бы лучше».[88]

За антисоветскую пропаганду в августе 1937 г. арестовали бухгалтера кирпичной артели «1-е Мая» Шая Голина. Голин заявлял, что у коммунистов большие оклады, а рабочие на них «батрачат», как на фабрикантов при старой власти, что советская власть хуже Гитлера, потому что ссылает невинных людей «миллионами», что Зиновьев и Каменев не были врагами народа, как их «разрисовали» в печати, что советские законы – «волчьи», что в Испании фашисты побеждают республиканцев, но газеты об этом не сообщают. Голина судили и приговорили к длительному сроку исправительно-трудовых работ.[89]

Работа суда

После принятия Всесоюзной Конституции в декабре 1936 г. у людей появилась иллюзорная надежда на переход к правовому государству. Однако это не помешало карательной машине репрессий набирать обороты. Судебные инстанции не справлялись с потоком дел, а процедура следствия оставалась формальной. Работникам не хватало опыта и знаний, однако при этом требовалось соблюдать

[85] *Чырвоная Тураўшчына*, 2 сакавіка і 29 верасня 1935 г.

[86] Шмуэля Шифмана держали в тюрьме в Турове две недели и подвергали истязаниям: закладывали руки в дверь и ломали пальцы. Шмуэлю угрожали, что если он не признает свою вину, то жену, пять детей, отца и мать вышлют за Урал. Документы по реабилитации Шифмана от 15 октября 1998 г., Справка № 10/13942, Архив автора.

[87] Ян (Яков) Борисович Гамарник (1894-1937 гг.) - первый секретарь ЦК КП(б)Б (1928), начальник Политуправления РККА, главный редактор газеты *Красная Звезда* (1929), заместитель наркома обороны СССР (1930), активно поддерживал реформы маршала М.Н. Тухачевского.

[88] Обвинительное заключение по делу Райхмана, АУ КГБ ГО, д. 8415, л. 24.

[89] Там же, д. 2239, лл. 11, 30.

темп выполнения заказа на поиск и разоблачение врагов. В начале января 1938 г. исполнявший обязанности наркома юстиции БССР В. Мулярчик докладывал ЦК КП(б)Б, что к работе в судах допускают людей непроверенных и юридически не подготовленных. Штаты судебных работников не укомплектованы полностью, из требуемых 200 народных судей не хватает 74, общая текучесть кадров достигла 32% в год. В 1937 г. были уволены 45% судебных исполнителей, а из 54 судей, отстраненных от работы, десять сами оказались под судом за уголовные преступления или злоупотребление алкоголем.[90]

Осенью 1938 г. Полесский областной суд из 12 постоянных членов решал судьбы тысяч людей. Среди судей были шесть белорусов, четыре еврея, один русский и один поляк. Они гордились пролетарским происхождением и не придавали значения национальным корням. Партийный состав судей-евреев представлен в табл. 2.

Таблица 2
Евреи – члены Полесского областного суда на 10 октября 1938 г.[91]

Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Партийная принадлежность	Партийный стаж
Зальцман Яков Абрамович	1906	беспартийный	–
Кветный Семен Хаимович	1904	член ВКП(б)	с 1924 г.
Полойко Берко Гиршевич	1908	член ВКП(б)	с 1932 г.
Хейман Юда Мордухович	1912	канд. в члены ВКП(б)	с 1932 г.

Средний возраст евреев, членов коллегии областного суда, не превышал тридцати с половиной лет. Самому старшему из них (Кветному) исполнилось 34 года, а самому молодому (Хейману) – 24. Это было новое поколение юристов, которые получили образование в советских учебных заведениях и руководствовались теорией классовой борьбы.[92] Председатель областного суда Андрей Яковлевич Апалько (1891 г. р.), член партии с 1919 г., был для них непререкаемым авторитетом. Евреи-судьи по числу занимали после белорусов второе место и насчитывали 30% от общего количества членов областного суда. Эта динамика примерно

[90] НАРБ, ф. 4, оп. 8, д. 32, лл. 222, 225.

[91] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 28, л. 143.

[92] Согласно крылатому выражению В.И. Ленина, у большевиков моральными считались любые действия, которые отвечали интересам диктатуры пролетариата.

соответствовала численности еврейского населения Полесской области в конце 30-х годов – 33,6%.[93]

Ответственным за работу судов в Полесской области являлся уполномоченный Наркомюста БССР Василий Петрович Буланов. Советское правосудие в области вершили 26 народных судей – 18 белорусов, пять евреев, двое русских и один латыш. В их состав евреи входили в Мозыре, Хойниках, Житковичах, Наровле и Брагине, что показано в табл. 3.

Таблица 3
Евреи-судьи в составе народных судов Полесской области в 1938 г.[94]

Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Место работы	Партийный стаж	Стаж судебной работы
Борода Илья Айзикович	1907	2-й участок, Хойники	с 1932 г.	с 1934 г.
Лельчук Пиня Меирович	1905	4-й участок, Мозырский район	с 1928 г.	с 1934 г.
Рогинский Исаак Наумович	1911	Житковичский район	с 1938 г.	с 1938 г.
Френкель Абрам Аркадьевич	1910	Наровлянский район	с 1932 г.	с 1933 г.
Яхнин Зелик Моисеевич	1912	1-й участок, Брагинский район	с 1932 г.	с 1934 г.

Все пять судей находились в начале карьеры, а стаж практической работы составлял от полугода до четырех лет. Отсутствие профессионального опыта компенсировалось служебным рвением. Председателем народного суда Туровского района был Степан Григорьевич Бендик (белорус), член ВКП(б) с 1919 г., имевший профессиональный стаж с 1933 г., а судьей – Петр Антонович Куликов (русский). Они рассматривали большинство дел из Турова. Для второй половины 30-х годов был характерен обвинительный уклон. Оправдательные приговоры считались проявлением «мягкотелости» и сочувствия врагам советской власти. Судопроизводство

[93] Подсчитано по: M. Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust.* A social demographic profile, Jerusalem 1998, p. 232.

[94] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 28, л. 144.

строилось на «теории», выдвинутой Вышинским,[95] согласно которой суду достаточно было признания обвиняемого, а презумпция невиновности отсутствовала.

В сентябре 1938 г. для ускорения рассмотрения дел при местных управлениях НКВД (краев, областей и республик) были образованы особые *тройки* в составе первого секретаря обкома партии, начальника областного управления НКВД и прокурора, которые должны были закончить свою работу в двухмесячный срок.[96] Затем дела направлялись в военные трибуналы, линейные и областные суды, Военную коллегию Верховного суда и Особое Совещание при НКВД СССР. Они вели упрощенное делопроизводство – составляли только протоколы заседаний, в которые записывали принятые решения без доказательства преступной деятельности.[97] Решения особых троек по «первой категории» (расстрел) приводились в исполнение немедленно.

Наиболее жестокими оказались репрессии с августа 1937 по сентябрь 1938 г. НКВД требовал усилить наблюдение за настроениями людей и поведением, связями членов семей врагов народа, провести вербовку среди их окружения – родственников, знакомых, сослуживцев, соседей. Вслед за «изменниками родины» часто забирали жен и детей. По Мозырскому округу эта картина представлена в табл. 4.

Всего к осени 1937 г. в Мозырском округе было арестовано 1082 семьи, которые включали 3879 чел. всех национальностей. В Турове по первой категории репрессировали 12 семей (29 чел.), а по второй – 40 (127 чел.). Семьи осужденных в Турове составили 5,7%, а члены семей – 4% от общего количества репрессированных в округе. В Турове арестованных оказалось меньше, поскольку он находился в семи километрах от государственной границы и считался закрытой зоной. Служба госбезопасности всегда здесь была бдительной. Въехать на территорию Туровского района разрешалось только по специальному пропуску, все подозрительные контакты тщательно проверялись.

Несмотря на это, в Турове от репрессий пострадали десятки семей. Мордехай Райхман, кавалер ордена Боевого Красного Знамени, не осмеливался зайти в дом своего брата Соломона после ареста последнего летом 1937 г.[98] Часть семей, чьи близкие были арестованы, покинула Туров (Кацманы, Гизунтерманы, Гутманы, Гозманы, Чечики), другие потеряли работу и перебивались случайными заработками. Дети осужденных несли клеймо ЧСИР (членов семьи изменника родины), были отстранены от общественной деятельности и не могли продолжать образование.

---

[95] Андрей Януарьевич Вышинский (1883-1954 гг.) - Генеральный прокурор СССР (1933-1939), государственный обвинитель на фальсифицированных политических процессах 1930-х гг., заместитель председателя СНК СССР, министр иностранных дел (1949-1953).

[96] НАРБ, ф. 4, оп. 8, д. 32, л. 225.

[97] Т.С. Протько, *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси, 1917-1941 гг.*, Минск 2002 г., с. 192.

[98] Запись беседы с Григорием Райхманом 17 ноября 2001 г. в Кирьят-Бялике (Израиль), Архив автора.

Рошка (Рахиль) Шифман после ареста мужа случайно устроилась кассиром в бане.[99] Семья Лазаря Гобермана после конфискации дома уехала в Крым.[100]

Таблица 4
Количество семей репрессированных в Мозырском округе на 20 октября 1937 г.[101]

Район	По 1-й категории		По 2-й категории	
	семей	*чел.*	*семей*	*чел.*
Домановичский	48	197	51	221
Ельский	27	87	64	197
Житковичский	45	180	33	121
Копаткевичский	15	66	22	81
Лельчицкий	53	223	77	326
Мозырский	94	330	196	689
Наровлянский	89	278	79	296
Петриковский	71	202	66	229
Туровский	12	29	40	127
Итого	**454**	**1592**	**628**	**2287**

Прекращение террора

Массовый террор был остановлен к концу 1938 г. по приказу из Москвы так же организованно, как и начался. Цель была достигнута: государство безраздельно господствовало над своими гражданами в политическом, юридическом, экономическом отношениях и даже личной жизни. Репрессии приняли такие масштабы, что грозили обрушить тоталитарную пирамиду, выстроенную сталинским режимом,

[99] Самуил Рувимович Шифман реабилитирован прокуратурой Гомельской области 3 ноября 1989 г. в соответствии с Указом Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов».

[100] Запись беседы с Кларой Лазаревной Гоберман 18 октября 2002 г. в Иерусалиме, Архив автора.

[101] Составлено по: НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1397, л. 22.

6229

СОВ. СЕКРЕТНО

ПРИКАЗ

Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР

за 1938 год

95

СОДЕРЖАНИЕ:

№№ 00822—00826. Разосланы по принадлежности.

№ 00827. 27-го декабря 1938 г., гор. Москва.

В органах НКВД имеют место случаи вербовок агентов и осведомителей из числа ответственных руководящих работников партийных, советских и хозяйственных аппаратов, а также из состава работников, обслуживающих аппараты ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии,

ПРИКАЗЫВАЮ:

Всем НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей, начальникам городских и районных отделений НКВД и начальникам ДТО:

1. Прекратить вербовки из числа ответственных руководящих работников в партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организациях.

2. Прекратить вербовки каких бы то ни было работников, обслуживающих аппараты ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии.

3. Немедленно прервать связь со всеми ранее завербованными работниками перечисленных в пунктах 1 и 2 категорий, о чем сообщить каждому завербованному агенту или осведомителю путем вызова его и отобрания соответствующей подписки.

Личные и рабочие дела агентов и осведомителей, указанных выше категорий, уничтожить в присутствии представителя райкома, горкома, обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, о чем составить соответствующий акт.

— 2 —

4. С настоящим приказом ознакомить весь оперативный состав работников НКВД, УНКВД и горрайотделений, а также первых секретарей ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии.

Настоящий приказ в 10-дневный срок, после получения его на местах, провести в жизнь.

НКВД союзных и автономных республик и УНКВД краев и областей об исполнении сообщить в НКВД СССР специальной докладной запиской.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
комиссар государственной безопасности 1-го ранга

Л. БЕРИЯ.

Приказ Л.П. Берия по НКВД СССР от 27 декабря 1938 г. о прекращении вербовки осведомителей среди ответственных советских и партийных работников

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО 24

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

№ П4414 28 декабря 1938 года

ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЯМ ЦК НАЦКОМПАРТИЙ, КРАЙКОМОВ, ОБКОМОВ, ОКРУЖКОМОВ, ГОРКОМОВ И РАЙКОМОВ ВКП (б).

Рассылается для сведения членов бюро ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б) приказ НКВД от 27 декабря 1938 года, утвержденный ЦК ВКП(б).

Секретарь ЦК **И. СТАЛИН**

Указание И.В. Сталина от 28 декабря 1938 г.
всем секретарям ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б) о прекращении репрессий

и похоронить под собой ее создателей. Несправедливые аресты партия объясняла происками врагов в НКВД. Важно было замести следы, убрать наиболее одиозных исполнителей под видом восстановления революционной законности. Это позволяло вернуть людям надежду на личную безопасность и выпустить часть осужденных.

17 ноября 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение об установлении законности в действиях службы безопасности. На места было разослано закрытое письмо «Об извращениях в следственной работе НКВД». В конце 1938 г. на посту наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова сменил комиссар госбезопасности первого ранга Л.П. Берия,[102] который издал приказ «О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций». Приказ Берии № 827 от 27 декабря 1938 г. имел гриф «строго секретно» и сопровождался директивой И.В. Сталина в адрес первых секретарей ЦК национальных компартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б).[103]

Всем отделам НКВД союзных и автономных республик, краев и областей, начальникам городских и районных отделений госбезопасности предписывалось прекратить вербовку осведомителей из числа ответственных руководящих работников и обслуживающего персонала партийных комитетов всех уровней. У ранее завербованных секретных агентов и осведомителей отобрали подписки о сотрудничестве, а их личные дела уничтожили в присутствии представителей райкомов, горкомов или ЦК национальных компартий, о чем составили специальный акт.

16 января 1939 г. народный комиссар внутренних дел БССР старший майор госбезопасности Лаврентий Цанава сообщил в Москву о ходе выполнения приказа Берии. Подписки о сотрудничестве были отобраны у председателя Верховного Совета БССР Н.Г. Грековой, заведующих особыми секторами при ЦК КП(б)Б и Минском обкоме партии, у ряда секретарей областных, городских и районных партийных комитетов.[104] Цанава докладывал, что телохранители первого секретаря ЦК КП(б)Б Пономаренко[105] по указанию наркома НКВД БССР

[102] Лаврентий Павлович Берия (1899-1953 гг.) - народный комиссар НКВД (1938-1945), министр МВД СССР (1953), арестован по обвинению в заговоре с целью захвата власти и в декабре 1953 г. расстрелян.

[103] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 67, лл. 24, 25-об.

[104] Секретари Добрушского, Богушевского, Узденского райкомов партии, председатель Узденского райисполкома, заведующие учетным сектором Холопеничского и Бешенковичского РК КП(б)Б, инструкторы Стародорожского, Толочинского, Дриссенского, Россонского, Суражского, Оршанского, Освейского, два инструктора Пуховичского райкомов партии, заведующий особым сектором Могилевского обкома партии, заведующие партийными кабинетами Витебского ОК и Меховского РК КП(б)Б и др.

[105] Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902-1984 гг.) - первый секретарь ЦК КП(б)Б с июня 1937 по март 1947, председатель СНК БССР (1944-1948).

Наседкина негласно собирали компрометирующий материал, в результате чего на Пономаренко было заведено наблюдательное дело. В качестве осведомителей были завербованы 13 работников обслуживающего персонала ЦК КП(б)Б и *лечкомиссии.*[106] Из сети осведомителей были исключены заведующие учетными секторами райкомов, горкомов, управляющие делами обкомов, председатели райисполкомов и т. д.[107]

В декабре 1938 г. «за грубое нарушение социалистической законности» арестовали наркома НКВД БССР Бермана и его ближайшее окружение. Материалы следственных дел на бывших сотрудников госбезопасности до сих пор остаются недоступными для анализа. Картина страшного беззакония приоткрывается из показаний, включенных в сопроводительные документы, приобщенные к делам по реабилитации 1957–1959 гг. По свидетельству начальника третьего отделения УНКВД по Гомельской области Ровинского, в 1937 г. ЦК ВКП(б) определил «лимиты» – сколько человек необходимо арестовать в том или ином месте за определенный срок. Помощник начальника отдела УГБ НКВД БССР Соколов на оперативном совещании сотрудников госбезопасности инструктировал о методах ведения следствия: «Вы должны быть *стахановцами*[108] и не только выполнять нормы по разоблачению одного человека в сутки, но давать больше, чтобы не даром получать государственные деньги».[109]

Следователи добивались признательных показаний путем применения мер физического воздействия, оскорблений, унижения человеческого достоинства, запугивания и угроз. При тюрьмах НКВД были оборудованы камеры пыток и карцеры. Особо непокорных заключенных сажали в «ледник» – темное помещение с цементным полом, залитым водой, где в любое время года сохранялась низкая температура. В 1938–1939 гг. Военный трибунал приговорил некоторых следователей-садистов к высшей мере наказания. Однако расстреляны были только исполнители, преимущественно евреи, остальные получили по десять лет лагерей, но затем были освобождены в связи с началом войны с Германией.

НКВД БССР не проводил самостоятельных действий, он подчинялся НКВД СССР, который, в свою очередь, выполнял руководящие указания из ЦК ВКП(б), Генеральной прокуратуры и лично И.В. Сталина. Все начинания белорусских *особистов* были строго регламентированы, поэтому самодеятельность на местах

---

[106] *Лечкомиссия* - Управление по охране здоровья номенклатуры ЦК КП(б)Б, СНК и ЦИК БССР.

[107] Расціслаў Платонаў, *Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20-30-х гадоў*, Мінск 1996 г., с. 357-359.

[108] Алексей Григорьевич Стаханов (1905-1977 гг.) - шахтер Донбасса, в августе 1935 установил рекорд по добыче угля, вырубив вместо семи - 102 тонны за одну смену; советская пропаганда использовала его имя для организации массового «стахановского» движения по повышению производительности труда.

[109] АУ КГБ ГО, д. 9880, л. 163.

сводилась к минимуму. Расправляясь с неугодными, сотрудники НКВД были уверены, что их действия заранее одобрены свыше. Несмотря на это, все руководители госбезопасности республики с 1918 по 1941 г. (17 чел.) умерли неестественной смертью, большинство из них приговорили к высшей мере наказания и расстреляли.[110] Это было логичным завершением обновления высшего эшелона НКВД СССР. В 1936 г. Ежов заменил Ягоду,[111] а когда сыграл свою палаческую роль, на смену ему в 1938 г. пришел Берия.

Этой рокировкой Сталин только укрепил службу безопасности как главную карательную структуру государства. С приходом Берия кадровая чистка получила второе дыхание. За 1939 г. из органов было уволено 7372 сотрудника, или 22,9% от их общего состава. В то же время на оперативно-чекистскую работу было принято 14 тыс. 506 чел., большинство из них были партийно-комсомольскими выдвиженцами.[112]

Реабилитация в Полесской области и Турове

Новые руководители НКВД, приступив к работе, столкнулись с огромным количеством дел, по которым заключенные были осуждены без каких-либо оснований, или вынесенные приговоры явно не соответствовали тяжести совершенных преступлений. Прокуратура СССР 10 октября 1939 г. получила право ходатайствовать перед Особым Совещанием при НКВД о снижении установленных тройками сроков наказания до 3–5 лет, замене заключения ссылкой или снижении меры наказания до фактически отбытого срока с освобождением заключенных из-под стражи.

---

[110] Председатели ЧК БССР - Виктор Иванович Яркин (1889-1937 гг.), Александр Иосифович Роттенберг (1886-1939 гг.), Ян Каликстович Ольский (Куликовский) (1898-1937 гг.); председатели ГПУ БССР - Иосиф Александрович Адамович (1897-1937 гг.), Филипп Демьянович Медведь (1890-1937 гг.), Роман Александрович Пиляр (1894-1937 гг.), Григорий Яковлевич Раппопорт (1890-1937 гг.), Станислав Францевич Реденс (1892-1940 гг.), Герман Петрович Матсон (1896-1938 гг.), Леонид Михайлович Заковский (1894-1938 гг.); наркомы НКВД БССР - Израиль Моисеевич Леплевский (1894-1938 гг.), Александр Исаакович Хацкевич (1895-1943 гг.), Георгий Андреевич Молчанов (1897-1937 гг.), Борис Давидович Берман (1901-1939 гг.), Алексей Алексеевич Наседкин (1897-1940 гг.), Лаврентий Фомич (Джанджава) Цанава (1900-1955 гг.). См.: А.Р. Кулеш, Л.В. Пименов, И.А. Валаханович, *Руководители органов государственной безопасности Беларуси.* Краткий биографический справочник, Минск 1997 г., с. 9-29.

[111] Генрих Григорьевич Ягода (1891-1938 гг.) - нарком внутренних дел СССР (1934-1936 гг.), один из главных исполнителей массовых репрессий, расстрелян.

[112] Г.В. Костырченко, *Тайная политика Сталина.* Власть и антисемитизм, Москва 2001 г., с. 210.

Дело Голина

24 августа 1937 г. в Турове арестовали бухгалтера кирпичной артели Шая Айзиковича Голина (1884 г. р.) как бывшего крупного торговца. Голина обвинили в выражении недовольства жизнью при советской власти, получении долларов из-за границы, участии в партии сионистов (1917–1922), занятии контрабандой и спекуляции мануфактурой (1931–1933), которую он якобы получал посылками из Москвы. Жена Шаи, Сима, была дочерью кантора синагоги, что, с точки зрения властей, усугубляло вину.[113]

Сотрудник НКВД Турова И.Н. Коваль произвел обыск в доме Голина и отправил его в Мозырскую тюрьму. Уже на первом допросе 25 августа Шая сообщил, что в 1932–1935 гг. вел переписку с родственниками жены – Йоселем Меировичем Фишманом и Нисимом Поварчиным, которые эмигрировали из Турова в Америку в 1918 г.; в Польше (Кожан-Городок) жил родной брат Голина, Моисей.

На допросе 18 октября 1937 г. Голин начал себя оговаривать – будто занимался контрабандой, много раз бывал в Пинске (Польша), товары для перепродажи брал в кредит у Абы Лившица и Гольдберга, «клеветал», что в СССР люди страдают, а не живут. Обвинение строилось на показаниях председателя кирпичной артели Павла Родионова и технического руководителя артели Сохар-Израиля Брегмана.[114] Шая признали виновным в связях с фашистской организацией, распространении контрреволюционных слухов о падении советской власти и приговорили к десяти годам заключения, которые он отбывал в ГУЛАГе на станции Известковая Дальневосточной железной дороги Хабаровского края.[115]

В апреле 1938 г. Сима Меировна Голина подала жалобу на имя наркома НКВД СССР Н.И. Ежова. Она писала, что муж прожил в Турове 35 лет, работал по найму и только несколько лет (до 1928 г.), когда семья очень нуждалась, вел мелочную торговлю с ларька. При первой возможности заняться «честным трудом» Шая стал бухгалтером. Пять братьев Голина погибли от «бандитской руки белополяков», поэтому ничего кроме ненависти к фашистам он не испытывал. Следствие было неполным, что «клеветники ввели в заблуждение органы НКВД в корыстных целях». На этом основании Сима просила опротестовать постановление особой тройки.[116]

Шая Айзикович категорически отрицал все обвинения, выдвинутые людьми, имевшими с ним личные счеты. Десять долларов ему прислала не «фашистская организация», а Нисим Поварчин, и на эти деньги семья купила продукты в Мозырском *торгсине*. Давид-Городок до революции был частью Российской империи, а не принадлежал Польше. Шая жил в Турове с 1907 г., другими словами, не родился и никогда не жил в Польше. В Пинске он приобретал товар для мелочной лавки,

[113] Постановление на арест Голина Шая Айзиковича от 17 августа 1937 г., АУ КГБ ГО, д. 2239, л. 1.

[114] Там же, л. 11.

[115] Протокол заседания особой тройки НКВД от 23 октября 1937 г.*,* Там же, л. 30.

[116] Жалоба Симы Меировны Голиной на имя Н.И. Ежова от 9 апреля 1938 г., Там же, л. 31.

а когда была установлена постоянная государственная граница (1921), ездить туда перестал. Отношения с родственниками прервались, и он даже не знает, жив ли брат Моисей. Голин добавлял, что *балаховцы* пытались его повесить как «жида-коммуниста», а жену изнасиловали (1920). Кооператив «Спулка», объединивший 11 лавочников в Турове, был организован по рекомендации Наркомторга БССР (1925), чтобы урегулировать положение в торговле, а не являлся «крышей» спекулянтов.

Голин подчеркивал, что считал себя «беспартийным большевиком» и до конца жизни останется верным сыном советской власти. Ходатай просил пересмотреть его дело, и если будет установлено, что он «антисоветский», то ему милее смерть, чем мешать своим детям брать пример со Сталина. Заявление Голина кончалось словами, что он верит в торжество правды, которая позволит ему идти в ногу с трудящимися.[117] Можно предположить, что Шая Айзикович, критически оценивавший советскую действительность, вряд ли был до конца искренним. Однако ситуация, в которой он оказался, заставляла принимать навязанные правила игры и только в этом случае позволяла надеяться на избавление от страданий.

В апреле 1939 г. спецотдел НКВД СССР послал в Минск заявление Ш.А. Голина с предложением рассмотреть его в двухдекадный срок в соответствии с директивой НКВД и Прокуратуры СССР от 26 декабря 1938 г. и переслать заключение для исполнения в Москву.[118] В мае 1939 г. начальник Полесского управления НКВД Тупицын и начальник следственной части Юдичев направили архивное следственное дело Голина в Туров, чтобы допросить заново свидетелей К.В. Жука, В.Т. Родионова, С.С. Брегмана, С.Ф. Паско, Я.Г. Бородоцкого и П.П. Покинко и конкретизировать их показания. Кроме того, требовалось приложить официальные справки из горсовета о времени занятия осужденным частной торговлей и ее размерах. Предлагалось найти новых лиц, чтобы перепроверить отношения Голина с предыдущими свидетелями, которые подписали на него признательные показания. На это туровским чиновникам отводилось всего пять суток с последующей пересылкой заключения в Минск.

5 мая 1939 г. начальник НКВД Турова сержант госбезопасности Молчанов допросил заведующего рестораном в Турове Бородоцкого, который утверждал, что Голин в 1926–1929 гг. был крупным торговцем в районе. Когда в результате налогового пресса товарищество «Спулка» распалось, Голин открыл торговлю мануфактурными изделиями.[119]

Жук подтвердил, что, когда клал в доме Голина печь, слышал от него, что при

---

[117] Заявление Ш.А. Голина в Верховный Совет СССР от 20 января 1939 г., Там же, с. 30.

[118] Сообщение начальника 8-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР, лейтенанта госбезопасности Тараканова от 8 апреля 1939 г., Там же, л. 31.

[119] Организаторами «Спулки» выступили: Иосиф Лельчук, Зелик Биндман, Шая Марголин, Шая Голин, Мовша Гренадер; после 1929 г. их дома, в которых располагались торговые ряды в Турове, были заняты под районный Совет депутатов трудящихся, отделы социального обеспечения и коммунального хозяйства, Осоавиахим, парткабинет, милицию и аптеку. Показания Янкеля Гиршевича Бородоцкого (1910 г. р.) от 5 мая 1939 г., Там же, л. 35.

советской власти порядки неправильные, что деньги и продукты есть, но «эта жизнь мертвая».[120] Туровский поселковый Совет добавил, что Шая Голин в 1920–1921 гг. держал хедер.[121]

Собранные сведения не выявили причастность Голина к сионистам, связи с «фашистами» Америки, шпионами и контрабандистами из Польши. Арест Голина не был санкционирован прокурором, а свидетели Жук, Родионов, Брегман, Ласко, Бородоцкий и Покинко повторили только слова Голина, которые по своему содержанию не являлись антисоветскими. Несмотря на это, в мае 1939 г. было подготовлено заключение, что обвинения против Голина подтвердились. Начальник областного УНКВД Тупицын наложил резолюцию: «Согласен», а нарком внутренних дел БССР Цанава результаты проверки утвердил.[122] В октябре 1939 г. прокурор Туровского района Кочеровский составил формальную отписку, что дело Голина перепроверили, постановление особой тройки НКВД в 1937 г. было вынесено правильно и оснований для протеста не имелось. Жалобу Голина оставили без последствий, надзорное производство прекратили, а дело вернули в архив.[123]

В следующий раз Шая Голин просил о пересмотре дела накануне окончания войны с Германией. В своем заявлении на имя прокурора СССР по специальным делам он справедливо отмечал, что в начале 1930-х гг. получение посылок и переводов из-за границы было установленной практикой. Поварчин служил сторожем при еврейской школе в Нью-Йорке и не имел понятия о фашистской организации в США, которая будто бы послала эти продукты (умер в 1932 г.). В апреле 1945 г. в новой жалобе Голин писал, что за восемь лет заключения он не имел взысканий, работал добросовестно, несмотря на инвалидность. Три сына Шаи воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Старший Арон пропал без вести,[124] второй, Семен, лейтенант, имел два ордена и находится в госпитале после тяжелого ранения,[125] третий, Петр (Пиня), продолжает воевать,[126] четвертый, Яша, ожидает при-

---

[120] Из показаний Кондратия Васильевича Жука (1887 г. р.) от 7 мая 1939 г., Там же, л. 39.

[121] Из справки Туровского поселкового Совета от 8 мая 1939 г., Там же, л. 56.

[122] Заключение по дополнительной проверке по делу Шая Голина от 20 мая 1939 г., Там же, л. 58.

[123] Постановление прокурора Туровского района Качеровского от 25 октября 1939 г., Там же, л. 59.

[124] Арон Шаевич Голин (1915-1943 гг.) - учитель математики в русской школе Турова, воевал с нацистами, пропал без вести в районе г. Орла, Центральный архив Министерства обороны, оп. 977520, д. 495, л. 242.

[125] Семен (Шлёма) Шаевич Голин (1922 г. р.) - окончил Чкаловское артиллерийское училище, лейтенант, командир батареи 343-й зенитной дивизии, участвовал в боях на Западном, 1-м и 2-м Белорусском фронтах, ранен под Витебском (март 1944), уволен по ранению (1945), награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст., Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др., инвалид войны.

[126] Пиня Шаевич (Петр Исаевич) Голин (1926 г. р.) - призван в РККА в 1943, воевал на 2-м Белорусском фронте, освобождал Польшу, награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., медалью «За отвагу», демобилизован в декабре 1945 по ранению.

зыва в Красную Армию[127], а дочь Сара награждена за участие в обороне Кавказа.[128] Голин делал вывод, что воспитал детей в духе советского патриотизма, и они теперь не жалеют сил «за родину, честь и товарища Сталина». Ссылаясь на подорванное здоровье и заслуги детей, Шая просил о снисхождении.[129]

В августе 1945 г. заместитель прокурора СССР, генерал-лейтенант юстиции Вавилов направил протест в Особое Совещание при НКВД СССР по делу Голина. Принимая во внимание, что ходатай отбыл за совершенные «преступления» восемь из десяти лет, характеризовался положительно, компрометирующих материалов на него не поступало, имел преклонный возраст, Вавилов просил изменить решение бывшей тройки НКВД БССР от 23 октября 1937 г. и заменить оставшийся ходатаю срок ссылкой.[130]

Снисхождение, о котором прокуратура СССР просила Особое Совещание при НКВД, было минимальным. Шаю Айзиковичу исполнился 61 год, и здоровье его было подорвано. Положительное решение создавало иллюзию справедливости советских карательных органов, пошедших навстречу исправившемуся «грешнику».

В октябре 1945 г. старший уполномоченный секретариата Особого Совещания при НКВД майор Веретенников согласился с протестом прокуратуры и вынес дело на рассмотрение Особого Совещания при НКВД, которое заменило оставшиеся два года лагерей ссылкой. Однако справедливость в отношении Голина была восстановлена только в 1956 г.[131]

Дело Райхмана

19 сентября 1937 г. арестовали Ш.Д. Райхмана, работавшего в колхозе «Новая жизнь». Начальник НКВД в Турове Солонцев составил обвинительное заключение по статье 72 УК БССР о том, что Райхман разлагал трудовую дисципли-

---

[127] Яков Шаевич Голин (1928 г. р.) - доктор медицинских наук (1979), профессор; эвакуирован из Турова в г. Махачкалу (1941); окончил Дагестанский медицинский институт (1950), работал зам. министра здравоохранения Дагестанской АССР, зав. кафедрой социальной гигиены (1956-1965).

[128] Сара Шаевна Голина (1918-1995 гг.) - студентка Минского медицинского института, летом 1941 приехала в Туров навестить родителей, эвакуировалась в г. Махачкалу Дагестанской АССР и продолжила учебу в Дагестанском медицинском институте, после ускоренного выпуска (декабрь 1941) работала в госпиталях Махачкалы и других в Дагестане.

[129] Заявление Ш.А. Голина прокурору СССР по специальным делам от 18 апреля 1945 г., АУ КГБ ГО, д. 2239, л. 61.

[130] Протест заместителя прокурора СССР генерал-лейтенанта юстиции Вавилова по делу Ш.А. Голина от 22 августа 1945 г., Там же, л. 65.

[131] 26 июня 1956 г. заместитель Генерального прокурора СССР Д. Салин отменил постановление тройки НКВД от 23 октября 1937 г., и, в соответствии с Указом 19 августа 1955 г., дело против Ш.А. Голина было прекращено за отсутствием состава преступления, Там же, л. 70.

ну, систематически вел среди населения агитацию, направленную на подрыв мероприятий советской власти, высказывал троцкистские взгляды и защищал «врагов народа». Дело усугубило членство Райхмана в молодые годы в *Бунде* (1904–1911 гг.) и наличие родственников за границей. Шлёма (Соломон) Давидович не признал себя виновным, и его дело было направлено на рассмотрение тройки НКВД БССР.[132]

Шлёма родился в Турове в 1890 г. в семье плотника, где было еще три сына и дочь. Абрам (Авремеле) уехал в Америку до революции, Мордехай (Мордхе) жил в д. Тонеж, Исаак (Айзик) – в Лельчицах, а Циля – в Гомеле. В шесть лет Шлёма остался круглым сиротой и попал в подмастерья к сапожнику. В первую мировую войну Райхмана мобилизовали в царскую армию, он оказался в немецком плену, три раза бежал, но только четвертый побег удался. После 1917 г. Шлёма служил в Красной Армии, в 1918–1923 гг. был младшим надзирателем в Гомельской городской тюрьме, вернулся в Туров, поступил в сапожную артель. В 1923 г. Авремеле прислал братьям в Туров вызов в Америку. Двейра, жена Шлёмы, советовала мужу: «Езжай, а я потом», – но он не согласился. Вызов долгие годы хранили в перине. В конце 20-х годов частную инициативу запретили и ремесленников стали «сгонять» в артели. Шлёма был физически крепким, деревенскую работу знал и любил, пригодился опыт на ферме в Германии, и он подался в колхоз.[133]

После ареста Райхман находился в тюрьме Турова, пока там не собрали этап из нескольких сот человек со всего района. Последнюю передачу (хлеб, лук, мясо) не разрешили. Из Пинска прибыл пароход для транспортировки заключенных. До пристани арестованных сопровождали вооруженный конвой и милиция на лошадях. Осужденные шли, заложив руки назад, опустив головы. В Киеве их пересадили в товарный состав и в течение месяца везли до Хабаровского края. В тайге на станции Пивань заключенных выгрузили, выдали топоры, пилы и лопаты и сказали: «Это ваш дом, здесь будете жить и работать».

Это были глухие места, в лагерь по ночам приходили потревоженные медведи, пищу готовили на кострах, медицинская помощь отсутствовала. Наиболее строптивых приковывали цепями к тачкам, хотя вокруг стояли непроходимые леса и бежать некуда. Заключенные должны были провести участок железной дороги Пивань – Советская Гавань. В первую же зиму 1937/38 года почти половина зэков умерли от холода, голода и болезней, а на их место привезли новых.[134]

В июле 1941 г. при подходе немцев к Турову семья Райхмана – жена Двейра и дети Соня (1933 г. р.), Хана (1926) и Григорий (1928) – эвакуировалась в Среднюю

---

[132] Обвинительное заключение по делу Райхмана от 6 октября 1937 г., Там же, д. 8415, л. 24.

[133] По свидетельству родных, Райхман возглавил рыболовецкую бригаду на Припяти, зимой уезжал на лесозаготовки. Во время сенокоса на заливных лугах работал так, что деревенские жители не успевали за ним угнаться. Запись беседы с Григорием Райхманом 11 ноября 2001 г. в Иерусалиме, Архив автора.

[134] Л. Смиловицкий, «Семья Райхман из Турова», *Авив*, 2002 г., № 7-8, с. 14.

Азию. Старшие сыновья, Абрам (1923)[135] и Давид (1924),[136] ушли добровольцами на фронт.

Шлёма Давидович находился в заключении в Уссурийском крае с 1937 по 1947 г., выжил чудом, от неминуемой гибели его спас перевод с общих работ в подсобное хозяйство лагеря. В 1947 г., потеряв здоровье, Райхман приехал домой. Родные его не узнали – скелет, кожа да кости. Из-за цинги во рту не осталось зубов, лицо – в глубоких морщинах, левая рука парализована. Даже жена Двейра (!) признала мужа не сразу и, когда он появился в дверях, спросила: «Кто Вам нужен?»

Райхманы вернулись в Белоруссию и поселились в д. Костюковка Гомельского района. Шлёма стал работать сторожем в школе. В 1948 г. он навестил Туров, хотя знал, что там мало что осталось. Земляки-белорусы успели его давно «похоронить» и крестились при встрече: «Шлёма, это ты?» Однако только через десять лет после выхода на волю Райхман осмелился ходатайствовать о своей реабилитации.[137]

Дополнительной проверкой было установлено, что основанием для ареста послужила принадлежность Шлёмы Давидовича к *Бунду*, от которого он публично отказался в 1922 г. Разговоры осужденного не выходили за пределы колхоза и не могли рассматриваться как антисоветская агитация. Свидетели Козел и Богай сказали, что Райхман был активным членом правления колхоза, что ничего не знают о его антисоветской деятельности, тогда как именно эти показания были положены в основу обвинения.[138]

Общий пересмотр дел репрессированных в республике проводился в соответствии с закрытым письмом ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об извращениях в следственной работе НКВД», разосланным в ноябре 1938 г. За первый квартал 1939 г. по Полесской, Минской, Могилевской, Витебской, Гомельской областям это коснулось свыше 500 дел, 33,6% из которых возвратили на доследование, а по 33,8% отменили обвинительное заключение. В Полесской области дополнительной

[135] Абрам Соломонович Райхман (1923-1988 гг.) - окончил Харьковское военно-политическое училище в п. Луначарский под Ташкентом (1943), капитан, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За освобождение Будапешта», «За взятие Вены»; студент МГУ (1946-1951), декан филологического факультета педагогического института в г. Арзамасе Горьковской области (1952-1988).

[136] Давид Соломонович Райхман (1924-1952 гг.) - воевал на 4-м Украинском фронте, награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За освобождение Праги», орденом Славы 3-й ст., окончил партийную школу в г. Львове (1946-1952), сотрудник газеты в г. Мукачево (Западная Украина), учился в МГУ, трагически погиб в автокатастрофе.

[137] Заявление С.Д. Райхмана Генеральному прокурору СССР от 25 апреля 1957 г., АУ КГБ ГО, д. 8415, л. 2.

[138] 30 мая 1960 г. заместитель Генерального прокурора БССР А. Мишутин сообщил, что Райхман осужден «без достаточных оснований». Гомельский областной суд 15 июня 1960 г. отменил постановление тройки НКВД БССР от 12 октября 1937 г. за недоказанностью преступления и реабилитировал Шлёму Давидовича, но уже в конце жизни. См.: Заключение председателя Гомельского областного суда К. Крупкова по делу Райхмана от 15 июня 1960 г., Там же, л. 62.

проверке было подвергнуто 27,5% дел, из которых 26,8% закрыли за отсутствием состава преступления.[139] Главным виновником незаконных арестов «оказался» начальник управления госбезопасности по Полесской области Залман Исаакович Кауфман, которого 31 января 1939 г. исключили из партии.[140] Кауфман занимал свою должность всего полгода, с 20 мая 1938 г. по 1 января 1939 г. Незадолго до этого его удостоили знака «Почетный работник ВЧК–ГПУ» и выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета БССР.[141] Подобно многим другим начальникам областных управлений госбезопасности, Кауфмана расстреляли.[142]

Отголоски репрессий

Чистки 30-х годов обесценили творческую инициативу. Репрессии наложили неизгладимый отпечаток на весь стиль государственного мышления. Люди боялись выделяться из общей массы. Господствовали внеэкономические методы принуждения, и никто не был заинтересован в результатах своего труда. Решение любых задач казалось достижимым лишь путем идеологического нажима. 20 декабря 1938 г. было объявлено о введении трудовых книжек, необходимых при переходе на другое место работы. Постановление СНК СССР от 8 января 1939 г. значительно увеличило продолжительность рабочего времени. Любое опоздание более 20 минут приравнивалось к прогулу, а повторное – к увольнению.[143] Нарушителя могли приговорить к исправительным работам до шести месяцев с удержанием 25% заработной платы.[144]

В июне 1940 г. был обнародован Указ о мерах по борьбе с нарушителями трудовой дисциплины на предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах.[145] Это затронуло всех работников непроизводственной сферы, культуры, образования и науки. Нововведение болезненно ударило по еврейским верующим, которых официально обязали работать в субботу. Машина государственного принуждения действовала безотказно. Начальники, не подавшие сведений о нарушителях трудового законодательства, сами попадали под суд. Система доносов не давала расслабиться. С другой стороны, Указ стал удобным средством устранения неудобных членов коллективов.

---

[139] НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1728, л. 1.

[140] «Об аресте Кауфмана». Постановление оргбюро при ЦК КП(б)Б по Полесской области от 31 января 1939 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 51, л. 134.

[141] Там же, д. 28, л. 120.

[142] Н.В. Петров, К.В. Скоркин, *Кто руководил НКВД 1934-1941 гг*. Справочник, Москва 1999 г., с. 228.

[143] Устанавливались семидневная рабочая неделя и восьмичасовый рабочий день.

[144] Такая практика существовала в СССР до 1956 г.

[145] Речь идет об указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовый рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Летом и осенью 1940 г. по республике прокатилась волна увольнений и исключений. Туровский райком ЛКСМБ за нарушение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. исключил из комсомола Анастасию Рашкову, Дмитрия Панченя, Павла Чекида, Ивана Царика, Григория Бобра, Надежду Рак, Полину Комар и др.[146]

Подобная практика существовала и в других районах Полесской и Гомельской областей. В Брагинском районе за прогулы уволили Мотеля Шехтмана, в Речицком – Аникея Лисицкого и Цилю Лельчук, Михаила Ксендзова, Альбину Марковскую, Анастасию Спирину, Агафью Пантелеенко; в Петриковском – Якова Винникова, в Копаткевичах – Федора Дроздова, Валентину Короткую, Григория Саховского.[147]

Взыскания были не всегда оправданными, и на этом основании их обжаловали. Бюро Полесского ОК ЛКСМБ 31 октября 1940 г. заслушало ряд персональных дел людей, в отношении которых местные органы власти превысили свои полномочия. Среди них оказалась бухгалтер областного отделения милиции Фаина Моисеевна Глозман, которая опоздала на работу на 20 минут после перерыва на обед. Бюро Полесского обкома комсомола отменило решение Мозырского РК ЛКСМБ об исключении Глозман и объявило ей выговор с занесением в учетную карточку.[148]

Веру Иосифовну Флер, машинистку Василевичского райисполкома, уволили за укрывательство Полины Брель. Флер выдала Брель ложную справку о том, что та 11 сентября 1940 г. якобы находилась в райисполкоме и исполняла свои обязанности. Бюро обкома и в этом случае отменило постановление райкома комсомола, объявив выговор В.И. Флер с занесением в учетную карточку.[149]

Однако не всегда власти поступали столь либерально. Летом 1940 г. Соню Соломоновну Чечик осудили на три месяца исправительно-трудовых работ за опоздание на работу и исключили из комсомола.[150] Туровского милиционера А.П. Саскевича уволили из органов внутренних дел за самовольную отлучку, которая продолжалась в течение суток.[151]

Осенью 1940 г. начальник Полесского областного управления Народного комиссариата юстиции БССР Буланов докладывал, что за три месяца с момента выхода Указа от 26 июня 1940 г. по области было рассмотрено 1906 дел о его нарушениях. За первую половину сентября 1940 г. наказания были вынесены 461 чел., а оправдано всего 69 чел. Вместе с тем отдельные хозяйственные руководители выносили обвинительные постановления необоснованно. Во второй половине сентября за прогулы было осуждено 405 чел., за самовольный уход с работы – 54, за должностные преступления (укрывательство прогульщиков) – четыре. Среди железнодорожников

---

146 ГАООГО, ф. 703, оп. 1, д. 25, лл. 47-49.

147 Там же, д. 25, л. 53.

148 Протокол бюро Полесского ОК ЛКСМБ от 31 октября 1940 г., Там же, л. 98.

149 Протокол от 20 ноября 1940 г., Там же, л. 144.

150 Протокол от 29 августа 1940 г., Там же, л. 36.

151 Протокол от 28 марта 1941 г., Там же, оп. 8, д. 6, л. 147.

наказание понесли семь человек, трактористов – 19, рабочих – 280, служащих – 120, членов артелей и др. – 24 чел. Меры наказания оказались неоправданно строгими. Сроки до трех месяцев исправительно-трудовых работ были вынесены четверым, до шести месяцев – 347, два месяца тюрьмы за самовольный уход – 19, до четырех месяцев – 46, и только один человек получил наказание условно.[152]

* * *

30-е годы в СССР оказались периодом сильнейших социальных потрясений. По стране прокатилось несколько волн классового насилия, которые заканчивались устранением целых социальных слоев. Формы репрессий были разнообразными: от лишения гражданских прав, потери рабочего места, снятия с должности до ссылки, тюрьмы, лагеря и смертной казни.

В период с 1939 г. до середины 1941 г. возросшая внешняя угроза ослабила внутреннюю напряженность. XVIII съезд ВКП(б) осудил репрессии и признал, что сталинские чистки сопровождались «многочисленными ошибками». Вину за массовые аресты официальное руководство возложило на местных партийных и государственных руководителей.

Все эти события нашли отражение в Турове, несмотря на то, что он находился в глубине Полесья, вдали от промышленных и культурных центров республики. Первая «волна» (1928–1931 гг.) была связана с проведением коллективизации и затронула «кулаков» из крестьян и единоличников-кустарей из евреев. Вторая волна (1932–1933 гг.) накрыла простых тружеников, крестьян-белорусов и ремесленников-евреев, которые противились тотальному контролю государства. Третья (1934–1938 гг.) – прошла по управленцам среднего звена, интеллигенции, комсомольским, партийным и советским работникам Турова. Большинству арестованных выносили приговор по 69-й (вредительство), 70-й (террор), 72-й (контрреволюционная агитация) и 76-й (контрреволюция) статьям Уголовного кодекса БССР, что обрекало на сроки от 5 до 25 лет заключения в лагерях. В этой связи кампания по укреплению трудовой дисциплины 1939–1941 гг. не отложилась в народной памяти как жестокие гонения, повлекшие за собой безвинные массовые жертвы. Начавшаяся вскоре война Советского Союза с Германией отодвинула на время осмысление репрессий, которые нацистская пропаганда использовала для обличения советской тоталитарной системы.

[152] «О количестве уволенных за прогулы и опоздания с работы на 4 октября 1940 г.». Докладная записка Буланова на имя Пономаренко от 1 ноября 1940 г., Там же, ф. 702, оп. 1, д. 136, лл. 151-152.

Глава 3. Советско-германская война

Эвакуация и бегство из Турова

Советская военная доктрина предусматривала исключительно наступательный характер, а театр военных действий предполагался только на территории противника. После 17 сентября 1939 г. граница оказалась отодвинутой к Бресту, и правительство отпустило большие средства на ее обустройство. В связи с этим было пересмотрено отношение к партизанским базам, заготовленным резервам, тайникам с оружием, боеприпасами и продовольствием, которые расконсервировали, а старые укрепленные рубежи демонтировали.

Однако события лета 1941 г. все изменили. После поражения Красной Армии в первые недели войны через открытые границы хлынул поток немецких войск. Необходимо было спасать то, что еще не попало в руки врага. Эвакуация внезапно обернулась испытанием для одних, проверкой патриотизма для других, возможностью поживиться собственностью соседей и свести счеты с властями – для третьих. Прежде всего она коснулась евреев и советских работников, коммунистов и комсомольцев, которые не ждали ничего хорошего от нацистов. Вместе с тем гражданское население титульной нации не чувствовало за собой «вины» перед новыми хозяевами. Большинство «простых людей» надеялось пересидеть лихую годину, предоставив Красной Армии дать отпор вторгнувшемуся врагу. Они не собирались уезжать, рисковать имуществом и подвергать свою жизнь опасности.

Довоенные планы

В середине мая 1941 г. начальник Генерального штаба Красной Армии Г.К. Жуков докладывал высшему советскому и партийному руководству, что наступил «особо угрожаемый военный период». На совещании у И.В. Сталина 24 мая 1941 г. он уточнил задачи с учетом приближающейся агрессии со стороны Германии, а в начале июня представил план возможной эвакуации,[1] который предусматривал районы и категории населения, подлежавшие первоочередной эвакуации. Перед началом боевых действий из пограничной полосы глубиной 75–100 км планировалось прежде всего вывозить детей дошкольного возраста и школьников до 15 лет, а также пожилых людей старше 60 лет и все мужское население, годное к воинской службе.

Эвакуированных запрещалось размещать западнее линии, проходившей через Псков, Великие Луки, Смоленск, реку Днепр, чтобы не мешать развертыванию войск. Промышленные предприятия и высшие учебные заведения планировалось переместить восточнее Москвы, Воронежа и Ростова и таким образом обезопасить от налетов вражеской авиации. Предпочтение отдавалось ценному государственному имуществу, промышленным предприятиям и их работникам.[2] Однако эвакуационный план не был тогда утвержден из-за позиции Сталина, который расценил его как преждевременный. Вместе с тем эту программу задействовали с началом войны, хотя не было четко определено, что вывозить в первую очередь – материальные ценности или население.[3]

Развертывание эвакуации

Неподготовленность Советского Союза к началу войны привела к трагическим последствиям. Отсутствие механизма комплексного перемещения людских и материальных ресурсов заставило наверстывать упущенное на ходу, под огнем противника, и нести большие потери. Огромные размеры театра военных действий, недостаток оперативной информации, массированные удары с воздуха, артиллерийские обстрелы, превращение все новых районов в арену боев требовали огромного физического и душевного напряжения.

24 июня 1941 г. был образован Совет по эвакуации во главе с наркомом путей сообщения Л.М. Кагановичем. Основное внимание обращали на спасение

---

[1] Проект постановления СНК СССР «Об утверждении положения об эвакуации и порядке разработки эвакуационных планов» от 7 июня 1941 г., Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. А-259, оп. 40, д. 3028, л. 83.

[2] Там же, л. 73.

[3] Г.А. Куманев, «Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери», *Людские потери СССР в период второй мировой войны*, Санкт-Петербург 1995 г., с. 138.

промышленного оборудования и сырья, историко-музейных ценностей.[4] 27 июня 1941 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) был определен порядок вывоза и размещения людских ресурсов. Предпочтение получали квалифицированные рабочие, выезжавшие вместе с эвакуируемыми предприятиями, семьи командного состава Красной Армии, сотрудников госбезопасности, ответственных советских и партийных работников, дети до 15 лет.[5]

3 июля 1941 г. И.В. Сталин изложил принципы организации обороны страны, дал указание не оставлять врагу «ни одного паровоза, литра горючего или килограмма хлеба, угонять скот, а все ценное имущество, которое нельзя забрать, – уничтожать, чтобы оно не досталось врагу».[6]

К выполнению задач эвакуации были привлечены партийные и советские органы, наркоматы, исполкомы местных Советов прифронтовых и тыловых областей, НКВД и НКГБ. Председателем Совета по эвакуации был назначен секретарь ЦК ВЦСПС, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н.М. Шверник.[7] Эвакуация населения была взята под строгий контроль. К 2 июля 1941 г. на 29 железных дорогах страны находилось 210 эшелонов с людьми.[8] Начальники дорог ежесуточно сообщали в Наркомат путей сообщения сведения о следовании эшелонов, который, в свою очередь, ежедневно докладывал в Государственный Комитет Обороны о ходе эвакуации.[9]

Эвакуация из Белоруссии

Белоруссия как приграничная республика приняла на себя первый удар немецкой военной машины. Войска Западного особого военного округа были дезорганизованы и отступали, вину за это возложили на командующего генерала армии Д.Г. Павлова и его подчиненных.[10] В первый день войны противник уничтожил

---

[4] *КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК*, Москва 1971 г., т. 7, с. 212.

[5] «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 июня 1941 г., *Известия ЦК КПСС*, 1990 г., № 6, с. 208.

[6] И.В. Сталин, «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!» Выступление по радио 3 июля 1941 г., *О Великой Отечественной войне Советского Союза*, Москва 1946 г., с. 14.

[7] Это решение было вызвано тем, что Наркомат путей сообщения не справлялся - масштабы эвакуации из-за ухудшения военной обстановки стремительно возрастали, не хватало транспорта, кадров и финансовых средств.

[8] Центральный архив Министерства путей сообщения Российской Федерации (далее ЦА МПС РФ), ф. 33-а, оп. 49, д. 1224, л. 10.

[9] Г.А. Куманев, Указ. соч., с. 12.

[10] 2 июля 1941 г. Сталин отозвал в Москву вместе с Павловым генералов: начальника штаба фронта В.Е. Климовских, начальника связи фронта А.Т. Григорьева, командующего 4-й армией

на аэродромах 738 советских самолетов – почти всю авиацию округа,[11] поэтому эшелоны некому было прикрывать с воздуха.

К вечеру 22 июня немецкие танки и мотопехота прорвались к Белостокской магистрали, которую противник непрерывно подвергал ударам с воздуха и дальнобойной артиллерии. Для спасения людей и материальных ценностей использовали порожние грузовые вагоны. В первый день войны со станций Белосток и Гродно было отправлено 30 эвакопоездов.[12]

23 июня 1941 г. И.В. Сталин дал разрешение начать эвакуацию из республики под руководством председателя СНК БССР И.С. Былинского. Первыми были вывезены детские дома, пионерские лагеря и санатории – всего 14 тыс. детей. В местах большого скопления эвакуированных – Орше, Витебске, Могилеве, Полоцке и других – были открыты 24 пункта помощи.

Брест-Литовская железная дорога оказалась под огнем противника и потеряла связь с военным командованием. Указания местных организаций, рассматривавших вопрос об эвакуации как панику, нарушение государственной дисциплины, были противоречивыми.[13] Только после получения в 22 часа 23 июня 1941 г. прямого приказа от НКПС были приняты меры по вывозу материальных ценностей и документов. Под бомбежкой в глубь страны отправились составы с семьями, прибывшими из зоны военных действий. Однако время было упущено, и из 10091 вагона с людьми и грузами удалось отправить только немногим более половины – 5675 вагонов.[14]

Для организации эвакуации в отдельные регионы были направлены руководители правительства и ЦК Компартии Белоруссии. В Полесскую область 29 июня 1941 г. выехали секретарь ЦК КП(б)Б Власов и заместитель председателя СНК БССР Крупеня. К середине июля из республики удалось вывезти 83 крупных предприятия, тысячи голов скота, сельскохозяйственные машины и оборудование, учебные заведения и учреждения. Красной Армии было передано 2,5 тыс. автомобилей, 3 тыс. тракторов.[15]

А.А. Коробкова, которых 22 июля 1941 г. судили и в тот же день расстреляли по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР; реабилитированы посмертно в 1957 г. См.: М.Д. Токарев, *Генерал Павлов (Западный фронт: лето 1941 г.)*, Минск 2002 г., с. 108.

[11] Потери ВВС округа составили: 387 истребителей и 351 бомбардировщик, из них на аэродромах сгорело 528 самолетов, сбито зенитным огнем - 18, в воздушных боях - 133, не вернулись с заданий - 59 самолетов; командующий ВВС округа генерал И. Копец застрелился. Н. Качук, «Они разбили аэродромы, но не сломили сердца», *Советская Белоруссия*, 2003 г., № 174 (23 июня).

[12] *Эшелон за эшелоном*. Под ред. А.С. Клемина, Москва 1981 г., с. 61.

[13] ЦА МПС РФ, ф. 23-а, оп. 90, д. 56, л. 6.

[14] Там же, ф. 33-а, оп. 49, д. 1367, л. 3.

[15] Из БССР было вывезено в советский тыл 600 тыс. голов скота, 4 тыс. тракторов, 400 комбайнов, 100 тыс. тонн зерна и др. См.: «Об итогах эвакуации из Белорусской ССР», Отчет ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 17 июля 1941 г.; Р.П.Платонов, *Белоруссия, 1941-й: известное и неизвестное*, Минск 2000 г., с. 121.

Между тем обстановка стремительно ухудшалась, и это не позволило провести необходимые эвакуационные мероприятия в Брестской, Белостокской, Барановичской и Пинской областях, которые нацисты оккупировали через несколько дней после начала войны.[16]

Неблагополучно обстояли дела в Минске. Немцы парализовали большинство коммуникаций и наносили непрерывные бомбовые удары, вызвавшие пожары, которые некому было тушить. В результате большинство предприятий и учреждений не успели вывезти в тыл.

Люди, решившиеся на эвакуацию самостоятельно, испытывали огромные трудности. Не хватало транспорта, питания, питьевой воды и лекарств. Непрерывный людской поток двигался на восток. Из городских и рабочих поселков шли составы, грузовые машины, обозы, которые подвергались обстрелам и ударам с воздуха. Из сельской местности гнали скот, уводили трактора и комбайны, везли хлеб. Многие материальные ценности пришлось бросить, раздать людям или уничтожить.

На готовность оставить насиженное место большое влияние имело мнение старшего по должности или возрасту человека. Направление неорганизованного бегства люди выбирали самостоятельно, а рабочие коллективы следовали заранее намеченному маршруту. За исключением неизбежных эксцессов, население республики с пониманием относилось к беженцам. Незнакомые ранее, попутчики поддерживали товарищей по несчастью. Пункты эвакуации охраняла армия. Локомотивные и ремонтные бригады обеспечивали вывоз населения и грузов, не раз попадая под огонь.

Быстрое продвижение противника сорвало проведение мобилизации. Наиболее организованно она была завершена только в четырех из десяти областей республики – Полесской, Гомельской, Витебской и Могилевской. К августу 1941 г. в Красную Армию было призвано свыше 500 тыс. чел., в том числе 26,5 тыс. коммунистов, или 34% всего состава КП(б)Б, и 130 тыс. комсомольцев, в советский тыл выехало около 1,5 млн чел. (по другим данным – 900 тыс. чел.).[17]

«Дезертиры и паникеры»

Война Советского Союза с Германией была объявлена «отечественной» и «всенародной». Все трудоспособные граждане призывались на защиту родины. Власти справедливо опасались возникновения паники при проведении эвакуации среди гражданского населения, которая привела бы к хаосу, дезорганизации обо-

---

[16] Юры Туронак, *Беларусь пад нямецкай акупацыяй*, Мінск 1993 г., с. 41.

[17] В.И. Кузьменко, «Эвакуированное население Беларуси в советском тылу», *Беларусь в годы Великой Отечественной войны: уроки истории и современность.* Материалы международной научной конференции «60 лет освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков», 29-30.6.2004 г., Минск 2004 г., с. 213.

роны и работы тыла. По закону 1939 г. работники государственных учреждений и предприятий не могли уволиться без разрешения начальства. Самовольный уход считался уголовным преступлением. Это же положение подтвердил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в рабочее время».[18]

В зоне военных действий организованный выезд разрешался только по указанию Совета по эвакуации или армейского командования. Проявление нерешительности со стороны ответственных лиц вело к тому, что советское население оставалось на оккупированной территории, а материальные ценности приходилось в последний момент уничтожать или они доставались неприятелю.[19]

Во второй половине дня 24 июня 1941 г. высшее руководство республики во главе с первым секретарем ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко без объявления эвакуации негласно выехало в Могилев. Пономаренко, опасаясь возможных обвинений в провале эвакуации, направил в Москву письмо о ситуации в Белоруссии. Несмотря на трагичность положения, оно было выдержано в духе ура-патриотизма. В письме сообщалось, что «настроение у белорусов исключительно боевое (несмотря на то, что половина районов БССР уже были оккупированы. – *Л. С.*). На возведение оборонительных сооружений по линии Днепра вышло 150 тыс. чел. В каждом оставленном районе были организованы партизанский отряд и подпольные ячейки, которые выросли в десятки раз, а сотни отрядов возникли самостоятельно. Колхозники "умоляли" дать им оружие и взять всех в армию».

Первый секретарь ЦК КП(б)Б подчеркивал «исключительное бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу» со стороны белорусов в отличие от «некоторой части» населения городов, «ни о чем не думающих, кроме спасения своей шкуры». Пономаренко объяснял это большой еврейской прослойкой в городах: «Их объял животный страх перед Гитлером, и вместо борьбы – бегство».[20]

Так руководители республики перекладывали ответственность за провал обороны города на рядовых горожан. Находясь в Могилеве, под защитой Красной Армии, они обвинили в происходящем хаосе гражданское население, женщин, стариков и детей, пытавшихся спастись от неминуемой гибели.

Часто распоряжение об эвакуации поступало слишком поздно. При приближении немецких войск начиналось всеобщее бегство, но куда? Десятки тысяч людей оказывались в ловушке. Немцы заставляли беженцев вернуться к прежнему месту жительства, а новую администрацию – сообщать о посторонних лицах, чтобы отсеять окруженцев Красной Армии, бежавших из плена, партийных и советских активистов, пробиравшихся к линии фронта или оставленных для подпольной работы. Евреев переселяли и изолировали в гетто.

[18] *Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: События, люди, документы*, Москва 1990 г., с. 33.

[19] И.В. Ковалев, *Транспорт в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг.*, Москва 1981 г., с. 81.

[20] Письмо в ЦК ВКП(б)Б И.В. Сталину, не позднее 12 июля 1941 г., *Известия ЦК КПСС*, 1990 г., № 7, с. 210-211.

Эвакуационные пункты

В первые дни войны эвакуация гражданского населения из прифронтовой полосы производилась беспорядочно, эшелоны формировались стихийно, следовали без начальников, люди не всегда обеспечивались питанием. Из-за нехватки специально оборудованных и товарных вагонов они ехали на открытых платформах, среди заводского и промышленного оборудования и даже поверх грузов. По свидетельству Н.С. Патоличева,[21] работавшего в 1941 г. первым секретарем Челябинского ОК КП(б)Б, эвакуированные прибывали в открытых полувагонах и на платформах без навеса. Они часто не имели даже брезента, чтобы укрыться от холода и дождя. При более благоприятных обстоятельствах выделялось несколько крытых вагонов для женщин и детей, куда вместо 36 чел. набивалось от 80 до 100 чел.[22] Вещи эвакуированные укладывали между станками и оборудованием.[23] На период эвакуации сохранялась средняя заработная плата и выдавались подъемные.[24]

Власти пытались регулировать движение мирного населения в тыл. План эвакуации из угрожаемых зон на первую декаду июля 1941 г. предусматривал размещение беженцев в 86 городах Российской Федерации.[25] С 5 июля на ряде железнодорожных узлов, станций и пристаней были открыты эвакуационные пункты. Они принимали эшелоны, организовывали питание и медицинское обслуживание людей. Старшие вагонов выдавали хлеб и другие продукты, работали столовые, душевые, санпропускники, стояли титаны с кипятком. К 18 июля 1941 г. действовало 120 эвакопунктов, цепочка которых протянулась на 2 тыс. километров – от прифронтовых областей до Урала, Восточной Сибири, Казахстана и Средней Азии.[26] Во второй половине 1941 г. на помощь эвакуированным государство израсходовало 3 млрд руб.[27]

Учет эвакуированных

Контроль за движением огромных людских потоков по территории СССР с запада на восток был необходимым условием организации работы тыла и обороны страны. Совет по эвакуации потребовал от председателей облисполкомов проводить

---

[21] Николай Семенович Патоличев (1908-1989 гг.) - дважды Герой Социалистического Труда, первый секретарь ЦК КПБ (1950-1956).

[22] Н.С. Патоличев, *Испытание на зрелость*, Москва 1977 г., с. 217.

[23] При эвакуации каждый работник предприятия имел право на 100 кг груза и дополнительно по 40 кг на каждого члена семьи.

[24] Подъемные выплачивались из расчета: месячный оклад главе семьи, четвертая часть на жену и одна восьмая на каждого из неработающих членов семьи, ГАРФ, ф. 7523, ф. 4, д. 73, л. 71.

[25] Там же, ф. А-259, оп. 40, д. 3028, лл. 6-8.

[26] Н.А. Косыгин, *В едином строю защитников отчизны*, Москва 1980 г., с. 15.

[27] *Железнодорожники в Великой Отечественной войне, 1941-1945 гг.*, Москва 1985 г., с. 119.

поименный учет эвакуированных. Однако до 18 июля 1941 г. более 1 млн чел. не доехали до пунктов назначения, а поселились у родственников или знакомых по пути следования. Учетом эвакуированных занималось Управление по эвакуации населения, которому подчинялось Центральное справочное бюро в Бугуруслане.

По приблизительным подсчетам, за время войны из прифронтовой зоны Белоруссии, Прибалтики и Украины, Москвы, Ленинграда и других городов в восточные области страны было эвакуировано более 10 млн человек. Однако, по сведениям СНК республик, краев и областей, около половины эвакуированного населения оказалось неучтенным. Еще меньше беженцев было охвачено поименным учетом. К 10 декабря 1941 г. в Центральное справочное бюро поступили списки на 3 млн 74 тыс. эвакуированных граждан.[28]

В начале 1942 г. была проведена перепись, в соответствии с которой в восточных районах СССР было размещено 7 млн 417 тыс. эвакуированных, часть из которых была впоследствии призвана в армию.[29] Центральное справочное бюро в Бугуруслане помогало связать разрозненные семьи, разыскать потерявшихся в дороге, вернуть надежду на встречу с родными. В действительности, в советский тыл было переправлено более 12 млн чел.[30] Из них свыше 80% всех эвакуированных осели в Казахстане и Средней Азии.

Подобная концентрация беженцев в обстановке неудач на фронтах и хаоса в тылу имела трагические последствия. Решение направить основной поток в Среднюю Азию оказалось непродуманным. Узбекистан, Таджикистан, Киргизия и Казахстан в 1941 г. не могли обеспечить продовольствием такое количество эвакуированных. Запасы питания, предметов первой необходимости и лекарств не отвечали возросшим во много раз потребностям. Это объяснялось тем, что в довоенные годы весь регион Средней Азии был переориентирован на производство хлопка, а необходимое продовольствие доставляли по новой железнодорожной магистрали Турксиб. Летом и осенью 1941 г. из-за нехватки подвижного состава продовольствие сюда почти не поступало, и среди прибывших беженцев начался голод. По свидетельству Мицкевича, пережившего эвакуацию, массовый наплыв беженцев создал невероятные трудности в Ташкенте. Начался быстрый рост цен, прежде всего на продовольствие. Особенно страдали те, кто приехал самостоятельно, без планового направления – их не принимали на работу за неимением прописки. Тысячи людей оказались в безвыходной ситуации. Многие, будучи без средств, умирали от голода.[31]

В дополнение к жилищному и продовольственному кризису среди эвакуиро-

[28] ГАРФ, ф. А-259, оп. 40, д. 3032, л. 45.

[29] *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941-1945 гг.*, Москва 1961 г., т. 2, с. 548.

[30] *Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны.* Сборник статей, Москва 1988 г., с. 139.

[31] Д.К. Міцкевіч, *Любіць і помніць*, Мінск 2000 г., с. 89, 93.

ванных возник избыток трудовых ресурсов, которых не хватало в других, более развитых в промышленном отношении районах, в частности на Урале. Причиной большой смертности среди эвакуированных был не только голод, но и болезни. Неустроенность быта и жаркий климат способствовали распространению дизентерии и других инфекционных заболеваний.[32]

Эвакуация еврейского населения

Еврейское население пережило два этапа эвакуации – с 22 июня до середины июля 1941 г. и с середины июля до конца августа 1941 г. Шансы на спасение определялись местом проживания (наличие железной дороги или возможности быстро до нее добраться), скоростью продвижения немецких частей и приоритетами в организации эвакуации со стороны советских властей в данном районе.

Внезапность нападения и стремительное продвижение немецких войск помешали большинству евреев эвакуироваться с территорий, аннексированных Советским Союзом в 1939–1940 гг., и той части Восточной Белоруссии, которая была оккупирована до конца июня 1941 г. Во вновь присоединенных советских областях проживало около 2 млн евреев.[33] Из них почти 170 тыс. чел. бежали на восток, но только около 100 тыс. чел. достигли советского тыла.[34] Другими словами, спастись попытались всего 7–9% евреев аннексированных советских территорий, но только от 5 до 7% из них посчастливилось уцелеть.

На территории Белоруссии в границах 1939 г., которая была захвачена немцами к концу июня 1941 г., проживало немногим более 130 тыс. евреев. Из них только 14–15 тыс. чел. сумели избежать оккупации. В части БССР, занятой немецкими войсками к середине июля 1941 г., проживали от 105 до 110 тыс. евреев, из которых около 43% (45–48 тыс. чел.) успели эвакуировать. Всего к середине июля 1941 г. из Белоруссии от нацистов спаслось от 59 до 63 тыс. евреев, или 24–27%.[35]

Одним из ведущих факторов, отразившихся на численности эвакуированного населения приграничных областей, явилась политика государства, отдавшего предпочтение эвакуации населения из Москвы и Ленинграда (56% всех эвакуированных). Только в середине июля 1941 г. Красная Армия остановила немецкие войска под Смоленском и Лугой, временно стабилизировала фронт под Киевом.

---

[32] Ш. Швейбиш, «Эвакуация советских евреев в годы Катастрофы», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1995 г., № 2(9), с. 36-55.

[33] M. Altshuler, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust; A Social and Demographic Profile*, Jerusalem 1998, p. 3.

[34] Dov Levin, *The Lesser of Two Evils: Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939-1941*, Philadelphia, 1995, p. 292.

[35] Vadim Dubson, «On the problem of the Evacuation of Soviet Jews in 1941», *Jews in Eastern Europe*, 1999, No 3(40), p. 51.

В тех областях Белоруссии, которые были оккупированы, начиная со второй половины июля 1941 г. проживало 125 тыс. евреев, из которых удалось вывезти около 80 тыс. чел. (64%). Именные списки, составленные в октябре–ноябре 1941 г. Центральным справочным бюро в Бугуруслане для Управления по эвакуации, зарегистрировали 222 тыс. евреев, прибывших из БССР (8,9%).[36]

Заговор молчания

Потери среди еврейского населения в ходе эвакуации могли быть намного меньше, если бы советское руководство своевременно информировало своих граждан о смертельной опасности, нависшей над евреями как первоочередной мишенью нацистской военной машины.[37]

Летом 1941 г. высшие партийные и советские руководители были осведомлены о массовых преследованиях и расстрелах евреев. 25 июня 1941 г. Пономаренко писал Сталину из Могилева о том, что вся нацистская пропаганда и агитация, устная и письменная, выступает «под флагом борьбы с жидами и коммунистами, которые трактуются как синонимы». В другом своем сообщении о положении в оккупированных областях Белоруссии от 19 августа 1941 г. он приводил многочисленные примеры расправ над евреями и делал вывод: «Еврейское население подвергается беспощадному уничтожению».[38]

Несмотря на это, при организации эвакуации ни одна из национальных групп не получила предпочтения. Внешне это выглядело демократичным и справедливым. Однако в действительности обрекало десятки тысяч евреев на гибель.[39] Перед властными структурами, партийными комитетами, общественными организациями, милицией и службой безопасности не поставили задачу обеспечить заблаговременный уход в тыл евреев как самой уязвимой части советских граждан. Женщины, старики и дети, оставшиеся одни после того, как их отцы, мужья и старшие братья были мобилизованы в Красную Армию, оказались брошенными на произвол судьбы. Эта политика режима имела свою логику.

Высшее советское руководство опасалось, что специальные мероприятия по спасению еврейского населения, во-первых, подтвердят тезис нацистской пропаганды о господстве в СССР «жидов и комиссаров», во-вторых, вступят в противоречие

---

[36] ГАРФ, ф. А-259, оп. 40, д. 3091, лл. 21-22.

[37] M. Altshuler, «Escape and Evacuation of Soviet Jewry at the Time of the Evacuation», *The Holocaust in the Soviet Union*, New York, 1993, pp. 77-104.

[38] И. Альтман, *Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941-1945 гг.*, Москва 2002 г., с. 387; Российский государственный архив социально-политической истории, ф. 69, оп. 1, д. 480, лл. 156, 158; ф. 17, оп. 252, д. 55, лл. 2-8.

[39] И. Арад, «Отношение советского руководства к Холокосту», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1995 г., № 2(9), с. 22.

с декларациями о равноправии и дружбе всех народов страны, в-третьих, приведут к межнациональным трениям и раздорам, а также помешают мобилизовать население на отпор врагу в тылу и снизят боеспособность Красной Армии.

Преступность такой политики в отношении целого народа, обреченного на тотальное уничтожение, подтвердили последовавшие события. Если в 1941 г. можно было сослаться на недостаточную осведомленность о намерениях Германии «окончательно решить» еврейский вопрос, то в 1942–1943 гг. массовый геноцид евреев не составлял никакого секрета. Несмотря на это, ни один официальный документ ЦК ВКП(б), СНК СССР, Ставки Верховного главнокомандования Красной Армии и Центрального штаба партизанского движения не содержал указания уделить внимание трагической судьбе евреев, спасать уцелевших.

Эвакуация из Турова

Уйти или остаться?

К июлю 1941 г. приближение фронта стало очевидным. Зарево пожаров и артиллерийская канонада подсказывали, что беда скоро постучится в Туров. Заверения властей в том, что Туров не сдадут, потеряли свою категоричность. Каждая семья должна была решить для себя, как быть: остаться на милость победителя или уйти, пока существует такая возможность.

Еврейская часть населения городского поселка была встревожена известиями о расстрелах нацистами евреев, белорусы считали, что им нечего опасаться. Обиженные советской властью надеялись на восстановление своих попранных прав, заявление, что немцы воюют с «жидами» и комиссарами (коммунистами), а не простым народом, было известно в Турове.

Патриотическая часть жителей была настроена на сопротивление, а вынужденный отход рассматривала как временную меру.

Память о немцах 1918 г.

Евреи помнили немцев по первой мировой войне, когда они оказались более толерантными по сравнению с гайдамаками, петлюровцами, большевиками, не говоря уже о балаховцах. Многие в Турове доверяли собственному жизненному опыту, а не радио, книгам и газетам. Старики рассказывали, что солдаты кайзера Вильгельма II не грабили, а покупали, не покушались на частную собственность, соблюдали порядок и законность, защищали евреев от погромщиков. Так думали Хаим Фишман и Гершул Вагер, Хая Оффенгендина и другие. Хая считалась образованной женщиной, она знала иностранные языки, много читала, посещала синагогу, советскую власть не любила, слухам о страшных преступлениях нацистов не верила. Эта ошибка стоила жизни им и их близким.

Стариков и женщин не тронут?

Устойчивым оказалось заблуждение, что оккупанты будут преследовать только взрослых мужчин и юношей призывного возраста, тогда как женщинам и детям, пожилым опасаться нечего. Эта вера опиралась на рассуждение: слабые слои населения не представляют угрозы, а раз так, зачем их убивать?

Фейгл Чечик боялась, что немцы убьют ее мужа Иосифа, и 5 июля 1941 г. уговорила его отплыть на лодке из Турова вместе со старшими детьми Розой (15 лет) и Семеном (13 лет). Дома остались Исаак (11), Велвл (9), Тася (4) и Лиза (2). Иосиф с детьми доплыли до Наровли, где его мобилизовали в Красную Армию. Розу и Сему эвакуировали в Покровский район Оренбургской области, девочку взяли родственники, а мальчика определили в детский дом.[40] 12 июля по этой же причине оставил семью Невах Вайнблат, жена которого считала, что никого, кроме взрослых мужчин, «порядочные немцы» не тронут. В Турове вместе с ней остались три дочери – Броха (13 лет), Рива (10), Юдес (4) и два сына – Авремеле (8) и Борух-Гершеле (2), которые вскоре были убиты.[41] В Турове остались дедушка и бабушка, другие родственники Татьяны Шифман. Дедушка сказал, что пожилых людей никто не тронет. Они не предполагали, что нацисты убивают евреев поголовно, и погибли.[42]

Жили вне Турова

К 1941 г. около 40 семей из Турова жили в Крыму, куда они попали в ходе кампании по еврейскому землеустройству. Другие туровские евреи еще до войны оставили местечко и переселились в большие и малые города БССР и СССР. Они трудились на предприятиях и в строительстве, кооперативных учреждениях или поступили на государственную службу.

Разъехались по свету дети Мойше-Велвл и Мирьям Шифман (шесть мальчиков и четыре девочки). Шева после замужества жила в Рославле около Смоленска, Броня – в Днепропетровске, Шифра – в Киеве. Сыновья Борис и Ефим учились в Смоленске, внук Аркадий – в Москве. Этя, Борис и Шура поступили в техникум советской торговли в Феодосии. Перед войной у Мойше и Мирьям было шестнадцать внуков. 22 июня 1941 г. в армию были призваны дети Шифманов – Борис, Ефим, Айзик, Пиня, зятья – Гриша, Арон, Леонид и внук Аркадий, всего 11 человек.[43]

Лейбл Швец (1914 г. р.) перебрался в Киев в 1929 г., где получил специальность

---

[40] В годы войны погибло 42 родственника Розы. Письмо Розы Гительман от 12 августа 2002 г. из Кирьят-Шмоны (Израиль), Архив автора.

[41] Письмо Хаси Ханиной (Вайнблат) от 6 ноября 1999 г. из Бруклина (США), Там же.

[42] Письмо Татьяны Шифман (Гольцман) от 23 марта 2004 г. из Курска (Россия), Там же.

[43] Письмо Моисея Шифмана от 19 сентября 2002 г. из Хайлигенхауса (Германия), Там же.

модельщика литейного цеха. Лейбл женился на Риве Кременчугской, и перед войной у них родилась дочь Галя. В годы войны Швец был эвакуирован со своим предприятием на Урал и работал на танковом заводе в Ижевске. Там в 1945 г. родился сын Овсей, и в следующем году семья вернулась в Киев, где Лейбл узнал о гибели своих родителей в Турове.[44]

Арон Чарный (1886 г. р.), шапочник из Турова, переехал в Минск в 1930 г., его пять детей: Фира, Хана, Ида, Александр, Самуил – работали и учились в столице Белоруссии. До прихода немецких войск они успели эвакуироваться в Ташкент и Хиву.[45]

Залмана Гренадера (1924 г. р.) забрал к себе в Севастополь в 1939 г. старший брат Исаак, чтобы родителям было полегче содержать многочисленную семью. В начале войны братья Залмана, Исаак и Иосиф, погибли при обороне Севастополя. В Турове немцы убили отца, Давида Иосифовича, и маму, Фаину Яковлевну, сестер – Веру и Дору, младшего брата Якова, племянниц – Геню и Раю. В живых остался только Залман. Он попал на военный ремонтный завод, где проработал всю войну. Самое тяжелое испытание юноша пережил в Туапсе, где 22–23 марта 1942 г. коллектив завода во время бомбежки потерял свыше 700 чел. убитыми и 1000 ранеными. Победу Залман встретил в Батуми, а затем вернулся в Севастополь.[46]

Семья Абрама Гумера (1926 г. р.) уехала из Турова в Сталинград в 1929 г. В августе 1942 г., когда немцы подошли к городу, они бежали в г. Жан-Семей Семипалатинской области. Осенью 1943 г. Абрам поступил в Ленинградский институт точной механики и оптики, эвакуированный в г. Черепаново Новосибирской области. В Турове из семьи Гумеров погибли братья Абрама – Янкель (1908 г. р.) и Исроэл (1910), а Хаим (1919) и Ошер (1922) воевали с нацистами в Красной Армии и вернулись домой инвалидами.[47]

Уехали на учебу

В предвоенные годы несколько десятков выпускников школ оставили родительский дом в Турове в связи с поступлением в средние специальные и высшие учебные заведения республики. Это была гордость местечка, их ставили в пример, радовались успехам.

Гирш Шустерман (1912 г. р.) поступил в Минский еврейский педагогический техникум, а затем в Минский педагогический институт. В 1939 г. ему поручили возглавить отдел народного образования в Столине. 19 июня 1941 г. Гирш отдыхал в Звенигороде, под Москвой, а 24 июня примчался в Минск, который горел.

---

[44] Письмо Льва Швеца от 23 мая 2003 г. из Норфолка (Вирджиния, США), Там же.

[45] Чарные вернулись в Минск в 1944 г., но устроиться не смогли и переехали в Пермь.

[46] Письмо Залмана Гренадера от 30 декабря 2000 г. из Лода (Израиль), Там же.

[47] Письмо Абрама Гумера от 10 июля 2002 г. из Холона (Израиль), Там же.

26 июня Гирш вместе с братом Лейзером и сестрой Любой в колонне беженцев уже шел на восток. Жена Лейзера и годовалая дочь Соня не могли осилить дорогу и остались в Минске в надежде, что немцы их не тронут (погибли в гетто). Шустерманы дошли до Могилева, где Лейзера взяли в армию, а Гирш с Любой были эвакуированы в Чкаловскую область. В декабре 1941 г. Гирша мобилизовали в армию, из Чкалова его направили в Свердловскую область на Азовстальстрой, а затем в Мариуполь. Война не пощадила эту семью. В Турове нацисты расстреляли родителей Гирша – Риву и Еселя, с фронта не вернулись братья – Мендель, Борис и Яков Шустерманы.[48]

Залман Вагер после окончания в 1934 г. Витебского художественного училища работал учителем в Толочине.[49]

Гирша Лельчука, выпускника Белорусского политехнического института, в мае 1941 г. распределили на работу в Лиду на завод сельхозмашин.[50]

Наум Перкин окончил в 1936 г. Минский педагогический институт им. Горького и учился в аспирантуре.[51]

Софья (Гинзбург) Козорез в 1939 г. поступила на английское отделение МГПИ им. Горького. 24 июня 1941 г. она дошла из Минска пешком до Гомеля и эвакуировалась в Среднюю Азию. Родители и сестра Сони (Мирьям, 13 лет) бежали из Турова, когда партизаны на короткое время отбили у немцев городской поселок в июле. С Соней они встретились в Фергане. Братика Яшу (9 лет) эвакуировали из Витебской области, где он лечился в костнотуберкулезном санатории.[52]

Арон Хазан поступил в 1938 г. на исторический факультет Московского государственного университета, но зимой 1941 г. перевелся в БГУ. 27 июня 1941 г. он оставил Минск с отступающими частями Красной Армии.[53]

Меир Марголин проучился в Белорусском политехническом институте только год. В июне 1941 г. вместе с Авремул-Мейше Коробочко (из Турова) он бежал в сторону Смиловичей. По дороге молодых людей остановил «патруль» и направил на «призывной пункт» в лес. Меир и Авремул услышали автоматные очереди и повернули обратно. Как выяснилось, это оказались переодетые немецкие ди-

---

[48] Письмо Зелика Шустермана от 2 сентября 2000 г. из Нетивота (Израиль), Там же.

[49] Залман Вагер (1916-2006 гг.) - ст. лейтенант, призван в армию в Днепропетровске, воевал в составе 3-го и 4-го Украинского фронтов, участвовал в освобождении Венгрии и Австрии, штурмах Вены и Будапешта, демобилизовался (1946), преподавал в Пинском педагогическом училище.

[50] Гирш Лельчук (1918-1992 гг.) - 25 июня 1941 г. добровольно пошел в армию, служил в Херсонской дивизии, победу встретил в Румынии; после демобилизации (1946) вернулся в Белоруссию, репатриировался в Израиль (1990).

[51] Наум Перкин (1912-1976 гг.) - офицер-артиллерист, участник партизанского движения (1943-1945), работал в Институте литературы АН БССР (с 1946), доктор филологических наук, профессор (1965).

[52] Письмо Софьи Козорез от 31 декабря 1999 г. из Линна (Массачусетс, США), Архив автора.

[53] Письмо А. Хазана от 16 сентября 2003 г. из Миннетонки (Миннесота, США), Там же.

версанты. В Чкаловской области Меир работал в колхозе «Обдулино». В Турове остались и погибли родители Меира – папа Авремел Ишие-Машес (1892 г. р.) и мама Малка Довидова (1895), братья Иосиф (1926), Мейше (1937) и сестры Эстер (1924) и Рахиль (1932).[54]

Призвали в армию до начала войны

Примерно 15 юношей из Турова несли срочную службу в РККА, куда были призваны в 1939–1940 гг. Несмотря на выпавшие испытания, часть из них выжили.

Лев Гоберман с 1939 г. служил начальником ветеринарного отдела Северокавказского военного округа.[55] Владимир Гоникман (1919 г. р.) окончил Минское пехотное училище им. Калинина, участвовал в «освободительном походе» по Западной Белоруссии в 1939 г. и финской кампании 1940 г.[56] Его брат Даниил (1920 г. р.) окончил то же училище 10 июня 1941 г. и был направлен в Высшую школу НКВД в Ленинграде, а третий брат Михаил (1924 г. р.) получил направление в Минское пехотное училище в мае 1941 г.[57]

Иосифа Гумера (1922 г. р.) призвали в армию в 1940 г., он стал пулеметчиком и служил в Монголии. Борис Шифман (1913 г. р.) защищал границу в районе Львова. Янкл Мордхе-Берл Рехтман находился в районе Ковеля. Его мама Мера (Мирьям) в июне 1941 г., несмотря на напряженную обстановку, поехала навестить сына. Родственник Рехтманов, «большой военный начальник» из Кобрина, предупреждал, что Мера очень рискует и может не успеть вернуться. Дивизия Янкеля находилась в учебных лагерях, и добираться было трудно. Сама встреча продолжалась всего 20 минут. Через несколько дней началась война, и три года Янкель не имел представления, успела Мера в Туров или нет – ничего не знал о судьбе родных и близких.[58]

Беез Рехтман перед войной успел окончить два курса Минского медицинского института и был эвакуирован в Махачкалу Дагестанской АССР. Там завершил об-

---

[54] Меир Марголин (1923 г. р.) - окончил Бердичевское пехотное училище в Актюбинске Казахской ССР, воевал на Сталинградском фронте (август-ноябрь 1942), был тяжело ранен, служил юристом Управления штаба Туркестанского военного округа, Письмо Меира Марголина от 19 октября 2004 г. из Хайфы (Израиль), Там же.

[55] Лев Гоберман (1892-1959 гг.) - генерал-майор ветеринарной службы, заместитель начальника Ветеринарного управления Советской Армии (1944-1949), *Еврейская Российская энциклопедия*, Москва 1994, т. 1, с. 330.

[56] *Новое русское слово* (Нью-Йорк), 30 мая 1995 г.

[57] *Новае Палессе* (Мазыр), 1 ліпеня 2000 г.

[58] Янкл Мордхе-Берл Рехтман (1921 г. р.) - артиллерист-разведчик, несколько раз ранен и контужен, последний раз при штурме Кенигсберга, закончил войну в звании капитана, инвалид II группы, имеет 24 правительственные награды, живет в Германии.

разование и отправился на фронт. Беез воевал на Дальнем Востоке, был главным хирургом военного госпиталя на Сахалине (1945).[59]

После окончания войны большинство этих людей потеряли всех своих близких и не вернулись в родные места.

Уехали на каникулы

Вне Турова к началу войны оказались около 30 старшеклассников, которые отправились во время школьных каникул навестить друзей или родственников. В решающий момент они находились восточнее родного города и получили выигрыш во времени, что позволило им успешно эвакуироваться и сохранить жизнь.

Полина Борухина после седьмого класса приехала в Мозырь к старшей сестре Годэс 17 июня 1941 г. В Туров назад ее уже не пустили пограничники, и Полина отправилась в эвакуацию вместе с Годэс и ее детьми – шестилетней Маней, четырехлетним Мариком и годовалым Борей.[60]

Янкл Гоникман узнал о войне в Мозыре, где гостил у брата после окончания девятого класса. 22 июня 1941 года он дожидался переправы на пляж на берегу Припяти. В это время по радио начали передавать речь Молотова.[61] Пароходы перестали ходить в Туров на третий день. Яша с друзьями побежал на вокзал и успел вскочить в товарный состав до станции Житковичи, откуда до Турова они прошли пешком 25 км. Дома Яша застал только брата Анатолия (Тевье).[62] Семен[63] уже был в армии. Абрама призвали из запаса и назначили командиром батареи, Анатолий не собирался эвакуироваться – формировал партизанский отряд вместе с Гиршем Дворкиным. Родители Яши, Броня и Есель, боялись, что с отъездом семья распадется и дети разбредутся по свету. Однако, когда солдаты, отступавшие от Бреста, рассказали о преследованиях нацистами евреев, решились на отъезд. Анатолий посадил Яшу с родителями в последний эшелон, отходивший из Мозыря на восток.[64]

---

[59] Беез Маркович Рехтман (1920-1988 гг.) - полковник медицинской службы, выпускник двух военных академий, доктор медицинских наук, профессор.

[60] Письмо Полины Борухиной от 8 декабря 2005 г. из Бруклина (США), Архив автора.

[61] Янкл Гоникман (1925 г. р.) - старший сержант, командир пулеметного взвода, воевал в составе 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского фронтов, войну закончил в Кенигсберге.

[62] Анатолий (Тевье) Гоникман (1917-1941 гг.) - начальник пожарной дружины Турова, был в Туровском партизанском отряде, пропал без вести.

[63] Семен (Симха) Гоникман (1920-1942 гг.) - призван на срочную службу в РККА (1940), окончил 2-е Ленинградское училище артиллерии на конной тяге, командир батареи, погиб под Старой Руссой на Ленинградском фронте.

[64] М. Лейбельман, «Боль тысячелетнего Турова», *Каскад* (Балтимор), 2004 г., № 13, с. 14.

Абрам Розенфельд гостил у своих сестер и брата в Минске. Элиягу учился здесь в Белорусском политехническом институте, а Борис Розенфельд жил в Ленинграде. 26 июня 1941 г. Абрам вместе с сестрами и Эли пошли в сторону Могилева. Мужья сестер к тому времени были призваны в армию. С маленькими детьми долго идти не смогли. Известий о расстрелах евреев еще не было, и они рассудили, что немцы «тоже люди». Абрам и Элиягу продолжили путь, а сестры вернулись в Минск. Розенфельды добрались до Могилева, где Элиягу мобилизовали.[65] Абрам попал один в эшелон с эвакуированными и доехал Киргизии, где работал в колхозе, а потом поступил в военное училище.[66]

Чтобы не нарушить субботу

Часть религиозных евреев предпочли остаться. Главным образом, это были пожилые люди, которые не представляли себя вне еврейской традиции. Они понимали, что не смогут соблюдать кашрут в пути и станут обузой для детей и внуков. Нафтоле Меклин, 92 лет, говорил, что немцы не тронут – Бог защитит. Его дочь Евхед, внучки Неха и Броха вместе с тетей Фаиной и двоюродными сестрами Ниной и Соней успели покинуть Туров.[67] Не захотел эвакуироваться в субботу и погиб от рук нацистов *кацев* Ицхак-Хаим Шифман, 70 лет, которого каратели расстреляли на берегу Припяти. Его дети – Кейла, Хайка, Шендл, Хаим, Меир, Калман, Ошер, Сроил, Борис и Миндл выехали из Турова. Все они, за исключением Хаима,[68] пережили войну.

Остался в Турове и погиб Йосель Лельчук, 60 лет, вместе с младшей дочерью и пятью внуками, убежал только десятилетний Шие. Мальчик скитался по лесу в поисках партизан и пропал без вести. Сын Йоселя – Хацкель и два зятя – Айзик Дорфман и Шицл Головей в это время находились в армии.[69] В Турове была расстреляна невестка Йоселя – Лена, жена Хацкеля, и их четверо малолетних детей.[70]

---

[65] Илья (Элиягу) Розенфельд (1923-1943 гг.) - лейтенант, погиб в боях на Курско-Орловском направлении.

[66] Абрам Розенфельд (1925 г. р.) - окончил Киевскую военно-морскую спецшколу (1942), Бакинское военно-морское училище (1945) и Медицинскую академию ВМФ СССР (1950). Письмо А. Розенфельда от 1 декабря 1999 г. из Тель-Авива, Архив автора.

[67] Письмо Брохи Лайхтман (Гоберман) от 25 ноября 2002 г. из Кирьят-Яма (Израиль), Там же.

[68] Хаим Шифман (1909-1941 гг.) - погиб на советско-германском фронте в районе Воронежа www.yadvashem.org

[69] Хацкель Лельчук погиб на фронте под Ленинградом, Айзик Дорфман - на Западном фронте в 1941 г.

[70] Письмо Янкеля Рехтмана от 29 июля 2002 г. из Карлсруэ (Германия), Архив автора.

Погибли в Минском гетто

После захвата Минска 28 июня 1941 г. нацисты создали гетто, которое превратилось в гигантскую ловушку для 100 тыс. евреев. Вместе с коренными минчанами туда попали жители окрестных местечек и приезжие со всех концов Белоруссии, включая Туров.

Полина Воскобойникова приехала в Минск учиться на библиотекаря. Она работала в Арбитраже при СНК БССР, а когда в 1937 г. ее мужа арестовали, осталась без работы и с началом войны не сумела эвакуироваться. В гетто Полина пережила три погрома и в сентябре 1943 г. убежала к партизанам.[71]

На глазах у Ривы Хургиной, дочери Мейше-Бер и Цивьи-Гитл, в Минском гетто нацисты повесили мужа Шмуэля, убили сына и дочь, от чего Рива сошла с ума.[72] У Гирша Шустермана убили жену Софью и дочь, у его брата Лейзера – жену и двоих детей.[73] Абрам Розенфельд потерял в Минском гетто сестер Тайбу и Эсфирь, Лию и ее дочь Цилю, племянников Хаима и Ноту. Сестра Рахель Розенфельд вместе с племянником Аликом (сыном Лии) и Кларой (дочерью Эсфири) бежали в лес к партизанам и остались живы.[74]

Способы эвакуации

Покинуть Туров можно было по воде, суше или по железной дороге. У каждого из этих путей были свои преимущества и недостатки. Наиболее доступным считался водный маршрут. Сплавляться вниз по течению во время навигации удобно и относительно безопасно. Этот путь связывал Туров с Петриковом, Наровлей, Мозырем, Пинском и Киевом. По судоходной Припяти и ее притокам двигались пароходы, баржи, катера, лодки и плоты. К пристани Турова подходили корабли Днепровской речной флотилии.

Наземный путь пролегал по наезженным дорогам от местечка к местечку, которые сходились в районном или областном центре. Автомобилей было мало, и гужевой транспорт оставался главным средством передвижения и перевозки грузов. Машины находились в распоряжении работников почты и связи, районного начальства, милиции, пограничников и в некоторых колхозах. Грунтовые дороги дополняли многочисленные лесные пути и тропы, болотные гати, которые значительно сокращали расстояние. Пользоваться ими можно было только

---

[71] П. Воскобойникова вернулась Минск после освобождения республики, Yad Vashem Archives, M-41/3, p. 1.

[72] Там же.

[73] Лейзер Шустерман (1910-1973 гг.) - после войны ревизор Министерства легкой промышленности БССР в Минске.

[74] Письмо Абрама Розенфельда от 1 декабря 1999 г. из Тель-Авива, Архив автора.

с проводниками, хорошо знавшими окрестные леса и топи. В зимнее время, когда лед сковывал реки, а мороз и снег утихомиривали болото, сухопутный маршрут становился основным.

Такой порядок передвижения был апробирован многими поколениями жителей Полесья, которые считались неприхотливыми путешественниками. Они смело отправлялись в дорогу и преодолевали пешком десятки километров.

Новым и самым современным видом транспорта по праву считалась железная дорога. Полесская «чугунка», проложенная только в конце XIX в., находилась в начале своего развития. Ближайшими к Турову станциями были Житковичи (25 км) и Ельск (164 км).

Автотранспорт

В начале июля 1941 г. стало ясно, что Туров не удержать. Решение об эвакуации Туровский РК КП(б) и райисполком приняли не позднее 6 июля. В первую очередь отправляли в тыл членов семей пограничников, партийного и советского актива, допризывную молодежь, женщин, стариков и детей.

7 июля райисполком Турова выделил 27 грузовых автомобилей. Каждая машина вмещала по три семьи. Колонна доехала до станции Житковичи, где людей посадили в поезд, следовавший на Украину до совхоза «Тростинец» Черниговской области. Когда фронт приблизился и туда, туровцев отправили на станцию Дмитровка в Курской области и дальше – в Среднюю Азию. Часть сошли в Сызрани, а остальных повезли до станции Голодная степь в г. Мирзачуль (с 1961 г. Гулистан) Узбекской ССР.[75]

Семью Софьи Храпунской 14 июля 1941 г. на грузовой машине отправил ее двоюродный брат – начальник городской пожарной охраны Тевье Гоникман, а назавтра пришли немцы. Храпунские попали в Ново-Троицкий район (Казахстан) и работали в колхозе «Берлик-Устем» (1941–1944). Однако не все их родственники решились на отъезд. Только со стороны отца Софьи, Лазаря, нацисты расстреляли 25 чел., на фронте в Красной Армии погибло пять двоюродных братьев Софьи.[76] Остальным жителям предоставили баржи и лодки. Вопрос о целесообразности отъезда обсуждался до последнего момента.

Катер

Первыми по реке 4 июля 1941 г. из Турова отправили допризывников. Это было мероприятие, предусмотренное эвакуационным планом Полесского ОК КП(б)Б, выполнявшего указание ЦК КП(б)Б. Вместе с ровесниками, 16–17-летними юно-

[75] Запись беседы с Ароном Флейтманом 16 августа 2002 г. в Турове, Архив автора.

[76] Письмо Софьи Флейтман (Храпунской) от 27 ноября 1999 г. из Беэр-Шевы (Израиль), Там же.

шами и девушками, отплыла и Хава Райхман. Ее отца Шлейме и трех братьев, Мойше, Есула и Лэйвика Райхманов, призвали в армию, а мама Сара и сестра Ривелэ остались в Турове и погибли.[77]

На катер не успел сесть Бейныш Шифман. 5 июля 1941 г. райком комсомола поручил ему сопровождать обоз с «государственным имуществом», как позднее оказалось, с оружием. За это ему пообещали помочь с эвакуацией родных. Шифман отсутствовал в Турове до 4 августа 1941 г. За это время его мать и две сестры погибли. Младший брат Ошер, 13 лет, присоединился к туровским партизанам и был эвакуирован в Омск. Бейныш ушел из Турова с частями Красной Армии и добрался до Ферганской области (Узбекская ССР), где заболел тифом, но выжил.[78]

Точное количество допризывников, переправленных из городского поселка на катерах, неизвестно. Однако можно предположить, что их было несколько десятков.

Баржи

5 июля 1941 г. из Пинска в сторону Мозыря пароходик-буксир тащил три баржи – одну порожнюю недостроенную и две переполненные людьми. Караван сделал остановку в Турове. Пшеницу, предназначенную для Германии по довоенным поставкам, которые советская сторона осуществляла вплоть до 22 июня 1941 г., сбросили в реку, а освободившееся место заняли беженцы.

Двейра Райхман собрала документы, немного еды, запас одежды и вместе с детьми, Ханой, Соней и Гришей, побежала на пристань. На последнюю баржу успели подняться Евхед и Неха Лайхтман. С ними были двоюродная сестра Двейры Фаня и ее дети, Нина и Соня. На той же барже оказался шапочник Мордхе-Берл Беезович Рехтман, его жена Мера и дети, Геня и Сема. В Мозыре они собирались пересидеть неделю, «пока немцев не отгонят».

В трюме стояла вода, поверх которой были набросаны доски. Пассажирами, в основном, оказались евреи – старики и женщины с детьми, семьи военнослужащих, советских и партийных работников. Люди были возбуждены, плакали, рассказывали о потере близких. Не хватало пищи и пресной воды, баржу неоднократно бомбили. Беженцы несколько раз оказались свидетелями воздушных боев. Стреляли зенитки, и на палубу падали осколки. Были случаи, когда от страха люди бросались в воду и тонули на глазах родных, которые ничем не могли помочь.

По Припяти и Днепру баржи дотянули до Днепропетровска.[79]

---

[77] В 1945 г. братья Райхманы и Шлейме вернулись домой в Туров инвалидами, Лэйвик через несколько лет умер от ран. Письмо Михаила Райхмана от 9 ноября 1999 г. из Кирьят-Бялика (Израиль), Там же.

[78] Письмо Тайбы Левиной (Шифман) от 12 ноября 1999 г. из Нетании (Израиль), Там же.

[79] Л. Смиловицкий, «Семья Райхман из Турова», *Авив*, 2002 г., № 7-8.

Лодки

Другая часть туровских евреев спасалась на лодках. Среди них оказались те, кто колебался до последней минуты и упустил возможность сесть на баржу. 10 июля 1941 г. Мовша и Мера-Шейндл Борухины провожали двоюродного брата и сестру с семьями. Родственники выбросили на берег часть вещей, освободили место и уговорили сесть в лодку Мовшу и Меру.[80] Их сыновья Юдель[81] и Шмуэль[82] к тому времени уже ушли в Красную Армию.

Заведующий магазином Ошер Шифман не успел сдать выручку и отказывался уезжать. Жена Ошера, Малка-Шейндл, и их трое детей, Роза, Гриша и Тайба, не знали, как плыть до Мозыря. Ошер уступил только после того, как соседи сказали, что не станут грести за его семью. Он сел в лодку в том виде, как вышел из-за прилавка, в рабочем халате и с ключами от магазина. Все родные Шифманов, оставшиеся в Турове, погибли.[83]

В последний момент из Турова отплыли Перец и Хана Лейтман с детьми, Соней, Хаей и Ривой. Вместе с еще двумя семьями они достигли Петрикова, где попали в эшелон, который привез их в Тамбов.[84]

11 июля 1941 г. Голда Шустерман с детьми, Зеликом и Басей, в числе 20 соседей спустились двумя лодками на веслах до Днепра. Там беженцев подобрал буксир, который дотащил их до Киева. Шустерманы пересели на большую баржу, которая эвакуировала коллектив работников судостроительного предприятия. Вместе они доплыли до Днепропетровска. Дальше Голда и дети ехали на открытой угольной платформе до станции Аксай, а оттуда по Дону на пароходе до пристани Семикаракорская Ростовской области.[85]

Нохим Гительман до войны был лодочником и подвозил пассажиров с пристани Турова к пароходам, а когда вода спадала, работал грузчиком в *сельпо*. За пять дней до прихода немцев Нохим с семьей тронулся в путь. Проплыв 60 км вниз по течению, Гительманы бросили лодку возле Петрикова и пересели на баржу с эва-

---

[80] Письмо Полины Борухиной от 8 декабря 2005 г. из Бруклина (США), Архив автора.

[81] Юдель Борухин (1914-1945 гг.) - лейтенант, командир самоходной установки СУ-76, командир взвода 386-го самоходного артиллерийского полка, погиб в бою, захоронен у д. Мечов (Метов) Германия, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации в Подольске, оп. 11458, д. 844, л. 127.

[82] Шмуэль Борухин (1923-1942 гг.) - красноармеец, студент Гомельского кооперативного техникума, призван в армию в Нальчике, Кабардино-Балкария (1941 г.), пропал без вести под Ростовом-на-Дону.

[83] Письмо Татьяны Гольцман (Шифман) от 23 марта 2004 г. из Курска (Россия), Архив автора.

[84] Письмо Басшевы Пейсахович (Лейтман) от 10 января 2003 г. из Кирьят-Аты (Израиль), Там же.

[85] Письмо Зелика Шустермана от 17 ноября 2002 г. из Нетивота (Израиль), Там же.

куированными. В Киеве они прожили у родственников неделю, но, когда заболел их ребенок, жена Нохима настояла на возвращении в Туров. Гительманы сели на пароход и добрались до Мозыря, откуда на военной машине их «подбросили» в Туров. Немцев в местечке еще не было. Но назавтра «заскочил» отряд штурмовиков, который открыл стрельбу, погибло несколько человек, включая тещу Нохима. Когда партизаны выбили карателей, Гительманы присоединились к землякам, которые пытались выбраться из Турова в направлении Лельчиц гужевым транспортом.[86]

Ушли по суше

В первую неделю войны военкомат отправил из Турова пешком юношей 1924–1926 г. р. В Наровле их посадили в «товарняк» и повезли на восток. Берл Шляпинтох и несколько его товарищей попали на Кубань, в станицу Лабинская, где работали в колхозе в ожидании призыва в Красную Армию.[87]

В начале июля 1941 г. военкомат разослал повестки о призыве старшеклассников. Однако события развивались стремительно, 5 июля через Туров отступала воинская часть. В военкомате юношам посоветовали… порвать повестки и убегать на восток. Анатолий Зарецкий, Пиня Голин, Боня Гренадер, Рафаил Шустерман, Шолом Кузнец, Шая Лайхтман и некоторые другие их товарищи отправились в дорогу. Они дошли до Чернобыля на Украине, сели на баржу и доплыли до Днепропетровска, а оттуда – товарным составом на Кубань. В сентябре 1941 г. Зарецкий, Гренадер и Кузнец остановились на хуторе Варткино Горно-Балаклейского района Сталинградской области, где их приняли на работу в колхоз.[88]

Тайба Шифман и Рая Славкина пешком, на подводах и попутных машинах добрались до Гомеля. Город бомбили, и он горел – «летели стекла и перья». Девушки спрятались в узкий окопчик, а соседнюю «щель» разбомбили. Тайба и Рая эвакуировались вместе с семьями работников милиции, останавливались в деревнях. В Сталинграде их приютили родственники Гумеры, а оттуда девушки направились во Владикавказ (Орджоникидзе) к бабушке Ципе и дедушке Мордхе-Йоселю Глозманам, которые переехали в Северную Осетию из Крыма еще в 30-е годы.[89]

В середине июля 1941 г. при отступлении из Турова на дороге скопилось много людей и телег, которые немцы «догоняли и бомбили». Мойше-Велвл Шифман был энергичным человеком и в критический момент взял инициативу в свои руки. Беженцы долго шли пешком, пока не добрались до станции Гомель (245 км от

[86] Показания Нохима Гительмана от 8 мая 1942 г. в Камышине, Архив Управления Комитета госбезопасности Гомельской области (далее АУ КГБ ГО), д. 20063, л. 49.

[87] Письмо Бориса (Берла) Шляпинтоха от 14 октября 2002 г. из Чикаго (США), Архив автора.

[88] Письмо Анатолия Зарецкого от 10 октября 1999 г. из Кирьят-Шмоны (Израиль), Там же.

[89] Письмо Татьяны (Тайбы) Шифман от 12 ноября 1999 г. из Нетании (Израиль), Там же.

Турова). В теплушках для скота они ехали на юг. На Кавказе Шифманы случайно встретили детей сына Пинхуса – внуков Мойше-Велвла. Пинхус пропал без вести при обороне Крыма, а невестку, маму детей, Рахиль убило бомбой в районе Сочи. После трех месяцев скитаний Шифманы попали в Баку, жили под открытым небом, продавали последние вещи, чтобы купить хлеб.[90]

К Ельску

Большая группа евреев бежала из Турова 14 августа 1941 г. Гершун Гоберман (кузнец), Ицко Гительман (балагола) запрягли лошадей и тронулись в путь. У каждого была приготовлена своя *котомка*. Маленьких детей усадили на повозки, а остальные пошли пешком. При выезде из поселка к ним присоединились более десяти семей и среди них: Ицко и Нохим Гительманы, Израиль, Ицхак и Янкель Гоникманы, Гершун Гоберман, Меир Глозман, Лазарь Глинер, Арон Старобинский и др. Беженцы двигались лесом и проселочными дорогами, избегая людных мест. Стояла страшная жара. Люди спешили, позволяя себе отдыхать не более трех-четырех часов в сутки. Через пять дней они добрались до перекрестка дорог на Лельчицы и Ельск. Возник спор: куда двигаться дальше? Одни кричали, что нужно остаться здесь, а другие настаивали продолжить путь до Ельска, где была железная дорога. Ночью Гершун и Ицко добрались до Ельска, который уже был недалеко, увидели, что поезда еще ходят, вернулись и рассказали об этом.

Значительная часть еврейских беженцев из Турова повернула на Ельск. На станции ожидали воинский эшелон и товарный состав, который перевозил промышленное оборудование. Охрана не разрешала разместиться на открытых платформах с машинами и станками. Люди начали возмущаться, что это антисемитизм. В последний момент начальник охраны под свою ответственность разрешил посадку.

Когда состав достиг Чернигова – город и станция горели, но эшелон успел проскочить. По дороге беженцев пересадили в товарные вагоны и повезли в г. Камышин Республики немцев Поволжья. Там распределили по колхозам. Гоберманы попали в село Дрейшпиц Нижнедобринского района Сталинградской области.[91] Прежних жителей власти депортировали в Казахстан, и эвакуированные вселились в пустующие дома.[92]

---

[90] Письмо Моисея Шифмана от 19 сентября 2002 г. из Хайлигенхауса (Германия), Там же.

[91] Письмо Ильи Гобермана от 17 сентября 2000 г. из Хайфы (Израиль), Там же.

[92] Республика немцев Поволжья (нем. *Autonome Sozialistisch der Wolgadeutschen*) с 19 декабря 1923 г. находилась в составе РСФСР, 28 тыс. 200 кв. км и 576 тыс. жителей (1933), упразднена 28 августа 1941 г. по ложному обвинению в массовом сотрудничестве населения с германской разведкой, жители депортированы в Казахстан и соседние районы РСФСР, где до сих пор существует немецкая диаспора.

В Лельчицах

До середины августа 1941 г. спасение можно было найти по дороге на Лельчицы (63 км от Турова). Город удерживали части Красной Армии и партизаны, поэтому часть евреев устремилась в этом направлении, чтобы не проделывать окружной путь к Ельску. Басшева Лейтман, Нина Железняк и Сима Пильщик ушли пешком в Лельчицы. По дороге их подобрала машина, которая везла снаряды к линии фронта. Басшева с двоюродным братом и его родителями выехала в направлении Курска, а затем дальше – на Воронеж.

В Лельчицы немцы пришли 23 августа 1941 г. Группа евреев из Турова, которая вышла вместе Гершуном Гоберманом и Ицкой Гительманом, но отказалась следовать на Ельск, оказалась в западне. Они выбрали Лельчицы, казавшиеся более безопасными, и попали в руки нацистов.

Карательный отряд прибыл в Лельчицы 5 сентября 1941 г. из Овруча. Немцы сразу начали сгонять евреев во двор бывшего здания НКВД. Большинство лельчицких евреев успели спрятаться, а беженцев из Турова задержали. Среди них оказались мать Ошера Фишмана, две сестры и брат, Лиза Чечик и ее мать Сара Шухман (Чечик), Фейгл Глозман и ее малолетние дети – Исаак, Велвл, Тася и Лиза.

Евреев построили в колонну (больше 100 чел.) и погнали по Мозырскому шоссе к урочищу Заелье на окраине Лельчиц, к большой воронке от авиабомбы. У многих были с собой заплечные мешки или сумки в руках. Матери несли маленьких детей. По пути евреи громко плакали и просили их отпустить. Людей группами по 15–20 чел. подводили к яме, ставили на край и расстреливали.[93] Малка Марголина, муж которой, Мейшке, воевал на фронте, выхватила из-за пазухи платок и крикнула: «Всех не расстреляете, за нас отомстят мужья!» Мейшке Марголин и его брат Ицл погибли в боях с нацистами.[94]

Пейсах Лейтман бежал с семьей в лес, но по дороге их выследил полицейский и, угрожая оружием, заставил выкопать яму и расстрелял. Маленькую девочку он взял за ножки и ударил головой о рельсы.[95]

Зелик (Залман) Рехтман, брат Мордхе-Берла из Турова, ушел в Лельчицкий партизанский отряд, который позднее влился в соединение Ковпака.[96] Его дочь Полина, 14 лет, смогла убежать из колонны, которую вели на расстрел. После долгих мытарств девочку подобрали в лесу партизаны, и она нашла Зелика. В отряде

---

[93] Показание Ивана Васильевича Давидюка (1914 г. р.) от 16 сентября 1970 г., Лельчицы, АУ КГБ ГО, д. 234, т. 6, л. 77.

[94] Письмо Татьяны Левиной от 5 октября 1999 г. из Нетании (Израиль), Архив автора.

[95] Письмо Басшевы Пейсахович (Лейтман) от 10 января 2003 г. из Кирьят-Аты (Израиль), Там же.

[96] Зелик Рехтман - уроженец Лельчиц, до войны шапочник, партизан Лельчицкой бригады, погиб 11 ноября 1941 г., *«Встали мы плечом к плечу…»* Евреи в партизанском движении Белоруссии, 1941-1944 гг., Минск 2005 г., с. 14.

Полина перевязывала раненых, ходила в разведку, сама была ранена и осталась инвалидом. Перед наступлением на Карпаты всех малолетних партизан вывезли на Большую землю.[97]

По воле случая

В Турове искали спасения евреи из окрестных мест. Бидманы пришли из д. Коротичи Давид-Городокского (ныне Столинского) района Брестской области – всего 14 км от Турова, но уже из «бывшей Польши», и советские пограничники не пускали «западников» под предлогом борьбы с диверсантами. Гришу Бидмана, 15 лет, его мать и двух тетей сопровождал Моисей Ольшанский, который был председателем сельсовета Коротичей и имел личное оружие. В Турове Моисей ушел в Красную Армию. Остальные Бидманы и Ольшанские, бабушка, дедушка, дяди, тети и их дети, погибли в Коротичах.[98]

Несколько семей спаслись благодаря счастливому стечению обстоятельств. Шлейме-Ноте и Нехе Лайхтман сообщили о смертельной угрозе из Пинска. Когда встал вопрос, что делать, куда ехать и как все бросить, они услышали: «Бегите скорее, немец убивает всех евреев. Ничего не берите – вещи валяются по дороге».[99]

Нейманов – Моисея, Лею и их детей Раю, Арона, Дору и Голду – предупредил об опасности старик-сосед. Накануне в Давид-Городке его племянник потерял всю семью – жену, тещу и семь детей. Карательный отряд 14 августа 1941 г. направлялся оттуда в Туров. Окна дома Нейманов выходили в поле, куда они бросились в одном ночном белье. Семья пряталась в лесу, голодала, перешла линию фронта, добралась до Курска и затем выехала на Урал в Чкаловскую область, в д. Михайловка. Моисея (1890 г. р.) мобилизовали в Красную Армию. Каратели не пощадили никого: бабушку и дедушку Раи, родителей Леи, трех сестер, одну из которых сожгли, убили их малолетних детей.[100]

16 августа 1941 г. бои за Туров возобновились, и дом Ханиных загорелся, 15-летняя Хася бросилась выносить вещи, и ее ранили. Девочку положили в санитарную машину вместе с красноармейцами. Мама подвела братьев и сестер, спросила: нужна ли помощь? Хася была уверена, что справится, и отказалась – все думали, что расстаются ненадолго. Раненых через Лельчицы отправили

---

[97] О Полине Рехтман писал П.П. Вершигора в книге «Люди с чистой совестью», Москва 1946 г.

[98] Письма Григория Бидмана от 30 июля и 8 октября 2002 г. из Кармиэля (Израиль), Архив автора.

[99] Письмо Брохи Лайхтман (Гоберман) от 25 ноября 2002 г. из Кирьят-Яма (Израиль), Там же.

[100] После войны Рая вышла замуж за Хаима Хейфеца, который бежал из гетто Лахвы к партизанам в 1942 г.; в 1959 г. Хейфецы выехали в Израиль, Письмо Раи Хейфец (Нейман) от 14 ноября 2004 г. из Ришон ле-Циона (Израиль), Там же.

в Чернигов, Харьков и дальше на восток. Хася осталась в живых единственной из восьми членов ее семьи – каратели в Турове выхватывали детей из рук матери и бросали в колодец.[101]

Трудности в пути

Дорога в неизвестность

Люди, покинувшие свои дома в Турове, не представляли, когда вернутся. Большинство надеялось, это произойдет через несколько дней, и поэтому брали минимум вещей, денег и документов. Дома оставались престарелые родители или больные родственники, которые обещали присмотреть за имуществом.

Однако вскоре люди поняли, насколько заблуждались. Для большинства эвакуированных из Турова, особенно молодежи, никогда не выезжавших дальше Мозыря, оказаться в поезде в течение многих недель стало серьезным испытанием. По свидетельству Янкеля Гоникмана, в полдень 14 июля 1941 г. над их эшелоном низко пролетел немецкий самолет, дал несколько пулеметных очередей и исчез за горизонтом. Люди высыпали в поле, из последних вагонов доносились стоны и крики о помощи. В Гомеле вынесли убитых и сменили паровоз. Под Курском бомбили еще раз, было много погибших. У Басшевы Лейтман обгорели одежда и волосы, раненым оказали помощь и состав отправили дальше. Через десять дней эвакуированные из Турова прибыли в Новохоперск Воронежской области. Там жили крестьяне-субботники, на косяках дверей у которых были *мезузы*. Эшелон более месяца тащился от Дона до Казахстана. Люди терпели как могли, чтобы доехать. Не хватало хлеба и воды, особенно страдали дети и старики. На промежуточных станциях оставляли больных и умерших по дороге. Через сутки после Джамбула пассажиров высадили на станции Чу. Дальше путь продолжался с караваном из верблюдов и быков. Еще десять километров по барханам к глухому аулу из полусотни саманных домиков.[102]

Другой эшелон, в котором находилась семья Райхманов, после Кременчуга следовал до Днепропетровска. Когда на железнодорожную станцию подали состав из-под угля, началась давка. В вагоны набилось столько беженцев, что невозможно было пошевелиться. Угольная пыль покрыла все открытые участки тела. Лица стали черные, как у шахтеров, поднявшихся из забоя. Поезд прибыл на Северный Кавказ, в Кабардино-Балкарию. В станице Червленая приютили казаки –

---

[101] Этот рассказ Хася услышала в 1956 г., когда беременной приезжала в Туров; она родила сына Фиму с врожденным пороком сердца, который умер в 1967 г. Письмо Хаси Ханиной (Вайнблат) от 6 ноября 1999 г. из Бруклина (США), Там же.

[102] Я. Гоникман, «Дороги тревог», *Каскад* (Балтимор), 1999 г., № 16, с. 6.

горе всех объединило. В колхозе беженцы убирали хлопок, кукурузу, виноград и арбузы.[103]

Третий эшелон, в который попали еврейские беженцы в Ельске, состоял из открытых платформ, на которых перевозили промышленное оборудование и железные конструкции. Питались тем, что находили в разбитых составах по дороге, – кусочки хлеба, остатки консервов. Одна белорусская женщина сняла со своего ребенка кофточку и отдала раздетой трехлетней Поле Гоберман. В селе Дрейшпиц Нижнедобринского района Сталинградской области поселили семь семей из Турова. Местных жителей не осталось, были только вновь прибывшие из разных районов страны. Жили без конфликтов и ссор, впроголодь – продуктов не хватало, собирали в поле колоски, хлеб получали по карточкам.[104]

Занятия эвакуированных

Условия, в которых оказались беженцы из Турова, были лишены элементарных удобств. Главным стало выжить, преодолеть усталость и голод, не поддаться болезням, сохранить детей, а для этого требовалось найти работу, которая давала право на хлебные карточки. Местные власти использовали вновь прибывших людей на сезонных работах. Колхозы, из которых мужчины ушли на фронт, нуждались в каждой паре рабочих рук.

Яша Гоникман был прицепщиком на комбайне, а затем научился водить трактор.[105] Григорий Райхман убирал хлопок, кукурузу, виноград и арбузы. Броха Лайхтман работала в колхозе «Таджикистан-сурх» Сталинобадской области. Ошер и Малка-Шейндл Шифман всю войну трудились на станции Мамлютка Петропавловской области. К ним присоединились три сестры Малки – из Петрикова и Турова. Абрам Гумер работал в г. Жан-Семей Семипалатинской области грузчиком, Гершун Гоберман – кузнецом, а его сын Илья – трактористом.

Иногда удавалось найти работу по специальности. Басшева Лейтман выбрала Ташкент, потому что читала книгу «Ташкент – город хлебный»[106] и решила, что там не умрет с голода. В Самарканде ее с подругой приютила женщина, у которой они жили в курятнике. Денег, чтобы заплатить за жилье, не было, и Бася сняла с себя нательную рубашку. Из Самарканда беженцев направили в колхоз им. Ленина. В поле нужно было работать от восхода до захода солнца. За это давали немного

---

[103] Л. Смиловицкий, Указ. соч.

[104] Письмо Ханы Цимбел от 12 ноября 2001 г. из Нью-Йорка, Архив автора.

[105] Яков Гоникман (1925 г. р.) - работал разнорабочим, прицепщиком, трактористом колхоза им. Буденного Воронежской области Новохоперского района (август-сентябрь 1941), а затем в колхозе «Берлик-Устем» Чуйского района Джамбульской области (до января 1943 г.).

[106] А. Неверов, *Ташкент - город хлебный*, Москва 1928 г.

муки и молока, чтобы сварить «затируху». Басшеву спасло то, что ее как студентку Гомельского учительского института направили в школу и выдали 100 руб. подъемных, на эти деньги она купила дешевое пальто и брезентовые туфли.

На станции Голодная Степь в Узбекистане работал учителем Арон Хазан, демобилизованный после тяжелого ранения. Гирша Флейтмана, потерявшего на войне ногу, избрали председателем Мирзачульского горисполкома.[107] Лейбл Швец в годы войны делал танки в Ижевске, на Урале. Вульф Чечик стал мастером на строительстве авиационного завода в Казани.[108]

Бегство 1942 г.

Когда немецкие войска летом 1942 г. вышли к Волге и Кавказу, беженцы из Турова снова собрались в дорогу. За прошедший год они приобрели бесценный опыт, который помог перенести новые скитания.

В Махачкале Двейра Райхман с детьми (Хана, Соня, Гриша и Давид) ждала почти месяц очереди переплыть Каспийское море. В Баку они жили на улице. На вокзале был эвакопункт: люди проходили санитарную обработку и получали хлебные пайки. Город бомбила немецкая авиация, и однажды Соню ранило. После этого Райхманам в виде исключения разрешили подняться на паром. В Красноводске их мучили голод и жажда. На открытых платформах беженцев повезли в Узбекистан. Кругом раскинулась голая степь, далеко на горизонте редко можно было видеть телегу с осликом.

Детям давали жевать прессованный жмых хлопка, и у них начался кровавый понос. Райхманов ссадили на станции Каган около Бухары, дальше ехать было нельзя из-за болезни. Хана и ее дети были едва живы. Их поселили в общежитии почти на сто человек, устроенном в бывшей чайхане с земляным полом. Женщины, дети и старики жили вместе, мылись редко, спали в одежде. Освещения и отопления не было. К весне в общежитии осталась половина жильцов – кто ушел сам, а кто умер от тифа, дистрофии или переохлаждения.

Двейру записали на фабрику шить стеганые брюки, ватники, гимнастерки и шинели для армии. Предприятие окружал забор из колючей проволоки под электрическим напряжением. Гришу определили в ученики слесаря. В мастерской он впервые услышал: «Чайники, чайники, все жиды – начальники, русский – на войне, узбек – в чайхане».[109]

Рехтманы эвакуировались из Махачкалы в Казахстан в августе 1942 г. Вместе с другими они ехали в наскоро приспособленных вагонах. Если долго не было оста-

---

[107] В августе 1944 г. телеграммой ЦК КП(б)Б Г. Флейтмана отозвали на партийную работу в Туров.

[108] В Турове у Вульфа Чечика погибли мать Сара, сестра Лиза, семья брата. Письмо Вульфа Чечика от 28 октября 2002 г. из Бруклина (США), Архив автора.

[109] Л. Смиловицкий, Указ. соч.

новок, тела умерших во время движения сбрасывали под откос.[110] Полина и Годэс Борухины в это время плыли на барже по Волге до Владимировки, а оттуда – на платформе со строительным камнем – в Казахстан. В колхозе им. Орджоникидзе Джанибекского района Западноуральской области в течение одной недели от кори умерли все трое детей Годэс – Маня, шести лет, Марик, четырех лет, и годовалый Боря. Сама Годэс в это время болела брюшным тифом и находилась без сознания.[111]

Семья Зелика Шустермана, пережившая первое время эвакуации в Средней Азии, двинулась в путь на верблюдах до станции Александров Гай. Оттуда Голда с детьми, Зеликом и Басей, приехала в Новосибирск. Там они устроились на химический завод, выполнявший заказы для нужд обороны, получили теплую одежду, место в общежитии, рабочий рацион. Это было спасение.[112]

Голод

Люди в глубоком тылу страдали от голода. Есть хотелось даже во сне. Самыми ценными продуктами считались мука и жир. Животных, домашней птицы, собак и кошек давно не осталось. Мяса и фруктов никто не ел, иногда доставали морковь, картофель или капусту. Большинство эвакуированных готовили овощной суп. Пользовались отходами столовых, дети подбирали вареные кости после разделки туш на кухнях воинских частей или выискивали в мусорных ящиках. Из них готовили студенистый навар, который шел в пищу или на продажу.

В Сталинобаде Шифманы и Глозманы получали по 200 граммов хлеба в сутки на человека. Они ели зеленую редьку, гнилую морковь и крупу на воде. У дедушки Мордхе-Йоселя Глозмана началась гангрена. Он лежал голодный и просил есть. Бабушка Цыпе выводила детей на улицу, давала хлеб и говорила: «Он уже прожил жизнь, а вы молодые и ничего не видели». Дедушка умер. От голода в Ташкенте умерла жена Арона Чарного – Бася (Чечик).[113] Тайба Шифман работала в трикотажном цехе швейной фабрики во Владикавказе, Северная Осетия, а по ночам дежурила в штабе гражданской обороны. Рядом находился зоопарк, среди ночи ревели звери, было страшно.[114]

---

[110] Письмо Гени Пивоваровой (Рехтман) от 10 ноября 2002 г. из Карлсруэ (Германия), Архив автора.

[111] Письмо Полины Борухиной от 8 декабря 2005 г. из Бруклина (США), Там же.

[112] Зелик Шустерман (1927 г. р.) - окончил Ленинградский военно-механический институт (1952), работал инженером Старокраматорского завода им. Орджоникидзе в Донбассе, руководил конструкторским отделом Новосибирского химического завода (1952-1993), имеет 30 авторских свидетельств, репатриировался в Израиль (1993).

[113] Письмо Татьяны Левиной от 12 ноября 1999 г. из Нетании (Израиль), Архив автора.

[114] Тайба Шифман (1925 г. р.) - заместитель начальника вокзала Владикавказа, репатриировалась в Израиль в 1996 г.

Эстер Шифман в Баку от голода потеряла сознание прямо на улице, имея на руках грудного ребенка. Когда через несколько дней она пришла в себя в больнице, то узнала, что ребенок умер. Эстер чуть не сошла с ума, потом умерли родители: Мойше-Велвл скончался 19 сентября 1942 г. от малярии, и его похоронили за городом, а Маня – 8 декабря от дизентерии. Эстер и ее сестра Броня остались одни, они брались за любую работу, чтобы не умереть от голода.[115]

Райхманы выжили благодаря тому, что Двейру с сыном приняли на швейную фабрику. Работающим выдавали на день 600 граммов хлеба и тарелку супа, а иждивенцам – 400 граммов. Хлеб был сырым, и дети, перед тем как съесть, лепили из него «коников». Суп – жидкая водица с крупой и отрубями. Но это спасло от голодной смерти.[116]

История Шифры Шик (Шифман)

Война застала Шифру в Измаиле, куда она приехала к месту службы своего мужа Леонида – командира корабля «Красная Абхазия».[117] В штабе флотилии 23 июня 1941 г. молодой женщине сказали, что подан товарный состав для семей военнослужащих, который вывезет их в сельскую местность, чтобы избежать «бомбежки». В открытых товарных вагонах беженцев везли неделю. Кормили редко, подносили к эшелону кашу, макароны, хлеб. Шифра захватила маленькую кастрюльку и примус, варила манную кашу для полуторагодовалой дочери – Галя родилась в январе 1940 г.

Однажды ночью на узловой станции вдруг объявили, что будут кормить обедом. Все побежали в поисках кухни, образовались длинные очереди: одна за супом, вторая – за кашей, третья – за хлебом. Детское питание – в другом месте, давали стакан молока и ложку крупы. За это время состав перегнали, и Шифра потерялась. Стала заглядывать в каждый вагон, но видела только незнакомые лица. Несколько раз обежала весь состав как обезумевшая, пока не окликнули соседи. Оказалось, что прицепили дополнительные вагоны и посадили новых пассажиров. Девочка мирно спала на верхней полке, однако ужас возможной потери навсегда остался в сознании матери.

Ехали более месяца, в Рязанской области поселили в школе, в магазинах – пустые полки. Поезд на Днепропетровск отходил поздно вечером, народу –

---

[115] В 1944 г. Эстер и Броня Шифман нашли сестер Шеву и Шуру и переехали к ним в г. Елец Липецкой области. Письмо Моисея Шифмана от 19 сентября 2002 г. из Хайлигенхауса (Германия), Архив автора.

[116] Л. Смиловицкий, Указ. соч.

[117] Леонид Шик (1912-1943 гг.) - капитан III ранга, уроженец Киева, проходил службу в Днепровской речной флотилии.

яблоку негде упасть. Всю ночь она простояла в тамбуре с ребенком на руках, руки немели, боялась уронить дитя. На рассвете проводник с большим трудом нашел место. Мужчина средних лет не хотел уступать – проводник стянул его за ноги. Шифра уложила девочку и тут только обратила внимание, что чемодан у нее чужой.

В Харькове на вокзале сидели эвакуированные из Днепропетровска, которые сами бежали от бомбежек. После пяти недель скитаний у молодой матери не осталось сил, и она стала проситься в ближайший колхоз. Но тут подоспела телеграмма от мужа с номером полевой почты. Стоял октябрь 1941 г., из Харьковской области она поехала на Северный Кавказ. Через военкомат дала телеграмму в Севастополь. И – о чудо! Леонид прислал за ней с Галочкой матроса с корабля. В декабре 1941 г. Красная Армия отбила у немцев Ростов, и муж вызвал жену с дочкой в Новороссийск.

В августе 1942 г. Шифра с ребенком на руках бежала из Черкасс – немецкая авиация разбомбила железную дорогу и высадила десант. Объявили об эвакуации, а транспорта не было. Их подобрала военная машина из Нальчика, и оттуда на дизеле они добрались до Махачкалы. Переправиться через Каспийское море было невозможно – десятки тысяч людей жили под открытым небом. Шифра решилась отправиться в г. Поти через Баку. Вместе с двумя молодыми женщинами из Тбилиси они забрались в товарный состав и притаились в тамбуре. На каждой остановке охранники-абхазцы, не говорившие по-русски, пытались их согнать, за четыре дня доехали до Кировобада.

Попутчицы Шифры решили остаться, и они вместе сняли угол. На танцах подруги Шифры познакомились с двумя матросами из г. Поти, которые согласились взять письмо. На конверте вместо адреса было указано: командиру корабля «Красная Абхазия» капитану Л. Шику. Через два дня в окно постучали – их нашел посыльный от мужа. Моряки из Поти передали письмо Леониду, прочитав на ленточках бескозырок его матросов название корабля.

Посыльный повез Шифру с Галей на Урал к своим родным. Дорога заняла полтора месяца. На военном корабле они приплыли в Красноводск, оттуда – в Ташкент, затем в Новосибирск, Челябинск, Курган. В вагонах народу было битком, каждая посадка бралась с боем. Три солдата и матрос подавали Шифру с дочерью к входу буквально на руках. Прибыли на Урал, пошили девочке телогрейку, шапку и *бурочки*,[118] и все благодаря тому же матросу. Шифра нашла работу, но впереди ее ждал страшный удар – в феврале 1943 г. Леонид Шик погиб при взятии Новороссийска.[119]

---

[118] *Бурки* - сапожки из войлока или фетра на кожаной подошве.

[119] Письмо Шифры Шик (Шифман) от 22 декабря 2002 г. из Кармиэля (Израиль), Архив автора.

Призыв в армию

Решение добровольно пойти на фронт для эвакуированных туровцев становилось дилеммой. Большинство молодежи было настроено патриотически и стремилось на фронт. Люди старшего возраста, хорошо понимавшие ответственность перед семьями, относились к этому более трезво. Мобилизация давала льготы, но подвергала смертельной опасности отцов, мужей, старших братьев и сыновей.

В июне 1941 г. в Красную Армию ушли все здоровые мужчины 1905–1918 г. р., а юноши 1919–1922 г. р. уже находились на действительной воинской службе. В августе 1941 г. мобилизация была объявлена для взрослых 1890–1904 г. р. и призывников 1923–1924 г. р. В 1942–1943 гг. наступил черед юношей 1925–1926 г. р. Многие туровские мальчишки, жившие в эвакуации, просились на фронт добровольцами еще до совершеннолетия. Они видели себя защитниками родины и Сталина, хотели посчитаться с врагом.

Яша Гоникман обратился в военкомат в конце 1942 г., когда ему исполнилось семнадцать лет и два месяца. Настойчивые просьбы привели к тому, что его приняли в эвакуированное Гомельское военное пехотное училище и уже в июле 1943 г. отправили на фронт под Витебск. Давид Райхман поступил в пехотное училище г. Лагодехи в Грузии. Когда немцы подошли к Кавказскому перевалу, курсантов бросили на прорыв.[120] Его брат Абраша добровольно ушел на фронт в 1941 г. с первого курса ИФЛИ[121] и закончил войну в Австрии. В ноябре 1944 г. Давид писал: «В Турове больше делать нечего, не жалейте. Я прошел от Кавказских до Карпатских гор, видел сожженные села и города, в огромных ямах убитых людей. Евреев, которым удалось спастись от смерти, остались единицы. Вот где великое человеческое горе. И мы за это отомстим! Мы будем убивать эту *немчуру*… и они узнают великое горе!»[122]

Самуил Гоберман в военкомате Черкасска сказал, что ему 18 лет, а паспорт потерял. Самуила направили в военное пехотное училище, и он стал командиром стрелкового взвода.[123] Брат Самуила – Илья тоже записался добровольцем на фронт в 1943 г., но уже из Сталинградской области, освобождал Польшу, участвовал в штурме Берлина, стал профессиональным военным.[124]

---

[120] Даниил Райхман (1924-1952 гг.) - кавалер ордена Славы 3-й степени, сотрудник газеты в г. Мукачево (Западная Украина), учился в МГУ, трагически погиб в автокатастрофе.

[121] ИФЛИ - Московский институт философии, литературы и искусства им. Чернышевского.

[122] Абрам Райхман (1923-1988 гг.) - капитан, окончил Харьковское военно-политическое училище под Ташкентом (1943), декан факультета педагогического института в г. Арзамасе Горьковской области.

[123] Самуил Гоберман (1923-1944 гг.) - лейтенант, командир стрелкового взвода, погиб в бою 18 января 1944 г. у д. Мало-Бобовичи Витебского района.

[124] Илья Гоберман (1926 г. р.) - майор, служил в частях противовоздушной обороны, окончил Ярославское военно-финансовое училище (1956), уволен в запас (1975), репатриировался в Израиль (1992).

Ошера Фишмана призвали в сентябре 1942 г. из Чимкентской области Казахской ССР. Он воевал на Курской дуге и Центральном фронте, получил звание старшего сержанта, был тяжело ранен (в сентябре 1943).[125]

Бейныш Шифман в августе был эвакуирован в Ферганскую область Узбекистана, где переболел тифом. В марте 1942 г. он нашел родных во Владикавказе, а в августе – получил повестку. Бейныш выглядел намного младше своих лет – маленький, худой и осунувшийся. Когда его провожали на призывной пункт, люди удивлялись – как таких в армию берут? Но одна армянская женщина пристально посмотрела на юношу и сказала: «Ничего, он вернется!» Бейныш служил в войсках связи в городах Куба (Азербайджан), Ленинакан, Ереван (Армянская ССР), в группе советских войск в Иране (Тегеран).[126]

В октябре 1941 г. заявление с просьбой отправить добровольцем на фронт написал Нафтоли (Анатолий) Зарецкий. Военком наложил резолюцию: «Призовем, когда будет нужно!» Зарецкий настаивал, и 9 декабря 1941 г. его направили в Ростовское артиллерийское противотанковое училище. Через четыре с половиной месяца с кубиками лейтенанта в петлицах Анатолий уже ехал на фронт.[127] Зарецкий прошел всю войну в одном звании и одной должности, сознательно отказываясь от повышения, чтобы не забрали с передовой. Счастливую судьбу Анатолия не было дано повторить его братьям: Берлу,[128] Давиду[129] и Монусу.[130] Они не вернулись с войны, а четвертый брат Иосиф[131] стал инвалидом.[132]

---

[125] Ошер Фишман (1924 г. р.) - после демобилизации жил в Житковичах и Мозыре, репатриировался в Израиль в феврале 1990 г.

[126] Бейныш Шифман (1923-1996 гг.) - после демобилизации (1948) жил во Владикавказе, работал фотографом.

[127] Анатолий Зарецкий (1923 г. р.) - командир батареи 76-мм орудий, освобождал Украину, Кубань, Кавказ, Крым, Польшу, уволен в запас в чине полковника (1966), репатриировался в Израиль (1992).

[128] Берл Зарецкий (1917-1943 гг.) - выпускник школы младших командиров в Бердичеве, командир орудия, после ранения был в госпитале на Урале, отбыл в армию, пропал без вести.

[129] Давид Зарецкий (1914-1943 гг.) - воевал на Волховском фронте в составе 2-й ударной армии генерала Власова, пропал без вести.

[130] Монус Зарецкий (1905-1941 гг.) - красноармеец, до войны сапожник в Турове, пропал без вести на фронте.

[131] Иосиф Зарецкий (1913-1980 гг.) - красноармеец, тяжело ранен (1944), после войны работал в потребительской кооперации Турова.

[132] Отца Анатолия Зарецкого, Ошера Меньковича (1878-1941 гг.), отказавшегося эвакуироваться, нацисты расстреляли во дворе их дома, а мать, Шейндл Нафтольевну (1885-1941 гг.), каратели сожгли в Лельчицах. Всего в семье Зарецких погибло 18 чел.

* * *

Евреи Турова разделили общую судьбу евреев Белоруссии. Те, кому выпало на долю спастись, приложили невероятные усилия, чтобы выжить. Сначала они ехали туда, куда их везли, а потом взяли судьбу в свои руки – старались выбирать место жительства, работали на предприятиях, в колхозах, воевали с врагом, служили в армии, искали близких.

Большинство эвакуированных объединяла коллективная память о Турове, Полесье и Белоруссии, где прошли лучшие годы. Желание узнать правду о судьбе родителей, матерей, жен и детей тянуло в родные края, спасало от отчаяния, помогало преодолевать трудности. Надежды на то, что родные спаслись, оставалось мало, но она теплилась в каждой семье.

Последующие события показали, что для того чтобы уцелеть, нужно было любыми путями не остаться на занятой врагом территории. Пережить оккупацию удалось считанным единицам, присоединившимся к партизанам. Выстоять помогали выносливость и привычка к труду. Общение с природой с детства приучило довольствоваться малым и полагаться на себя.

На фоне трагедии, постигшей евреев Советского Союза во время нацистского нашествия, беженцы из Турова оказались лишь малой частицей распавшейся мозаики еврейского мира. К концу войны они поняли, что прежняя жизнь, с ее ценностями и стандартами поведения, нажитым опытом и шкалой приоритетов, ушла в небытие навсегда. Оставаться на старом пепелище рядом с могилами близких, расстрелянных нацистами и их пособниками, захотели немногие. После освобождения Белоруссии летом 1944 г. лишь более десяти еврейских семей начали обустраиваться в убитом местечке. Большинство эвакуированных евреев не вернулись в Туров. Часть из них переселились в крупные города, Пинск, Гомель и Минск, другие – разъехались по разным регионам страны, а третьи остались в местах эвакуации.

Жизнь еврейской общины в Турове подошла к своему закату.

Фронт, партизаны. Гибель общины

В начале 40-х годов война с Германией уже казалась неизбежной. Ей посвящали публикации в газетах, о ней говорили с трибун, предупреждали перебежчики, сообщала разведка. Советская пресса много писала об антисемитизме в Германии. В Турове были знакомы с романом Лиона Фейхтвангера «Семья Оппенгейм», который был экранизирован, и кинофильмом «Профессор Мамлюк», где была показана опасность, грозившая евреям от нацистов. Однако после августа 1939 г. антифашистская пропаганда была сведена на нет. Советские средства массовой информации обличали Англию и Францию, которые вели «странную войну»,[1] а на деле якобы готовили объединенный поход капиталистических стран против Советского Союза. Однако никто не представлял, какая судьба уготована евреям в ходе будущей войны руководством нацистской Германии.

«Если завтра война – мы сегодня к походу готовы!»

Пакт о ненападении между Германией и СССР, подписанный Молотовым и Риббентропом в Берлине 23 августа 1939 г., предусматривал 10 лет мира между его участниками. Сталин был уверен, что таким образом получил длительную передышку для укрепления обороны. В Туровском районе в 1940 г. было подготовлено 1300 значкистов ГСО («Готов к санитарной обороне»), 342 – ГТО («Готов к труду и обороне»), 49 инструкторов ПВХО (противовоздушной и химической обороны), 32 инструктора стрелкового спорта, 104 – станковых и ручных пулеметов, 15 инструкторов-связистов, 58 значкистов «Юный моряк», 62 инструктора-сигнальщика

[1] После немецкого вторжения в Польшу 1 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили Германии войну, однако не вели активных боевых действий, а выжидали.

и др. На курсы районного и партийного актива в Турове записались 70 чел. Для них военкомат проводил занятия по общей характеристике современного боя, уставам РККА, изучению огнестрельного оружия. Большинство организаций имели мобилизационные планы по переводу мирной жизни на военные рельсы. Для предприятий местной промышленности района,[2] колхозов, МТС, системы образования и здравоохранения предусматривался особый распорядок действий на случай войны. Существовало общее мнение, что учет военнообязанных поставлен удовлетворительно, хотя систематическая работа с призывниками не ведется.[3]

Планы мобилизации

События весны и начала лета 1941 г. заставили заново оценить обороноспособность района. Как выяснилось, целый ряд руководителей не уделяли внимания этой работе. *Райзо* (районный земельный отдел) не корректировал эти планы с 1939 г., а среди его исполнителей числились лица, которые давно покинули Туров. Специалисты райзо, председатели колхозов, их заместители, заведующие фермами, счетные работники и кладовщики на случай объявления призыва не имели дублеров. Среди 64 трактористов МТС было только три женщины, и ни одной – среди бригадиров и механиков.

При проверке в Туровском районном отделении связи плана мобилизации вообще не обнаружилось. В *райздраве* забыли о программе санитарного осмотра призывников. Вместо газоубежищ существовало 14 каменных подвалов, которые не могли защитить население от химической атаки. Специального транспорта в районе не было, все грузы доставлялись тягловой силой и автотранспортом, имевшимся в отдельных организациях. Запасы топлива на складах отсутствовали. Товаров первой необходимости на базе *райсоюза* не накопили, *райторг* не был готов предоставить дополнительное количество продуктов на случай войны.

Уязвимым местом Туровского района оставались пути сообщения. Общая протяженность дорог составляла 295 км, из которых 200 км были естественными грунтовыми. Весной большинство из них уходило под воду, и сообщение осуществлялось в основном на лодках. Грузы со станции Житковичи перевозили на баржах. При большом разливе Припяти и ее притоков затапливались основная транспортная артерия Туров–Озераны, которая вела на Горки и Лельчицы, и дорога Туров–Вересница, ведущая в Давид-Городок. Мобилизационный план

---

[2] Местная промышленность Туровского района была представлена лесопильным, мебельным, мукомольным, гонторезным цехами, электростанцией, швейной, сапожной, кирпичной артелями, спиртопорошковым и смолокуренным заводами.

[3] «Докладная записка заведующего военным отделом Туровского РК КП(б)Б Рейдера 15 марта 1941 г.», Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 702, оп. 1, д. 158, лл. 151-152.

предусматривал два парохода для перевозки пассажиров и грузов по маршрутам Туров–Мозырь и Туров–Пинск на весь период навигации.[4]

Организация постов ВНОС

К концу мая 1941 г. обстановка на границе накалилась до предела. В небе участились полеты самолетов-нарушителей, нередкими стали случаи перехода границы. О том, что на другой стороне все готово к войне, сообщали перебежчики.

Руководство Турова вынужденно бездействовало. Партийные инстанции из Минска требовали не поддаваться панике и не отвечать на провокации. Меры, которые предлагалось предпринять перед лицом грозящей опасности, оставались половинчатыми и формальными. 23 мая 1941 г. бюро Полесского обкома КП(б)Б распорядилось организовать посты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). Первым секретарям партийных комитетов и председателям исполкомов Советов было указано не позднее 5 июня 1941 г. укомплектовать посты наблюдения в городах, районах и сельских Советах из невоеннообязанных мужчин и женщин в количестве не менее 300 чел. Финансирование организации постов и вышек возложили на местные Советы. При помощи Осоавиахима до 10 июня 1941 г. планировалось открыть в городах, райцентрах, на предприятиях, колхозах и МТС постоянно действующие группы (не менее 250 чел.) по ликвидации десанта врага.

Заведующий военным отделом Полесского ОК КП(б)Б Кочаровский и председатель областного совета Осоавиахим Кохно отвечали за инструктаж начальников постов ВНОС. В конце июня 1941 г. во всех районах области должны были состояться военно-тактические учения по борьбе с десантом противника, ответственным за подготовку которых назначили зампредседателя облисполкома Каца.[5]

Начало войны и оборона Турова

22 июня 1941 г. сбылись самые худшие предчувствия – началась война. Туровский райком партии в 12 часов дня провел митинг, где было объявлено о нападении Германии на Советский Союз. Выступавшие клялись в верности Коммунистической партии, социалистическому государству и лично товарищу Сталину. Они заверяли, что все как один встанут в первые ряды защитников родины, призывали сохранять спокойствие и не поддаваться панике. Туровский военный комиссариат начал

---

[4] ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 158, лл. 153-155.

[5] «Об организации постов ВНОС и постоянно действующих групп по ликвидации парашютного десанта противника в 1941 г.», Постановление бюро Полесского ОК КП(б)Б от 23 мая 1941 г., Там же, д. 154, лл. 135-136.

мобилизацию мужчин призывного возраста в Красную Армию. Их провожали матери, жены и подруги, надеясь, что разлука будет недолгой и скоро враг будет разбит на его собственной территории.

Молодежь Турова была настроена патриотически. Юноши и девушки, воспитанные на героике гражданской войны, считали, что они станут свидетелями военного искусства армии рабочих и крестьян, которая на своих штыках принесет свободу угнетенным народам Европы. Прямо с митинга выпускники десятого класса Турова отправились в школу, где им выписали аттестаты зрелости, которые планировали вручить на школьном выпускном балу через неделю.[6]

Боевая обстановка накалялась с каждым днем, линия фронта стремительно приближалась к старой государственной границе. Если в первые дни войны через городской поселок на запад двигались колонны красноармейцев и техника, то уже спустя несколько дней в обратном направлении потянулись обозы с ранеными, отступавшие части. Их внешний вид свидетельствовал о тяжелых оборонительных боях.

Туров жил в тревожном ожидании. Самолеты с черными крестами на крыльях несколько раз бомбили нефтебазу и промкомбинат. Им пытались противостоять немногочисленные «ястребки», поднимавшиеся в воздух с аэродрома в Петрикове. В Турове 25 июня были развернуты три пункта скорой медицинской помощи. Первый располагался в помещении санитарной станции (ответственный медработник Голин), второй – в колхозном клубе (Гоникман), третий – в райкоме комсомола (Рехтман). Все пункты были снабжены перевязочным материалом, антисептическими средствами и носилками. Ночные дежурства продолжались с десяти часов вечера до пяти утра.[7]

Военные действия приблизились к Туровскому району в первой половине июля 1941 г. Туров защищали пограничники, регулярные части Красной Армии, моряки Днепровской речной флотилии, истребительный батальон из местных жителей и партизанский отряд, набранный из советских активистов.

Оборона Турова приняла упорный характер, что дало основание *Совинформбюро* утверждать, что «партизаны Полесья беспощадно уничтожают фашистских мерзавцев».[8]

Истребительный батальон

Туровский РК КП(б)Б, выполняя указания Полесского обкома партии и руководствуясь директивой ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня 1941 г., объявил о записи в истребительный батальон. Он призван был вести борьбу с немецкими диверсантами, нести охрану Турова, помогать пограничникам в отражении вне-

[6] Письмо Анатолия Зарецкого от 11 апреля 2001 г. из Кирьят-Шмоны (Израиль), Архив автора.

[7] Приказ № 56 заведующего Туровским районным отделом здравоохранения Сытько от 25 июня 1941 г., Там же.

[8] *Сообщения Советского информбюро*. Москва 1944 г., т. 1, с. 204, 205, 236, 319.

запного нападения врага. Первым командиром батальона назначили начальника районного отделения милиции М. Голикова, а комиссаром В. Савина. Ядро батальона составляли коммунисты и комсомольцы. Зачисляли после индивидуального собеседования, а затем кандидатуры утверждал райком партии.

К началу июля в Турове и его окрестностях было задержано больше 10 диверсантов, переодетых в красноармейскую форму, которые двигались из районов Западной Белоруссии.

К середине июля в Туровский истребительный батальон влились отдельные партийные и советские работники из Пинска, Столина и Давид-Городка, отступавшие от старой границы. 13 июля батальон принял бой у деревень Хильчицы и Вересница, которые несколько раз переходили из рук в руки. В ту же ночь сильный бой разгорелся за Туров. Артиллерия противника обстреливала единственную шоссейную дорогу Туров–Озераны, по которой отступали советские воинские части. Ополченцы на некоторое время задержали немцев у моста д. Ридча и шоссе Туров–Ричев. 14 июля истребительный батальон отступил за реку Ствига в Озераны.[9]

Пограничники

13 июля начальник комендатуры из Турова сообщил в 18-й пограничный отряд в Житковичи, что приблизительно батальон немецких войск атаковал заставу пограничников, которые под натиском превосходящих сил противника вынуждены отходить. На помощь им направили команду Старобинской комендатуры во главе со старшим лейтенантом Ивановым, имевшую в своем распоряжении несколько орудий из 75-й стрелковой дивизии. Однако к тому времени паром через Припять был взорван, лодок не оказалось, и пограничники, не рискнув переправиться, открыли артиллерийский огонь с левого берега, где располагался Туров. Нападавшие попытались переправиться и захватить местечко, но были отброшены.[10]

Моряки

В это время Пинская военная флотилия прикрывала отход основных сил 75-й стрелковой дивизии в районе Лахвы. Тылы дивизии находились в 20 км к востоку от Турова, в районе Наровли. 6 июля дивизия заняла оборону на участке Красное–

---

[9] Информационная записка секретаря Полесского ОК КП(б)Б П.А. Левицкого в ЦК КП(б)Б от 18 июля 1941 г., *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны*, Минск 1967 г., т. 1, с. 67.

[10] *Новае Палессе,* 17 кастрычніка 1968 г.

Житковичи. На правом берегу Припяти оборону держали моряки – отряд речных кораблей в составе мониторов «Смоленск» и пяти бронированных катеров.[11]

15 июля немецкие силы вышли на рубеж Туров–Слепцы, овладели Туровом и продвинулись к Озеранам. Шесть из девяти сельсоветов Туровского района были оккупированы.

Припятский сводный отряд получил приказ не допустить противника в район Туров–Погост. До начала августа моряки сдерживали атакующих немцев и не давали им возможности форсировать Птичь. Отряд подчинялся командованию 5-й армии и обеспечивал переправу через Припять в районе Чернобыля, а 31 августа корабли Припятского и Березинского отрядов прорвались к Киеву. В начале октября 1941 г. Пинская военная флотилия была переформирована в Припятский, Днепровский и Березинский отряды.[12]

Партизаны

В июле 1941 г. организатором Туровского партизанского отряда стал первый секретарь райкома партии Гирш Дворкин, которому помогал начальник пожарной дружины Турова Тевье Гоникман. В отряд вступило несколько десятков евреев из партийно-хозяйственного актива и рядовых жителей. Его укрепили военнослужащие 75-й стрелковой дивизии Красной Армии, отступавшей через Туров. В отряд влился истребительный батальон местечка, сформированный под руководством начальника милиции М.И. Голикова. Они заложили партизанскую базу с оружием, боеприпасами, продуктами и обмундированием. В окрестных лесах находились Столинский и Давид-Городокский отряды. Партизаны нарушали линии связи, собирали разведывательные данные, нападали на немецкие обозы, ликвидировали мосты и переправы, взрывали склады с боеприпасами, оружием и горючим.

После захвата Турова 15 июля 1941 г. партизаны отступили вместе с советскими войсками на правый берег Ствиги. Двое суток они обороняли Озераны, одна из групп совершила 30-километровый рейд и взорвала мосты в Хлупине и Переровском Млынке.

31 июля группа Голикова завязала бой у Ричева. Это был отвлекающий маневр для атаки красноармейцев на Туров. В ночь на 4 августа партизаны во главе с Белявским,[13] взаимодействуя с отрядом капитана Даниленко, выбили нацистов из Озеран, а вечером того же дня освободили Туров.

Партизаны (60 чел.) и красноармейцы (около 100 чел.) удерживали городской

[11] Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 4, оп. 33-а, д. 27, л. 17.

[12] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации в Гатчине, ф. 19, оп. 1, д. 13, л. 1.

[13] М.М. Белявский - второй секретарь Туровского РК КП(б)Б.

поселок в течение двух недель. Они пополнили свои ряды местными жителями, помогли организовать уборку богатого урожая зерновых и льна, раздав часть хлеба и весь лен населению.[14] Заработала почта, из Мозыря начали поступать газеты и письма. Реувен Шифман написал Ноте Чечику в Крым о пережитом за 18 дней оккупации, когда «военная позиция была в каждом огороде». Шифман надеялся, что Красная Армия больше не покинет Туров и евреям не придется видеть «трефные лица немцев».[15] Однако действительность оказалась иной.

В сентябре 1941 г. Туровский партизанский отряд был слит со Столинским, и они вместе проводили боевые действия на территории Давид-Городокского и Туровского районов. Партизан постоянно преследовали превосходящие силы противника. Когда кончилось продовольствие, решено было двигаться в сторону фронта. 30 сентября в Ельском районе у д. Пильщик партизаны были окружены, атакованы и рассеяны. Не вышли из окружения секретарь Пинского обкома КП(б)Б П. Шаповалов, командир отряда И. Масленников и семь партизан.

Группа госбезопасности

Для усиления партизанского движения в Полесье в 1941 г. в районы области было направлено 58 диверсионных групп.[16]

30 июня 1941 г. в Туровский район прибыла группа из 11 человек под командованием младшего лейтенанта госбезопасности Крымова. Они установили связь с воинскими частями и создававшимся партизанским отрядом. Группа Крымова должна была совершать диверсии, но экипировали ее наспех, не обеспечили толом и другим снаряжением. Чекисты имели только аммонал, который вымок и стал непригодным.[17]

Вторая группа чекистов пришла в Туров вместе с отступающими войсками. Ее возглавлял сотрудник УНКВД Брестской области Михаил Рындин. Оставив Брест, они миновали Кобрин и Пинск, а потом через Давид-Городок попали в Туров. В группе Рындина были следователь НКГБ Федорец, милиционер Луценко и шесть пограничников.[18]

В середине августа люди Крымова соединились с оперативной группой НКГБ

---

[14] *Память*. Историко-документальная хроника Житковичского района. Минск, 1994 г., с. 318.

[15] Письмо Реувена Шифмана Ноте Чечику в Крым от 2 августа 1941 г. *Перевод с идиш*, Архив автора.

[16] НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 99, л. 1.

[17] Леонид Сергеевич Крымов - уроженец г. Старого Оскола Курской области РСФСР, член ВКП(б) с 1930 г., комендант НКВД в Лепеле (1937-1938), начальник РО НКВД в Быхове (1939), начальник УНКВД Могилевской области (1940-1941), НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 676, л. 211.

[18] Yad Vashem Archives, M-41/257, p. 24.

БССР Аксенова из Лельчицкого района, сводной группой НКВД Фесько и насчитывали 32 чел.[19]

При приближении нацистов к Турову чекисты вывели из строя комбинат местной промышленности, разлили горючее нефтебазы и сожгли два моста через Ствигу. Когда Туров уже находился в руках немцев, группа предприняла три вылазки в тыл противника для сбора разведывательных данных. В Ричеве их обнаружили, и завязался бой, в котором чекисты потеряли одного товарища.[20]

Борьба с дезертирами

Летом 1941 г. в окрестностях Турова скопилось много дезертиров. Только из Турова в лесу на правом берегу Припяти пряталось более 30 чел. Несколько десятков призывников, стремившихся избежать мобилизации, оказались из Ричева, Хильчиц, Озеран и Вересницы. В ночь на 31 июля 1941 г. немецкие войска неожиданно переправились через Припять и ушли в сторону Житковичей и Петрикова. Воспользовавшись этим, партизаны вернулись в Туров и начали аресты «контрреволюционного элемента». Чекисты, опираясь на осведомителей, задержали в Турове пять дезертиров с оружием.[21] Группа НКГБ Головкина из Петриковского района ликвидировала «известного политбандита» Андрея Клепика, пробиравшегося к немцам.[22]

13 августа 1941 г. Гирш Дворкин направил в Мозырь под конвоем кандидата в члены ВКП(б) Дениса Якушевича, который во время отхода советских войск сбежал домой в Черничи. Немцы устроили в его доме штаб, за что соседи прозвали Дениса «коммунистом-предателем». Якушевич отказался составить для Дворкина список дезертиров и людей, которые помогали немцам.[23]

17 августа чекисты рассредоточились по селам Туровского района. Рындин, Фесько и Васильев начали действовать в Тонеже, а Трохачев и Карпенко – в Озеранах. Оттуда они двинулись в Лельчицы, где по телефону связались с начальником управления НКВД по Полесской области Иващенко, который приказал действовать «по обстоятельствам».[24]

---

[19] Рапорт начальника 3-го отделения Барановичского НКВД Сорокина на имя заместителя наркома НКВД БССР полковника Мисюрева, НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 63, л. 263.

[20] Рапорт начальника НКГБ Сопоцкинского района С.Д. Кокорина от 4 октября 1941 г., Там же, л. 144.

[21] Рапорт Волошина Мисюреву от 5 октября 1941 г., Yad Vashem Archives, M-41/257, p. 3.

[22] Рапорт Головкина Мисюреву об оперативных мероприятиях в Петриковском районе летом 1941 г., НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 63, л. 104.

[23] Письмо Г. Дворкина секретарю Полесского ОК КП(б)Б Левицкому от 13 августа 1941 г., ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 168, л. 64.

[24] Рапорт Рындина Мисюреву от 11 октября 1941 г., Yad Vashem Archives, M-41/257, p. 24.

Бои за Туров

Оборона Турова отличалась упорством.

Первый раз Красная Армия оставила местечко, которое оказалось под перекрестным артиллерийским огнем, 15 июля 1941 г. Начались пожары. Жители, у кого были лошади, бежали в лес. Немцы вошли в Туров и предложили прятавшемуся населению вернуться в свои дома. Это были регулярные части вермахта, на которые не возлагались карательные функции. 31 июля 1941 г., после того как мост через Припять был восстановлен, они ушли в направлении Мозыря.

Второй раз немцы захватили Туров 4 августа 1941 г., но к вечеру были отброшены. Это был карательный отряд (до 300 чел.), который на короткое время потеснил защитников местечка. Красноармейцы и ополченцы отступили, но вскоре под прикрытием артиллерии вернули свои позиции. За полтора часа нацисты убили сторожа райисполкома Ласко, 65 лет, и более десяти евреев. Выйдя из убежищ, многие еврейские семьи бросили имущество и бежали в сторону Лельчиц и Ельска.[25]

Третий раз и надолго немцы заняли Туров в ночь на 23 августа 1941 г. Немецкие бронекатера, появившиеся со стороны Давид-Городка, зажигательными минами вызвали пожар, высадили десант и овладели городским поселком.

Поражение защитников Турова

Все попытки организовать сопротивление врагу потерпели провал. Полесье оказалось в сплошном кольце немецких войск. Мозырь был взят, карательные отряды теснили оборонявшихся со всех концов. Красная Армия отошла за Гомель, отряд советских войск, действовавший в Туровском районе, попал в плен на переправе через Припять.

Причинами поражения стали не только перевес противника в военной силе и внезапность нападения. Значительные просчеты были допущены в организации обороны. Руководство Полесской области от растерянности не владело ситуацией. Районные тройки (секретарь РК КП(б)Б, председатель райисполкома и прокурор) ограничивали свою активность границами отдельных районов. Партизаны больше отсиживались, чем действовали, маневренность отрядов была скована. Отсутствие связи с соседними отрядами помешало противодействовать не только частям вермахта, но даже карательным отрядам нацистов.

Партизаны не обеспечили себя разведчиками, которые сообщали бы им о передвижении противника. Недостаточной оказалась работа по созданию нелегального партийного и комсомольского подполья. К ней не были привлечены беспартийный актив и колхозники. Основная масса населения чувствовала себя брошенной на произвол судьбы. Люди надеялись на мощь Красной Армии, о которой трубили

[25] Рапорт Кокорина Мисюреву, НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 63, л. 145.

накануне войны, а в ряде случаев относились враждебно к советской власти после репрессий НКВД и запрета хозяйственной инициативы.

Немецкие власти сумели быстро привлечь на свою сторону дезертиров и антисоветски настроенную часть населения. Они вооружили перебежчиков трофейным оружием для борьбы с партизанами. Тогда как агентура госбезопасности оказалась невостребованной. Оперативные группы НКГБ БССР, направленные в тыл противника, формировались скоропалительно. Личный состав не обучили навыкам нелегальной деятельности и подрывного дела, выдали только ручное оружие и по одной гранате.

В начале сентября 1941 г. остатки групп чекистов, красноармейцев и партизан из Турова, запрятав в лесу личные документы, с оружием двинулись к линии фронта. Крупные населенные пункты окруженцы обходили стороной. В пяти километрах от Ельска они разделились на группы по десять человек и перешли линию фронта 20 октября 1941 г. у д. Муравль Троснянского района Курской области.[26]

Оккупационная политика

Овладев Туровом, немцы разграбили магазины и склады с государственным имуществом. Они отбирали у населения ценные вещи, сбрасывали соломенные крыши на подстилки для своих лошадей, уводили телят, коров, свиней, а кур и гусей «били из автомата». Оставшуюся на складах райсоюза соль солдаты выменивали у населения на яйца, молоко и масло.[27]

Немцы срывали портреты Сталина, стреляли в них, резали кинжалами и штыками. Однако портреты других членов Политбюро ЦК ВКП(б) не трогали, заявляя, что это «наши люди». Молотов и Ворошилов якобы уже десять лет работают на Берлин. Нацисты утверждали, что германские войска воюют против Сталина и «жидов», а не русских и белорусов. Повсеместно были расклеены приказы с угрозами расстрела за неподчинение новой власти, укрывательство «бандитов» (партизан) и коммунистов. Населению объявили, что за каждого убитого немецкого военнослужащего будет казнено 100 заложников и сожжен населенный пункт.[28]

К сентябрю 1941 г. Туров остался далеко в немецком тылу. Военная администрация передала свои полномочия гражданской власти. Полесская область вошла в состав рейхскомиссариата «Украина» во главе с Эрихом Кохом.[29] В деревнях, городах и районах были назначены старосты и бургомистры из местных жителей.

---

[26] Из рапорта ст. оперуполномоченного 2-го управления НКГБ БССР, сержанта госбезопасности И.П. Ларина от 3 октября 1941 г., Там же, л. 147.

[27] НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 62, л. 102.

[28] Yad Vashem Archives, M-41/257, p. 4.

[29] *Беларусь в годы Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.* Под ред. А.А. Ковалени, А.М. Литвина, В.И. Кузьменко и др. Минск 2005 г., с. 96.

Первое время имели хождение советские документы, в первую очередь паспорта и справки о судимости. В обороте оставались советские рубли, которые принимались наряду с германскими оккупационными марками в соотношении один к десяти.

Убийства мирных жителей

После расстрела в Турове 4 августа многие жители искали убежища в окрестных деревнях. Часть из них укрылась в Сторожевцах и Повчине, но большинство нашли приют в Ридче, расположенной в трех километрах от городского поселка.[30]

19 августа 1941 г. в Ридчу прибыл отряд СС из 15 чел. Люди бежали по дороге и кричали: «Они идут сюда, прячьтесь!» Немцы поджигали дома и хватали жителей. Белорусы надеялись, что их не тронут, и умоляли: «Мы простые крестьяне, горемыки, не коммунисты, не партизаны и не евреи, за что нас убивать?»[31] Несмотря на это, каратели сгоняли всех задержанных, не различая национальности, в одно место. Потом они велели выйти мужчинам, построили в колонну по шесть человек и повели к болоту. Там колонну остановили, приказали лечь ничком на землю. Немцы поднимали по шесть человек и ставили лицом к болоту. Расстреливали шесть солдат, которые стояли в ряд и открывали огонь по команде офицера, раненых добивали.

Из 96 чел. в Ридче чудом удалось выжить только четверым – Константину Брую, Кириллу Черному, Терентию Еремейчику и Павлу Ореховскому. Брую пуля попала в шею, он упал, но не потерял сознание и притаился. Когда каратели ушли, Константин спрятался в кустах, дождался наступления темноты и убежал.[32] Почти всех мужчин уже убили, и оставалось только человек десять. Они лежали под охраной пяти солдат. Всех подняли с земли и повели к краю болота на расстрел. Кирилл Черный оказался легко ранен, выполз из-под трупов и углубился в кустарник, где просидел трое суток.[33]

Еремейчик уцелел благодаря тому, что в момент расстрела его невольно прикрыл собой стоявший впереди человек, и Терентий не был ранен. Он упал и притворился убитым, но когда невольно пошевелился, то получил выстрел в голову – пуля попала в левую щеку и вышла у правого глаза. Вечером раненого нашла жена, которая с трудом вытащила его из груды трупов.[34]

После расправы в Ридче каратели вернулись в Туров и подожгли поселок. Когда люди бросились тушить пожар, чтобы спасти имущество, нацисты открыли

---

[30] Из докладной записки секретаря Туровского РК КП(б)Б от 10 августа 1941 г., НАРБ, ф. 4, оп. 23-а, д. 13, л. 28.

[31] *Память*. Житковичский район, с. 489.

[32] Показания Константина Бруя (1893 г. р.) от 9 января 1968 г. в Турове, Архив управления Комитета госбезопасности Гомельской области (далее АУ КГБ ГО), д. 234, т. 4, лл.170-172.

[33] Показания Кирилла Черного (1913 г. р.), Там же, лл. 173-175.

[34] Показания Терентия Еремейчика (1901 г. р.), Там же, лл. 176-178.

по ним огонь. Погибших (не менее 80 чел.) соседи похоронили в братской могиле недалеко от Перерова.[35]

20 августа каратели увели несколько десятков семей из Турова в Сторожовцы. Одну часть расстреляли на кладбище, а другую (43 мужчин) – во дворе Анны Боборик, тела которых сожгли вместе с надворными постройками. Всего в Сторожовцах в тот день немцы уничтожили более 160 чел.[36]

23 августа 1941 г. эсэсовцы сожгли деревню Черничи Житковичского района, расстреляв 20 еврейских мужчин и советских активистов. Группу евреев они утопили в болоте Ковино за деревней и в урочище Вирок. На второй день каратели собрали оставшихся в живых и погнали в направлении кладбища. В этот момент прибежала Фаня Стаховская – немка, жена белоруса Петра Стаховского, вышедшая за него, когда он был в плену в 1916 г., и уговорила офицера прекратить расстрел, те назначили старосту и ушли.[37]

За Черничами настал черед д. Кремно. 24 августа 1941 г. каратели убивали всех, кто им попадался.[38] Вокруг Турова они сожгли деревни Слепцы (26 чел.), Погост (69 чел.) и Семурадцы (8 чел.). В последующие дни первый кавалерийский полк СС провел «зачистку» района Старобин–Любань–Птичь, а второй полк наступал на восток от линии Кольно–Ляховичи до реки Птичь. Операция карателей завершилась 29 августа 1941 г.[39]

В Букче по поручению немцев в августе 1941 г. начальник волостной полиции Иван Бобович, полицейские Антон Сущик и Дмитрий Сайчук убили Исаака Ольшанского, а еще шесть евреев расстреляли по дороге в Туров.[40] В Вереснице каратели убили 33 чел. (евреев и белорусов).[41]

В Перерове в октябре 1941 г. немецкий отряд, приплывший на катере из Петрикова, расстрелял 15 евреев в урочище Пасека. В октябре 1942 г. полицейский Моисей Головчик (белорус) расстрелял Юделя Запесоцкого.[42] Еще 10 евреев были расстреляны на берегу Припяти у Перерова, их похоронили в урочище Журиха.[43]

В целом, по неполным данным, от рук нацистов в Турове в июле–августе 1941 г. погибло около 700 чел., главным образом евреев.[44]

---

[35] Акт Комиссии ЧГК СССР по Туровскому району от 20 декабря 1944 г., Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 7021, оп. 91, д. 23, лл. 3-4.

[36] Там же.

[37] Свидетельства Петра Павловича Маркевича, Степана Степановича Маркевича, Василия Парфеновича Сапановича и Марии Петровны Стаховской от 13 июля 2005 г., Архив А. Литвина.

[38] Свидетельство Алексея Кременского от 14 июля 2005 г., Там же.

[39] *Советская Белоруссия* (Минск), 3 декабря 2003 г.

[40] ГАРФ, ф. 7021, оп. 91, д. 23, л. 42.

[41] Там же, л. 59.

[42] Там же, л. 63.

[43] Свидетельство Ивана Миньчука (1878 г. р.) от 20 декабря 1944 г., Там же, л. 65.

[44] Показания Никодима Балбуцкого (1900 г. р.) от 9 января 1968 г., Туров, АУ КГБ ГО, д. 234, т. 4, л.165.

Отношение к евреям

С приходом нацистов отношение местного населения к евреям изменилось. Оккупационные власти отмечали, что, несмотря на отсутствие антагонизма между евреями и белорусами, последние помогали при облавах. По оценке штурмбанфюрера СС Магилля, охрана из местных жителей производила хорошее впечатление. Полицейские действовали энергично и принимали активное участие в борьбе с большевиками.[45]

Гетто в Турове не было, но ежедневно через двух старост (еврейского и белорусского) мужчин отправляли на принудительные работы. Жители разбирали завалы, выполняли хозяйственную работу для нужд немецкого гарнизона, чистили машины, повозки, велосипеды, конскую сбрую, работали на кухне и в пекарне. Большинство евреев были заняты на восстановлении дорог и моста через Припять. Некоторые приходили сами, чтобы прокормиться. Хая (15 лет) и Броха (13 лет) Вайнблат чистили на немецкой кухне картошку, за что им давали хлеб и шоколадку.[46]

Евреев били и унижали, заставляли мыть копыта лошадям. Старики с белыми бородами таскали тяжелые колоды. Наряду с этим были случаи, когда отдельные немецкие военнослужащие из общевойсковых подразделений предупреждали евреев о предстоящем геноциде. К Гоберманам приходил немец из Австрии за яйцами и молоком. Он рассказал, что в Турове находятся регулярные войска, которые евреев не трогают, но придут каратели и всех убьют. Солдат показывал фото своей семьи и детей. Он прошел всю Европу – Францию, Чехословакию, Польшу, говорил, что в Бресте «засели большевики» и очень сопротивлялись. Австриец не верил, что останется в живых до конца войны.[47]

Местная полиция

В Турове была набрана полиция порядка (Ordnungsdienst). В Туровском районе, по разным оценкам, в ней служило от 300 до 500 полицейских из местных жителей. Полицейский участок разместили в здании комендатуры погранотряда. Бургомистром назначили бывшего учителя сельской школы Евдокима Бруя по прозвищу Козел за тонкий голос. По отзывам, Бруй «наделал много горя», выдавая недовольных «без оглядки». Начальником полиции Турова стал Трофим Акулич, который в прошлом служил в органах НКВД в Западной Белоруссии. После того как Акулича убили партизаны, полицейский участок в местечке возглавил Петр Кресс, бургомистрами служили Аввакум Страх и Петр Сыромахо. Комендантом назначили Нестора Кветковского. Кроме них в Турове нацистам помогали колла-

[45] *Kriegstagebuch des Kommandostabes Reichsfьhrer SS*, Wien 1965, s. 217-220.

[46] Письмо Хаси Ханиной (Вайнблат) от 6 ноября 1999 г. из Бруклина (США), Архив автора.

[47] Письмо Ильи Гобермана от 17 сентября 2000 г. из Хайфы (Израиль), Там же.

борационисты из Столина и Давид-Городка. Денежное содержание полицейских составляло 180 руб. в месяц плюс паек и обмундирование.[48]

В полиции служили жители Турова и окрестных деревень: Акимович, Григорий Аскерко, Никодим, Моисей и Алексей Балбуцкие, Даниил Башкевич, Митрофан, Сергей и Петр Богай, Иван Бруй, Андрей Вашков, Трофим Ветик, Гаврилович, Иван Голец, Филипп Гречко, Максим Гришковец, Фома Домашкевич, Владимир Забавко, Петр Колесный, Степан Котлярчук, Савелий Красник, Андрей, Иван и Степан Курбаны, Петр Кресс, Степан Кохно, Федор Левковец, Матвеев, Константин Маркевич, Павел Михейшин, Дмитрий, Петр и Тарас Родионовы, Сергей и Степан Румасы, Федосий Семенчик, Михаил Стоколос, Степан Царик, Алексей Черный, Игнат Шеколян, Филипп Шкуратов и др. Всего к 1943 г. в полиции служило около 80 местных жителей.[49]

У каждого из этих людей был свой путь к предательству. Почти все они уроженцы здешних мест, мало отличавшиеся до войны от своих земляков. Однако с приходом немцев одни проявили малодушие, не веря в победу Красной Армии, другие сводили счеты с советской властью, третьи были подавлены мощью немецкого оружия и искали новых покровителей. Большинство дезертировали или скрылись, чтобы избежать призыва. Несколько человек успели пережить немецкий плен, были запуганы и не видели для себя другого выхода. Только немногие из новоиспеченных полицейских имели уголовное прошлое. Образовательный уровень этих людей не превышал 3–4 классов. Средний возраст составлял 25 лет, самым «пожилым» был Фома Домашкевич (1896 г. р.).

Жандармерия

В Турове размещался жандармский пост, который производил аресты лиц, нелояльно настроенных к оккупационным властям, не выполнявших приказы германского командования или заподозренных в связях с партизанами. Жандармы реквизировали скот и другое имущество, составляли списки и формировали группы белорусов на принудительные работы в Германию, выполняли приказы по уничтожению населенных пунктов, осуществляли казни евреев и советских активистов, расстреливали и вешали заложников, проводили облавы против партизан.

В марте 1942 г. в Лельчицах жандармы собрали оставшихся в живых 70 евреев, заперли их в одном из домов, а через две недели расстреляли. В июле 1942 г. команда СД из Житомира убила в Лельчицах 40 мирных жителей под предлогом связи с партизанами. В феврале 1943 г. жандармов из Лельчиц перевели в Туров. Начальником районной жандармерии являлся лейтенант Ян Йоганс, в подчинении которого находились Ганс Виха и Вальтер Лекс из Судетской области

[48] Показания П.Г. Колесного от 9 сентября 1950 г. в Мозыре, АУ КГБ ГО, д. 2943, л. 169.

[49] Там же, д. 12156, т. 4, л. 77.

и еще 10 человек.[50] Жандармы направляли действия полиции, которая выполняла все полученные распоряжения.

Нацисты преследовали евреев также в окрестностях Турова. Полиция и волостная администрация занимались их поимкой и передачей карательным органам. За это в виде поощрения они получали право присвоить часть еврейского имущества и жилые помещения.

Иванова Слобода. Поздно вечером 2 октября 1941 г. Гречко, староста д. Иванова Слобода, приказал Сергею Ермаловичу взять лопату и идти вместе с другими крестьянами в урочище Барановское поле, за два километра. Там они выкопали яму шириной два, длиной пять и глубиной два метра. В ночь со 2 на 3 ноября 1941 г. комендант Тонежской волостной полиции Соколовский, полицейские Забавко и другие пригнали около 60 евреев. Они ставили свои жертвы к яме лицом и стреляли в затылок. Убийцы не опасались свидетелей. Все, кто копал яму, стояли за полицейскими в 15 м и видели все своими глазами. После расстрела крестьянам приказали закопать трупы. Назавтра днем часов в одиннадцать полицейские расстреляли в этом же месте еще 40 евреев – всего не менее 100 человек.[51]

Переров. В конце августа (по другим сведениям в начале сентября) 1941 г. полицейские из Турова на подводах прибыли в Переров и начали обходить дома в поисках евреев. Собрали около 30 женщин, шесть мужчин, стариков и детей. Вещи погрузили на подводы, а людей погнали пешком в Туров. Возле д. Кремно Туровского района полицейские расстреляли мужчин.[52] Оставшихся 18 евреев погнали в Погост, где начальник полиции Акулич приказал запереть задержанных в хлеву, чтобы приехать назавтра. Наутро староста Погоста Захно сообщил, что из Турова поступила команда доставить евреев. Полицейские Василий Голод и Николай Якубовский конвоировали евреев дальше, а Александр Щербаченко с другими полицейскими остались делить еврейское имущество. Недалеко от Туровской МТС евреев из Перерова расстреляли.[53]

Давид-Городок. Полицейские из Турова участвовали в расстреле евреев Давид-Городка. Осенью 1941 г. начальник полиции Акулич, бургомистр района Аввакум Страх, Григорий Оскерко и другие полицейские выехали в Давид-Городок. Они

---

[50] Протокол допроса Макса Роберта Леснера (1897 г. р.), обервахтмайстера жандармерии, от 6 декабря 1946 г. в Полоцке, Там же, д. 234, т. 4, лл. 219-220.

[51] Показания Сергея Ефимовича Ермаловича и Марка Ивановича Акулича от 22 июля 1946 г., Мозырь, АУ КГБ ГО, д. 5787, л. 2.

[52] Свидетельство Павлины Степановны Скалозуб (1913 г. р.) от 13 февраля 1948 г., Там же, д. 1511, л. 61.

[53] Протокол допроса Александра Парфеновича Щербаченко от 10 мая 1947 г., Там же, д. 6936, лл. 83-84.

нашли в подвале шесть семей, прятавшихся от карателей. Сначала полицейские убили детей, а потом взрослых. Людям завязывали глаза и живыми бросали в реку. Некоторых раздевали донага, слабых и больных прикончили по дороге. На кладбище вблизи хутора Хиновск Давид-Городокского района евреев подводили к заранее вырытым могилам, ставили на колени и стреляли. Люди падали в яму и их закапывали, несмотря на то, что некоторые из них еще были живы.

Особенно усердствовал Григорий Оскерко. До войны он работал в колхозе, в 1941 г. был призван в Красную Армию, но дезертировал и в августе поступил в полицию.[54] Оскерко привез из Давид-Городка три зимних мужских пальто, женское плюшевое пальто, патефон и другие вещи. Всего в Давид-Городке за годы оккупации было расстреляно 2637 мирных жителей.[55]

Карательные операции

«Припятские болота»

Туров оказался в зоне действия широкомасштабной карательной операции «Припятские болота», или «Припятский марш» (Pripiatsee), имевшей целью очистить германские тылы от советских партизан. В ней приняли участие 1-я кавалерийская бригада СС и отряды 162-й и 252-й пехотных дивизий. Каратели несколько раз пересекли территорию Пинской, Полесской, части Минской и Гомельской областей с запада на восток. Там, где встречали сопротивление, они уничтожали целые деревни.[56]

Операция проводилась в два этапа. Первый этап начался 19 июля и продолжался до 13 августа 1941 г., когда подразделения 2-го кавалерийского полка СС, двигаясь от Пинска, прочесывали территорию южнее и севернее р. Припять. Второй этап (14–29 августа) начался от железнодорожной линии Барановичи–Лунинец и продолжался на восток с зачисткой правого и левого берегов Припяти.

Командующий тылом группы армий «Центр» генерал Шенкендорф в донесении в Берлин от 20 августа 1941 г. сообщал, что второй полк кавалерийской бригады в районе Турова натолкнулся на крупные силы противника (от одного до двух батальонов), состоявшие из регулярных и иррегулярных подразделений. Ход боев в районе Турова 21 августа подробно освещался в отчете бригады о боевых действиях полка СС от 29 августа. Разведывательный взвод на мотоциклах провел

---

54 Показания Татьяны Демьяновны Кохно (1884 г. р.) от 22 ноября 1948 г., Там же, д. 2877, лл. 62-63, 178.

55 Акт комиссии содействия ЧГК СССР по Давид-Городку от 5 марта 1945 г., Там же, д. 2877, лл. 137-138.

56 В.С. Лазебнікаў, У.С. Пасэ, «Прыпяцкія балоты», *Беларусь ў Вялікай Айчыннай вайне*. Энцыклапедычны даведнік, Мінск 1990 г., с. 510.

обыски в Запесочье и Турове, уничтожив примерно 100 «большевиков» и предав огню деревни Дворец, Хочень, Озераны и Сторожевцы. Согласно этому отчету, потери нацистов составили четыре человека убитыми и 19 ранеными, из которых два скончались. Потери советской стороны составили 600–700 человек убитыми и 10 пленными.[57]

«Припятские болота» явились первой крупной карательной экспедицией СС на территории Беларуси и Украины, в ходе которой отрабатывались тактика и методы массового уничтожения еврейского населения. 1 августа 1941 г. рейхсфюрер СС Гиммлер отдал приказ всех евреев-мужчин расстреливать, а еврейских женщин загонять в болота.[58]

При захвате местечка подразделение СС (батальон, рота, взвод) объявляло о регистрации мужчин-евреев, окруженцев и бывших активистов. Одновременно подобная работа шла в прилегающих деревнях. Евреев и сочувствовавших советской власти собирали в каком-нибудь одном здании (школе, клубе или конюшне) и держали несколько дней, пока не поступало сообщение об охвате всех населенных пунктов. Мужчины рыли большой ров, к которому на второй или третий день под усиленным конвоем приводили арестованных на расстрел.

12 августа 1941 г. штурмбанфюрер СС Магилль, сообщая в Берлин о ходе операции «Припятские болота», отмечал, что практика *умиротворения* евреев осуществлялась в контакте с бургомистрами. В большинстве случаев местные жители указывали сами, когда видели «бандитов» и подозрительных лиц. Их задерживали и после короткого допроса отпускали или расстреливали. Однако практика загонять женщин и детей в болота не дала ожидаемых результатов, потому что болота оказались не настолько глубокими, чтобы в них утонуть.[59]

В 1942–1944 гг. германское командование продолжало карательные операции как наиболее радикальное средство для решения военных, экономических и политических проблем в собственном тылу. Вместе с войсками СС и СД активное участие в них принимали регулярные армейские части, которые снимали для этой цели с фронта.

Нацисты старались полностью эвакуировать трудоспособное белорусское население из районов предстоящей операции, изымали скот и запасы продовольствия. Наиболее крупными акциями на Полесье стали операции «Февраль» (февраль 1943), «Русалка» и «Теплый ветер» (март 1943), «Весенний хоровод» (май–июнь 1943), «Осенняя охота» и «Хубертус II» (октябрь 1943), которые охватили Житковичский, Ельский, Лельчицкий, Петриковский и Туровский районы.[60]

---

57 А. Литвин, «"Припятские болота" - первая крупная карательная экспедиция СС на территории Беларуси и Украины», *Советская Белоруссия* (Минск), 3 декабря 2003 г.

58 National Archives Washington. Captured Documents (Национальный архив в Вашингтоне. Трофейные нацистские документы). T-354, R-168, 3818936.

59 *Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944 гг.)*. Сборник документов и материалов под ред. Ицхака Арада, Иерусалим 1991 г., с. 92.

60 *Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941-1944 гг.),* Мінск 1995 г., с. 347-348, 365, 367, 372.

Летом 1943 г. в район Мозырского и Туровского Полесья были переброшены дополнительные воинские части. Во избежание ослабления своих позиций на фронте германское командование укрепляло тыл за счет второстепенных формирований. В июле, августе и сентябре 1943 г. в Ельск, Петриков, Давид-Городок и Туров направили мадьяр, отряды РОА генерала Власова, казаков-кавказцев и другие части коллаборационистов.[61]

В Мозырь прибыл батальон 18-й гренадерской королевской Венгерской дивизии, имевший на вооружении пять артиллерийских орудий и минометы. Он усилил немецкую жандармерию (70 чел.). В полицию Мозыря, насчитывавшую 200 чел., был объявлен дополнительный набор. Новое пополнение было занято ежедневной военной подготовкой. Однако оружие полицейские получали только при заступлении на дежурство. В Мозыре действовала одна рота венгерских евреев, которая выполняла наиболее тяжелые физические работы.[62]

В Ельский гарнизон влились 250 мадьяр и 300 кавказцев. Они были одеты в немецкую униформу, имели на вооружении легкие пулеметы и автоматическое оружие. Вместе с уже существовавшим в городе полицейским отрядом из 100 чел. новобранцы приступили к охране железной дороги Ельск–Овруч. Через каждые несколько километров были выставлены посты по 10 чел., которые в ночное время усиливались патрулями.[63]

В Петриков в сентябре 1943 г. было переброшено до 1000 мадьяр, которые переправились через Припять в Черничи, чтобы отнять собранный урожай хлеба и угнать скот. В Давид-Городке находилось 800 немцев, мадьяр и другие вспомогательные национальные формирования. В Турове немецкий гарнизон насчитывал 60 солдат, 80 полицейских и 19 жандармов. Они конфисковали у населения урожай, который переправляли в Петриков.[64]

Трагедия в Тонеже

В январе 1943 г. туровские полицейские в составе немецкого карательного отряда выехали для проведения акции возмездия – партизаны Ковпака в четырех километрах от Тонежа разбили немецкую воинскую колонну, двигавшуюся из Лельчиц в Туров. 14 января каратели, не найдя партизан, под предлогом обмена документов собрали всех жителей Тонежа – 259 чел. (по другим сведениям, 364 чел.) в клуб и

[61] Разведывательная сводка Житомирского партизанского соединения с 5 по 15 сентября 1943 г., Центральный государственный архив общественных объединений Украины, ф. 65, оп. 1, д. 31, л. 258.

[62] Сведения разведки Мозырского партизанского отряда, Там же, л. 257.

[63] Доклад штаба отряда им. Щорса, Там же, л. 258.

[64] Сообщение отряда им. Ворошилова, Там же, л. 257.

расстреляли, а здание вместе с телами сожгли. Этого нацистам показалось мало: через три дня они вернулись и сожгли всю деревню – 260 дворов.[65]

15 января были совершены убийства в деревнях Тонежского сельсовета: Рудня (22 чел.), Слобода (9), Сологубов (12), Симоновский Млынок (8).[66]

Букча

Тогда же, в январе 1943 г., отряд СС при помощи коменданта волостной полиции Ивана Бобовича и старосты д. Корма Кондрата Юркевича сожгли деревни Букчу и Корму. В ходе карательной акции погибли 67 жителей Букчи, 34 из которых были сожжены. Жителей Равновского (1897 г. р.) и Холодовича (1882 г. р.) нацисты повесили как помощников партизан.[67]

Переров

10 июля 1943 г. деревню атаковали четыре немецких самолета. В результате налета с воздуха в Перерове сгорело 180 из 312 домов. 15 августа карательный отряд вступил в деревню и уничтожил остальные строения. Матрену Забелич эсэсовцы избили, закрыли в доме и подожгли, но Матрена смогла выбраться наружу. После этого она сильно болела и вскоре умерла.[68]

Перировский Млынок

10–12 июля 1943 г. немецкая авиация бомбила деревню, однако жертв удалось избежать, потому что население заблаговременно бежало в лес. 8 декабря 1943 г. каратели устроили облаву на партизан. Когда они не смогли никого найти, то расстреляли двух пожилых женщин – Елену Шадон (1887 г. р.) и Марию Барон (1889 г. р.).[69]

Дзержинск

30 июля 1943 г. отряд СС численностью до 400 чел. осуществлял карательные акции в Дзержинском сельсовете. Поджигали деревни и хутора, расстреливали мирных жителей, которые не успели скрыться. Впоследствии удалось установить фамилии только 14 жертв.[70]

---

[65] Показания П.Г. Колесного от 9 сентября 1950 г., АУ КГБ ГО, д. 2943, л. 169.

[66] Акт комиссии содействия ЧГК СССР по Тонежскому сельсовету Туровского района от 15 декабря 1944 г., ГАРФ, ф. 7021, оп. 91, д. 23, л. 46.

[67] Акт по Букчанскому сельсовету Туровского района от 17 декабря 1944 г., Там же, л. 42.

[68] Акт по Переровскому сельсовету от 18 декабря 1944 г., Там же, л. 64.

[69] Там же, л. 65.

[70] Акт по Озеранскому сельсовету от 20 декабря 1944 г., Там же, лл. 32-33.

Повчин

24 апреля 1944 г. 20 немецких саперов, стоявших в Запесочье, переправились через Припять и окружили Повчин. Часть из них направились в деревню, убивая каждого встречного. Людей, не успевших спрятаться, заперли в два дома, принадлежавших Николаю Брую и Василию Русому. Внутрь каратели бросили гранаты и подожгли строения, а людей, пытавшихся выпрыгивать в окна, расстреливали из автоматов. Так погибло 135 чел.[71]

В июне 1944 г. карательная экспедиция СС, двигавшаяся по маршруту Озераны–Печи–Буда–Хвоенск, подвергла деревни бомбардировке с воздуха, в результате в Озеранах погибло 12, в Печах – три и Хвоенске – пять чел. Всего в Озеранском сельсовете Туровского района было убито 144 мирных жителя.[72]

Немецкие пособники

Поступив на службу в полицию, кандидаты должны были доказать преданность новой власти и беспрекословно выполнять приказы оккупантов. Среди предателей оказались знакомые и даже белорусские родственники евреев, люди, считавшиеся до войны если не их друзьями, то добропорядочными соседями. Однако это не помогло. Активное участие полиции в преследовании и расстрелах, а в ряде случаев проявление особой жестокости объяснялись опьянением властью, антисемитизмом, стремлением заслужить материальное поощрение и присвоить еврейское имущество.

Вместе с жандармами полицейские выезжали на карательные операции против партизан в Туровском, Лельчицком, Петриковском районах, участвовали в расстрелах мирных граждан. Они выдавали коммунистический актив, военнослужащих Красной Армии, подвергали арестованных пыткам во время допросов. В январе–феврале 1942 г. было арестовано десять человек, включая бывших председателей колхозов и сельсоветов. Подпольщиков допрашивали в полиции Турова, а затем семь из десяти человек расстреляли в центре местечка у бывшей пограничной заставы.[73]

Активное участие в расправах принимали Петр Кресс, Иван Курбан, Фома Домашкевич, Степан Кохно и Иван Голец. С октября 1941 по октябрь 1942 г. полицейские задержали и расстреляли не менее 100 советских военнопленных.

С апреля 1942 по сентябрь 1943 г. начальником полиции Турова был назначен Кресс, которого за усердие наградили бронзовой медалью на зеленой ленте. Курбан стал его помощником, а Домашкевич организовал полицию в Запесочье, а потом работал бургомистром волости. С июня 1942 г. он служил управляющим хлебным районным пунктом.

---

[71] Акт по д. Дзержинск от 21 декабря 1944 г., Там же, л. 38.

[72] Акт по Озеранскому сельсовету от 20 декабря 1944 г., Там же, лл. 32-33.

[73] АУ КГБ ГО, д. 12156, т. 1, с. 118.

Полиция преследовала мирных жителей, не выполнявших распоряжения оккупационных властей. Она подвергала провинившихся телесным наказаниям, арестовывала и облагала штрафами, отнимала их имущество. В октябре 1941 г. у д. Кремно Туровского района полицейские убили Марию Юшкевич и милиционера Кулиша, председателя колхоза Мирона Костенко, шесть женщин и пять детей. В ноябре того же года Голец и заместитель начальника полиции Турова Матвеев вместе с двумя другими полицейскими расстреляли группу евреев Тонежа, имущество которых они присвоили. В феврале 1942 г. Голец передал немцам список из 14 партизан, скрывавшихся в Туровском районе, из которых семь были расстреляны.

В Запесочье бургомистр Домашкевич избил шомполом Фому Чекида, Чевченю и Кирилла Марусича и взыскал 200 руб. штрафа, у Скрыгаловского отобрал патефон. Летом 1942 г. из Хвоенска в Туров доставили 30 чел., отказавшихся работать на сплаве леса. За это Голец, дежуривший в полиции, вместе с начальником жандармерии Гольштейном избили саботажников дубинками.[74]

Осенью 1941 г. в Туров из плена вернулся Трофим Ветик, которого до войны судили за кражу. Он тоже поступил в полицию, участвовал в боях с партизанами, в расстреле еврейских женщин и детей (апрель 1942 г.) и военнопленного (октябрь 1942 г.) в урочище Ходаковы Груши. В ноябре 1943 г. Трофим бежал в Германию, весной 1944 г. был направлен в Кенигсберг, где обучался в школе личного состава РОА, и до апреля 1945 г. служил в полевой жандармерии.[75]

В туровской полиции оказался Петр Колесный, бывший советский кадровый военный. В 1937–1939 гг. он служил в авиационной части Воронежского гарнизона, а после демобилизации уехал на строительство оборонительной линии в Западную Белоруссию. Накануне войны Петр устроился в пожарную охрану Турова. С приближением немецких войск он получил приказ сдать лошадей на сборный пункт РВК в Лельчицах. В Семурадцах Колесный попал в плен, но немцы его отпустили. Петр приехал в Туров, где его назначили командиром отделения в полиции (группфюрером), и получил в подчинение 11 чел. В декабре 1943 г. Колесный бежал с немцами, три месяца служил в полиции Белостока, а весной и летом 1944 г. прошел курс обучения в школе личного состава РОА в Кенигсберге.[76]

В полиции служили и единоличники, и бывшие колхозники. В марте 1942 г. Ивана Дорошевича, по его словам, мобилизовали против его воли в волостную полицию. Однако, когда в августе 1942 г., опасаясь нападения партизан Ковпака, полиция из Тонежа переехала в Туров, Дорошевич перебежал к партизанам.[77]

Три раза принимал участие в массовых расстрелах евреев Владимир Забавко

[74] Обвинительное заключение контрразведки СМЕРШ 61-й армии против соучастников нацистских преступлений по Туровскому району от 24 апреля 1944 г., Там же, д. 9238, лл. 199-201.

[75] Постановление об аресте Т.А. Ветика (1911 г. р.) от 26 апреля 1952 г., Там же, д. 4213, л. 372.

[76] Показания Петра Гавриловича Колесного (1916 г. р.) от 9 сентября 1950 г., Там же, д. 2943, лл. 169, 213.

[77] Показания Ивана Петровича Дорошевича (1923 г. р.), Там же, д. 12156, т. 2, л. 134.

из Ивановой Слободы. В сентябре 1941 г. он добровольно поступил в полицию Тонежа, где оставался до декабря 1942 г., а потом выехал в Германию.[78]

Сергею Богаю, по его словам, пригрозили, что в случае отказа припомнят, как он раскулачивал крестьян в начале 30-х. До весны 1942 г. Богай служил рядовым полицейским, а потом заведовал кожевенным заводом. В составе карательного отряда он выезжал в Озераны, Тонеж и Слободу, где задержали семь евреев. После погрома в Петрикове Богай привез в Туров ватные брюки, фуфайку, часы и пять килограммов крупы.[79]

Особое рвение среди немецких пособников проявил Савва Красник. Несмотря на неполные двадцать лет, он отличался вероломством и жестокостью. До прихода немцев Красник был комсомольцем, работал в туровской хлебопекарне и матросом ОСВОДа, записался в истребительный батальон. В августе 1941 г. Савва встретил в лесу пограничников, которые дали ему лошадей и послали в разведку. Но вскоре партизаны отступили, и Савва остался не у дел. В это время Кветковский набирал полицию и позвал к себе Красника. Савва понял, что доверие новой власти он заслужит скорее, если будет преследовать евреев. В сентябре 1941 г. он убил подростка Мотеля Рехтмана в Перерове, после чего «пошел обедать». Конвоируя группу из 15 евреев за Припять, Красник застрелил пожилую еврейскую женщину, которая выбилась из сил и несколько раз падала во время пути. Красник убил еврейского мужчину, который сам пришел в полицию выяснить судьбу семьи. В Запесочье он, вместе с Курбаном, убил еще двух евреев, в Букче летом 1942 г. – повесил Дарью Шкодун и Анну Алесич за то, что они предупредили партизан о готовившейся облаве.

Осенью 1942 г. Красника наградили за усердие медалью и послали на учебу в полицейскую школу в Коростене на Украине, по окончании которой ему присвоили чин вице-капрала и назначили на должность командира отделения. В декабре 1943 г. Красник бежал Германию вместе с отступающими войсками.[80]

Погром в Петрикове

24 сентября 1941 г. полицейские из Турова, Перерова, Погоста, Хвоенска, Озеран и Давид-Городка участвовали в карательной акции в Петрикове. Сводный отряд насчитывал около 100 полицейских и среди них – 30 чел. из Турова. Жандармы подогнали два катера к туровской пристани, выдали ручной и станковый пулеметы и приказали взять еды на трое суток, хотя и не сообщили о цели экспедиции.

---

[78] Постановление об аресте Владимира Филипповича Забавко (1914 г. р.) от 22 июля 1946 г., Мозырь, Там же, д. 5787, л. 2.

[79] Прошение о помиловании Сергея Алексеевича Богая (1902 г. р.) от 23 марта 1955 г., Гомель, Там же, д. 3450, л. 121.

[80] Обвинительное заключение против Саввы Ивановича Красника от 15 мая 1961 г., Гомель, Там же, д. 12156, т. 1, лл. 109-118.

Около Петрикова немцы высадили полицейских на берег и объявили о предстоящем расстреле евреев. Каратели разбились на группы и направились в город, приказав белорусам и русским поставить мелом кресты на своих домах. Еврейская община отмечала праздник *Рош hа-Шана* (новый год) в синагоге. Верующие совершали молитвенный обряд. Нацисты и полицейские начали сгонять евреев к Припяти. На берегу у протоки Бучок (канал, где делали баржи) людей заставили лечь в грязь выстрелами над головами. Когда нацисты согнали почти четыреста человек – открыли огонь из автоматов, винтовок и пулемета с катера. Раненых добивали, их тела плыли по реке, вода потемнела от крови.[81]

Наутро прибыл еще один катер с карателями. Немцы приказали закопать трупы, а за неподчинение расстреляли одного полицейского. Внезапно со стороны Петрикова раздался одиночный выстрел. Нацисты вернулись и начали искать уцелевших евреев. Одну группу жителей, якобы партизан, они загнали на скотный двор колхоза «Чырвоны агароднік» и расстреляли. В городе каратели сожгли 35 домов на улице им. III Интернационала и еще 17 около пристани. В некоторых домах люди сгорели заживо.[82]

Погром в Петрикове стал актом мести со стороны нацистов за то, что 22 сентября партизаны Петриковского отряда и чекисты группы НКГБ Головкина уничтожили из засады команду немецкого моторного катера (4 чел.) и пароход с грузом горючего, военного снаряжения и почтой. Пароход сгорел дотла, погибло около 20 чел. команды и 15 пассажиров (офицеров и их жен), направлявшихся из Пинска в Мозырь, остальные пропали без вести.[83]

Расстрел полукровок

Весной 1942 г. в Турове произошла еще одна трагедия. По распоряжению немецких властей начался поиск *полукровок* – потомков от смешанных браков. До начала войны с Германией на территории Туровского района проживало несколько евреек, состоявших в браке с неевреями: Берта Абрамовна Санец (1914 г. р.) и ее малолетние дети Владимир, Виктор и Елена; Роза Самуиловна Гурская (1900 г. р.) и ее дети Соня, Майя и Тома; Шева Меировна Бондарь (1918 г. р.) и ее дети Тамара, Валентина и Лена; семьи Хаи Мовшевны Фридман и Лельчук (имя неизвестно) с детьми.[84]

Мужья этих женщин были мобилизованы в Красную Армию или ушли с партиза-

---

[81] Показания Степана Федоровича Румаса (1909 г. р.) от 9 января 1968 г., Там же, д. 234, т. 4, лл. 167-169.

[82] Yad Vashem Archives, M-33/429, p. 2.

[83] Рапорт Головкина на имя Берия о действиях диверсионной группы НКВД в Петриковском районе летом 1941 г. от 21 декабря 1941 г., НАРБ, ф. 4, оп. 33-а, д. 63, л. 111.

[84] Выписка из Акта комиссии содействия ЧГК СССР по Туровскому району от 5 декабря 1944 г., Там же, д. 4213, лл. 292, 293.

нами. Никто не знал точно, где они находятся. Оставив своих жен и детей на русских и белорусских родственников, они верили, что найдут их живыми после войны.

7 апреля 1942 г. к восьми часам утра в жандармерию Турова вызвали по повестке несколько жителей местечка, которые должны были иметь при себе топор и лопату.[85] Вскоре появился шеф жандармерии Турова Гольштейн, который зашел в кабинет коменданта полиции Акулича. Через полчаса по его команде полицейский Курбан повел всех к еврейскому кладбищу в урочище Казаргать в трех километрах от местечка. Туровцам-белорусам было приказано выкопать яму четыре метра в длину, восемь в ширину и два с половиной в глубину. Немцы и полицейские все время подгоняли. Через два часа после начала работы подъехали три пароконные подводы с евреями – женщинами и детьми, всего 15 чел. Среди них были Берта Санец и трое ее детей в возрасте от одного до пяти лет, Гурская с двумя детьми – четырех и 16 лет (имена других жертв неизвестны). Их конвоировали полицейские Максим Гришковец, комендант полиции Трофим Акулич, Иван Курбан, Филипп Шкуратов, Савва Красник, Петр Богай, Петр Колесный, Дмитрий Родионов, Петр Кресс, присутствовали начальник жандармерии Гольштейн и жандарм Лекс.[86]

Белорусы, копавшие могилу, по их просьбе отошли на 100 метров. В расстреле принимали участие 13 полицейских. Сначала они убили матерей, а потом детей. Петр Богай добил в яме раненого ребенка.[87] Потом могильщиков позвали закапывать. По свидетельству очевидцев, песок поднимался, и сквозь него просачивалась кровь. Полицейские Шкуратов и Красник подрались между собой за снятую с евреев одежду, после этого всех распустили по домам.[88]

Эти же события подтвердил Григорий Горшкалеп. В десять часов утра 7 апреля 1942 г. он видел из окна своего дома полицейских и немцев, которые везли на телегах еврейских женщин и детей. Среди них он узнал Марголину с двумя детьми в возрасте от четырех до семи лет и Фридман с двумя детьми. Повозки повернули на ул. Войкова и двинулись к еврейскому кладбищу. Через час раздались винтовочные выстрелы, а еще через час-полтора полицейские без арестованных возвращались с песнями (!) обратно в комендатуру.[89]

Назавтра, 8 апреля, трагедия повторилась. Домой к Тарасу Чернышевичу пришел староста Иван Кожановский, приказал запрячь лошадей и прибыть на дежурство в полицию. Вместе с ним поехал Григорий Митюлич. В полиции уже поджидали Красник, Ветик, Шкуратов, Богай, еще несколько человек и один

---

85 Подобные повестки получили жители Турова Иван Белый, Тарас Родионов, Георгий Горшков, Тит Лебединский, Михаил Еремейчик, которые имели при себе шанцевый инструмент.

86 П.Г. Колесный 21 ноября 1950 г. на допросе в Мозыре показал, что в апреле 1942 г. из д. Ричев в полицию Турова были доставлены 12 евреев (три женщины и девять детей), АУ КГБ ГО, д. 4213, л. 214.

87 Показания П.Г. Колесного от 21 ноября 1950 г., Там же.

88 Показания свидетеля Артема Григорьевича Робироха (1893 г. р.) от 23 января 1946 г., Туров, Там же, д. 12156, т. 4, лл. 9-10.

89 Показания свидетеля Григория Максимовича Горшкалепа (1914 г. р.), Там же, л. 11.

немец. Они вывели трех еврейских женщин с малолетними детьми, всего девять человек, и повезли их к урочищу Казаргать. Остановились в лощине у небольшой возвышенности, женщин с детьми погнали к кустарнику, откуда послышались плач и крики, а потом выстрелы.[90]

Урочище Казаргать еще несколько раз становилось местом казни. Летом 1942 г. за связь с партизанами после пыток здесь расстреляли Николая Винника и Василия Юхневича.[91] Осенью 1942 г. в этом месте убили семью Александра Бондаря с тремя детьми-полукровками и других евреев (около 10 чел.), а еще через некоторое время 17 цыган.[92]

Сопротивление

Комсомольское подполье

В середине июля 1941 г. Полесский обком ЛКСМБ оставил для подпольной работы секретаря Туровского райкома комсомола Энну Шубёнок. При обороне Турова райком комсомола помогал эвакуации населения и призыву молодежи в ряды Красной Армии. Шубенок одновременно отвечала за работу госпиталя, организовала ряд успешных рейдов в тыл противника с целью разведки и проведения диверсий. За это в числе первых женщин БССР в годы Отечественной войны она была удостоена медали «За отвагу».[93]

31 октября 1941 г. состоялась первая встреча подпольщиков с участием А. Богая, С. Царика, О. Хилипской и В. Митюлича. С помощью четырехлампового приемника они принимали сводки Совинформбюро, переписывали от руки и распространяли среди населения. К ноябрю 1941 г. организация выросла до 15 чел. под руководством Сидорова (Н.П. Иванова) – бывшего сотрудника Лельчицкого НКВД, которого партийные органы оставили для подпольной работы.

Комсомольцы действовали дерзко. Они записали и размножили текст речи Сталина на параде Красной Армии в Москве 7 ноября 1941 г. и наклеили в Турове возле школы на ул. Кирова и напротив здания полиции, а в декабре – таким же образом сообщили о разгроме немцев под Москвой.

Еще через некоторое время комсомольцы изготовили листовки «Фашизм – это война» и «Фашизм – этот голод», которые прикрепили на километровых столбах

---

[90] Показания свидетеля Тараса Ильича Чернышевича (1901 г. р.) от 7 марта 1961 г., Там же, л. 45.

[91] Из обвинительного заключения против С.И. Красника от 15 мая 1961 г., Гомель, Там же, д. 12156, л. 117.

[92] Очная ставка П.Г. Колесного и Т.И. Чернышева от 9 сентября 1950 г., Мозырь, Там же, д. 2943, л. 213.

[93] Письмо первого секретаря ЦК ЛКСМБ М.В. Зимянина в ЦК КП(б)Б от 26 июля 1941 г., *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны*, с. 81.

по шоссе Туров–Ричев и Туров–Озераны. Начались облавы, в ходе которых были схвачены и замучены И. Балбуцкий (Запесочье), Г. Соловьев (Туров) и М. Михейшин (представитель ЦК КП(б)Б, направленный для организации подполья в Полесской области). В январе 1942 г. немцы расстреляли несколько партизан Туровского отряда, советских активистов с членами семей. Местом их гибели стало урочище Заказаргать.

Летом 1943 г. комсомольцы по заданию отряда им. Чкалова Пинского соединения завербовали полицейского П. Атаманова. В Запесочье они передали ему тол, чтобы он подложил в печь караульного помещения полиции. В результате взрыва погибло несколько полицейских. Одновременно был взорван мост через Струмень, а Атаманов с семьей бежал к партизанам.

К сентябрю 1943 г. комсомольские группы существовали в Хильчицах – секретарь Рай, Стороживцах – секретарь Акулич (однофамилец коменданта Турова), Семурадцах – секретарь Мелещеня, Озеранах – секретарь Корж, Борки – секретарь Ермолич и Слепцах – секретарь Рафалович. В октябре 1943 г. такие группы возникли в Перерове, Млынке и Буде. Подпольщики собирали для партизан разведывательные сведения, распространяли листовки, заготавливали продукты, разыскивали лекарства, обувь и одежду, предупреждали об опасности.[94]

В декабре 1943 г. члены комсомольского подполья из Турова ушли в лес. Они стали связными между Туровским партизанским отрядом и отрядом им. Чкалова бригады «Советская Белоруссия» Пинского соединения.[95]

Подъем партизанской борьбы

В феврале 1943 г. на встрече в Переровском Млынке руководители подпольных групп области договорились о создании в Туровском районе отдельного партизанского отряда, который назвали «За Родину». Командиром стал Василий Просолов, комиссаром Пантелей Тарасюк, а начальником штаба Иосиф Двораковский. Большую помощь оказали партизаны Лельчицкой бригады. В Туровский отряд удалось привлечь молодежь Тонежа и Букчи.[96] Приходили семьями; способных владеть оружием принимали в отряд, а их родных распределяли в деревнях, находившихся под опекой партизан. Вскоре отряд вырос до 200 человек, располагал автоматическим оружием и взрывчаткой.[97] Партизаны нападали на полицейские посты в Озеранах,

---

[94] НАРБ, ф. 4134, оп. 1, д. 1, лл. 6-7.

[95] А. Богай (однофамилец карателя), «Начало Великой Отечественной войны на Туровщине». Рукопись от 10 января 1970 г., с. 6, Архив автора.

[96] *Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941-1944 гг.* Под ред. А.Л. Манаёнкова, Минск 1983 г., с. 666.

[97] В январе 1944 г. Туровский партизанский отряд насчитывал 194 чел. (178 мужчин и 16 женщин), 15 коммунистов, 57 комсомольцев и 121 беспартийного, Там же.

Хвоенске, Ричеве, Слепцах и других населенных пунктах, перехватывали обозы с продовольствием и боеприпасами, мешали вывозу населения в Германию. На дороге Туров–Житковичи были взорваны мосты и спилены телеграфные столбы. Немецкий гарнизон в Турове оказался блокированным.[98]

В начале мая 1943 г. нацисты решили ликвидировать очаг сопротивления. Они вторглись в партизанскую зону в районе д. Бечи, но понесли потери и отошли. 10 мая немцы сделали попытку прорваться из Турова в Мозырь на двух катерах. Партизаны устроили засаду у Перерова. Один катер вышел из строя, а второй, бронированный, взял его на буксир и отвел обратно в Туров. В этом бою противник потерял восемь человек.[99]

Летом 1943 г. подъему партизанского движения на Полесье способствовал рейд соединений Ковпака, Сабурова и Федорова, выступивших с территории Украины. Они разбили карателей и полицию из Лельчиц, направленных на помощь осаждавшим Туров, захватили обоз с продовольствием и убили 26 чел. из сопровождения. Немецкие саперы бежали в Житковичи.

В ночь на 23 октября 1943 г. отряд «За Родину» предпринял попытку освободить Туров. Для проведения операции попросили поддержки у соседей из Лельчицкой бригады и получили два артиллерийских орудия. Партизаны блокировали доты и овладели городом, убили несколько полицейских и взяли в плен бургомистра Квитко, но уже на следующее утро отошли.

Жители Турова оказывали партизанам посильную помощь: сообщали о маршрутах и графике передвижения противника, помогали возводить запруды, чтобы водой рек затопить дороги. В результате пропаганды подпольщиков часть солдат, мобилизованных из оккупированных стран Европы (чехи, словаки, венгры), перешли на сторону партизан. На какое-то время удалось склонить к сотрудничеству даже коменданта гарнизона Турова Августа Клаузе Лангверта, уроженца Силезии. В 1943 г. с его помощью в отряд переправили продовольствие, одежду и обувь. Лангверт предупредил партизан о прибытии карателей, но вскоре был арестован и отправлен в Петриков. Дальнейшая судьба Лангверта осталась неизвестной.[100]

В Полесской области был создан словацкий партизанский отряд. В ночь с 14 на 15 мая 1943 г. в деревне Ремизы на сторону А.Н. Сабурова перешли: капитан Ян Нелепка, подпоручик Петро Котин, поручик Имри Лысак и рядовой Петро Бенкевич – из 101-го словацкого полка. Через полгода отряд Яна Нелепки самостоятельно вышел из окружения в Туровском районе и разгромил немецкий гарнизон в Давид-Городке. В соединении С.А. Ковпака сражались 18 партизан,

---

[98] *Партызанская барацьба беларускага народа ў гады Вялікай Айчыннай вайны*, Мінск 1959 г., с. 146-147.

[99] *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны*, т. 2, с. 553.

[100] Из воспоминаний И.Д. Ветрова, секретаря Полесского подпольного обкома партии, *Память*. Житковичский район, с. 363.

уроженцев Туровского района. В их числе были Зелик Рехтман[101], его дочь Полина и брат Залман Рехтман.[102]

Партизанам помогала группа врачей туровской больницы под руководством Николая Скавинского: врач Клавдия Захарова, фельдшер Алексей Журавский и два дезинфектора. Они поддерживали связь с партизанами Ковпака. Несколько раз медики объявляли о ложном карантине тифа и дизентерии и таким образом спасали молодежь из Турова от угона в Германию.

Летом 1943 г. был образован подпольный Туровский районный комитет партии, секретарем которого стал комиссар отряда «За Родину» Пантелей Тарасюк, а секретарем подпольного райкома ЛКСМБ – Иван Ермоленко.

К весне 1944 г. партизаны существенно ограничили передвижение гарнизона противника – немцы боялись удаляться от своих позиций в Турове. В ночь на 25 мая партизаны атаковали полицейский участок в Слепцах, в ходе которого убили трех полицейских и предотвратили попытку отправки в Германию 96 жителей Турова.[103] 15 февраля 1944 г. отряд «За Родину» соединился с частями Советской Армии и занял рубеж обороны в урочище Горка. По сведениям Белорусского штаба партизанского движения, за время своего существования партизаны Турова уничтожили 450 немецких солдат, офицеров и их пособников, пустили под откос два эшелона, затопили три речных катера, подорвали 13 автомашин, три парома и пять мостов. Накануне освобождения городского поселка подпольщики составили схему укреплений противника.[104]

Освобождение Турова

Туров освободили 117-й стрелковый полк 23-й стрелковой дивизии под командованием Героя Советского Союза полковника Федора Винокурова и бригада бронекатеров Днепровской военной речной флотилии.

Полк вел наступление на Пинск через Туров, Житковичи, Люденевичи и Лунинец. Дороги были заминированы, и каждый километр приходилось брать с боем. Около д. Буда солдаты обнаружили в лесу землянки с мирными жителями (20 семей), которые стали их проводниками. Преодолевая упорное сопротивление немцев, были взяты населенные пункты Бичи, Буда, Хвоенск. Озераны три раза

---

[101] Захар Боязович (Зелик Беезович) Рехтман - партизан соединения под командованием Ковпака, погиб под г. Коломыя, захоронен в г. Яремче Ивано-Франковской области Украины, *Книга Памяти Союза евреев инвалидов и ветеранов второй мировой войны с нацистами,* Москва 1997 г., т. 3, с. 233.

[102] Залман Давидович Рехтман - партизан Лельчицкой бригады, погиб 11 ноября 1941 г., *Встали мы плечом к плечу,* Минск 2005 г., с.14.

[103] *Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны*, т. 2, с. 554.

[104] НАРБ, ф. 4134, оп. 1, д. 1, лл. 6-7.

переходили из рук в руки. Советские войска закрепились в районе Бичи–Буда, и это стало первым этапом боевой операции по освобождению Турова.

17–18 апреля 1944 г. противник перешел в наступление и окружил отряд Винокурова, который сумел удержать свои позиции до 30 апреля, а затем перешел в наступление. Нацисты бежали, были заняты Озераны и Бережцы – завершился второй этап боев за Туров. Третий этап состоял в форсировании Ствиги и овладении опорными пунктами немцев в Слепцах, Семурадцах, Сторожовцах и Ричеве. 5 июля 1944 г. Туров освободили. За успешное завершение операции полковник Винокуров был награжден орденом Александра Невского.[105]

Расплата за содеянное

К концу 1943 г. ситуация на фронте кардинально изменилась. События под Сталинградом (в феврале) и на Курской дуге (в июле) предрешили исход войны. В ноябре 1943 г. советские войска овладели Речицей и Гомелем. В декабре 1943 г. те, кто запятнал себя сотрудничеством с оккупантами, начали оставлять городской поселок. Судьба этих людей сложилась по-разному.

Кто-то погиб в боях с партизанами (Трофим Акулич, Федор Левковец, Андрей Вашков), кто-то был схвачен и казнен подпольщиками (Степан Котлярчук, Нестор Кветковский), кто-то бежал с немцами (Филипп Шкуратов, Дмитрий Родионов, Савва Красник, Петр Богай, Петр Колесный и некоторые др.), кто-то поверил в амнистию и явился в лес с повинной и оружием в руках.

Начальник полиции Турова Петр Кресс после тайных переговоров привел с собой в лес 35 полицейских и шесть власовцев, вооруженных до зубов, которые перешли на сторону партизан.[106] Среди них оказались люди, участвовавшие в массовых расстрелах евреев и преследованиях мирных граждан. Однако в тот момент для партизан было важно обескровить немецкие гарнизоны, лишив их поддержки местного населения. Часть полицейских погибли, сражаясь в рядах партизан,[107] другие после освобождения Туровского района были мобилизованы полевыми военкоматами и отправлены на фронт.

В марте 1944 г. отдел контрразведки СМЕРШ 61-й армии арестовал новоиспеченных красноармейцев Петра Кресса, Ивана Курбана, Фому Домашкевича, Степана Кохно и Ивана Гольца по обвинению в карательных действиях в Туровском, Лельчицком и Петриковском районах.[108] Дело разоблаченных предателей было направлено в военно-полевой суд, который приговорил обвиняемых: Кресса, Курбана и Кохно – к смертной казни через повешение, Домашкевича – к 20 годам,

[105] *Памяць. Беларусь*. Рэспубліканская кніга, Мінск 1995 г., с. 267.

[106] А. Богай, Указ. соч.

[107] Алексей Черный погиб в партизанском отряде соединения Ковпака.

[108] Свидетелями выступили его земляки из Турова, служившие в 215-й запасном стрелковом полку.

а Гольца – к 15 годам заключения. Приговор был приведен в исполнение 29 апреля 1944 г. в районе д. Миляче Высоцкого района Ровенской области (Украина) комендантом отдела контрразведки СМЕРШ 397-й Сарненской стрелковой дивизии в присутствии 500 чел.[109]

Розыск людей, служивших немцам, продолжался и после войны. Степана Румаса арестовали в сентябре 1944 г. в Бресте и направили на дознание. В июне 1945 г. его отпустили, и в 1947 г. Степан уехал в Туров, где в феврале 1948 г. снова был взят под стражу. Военный трибунал в Мозыре осудил Румаса на 20 лет каторжных работ и пять лет поражения в правах.[110]

Сергея Богая в 1946 г. нашли в деревне Каленицы Емельяновского района Калининской области, где он работал лесорубом. Военный трибунал Гомельского гарнизона в марте 1947 г. признал его виновным в пособничестве нацистам и осудил на 20 лет каторжных работ с конфискацией имущества и поражением в правах сроком на пять лет. Алексей Забелич и Петр Сидельников, находившиеся под следствием НКГБ, умерли в заключении.[111]

Петра Колесного арестовали в июне 1950 г., и он был приговорен Военным трибуналом Белорусского военного округа в ноябре того же года к высшей мере наказания – расстрелу.[112]

Трофима Ветика обнаружили в апреле 1952 г. в г. Лисичанске Ворошиловградской области на Украине, где он работал крепильщиком в шахте. В военном билете Ветика было указано, что с 7 июля 1941 г. до октября 1945 г. он служил в Советской Армии. При аресте у него были изъяты орден Славы 3-й степени и медали «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», но без подтверждающих документов. Выяснилось, что награды Трофим похитил.[113] 3 октября 1952 г. Военный трибунал Белорусского военного округа приговорил Ветика к высшей мере наказания – расстрелу.[114]

Судебные процессы

После войны в Турове состоялось несколько показательных судов над пособниками нацистов, принимавших участие в расправах над мирными жителями. В 1957 г. в Тонеже судили бывшего коменданта полиции Константина

[109] АУ КГБ ГО, д. 9238, л. 226.

[110] Там же, д. 14632, лл. 136-137.

[111] Там же, д. 3450, л. 121.

[112] Там же, д. 4213, лл. 208-212.

[113] Орден Славы 3-й степени принадлежал Ивану Семеновичу Аксенову, уроженцу хутора Большой Лычак Березовского района Сталинградской области.

[114] Заключение председателя Военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенанта юстиции А. Чепцова от 22 ноября 1952 г., АУ КГБ ГО, д. 4213, л. 444.

Маркевича. Свидетелями на процессе выступали бывшие полицейские, которых доставили из мест заключения. Один из них, работавший подручным кузнеца у Гершла Гобермана в д. Дворец, рассказал о расстреле в 1941 г. еврейской семьи: Маркевич отнял бутылочку с соской у грудного ребенка и растоптал. Потом выстроил евреев в ряд и убил одним выстрелом. Маркевич преследовал семьи партизан и командиров Красной Армии. Однако судили его не за преследование евреев, а за участие в расправе над белорусами Тонежа, которые помогали партизанам Ковпака. После того как каратели сожгли в клубе (бывшей церкви) сотни мирных жителей, уцелела только одна женщина, которая и выступила государственным свидетелем.

Летом 1944 г. Константин бежал с немцами, но в 1945 г. его принудительно репатриировали в СССР. Маркевич прятался в лесах Полесья и участвовал в движении «бульбовцев». Там он вошел в доверие к бывшему власовцу Иванову, узнал историю его жизни, убил и завладел его документами. После войны Маркевича судили как Иванова и дали 10 лет лагерей. Освободившись, Константин жил в Усть-Каменогорске в Казахстане, стал почетным плотником, получал путевки в санатории, избирался в депутаты местного Совета. Только через 15 лет его разоблачили и судили вторично. Бывший полицейский долго не признавал вины, а в заключительном слове просил суд учесть, что он является ровесником Октября (1917 г. р.) и на этом основании сделать снисхождение и сохранить ему жизнь. Суд приговорил Маркевича к высшей мере наказания – расстрелу.[115]

Григорий Савчиц до войны работал в столярной мастерской Пейсаха Бермана, у которого снимал комнату. Григорий перенял секреты профессионального мастерства и даже говорил на идиш. Перед войной молодого человека призвали в Красную Армию, но уже в первые недели он дезертировал и вернулся в Туров. Савчиц выслуживался перед нацистами, а в 1944 г. перебежал к партизанам и впоследствии попал на фронт. В 1945 г. он вернулся домой, но был арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых работ. Однако за примерное поведение Григория освободили из заключения досрочно.[116]

В Мозыре судили полицейского Суббота из д. Дворец, расположенной в километре от Турова. Его приговорили к 10 годам заключения, а зятя Суббота, бургомистра Турова, – к высшей мере наказания. Полицейского Сыромаху, земляка Суббота, постигла та же участь, несмотря на то, что в последние месяцы перед освобождением Турова он активно помогал партизанам. Полицейского Красюка опознала жительница Турова через много лет после войны, в Сибири. Его фотографию она случайно увидела на Доске почета и заявила в милицию. Красюка судили в Мозыре и приговорили к расстрелу.[117]

---

[115] Запись беседы с Израилем Берманом 30 августа 2000 г. в Иерусалиме, Архив автора.

[116] Запись беседы с Берлом Айбиндером 23 августа 2000 г. в Иерусалиме, Там же.

[117] Письмо Хаси Ханиной (Вайнблат) от 6 ноября 1999 г. из Бруклина (США), Там же.

Дело Красника

Савелия (Савву) Красника арестовали 3 февраля 1961 г., хотя во Всесоюзный розыск его объявили еще в 1947 г. Савву нашли на станции Смазнево Сорокинского района Алтайского края. Органы госбезопасности установили, что Казимиров Александр Иванович, 1923 г. р., и Савва Красник – одно и то же лицо.

После войны Савелий попал к американцам и был передан советским представителям. В 1945 г. при прохождении проверки в Рослау скрыл свое прошлое и попал в фильтрационный лагерь в Бресте. Там Красник назвался Казимировым и решил не возвращаться в родные края.

В апреле 1953 г. Савелий через *Союзоргтранснабор* завербовался в строительно-монтажный поезд рабочим путей. За работу получил три благодарности и денежную премию. Потом по состоянию здоровья его перевели в сторожа. В общественной жизни участия Савва не принимал, в коллективе зарекомендовал себя отрицательно. По словам начальника поезда Чубарева, Красник был «на подхвате найти что-либо плохое и на этом строить погоду».[118]

Судебная коллегия по уголовным делам Гомельского областного суда провела по делу Красника показательный процесс. 14 ноября 1961 г. Савелия привезли в Туров, районный дом культуры был переполнен, показания дали 46 свидетелей. Красник отличался особой жестокостью – не только убивал, но и мучил свои жертвы. Осенью 1941 г. он выгонял стариков, женщин и детей на заливной луг Болонье, между Припятью и Струменью, и заставлял есть траву.[119]

Савва выкручивался как мог и признал себя виновным «только» по десяти фактам участия в расстрелах. Он утверждал, что пойти в полицию его заставили, что преступления совершал в молодом возрасте (18–20 лет), что с тех пор прошло 20 лет, что решение, согласно пункту 4 статьи 46 УК БССР «О применении давности к лицу, совершившему преступление», за которое по закону может быть назначена смертная казнь, принимается судом. Однако ничего не помогло, и, когда председатель Гомельского областного суда Крупко огласил решение применить к Краснику высшую меру наказания – расстрел, люди, собравшиеся в зале Туровского дома культуры, аплодировали стоя.[120]

27 ноября 1961 г. Савва подал кассационную жалобу в Верховный суд БССР. Он писал, что судьи не приняли во внимание его раскаяние, отсутствие ранее судимости и «добросовестный труд» после войны. Красник писал, что на его иждивении находятся трое малолетних детей от 6 до 15 лет и престарелые родители, а сам он страдает активной формой туберкулеза и является

[118] Обвинительное заключение по делу С.И. Красника от 15 мая 1961 г., АУ КГБ ГО, д. 12156, т. 1, лл. 109-121.

[119] Там же, д. 12156, т. 4, л. 1315.

[120] А. Назарэўскі, «Кроў забітых патрабуе адплаты», *Ленінскіе заветы*, 22 лістапада 1961 г.

инвалидом. На этом основании бывший полицейский просил сохранить ему жизнь.[121]

19 декабря 1961 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР отклонила кассационную жалобу. Приговор Краснику был приведен в исполнение 7 марта 1962 г.[122]

* * *

Военные действия и оккупация разрушили Туров и привели к гибели еврейской общины. Никогда прежде в своей истории местечко не переживало подобного опустошения. Пожары и войны, выжигавшие его дотла, никогда не сопровождались массовым уничтожением жителей.

Одним из самых страшных последствий войны стала межнациональная рознь. Нацисты противопоставили белорусов и евреев. Руками полицейских, набранных из местных жителей, оккупационные власти уничтожили еврейское население в Турове и его окрестностях. Суровые условия Полесья не позволили выжить ни одной еврейской семье или одиночке без посторонней помощи.[123] Эти потери оказались настолько велики, что среди белорусских и украинских партизан, начавших активно действовать летом 1942 г., евреи насчитывали единицы.

По неполным данным, в 1941–1944 гг. в Туровском районе было убито 1785 мирных жителей, в том числе 520 женщин и 641 ребенка.[124] Из них в Турове, включая Запесочье и Сторожовцы, погибло 685 чел. Среди жертв нацистского геноцида евреи составили 570 чел., или 83,2%.[125] В дополнение к этому еще более ста евреев погибли в окрестных деревнях Турова. Основным местом расстрелов служило урочище Казаргать, где вместе с евреями нацисты убивали цыган, военнопленных Красной Армии, пограничников и советских активистов. Подсчитав умерших в эвакуации, погибших в партизанах и на фронте, можно говорить о 900–1000 погибших евреях Турова или двух третях довоенной численности общины.

Спастись удалось только тем, кто к началу войны оказался вне Турове или вовремя покинул городской поселок и не был застигнут нацистами на оккупированной территории.

---

[121] В кассационной жалобе Красник писал: «Я еще молод, мне только 38 лет, и даже спустя многие годы, проведенные в условиях трудового режима лагерей, я способен начать честную жизнь», АУ КГБ ГО, д. 12156, т. 4, л. 213.

[122] Там же, л. 220.

[123] До сих пор не удалось установить ни одного случая спасения евреев в Турове или Туровском районе в годы немецкой оккупации.

[124] Зональный государственный архив в Мозыре, ф. 310, оп. 1, д. 9, лл. 1-79; д. 19, лл. 1-64.

[125] Там же; проценты подсчитаны автором.

Глава 4. После войны

Возврат к мирной жизни и восстановление города

Трагедия, постигшая Туров в годы немецкого нашествия, неузнаваемо изменила его облик, национальный состав, хозяйственную и культурную жизнь. Раны, причиненные оккупацией, оказались настолько глубокими, а психологическое потрясение таким сильным, что их последствия надолго предопределили послевоенную историю города.

Мечта об освобождении родного края и возможность вернуться согревала сердце каждого фронтовика или беженца. Никто не представлял масштабов разрушения и почти полного уничтожения еврейского населения. Были только наслышаны о нацистском геноциде, но надеялись на чудо – что кто-то из родных уцелел, что сожженное и разграбленное имущество можно восстановить.

Большинство эвакуированных евреев и фронтовиков – солдат и командиров Советской Армии, стремившихся на родину, не знали, останутся ли они в Турове, захотят ли его отстроить и начать новую жизнь. Решалась его судьба, для восстановления требовались немалые силы и средства. Надо было накормить, обогреть, одеть людей, дать им работу, вдохновить.

Трудные послевоенные годы

Эйфория первых недель после освобождения Турова быстро прошла, и начались будни. Об этом не сообщали газеты и радио и не говорили между собой. Люди помнили, куда мог завести длинный язык, и отмалчивались. Только самые наивные позволяли себе откровение в письмах, которые перехватывались военной цензурой. Начальник Полесского областного Управления НКГБ и НКВД подполковник госбезопасности А. Шило в феврале 1945 г. докладывал, что в ходе обработки исходящей гражданской корреспонденции Туровского района зарегистрированы письма о распространении эпидемии тифа.[1] Вспышки инфекционных заболеваний были отмечены в Ричеве, Сторожовцах и Турове. Жители жаловались, что местная власть «замазывает глаза», не помогает, а присланные пайки получает только «верхушка» – даже 100 г хлеба в день не дают, творятся большие безобразия.[2] Ф.К. Еремейчик писала мужу, что все погибло и сгорело, люди остались голые и босые, она завидовала репатриантам: «Кто был у немцев и вернулся домой, им снова стало хорошо, местное руководство обращает на них внимание».[3]

Весной 1945 г. НКГБ перехватил письма о падеже конского поголовья в колхозах: «Колхозные лошади еле ходят или болеют чесоткой».[4] Люди жаловались на непомерное налоговое бремя. А.Н. Поддубная из Турова писала, что не в состоянии выплатить 245 руб. военного налога, сдать 46 килограммов мяса, 45 штук яиц и 80 литров молока.[5] Х.И. Якубовская из деревни Бичи Озеранского сельсовета сокрушалась, что придется голодать, а пока собирает картофельные очистки, сушит и готовит блины: «Если вы не приедете за нами, то погибнем с голоду».[6] Ей вторил О.Ф. Козел из Турова: «Имеешь, не имеешь – все равно отдай мясо государству, хоть бери свою кожу и сдирай».[7] Ф.Л. Подубец из Запесочья жаловалась сыну в армию: «Была бы корова – отвела бы без слов. Денег – нет, приходится отдать теленка, что люди подарили».[8]

Летом 1945 г. положение ухудшилось. Л.А. Чижик писала, что жизнь в Турове «незавидная», многие ютятся в куренях, которые перевезли из деревни на коровах.

---

[1] Зональный государственный архив (ЗГА) в Мозыре, ф. 463, оп. 2, д. 32, л. 74.

[2] Отправитель Н.А. Сергейчик, Туров, Там же, л. 93.

[3] Имеются в виду жители, угнанные в годы войны на принудительные работы в Германию и вернувшиеся в Туров в ходе репатриации. Для этой категории граждан существовала особая государственная программа поддержки, что вызывало недовольство остального населения, пережившего оккупацию.

[4] Сообщение военной цензуры УНКГБ Полесской области от 2 апреля 1945 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 2, д. 32, л. 111.

[5] Письмо А.Н. Поддубной от 28 апреля 1945 г., Там же, л. 141.

[6] Письмо Х.И. Якубовской от 12 апреля 1945 г., Там же, л. 146.

[7] Письмо О.Ф. Козел от 3 июля 1945 г., Там же, л. 154.

[8] Письмо Ф.Л. Подубец от 13 июля 1945 г., Там же, л. 215.

По ее словам, *сотки* (приусадебные наделы) обрабатывают тоже на коровах, так как колхозных лошадей получали только те, кто поил бригадира водкой. Туровцев постоянно мучило чувство голода: «На работу гонят и не спросят, кушала я сегодня или нет. Им до этого дела нет, они сами сытые».[9] Дети не знали, отправят ли их родители в школу, потому что не во что было обуться. Г.П. Акунич из Турова сокрушалась, что у нее абсолютно ничего нет – ни ботинок, ни туфлей, а про сапоги и думать не приходится.[10]

Особые трудности вызывали перебои с солью, которую отдельные служащие не получали в течение всего 1945 года. Учителя туровской школы ходили пешком в Давид-Городок (38 км), чтобы купить соль на рынке по 100 руб. за килограмм. И.Д. Житковец из деревни Дворец просила брата, служившего в Германии, прислать щепотку соли в конверте, а если нет, то попросить у повара.[11]

Голод толкал на преступления. Весной 1945 г. в Турове за хищение 80 кг пшеницы во время сева был арестован бригадир колхоза «Двенадцатый партсъезд» Федор Бабарико, которого приговорили к одному году лишения свободы. Всего в течение мая 1945 г. было возбуждено 23 подобных дела, по которым привлекли 39 чел. В результате расследования осудили семь человек.[12]

После освобождения

Туровский район оказался одним из наиболее пострадавших в Полесской области.[13] Из 36 населенных пунктов было разрушено 28, включая Туров. Полностью было сожжено 25 деревень: Букча, Горка, Дворец, Дзержинск, Запесочье, Корма, Любань, Переров, Переровский Млынок, Повчин, Погост, Печи, Озераны, Ридча, Ричев, Рудня, Симоницкий Млынок, Слепцы, Слобода, Тонеж, Хвоенск, Хильчицы, Хлупин, Хлупинская Буда, Черничи. Уничтожены две машинно-тракторные станции и нефтебаза. Уцелели только Воронино, Кремно, Любовичи и частично Буразь, Вересница, Малешов, Хочень.[14]

Разрушения в Турове потрясали. Особенно пострадал центр, который исторически был заселен евреями, – улицы Ленина, Калинина, Урицкого, Комсомольская и Пинская. От каменных домов остались одни фундаменты. Исключение составили-

[9] Письмо Л.А. Чижик от 7 августа 1945 г., Там же, л. 215.

[10] Письмо Г.П. Акунич от 26 июля 1945 г., Там же.

[11] Письмо И.Д. Житковец от 20 июня 1945 г., Там же, л. 203.

[12] Докладная записка начальника УНКГБ по Полесской области подполковника госбезопасности Мурата от 10 июня 1945 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 2, д. 32, л. 174.

[13] *Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941-1944 гг.* Сборник документов и материалов, Минск 1963 г., с. 347-351.

[14] *Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941-1944 гг.)*. Пад рэд. праф. Ў.М. Міхнюка, Мінск 1995 г., с.76.

ли дом культуры, фотоателье и редакция газеты *Чырвоная Тураўшчына*. Сгорела и комендатура пограничного отряда, где в годы оккупации размещалась полиция. Трехэтажную кирпичную школу прибывшие саперы не смогли разминировать, и спустя две недели после отступления немцев ее взорвали. Полуразрушенным стояло здание бывшей еврейской семилетней школы. Частный сектор, заселенный белорусами, находился в стороне от исторической части местечка и уцелел.

В октябре 1945 г. лейтенант Анатолий Зарецкий получил отпуск на десять суток и поехал домой. До Житковичей он добрался на поезде, но дальше двигаться было трудно. Мост через Припять сгорел, а паром затонул, пришлось плыть на лодке вниз по реке семь километров. В Турове Анатолий не сразу нашел место родительского дома. Прохожих почти не было, все дома по центральной улице Ленина сгорели. Кругом поднимался бурьян в человеческий рост, а вместо улиц – тропинки. В немногочисленных уцелевших избах, разбросанных на окраинах, мелькали только огоньки керосиновых ламп.

Соломон и Григорий Райхманы, посетившие Туров в 1947 г., с неменьшим трудом разыскали место собственного дома на Комсомольской улице. Узнали только по куску кирпичной стены разрушенной школы по соседству. От большого, на пять комнат, деревянного дома Райхманов осталось только пепелище, заросшее сорняками.[15]

Послевоенные годы были неспокойными. Со стороны украинской части Полесья появлялись «бульбовцы»,[16] поэтому советские и партийные работники не расставались с оружием. Туров охранял отряд моряков Днепровской речной флотилии. Когда в 1946 г. началась кампания коллективизации Западной Белоруссии, коммунистов из Турова мобилизовали. Гирш Флейтман, несмотря на свою инвалидность (потерял ногу на фронте), выезжал организовывать колхоз в район Давид-Городка. По его рассказам, было несколько случаев нападения крестьян на агитаторов с применением огнестрельного оружия.[17]

Проверка на лояльность

Переход к мирной жизни потребовал проверки тех, кто оставался на оккупированной территории. Все взрослое население Турова подвергли выборочной фильтрации. Вслед за арестом нацистских пособников, полицейских и тех, кто работал в учреждениях немецкой администрации, каждый должен был сообщить, что он делал до прихода Советской Армии.

Любое участие в работе немецких учреждений расценивалось как враждебное действие. Во внимание не принималось, что гражданское население искало заработок, чтобы прокормить себя и семью. Далеко не все, оставшиеся на оккупированной

---

[15] Л. Смиловицкий, «Семья Райхман из Турова», *Авив*, 2002 г., № 7-8, с. 20-21.

[16] См. Словарь терминов и понятий.

[17] Запись беседы с А.Г. Флейтманом 16 августа 2002 г. в Турове, Архив автора.

территории, верили в победу Красной Армии и ждали возвращения советских порядков. Многие были ожесточены коллективизацией, арестами и высылками, запретом частной инициативы, гонениями на религию. Часть молодежи Турова проявила пассивность или косвенно сотрудничала с оккупационными властями. Туровский РК ЛКСМБ, начиная с лета 1944 г., проверил десятки комсомольцев, не имевших связи с партизанами. В январе 1945 г. бюро Полесского ОК ЛКСМБ утвердило исключение из комсомола в Турове девяти человек – восьми девушек и одного юноши 1917–1923 г. р. Шесть из девяти имели среднее образование, два – среднее специальное, а один – незаконченное высшее. Только двое из девяти сохранили комсомольские билеты, а остальные их уничтожили. Все исключенные были белорусами и русскими, работали с разрешения оккупационной администрации в школе (Евгения Русая, Мария Мирончик, Степан Правило) или в столовой, прачечной, ремонтных мастерских для немецких солдат и жандармов (Галина Окулич, Наталия Шкурко, Вера Санец, Ефросинья Карась).

Наряду с ними были выявлены лица, которые сотрудничали с немцами и получали за свои услуги подарки из награбленного еврейского имущества. Наталия Кошман сообщала сведения о партизанах, отец Марии Мирончик служил старостой и был арестован НКВД, сестры Степана Правило помогали жандармам, Евгения Русая вышла замуж за полицейского, а Дарья Комар – за капитана полиции.[18]

Исключение из комсомола было только началом сведения счетов. Ряд бывших комсомольцев выслали или арестовали. Проверка не имела отношения к евреям, так как все они, застигнутые нацистами и их пособниками на оккупированной территории, погибли.

Гуманитарная помощь

Одной из первых в Туров летом 1944 г. поступила помощь от Международного Красного Креста. Это были обувь, одежда, предметы первой необходимости, собранные за границей или купленные на пожертвования. Перечень вещей дает представление о том, какой была гуманитарная помощь: тапочки – пять пар, ботинки мужские – четыре, женские пальто – пять, пиджаки мужские – 20, брюки – 20, рубахи женские – 20, рубахи верхние мужские – 15, одеяла ватные – два, штаны детские – 15, юбки детские – 20, юбки женские – 20, перчатки – 30, носки – пять, жилеты – 50, головные уборы – 20, трусы детские – 15, белье детское – 25 пар, шарфы – 10, унты – 15, полотенца – 15, куртки – 10.[19] Помощь Красного Креста по сравнению с потребностью оказалась мизерной, распределить эти жалкие крохи

---

[18] Постановление бюро Полесского ОК ЛКСМБ от 10 января 1945 г., Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее ГАООГО), ф. 703, оп. 8, д. 8, лл. 8-11.

[19] Распределение носильных вещей из фондов Красного Креста в Туровском районе 14 июля 1944 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 1, д. 13, л. 51.

так, чтобы все остались довольны, было трудно. Однако эта поддержка внушала надежду на то, что все устроится.

Государство помогало наиболее нуждающимся слоям населения. Осенью 1945 г. для 14 районов Полесской области было выделено 12 тыс. пайков детям погибших и инвалидам, семьям без кормильца, вдовам и одиноким старикам. В Туров в октябре 1945 г. было доставлено 1180 пайков, в основном продуктовые комплекты из крупы, муки и сахара, макарон и консервов. Всего продовольственные дотации в Полесской области за 1945 г. составили 150 тонн зерна и 15 тыс. пайков крупы. Из них Туровский район получил 6,4 тонны зерна, 640 пайков крупы (1280 кг) и 800 пайков сахара (640 кг).[20] В дополнение исполком Туровского района выделил желающим кредиты и строительные материалы для возведения жилья. К 20 мая 1945 г. было восстановлено 1019 домов колхозников, пущен в строй районный промышленный комбинат и некоторые общественные постройки, успешно начат весенний сев.

Совет Народных Комиссаров БССР, учитывая масштаб разрушений и потерь, летом 1945 г. принял специальное постановление «О мерах помощи Туровскому району Полесской области». Оно предусматривало поставку оборудования и материалов, горючего и продовольствия, предметов первой необходимости. Из Гомеля в Туров привезли пилораму и мини-электростанцию на 75 киловатт, 15 тонн цемента, одну тонну гвоздей, 200 кв. метров стекла. Заготзерно отпустило 20 тонн муки, Белкоопсоюз завез в Туровский район один вагон соли и одну тонну растительного масла. Райисполком Турова получил новую «полуторку» (автомашину грузоподъемностью 1,5 т).[21]

К 1947 г. в Турове при комбинате местной промышленности заработали мукомольный и мебельный цеха. Возобновил работу кирпичный завод, выдававший 40 тыс. штук кирпича в год. В 1950 г. начали строительство плодовоовощного предприятия, расширили Туровскую машинно-тракторную станцию. Восстановили городской дом культуры, открыли сельский клуб в пригородном колхозе «Новая жизнь».

Численность населения в Турове постепенно восстанавливалась. На 1 января 1958 г. в городском поселке (18 улиц и пять переулков) проживало около 6 тыс. чел. К 1 марта 1960 г. в Турове насчитывалось 948 дворов без коммунальных квартир, а вместе с деревнями Кремно и Дворец, которые слились с Туровом, – 1176 дворов.[22]

---

[20] Ведомость распределения товаров народного потребления в Туровском районе от 12 октября 1945 г., Там же, д. 28, лл. 41-42.

[21] «О мерах помощи Туровскому району Полесской области». Постановление СНК БССР от 1 июня 1945 г., Там же, д. 20, л. 217.

[22] По материалам Туровского краеведческого музея.

Послевоенные реалии

Поставки государству

Чрезвычайная экономическая помощь и гуманитарные поставки носили временный характер. Государство, давая одной рукой, отбирало другой. Во внимание не принималось реальное материальное положение людей, и сбор налогов осуществлялся в приказном порядке. Весной 1945 г. в дополнение к военному налогу (150 руб. на семью) жителей Турова обязали сдавать в государственный фонд сельскохозяйственное сырье и дары леса. Исключение составляли только семьи военнослужащих, партизан, граждан, полностью утративших имущество в годы немецкой оккупации, инвалидов войны и труда.[23] Послабление делалось не столько из гуманных, сколько из практических соображений. От семьи без кормильца или потерявшей все нажитое в огне войны нечего было взять.[24]

Заготовкам в Полесской области подлежали мясо-дичь, рыба, сельскохозяйственное и животноводческое сырье, дары леса.[25] В 1945 г. Туровский район должен был отчитаться за 2836 кг мяса, включая 2 тыс. кг зайчатины, 200 кг кабанины, 20 кг медвежатины, 100 кг рябчиков, 150 кг тетеревов, 60 кг глухаря, 100 кг куропатки, 200 кг утки, 4 кг дупеля и 2 кг вальдшнепа.[26]

Государственный план улова рыбы на 1945 г. предусматривал по девяти районам Полесской области 3950 центнеров рыбы. В Туровском районе необходимо было заготовить 300 ц рыбы. С этой целью из Турова 15 чел. командировали на курсы бригадиров рыболовства.[27]

Облпотребсоюз (председатель Благман) и Облплодовощтрест (Фридман) отвечали за сбор 1572 тонн грибов, включая 25 тонн сухих. К массовому сбору грибов рекомендовалось привлечь подростков, детей и всех, не способных к тяжелым полевым работам. Заранее готовили тару, принимали меры по своевременному вывозу и отгрузке лесного урожая. Оплату производили на месте деньгами или дефицитными товарами. Все это делалось в принудительном порядке, ответственные лица были предупреждены о строгих мерах взыскания в случае невыполнения задания.[28]

---

[23] «О проведении военного налога в сельских местностях Полесской области». Постановление Полесского облисполкома от 2 марта 1945 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 1, д. 26, л. 235.

[24] В отношении перечисленных категорий населения постановление СНК СССР от 8 февраля 1944 г. не отменяло сборы, а лишь предусматривало некоторые льготы или временную отсрочку.

[25] Приложение к постановлению СНК БССР от 5 февраля 1945 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 3, д. 19, л. 114.

[26] План на 1945 г. Полесской областной конторы «Заготживсырье» по Туровскому району, Там же, оп. 1, д. 25, л. 183.

[27] Данные Полесского облисполкома на 6 января 1945 г., Там же, л. 7.

[28] Там же, д. 28, л. 54.

Туров оказался среди районов по специализированному возделыванию махорки и табака. Всего по республике насчитывалось 37 таких районов в Барановичской, Бобруйской, Гомельской, Гродненской и Полесской областях.[29]

Государственные поставки обеспечивали занятость населения и втягивали его в сферу хозяйственной деятельности. Дары леса становились ценным дополнением к скудному рациону питания в госпиталях и рабочих столовых, помогали бороться с авитаминозом. Выполнение заготовок позволяло распространить на Туровский район средства из общественных фондов потребления. Это было чрезвычайно важно в отсутствие рыночных отношений, в условиях военного времени, господства планового хозяйства и всеобщей распределительной системы.

Разминирование

Отголоски войны еще долго сопровождали восстановление мирной жизни. Полесская область служила одним из опорных пунктов немецкой армии, и пять линий обороны были усилены минными полями в нескольких направлениях. Местность вокруг Турова осталась усеянной различными типами мин, установленных на небольшой глубине. Немецкие саперы заминировали берега рек, перекрестки дорог, подходы к мостам, просеки, опушки лесов, берега болот, приусадебные земли и отдельные строения. В пунктах, имевших особое тактическое значение, были оставлены мины-сюрпризы и фугасы. Многие из них установили на дорогах при выезде из Турова так, чтобы помешать обнаружить с помощью миноискателя, щупа и собак.[30]

На территории Полесской области с марта 1944 г. по ноябрь 1945 г. разминированием были заняты саперы Барановичского военного округа и районные команды Осоавиахима, которые обезвреживали и вывозили оставленные боеприпасы. За полтора года от мин, вооружений и другого армейского имущества удалось очистить большинство открытых участков общей площадью 22 тыс. 330 кв. км.[31]

Исключение составили минные поля в заболоченных местах и с густым травостоем. В Туровском районе не смогли сразу очистить четыре поля, в Петриковском районе – 10, Домановичском – семь, Наровлянском – один, в Василевичском, Лельчицком и Калинковичском – по два, а всего по области – 28 минных полей. Военнослужащих, отличившихся на разминировании, премировали костюмами и обувью.[32]

В течение 1945 г. свыше сорока мин-сюрпризов и несколько фугасов обезвредили минеры Осоавиахима. Несмотря на неоднократные проверки в течение ряда

---

[29] ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп.1, д. 20, л. 282.

[30] Там же, оп. 2, д. 51, л. 22.

[31] Итоги разминирования в Полесской области на 28 ноября 1945 г., Там же, л. 5.

[32] Акт комиссии Полесского облисполкома по разминированию от 27 сентября 1945 г., Там же, оп. 1, д. 28, л. 152.

лет после освобождения, случались подрывы автомашин на минах. Окончательно Туровский район был очищен от них только в 1950 г.[33]

Борьба с волками

Другой напастью послевоенного времени стали волки. За годы оккупации они расплодились в окрестных лесах в большом количестве и заставляли считаться с собой даже опытных охотников. Хищники наносили ощутимый ущерб животноводству и парализовали жизнь в безлюдных местах и ночью.

Борьба с волками была поставлена в разряд приоритетных задач. В декабре 1944 г. СНК БССР поручил организовать 20 постоянно действующих бригад по их отстрелу, чтобы к концу 1945 г. истребить не менее трех тысяч хищников. Стоимость шкуры взрослого волка или волчицы оценивалась в 300 руб., волчонка – 150 руб. За выводок не менее трех волчат и волчицы платили 1500 руб. Охотникам, сдававшим волчьи шкуры сверх спущенного плана, выдавали премии.

Народный комиссариат торговли республики дополнительно отпускал заготовщикам волчьих шкур из местных фондов товары повышенного спроса: хлопчатобумажные ткани, керосин, табак, чай, соль и мыло. В виде исключения охотникам разрешили продавать ликероводочные изделия по государственным ценам из расчета: за взрослого волка и волчицу – три литра, волка-щенка – два, волчьего гнезда – пять литров.

Зимой 1945 г. Полесский облисполком дал поручение Туровскому району истребить 20 волков, в том числе 12 молодых.[34] Всего за 1945 г. по Полесской области было истреблено 300 волков, включая 120 старых и 180 молодых.[35]

Дороги

Восстановлению Турова препятствовало состояние путей сообщения. Это была застарелая нерешенная проблема, которую война обострила. Осенью и весной дороги становились непроезжими. Туровская грязь особая: жирная и глинистая. Бездорожье парализовывало всю жизнь в районе. Лишь некоторые учреждения располагали служебным автотранспортом: у больницы была машина скорой помощи, колхозы имели по одному или два грузовых автомобиля, а их председатели – «газик»[36].

---

[33] Там же, оп. 2, д. 106, л. 2.

[34] План истребления волков по Полесской области на 1945 г. Приложение к постановлению Полесского облисполкома от 19 января 1945 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 1, д. 26, л. 81.

[35] «О мероприятиях по истреблению волков на территории Белорусской ССР». Постановление СНК БССР от 29 декабря 1944 г., Там же, д. 9, л. 353.

[36] *«Газик» (разг.)* - вездеходный легковой автомобиль марки ГАЗ (Горьковского автомобильного завода).

Пассажирский транспорт отсутствовал. Единственная постоянная связь осуществлялась почтой. В любую погоду из Житковичей до Турова следовала машина, которую сопровождал почтовый экспедитор Костя Демидюк. За мзду он брал пассажиров, которых усаживал поверх коробок и мешков. В Борки переправлялись через Припять на пароме. По ту сторону реки поджидала телега, на которой перевозили почту. Далее нужно было идти пешком от шести до восьми километров. Поездка в плохую погоду могла растянуться на сутки. Весной Припять разливалась настолько, что с трудом угадывался противоположный берег, казалось, это море. Весной лед таял, оседал, покрывался лужами. «Переправщики» предлагали за определенную плату высокие сапоги, которые требовали оставить в Борках. Это была опасная дорога – можно угодить под лед и не выбраться. Но люди шли – при Сталине за опоздание на работу могли посадить. Полностью река замерзала редко.[37]

Обратно в Туров

Евреи приняли активное участие в восстановлении родного города. Они часто получали предпочтение, поскольку их нельзя было заподозрить в сотрудничестве с нацистами в годы оккупации. Партийные органы опирались на довоенные кадры, знавшие местные условия и проявившие себя в годы войны. Пережив трагедию геноцида, пройдя испытание фронтом, евреи были преданны советскому государству и с готовностью откликнулись на его призыв. Соня Храпунская вернулась в Туров летом 1944 г. и стала работать секретарем Туровского районного суда (1944–1945), а потом заведующей отделом кадров, общим отделом и специальной (секретной) частью Туровского райисполкома (1945–1953).[38]

Арон Хазан, комиссованный после тяжелого ранения на фронте, уехал к месту эвакуации родных в Среднюю Азию. В декабре 1944 г. его пригласили секретарем в Туровский райисполком. Вслед за ним вернулись фронтовики Соломон Городецкий, Израиль Гительман, Евсей Лельчук, Гирш Флейтман и др. Гительман стал председателем плановой комиссии райисполкома, Лельчук – заведующим торговым отделом. Флейтману как довоенному партийному работнику поручили организационный отдел РК КП(б)Б.[39]

Со временем в Туров вернулись несколько десятков еврейских семей. Одни занялись постройкой домов на пепелище, а другие предпочли уехать. Каждая семья переживала боль невосполнимой утраты. В Турове хорошо знали бедную многодетную семью сапожника Старобинского. На фронте погибли его старший брат и сыновья Гирш и Юдл. У Гедалии Шустермана было шесть сыновей, кото-

[37] Запись беседы с Израилем Берманом (1929-2003 гг.) 23 августа 2000 г. в Иерусалиме, Архив автора.

[38] Письмо С.Л. Храпунской от 9 мая 2002 г. из Беэр-Шевы (Израиль), Там же.

[39] Письмо А.А. Хазана от 5 февраля 2003 г. из Миннетонки (Миннесота, США), Там же.

рых в шутку звали «Гедалис полк». Из них четверо не вернулись, остались только старший и самый младший. Жена Шустермана попала в эвакуации под поезд, и ей ампутировали ногу. Туровцы горько шутили, что от «полка Гедалии» осталась только одноногая Этл.[40]

В Турове жили Храпунские, Гоникманы, Гоберманы, Зарецкие, Лельчуки и некоторые другие еврейские семьи. Абрама Флейтмана (родного брата Григория Флейтмана) выбрали председателем колхоза, который вскоре вышел в передовые по Туровскому району. Шлейме Рейдер, один из первых комсомольских и партийных вожаков Турова, стал заведующим комбината местной промышленности, Лазарь Храпунский – директором раймаслопрома.

В Туров приехали евреи, которые не жили здесь до войны. Из Гомеля переселились Эсфирь и Ефим (Хаим) Альберсон. Эсфирь начала работать в секретариате средней школы, а ее муж заведовал городской библиотекой (1954–1972). В Турове поселились парикмахер Семен Дворкин, гинеколог Дора Портман и главный врач туровской районной больницы Мария Гаривадская. В средней школе работали учителя Елизавета Марковна Шейко, Раиса Израилевна Кац, Дора Моисеевна Гуркова и Дарья Иосифовна Финберг.[41]

Люди жили надеждой на будущее. Власти следили, чтобы в магазины вовремя завозили товары первой необходимости, а на остальное у большинства денег не было.

Формально национальный состав жителей Турова находил отражение в структуре выборных должностей. Евреи насчитывали здесь после войны немногим более 150 чел., но пропорция в выборные органы строго соблюдалась. В районный Совет депутатов дважды избирали Израиля Бермана и Григория Флейтмана. Первый секретарь Туровского района Жданко настойчиво предлагал Берману стать главным врачом района, но тот предпочел остаться заместителем главврача по лечебной части.

Были в Турове и свои авантюристы. Лева Шнайдман перед войной работал в районной санитарно-эпидемиологической станции, разносил средство борьбы с малярией – акрихин.[42] Будучи инвалидом детства, он хромал и не подлежал мобилизации. В Ташкенте Шнайдман сфабриковал документы об окончании медицинского института и после освобождения Белоруссии объявился в Минске, но уже как участник войны, с орденами и медалями. Лева купил диплом кандидата медицинских наук и стал одним из руководителей аптечного управления республики. Его посылали в командировки в разные уголки страны. Он завозил медикаменты, распределял трофейное оборудование и лекарства. Разоблачили Шнайдмана в 1945 г., когда он приехал в Туров с канистрой спирта, угощал, читал

---

40 Запись беседы с Израилем Берманом 13 августа 2000 г. в Иерусалиме, Там же.

41 См. Список еврейских семей, проживавших в Турове после 1945 г., в Приложении к книге.

42 Акрихин, в отличие от хинина, готовили химическим путем; при необходимости его можно было использовать и как красящее средство.

лекции. Нашлись люди, которые помнили его. Самозванца арестовали и осудили, но за примерное поведение срок уменьшили, и скоро он вышел на свободу.[43]

Возврат имущества

В Турове не уцелело ни одного еврейского дома. Жизнь нужно было начинать заново, и любое сохранившееся имущество являлось большим подспорьем. Порой оно становилось предметом споров, которые решали по суду. Приходилось заново доказывать свои права, хотя главными претендентами на еврейскую собственность, как правило, оказывались соседи, жившие бок о бок многие годы. Чинились препятствия наследникам тех, кто был расстрелян нацистами, погиб на фронте или пропал без вести.

Однако не всегда дело кончалось мирно. Корову Берманов зарезал крестьянин Голод из деревни Науть, когда узнал, что ее потребовали обратно. Берманы подали в суд, но ничего не добились. Сын Голды-Эстер, Миша, вернувшись из эвакуации, застал в своем доме ветеринарного врача Холодовца с семьей. Ветеринар, нецензурно ругаясь, бросился на Мишу с топором, угрожая зарубить. Однако тот не испугался и выкрутил обидчику руку. Через некоторое время самозванцы покинули «спорный» дом.[44]

Гершул и Сульке Гоберман узнали на одном парне костюм сына Самуила, погибшего на фронте.[45] Костюм купили перед самой войной, и юноша успел надеть его только раз. У Гоберманов на руках оставалось трое малых детей, они мерзли. Сульке пошла к родителям парня и сказала, что претензий не имеет, что была война и все пострадали, попросила только одеяло и подушку, но получила отказ. Через семь лет в этой белорусской семье умер сын, потом второй. Остался самый старший, Александр, женатый. Напуганная мать прислала к Гоберманам дочь просить прощения. Она думала, что ее проклинают, и поэтому дети умирают. Сульке сказала: «Пусть не волнуется, я знаю, что такое ребенок для матери. Я не кляла». Александр стал председателем колхоза в деревне Запесочье и «крепко помогал» Гоберманам. Подобное участие было далеко не лишним – пенсия Гершула составляла всего 6 руб. в месяц, и они жили тем, что смогли вырастить на приусадебном участке.[46]

---

43 Запись беседы с Израилем Берманом 30 августа 2000 г. в Иерусалиме, Архив автора.

44 Там же.

45 Самуил Гоберман (1923-1944 гг.) - командир взвода истребителей танков (ПТР), капитан, трижды ранен, погиб при взятии Витебска; его брат Илья Гоберман (1926 г. р.) служил в артиллерии, прошел всю войну, живет в Израиле.

46 Leonid Smilovitsky, «Struggle of Belorussian Jews for the Restitution of Possessions and Housing in the First Post War Decade», *East European Jewish Affairs*, vol. 30, No 2, Winter 2000, pp. 53-70. http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/restitution.htm

Предпочли другие города Белоруссии

Большинство довоенных еврейских семей из Турова отдали предпочтение Мозырю, Бресту, Пинску, Гомелю или Минску. Одним из наиболее привлекательных считался Мозырь как центр Полесской области. Там можно было скорее найти работу – пойти на фабрику или завод, устроиться в речной порт, административные и общественные организации. Имелось больше возможностей получить квалифицированную медицинскую помощь, вести культурную жизнь, продолжить образование в медицинском и педагогическом техникуме, учительском институте.

После войны в областной центр вернулись довоенные партийные и советские работники-евреи. В 1945 г. в числе руководящих кадров Полесской области оказались: Кац – заместитель председателя облисполкома, Фишкинд – начальник статистического управления, Гоникман – начальник пищеторга, Шапиро – заведующий плановой комиссией облисполкома, Куперман – заведующий районным земельным отделом, Бродерзон – начальник областного аптечного управления, Благман – председатель областного отделения Союза потребительской кооперации, Фридман – директор Облплодовощтреста и ряд других.[47]

Второе место по привлекательности занимал Пинск, который сравнительно мало пострадал в годы оккупации. В него из Турова потянулись в первую очередь те, кто имел там родных или нашел работу по специальности. Айзик Шифман устроился в торговле, Шифра Шик – главным бухгалтером в Пинский учетно-кредитный техникум, Залман Гренадер – слесарем судоремонтного предприятия на верфь, Айзик Глинер – старшим товароведом, Хаим Лейтман – ветеринарным врачом на мясокомбинат, Рива Лейтман (Зильберман) – учительницей в детский дом, Григорий Шифман – помощником начальника транспортного агентства, Шева Гарбуз (Флейтман) – поваром, Леонид Шмуц – начальником связи на комбинат верхнего трикотажа, Залман Вагер – преподавателем в педагогическое училище Пинска и др.

Все они сохранили память о Турове, посещали родных и друзей, оставшихся в бывшем местечке, интересовались его новостями и перспективами.

Остались в армии

В Туров после войны не вернулась часть бывших жителей – те, кто служил в Советской Армии и остался в ее рядах. Лучшим примером являются братья Гоникманы – Владимир, Даниил и Михаил. Накануне войны все они окончили Минское пехотное училище и храбро сражались на фронте.

Владимир (1919 г. р.), полковник, воевал на Сталинградском фронте, начальник

---

[47] ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 3, д. 26, л. 57.

штаба 15-й гвардейской стрелковой дивизии 34-го стрелкового корпуса, участник встречи советских и американских войск на Эльбе, представлен к званию Героя Советского Союза за участие в форсировании Одера. После войны служил заместителем военного комиссара Винницкой области, начальником штаба гражданской обороны Винницы; эмигрировал в США (1991).[48]

Даниил (1920–2006 гг.), майор, воевал на Карельском и 1-м Украинском фронте, прошел с боями Германию, Чехословакию и Австрию, уволился в запас (1955), работал инструктором Житковичского райкома партии, в газете *Новое Полесье*, преподавал в профессионально-техническом училище, возглавлял районную организацию ветеранов и инвалидов второй мировой войны.[49]

Михаил (1924–1994 гг.), капитан, три раза выходил в рейд по тылам противника, начальник разведки 302-го гвардейского стрелкового полка, участник освобождения Белоруссии, Венгрии, Австрии, Чехословакии, демобилизовался (1947) и жил в Щекино на Украине.[50]

Яков Гоникман (1925 г. р.), однофамилец братьев Гоникманов, подполковник, воевал в составе 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского фронтов, встретил победу в Кенигсберге; окончил исторический факультет Калининградского педагогического института, уволился в запас (1972); эмигрировал в США (1997).[51]

Лев Гоберман (1892–1959 гг.), генерал-майор, начальник ветеринарного отдела Северо-Кавказского военного округа (1939–1941), Юго-Западного и Волховского фронтов, заместитель начальника ветеринарного управления Советской Армии (1942–1949), жил в Москве.[52]

Анатолий (Нафтоли) Зарецкий (1923 г. р.), полковник, окончил второе Ростовское артиллерийское противотанковое училище (1942), командир взвода батарей 76-мм орудий 694-го стрелкового полка 383-й стрелковой шахтерской Феодосийско-Бранденбургской дивизии, ко времени увольнения в запас (1966) занимал должность

---

[48] Владимир Гоникман - кавалер 32 правительственных наград, включая три ордена Отечественной войны, два ордена Боевого Красного Знамени, «Legion of Merit» (США), медали Польши и Чехословакии, *Новое русское слово* (Нью-Йорк), 30 мая 1995 г.

[49] Даниил Гоникман - кавалер двух орденов Отечественной войны 1-й ст., ордена Красной Звезды, награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья», *Новае Палессе* (Жыткавічы), 1 ліпеня 2000 г.

[50] Михаил Гоникман - кавалер двух орденов Отечественной войны, ордена Красной Звезды и трех орденов Шахтерской славы, *Щёкинский вестник*, 23 июня 1994 г.

[51] Яков Гоникман - кавалер орденов Отечественной войны 1-й и 2-й ст., ордена Красной Звезды, награжден медалями «За взятие Кенигсберга», «За освоение целины», «Ветеран Вооруженных Сил СССР», М. Лейбельман, «Боль тысячелетнего Турова», *Каскад* (США), 2004 г., № 13, с. 14.

[52] Лев Гоберман - кавалер орденов Ленина, двух орденов Боевого Красного Знамени, Отечественной войны 1-й ст., Красной Звезды, похоронен в Москве, *Еврейская Российская энциклопедия*, Москва 1994 г., т. 1, с. 330; Ф.Д. Свердлов, *Евреи – генералы Вооруженных Сил СССР*. Краткие биографии, Москва 1993 г., с. 70.

начальника штаба ракетной части стратегического назначения; репатриировался в Израиль (1992).[53]

Меир Марголин (1923 г. р.), майор, военный юрист; окончил 2-е Бердичевское пехотное училище в Актюбинске, воевал на Сталинградском фронте, тяжело ранен (1942), окончил юридический институт в Ташкенте; старший юрист управления штаба Туркестанского военного округа (1952–1990); репатриировался в Израиль (1992).[54]

Беез (Борис) Рехтман (1920–1988 гг.), полковник медицинской службы, главный хирург военного госпиталя на острове Сахалин Дальневосточного фронта (1945 г.), выпускник двух военных академий, доктор медицинских наук, профессор, жил в Махачкале (Дагестанская АССР).

Абрам Розенфельд (1925 г. р.), майор медицинской службы, окончил Киевскую военно-морскую школу специального назначения, затем Военно-морскую медицинскую академию в Ленинграде, служил начальником медицинской службы бригады торпедных кораблей (1950–1955) и флагманским врачом морской бригады (1960–1971). После увольнения в запас работал врачом поликлиники Красногвардейского района в Ленинграде; репатриировался в Израиль (1991).

Эти люди никогда не забывали малую родину и сохранили в памяти теплые воспоминания о детстве, друзьях, школе и родном доме. Все они изредка, но посещали Туров, к которому никогда не становились равнодушными. Большинство из них передали это чувство своим детям.

Не вернулись из эвакуации

После войны целые семьи предпочли остаться в местах эвакуации. В Турове их никто не ждал, родные были убиты нацистами, и даже места захоронений остались неизвестными. Пепелище угнетало и не давало начать жизнь заново.

Софья Глозман пережила эвакуацию в Сталинабаде Таджикской ССР. Работала в краеведческом музее, а потом окончила физико-математический факультет Северо-Осетинского педагогического института и преподавала математику в средней школе Орджоникидзе (Владикавказа).[55] Судьба собрала в этом городе часть родни Софьи – бабушку Ципу Ошеровну, папу Гирша, дядю Симона с семьей, тетю Вихну с мужем

---

[53] Анатолий Зарецкий имел 28 наград, включая два ордена Боевого Красного Знамени, три ордена Отечественной войны 1-й и 2-й ст., орден Красной Звезды; две медали «За боевые заслуги», а также награды США, Польши и Израиля, *Слово инвалида войны*. Журнал Союза воинов и партизан, инвалидов войны с нацистами (Иерусалим), 1994 г., № 4 (август), с. 67.

[54] Меир Марголин - кавалер ордена Отечественной войны 1-й ст., награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда»; председатель Комитета ветеранов второй мировой войны - борцов с нацизмом района Неве-Шаанан г. Хайфы (с 1995).

[55] Софья Глозман репатриировалась в Израиль в 1993 г.

и детьми, тетю Эсю с сыновьями, тетю Полину с семьей. В Орджоникидзе жили двоюродные братья и сестры Гирша с семьями. В Киеве обосновался брат Гирша Глозмана – Шая, в Харькове – его сестра Итке, брат Файвель погиб на фронте. По вечерам они все часто собирались у бабушки Ципы, у которой единственной был телевизор – большая редкость по тем временам. Несмотря на то, что в Турове были прожиты трудные годы, старшее поколение вспоминало довоенную жизнь в нем с ностальгией.

По стопам Гирша пошли его дочь Мира и внук Марк. Они окончили математический факультет государственного университета Северо-Осетинской АССР, а тетя Полина и ее сын Марк – факультет иностранных языков. Двоюродные братья и сестры Сони Глозман стали педагогами: математиками – Лия Злотник, Фира Хинич, Мила Русанова, химиками – Лева Шнайдман, Люда Фраймович и ее дочь Лина. Михаил Глозман стал доктором филологических наук, профессором. Есть в родне Глозманов врачи, инженеры, железнодорожники, водники.[56]

Райхманы после войны остались в Славутиче Хмельницкой области на Украине. Григорий выбрал горный техникум во Львове, сестра Хана – там же техникум общественного питания, Соня – Гомельский финансовый техникум. Гриша после окончания техникума работал на шахте «Осиновка» в Донецке (Сталино).[57]

Пинхас Голин после тяжелого ранения под Варшавой в январе 1945 г. попал в госпиталь, а после выздоровления приехал к семье, которая была эвакуирована в Махачкалу. В 1951 г. он окончил ветеринарный факультет сельскохозяйственного института, защитил кандидатскую диссертацию, возглавлял ветеринарное управление Министерства сельского хозяйства Дагестана, а в 1969–1989 гг. работал заместителем директора НИИ ветеринарии Дагестанской АССР.[58]

Бейныш Шифман после демобилизации остановился у родственников в Орджоникидзе. В маленькой полуподвальной комнатке ютились восемь человек. Бейныш сначала работал заведующим складом обувной артели, а в 1950 г. осуществил свою мечту профессионально заняться фотографией. С годами он стал признанным мастером, был удостоен звания «Мастер – фотограф высшего класса», диплома «Мастер – золотые руки» Северо-Осетинской АССР. Бейныш делал портреты видных деятелей культуры и искусства, кино и театра, работал много и плодотворно, пока в 1994 г. не ослеп.[59]

[56] Младшее поколение Глозманов родилось в Израиле, куда репатриировались их родители в начале 1990-х годов: Зоар, Деми, Рон, Лиат, Дженни, Дана, Дан, Михаэль и Михаль.

[57] Григорий и Соня репатриировались в 1990 г. в Израиль, у Григория родились внучка Михаль и внук Соломон.

[58] Пинхас Голин репатриировался в Израиль в 1990 г., два его сына работают врачами, внук Илья и внучка Сима служили в Армии обороны Израиля.

[59] Бейныш Шифман (1923-1996 гг.) похоронен во Владикавказе.

На учебу за пределы Турова

После войны Туров оставляла молодежь, отправлявшаяся на учебу. Гриша Бидман поступил в Пинский учительский институт (1953), работал завучем семилетней школы в Тонеже Туровского района и директором вечерней школы в Мозыре (1957–1991).[60] Сеня Чечик после окончания Белорусского политехнического института был назначен начальником диспетчерской службы Брестского районного энергетического управления (1961–1995).[61]

Арон Флейтман поступил на исторический факультет growинститута имени Герцена в Ленинграде. В 1954 г. его рекомендовали в аспирантуру, но райком комсомола послал в Алтайский край для участия в кампании по освоению целины. В сентябре 1955 г. Арона призвали в Советскую Армию, экстерном он сдал экзамены за военное училище и стал офицером. В 1957 г. командование предложило Флейтману поступать в Высшее инженерно-зенитное ракетное училище под Минском (ВИЗРУ), но он отказался. После увольнения в запас Арон стал инспектором районного отдела народного образования в Турове. Однако стоило вступить в КПСС, как его направили в Букчу, за 70 км от Турова, а через два года перевели в Хвоенск. Только в 1969 г. Арон вернулся в Туров, где проработал завучем СШ № 1 до ухода на пенсию в 1992 г.[62]

Наум Перкин стал известным литературоведом, доктором филологических наук, профессором (1965). Работал в Институте литературы Академии наук БССР, написал книги: «Аркадий Кулешов», «Творчество Петруся Бровки», «Пути развития белорусской советской литературы 1920-30 гг.», «В семье братских литератур», «Национальное и интернациональное в литературе», «Человек в советском романе», участвовал в подготовке учебников для 9–10 классов средней школы (с Ю.С. Пширковым) «Беларуская савецкая літаратура» и автобиографических повестей «Как я стал партизаном» (1979), «Мальчик из местечка» (1981), удостоен звания лауреата Государственной премии Белоруссии имени Якуба Коласа (1980).[63]

В 1962 г. в Белорусской ССР было принято новое административно-территориальное деление, в соответствии с которым Полесскую область упразднили и центр Туровского района перенесли в Житковичи. Туров утратил свое центральное значение и превратился в городской поселок. Это стало одной из причин оттока немногочисленных остававшихся еще в нем евреев, потерявших работу. Общая численность населения в Турове снизилась с 6 тыс. жителей в 1958 г. до 4800 чел. в 1971 г.[64]

[60] Письмо Г.А. Бидмана от 23 апреля 2003 г. из Кармиэля (Израиль), Архив автора.

[61] Письмо С.И. Чечика от 15 мая 2005 г. из Беэр-Шевы (Израиль), Там же.

[62] Запись беседы с А.Г. Флейтманом 16 августа 2002 г. в Турове, Там же.

[63] Наум Соломонович Перкин (1912-1976 гг.) похоронен в Минске.

[64] По материалам Туровского краеведческого музея.

Соблюдение еврейской традиции

В Полесской области в начале 1946 г. действовали 22 церкви, пять синагог, 15 молитвенных домов евангельских христиан-баптистов; еврейские молитвенные дома появились в Мозыре, Калинковичах, Петриковском районе, Брагине и Хойниках.[65] Богослужение вели 20 православных священников, 15 пресвитеров и два раввина.[66] Однако власти согласились признать только две из пяти иудейских религиозных общин – в Мозыре и Калинковичах.[67]

Миньян

Отстроить синагогу и зарегистрировать общину в Турове возможности не было, вместе с тем официального запрета собираться для молитвы в частном доме тоже не существовало, и верующие организовали миньян без постоянного адреса. Власти с неодобрением наблюдали за ним, но запретить не решались. Старики доказывали, что молитва, обращенная к Богу, утешает их в горе после гибели родных. Для государственных служащих, членов партии и учащейся молодежи соблюдение традиции считалось предосудительным шагом и расценивалось как проявление нелояльности к существующему строю.

Весной 1946 г. А.П. Кишкурно, уполномоченный Совета по делам религиозных культов (СДРК) по Полесской области при Совете Министров БССР, докладывал в Минск, что верующие совершают обряды в частных домах. Официально оформить миньян не представлялось возможным, поскольку инструкция оговаривала как обязательное условие отдельное помещение, которого не было.[68] Власти оказывали постоянное давление на верующих, не регистрировали их общины, закрывали действовавшие культовые учреждения. В Хойникском районе в 1947 г. была закрыта синагога под предлогом отсутствия регистрации в установленном порядке.[69]

В Турове первый послевоенный миньян собирался на квартире у Сроила-Меира Глозмана. Как правило, это происходило на праздники и в субботу. Молились рано утром, вдалеке от людских глаз. Миньян посещали: сапожники Мейшл Борухин, Файвель Флейтман, портные Абрам Гольдшмидт и Шлейме Райхман, кузнец Лазарь Храпунский, плотник Мотл Лельчук, лодочник Меир Коробочко, заготовители Яков

---

[65] ЗГА в Мозыре, ф. 596, оп. 1, д. 1, л. 26.

[66] Сведения о церквах и других религиозных культах по Полесской области за 1946 г., Там же, д. 3, л. 2.

[67] Две названные общины обслуживал раввин Залман Липманович Глуховский (1873-1949 гг.), который окончил иешиву в Бобруйске в 1909 г.

[68] Письмо уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Полесской области А.П. Кишкурно К.А. Уласевичу от 30 марта 1946 г., ЗГА в Мозыре, ф. 596, оп. 1, д. 2, л. 6.

[69] Там же, д. 5, л. 19.

Флейтман и Залман Рышкин, извозчик Симха Выгонский, служащий сплавконторы Пинхус Лельчук, работники торговли Йосель Зарецкий и Айзик Лайхтман, заведующий складом райзаготконторы Ешка Чечик, работник дома быта Гирш Кузнец, завскладом райпотребсоюза Айзик Фридман и др.

Обрезание

Одним из наиболее нетерпимых проявлений традиции, с точки зрения властей, было обрезание. Молодые родители в основном шли навстречу настойчивым просьбам дедушек и бабушек и соглашались провести обряд. Своего моэля в Турове не было, и туровцам помогал в этом Мордух Фридман, приезжавший из Пинска. Когда у Иды Гохман (Левицкой) 9 мая 1947 г. родился первый сын Семен, то через две недели в Гомеле ему тайно сделали обрезание. В сентябре 1948 г. родился второй сын Яша. К этому времени Ефима Левицкого, мужа Иды и отца ребенка, приняли кандидатом в члены ВКП(б). Однако родственник Гохманов – Хаим Перцовский совершил обряд *брит-мила*. Хаима сняли с работы и исключили из партии, а от Ефима потребовали написать заявление о том, что «проступок» случился без его ведома, по инициативе жены и тещи. В 1954 г. у Гохманов родился третий сын Иосиф, которого уже побоялись обрезать. Трудно было собрать миньян, люди были напуганы и не соглашались участвовать в обряде.[70]

Эсфирь Альберсон в 1947 г. свозила из Турова в Гомель новорожденного сына Леву, где ему сделали брит-мила, втайне от мужа-коммуниста, по настоянию своих родителей – Моисея и Паи Зисманов. Муж Хаим категорически возражал, а когда его поставили перед фактом – чуть не дошло до развода. Факт обрезания Альберсонам долго удавалось скрывать. Под большим секретом подобным образом поступили Яков Флейтман и Соня Храпунская, которые обрезали своих детей Шая (1947 г. р.), Тевье (1949) и Моисея (1958), пригласив из Пинска моэля Мордуха Фридмана. В Турове после войны обрезание сделали Сене и Володе Чечикам, Мише Лайхтману, Семену Глинеру и др.[71]

Маца

Маца на Песах в Турове открыто на столе не лежала. *Седер* проводили при закрытых дверях, мацу называли «вафельками». Ее пекли, как правило, у Сроил-Меира, где собирался миньян. Эсфирь Альберсон и другие женщины ходили туда

[70] Дети Иды Левицкой - Яша и Софья эмигрировали в 1989 г. в США, а Семен и Иосиф остались в Белоруссии - Гомеле и Бобруйске. По предложению раввина Райзмана в Бруклине Иде и Ефиму поставили *хупу*.

[71] Письмо Софьи Храпунской от 9 мая 2002 г. из Беэр-Шевы (Израиль), Архив автора.

раскатывать тесто.[72] На Песах маца всегда была у Гохманов, Зарецких, Лельчуков, Гоберманов, Храпунских, ее привозили из Пинска, Давид-Городка, Бреста, Минска или Ленинграда.[73]

С соблюдением кашрута было еще труднее, потому что резники находились только в Мозыре, Пинске и Бресте. Молодежь не видела в этом необходимости и не собиралась себя ограничивать в соответствии с национальной традицией.

Хевра кадиша

Еврейского похоронного братства после войны в Турове не существовало. Несмотря на это, на еврейском кладбище в урочище Казаргать с соблюдением еврейской традиции предали земле Хасю Лельчук и ее дочь Двошке, Элю Флейтмана, Шлейме Райхмана, Исаака Гительмана, Исаака Гоникмана, Сроила-Меира Глозмана, Берла Храпунского, Айзика Лайхтмана, Рахель и Малку Клугерман, Эстер Гоникман и др.

Гонения на верующих

До 1952 г. местные советские органы взимали налог с домовладельцев, которые сдавали жилплощадь евреям для религиозных нужд, что, по существу, легализовало эти группы. Впоследствии такая практика была отменена как нарушение Закона о религиозных культах.[74] Исполкомы Советов прекратили облагать налогом миньяны и закрыли их. После этого верующие начали организовывать встречи нелегально. Миньяны собирались в Гомеле, Жлобине, Рогачеве, Речице, Калинковичах, Мозыре. В Турове верующие приходили на молитву к Меиру Гоникману.[75]

До середины 50-х годов за соблюдение иудейской традиции могли обвинить в антигосударственной деятельности. В апреле 1952 г. арестовали кладовщика Иосифа Гизунтермана.[76] Прокуратура потребовала осудить его на пять лет ИТЛ

---

[72] Письмо Эсфирь Моисеевны Альберсон от 6 октября 2002 г. из Ашкелона (Израиль), Там же.

[73] Письмо Иды Гохман (Левицкой) от 17 июня 2004 г. из Бруклина (США), Там же.

[74] Закон требовал проводить собрания верующих только в официально зарегистрированных общинах и местах.

[75] Докладная записка К.А. Уласевича «О прохождении религиозных еврейских праздников Нового года (Рош hа-Шана), Судного дня и Кущи среди евреев Гомельской области в 1954 г.» секретарю Гомельского ОК КПБ З.М. Голодушко и председателю Гомельского облисполкома В.Е. Лобанку, ГАООГО, ф. 144, оп. 61, д. 73, л. 100.

[76] Иосиф Давыдович Гизунтерман (1895-1964 гг.) - уроженец д. Озераны Туровского района, получил традиционное еврейское воспитание, проживал в г. Электросталь Московской области, работал в электромонтажной конторе, посещал миньян на квартире Якова Фридмана.

с конфискацией имущества, но в июне 1953 г. дело было переквалифицировано с политической на уголовную статью, и в июле Иосифа освободили по амнистии, а в мае 1956 г. реабилитировали.[77]

Среди участников миньяна в Турове преобладали люди старше 55 лет, молодежи было мало. В сентябре 1956 г. на молитву, посвященную Рош hа-Шана, пришли те, кто не опасался преследований со стороны властей.[78] Каждый случай фиксировался. Зимой 1960 г. начальник управления КГБ при СМ БССР по Гомельской области Золотаренко докладывал секретарю Гомельского ОК КПБ И.Е. Полякову, что миньян в Турове регулярно посещали члены КПСС Эфроим Юделевич Шифман (1893 г. р.), Айзик Борисович Лайхтман (1896 г. р.) и Лазарь Зеликович Храпунский (1902 г. р.).[79] Эти люди были давно не у дел, поэтому стариков уязвить было трудно.

Проявления антисемитизма

Обвинения евреев в трусости, неумении и нежелании воевать, стремлении любыми путями задержаться в советском тылу преследовали выходцев из Турова в армии и гражданской жизни.

Залману Гренадеру, слесарю Пинского судоремонтного завода, говорили, будто евреи воевали на «пятом» Украинском фронте (не существовавшем) или под Ташкентом.[80] Гренадер оставался беспартийным и не имел служебного роста. На все упреки в адрес евреев предпочитал отвечать шуткой, в дискуссию не вступал. В результате переживаний Гренадер перенес четыре операции на сердце.

По свидетельству Арона Флейтмана, в Турове угольки антисемитизма тлели подспудно. Отношения евреев с белорусами и русскими, поляками и украинцами были терпимыми, хотя в пылу спора можно было услышать – «жидовская морда». Израиль Берман, заместитель главного врача Туровского района, по его словам, не встречал проявлений антисемитизма – больные нуждались в профессиональной помощи. Однако Берман не мог и подумать о соблюдении еврейской традиции, а дочери и сыну при рождении дал русские имена. В 1961 г. Берман присутствовал в Турове на свадьбе дочери Шлёмы (Соломона) Рейдера, бывшего директора местной машинно-тракторной станции. Девушка выходила замуж за своего однокурсника – Хельмара из ГДР. По совету Израиля Бермана Хельмар заявил гостям, что кается от имени своего народа за ужасные

[77] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф. 10035, оп. 1. д. П-16242.

[78] Докладная записка уполномоченного СДРК по Гомельской области Степанова от 8 сентября 1956 г., ГАООГО, ф. 144, оп. 60, д. 159, л. 144.

[79] Письмо Золотаренко Полякову от 18 января 1960 г., Там же, оп. 99, д. 50, л. 44.

[80] В годы советско-германской войны через Ташкент прошли около 100 тыс. еврейских беженцев и эвакуированных, что послужило основанием для антисемитских домыслов.

преступления нацистов перед евреями и обещает, что молодая жена не будет знать ни в чем отказа.[81]

Абрама Розенфельда в 1945 г. как отличника учебы направили в Ленинградскую Военно-морскую медицинскую академию. Там он встретил среди слушателей около 20 офицеров-евреев, принятых в первые послевоенные годы. Вскоре подход к комплектованию учебных коллективов был изменен, и начиная с 1948 г. ни одного еврея в Военно-морскую академию не принимали.[82]

Анатолий Зарецкий отмечал, что обиднее всего, когда навет исходил от товарищей по оружию. В 1943 г. на фронте один из сослуживцев усомнился в еврействе Зарецкого: «Таких евреев не бывает!» В 1945 г. капитан Зарецкий сопровождал командира 383-й стрелковой дивизии генерала Шугаева. На строевом плацу генерал позволил себе антисемитский анекдот, после чего Зарецкий отрапортовал: «Товарищ гвардии генерал-майор танковых войск, капитан Зарецкий по национальности еврей!» Когда генерал не поверил, Анатолий предъявил служебное удостоверение, и Шугаев ретировался.

Зарецкий командовал взводом батарей 76-мм орудий 694-го стрелкового полка в течение 11 лет и дослужился до майора, но дальше продвижения не было. Осенью 1945 г. он подал рапорт о демобилизации, но получил отказ. В особом отделе дивизии Анатолию ответили, что претензий к нему нет, а отсутствие продвижения по службе – компетенция начальства. Командующий 8-й гвардейской армией В.И. Чуйков на рапорте Зарецкого об увольнении в запас написал: «Молодой, грамотный офицер, прошел всю войну, награжден многими орденами и медалями – оставить в кадрах Советской Армии».[83]

Смена фамилий

Политика государственного антисемитизма вынудила многих евреев отказаться от традиционных имен. Назвать сына Израиль, Абрам, Самуил, Исаак, а дочь – Сара, Рахель или Хава означало обречь их на неприятности и искусственные препятствия. У еврейских мальчиков и девочек из Турова появились «адаптированные» славянские имена: Тайба стала Таней, Бейныш и Борух – Борисами, Хаим – Ефимом, Моисей – Мишей, Голда – Галей, Арон – Аркадием, Рахмиэль – Милей, Соломон – Семеном, Гирш – Григорием, Ентл – Еленой, Ошер – Иосифом, Ривл (Ривка) – Ривой, Израиль – Сергеем или Игорем и т. д.

Иногда вмешивался случай. Геню Рехтман (1926 г. р.) в Махачкале, куда семья попала в составе эшелона с эвакуированными из Турова осенью 1941 г., при выдаче повторной метрики записали как Геннадию. В местном ЗАГСе сделали такую

---

[81] Запись беседы с Израилем Берманом 23 августа 2000 г. в Иерусалиме, Архив автора.

[82] Письмо Абрама Розенфельда от 1 декабря 1999 г. из Тель-Авива, Там же.

[83] Л. Смиловицкий, «Так воевали евреи из Турова», *Авив*, 2006 г., № 10-11.

запись на том основании, что Геня – имя неполное. При оформлении паспорта Геня Мордуховна превратилась в Геннадию Марковну.[84]

Перемена имен и отчеств ускорила ассимиляцию. Анатолий Алексин описал это в своем романе «Сага о Певзнерах», где Герой Советского Союза Борис Исаакович Певзнер вместе с супругой Юдифью выбирает имена новорожденной тройне. В память о бабушке Двойре дочь они назвали Дашей, одного из сыновей – в честь деда Исаака – Игорем, а другого сына в память о дедушке Самуиле – Сережей.[85]

Главного терапевта Туровского района Бермана коллеги и пациенты звали Игорь Павлович, хотя по паспорту он был Израиль. В 1962 г. товарищи по работе предложили ему русифицированный вариант обращения, и он согласился. В 1976 г. его избрали секретарем партийной организации поликлиники и предложили внести изменение и в паспорт. Израиль уступил вторично, хотя потом и жалел.[86]

Родственники за границей

Иметь близких за границей было опасно. У Израиля Бермана дедушка Хаим-Зелик и бабушка Фейгл Каплан с 1936 г. жили в Палестине, куда они попали из Пинска, а дядя Зушке и тетя Сорке – в Америке. Когда Соня Шляпинтох послала брату Ошеру адрес родственников в Америке, его уволили из армии.[87] Семену Чечику в 1949 г. отказали в призыве в армию на том основании, что в США (с 1912 г.) жил его дедушка по отцу – Цали. Через два года это решение было пересмотрено, но особый отдел полка запретил брать Семена писарем в отдел вооружения.[88]

Абрама Чечика в 1950 г. отчислили из Высшего инженерно-технического училища ВМФ СССР и направили в строительный батальон Северного флота за «неискренность перед партией». Вина Абрама состояла в том, что в анкете он не упомянул Шлейме Чечика, брата отца, который уехал в Канаду в 1913 г.

Залман Гренадер сам отказывался от неоднократных предложений вступить в партию под предлогом, что имел родственников за границей.

В том, что за границей есть родственники, не признавались. Евреи в Турове отказывались от помощи из Америки и других стран, хотя чрезвычайно в ней нуждались.

---

[84] Письмо Г.М. Рехтман от 10 ноября 2002 г. из Карлсруэ (Германия), Архив автора.

[85] Leonid Smilovitsky, «History and Origin of the Jewish Last Family Names in Turov», *Journal of Federation of East European Family History Societies, Salt Lake City* (USA). Vol. 11, 2003, pp. 29-35.
www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/Turovnameslink.htm

[86] Запись беседы с Израилем Берманом 23 августа 2000 г. в Иерусалиме, Архив автора.

[87] Ошер Гиршевич Шляпинтох (1913-1987 гг.) - старший лейтенант Советской Армии, после войны работал мастером на фурнитурном заводе в Киеве; в Америке проживали Шимен и Мотл Шляпинтохи, которые уехали в США соответственно в 1914 г. и 1922 г.

[88] Письмо Семена Чечика от 12 января 2000 г. из Беэр-Шевы (Израиль), Архив автора.

Сразу после войны к Храпунским пришли две посылки из США. Понимая возможные последствия, Лазарь Храпунский отослал их обратно, не вскрывая. По просьбе Лазаря на почте в Турове сделали пометку, что адресат выбыл.[89] Посылки приходили на имя Гриши, Абрама Флейтманов и Лизы Хазанович. Так как Гриша и Абрам занимали ответственные должности и были членами партии, их в связи с этим вызывали в КГБ, но они заявили, что родственников за границей не имеют, и отказались от посылок.

Однако были и другие примеры. После войны, несмотря на тяжелые времена, Борис и Айзик Шифманы не прервали переписку с братом Ошером в Америке, хотя встретиться им удалось только многие годы спустя.[90]

Продолжение репрессий

Вера в Сталина

В течение более чем 30 лет в сознание миллионов советских людей внедрялся образ Сталина как безупречного, гениального и незаменимого вождя, что привело к возникновению культа личности. Смерть «отца всех народов» вызвала у населения огромной страны страх перед будущим. Многие евреи Турова разделяли преданную любовь к тирану и поголовное заблуждение и искренне верили в его особую благую роль в советской истории, а сталинскую «демократию» считали венцом справедливости. По словам Залмана Вагера, вера в Сталина жила в «каждом сердце, [когда он умер] плакали все, не подозревая, что это был главный антисемит». Борису Шифману, выпускнику Белорусского политехнического института, работавшему учителем в сельской школе под Минском, Сталин представлялся мужественным человеком и талантливым руководителем, заслуженно занимавшим свое место, хотя и очень жестким. Однако так думали не все. Учитель Недобай в марте 1953 г., после сообщения о кончине диктатора, пришел к Шифману с бутылкой водки и сказал: «Не переживай, Борис Исаакович, давай за его смерть по рюмочке сделаем». Тост коллеги по школе стал ясен Шифману после XX съезда КПСС, в 1956 г., и тогда он вырезал фото вождя на групповом снимке выпускников туровской школы 1937/38 г., которым очень дорожил.[91]

Сомневающиеся и после смерти диктатора предпочитали молчать из страха перед возможным наказанием. У Анатолия Зарецкого слепой веры в Сталина не было, но вслух свои мысли он не высказывал – вокруг было много «стукачей». В 1948 г. двоюродный брат Зарецкого – Михаил Нудельман (1915 г. р.)

---

89 Письмо Мальвины Абош (Дроздинской) от 7 апреля 2000 г. из Кирьят-Гата (Израиль), Там же.

90 Оскар, Айзик и Борис Шифманы и их три сестры Шева, Этя и Шура смогли увидеться только в 1966 г. во время приезда Оскара и его жены Сейды из Лос-Анджелеса в Москву.

91 Письмо Бориса Шифмана от 19 февраля 2000 г. из Чикаго (США), Там же.

за анекдот, рассказанный в кругу друзей, как антисоветскую агитацию был осужден на десять лет. Анатолий поддерживал с братом переписку и слал передачи в лагерь.[92]

Тайба Шифман вспоминала, что Сталина все очень любили. Когда забрали ее отца Шмуэла, то именно в Сталине семья видела единственного защитника. Дедушка Рувим Шифман написал письмо на имя вождя в Москву в надежде на вмешательство. Срок уменьшили на пять лет, но к этому времени Шмуэл уже погиб в лагере. Когда в 1953 г. пришло сообщение о кончине «великого кормчего», Тайба плакала вместе со всеми, хотя репрессированный отец по-прежнему считался «врагом народа», а брата Бейныша не приняли в комсомол.[93]

Долго сохраняла веру в Сталина Клара Дроздинская, несмотря на то, что ее брата Лазаря арестовали за сионистскую деятельность и сослали на шесть лет сначала в Узбекистан, а затем в Сибирь. Лазарь, узнав о смерти Сталина 6 марта 1953 г. из передачи лондонского радио, стал танцевать со словами: «Он уже сдох, пройдоха!»[94]

«Дело врачей»

В январе 1953 г. евреи Турова ощутили на себе последствия «дела врачей», инспирированного в Москве. Эта кампания оказалась пиком политики государственного антисемитизма и вошла в историю как пример агонии режима личной власти, готового на любые крайности ради самосохранения.

Советская система, централизованная до предела, отреагировала по принципу домино. По Турову прокатилась волна увольнений. Неугодными оказались не только евреи врачи и медицинские работники, но и другие специалисты – организаторы производства, партийные и советские руководители, служившие до этого примером ответственного отношения к делу. Всех их выделили по национальному признаку и поставили под подозрение.

Первым сняли с должности секретаря Туровского райисполкома Арона Хазана. Вместе с ним вынудили оставить работу заведующего торговым отделом Евсея Лельчука, председателя плановой комиссии Израиля Гительмана, заведующую общим отделом Софью Храпунскую и других сотрудников-евреев. В райкоме партии отстранили от дел заведующего организационным отделом Гирша Флейтмана.

Самый большой «букет» обвинений достался Храпунской. Ее отец Лазарь, коммунист, посещал миньян, а муж Яков Флейтман пережил немецкий плен, выдав

---

[92] Л. Смиловицкий, «Как сражались евреи из Турова. История полковника Зарецкого», *Возрождение* (Мельбурн), 2006 г., № 34, с. 36-41.

[93] Письмо Тайбы Шифман от 2 ноября 1999 г. из Нетании (Израиль), Архив автора.

[94] Письмо Мальвины Абош (Дроздинской) от 7 апреля 2000 г. из Кирьят-Гата (Израиль), Там же.

себя за украинца. Председатель Туровского исполкома приказал уволить Софью с записью в трудовой книжке как «не справившуюся». Однако начальник отдела кадров отказался, и Храпунская была вынуждена написать заявление об уходе «по собственному желанию».[95]

Общий психоз перекинулся на людей. Хана Гоберман, работавшая в школе, вспоминала, как после сообщения ТАСС от 13 января 1953 г. о деле «врачей-отравителей» к ней подошла учительница с вопросом, правда ли, что заведующая городской аптекой привезла банку камсы, «чтобы отравить всех людей» в Турове? Ходили слухи, что семьи репрессированных из Турова выселят, и многие укладывали вещи.[96]

Большинство евреев считали обвинения против кремлевских врачей наветом и провокацией. Гинзбурги хранили фотографию с профессором Вовси, сделанную после войны в Москве на курсах повышения квалификации.[97] Лазарь Дроздинский сразу охарактеризовал «дело врачей» словами: «Когда трон шатается, то нужна пища». «Пищей» служили еврейские врачи. Лазарь выразил уверенность, что придет праздник Пурим, и правда восторжествует, что вскоре и случилось.[98]

Однако только немногие позволяли себе публично не согласиться с официальной версией событий. Израиля Бермана «дело врачей» застало студентом Минского медицинского института. По его словам, заведующий кафедрой хирургии Петров, человек крупного телосложения, под два метра ростом, выступил на общем собрании с гневным протестом. Он заявил, что это не врачи-отравители, а мужественные люди, которые спасают людей «там, где другие не могут их спасать». Профессор Петров назвал сообщения в газетах клеветой. Несмотря на это, зимой 1953 г. всех выпускников-евреев послали на работу в Туркмению, тогда как русских и белорусов оставили в республике. Берману повезло, его выпуск пришелся на 1954 г., и свой путь он начал врачом сельской больницы в Тонеже, а потом «вырос» до главного невропатолога Туровского района.[99]

Кампания против «врачей-отравителей» отозвалась на выходцах из Турова, служивших в это время в армии и на флоте. Меира Марголина, старшего юриста штаба Туркестанского военного округа, в 1953 г. с пристрастием проверяли, не является ли его супруга, дочь профессора Льва Когана, родственницей известных московских терапевтов Бориса и Михаила Коганов, арестованных по обвинению в организации заговора «врачей – убийц в белых халатах».[100]

Майору медицинской службы Абраму Розенфельду в декабре 1952 г. отказали

---

95 Письмо Сони Храпунской от 9 мая 2002 г. из Беэр-Шевы (Израиль), Там же.

96 Письмо Татьяны Левиной (Шифман) от 19 мая 2000 г. из Нетании (Израиль), Там же.

97 Письмо Софьи Гинзбург от 31 декабря 1999 г. из Линна (Массачусетс, США), Там же.

98 Письмо Мальвины Абош (Дроздинской) от 7 апреля 2000 г. из Кирьят-Гата (Израиль), Там же.

99 Запись беседы с Израилем Берманом 23 августа 2000 г. в Иерусалиме, Там же.

100 Письмо Меира Марголина от 15 июля 2002 г. из Хайфы (Израиль), Там же.

в курсах повышения квалификации в Чехословакии в связи с «делом Сланского».[101] До этого Абрам считался примерным офицером, знающим врачом, был принят кандидатом в члены КПСС и вдруг оказался виновным во всех грехах. После 13 января 1953 г. товарищей Розенфельда – других офицеров-евреев исключили из партии, а некоторых списали на берег. Абрам находился «между небом и землей». И тут произошло чудо – умер Сталин. «Дамоклов меч», висевший над головой евреев, исчез. Судьба Розенфельда сложилась благополучно – его приняли в партию. Однако антисемиты в погонах, которые травили евреев, остались. Все сделали вид, будто ничего не случилось. Лечащим врачом в госпитале Абраму стать не позволили, несмотря на неоднократные обращения – «не оказалось места».[102]

Зимой 1953 г. Анатолий Зарецкий служил в Барнауле в должности командира батареи. Его начальник подполковник Орлов, вернувшись из отпуска в Москве, спросил Анатолия, знает ли он, что евреев будут высылать в Сибирь? Зарецкий ответил, что ему бояться нечего – он уже в Сибири. Когда объявили о смерти Сталина, у многих офицеров, включая командира полка, на глазах были слезы, Зарецкий не плакал.[103]

В апреле 1953 г. евреи смогли вздохнуть свободно – кремлевских врачей реабилитировали. Однако обратный ход был дан не везде. Соню Храпунскую вернули в райисполком только на должность секретаря-машинистки. Евсея Лельчука отослали начальником ОРСа[104] в Хвоенск, а Израиля Гительмана перевели в Слуцк. Арона Хазана приняли преподавать историю в вечернюю школу, а Гирша Флейтмана – заведовать отделом коммунального хозяйства в райисполком.[105]

Несмотря на относительно благоприятный исход, тяжелый осадок остался. Многие евреи поняли, что произошедшее не было случайностью. Клеветники не раскаялись, виновные в разжигании межнациональной розни не были наказаны. Большинство неевреев сделали вид, что их это не касается.[106]

---

[101] «Дело Сланского» - судебный процесс, проведенный по указанию Сталина, по обвинению в заговоре с целью реставрации капитализма в Чехословакии, назван по имени генерального секретаря КПЧ Рудольфа Сланского (1901-1952 гг.), 11 чел. из 14 были расстреляны, трое - приговорены к пожизненному заключению.

[102] Письмо Абрама Розенфельда от 1 декабря 1999 г. из Тель-Авива, Архив автора.

[103] Письмо А.И. Зарецкого от 27 мая 2002 г. из Кирьят-Шмоны (Израиль), Там же.

[104] ОРС - отдел рабочего снабжения.

[105] Письмо А. Хазана от 5 февраля 2003 г. из Миннетонки (Миннесота, США), Архив автора.

[106] L. Smilovitsky, «The Non-Jewish Reaction to the “Doctors’ Plot” in Belorussia: In the Light of New Documents (January-March 1953)», *Shvut*, 2000, No 9 (25), pp. 67-92.

Арест Берия

Если смерть Сталина в Турове многие люди искренне оплакивали, то последовавший вскоре арест Л.П. Берия восприняли как должное. По свидетельству Бориса Шляпинтоха, смерть Сталина он встретил спокойно, сказал, что «будет другой», а аресту Берия был рад – «туда ему и дорога». К моменту ареста Берия люди уже знали, что он палач.[107]

Лаврентий Берия начиная с 1945 г. был заместителем председателя СНК СССР и формально не имел отношения к органам внутренних дел, но его имя в сознании людей прочно увязывалось с организацией массовых чисток. После смерти Сталина репрессивный аппарат попытались укрепить – 6 марта 1953 г. МВД и МГБ объединили, а во главе нового министерства встал Л.П. Берия.[108] В июне 1953 г. Берия обвинил ЦК КПБ и Совет Министров БССР в неправильном подборе и расстановке кадров с целью вскоре сместить руководство республики. Однако в конце июня 1953 г. его арестовали в Москве.[109] Сообщение об этом вызвало смешанные чувства. Люди, умудренные опытом, высказывали догадки. В 1944–1950 гг. партийная организация при Туровском отделении МГБ включала 29 членов ВКП(б), и среди них старого коммуниста Зелика Гиршевича Зайчика.[110] Это был последний еврей среди туровских чекистов, которого уволили в 1952 г.[111]

21 июля 1953 г. собрание первичной парторганизации Туровского райотдела МГБ заслушало постановление Пленума ЦК КПСС «О преступной антипартийной и антигосударственной деятельности Л.П. Берия». Как и следовало ожидать, все присутствовавшие одобрили позицию Президиума ЦК КПСС, объявившего Берия врагом народа и агентом «международного империализма». Сотрудники МГБ Турова обязались усилить свою работу по идеологическому воспитанию, развернуть критику и самокритику, добиться улучшения показателей в оперативной и профилактической работе с населением.[112]

Однако после разоблачения Берия характер административно-командной системы мало изменился. Появились только робкие признаки перехода страны на

[107] Письмо Б.Г. Шляпинтоха от 12 октября 2002 г. из Чикаго (США), Архив автора.

[108] *Тайны кремлевского двора: хроника кровавых событий*. Сборник материалов о репрессиях в Белоруссии, 1920-1950 гг. Сост. О.Н. Аврамченко, П.В. Акулов, Минск 1993 г.; Ў. Адамушка, *Палітычныя рэпрэсіі 20-50-х гадоў на Беларусі*, Мінск 1994 г.

[109] *Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии*. Под ред. С.А. Пилотовича, ч. II (1921-1966 гг.), Минск 1967 г., с. 459.

[110] Состав парторганизации при Туровском отделении МГБ в 1951 г., ГАООГО, ф. 3980, оп. 1, д. 7, л. 1.

[111] Там же, д. 8, л. 2.

[112] Протокол собрания парторганизации Туровского районного отдела МГБ от 21 июля 1953 г., Там же, ф. 3961, оп. 1, д. 9, л. 21.

путь демократического развития. Служба безопасности была выделена из системы МВД, а милиция заняла свое место в системе правоохранительных органов.

Настоящим потрясением стали откровения, сделанные первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым на закрытом заседании XX съезда партии в Москве «О культе личности и его последствиях». После того как туровцы были ознакомлены с этим документом, многие ученики средней школы в Турове вырвали из своих учебников портреты Сталина.[113]

Сохранение исторического наследия

Оккупация нанесла тяжелый урон культурному наследию Турова. Занимая особое место в белорусской истории, город и его окрестности всегда притягивали исследователей, археологов и краеведов.[114]

В предвоенные годы Президиум Верховного Совета БССР принял решение о государственной охране памятников Туровского Полесья. Исполнительные комитеты Туровского, Брагинского, Мозырского районов получили указание взять под охрану городища, замчища, земляные укрепления, памятники раннего средневековья, стоянки первобытного человека времени палеолита и следы древней культуры в Юревичах. Проводилась работа по выявлению исторических ценностей как до, так и после революции 1917 г. Памятники старины регистрировали, в Турове возобновилась работа закрытого в середине 30-х годов краеведческого музея.[115]

В 1945 г. для установления понесенного в годы войны ущерба в Полесскую область были направлены три экспедиции по охране памятников архитектуры Белоруссии. Институт истории Академии наук БССР разработал маршруты. Посещение Турова предполагал маршрут № 1, который пролегал по западным областям БССР. Он включал в себя посещение таких исторических центров республики, как Минск, Ивенец, Новогрудок, Лида, Гродно, Крынка, Гайновка, Каменец, Брест, Кобрин, Пинск, Лунинец, Ленин, Давид-Городок, Туров, Слуцк, и далее – возвращение в Минск.[116]

Тайны, хранившиеся в недрах Турова, манили многих археологов. После рево-

---

[113] Информация на имя секретаря ЦК КПБ Горбунова о ходе работы по ознакомлению с докладом Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях» в Гомельской области по состоянию на 27 марта 1956 г., Там же, ф. 144, оп. 60, д. 101, л. 34.

[114] *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Колосовым*. Кн. 3 с прил., СПб 1859 г., с. 36-49.

[115] «О состоянии документальной памяти, подлежащей государственной охране». Постановление оргкомитета Президиума ВС БССР по Полесской области 3 мая 1939 г., ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 3, д. 8, л. 123.

[116] «О маршрутах экспедиций по охране памятников архитектуры Белоруссии». Приложение к постановлению от 14 апреля 1945 г. СНК БССР, ЗГА в Мозыре, ф. 463, оп. 1, д. 20, л. 60.

люции первыми его исследователями стали Сергей Шутов, Александр Коваленя и Александр Лявданский (1927 г.).[117] Однако, поскольку Туров находился в приграничной зоне, работы были приостановлены. Следующие раскопки оказались возможны только после войны. В 1950 г. Ричевский курган копал археолог Павловский, а в 1952–1954 гг. в деревне Воронино Юрий Кухаренко обнаружил захоронение II–III веков до н. э. В 1961 г. М.Д. Полубояринова и В.В. Седов изучали Замковую гору в Турове. В 1961–1964 гг. экспедициями археологов по берегам рек Припяти, Ствиги и в деревне Семурадцы руководил Л.Д. Поболь,[118] а в 1962–1963 гг. – П.Ф. Лысенко и Б.В. Миролюбов. В 1963 г. профессор Н.К. Каргер раскопал на Замковой горе Турова фундамент и фрагменты стен храма XII в. Начиная с 1968 г. основные исследования древней истории Туровского края возглавил профессор П.Ф. Лысенко.[119]

Всего археологи обнаружили на территории Турова и его ближайших окрестностей свыше восьми тысяч предметов старины. Новые материалы подтвердили гипотезу о значительном развитии ремесел в Туровском крае XII–XIII вв., так как их насчитывалось здесь не менее 60 специальностей.[120]

Еврейское кладбище

В годы войны кладбище в урочище Казаргать серьезно пострадало. Сказалась его удаленность от Турова – два с половиной километра по дороге на деревню Хильчицы.[121] Общая площадь кладбища не превышала 200 квадратных метров. Местные жители разобрали ограду, разбили или унесли надгробные памятники (*мацейвы*). Они приспосабливали могильные плиты для хозяйственных нужд, укладывали в фундамент, использовали для ручных мельниц и т. д. Сохранилась только часть надгробий. Наиболее ценными считались 12 памятников из красного гранита в центре кладбища на невысоком холме. Они относились к середине XIX в., наполовину «вросли» в землю, но были вывернуты и лежали на поверхности. Следующую группу составляли 43 монумента начала XX в., включая *мацейву* с могилы последнего раввина Турова. Ближе к ограде находились 35 захоронений послевоенного периода.[122]

В 1946 г. евреи, вернувшиеся из эвакуации и демобилизовавшиеся из армии,

---

[117] *Матэрыялы з дагісторыі Тураўшчыны*. Археалагічныя разведкі ў Маглёўскай, Бабруйскай Мінскай і др. акругах. Зап. аддз. гуманітарных навук БАН, Мінск 1930 г., кн. 11, Пратаколы арх. камісіі, т. 2.

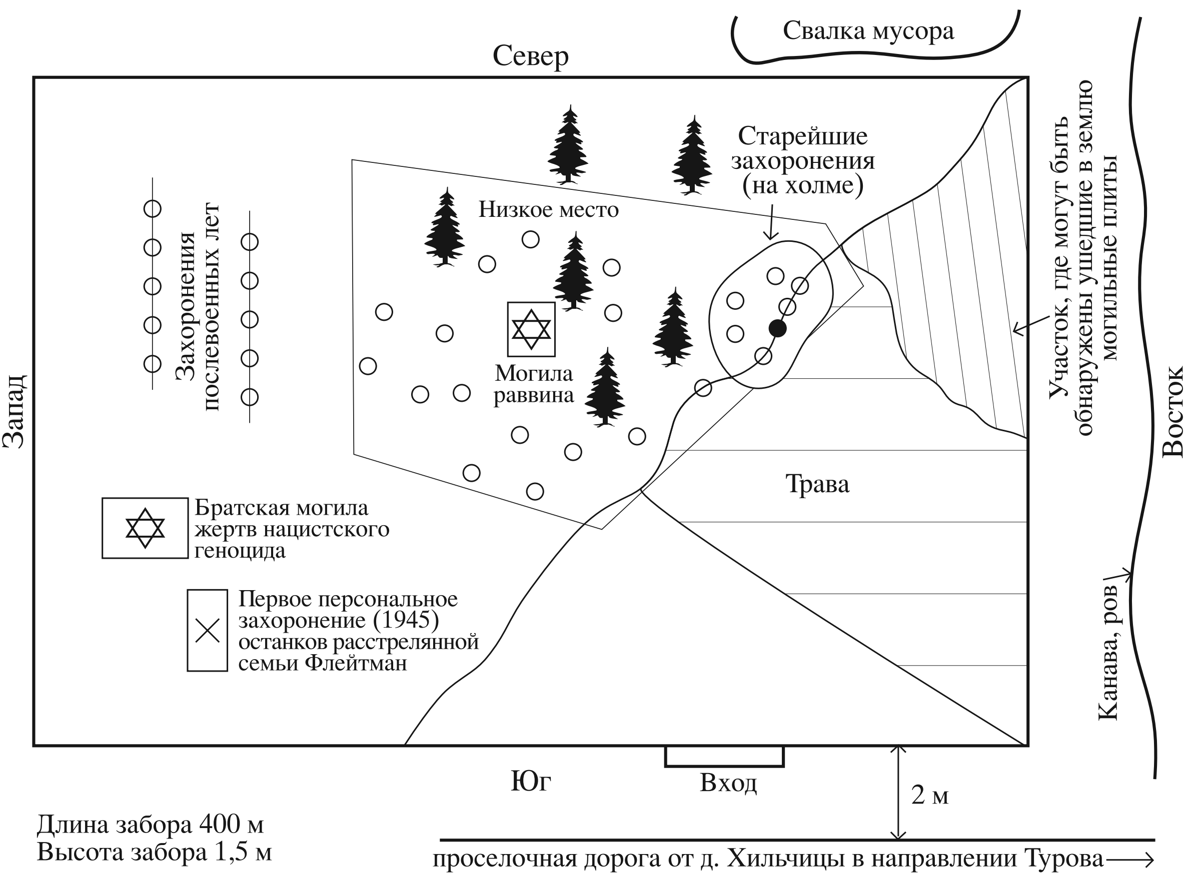
[118] Л.Д. Поболь, *Древности Туровщины*, Минск 1969 г., с. 4.

[119] П.Ф. Лысенко, *Туровская земля*, Минск 1999 г., *Сказание о Турове*, Минск 2006 г.

[120] А.Н. Степаненко, Л.И. Юманова, «Туровщина в прошлом и настоящем», *Тураўшчына: мінулае, сучаснасць, будычыня*. Вып. 1, Мінск 2000 г., с. 5-8.

[121] Это было единственное возвышенное место, которое не уходило под воду в половодье.

[122] Письмо Юрия Дорна, координатора *Общества сохранения еврейского населения Беларуси* (Jewish Heritage Research Group in Belarus) от 25 июля 2005 г. из Минска, Архив автора.

Карта Туровского еврейского кладбища в урочище Казаргать, составлена при участии Иудейского религиозного объединения Республики Беларусь в 2007 г.

привели кладбище в относительный порядок и выбрали старосту. Они перенесли останки расстрелянных родных из разных мест Турова в братскую могилу. Кладбище окопали болотным плугом, а снаружи посадили дубы. Постепенно евреев в Турове почти не осталось, и кладбище пришло в запустение.

Инициатором самодельного памятника на кладбище Казаргать стала заведующая магазином Лея Зарецкая. В начале 50-х гг. его открыли на пожертвования, собранные родственниками погибших. По углам бетонного основания братской могилы металлические столбики соединили цепями. Надпись на идиш и по-русски гласила: «Жертвам фашизма, 1941–1945 гг.».

В 1980 г. мародеры раскопали могилы Боруха Лельчука и Шлейме Райхмана в поисках золота. После этого председатель Туровского поселкового совета Чернышевич дал поручение межколхозной строительной организации огородить кладбище деревянным штакетником. В 1990 г. Семен Гоникман и Айзик Глинер предложили поставить монумент в память о евреях – жертвах нацистского геноцида в центре Турова, около школы, но встретили отказ под тем предлогом, что уместнее это сделать на еврейском кладбище. Земляки из Израиля, США, Германии ежегодно собирают скромные пожертвования для сохранения кладбища.[123]

В Турове память его защитников увековечена несколькими монументами. Первый городские власти установили в 1957 г. на ул. Ленина на братской могиле 146 советских воинов, погибших при освобождении Турова, а второй – в центральном сквере Турова в 1972 г. в честь земляков, павших в боях с нацистами. На этом памятнике среди 222 чел. упомянуты несколько десятков еврейских фамилий.[124]

Музей в Турове

Необходимо было восстановить городской краеведческий музей.[125] До войны он располагал богатой коллекцией документов и материалов, а его экспозиция отражала историю, культуру, природу Туровского края. Предстояло заново собрать экспонаты и построить помещение.

В мае 1950 г. музей возобновил свою деятельность. Первое время его фонды размещались в частном доме, но после капитального ремонта районного дома культуры музею отвели отдельное помещение, и его площадь составила 328 кв. м. В музее открылись отделы природы, истории древнего Турова, этнографии и быта, Великой Отечественной войны и современного периода. В его фондах в настоя-

[123] Запись беседы с Михаилом Лельчуком 17 августа 2002 г. в Турове, Там же.

[124] *Памяць*. Рэспубліканская кніга, Мінск 1995 г., с. 268.

[125] Музей был открыт в 1928 г. на базе школьного уголка краеведения усилиями товарищества краеведов Турова (44 чел.). См.: *Наш край*, 1928 г. (Минск), № 8-9, с. 91.

щее время хранится почти 18 тыс. экспонатов, сотрудники организуют выставки изобразительного, декоративно-прикладного искусства, народного костюма.

Персонал состоял из двух человек – директора и научного сотрудника. Одним из первых директоров краеведческого музея стал Арон Хазан (1953 г.), который занимался восстановлением экспозиции музея, пока в сентябре 1954 г. его не направили директором в туровскую среднюю школу.[126] В апреле 1962 г., после упразднения Туровского района, музей передали в ведение Житковичского отдела культуры, а в декабре – совсем закрыли, закрепив экспонаты за школой в Турове. К счастью, эту ошибку скоро исправили, в июле 1963 г. музей восстановили и сделали филиалом Гомельского областного краеведческого музея. В мае 1965 г. он получил относительную самостоятельность в рамках Житковичского районного отдела культуры. За послевоенный период была собрана уникальная коллекция экспонатов. В лучшие годы Туровский краеведческий музей посещали в год до 20 тыс. чел.[127]

В 1980 г. Туров праздновал свое 1000-летие, и в честь этого события у поселкового Совета поставили памятный знак, а в 2000 г. на месте бывшей Замковой горы, где когда-то стояла еврейская школа, открыли монумент просветителю и философу Кириллу Туровскому. Существование в Турове уникальных объектов древней истории побудило в 1984 г. Институт истории АН БССР предложить создать здесь культурно-исторический комплекс. Эта концепция предусматривала постоянно действующий павильон на основе собранных археологических материалов и объекты туристской инфраструктуры. Однако ее реализация началась только спустя 20 лет. Руины храма XII в. на Замковой горе вскрыли, в строительных работах приняли участие бригады из Минска, Мозыря, Петрикова, Житковичей, Лельчиц. К сентябрю 2005 г. был построен павильон, возведена смотровая галерея, обновлена экспозиция. Белоруссия получила второй после «Берестья» археологический парк-музей – по истории древнего Турова и Туровского княжества.[128]

* * *

Послевоенное восстановление Турова проходило на фоне угасания еврейской общины. Урон, нанесенный нацистским геноцидом, потери на фронте и в эвакуации, оказался невосполнимым. Несколько десятков еврейских семей, вернувшихся

---

[126] Музей в Турове после Арона Хазана возглавляли: Раиса Запесоцкая (1955-1963), Парфен Щекатович (1963-1976), Валентина Карась (1976-1979), Валентина Маринкина (1979-2006), а с 2007 г. – Галина Кириленко.

[127] В.Р. Феранц, «Тураў», *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*, 1977 г., № 4, с. 27.

[128] П.Ф. Лысенко, *Сказание о Турове*, Минск 2006 г., с. 115.

в Туров, предприняли отчаянную попытку построить новую жизнь на пепелище. Родные места и историческая память притягивали их как магнит. Однако к началу 60-х годов стало ясно, что возрождение еврейской жизни уже никогда не произойдет.

Нигилизм советской национальной политики не позволил подняться слабым росткам еврейского самосознания, которые были готовы взойти в первые годы после освобождения республики. «Холодная война», отголоски борьбы с космополитизмом, преследование верующих, подавление национальной традиции достигли своего апогея во время «дела врачей» 1953 г. Политика Н.С. Хрущева, отмежевавшегося от преступлений эпохи Сталина, никак не отразилась на евреях. Природа советской власти не изменилась, а преследования инакомыслящих приобрели другие, менее крайние формы. Нивелирование национальной жизни продолжилось еще более быстрыми темпами, ассимиляция становилась неизбежной.

Закономерным итогом стал отъезд из Турова последних еврейских жителей. Они покидали малую родину по своей воле, без принуждения, и в этом заключался трагизм их положения.

Туров навсегда расстался с евреями.

Заключение

За свою долгую историю Туров пережил многочисленные княжеские усобицы, татарские набеги и антифеодальные войны. В разное время его включали в свой состав Великое княжество Литовское, Польское королевство и Московское государство, а жителей, независимо от конфессиональной принадлежности, называли литвинами. Когда в результате раздела Польши в конце XVIII в. под властью Российской империи оказалось самое большое в мире еврейское население, русским чиновникам неожиданно пришлось познакомиться с социальными, экономическими и религиозными сторонами его жизни.

Евреи Белоруссии относились к ашкеназам, которые унаследовали культурные связи средневековых общин Германии, они говорили на идиш, а иврит использовали при богослужении и духовном творчестве. Молодежь старательно обучали Торе и Талмуду, в быту стремились сохранять сложившийся уклад и следовать правилам кашрута. Внешний облик евреев являлся культурным анахронизмом и резко отличал их от соседей-христиан: мужчины носили длинные бороды и пейсы, обязательно покрывали голову. Евреи Турова принадлежали к литовско-белорусскому еврейству, известному как *литвакес*. Они выбирали себе раввинов, вели судебные дела, соблюдали национальные традиции, имели собственные учебные заведения. Особенностью иудаизма была его тесная связь с повседневной жизнью. Миснагиды и хасиды Турова оставались убежденными противниками ассимиляции, несмотря на внутреннее противоборство в своей среде. Дискриминации по национальному признаку можно было избежать, перейдя в христианство, но для абсолютного большинства евреев этот путь был неприемлем.

Русские чиновники приложили немало усилий, чтобы интегрировать евреев в новую реальность, но лишь некоторые из реформ увенчались успехом. Евреи не были инертной массой, безропотно терпевшей эксперименты имперского социального строительства. Занимая прочное положение в экономической жизни Речи Посполитой, они издавна научились отстаивать собственные интересы перед польской бюрократией и не без успеха продолжали делать это, когда на смену полякам пришли русские.

Положение евреев и белорусов сближало то, что царское правительство не признавало национальных прав белорусов, рассматривая их как православную часть населения империи – в противовес полякам-католикам и униатам. Восстания 1831 и 1863 гг., затронувшие Мозырский уезд, были восприняты режимом как вызов и ужесточили эту политику. Формирование единой белорусской нации и общего языка вступило в активную фазу только в начале XX в. Население белорусских земель, находившееся в течение столетий под игом литовских князей, польских королей и русских царей, было лишено выраженной тенденции к национальной обособленности и государственному строительству.

Белорусское еврейство, в отличие от собратьев на Украине и Западе России, не испытывало притеснений со стороны титульной нации в экономической и культурной сфере. Царская администрация одинаково пренебрежительно относилась ко всему, что выходило за пределы великорусской державности. Белорусам и евреям нечего было делить. Если на Украине евреи «делали» деньги, то белорусские литвакес, запертые в границах черты оседлости, в основном боролись за выживание и отдавали предпочтение еврейской учености. Вопиющее имущественное неравенство между евреями и белорусами отсутствовало, и это позволило избежать межнационального антагонизма. Мифы о том, что все евреи – богоубийцы, религиозные фанатики и эксплуататоры, а позднее легенды о мировом еврейском заговоре против основ христианства не получили здесь широкого распространения. Царская администрация, со своей стороны, была заинтересована в сохранении общественной стабильности. Такая позиция, как и устоявшиеся добрососедские отношения между евреями и белорусами, исключили межнациональные эксцессы, сотрясавшие империю во время первой русской революции. Не случайно в 1905–1907 гг. погромы обошли стороной Туров и другие местечки Мозырского Полесья.

Эпоха, наступившая после низложения русского самодержавия в марте 1917 г., круто изменила основы еврейской жизни. Временное правительство упразднило черту оседлости и открыло новые возможности, одновременно обнажив проблемы. В период новой российской смуты евреи нередко оказывались по «разные стороны баррикад», несмотря на то, что большинство стремилось остаться в стороне от противоборства красных и белых. Однако это удавалось с трудом.

Евреи Турова вступили в сложный и противоречивый период своей истории, до предела насыщенный событиями военного, политического, экономического, социального характера. Это было время надежд и разочарований, ломки стереотипов и перемены мышления, отказа от традиционных ценностей, поиска новых путей, интеграции в советскую действительность, которые омрачили сталинские чистки.

Жизнь еврейского местечка после революции принципиально изменилась: человеческие отношения, связь с белорусской деревней, экономические и социальные стимулы – все стало другим. При царе община задыхалась от перенаселения, отсутствия постоянного заработка и непрерывной борьбы за выживание. Антисанитария, недостаток медицинского обслуживания, примитивное образование, неразвитый быт, отсутствие оборотных средств неизбежно влияли на общий уровень жизни и ее продолжительность. Несмотря на это, с точки зрения туровского еврея, мир был понятным и предсказуемым. Евреи знали, куда пожаловаться, если им чинили обиду, и кого задобрить, чтобы ускорить решение дела. Родственные связи и круговая порука являлись гарантией стабильности внутриобщинных связей и помогали строить отношения с окружающим миром.

Все это было утрачено с приходом большевиков. Взяв на себя роль защитников евреев от погромов, они присвоили право решать все проблемы евреев с точки зрения диктатуры пролетариата. Замкнутость штетла оказалась нарушенной раз и навсегда. Ветер перемен, ворвавшийся в местечко, перевернул старое представление о жизни. Синагога уже не давала ответа на насущные вопросы бытия, освященные преданием, традиционные отношения в семье между старшими и младшими, мужчинами и женщинами были поставлены под сомнение, получили распространение межнациональные браки.

Советская власть нуждалась в людях, которые заменили бы старую интеллигенцию и бывших буржуазных управленцев. Евреи как нельзя лучше подходили на эту роль. Отмена искусственной дискриминации, уравнение в правах и политическая поддержка коммунистического режима выпрямили «еврейскую пружину», которая высвободила колоссальную энергию людей, готовых к преобразованиям. Будучи более грамотными и инициативными по сравнению с общей средой, способные воспринимать все новое, евреи начали быстрое социальное восхождение.

Еврейский штетл, понесший страшный урон в годы гражданской войны, получил еще одну «пробоину». Местечко начала покидать наиболее активная часть населения, в том числе молодежь. Символом жизненного успеха стал город, а интеграция в русскую культуру – началом воплощения этого замысла. Евреи оказались перед выбором: безоговорочное принятие новых догм и приспособление к политике властей или сознательное противоборство.

Отход еврейского населения от традиционных устоев стал результатом не только давления евсекции, но и процессов модернизации местечка. Во многих семьях сложился двойной стандарт, когда поведение еврея дома и за его пределами разительно отличалось. К школьному обучению на русском языке стремились не только из уважения к более богатой русской культуре, но и как к средству достижения поставленной цели. Белорусская культура рассматривалась многими евреями как деревенская, ограниченная рамками одной советской республики.

Старый уклад уступил место новым приоритетам. Большевики, объявившие частную собственность вне закона, оставили без средств существования еврейских ремесленников, потребительская кооперация была призвана заменить еврейских торговцев, коробейников и мелких посредников. Многие жители местечка, са-

мостоятельно добывавшие средства к существованию, оказались *лишенцами*. В поисках выхода из тупика одни из них подались в город, другие согласились участвовать в программах еврейского землеустройства, третьи искали счастья в Крыму и Биробиджане, а четвертые выехали за границу.

Советская власть, нетерпимая к инакомыслию, расправилась со своими оппонентами. Левые еврейские социалистические партии, организации и группы, включая *Бунд* и ЕКП *Поалей Цион* сошли с политической сцены. Дольше других держались сионисты, однако соотношение сил было таковым, что не позволило им выжить.

Общая экономическая ситуация в Турове, как и в республике в целом, стабилизировалась только к середине 1930-х годов. Социальная структура местечка сильно изменилась, его еврейское население, деклассированное в 1920-е годы, распределилось по основным социальным группам, нашло свою нишу, новую профессию.

В межвоенный период по стране прокатились сталинские чистки. Однако евреев они затронули не как этническую группу, а как «социально-чуждый элемент» в виде «перебежчиков» из Польши (Западной Белоруссии), «клерикалов», «националистов» или приверженцев тех или иных партийных и государственных деятелей, которые сами пали жертвой Большого террора.

За четверть века после революции 1917 г. Туров изменился до неузнаваемости. Еврейская религиозная община пришла в упадок – синагоги закрыли, а раввинов изгнали или арестовали. Отказ от традиционного уклада открывал путь к национальному нигилизму и ассимиляции. Вместе с тем, несмотря на все радикальные перемены, большинство евреев в Турове еще сохранялось как обособленная социально-культурная группа вплоть до начала второй мировой войны.

Присоединение к БССР западных областей Белоруссии в 1939 г. с многочисленным еврейским населением, поддерживавшим традиционную жизнь, приоткрыло железный занавес, но совсем ненадолго. Советская сторона стремилась к ускоренной адаптации новых территорий на основе социалистического стандарта, искореняла еврейский «национализм и клерикализм».

Война с Германией стала самым трагическим событием в истории общины Турова, разделившей участь еврейства Белоруссии в целом. Никто не имел представления о планах немецкого командования по тотальному уничтожению евреев. В июле и августе 1941 г. Туров три раза переходил из рук в руки, но только часть его жителей успели эвакуироваться или ушли в Красную Армию.

Военные действия и оккупация разрушили местечко до основания. Никогда Туров не знал подобного опустошения, сопровождавшегося поголовным уничтожением евреев. Однако самым страшным последствием оккупации стала межнациональная рознь. Полиция, набранная из местных жителей, служила орудием, при помощи которого нацисты искали и уничтожали евреев. Суровые условия Полесья не позволили выжить ни одной еврейской семье или одиночке без посторонней помощи. Потери оказались настолько велики, что среди белорусских и украинских партизан, начавших активно действовать летом 1942 г., евреи насчитывали считанные единицы.

Война неузнаваемо изменила облик Турова, национальный состав населения, хозяйственную и культурную жизнь. Послевоенное восстановление местечка проходило на фоне угасания еврейской общины. Несколько десятков еврейских семей отчаянно пытались возродить жизнь на пепелище, но это оказалось невозможно. Холодная война, отголоски борьбы с космополитизмом, преследование верующих, подавление любых проявлений традиции достигли своего апогея во время «дела врачей» 1953 г. Политика Н.С. Хрущева, отмежевавшегося от преступлений эпохи Сталина, никак не отразилась на евреях. Природа советской власти не изменилась, а преследования инакомыслящих приобрели другие, менее крайние формы. Нивелирование национальной жизни продолжилось еще более быстрыми темпами, ассимиляция оказалась неизбежной. Закономерным итогом стало то, что Туров покинули последние его еврейские жители – по своей воле, без принуждения, и в этом заключался трагизм их положения.

Представить историю Белоруссии за последние 300 лет без еврейской составляющей невозможно. Местечко как феномен национальной жизни, образа мыслей и поведения, отношения к окружающей действительности – это Атлантида, которая исчезла совсем недавно, почти на наших глазах. Для того чтобы вернуть из небытия этот важнейший пласт национальной истории, нужно новое прочтение прошлого и независимый подход в оценке архивного материала. Необходимо успеть разыскать, запечатлеть и осмыслить еще неизвестные свидетельства народной памяти, без которой невозможно объективно оценить пройденный путь. Опыт реконструкции прошлого Белоруссии на примере еврейской общины Турова и местечек Мозырского Полесья может послужить моделью для тех, кто захочет посвятить свое время изучению истории родного края.

Приложения

Приложение 1

Список евреев Турова, участвовавших в выборах в Российскую Государственную думу по Мозырскому уезду Минской губернии в 1907 г.

Брегман
Гирш Ицкович
Брегман
Менахем Гецевич
Брегман
Мордух Ошерович
Брегман
Мордух Юдович
Брегман
Носон Залманович
Биндман
Шлёма Абелевич
Богин
Ошер Мовшевич
Бородоцкий
Гирш Янкелевич
Великин
Шимон Нехемиевич
Гасман
Муксель Гиршевич
Гинзбург
Шлёма Янкелевич
Гительман
Абрам Зорохович
Гительман
Бенцион Довидович
Гительман
Берко Залманович
Гительман
Борух Довидович
Гительман
Залман Беркович
Гительман
Йосель Мордухович
Гительман
Кальман Йоселевич
Гительман
Рафаэль Ицкович
Глозман
Бейнус Шимонович
Глозман
Залман Гиршевич
Глозман
Йосель Бейнусович
Глозман
Мордух-Аба Гиршевич
Глозман
Шая Бейнусович
Гозенпуд
Вульф Хацкелевич
Головей
Абрам Лейбович
Головей
Шлёма Абрамович
Гренадер
Абрам Мовшевич
Гренадер
Нафтель Йоселевич
Гренадер
Сроил Янкелевич
Гутман
Лейзер Мовшевич
Димаховский
Хаим Ицкович
Долгин
Вульф Мовшевич
Дорожко
Сроил-Ицко Пейсахович
Етенберг
Лазарь Беркович
Етенберг
Мордух Беркович
Жолквер
Йосель Янкелевич
Запесочин
Илья Меирович
Запесочин
Сроил-Лейба Шмуйлович
Запесочин
Шолом Янкелевич
Каган
Израиль Лейвикович
Кальмаков
Пинхус Мовшевич
Канторович
Мовша Лейбович
Канторович
Хаим-Берко
Карлинский
Овсей Абрамович
Кауфман
Мовша Беркович
Кац
Арон Янкелевич
Кельман
Мовша Гиршевич

Кеслин
Довид Зеликович
Кожгородецкий
Мендель Довидович
Коробочко
Арон Меирович
Коробочко
Зелик Шмуйлович
Коробочко
Файвель Меирович
Котик
Йосель Шмуйлович
Красильщик
Мендель Довидович
Красниц
Арон Залманович
Кундо
Бейнус Залманович
Кундо
Мовша Залманович
Ламден
Гирш Мовшевич
Ламден
Илья Борухович
Ламден
Пейсах Ильевич
Ламден
Пинхус Ошерович
Леви
Довид Мордухович
Легчин
Ицко Беркович
Легчин
Носон Аронович
Лельчук
Йосель Бунимович
Лельчук
Юдель Нохимович
Лившиц
Берко Мовшевич
Литвак
Илья Бениаминович
Литвак
Овсей Ильевич
Марголин
Лазарь Залманович
Марголин
Овсей Залманович
Марголин
Шая Ицкович
Марголин
Янкель Гецевич
Меклин
Нафтоли Залманович
Мильчин
Айзик Мовшевич
Молочный
Ошер Аронович
Муравчик
Хаим Юделевич
Найдич
Мовша
Найдич
Ошер
Оффенгендин
Гирш-Лейб Абрамович
Рабинович
Овсей Пинхусович
Рабинович
Пинхус Борухович
Рехтман
Бейц Шмуйлович
Сиротин
Абрам Лейбович
Старобинский
Берко Довидович
Старобинский
Лейба Янкелевич
Старобинский
Лейзер Мовшевич
Старобинский
Шимон Янкелевич
Тепер
Цаль Беркович
Тепленький
Ицко Юделевич
Турецкий
Шмуль-Бер Хаимович
Фаерман
Шмерко Юдович
Фельдман
Абрам Янкелевич
Фельдман
Борух Янкелевич
Фельдман
Янкель Хаимович
Фишман
Абрам Хонович
Фишман
Борух Мовшевич
Фишман
Меир Мовшевич
Френкель
Лазарь Шахнович
Фридман
Абрам Вульфович
Фридман
Лев Аронович
Фруман
Абрам Невахович
Фруман
Мордух Вульфович
Фруман
Мордух Йоселевич
Фруман
Нохим
Храпун
Меир Сендерович
Чечик
Хаим Залманович
Чечик
Хаим Йоселевич
Чечик
Шмуэль Аронович
Шварцман
Михель Довидович

Швец
Абрам Лейбович
Шифман
Ицко Мовшевич
Шифман
Ицко Хаимович
Шифман
Мовша-Бер
Шифман
Мовша Ицкович
Шкляр
Абрам Лейзерович
Шнайдман
Абрам Липович
Шнайдман
Йосель Симхович
Шнайдман
Сроил Мовшевич
Шпайцман
Йосель Йелевич
Шпайцман
Лейба Ошерович
Шпайцман
Лейба Симхович
Штильман
Ицко Лейбович
Штильман
Шмерко Сроилевич
Шульман
Янкель Сроилевич
Шустерман
Вульф Зеликович
Шустерман
Лейзер Шоломович
Этенберг
Лазарь Беркович
Этенберг
Мордух Беркович
Юдкович
Берко Матусович
Юдович
Йосель Вульфович

Список неевреев Турова, участвовавших в выборах в Российскую Государственную думу по Мозырскому уезду Минской губернии в 1907 г.*

Нарейко
Даниил Людвигович, лютеранин
Нарейко
Людвиг Даниилович, лютеранин
Шостак
Стах Степанович, православный

---

* Ценз участников в Думском списке 1907 г. предусматривал для кандидата владение недвижимостью, облагавшейся общим налогом (государственным и местным) не менее 300 руб. в год.

Приложение 2

Список учащихся еврейской начальной школы Турова на 1 сентября 1920 г.
(ЗГА в Мозыре, ф. 293, оп. 1, д. 96, лл. 36-37)

Боков Шейндля, 10 лет
Борухин Юдель, 9 лет
Борухина Егудис, 8 лет
Брегман Матля, 8 лет
Брегман Фейга, 6 лет,
Выгонская Фейга, 11 лет
Гизунтерман Фейга, 11 лет
Гительман Двейра, 8 лет
Гительман Ривка, 8 лет
Гительман Фрума, 12 лет
Глозман Матля, 11 лет
Глозман Михель, 10 лет
Глозман Хана, 11 лет
Головей Бася, 7 лет,
Головей Хава, 6 лет
Гренадер Витля, 9 лет
Гренадер Исаак, 12 лет
Дегтярь Рахиль, 12 лет
Долгин Шейндля, 8 лет
Зигман Гиша, 8 лет
Зигман Этка, 6 лет
Каганер Бася, 8 лет
Каганер Броха, 10 лет
Карлинская Блюма, 7 лет
Карлинская Соня, 10 лет
Кузнец Арон, 10 лет
Кузнец Гирш, 11 лет
Кузнец Малка, 12 лет
Кузнец Файвель, 12 лет
Лельчук Басшева, 7 лет
Лельчук Двоша, 9 лет
Рейхман Меир, 7 лет
Старобинская Фейга, 7 лет
Стрелец Броха, 6 лет
Стрелец Фаня, 9 лет
Фишман Хайка, 10 лет
Фрайман Юдашке, 10 лет
Чарны Хана, 12 лет
Чечик Хава, 7 лет,
Шапиро Гитя, 9 лет
Шапиро Мере, 13 лет
Шифман Бейля, 9 лет
Шифман Цивья, 6 лет
Шнайдман Фейга, 7 лет

Учителя

Янкель Мовшевич Шифман
Хая Мордуховна Брегман

Приложение 3

Список жителей Турова, пострадавших от погрома Булак-Балаховича в 1921 г.
(ЗГА в Мозыре, ф. 126, оп. 1, д. 2691 (4–28 октября 1921 г.);
д. 153 (8–30 октября 1921 г.)

Айзенман
Бегин Пеша
Бляхер Иехезкель
Блох Залман
Боков Шолом
Бонюк Гирш-Лев
Борухин Мовша
Брегман Залман Беркович
Брегман Иосиф
Брегман Менахем
Брегман Носон
Брегман Фрада
Брегман Хава
Брегман Хася
Букчин Е.
Букчин Залман
Букчин Ошер-Арон
Вагер Пиня
Вагер Хана
Вайбранд Меир
Вайнблат Фейга
Вайнер Пейсах
Вайнер Хая
Ваксман Арон
Верник
Вольпин Шлёма
Выгонская Хая-Рива
Выгонская Ципа
Выгонский Алтер-Лейзер
Выгонский Нахман
Выгонский Симон
Г. Песя
Гизунтерман Довид
Гизунтерман Ф.
Гизунтерман Файвель
Гинзбург Гирш
Гительман Борух-Лейзер
Гительман Дыня
Гительман Ицко Борухович
Гительман Ицко Лейбович
Гительман Ицко Менделевич
Гительман Лейба
Гительман Липа
Гительман Нехама
Гительман Нохим
Гительман Перец Борухович
Гительман Стыся
Гительман Хаим
Гительман Ципа
Гительман Шейна
Гительман Янкель
Глинер Евон
Глинер Лея
Глинер Эстер-Фейга
Глозман Бася
Глозман Гирш
Глозман Иосиф Бейнусович
Глозман Л.
Глозман Мовша Залманович
Глозман Овсей
Глозман Сора-Итка
Глоуберман Лейба
Гоберман Дов
Гозенпуд Вольф
Гозенпуд И.
Голец Иван
Головей Эбер Мовшевич
Гольдшмит Берко Вульфович
Гоникман Ицко Меирович
Гоникман Лейзер
Гоникман Меир
Гоникман Хаим
Гоникман Янкель
Городецкая Рейза
Городецкий Мордух
Гохман Бася
Гренадер Арон
Гренадер Голда
Гренадер Д.
Гренадер И.
Гренадер Исроэл
Гренадер Мордух Гиршевич
Гренадер Мордух Израилевич
Гренадер Мовша Мордухович
Гренадер Нахум
Гренадер Ривалия
Гренадер Сора
Гренадер Хая
Гурский Гирш Шлёмович
Гутерман Гения
Гутман Хаим Залманович
Дегтярь Гирш
Железник Нисель
Зайчик Гилель
Запесоцкая Сора
Запесоцкий Пиня
Запесоцкий Шмуэль
Запесоцкий Шолом
Запесоцкий Янкель Аронович
Зарецкая Фейга
Зарецкая Шейндл
Зискин Йосель
Квечман Беньямин Нахманович
Киржнер Янкель
Клугерман Берко

Клугерман Сара-Бейля
Кожангородецкая Броха
Кожангородецкая Этка
Коник Фрума
Коробочко Берко-Исер
Коробочко Меир
Коробочко Файвель
Котик Алексей
Котик Йосель
Красилец Калман
Красильщик Бася
Красильщик Лейба
Крепнюк Шифра
Кругман Нехама
Кузнец Исроэл Янкель
Кузнец Меир
Кузнец Мордух
Кузнец Хая
Кундо Бейнус Залманович
Кундо Борух Бейнусович
Кундо Хана
Лазебник Липша
Лазебник Эстерка
Ламден Арон
Ламден Вульф
Ламден Груня
Ламден И.
Ламден Ицхак Довидович
Ламден Мовша
Ламден Хаим
Лаховский Лейба
Лахтман Довид
Легчин Борух
Легчин Борух Беркович
Легчина Фрейда
Лейхтман Арон
Лельчук
Лельчук А.Л.
Лельчук Б.
Лельчук Ицхок-Янкель
Лельчук Литман
Лельчук Меир
Лельчук Файвель
Либман Самуил
Луцкий Борух
Манталь Бася
Марголин Абрам-Кива
Марголин Лейзер
Марголин Янкель
Марголина Б.
Мартин Мордух
Медведь Мовша
Мильчин Айзик
Молочник Рейза
Муравчик Абрам
Муравчик Бася
Муравчик Ицко Ицкович
Муравчик Хаим
Новик А.
Нодельман Арон
Нодельман Лея
Перкина Бейля
Пильщик Лейзер
Пильщик Песах Ш.
Пильщик Рива
Пильщик Хана
Пинчук Иосиф Меирович
Пинчук Мордух
Плотницкая Бася
Поварчин Мовша
Пуховицкая Года
Пуховицкая Цивья
Пуховицкий Гена
Пуховицкий Гилель
Пуховицкий Хаим
Райхман Сора
Райхман Иосиф Мордухович
Райхман Лейвик
Райхман Мендель
Райхман С.
Райхман Сора-Голда
Райхман Шлёма
Рахлин Нохим-Гирш
Рахлина Я.
Рейдер Мира
Рехтман Хая-Рейзал
Римар Арон Ицкович
Рышкин Залман
Санкин Цивья
Сиротин Илья Абрамович
Сиротина Нехама
Славкин Овсей
Слепцин Шая
Слипчик Бейныш
Сонкина Цивья
Сошник Хаим
Старобинская Лея
Старобинская Рая
Старобинский Арон Беркович
Старобинский Довид
Старобинский Е.
Старобинский Зерах
Стрелец Эстер
Стронгин Берко
Табачник Бейля
Тепер И.
Ткач Двейра
Ткач Дыня
Ткач Неха
Ткач Пейсах
Ткач Цирл Абрамовна
Факторович Нохим
Фельдман Алтер
Фиалкин Шмая Хаимович
Фишман Борух
Фишман Мовша Ошерович
Фишман Ошер
Фишман Родил
Фишман Хаим
Флейтман Арон
Флейтман Нисель
Флейтман Симха
Флейтман Файвель
Фрайман Х.
Фридман Авраам-Ицко
Фридман Гилель

Фридман Мовша Гецович
Фридман Нахман
Фридман Нахум
Фридман Рахиль
Фруман Ицко-Вульф
Фуксман К.
Фуксман Элиягу
Фурман Борух
Хазанович Мендель
Хочинский Вульф
Хочинский Мовша
Храпунская Этта
Шапиро Б.М.
Шапиро Гирш
Шапиро Сара
Шапиро Ш.
Шафиров Арон Ошерович
Швец Овсей
Шифман Двейра
Шифман Симха-Гирш
Шифман Эстер
Шифман Юдель Вульфович
Шляпинтох Абрам
Шляпников Я.
Шнайдман Борух
Шнайдман Иосиф
Шнайдман Симха
Шнайдман Янкель
Шпитальник Мотя
Шпитальников Лев
Штильман Гирш
Штильман Фейга
Шульман Берул
Шульман Ошер Абрамович
Шустерман Бен-Цион
Шустерман Гирш
Шустерман Евсей
Шустерман Михля
Шустерман Невах
Шустерман Соше
Шустерман Тайбе
Шустерман Фейга
Эдельштейн-Чечик Р.
Якиревич И.Л.
Якович Берко
Якович Малка
Якович Яков
Яхнич Ципа

Список торговцев и кустарей Туровской волости, не имевших наемных работников, на 24 декабря 1921 г.
(ЗГА в Мозыре, ф. 293, оп. 1, д. 61, лл. 2-3)

Фамилия и имя	Адрес	Профессия
Айзинберг Давид	Переров	мельник
Башков Шевель	Переров	кузнец
Бурман Ошер	базарная площадь	горшколеп
Вагер Меир	Туров, ул. Болотная	сапожник
Вагер Мендель	базарная площадь	сапожник
Гарбар Мовша	базарная площадь	торговец горшками
Глозман Эля	Туров, ул. Болотная	сапожник
Гоберман Ицко	Сторожовцы	мельник
Головей Шлёма	Туров	мельник
Гренадер Абрам	Туров, ул. Благочинная	портной
Гренадер Гирш	базарная площадь	жестянщик
Дахмош Давид	Туров, около почты	кузнец
Запесоцкий Юдель	Переров	сапожник
Калюжный Мовша	Туров, ул. Озеранская	кузнец
Кожангородецкий	базарная площадь	торговец горшками
Комар Борух	Переров	портной
Комар Есель	Переров	портной
Комар Файвель	Переров	портной
Коробочко Мордух	Туров, ул. Благочинная	портной
Кундо Моня	Туров, ул. Дворецкая	торговец горшками
Ламош Герасим	Переров	сапожник
Левковец Василий	Переровский Млынок	мельник
Муравчик Абрам	Переров	портной
Ольшанский Нисон	Туров, ул. Озеранская	кузнец
Табачник Малка	Туров, ул. Ленинская	шапочница
Тёрушкин Мовша	Переров	кузнец
Федоров Степан	Переров	сапожник
Фрейлахмеш Рохля	базарная площадь	торговка горшками
Фуксман Клара	Туров, ул. Дворецкая	торговка горшками
Шифман Лейзер	Туров, ул. Болотная	сапожник
Шляпников Абрам	Туров, ул. Благочинная	портной
Шнайдман Борух	базарная площадь	торговец горшками
Шнайдман Мовша	Туров, базарная площадь	портной
Шустерман Ривка	Туров, ул. Дворецкая	торговка горшками

Список членов Туровской добровольной пожарной дружины на 1924 г.

Фамилия, имя и отчество	Год рождения	Социальное положение	Семейный статус	Род занятий, профессия
Брегман Лейба Довидович	1892	кустарь	женат	мясник
Брегман Янкель Довидович	1894	кустарь	женат	мясник
Букчин Берко Ошерович	1901	рабочий	женат	кожевенник
Вайман	1898	служащий	женат	профсоюз. работник
Вайнер Лейба	1902	кустарь	холостой	заготовщик
Вайнер Пейсах	1904	кустарь	холостой	заготовщик
Выгонер Семен Моисеевич	1893	кустарь	женат	извозчик
Гинзбург Залман Шлёмович	1895	кустарь	женат	парикмахер
Гительман Алтер Лейбович	1895	рабочий	женат	кожевенник
Гительман Гирш	1894	мясник	женат	мясник
Гительман Довид Борухович	1894	мясник	женат	мясник
Гительман Ицко Лейбович	1889	кустарь	женат	извозчик
Глинер Иосиф Абрамович	1904	кустарь	холостой	сапожник
Глозман Мовша Гиршевич	1892	кустарь	женат	портной
Головей Ицко	1905	кустарь	холостой	сапожник
Головей Мордух	1904	кустарь	холостой	сапожник
Гоникман Ицко Меирович	1889	кустарь	женат	извозчик
Гоникман Хаим Лейзерович	1895	служащий	женат	сторож
Гренадер Элькана Сроилович	1893	кустарь	женат	портной
Домбровицкий Дов Гиршевич	1896	кустарь	женат	кузнец
Зайчик Гилель Мордухович	1865	служащий	женат	сторож
Замдвай Г.	1905	рабочий	холостой	сапожник
Калюжный Меир Мовшевич	1894	кустарь	холостой	кузнец
Каплан Мордух Меирович	1894	рабочий	женат	кожевенник

Карон Арон Янкелевич	1895	кустарь	женат	портной
Кейфман Вульф Мовшевич	1904	кустарь	холостой	рыбак
Козлов Григорий Федорович	1896	служащий	женат	член волисполкома
Котик Шая Йоселевич	1895	ремесленник	женат	портной
Кундо Борух Бейнусович	1893	торговец	женат	торговец
Легчин Мордух Носелевич	1904	кустарь	холостой	сапожник
Либман Самуил	1903	кустарь	холостой	кожевенник
Мантль Арон	1904	рабочий	женат	кожевенник
Марголин Арон Овсеевич	1899	кустарь	холостой	мясник
Марголин Мовша Лейбович	1904	рабочий	холостой	кузнец
Махнач	1888	служащий	женат	пред. волисполкома
Окулич Владимир	1898	рабочий	женат	кочегар
Пинчук Мордух Йоселевич	1894	кустарь	женат	портной
Разумовский	1888	служащий	женат	зав. лесоразработками
Рейдер Шлёма Меирович	1905	кустарь	холостой	сапожник
Рехтман Зелик Беезович	1904	кустарь	холостой	шапочник
Рехтман Мордух Беезович	1892	кустарь	женат	шапочник
Славкин Янкель Овсеевич	1893	кустарь	женат	кожевенник
Табачник Меир Гилелевич	1904	кустарь	холостой	шапочник
Фишман Хаим Янкелевич	1891	кустарь	женат	портной
Флейтман Гирш Файвелевич	1894	кустарь	холостой	портной
Хазанович Семен Менделевич	1898	кустарь	холостой	сапожник
Хочинский Борух Вульфович	1898	рабочий	холостой	сапожник
Шифман Арон Вульфович	1895	мясник	женат	мясник
Шифман Мовша Гиршевич	1896	кустарь	женат	сапожник
Шифман Самуил Рувинович	1893	кустарь	женат	кожевенник
Шифман Ошер Рувинович	1897	кустарь	холостой	кожевенник
Шустерман Вульф	1898	кустарь	холостой	заготовщик

Из анкеты-обследования мелкой и кустарно-ремесленной промышленности БССР по Турову за 1925 г.
(ЗГА в Мозыре ф. 124, оп. 1, д. 19, лл. 64-69)

Портные
Брегман Гитля Лейбовна
Брегман Иосиф
Глозман Гирш Лейбович
Глозман Мовша Гиршевич
Глозман Мордух Гиршевич
Гольшмит Абрам
Гренадер Абрам Мовшевич
Гренадер Элькана Сроилович
Каган Арон Янкелевич
Каганович Иосиф Пейсахович
Карлинский Ошер Овсеевич
Комар Овсей Вульфович
Коробочко Мордух
Котик Йосель Самуилович
Кундо Мовша
Манусевич Лиза Мовшевна
Осовский Сендер Ошерович
Пинчук Мордух Йоселевич
Слепчин Бейнус Зеликович
Старобинская Фейга-Лея (золотошвейка)
Фельдман Двейра Берковна (модистка)
Фишман Малка Ошеровна (белошвейка)
Фишман Хаим Ошерович
Фридман Мендель
Фруман Миндля Ицковна
Хочинский Вульф Лейбович
Хочинский Мовша Лейбович
Чечик Эбер-Шая Иосифович
Шифман Эфраим Юделевич
Шляпинтох Юдель Шмуйлович
Шнайдман Абрам Липович
Шустер Берко

Шапочники
Гительман Ицко Перцевич
Ламден Вульф Зеликович
Лехчин Самуил Борухович
Рехтман Мордух Бейзович
Рехтман Самуил Бейзович
Чарный Арон Ицкович
Шклявер Абрам Пейсахович

Кузнецы
Гоникман Пейсах Рувинович
Домбровицкий Довид Гиршевич
Лайхтман Меир Аронович
Кагнер Арон-Лейб Йоселевич
Калюжный Меир Мовшевич
Ольшанский Нисель Шлёмович
Райхман Довид Шмуйлович
Сошник Лейба Хаимович
Храпунский Лейзер
Чечик Иосиф Цалевич
Чечик Сроил-Меир

Сапожники
Глинер Лейзер Абрамович
Глозман Гирш Мовшевич
Глозман Зелик Гиршевич
Глозман Сроил-Меир Мовшевич
Глозман Эля Мовшевич
Гоникман Меир Ицкович
Гоникман Янкель Ицкович
Рейдер Меир Хаимович
Рейдер Ошер Хаимович

Жестянщики
Бородоцкий Гирш Янкелевич
Гренадер Гирш Залманович
Гренадер Мордух Менделевич

Шорники
Римар Арон Исаакович
Юдкович Шлёма Беркович

Слесарь
Фельдман Алтер Лейбович

Бондарь
Баркин Арон Абрамович

Фотограф
Гинзбург Арон Ицкович

Приложение 7

Жители Турова и Туровского района – участники Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Айзенштейн, Хаим (1923–1943), уроженец Турова, сын Моисея и Миндл Гальпериной, жил в Олевске, призван в Красную Армию (РККА), пропал без вести.

Бегин, Арон Иосифович (1911–1943), уроженец Турова, техник-интендант II ранга, призван РВК Баку, начальник финчасти 18-й армии, 20-го десант. корпуса, 165-й отд. стрелк. бригады, погиб.

Биндман, Абрам Зеликович (1912–1944), уроженец Турова, ст. лейтенант, полевая почта 43170, пропал без вести в авг. 1944.

Боков, Залман Шлёмович (1910–1944), уроженец Турова, сын Шлёмы и Хаи, муж Ривы, жил в Харькове, призван райвоенкоматом (РВК) Сталинского р-на Харькова, гвардии мл. лейтенант, командир стрелк. взвода 42-й гв. стрелк. дивизии, погиб в бою, захоронен: с. Боанень, Румыния.

Борухин, Шмуэль Мовшевич (1923–1942), уроженец Турова, учащийся Гомельского кооп. техникума, призван РВК Нальчика Кабардино-Балкарской АССР (1941), пропал без вести при обороне Ростова-на-Дону.

Борухин, Юдель Мовшевич (1912(?)–1945), уроженец Турова, гвардии лейтенант, призван Туровским РВК, командир самоходной установки СУ-76, командир взвода 386-го гв. самоходного артполка, погиб в бою, захоронен: д. Мечов (Метов), Германия.

Брегман, Залман (1913 г. р.), уроженец Турова, работник торговли, призван в РККА, после войны жил в Гомеле.

Брегман, Лев Вениаминович (1904–1943), уроженец с. Тонеж, призван РВК Кагановичского р-на Харькова, пропал без вести.

Брегман, Мотель Борухович (1905–1944), уроженец с. Тонеж, призван РВК Туровского р-на, пропал без вести.

Бурман, Вульф (1913–1945), уроженец Турова, сын Шимона и Юдас, инженер, жил в Москве, призван в РККА, погиб в Чехословакии.

Бурман, Соломон Яковлевич (1895–1944), уроженец Турова, призван РВК Подольского р-на Киева, пропал без вести.

Вагер, Залман Менделевич (1916–2006), уроженец Турова, призван РВК Днепропетровска, ст. лейтенант, ранен под Сталинградом, окончил сокр. курс 2-го Куйбышевского военного училища (1943), воевал в составе 3-го и 4-го Украинского фронтов, участвовал в освобождении Венгрии и Австрии, штурмах Вены и Будапешта, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й ст., демобилизовался (1946), преподавал в Пинском педучилище.

Вагер, Израиль Менделевич (1920–1941), уроженец Турова, сын Менделя и Малки, муж Симы, погиб в боях за Гайновиц, Польша.

Вагер, Хаим Менделевич (1918–1945), уроженец Турова, сын Менделя и Малки, учащийся Минского музыкального училища, пропал без вести в боях за Прагу, Чехословакия.

Вайнер, Моисей Абрамович (1911–1941), уроженец Турова, призван РВК Евпаторийского р-на (Крым), пропал без вести.

Верник, Хаим Моисеевич (1912–1943), уроженец д. Букча, призван РВК Кировского р-на Саратова, зам. командира роты 125-го полка 6-й стрелк. дивизии, погиб в бою, захоронен: д. Шкварово, Харьковская обл.

Воскобойников, Яков Абрамович (1918–1942), уроженец Турова, служил в штабе 21-й армии, погиб.

Выгонский, Рувим (1922–1944), уроженец Турова, сын Мойше-Арона и Башки Пуховицкой, призван РВК, погиб в Польше.

Гарбар, Арон Исаакович (1908–1944), уроженец д. Букча, сын Иосифа и Софы, жил в Турове, призван РВК Туровского района, мл. лейтенант, пропал без вести под Харьковом.

Гарбар, Ной Исаакович (1913–1941), уроженец с. Бунога Туровского р-на, призван РВК, ст. лейтенант, командир роты 39-го полка 20-й танк. дивизии 9-го механизир. корпуса, пропал без вести.

Герштейн, Абрам Шломович (1912–1942), уроженец Турова, призван в РККА во Владимирской обл., пропал без вести.

Гизунтерман, Пинхус Иосифович (1908–1982), уроженец Турова, призван РВК Молотовского р-на Ферганской обл. Узбекской ССР (дек. 1941), член истребит. батальона Хойников (авг. 1941), мл. лейтенант (1943), командир взвода зенитно-пулемет. роты, после войны зав. оружейным складом, начальник администр.-хозяйств. части РВК в Хойниках (1946–1948), похоронен в Хойниках.

Гизунтерман, Шлёма Мойшевич (?–1942), уроженец Турова, призван РВК в Хойниках, мл. лейтенант, начальник экспедиции 38-го отд. полка связи 10-й армии, пропал без вести.

Гинзбург, Михаил (1920–1942), уроженец Турова, сын Бернарда и Голды, студент Гомельского пединститута, погиб при обороне Ленинграда.

Гительман, Нохим Израилевич (1913–1944), уроженец Турова, погиб 1 янв. 1944 на фронте.

Гительман, Семен Исаакович (1926 г. р.), уроженец Турова, призван в Советскую Армию (1944), стрелок-радист, участвовал в войне с Японией (1945), живет в Днепропетровске.

Гительман, Сроил Ицкович (1923–1983), уроженец Турова, артиллерист, капитан, воевал под Сталинградом, на Курской дуге, кавалер орденов Отечественной войны 1-й и 2-й ст., Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», похоронен в Слуцке.

Гительман, Яков Наумович (?–1943), уроженец Турова, призван РВК Ленинграда, ст. лейтенант, умер от ран, захоронен в д. Сорокино Смоленской обл.

Глинер, Айзик Лазаревич (1926 г. р.), уроженец Турова, призван летом 1943, воевал в артиллерии, десант. войсках, освобождал Вену, победу встретил в Чехословакии (12 мая 1945), после демобилизации (1950) жил в г. Пинске и работал ст. товароведом, репатриировался в Израиль (2000).

Глинер, Борух Лазаревич (1922 г. р.), уроженец Турова, рядовой 106-го стрелк. полка, воевал на Западном фронте, репатриировался в Израиль в 1994.

Глинер, Ида Лазаревна (1919–2005), уроженка Турова, призвана в РККА (1942), воевала в стрелк. полку, после войны жила в Пинске.

Глинер, Исаак Исетович (1917–1942), уроженец Турова, служил в 350-й стрелк. дивизии, погиб.

Глинер, Невах Лазаревич (1916–2005), уроженец Турова, полковник, после войны жил в Баку.

Глозман, Зелик Гиршевич (1897–1944), уроженец Турова, работал в торговле, призван РВК Булунгурского р-на (Узбекистан), пропал без вести под Харьковом.

Глозман, Израиль Гершкович (1908–1941), уроженец Турова, призван РВК Ленинского р-на Киева, пропал без вести.

Глозман, Исаак Меирович (1925–1945), уроженец Турова, сын Меира и Фейгл, призван в РККА, погиб, место захоронения неизвестно.

Глозман, Лазарь Эльевич (1913–1942), уроженец Турова, мл. лейтенант, воевал в рядах 51-й армии, пропал без вести.

Глозман, Семен Меирович (1912–1995), уроженец Турова, участник войны, после войны преподаватель одного из вузов Минска.

Глозман, Семен Самуилович (1921–1944), уроженец Турова, студент Минского юрид. института (1939), призван в РККА (1940), окончил Ярославское пехот. училище, служил в 214-м полку 73-й гв. стрелк. дивизии, умер от ран, захоронен в с. Плех, в 32 км от г. Сенготару, Венгрия.

Глозман, Файвель (1912–1941), уроженец Турова, сын Мордхе-Йоселя и Ципы Марголиной, призван РВК Орджоникидзе, попал в немецкий плен в боях за г. Прилуки, погиб.

Глозман, Элиягу Меирович (1917–194?), уроженец Турова, призван РККА, погиб, место захоронения неизвестно.

Глозман, Янкель Шлёмович (1912–194?), уроженец Турова, муж Нехамы, воевал, пропал без вести.

Гоберман, Илья Гершевич (1926–2007), уроженец Турова, эвакуирован в с. Драйшпиц Нижнедобринского р-на Республики немцев Поволжья (1941), призван в РККА (1943), служил в 1079-м артполку в составе 1-го Белорусского фронта, окончил Ярославское военно-финансовое училище (1956), награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., медалями «За боевые заслуги» и «За взятие Берлина», майор, уволен в запас (1975), работал в отделе картографии ВМФ СССР (Ленинград), репатриировался в Израиль (1992).

Гоберман, Лев Соломонович (1892–1959), уроженец Турова, начальник ветеринар. отдела Северо-Кавказского военного округа (1939–1941), Юго-Западного и Волховского фронтов (1942–1943), зам. начальника ветеринар. управления Советской Армии (1944–1949), генерал-майор, с 1949 в отставке, награжден орденом Ленина, двумя орденами Боевого Красного Знамени, Отечественной войны 1-й ст., Красной Звезды, медалями, похоронен в Москве.

Гоберман, Михаил (1918–194?), уроженец Турова, водитель грузового автомобиля в Турове, призван РККА, погиб, место захоронения неизвестно.

Гоберман, Самуил Гершевич (1923–1944), уроженец Турова, призван РВК Турова, лейтенант, командир взвода 852-го стрелк. полка, тяжело ранен под Тулой (1941), находился на излечении в госпитале в Ижевске, погиб в бою 18 янв. 1944 у д. Мало-Бобовичи, похоронен в братской могиле в д. Шапуры Октябрьского сельсовета Витебского р-на.

Гозман, Макс Соломонович (1913–1941), уроженец Турова, служил в 85-й стрелк. дивизии, пропал без вести.

Голин, Арон Шаевич (1915–1943), уроженец Турова, пропал без вести в районе Сталинграда.

Голин, Пиня Шаевич (1926 г. р.), уроженец Турова, призван в 1943, рядовой, воевал на 2-м Белорусском фронте в составе 65-й армии, в 407-м стрелк. полку, освобождал Польшу, тяжело ранен, награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., медалью «За отвагу», демобилизован в дек. 1945.

Голин, Шлёма Шаевич (1922 г. р.), уроженец Турова, призван РВК Житковичей (июль 1941), окончил Чкаловское артучилище, лейтенант, командир батареи 343-й зенит. дивизии, участвовал в боях на Западном, 1-м и 2-м Белорусском фронтах, ранен под Витебском (март 1944), награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й ст., Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», инвалид войны, репатриировался в Израиль (1995).

Гоникман, Абрам Йоселевич (1910–1943), уроженец Турова, призван в РККА из запаса (май 1941), гв. лейтенант, командир взвода 226-го гв. артполка, пропал без вести на Курской дуге (1943).

Гоникман, Борух Ицкович (1920–1941), уроженец Турова, призван в РККА (1940), погиб в боях за Луцк.

Гоникман, Владимир Хаимович (1919 г. р.), уроженец Турова, окончил Минское пехот. училище им. Калинина (1939) и Военную академию им. Фрунзе (1956), участник Финской кампании (1940), командир роты, воевал на Сталинградском фронте (1942), начальник штаба 15-й дивизии 34-го стрелк. корпуса, участник встречи советских и американских войск на Эльбе, был представлен к званию Героя Советского Союза за операцию при форсировании Одера (янв. 1945), кадровый военный, полковник.

Гоникман, Даниил Хаимович (1920–2006), уроженец Турова, окончил Минское пехотное училище им. Калинина (1941), воевал на Карельском и 1-м Украинском фронтах (1941–1945), участвовал в освобождении Печенги, Киркенеса, Эльвинеса (Северная Норвегия), прошел с боями Германию, Чехословакию и Австрию, майор, работал в военном комиссариате г. Жмеринка (УССР), уволился в запас (1955), председатель Житковичской р-ной организации ветеранов и инвалидов второй мировой войны (с 1995), кавалер двух орденов Отечественной войны 1-й ст., ордена Отечественной войны 2-й ст., ордена Красной Звезды, медалей «За боевые заслуги», «За оборону Заполярья».

Гоникман, Исаак Яковлевич (1908–1943), уроженец Турова, ст. батальонный комиссар, комиссар 28-го гв. корпуса, умер от ран, захоронен на кладбище Саратова.

Гоникман, Михаил Хаимович (1924–1994), уроженец Турова, направлен в Минское пехот. училище (май 1941), затем в разведывательно-диверс. школу в п. Соколовка под Москвой, три раза был в тылу противника – в районе Рузы (нояб. 1941), Волоколамска (дек. 1941), Сосновицы (янв. 1942), начальник разведки 302-го гв. стрелк. полка, капитан, освобождал Белоруссию, Венгрию, Австрию, Чехословакию, кавалер двух орденов Отечественной войны, Красной Звезды.

Гоникман, Семен Ицкович (1926–2005), уроженец Турова, эвакуирован в с. Добринка Республики немцев Поволжья, в Сталинградскую обл., призван РВК Харькова (1943),

служил в 188-м полку тяжелой артиллерии в составе 2-го Прибалтийского, а затем Забайкальского фронтов, закончил войну в Пхеньяне (сент. 1945), награжден медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», демобилизован (1950), начальник газового снабжения в Турове (1967–1991), репатриировался в Израиль (1991).

Гоникман, Симха Йоселевич (1920–1942), уроженец Турова, призван в РККА (1940), окончил 2-е Ленинградское училище артиллерии на конной тяге, командир батареи, лейтенант, погиб под Старой Руссой, Ленинградская обл.

Гоникман, Тевье Йоселевич (1918–1941), уроженец Турова, до войны начальник Туровской пожарной дружины, воевал в Туровском партизанском отряде, пропал без вести.

Гоникман, Хаим Лейзерович (1895–1957), уроженец Турова, кочегар фабрики «Красный Октябрь» в Мозыре, ст. сержант, артиллерист, награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда».

Гоникман, Янкель Йоселевич (1925 г. р.), уроженец Турова, выпускник ускоренного курса военно-пехот. училища (1943), командир пулемет. взвода, воевал в составе 159-й танк. бригады 1-го танк. корпуса 1-го Прибалтийского, 3-го Белорусского фронтов, войну закончил в Кенигсберге, инспектор политотдела 2-й гв. армии, подполковник (1973); кавалер орденов Красной Звезды, Отечественной войны 1-й ст., награжден медалью «За взятие Кенигсберга» и др., эмигрировал в США (1997).

Гофман, Григорий (1910–1941), уроженец Турова, сын Симона и Леи, погиб в бою.

Гренадер, Айзик Давидович (1922 г. р.), уроженец Турова, сержант 45-й стрелк. дивизии, воевал на Ленинградском фронте, репатриировался в Израиль (1990).

Гренадер, Залман Нафтольевич (1903–1994), уроженец Турова, пехотинец, демобилизован по ранению (1944), инвалид, жил в Турове (1945–1968), переехал в Минск, репатриировался в Израиль (1991), похоронен в Цфате.

Гренадер, Хаим Гершелевич (1909–1943), уроженец Турова, до войны жестянщик, призван РККА в Свердловской обл., рядовой, погиб в боях на Орловско-Курской дуге.

Гумер, Ефим Самуилович (1919 г. р.), уроженец Турова, воевал на 3-м Белорусском фронте, капитан, репатриировался в Израиль (1990).

Гумер, Израиль Самуилович (1910–1941), уроженец Турова, сын Шмуэля и Шендл, рабочий, жил в Сталинграде, призван РККА, пропал без вести в боях под Смоленском.

Гумер, Иосиф Самуилович (1922 г. р.), уроженец Турова, призван в Сталинграде (1940), служил в пустыне Гоби в Монголии пулеметчиком, лейтенант-переводчик дивизиона радиоперехвата особого назначения Главного разведуправления (ГРУ), окончил Военный институт иностранных языков Советской Армии (1946); кавалер орденов Славы 3-й ст., Отечественной войны 2-й ст., польского Знака «Братство по оружию».

Гумер, Янкель Самуилович (1908–1943), уроженец Турова, сын Шмуэля и Шендл, жил в Сталинграде, учитель, призван в РККА, умер от ран в госпитале Махачкалы.

Гуревич, Абрам Александрович (1917–1944), уроженец Турова, призван в РККА в Киеве, гв. майор, командир 452-го истребит.-противотанк. артполка, погиб в бою, захоронен в с. Александровка, Кировоградская обл.

Гутман, Моисей Шаевич (1921–1944), уроженец Турова, призван РВК Подольского р-на Киева, пропал без вести.

Гутманович, Ишие Рувимович (1919–1941), уроженец Турова, призван ГВК Днепропетровска (1939), служил в Белорусском военном округе, пропал без вести под Минском, место захоронения неизвестно.

Дворкин, Гирш Лейбович (1907–1944), уроженец Турова, первый секретарь Туровского РК КП(б)Б (1938–1941), организатор Туровского партизанского отряда, майор, зам. комполка по политчасти, погиб.

Зайчик, Наум Григорьевич (1910–1944), уроженец Турова, призван в Журавичах Гомельской обл., пропал без вести.

Запесоцкий, Юдель (1900–1942), уроженец Турова, муж Брохи Башкиной, до войны сапожник в Турове, погиб под Сталинградом.

Зарецкий, Нафтоле Ошерович (1923 г. р.), уроженец Турова, окончил 2-е Ростовское арт.-противотанк. училище (май 1942), командир взвода батарей 76-мм орудий 694-го полка 383-й стрелк. шахтерской Феодосийско-Бранденбургской дивизии; участвовал в боях за Украину, Кубань, Кавказ, Крым, освобождал Польшу, участвовал в штурме Берлина; уволился в запас (1966) в звании полковника (начштаба ракетной части стратег. назначения), награжден 28 орденами и медалями, включая два ордена Боевого Красного Знамени, три ордена Отечественной войны 1-й и 2-й ст., орден Красной Звезды, две медали «За боевые заслуги», а также медали США, Польши и Израиля, репатриировался в Израиль (1992).

Зарецкий, Борис Ошерович (1917–1943), уроженец Турова, рабочий на мельнице, призван в РККА (1939), окончил школу мл. командиров в Бердичеве, командир орудия, ранен (1943), после излечения в госпитале на Урале отбыл в действующую армию, пропал без вести.

Зарецкий, Давид Ошерович (1914–1943), уроженец Турова, призван РВК Кировского р-на Москвы (1941), пропал без вести на Волховском фронте в составе 2-й уд. армии генерала Власова.

Зарецкий, Иосиф Ошерович (1913–1980), уроженец Турова, кочегар электростанции, призван в РККА (1941), автоматчик разведроты, тяжело ранен (1944), инвалид, после войны работал в райпотребкооперации, зав. рестораном Турова, похоронен в Курске.

Зарецкий, Михаил Иосифович (1914–1942), уроженец Турова, призван РВК Железнодорожного р-на Москвы, пропал без вести на фронте.

Калюжный, Айзик Гиршевич (1894–1941), уроженец Турова, сын Гирша и Добы Зарецкой, жил в Мозыре, шорник, погиб на фронте в районе Смоленска.

Каплан, Владимир Залманович (1923–1943), уроженец Турова, призван РВК Алапаевского р-на Свердловской обл., сержант, командир отделения 544-го полка 152-й стрелк. дивизии, погиб, захоронен: хутор Коробово Змиевского р-на, Харьковская обл.

Каплан, Михаил Моисеевич (1923–1943), уроженец Турова, призван ГВК Магнитогорска, рядовой 1097-го стрелк. полка, умер от ран, захоронен в п. Брынь, Смоленская обл.

Кеслин, Абрам Зеликович (1911–1942), уроженец Турова, призван в Киеве, политрук батальона 138-й отд. стрелк. бригады Балтийского флота, погиб в бою, захоронен в Севастополе.

Коробочко, Абрам-Мейше (?–194?), уроженец Турова, студент Минского политехнического института, призван в РККА, умер от ран в госпитале Саратовской обл.

Коробочко, Нохим Меирович (1918–194?), уроженец Турова, пропал без вести на фронте.

Кузнец, Александр Ефимович (1924–1943), уроженец Турова, призван в РККА, умер от ран, захоронен в п. Киста, Калмыкия.

Кузнец, Григорий Мордухович (1914–1963), уроженец Турова, рабочий комбината местной промышленности, призван в армию (1941), рядовой, после войны вернулся в Туров.

Кузнец, Лев Мордухович (1926–1948), уроженец Турова, призван в армию, кавалерист, после демобилизации зав. сапожной мастерской, умер от перитонита, похоронен на еврейском кладбище в Житковичах.

Кузнец, Шолом (1925–1943), уроженец Турова, эвакуировался в Сталинградскую обл., хутор Варкино (1941), призван в армию, пропал без вести.

Кундо, Арон Якерович (1912–1941), уроженец Турова, студент Ленинградского института кинематографии, воевал и погиб при обороне Ленинграда в 1941.

Кундо, Залман Иосифович (1927 г. р.), уроженец Турова, призван (дек. 1944) в Калинковичах, окончил снайперскую школу, служил в Колодищах Минского р-на, в районе Легницы (Польша), командир отделения мотопехоты (1945–1947).

Лайхтман, Абрам Меирович (1922–1944), уроженец Турова, переехал в Петриков, служил до войны в Витебске, мл. лейтенант, командир взвода, пропал без вести.

Лайхтман, Айзик Беркович (1897–1974), уроженец Турова, муж Этл и отец двух дочерей, которые погибли в оккупации, после демобилизации работал в Турове в торговле, похоронен на кладбище в урочище Казаргать.

Лайхтман, Грейном Аронович (1920–1942), уроженец Турова, призван РВК Турова (1939), военный водитель в Подмосковье, с начала войны на фронте, погиб.

Лайхтман, Израиль Аронович (1914–1944), уроженец Турова, выпускник Гомельского пединститута (1940), учитель математики в школе Минской обл., направлен в Смоленское офицерское училище, погиб на фронте.

Лайхтман, Меир Аронович (1905–1941), уроженец Турова, призван ГВК Гомеля, рядовой 401-го полка 120-й стрелк. дивизии, погиб в бою, захоронен: г. Ельня, Смоленская область.

Ламдин, Борис Вульфович (1913–1941), уроженец Турова, призван в Режице, пропал без вести.

Ламдин, Моисей Пейсахович (1896–1941), уроженец Турова, призван РВК Сталинского р-на Киева, рядовой ПВО Киева, пропал без вести.

Легчин, Рахмиэль (1923–194?), уроженец Турова, студент одного из вузов Минска, погиб на фронте, место захоронения неизвестно.

Лейтман, Израиль Аронович (1914–1944), уроженец Турова, призван РВК Узгенского района Ошской обл., Киргизия, рядовой, пропал без вести.

Лейтман, Исаак Вольфович (?–?), уроженец Турова, красноармеец, погиб на советско-германском фронте.

Лейтман, Элиягу Вольфович (?–?), уроженец Турова, погиб на советско-германском фронте.

Лельчук, Гирш Ицкович (1918–1992), уроженец д. Погост, служил в артиллерии Херсонской дивизии, сержант, награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы», «За победу над Германией», закончил войну в Румынии; после демобилизации (1946) вернулся в Белоруссию, репатриировался в Израиль (1990), похоронен в Ришон ле-Ционе.

Лельчук, Евсей Абрамович (1913–1999), уроженец Турова, участник советско-германской войны, зав. торговым отделом райисполкома в Турове (1945–1953), начальник ОРСа в д. Хвоенск, жил и работал в Смолевичах, эмигрировал в США (1992).

Лельчук, Иосиф Лейбович (1896–1943), уроженец Турова, рядовой 42-й дивизии 39-й армии, Западный фронт, погиб в бою, захоронен: д. Лазинки, Спас-Деменский р-н, Смоленская обл.

Лельчук, Мордух Мовшевич (?–1943), уроженец д. Озераны, красноармеец, пропал без вести.

Лельчук, Павел Моисеевич (1903–1942), уроженец д. Озераны, рядовой, погиб, похоронен в братской могиле на Пулковской высоте, Ленинградская обл.

Лельчук, Шимон Ицкович (1921–1944), уроженец Турова, курсант военного училища в Пуховичах (до 1941), капитан, начальник штаба 189-го миномет. полка, умер от ран, похоронен в 1,5 км юго-западней д. Хоусвлянки Рыбинской волости Пулавского уезда Люблянского воеводства, прах перенесен в г. Гарволин Седлецкого воеводства, Польша.

Лельчук, Яков (1919 г. р.), уроженец Турова, офицер Советской Армии, участник войны с нацистами, после демобилизации жил в Минске.

Лельчук, Янкель Давидович (1895–1944), уроженец с. Погост, призван РВК Туровского р-на, рядовой, стрелок, полевая почта 44073, пропал без вести.

Лехчин, Иосиф (1905–194?), уроженец Турова, сын Хаи, до войны служащий, жил в Житковичах, красноармеец, пропал без вести.

Лис, Борис Яковлевич (1924–1942), уроженец Турова, сын Полины Гинзбург, эвакуировался в Махачкалу, красноармеец, погиб при взятии Перекопа (Крым).

Литвак, Арон Яковлевич (1923–1943), уроженец Турова, призван РВК Туровского р-на, 13-я отд. штрафная рота 54-й армии, погиб, захоронен: д. Смердыня Киришского р-на, Ленинградская обл.

Лифшиц, Меир Лазаревич (1923 г. р.), уроженец Турова, призван в Тонеже (1941), воевал на Западном, 3-м и 4-м Украинском фронтах, после демобилизации (1948) окончил финансово-эконом. институт в Корыстыне (Украина), работал в системе торговли, репатриировался в Израиль (1990).

Макстман, Михаил Аронович (1912–1942), уроженец Турова, лейтенант, служил в штабе Воронежско-Борисоглебского ПВО, пропал без вести.

Марголин, Арон Евсеевич (1900–1944), уроженец Турова, призван РВК Овручского р-на Житомирской обл., пропал без вести.

Марголин, Исаак Лейбович (1907–1942), уроженец Турова, красноармеец, умер от ран.

Марголин, Меир Абрамович (1923 г. р.), уроженец Турова, майор, окончил 2-е Бердичевское пехот. училище в Актюбинске Казахской ССР, воевал на Сталинградском фронте, тяжело ранен, служил в нестроевых частях, ст. юрист управления штаба Туркестанского военного округа (1952–1990); награжден орденом Отечественной войны 1-й ст., медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и др., репатриировался в Израиль (1990).

Медник, Евсей Израилевич (1904–1941), уроженец Турова, сын Леи, муж Миндл Фруман, красноармеец, погиб под Смоленском.

Меклин, Залман Абрамович (1905–1941), уроженец Турова, призван РВК Василеостровского р-на Ленинграда, красноармеец, пропал без вести.

Молочник, Израиль Юделевич (1916–195?), уроженец Турова, участник войны, умер от полученных ранений в области головы в больнице Калинковичей.

Молочник, Хоня (1921–1945), уроженец Турова, работник комбината местной промышленности, рядовой, погиб на фронте.

Муравчик, Иосиф Моисеевич (1906–1943), уроженец Турова, призван РВК Турова, погиб, захоронен: д. Городище, Курская обл.

Муравчик, Яков Ицкович (1916–1941), уроженец Турова, красноармеец, погиб в бою в районе Смоленска.

Осовский, Шевель Сейдович (1909–1943), уроженец Турова, призван РВК Туровского р-на, сержант, отд. команда 768-го полка 138-й стрелк. дивизии, умер от ран, захоронен вблизи д. Малая Павловка Грунинского р-на Сумской обл., Украина.

Перкин, Наум Соломонович (1912–1976), уроженец Турова, мл. лейтенант (1937), с началом войны ушел в Могилев, попал в окружение (окт. 1941), участник партизанского движения (1942–1943): артиллерист, минер, командир взвода, начальник штаба Рогнединской партизанской бригады Западного (Смоленского) партизанского штаба, воевал на Курляндском и Либавинском плацдармах (1944–1945); кавалер ордена Красной Звезды.

Пильщик, Матвей Исаакович (1926–1991), уроженец Турова, воевал в составе 140-го полка, 47-й гв. стрелк. дивизии, 8-й гв. армии маршала В.И. Чуйкова, 1-го Белорусского фронта, репатриировался в Израиль (1990).

Пуховицкий, Израиль Лейбович, (1905–1941), уроженец Турова, сын Сары, красноармеец 848-го стрелк. полка, пропал без вести.

Пуховицкий, Иосиф Давыдович (1915–1941), уроженец с. Озераны, мл. лейтенант, командир взвода, пропал без вести.

Пуховицкий, Шимон Лейбович (1914–1941), уроженец Турова, командир взвода, убит в бою в районе Смоленска.

Райхман, Абрам Соломонович (1923–1988), уроженец Турова, капитан, окончил Харьковское военно-полит. училище (1943), кавалер ордена Красной Звезды, медалей «За освобождение Будапешта», «За взятие Вены».

Райхман, Айзик Давидович (1924–1944), уроженец Турова, призван РВК Лельчицкого района, пропал без вести.

Райхман, Давид Соломонович (1924–1952), уроженец Турова, курсант пехотного училища г. Лагодехи Грузинской ССР, воевал на 4-м Украинском фронте, награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За освобождение Праги», кавалер ордена Славы 3-й ст.

Райхман, Даниил Меирович (1916–1941), уроженец с. Тонеж, призван РВК Туровского р-на, партизан, погиб в бою.

Райхман, Йосель Шлёмович (?–?), уроженец Турова, сын Сары и Шлейме, красноармеец, проживал в г. Гусеве, Калининградская обл.

Райхман, Лейвик Шлёмович (?–?), уроженец Турова, сын Сары и Шлейме, умер от полученных ранений после войны.

Райхман, Михаил Пинкусович (1913–1944), уроженец Турова, гвардии сержант, командир отделения 340-го полка 121-й гв. стрелк. дивизии 1-го Украинского фронта, погиб в бою, захоронен: д. Красная Луцкого р-на, Волынская обл.

Райхман, Михаил Шлёмович (1925 г. р.), уроженец Турова, сын Сары и Шлейме, участник советско-германской войны, в 1950-е гг. переехал в Днепропетровск, эмигрировал в США (1993).

Райхман, Яков Борисович (1919–1943), уроженец Турова, призван в Саранском р-не Ульяновской обл., гвардии ст. лейтенант, зам. командира батальона 8-го полка 3-й гв. воздушно-десант. дивизии, погиб в бою, захоронен: д. Андреевка Бородянского района Киевской обл., Украина.

Рапопорт, Моисей Борисович (1922–1942), уроженец Турова, призван в Москве, воевал в Киришском р-не Ленинградской обл., пропал без вести.

Ратнер, Ошер Абрамович (1922–1943), уроженец Турова, призван РВК Сталинского р-на Киева, связист батальона отд. полка связи, 28-я полевая почта, пропал без вести.

Рейдер, Шлейме Меирович (?–?), уроженец Турова, командир истребит. батальона (авг. 1941), после демобилизации – директор машинно-тракторной станции в Турове.

Рехтман, Беез Маркович (1920–1988), уроженец Турова, участвовал в войне с Японией, главный хирург военного госпиталя на о. Сахалин Дальневосточного фронта (1945), полковник, доктор мед. наук, профессор.

Рехтман, Зелик Беезович (1903–1943), уроженец Турова, партизан соединения под командованием Е.А. Ковпака, погиб в бою, захоронен: г. Яремча Ивано-Франковской обл., Украина.

Рехтман, Янкл Мордхе-Берл (1921 г. р.), уроженец Турова, служил на границе в районе Ковеля, Луцка и Владимир-Волынского, артиллерист-разведчик, несколько раз ранен и контужен, последний раз при штурме Кенигсберга, закончил войну в звании капитана, инвалид 2-й группы, имеет 24 правительственные награды.

Розенфельд, Абрам Гиршевич (1925 г. р.), уроженец Турова, окончил Киевскую военно-морскую школу спец. назначения, Военно-морскую мед. академию в Ленинграде (1950), начальник м/с базы бригады торпедных кораблей (1950–1955), флагманский врач морской бригады (1960–1971) в Керчи, майор м/с, награжден медалями «За боевые заслуги», «За воинскую доблесть», «За победу над Германией»; репатриировался в Израиль (1990).

Розенфельд, Борух Гиршевич (1906–1972), уроженец Турова, участник войны с Германией.

Розенфельд, Элиягу Гиршевич (1923–1943), уроженец Турова, лейтенант, погиб в боях с нацистами на Курско-Орловском направлении.

Славкин, Григорий Янкелевич (?–?), уроженец Турова, призван в РККА, погиб в первом бою.

Славкин, Иосиф Янкелевич (?–?), уроженец Турова, призван в РККА, умер от ран в госпитале Баку.

Славкин, Янкель (1893–19?), уроженец Турова, участник войны, умер в Челябинской обл.

Сошник, Ефим (1923–1993), уроженец Турова, призван в армию (1941), окончил курсы военных фельдшеров и Военно-медицинскую академию им. Кирова в Ленинграде, военный хирург, репатриировался в Израиль (1991).

Сошник, Пиня Аронович (1915–?), уроженец Турова, призван в РККА (1941), после демобилизации жил в Курске.

Старобинский, Борис Алтерович (1924–1942), уроженец Турова, учился в артучилище, погиб при бомбежке, даже не успев попасть на фронт.

Старобинский, Григорий Мордухович (1925 г. р.), уроженец Турова, лейтенант, воевал в 337-м стрелк. полку, Юго-Западный фронт, Румыния, репатриировался в Израиль (1990).

Старобинский, Самуил Алтерович (1921–1956), уроженец Турова, добровольцем ушел на фронт, вернулся инвалидом.

Старобинский, Хаим Алтерович (1920–1943), уроженец Турова, учился в Академии художеств им. Репина, погиб на фронте.

Фельдман, Меир Борисович (1908–1942), уроженец Турова, призван РВК Островского р-на Ленинградской обл., лейтенант, зам. командира роты 157-й танк. бригады, пропал без вести.

Фельдман, Яков Меирович (1913–1943), уроженец с. Скородное, сын Иты Фридман, муж Сошки Коробочко, жил в Турове, офицер РККА, погиб при прорыве блокады Ленинграда.

Фишман, Ошер Хаимович (1924 г. р.), уроженец Турова, призван в армию в сент. 1942, воевал на Курской дуге и Центральном фронте, ст. сержант, тяжело ранен (сент. 1943), демобилизован (1945), кавалер ордена Отечественной войны 1-й ст., награжден медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией».

Флейтман, Абрам Вульфович (1911–1983), уроженец Турова, милиционер, участник войны, после демобилизации председатель колхоза в Запесочье, похоронен в Турове.

Флейтман, Айзик Файвелевич (1920–1942), уроженец Турова, сержант, служил в управлении 111-й стрелк. дивизии, погиб.

Флейтман, Гирш Вульфович (1909–1969), уроженец Турова, ст. политрук (майор), ранен под Москвой (1942), потерял ногу, после излечения в госпитале г. Чкалов (ныне Оренбург) приехал к семье в Узбекистан, председатель горсовета Мирзачуль (1943); по телеграмме ЦК КП(б)Б отозван в Туров (авг. 1944), председатель райисполкома (1945–1953).

Флейтман, Илья (1921–1956), уроженец Турова, участник войны, после демобилизации вернулся в Туров, работал в системе промкооперации, похоронен в Турове на еврейском кладбище в урочище Казаргать.

Флейтман, Ицхак Велвелович (1906–1941), уроженец д. Тонеж, красноармеец, погиб на фронте.

Флейтман, Шая Исаакович (1900–1942), уроженец д. Тонеж, военнослужащий, погиб на фронте.

Флейтман, Эля Велвелович (1925–1943), уроженец д. Тонеж, сын Бейли, красноармеец, погиб на фронте.

Флейтман, Яков (1923–2006), уроженец д. Тонеж, участник войны, пережил немецкий плен, скрывая еврейство, после освобождения вернулся в Туров, репатриировался в Израиль (1991), похоронен в Беэр-Шеве.

Фридман, Залман Аронович (?–?), уроженец Турова, призван в РККА до 1941 г., служил в Буйновичах (военгородок) Лельчицкого района, погиб в годы войны, место захоронения неизвестно.

Фридман, Пинхас Аронович (?–?), уроженец Турова, красноармеец, служил в Буйновичах, погиб в годы войны, место захоронения неизвестно.

Фридман, Хаим Аронович (?–?), уроженец Турова, красноармеец, служил в Буйновичах, погиб в годы войны, место захоронения неизвестно.

Фридман, Шмуэль Аронович (?–?), уроженец Турова, красноармеец, служил в Буйновичах, погиб в годы войны, место захоронения неизвестно.

Фридман, Элконе Нахманович (1914–1943), уроженец Турова, призван РВК Курска, пропал без вести на фронте.

Фридман, Юдель Аронович (?–?), уроженец Турова, красноармеец, служил в Буйновичах, погиб в годы войны, место захоронения неизвестно.

Фридман, Яков Аронович (?–?), уроженец Турова, красноармеец, служил в Буйновичах, погиб в годы войны, место захоронения неизвестно.

Фруман, Юде-Лейб (1909–1941), уроженец Турова, сын Сони, до войны инженер в Минске, был в эвакуации в Андижане, офицер РККА, погиб на фронте.

Хазан, Арон Аронович (1922 г. р.), уроженец Турова, покинул Минск с отступающими частями Красной Армии (28 июня 1941), воевал, первый раз ранен в сент. 1942 под Ржевом, демобилизован после тяжелого ранения в голову (1944).

Храпунский, Гершл Зеликович (1912–1986), уроженец Турова, участник войны, после демобилизации жил в Минске.

Чечик, Абрам Шлёмович (1908–1984), уроженец Турова, воевал с нацистами (1941–1945), участвовал в сооружении памятника погибшим евреям в Лельчицах.

Чечик, Григорий Иосифович (1923–2007), уроженец Турова, до войны учился в Белорусском политехническом институте в Минске, эвакуировался в Копейск (РСФСР, Урал), где добровольно вступил в Красную Армию, майор, кавалер двух орденов Красной Звезды и трех орденов Отечественной войны.

Чечик, Иосиф Цалевич (1901–1979), уроженец Турова, в годы войны сапер 132-го отд. дорожно-строит. батальона, готовил переправы через реки, ремонтировал танки, воевал под Москвой, на Центральном фронте, награжден медалями «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», дошел до Восточной Пруссии, участвовал в войне с Японией.

Чечик, Лейба Израилевич (1923–1942), уроженец Турова, имел освобождение по болезни, но добровольно ушел в армию, воевал на о. Рыбачий в Баренцевом море, Ленинградском и Волховском фронтах, пропал без вести при обороне Ленинграда, по другим сведениям – умер от ран в госпитале.

Чечик, Лейба Иосифович (1912–1941), уроженец Турова, сын Сони, до войны сапожник, красноармеец, погиб на фронте.

Чечик, Михаил Шлёмович (1922–1941), уроженец Турова, сын Сары, красноармеец, погиб в Молдавии.

Чечик, Мойше Шлёмович (1922–1941), уроженец Турова, призван 17 мая 1941, за месяц до выпускных экзаменов и получения аттестата зрелости, служил в кавалерии в Бессарабии и погиб в первые дни войны, место захоронения неизвестно.

Чечик, Монус Шлёмович (1904–1943), уроженец д. Сторожовцы, сын Сары, часовой мастер-самоучка в Турове, киномеханик, призван в РККА в Житковичах, лейтенант, командир взвода пехоты, погиб под Сталинградом.

Чечик, Яков Миронович (1914–1941), уроженец Турова, ст. сержант, служил в 267-й стрелк. дивизии, пропал без вести.

Чирин, Абрам Евсеевич (1907–1943), уроженец Турова, мл. сержант, служил в 267-й стрелк. дивизии, погиб в бою.

Швец, Арон Львович (1918–1944), уроженец Турова, сержант, полевая почта 1659, 11-й артполк, пропал без вести.

Шифман, Айзик Моисеевич (1900–1980), уроженец Турова, участник гражданской и второй мировой войн, награжден пятью медалями, включая «За победу над Германией».

Шифман, Аркадий Айзикович (1922 г. р.), уроженец Турова, командир роты, ст. лейтенант, кавалер орденов Красной Звезды и Отечественной войны, имеет 16 медалей.

Шифман, Борис Исаакович (1920–1996), уроженец Турова, воевал в действующей армии (1941–1945), инженер в Минске (1956), эмигрировал в США (1991).

Шифман, Борис Моисеевич (1913–1982), уроженец Турова, призван в РККА (1940), войну встретил на польской границе в районе Львова, ст. сержант, командир отделения в гв. артдивизии прорыва, воевал на Северном Кавказе, под Сталинградом, на Курской дуге, на Белорусском фронте, участвовал в штурме Кенигсберга, награжден двумя медалями «За отвагу», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией».

Шифман, Калман Исаакович (1913–194?), уроженец Турова, сын Рахили Чарной, бухгалтер в Турове, призван в РККА (1939), офицер, погиб на советско-германском фронте.

Шифман (Голина), Клара (1926–1990), уроженка Турова, эвакуирована в Сталинградскую обл., добровольно ушла служить медсестрой в полевой госпиталь (1943), в составе которого дошла до Польши (1945), после демобилизации жила в Курске.

Шифман, Ошер (1922–1943), уроженец Турова, сын Мейше и Энтл, красноармеец, погиб под Сталинградом.

Шифман, Ошер Рувинович (1905–1943), уроженец Турова, продавец в магазине Турова, призван в армию, служил в гужевом батальоне (подвозил снаряды и все необходимое к линии фронта), ранен, умер 18 янв. 1943, похоронен: с. Приютное, Калмыцкая АССР.

Шифман, Пинхус Моисеевич (1895–1941), уроженец Турова, сын Мейше-Велвла и Мени Новак, муж Рахели Миклиной, участник первой мировой войны, был в немецком плену до 1918, красноармеец, погиб при обороне Крыма.

Шифман, Хаим Исаакович (1909–1941), уроженец Турова, сын Рахили, муж Ривы Старобинской, до войны продавец в магазине, проживал в Курске, красноармеец, погиб при защите Воронежа.

Шифман, Хаим Моисеевич (1915–1951), уроженец Турова, в 1941–1945 г. на фронте, начальник хоз. службы полевого госпиталя, штурмовал Кенигсберг, награжден четырьмя медалями.

Шляпинтох, Абрам (1902–1942), уроженец Турова, муж Гели, до войны продавец в Турове, красноармеец, пропал без вести.

Шляпинтох, Авремел Гиршов (1910–1943), уроженец Турова, красноармеец, погиб на Орловско-Курской дуге.

Шляпинтох, Берл Гиршевич (1923 г. р.), уроженец Турова, минометчик 7-го механизир. корпуса 1-го Украинского, 3-го Белорусского фронтов, освобождал Минск, Польшу, Чехословакию (1943–1945), Победу встретил в Праге, кавалер орденов Отечественной войны 2-й ст. и Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За освобождение Праги».

Шляпинтох, Мойше (1914–1941), уроженец Турова, сын Малки, красноармеец, погиб при обороне Львова.

Шляпинтох, Самуил Григорьевич (1922–1943), уроженец Турова, гв. лейтенант, командир взвода 3-й пулемет. роты, погиб в бою.

Шляпинтох, **Шмуэль Гиршевич** (1922–1943), уроженец Турова, красноармеец, погиб на Орловско-Курской дуге.

Шнайдман, Григорий Мойшевич (1906–1942), уроженец Турова, сын Этл, муж Аси, жил в Орджоникидзе, красноармеец, погиб на советско-германском фронте.

Шустерман, Арон Абрамович (1902–1944), уроженец Турова, служил в 250-м полку 82-й Ярцевской стрелк. дивизии, умер от ран, захоронен: д. Еленка Бельского р-на, Белоруссия.

Шустерман, Борис Йоселевич (1906–1941), уроженец Турова, политрук роты 482-й стрелк. дивизии, пропал без вести.

Шустерман, Владимир Абович (1923–1944), уроженец Турова, призван РВК Турова, пропал без вести.

Шустерман, Вульф Гиршевич (1919–1942), уроженец Турова, призван в Лельчицах, стрелок, пропал без вести на фронте.

Шустерман, Гиги Вульфович (1907–1941), уроженец Турова, призван РВК Турова, рядовой 435-го стрелк. полка, пропал без вести.

Шустерман, Невах Ицкович (1907–1942), уроженец Турова, призван ГВК г. Смоленска, рядовой 1030-го полка 260-й стрелк. дивизии, умер от ран.

Шустерман, Яков Йоселевич (1908–1941), уроженец Турова, погиб на фронте, жена и двое детей убиты нацистами в Турове.

Шустерман, Яков Матвеевич (1911–1941), уроженец Турова, рядовой 844-го полка 267-й стрелк. дивизии, погиб в бою.

Шухман, Михаил Ошерович (?–?), уроженец Турова, сын Ханы Чечик, жил в Симферополе, красноармеец, пропал без вести на фронте.

Якиревич, Илья Абрамович (1904–194?), уроженец Турова, сын Соры, до войны бухгалтер, красноармеец, погиб на советско-германском фронте в районе Ельска.

Жители Турова, погибшие от рук нацистов и их пособников в 1941–1942 гг.

Бегун, Мэра Ошеровна
Блох, Тайба
Бондарь, Валентина Александровна
Бондарь, Лена Александровна
Бондарь, Тамара Александровна
Бондарь, Шева Меировна
Браиловская, Хая Гиршевна
Брегман, Арон Йоселевич
Брегман, Бейля Йоселевна
Брегман, Бейля Зеликовна
Брегман, Бейля Янкелевна
Брегман, Брайда Меировна
Брегман, Изя Йоселевич
Брегман, Изя Юделевич
Брегман, Йосель
Брегман, Йосель Айзикович
Брегман, Маша Юделевна
Брегман, Наум Янкелевич
Брегман, Роза
Брегман, Сара Хаимовна,
Брегман, Соня Боруховна
Брегман, Сроил Цалевич
Брегман, Фейга Хаимовна
Брегман, Фрадля Лейбовна
Брегман, Хаим Гиршевич
Брегман, Хаим Юделевич
Брегман, Хая Зеликовна
Брегман, Шифра Хаимовна
Брегман, Эбер Янкелевич
Брегман, Эля Зеликович
Брегман, Эстер Берковна
Брегман, Юдас Айзиковна
Букчина, Бэла Ошеровна
Вагер, Ася Меировна
Вагер, Беба Хаимович
Вагер, Гедэль Хаимович
Вагер, Геня Сроиловна
Вагер, Геня Хаимовна
Вагер, Дина Сроиловна
Вагер, Ента Лейбовна
Вагер, Исаак Сроилович
Вагер, Исаак Хаимович
Вагер, Лейба Хаимович
Вагер, Хаим Ицкович
Вагер, Цаля Мойшевна
Вагер, Шлёма Ицкович
Вайнблат, Авром Нецкович
Вайнблат, Борух Нецкович
Вайнблат, Броха Нецковна
Вайнблат, Гирш Нецкович
Вайнблат, Рива Нецковна
Вайнблат, Хайка Мойшевна
Вайнблат, Юдас Нецковна
Выгонская, Гита Елиховна
Выгонская, Рахиль
Выгонская, Сара Симовна
Выгонский, Ошер
Выгонский, Хаим Самуилович
Гарбар, Шейндл Залмановна
Гинзбург, Арон
Гинзбург, Сара Гершовна
Гинзбург, Сара Лейзеровна
Гизунтерман, Владимир Аронович
Гизунтерман, Владимир Давидович
Гизунтерман, Давид Вольфович
Гизунтерман, Давид Йоселевич
Гизунтерман, Давид Янкелевич
Гизунтерман, Исер Аронович
Гизунтерман, Мойша Аронович
Гизунтерман, Мойша Давидович
Гизунтерман, Пиня Аронович
Гизунтерман, Солена
Гизунтерман, Хана
Гизунтерман, Шломо Давидович
Гизунтерман, Эстерка Юделевна
Гительман, Авром Якирович
Гительман, Бэла Янкелевна
Гительман, Гирш Хаимович

Гительман, Дыля Якировна
Гительман, Инта Самуиловна
Гительман, Итка Якировна
Гительман, Йосель Якирович
Гительман, К.Г.
Гительман, Нойман Якирович
Гительман, Мэрл
Гительман, Тайба Янкелевна
Гительман, Хана Самуиловна
Гительман, Шмуэль Хаимович
Гительман, Эстер-Лея
Глин, Броха
Глин, Нахман Эльевич
Глин, Эля
Глинер, Бора Юделевич
Глинер, Иехиэль Ицкович
Глинер, Меир
Глинер, Нехама Меировна
Глинер, Хая Зеликовна
Глинер, Эстер-Фейга
Глозман, Бейля
Глозман, Броня Эля-Лейбовна
Глозман, Гирш Лейбович
Глозман, Ида Эля-Лейбовна
Глозман, Маня Григорьевна
Глозман, Мира Григорьевна
Глозман, Йосель Шмуилович
Глозман, Лея Мойшевна
Глозман, Лиза Зеликовна
Глозман, Минуха Симховна
Глозман, Мойше Эля-Лейбович
Глозман, Мэра Нахмановна
Глозман, Нэся Нахмановна
Глозман, Ошер Эля-Лейбович
Глозман, Самуил
Глозман, Сара Вульфовна
Глозман, Фаня Нахмановна
Глозман, Шмуил Эльевич
Глозман, Эля Мойшевич
Глозман, Эстер
Глозман, Этя Григорьевна,
Глозман, Янкель Зеликович
Глозман, Янкель Эля-Лейбович
Гоберман, Голда Хаимовна
Гоберман, Мина
Голина, Итке-Рохл Айзиковна
Голина, Пешке Айзиковна
Головей, Вельчик Мойшевич
Головей, Загда Ицковна
Головей, Лейба Ицкович
Головей, Мотл
Головей, Нехама Вельчиковна
Головей, Хина Львовна
Головей, Цаля Юделевна
Головей, Шая Ицкович
Головей, Шиел
Головей, Э.М.
Головей, Янкель Ицкович
Голод, Рувин
Гоникман, Бася Шлёмовна
Гоникман, Бетхар
Гоникман, Броха Михелевна
Гоникман, В.М.
Гоникман, Гирш Мойшевич
Гоникман, Ицко Шлёмович
Гоникман, Маша
Гоникман Меир Михелевич
Гоникман, Поля Берковна
Гоникман, Сулька Йоселевна
Гоникман, Хася Бейроховна
Городецкая, Голда Янкелевна
Городецкая, Мина Янкелевна
Городецкая, Рива Янкелевна
Городецкая, Сара Янкелевна
Городецкий, Борух Янкелевич
Городецкий, Исер Шлёмович
Горская, Батья Мойшевна
Горская, Дина Мойшевна
Гофман, Циля Григорьевна
Гренадер, Абрам
Гренадер, Вера Давидовна
Гренадер, Геня Давидовна
Гренадер, Гершл Залманович
Гренадер, Давид Залманович
Гренадер, Давид Иосифович
Гренадер, Дора Давидовна
Гренадер, Мина Давидовна
Гренадер, Мэра Абрамовна
Гренадер, Сара Берковна
Гренадер, Фаина Янкелевна

Гренадер, Фейга Берковна
Гренадер, Фейга Хаимовна
Гренадер, Фейга Янкелевна
Гренадер, Хаим Шлеймович
Гренадер, Цикель Давидович
Гренадер, Янкель Давидович
Гурская, Майя
Гурская, Роза Самуиловна
Гурская, Соня
Гурская, Тома
Железняк, Бася
Железняк, Янкель Аронович
Зарецкая, Шейндл Нафтольевна
Зарецкий, Ошер Менькович
Зингман, Зися Иссеровна
Зингман, Израиль Иосифович
Зингман, Йосель Йоселевич
Зингман, Соня Йоселевна
Кантор, Зелик Янкелевич
Кантор, Лея Зеликовна
Кантор, Мирьям-Лея Зеликовна
Кантор, Шлёма Янкелевич
Кантор, Энта Янкелевна,
Канторович, Рейза Ошеровна
Каплан, Изя
Каплан, Рахиль
Каплан, Тмиля Лейбовна
Каплан, Эля Лейбович
Каплинский, Лейб
Квечман, Бася
Квечман, Биня Нахманович
Квечман, Люба
Квечман, Нахман Мойшевич
Квечман, Рахиль
Квечман, Сроил Лейбович
Квечман, Хая Лейзеровна
Клугерман, Айзик
Клугерман, Голда
Клугерман, Давид
Клугерман, Давид Борухович
Клугерман, Давид Янкелевич
Клугерман, И.
Клугерман, Изя
Клугерман, Самуил
Клугерман, Хаим
Клугерман, Шлёма Янкелевич
Клугерман, Э.Н.
Клугерман, Эстер
Кожангородецкий, Монка
Койтерман, Фейга Абрамовна
Колюжная, Гита Абрамовна
Колюжная, Феня Давидовна
Колюжная, Хайка Берковна
Колюжный, Мойша Беркович
Комар, Геня Ошеровна
Комар, Гирей Шлёмовна
Комар, Шиел Айзикович
Коник, Фроим Давидович
Коробочко, Борух Гиршевич
Коробочко, Гирш
Коробочко, Дора Мойшевна,
Коробочко, Лея
Коробочко, Маня Гиршевна
Коробочко, Мотл Гиршевич
Коробочко, Соня Мойшевна,
Коробочко, Фейбуш Мойшевич,
Коробочко, Фира Мойшевна,
Коробочко, Хана Мойшевна,
Коробочко, Хацкель Мойшевич
Коробочко, Шева Берковна
Коробочко, Юца Мойшевна
Коробочко, Янкель Гиршевич
Красильщик, Двейра Зеликовна
Кузнец, Бейля Изелевна
Кузнец, Брайка Зеликович
Кузнец, Ента Хаимовна
Кузнец, Зелик Хаимович
Кузнец, Изя
Кузнец, Йосель Зеликович
Кузнец, Малка Боневна
Кузнец, Мойша
Кузнец, Мэра Нохимовна
Кузнец, Рая Зеликовна
Кузнец, Сендер
Кузнец, Соня Изелевна
Кузнец, Сроил Янкелевич
Кузнец, Файбиш Хаимович
Кузнец, Хаим Зеликович
Кузнец, Хана Элевна
Кузнец, Хая Боруховна

Кузнец, Шпринца Зеликовна
Кундо, Арон Борухович
Кундо, Борух Мойшевич
Кундо, Борух Янкелевич
Кундо, Изя Меирович
Кундо, Итка Абрамовна
Кундо, Йосель
Кундо, Маня
Кундо, Марина Мойшевна
Кундо, Ошер Мойшевич
Кундо, Райка Меировна
Кундо, Рива Ароновна
Кундо, Фаина Мойшевна
Кундо, Фейга Янкелевна
Кундо, Ханка Иосифовна
Кундо, Янер Хаимович
Лайхтман, Арон Беркович
Лайхтман, Арон Мойшевич
Лайхтман, Бейля
Лайхтман, Берко Исаакович
Лайхтман, Борух Шевахович
Лайхтман, Броха Ицковна
Лайхтман, Дора Мойшевна
Лайхтман, Дорис Шеваховна
Лайхтман, Залман
Лайхтман, Зина
Лайхтман, Исаак Аронович
Лайхтман, Лея Исааковна
Лайхтман, Лиза Ароновна
Лайхтман, Малка Шеваховна
Лайхтман, Мэра Боруховна
Лайхтман, Нина Шеваховна
Лайхтман, Ошер Шевахович
Лайхтман, Пиня Аронович
Лайхтман, Рая Ароновна
Лайхтман, Роза-Злата
Лайхтман, Сара Шеваховна
Лайхтман, Соня Мойшевна
Лайхтман, Соре-Голде
Лайхтман, Тайба Хаимовна
Лайхтман, Файвель Мойшевич
Лайхтман, Фира Мойшевна
Лайхтман, Хава Мойшевна
Лайхтман, Хаим Мойшевич
Лайхтман, Хана Мойшевна
Лайхтман, Шлёма
Лайхтман, Этя Ароновна
Лайхтман, Юца Мойшевич
Ламдин, Бенцион Аронович
Ламдин, Бельке Бенцевна
Ламдин, Буня Хаимович
Ламдин, Гильда Мойшевна
Ламдин, Гинда Меировна
Ламдин, Гирш Бецкович
Ламдин, Гирш Мойшевич
Ламдин, Ита Германовна
Ламдин, Шифра Израилевна
Ламдин, Янкель Бецкович
Лаховская, Роза Лейбовна
Лаховский, Шолом Лейбович
Левшин, Лейзер Файберович
Легчин, Арон
Легчин, Гена Носонович
Легчин, Гирш Носонович
Легчин, Дина
Легчин, Дыля
Легчин, Найка
Легчин, Нисан
Легчин, Роза
Легчин, Соня
Лельчук, Абрам Иосифович
Лельчук, Александра Абрамовна
Лельчук, Бенцион Борухович
Лельчук, Беньямин
Лельчук, Борух Меирович
Лельчук, Дина Мотелевна
Лельчук, Дыля Йоселевна
Лельчук, Иосиф Борухович
Лельчук, Итка
Лельчук, Йосель Борухович
Лельчук, Мария Абрамовна
Лельчук, Мария Янкелевна
Лельчук, Меир Меирович
Лельчук, Рахиль Боруховна
Лельчук, Сара Боруховна
Лельчук, Софья Абрамовна
Лельчук, Хава Меировна
Либерман, Рива Шлёмовна
Лившиц, Роля Файвелевна
Луцкая, Фейга Хаимовна

Луцкий, Борух
Марголин, Абрам Ицкович
Марголин, Иосиф Абрамович
Марголин, Мойша Абрамович
Марголина, Малка Давидовна
Марголина, Рахиль Абрамовна
Марголина, Фейга Мойшевна
Марголина, Фрейдл Гершевна
Марголина, Хая
Марголина, Ципа Мойшевна
Марголина, Шифра
Марголина, Эстер Абрамовна
Меклин, Абрам
Меклин, Авремул Нафтольевич
Меклин, Нафтоле
Меклина, Лыбе
Меклина, Соре-Итке Авремуловна
Митвох, Бора Ицкович
Митвох, Хая Сроилевна
Молочник, Аврум-Мотл Юделевич
Молочник, Бейле
Молочник, Лея Юделевна
Молочник, Лиза Юделевна
Молочник, Мойша Юделевич
Молочник, Мотл Юделевич
Молочник, Ошер Юделевич
Молочник, Риша
Муравчик, Гирш Йоселевич
Муравчик, Голда Шлёмовна
Муравчик, Мойша Йоселевич
Муравчик, Мойша Шлёмович
Муравчик, Муля Шлёмович
Муравчик, Паша Гиршевна
Муравчик, Песя Исааковна
Муравчик, Рейза Еселевна
Муравчик, Рейза Хаимовна
Муравчик, Хаим Абрамович
Муравчик, Хаим Юделевич
Муравчик, Хая
Муравчик, Энта Меировна
Нейман, Гитель
Озер, Голда Гершевна
Озер, Лея Йоселевна
Ольшанская, Бася Наумовна
Ольшанская, Рахиль Хаимовна
Ольшанский, Зелик Наумович
Пильщик, Дыся
Пильщик, Лейзер Самуилович
Пильщик, Соня Израилевна
Пинчук, Йосель Меирович
Пинчук, Фаня Йоселевна
Пуховицкая, Геня Гиршевна
Пуховицкая, Ида Айзиковна
Пуховицкая, Поля Давидовна
Пуховицкая, Сара Мойшевна
Пуховицкая, Соня
Пуховицкая, Хана Лейбовна
Пуховицкая, Хася Шлёмовна
Пуховицкая, Хая Самуиловна
Пуховицкая, Хая Шлёмовна
Пуховицкая, Энта Гиршевна
Пуховицкая, Эстерка Шлёмовна
Пуховицкий, Вульф Шлёмович
Пуховицкий, Давид
Пуховицкий, Зяма Давидович
Пуховицкий, Лев Давидович
Пуховицкий, Лейзер Давидович
Пуховицкий, Хаим Янкелевич
Пуховицкий, Янкель Давидович
Райхман, Геня Гиршевна
Райхман, Двейра Боруховна
Райхман, Нэха
Райхман, Рива Шолемовна
Райхман, Сара Йоселевна
Райхман, Хава Янкелевна
Рашап, Голда Израиловна
Рашап, Голда Самуиловна
Рашап, Малка Мойшевна
Рашап, Малка Самуиловна
Рашап, Маня Израиловна
Рашап, Меир Самуилович
Рашап, Рахиль Меировна
Рашап, Рая Зеликовна
Рашап, Самуил Янкелевич
Рейдер, Меир-Хаим
Рейдер, Сара
Рейхтман, Гамар Абрамович
Рейхтман, Зина
Рейхтман, Зуня Янкелевич
Рейхтман, Михля Шлёмовна

Рейхтман, Сара Абрамовна
Ришкин, Борух Залманович
Ришкин, Залман
Ришкина, Сара Зеликовна
Ришкина, Соня Боруховна
Ришкина, Эстер Боруховна
Розенфельд, Лиза Гиршевна
Розенфельд, Люба Ароновна
Розенфельд, Тайба Гиршевна
Розенфельд, Элька
Розенфельд, Эсфирь Гиршевна
Санец, Берта Абрамовна
Санец, Виктор
Санец, Владимир
Санец, Елена
Славкин, Абрам Янкелевич
Славкин, Евсей Янкелевич
Славкин, Мойше Янкелевич
Славкин, Фима Янкелевич
Славкина, Голда Ривелевна
Славкина, Рахиль Янкелевна
Славкина, Шева Янкелевна
Сошник, Броха Йоселевна
Сошник, Гирш Хаимович
Сошник, Лея Юделевна
Сошник, Люба Мойшевна
Сошник, Маян Йоселевна
Сошник, Мойша Бейнусович
Сошник, Мойша Вульфович
Сошник, Мойша Янкелевич
Сошник, Фима Хаимович
Сошник, Хаим Юделевич
Сошник, Чикель Мойшевич
Старобинская, Бася Янкелевна
Старобинская, Зинаида Давидовна
Старобинская, Мария Давидовна
Старобинская, Расл
Старобинская, Хая
Старобинская, Эстер Давидовна
Старобинский, Арон Давидович
Старобинский, Гирш Давидович
Старобинский, Давид Зеликович
Старобинский, Исаак Борухович
Старобинский, Лейзер
Старобинский, Янкель Давидович
Стрелец, Берко
Стрелец, Броня Давидовна
Стрелец, Хайка Боруховна
Ткач, Геня Гецевна
Ткач, Голда Пейсаховна
Ткач, Пейсах Шлёмович
Ткач, Шлёма Пейсахович
Фалькович, Мойше
Фельдман, Бейля Ароновна
Фельдман, Мендель Аронович
Фишман, Йосель Хаимович
Фишман, Меир
Фишман, Рахиль Меировна
Фишман, Роза Хаимовна
Фишман, Элина Хаимовна
Фишман, Эстер Меировна
Фишман, Эстер Янкелевна
Фишман, Эшка Хаимовна
Фишман, Янкл Хаимович
Флейтман, Борух Шаевич
Флейтман, Лиза Шаевна
Флейтман, Меир Шаевич
Флейтман, Поля Гиршевна
Флейтман, Рева
Флейтман, Соня Шаевна
Флейтман, Тойба Айзиковна
Флейтман, Файвл Шаевич
Флейтман, Фаня Гиршевна
Флейтман, Шая Эльевич
Флейтман, Эля Самуилович
Фридман, Буслен
Фридман, Г.
Фридман, Дора
Фридман, Рахиль Йоселевна
Фридман, Рошка
Фридман, Хая Мойшевна
Фрейлайманд, Броха
Фунцман, Йосель Йоселевич
Фунцман, Сроил
Фунцман, Фейга Янкелевна
Фунцман, Янкель Йоселевич
Фурман, Лея
Фурман, Люба
Фурман, Тойба
Фурман, Х.В.

Хазан, Янкель Аронович
Хазанович, Геня
Хазанович, Малка
Хазанович, Эля
Хочинская, Сара
Хочинская, Фаня
Хочинская, Юдас
Хочинский, Абрам
Хочинский, Борух
Хочинский, Исаак
Хочинский, Лейба
Хочинский, Мейтер
Хочинский, Янкель
Храпунская, Ехевед
Храпунская, Нина Гиршевна
Храпунская, Одл Ароновна
Храпунская, Юдас
Храпунский, Мейше Зеликович
Храпунский, Шимен Зеликович
Храпунский, Янкель Гиршевич
Чарная, Рохл-Этл Хаимовна
Чечик, Арон
Чечик, Бейла Абрамовна
Чечик, Борух Эбер-Шаевич
Чечик, Броха Нафталовна
Чечик, Вельва Абрамовна
Чечик, Владимир Йоселевич
Чечик, Голда Абрамовна
Чечик, Иосиф
Чечик, Исаак Йоселевич
Чечик, Лея
Чечик, Лиза Ешковна
Чечик, Лиза Йоселевна
Чечик, Лиза Шлёмовна
Чечик, Люба Иосифовна
Чечик, Меир Абрамович
Чечик, Метба Аврелевич
Чечик, Нафталь Нафтальевич
Чечик, Нохим Нафтальевич
Чечик, Нэха Эбер-Шаевна
Чечик, Роза Нафтальевна
Чечик, Сара-Итка Ицковна
Чечик, Тася Йошковна
Чечик, Толя
Чечик, Фаня Абрамовна
Чечик, Фейга Мойшевна
Чечик, Хаим
Чечик, Хася
Чечик, Шлёйме
Чечик, Эбер Иосифович
Чечик, Юдас Аврамович
Чирин, Велвл-Иегошуа
Шварц, Мойша
Шварц, Хеня Давидовна
Шварцман, Арон
Шварцман, К. Т.
Шварцман, Циля Ароновна
Шварцман, Янкель Аронович
Швец, Евсей Янкелевич
Швец, Овсей Рувинович
Швец, Роза
Швец, Юдас Мордуховна
Швец, Юдас Янкелевич
Шифман, Арон Юделевич
Шифман, Бася Ароновна
Шифман, Бэла Мойшевна
Шифман, Дыня Ароновна
Шифман, Ента
Шифман, Зеэв Аронович
Шифман, Ицхак-Хаим Борухович
Шифман, Меир Аронович
Шифман, Меир Хаимович
Шифман, Нафтоли
Шифман, Пеше Самуиловна
Шифман, Рахиль Самуиловна
Шифман, Рива Ёшевна
Шифман, Рошке Мордух-Йоселевна
Шифман, Рувим Иосифович
Шифман, Фаня Эфраимовна
Шифман, Фрейдл Гершелович
Шифман, Эстер Ароновна
Шифман, Эстер Исааковна
Шифман, Юдас Эфраимовна
Шклявер, Бейла М.
Шклявер, Лейзер М.
Шклявер, О. М.
Шклявер, Сара
Шклявер, Шлёма
Шляпинтох, Абрам Рафаилович
Шляпинтох, Бася Абрамовна

Шляпинтох, Бася Йоселевна
Шляпинтох, Бася Юделевна
Шляпинтох, Борух
Шляпинтох, Геля Мойшевна
Шляпинтох, Голда Абрамовна
Шляпинтох, Голда Рафаиловна
Шляпинтох, Григорий Абрамович
Шляпинтох, Зеэв
Шляпинтох, Йосель Пейсахович
Шляпинтох, Йосель Хаимович
Шляпинтох, Лёва Йоселевич
Шляпинтох, Малка Юдовна
Шляпинтох, Мейта Абрамовна
Шляпинтох, Мотл Абрамович
Шляпинтох, Песя Абрамовна
Шляпинтох, Рафаил
Шляпинтох, Рахиль Абрамовна
Шляпинтох, Рейза Рувелевна
Шляпинтох, Реувен
Шляпинтох, Роза-Лея Йоселевна
Шляпинтох, Фаня Пейсаховна
Шляпинтох, Фейга Пейсаховна
Шляпинтох, Фрада Пейсаховна
Шляпинтох, Хаим Йоселевич
Шляпинтох, Элька Пейсаховна
Шляпинтох, Юдас Мойшович
Шнайдман, Иля Янкелевна
Шнайдман, Мойша Юделевич
Штельман, А.Г.
Штельман, Арон
Штельман, Буза
Штельман, Д.М.
Штельман, Лохан Лейбович
Штельман, Хая Лейбовна
Штельман, Эстер Самуиловна
Шульман, Берко
Шульман, Дыля Фаеровна
Шустерман, Бася
Шустерман, Бенцион
Шустерман, Йосель
Шустерман, Лазарь Янкелевич
Шустерман, Лиза Исааковна
Шустерман, Мейта Эхилевич
Шустерман, Миня
Шустерман, Михля Вульфовна
Шустерман, Мойша Эхилевич
Шустерман, Мотл
Шустерман, Пиня Зеликович
Шустерман, Рая Эхилевна
Шустерман, Рива Йоселевна
Шустерман, Рива Лейзеровна
Шустерман, Рива Мойшевна
Шустерман, Сара Лазаревна
Шустерман, Соня Исааковна
Шустерман, Хая
Шустерман, Циля Иосифовна
Шустерман, Эля Йоселевич
Шухман, Сара
Юднович, Таля Шлёмовна
Юднович, Хая Залмановна
Юднович, Шлёма Эльевич

Евреи, проживавшие в Турове после 1945 г.

Фамилия и имя	Годы жизни	Место работы или должность
Альберсон Ефим (Хаим)	1910–1972	зав. городской библиотекой
Альберсон (Зисман) Эсфирь	1921 г. р.	секретарь-машинистка
Бидман Григорий Авраамович	1933 г. р.	завуч школы в Тонеже (1957–1961)
Борухин Мейше	–	сапожник
Брегман Залман	1913–?	зав. ларьком
Выгодский Симха	–	извозчик
Гарбар Соня	1913–2002	весовщица мелькомбината
Гаривадская Мария Абрамовна	–	главврач райбольницы в Турове
Гительман Иче	–	зав. зерноскладом
Гительман Сергей Исаакович	1923–1983	предс. плановой комиссии райисполкома (1945–1953)
Глозман Дора	–	пенсионерка
Глозман Сроил-Меир	–	пенсионер
Гоберман Гершл Самойлович	1890–1970	кузнец
Гоникман Иче	–	извозчик
Гоникман Семен Ицкович	1926–2005	начальник отдела газснабжения Турова
Гольдсман	–	пенсионер
Гольдшмит Абрам	–	портной
Гольцман	–	продавщица мороженого
Гольцман Полина	–	почтовый работник
Городецкий Соломон	–	–
Гренадер Залман Нафтольевич	1903–1994	продавец в хлебном магазине
Дворкин Семен	–	парикмахер
Зайчик Зелик Гилерович	–	начальник пожарной дружины
Запесоцкая Раиса Яковлевна	1925–2004	пенсионерка
Запесоцкий Евгений Яковлевич	1941 г. р.	пенсионер
Зарецкая Лиза	–	зав. промтоварным магазином
Зарецкий Яков Ошерович	1913–1980	зав. рестораном до 1956 г.
Кац Рая	–	учительница
Коробочко Меир	–	лодочник
Коробочко Шмуэль	–	мясник
Кузнец Григорий Мордухович	1914–1963	рабочий быткомбината
Кузнец Лев Мордухович	1926–1948	зав. сапожной мастерской
Кузнец Матвей	1941 г. р.	–
Лайхтман Айзик Беркович	1897–1974	торговый работник

Фамилия и имя	Годы жизни	Место работы или должность
Лельчук Борух	–	столяр
Лельчук Евсей Абрамович	1913–1999	зав. отделом торговли (1945–1953)
Лельчук Мера Мордуховна	1924–1997	уборщица на хлебозаводе
Лельчук Михаил Абрамович	1922 г. р.	водитель пожарного расчета
Лельчук Пинхус	–	портной
Лельчук Яков	1919 г. р.	зав. торг. отделом райисполкома
Пильщик Матвей Исаакович	1926–1991	торговый работник (1945–1949)
Пильщик Ципа Исааковна	1924 г. р.	буфетчица (1944–1946)
Портман Дора Ефимовна	–	врач райбольницы в Турове
Рейдер Лиза	–	учительница
Рейдер Шлёма Меирович	–	директор машинно-тракторной станции
Сошник Пинхус Аронович	1915–?	заготовитель потребкооперации
Точильников Павел	1917–?	торговый работник
Флейтман Абрам Вульфович	1911–1983	предс. колхоза в Запесочье
Флейтман Гирш Вульфович	1909–1969	зав. отделом коммунального хозяйства райисполкома
Флейтман Илья	1921–1956	кузнец
Флейтман Миня Ароновна	1912–1999	служащая почты, больницы
Флейтман Яков Шаевич	1923–2005	заготовитель потребкооперации
Фридман Айзик	–	заготовитель потребкооперации
Фридман Лиза	–	домохозяйка
Фридман Файвель	–	сапожник
Фридман Эфроим	–	мясник
Хазан Арон Аронович	1922 г. р.	зав. отделом культуры райисполкома (до 1953)
Хазан Клавдия Файвелевна	–	бухгалтер (до 1961)
Храпунская Миндля Симховна	1906–1974	домохозяйка
Храпунская Соня Лазаревна	1926 г. р.	секретарь райсуда (1944–1945), зав. отделом райисполкома Турова (1945–1953)
Храпунская Эстер Юделевна	1895–1960	пенсионерка
Храпунский Айзик Зеликович	–	председатель колхоза д. Хвоенск
Храпунский Берл Зеликович	1897–1956	торговый работник
Храпунский Лазарь Зеликович	1902–1984	кузнец, директор раймаслопрома (до 1964)
Чечик Иосиф Цалевич	1901–1979	работник потребкооперации (до 1948)
Чечик Роза Иосифовна	1926 г. р.	учительница
Чечик Семен Иосифович	1929 г. р.	зав. базой потребкооперации (1947–1950)
Чирин Велвул	–	пенсионер

Нет евреев...

Привёз я новость –
в Турове асфальт
На улицах лежит, под синим небом.
Всё так же Припять медленно течёт
к Днепру из Польши.
Больше нет евреев здесь.
А раньше: церквей – семнадцать, синагоги – три,
Один костел, три кладбища, каплицы.
Так говорит музейный экспонат.
Здесь, как и раньше, – рубленые избы,
Заборы и трава, но меньше пыли.
Были все избы подняты уже после войны.
А всё, что было до войны, сгорело.
До Припяти подать рукой,
но ближе Струмень.
Есть магазины, школа и музей
С моделью городища и собора.
Собор давно разрушен,
Как и церкви, как синагоги, кладбища, каплицы.
А лица – такие же, как сотни лет назад.
Но нет евреев.

Геннадий Шляпинтох
Туров–Чикаго, лето 2002 г.

Список иллюстраций

19. Ошер Фридман. Туров до 1929 г. Из коллекции Сони Глозман (Иерусалим).
20. Местечковый еврей за молитвой (фото до 1917 г.). Архив автора.
21. Переписчик Торы (фото до 1935 г.). Там же.
22. Раввин Арье-Лейб-Цви Гольдберг. Туров до 1900 г. Из коллекции Лоуренса Дакса (Рестон, США).
23. Мордхе Брегман. Туров 1910 г. Архив автора.
24. Мовша Овсеевич Медведский, раввин Набережной синагоги в Турове (фото до 1937 г.). Из коллекции Иды Левицкой (Бруклин, США).
25. Шай Айзикович Голин после освобождения из лагеря. Хабаровский край 1945 г. Из коллекции Пини Голина (Беэр-Шева).
26. Большая синагога в Турове, 1920 г. Из коллекции Лоуренса Дакса.
27-28. Проект каменной синагоги в Турове, выполненный Е. Дрейзиным, 1907 г. Фонды Национального исторического архива Республики Беларусь (Минск).
29. Еврейский народный орнамент (линогравюра). 1-я тетрадь. Сост. С. Юдовин, М. Малкин, Витебск 1920 г.
30. Сообщение о праздновании субботы хасидами Столинской синагоги в Турове. Газета *hа-Мелиц* от 19 октября 1882 г. Из архива д-ра Альберта Кагановича (Иерусалим).
31. Сообщение о назначении раввином в Туров Арье-Лейб-Цви Гольдберга, сына раввина Шломо, внука раввина Шмуэля-Довида Гольдберга и гаона Менахема-Элиэзера Леви. См.: *Ohole-Schem. Biografien und adressen d. rabbiners. Europia, Asien, Africa, America und Ustralien.* Von Sch. N. Gottlieb, Pinsk, Gouv., Minsk 1912, p. 82.
32. Расписка Бейлы Йоселевны Брегман с обязательством известить пинского полицмейстера о своем возвращении из-за границы, 19 февраля 1896 г. Из коллекции Рахили Каплан (Солт-Лейк-Сити, США).
33. Свидетельство об отсутствии препятствий для выезда за границу, выданное Бейле Йоселевне Брегман в Пинске 5 марта 1898 г. Там же.
34. Разрешение на выезд за пределы Российской империи сроком на один год, выданное Бейле Йоселевне Брегман канцелярией минского губернатора 18 февраля 1898 г. Там же.
35. Переселенцы в Палестину (почтовая открытка 1912 г.). Из коллекции Мордехая Райхинштейна.
36. Эмигранты в конторе ХИАС (обществе по оказанию поддержки еврейским иммигрантам), Нью-Йорк (фото до 1912 г.). Там же.
37. Запись о прибытии в Нью-Йорк через порт Глазго семьи Запесоцких из Турова, сделанная на острове Эллис 19 августа 1906 г. Из коллекции Роберты Пирс (Лондон).
38. Регистрация прибывших эмигрантов. Нью-Йорк 1912 г. Из коллекции Мордехая Райхинштейна.
39. Фишел (справа) и Гитл Фельдман. Нью-Йорк 1923 г. Архив автора.
40. Семья Шимона и Зисели Чечик в Канаде, 1923 г. Из коллекции Иегуды Чечика (Нью-Йорк).
41. Мейше Шифман. Виннипег (Канада) 1930 г. Из коллекции Лоуренса Дакса.
42. Самуил Глассман. Киев 1910 г. Архив автора.
43. Братья Кацманы (стоят в центре слева направо): Ицхак (Изя) и Хаим, Нью-Йорк, начало 1920-х гг. Из коллекции Шерл Вайнштейн.

44. Хаим Лельчук (слева) и Давид Айбиндер. 1927 г. Из коллекции Баруха Айбиндера (Гивон hа-Хадаша, Израиль).
45. Яков Песецкий (Запесоцкий), Лондон 1905 г. Из коллекции Роберты Пирс.
46. Сертификат о вступлении Давида Айбиндера в Британский легион в Палестине, выданный в Хайфе 15 мая 1934 г. См.: *Avraham Itai, The Saga of ha-Shomer ha-Zair in USSR (Noar tsofi halutzi – Netzah)*, Jerusalem 1981.
47. С.Н. Булак-Балахович со своим ординарцем. Эстония август 1919 г. Архив автора.
48. С.Н. Булак-Балахович (сидит в центре) в окружении членов штаба повстанцев, Польша 1920 г. Там же.
49. Штамп начальника милиции нейтральной зоны Туровской волости Мозырского уезда, июль 1920 г. Фонды Зонального государственного архива в Мозыре.
50. Штамп Всебелорусского пожарного общества, ноябрь 1927 г. Там же.
51. Личный состав пограничной комендатуры д. Юркевичи Туровского района, 1937 г. Фонды Туровского краеведческого музея.
52. Тамара Ароновна Дроздинская с сыновьями Меиром (слева) и Лазарем во время посещения Лазаря в ссылке. Красноярск 1934 г. Из коллекции Клары Дроздинской (Ариэль).
53. Семья Чечик (стоят слева направо): Рая, Шлейме, Бейле, Самуил; сидят: Ашер, Арон, Доба (урожденная Якиревич), Эстер Лифшиц (жена Израиля), Израиль и его сестра Дора. Вересница 1918 г. Архив автора.
54. Отделение Союза кожевенников в Турове, 1926 г. Из коллекции Бориса Гренадера.
55. Комсомольская организация при сапожной мастерской. В первом ряду сверху (слева направо): Павел Слуцкий (8-й), Иосиф Чечик (9), Гриша Голубицкий (11), Абрам Шустерман (12); во втором ряду сидят: Мойше Зарецкий (3), Хаим Ткач (4); в третьем ряду: Борух Айбиндер (1), Валешин (2), Стрелец (3), Борис Зарецкий (4). Житковичи 1925 г. Фонды краеведческого музея в Турове.
56. Ида Хоникман Гросс. Нью-Йорк 1925 г. Из коллекции Александры Ашер Сирз (Нью-Йорк).
57. Дина Берман. Житковичи 1930 г. Из коллекции Берла Айбиндера (Иерусалим).
58. Двора Лейзеровна Гоберман, 1944 г. Архив автора.
59. Галина Израилевна Смиловицкая (Чечик). Ленинград 1952 г. Там же.
60. Клара Лейзеровна Гоберман. Москва 1953 г. Там же.
61. Рива Перцевна Лейтман. Пинск 1953 г. Там же.
62. Список школьных работников Туровской еврейской трудовой школы 1-й ступени, 15 декабря 1920 г. Фонды Зонального государственного архива в Мозыре.
63. Учителя и выпускники школы 1941 г. в Турове. В верхнем ряду стоят (слева направо): Сролик Гренадер, Арончик (фамилия неизвестна), Павел Матох, Глозман (имя неизвестно), Чирл (фамилия неизвестна); во втором ряду сидят (слева направо): учительница немецкого языка (фамилия неизвестна), директор школы Иван Антонович Окрут, завуч Яков Рафаилович Кантор, учительница русского языка (фамилия неизвестна); в третьем ряду сидят (слева направо): Бася Шустерман, Абрам Гительман, Циля Левина. Из коллекции Баси Ицкович (Ришон ле-Цион).

64. Аттестат зрелости Анатолия Иосифовича Зарецкого, выданный 22 июня 1941 г. в Турове. Из коллекции Нафтоле Зарецкого.
65. Фото 5-го выпуска Туровской средней школы № 1, 1940 г. Фонды краеведческого музея в Турове.
66. Беженцы, 1941 г. (фото неизвестного автора).
67. Письмо Реувена Шифмана Ноте Чечику на идиш, отправленное из Турова 2 августа 1941 г. Из коллекции Тайбы Левиной (Нетания).
68. Лейб Израилевич Чечик, остров Рыбачий 1941 г. Архив автора.
69. Самуил Гоберман. Действующая армия 1942 г. Из коллекции Ильи Гобермана (Кирьят-Ям).
70. Шлёма Меирович Рейдер, командир истребительного батальона Турова, июль 1941 г. Фонды краеведческого музея в Турове.
71. Гирш Вульфович Флейтман, 1941 г. Из коллекции Арона Флейтмана (Туров).
72. Велвл Шустерман, 1939 г. Из коллекции Баси Ицкович.
73. Анатолий Ошерович Зарецкий, 25 июня 1945 г. Архив автора.
74. Леонид Шик (1912–1943 гг.), капитан III ранга, командир корабля «Красная Абхазия». Киев 1939 г. Из коллекции Шифры Шик (Кармиэль).
75. Шимон Ицкович Лельчук. Действующая армия 1944 г. Архив автора.
76. Яков Глозман. 1941 г. Из коллекции Тайбы Левиной.
77. Берл Гиршевич Шляпинтох, 1945 г. Из коллекции Геннадия Шляпинтоха (Чикаго).
78. Абрам Гиршевич Розенфельд, курсант Военно-морской академии в Ленинграде, 1952 г. Из коллекции А.Г. Гренадера (Тель-Авив).
79. Меир Абрамович Марголин. Ташкент 1943 г. Из коллекции М.А. Марголина (Хайфа).
80. Яков Йоселевич Гоникман. Германия 5 июля 1945 г. Из архива Я.И. Гоникмана (Балтимор, США).
81. Залман Иосифович Кундо (слева). Германия 1945 г. Из коллекции Захара Кундо (Лод).
82. Залман Давидович Гренадер. Батуми 1945 г. Из коллекции Залмана Гренадера (Лод).
83. Борис, Хаим и Аркадий Шифманы. Москва 1946 г. Из коллекции Моисея Шифмана (Хайлигенхауз, Германия).
84. Сроил Ицкович Гительман. Германия 1946 г. Из архива Розы Гительман (Ганей-Авив).
85. По дороге домой. Борис Шифман (стоит справа). 1945 г. Из коллекции Тайбы Левиной.
86. Ошер и Ася Клугерман. Туров 1935 г. Из коллекции Бориса Гренадера.
87. Янкель Рехтман (слева) и Семен Голин. Германия 1945 г. Из архива Я.Б. Рехтмана (Карлсруэ, Германия).
88. Соня Храпунская и Яков Флейтман. Туров 1958 г. Из архива С.Л. Храпунской (Беэр-Шева).
89. Тайба и Бейныш Шифман. Владикавказ 1948 г. Из коллекции Т. Левиной.
90. Здание Туровского райисполкома (фото 1953 г.). Фонды краеведческого музея в Турове.
91. Израиль Аронович Чечик, заведующий складом потребкооперации. Речица 1953 г. Архив автора.
92. М.М. Белявский, секретарь Туровского подпольного райкома партии (фото после 1945 г.). Фонды краеведческого музея в Турове.

93. Хаим Моисеевич Альберсон, директор библиотеки в Турове (фото 1960-х гг.). Из архива Э.М. Альберсон (Ашкелон).
94. А.Г. Каплан, редактор подпольной газеты *Бальшавік Палесся* (фото после 1945 г.). Фонды краеведческого музея в Турове.
95. И.Д. Ветров, комиссар Полесского партизанского соединения (1943–1944 гг.). Там же.
96. Братья Павел и Парфен (справа) Щекатовичи. Туров 1927 г. Там же.
97. Студенты из Турова. Стоят (слева направо): Давид Хочинский, Лев Зингман, Наум Коробочко; сидят: Вульф Чечик, Гирш Лельчук и Борис Шифман, 1940 г. Из архива Вульфа Чечика (Нью-Йорк).
98. Врачи Туровской больницы (слева направо): заведующий районным отделом здравоохранения А.Л. Богуславский, зав. терапевтическим отделением В.В. Кушнер (крайний справа стоит), гл. врач больницы Н.Я. Островик (крайний справа сидит). Туров 1958 г. Из архива Галины Рыженковой (Туров).
99. Учитель Максим Емельянович Бруй и Парфен Антонович Щекатович (сидит), директор Туровского краеведческого музея в 1963–1976 гг. (фото 1960-х гг.). Фонды краеведческого музея в Турове.
100. Илья Крымский, киномеханик передвижной киноустановки. Туров 1953 г. Там же.
101. Слесарная мастерская детского дома. Туров 1949 г. Там же.
102. Выпуск стенгазеты в пионерском отряде. Запесочье 1954 г. Там же.
103. Выпускные экзамены в средней школе. Туров 1953 г. Там же.
104. Военный билет Абрама Розенфельда, капитана III ранга, выданный 5 февраля 1971 г. Из архива А.Г. Розенфельда (Тель-Авив).
105. Анатолий Иосифович Зарецкий. Кирьят-Шмона 2006 г. Из архива А.И. Зарецкого (Кирьят-Шмона).
106. Меир Абрамович Марголин. Хайфа 2004 г. Из архива М.А. Марголина.
107. Яков Йоселевич Гоникман. Калининград 1970 г. Из архива Я.И. Гоникмана.
108. Безымянная могила в урочище Казаргать. Еврейское кладбище. Туров 2007 г. (фото автора).
109. Надгробие Рошки, дочери Мордехая Коробочко, ум. 1974 г. Там же.
110. Надгробие Баруха Бен Цви, ум. 1967 г. Там же.
111. Надгробие Зеэва, сына Моше-Цви, ум. 1922 г. Там же.
112. Братская могила евреев, расстрелянных в Турове в 1941–1942 гг. Кладбище урочища Казаргать. Там же.
113. Арон Гиршевич Флейтман. Туров 2007 г. (фото автора).
114. Памятная плита на месте перезахоронения в 1946 г. жертв нацистского геноцида в Турове. Там же.
115. Мемориальная надпись памяти евреев Турова. Долина разрушенных общин. Яд ва-Шем, Иерусалим 2008 г. (фото автора).
116. Монумент в память основания Туровского еврейского общества 14 октября 1903 г. Кладбище Велвуд, Нью-Йорк (фото 2004 г.) Из коллекции Шерл Вайнштейн.
117. Памятная арка на входе в туровский участок. Кладбище Велвуд, Нью-Йорк 2004 г. Там же.

118. Долина разрушенных общин. Яд ва-Шем, Иерусалим 2008 г. (фото автора).
119-123. Надгробные памятники на могилах выходцев из Турова. Кладбище Велвуд, Нью-Йорк 2004 г. Из коллекции Шерл Вайнштейн.
124. Памятная стела в честь первых организаторов и руководителей Туровского еврейского общества (Turov Aid Society). Кладбище Велвуд, Нью-Йорк 1965 г. Там же.
125-126. Разлив Припяти. *Полесье от Буга до Уборти*, Минск 2005 г.
127. Бывший еврейский дом в Вереснице, 2007 г. (фото автора).
128. Вид на краеведческий музей в Турове, 2007 г. (фото автора).
129. Индюки. Туров 2007 г. (фото автора).
130. Набережная р. Ствига. Туров 2007 г. (фото автора).
131-134. Старые крыши. Туров 2007 г. (фото автора).
135. Аист. Туров 2007 г. (фото автора).
136. Частное подворье, дрова на зиму. Туров 2007 г. (фото автора).
137. Калитка еврейского дома. Туров 2007 г. (фото автора).
138. Историко-археологический комплекс «Древний Туров» на Замковой горе, 2007 г. (фото автора).
139. Райисполком, центр местной власти Турова 2007 г. (фото автора).
140. Автостанция в Турове, 2002 г. (фото автора).
141. Мемориал «Никто не забыт, ничто не забыто» памяти воинов-освободителей на бывшей Красной площади Турова, 2007 г. (фото автора).
142. Карта «Туровская земля», XII–XIII вв. П.Ф. Лысенко, *Сказание о Турове*, Минск 2006 г.
143. Карта «Разделы Королевства Польского, 1772, 1793, 1795 гг. между Россией, Пруссией и Австрией». Роберт де Вагонда, 1806 г. Л.Р. Казлоў, *Беларусь на сямі рубяжах*, Мінск 1998 г.
144. План Турова начала XIX в. Ю.В. Чантурия, *Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX в.* Средневековое наследие. Ренессанс, барокко, классицизм, Минск 2005 г.
145. План Турова, 1926 г. *Память. Историко-документальная хроника Житковичского района*, Минск 1994 г.
146. Карта Минской губернии начала XIX в. *Атлас гісторыі Беларусі*, Мінск 2004 г.
147. Фрагмент карты «Рижский мирный договор 1921 г.». Там же.
148. Карта Полесской области, 1944–1954 гг. Там же.
149. Карта Житковичского района, 2004 г. *Гарады і вескі Беларусі*, Гомельская вобласць. У двух тамах. Т. 1, Мінск 2004 г.

Словарь терминов и понятий

Иудаизм и еврейская традиция

Алия («восхождение», *иврит*) – возвращение евреев на историческую родину в Эрец-Исраэль.

Арон кодеш – шкаф для хранения свитков Торы.

Ашкеназы – евреи – выходцы из Германии и их потомки во всем мире, кроме Испании, Южной Франции и Италии, составляют большую часть евреев Европы и Америки, около половины евреев Израиля.

Бикур хейлим (букв. «посещение больных», *идиш*) – добровольное объединение верующих по оказанию помощи больным и выздоравливающим за счет общины.

Бейт-мидраш (букв. «дом учения», *иврит*) – место, где изучается религиозная литература, молельный дом.

Брит мила («завет обрезания», *иврит*; брис мила – *идиш*) – обряд обрезания крайней плоти у младенца на восьмой день его жизни, символизирующий союз Бога и народа Израиля.

Габай – должностное лицо в еврейской общине, ведающее организационными делами, староста в синагоге.

Галаха – нормативная часть иудаизма, регламентирующая религиозную, семейную и гражданскую жизнь евреев.

Галут («изгнание», «рассеяние») – вынужденное пребывание еврейского народа вне Эрец-Исраэль.

Гаон (букв. «величие», «гордость», «гений») – высший авторитет в толковании Талмуда и применении его принципов повседневной жизни.

Дело Ющинского – судебный процесс над Менахемом Менделем Бейлисом в Киеве (1913 г.) по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика Андрея Ющинского.

Диаспора («рассеяние», *греч.*) – постоянное (добровольное) пребывание значительной части еврейского народа вне Эрец-Исраэль, в отличие от вынужденного изгнания (см. *Галут*).

Жид (židъ, *позднепрасл.* – заимствование из *итал.* giudeo, где из *лат.* judaeus – «иудей») – традиционное славянское обозначение евреев и/или иудеев, развившее в некоторых языках также ряд переносных значений. В современном русском языке приобрело бранное, оскорбительное значение.

Иврит – язык древних евреев, еврейской религии, большей части еврейской литературы и современного государства Израиль.

Идиш – разговорный, а позднее и литературный язык евреев-ашкеназов.

Иешива (*иврит*) – высшее еврейское религиозное учебное заведение.

Каббала (букв. «поучение») – еврейское религиозное учение с элементами мистики и магии.

Кадиш (*арам.*) – поминальная молитва.

Кашрут (*иврит*) – пригодность пищи, одежды и предметов культа к употреблению согласно еврейской традиции.

Магендовид (букв. «щит Давида») – шестиконечная звезда, ставшая эмблемой иудаизма.

Магид – профессиональный еврейский религиозный проповедник.

Маккаби – международная еврейская спортивная организация, названная в память исторического героя Иеhуды Маккавея; существовала в СССР в 1920-е гг.

Маца – лепешки из незаквашенного теста; единственное мучное изделие, разрешенное для употребления во время пасхальной недели.

Мезуза – пергамент с выдержками из Торы в специальном футляре, который прикрепляют в еврейском доме к косяку двери.

Миква – ритуальный бассейн, построенный с соблюдением особых правил, предусмотренных еврейской традицией.

Миньян – кворум из десяти евреев старше 13 лет для проведения общественной молитвы, одновременно – название официально незарегистрированного молитвенного собрания евреев.

Мишна – собрание Устного Закона, включающее *Мидраш*, *Галаху* и *Агаду*, древнейшая часть *Талмуда*.

Моэль – человек, совершающий обряд обрезания.

Песах – праздник в память об исходе евреев из Египта и избавлении из рабства.

Поалей Цион (букв. «трудящиеся Сиона») – общественное движение, сочетавшее политический сионизм с социалистической идеологией.

Пурим – праздник в память об избавлении персидских евреев от гибели, согласно Книге Эстер (Эсфирь), отмечается за месяц до Песаха.

Пятикнижие – пять первых книг канонической еврейской Библии: Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие, которые в совокупности образовали Тору в узком смысле слова.

Раввин духовный – должность в дореволюционной России, занимаемая лицом, которому община доверяла в вопросах веры, кашрута и обрядов, в противоположность так называемому казенному (общественному) раввину, утверждавшемуся властями.

Раввин казенный (общественный) – выборное лицо, которое представляло еврейскую общину перед официальными учреждениями и вело регистрацию рождений, браков, смертей внутри общины.

Ребе – раввин, цадик, духовный вождь хасидской общины.

Рош hа-Шана – еврейский новый год, обычно выпадающий на сентябрь–октябрь.

Святая суббота – согласно Торе, седьмой день недели является главным праздником иудейской традиции, поэтому часто евреи называли субботу «святым днем».

Симхат-Тора – осенний праздник в честь завершения годичного цикла чтения Торы и начала нового, считается, что в этот день Б-г передал Моисею Скрижали завета.

Смиха (букв. «рукоположение») – диплом, наделявший правом исполнять должность раввина, включая судебные функции в рамках общины.

Судный день (Йом-Кипур, «день искупления») – самый важный осенний праздник в иудаизме, день поста, покаяния и отпущения грехов.

Сукка (букв. «шалаш», «куща») – временное сооружение, покрытое зелеными ветвями, в котором полагается проводить время в праздник *Суккот*.

Талит (талес, *идиш*) – четырехугольное молитвенное покрывало из шерсти или шелка, с черными или голубыми полосами вдоль коротких сторон и специальными кистями (цицит) по углам.

Талмуд – собрание религиозно-этических и правовых положений иудаизма, сложившихся в III–V веках н. э. на основе толкований Ветхого Завета.

Танах (аббревиатура от слов «Тора», «Невиим», «Кетувим» – Пятикнижие Моисея, Пророки, Писания) – Библия у евреев.

Тарбут («культура») – название системы школ сионистского направления.

Территориализм – течение в еврейском национальном движении за создание автономного еврейского поселения, где евреи будут заниматься «продуктивным» трудом, в первую очередь сельским хозяйством; в отличие от сионизма, не ставил целью политическое самоопределение евреев как нации.

Тора – собирательное название свода законов, данных Б-гом евреям через Моисея, в узком смысле – Пятикнижие и его рукописный список (свиток Торы).

Трефное – непригодное в пищу мясо животного, умерщвленного не по правилам ритуального убоя; противоположно понятию *кошерное*.

Тфилин – два кубических кожаных футляра с ремнями, внутри которых помещены пергаменты с изречениями из Торы, которые надевают на голову и левую руку во время утренней молитвы во все дни, кроме субботы и праздников.

Ученый еврей – эксперт по еврейским делам при губернаторе в Российской империи с 1844 по 1917 г.

Хабад (аббревиатура от слов *хохма, бина, да'ат*; букв. «мудрость», «разум», «познание») – течение в хасидизме, основанное в XVIII в. Шнеур Залманом из Лиозно.

Ханука («освящение») – праздник победы Иеһуды Маккавея над Селевкидами (164 г. до н. э.), освобождения Иерусалима и очищения Храма.

Хасид («благочестивый») – последователь хасидизма, широкого народного религиозного движения, возникшего в XVIII в., во главе с цадиками (праведниками, духовными вождями).

Хевра кадиша («погребальное братство») – добровольное объединение верующих при синагоге, хоронившее усопших евреев в соответствии с требованиями традиции.

Ховевей Цион (букв. «любящие Сион») – движение за духовное возрождение еврейского народа и возвращение на историческую родину, начало политического сионизма.

Хупа – еврейский религиозный свадебный обряд, совершаемый под балдахином (хупой).

Цадик (букв. «праведник») – человек, отличающийся особенно сильной верой и набожностью, духовный вождь хасидской общины.

Цофим – молодежная организация сионистов-социалистов, построенная по принципу скаутских.
Шамеш – синагогальный служка.
Шойхет – резник, убивающий скот или птицу в соответствии с правилами Галахи.
Шофар – бараний рог, в который трубили в ходе утренней молитвы при наступлении нового еврейского года (Рош hа-Шана) и после молитвы на исходе Судного дня (Йом-Кипур).
Шхита – убой разрешенных в пищу скота или птицы, произведенный в соответствии с правилами Галахи.
Эрец-Исраэль (букв. «земля Израиля») – страна, по библейскому преданию, завещанная евреям, один из древнейших центров цивилизации (XI–VIII тыс. до н. э.).
Этрог – цитрусовый плод, один из четырех видов флоры, составляющих атрибуты утренней молитвы в дни праздника Суккот (Кущи).
9-е Ава – день разрушения Первого и Второго храмов в Иерусалиме.
hа-Шомер hа-цаир (букв. «молодой страж») – молодежное сионистское социалистическое движение по подготовке молодежи к сельскохозяйственной работе в Палестине; в СССР существовала с 1922 г. на нелегальном положении до середины 1930-х годов.
hе-Халуц (букв. «пионер») – еврейская молодежная организация по подготовке молодежи к поселению в Палестине, раскололась на две фракции (1923): легальную *hе-Халуц в СССР*, стоявшую на позициях классовой борьбы и коллективизма, и нелегальную *Национально-трудовую организацию hе-Халуц*.

Организации, движения и партии

Агитпроп – отдел агитации и пропаганды при комитетах ВКП(б), отвечавший за идеологическую работу с населением.
Антанта (от франц. *entente* – букв. «согласие») – союз Великобритании, Франции и России против германской коалиции в годы первой мировой войны, после 1918 г. – организатор и спонсор иностранной интервенции с целью подавления социалистической революции в России.
Басмачество (от тюрк. *басмак* – «совершать налет») – вооруженное движение против советской власти в Средней Азии (1918–1935).
Белнацком – Белорусский национальный комиссариат.
Бульбовцы – участники украинских нелегальных вооруженных формирований на Полесье под руководством атамана Тараса Боровца по прозвищу Тарас Бульба (1908–1981 гг.), который летом 1941 г. создал Полесскую сечь Украинской повстанческой армии и взял под контроль часть Полесья.
Геноцид (от греч. *genos* – «род», «племя» и от лат. *caedo* – «убиваю») – уничтожение особых групп населения по расовым, национальным, этническим, политическим или религиозным мотивам путем создания невыносимых условий жизни и мер по предотвращению рождаемости.

Главлитбел – Главное управление по делам литературы и издательств БССР, позднее Главное управление по охране тайн в печати.

Главполитпросвет – Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса БССР.

Главсоцвос – Главное управление социального воспитания.

Джойнт – Американский еврейский объединенный распределительный комитет; еврейская благотворительная организация для оказания помощи евреям, разоренным в ходе первой мировой войны, советские евреи получали от Джойнта помощь при посредничестве Красного Креста; возобновил свою деятельность в СССР–СНГ в 1989 г.

Евкомол – Еврейский коммунистический союз рабочей молодежи (*Югенд Поалей Цион*).

Евобщестком (Еврейский общественный комитет) – еврейская общественная филантропическая организация для оказания помощи пострадавшим от погромов и стихийных бедствий, действовал с 1920 по 1924 г.

Евотдел – еврейский отдел при комитете просвещения губисполкома или Комиссариате народного образования.

Еврейская коммунистическая партия Белоруссии (ЕКПБ) – партийная организация, действовала с января по март 1919 г., объединяла деятелей евсекции и левых бундовцев, перешедших на позиции советской власти.

Еврейское колонизационное общество – филантропическая организация, созданная бароном М. де Гиршем в 1881 г. в Лондоне, имела отделение в Санкт-Петербурге во главе с бароном Г.О. Гинцбургом.

Евсекция – общее название еврейских секций ЦК РКП(б)/ВКП(б), республиканских ЦК партии, губернских (окружных) комитетов партии в 1918–1930 гг., курировала всю советскую политику в отношении евреев.

Евуполномоченный – ответственное лицо по еврейским делам при районном комитете партии.

Инбелкульт – Институт белорусской культуры.

Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и Компартии Белоруссии.

Ленинский призыв – массовый прием рабочих в партию в связи с кончиной В.И. Ленина (1924).

Либерум вето (от лат. *liberum veto* – «свободное вето») – принцип парламентского устройства Речи Посполитой с XVII в., требовавший полного единогласия.

Нацкомиссия – Комиссия по делам национальностей при ЦИК СССР.

Освободительный поход – присоединение западных областей Белоруссии, находившихся в составе Польши с 1920 г., к БССР в соответствии с секретными протоколами советско-германского Договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

Сетмасс – Союз еврейских трудящихся масс; организация, созданная в 1919 г. для оказания помощи разоренным войной евреям, прекратившая существование в середине 1920-х гг.

Собес – отдел социального обеспечения.

Спецчасть – отдел по хранению секретной документации в государственном учреждении.

Центос – Общество опеки над еврейскими детьми-сиротами.

Экономические и хозяйственные учреждения

Агро-Джойнт – Американское еврейское объединение агрономических корпораций.

Акциз – косвенный налог на товары и услуги, включаемый в цену товара или тариф за услуги.

Белгосстрах – Управление государственного страхования БССР.

Белзаготзерно – Белорусская республиканская контора Всесоюзного объединения по заготовке зерна.

Белкоопсоюз – Белорусский кооперативный союз потребительских обществ.

Белкустпромсоюз – Белорусский союз кустарно-промысловой кооперации.

Белмясо – Белорусский республиканский трест мясной промышленности.

Белплодовощ – Белорусское государственное плодоовощное объединение Наркомата внутренней торговли.

Белсельсоюз – Центральный Белорусский союз сельскохозяйственных товариществ.

Главмука – Главное управление мукомольной промышленности.

Главхлеб – Главное управление хлебопекарной, макаронной и дрожжевой промышленности.

Заготзерно – Белорусская республиканская контора Всесоюзного государственного объединения по заготовке зерна.

Зачетная квитанция – документ на каждого призывника (485 руб.), приобретение которой освобождало от несения рекрутской повинности до следующего набора; с 1872 г. был установлен неограниченный откуп от рекрутской повинности всех желающих путем простого взноса (1000 руб.).

Кожсиндикат – объединение предприятий Белорусского государственного кожевенного треста БССР.

Комхоз – управление коммунальным хозяйством.

Купчая крепость – договор о купле–продаже и праве владения, заверенный у нотариуса (до 1917 г.).

Кустпотребсоюз – районное отделение Белкустпромсоюза.

Кустпромкооперация – кустарно-промысловая кооперация.

Кустромсоюз – районное отделение Белорусского союза кустарно-промысловой кооперации.

Лесбел – государственное объединение по заготовке древесины БССР.

Леспромхоз – лесное промышленное хозяйство.

Лессбыт – Белорусская торговая контора Главлессбыта Наркомата лесной промышленности СССР.

Лесхимхоз – отделение Наркомата лесной и химической промышленности БССР.

Люстрация – периодическая опись государственного имущества для учета доходов в Польше, Литве и Белоруссии в XVII–XIX вв.

Маслопром – Главное управление молочной и маслодельно-сыроварной промышленности.

Мясомолсбыт – Главное управление материально-технического снабжения и сбыта Наркомата мясной и молочной промышленности.

Окрсельсоюз – окружной союз потребительских обществ БССР.

Постав – пара мельничных жерновов или вальцов, один из которых стоит неподвижно, а другой вращается и перемалывает зерно.

Продовольственная разверстка – обязательная сдача крестьянами хлеба и других продуктов сельского хозяйства государству по твердым ценам в 1919–1921 гг.

Процентная норма – в Российской империи политика дискриминации, предусматривавшая значительные ограничения приема евреев высшие и средние специальные учебные заведения: 10% – в черте еврейской оседлости, 5% – вне ее пределов, 3% – в Москве и Петербурге.

Рабземлес – профессиональный Союз работников земли и леса.

Рабпрос – Союз работников просвещения в 1920-е гг.

Райздрав – районный отдел здравоохранения.

Райзо – районное отделение заготовительной конторы.

Райсоюз – районный отдел Союза кооперативной торговли.

Райторг – районный отдел торговли.

Райуползаг – районный уполномоченный по заготовкам.

Рыбсбыт – Белорусская торговая контора Главрыбсбыта Наркомата рыбной промышленности СССР.

Сельхозкредитсоюз – Союз сельскохозяйственных, кустарно-промысловых и кредитных кооперативов.

Союзхлеб – Всесоюзное объединение предприятий хлебопекарной, макаронной и дрожжевой промышленности.

Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами в СССР; подчинялся Наркомату внешней торговли, краевым и областным конторам на местах.

Центропечать – Центральное агентство ВЦИК по распространению печати.

Территориальное деление

Белорусская губерния – губерния Российской империи, просуществовала менее пяти лет (1796–1801).

Белорусское генерал-губернаторство – генерал-губернаторство в составе Российской империи, образовано в 1801 г. после разделения Белорусской губернии на две и включало Могилевскую и Витебскую губернии с центром в Витебске. С 27 февраля 1802 г. официально называется «Витебское и Могилевское генерал-губернаторство». В 1823 г. в его состав были включены четыре губернии: Витебская, Могилевская, Смоленская и Калужская. В январе 1831 г. Калужская губерния выделена из состава генерал-губернаторства, а включена Минская губерния. В связи с восстанием в Минской губернии в апреле 1831 г. назначен военный губернатор, и генерал-губернаторство до ликвидации в 1856 г. включало три губернии.

Волисполком (волостной исполнительный комитет) – орган местной власти, Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Волость – административно-территориальная единица в Российской империи; введена в 1797 г. на казенных землях, наравне с сельской общиной составляла низшее звено государственной административной системы, включая до 3 тыс. ревизских душ.

Вторая Речь Посполитая – Польская республика (1921–1939).

Генеральный комиссариат Белоруссии (Generalkommissariat Weissruthenien) – высший орган гражданской администрации на территории Генерального округа Белоруссия (1941–1944).

Гетто (от итал. *ghetto*) – территория, отведенная для проживания определенной расовой, национальной, профессиональной или религиозной группы населения, чаще всего евреев.

Диоцезия (от лат. *dioecesis*) – округ, часть провинции, административная единица.

Минская губерния – административно-территориальная единица (1793–1921); вместе с Виленской, Ковенской, Гродненской, Могилевской и Витебской губерниями образовывала Северо-Западный край Российской империи, в нач. XX в. ее площадь составляла около 91 213 кв. км, а численность населения – 2 539 100 чел.

Мозырский округ – образован в июле 1924 г. (площадь 16 268 кв. км, население 320 тыс. чел.), включал десять районов, 128 сельсоветов и три города (Калинковичи, Мозырь и Петриков) и четыре местечка (Житковичи, Копаткевичи, Наровля и Туров). Упразднен в 1930 г. и воссоздан в 1935 г., в 1938 г. целиком вошел в Полесскую обл. с центром в Мозыре.

Мозырский уезд – возник в 1569 г. составе Минского воеводства ВКЛ, включал местечки Давид-Городок, Ельск, Житковичи, Туров, Копаткевичи, Карлин, Лахва, Лельчицы, Ленин, Наровля, Петриков, Скрыгалов и 21 волость, площадь 15,3 тыс. кв. км; с 1796 г. – в Минской губ. Российской империи, 1918–1920 гг. – в Гомельской губернии РСФСР; упразднен в 1924 г., большая часть территории вошла в состав Мозырского округа.

Полесская область (Палеская вобласць, *бел.*) – одна из частей административного деления БССР (1938–1954) с центром в Мозыре, включала в себя 15 районов и 630 тыс. жителей (1941) на территории примерно 26 тыс. кв. км; в годы оккупации (1941–1944) поделена между рейхскомиссариатами «Украина» и «Остланд»; ликвидирована в 1954 г., большая часть отошла к Гомельской области, небольшие территории – к Минской и Могилевской областям.

Полесское воеводство (1921–1939) – часть Западной Белоруссии, находившаяся под контролем Польши (36,8 тыс. кв. км) с центром в Бресте, делилась на 10 поветов: Брестский, Дрогичинский, Камень-Каширский, Косовский, Лунинецкий, Пинский, Пружанский, Сарненский и Столинский.

Северо-Западный край – название шести белорусских и литовских губерний Российской империи из состава бывшего Великого Княжества Литовского (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская) и имевшие особый правовой статус; в 1840 г. Николай I запретил названия «Белоруссия» и «Литва» и ввел вместо них «Северо-Западный край».

Стан – административно-полицейское подразделение уезда в России до 1917 г.

Туровский район – образован в июле 1924 с центром в Турове, в 1924–1930 и в 1935–1938 входил в Мозырский округ, делился на 7 сельсоветов: Букчанский, Вересницкий, Озеранский, Переровский, Ричевский, Тонежский и Туровский (сельский и местечковый). С февраля 1938 – в Полесской области; в 1941 – добавились Дзержинский и Запесоцкий сельсоветы; 17 апреля 1962 г. – район упразднен, Букчанский, Дзержинский, Запесоцкий и Тонежский сельсоветы были переданы Лельчицкому району, а Туров, Вересница, Озераны, Переров и Ричев – Житковичскому району.

Туровское княжество – раннефеодальное государство с центром в Турове, возникло в конце X в., включало районы современных Брестской, Гомельской, Гродненской и Минской областей, в начале XIV в. вошло в состав ВКЛ.

Черта оседлости (1791–1917) – граница на территории России, за пределами которой евреям запрещалось селиться и постоянно проживать, охватывала 15 губерний Царства Польского, Литвы, Белоруссии, Бессарабии, Курляндии и большей части Украины.

Социальный статус, должность

Вольноопределяющийся – военнослужащий, добровольно поступивший в армию после получения среднего или высшего образования и отбывавший воинскую повинность на льготных условиях.

Временнообязанный – крестьянин, обязанный после освобождения от крепостной зависимости в 1861 г. платить оброк или нести повинности другого рода за право пользования землей.

Губернатор (1703–1917) – глава местной администрации, следил за исполнением законодательства, решением дел, не требующих суда, рассматривал жалобы на подчиненные организации и ответственные лица, руководил полицией, отвечал за народное благосостояние, здравоохранение и безопасность.

Генерал-губернатор (1708–1917) – высшая должность местной администрации, подчинялся непосредственно императору и Сенату, назначался, как правило, в столицах и на окраинах государства, где требовалось расширение прав местной администрации, мог отменять решения неугодных ему губернаторов.

Магдебургское право (от нем. *Magdeburger Recht*) – феодальное городское право, согласно которому экономическая деятельность и общественно-политическая жизнь регулировались системой юридических норм; на территории Великого княжества Литовского его получили: Вильня (1387), Брест (1390), Гродно (1391), Слуцк (1441), Полоцк (1498), Минск (1499), Могилев (1561), Витебск (1597) и Друя (1620), в России в 1785 г. на его основе была составлена *Грамота на права и выгоды городам Российской империи*, известная также как «Жалованная грамота городам».

Мировой посредник – должность, учрежденная после крестьянской реформы 1861 г. для улаживания земельных конфликтов.

Прасол – оптовый скупщик рыбы, мяса, скота и другого сельскохозяйственного сырья.

Пристав – начальник местной полиции в России до 1917 г.

Сексот – секретный сотрудник службы государственной безопасности в СССР, термин, принятый в 30-е годы.

Урядник – до 1917 г. нижний чин уездной полиции в России.

Черносотенцы – члены монархической шовинистической организации крайне правой ориентации «Союз русского народа», организатора и вдохновителя еврейских погромов 1905–1907 гг.

Шинкарь – хозяин шинка, небольшого питейного заведения с продажей спиртных напитков чарками.

Шкраб – школьный работник.

Советская терминология

Авангард – классы, партии или организации, объявленные носителями социального прогресса, опора коммунистического режима.

Агитация – идеологическое, нравственное или психологическое воздействие на сознание людей для подчинения их политике партии и государства.

Актив – советские руководящие работники, сотрудники государственных учреждений и общественных организаций, проводящие в жизнь политику партии.

Антисемитизм – национальная нетерпимость к евреям, представляемая коммунистической идеологией как одно из средств борьбы эксплуататорских классов против революционного движения.

Антисоветизм – идеология и практика, несовместимые с политическими установками КПСС.

Аполитичность – уклонение, действительное или мнимое, от участия в общественной жизни.

Генеральная линия – руководящая политическая установка партийного аппарата, определяющая деятельность государства на определенном этапе его развития.

Допуск – документ, разрешающий участие в секретной работе или знакомство с запрещенной литературой.

Доска почета – форма наглядной агитации для морального поощрения советских граждан.

Закрытые магазины – система распределения дефицитных товаров по государственным ценам для членов номенклатуры (см. *Номенклатура*).

Закрытые письма – секретные документы ЦК КПСС для разъяснения партийным активистам и руководящим работникам вопросов внутренней и внешней политики.

Инакомыслящие – люди, чьи политические взгляды и убеждения не отвечают стереотипам общественного мировоззрения.

Интернационализм (от лат. *inter* – «между» и *natio* – «народ») – принцип международной солидарности людей различных рас и наций, проявляющийся в психологии, идеологии и политике.

Коммунизм (от лат. *communis* – «общий») – общественно-экономическая формация, которая, согласно теории марксизма, приходит на смену капитализму, свободная от классовой эксплуатации и основанная на общественной собственности на средства производства; бесклассовое общество, принцип которого – «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Космополитизм (от др.-греч. *kosmopolites*) – идеология так называемого «мирового гражданства», которая общечеловеческие интересы и ценности ставит выше интересов отдельной нации; космополит – гражданин мира.

Номенклатура – должности, на которые кандидатов утверждали партийные органы; господствовавший социальный слой, пользовавшийся системой негласных привилегий.

Первый отдел – отдел государственной безопасности на советских предприятиях и в учреждениях.

Пропаганда – насаждение в общественном сознании коммунистических идей или представлений, необходимых советскому руководству.

Прописка – обязательная регистрация в органах внутренних дел места постоянного или временного проживания граждан.

Социализм – первая фаза коммунизма; утопическая теория построения общества, в котором достигнуты полное народовластие и социальная справедливость, обеспечено уважение прав и свобод человека, а остатки экономического неравенства не являются препятствием для свободного и гармоничного развития каждой личности.

Словарь сокращений

АГРУ – Палестинское общество содействия еврейскому земледелию в Советском Союзе

АПО – отдел агитации и пропаганды комитетов ВКП(б) и КП(б)Б

АРА – Американская администрация помощи

БАН – Белорусская Академия наук

БВО – Белорусский военный округ

БКО – Белорусская коммунистическая организация

БПСР – Белорусская партия социалистов-революционеров

Бунд – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России

БШПД – Белорусский штаб партизанского движения

ВКЛ – Великое княжество Литовское

ВМН – высшая мера наказания

ВНОС – посты воздушного наблюдения, оповещения и связи

ВСХНБ – Высший Совет народного хозяйства БССР

ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с саботажем и контрреволюцией

Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств СССР

ГСО – готов к санитарной обороне

ГТО – готов к труду и обороне

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей при НКВД СССР

ДПЗ – дом предварительного заключения (следственный изолятор)

ДСК – Дом социалистической культуры

ЕКО – Еврейское колонизационное общество

ЕКПБ – Еврейская коммунистическая партия Белоруссии (см. стр.746)

ЕКСМ – Еврейский коммунистический союз молодежи

ЕССМ – Еврейский социалистический союз молодежи

ЕХБ – евангельские христиане-баптисты

ЗАГС – отдел записи актов гражданского состояния

ИВО – Институт еврейских исследований (Нью-Йорк)

ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала

ИТЛ – исправительно-трудовые лагеря

КГБ – Комитет государственной безопасности

КИМ – Коммунистический Интернационал молодежи

Комзет – Комитет по землеустройству трудящихся евреев

КСМ – Коммунистический союз молодежи

ЛКСМБ – Ленинский Коммунистический Союз Молодежи Белоруссии

МГБ – министерство государственной безопасности

МОПР – Международная организация помощи борцам революции

МТС – машинно-тракторная станция
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
НКО – Народный комиссариат обороны
НСШ – неполная средняя школа
НЭП – новая экономическая политика
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление СССР
ОДВФ – Общество друзей воздушного флота
ОЗЕ – Общество охраны здоровья еврейского населения
ОЗЕТ – Общество по земельному устройству трудящихся евреев СССР
ОК – окружной (областной) комитет
ОРПО – отдел руководящих партийных органов
ОРС – отдел рабочего снабжения
ОРТ – Общество распространения ремесленного труда и земледелия среди евреев
Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству
РВК – районный военный комиссариат
РИК – районный исполнительный комитет (райисполком)
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
РОА – Русская освободительная армия
СВБ – Союз воинствующих безбожников
СД – служба безопасности на оккупированных Германией территориях в годы второй мировой войны
СДРК – Совет по делам религиозных культов
СЗ – Свод законов Российской империи
СМ – Совет Министров
СМЕРШ (смерть шпионам) – советская военная контрразведка
СНК – Совет Народных Комиссаров
СС – военизированные охранные отряды нацистской партии
ССП – сионистско-социалистическая партия
СССМ – Сионистский социалистический союз молодежи
ХИАС – Общество помощи еврейским иммигрантам
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
ЦК КП(б)Б – Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии
ЦК КПСС – Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦКК – Центральная контрольная комиссия ВКП(б)
ЦСПСБ – Центральный совет профессиональных союзов БССР
ЦСЮФ – Сионистский социалистический союз молодежи
УГБ – Управление государственной безопасности
УИТЛК – управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УНХУ – Управление народно-хозяйственного учета
ФЗС – фабрично-заводская семилетняя школа
ЧГК – Чрезвычайная государственная комиссия СССР по выявлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, их соучастников и нанесенного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям
ШКРМ – школа крестьянской и рабочей молодежи
ЮНРРА – администрация Организации Объединенных Наций по вопросам помощи и восстановления (1945–1947)

Библиография

Архивы

Беларусь

Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ)
Фонды: 21 (опись 1), 27 (оп. 2, 6), 183 (оп. 2), 242 (оп. 1, 2), 295 (оп. 1, 2, 5), 299 (оп. 2, 3, 4, 5), 300 (оп. 1), 330 (оп. 1), 333 (оп. 1), 458 (оп. 1, 10), 703 (оп. 1), 705 (оп. 1), 1499 (оп. 1).
Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)
Фонды: 4 (оп. 3, 10, 21, 23, 33-а, 121), 4-п (оп. 10), 6 (оп. 1), 11 (оп. 1, 2), 12, 21, 26, 30, 34 (оп. 6), 42 , 101, 261, 311, 521,701, 750, 782, 861.
Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО)
Фонды: 1 (оп. 1, 3), 3 (оп. 1), 34 (оп. 4), 52 (оп. 1), 69 (оп. 1, 2, 3, 4, 7), 144 (оп. 60, 61, 99), 265 (оп. 1-а), 499, 702 (оп. 1, 2, 4), 703, 2728, 2736, 3952 (оп. 1-а), 3961, 4286 (оп. 1-а).
Государственный архив Гомельской области (ГАГО)
Фонды: 11, 18, 24, 71, 111, 428.
Зональный государственный архив (ЗГА) в Мозыре
Фонды: 60, 64, 117, 126, 157, 207, 215, 221, 254, 256, 261, 276, 293, 307, 310, 330, 463 (оп. 1, 2, 3), 596, 693, 836, 843, 844, 854, 866, 875, 892, 1062, 1113, 1117, 1126, 3980.
Центральный архив КГБ РБ в Минске (ЦА КГБ РБ)
Архив управления КГБ по Гомельской области (АУ КГБ ГО)

Россия

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Фонды: 109 (оп. 18), 6991 (оп. 3, 4), 7021 (оп. 80, 87), 7025 (оп. 86), 8114 (оп. 1), А-327 (оп. 1).
Российский государственный военный архив (РГВА)
Фонды: 8 (оп. 2), 104 (оп. 4).

Российский государственный исторический архив (РГИА)
Фонд: 1350 (оп. 312).
Российский государственный архив древних актов (РГАДА)
Фонд: 1356 (губернские, уездные и городские карты, планы и атласы Генерального межевания)
Российский государственный архив экономики (РГАЭ)
Фонды: 480 (оп. 7), 1562 (оп. 20, 329), 5675 (оп. 1, 555).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)
Фонды: 17 (оп. 88, 125, 126, 132), 76 (оп. 3).
Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ) в Гатчине
Фонд: 19 (оп. 1).
Центральный государственный исторический архив Российской Федерации (ЦГИА РФ) в Москве
Фонд: 821 (оп. 8).
Центр хранения современной документации (ЦХСД):
Фонды: 5, 89 (коллекция рассекреченных документов ЦК КПСС)

Украина

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ) в Киеве
Фонд: 65 (оп. 1).

Израиль

Central Archive for the History of the Jewish People (CAHJP), Collection: RU 30, 153-155, 163.
Central Zionist Archives (CZA), F30/64.
Yad Vashem Archives (YVA). The Holocaust Martyrs' and Heroes Remembrance Authority, Collection: M-41/3, M-41/257, M-37/583.
Oral History Department of the Contemporary Jewry Institute (OHDCI), Hebrew University in Jerusalem.

Соединенные Штаты Америки

Institute for Jewish Research (YIVO) Archives in New York, File: RG 1822.
Di yidishe landsmanschaften fun Nyu York, Federal Writers Project (NY), 1938 http://home.att.net/~landsmanshaft/wpa2.htm Records of the YIVO in New York received in 2006, from New York State Insurance Department which processed the legal closer (Liquidation) of the Turover Aid Society.
National Archives Washington. Captured Documents. T-354, R-168, 3818936.

Книги и статьи

Аб антысемітызме. Матэрыялы для дакладчыкаў і групавых агітатараў, Мінск 1927 г.

Абецедарский Л.С., *Белоруссия и Россия.* Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII вв., Минск 1978 г.

Абрамова Е., «Гебраизмы и идишизмы в белорусском языке», *Евреи Беларуси, история и культура*. Сб. статей. Вып. 1, Минск 1997 г.

Адамушка Ў., *Палітычныя рэпрэсіі 20–50ых гадоў на Беларусі*, Минск 1994 г.

Алексеев А.А., *Очерки домашней и общественной жизни евреев, их верования, богослужения, праздники, обряды, талмуд и кагал*, Новгород 1891 г.

Альтман И., *Жертвы ненависти*: Холокост в СССР, 1941–1945 гг., Москва 2002 г.

Анищенко Е.К., *Черта оседлости* (Белорусская синагога в царствование Екатерины II), Минск 1998 г.

Арад И., *Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза (1941-1945 гг.)*, Москва–Днепропетровск 2007 г.

Арнольд Е., «О частных школах для еврейских девиц», *Минские губернские ведомости*, 1862 г., № 27, 30; «О начальном женском образовании у евреев в России», *Русский еврей*, 1879 г., № 7.

Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Колосовым. Кн. 3 с прил., СПб 1859 г.

Баравы М.С., *Па крывавых сьлядах.* Зборнік дакладаў аб растрэлах, катаваннях і гвалтах над беларускім насельніцтвам у часы белапольскай акупацыі, 1919–1920 гг., Менск 1927 г.

Барсук А.Я., «Мазыршчына у часы Рэчы Паспалітай», *Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і узаемаўплывы*. Матэрыялы міжнароднай навуковай канфэрэнцыі 28–29 верасня 2006 г., Гомель 2006 г.

Барсук А.Я., Гайко С.А., «У складе Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай», *Мазыр: гісторыя і сучаснасць*, Гомель 2005 г., т. 1.

Басин Я., «Советская власть в борьбе с “опиумом для народа”», *Мишпоха*, 2001 г., № 10.

Бейлькин Х.Ю., *Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861–1914 гг.*, Минск 1989 г.

Беларусазнаўства. Под ред. П. Брігадзіна, Мінск 1997 г.

Беларусь в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Под ред. А.А. Ковалени, А.М. Литвина, В.И. Кузьменко и др., Минск 2005 г.

Белова О., «Евреи глазами славян», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1996 г., № 3(13).

Белова О., *«Евреи в обрядах и поверьях полешуков»* (этнокультурные стереотипы в народной традиции), *Загароддзе-2*. Матэрыялы навукова-краязнаўчай канфэрэнцыі «Палессе – скрыжаванне культур и часу» (25–27 верасня 1999 г., Пінск), Мінск 2000 г.

Белова О., «Евреи и нечистая сила», Д. Трахтенберг (ред.), *Дьявол и евреи*, Иерусалим 1998 г.

Белова О., «”Жидовская зозуля” и “еврейская курица”» в представлениях полешуков, *Вестник Еврейского университета*, 2001 г., № 5.

Белова О., *Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции*, Москва 2005 г.
Белова О., Петрухин В., *Еврейский миф в славянской культуре*, Москва 2007 г.
Берлин М., *Очерк этнографии еврейского народонаселения в России*, СПб 1861 г.
Беспалая М.А., *Беларуская вёска у першыя гады НЭПа, 1921–1923 гг.*, Мінск 1999 г.
Бинншток В.И., Новосельский С.А., *Материалы по естественному движению еврейского населения в Европейской России за 40 лет (1867–1906 гг.*), Петроград 1915 г.
Блюм А.В., *Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991 гг.*, СПб 1996 г.
Бобр А.Г., *Мой Мозырь*, Минск 1996 г.
Богданович А., *Исторический очерк деятельности военного министерства за 1855–1880 гг.*, Москва 1882 г.
Борис Савинков на Лубянке. Документы. Сост. В.К. Виноградов, А.А. Зданович, В.И. Крылов и др., Москва 2001 г.
Ботвинник М., *Памятники геноцида евреев Беларуси*, Минск 2000 г.
Боффа Джузеппе, *История Советского Союза.* В двух томах, Москва 1994 г.
Брагин А., Кольцов М., *Судьба еврейских масс в Советском Союзе*, Москва 1924 г.
Бруй М.Е., «Сучасный Тураў», *Наш край*, 1930 г., № 5–7.
Бруй М.Е. «Тураў і наваколье», *Белорусская лингвистика*, 1974 г., № 5.
Бруцкус Б.Д., *Статистика еврейского населения: распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г.*, СПб 1909 г.
Бугай Н., «1920–1950-е годы: переселения и депортации еврейского населения в СССР», *Отечественная история*, 1993 г., № 4.
Будницкий О.В., *Российские евреи между красными и белыми (1917–1920)*, Москва 2005 г.
Бунд в Беларуси. 1897–1921. Документы и материалы. Сост. Э.М. Савицкий, Минск 1997 г.
Венцов С.И., «Бандитизм в Белоруссии и организация борьбы с ним», *Красная Армия*, 1920 г., № 9.
Винер Л., *Еврейско-немецкие слова в русских наречиях*, СПб 1895 г.
Вишневский А.Ф., Литвин А.М., *Туров*, Минск 1980 г.
«Воспитание детей между евреями в Минске», *Минские губернские ведомости*, 1862 г., № 24, 28.
Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. В трех томах, Минск 1967–1982 гг.
Встали мы плечом к плечу… Евреи в партизанском движении Белоруссии, 1941–1944 гг., Минск 2005 г.
Гамзовіч Р., «1025 годдзе Тураўа і 1000-годзе Тураўскай епархіі», *Голас Радзімы*, 13 кастрычніка 2005 г., № 40–41.
Гаусман М., *Исторический очерк местечка Туров, прежней столицы Туровского княжества*, Минск 1877 г.
Гессен Ю., *История еврейского народа в России в двух томах*. Т. 2, Ленинград 1926 г.
Гиндин М., «Детство в Озаричах», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1998 г., № 1(17), с. 219–247.
Гольдин С., «Русское командование и евреи во время первой мировой войны: причины формирования негативного стереотипа», *Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства*. Сб. статей, Москва 2005 г.

Гомельщина в 1941 г. Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию начала Великой Отечественной войны, Гомель 2006 г.
Гринбаум А., «Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе, 1918–1953 гг.» В сб.: *Евреи в России. Историографические очерки*, Иерусалим–Москва 1995 г.
Грушевский А.С., *Пинское Полесье.* Исторические очерки, ч. 1–2, Киев 1901–1903 гг.
Демидович П., «Из области верований и сказаний белорусов», *Этнографическое обозрение*, Москва 1896 г., № 1, кн. 28.
Державин Г.Р., «Об исправлении евреев». *Сочинения*, СПб 1877 г., изд. 2-е, т. 7.
Довнар-Запольский М.В., *История Белоруссии*, Минск 2003 г.
Дубнов С.М., *Книга жизни*, Рига 1935 г.
Евреи и русская революция. Материалы и исследования. Сост. О.В. Будницкий, Москва–Иерусалим 1999 г.
«Еврейское землеустроение в Белоруссии», *Трибуна еврейской советской общественности*, 1928 г., № 19.
Еврейское местечко в революции. Очерки. Под ред. проф. В.Г. Тан-Богораза, Москва–Ленинград 1926 г.
Еврейское население СССР. Движение за время с 1897 по 1923 гг. и распределение по республикам и поселениям. Под ред. З.Л. Миндлина, Москва 1927 г.
Еремин И.П., «Литературное наследие Кирилла Туровского», *Труды отдела древнерусской литературы*, тт. XI–XIII, XV, Москва–Ленинград 1955 г.
Замойский С., «Социальные последствия антисемитских акций в Восточном Полесье», *Евреи в Гомеле. История и культура (конец XIX – начало XX веков*). Сб. материалов научно-теоретической конференции 21 сент. 2003 г., Гомель 2004 г.
Затонский В.П., Доклад Комиссии ЦКК ВКП(б) о проведении национальной работы в Белоруссии. Наблюдения и замечания из области национальной идеологии, *Неман*, 1992 г., № 9.
Зборнік чынных законаў БССР за 1921–1924 гг., Мінск 1924 г.
Зеленский И., *Минская губерния. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба*. В двух частях, СПб 1864 г.
Зельцер А., «Белорусизация 1920-х гг.: достижения и неудачи», *Евреи Беларуси. История и культура*. Вып. III–IV, Минск 1998 г.
Зельцер, А. *Евреи советской провинции: Витебск и местечки, 1917–1941 гг.*, Москва 2006 г.
Зингер Л., *Еврейское население в СССР*, Москва–Ленинград 1932 г.
Измозик В., «Ф.Э. Дзержинский, ОГПУ и сионизм в середине двадцатых годов», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1995 г., № 1(8).
Иоффе Э., Мельцер Б., *Джойнт в Беларуси*, Минск 1999 г.
Иоффе Э.Г., *Страницы истории евреев Беларуси*, Минск 1996 г.
Историко-статистическое описание Минской епархии, СПб 1864 г.
Каганович А., *Речица: История еврейского местечка Юго-Восточной Белоруссии*, Иерусалим 2007 г.
Казлоў Л., *Беларускае Палессе на старажытных картах*, Мінск 2006 г.
Казлоў Л., *Беларусь на сямі рубежах*, Мінск 1998 г.

Каменштейн М., *Советская власть, еврейское землеустроение и ОЗЕТ*, Москва 1928 г.
Касцюк М., *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*, Мінск 2000 г.
Катлярчук А., «Татара-монгольскае нашэсце на Тураў», *Бельскі гостінэць*. Краязнауча культурны часопіс, Bielsk Podlaski 2006 г., № 3(10).
Киркор А.К., «Белорусское Полесье», очерк VIII, *Живописная Россия*. Литовское и Белорусское Полесье. Репринтное воспроизведение издания 1882 г., Минск 1994 г.
Киштымов А., «Место и роль предпринимателей-евреев в экономике Гомельщины на рубеже XIX–XX вв.», *Евреи в Гомеле. История и культура (конец 19 – начало 20 века)*. Сб. материалов научно-теоретической конференции, Гомель 2004 г.
Клиер Дж. Д., *Россия собирает своих евреев*. Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825 гг., Москва–Иерусалим 2000 г.
Клингер В., *Животное в античном и современном суеверии*, Киев 1909–1911 гг.
Книга о русском еврействе, 1917–1967 гг. Под ред. Я.Г. Фрумкина, Г.А. Аронсона и А.А.Гольденвейзера, Нью-Йорк 1968 г.
Ковкель И.И., Ярмусик Э.С., *История Беларуси с древнейших времен до нашего времени*, Минск 1998 г.
Колосов Л., *Вымершие и умирающие профессии*, Лунинец 2003 г.
Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах 1918–1978 гг., Минск 1978 г.
Константинов В., *Еврейское население бывшего СССР в XX веке.* Социально-демографический анализ, Иерусалим 2007 г.
Костырченко Г.В., *Тайная политика Сталина*. Власть и антисемитизм, Москва 2001 г.
Котляр І., «Яўрэйскія мястэчкі у Беларусі у часе НЭПа», *Беларусіка-Albaruthenica*, Мінск 1995 г., № 4.
Кудрявцев Н., «Борьба с Булак-Балаховичем», *Революция и войны*, 1920 г., № 3.
Лабынцев Ю.А., *В глубинном Полесье* (Турово-Пинская земля), Москва 1989 г.
Лазарус Н.Р., *Еврейская женщина*, Варшава 1902 г.
Лазько Р., «Пытанне аб польскай меньшасці у Беларусі у кантэксце савецка-польскіх адносін 1920–1930 гг.», *Нацыянальные меньшасці Беларусі*. Кн. 2, Брэст–Мінск–Віцебск, 1996 г.
Латышонак А., «Штурм Рэчыцы вайсками генерала Станіслава Булак-Балаховічча у лістападзе 1920 года», *Пятыя міжнародныя доўнарскія чытанні, Рэчыца 22–23 верасня 2005 г*., Гомель 2005 г.
Лебина Н.Б., *Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930 годы*, СПб 1999 г.
Леванда Л.О., «Старинные еврейские свадебные обычаи», *Пережитое*, СПб 1911 г.
Левин В., Мельцер Д., *Черная книга с красными страницами*. Трагедия и героизм евреев Белоруссии, Балтимор 1996 г.
Лежнев Л., *Деревянный ключ*, Москва 1932 г.
Лейзеров А., «Национальная политика в Беларуси в первые годы советской власти (1920–1939 гг.)», *Беларусь у XX стагоддзі*. Вып. 1, Минск 2002 г.
Либаков М., «Из быта белорусских евреев», *Русские ведомости*, 1865 г., № 151.
Літвін А.М., *Акупацыя Беларусі (1941–1944 гг.)*. Пытанні супрацiву і калабарацыі. Зборнік артыкулаў, Мінск 2000 г.

Лиходеев Вл. *Синагоги*. Еврейская жизнь, Минск 2007 г.
Лозина-Лозинский К., *Систематический сборник разъяснений Правительствующего Сената по делам о жительстве евреев*, СПб 1902 г.
Лысенко П.Ф., *Сказание о Турове*, Минск 2006 г.
Лысенко П.Ф., *Туровская земля IX–XIII веков*, Минск 1999 г.
Лыч Л., Навіцкі Ў., *Гісторыя культуры Беларусі,* Мінск 1995 г.
Люленчик В., «Масштабы и причины эмиграции», *Русская Америка*, 2006 г., № 347.
Лютый А.М., *Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в*., Минск 1987 г.
Малер И., Пинхас Г., *Краткий словарь еврейских имен*, Иерусалим 1985 г.
Маньков А.Г., *Дневники 30-х годов*, СПб 2001 г.
Маор И., *Сионистское движение в России*, Тель-Авив 1977 г.
Маракуев В., *Полесье и полешуки*. Сер. «Знакомство с отечеством». Вып. 1, Москва 1879 г.
Марек П., *Очерки по истории просвещения евреев в России. Два воспитания*. Москва 1909 г.
Марзалюк І., «”Жыд” у беларускай традыцыі». Негатыўныя ментальныя стэрэатыпы і досвед супольнага існавання, *Евреи Беларуси. История и культура*. Сб. статей. Вып. VI, Минск 2001 г.
Места принудительного содержания гражданского населения на временно оккупированной территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 гг., Аннотированный справочник, Минск 2001 г.
Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения, 1793–1917 гг. Аннотированный справочник. Сост. Т.Е. Леонтьева, Минск 2006 г.
Моргулис М., *К истории образования русских евреев*, СПб 1888 г.
Мыш М.И., *Руководство к русским законам о евреях*. Изд. 2-е, СПб 1898 г.,
На крутым павароце. Ідеолагічная барацьба на Беларусі у 1929–1931 гг. Дакументы, матэрыялы, аналіз, Мінск 1999 г.
Народная адукацыя і педагагічная навука у Беларусі, 1917–1945 гг., Мінск 1993 г.
Нацыянальная палітыка і міжнацыянальные адносіны на Беларусі у XX ст. Зборнік навуковых артыкулаў. Пад рэд. А.М. Мацко, Мінск 1997 г.
Нацыянальная палітыка расійскага самадзяржаўя на Беларусі у канцы XVIII – пачатку XIX ст. Зборнік навуковых прац. Пад рэд. А.М. Лютага, Мінск 1995 г.
Нивич Я., «Туров, Минской губернии», *Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества 1913 г.*, СПб, ст. Вильна: Тип. И. Завадского 1914 г., кн. 4.
Никитин В., *Евреи земледельцы, 1807–1887 гг*., СПб 1887 г.
Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944 гг.), Мінск 1995 г.
«О переписи еврейского населения в Мозырском уезде», *Виленский вестник*, 1875 г., № 1.
Они не молчали. Сост. А.В. Афанасьев, Москва 1991 г.
Осокина Е.А., «За зеркальной дверью Торгсина», *Отечественная история*, 1995 г., № 2.
Осокина Е.А., *За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 гг*., Москва 1998 г.
Отчет комитета общества вспомоществования евреям земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине за 1896–1898 годы, Одесса 1899 г.

Отчет Мозырского окружного комитета КП(б)Б за время с 1 октября 1924 г. до 1 октября 1925 г., Мозырь 1925 г.
Очерки истории еврейского народа. Под ред. Ш. Этингера, Иерусалим 1993 г.
«Очерки истории из быта евреев Северо-Западного края», *Минские губернские ведомости*, 1869 г., № 47.
Очерки истории идеологической деятельности КПСС, 1917–1937 гг., Москва 1985 г.
Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Под ред. С.А. Пилотовича, Часть II (1921–1966 гг.), Минск 1967 г.
Пайпс Р., *Россия при большевиках*, Москва 1997 г.
Палес А., «Матэрыялы да бібліаграфіі па вывучэны яўрэйскага насельніцтва мястэчак Беларусі», *Наш край*, 1928, № 2.
Памятные книжки и календари Минской губернии. Изд. Минск. губ. стат. комитета, Минск 1864–1913 гг.
Память. Историко-документальная хроника Житковичского района, Минск 1994 г.
Памяць. Беларусь. Рэспубліканская кніга, Мінск 1995 г.
Паперна А.И., «Из Николаевской эпохи». *Пережитое*. Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. Т. 2, СПб 1910 г.
Пенкина З.М., *Полесье*. Библиографические материалы по истории, географии, статистике, этнографии и экономическому состоянию, СПб 1883 г.
Перед крутым поворотом. Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.). Отражение времени в архивных документах. Под ред. Р.П. Платонова, Минск 2001 г.
Петров Н.В., Скоркин К.В, *Кто руководил НКВД в 1934–1941 гг.*, Москва 1999 г.
Петровский-Штерн Й., *Евреи в русской армии, 1827–1914 гг.,* Москва 2003 г.
Письма во власть, 1928–1939 гг. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям, Москва 2002 г.
Пичуков В.П., Старовойтова М.И., *Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века*). Вып. 1, Гомель 1999 г.
Платонаў Р., *Палітыкі. Идэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва умовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20–30ых гадоў*, Мінск 1996 г.
Платонаў Р.П., *Беларусь ў міжваенны перыяд.* Старонкі палітычнай гісторыі у святле архіўных крыніц, Мінск 2001 г.
Полетаева Н.И., «Социально-демографический портрет купечества Беларуси», *Ученые записки Московского государственного социального университета*, 2001 г., № 3(23).
Поляков-Литовцев С., «Мелодии еврейского быта», *Новый журнал*. Под ред. М.М. Карповича и М.О. Цетлина, Нью-Йорк 1944 г., т. IX.
Правда истории: память и боль. Сост. Н.М. Жилинский, Минск 1991 г.
Практическое решение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике. Часть 1, Белорусизация, Минск 1927 г.
Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944 гг. Сб. документов и материалов, Минск 1963 г.
Протько Т.С., *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси, 1917–1941 гг.*, Минск 2002 г.

Пушкін І.А., *Узброены супраціў ва Усходняй Беларусі (20–30ыя гады XX ст.).* Дакументы і матэрыялы, Магілёў 2003 г.

Раманава І., «Голад 1932–1934 гг. і БССР», *Спадчына*, 2003 г., № 1.

Раманава І., «Зона». Беларускае памежжа па савецкі бок дзяржаўнага кардону у 1930ыя гады, *Спадчына*, 2001 г., № 1–2.

Реабилитация. Политические процессы 1930–50-х годов. Сб. документов и материалов. Под ред. А.Н. Яковлева, Москва 1991 г.

Репрессивная политика советской власти в Беларуси. Сб. научных работ. Вып. 1–3, Минск 2007 г. http://www.homoliber.org/rp010201.html

Романюк З., «Книги памяти еврейских общин, городов и местечек Беларуси, изданные за рубежом (1940–1970-е гг.)», *Евреи Беларуси*, История и культура. Вып. V, Минск 2000 г.

Рохлин Л.Л., *Труд, быт и здоровье партийного активиста*, Харьков 1931 г.

Руднев Я.И., *Белорусско-литовское Полесье*, СПб 1898 г. Типография штаба отдельного корпуса пограничной стражи.

Рутберг Н.И., Пидевич И.Н., *Евреи и еврейский вопрос в литературе советского периода.* Указатель литературы, изд. за 1917–1991 гг. на русском языке, Москва 2000 г.

Рушчык Г., *Палессе. Фотаздымкі з дваццатых і трыццатых гадоў*, Варшава 1999 г.

Рэнсел Дэвид Л., «Культура деторождения у белорусских, еврейских и татарских женщин на территории Беларуси конца XIX – начала XX в.», *Женщины на краю Европы*. Под ред. Елены Гаповой, Минск 2003 г.

Сабалеўская В.А., «Традыцыйная яўрэйская сям'я на Беларусі у канцы XVIII – першай палове XIX ст. », *Веснік ГрДУ*, Серыя гуманітарных навук, 1999 г., № 1.

Савицкий, Э. «Еврейская благотворительность в Беларуси XIX–XX вв.», *Евреи Беларуси.* История и культура, Минск, 1998. Вып. III–IV.

Семенов-Тян-Шанский В., *Город и деревня в Европейской России*, СПб 1910 г.

Сержбутовский А.К., *Отчет о поездке в Гомельскую губернию в 1926 г.*, Минск 1926 г.

Скир А., *Духовная культура евреев Беларуси*, Минск 1995 г.

Смиловицкий Л., «Второе крепостное право (большевиков). Кое-что о коллективизации», *Родник*, 1991 г., № 9.

Смиловицкий Л., «Досталинские колхозы», *Человек и экономика*, (Минск) 1991 г., № 7.

Смиловицкий Л., *Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг.*, Минск 1999 г.

Смиловицкий Л., *Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.*, Тель-Авив 2000 г.

Смиловицкий Л., «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.», *Новая еврейская школа*, СПб 2002 г., № 11.

Смолич М., *География Беларуси*, Минск 1919 г.

Соболевская О., «Из истории еврейской женщины на Беларуси в XIX в.», *Женщины в истории: возможность быть увиденными.* Сб. научных статей. Вып. 1. БГПУ им. М. Танка, Минск 2001 г.

Соболевская О., «Недоверие как продукт незнания: бытовой антисемитизм в Белоруссии (конец XVIII – середина XIX в.)», *Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга*. Сб. статей. Вып. 11, Москва 2003 г.

Соболевская О. «Традиционная еврейская семья на Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в.» *История еврейского народа*. Материалы ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 4, Москва 1999 г.

Соркина И., «Феномен белорусско-еврейской толерантности в местечках Беларуси XIX – начала XX вв.», *Свой или чужой? Евреи и славяне глазами друг друга*. Сб. статей. Академическая серия. Вып. 11, Москва 2003 г.

Справочная книга по вопросам образования евреев, СПб 1901 г.

Сталин И.В., «Марксизм и национальный вопрос», *Сочинения*, Москва 1946 г., т. 2.

Статистика Российской империи, Том 40. Сборник сведений в России 1896 год. Изд. Центрального статистического комитета при МВД России, Москва 1900 г.

Сташкевич Н.С., *Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925 гг.),* Минск 1985 г.

Стома-Сiнiца В., «Маё мястэчка», *Полымя* (Минск), 1998 г., № 12.

Страницы истории Компартии Белоруссии. Суждения, аргументы, факты. Сост. Ю.П. Смирнов и Н.С. Сташкевич, Минск 1990 г.

Стужынская Н., *Беларусь мяцежная*. З гiсторыi антысавецкага ўзброенага супрацiву 20-ыя гады XX стагоддзя, Вiльня 2000 г.

Суперанская А.В., *Имя через века и страны*, Москва 1990 г.

Телепень С.В., Майорова Е.Д., «В огне революции и гражданской войны», *Мазыр. 850 год. У трох тамах.* Т. 1: Мазыр: гiсторыя i сучаснасць, Гомель 2005 г.

Тепцов Н., *Монархия погибла, а антисемитизм остался* (документы Информационного отдела ОГПУ 1920-х гг.), Москва 1993 г.

Тизенгаузен В.Г., «Место и роль евреев в Северо-Западном крае России», *Минская старина. Труды Минского церковного историко-археологического комитета.* Вып. 2, Минск 1911 г.

Толмачев И., *Юго-Западный край*. Статистическое обозрение. Т. 1, Восточное Полесье, Киев 1897 г. Типография штаба военного округа.

Торговля и промышленность Европейской России по районам, Общая часть и приложения, СПб 1903 г.

Труды Минского губернского статистического комитета. Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Вып. 1, Мозырский уезд, Минск 1870 г.

Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. Т. VI, изд. под наблюдением П.А. Гильтебрандта, СПб 1872 г.

Тураўшчына: мiнулае, сучаснасць, будучыня. Сб. статей. Вып. 1, Минск–Туров 2000 г.

Тургенев А.С., «Поездка в Полесье», *Полное собрание сочинений в 12 томах*. Т. 5, СПб 1898 г.

Тухачевский М.Н., «Борьба с контрреволюционными восстаниями», *Война и революция*, 1926 г., № 7.

Феранц В.Р., «Тураў», *Помнiкi гiсторыi i культуры Беларусi*, 1977 г., № 4.

Фишер В., Записки из местечка (Очерки недавнего прошлого), *На чужой стороне.* Кн. III, 1923 г.; Кн. VII, 1924 г.

Форнберг С., *Еврейская эмиграция*, СПб 1908 г.
Фриде С., *Законы о праве жительства евреев*, СПб 1909 г.
Фрумкина (Эстер) М., *Долой раввинов. Очерк антирелигиозной борьбы среди еврейских масс*, Москва 1923 г.
Фукс Б., *Еврейский народ и эмиграция в Палестину*, Киев 1918 г.
Хвагина Т.А., *Полесье от Буга до Уборти*, Минск 2005 г.
Хвицкий П.Д., *Руководство для борьбы с огнем в селениях*, СПб 1895 г.
Хохлов А.Г., *Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1925 гг.*, Минск 1981 г.
Царевская Т.В., «Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине», *Отечественная история*, 1999 г., № 2.
Цыхун Г., Літвіноўская А., «Лёс яўрэйских запазычанняў у беларускай мове», *Беларусіка-Albaruthenica*, Яўрэйская культура Беларусі і яе ўзаемадзенне з беларускай і іншымі культурамі. Матэрыялы міжнароднай навуковай канфэрэнцыі, Мінск 1995 г.
Чантурия Ю.В., *Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX в.* Средневековое наследие. Ренессанс, барокко, классицизм, Минск 2005 г.
Чернявский И., *Еврейский рабочий в Белоруссии на заре рабочего движения*, Минск 1932 г.
Чистка КП(б)Б в 1933 г. Итоговые материалы республиканской комиссии по чистке, Минск 1934 г.
Чубинский П.П., *Труды этнографической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом*, Т. 7. Вып. I, гл. 1: Евреи, СПб 1872 г.
Шварц С., *Евреи в Советском Союзе с начала второй мировой войны: 1939–1965 гг.*, Нью-Йорк 1966 г.
Швед В.В., *Торговля в Белоруссии в период кризиса феодализма, 1830–1850 гг.*, Гродно 1995 г.
Шпилевский П.М., «Мозырщина», *Архив исторических и практических сведений, относящихся до России,* издаваемый Н. Колосовым, кн. 3, СПб 1859 г.
Шпилевский П.М., *Путешествие по Полесью и белорусскому краю*, Минск 2004 г.,
Штамфер Ш., «Хедерное образование, знание Торы и поддержание социального расслоения в традиционном еврейском обществе восточно-европейской диаспоры», *Еврейская школа*, 1993 г., № 2.
Шульман А., «Еврейский Городок», *Мишпоха*, 1998 г., № 4.
Шыбека З., *Гарады Беларусі (60ыя гады XIX – пачатак XX стагодзяў*), Мінск 1997 г.
Шыбека З., *Нарыс гісторыі Беларусі, 1795–2002 гг.*, Мінск 2003 г.
Эбэрхардт П., *Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі 1897–1989 гг.*, Мінск 1997 г.
Эйгольц И.Р., *Материалы к антропологии белорусов*, СПб 1896 г.
Эйстрах Г., «Еврейские секции Компартии. По материалам бывшего Центрального партархива», *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1994 г., № 2(6).
Эремич И., «Очерки Белорусского Полесья», *Вестник Западной России*, Историко-литературный журнал, изд. Г. Говорским, Вильна 1867 г., кн. VIII, т. III.
Эттингер Ш., *Россия и евреи.* Сб. статей, Иерусалим 1993 г.
Яковчук В., *Пожарная служба Беларуси: история развития*, Минск 2005 г.
1905 год и еврейское рабочее движение. Материалы и документы. Сост. А.Д. Киржниц, Москва–Ленинград 1925 г.

XI съезд Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. Стенограф. отчет, Минск 1928 г.
Agurskii Samuil, *Der Yiddisher Arbeter in der Komunistisher Bavegung 1917–1921,* Minsk 1925.
Altshuler Mordechai, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic profile*, Jerusalem 1998.
Beizer Michael, *Our Legacy: The CIS (Common of the Independent States – former USSR) Synagogues, Past and Present*, Moscow–Jerusalem 2002.
Beizer Michael, Mitsel Mikhail, *The American Brother. The «Joint» in Russia, the USSR and CIS*, Joint, Jerusalem 2004.
Cabanowski Marek, *General S. Bulak-Balachowicz*, Warszawa 1993.
Cholawski Shalom, *The Jews of Belorussia During World War II*, Amsterdam 1998.
Christopher Meyer Ernst, *Infant Mortality in New York City*, New York 1921.
Cutler Irving, *The Jews of Chicago. From Shtetl to Suburb*, Chicago 1996.
Dardak I., «Unzere Dergreikhungen far 15 Yor Oktiaber ofn Gebit fun Folk Bildung» (Наши достижения к 15-летию Октября в сфере народного образования, идиш), *Almanak Tsum 15 Yorteg fun der Oktiaber Revolutsie, Sotsial-Ekonomisher Zambluch*, Minsk 1932.
Davies Norman, *Orzel Bialy*, *Czerwona gwiazda – Wojna Polsko-Bolszewicka 1919–1920*, Krakow 1999.
Dean Martin, *Collaboration in the Holocaust*, Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944, New York – London, 2000.
Dekel-Chen, Jonathan, «Soviet Jewish Agricultural Colonists, 1937–1945», *Jews in Eastern Europe*, 2001, No 46.
Die Judenpogrome in Russland, Jodischer Verlag, Këln, 1909.
Dubnov, Simon. *Divrei Yimei Am Olam.* Tel Aviv 1940.
Eckman Lester Samuel, *The Jewish Resistance: the History of the Jewish Partisans in Lithuania and White Russia During the Nazi occupation, 1940–1945*, New York 1977.
From Hashomer to the Israel Defense Forces: Arms Jewish Defense in Palestine. By Meir Pail: http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/History/pail.html
Galili Ziva and Boris Morozov, *The emigration of Zionist convicts from the Soviet Union, 1924-1934*, London, New York 2006.
Gitelman Zvi, *A century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to present* (380 photographs from YIVO collection), London 2001.
Greenbaum Abraham, *Jewish Scholarship and Scholary Institutions in Soviet Russia, 1918–1953*, Jerusalem 1994.
Greenbaum Avraham, «The Fate of the Belarussian and Yiddish, Stages in the formation of Policy on the Jewish Question in the Communist Party of the Soviet Union, 1917–1928», *Shvut*, 1996, № 3(19).
Heinz-Dietrich Loewe, *The Tsars and the Jews: Reforms, Reaction, and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917*. Switzerland, 1993.
Halevy Zvi, *Jewish Schools under Czarism and Communism*, New York 1976.
Horoszkiewicz R., *Tradycji Ziemi Pinskiej*, Warszawa 1935.
Iwanow M., «Pierwszy narod ukarany», *Polacy w Zwiazku Radzieckim, 1921–1939*, Warszawa–Wroclaw 1991.

*Konstitushon fun dem Ershten Turover Untershtitsungs Farayn***,** Microfilm. New York: New York Public Library, Humanities – Jewish Division [197-8]. 1 microfilm reel; 35 mm. (MN: *ZZ-16973) // http://catnyp.nypl.org

Kosecki Adam, «Bialoruskie formacje zbrojene», *Polska, Bialorus 1918–1945*, Warszawa 1994.

Kriegstagebuch des Kommandostabes Reichsfuhrer SS (Военный дневник штаба командования рейхсфюрера СС), Wien 1965.

Latyszonek O., «General Bulak-Balachowicz – od armii carskej do armii narodowej», *Dyskusia* (Bialystok), 1990, No 2–3(23).

List otwarty gen. Bulak-Balachowicza do sejmu ustawodawczego Rzeczypospolitej Polskiej, Warszawa 1922.

Mackiewicz J., *Bunt rojstow*, Wilna 1938.

Meites Hyman L. (ed.), *History of Jews of Chicago*, Jewish Historical Society of Illinois 1924.

Moszynski K., *Polesie Wschodnie. Materialy etnograficzne z wschodniej czesci bylego powiatu mozyrskiego oraz powiatu rzeczyckiego*,Wilna 1928.

My Daughter, the Teacher: Jewish Teachers in the New York City. By Ruth Jacknow Markowitz, New York 1993.

Ohole-Schem, *Biografien und adressen d. rabbiners. Europia, Asien, Africa, America und Ustralien.* Von Sch. N. Gottlieb, Pinsk (Gouv., Minsk) 1912.

«OZET and the Soviet Self-Criticism Campaign of 1937», Publication by A. Zeltser, *Jews in Eastern Europe*, 1999, No 3(40).

Palubicki W., *Kwestia kobieca w spoleczney doctrynie judaizmu, chrzescijanstwa oraz islamu*, Warszawa: Akademia Nauk spolecznych PZPR 1989.

Pinkus B., *The Jews of the Soviet Union: the History of a National Minority*, New York 1988.

Plakans Andrejs and Halpern Joel M., *An Historical Perspective on Eighteen Century Jewish Family Households in Eastern Europe: A Preliminary Case Study.* Modern Jewish Fertility, Paul Ritterband (ed.), Leiden 1981.

Ravin Y., Shatz V., *Literatur: lernbukh farn 4tn shulyor*, Minsk 1933.

Ro'i Y. (ed.), *Jews and Jewish life in Russia and the Soviet Union*, Ilford 1995.

Shkolnikova Elina, «The Transformation of the Shtetl in the USSR in the 1930s,» *Jews in Russia and Eastern Europe*, 2004, No 1(52), pp. 91–129.

Simanskij P., *Kampanii bialoruska-rosyjskiej armij ludowo-ochotniczej gen. Bulak-Balahovwicza w r. 1920*, Bellona Warszawa, 1930, t. 37, z. 2.

Slownik geograficzny Krolestwa Polskiego I innych krajow slowianskich, Warszawa 1887, vol. 8.

Smilovitsky L., «Ghettos in Gomel Oblast, Belorussia: Commonalities and Unique Features». Report at symposium, *The Holocaust in the Occupied Soviet Territories: Nazi Ghettos and Jewish Armed* Resistance, The United States Holocaust Memorial Museum. Washington, D.C. November 6, 2003.
http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/GomelGhettos.htm

Smilovitsky L., «History and Origin of the Jewish Last Family Names in Turov», *Journal of Federation of East European Family History Societies*, Salt Lake City (USA), Vol. 11, 2003, p. 29–35: http:/www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/Turovnameslink.htm

Smilovitsky L., *Holocaust in Belorussia, 1941-1944*, Tel Aviv 2000.
http://www2.jewishgen.org/Yizkor/belarus/belarus.html

Smilovitsky L., Rabbi Arye-Leyb ben Meyshe ber Shifman from Pukhovichi, *Journal of Federation of East European Family History Societies*, Salt Lake City (USA), vol. 12, 2004, pp. 26–29. http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/RabbiShifman.htm

Smilovitsky L., «Struggle of Belorussian Jews for the Restitution of Possessions and Housing in the First Post War Decade», *East European Jewish Affairs*, vol. 30, No 2, Winter 2000. http://www.jewishgen.org/Belarus/newsletter/restitution.htm

Smilovitsky L., «The Jewish Farmers in Belarus During the 1920s», *Jewish Political Studies Review* (Jerusalem), vol. 9, 1997, No 1–2.

Smilovitsky L., «The Non-Jewish Reaction to the "Doctors' Plot" in Belorussia: In the Light of New Documents (January-–March 1953)», *Shvut*, 2000, No 9(25).

Shulman E., *A History of Jewish Education in the Soviet Union*, New York 1971.

Stamfer Shaul, *The Lithuanian yeshiva*. Volozhin, Slobodka, Telz. Jerusalem 1995 (Hebrew).

«The Jewish Intelligentsia and the Liquidation of Yiddish Schools in Belorussia, 1938». Documents introduced and annotated by Viacheslav Selemenev and Arkadii Zeltser, *Jews in Eastern Europe*, No 43 (2000).

«The Liquidation of Yiddish Schools in Belorussia and Jewish Reaction». Documents introduced and annotated by Viacheslav Selemenev and Arkadii Zeltser, *Jews in Eastern Europe*, No 1(41), 2000.

«The Melting Pot»: An International Conference on Russian-Jewish New York, April 4–6, 2006 Columbia University Libraries:
http://www.columbia.edu/cu/lweb/news/exhibitions/2006/2006-03-23.russian_jewish.html

The Promissed City. New York's Jews, 1870–1914. By Moses Rischin, New York 2005.

Turover Society Landsmanschaft Ceases Functioning After 72 Years, *The Jewish News* (Detroit, state Michigan), December 4, 1981.

Unterman A., *Zydzi: wiara I zycie*, Lodz 1989.

Wexler Pall, *Belorussification, Russification and Polonization Trends in the Belorussian Language: Their Past, Present and Future* (T. Krendler, ed.), Berlin – New York – Amsterdam 1985.

What I have seen… The memoirs of Yechezkel Kotik: edited and translated into Hebrew with an introduction by David Assaf. Tel-Aviv: Center for the History of Polish Jewry, Diaspora Research Institute, Tel-Aviv University, 1998.

Zamoisky A., «Sztetł–wspylne dziezinstwo», *Skice z dzijów ludności żydowskiej Europy Środkowo-Wschodnej*, Białostok 2003, s. 163–169.

Zeltser Arkadi, «Inter-War Ethnic Relations and Soviet Policy: The Case of Eastern Belorussia», *Yad Vashem Studies*, Vol. 34, 2006.

Энциклопедии

Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 гг., Мінск 1990.
Беларуская энцыклапедыя у 18 тамах, Мінск 1996-2004.
Гарады і вескі Беларусі, Гомельская вобласць. У двух тамах, Мінск 2004.
Еврейская энциклопедия. Под общей редакцией А. Гаркави и Л. Каценельсона, в 16 томах, СПб 1906–1912.
Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, СПб 1890–1907, 82 осн. и 4 доп. тома; первые 8 т. под ред. И. Е. Андриевского, остальные – под ред. К.К. Арсеньева и Ф.Ф. Петрушевского.
Энциклопедия халуцей ха-ишув вэ-бонав («Первопроходцы Израиля») в 19 т., Тель-Авив 1947-1971.
Этнаграфія Беларусі, Энцыклапедыя, Мінск 1989.
Энцыклапедыя гісторыі Беларусі у 6 тамах, Мінск 1993-2003.
Encyclopedia of Jewish Life Before and During the Holocaust. In 3 vol., Jerusalem 2000.

Периодические издания

Авив, газета Белорусского объединения еврейских организаций и общин (Минск), 1992–2007.
Антирелигиозник, печатный орган Всесоюзного общества «Воинствующий безбожник» (Москва), 1924–1941.
Безбожник, печатный орган Всесоюзного общества «Воинствующий безбожник» (Москва), 1922–1934, 1938–1941.
Берега, печатный орган Иудейского религиозного объединения Беларуси (Минск), 1999–2007.
Виленский вестник (Вильна), 1895–1915.
Возрождение (Мельбурн), 1998–2007.
Восход (СПб), 1905, № 44–45.
Еврейский камертон, приложение к газете «Новости недели» (Тель-Авив), 1993–2007.
Жизнь национальностей, Москва 1918–1922.
Журнал мануфактур и торговли, СПб 1864–1866.
Журнал Министерства внутренних дел, СПб 1829–1861.
Журнал Министерства народного просвещения, СПб 1834–1880.
Звязда, Мінск, 1924–1941.
Ленінскія заветы (Туров), 1938–1941, 1945–1961.
Мезуза, газета Минской еврейской общины «Симха» (Минск), 1997–1998.
Минские губернские ведомости (Минск), 1866–1914.
Мишпоха, исторический альманах (Витебск), 1996–2007.

Наш край (Минск), 1930–1933.
Неман, литературно-художественный и общественно-политический журнал (Минск), 1945–2007.
Новая Палессе (Мозырь), 1968–2007.
Полымя, литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей Белоруссии (Минск), 1922–2007.
Последние известия, орган заграничного комитета Всеобщего еврейского рабочего Союза в Литве, Польше и России (Бунд), Лондон–Женева 1901–1906.
Правда (Москва), 1926–1961.
Рабочий (Минск), 1928–1931.
Русские ведомости (Москва), 1863–1913.
Трибуна еврейской советской общественности (Москва), 1927–1937.
Чырвоная Тураўшчына (Туров), 1931–1936.
American Year Jewish book 5682, vol. 23, Philadelphia 1922.
American Jewish Yearbook 5680, vol. 21, Philadelphia 1919.
East European Jewish Affairs (formerly *Soviet Jewish Affairs)*, London 1968–2007.
Jews in Russia and Eastern Europe (formerly *Jews in Eastern Europe*), Jerusalem 1987–2007.
hа-Мелиц (СПб), 1864–1896.
hа-Цфира (Варшава), 1884–1905.
Holocaust and Genocide Studies (Washington, DC), 1991–2007.
Michael (Tel Aviv University), 1972–2007.
Michigan Jewish Yearbook, 1925.
Shvut (Tel Aviv University), 1973–2006.

Диссертации

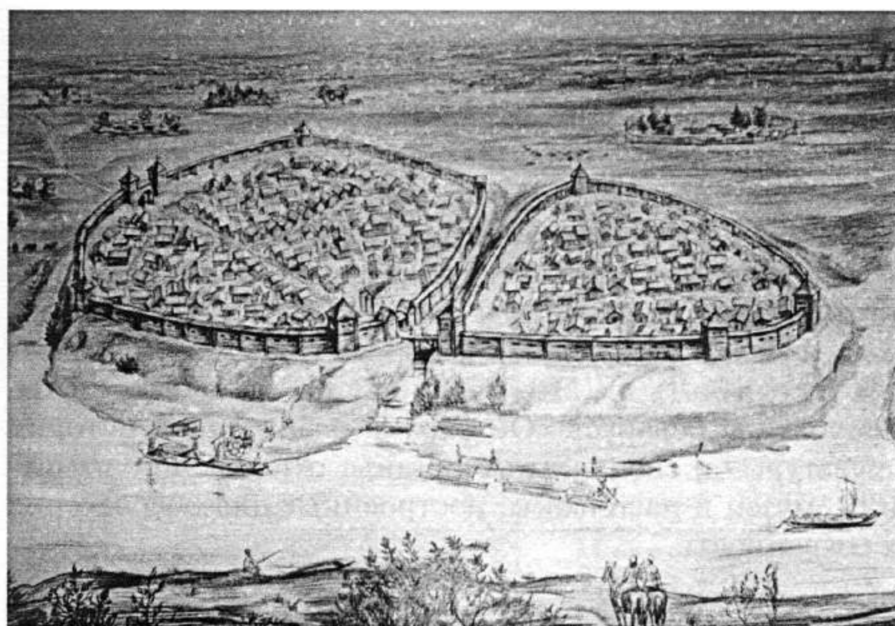
Агапов М., *СССР и палестинская проблема в 1920–1943 гг.*, Тюмень 2004.
Герасимова И., *Еврейское образование в Белоруссии в XIX – начале XX в. и отношение к нему российского самодержавия*, Минск 1996.
Зельцер А., *Евреи Северо-Восточной Белоруссии между мировыми войнами, 1917–1941 гг.*, Иерусалим 2003.
Поссе В., *Просвещение в Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в.*, Минск 1963.
Соркина И., *Роль местечек в социально-экономическом и культурном развитии Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX в.*, Гродно 1998.
Томашевич В., *Зарождение и развитие сионизма в северо-западных губерниях Российской империи*, Минск 2003.
Shmeruk Ch., Jewish Community and Jewish Agricultural Settlement in Soviet Belorussia, 1918–1932, Hebrew University of Jerusalem, 1961.

Именной указатель

Географический указатель

Тураўлянскі замак. Гравюра Д.Б.Кавалеры 1580 паводле малюнка С.Пахалавіцкага 1579.

Древний Туров в начале XIII в. (реконструкция П. Ф. Лысенко, художник Е. Г. Коробушкин

1

2

3

4

5

6

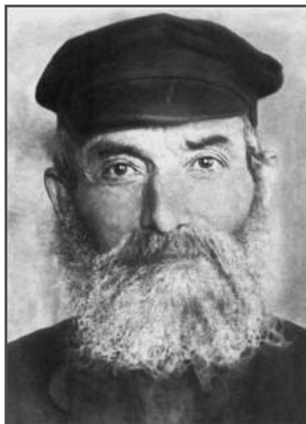
7

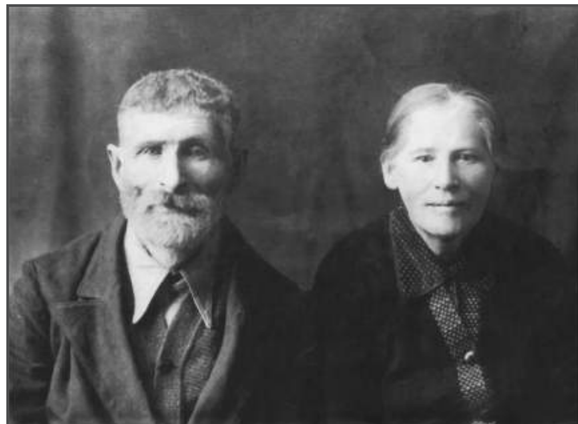

8

9

12

10

13

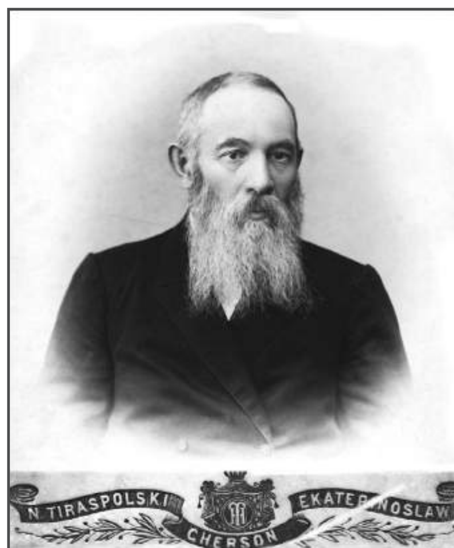

11

14

Р·Я·БИКЪ
ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ

15

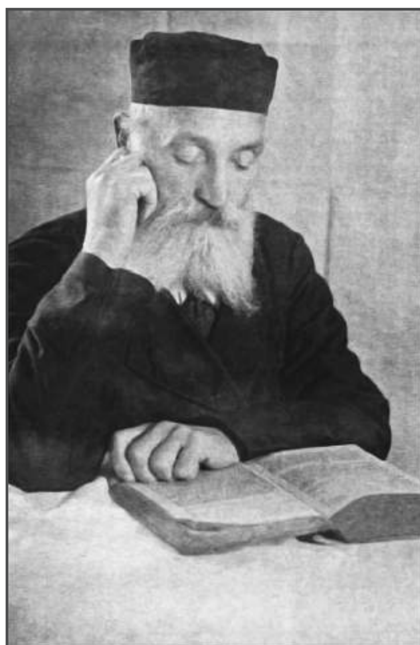

N. TIRASPOLSKI
CHERSON
EKATER
NOSLAW

16

17

19

20

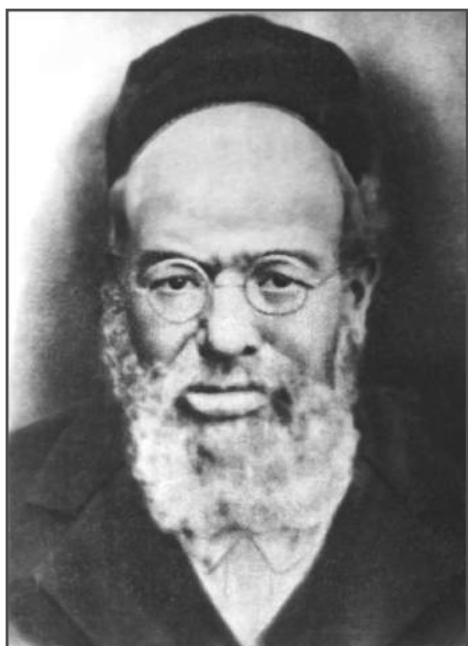
21

22

23

24

25

26

27

28

29

יום י"ח מרחשון ה' תרמ"ג.

[illegible] י"ח לצאתו לאור.

הַמֵּלִיץ

מחירו עם המשלוח
בפטרבורג ובמדינת רוסיא:

שנה תמימה	6 רו"כ
לחצי שנה	3 "
לרבע שנה	1.75 "
גליון אחד בפטרבורג	—15 קאפ' "
שכר מודעות השורה	—10 "

מחירו עם המשלוח
בארצות חוץ לסדינתנו:

כסף המדינות:	שנה,	1/2 שנה,	1/4 שנה
באוסטריא, פלארין	10	5 "	3 "
באשכנז, מארק	20	10 "	6 "
בצרפת, פראנק	20	10 "	6 "
בבריטניא, שיללינג	18	9 "	5 "

להגיד ליעקב מכל הנעשה בעולם המדיני והמדעי, בעסקי היהודים והיהדות וספרת העברית.

יופיע אחת בשבוע ביום ג', בעיר המלוכה ס"ט פטרבורג.

ГАМЕЛИЦЪ | **HAMELITZ**

Еженедѣльное полит. и литерат. изданіе на др.-еврейскомъ языкѣ. | Wochenblatt für Politik und Literatur in hebräischer Sprache.

18 годъ изданія. **№ 40.** 19 (31) Октября 1882.

האנשים המגורשים, ואם לא נשתדל לעצור בעד הרעה בעוד מועד, מי יודע מה שיצמח מזה.

יחיאל מיכל בערנשטיין.

טוראוו (פלך מינסק). — ביום השבת — אסרו חג — בצהרים הלכו חסידי הינוקא מסטאלין ברחובות קריה ויזמרו וירקדו ובדרך הלוכם שברו את החלונות בבית ה' ש—א שהוא למרן מתנגד — ובמוש"ק הלכו ברחובות הנוצרים בשירה וזמרה ורקוד, וירגיזו אותם משנתם, ויקומו הנוצרים ממטתם ויאסרו שני חסידים וישלחום לבית השוטרים ושמה ישבו עד יום ג', ובהשתדלות ה' מרדכי מקאפוסקעוויטש הוציאם לחפשי, והחסידים קדמו פני השבוים (מבהמ"ד שלהם) ביי"ש, וישתו וישכרו ויתהוללו שם כל הלילה.

המן העץ.

קישינוב. — ביום 28 סעפטעמבר היתה בחירת רב מטעם הממשלה פה.

30

טוראוו הרב ר' ארי' ליב צבי בר' שלמה גאלדבערג.
(פלך מינסק)

נולד—תרי"ח, אביו המופלג הנ"ל הוא בן הרב ר' שמואל דוד שהי' מו"צ בק"ק סמאחוולעוויטש הסמוכה למינסק, ומצד אמו הוא נכד הגאון ר' מנחם אליעזר בעהמ"ח ספר „יעיר קנו" על מס' קנים, בן הגאון ר' לוי בעהמ"ח ספר „עטרת ראש", „ועטרת תפארת" וקונטרס „מסגרת טפח" על לחם הפנים. נסמך להוראה מאת הגאון ר' יוסף אבד"ק סלאנים זצ"ל ומהגאון ר' שמחה הורוויץ אבד"ק לעחאויטש זצ"ל. בשנת תרנ"א נתמנה לרב.

Лейбъ Гольдбергъ м. Туровъ (Минской губ.)
Lejb Goldberg Turow (gouv. Minsk.)

31

189*8* года *Февраля 19* дня. Я, нижеподписавш*іеся мѣщанки Сита Залмова Зацит и Бейла Иосева Брегманъ* на основаніи 215 и 221 ст. Уст. о пасп. изд. 1890 г., даю настоящую подписку въ томъ, что узаконенія, относящіяся вообще до Россійскихъ подданныхъ, отлучающихся въ чужіе края, мнѣ объявлены, причемъ объязываюсь въ точности исполнять правила, изложенныя въ законахъ о состояніяхъ, а по возвращеніи своемъ изъ-за границы немедленно извѣстить мѣстную полицію. *За неграмотныхъ Ситу Зацит и Бейлу Брегманъ [illegible] [illegible] мѣщанинъ Иосель Брегманъ*

Подписку отбиралъ:

Пинскій Полиціймейстеръ *С. [illegible]*

32

СВИДѢТЕЛЬСТВО

о неимѣніи препятствій къ выѣзду за границу.

1) Имя, отчество, фамилія, званіе, состояніе и вѣроисповѣданіе лица, отправляющагося за границу и для какой надобности? — *Сита Залмова Зацит, [illegible] мѣщанка, [illegible] Шмуйла, Авраамъ и Иосель и [illegible] Бейла Иосева Брегманъ, Пинская мѣщанка, [illegible]*

2) Сколько имѣетъ отъ роду лѣтъ? — *Сита Зацит 40 лѣтъ, [illegible]: Шмуйла 16 л., Авраамъ 12 л., Иосель 7 лѣтъ; Бейла Брегманъ 45 лѣтъ*

3) Если лицо это малолѣтное или не совершеннолѣтнее, то при комъ отправляется за границу или имѣетъ ли на отлучку разрѣшеніе родителей?

4) Если лицо это женскаго пола и замужнее, то имѣетъ ли разрѣшеніе на отлучку отъ мужа? — *Сита Зацит [illegible] [illegible] на отлучку [illegible] [illegible]. Бейла Брегманъ [illegible] [illegible] отъ мужа*

5) Если лицо это мужскаго пола имѣетъ 18 лѣтъ, то имѣетъ ли оно свидѣтельство о приписке его къ участку и въ какомъ году подлежитъ оно призыву къ отбыванію воинской повинности?

6) Если лицо это мужскаго пола и еврейскаго происхожденія, то не подлежитъ ли онъ свидѣтельствованію по наружному виду.

Пинскій Полиціймейстеръ *С. [illegible]*

№ *690.*

Марта 5 дня 189*8* г.

г. Пинскъ.

33

...дание: *Иудейское*

...деніи или возрастъ: *45 лѣтъ*

...тій: *[illegible]*

...и или состоялъ ли въ бракѣ: *замужняя*

...при немъ:

...іе къ отбыванію воин-...винности:

НА СРОКЪ НЕ БОЛѢЕ ГОДА

Предъявитель сего *Минской* губ., *Пинскаго* уѣзда, *Королевская мѣщанка Бейла Иосева Брегманъ [illegible]* уволен*а* въ разные города и селенія Россійской Имперіи отъ нижеписаннаго числа на одинъ годъ, т. е. по *восемнадцатое Февраля 1899* года.

Данъ, съ приложеніемъ печати, *Пинскимъ Мѣщанскимъ [illegible]* 189*8* года *Февраля восемнадцатаго* дня.

[illegible]

...ладѣльца паспорта: *[illegible]*

...а: Дѣйствіе сего вида отсрочено на три мѣсяца, т. е. до 189 года.

БЕЗПЛАТНО

34

מ'ט א פריש באגייסטערט הארץ
מיט א פרייען שטאלצן בליק
איילען יודען זיך צום צוג,
אין אייגען לאנד, צום אייגען גליק...
„נאָך ארץ-ישראל!“
לשנה טובה תכתבו

35

36

1	Berisch Grosman	19	M	S.	Barber	Yes	Romania	Hebrew	Cherlow	Nyork	Yes	Brother	$ 10	no
2	Mayer Goldstein	22	M	S.	B. Smith	no	Russia	Hebrew	Glasgow	Brooklyn	Yes	Self.	$ 10	no
3	Dora Gutman	11	F	S.	Child	Yes	Russia	Hebrew	Edinburgh	Jersey City	no	Mother	$ 10	[illegible]
4	Frume Migel	30	M	M	Wife	no	Russia	Hebrew	Minsk	Nyork	Yes	Self.	$ 15	no
5	Berel "	3	M	S	Child	no	Russia	Hebrew	Minsk	Nyork	Yes	Mother		no
6	Sara "	inf	F	S	Child	no	Russia	Hebrew	Minsk	Nyork	Yes			no
7	Newoch Karpilow	19	M	S.	Labr	Yes	Russia	Hebrew	Minsk	Brooklyn	Yes	Self.	$ 10	[illegible]
8	Jankel Aranzik	19	M	S.	Labr	Yes	Russia	Hebrew	Mogilew	Nyork	Yes	Self.	$ 9	[illegible]
9	Aisik Maler	35	M	M	Labr	Yes	Russia	Hebrew	Minsk	Nyork	Yes	Self.	$ 9	[illegible]
10	Pine Zapesatzky	24	M	M	Labr	Yes	Russia	Hebrew	Minsk	Brooklyn	Yes	Self.	$ 15	[illegible]
11	Mosche Zillberg	23	M	S.	Labr	Yes	Russia	Hebrew	Kowna	Brooklyn	Yes	Self.	$ 35	[illegible]
12	Aron Pegal	22	M	S.	Labr	Yes	Russia	Hebrew	Wolhynia	Nyork	Yes	Self.	$ 6	[illegible]
13	David Goldstein	27	M	M	Labr	no	Russia	Hebrew	Wolhynia	Nyork	Yes	Self.	$ 5	[illegible]
14	Babe Sutler	25	F	S.	Tailoress	Yes	Russia	Hebrew	Bialostok	Nyork	Yes	Self.	$ 10	[illegible]
15	Rezel Tartakowsky	22	F	M	Wife	no	Russia	Hebrew	Faminka	Nyork	Yes	Self.	$ 10	[illegible]
16	Josel 631/417	2	M	S	Child	no	Russia	Hebrew	Faminka	Nyork	Yes	Mother		[illegible]
17	Chany "	10	M	S	Child	no	Russia	Hebrew	Faminka	Nyork	Yes			[illegible]
18	Nathan Matlowsky	26	M	M	Shoemaker	Yes	Russia	Hebrew	Glasgow	Nyork	Yes	Self.	$ 10	[illegible]
19	David Adler	32	M	M	Baker	Yes	Austria	Hebrew	Premischbany	Nyork	Yes	Self.	$ 10	[illegible]
20	Hinde " wife	29	F	M	Wife	Yes	Austria	Hebrew	Premischbany	Nyork	Yes	Husband		[illegible]
21	Schlomo Reichman	36	M	M	Carpenter	no	Russia	Hebrew	Zwiff	Brooklyn	Yes	Self.	$ 5	no
22	Moses Braun	32	M	M	Teacher	yes	✓	Hebrew	✓	Nyork	Yes	Self.	$ 8	no
23	~~Ruchel Libik~~	~~20~~	~~F~~					Hebrew		Cincinnati	Yes	Self.		

37

38

39

40

41

42

43

44

45

Name of Branch HAIFA 1108

Member's Name AINBINDER DAVID

Address NO. 5 DOV HOZ BAT-GALIM

Badge No. A.688763 Date of joining 17/5/1954

ENTRANCE FEE ONE SHILLING, PAID.

Signature of Member ★ Ainbinder D.

★ IT IS ESSENTIAL THAT THE MEMBER SHOULD SIGN HERE IN THE PRESENCE OF THE BRANCH SECRETARY, AND OFFICIAL FEE STAMP RECEIPT FORM INSERTED COVERING THE PERIOD OF SUBSCRIPTION.

PRINCIPLES AND POLICY OF THE BRITISH LEGION.

(a) The Legion shall be democratic, non-sectarian, and shall not be affiliated to or connected directly or indirectly with any political party or political organisation.

(b) The Legion shall be created to inaugurate and maintain in a strong, stimulating, united and democratic comradeship, all those who have served in His Majesty's Navy, Army, Air Force, or any Auxiliary Forces, so that neither their efforts nor their interests shall be forgotten; that their welfare and that of the dependants of the fallen may be safeguarded; and that just and equitable treatment shall be secured to them in respect of the difficulties caused in their lives as a result of their services.

(c) The Legion shall exist to perpetuate in the civil life of the Empire and of the World the principles for which we have fought; to inculcate a sense of loyalty to the Crown, Community, State, and Nation; to promote unity amongst all classes; to make right the master of might; to secure peace and goodwill on earth; to safeguard and transmit to posterity the principles of justice, freedom, and democracy, and to consecrate and sanctify our comradeship by our devotion to mutual service and helpfulness.

The attention of the holder of this card is specially drawn to the following extracts from Rule 2.

(c) Any person accepted as an Ordinary Member shall be deemed to be a Member so long as his name remains upon the Membership Register provided that the said Member has not resigned or died and that his membership has not otherwise lapsed or been determined for good and sufficient reasons by the decision of the Branch to which he belongs. Any Member whose arrears of contributions do not exceed the amount represented by three months contribution shall be deemed to be a financial Member and as such shall be entitled to vote and otherwise take part in the affairs of the Legion.

(g) Any Ordinary Member who is three months in arrears in respect of his contributions under Rule 2 (E) shall be liable to have his Membership determined by the decision of the Branch of which he is a Member.

(h) No ordinary Member holding an Official position of any description in the Legion shall be in arrears with contributions under Rule 2 (E) except upon pain of forfeiture of the position held by him.

(i) Any Ordinary Member producing satisfactory evidence to his Branch that he is unable through unemployment or ill-health to maintain his contributions may be permitted to remain a full Member notwithstanding non-payment of such contributions for such period and upon such terms as the Branch Committee may determine.

Copyright.

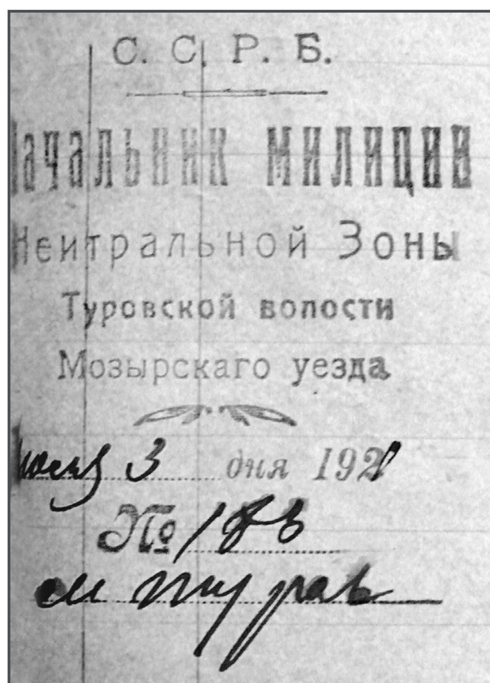
46

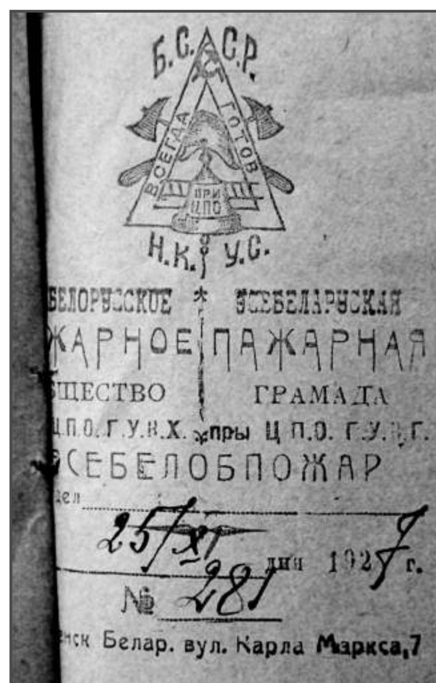
47

48

С. С. Р. Б.
ачальник милиции
Нейтральной Зоны
Туровской волости
Мозырскаго уезда
дня 192

49

Б.С.С.Р.
ВСЕГДА ГОТОВ
ПРИ Ц.П.О.
Н.К. У.С.
БЕЛОРУССКОЕ
УСЕБЕЛАРУСКАЯ
ЖАРНОЕ
ПАЖАРНАЯ
ЩЕСТВО
ГРАМАДА
Ц.П.О. Г.У.К.Х.
пры Ц.П.О.
УСЕБЕЛОБПОЖАР
дня 192 г.
№
Белар. вул. Карла Маркса,7

50

51

52

53

54

55

56

57

58

59

60

61

Список школьных работников Туровской Еврейской трудовой школы 1 ст. ступени

Заведывающий Туровской ев. труд. школой

Секретарь

62

63

Пралетарыі ўсіх краін, єднайцеся!

Б.С.С.Р.

НАРОДНЫ КАМІСАРЫЯТ АСВЕТЫ

АТЭСТАТ

ГЭТЫ АТЭСТАТ ДАДЗЕН Заржыцкаму Афанасію Госіфавічу (прозвішча, імя і імя па бацьку) НАРАДЗІЎШ 1923 ГОДЗЕ.

У ТЫМ, ШТО ён (ён—яна) НАВУЧАўся ў Тураўскай 1 СЯРЭДНЯЙ ШКОЛЕ г/п Турава Тураўскага раёна Пінскай обл. (горад, раён) , СКОНЧЫў (рабіў) ПОЎНЫ КУРС ГЭТАЙ ШКОЛЫ І ВЫЯВІў (абласць) ПРЫ выдатных ПАВОДЗІНАХ НАСТУПНЫЯ ВЕДЫ:

ПА БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ ВУСН. добра	ПА КАНСТЫТУЦЫІ СССР добра
ПА БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ ПІСЬМ. добра	ПА ГЕАГРАФІІ добра
ПА БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ выдатна	ПА ФІЗІЦЫ выдатна
ПА РУСКАЙ МОВЕ ВУСН. добра	ПА ХІМІІ выдатна
ПА РУСКАЙ МОВЕ ПІСЬМ. пасрэдна	ПА ГЕАЛОГІІ І МІНЕРАЛОГІІ добра
ПА РУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ добра	ПА АСТРАНОМІІ добра
ПА АРЫФМЕТЫЦЫ выдатна	ПА ЗАМЕЖНАЙ МОВЕ (нямецк.) выдатна
ПА АЛГЕБРЫ выдатна	ПА ВАЕННАЙ СПРАВЕ выдатна
ПА ГЕАМЕТРЫІ добра	ПА РЫСАВАННЮ добра
ПА ТРЫГАНАМЕТРЫІ выдатна	ПА ЧАРЧЭННЮ добра
ПА ПРЫРОДАЗНАЎСТВУ добра	ПА ФІЗКУЛЬТУРЫ выдатна
ПА ГІСТОРЫІ выдатна	

ДЫРЭКТАР ШКОЛЫ

ЗАГ. НАВУЧ. ЧАСТКІ С. Кл...

22. чэрвеня 1941 г.

№ 10

64

ТУРАЎСКАЙ СЯРЭДНЯЙ ШКОЛЫ №1
10га КЛАСА
1939-40г.
7 ВЫПУСК

66

67

68

69

70

71

72

73

74

75

76

77

78

79

80

81

82

83

84

85

86

87

88

89

90

91

92

93

94

95

96

97

98

99

100

101

102

103

ВОЕННЫЙ БИЛЕТ

ДС № 207697

Розенфильд

Аврам Григорьевич

Личный №

ДС № 207697

1. Число, месяц, год и место рождения 14 декабря 1925

2. Национальность еврей

3. Военный билет выдан

Военный комиссар

Дата выдачи

104

105

106

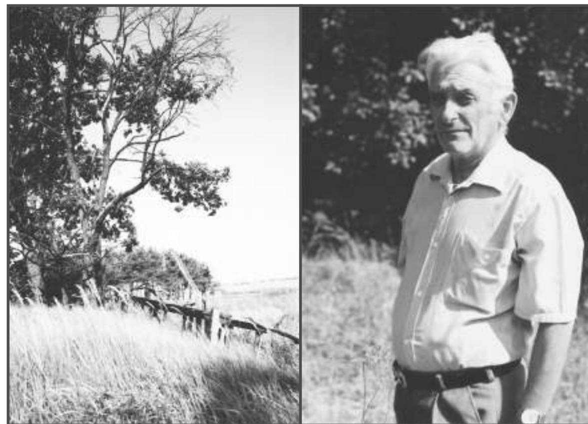

107

108

112

109

113

110

111

114

115

116

117

118

119

120

121

122

123

124

125

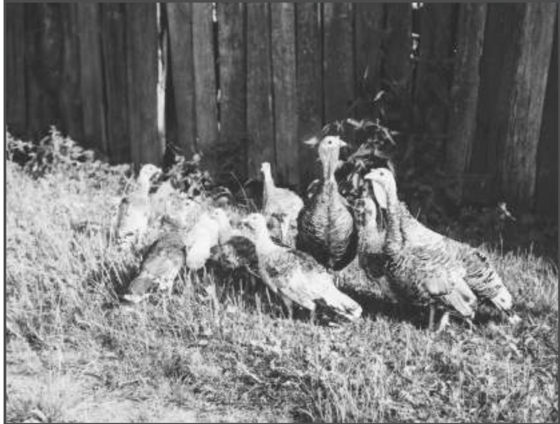
126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

137

138

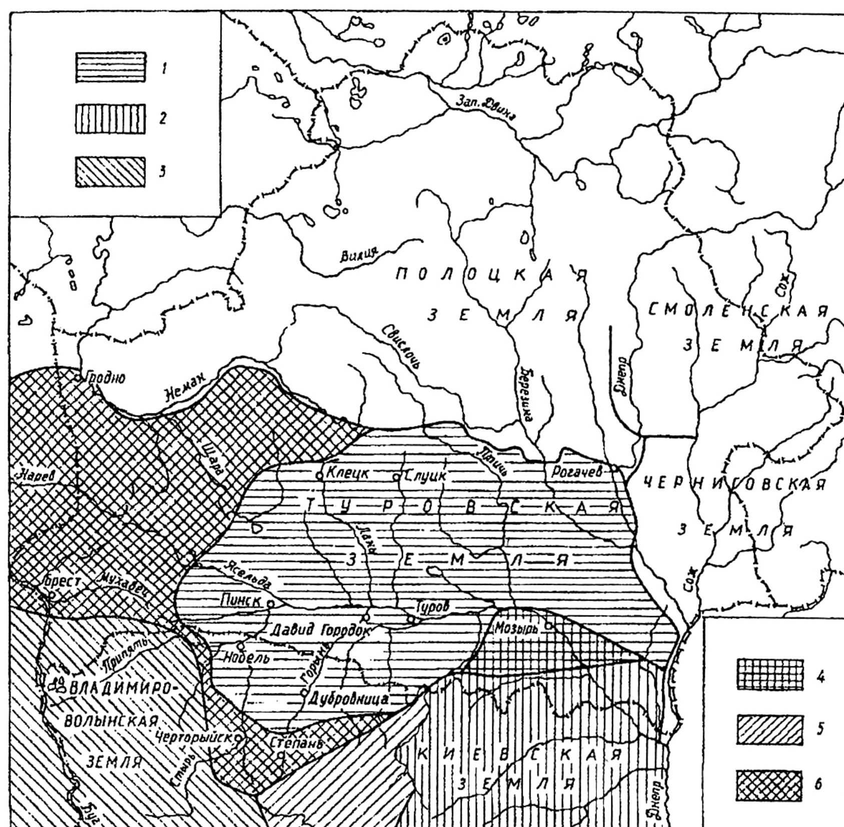
139

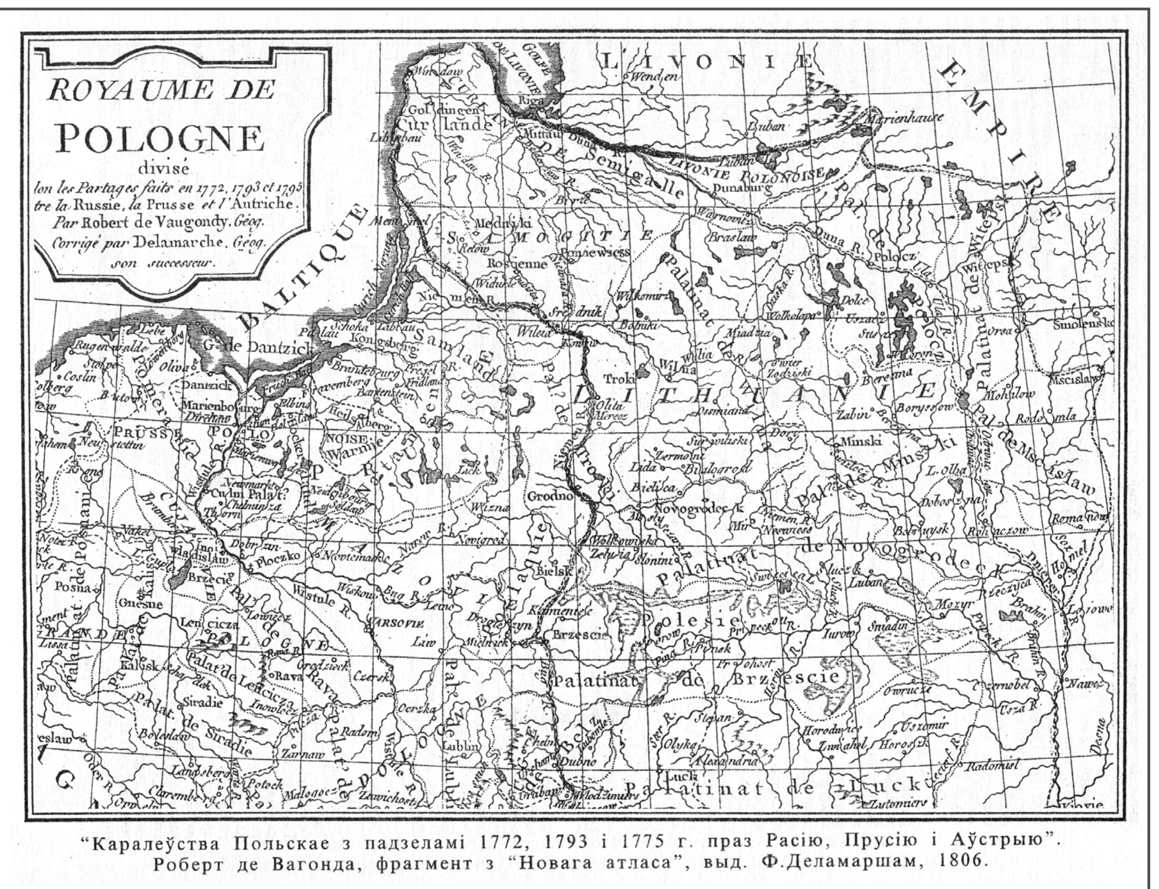
140

141

1 — Туровская земля; *2* — Киевская земля; *3* — Владимиро-Волынская земля; *4*, *6* — потери Туровской земли в XII—XIII вв.; *5* — территории, вошедшие во Владимирское княжество

“Каралеўства Польскае з падзеламі 1772, 1793 і 1775 г. праз Расію, Прусію і Аўстрыю”. Роберт де Вагонда, фрагмент з “Новага атласа”, выд. Ф.Деламаршам, 1806.

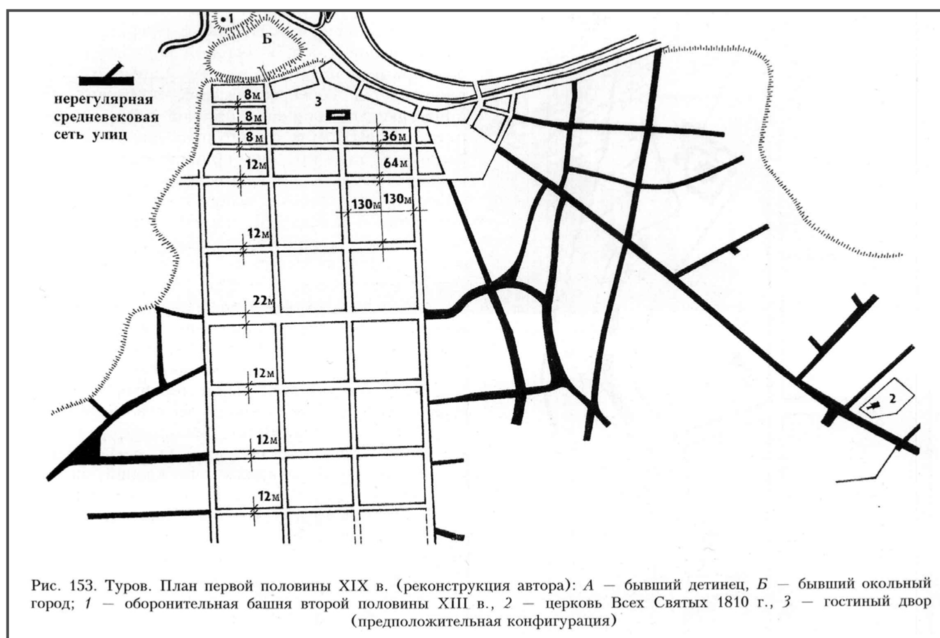
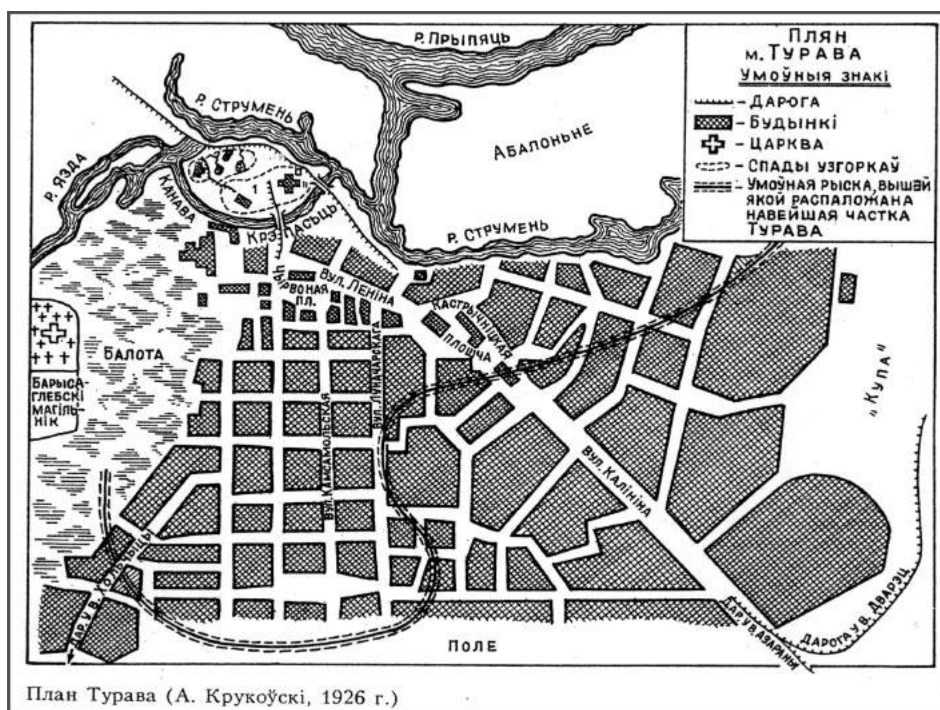

Рис. 153. Туров. План первой половины XIX в. (реконструкция автора): *А* — бывший детинец, *Б* — бывший окольный город; *1* — оборонительная башня второй половины XIII в., *2* — церковь Всех Святых 1810 г., *3* — гостиный двор (предположительная конфигурация)

План Турава (А. Крукоўскі, 1926 г.)

МІНСКАЯ ГУБЕРНЯ

ў пачатку XX стагоддзя

НАСЕЛЕНЫЯ ПУНКТЫ

паводле адміністрацыйнага значэння

Цэнтры губерняў

Цэнтры паветаў

Іншыя населеныя пункты

паводле тыпу паселішча

МІНСК — Гарады

Лагойск — Мястэчкі

Ручаны — Вёскі

ШЛЯХІ ЗНОСІН

Чыгункі

Шашэйныя дарогі

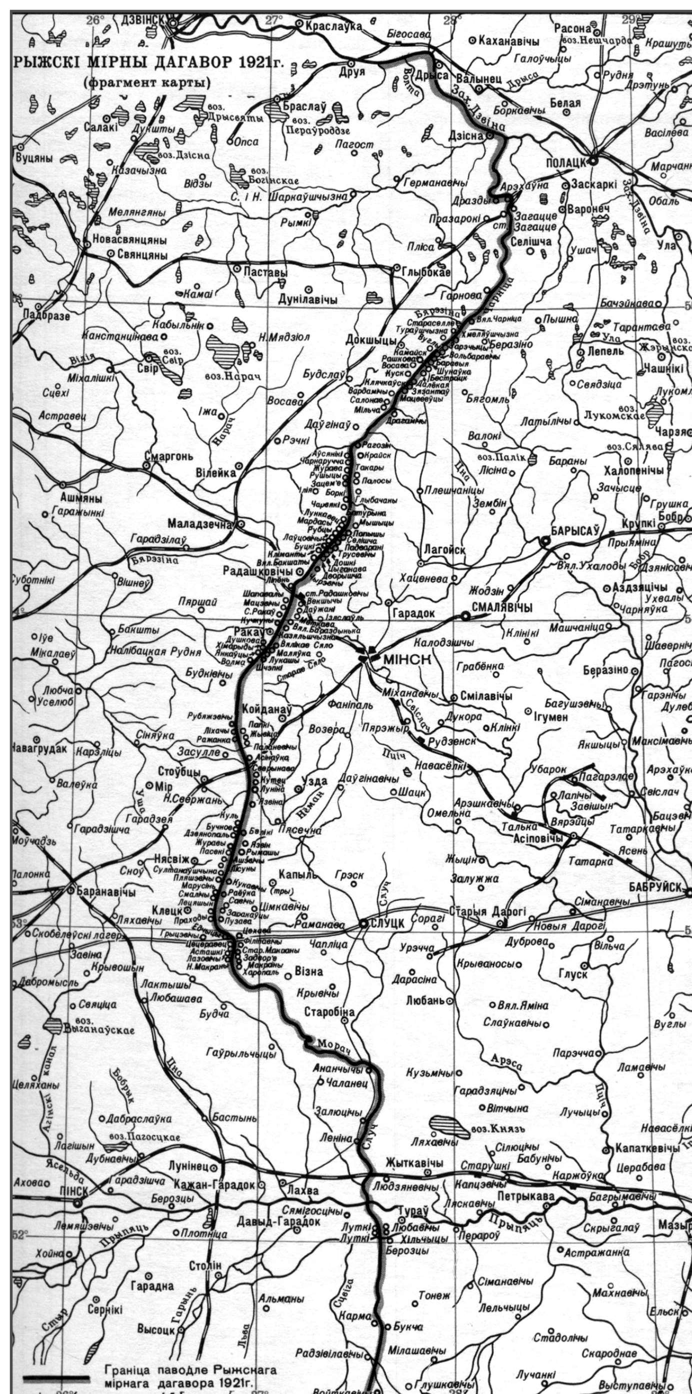
Паштовыя дарогі

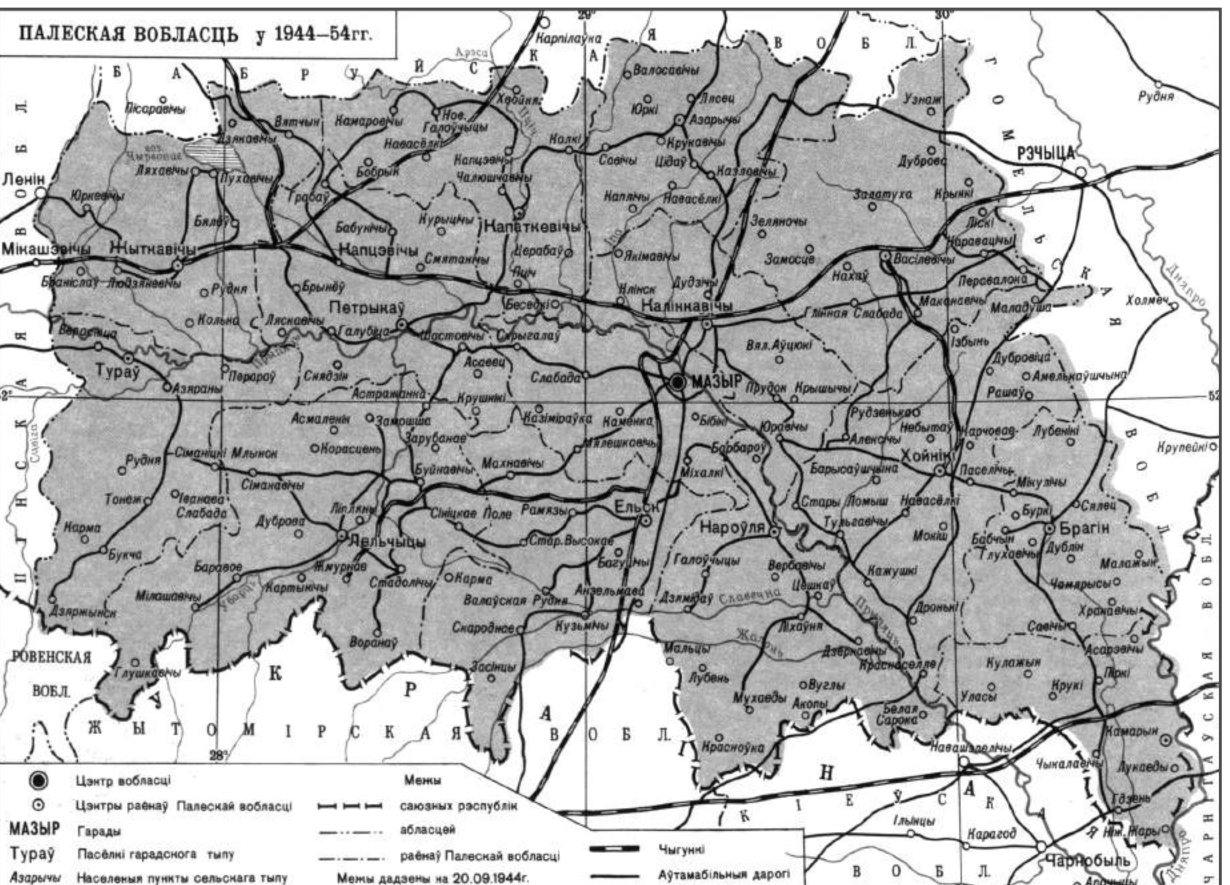
МЕЖЫ

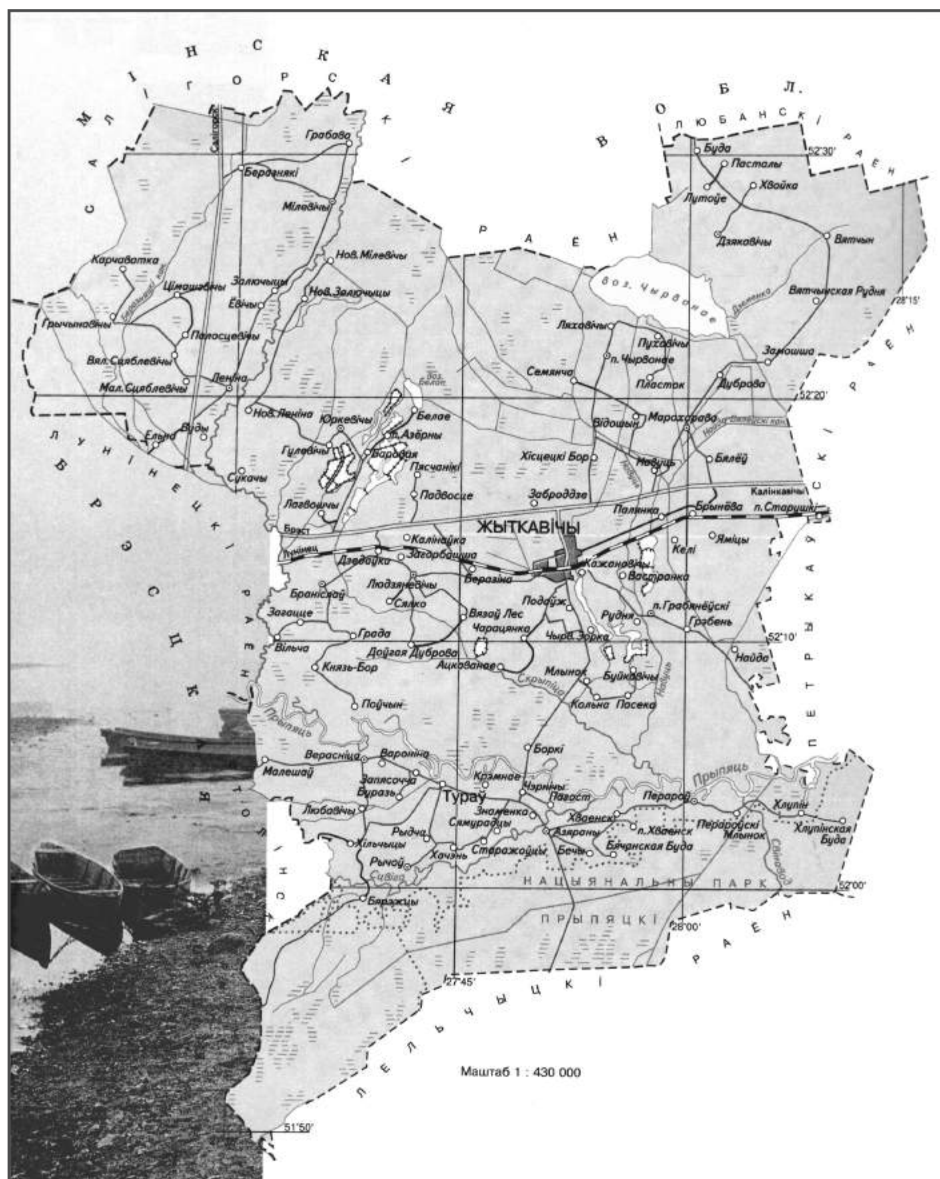
губерняў

паветаў

Сучасныя граніцы дзяржаў

РЫЖСКІ МІРНЫ ДАГАВОР 1921г.
(фрагмент карты)
Граніца паводле Рыжскага мірнага дагавора 1921г.
ДЗВІНСК
Краслаўка
Дрыса
Браслаў
Дзісна
ПОЛАЦК
Глыбокае
Пастаравы
Докшыцы
Лепель
Маладзечна
Вілейка
Смаргонь
Ашмяны
Радашковічы
БАРЫСАЎ
СМАЛЯВІЧЫ
Ракаў
МІНСК
Койданаў
Стоўбцы
Навагрудак
Нясвіж
Баранавічы
Клецк
Узда
Капыль
СЛУЦК
БАБРУЙСК
Старобіна
Любань
Лунінец
ПІНСК
Тураў
Давыд-Гарадок
Петрыкава
Мазыр
Столін
Высоцк
Лельчыцы
Ельск
Войткавічы

ПАЛЕСКАЯ ВОБЛАСЦЬ у 1944–54гг.
Цэнтр вобласці
Цэнтры раёнаў Палескай вобласці
МАЗЫР Гарады
Тураў Пасёлкі гарадского тыпу
Азарычы Населеныя пункты сельскага тыпу
Межы
саюзных рэспублік
абласцей
раёнаў Палескай вобласці
Межы дадзены на 20.09.1944г.
Чыгункі
Аўтамабільныя дарогі
МАЗЫР
Рэчыца
Калінкавічы
Петрыкаў
Капаткевічы
Капцэвічы
Жыткавічы
Мікашэвічы
Ленін
Тураў
Лельчыцы
Ельск
Нароўля
Хойнікі
Брагін
Васілевічы
Чарнобыль
БАБРУЙСКАЯ ВОБЛ.
ГОМЕЛЬСКАЯ ВОБЛ.
ПІНСКАЯ ВОБЛ.
РОВЕНСКАЯ ВОБЛ.
ЖЫТОМІРСКАЯ ВОБЛ.
КІЕЎСКАЯ ВОБЛ.

МІНСКАЯ ВОБЛ.
САЛІГОРСКІ РАЁН
ЛЮБАНСКІ РАЁН
ПЕТРЫКАЎСКІ РАЁН
ЛЕЛЬЧЫЦКІ РАЁН
ЛУНІНЕЦКІ РАЁН
ЖЫТКАВІЧЫ
Тураў
НАЦЫЯНАЛЬНЫ ПАРК
ПРЫПЯЦКІ
воз. Чырвонае
Прыпяць
Грабава
Мілевічы
Нов. Мілевічы
Залючыцы
Нов. Залючыцы
Карчаватка
Ёвічы
Палосцевічы
Вял. Сцяблевічы
Мал. Сцяблевічы
Леніна
Нов. Леніна
Буды
Сукачы
Юркевічы
Белае
п. Азёрны
Гулевічы
Пясчанікі
Падвосце
Брэст
Калінаўка
Людзяневічы
Браніслаў
Загоцце
Града
Вільча
Доўгая Дуброва
Князь-Бор
Пойчын
Верасніца
Вароніна
Малешаў
Любавічы
Хільчыцы
Рычоў
Сямурадцы
Азяраны
п. Хвоенск
Бячанская Буда
Пераров
Млынок
Хлупін
Хлупінская Буда
Пагост
Боркі
Калінкавічы
Брынёва
п. Старушкі
Паланка
Келі
Яміцы
Вастранка
Вязаў Лес
Чарацянка
Рудня
Грабень
Чырв. Зорка
Найда
Кольна
Пасека
Забродзе
Бялёў
Ляхавічы
п. Чырвонае
Семянча
Пласток
Дуброва
Замошша
Вятчын
Хвойка
Пасталы
Буда
52°30'
28°15'
52°20'
52°10'
52°00'
28°00'
27°45'
51°50'
Маштаб 1 : 430 000